N ГОДЪ ПЕРВЫЙ 7

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ

ЇЮЛЬ

1908
СПБ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Лиговка, 44.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 20 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) Принятыя статьи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не ранѣе, какъ **черезъ мѣсяцъ** по ихъ доставленіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія „Энергія", Загородный, 17.

1908.

Изъ семейныхъ воспоминаній объ А. С. Пушкинѣ.

Все, что я лично знаю о жизни великаго русскаго поэта, относится къ 1820—1823 годамъ и пересказано мнѣ моей тетушкой, покойной Екатериной Захарьевной Стамо, родной сестрой моего отца Константина Захарьевича Ралли, который умеръ, когда мнѣ едва минуло 7 лѣтъ, и котораго я очень мало зналъ.

— Твой отецъ, — передавала мнѣ тетушка, — былъ близокъ къ Александру Сергѣевичу, и въ свою бытность въ Кишиневѣ Пушкинъ проводилъ цѣлые дни въ домѣ твоего отца. Тамъ я и познакомилась съ нимъ. Мы съ мужемъ жили въ домѣ генеральши Грабовской, который наняли тотчасъ послѣ свадьбы; въ этомъ же домѣ потомъ, много позже, жилъ и твой отецъ. Домъ Грабовской былъ на спускѣ къ Фонтану, а сзади его, на взгорьѣ стоялъ домъ генерала Инзова, гдѣ жилъ Александръ Сергѣевичъ, такъ что садъ инзовскаго дома приходился смежнымъ съ заднимъ дворомъ нашего дома. Отецъ твой въ молодости былъ чистъ, какъ невинная дѣвушка; онъ много читалъ, и любимыми его писателями были Вольтеръ, Жанъ Жакъ Руссо, Кондильякъ и Байронъ, котораго онъ зналъ наизусть и любилъ декламировать; отецъ твой говорилъ прекрасно по французски и по гречески и всегда очень сожалѣлъ, что не знаетъ по-нѣмецки. Въ домѣ твоего отца никогда не играли въ карты, отецъ этого не выносилъ; за то по вечерамъ гости занимались политикой или музыкой, такъ какъ твой отецъ прекрасно игралъ на мелодіумѣ, и я съ Александромъ Сергѣевичемъ зачастую готовы были слушать его по цѣлымъ часамъ...

— Пушкинъ былъ большой повѣса,—прибавляла послѣ небольшой паузы тетушка,—а я къ тому еще на бѣду считалась въ молодости красавицей. Большого труда мнѣ стоило сдерживать молодого человѣка въ его годы. Я всегда была самыхъ строгихъ правилъ,—такое намъ всѣмъ было дано воспитаніе,—ну, а Александръ Сергѣевичъ имѣлъ взгляды на женщину

довольно-таки легкіе, и потомъ все же, надо принять во вниманіе, что среда наша для него, русскаго, была совершенно чужда. Благодаря, съ одной стороны, моему личному такту, съ другой, благодаря вліянію твоего отца, я сумѣла въ концѣ-концовъ поставить себя съ Александромъ Сергѣевичемъ такъ, что онъ не повторялъ болѣе своей *déclaration*, которую сдѣлалъ разъ мнѣ, замужней женщинѣ. Мы считались пріятелями, и наша дружба длилась даже послѣ отъѣзда его въ Одессу.

Такова въ общихъ чертахъ характеристика отношеній моей семьи къ А. С. Пушкину по словамъ моей тетушки, которая имѣла обыкновеніе въ разговорѣ пересыпать свою рѣчь цѣлыми французскими фразами. Конечно, я передаю здѣсь лишь скелетъ всего слышаннаго мною и за давностью лѣтъ во многомъ перезабытаго.

— Однажды,—разсказывала мнѣ тетушка Катерина Захарьевна,—твой отецъ собрался посѣтить одно изъ отцовскихъ имѣній—Долну. Между этимъ имѣніемъ и другимъ, Юрченами, въ лѣсу находится цыганская деревня. Цыгане этой деревни принадлежали твоему отцу. Вотъ, помню, однажды, Александръ Сергѣевичъ и поѣхалъ вмѣстѣ съ твоимъ отцомъ въ Долну, а оттуда они потомъ проѣхали лѣсомъ въ Юрчены, и, конечно, посѣтили лѣсныхъ цыганъ. Таборъ этотъ имѣлъ старика булибашу (старосту), извѣстнаго своимъ авторитетомъ среди цыганъ; у старика булибаши была красавица дочь. Я прекрасно помню эту дѣвушку, ее звали Земфирой; она была высокаго росту, съ большими черными глазами и вьющимися длинными косами. Одѣвалась Земфира по-мужски, носила цвѣтные шаровары, баранью шапку, вышитую молдавскую рубаху и курила трубку. Была она дѣйствительно настоящая красавица, и богатое ожерелье изъ разныхъ старыхъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ, окружавшее шею этой дикой красавицы, конечно, было даромъ не одного изъ ея поклонниковъ. Александръ Сергѣевичъ до того былъ пораженъ красотой цыганки, что упросилъ твоего отца остаться на нѣсколько дней въ Юрченахъ. Они пробыли тамъ болѣе двухъ недѣль, такъ что отецъ мой даже обезпокоился и послалъ узнать, не приключилось ли чего съ молодыми людьми. И вотъ, къ нашему общему удивленію, пришло изъ Долны извѣстіе, что отецъ твой и Александръ Сергѣевичъ ушли въ цыганскій таборъ, который откочевалъ къ Варзарештамъ. По полученіи такого извѣстія отецъ мой послалъ тотчасъ туда другого нарочнаго съ письмомъ къ брату Константину, и мы ждали съ нетерпѣніемъ отвѣта, который, помню, долгонько таки запоздалъ. Наконецъ, пришло письмо отъ брата къ отцу,—оно было писано по-гречески,—и отецъ, прочитавши его, объявилъ намъ, что ничего особеннаго не случилось, но что Александръ Сергѣевичъ просто-на-просто сходитъ съ ума по цыганкѣ Земфирѣ. Недѣли черезъ двѣ наши молодые люди, наконецъ, вер-

нулись. Братъ разсказалъ намъ, что Александръ Сергѣевичъ бросилъ его и настоящимъ таки образомъ поселился въ шатрѣ булибаши. По цѣлымъ днямъ онъ и Земфира бродили въ сторонѣ отъ табора, и братъ видѣлъ ихъ держащимися за руки и молча сидящими среди поля. Цыганка Земфира не знала по-русски, Александръ Сергѣевичъ не зналъ, конечно, ни слова на томъ цыганско-молдавскомъ нарѣчіи, на которомъ говорила она, такъ что они оба, по всему вѣроятію, объяснялись болѣе пантомимами. Если бы не ревность Александра Сергѣевича, который заподозрилъ Земфиру въ нѣкоторой склонности къ одному молодому цыгану,—говорилъ братъ намъ,—то эта идиллія затянулась бы еще на долгое время, но ревность положила всему самый неожиданный конецъ. Въ одно раннее утро Александръ Сергѣевичъ проснулся въ шатрѣ булибаши одинъ-одинешенекъ, Земфира исчезла изъ табора. Оказалось, что она бѣжала въ Варзарешты, куда помчался за нею и Пушкинъ; однако, ее тамъ не оказалось, благодаря, конечно, цыганамъ, которые предупредили его. Такъ-то окончилась эта шалость Пушкина.

— Потомъ, когда Александръ Сергѣевичъ уѣхалъ отъ насъ,—передавала мнѣ послѣ небольшой паузы тетушка,—онъ прислалъ мнѣ своихъ „Цыганъ"— прекрасно написанную поэму, и мы всѣ много смѣялись надъ пылкой фантазіей поэта, создавшаго изъ нашей Земфиры свою свободолюбивую героиню; что же касается неисправимаго эгоиста Алеко, то, по моему, онъ былъ не правъ; такому эгоисту вовсе не слѣдовало идти въ цыганскій таборъ нашихъ бѣдныхъ юрченскихъ дикарей. Съ Александромъ Сергѣевичемъ я не говорила объ этой его *amourette*, да и онъ по пріѣздѣ изъ деревни не промолвился ни однимъ словомъ про всю свою эскападъ съ цыганкой Земфирой. Отецъ твой писалъ Пушкину въ Одессу про дальнѣйшую судьбу его героини; дѣло въ томъ, что Земфиру зарѣзалъ ея возлюбленный цыганъ, и бѣдная его героиня дѣйствительно трагически покончила свою короткую жизнь.

На мои разспросы о политическомъ образѣ мыслей Пушкина, то тетушка всегда отвѣчала мнѣ на эти мои вопросы французской фразой: „Oh, il était tout-a-fait rouge!" Когда затѣвался какой-либо вопросъ политическаго характера, Александра Сергѣевича просили говорить по-французски. „Pour que les domestiques ne comprennent pas",—прибавляла Катерина Захарьевна, такъ какъ въ нашемъ домѣ была привычка говорить про всѣ эти вещи по-гречески, но при Пушкинѣ, который погречески не зналъ, всѣ изъ вѣжливости говорили по-французски".

— Александръ Сергѣевичъ былъ человѣкъ, скомпрометированный политически; онъ самъ любилъ всегда, говоря о себѣ, цитировать слѣдующую фразу какого-то французскаго поэта, которая a la longue была извѣстна

всѣмъ въ нашемъ обществѣ и всегда повторялась, лишь только зайдетъ рѣчь о Пушкинѣ. Вотъ это двустишіе, запиши его:

Il m'a dit: choisis d'être appersseur au victime.
J'embrassai le malheur et lui laissai le crime!

— Тогда это двухстишіе у насъ долго повторялось всѣми. Неблагонамѣренность Пушкина и его дружба съ твоимъ отцомъ,—говорила мнѣ тетушка,—была причиной тому, что твой отецъ былъ не на хорошемъ счету у правительства, и поэтому по службѣ онъ не пошелъ далеко; при губернаторѣ Федоровѣ о немъ даже былъ запросъ офиціальный, въ которомъ указывалось на вредный образъ мыслей бывшаго друга Пушкина [1]. Вслѣдствіе всего этого отецъ твой и уѣхалъ потомъ за границу, гдѣ прожилъ много лѣтъ.

Таковы вкратцѣ всѣ тѣ отрывки воспоминаній, которыя сохранились въ моей памяти изъ разсказовъ моей тетушки о великомъ русскомъ поэтѣ.

Замфиръ Ралли-Арборе.

Въ воспоминаніяхъ З. К. Ралли о М. А. Бакунинѣ, которыя будутъ напечатаны въ ближайшихъ книжкахъ нашего журнала, мы встрѣтили упоминаніе о томъ, что Бакунинъ интересовался разсказами З. К. изъ семейной хроники Ралли. Одна изъ двоюродныхъ сестеръ М. А. Бакунина, Анна Павловна Полторацкая, вышла замужъ за дядю З. К.—Ивана Ралли и съ мужемъ уѣхала въ Кишиневъ, гдѣ въ это время жило все семейство Ралли. Въ двадцатыхъ годахъ жилъ въ этомъ городѣ и А. С. Пушкинъ. Вотъ разсказы о Пушкинѣ, сохранившіеся въ семьѣ Ралли, и интересовали въ высшей степени Бакунина. „Пушкинъ—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о М. А. Бакунинѣ З. К. Ралли—былъ очень друженъ съ моимъ отцомъ, Константиномъ Ралли, и много хлопотъ надѣлалъ моей тетушкѣ, Екатеринѣ Стамо, въ которую вздумалъ влюбиться. Тетушка Екатерина Захарьевна была однако женщиной строгихъ нравовъ и до конца жизни своей не согласилась отдать мнѣ сохранившіяся у ней два письма поэта, въ которыхъ Пушкинъ lui a fait sa déclaration. Моя старая тетушка до своей смерти такъ и не читала иныхъ книгъ, кромѣ старыхъ французскихъ романовъ, рекомендованныхъ ей для прочтенія еще Пушкинымъ. Разсказы мои, даже анекдотическаго характера про Пушкина, сохранившіеся въ семьѣ нашей, утѣшали и Бакунина и Зайцева въ отшельнической жизни

[1] Пав. Ив. Ѳедоровъ (1791—1855) былъ въ 1834 году назначенъ Бессарабскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а въ 1836 году военнымъ. На этой должности онъ оставался до 1854 года. *Ред.*

въ Локарно". Полагая, что разсказы эти могутъ представлять интересъ и имѣть цѣнность для біографіи поэта, мы обратились къ З. К. Ралли съ просьбой сообщить все, что удержала его память изъ разсказовъ его тетки Е. З. Стамо. З. К. любезно отозвался на нашу просьбу и прислалъ свои семейныя воспоминанія о Пушкинѣ. Не противорѣча достовѣрно извѣстному намъ изъ кишиневской жизни поэта, эти записки сообщаютъ нѣсколько новыхъ подробностей о Пушкинѣ и, между прочимъ, новую версію вопроса о происхожденіи „Цыганъ". Новая версія выгодно отличается отъ другихъ извѣстныхъ намъ, весьма удаленныхъ отъ дѣйствительности и дающихъ просторъ для фантазіи автора. Вотъ фактъ, имѣвшій мѣсто: „однажды Пушкинъ исчезъ и пропадалъ нѣсколько дней. Дни эти онъ прокочевалъ съ цыганскимъ таборомъ, и это породило впослѣдствіи поэму „Цыганы" (Воспоминанія брата Пушкина, Льва Сергѣевича). А въ эпилогѣ къ „Цыганамъ" читаемъ

„За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ часто я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ,
И засыпалъ предъ ихъ огнями;
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсенъ радостные гулы,
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ".

Изъ всѣхъ извѣстныхъ разсказовъ о томъ, какъ Пушкинъ бродилъ среди цыганъ, только отъ разсказа Е. З. Стамо вѣетъ жизненной правдой [1]). Объ авторѣ разсказа Екатеринѣ Захарьевнѣ Стамо сохранились упоминанія и въ пушкинской литературѣ. Если она до самой смерти упоминала о поэтѣ, то и Пушкинъ, много лѣтъ спустя послѣ своего отъѣзда изъ Кишинева, вспоминалъ о ней, какъ о женщинѣ, „близкой его воспоминанію". Именно такой эпитетъ находимъ въ письмѣ Пушкина къ своему кишиневскому пріятелю Н. С. Алексѣеву отъ 26 декабря 1830 года. Въ этомъ письмѣ Пушкинъ настоятельно проситъ Алексѣева сообщить ему о кишиневскихъ событіяхъ и лицахъ и въ томъ числѣ о Стамо. 14 января 1831 года Алексѣевъ отвѣчалъ поэту, что „мадамъ Стамо овдовѣла и, наконецъ, свободна отъ мужа". Память о Е. З. Стамо сохранилась и въ слѣдующихъ современныхъ кишиневскихъ куплетахъ, которые приписывались Пушкину:

Музыка Варѳоломея
Становись скорѣй въ кружокъ,
Инструменты строй живѣе,
И играй на славу джокъ.

---

[1]) Разсказъ Францевой непозволительно фантастиченъ; версіи, приводимыя Л. Мацѣевичемъ, тоже не внушаютъ довѣрія.

Наблюдая нѣжны связи,
Съ дамой всякъ ступай любой,
Въ первой парѣ Катакази
Съ скромной Стамовой женой [1]).

Любопытныя свѣдѣнія о семействѣ Ралли сообщилъ Липранди. „Изъ другихъ семейныхъ домовъ Пушкинъ довольно часто посѣщалъ семейство Ралли. У Ралли, или Земфираки (прозвище, произведенное отъ Земфиръ), кромѣ трехъ сыновей (изъ коихъ въ особенности одинъ былъ очень порядочный молодой человѣкъ), было двѣ дочери: одна Екатерина Захарьевна, лѣтъ 22, была замужемъ за кол. сов. Апостоломъ Константиновичемъ Стамо, имѣвшимъ болѣе 50 лѣтъ. Пушкинъ прозвалъ его „bélier conducteur“, и дѣйствительно физіономія у него какъ-то схожа была съ бараньей, но онъ былъ человѣкъ очень образованный, всегда щеголевато одѣтый. Жена его очень малаго роста съ чрезвычайно выразительнымъ смуглымъ лицомъ, прекрасными большими глазами, очень умная и начитанная и рѣзко отличалась отъ всѣхъ своими правилами; была очень любезна, говорлива и преимущественно проповѣдывала нравственность. Сестра ея Марья (Маріола) была дѣвушка лѣтъ 18, пріятельница Пульхерицы (Варѳоломей), но гораздо красивѣе и лицомъ, и ростомъ, и формами, и къ тому 2 или 3 годами моложе. Пушкинъ въ особенности любилъ танцовать съ ней. У Ралли танцовали очень рѣдко, но тамъ были чаще музыкальные вечера“

Скажемъ кстати, что самъ авторъ настоящей статьи З. К. Ралли принималъ дѣятельное участіе въ революціонномъ движеніи 70-хъ годовъ, состоя, между прочимъ, членомъ редакцій, издававшихся за границей русскихъ газетъ „Работникъ“ (1875—76 г.г.) и „Община“ (1878—1879 г.г.).

Ред.

[1]) Другой варіантъ Скиновой; основанія, приводимыя Липранди въ пользу этого чтенія, незначительны. Если Скино отличалась скромностью, то и скромность Е. З. Стамо тоже засвидѣтельствована.

Владивостокъ въ 1905 году.

(*Окончаніе* [1]).

VIII.

„Погода“ во Владивостокѣ вдругъ рѣзко измѣнилась. Въ половинѣ декабря прошелъ слухъ, что наверху очень недовольны генераломъ Казбекомъ за „бездѣйствіе власти“, и онъ оставляетъ свой постъ.

Вскорѣ это стало фактомъ.

А между тѣмъ историческая правда всецѣло на его сторонѣ. Конечно, прибѣгни онъ 30-го октября сразу къ пулеметамъ, ему удалось бы легко въ тотъ день разогнать безоружную толпу, какъ разогналъ ее впослѣдствіи, 10 января, Селивановъ. Но зато всякому ясно, что солдатская расправа, послѣдовавшая 11-го января (когда были разстрѣляны два коменданта—крѣпости и города) была лишь слабымъ намекомъ на ту бойню, которая неминуемо произошла бы двумя мѣсяцами раньше, когда гарнизонъ наполовину состоялъ изъ запасныхъ, доведенныхъ до отчаянія, готовыхъ на все...

Около 20 декабря прибылъ новый комендантъ ген. Селивановъ. „Стальной человѣкъ“, не имѣющій въ обиходѣ слова „компромиссъ“, не способный понять, что означаетъ „нѣтъ“, когда онъ сказалъ „да“.

По пріѣздѣ Селиванова въ Владивостокъ, къ нему явился съ визитомъ его старый, хорошій знакомый, докторъ Акацатовъ. Заговорили о мѣстномъ революціонномъ движеніи.

— Мнѣ даны инструкціи,—хлопнулъ онъ рукой по папкѣ, — и я отъ нихъ не отступлю.

Акацатовъ указалъ ему на крайнюю возбужденность солдатъ.

— Я знаю, что придется здѣсь голову сложить. Что-жъ, жертвы неминуемы! Безъ жертвъ такія событія нигдѣ не обходятся!

---

[1]) См. Минувшіе Годы. Май—Іюнь.

Интересно бы знать, гдѣ эти кремнеподобные люди находились во время войны, въ моменты нашихъ безчисленныхъ отступленій? Почему имъ не поручали Портъ-Артуровъ, защиты переправы при Ляоянѣ и т. п. пунктовъ, требовавшихъ беззавѣтной стойкости? Полтора года, пока тянулась война, они скромно пребывали въ неизвѣстности. Наши „отечественные герои“ начала XX вѣка всплыли наверхъ только послѣ Портъ-Смута.

Нашъ генералъ-лейтенантъ сразу повелъ другую линію. 22 декабря къ нему явился „Исполнительный Комитетъ нижнихъ чиновъ“ съ просьбой объяснить, что сдѣлано по поводу постановленій, выработанныхъ на собраніяхъ 7-го, 9-го и 12 декабря, и по другимъ заявленнымъ солдатами нуждамъ. Но Селивановъ даже не принялъ ихъ, выславши адъютанта сказать, что „онъ не признаетъ никакихъ выборныхъ“.

„Исполнительный Комитетъ“ оповѣстилъ объ этомъ своихъ избирателей особой прокламаціей, въ которой нижнимъ чинамъ предлагалось, въ виду воспослѣдовавшаго отъ новаго коменданта запрещенія устраивать собранія выборныхъ, увѣдомить Комитетъ письменно: какъ быть дальше? что дѣлать?

На другой день по выходѣ прокламаціи по указанному въ ней адресу рано утромъ является генералъ Селивановъ и, обращаясь къ предсѣдателю Комитета Шперу, приказываетъ:

— Одѣвайся и ступай за мною!

На столѣ и окнахъ лежали кучи прокламацій.

— Собери все это въ мѣшокъ и неси за мной! — приказалъ онъ другому солдату.

Въ одну минуту комната наполнилась солдатами, подскакивавшими съ постелей, въ одномъ бѣльѣ.

— Такъ что, Ваше Пр-во, мы нашего предсѣдателя отпустить не согласны. Арестуйте тогда всѣхъ насъ!

Выдать прокламаціи Комитетъ тоже отказался.

— Онѣ не наши! За нихъ общественныя деньги уплачены. Если угодно полюбопытствовать, извольте по парочкѣ экземпляровъ.

Такъ попытка покорить солдатъ потерпѣла на этотъ разъ фіаско.

Но во всякомъ случаѣ генералъ Селивановъ однимъ взмахомъ пера разрубилъ сложный узелъ недоразумѣній, возникшихъ на почвѣ противорѣчій воинскаго устава и манифеста 17 октября.

Конечно, народъ забурлилъ.

— Кому Государь далъ права, которыя значатся въ манифестѣ? Всѣмъ подданнымъ... Справедливо я говорю? Вотъ оно и смекайте, что оно выходитъ! Потому, ежели бы не такъ, обязательно прописано было бы „окромя солдатъ“—значитъ...

— Это какъ есть справедливо,—соглашаются слушатели.

— Теперича опять же взять: развѣ Казбекъ безъ понятія былъ. Стало быть, онъ поступалъ правильно, по манифесту, когда дозволилъ намъ собираться и обсудить все, чтобы безъ бунту, мирно доложить главнокомандующему.

— Справедливо. И выходитъ теперь, что идемъ противъ Государя не мы, а Селивановъ. Онъ и есть первый бунтовщикъ.

— „Манифест"-антъ тоже выискался!—острить кто-то.

— Нѣтъ, братъ, шалишь законы-то писать!.. Чиномъ не вышелъ!

Исправлять „маленькія неточности" въ деталяхъ подобныхъ разсужденій мы не считали нужнымъ.

23-го декабря собраніе гражданъ, созванное инженеромъ В. Петровскимъ, въ числѣ 86 человѣкъ, разсмотрѣвши дѣйствія Селиванова, признало ихъ угрожающими общественной безопасности и постановило требовать отъ вздремнувшаго въ это время „Исполнит. бюро Союза Союзовъ", чтобы оно созвало общегражданскій митингъ въ ближайшіе дни.

Митингъ состоялся 26 декабря подъ открытымъ небомъ, на Мальцевской площади. „Гражданъ", по обыкновенію, пришло только нѣсколько десятковъ. Солдатъ же и матросовъ собралось нѣсколько тысячъ. Посреди площади, у фонарнаго столба, установили бочку, служившую намъ трибуной. Селивановъ и военный губернаторъ генералъ Флугъ находились тутъ же рядомъ, наблюдая съ дороги наше вѣче. „Лихіе верхнеудинцы" въ усиленномъ составѣ кружились вокругъ насъ, не смѣя тронуть кого бы то ни было. Даже пѣсни ихъ умолкли, когда они вступали на площадь. Мы, понятно, цѣнили ихъ джентльменство и съ нашей стороны никто не позволялъ себѣ какой бы то ни было враждебной выходки по ихъ адресу. Словомъ, каждый дѣлалъ свое дѣло: ораторы гремѣли съ бочки, разоблачая и разнося селивановскую политику; публика внимала; начальственное око не дремало; казаки гарцовали... все шло какъ по маслу.

Генералу Флугу захотѣлось что-то сказать намъ. Онъ подошелъ къ толпѣ. Ему закричали:

— Генералъ, на бочку! Иначе не слыхать и не видать! Васъ подсадятъ!.. пожалуйте!..

Флугъ на бочку лѣзть не пожелалъ и уѣхалъ.

Митингъ прошелъ въ образцовомъ порядкѣ, хотя городъ былъ въ смертельномъ страхѣ: всѣ были убѣждены, что разъ толпа соберется на открытомъ воздухѣ,—погромъ неминуемъ. Правда, была попытка произвести безпорядки. Ее произвелъ командиръ одного изъ полковъ, начавшій, было, гнать „своихъ" людей въ казарму. Но на него такъ цыкнули, что онъ быстро ретировался. Между прочимъ, Ремезову удалось здѣсь заинтересовать

публику сообщеніемъ о порядкахъ въ мѣстной городской управѣ, куда люди идутъ на службу только потому, что тамъ „жаренымъ гусемъ“ сильно пахнетъ. Было постановлено: 1) игнорируя распоряженія ген. Селиванова, созвать на 2 января „собраніе выборныхъ нижнихъ чиновъ“, 2) для детальнаго разсмотрѣнія вопроса о мѣстномъ городскомъ самоуправленіи назначить общегражданскій митингъ на 6 января. Власти увидѣли, что одними запрещеніями ничего не добьешься. „Слова“ не дѣйствовали. Нужны были другія мѣры. Практика жизни издавна выработала для такихъ случаевъ одинъ шаблонъ: обострить недовольство, провоцировать столкновеніе, разбить превосходными силами и дезорганизовать противника. Схема эта рѣдко измѣняла. По ней и пошли. 4-го января былъ арестованъ старшій врачъ уссурійской жел. дороги докторъ Ланковскій.

Я ни слова до сихъ поръ не сказалъ о движеніи на уссурійской жел. дорогѣ. Движеніе это было обширно, изобиловало массой интересныхъ эпизодовъ и, должно надѣяться, найдетъ еще своего историка. Для пониманія дальнѣйшаго я разскажу о немъ только существенное, на основаніи имѣющихся у меня документовъ. Присоединившись послѣ 17 октября къ общероссійскому желѣзнодорожному союзу, служащіе и рабочіе усссурійской ж. дороги, вслѣдствіи частной забастовки на восточной китайской дорогѣ, оказались вынужденными также прекратить пассажирское и товарное движеніе (28 ноября). Для согласованности дѣйствій служащихъ, послѣдними былъ избранъ временный комитетъ. Перевозка войскъ при этомъ не только не прекращалась, но даже была усилена. Забастовка длилась всего два дня. 30 ноября, вслѣдствіе неполученія отвѣта отъ „Центральнаго Петербургскаго комитета желѣзнод. союза“ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, частичная забастовка прекратилась, и возобновилась обычная служба на дорогѣ. Но въ это время (въ ночь на 30 ноября) съ двухъ сторонъ дороги, а именно отъ ст. Хабаровскъ — начальникъ военныхъ сообщеній полк. Ельшинъ и отъ ст. Владивостокъ — начальникъ дороги полк. Кремеръ, составивъ экстренные поѣзда и захвативши съ собою казаковъ, саперовъ и нижнихъ чиновъ телеграфной роты, отправились на линію. Они произвели полный погромъ дороги, удаливъ телеграфистовъ, начальниковъ станцій, нач. депо и замѣнивъ ихъ нижними чинами, почти незнакомыми со службой.

Такимъ образомъ движеніе на дорогѣ опять было прекращено, на этотъ разъ насильственными мѣрами военныхъ властей. Для чего же, спрашивается, все это было продѣлано? Кое-кто изъ завоевателей и не находилъ нужнымъ скрывать своихъ намѣреній, открыто заявляя, что желательно вызвать безпорядки среди служащихъ, дабы усмирить ихъ силой оружія.

На общей сходкѣ желѣзнодорожниковъ 2-го декабря во Владивостокѣ

было постановлено требовать удаленія съ дороги Кремера и Ельшина и отдачи перваго подъ судъ.

Требованія эти остались неудовлетворенными, что повлекло за собою непрерывныя, длившіяся весь мѣсяцъ волненія, выражавшіяся въ сходкахъ, посылкѣ по телеграфу во всѣ инстанціи резолюцій, которыя въ свою очередь оставлялись безъ отвѣта... словомъ, обычная канитель.

Какъ я уже упоминалъ, д-ръ Ланковскій по приказанію главнокомандующаго былъ арестованъ комендантомъ. Противъ него было возбуждено обвиненіе: 1) въ превышеніи власти, 2) въ оскорбленіи начальника и 3) въ клеветѣ на него же.

Союзъ служащихъ дороги реагировалъ на этотъ актъ полной негодованія телеграммой на имя ген. Линевича. Онъ требовалъ немедленнаго освобожденія арестованнаго. Срокъ для отвѣта указанъ былъ 8-го января „послѣ чего, говорилось въ телеграммѣ, отвѣтственность за послѣдствія насилія падетъ цѣликомъ на его виновниковъ, а не служащихъ дороги, доведенныхъ до крайности царящимъ на ней безграничнымъ произволомъ и издѣвательствами".

Сдѣлавши это необходимое отступленіе, возвратимся къ изложенію событій.

6-го января собрался въ циркѣ многолюдный митингъ для разсмотрѣнія вопроса о мѣстномъ городскомъ самоуправленіи. Горожане противъ обыкновенія составляли большую часть присутствовавшей публики. Очевидно, пикантная тема „о жареныхъ гусяхъ", на которую ожидался рядъ докладовъ, заинтересовали обывателя. Но вотъ засѣданіе открылось и... общее разочарованіе. Не только докладчиковъ, но даже ораторовъ по этому вопросу не оказалось.

Дѣло въ томъ, что стоявшіе во главѣ движенія, какъ люди пріѣзжіе, были совершенно незнакомы съ городскими дѣлами и, назначая митингъ, надѣялись развязать языки старожиламъ. Аборигены же, въ свою очередь, готовые съ полнымъ удовольствіемъ послушать, какъ станутъ раздѣлывать на всѣ корки Циммермана и К°, увѣрены были, что разъ „союзы" созываютъ публику, то они уже, сдѣлай милость, постараются „залить сала за шкуру" кому слѣдуетъ. Обыватель нашъ слишкомъ трезвъ для того, чтобы ни съ того ни съ сего, во имя какихъ-то тамъ принциповъ не ввязываться въ дрязги съ воротилами, съ которыми пока что приходится „вести коммерцію".

Вотъ когда я отъ души пожалѣлъ, что между нами нѣтъ г. Оржиха. Этотъ человѣкъ съ гипертрофированной общественной жилкой, къ тому же долго въ качествѣ газетнаго сотрудника слѣдившій за городскими дѣлами, досконально зналъ всю подноготную думскихъ воротилъ. Будь тогда онъ во

Владивостокѣ, управцамъ, конечно, пришлось бы распроститься со своими насиженными, тепленькими мѣстечками.

Вмѣсто этого митингу пришлось ограничиться только слѣдующей резолюціей:

„Предложить Городскому Управленію: a) опубликовать отчеты о приходѣ и расходѣ городскихъ суммъ за 1902, 1903, 1904 и 1905 годы (!!) b) опубликовать отчетъ о расходѣ 1,500,000 руб., отпущенныхъ городу въ ссуду на продовольствіе во время осады, c) удешевить цѣны на продукты первой необходимости изданіемъ соотвѣтствующей таксы, d) разсматривать всѣ городскія дѣла въ публичныхъ засѣданіяхъ думы и управы, оповѣщая населеніе о времени каждаго черезъ мѣстныя газеты".

„Родивши мышь" по одному вопросу, собраніе перешло къ другому: заговорили о томъ, что всѣхъ глубоко волновало—объ арестѣ д-ра Ланковскаго. Послѣ нѣсколькихъ краткихъ рѣчей была принята и отправлена съ депутаціей коменданту слѣдующая резолюція, предложенная мною:

„Митингъ граждан г. Владивостока... постановилъ: потребовать у г. коменданта крѣпости немедленнаго освобожденія д-ра Ланковскаго изъ-подъ ареста... Арестъ Ланковскаго безъ суда и слѣдствія является вопіющимъ актомъ произвола, нарушеніемъ личной неприкосновенности, признанной манифестомъ 17-го октября, которое не можетъ быть терпимо ни въ какомъ случаѣ".

Депутаты (22) ушли. Митингъ занялся формулировкой условій, на которыхъ возможно возобновить работы въ мѣстной почт.-телегр. конторѣ.

Ровно черезъ столько минутъ, сколько понадобилось, чтобы пройти къ штабу и обратно, наша депутація возвратилась и предводительствовавшій ею студентъ П. „насмѣшилъ" публику „комическими" подробностями о томъ, какъ ихъ подъ предлогомъ многолюдства не пустили къ Селиванову.

Безспорно, что для врученія резолюціи за глаза было бы достаточно двухъ-трехъ человѣкъ. Командированный же нами отрядъ въ 22 человѣка былъ бы болѣе цѣлесообразенъ, если бы рѣшили, напр., захватить ген. Селиванова въ плѣнъ со всѣмъ его штабомъ. Однако, такъ же безспорно и то, что многолюдство депутаціи не давало права какому-то адъютанту, насмѣшливо свиснувъ въ лицо депутатамъ, захлопнуть двери, какъ говорится, „передъ самымъ носомъ".

Да, митингъ посмѣялся!.. Однако, безцеремонность штабныхъ и третированіе ими нашихъ представителей уже тогда настолько ущипнуло собраніе, что многіе изъ насъ гововы были немедленно „итти"... впрочемъ, не давая себѣ отчета, куда и зачѣмъ (говорю такъ потому, что самъ былъ въ ихъ числѣ).

Съ большими усиліями удалось нашимъ „благоразумнымъ политикамъ"

урезонить собраніе отложить рѣшеніе этого вопроса до 10 января,—день, когда имѣлъ собраться созванный по этому же поводу солдатскій митингъ.

Общественная температура повысилась на нѣсколько градусовъ.

Словомъ, все, какъ по маслу, шло по „схемѣ". Одинъ недостатокъ—медленно. Вотъ и сейчасъ—снесли оплеуху: отложили на 10-е. А тамъ, пожалуй, отложатъ еще. Гарнизонъ съ каждымъ днемъ революціонизируется. Надо подлить масла въ огонь.

На другой день былъ арестованъ г. Шперъ (Предсѣдатель Исполнит. Комит. нижнихъ чиновъ), котораго ген. Селиванову удалось таки подъ какимъ-то предлогомъ заманить въ штабъ [1]).

Годовщина „кроваваго восресенья" отмѣчена была у насъ двумя митингами: въ актовой залѣ восточнаго института и въ порту. Верхнеудинцы были мобилизованы около этихъ пунктовъ. Вѣроятно, поэтому предполагавшееся демонстративное шествіе по улицамъ было отмѣнено. Съ обоихъ митинговъ публика двинулась въ музей, гдѣ шло совѣщаніе желѣзнодорожниковъ. Въ виду огромнаго скопленія народа митингъ былъ перенесенъ въ полисадникъ. Рѣчи говорились съ крыльца. Съ затаеннымъ дыханіемъ и напряженнымъ вниманіемъ слушаетъ толпа инженера Піотровича. Выношенное, твердое убѣжденіе, глубокое, выстраданное чувство слышатся въ его простой, лишенной тѣни аффектаціи, производящей неотразимое впечатлѣніе, рѣчи.

Срокъ, поставленный Линевичу для отвѣта, истекъ, конечно, безрезультатно. Отвѣта нѣтъ. Ланковскій сидитъ. Что дѣлать?

— Братцы!..—закричали вдругъ съ тротуара двое запыхавшихся матросовъ,—на насъ нападеніе!.. Идетъ отрядъ обезоружить экипажъ!.. Селивановъ послалъ!.. хотятъ отобрать у насъ винтовки!.. насъ послали созвать всѣхъ!..

— Домой!.. Живо!..

— Всѣ въ казарму!.. Маршъ!..

Какъ сорвавшіеся съ цѣпи, бросились матросы прочь. Прыгая черезъ заборъ... (калитка узенькая)... бѣгомъ по улицѣ... перехватывая по пути извозчиковъ, помчались они къ порту.

Положеніе вдругъ обострилось. Наступилъ кризисъ. Въ воздухѣ явственно запахло кровью. Матросы отстояли себя. Оружіе не было выдано. Ночью былъ разграбленъ оружейный цейхгаузъ. Населеніе матросской слободки оказалось вооруженнымъ ружьями и револьверами.

Назавтра митингъ. Со стороны коменданта ждутъ нападенія. Солдаты

---

[1]) Въ этотъ же день ген. Селивановъ, вызвавъ въ штабъ д-ра Попова и меня, объявилъ намъ, что отдалъ насъ подъ судъ за составленіе и распространеніе брошюры „Памяти Декабристовъ".

рѣшили защищаться. Митингъ будетъ „вооруженный". Споръ рѣшится кровью.

IX.

Въ 1 час. дня я отправился къ цирку. Свѣтланка имѣла обычный видъ дѣловой суеты. Въ мѣстности, прилегающей къ цирку, были приготовленія. Около штаба стояло 4 пулемета. Улицы, пересѣкающія Морскую [1]) со стороны Эгершельда, были заперты казачьими патрулями. Около гауптвахты и по Корейской стояли пулеметы.

Морская улица, ведущая къ цирку, была крайне оживлена. Народъ кучами толпился на перекресткахъ, двигался вверхъ къ цирку. Передъ послѣднимъ собралась огромная толпа. Выстроившись въ двѣ шеренги съ ружьями въ рукахъ, стоитъ рота желѣзнодорожнаго баталіона. Люди, какъ на подборъ, интеллигентные, смѣлые...

Зданіе цирка наполняется медленно. Раздаютъ печатныя воззванія Гоголева «объ объединеніи».

По открытіи митинга объявляютъ о цѣли созыва его: обсудить, что предпринять для освобожденія арестованныхъ гг. Ланковскаго и Шпера.

Сильное впечатлѣніе производитъ прочувствованная рѣчь свящ. Введенскаго о необходимости тѣсной солидарности въ общемъ дѣлѣ. Нашъ девизъ: «одинъ за всѣхъ — всѣ за одного» [2]). Первая часть исполнилась. Единицы пострадали. Насталъ моментъ выполнить вторую половину. Нашъ долгъ всѣмъ постоять за пострадавшихъ товарищей.

Изъ дальнѣйшаго обмѣна мнѣніями выяснилось, что собраніе склоняется къ мысли итти мирнымъ путемъ. Хотя ген. Селивановъ рядомъ своихъ дѣйствій и особенно третированіемъ делегатовъ прошлаго митинга явно показалъ, что онъ ставитъ ни во что голосъ общества, но, въ виду серьезности момента и для избѣжанія кровопролитія, рѣшено употребить всѣ усилія уладить конфликтъ мирнымъ путемъ.

Кто-то предлагаетъ испытанное оттяжное средство.

— Послать телеграмму Линевичу!..

— Послать!.. послать!..—поддерживаютъ голоса.

— Какой толкъ въ телеграммѣ? Желѣзнодорожники развѣ не посылали? Чего дождались? То же и вы получите. «Они» считаются только съ силой. Только силу уважаютъ. Наша сила въ солидарности. Забастуемъ всѣмъ гарнизономъ!

— Забастовка!.. Къ чему она приведетъ? Это средство медленное,—

[1]) Посьетская и Корейская.

[2]) Подъ этимъ девизомъ издавались всѣ воззванія Исполнительнаго Комитета къ нижнимъ чинамъ.

это разъ. А затѣмъ и не дѣйствительное. Вы забастуете, т.-е. сложите ручки... «Имъ» только того и надо. Сидите себѣ на здоровье, а они въ это время станутъ забирать одного за другимъ. А тѣмъ временемъ подвезутъ сколько имъ нужно изъ Манчжуріи. Нѣтъ, товарищи, такъ не годится. Надо требовать сейчасъ немедленнаго освобожденія, настаивать!..

— Требовать... Да отъ кого потребуешь, если комендантъ вовсе не желаетъ разговаривать съ нашей депутаціей?..

— Послать депутатовъ къ губернатору! Флугъ человѣкъ съ головой! Просить его съѣздить, урезонить этого упрямаго!..

За это предложеніе, сдѣланное инженеромъ Петровскимъ, хватаются, какъ за послѣднюю надежду.

Делегаты ушли.

Легко одѣтый, я сильно промерзъ и поѣхалъ домой переодѣться. Проѣзжая по Алеутской, я увидѣлъ, какъ въ образцовомъ порядкѣ съ музыкой во главѣ, стройно, прямо на пулеметы, двигались къ цирку вооруженные винтовками матросы экипажа, въ числѣ около 1,000 человѣкъ.

Послѣ прохода матросовъ Свѣтланка вымерла. Магазины наглухо закрыты. Рѣдкій прохожій торопливо спѣшитъ во-свояси.

Когда я возвратился назадъ, на митингѣ шелъ разговоръ о томъ, что комендантъ со своей стороны выставляетъ войска на позиціи. Рѣшено послать нѣсколько нижнихъ чиновъ поговорить съ ними, узнать настроеніе ихъ.

Этотъ существенно-важный вопросъ очень интересовалъ меня. Поэтому вслѣдъ за делегатами отправился и я.

Мы спустились по Корейской улицѣ. Внизу на перекресткѣ стояло два пулемета: одинъ на углу, а другой,—спрятанный въ пересѣкающемъ переулкѣ. Около пулеметовъ стояло по нѣскольку человѣкъ офицеровъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи сзади—полъ-роты солдатъ. Проходя мимо, я увидѣлъ Селиванова среди офицеровъ, стоявшихъ въ глубинѣ переулка у второго пулемета.

Шедшіе впереди меня делегаты, не останавливаясь, направились вверхъ на площадь, гдѣ виднѣлась какая-то конная часть. Я же, идя отдѣльно, подошелъ къ солдатамъ, стоявшимъ около пулеметовъ.

— Что, господа, стрѣлять въ насъ изготовились? спрашиваю ихъ.

Солдаты угрюмо молчали, косясь въ сторону офицеровъ. Одинъ изъ послѣднихъ, высокій, сѣдой, завидя меня, торопливо подошелъ и съ изысканной вѣжливостью спрашиваетъ:

— Что вамъ здѣсь угодно?

— Спрашиваю у солдатъ, будутъ ли они стрѣлять въ тѣхъ?..

— А вы спросите объ этомъ у господина коменданта!

— Гдѣ же онъ?

— А вотъ здѣсь, пожалуйте.

Я уклонился отъ этой чести и пошелъ вверхъ, гдѣ вокругъ делегатовъ столпилась куча солдатъ. Подхожу къ толпѣ и начинаю вслушиваться:

— Развѣ мы безъ понятія?.. кто же своего-то бить станетъ?.. нешто вы непріятель?..

Галдятъ. А сзади за мной по улицѣ чуть не бѣгомъ пыхтитъ толстякъ офицеръ, бритый, съ полковничьими погонами, изъ тѣхъ, что окружали Селиванова. (Это былъ отличившійся впослѣдствіи Май-Маевскій). Подбѣгаетъ, хватаетъ меня за рукавъ.

— Вонъ отсюда!

— Ну, вы кричите, да не такъ громко!

— Вонъ!.. Бунтовать солдатъ?.. вонъ!..

— Чего вы съ дурной головы, не разобравши, шумите?

— Богъ мой, какъ взбѣленится онъ...

— Взять его!.. Слышишь ты, — обращается онъ къ ближайшему солдату,—ступай сюда! Взять его!

Ни одинъ солдатъ даже не пошевельнулся.

— Вотъ видите,—говорю я толстяку,—они разумнѣе васъ! Видятъ, что брать меня не за что и не слушаютъ васъ!

— Какъ же?—голосъ его принялъ конфузливый тембръ,—вѣдь вы съ ними разговаривали?

— Еще только собирался говорить, да вы какъ разъ тутъ и помѣшали.

— Ну, разъ не разговаривали, то можете итти!..

— Теперь я самъ вижу, что... могу!

Ужасно хотѣлось бы мнѣ послушать, какъ объяснилъ коменданту воротившійся полковникъ, почему онъ не арестовалъ меня.

Мы двинулись дальше. Очень импозантный, съ декоративной точки зрѣнія, видъ представляла Тигровая батарея, всѣ выступы которой, словно четками, усѣяны были фигурами вооруженныхъ матросовъ. Насколько цѣлесообразна съ стратегической точки зрѣнія была эта демонстрація нашей охраны передъ селивановскими пулеметами,—объ этомъ судить не берусь.

Мы спустились внизъ къ бухтѣ Амурскаго залива, гдѣ въ оврагѣ цѣпью былъ расположенъ 32-й полкъ. Обращаемся къ солдатамъ съ тѣми же вопросами. Вездѣ въ отвѣтъ.

— Нѣтъ-нѣтъ, можете быть спокойны, никто стрѣлять не станетъ! Всѣ понимаютъ, что вы за насъ хлопочете!

Поднимаемся по Өеодоровской улицѣ. Одинъ солдатъ горячо выговариваетъ нѣсколькимъ встрѣчнымъ офицерамъ:

— Вы обѣщали намъ поддержку, писали резолюціи: вмѣстѣ побратски пойдемъ, рука объ руку... а гдѣ же вы теперь? Вы бросили насъ. Мы одни боремся за свой рискъ и страхъ. Ну, потомъ, смотрите, пеняйте на себя!..

Подходимъ къ цирку. Замѣтно какое-то волненіе. Изъ дверей валитъ народъ. Бѣгутъ матросы съ ружьями. Что такое?

— А вотъ онъ! — кричитъ кто-то. Вотъ д-ръ К—ій! Его вовсе не арестовали! Назадъ, господа! Д-ръ здѣсь!

— Идите, пожалуйста, заявитесь скорѣе митингу! Кто-то сбрехнулъ, что васъ арестовали, и всѣ двинулись на выручку!

Я влѣзъ на стулъ, попросилъ слова и разсказалъ о томъ, чего былъ свидѣтелемъ.

Пренія продолжались. Общее настроеніе крайне взвинченное. Лица возбужденныя. Рѣчи короткія, страстныя. Въ залѣ стоитъ шумъ, съ которымъ не можетъ совладать предсѣдатель...

... Сообщаютъ, что губернаторъ ѣздилъ къ коменданту, но, не заставши его дома, уѣхалъ назадъ. Странно. Какъ будто гг. штабные не знали, что Селивановъ находится на ближайшемъ углу, на разстояніи 2-хъ минутъ ходьбы. Они разыгрывали комедію. Очевидно, было рѣшено: прекративъ «разговоры», дать волнующемуся обществу почувствовать, что сила попрежнему въ рукахъ власти, нагнать панику, вырвать съ корнемъ всякія попытки къ протесту.

Послѣдняя надежда на улаженіе спора мирнымъ путемъ переговоровъ рухнула.

Оставалось теперь самому собранію приступить къ активнымъ дѣйствіямъ.

Общее возбужденіе достигло крайней степени. Чувствуется то высшее напряженіе, необычайный подъемъ духа, вѣрнѣе сказать, подъемъ отчаянія,—когда человѣкъ сознаетъ, что черта перейдена, отступленія назадъ быть не можетъ. Теперь или никогда! Настоять сейчасъ на своемъ, чего бы то ни стоило, добиться, наконецъ, того, о чемъ говорилось въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ или... поставить крестъ на всемъ, отказаться отъ всѣхъ этихъ «безсмысленныхъ мечтаній», сложить съ себя званіе «свободнаго гражданина» и возвратиться вспять, въ первобытное состояніе несовершеннолѣтняго обывателя.

— Товарищи!—надрываясь кричитъ какой-то матросъ, и въ голосѣ его слышенъ стонъ отчаянія,—подумайте только объ одномъ, вѣдь у насъ всего только 15 патроновъ на брата. Ну, гдѣ же намъ съ такимъ запа-

сомъ тягаться супротивъ восьми пулеметовъ? Вѣдь это, братцы, только тотъ, кто не знаетъ, что за штука пулеметъ, можетъ говорить, что...

Поднялись крики...

— Молчать!.. Кто труситъ, можетъ убираться. Нечего нагонять страхи на другихъ.—Дѣло не въ патронахъ, а въ рѣшимости постоять за правое дѣло...

На трибунѣ появляется фигура Людмиллы Александровны Волкенштейнъ. За весь періодъ движенія я видѣлъ ее выступающей первый разъ, къ несчастью, оказавшійся и послѣднимъ.

— Положеніе дѣла требуетъ спокойствія прежде всего. Предстоитъ важный, роковой шагъ. Надо тщательно взвѣсить всѣ шансы, обсудить способъ выступленія. Собраніе слишкомъ взвинчено. Въ такомъ состояніи нельзя предпринимать что бы то ни было. Будутъ, неминуемо будутъ жертвы. Можетъ быть, совершенно напрасныя. Лучшее средство—выждать время, умѣрить пылъ...

Шумъ протеста заглушаетъ ея послѣднюю, предсмертную рѣчь.

Рѣшено: всѣмъ митингомъ итти къ коменданту и потребовать у него немедленнаго освобожденія арестованныхъ. Вооруженная охрана останется сзади. Пойдутъ только безоружные. Кто осмѣлится стрѣлять въ насъ?

Намъ не было еще извѣстно новое правило, коимъ войскамъ запрещалось стрѣлять по своимъ братьямъ холостыми зарядами и вмѣнялось въ обязанность сразу, безъ предупрежденія, бить ихъ на смерть.

Народъ двинулся къ выходу. Находясь около трибуны, я вышелъ, когда циркъ уже опустѣлъ на двѣ трети. Вышедшая публика топталась на улицѣ предъ циркомъ, какъ бы неудомѣвая, „что же дальше?“ Чувствовалась общая нервная дрожь нерѣшительности. Сказывалось отсутствіе ранѣе обдуманнаго плана. Не было распорядителей шествія. Все происходило стихійно, какъ бы въ полусознаніи... Чувствовался недостатокъ иниціативы тамъ, впереди.

Будь, что будетъ! Я быстро пошелъ внизъ по улицѣ, обгоняя едва двигавшуюся, вѣрнѣе сказать, топтавшуюся на мѣстѣ толпу. На Посьетской улицѣ я вступилъ въ голову шествія. Мы двинулись.

Серьезность момента сознавалась ясно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось всѣмъ существомъ, что иначе нельзя, другого пути нѣтъ.

„Теперь, или никогда!“—гвоздемъ сидѣло въ мозгу.

Передъ глазами вдругъ, какъ на яву, выплыло личико четырехлѣтняго сынишки, оставленнаго тамъ далеко за десять тысячъ верстъ. Но я быстро отогналъ его.

Все равно надо итти! Назадъ дороги нѣтъ!

— Стой! Подожди!—раздалось сзади.

Мы остановились. Насъ догонялъ хоръ матросовъ-трубачей. Вступивши въ первые ряды, онъ заигралъ маршъ. Шествіе опять тронулось. Впереди оркестра шло рядомъ человѣкъ 5-6 публики. Съ боковъ онъ тоже былъ охваченъ толпой. Настроеніе вдругъ окрѣпло, стало увѣреннѣе. Тревога улеглась. Музыка весело гремѣла. Мы бодро шагали въ тактъ, равномѣрно колыхаясь.

Прибавивъ шагу, я очутился во 2-й шеренгѣ, среди учащихся юношей. Они беззаботно смѣялись. Съ нами шла дѣвушка-гимназистка, умное, славное лицо которой я видѣлъ на всѣхъ митингахъ и собраніяхъ. Перекидывались веселыми замѣчаніями:

— Не боишься?

— Ну, вотъ еще выдумалъ!.. Самъ-то слышишь ли подъ ногами землю?

— А какъ салютовать начнутъ?

— Нѣтъ, не посмѣютъ?

— Ого! еще и какъ „посмѣютъ"... Селивановъ-то!..

— А зачѣмъ же самъ пошелъ, коли такъ увѣренъ?

— А такъ ужъ... дай, думаю, составлю пріятную компанію... Куда же ты безъ меня?..

— Да, братцы, земля сегодня какая-то особенная, неслышная.. словно сама несетъ... Трамъ-тамъ-тамъ... Ахъ, какъ легко!..

— Какъ-то насъ примутъ?

— Смотри, цѣлы ли у тебя подметки?.. не ровенъ часъ... душа-то изъ пятокъ какъ бы не тово!..

Вотъ роковой уголъ Морской и Алеутской.

— Тамъ, направо „онъ" съ пулеметами...

— Ну, что-жъ за бѣда! Мы уже дважды прошли мимо пулеметовъ... Шествіе стало заворачивать вправо къ штабу.

Два человѣка на лѣвомъ флангѣ, при видѣ дулъ направленныхъ на насъ орудій, дрогнули, попятились...

Я бросился туда.

— Смѣлѣй, нечего бояться!.. Стрѣлять не посмѣютъ!

Еще нѣсколько нервныхъ, быстрыхъ шаговъ...

Я не смотрѣлъ „туда", на „нихъ"... на тѣхъ, что скучились тамъ, за зелеными щитами орудій.

Я глядѣлъ на своихъ товарищей, стараясь предупредить замѣшательство, панику, бѣгство...

Я не видѣлъ ни офицера, съ поднятой шашкой, ни трубача, не слыхалъ „сигнала"...

Гремѣла музыка...

И вдругъ... все смѣшалось...

Въ хаосѣ оглушительнаго треска болѣе половины людей повалились на землю...

Остальные, пригнувшись къ землѣ, словно пыль подхваченная ураганомъ, мгновенно были сметены съ улицы... припавши... ползкомъ... вскачь на четвереенькахъ... спотыкаясь... перепрыгивая черезъ упавшихъ товарищей... падая и поднимаясь... Все, что способно было двигаться, ринулось прочь...

Безумный ужасъ охватилъ толпу...

— Стойте!.. Они пугаютъ!.. Разстрѣливать не посмѣютъ!..—не понимая, что произошло, въ изступленіи кричалъ я.

Охваченное паникой, все, что могло двигаться, инстинктивно стремилось дальше отъ этого мѣста, гдѣ слѣпая смерть безпощадно косила жизнь... въ ворота Grand Hotel'я, за уголъ дома... кто-то ринулся прямо головой въ запертое окно квартиры инженера Петровскаго, сломалъ головой стекло и поболтавъ ногами исчезъ... нѣсколько десятковъ людей плотно улеглись на-земь подъ заборъ, прижавшись другъ къ другу въ обезумѣвшую отъ ужаса кучу...

Мгновенья эти я былъ какъ во снѣ, не понимая, что произошло. Я загипнотизиривалъ себя мыслью—„стрѣлять не посмѣютъ“ и былъ увѣренъ, что толпа испугалась холостыхъ залповъ.

Недалеко отъ меня лежалъ юноша-гимназистъ изъ нашей компаніи. Онъ лежалъ неподвижно, ничкомъ уткнувшись въ землю, словно прислушиваясь, что происходило на ней. Я подошелъ къ нему. Повернулъ. Окровавленная щека. Стеклянные глаза. На вискѣ черненькая, круглая ранка. Тогда, наконецъ, я понялъ... и безсильно потрясая кулаками по направленію гремѣвшихъ выстрѣловъ, только и нашелся, что выругаться самой отчаянной руганью.

Я отошелъ за уголъ дома. Трескотня, ужасная, оглушительная, трескотня восьми пулеметовъ не умолкала ни на секунду, нагоняя ужасъ. Теперь, въ безопасности отъ пуль, я почувствовалъ безотчетный страхъ. Хотѣлось убѣжать подальше, спрятаться. Со стѣны противоположнаго дома сыпалась штукатурка, отбиваемая пулями.

Передъ нами на улицѣ лежало человѣкъ 40, разбросанные на широкомъ пространствѣ. Много людей лежало въ глубинѣ Морской улицы,— это указывало, что стрѣляли не только отъ штаба, но и отъ вокзала. Многіе изъ лежавшихъ были неподвижны. Другіе же, когда трескотня затихала, подымали головы и при каждомъ новомъ залпѣ припадали къ землѣ, какъ бы силясь втиснуться въ нее.

Дама какая-то кричала: „мой мужъ тамъ убитъ!“

Подымавшіе головы съ мольбой и укоромъ смотрѣли на насъ, стоявшихъ въ безопасности за угломъ дома. Мнѣ становилось стыдно. Но страхъ боролся со стыдомъ. Вдругъ глаза мои встрѣтились со взоромъ почтово-телеграфнаго чиновника Алексѣева, принимавшаго энергичное участіе въ движеніи. Онъ лежалъ ничкомъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Щека его лежала на землѣ. Красивые, ясные, какъ небо, голубые глаза его были полны муки и отчаянія... „Хорошъ товарищъ!"—прочелъ я въ нихъ

— Братцы, давайте перетащимъ ихъ сюда! обратился я къ солдатамъ.

Никто не пошевельнулся, словно не слышатъ.

— Что же, давайте! Отозвался одинъ бывшій военный фельдшеръ.

Мы вдвоемъ стали перетаскивать раненыхъ, складывая ихъ за угломъ дома, гдѣ они были въ безопасности отъ выстрѣловъ. Тутъ же, за угломъ, стояло много солдатъ, но ни одинъ не пришелъ намъ на помощь...

Раненые кричали отъ боли. Надо перевязывать. Нечѣмъ. Г-жа Петровская подала изъ окна весь запасъ имѣвшихся у нея чистыхъ салфетокъ. Ихъ хватило, чтобы закрыть раны, предохранить ихъ отъ дальнѣйшаго загрязненія. Тогда уже солдаты помогли внести раненыхъ въ домъ. Ихъ разложили на кроватяхъ, лавкахъ, полу... Весь домъ былъ полонъ криковъ и стона. Много набилось сюда и здоровыхъ, напуганныхъ людей.

Кончивши уборку, я пошелъ въ ближайшій госпиталь. Пришлось проходить мимо штаба. Офицера, стоявшіе у пулеметовъ, пропустили меня.

Позади пулеметовъ на дорогѣ стоялъ возъ съ соломой. Одинъ солдатъ сидѣлъ на возу, другой стоялъ на дорогѣ. Оба ворчали.

— Видно, не кончатъ сегодня... уже смеркаетъ... цѣлый день не ѣмши... да и скотина сдыхаетъ...

— Ваше благородіе, обратился ко мнѣ съ воза — вы идете оттудова. Есть уже тамъ проѣздъ?

— Не знаю, братецъ!.. вотъ распорядители, спросите у нихъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, противъ канцеляріи инспектора госпиталей, встрѣчаю генерала Езерскаго. Докладываю: много раненыхъ. Куда прикажете снести ихъ? Гдѣ взять носилки?

— Обратитесь во 2-й госпиталь! Тамъ все приготовлено!

Это рядомъ. Побѣжалъ. На плацу около госпиталя стоятъ десятка три носилокъ, но прислуга ни за что не хочетъ браться за нихъ. Ни просьбы, ни увѣщанія, ни воззванія къ человѣколюбію, чувству товарищества и святому призванію санитара, ни приказы, ни угрозы, именемъ генерала Езерскаго, ни ругань—ничто не могло заставить ихъ итти туда, за ранеными.

— Вотъ еще чего недоставало. Изъ-за этой сволочи, бунтовщиковъ, да тебя же подстрѣлять... Пойдемъ тогда, какъ перестанутъ стрѣлять.

Офицеры, стоявшіе на крыльцѣ въ больничныхъ халатахъ, подсмѣивались, видя безплодность моихъ усилій. Впрочемъ, ихъ больше занимала Тигровая батарея, которую они наблюдали изъ-за угла въ бинокль. Изъ долетѣвшихъ до меня обрывковъ ихняго разговора я понялъ, что оттуда „отвѣчаютъ".

Я былъ близокъ къ тому, чтобы броситься съ кулаками на гоготавшихъ санитаровъ, какъ на счастье показался фельдфебель госпитальной команды. Этотъ разумный, дѣльный человѣкъ понялъ меня и отдалъ приказъ „берись за носилки". Удалось, впрочемъ, снарядить лишь пять паръ. Остальная прислуга разбѣжалась.

Не могу, съ болью сердца, не отмѣтить здѣсь ужаснаго факта, что солдаты не хотѣли брать раненаго почтово-телеграфнаго чиновника (Алексѣева).

— Это не нашъ! „Шпакъ" какой-то!—говорили они.

Пришлось опять кричать, браниться.

А пулеметы все трещали безъ конца и толку. Но ухо привыкло уже къ этой адской музыкѣ, и вообще все казалось безразличнымъ, пустяковымъ.

Подошелъ гимназистъ съ того перекрестка (посьетскаго). Задыхаясь отъ волненія, сталъ разсказывать подробности тамошней бойни. Тамъ безпощадно добивали раненыхъ, пока они не переставали шевелиться. Разстрѣливали всякаго, кто пытался подойти имъ на помощь...

... Я едва слѣдилъ за его разсказомъ... мнѣ казалось, что онъ разсказываетъ что-то до отвращенія знакомое, безконечно долго тянущееся, надоѣвшее...

— Нѣтъ, вы понимаете... это не люди... это звѣри... — (казалось, никогда не кончитъ онъ своего разсказа)—вы понимаете... два солдатика везутъ куда-то возъ соломы... „тѣ" затихли... они тронулись... только что выѣхали на середину... ка-а акъ ша-ра-хнутъ... (глаза у бѣднаго мальчика, казалось, выскочатъ изъ орбитъ отъ ужаса)... тотъ, верхній кубаремъ... грохнулся, какъ снопъ... оба лежатъ тамъ... и лошадь...

Я взглянулъ вверхъ, на Посьетскую. На усѣянномъ людьми перекресткѣ неподвижно, какъ и раньше, стоялъ возъ съ соломой...

Мучительно-неподвижно стояло время... Стоялъ одинъ, безконечный гулъ пулеметовъ...

И все это тонуло въ одномъ неподвижно застывшемъ стонѣ *человѣка*...

Я чувствовалъ, что схожу съ ума...

. . . .

Темнѣло. Пулеметы уже стоятъ на нашемъ углу и гремятъ вдоль Морской...

Кажется, затихли... Или нѣтъ?.. Въ ушахъ шумъ?.. Изъ-за орудій доносится взрывъ хохота... Ихъ смѣшитъ... *священникъ*...

— Батюшка,—хотѣлось сказать ему—здѣсь, въ домѣ полно умирающихъ.—Но слова не пошли съ языка.

Крѣпкіе бѣлые зубы его сверкали.

. . . .

— Много-ль патроновъ осталось?

— Придется, видно, сбѣгать!

— Сходи! Принеси побольше! Потомъ придется еще брать экипажъ!..— Много потѣхи предстоитъ еще сегодня батькѣ-Мухобою.

. . . .

Заглянулъ въ Grand Hôtel, гдѣ, говорили, масса раненыхъ. Какой-то военный врачъ съ двумя сестрами милосердія, имѣя матеріалъ, перевязывалъ по всѣмъ правиламъ искусства. Много раненыхъ лежало на полу, сидѣло на стульяхъ. Коридоръ былъ биткомъ набитъ людьми, боявшимися выйти на улицу.

Отправивши раненыхъ въ госпиталь, я пошелъ домой. По темнымъ улицамъ шла охота. Лихіе верхнеудинцы, словно спущенные борзые, гонялись за разсѣявшимися матросами, безпощадно избивая ихъ...

Дома заперто. Хозяева убѣжали куда-то. Зашелъ къ другу, живущему рядомъ. Большое счастье въ такіе минуты имѣть близкаго человѣка, способнаго выслушать, понять...

Звонокъ.

— Идите скорѣй къ Волкенштейнъ! Людмилла Александровна убита! Сейчасъ привезли!..

X.

Проснувшись утромъ 11-го января, „граждане“ Владивостока почувствовали себя различно. Одни, съ удовольствіемъ потягиваясь на мягкихъ перинахъ, ликовали:

— Наконецъ-то, слава Богу, выспался какъ слѣдуетъ. А то съ самаго этого манифеста жилъ, какъ на вулканѣ.

Другіе—кто, уложивъ чемоданъ, бѣгалъ по пароходнымъ конторамъ, разузнавая о рейсахъ въ Японію; кто ликвидировалъ дѣла, готовясь къ аресту. Въ числѣ послѣднихъ былъ и я.

Аресты начались. Утромъ былъ взятъ инж. В. Петровскій.

Подъ вечеръ слышу отъ сосѣда: гдѣ-то кто-то взбунтовался, убили Селиванова, казаки убѣжали изъ города... Что за чушь?

Одѣваюсь,—на улицу... На углу около „Петербурга“ (бывшей, печальной памяти, „Одессы“) стоитъ толпа. Прислушиваюсь, о чемъ гуторятъ...

— Неужели правда?..

— Сказываютъ такъ... Мчусь на Свѣтланку. Встрѣчаю юношу, много горячившагося на собраніяхъ... Никакого сомнѣнія. Все подтверждается до-слова.

Вотъ изложеніе событій этого дня, какъ записано у меня со словъ непосредственныхъ свидѣтелей, очевидцевъ или участниковъ.

Разсказъ солдата.

„Девятаго января капитанъ Ильинъ отобралъ у одного солдата листки „Постановленія выборныхъ“ и „О манифестѣ“.—„Отъ кого получилъ?“ — „Отъ Старкова“,—отвѣчаетъ тотъ. Ко мнѣ:—„Гдѣ взялъ?“—„Я, говорю, состою выборнымъ делегатомъ 31-го полка“.—„Какое имѣешь право распространять пропаганду?“ — „Государь Императоръ далъ свободу печати, отвѣчаю я, а митинги разрѣшилъ намъ ген. Казбекъ“.—„Нельзя, говоритъ, ходить по музеямъ; генераломъ Селивановымъ запрещено“. Хотѣлъ арестовать меня, да было много товарищей,—не посмѣлъ видно. Записалъ мое имя, подалъ рапортъ по начальству, черезъ полк. Козловскаго. 11-го января Козловскій увидѣлъ меня на улицѣ, подозвалъ, схватилъ за рукавъ, потащилъ. Взялъ конвой и повели меня на гауптвахту. А товарищи по 15-ой ротѣ, жившіе на Иннокентьевской батареѣ, увидѣли. Стали нѣкоторые шумѣть: „что же это, братцы? вашего товарища повели, а вы не постоите?“—„Выручать, выручать!“—Схватили винтовки, на батарею! Фельдфебель 15-ой роты не пущаетъ. Люди 14-ой роты пригрозили ему, что заколютъ его, если онъ не выведетъ 15-ую роту. Прибѣжалъ офицеръ, сталъ уговаривать. Ему кричатъ: „давай ключи отъ погребовъ!“ Онъ усовѣщевать: „ключи—говоритъ—остались въ дежурной!“ А солдатикъ ему: „неправда, ключи въ карманѣ!..“ Отобрали у него, отперли погреба, зарядили всѣ орудія. Попробовали одно на заливъ.

Въ это время отрядъ иннокентьевцевъ человѣкъ въ 40 бросился съ ружьями въ рукахъ на Куперовскую батарею, завладѣлъ тамъ тремя пулеметами и нѣсколькими ящиками лентъ съ патронами и увезъ къ себѣ на батарею.

Мигомъ слетѣлось начальство. „Никого слушать не желали, окромя ген. Селиванова“.

Пріѣхалъ онъ. Оставилъ всю свиту—адъютантовъ у экипажа, отправился одинъ на батарею.“

Дальше я буквально спишу съ имѣющейся у меня собственноручной записки одного изъ иннокентьевцевъ.

„Когда прибылъ комендантъ, то нижніе чины просили, чтобы освободить арестованныхъ товарищей; онъ отвѣтилъ, что не могу. Просили собранія нижнихъ чиновъ согласно 17 октября, отвѣтилъ, что солдатамъ не полагается, и что этотъ манифестъ только гражданамъ, а на солдатъ не распространяется, то нижіе чины на то ему отвѣтили, почему вы приказали разстрѣлять свободныхъ граждапъ 10-го января, когда шли просить васъ женщины, дѣти съ крестомъ и священникомъ во главѣ [1])... комендантъ сказалъ, я васъ всѣхъ сегодня разстрѣляю и въ это время открыли огонь".

— А... коли такъ—по словамъ другого, крикнули ему въ отвѣтъ,— то чѣмъ насъ всѣхъ разстрѣливать, лучше же мы впередъ тебя одного разстрѣляемъ...—и нѣсколько человѣкъ бросились къ пулемету.

— Я медленно, не оборачиваясь уходилъ—разсказывалъ Селивановъ впослѣдствіи въ Нагасакскомъ госпиталѣ д-ру Акацатову—мнѣ обожгло всю лѣвую сторону груди и шеи, но я собралъ всѣ усилія, чтобы не упасть и не показать имъ, что я раненъ. Обернувшись, я погрозилъ имъ пальцемъ. Послѣ этого стрѣльба прекратилась. Я направился къ экипажу. Кровь хлынула у меня горломъ. Садясь въ экипажъ, я потерялъ сознаніе...

Его увезли во 2-ой госпиталь, въ тотъ самый, гдѣ лежали десятки наканунѣ искалѣченныхъ имъ людей.

Вступившій въ исполненіе комендантскихъ обязанностей генер. Алкалаевъ-Калагеоргій предпринялъ, было, попытку подавить возстаніе оружіемъ. Командиру 32-го В.-С. стр. полка подполковнику Гедеванову немедленно отдано было по телефону приказаніе строить полкъ. Но... увы! Дежурный по полку докладываетъ, что „роты строиться не желаютъ".

Ни увѣщанія подполковника Гедеванова, ни самаго Алкалаева-Калагеоргія не подѣйствовали.

— Довольно и того, что вчерась вонъ сколько народу перебили! Будетъ съ насъ! Больше строиться не желаемъ!

— Артиллеристы съ иннокентьевской грозятся, что ежели сейчасъ арестованные не будутъ выпущены изъ гауптвахты, то они разнесутъ всѣхъ изъ орудій... за что же мы погибать должны?

Алкалаевъ-Калагеоргій поспѣшилъ удалиться.

Полкъ съ оружіемъ въ рукахъ бросился къ гауптвахтѣ, гдѣ въ караулѣ находились товарищи по полку.

Сюда же на шумъ прибѣжалъ и комендантъ города подполк. Сурменьевъ (по общимъ отзывамъ очень симпатичный человѣкъ, рыцарь по характеру, прямой и честный).

---

[1]) Какъ быстро факты украшаются легендами.

Толпа, подкрѣпленная сбѣжавшимися нижними чинами разныхъ другихъ частей (саперы, матросы, желѣзнодорожники), начала требовать отъ него немедленнаго освобожденія арестованныхъ. Сурменьевъ объявилъ, что пока онъ здѣсь, безъ комендантскаго разрѣшенія никто не выйдетъ изъ гауптвахты. Ему кричатъ:

— Селивановъ убитъ!

— На его мѣсто вступилъ замѣститель! Идите въ штабъ, вотъ я напишу записку. Какъ прикажетъ комендантъ, такъ я и поступлю!

— Чего на него смотрѣть!.. Впередъ, ребята!

Въ гауптвахту полетѣли камни. Загремѣли выстрѣлы. Сурменьевъ упалъ смертельно раненый въ животъ.

Кто-то предложилъ ему позвать на помощь д-ра Ланковскаго.

— Не раньше, чѣмъ получится разрѣшеніе освободить его! — былъ отвѣтъ.

Въ это время изъ штаба прибѣжалъ подполк. Гедевановъ и отъ имени коменданта крѣпости приказалъ освободить всѣхъ арестованныхъ.

Ланковскаго, Шпера и Петровскаго вынесли на рукахъ при громкихъ крикахъ „ура!“.

Подполк. Сурменьева отправили во 2-ой госпиталь.

Лихіе верхнеудинцы, какъ только узнали о событіи на иннокентьевской батареѣ, мигомъ осѣдлали своихъ быстроногихъ коней и маршъ-маршемъ... вонъ изъ города.

Вмѣстѣ съ казаками отправились въ походъ и двѣ роты 32-го полка съ начальникомъ штаба Май-Маевскимъ во главѣ.

Панораму „исхода“ завершалъ редакторъ черносотенной газеты „Дальн. Востокъ“ г. Пановъ, подпрыгивающій въ своей таратайкѣ съ узлами наскоро захваченнного кой-какого скарба...

Когда печальный кортежъ проходилъ между двухъ расположенныхъ за городомъ батарей, ему дали сигналъ изъ пушки „ни съ мѣста“. Звонятъ въ телефонъ Исполнительному Комитету:

— Казаки въ нашихъ рукахъ! Какъ прикажете съ ними поступить?

Имъ отвѣчаютъ:

— Пусть ихъ убираются, по добру по здорову, ко всѣмъ чертямъ!

Исполненіе комендантскихъ обязанностей перешло къ старшему изъ наличныхъ генераловъ—Модлю.

Этотъ генералъ, производившій душеспасительное впечатлѣніе, только для видимости, заполнялъ положенное по штату мѣсто, санкціонируя въ дѣйствительности все, чего требовалъ Исполнит. Комитетъ.

Въ городѣ началась *анархія,* въ истинномъ смыслѣ этого слова,— анархія духовная, когда каждый сознаетъ себя вполнѣ свободнымъ гражда-

ниномъ, даже безъ намека на принудительное подчиненіе кому бы то ни было. Въ городѣ не существовало и тѣни „начальства". И вмѣстѣ съ тѣмъ (а можетъ быть, и благодаря этому) вездѣ полный, абсолютный порядокъ.

Мѣстная прокуратура недоумѣвала:

— Удивительное время! Ни грабежа, ни воровства, ни дракъ! Даже пьяныхъ нигдѣ не видно.

Текла обычная, торговая жизнь.

Да это были дни, цѣлыхъ двѣ недѣли, когда огромная, первокласная крѣпость очутилась въ рукахъ революціонеровъ. И будь они хоть сколько-нибудь подготовлены къ этому, они, конечно, не выпустили бы ее изъ рукъ, они использовали бы этотъ неожиданный подарокъ судьбы. Но... впрочемъ, не стану забѣгать впередъ.

Первые дни все вниманіе наше было сосредоточено на нашихъ убитыхъ товарищахъ.

Столь ужасная гибель ихъ вопіяла къ намъ... Кровь обязываетъ... мы чувствовали это всѣмъ существомъ, но не понимали, не могли дать себѣ яснаго отчета—къ чему?

И... рядъ засѣданій посвященъ былъ вопросу: гдѣ и какъ похоронить нашихъ мертвецовъ...

Какъ будто они и погибли только для того, чтобы быть какимъ-нибудь особеннымъ образомъ похороненными.

13-го и 16-го января мы ихъ хоронили.

Сперва предали землѣ тѣла Л. А. Волкенштейнъ и гимназиста Заренсдорфа. Похороны Л. А. были гражданскіе. Развѣвались революціонныя знамена, гремѣли революціонныя пѣсни. Искреннимъ, задушевнымъ словомъ д-ра Кириллова проводили мы въ могилу эту свѣтлую русскую женщину...

16-го января хоронили остальныя 26 жертвъ 10-го января.

Особые плакаты Исполнительнаго Комитета, расклееные по городу, оповѣщали объ этомъ населеніе.

Часовъ въ 10 утра шествіе тронулось съ окраины города, изъ Морского госпиталя. Впереди шли полицейскіе, не знаю, по приглашенію, или добровольно взявшіе на себя роль очистки улицъ для шествія (отъ телѣгъ, извозчиковъ и т. п.). Затѣмъ ѣхали двѣ шеренги конно-охотничьей команды съ шашками наголо. За ними несли огромный, во всю ширину, плакатъ съ надписью:

„Вѣчная память борцамъ за свободу!"

Затѣмъ цѣлый рядъ вѣнковъ съ лентами, транспарантовъ и знаменъ съ революціонными надписями. Оркестръ музыки. Хоръ пѣвчихъ. Священники. И наконецъ, огромная толпа, надъ которой колыхались полтора десятка гробовъ.

Навстрѣчу процессіи, съ другого конца, черезъ весь городъ прошла группа соціалистовъ-революціонеровъ со своими знаменами, среди которыхъ выдѣлялось черное съ лаконическимъ:

„Свобода или смерть!..“

По пути присоединилась процессія изъ костела съ трупами католиковъ. Флаги и плакаты съ польскими надписями. Католическій ксендзъ шелъ рядомъ со священниками.

На боковыхъ улицахъ ожидали гробы съ покойниками изъ частныхъ домовъ.

Лютеранская кирха отозвалась на общій трауръ печальнымъ звономъ колокола.

Толпа росла ежеминутно. Казалось, весь городъ собрался здѣсь. Балконы, крыши домовъ, всякіе выступы, фонарные столбы—все усѣяно народомъ. Сотни фотографовъ спѣшатъ фиксировать это невиданное во Владивостокѣ зрѣлище.

Печально играетъ музыка. „Святый Боже“ смѣняется „Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой!“

Когда шествіе дошло до половины города, съ Тигровой батареи, высящейся надъ городомъ, начался орудійный салютъ. Выстрѣлы черезъ каждую минуту гремѣли, пока печальный кортежъ не подошелъ къ братской могилѣ, вырытой на вокзальной площади, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста бойни.

Сюда подошли еще съ гробами изъ 2-го крѣп. госпиталя. Установили ихъ въ могилу. Начались рѣчи. Говорили солдаты, священникъ Введенскій, офицеръ-морякъ. Выразилъ свои мысли и я.

Но... мертвецы оплаканы. Могила засыпана. Водрузили на ней всѣ плакаты и транспоранты.

Разошлись.

Тяжелый гнетъ давитъ душу.

Пережитыя катастрофы... видъ многотысячной манифестирующей толпы... Огромная яма, въ которую одинъ за другимъ безконечной вереницей проносятъ ящики съ блѣдными, искаженными отъ страданій лицами... все это теребитъ усталую, измученную душу... не даетъ ей покоя ни на минуту... громоздится передъ ней въ одинъ колоссальный, запутанный, какъ кошмаръ, и мучительный, какъ отчаяніе, страшный вопросъ...

XI.

Что же дальше? Куда вести эту огромную, страшную своей физической силой, инервированную массу? Что дѣлать съ властью, неожиданно попавшей въ наши непривычныя руки?

А власть эта была огромна, вполнѣ осязательно выражавшаяся въ суммѣ солиднаго количества пушекъ, штыковъ и всевозможныхъ боевыхъ припасовъ, въ изобиліи заготовленныхъ правительствомъ для отпора внѣшняго врага и по капризу судьбы очутившихся въ рукахъ внутреннихъ его враговъ.

Недостатка въ людяхъ тоже не ощущали.

Сдѣлаемъ обзоръ нашихъ силъ съ качественной и количественной стороны. Владивостокскій гарнизонъ не представлялъ собою цѣльной революціонной арміи. Мы въ свое время подробно прослѣдили причины солдатскаго движенія. Мы видѣли, что вначалѣ оно *было чисто профессіональнымъ*, естественно вытекавшимъ изъ невыносимыхъ условій солдатскаго быта, и вылилось, какъ и слѣдовало ожидать отъ стихійнаго движенія, по линіи наименьшаго сопротивленія, въ формѣ погрома имущества беззащитныхъ жителей города. И только въ концѣ ноября усиліями сознательной части солдатства въ движеніе проносится политическій элементъ въ видѣ борьбы за осуществленіе и для нихъ, солдатъ, правъ, возвѣщенныхъ Государемъ для всѣхъ своихъ подданныхъ.

Уровень политической *сознательности* массъ былъ не высокъ.

Приведу одинъ фактъ, выпукло характеризующій, какъ обстояло дѣло въ отношеніи революціонной зрѣлости массъ.

Во время похоронной демонстраціи 16-го января одинъ изъ членовъ „Союза Союзовъ“ выхватилъ изъ подъ полы и выкинулъ флагъ съ надписью „Да здравствуетъ республика“. Къ нему со всѣхъ ногъ бросился Предсѣд. Исполнительнаго Комита г. Шперъ.

— Что вы дѣлаете?—шепталъ онъ ему.—Солдаты отшатнутся отъ насъ, увидя эту надпись.

„Республикѣ“ пока-что пришлось опять поѣхать подъ полу.

А вѣдь г. Шперъ былъ опытный дѣятель и прекрасно зналъ среду, въ которой онъ жилъ.

Правда, тогдашняя атмосфера (рѣчи на митингахъ, листки и т. п.) быстро расширяла и просвѣтляла умственный кругозоръ... Но все-таки, какъ ни успѣшно шелъ этотъ процессъ, на завершеніе его нужно было время, а между тѣмъ обстоятельства неожиданно вручили намъ молотъ и властно требовали:

— Дерзай, кто смѣлый или... уходи прочь!

Правда, былъ еще одинъ, болѣе короткій и болѣе дѣйствительный путь пріобщенія солдатской массы къ революціонному лагерю. Способъ этотъ на одномъ изъ собраній былъ формулированъ такъ: „спаять солдатскую массу съ нами путемъ преступленія“.

Мы видѣли, что тѣ войсковыя части, которыя перешли уже рево-

люціонный рубиконъ, совершеніемъ какого-либо крупнаго правонарушенія, обращались въ ярыхъ революціонеровъ, готовыхъ на все. Примѣровъ было достаточно: Портъ-артурцы, побившіе камнями офицеровъ, иннокентьевскіе артиллеристы, разбившіе замки на Куперовской батареѣ, захватившіе пулеметы, стрѣлявшіе въ коменданта Селиванова; 32-й В.-С. стрѣлк. полкъ, разгромившій гауптвахту и разстрѣлявшій коменданта города полковника Сурменьева, поголовно весь морской экипажъ, разгромившій оружейный цейхгаузъ и явившійся съ оружіемъ на митингъ 10-го января, 1-я рота желѣзнодорож. баталіона, игравшая ту же роль—всѣ эти тысячи [1]) людей ясно понимали, что корабли ихъ сожжены, что пощады отъ правительства имъ не ждать... И они ловили насъ на улицахъ, въ госпиталяхъ, вламывались въ наши квартиры, являлись на засѣданія съ настойчивымъ вопросомъ: что же дальше?

Помню нѣсколькихъ, вѣроятно, наиболѣе скомпрометировавшихъ себя и потому съ особеннымъ ожесточеніемъ набрасывавшихся на насъ. Послѣдній разъ въ день пріѣзда вновь назначеннаго коменданта ген. Артамонова они явились на одно частное совѣщаніе и не то съ руганью, не то съ плачемъ набросились на насъ:

— Мы работали на васъ, мы сдѣлали все, что могли, мы завладѣли крѣпостью... что же вы теперь сидите? Почему не выступаете и словно прячетесь... Идите впередъ. Мы всѣ пойдемъ за вами, куда вы не поведете насъ...

Мы чувствовали, что они дѣйствительно пойдутъ. Потому что имъ было только два пути: или съ нами на дальнѣйшую борьбу... или въ тюрьму, подъ судъ, на каторгу, подъ разстрѣлъ.

И число такихъ сторонниковъ, если бы это было намъ нужно, мы легко могли бы увеличить во много разъ. Событія 11-го января и митингъ 12-го наглядно это показали. Масса далеко оставила позади своихъ „руководителей“ по революціонности настроенія. Въ то время какъ мы готовились къ аресту,—солдаты ломали замки отъ пороховыхъ погребовъ, тащили пулеметы... Когда мы укладывали чемоданы, справлялись о рейсахъ въ Нагасаки—они разстрѣливали комендантовъ, брали штурмомъ гауптвахту, освобождали и выносили на рукахъ тѣхъ, кто черезъ нѣсколько дней на крикъ ихней души „что же дальше“—отвѣчали...

---

[1]) Сюда еще нужно причислить бывшихъ сахалинскихъ дружинниковъ, поселенныхъ въ окрестностяхъ Владивостока. Раньше было упомянуто, что они обращались къ Союзу Союзовъ съ просьбой помочь имъ улучшить правовое положеніе. Тогда же, обращаясь къ митингу, депутаты говорили:

— Насъ тысяча человѣкъ. Если вамъ нужны наши руки на какое нибудь народное дѣло, вотъ они—берите. Мы готовы служить вамъ всѣмъ, что вы отъ насъ потребуете.

Читатель увидитъ вскорѣ, что мы отвѣчали имъ.

Митингъ 12 января ясно показалъ, по какому пути остественно должно было пойти теперь движеніе, всецѣло предоставленное самому себѣ. Сбитое Селивановымъ съ мирнаго пути разсужденій, резолюцій, ходатайствъ, на которомъ оно стояло при Казбекѣ, на путь насилій, оно должно было дойти до своего логическаго конца.

— Товарищи!—гремѣли одинъ за другимъ ораторы въ сѣрыхъ шиненяхъ. Теперь наши враги, душившіе насъ, издѣвавшіеся надъ нами, убійцы, безпощадно разстрѣливавшіе насъ безоружныхъ—въ нашихъ рукахъ.

Больницы переполнены ранеными, покойницкія—трупами нашихъ братьевъ-товарищей. Такія преступленія не должны проходить безъ возмездія. Кровь ихъ требуетъ отмщенія. Не должно быть пощады никому, какъ не щадили они насъ, когда мы шли къ нимъ съ довѣріемъ. Жизнь за жизнь!

„Жертвы неминуемы",—провозгласилъ Селивановъ, въѣзжая во Владивостокъ. Солдатская мысль продолжала діалектически развивать его тезисъ. Кровь всегда влечетъ за собою новую кровь. Ненависть къ убійцамъ кипѣла въ грудяхъ подъ сѣрыми шинелями. Достаточно было искры, чтобы разразилась новая катастрофа. Моментъ былъ критическій.

Съ рискомъ быть выгнаннымъ, рѣшилъ я выступить противъ этого теченія. Пришлось напречь всѣ силы, чтобы убѣдить массу, что чувство мести есть одно изъ худшихъ въ человѣкѣ. Мстятъ только неправые. „Понять—значитъ простить". Солдаты, стрѣлявшіе въ товарищей, казаки, убивавшіе ихъ, дѣйствовали по приказу, въ силу дисциплины. „Много ли найдется среди васъ такихъ, которые ослушались бы прямого приказанія начальника. И если среди васъ такіе есть, то это рѣдкіе счастливцы, обязанные часто случаю тѣмъ, что они ясно понимаютъ то, чего даже не подозрѣваютъ ихъ невѣжественные, никогда не слыхавшіе разумнаго человѣческаго слова, товарищи... Можно ли наказывать слѣпого отъ рожденія за то, что онъ не различаетъ бѣлаго отъ чернаго. Можно ли наказывать казака, котораго, какъ—вы помните—здѣсь говорилось, уже съ дѣтства начинаютъ калѣчить, вбивая въ него кровожадность и звѣрскія понятія. А развѣ въ этомъ повинны только казаки, развѣ артиллеристы, матросы не разстрѣливаютъ вездѣ въ Россіи своихъ же товарищей, вставшихъ за народное дѣло, не избиваютъ безоружныхъ рабочихъ, крестьянъ... Не мстить имъ надо, а итти къ нимъ со словомъ убѣжденія, открыть то, что ясно вамъ"...

Меня поддержали другіе. Намъ удалось затронуть лучшія чувства. Грозу пронесло.

А между тѣмъ стоило намъ только „умыть руки", остаться пассив-

ными, не удерживать массу отъ ея естественнаго влеченія и... многимъ во Владивостокѣ пришлось бы тогда плохо, но за то число „революціонеровъ" быстро возросло бы. А завладѣвши типографіями, наводнивши крѣпость прокламаціями, ведя пропаганду устную, мы могли бы всецѣло подчинить ихъ себѣ...

Но для чего? Во имя какой цѣли?

Мы съ этими людьми, которые уже перешли революціонный рубиконъ, не знали что дѣлать...

Мы, очутившіеся на верху могущества, были безсильны, какъ никогда.

Побѣдители оказались парализованными.

И, бродя растерянный по улицамъ, я машинально повторялъ знакомое съ дѣтства восклицаніе популярнаго героя малороссійскихъ сказокъ: „не вмію я ні читаты, ні писати, й хтять мене за короля обібрати".

Мы очутились въ положеніи такого Ивана. У насъ не было плана дальнѣйшихъ дѣйствій, а выработать его мы оказались не въ силахъ.

Во-первыхъ,—мы растерялись.

Это понятно. Не имѣющій ни гроша дурѣетъ отъ радости, неожиданно заполучивши алтынъ. А у насъ очутился... милліонъ.

Мы со страшными усиліями и огромными жертвами пошли освобождать двухъ арестованныхъ товарищей и вдругъ... вмѣсто ключа отъ гауптвахты въ нашихъ рукахъ очутился ключъ... всего Забайкалья, единственная первоклассная крѣпость края.

Удивительно ли, что мы растерялись.

Впрочемъ, дѣло было не только въ нашей психикѣ. Узелъ оказался болѣе сложнымъ.

Нельзя сказать, чтобы здравыя мысли никому не приходили въ голову.

Уже 13 января на кладбищѣ по окончаніи печальной церемоніи погребенія Л. А. Волкенштейнъ, когда большинство публики разошлось и я стоялъ у могилы съ шапкой, въ которую сыпались пожертвованія на памятникъ, вниманіе мое привлекла небольшая кучка солдатъ, столпившаяся въ сторонкѣ вокругъ кого-то, громко ораторствовавшаго. Я подошелъ. Какой-то чернорабочій горячо убѣждалъ публику.

— Довольно натерпѣлись отъ этихъ живодеровъ. Теперь выберемъ себѣ губернатора, коменданта и всѣхъ чиновниковъ... до сельскаго старосты и заживемъ совсѣмъ по другому, по новому.

Вопросъ объ автономіи края всталъ у всѣхъ передъ глазами.

И удивительное явленіе. Тотъ самый г. П., который въ дни 22—30 октября въ частныхъ бесѣдахъ горой стоялъ за автономію, возбуждая у

собесѣдниковъ гомерическій хохотъ своими воздушными планами, теперь, когда автономія сама лѣзла намъ въ руки, рѣзко ударилъ отбой.

— Какъ мы управимся съ областью? Вѣдь у насъ ни практическихъ свѣдѣній, ни техническаго навыка къ управленію...

И онъ первый изъ насъ, посреди полнаго умственнаго разброда, воцарившагося послѣ 11 января, онъ первый внятно и громко провозгласилъ:

— Самый благоразумный выходъ изъ нашего положенія — подчиняться вновь назначенному коменданту!

Много разговоровъ объ автономіи было тогда какъ во Владивостокѣ, такъ впослѣдствіи и въ Нагасаки, гдѣ д-ръ Руссель напустился на насъ, что мы проворонили такой блестящій случай положить основаніе „Сибирскимъ Соединеннымъ Штатамъ“.

Автономія, по моему убѣжденію, могла быть дѣломъ рукъ только мѣстнаго осѣдлаго населенія. Мы же, учинившіе, съ позволенія сказать, „революцію“, были почти поголовно люди пріѣзжіе, большею частью военные. Мѣстныхъ аборигеновъ не то что на завоеваніе автономіи, мы не могли подвинуть даже на выступленіе противъ гг. Циммермана и комп.

И это вполнѣ понятно. Окраина эта питалась до сихъ поръ главнымъ образомъ соками, притекавшими изъ метрополіи. Масса городского населенія кормилась около работъ и поставокъ на военное и морское вѣдомства.

Мнѣ возражали:

— Автономія была въ интересахъ всего сельскаго населенія. Оно ухватилась бы за нее, какъ за даръ небесъ, если бы вы ее добыли.

Къ сожалѣнію, взглядовъ крестьянской массы на этотъ предметъ мы не знали, а узнавать теперь было уже поздно.

Допустимъ однако, что это было такъ. Но въ концѣ концовъ это предпріятіе было не въ интересахъ тѣхъ, чьими руками мы могли добыть ее. Надо имѣть мужество видѣть дѣйствительность. А основнымъ фактомъ было то, что солдатъ, какой-нибудь калужецъ, и поднялъ бунтъ главнымъ образомъ изъ-за того, что его не пускали домой. Воображаю, что отвѣтилъ бы онъ, если бы его откровенно посвятить въ подобный планъ, ставившій надолго, если не навсегда, крестъ надъ возвращеніемъ его на родину.

А скрывать отъ него наши намѣренія, строить предпріятіе на безсознательности борцовъ и на обманѣ ихъ—было бы тѣмъ, что на языкѣ юристовъ называется „покушеніемъ съ негодными средствами“, т. е. бутафорскимъ предпріятіемъ.

Ко всему этому мы въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не имѣли никакихъ

свѣдѣній о томъ, что творится въ Россіи. Доходили, правда, до насъ отрывочныя свѣдѣнія о томъ, что въ Москвѣ было возстаніе, и что оно подавлено. Когда же въ серединѣ января окончилась почтово-телеграфная забастовка и у насъ были получены свѣжія телеграммы, отовсюду шли печальныя отрывочныя вѣсти, что дѣло революціи окончательно проиграно. И это тоже дѣйствовало на массу подавляющимъ образомъ.

Многіе изъ насъ (въ томъ числѣ и я) были все-таки убѣждены, что основныя гражданскія права, такъ торжественно провозглашенныя, установлены въ Россіи непоколебимо. Мы вѣрили манифесту.

Конечно, борьба за реализацію и расширеніе правъ неизбѣжна. Но это будетъ борьба культурная, мирная. Кровавые призраки отошли въ прошедшее. Такъ заблуждались мы.

Наконецъ, въ довершеніе всего, мы устали. По крайней мѣрѣ, я сужу по себѣ.

Послѣ потрясающихъ впечатлѣній погрома, въ теченіе цѣлыхъ $2^1/_2$ мѣсяцевъ, чуть не ежедневныя засѣданія сперва Распорядительнаго Комитета, а потомъ разныхъ союзовъ, нерѣдко по нѣскольку въ день, митинги, быстрая смѣна волнующихъ событій, катастрофа 10 января, неожиданная перемѣна декорацій 11 января—все это не могло не отразиться на нервной системѣ. Вниманіе ослабѣло. Уменьшилась работоспособность.

Нѣчто подобное переживали и мои товарищи. Всѣ изнервничались. Насъ было немного. Тогда какъ наши противники смѣнялись, мы были все одни и тѣ же. Никто не явился намъ на смѣну.

И вотъ, тогда, какъ у солдатъ подъемъ революціоннаго настроенія наросталъ все выше, ряды ихъ руководителей рѣдѣли съ каждымъ днемъ.

Появленіе на сценѣ пулеметовъ, крови, труповъ, заставило многихъ изъ стоявшихъ раньше въ первыхъ рядахъ уйти со сцены.

Зазвучали новыя, раньше неслыханныя рѣчи. Мы уже слышали, что говорилъ инж. П., раньше яростно нападавшій на Союзъ Союзовъ за умѣренность его. На одномъ изъ солдатскихъ собраній въ томъ же духѣ заговорилъ разъ д-ръ П-въ.

— Не дѣло арміи заниматься политикой. Пора бросить эту вредную опасную игру. Нашей крѣпости угрожаетъ опасность. Японцы готовятся возобновить войну. Примемся и мы за ревностное исполненіе нашихъ прямыхъ обязанностей...

Общественная струна вдругъ ослабѣла. Не нашлось никого кто подтянулъ бы ее...

Многіе изъ читателей навѣрное подумаютъ: вотъ жаль, что въ такой моментъ собрались все какіе-то „любители“ революціи и ни одного настоящаго революціонера. Признаюсь, я и самъ такъ долго думалъ, пока

не прочелъ въ IX книжкѣ „Былого“ (за 1906 г.) воспоминаній М. Н. Тригони „Послѣ Шлиссельбурга“. Изъ строкъ, посвященныхъ тамъ Владивостоку, съ изумленіемъ узналъ я, что въ патентованныхъ революціонерахъ Владивостокъ въ описываемую пору недостатка не терпѣлъ. Г. Тригони приводитъ цѣлый списокъ ихъ.

Но больше всего меня поразило то, что, оказывается, я вращался въ ихъ средѣ, даже не подозрѣвая съ кѣмъ имѣю дѣло. Раза два вмѣстѣ съ Волкенштейнъ и Тригони я бывалъ въ этомъ кружкѣ; мы пили чай съ кренделями и чесали языки, по примѣру всѣхъ обыкновенныхъ смертныхъ, перемалывая слухи, которыми, что комарами надъ болотомъ, кишѣлъ тогда городъ. Ни одного смѣлаго сужденія, ни намека на иниціативу или планъ я не подмѣтилъ.

За исключеніемъ г. Пер~~лашкевича, очень~~ живого, энергичнаго, убѣжденнаго дѣятеля, къ несчастью, искупающаго нынѣ свои прегрѣшенія въ ссылкѣ въ Якутской области,—остальные оставались все время въ тѣни, пассивными зрителями происходящаго.

Говорю это отнюдь не въ осужденіе кого бы то ни было, ибо на самомъ себѣ испыталъ справедливость французской пословицы: „La plus belle fille du mond ne peut donner plus ce quelle'a“.

XII.

Итакъ, мы устали, растерялись, ничего не могли придумать. А на насъ между тѣмъ надвигалась уже сила новая, непочатая: четвертый по счету комендантъ ген. Артамоновъ, да на подмогу ему еще ген. Мищенко, облеченный генералъ-губернаторскими полномочіями.

Мы „фактическіе хозяева крѣпости“ не сдѣлали даже попытки запереть передъ ними ворота. „Пушечнаго мяса“ у насъ было достаточно, но не было „нервовъ“—офицерства и, что самое главное, не оказалось того, что въ физіологіи называется „моторнымъ (двигательнымъ) центромъ“.

Они пріѣхали.

Исполнительному Комитету только и оставалось, что, сдѣлавъ bonne mine a manvais jeu, привѣтствовать ихъ такой прокламаціей:

„Нижнимъ чинамъ В-скаго гарнизона.

Товарищи. На мѣсто ген. Селиванова пріѣхали къ намъ... (такіе-то).

Говорятъ, что генералы Артамоновъ и Мищенко боевые генералы и честные люди, а потому мы надѣемся, что они вполнѣ заслужатъ любовь всего гарнизона и гражданъ города, дѣйствуя на основаніи Высочайшаго

манифеста 17 октября, т. е. не препятствуя нашимъ собраніямъ и не заставляя солдата, матроса или казака быть убійцей, Каиномъ своего же брата-солдата или гражданина".

Лассаль заканчиваетъ одну изъ своихъ рѣчей словами, которыя должны бы занять мѣсто первой заповѣди въ катехизисѣ русскаго революціонера: „ваши противники—говорилъ онъ рабочимъ—прежде всего практики, какими отъ души желаю быть и вамъ".

Прибывшіе генералы были именно практики, къ тому же еще и старые.

Ген. Артамоновъ избралъ путь дипломатовъ, которымъ, какъ извѣстно, языкъ данъ для того, чтобы скрывать свои мысли. Вскорѣ послѣ 20 января хоронили полк. Сурменьева, умершаго отъ воспаленія брюшины, вызваннаго раной. Проходя Алеутской улицей, процессія остановилась около братской могилы, и Артамоновъ произнесъ прочувствованную рѣчь, въ которой именемъ нашихъ пострадавшихъ товарищей заклиналъ всѣхъ забыть вражду, простить другъ друга, по-братски подать другъ другу руки и т. п. Послѣ этого онъ обратился къ присутствующимъ здѣсь солдатамъ, растроганнымъ его рѣчью, и попросилъ ихъ, въ знакъ состоявшагося примиренія, унести съ могилы транспаранты съ такими надписями („позоръ убійцамъ—палачамъ" и т. д.), которыя напоминаютъ о братоубійственной распрѣ.

Генералъ Мищенко, замѣшкавшійся съ мобилизаціей силъ въ с. Раздольномъ, со своей стороны засыпалъ крѣпость воззваніями къ гарнизону, въ которыхъ слова „прощеніе" и „забвеніе" тоже склонялись на всѣ лады.

По данному паролю городская управа тоже поспѣшила расклеить по городу объявленіе, искусно составленное въ такихъ выраженіяхъ, что простой человѣкъ долженъ былъ понять, что всякому, кто броситъ бунтовать и приступитъ къ исполненію своихъ обязанностей, именемъ Государя объявляется полное прощеніе и забвеніе всѣхъ прегрѣшеній, содѣянныхъ по 15-ое января. Лишь человѣку, привыкшему къ точному мышленію, видно было, что дума только постановила возбудить объ этомъ ходатайство.

Планъ былъ задуманъ искусно, не по-селивановски. Слова „прощеніе", „забвеніе" дѣйствовали на взбудораженную массу, какъ масло на волнующееся море...

Поврежденный правительственный аппаратъ тѣмъ временемъ постепенно налаживался. Механизмъ, его сперва потихонечку, осторожно тронулся.

Пригодилась на колесо артамоновской мельницы и „отчаянная скоропалительность" Май-Маевскаго.

Умному человѣку все впрокъ. Это открытіе, какъ извѣстно, сдѣлалъ хлестаковскій Осипъ: „...что еще тамъ у тебя, милѣйшій, веревочка? давай сюда и веревочку, пригодится"... кого-нибудь вздернуть...

— А гдѣ нашъ Ляпкинъ-Тяпкинъ?... то-бишь Май-Маевскій съ хоругвью запропастился. Не нашли. Ну тѣмъ лучше... и не ищите. Пусть его отдышется. [1])

И въ мозгу новаго коменданта созрѣлъ планъ.

32-ой полкъ получаетъ приказъ: выйти навстрѣчу своей полковой святыни. Вышли честь-честью. Идутъ, да пойдутъ... нѣтъ ни святыни, ни Май-Маевскаго... Глядь, а вмѣсто этого сзади старые знакомые, лихіе Верхнеудинцы съ ружьецами на изготовѣ ихъ уже конвоируютъ...

Такъ 32-ой полкъ и не вернулся больше во Владивостокъ.

23-го янв. вечеромъ въ городъ вступилъ полкъ пластуновъ и занялъ *казармы флотскаго экипажа.*

Затѣмъ прибыли казаки.

Исполнительному Комитету оставалось только привѣтствовать и ихъ.

„Товарищи!—писалъ онъ въ своей *послѣдней* прокламаціи... Прибывающіе къ намъ товарищи казаки и пластуны это не тѣ убійцы, которые убивали беззащитный народъ. Эти до сихъ поръ незапятнали своихъ рукъ кровью борцовъ за свободу и, вѣроятно, никогда не запятнаютъ ихъ. Они ѣдутъ только въ виду неимѣнія въ крѣпости регулярной кавалеріи, и будемъ надѣяться, что они никогда не подымутъ оружія противъ товарищей и народа“.

Надежды эти оправдались. Оружіе поднято не было. Возможно, по той, впрочемъ, причинѣ, что не было противъ кого подымать его. Исполнительный Комитетъ умеръ естественной смертью. „Союзъ Союзовъ“ послѣдовалъ его примѣру. О „собраніи выборныхъ нижнихъ чиновъ“ не было больше и помину.

— Какъ дѣла? спрашиваю разъ запыхавшагося Петровскаго.

— Сейчасъ только съ батарей. Передали коменданту обратно всѣ орудія, пулеметы... Ученые небось стали: первымъ дѣломъ поснимали замки, увезли.

Постоянный гарнизонъ таялъ.

Недавніе „витіи“ ходили теперь, какъ въ воду опущенные, растерянные...

— Ну, что новаго... слыхали? Разсказывайте.

— Весь сибирскій флотскій экипажъ высланъ въ село Спасское. Это верстъ 300 отсюда.

— Да, да... артиллеристовъ, говорятъ, тоже переводятъ куда-то.

— Первая рота желѣзнодорожнаго баталіона только что получила назначеніе въ какое-то урочище Барабашъ... и т. д.

---

[1]) Май-Маевскаго въ концѣ концовъ, конечно, поймали гдѣ-то чуть ли не подъ Иркутскомъ и водворили... на скамью подсудимыхъ. Неблагодарные!

На мѣсто высылаемыхъ, въ крѣпость ежедневно прибывали изъ глухихъ угловъ свѣжія, невкусившія еще отъ „древа политики“, части.

Размахъ „колеса“ становился все увѣреннѣе, вертѣлось оно все быстрѣе.

26-го янв. отданъ былъ приказъ начальникамъ отдѣльныхъ частей снять предварительныя показанія со всѣхъ лицъ, такъ или иначе участвовавшихъ въ событіяхъ 10-го и 11-го января.

На слѣдующій день (27-го) всѣ, выпущенные 11-го января изъ-подъ ареста, приглашались немедленно явиться на гауптвахту. Въ противномъ случаѣ—говорилось въ приказѣ—они будутъ немедленно арестованы.

Воротился, наконецъ, въ городъ и предтеча Май-Маевскаго, г. Пановъ. Наблюденія этого очевидца минувшихъ событій тоже пошли впрокъ.

Начались аресты, высылки...

Даже мертвыхъ не оставила въ покоѣ рука мстителя. Въ глухую февральскую ночь оцѣплены были однажды улицы, прилегающія къ вокзальной площади. Братская могила была разрыта руками китайскихъ кули... гробы вытащены и увезены... неизвѣстно куда.

На утро площадь была гладко утрамбована.

Тѣмъ изъ оставшихся въ живыхъ, кто не хотѣлъ испытать на себѣ, что означаетъ слово „амнистія“ въ пониманіи ген. Артамонова, осталась одна дорога—въ Японію. Въ числѣ ихъ былъ и я.

„Дни свободъ“ во Владивостокѣ кончились.

М. Кудржинскій.

Къ біографіи Гапона.

(Изъ Женевскаго архива Бунда).

Въ мартѣ 1905 года Гапонъ обратился въ Заграничный Комитетъ Бунда съ просьбой устроить ему свиданіе съ дѣятелями Бунда. Свиданіе состоялось 17 марта (н. ст.) 1905 года въ Женевѣ. Непосредственно послѣ свиданія бесѣда съ Гапономъ была самымъ точнымъ образомъ изложена однимъ изъ участниковъ свиданія — для отчета Центральному Комитету Бунда. Ниже приводится этотъ документъ съ опущеніемъ нѣкоторыхъ, не относящихся къ личности Гапона, мѣстъ.

„Видѣлись съ Гапономъ [1]). Передамъ Вамъ въ общихъ чертахъ разговоръ съ нимъ и то впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня и которое раздѣляется, кажется, и М. Л. Человѣкъ онъ очень неинтеллигентный, невѣжественный, совершенно не разбирающійся въ вопросахъ партійной жизни. Говоритъ съ сильнымъ малорусскимъ акцентомъ и плохо излагаетъ свои мысли, испытываетъ большое затрудненіе при столкновеніи съ иностранными словами (напр.: „*Амстердамъ*“ произноситъ такъ: „Амстедерамъ“, „амстедерамскій конгрессъ“, или: „партія... забылъ, какъ называется эта партія. Знаете, какъ въ „Освобожденіи“: конст... конст...—Конституціоналисты?—„Вотъ-вотъ, оно самое“). Оторвавшись отъ массы и попавъ въ непривычную для него специфически интеллигентскую среду, онъ всталъ на путь несомнѣннаго авантюризма. По всѣмъ своимъ ухваткамъ, наклонностямъ и складу ума, это соціалистъ-революціонеръ, хотя онъ называетъ себя соц.-дем. и увѣряетъ, что былъ такимъ еще во время образованія „Общества фабрично-заводскихъ рабочихъ“. Ни о чемъ другомъ, кромѣ бомбъ, оружейныхъ складовъ и т. п., теперь не думаетъ. Есть въ его фигурѣ что-то такое, что не внушаетъ къ себѣ довѣрія, хотя глаза у него симпатичные, хорошіе. Что въ немъ просыпалось при соприкосновеніи съ

---

[1]) Т—щи В. К. и М. Л.

Прим. сообщившаго документъ.

массой—мнѣ трудно сказать, но внѣ массовой стихіи онъ жалокъ и мизеренъ, и, бесѣдуя съ нимъ, спрашиваешь себя съ недоумѣніемъ: неужели это тотъ самый, который „торговалъ сердцами“ петербургскихъ пролетаріевъ? Человѣкъ онъ несомнѣнно наблюдательный, умѣетъ узнавать людей и знаетъ психологію массы. Кромѣ того, онъ хитеръ, себѣ на умѣ и прошелъ школу дипломатическаго искусства (правда, довольно элементарнаго, поскольку оно нужно было ему въ борьбѣ съ полиціей).

Говоритъ, что чувствуетъ себя плохо: хотѣлъ, молъ, дѣло сдѣлать, а попалъ сразу въ атмосферу дрязгъ и партійныхъ мелочей; ни отдохнуть, ни работать нельзя, нѣтъ настроенія, тянетъ вонъ изъ этой среды; ѣхалъ съ мыслью достигнуть соглашенія между партіями, но натолкнулся на непреодолимыя затрудненія и только измучился; случилось съ нимъ то же, что съ малорусской бабой: „не было хлопоты, купила порося“. Отъ „меньшинства“, говоритъ, не добьешься никакого опредѣленнаго отвѣта; шлютъ резолюцію, въ которой ничего не поймешь: нѣтъ ни да, ни нѣтъ. П . . . человѣкъ умный, но все равно, что человѣкъ, обмазанный саломъ: кажется, взялъ въ руки, анъ его нѣтъ. „Большинство“ прямѣе. Курилъ фиміамъ Бунду: настоящіе, молъ, соціалъ-демократы въ Россіи, дѣйствительные работники—это только бундовцы, они поняли „знаменіе времени“. Въ этомъ онъ теперь убѣдился. Вообще его похвалы Бунду, на которыя онъ не скупился, отзывались грубой лестью, очень прозрачной въ устахъ столь примитивнаго „дипломата“, какъ Гапонъ.

Проектировалось, разсказывалъ онъ, соглашеніе между искровцами, впередовцами и соц.-рев., предполагалось образованіе общаго боевого комитета. „Большинство“ готово было вступить въ соглашеніе съ соц.-рев., но „меньшинство“ не хочетъ „большинства“ и ставитъ еще какія-то условія, которыхъ не принимаютъ соц.-рев., которые, въ свою очередь, тоже что-то выговариваютъ себѣ, съ чѣмъ не согласны „меньшевики“—такъ боевое соглашеніе не вытанцовывается и почти безнадежно...

Широкое соглашеніе между двадцатью организаціями, — кажется, столько ихъ было въ посланномъ Вамъ приглашеніи [1]), — Гапонъ представляетъ себѣ такъ: конференція выработаетъ общій манифестъ (формулировка общихъ цѣлей и задачъ) и выберетъ общій комитетъ, задача котораго будетъ чисто техническая: собирать деньги, устраивать оружейные склады, мастерскія взрывчатыхъ веществъ, собирать свѣдѣнія о состояніи боевыхъ силъ въ каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ и пр. Вообще онъ

---

[1]) Рѣчь идетъ о приглашеніи, разосланномъ Гапономъ, на, такъ называемую, гапоновскую конференцію, которая собралась въ Женевѣ 2-го апрѣля 1905 г.

Примѣчаніе сообщившаго документъ.

практическаго значенія этому соглашенію не придаетъ, значеніе его онъ видитъ въ слѣдующемъ: 1) моральная сила революціи возрастаетъ („всѣ объединились"); 2) сдѣлаются возможными боевыя соглашенія между партіями въ Россіи („бумажка изъ-за границы! А то безъ этого, напр., въ Петербургѣ, соціалъ-демократы и говорить не хотятъ съ соціалистами-революціонерами, подайте намъ бумажку „оттуда"—говорятъ они". „Поэтому, продолжалъ Гапонъ, бумажка нужна: говоришь съ какимъ-нибудь с.-д. въ Петербургѣ, онъ такъ и этакъ, а услышитъ, что П . . . сказалъ то-то и то-то, и сразу повернулъ. Нѣтъ, безъ бумажки никакъ нельзя!"); 3) хотя каждая партія (изъ блока) будетъ дѣйствовать совершенно самостоятельно, но все будетъ дѣлаться подъ фирмой общаго комитета, такимъ образомъ создаться вѣра въ него, и въ нужный моментъ, когда онъ выйдетъ изъ своего бездѣйствія, всѣ за нимъ пойдутъ. Къ сожалѣнію, продолжалъ Гапонъ, онъ убѣждается, что и широкое соглашеніе встрѣчаетъ большія препятствія, но онъ увѣренъ, что если Бундъ за дѣло возьмется, то все устроится, за Бундомъ и „меньшинство" пойдетъ, а „большинство" и сейчасъ согласно (кстати, онъ увѣрялъ, что Латышская Соц.-Дем. Рабочая Партія уже дала согласіе на участіе въ конференціи). Мы ему сказали, что согласіе на участіе въ конференціи можетъ дать только нашъ Центральный Комитетъ, что дѣло осложняется фактомъ образованія соціалъ-демократическаго блока [1]), съ которымъ въ такихъ случаяхъ приходится считаться каждой входящей въ него организаціи, и что, наконецъ, мы не вѣримъ, чтобы два десятка организацій, такъ рѣзко различающихся между собою въ вопросахъ программы и тактики, могли на чемъ-нибудь сойтись, уже не говоря о томъ, что среди этихъ организацій есть и такія, которыя существуютъ только на бумагѣ.

Характерна для Гапона та легкость, съ которой онъ разрѣшаетъ сложные практическіе вопросы, напр., вопросъ о соглашеніяхъ съ либералами. Боязнь соглашеній съ либералами, по его мнѣнію, неосновательна: пусть, молъ, либералы, идя за нами, воображаютъ, что они получатъ львиную долю; бѣды тутъ никакой нѣтъ, вѣдь мы знаемъ, что мы сильнѣе и что при дѣлежѣ имъ достанется развѣ только хвостикъ или ушко. Что касается „соціализма" Гапона, то онъ довольно таки примитивный: „всѣ люди—братья"—и все.

Разсказывалъ онъ о Питерѣ. Соц.-демократы и с-р-ы, какъ организаціи, не имѣли тамъ никакого значенія до 9 января. Въ „Искрѣ" дѣло

---

[1]) „Соціалъ-демократическій блокъ", въ который вошли Россійская С.-Д. Р. П., Бундъ, Латышская С.-Д. Р. П. и Револ. Укр. Партія, образовался на конференціи, состоявшейся въ январѣ 1905 г. по иниціативѣ Центр. Комитета Бунда.

Прим. сообщившаго документъ.

представлено совершенно невѣрно. Всѣ требованія въ петиціи къ царю читались имъ еще за два мѣсяца до 9 января на одномъ собраніи либераловъ. Это онъ можетъ доказать. Увѣренія „Искры", будто онъ подвинулся влѣво подъ вліяніемъ соціалъ-демократовъ, — совершенная чепуха. Вѣрно изображено дѣло въ № 218 „Послѣднихъ Извѣстій" („Нѣкоторые итоги январскихъ событій"). Объ с-р-ахъ онъ разсказывалъ, между прочимъ, такой фактъ: наканунѣ 9 января они обѣщали ему 300 револьверовъ и еще ручныя бомбы, но въ результатѣ не смогли доставить ни одного револьвера, о бомбахъ и говорить нечего.

Исторію „Общества фабрично-заводскихъ рабочихъ" Гапонъ передаетъ такъ: въ 1903 г. онъ привлекался по политическому дѣлу, за него почему-то старался провокаторъ Михайловъ (зубной врачъ), и онъ вышелъ чистъ. Потомъ его приглашалъ къ себѣ Зубатовъ [1]). Во время бесѣдъ съ Зубатовымъ у него зародилась мысль воспользоваться Зубатовскимъ обществомъ въ Петербургѣ (такъ наз., „Свѣтомъ") для организаціи петербургской массы, очистивъ это общество отъ полицейско-провокаторскихъ элементовъ. Зубатовъ предложилъ ему написать „докладъ" (очевидно, о расширеніи правъ этого общества) министру финансовъ. Онъ такъ и сдѣлалъ и представилъ также уставъ, выработанный имъ совмѣстно съ товарищами, которые группировались тогда вокругъ него и были посвящены въ его планы. Уставъ въ министерствѣ окарнали и утвердили. Общество начало функціонировать на новыхъ началахъ, подъ его предсѣдательствомъ (уставъ былъ утвержденъ въ февралѣ или мартѣ прошлаго года). При открытіи отдѣловъ онъ бралъ просто „нахальствомъ" (уставомъ открытіе отдѣловъ не было предусмотрѣно): нанималъ помѣщеніе, приличное, съ электрическимъ освѣщеніемъ и паркетнымъ поломъ и приглашалъ на освященіе градоначальника, который устава не читалъ и содержанія его не зналъ; затѣмъ посылалась въ полицейскій участокъ бумажка о разрѣшеніи; и тамъ устава не знали, но зато знали, что былъ „самъ" на освященіи, и этого было достаточно, разрѣшали безъ всякихъ разговоровъ; такимъ простымъ способомъ удалось открыть 11 „отдѣловъ". Собранія въ каждомъ отдѣлѣ происходили 2 раза въ недѣлю. Полиціи не впускали, за исключеніемъ градоначальника, шпіоны, вѣроятно, присутствовали. Занятія велись по такому методу: прочитывается какая-нибудь статья, напр., Озерова, какъ матеріалъ для дискуссіи. Затѣмъ начинаются дебаты. Одинъ рѣзко ее критикуетъ, а другой, для отвода глазъ, ее защищаетъ; но—увѣряетъ Гапонъ—въ головѣ у рабочихъ оставалась кри-

[1]) Въ Питерѣ Гапонъ встрѣчался и съ „независимцами": Шаевичемъ (отзывъ: „п . . . цъ") и Маней Вильбушевичъ (отзывъ: „бол . . . ка").

тика, а не защита. Для отвлеченія вниманія полиціи прибѣгали ко всякимъ уловкамъ: распространяли слухи, что общество—зубатовское, ударялись въ дебатахъ въ „національизмъ", пѣли „боже, царя храни" и пр. Кричать „долой самодержавіе" онъ, Гапонъ, „запретилъ". Эти уловки плюсъ его священническій санъ спасалъ общество отъ закрытія; благопріятствовали также развитію общества перемѣна курса послѣ убійства Плеве и личныя качества Фуллона (халатность и безхарактерность). За 3 мѣсяца до 9 января прекратили пѣть „боже, царя храни". Судя по разсказу Гапона, онъ удивительно ловко лавировалъ и съ большимъ искусствомъ усыплялъ бдительность полиціи. Среди членовъ „Общества" было много женщинъ: Гапонъ старался ихъ привлекать, „чтобы онѣ не мѣшали мужьямъ". Происходили еще конспиративныя собранія наиболѣе близкихъ, сознательныхъ и надежныхъ рабочихъ (на квартирѣ Гапона); тамъ ужъ не стѣснялись: читали Туна, критиковали самодержавіе и пр. Были приняты мѣры къ тому, чтобы въ легальную печать не попадали свѣдѣнія объ этомъ обществѣ (свѣдѣнія могли бы вызвать подозрительность полиціи); въ нелегальной печати объ „Обществѣ" не говорилось отчасти потому, что петербургскіе революціонеры не знали того, что происходитъ у нихъ подъ носомъ, отчасти потому, что они считали Гапона и его компанію провокаторами и мало интересовались ихъ дѣятельностью.

Поднять массу онъ давно задумалъ, но все ждалъ удобнаго момента; такимъ моментомъ онъ считалъ паденіе Портъ-Артура. Предлагали ему (въ томъ числѣ и соц.-демократы) просто подать петицію съ политическими требованіями, но онъ отвергъ это предложеніе, указывая на то, что подача петиціи, не подкрѣпленная возстаніемъ массы, окончится только арестомъ его и лучшихъ людей изъ „Общества" и закрытіемъ всѣхъ отдѣловъ. Популярность „Общества" увеличивалась съ каждой минутой, и по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ своего функціонированія оно уже насчитывало 5000 чел. Рабочіе постепенно переходили отъ критики экономическихъ порядковъ къ критикѣ государственнаго строя. Къ концу рабочіе ему ужъ говорили: „пора ужъ вамъ снять рясу и стать такимъ, какъ всѣ мы". Тутъ произошелъ случай увольненія двухъ членовъ „Общества" съ Путиловскаго завода. Гапонъ рѣшительно заявилъ своимъ, что если „Общество" не будетъ на это реагировать, значитъ оно ничего не стоитъ, и онъ изъ него выступитъ. Тогда рѣшено было объявить стачку на Путиловскомъ заводѣ и затѣмъ остановить все производство въ Петербургѣ. Такъ и сдѣлали, и имъ удалось это безъ труда, такъ какъ они имѣли связи повсюду (кстати, въ депутацію отъ путиловскаго завода къ начальству онъ „назначилъ" двухъ еврейскихъ рабочихъ).

То, что онъ избѣжалъ ареста, хотя полиція его искала, онъ объ-

ясняетъ слѣдующими причинами: 1) событія развивались слишкомъ быстро, 2) на собраніяхъ, на которыхъ присутствовали тысячи рабочихъ, не было возможности взять его, 3) онъ не ночевалъ дома, 4) квартира, гдѣ онъ ночевалъ, охранялась патрулями изъ 30 вооруженныхъ рабочихъ.

Передъ 9 января онъ основалъ при „Обществѣ" два товарищества: потребительное и производительное, которыя, по его расчету, давали бы не менѣе 100.000 руб. дохода въ годъ (доходъ, чтобы не дать проникнуть къ рабочимъ „буржуазнаго духа", долженъ былъ итти въ пользу „Общества"). Имѣлъ въ виду основать рабочія общества по примѣру петербургскаго и въ Москвѣ, Кіевѣ и др. городахъ. Въ Москву ѣздилъ позондировать почву и убѣдился, что тамъ можно сдѣлать еще больше, чѣмъ въ Петербургѣ, слѣдуетъ начать съ союза типографщиковъ; зубатовское общество въ Москвѣ насквозь прогнило, но и его можно очистить отъ провокаторскихъ элементовъ. Послѣ посѣщенія имъ Москвы Сергѣй Александровичъ написалъ черезъ Трепова донесеніе Плеве о томъ, что онъ, Гапонъ, опасный человѣкъ и что его слѣдуетъ убрать; спасла его кстати подоспѣвшая смерть Плеве.

На будущее, сказалъ онъ, онъ смотритъ пессимистически: онъ полагаетъ, что ближайшее возстаніе еще будетъ подавлено; внушаетъ ему опасенія политика правительства, натравляющаго босяковъ на интеллигенцію и крестьянъ на помѣщиковъ и интеллигенцію".

Женева, 18 марта 1905 г.

Сообщилъ Z.

Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854 по 1863 г.

(*Продолженіе* [1]).

III.

Положеніе 19 февраля не сразу уничтожало крѣпостное состояніе. До введенія въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, т. е. въ теченіе 2-хъ лѣтъ, крестьяне должны были отбывать помѣщику повинности на прежнемъ основаніи. Были сдѣланы лишь ничтожныя облегченія. Помѣщики не имѣли права переводить крестьянъ съ оброка на смѣшанную повинность, а съ послѣдней на барщину. Были введены нѣкоторыя незначительныя облегченія въ барщинныя повинности, а женская барщина (въ юго-западныхъ губерніяхъ и мужская) уменьшалась на $^1/_3$. Всякіе добавочные сборы съ крестьянъ или дани сельскими продуктами, равно какъ и всѣ добавочные и сгонные работы и наряды, исполнявшіеся сверхъ трехдневной барщины, были отмѣнены. До образованія волостей и открытія волостныхъ судовъ помѣщики сохранили право разбирать и судить крестьянъ и подвергать ихъ взысканіямъ и наказаніямъ съ тѣмъ, чтобы тѣлеснымъ наказаніямъ они подвергались черезъ полицію. Немедленно прекращались: перекрѣпленіе личныхъ правъ на крестьянъ и дворовыхъ людей другимъ лицамъ, переселенія крестьянъ на другія земли, отдача крестьянъ въ работу и въ услуженіе и отдача крестьянъ въ исправительныя учрежденія. Крестьяне получили право: вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика, пріобрѣтать недвижимую собственность; вступать въ договоры и подряды, торговать, записываться въ цехи и вчинять иски и жалобы. Положеніе признавало помѣщика собственникомъ всѣхъ полевыхъ угодій и усадебной осѣдлости крестьянъ, — но это право собственности выражалось въ полученіи вознагражде-

[1]) См. „Минувшіе Годы“. Май—Іюнь.

нія за пользованіе землею, причемъ размѣръ его регулировался закономъ. Вознагражденіе могло итти помѣщикамъ въ видѣ барщины, принявшей форму урочнаго положенія, или въ видѣ оброка. Усадебную осѣдлость крестьяне могли выкупать за опредѣленную Положеніемъ сумму безъ согласія помѣщиковъ.

При опредѣленіи повинностей и надѣловъ Положеніе исходило изъ существовавшихъ при крѣпостномъ правѣ. Размѣръ надѣла былъ ограниченъ maximum'омъ и minimum'омъ. Maximum былъ низокъ и не могъ вполнѣ обезпечивать существованіе крестьянъ; minimum тѣмъ болѣе не могъ этого сдѣлать.

Помѣщику было предоставлено право оставлять себѣ до $^1/_3$ земель, причемъ въ расчетъ принимались только удобныя полевыя угодья и лѣсъ, находившіеся въ районѣ 12 верстъ отъ селенія (въ степной полосѣ помѣщикъ могъ оставить за собою $^1/_2$ земель). Отрѣзка земель была ограничена только тѣмъ, чтобы размѣръ надѣла никакъ не понижался ниже minimum'а. Положеніемъ была дана широкая возможность заключенію добровольныхъ сдѣлокъ между крестьянами и помѣщиками при составленіи уставныхъ грамотъ. При отсутствіи же добровольнаго соглашенія уставная грамота, опредѣлявшая поземельныя и повинностныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, должна была быть составленною черезъ 2 года послѣ обнародованія Положенія мировыми посредниками согласно его правиламъ. Въ отношеніи размѣровъ надѣловъ новороссійскія и великороссійскія губерніи были раздѣлены Положеніемъ на 3 полосы: 1) нечерноземную, раздѣленную на 9 мѣстностей, въ которыхъ maximum колебался отъ 3 до 7 десятинъ; 2) черноземную (8 мѣстностей), въ которой maximum колебался отъ 2 дес. 1800 кв. саж. до 6 дес. и 3) степную (12 мѣстностей), въ которой былъ введенъ указной надѣлъ, опредѣленный закономъ, отъ 3 до 12 дес. на душу. Minimum въ этихъ губерніяхъ (кромѣ губерній степной полосы) назначенъ въ треть низшаго. На всемъ этомъ пространствѣ господствуетъ общинное землевладѣніе и сохранена круговая порука для исправнаго отбыванія платежей. Тамъ, гдѣ было подворное владѣніе,—оно осталось безъ измѣненія. Въ губерніяхъ малороссійскихъ (черниговская, харьковская и полтавская) общинное землевладѣніе и круговая порука отсутствовали. Только повинности за мірскую землю падаютъ на все сельское общество, каждый же отдѣльный домохозяинъ отвѣчаетъ только за себя. При надѣленіи землею принимались въ расчетъ всѣ ревизскія души даннаго крестьянскаго общества, и земля, отведенная такимъ образомъ, называлась громадскою. За крестьянами оставались прежніе участки. Если помѣщики прирѣзали землю, то изъ нея давались участки прежде всего

беземельнымъ, а оставшееся разверстывалось между пѣшими хозяевами по усмотрѣнію общества. Maximum былъ опредѣленъ для каждой губерніи различно: въ полтавской губ. (2 мѣстности) отъ $2^3/_4$—$3^1/_2$ дес.; въ черниговской (3 мѣстности)—отъ $2^3/_4$,—4 и $4^1/_2$ дес. и въ харьковской (4 мѣстности)—3—$3^1/_2$, 4 и $4^1/_2$ дес. Minimum равнялся половинѣ высшаго надѣла. Въ юго-западныхъ губерніяхъ (подольской, волынской и кіевской) были сохранены надѣлы, опредѣленные инвентарными правилами, и дозволено въ продолженіе 6 лѣтъ (съ 1861 г.) просить о возвращеніи земель, отнятыхъ отъ крестьянъ вопреки инвентарнымъ правиламъ. Надѣлы раздѣлялись на коренные и дополнительные. Коренной надѣлъ соотвѣтствовалъ пѣшему двору, а тяглому давался второй пѣшій надѣлъ. Minimum'а назначено не было. Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ крестьянамъ оставлены участки, какими они пользовались по инвентарнымъ правиламъ. У помѣщика должна была остаться треть земель. Повинности опредѣлялись по прежнимъ правиламъ. Въ западныхъ губерніяхъ Положеніе закрѣпило много беземельныхъ крестьянъ. Послѣ польскаго возстанія крестьяне были переведены на обязательный выкупъ съ уменьшеніемъ исчисленной выкупной суммы на $20^0/_0$ и съ возможностью пониженія оброка, кромѣ того, на $15^0/_0$. Въ тотъ же періодъ времени послѣдовало распоряженіе о надѣленіи беземельныхъ крестьянъ сѣверо-западнаго края тремя десятинами (безъ усадьбы) на семью и объ устройствѣ быта батраковъ и бобылей западныхъ уѣздовъ витебской губерніи. Результатомъ этихъ мѣропріятій было увеличеніе пространства крестьянскихъ надѣловъ отъ 25—$70^0/_0$ и уменьшеніе повинностей отъ 60 до $182^0/_0$ въ юго-западномъ и отъ 2 до $16^0/_0$ въ сѣверо-западномъ краѣ.

При опредѣленіи повинностей было допущено одно условіе, сразу ставившее крестьянъ въ необезпеченное положеніе. При опредѣленіи размѣра ихъ принимались во вниманіе доходность земли и выгоды отъ промысловыхъ заработковъ населенія. Этимъ заранѣе признавалось несоотвѣтствіе платежей съ доходностью земли, и крестьяне вынуждались на посторонніе заработки въ видѣ арендъ, отхожихъ промысловъ и т. п. Это условіе заключаетъ и другую темную сторону крестьянской реформы. Подъ этимъ видомъ былъ проведенъ косвенный выкупъ личности, такъ какъ налагался платежъ на трудоспособность крестьянина. Оброки опредѣлялись различно для каждой мѣстности для высшаго размѣра надѣла и понижались по мѣрѣ уменьшенія его до minimum'a. При этомъ платежи за десятину понижались обратно пропорціонально измѣненію величины надѣла. Чѣмъ меньше былъ надѣлъ, тѣмъ выше была плата за каждую отдѣльную десятину. Происходило это изъ-за, такъ называемой, градаціи пла-

тежей. При составленіи Положенія было принято за основаніе, что въ меньшую единицу земли крестьянинъ можетъ вложить большій капиталъ и больше труда, чѣмъ на большій надѣлъ, а слѣдовательно и получать больше дохода. Поэтому за первую десятину брали половину высшаго оброка, за вторую—четверть, а на остальныя распредѣляли равномѣрно остальную часть высшаго оброка. Напримѣръ, при 8 десятинахъ высшій оброкъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ: за 1-ую десятину—4 рубля, за 2-ую—1 р. 60 к., а за остальныя по $56^2/_3$ коп. Такимъ образомъ, крестьянинъ, получая высшій надѣлъ, платилъ по 1 р. $12^1/_2$ коп. за десятину; за низшій же надѣлъ въ $2^2/_3$ десятины приходилось платить 5 р. 79 коп., т. е. по 2 р. 47 к. за десятину, или въ 2 раза больше, чѣмъ за одну десятину высшаго надѣла.

Временно - обязанныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ могли прекращаться путемъ выкупа земель въ собственность. Выкупъ могъ происходить путемъ добровольнаго соглашенія между крестьянами и помѣщиками, или по требованію помѣщика, причемъ выкупъ происходилъ безъ помощи правительства и съ помощью его. Помощь правительства выражалась въ выдачѣ помѣщику $^4/_5$ выкупной суммы съ уплатою остальной суммы самими крестьянами при добровольномъ соглашеніи и безъ уплаты, если выкупъ совершался по требованію помѣщика. Крестьяне дѣлались такимъ образомъ должниками правительства и уплачивали ему 6%, изъ которыхъ 5% шло помѣщику, а 1% шелъ на покрытіе издержекъ по выкупной операціи и на погашеніе крестьянскаго долга. Уплата выкупной суммы растягивалась этимъ путемъ на 49 лѣтъ со дня заключенія выкупного акта. Выкупная сумма опредѣлялась путемъ капитализаціи опредѣленнаго уставною грамотою оброка изъ 6%. Крестьяне могли и безплатно освободиться отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщику, получивъ $^1/_4$ высшаго надѣла.

Успѣхъ какого бы то ни было закона въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ его приложенія и введенія въ жизнь, а здѣсь сразу же приходится наталкиваться на отрицательныя явленія. Реакція къ 1861-му году успѣла возрасти. Защитники крестьянской реформы подвергались гоненію, а выдвигали на ихъ мѣста людей, стоявшихъ за дворянскіе интересы. Многіе либеральные губернаторы, отъ которыхъ въ значительной степени зависѣло проведеніе реформы, постепенно были смѣщены. Салтыковъ слѣдующими словами описывалъ результатъ этой реакціи послѣ 1861 г. „Вліятельными практическими дѣятелями на почвѣ 19 февраля явились люди, не могущіе и даже не дающіе себѣ труда воздержаться отъ судорожнаго подергиванія при малѣйшемъ намекѣ на эту почву. Люди же, всецѣло преданные дѣлу, вѣрящіе въ его будущность, очень часто не только отстраняются отъ всякаго влія-

нія на правильный исходъ его, но даже къ великой потѣхѣ многочисленнаго сонмища фофановъ и праздношатающихся, обзываются коммунистами, нигилистами, революціонерами и демагогами" [1]). „Грозная туча циркуляровъ и разъясненій носилась надъ новорожденнымъ Положеніемъ 19 февраля, поражая то ту, то другую статью его своими молніеносными ударами, исполнители которыхъ не желали склоняться передъ ними и замѣнялись другими" [2]), пишетъ б. мировой посредникъ Обнинскій объ этомъ времени.

Всѣ дѣла, касавшіяся крестьянъ, были сосредоточены съ 1861 г. въ учрежденномъ главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія. Составъ его членовъ былъ тотъ же, что и въ главномъ комитетѣ, предсѣдателемъ былъ назначенъ либеральный великій князь Константинъ Николаевичъ, занимавшій этотъ постъ до самаго закрытія комитета въ 1882 г. Далѣе проведеніе реформы зависѣло отъ состава губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, гдѣ сосредоточивался разборъ недоразумѣній, возникавшихъ при введеніи Положенія. Членами присутствій были частью чиновники, частью дворяне. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ были либеральные губернаторы, и до тѣхъ поръ, пока господствовали либералы въ правительственныхъ сферахъ, крестьянскіе интересы и здѣсь защищались. Губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ были подчинены мировые съѣзды, состоявшіе изъ мировыхъ посредниковъ и члена отъ правительства по назначенію, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянъ. Кругъ вліянія посредниковъ былъ очень широкъ. Они должны были въ случаѣ добровольнаго соглашенія крестьянъ и помѣщика удостовѣриться въ добровольности, а въ случаѣ отсутствія этого условія составить уставную грамоту по Положенію и привести ее въ исполненіе. Въ случаѣ недоразумѣній посредникъ долженъ былъ обращаться въ мировой съѣздъ. Съѣзды и посредники должны были ввести волостныя правленія, суды, руководить ими; имъ были подчинены непосредственно волостное начальство и крестьяне. Мировые посредники имѣли право наказывать крестьянъ, въ случаѣ неповиновенія призывать даже военную силу. Образовательнаго ценза отъ нихъ не требовалось, если они были потомственными дворянами, мѣстными помѣщиками и имѣли не менѣе 500 десятинъ земли (считая и ту, которая находилась въ пользованіи крестьянъ) или же имѣли право избирательнаго голоса въ губернскомъ дворянскомъ собраніи. Мировые посредники I призыва назначались на 3 года, а служили $3^1/_2$; мировые

---

[1]) М. Е. Салтыковъ. „Письма о провинціи". Собр. сочиненій.
[2]) Обнинскій. „Воспоминаніе юриста". Русскій Архивъ, 1892 г., № 1, стр. 127.

посредники II призыва оставались впредь до образованія уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Увольненіе мировыхъ посредниковъ зависѣло отъ сената, но на практикѣ увольненіе достигалось путемъ постановленія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія упразднить тѣ или другіе участки. Выборъ лицъ въ мировые посредники зависѣлъ отъ губернатора, а потому составъ ихъ былъ очень разнообразенъ и зависѣлъ какъ отъ степени либерализма того или другого губернатора, такъ и отъ вѣяній въ правительственныхъ сферахъ, съ которыми сообразовались губернскія власти. Въ калужской губерніи, напримѣръ, при Арцимовичѣ составъ мировыхъ посредниковъ, а слѣдовательно, и съѣздовъ былъ очень хорошъ. Губернаторъ всячески содѣйствовалъ ихъ усиліямъ склонять вѣсы въ пользу крестьянъ въ дѣлѣ реформы. Повинности, насколько возможно, уменьшались, крестьянамъ растолковывались ихъ права и обязанности по Положенію, чтобы крестьяне съ полнымъ сознаніемъ соглашались на составленіе уставныхъ грамотъ. Обнинскій разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ", что у нихъ (онъ служилъ мировымъ посредникомъ въ калужской губ. при Арцимовичѣ) происходили періодическіе участковые съѣзды, посѣщавшіеся очень аккуратно, несмотря на громадныя разстоянія, которыя приходилось инымъ дѣлать; изъ 35 мировыхъ посредниковъ не принимали въ нихъ участія человѣка 2—3. На этихъ съѣздахъ разрѣшались спорные и трудные вопросы при введеніи Положенія. Но тотъ же Обнинскій признаетъ, что, благодаря Арцимовичу, калужская губернія имѣла такой составъ мировыхъ посредниковъ, „подобнаго которому не имѣла ни одна губернія" [1]). Хорошъ былъ составъ мировыхъ посредниковъ и въ тверской губерніи. Въ 1862 г. 13 лицъ изъ состава служащихъ въ мировыхъ учрежденіяхъ было арестовано и предано суду сената. Причиною было поданное ими оффиціальное заявленіе (отъ 5 февраля 1862 г.) о полной солидарности съ тверскимъ дворянскимъ собраніемъ, которое въ прошеніи государю заявило: 1) о несостоятельности законовъ 19 февраля; 2) о необходимости предоставить крестьянамъ земли въ собственность; 3) о несостоятельности сословныхъ привеллегій и 4) о несостоятельности правительства удовлетворить общественнымъ требованіямъ,— и указало единственный неизбѣжный путь: собраніе представителей народа безъ различія сословій" [2]). Эти 13 лицъ писали въ заявленіи, что они „считаютъ долгомъ принять это убѣжденіе руководствомъ ихъ дѣятельности и заявляютъ, что всякій образъ дѣйствія, противный этому убѣжденію,

[1]) Обнинскій. „В. А. Арцимовичъ въ калужской губ. въ 1861—63 г." Русск. Старина, 1897 г., № 4, стр. 111.

[2]) Смотр. также книгу А. А. Корнилова. „Крестьянская реформа въ калужской губ. при Арцимовичѣ". Спб. 1904 г.

признаютъ враждебнымъ обществу“ [1]). Еще раньше--12 декабря 1861 г.—тверскіе мировые посредники заявляли гласно, что „единственный выходъ изъ настоящаго положенія дѣлъ—обязательный выкупъ и установленіе общественнаго порядка на взаимномъ довѣріи между правящими и управляемыми“ [2]). О хорошемъ составѣ мировыхъ посредниковъ тверской губерніи свидѣтельствуетъ Носовичъ, членъ отъ правительства на мировыхъ съѣздахъ 3-хъ уѣздовъ новгородской губерніи; такому составу приписываетъ онъ, что „дѣло составленія уставныхъ грамотъ идетъ въ тверской губерніи лучше, чѣмъ гдѣ-либо“ [3]). Но такъ было не во всѣхъ губерніяхъ. Корреспондентъ „Колокола“ сообщалъ въ 1861 г., что должность мировыхъ посредниковъ почти вездѣ продается (исключеніе, по его словамъ, развѣ калужская губернія). Въ Орловской Сафановичъ назначилъ рѣшительную цѣну въ 1000 р., за что и причисленъ къ министерству внутр. дѣлъ. Въ другихъ губерніяхъ торгуютъ не такъ откровенно, если не на деньги, то по связямъ. „Многіе гвардейцы, пишетъ корреспондентъ, получили мѣста членовъ губернскихъ присутствій и мировыхъ прямо отъ Ланского и К°. Всюду насажали родичей. Саратовская, симбирская и самарская губерніи составляютъ почти сплошную вотчину Кочубея, Щербатовыхъ, Голицыныхъ, Орловыхъ, Орловыхъ-Давыдовыхъ, Храповицкихъ. Ими этотъ благословенный край доведенъ до того, что мужикъ, сидя на черноземѣ, разоренъ и обобранъ, какъ бѣлорусъ“ [4]). Въ томъ же родѣ было сообщеніе въ „Колоколѣ“ изъ Смоленска. „Въ смоленской губ., пишетъ корреспондентъ, большая часть мировыхъ посредниковъ назначена и назначается губернаторомъ по протекціи, просьбамъ и интригамъ, а потому въ средѣ дѣйствительно достойныхъ людей много бездарныхъ молодцовъ“ [5]). Демертъ, характеризуя мировыхъ посредниковъ своей губерніи (очевидно, казанской), говоритъ: „въ нашей мѣстности болѣе $^2/_3$ должностей мировыхъ дѣятелей замѣщенъ былъ людьми военными, преимущественно отставными—отъ генералъ-майора до подпоручика и ротмистра включительно, по всѣмъ частямъ регулярныхъ войскъ“ [6]). Рисуя дѣятельность мировыхъ посредниковъ, Демертъ даетъ довольно мрачную картину. Онъ различаетъ между посредниками нѣсколько типовъ: 1) либераловъ, стоявшихъ приблизительно на стражѣ закона и защищавшихъ интересы крестьянъ; 2) посредниковъ-карьеристовъ, стремившихся угодить и помѣщикамъ, и правительству, сообразуясь съ гос-

---

1) „Колоколъ“, 1862 г., № 126.
2) „Колоколъ“, 1862 г., № 126.
3) Носовичъ. „Записки“, стр. 78—79.
4) „Колоколъ“, 1861 г., № 103.
5) „Колоколъ“, 1862 г., № 127.
6) Демертъ. „Новая Воля“. „Отеч. Зап.“ 1869 г., № 11, стр. 211.

подствовавшимъ теченіемъ въ послѣднемъ; 3) посредниковъ—баръ, добрыхъ по лѣни, служащихъ ради чести и мало работавшихъ; 4) „галантерейныхъ" посредниковъ, много шумящихъ, „путаниковъ", фактически ничего не дѣлающихъ и 5) посредниковъ—„драчуновъ", пускавшихъ руки въ ходъ при разборѣ дѣлъ, т. е. не отказавшихся еще отъ крѣпостныхъ привычекъ. Наилучшими для крестьянскаго дѣла Демертъ считаетъ первую группу и третью. Демертъ указываетъ на невѣжество иныхъ мировыхъ посредниковъ, неумѣнье разобраться въ сложныхъ вопросахъ, выдвигаемыхъ проведеніемъ Положенія въ жизнь: губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію приходилось разъяснять самые мелочные вопросы [1]). Характерно въ этомъ отношеніи распоряженіе одного мирового посредника въ 1862 г. Этотъ мировой посредникъ, мѣсто дѣятельности котораго, къ сожалѣнію, неизвѣстно, принялъ буквально слова манифеста о томъ, чтобы вниманіе земледѣльческаго населенія не отвлекалось бы отъ земледѣлія. Очевидно, въ его мѣстности были распространены отхожіе промыслы. Въ своемъ приказѣ волостнымъ правленіямъ, мировой посредникъ обращаетъ вниманіе, что волостное и сельское начальство увольняетъ крестьянъ на продолжительное время (даже на годъ) въ отдаленныя губерніи („какъ-то въ Керчь"). Ссылаясь на запрещеніе отдавать недоимщиковъ въ наймы дальше сосѣднихъ уѣздовъ (въ данномъ случаѣ совершенно неподходящая ссылка), мировой посредникъ приказываетъ уничтожить всѣ условія и свидѣтельства, если они влекли за собою отлучку въ другія губерніи (дальше сосѣднихъ уѣздовъ); въ противномъ случаѣ онъ грозилъ волостному и сельскому начальству наказаніями. „Требованіе мирового посредника, говорится въ сообщеніи объ этомъ фактѣ, поставило крестьянъ въ безвыходное положеніе, тѣмъ болѣе, что циркуляръ послѣдовалъ въ такое время, когда многіе заключили уже сдѣлки на отхожіе промыслы. Если бы не вмѣшательство одного лица, заставившаго мирового посредника отказаться отъ своего толкованія Положенія, то въ исторіи крестьянской реформы прибавился бы еще одинъ, такъ наз., „бунтъ крестьянъ" [2]). О непониманіи Положенія и своихъ обязанностей мировыми посредниками свидѣтельствуетъ и Носовичъ въ своихъ „Запискахъ". „Меня удивляетъ, пишетъ Носовичъ въ своемъ дневникѣ,... малое знакомство г.г. старорусскихъ посредниковъ съ надлежащимъ духомъ ихъ призванія; такъ, напримѣръ, посредникъ Карцовъ производитъ слѣдствіе по дѣламъ уголовнымъ, до его круга дѣятельности совершенно неотносящимся; между тѣмъ не выполняетъ своихъ прямыхъ обязанностей—

[1]) Демертъ. „Новая Воля". „Отеч. Зап.", 1869 г., № 10, стр. 393.
[2]) Сообщеніе П. Н. Вереха. „Русск. Старина", 1902 г., № 8, стр. 288.

я насилу могъ убѣдить его въ вопіющей неправильности его образа дѣйствій... Всѣ эти промахи происходятъ отъ того, что онъ считаетъ себя *начальникомъ* своего участка, т. е. лицомъ, совмѣщающимъ въ себѣ всѣ роды властей: административную, полицейскую и судебную; словомъ, онъ видитъ въ себѣ какого-то падишаха, правда, дѣйствующаго съ цѣлью благонамѣренною, но все-таки падишаха... Подобные промахи, хотя и не столь рѣзкіе, встрѣчаются и у другихъ мировыхъ посредниковъ; причина этого одна и та же, а именно та, что господа эти считаютъ себя начальниками участка, а потому вмѣшиваются не въ свое дѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ упускаютъ изъ вида дѣйствительное свое назначеніе" [1]). Произвольность толкованій Положенія и всѣхъ распоряженій мировыхъ посредниковъ хорошо характеризуется, между прочимъ, отношеніемъ ихъ къ составленію уставныхъ грамотъ. Одни мировые посредники считали необходимымъ добиваться добровольныхъ соглашеній между крестьянами и помѣщиками, требовали принятія уставныхъ грамотъ и ихъ подписи уполномоченными отъ крестьянъ; при отказѣ послѣднихъ отъ того и другого, подобные мировые посредники прибѣгали нерѣдко къ репрессіямъ вплоть до введенія военныхъ командъ въ селенія, тѣлеснаго наказанія и постоя войскъ. На этой почвѣ извѣстно много волненій въ курской губерніи. Изъ харьковской губерніи сообщали въ „Общее Вѣче", что „мировой посредникъ окруженъ губернаторомъ, жандармскимъ полковникомъ и отрядомъ солдатъ—для подписыванія уставныхъ грамотъ [2]). Нѣкоторые мировые посредники относились къ подписи уставныхъ грамотъ уполномоченными и къ офиціальному принятію грамоты крестьянами, какъ къ чему-то несущественному, предпочитая составлять уставныя грамоты и вводить ихъ на точномъ основаніи Положенія 19 февраля. Однимъ словомъ, здѣсь каждый молодецъ дѣйствовалъ на свой образецъ. Нечего и говорить, что были и такіе мировые посредники, которые составляли уставные грамоты келейно съ помѣщиками, руководствуясь не Положеніемъ, а исключительно интересами помѣщика.

Помимо невѣжества, произвольности толкованій Положенія, нѣкоторые авторы отмѣчаютъ крайнюю небрежность лицъ, служащихъ въ мировыхъ учрежденіяхъ, по отношенію къ своимъ обязанностямъ. Нѣкоторые мировые посредники, по указанію Демерта, считали особою заслугою составить въ короткое время наибольшее количество уставныхъ гра-

---

[1]) Носовичъ. „Крестьянская реформа въ новгородской губ." 1861—1863 г съ предисловіемъ В И. Семевскаго. Петербургъ 1900 г. Для читателя, желающаго ближе ознакомиться съ крестьянскою реформою въ эпоху 1861—63 г., „Записки" С. И. Носовича дадутъ богатый и цѣнный матеріалъ.

[2]) „Общее Вѣче", 1862 г., № 7.

мотъ и, конечно, составляли ихъ кое-какъ, наспѣхъ. „Ну, и хороши же, говоритъ Демертъ, за то выходили грамоты... Повѣрка грамотъ, для скорости, производилась наобумъ, иногда зимою, когда земельный надѣлъ былъ покрытъ огромными буграми снѣга. Крестьянскій надѣлъ въ этихъ скороспѣлыхъ грамотахъ обыкновенно показывался приблизительно, на вѣру, потому что ни плановъ, ни времени для ихъ составленія, ни достаточнаго количества землемѣровъ не откуда было взять“ [1]). Сколько недоразумѣній, какія злоупотребленія могли происходить отъ такого рода дѣятельности, ухудшая и безъ того плохое экономическое положеніе крестьянъ. Иные мировые посредники совершенно игнорировали свои обязанности. Демертъ разсказываетъ объ одномъ мировомъ посредникѣ, который за болѣзнью и собственными дѣлами, не имѣлъ времени исполнять свои посредническія обязанности. За него исполняла ихъ старуха—его жена, а за хозяйскимъ недосугомъ послѣдней — одинъ изъ дежурныхъ по хозяйству малолѣтнихъ ея племянниковъ [2]). „Иной (посредникъ), говоритъ Демертъ, заѣдетъ въ чужой уѣздъ или даже губернію и сидитъ тамъ себѣ въ своемъ помѣстьѣ, даже жалованье съѣздитъ получить за нѣсколько мѣсяцевъ вразъ, а мужикъ ищетъ его понапрасну и иной разъ не отыскиваетъ даже на мировомъ съѣздѣ“ [3]).

Такое отношеніе мировыхъ посредниковъ отражалось, конечно, и на мировыхъ съѣздахъ. Демертъ сообщаетъ о своей губерніи, что „мировые съѣзды въ самомъ началѣ своего существованія пріобрѣли чисто домашній, халатный характеръ“... На второмъ году своего существованія съѣзды во многихъ уѣздахъ не собирались вовсе... Перестали, разумѣется, ходить на нихъ и просители-мужики, у которыхъ безплодное хожденіе на мировые съѣзды выражалось фразою „напрасно лапти драть“ [4]).

„Всѣ, такъ наз., текущія дѣла, пишетъ Демертъ, обыкновенно разрѣшалъ одинъ изъ членовъ, который поумнѣе, или просто секретарь, а прочіе только подписывали“ [5]). Носовичъ свидѣтельствуетъ о томъ же относительно новгородской губерніи. Вернувшись со старорусскаго мирового съѣзда, онъ даетъ въ своемъ дневникѣ такую рѣзкую характеристику его. „Въ нынѣшнее засѣданіе было очень много дѣлъ для разбора и разсмотрѣнія, и такъ какъ всѣ члены съѣзда... принадлежатъ къ категоріи равнодушныхъ и лѣнивыхъ къ дѣлу, то весь матеріальный трудъ, какъ самаго разбора ихъ и составленія постановленій, такъ и направленія

[1]) Демертъ. „Новая Воля“. Отеч. Зак., 1863 г., № 11, стр. 251.
[2]) Ibid., стр. 252.
[3]) Носовичъ. „Записки“, стр. 133.
[4]) Демертъ. „Новая Воля“. Отеч. Зап., 1863 г., № 11, стр. 251.
[5]) Ibid., стр. 252.

дѣлъ, лежалъ, по несчастью, на мнѣ. Несостоятельность убѣжденій г.г. членовъ съѣзда также поразительна; никто изъ нихъ никогда не думаетъ защищать своего воззрѣнія на предметъ; всякій выжидаетъ, что скажетъ другой; всякій радъ, если кто-нибудь выскажется напередъ, чтобы можно было бы упереться на готовое мнѣніе безъ труда размышленія. Благодаря такому составу членовъ съѣзда не трудно провести въ немъ то или другое воззрѣніе и осуществить желаемое рѣшеніе дѣла" [1]). Помимо всего вышеизложеннаго, многіе мировые посредники сознательно держали сторону помѣщиковъ, совершали прямыя злоупотребленія въ пользу помѣщиковъ и въ ущербъ интересамъ крестьянъ. У Носовича можно почерпнуть не мало фактовъ, подтверждающихъ это положеніе. Такъ послѣ одного изъ мировыхъ съѣздовъ Носовичъ указываетъ въ своемъ дневникѣ, что мировые посредники новгородскаго уѣзда усвоили себѣ по вопросу составленія уставныхъ грамотъ „беззаконный, несправедливый, односторонній взглядъ", а именно: „они не только толкуютъ законоположеніе въ пользу помѣщиковъ, но прямо отступаютъ или не исполняютъ прямыхъ указаній его, руководствуясь личными выгодами владѣльцевъ" [2]). Онъ высказываетъ подозрѣніе, что этихъ принциповъ держатся мировые посредники и въ другихъ дѣлахъ, не выходящихъ до мирового съѣзда. Носовичъ заявилъ даже по этому поводу протестъ на новгородскомъ мировомъ съѣздѣ и подалъ особое мнѣніе въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. „При повѣркѣ грамотъ, говоритъ онъ по поводу другого мирового съѣзда того же уѣзда, законъ совершенно не соблюдается, и грамоты составляются по какимъ-то хозяйственнымъ соображеніямъ, уравновѣшивающимъ будто бы взаимныя хозяйственныя выгоды и пользы какъ помѣщика, такъ и крестьянъ; разумѣется, этого нѣтъ и быть не можетъ на самомъ дѣлѣ; пользы и выгоды помѣщиковъ всегда преобладаютъ" [3]). Приблизительно то же говоритъ Носовичъ и по поводу старорусскаго мирового съѣзда новгородской губерніи. „При обсужденіи уставныхъ грамотъ, неподписанныхъ крестьянами, т. е. составленныхъ не по обоюдному соглашенію, а на основаніи правилъ Положенія, члены мирового съѣзда, стараясь сохранить хозяйственныя выгоды помѣщиковъ, желаютъ отступить отъ статей законоположенія, говоря, что это несоблюденіе такъ незначительно и что тягость его, распадаясь на все число душъ сельскаго общества, дѣлаетъ для крестьянъ совершенно нечувствительнымъ отступленіе

---

[1]) Носовичъ. „Записки", стр. 133.
[2]) Носовичъ. „Записки", стр. 100—101.
[3]) Ibid., стр. 146.

отъ закона“ [1]). О мировомъ посредникѣ демянскаго уѣзда, нѣкоемъ Шестаковѣ, Носовичъ разсказываетъ, что „онъ смотритъ, повидимому, на свое призваніе съ точки зрѣнія земской полиціи, онъ относится къ крестьянамъ не иначе, какъ къ сторонѣ отвѣтствующей, онъ видитъ въ совершающемся великомъ дѣлѣ несправедливую борьбу и со своей стороны помогаетъ дворянамъ имѣть въ ней всегда и во всемъ перевѣсъ надъ крестьянами“ [2]).

Да и помимо „Записокъ“ Носовича можно набрать много фактовъ составленія уставныхъ грамотъ и веденія всего дѣла мировыми посредниками въ пользу помѣщиковъ. Возьмемъ для примѣра хотя бы дѣло крестьянъ села Конохова, владимирской губерніи, которые въ продолженіе 10 лѣтъ не пользовались своими надѣлами, не платили оброка и дошли до полнаго обнищанія. Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе само признало въ 1872 г., что „нѣкоторыя недоимки (крестьянъ) произошли отъ *неблагопріятнаго* устройства экономическаго быта крестьянъ, *тягостныхъ* требованій помѣщика и *неблагоразумныхъ и противозаконныхъ* дѣйствій мировыхъ посредниковъ и полиціи“ [3]). Пристрастность дѣйствія мирового посредника явствуетъ хотя бы изъ того, что вся присельная земля, окружающая *избы* конохинскихъ крестьянъ, была признана по уставной грамотѣ собственностью помѣщика (И—ва), такъ что даже кабакъ и общественные хлѣбные магазины оказались выстроенными на землѣ И—ва; объ огородахъ, дворахъ и прочихъ угодьяхъ нечего и говорить. Вмѣсто части присельной земли, отобранной отъ крестьянъ, И—въ далъ дополнительныя земли въ пустошахъ за 5 верстъ отъ деревни, въ костромской губерніи. Слѣдовательно, крестьяне имѣли доступъ къ ней только черезъ прогонъ по помѣщичьей землѣ. Вся земля, кромѣ того, была худого качества. Между тѣмъ оказывается по справкамъ, что при деревнѣ Коноховѣ г. И—въ *никогда не владѣлъ землею*, такъ что вся земля, какъ присельная, такъ и пустошная была въ постоянномъ пользованіи крестьянъ и только послѣ составленія уставной грамоты неожиданно очутилась во владѣніи г-на И—ва“. Въ уставной грамотѣ „о надѣлѣ крестьянъ говорится глухо, неясно и вовсе не упоминается о томъ, кто изъ крестьянъ находились въ качествѣ понятыхъ при введеніи уставной грамоты“ [4]). Въ курской губерніи мировые посредники большею частью также не только не растолковы-

---

[1]) Ibid., стр. 121.

[2]) Ibid., стр. 81.

[3]) Миропольскій. „Крестьянская реформа въ д. Коноховѣ (владимирской губ.)“. Бесѣда, 1872 г., № 2, стр. 15.

[4]) Миропольскій. „Крестьянская реф. въ дер. Коноховѣ“. Бесѣда 1872 г., № 2, стр. 15.

вали крестьянамъ ихъ правъ и обязанностей, но сами защищали помѣщичьи интересы при составленіи уставныхъ грамотъ, уменьшая надѣлы, увеличивая платежи и призывая, въ случаѣ несогласія ихъ принять подобную уставную грамоту, военныя команды для усмиренія.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на такія отрицательныя черты дѣятельности многихъ мировыхъ посредниковъ, должно сказать, что въ общемъ мировые посредники I призыва и по составу своему, и по дѣятельности были несравненно выше мировыхъ посредниковъ II призыва. Первые помогли при недоразумѣніяхъ крестьянъ съ помѣщиками, разъясняя имъ законъ и Положеніе и предотвращая такимъ образомъ вмѣшательство суровой военной власти при волненіяхъ. Дѣятельность ихъ вызвала даже такой дифирамбъ у декабриста Бѣляева. „Первыми посредниками, говоритъ онъ, очень счастливо были выбраны люди, стоявшіе на высотѣ своего призванія. Все лучшее въ Россіи по состоянію, образованію, все отмѣченное общественнымъ голосомъ по нравственнымъ качествамъ, все, что было самаго благороднаго, либеральнаго, отозвалось на зовъ государя и стало въ ряды дѣятелей въ святомъ призваніи. Первыя ихъ дѣйствія уже доказали народу, что его участь очутилась въ рукахъ крѣпкихъ, неподкупныхъ, безпристрастныхъ, справедливыхъ... И вотъ эти *первые* посредники сразу пріобрѣли полное довѣріе народа, его уваженіе и благодарную любовь“ [1]). Конечно, это преувеличенная оцѣнка, которой рѣзко противорѣчатъ вышеприведенные факты. По свидѣтельству Носовича, напримѣръ, посредники новгородскаго уѣзда не только не пріобрѣли довѣрія среди крестьянъ, не имѣли никакого авторитета среди нихъ, но крестьяне попросту не слушали ихъ [2]). Тѣмъ не менѣе этотъ отзывъ любопытенъ, какъ впечатлѣніе, производимое положительными сторонами дѣйствій мировыхъ посредниковъ въ такихъ мѣстахъ, какъ калужская губернія, тверская и мѣстами въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ. Но по мѣрѣ разгара реакціи составъ мировыхъ посредниковъ ухудшался, проявлялось крѣпостничество многихъ лицъ, а слѣдовательно, ухудшалось проведеніе Положенія 19 февраля въ жизнь.

Изъ самаго бѣглаго обзора главнѣйшихъ пунктовъ Положенія 19 февр. 1861 г. ярко выступаетъ разница между волею, которую далъ крестьянамъ императоръ Александръ II и волею, которую ожидали отъ царя крестьяне. Вмѣсто полной отмѣны всякихъ крѣпостныхъ отношеній съ момента объявленія воли крестьяне должны были оставаться почти на прежнемъ положеніи впредь до составленія уставныхъ грамотъ, которыя могли тянуться 2 года. Та же барщина, тѣ же оброки,

---

[1]) Воспоминанія декабриста Бѣляева. „Рус. Стар.“ 1886 г., № 11, стр. 302.
[2]) Носовичъ. „Записки“, стр. 180.

та же вотчинная власть помѣщика, хотя и съ правомъ примѣнять тѣлесныя наказанія только черезъ полицію. Отмѣна мелкихъ сборовъ припасами, уменьшеніе женской барщины на 1 день въ недѣлю, незначительное уменьшеніе мужскихъ дней зимою, отмѣна карауловъ и другихъ мелкихъ повинностей были такъ ничтожны, не говоря о томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этихъ повинностей не было и при крѣпостномъ правѣ, — что не вносило никакой существенной разницы между крѣпостнымъ состояніемъ и тѣмъ, которое создавалось для нихъ съ объявленіемъ Положенія.

Убѣдить же крестьянъ, что вчерашняя крѣпостная барщина и вчерашній крѣпостной оброкъ, сегодня, когда объявлено Положеніе, уже есть плата за землю—было довольно мудрено. Естественно, что въ глазахъ крестьянъ съ объявленіемъ Положенія „воли" не наступило, и они остались попрежнему крѣпостными. Дворовые должны были оставаться въ прежнемъ повиновеніи господамъ 2 года, но за то по истеченіи ихъ получить полную личную свободу. Для крестьянъ же и съ составленіемъ уставныхъ грамотъ „воли" не наступало.

Та же барщина, хотя бы и въ видѣ урочнаго положенія, тѣ же оброки, т. е. обязательныя отношенія къ помѣщику. Правда, съ введеніемъ волостныхъ и мировыхъ учрежденій прекращалась вотчинная власть помѣщиковъ. Но, какъ справедливо замѣтилъ Серно-Соловьевичъ, вмѣсто того „народную жизнь... окружили цѣлымъ амфитеатромъ начальствъ, изъ которыхъ каждое, отъ старосты до губернскаго присутствія, можетъ... мѣшать правильному развитію народныхъ силъ. Исключительно помѣщичье управленіе крѣпостного права замѣнено управленіемъ чиновничье-помѣщичьимъ. Безграничность власти помѣщика-чиновника (мирового посредника), совокупности помѣщиковъ-чиновниковъ (мирового съѣзда), совокупности помѣщиковъ и чиновниковъ (губернскаго присутствія), съ одной стороны, съ другой, неограниченная подчиненность мужиковъ, чиновниковъ, старостъ и волостныхъ старшинъ помѣщикамъ и мировымъ посредникамъ вполнѣ выкупаютъ для помѣщичьяго начала ограниченія, сдѣланныя въ крѣпостномъ правѣ, а чиновничьему началу открываютъ ворота въ единственную среду, куда оно днемъ съ трудомъ проникало съ задняго хода. Всѣ эти власти и по происхожденію и по составу своему въ большинствѣ случаевъ будутъ держать руку помѣщика или исполнять его приказанія, а жалованья на нихъ приходится имъ же самимъ платить? Оцѣнка крестьянъ не могла быть выше, хотя они и не смогли бы, быть можетъ, сформулировать ее. „Какая же это воля? Это

[1]) Серно-Соловьевичъ. „Окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса", стр. 64 - 65.

не воля, а обманъ одинъ!"—вотъ слова, навертывавшіяся на языкъ каждаго крестьянина, уразумѣвшаго смыслъ Положенія.

Громадное разочарованіе должны были понести крестьяне въ наисущественнѣйшемъ вопросѣ своего благосостоянія—земельномъ. Не только вся помѣщичья земля не отчуждалась въ пользу крестьянъ, но, наоборотъ, вся земля въ имѣніяхъ—и господская, и крестьянская—признавалась неприкосновенною собственностью помѣщиковъ. Мало того, даже въ пользованіе крестьянъ отводилась не вся земля, какою они пользовались при крѣпостномъ правѣ, а со значительными урѣзками. Вспомнимъ, что изъ 1 милліона 70 т. въ рязанской губ., 722 т. въ воронежской, 1,078,000 д. въ саратовской, 917 т. въ псковской, 1,600,000 въ новгородской и 599 тыс. д. въ симбирской осталось у крестьянъ послѣ введенія Положенія въ первой губ. только 1 милліонъ дес., во второй—570 т., въ третьей—834 т., въ четвертой—805 т., въ пятой 1 милліонъ 45 т. и въ шестой 530 т. десятинъ, т. е. всего только въ этихъ 6 губерн. количество крестьянской земли уменьшилось на 1,200,000 десятинъ (на 70 т. въ рязанской губ., на 152 т. въ воронежской, въ саратовской на 244 т., въ псковской на 112 т., въ новгородской на 555 т. и въ симбирской на 69 т. десятинъ). Можно судить, до какой суммы возрастетъ цифра отрѣзки отъ прежней крестьнской земли, если произвести подсчетъ по всѣмъ губерніямъ.

Душевые надѣлы должны были неизбѣжно уменьшиться, ибо сравненіе maximum'a размѣровъ надѣла по Положенію со средними душевыми надѣлами крестьянъ въ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 д., показываетъ, что эти maximum'ы въ лучшемъ случаѣ только равнялись среднимъ крѣпостнымъ надѣламъ, а въ нечерноземныхъ губ. не достигали даже и ихъ. Дѣйствительно, въ нечерноземной полосѣ maximum надѣла по Положенію колебался отъ 3 до 7 десятинъ, средніе крѣпостные надѣлы въ нечерноземныхъ губ. равнялись 3,72 дес. во владимирской губ. и 8,68 дес. въ вологодской губ. (взяты крайнія цифры), т. е. въ этихъ мѣстностяхъ отрѣзки были неизбѣжны у большей части крестьянъ. Въ черноземной полосѣ maximum по Положенію равнялся отъ 2 дес. 1800 кв. саж. до 6 дес.—въ крѣпостное время въ губ. орловской, пензенской, воронежской, тульской, тамбовской, рязанской, курской душевые надѣлы колебались между 2,48 дес. (въ курской губ.) и $3^1/_2$ дес. (въ орловской). Здѣсь отрѣзки врядъ ли были значительны, ибо надѣлы были малы и въ крѣпостное время. Но не забудемъ при этомъ, что minimum во всѣхъ этихъ случаяхъ былъ опредѣленъ въ $^1/_3$ maximum'a, чѣмъ узаконялись завѣдомо недостаточные надѣлы, ибо, какъ извѣстно, въ крѣпостное время помѣщики въ большинствѣ

случаевъ (что и выражается въ среднихъ цифрахъ) давали крестьянамъ лишь столько земли, чтобъ обезпечить minimum средствъ къ существованію. Но и эта земля отводилась не въ собственность крестьянамъ „безданно-безпошлинно“ или съ уплатой оброковъ только казнѣ наравнѣ съ казенными крестьянами. Нѣтъ, крестьяне могли только *пользоваться* за опредѣленныя повинности, т. е. отрабатывая барщину или уплачивая оброкъ; съ введеніемъ уст. грамотъ, крестьяне могли по желанію требовать перевода съ барщины на оброкъ, только предупредивъ о томъ помѣщика за годъ впередъ. Оброки же въ общемъ были повышены. Достаточно сравнить средніе оброки крестьянъ въ крѣпостное время (передъ освобожденіемъ) въ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 д., съ оброками, назначенными по Положенію. Наименьшій оброкъ по Положенію былъ 8 руб., наибольшій—12 руб. или 30 руб., 25, $22^{1}/_{2}$, 20 руб. съ тягла, если считать въ немъ по $2^{1}/_{2}$ десятины. Средніе же оброки съ тягла въ крѣпостное время въ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 душъ, при томъ же количествѣ душъ на тягло, колебались между 12 р. 51 коп. (въ олонецкой губ.) и 27 р. 26 к. (въ петербур.), при чемъ преобладающею цифрой въ рядѣ губерній были $18^{1}/_{2}$ до 20 руб. Повышеніе оброковъ ясно безъ всякихъ комментарій. Тотъ же выводъ получается, если сравнить платежи, падавшіе на каждую десятину въ крѣпостное время, съ таковыми же платежами въ пореформенное время. Такъ, по вычисленіямъ Н. Г. Чернышевскаго, въ 18 уѣздахъ различныхъ губерній изъ $419.406^{1}/_{2}$ дес. прежняго крѣпостного надѣла въ имѣніяхъ, гдѣ было болѣе 100 душъ, крестьяне должны были получить согласно Положенію только $317.638^{3}/_{4}$ дес., т. е. къ помѣщикамъ должно было отойти $101.767^{3}/_{4}$ дес. При крѣпостномъ надѣлѣ эти крестьяне платили 842.728 р. 50 к. или 2 р. 9 коп. за десятину; по Положенію же за уменьшенный надѣлъ въ этихъ уѣздахъ крестьяне должны были платить 731.346 р. 80 к. или 2 р. $30^{1}/_{2}$ к. за десятину. „Иначе сказать, говоритъ Н. Г. Чернышевскій, по новымъ положеніямъ освобождаемые крестьяне должны платить помѣщику 1 р. 10 к. вмѣсто каждаго рубля, который платили ему при прежнемъ крѣпостномъ правѣ“ [1]).

Не забудемъ при этомъ указанную выше градацію платежей, при которой при меньшемъ надѣлѣ за десятину приходилось платить болѣе, чѣмъ за ту же десятину при большемъ размѣрѣ надѣла. Между тѣмъ въ такихъ мѣстностяхъ, какъ черноземныя губерніи, эта градація не имѣла, по справедливому указанію Головачева, ни малѣйшаго основанія, ибо тамъ удобреніе не примѣнялось, а поэтому не было и раз-

[1]) Н. Г. Чернышевскій. „Письмо безъ адреса“, стр. 316. Собр. сочиненій, т. X, ч. 2-ая. Изд. М. Н. Чернышевскаго, С.-Петербургъ, 1906 г.

ницы между первыми пріусадебными десятинами надѣла и послѣдними.

Правда, крестьянамъ представлялась возможность выкупить усадьбу и полевыя угодья или получить „нищенскій" надѣлъ ($^{1}/_{4}$ maximum'а) безплатно въ собственность. Что касается выкупа, то онъ, во 1-хъ, могъ произойти только съ согласія помѣщика (обязательный выкупъ для обѣихъ сторонъ введенъ только въ 1882 г.); во 2-хъ, хотя $^{4}/_{5}$ выкупной суммы уплачивались правительствомъ въ видѣ ссуды крестьянамъ, и лишь $^{1}/_{5}$ уплачивалась самими крестьянами (при добровольномъ выкупѣ), но такъ какъ выкупная сумма опредѣлялась путемъ капитализаціи оброковъ, а послѣдніе были высоки и большею частью несоразмѣрны со стоимостью надѣловъ, то и выкупные платежи были несоразмѣрно высоки. Нищенскій же надѣлъ, прельщая крестьянъ возможностью немедленной развязки съ крѣпостными отношеніями, заранѣе обрекалъ на полуголодное существованіе, ибо расчеты крестьянъ въ такомъ случаѣ на дешевую аренду не оправдались.

Итакъ, вмѣсто всей помѣщичьей земли „безданно-безпошлинно" или съ уплатою оброковъ только казнѣ, крестьяне получили по Положенію только землю, которою они пользовались при крѣпостномъ правѣ, зачастую въ уменьшенномъ количествѣ, и притомъ за высокіе платежи. Вмѣсто ожидаемаго благополучія крестьянамъ съ полученіемъ „царской" воли грозило экономич. разореніе. Возможность послѣдняго станетъ очевиднѣе, если мы вспомнимъ, что съ отмѣною крѣпостного права молчаливо отмѣнялся цѣлый рядъ сервитутовъ, т. е. пользованіе нѣкоторыми помѣщичьими угодьями (пастбище по господскому пару или другимъ мѣстамъ, топливо, пользованіе помѣщичьими лѣсами, водами, зачастую безъ всякой платы и т. п.); крестьяне лишались помощи въ несчастныхъ случаяхъ, что практиковалось разсчетливыми помѣщиками, слѣдившими за исправностью хозяйствъ своей „рабочей скотинки"; они лишались права на продовольствіе отъ помѣщиковъ во время голодовки и т. д. Прибавимъ къ этому, что въ то же время у крестьянъ должны были увеличиться мірскіе платежи: на нихъ падало содержаніе сельскаго управленія, учрежденнаго по крестьянскому дѣлу, не мало обошлось составленіе уставныхъ грамотъ, а тамъ дальше шло введеніе земскихъ учрежденій, тоже прибавившихъ платежей съ крестьянъ и т. д. Не забудьте при этомъ всю ту логику, которою сопровождается переходъ отъ натуральнаго хозяйства, господствовавшаго въ крѣпостное время среди крестьянъ, къ денежному, что вызывалось отчасти указанными увеличившимися денежными повинностями крестьянъ. Не сбылась мечта крестьянъ и на вольное переселеніе, ибо послѣднее было обставлено Положеніемъ 19 февр. такими трудностями, что сдѣлалось доступнымъ только состоятель-

нымъ крестьянамъ. Они оказались пригвожденными Положеніемъ къ мѣсту жительства и обречены на необезпеченное существованіе. Что это не фраза, а фактъ, доказываетъ лучше всего послѣдующее разореніе нашего крестьянства, громадныя недоимки, голодовки, пауперизація, пролетаризація и пр., что стало обнаруживаться въ первые же годы послѣ реформы. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ ознакомиться даже въ краткихъ чертахъ съ этимъ вопросомъ и желающихъ можно лишь отослать къ соотвѣтствующимъ изслѣдованіямъ о пореформенномъ экономическомъ положеніи крестьянства [1]).

Теперь же посмотримъ, какъ отнеслись сами крестьяне къ Положенію 19 февр., въ какой мѣрѣ и какъ оцѣнили они его и съ какой охотой лѣзли въ экономическую петлю, какая приготовлена была имъ излюбленнымъ имъ дворянствомъ.

IV.

Манифестъ былъ подписанъ Александромъ II 19 февраля 1861 года, но объявленіе его народу въ Петербургѣ и Москвѣ произошло лишь 5-го марта, а въ другихъ мѣстахъ значительно позже. Были приняты мѣры къ обезпеченію спокойствія на мѣстахъ, ибо какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ провинціи въ чиновничьихъ и помѣщичьихъ кругахъ господствовали тревожныя ожиданія чуть ли не пугачевщины. Были командированы въ губерніи особыя довѣренныя лица отъ государя—флигель-адъютанты и генер.-маіоры—„для содѣйствія губернскому начальству въ распоряженіе его, какъ по приведенію въ исполненіе новыхъ законоположеній о крестьянахъ по сохраненію въ губерніи тишины и порядка“, гдѣ главною ролью была роль усмирителя крестьянскихъ волненій. Еще 21 февраля особымъ циркуляромъ Мин. Вн. Дѣлъ было сообщено губернаторамъ, что государю угодно, чтобы экземпляры манифеста распорядительнаго указа сената и Положенія 19 февраля сдѣлались бы извѣстны помѣщикамъ и крестьянамъ „безъ малѣйшей задержки, сколь можно быстрѣе и единовременнѣе“ [2]). Положенія 19 февр. должны были быть доставлены въ каждое имѣніе, гдѣ было болѣе 21 души—въ количествѣ 2-хъ экземпляровъ (одинъ изъ нихъ должны были отдать помѣщику, другой

---

[1]) См. Янсонъ. „Опытъ статистич. изслѣд. о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“. Изд. 2, 1881 г. Николай—онъ. „Очерки пореформеннаго хозяйства“ 1893 г. Постниковъ. „Южно-русское крестьянское хозяйство“. 1891 г. „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкот. стороны рус. народнаго хозяйства“. „Нужды деревни“, т. 1-й и 2-й. „Аграрный вопросъ“ изд. Петрункевича и Долгорукова, т. I и II и др.

[2]) Лѣтопись Сельскаго Благоустройства 1861 г., стр. 45—47. Циркуляръ мин. внутр. дѣлъ за № 5.

крестьянамъ), въ имѣніе съ крестьянскимъ населеніемъ менѣе 21 души—одинъ экземпляръ съ тѣмъ, чтобы помѣщикъ предъявилъ его крестьянамъ.

Для лучшаго и болѣе быстраго ознакомленія было издано „Краткое изложеніе правъ и обязанностей крестьянъ и дворовыхъ людей, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“. Особымъ циркуляромъ министерство рекомендовало: „въ видахъ распространенія между крестьянами яснаго пониманія о настоящихъ и будущихъ ихъ правахъ и обязанностяхъ“ перепечатывать въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ и отдѣльно тѣ части этого изданія, которыя относятся до крестьянъ каждой данной губерніи, а равно переводить ихъ на языки и нарѣчія, употребляемые въ губерніи, если крестьяне не понимаютъ великорусскаго языка. Въ Петербургѣ въ съѣзжихъ домахъ съ 5-го же марта раздавались дворовымъ безплатно экземпляры Положенія объ устройствѣ быта дворовыхъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ въ съѣзжихъ домахъ и книжныхъ магазинахъ продавали экземпляры Положенія, распорядительнаго указа сената и манифеста за 1 руб. серебромъ, не болѣе одного экземпляра въ однѣ руки. Нѣкоторые губернаторы сдѣлали и отъ себя распоряженіе печатать манифестъ въ губернскихъ типографіяхъ.

Но всѣ эти мѣры и распоряженія имѣли мало успѣха. Начать съ того, что какъ разъ къ моменту разсылки манифестовъ и Положенія во многихъ мѣстахъ Россіи наступила весенняя распутица, такъ что губернскія и уѣздныя власти при всемъ желаніи не могли аккуратно исполнить возложенную на нихъ обязанность. Во 2-хъ, количество присланныхъ экземпляровъ Положенія было ничтожно, такъ что ихъ первоначально не хватило не только на всѣ имѣнія, но нѣкоторымъ мѣстамъ на весь уѣздъ доставалось лишь 2—3 экземпляра; приходилось досылать позже необходимое количество экземляровъ. Такъ, гр. Бутурлинъ, самъ объявлявшій манифестъ и Положенія 19 февр. 1861 г., свидѣтельствуетъ, что въ калужской губ. книгъ Положенія было очень мало и попали онѣ въ немногія мѣста; на тарусскій уѣздъ, напр., пришлось только 3 книги, да и 3-я была неполной. Въ спасскомъ уѣздѣ казанской губ., напр., крестьяне получили книгу Положенія только въ концѣ марта въ Благовѣщеніе, а до того времени довольствовались слухами и ложными толками. „Въ низовыя приволжскія губерніи, какъ передаетъ Демертъ, книги Положенія были привезены въ большомъ количествѣ лишь на 6-ой недѣлѣ великаго поста“ [2]). Разновременная доставка манифеста и Положеній породила въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слухи о 3-хъ воляхъ. Получивъ манифестъ, говоритъ

[1]) Ibid, стр. 54. Циркуляръ мин. вн. дѣлъ отъ 29-го марта за № 13.
[2]) Демертъ. „Новая Воля“. Отеч. Зап., 1869 г., № 9, стр. 16.

Якушкинъ, „стали ждать еще 2-й воли... Ожиданія скоро сбылись: пришла другая воля—прислано высочайшее Положеніе 19 февр. съ царскими послами, какъ звалъ народъ генераловъ св. его вел. и флигель-адъютантовъ [1]), о посылкѣ которыхъ на мѣста говорилось выше. Оправдывалось такимъ образомъ и ожиданіе 3-ей воли. Неизвѣстный авторъ записки о бездинскомъ волненіи [2]) разсказываетъ о такомъ же встрѣченномъ имъ ожиданіи 3-й воли въ одномъ изъ селеній самарской губ.—ставропольскаго уѣзда—Майнѣ. Крестьяне ожидали, что имъ привезутъ 19 апрѣля новую 3-ю волю—такъ поняли они рѣчь полковника, только что (авторъ былъ въ Майнѣ 9-го апрѣля) привезшаго имъ Положеніе. За первую волю они признали, очевидно, манифестъ. Крестьяне доказывали справедливость своихъ ожиданій тѣмъ, что „въ симбирск. и казанск. губ. по 3 воли читали". Дѣйствительно тамъ сперва читали манифестъ, затѣмъ извлеченіе изъ Положенія и, наконецъ, роздали самое Положеніе.

Неаккуратность разсылки проявилась не только въ недостаточномъ количествѣ и несвоевременной доставкѣ Положеній, по и въ неаккуратной отсылкѣ. Уже было отмѣчено, что изъ 3-хъ экземпляровъ на цѣлый уѣздъ одинъ былъ неполонъ. А. И. Кошелевъ писалъ въ письмѣ къ кн. Черкасскому, что къ нимъ (рязанская губ.) прислали экземпляръ Положенія не переплетенный и въ листахъ. „Крестьяне подѣлили листы по себѣ и теперь вычитываютъ изъ каждаго листа, что имъ нравится" [3]). Якушкинъ сообщаетъ еще болѣе яркіе факты: „Небрежность въ разсылкѣ экземпляровъ, пишетъ онъ, была невѣроятная: во многія деревни было прислано, вмѣсто полныхъ экземпляровъ Положенія, нѣсколько экземпляровъ нѣкоторыхъ листовъ; напр., въ орловской губ. раздавали въ одной деревнѣ несшитую тетрадь изъ 20 экземпляровъ правилъ о людяхъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости въ бессарабской области; въ другой деревнѣ—дополнительныя правила о приписанныхъ къ частнымъ горнымъ заводамъ. И такихъ экземпляровъ было множество.—„У насъ что за воля! у насъ воля 87 листовъ, а вотъ графскимъ привезли на 193 листахъ, братецъ ты мой! съ завистью говорилъ мнѣ одинъ мужикъ". Въ такомъ случаѣ крестьяне, конечно, по необходимости должны были полагаться на слухи или изъ чтенія доставленныхъ имъ

[1]) Якушкинъ. „Великъ Богъ земли русской". Полн. собр. сочин. Изд. Суворина, стр. 15.

[2]) „Страничка изъ исторіи освобожденія крестьянъ". Русская Старина, 1904 г., № 5.

[3]) „Страничка изъ исторіи освобожд. кр." Русская Старина, 1904 г., № 5, стр. 45.

[4]) Якушкинъ. „Великъ Богъ земли русской", стр. 15—16.

[5]) Кн. Трубецкая. „Кн. В. А. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса", т. I, ч. 2, стр. 282.

экземпляровъ получать самыя ложныя понятія о Положеніи. Спокойствіе же при объявленіи манифеста и Положенія не могли охранить ни флиг.-адьютанты, ни распространеніе краткихъ извлеченій изъ Положенія о правахъ и обязанностяхъ крестьянъ и дворовыхъ, ни какія-либо иныя мѣры, принимаемыя центральными и мѣстными властями. Разница между ожиданіями и представленіями крестьянъ о волѣ и содержаніемъ манифеста и Положенія была такъ велика, что крестьяне, конечно, не могли равнодушно воспринять, усвоить и примириться съ содержаніемъ послѣднихъ. Къ этой основной причинѣ прибавьте непонятность слога манифеста и Положенія, запутанное изложеніе послѣдняго, приводившаго къ недоумѣнію и кривотолкамъ даже чиновниковъ и помѣщиковъ, обязанныхъ проводить Положеніе въ жизнь; не забудьте массовое невѣжество и безграмотность крестьянъ, ихъ постоянное недовѣріе къ господамъ и чиновникамъ, которые, по одному мнѣнію, всячески оттягивали объявленіе воли, по другому—сыздавна скрывали указъ о ней отъ крестьянъ. Неудивительно поэтому, что крестьянская мысль, не примиряясь съ содержаніемъ ни манифеста, ни Положеній, усиленно заработала въ разныхъ направленіяхъ. Одни крестьяне сумѣли примирить свою крестьянскую „волю" съ текстомъ манифеста и Положенія, пропуская безъ вниманія сомнительныя и противорѣчащія ей мѣста, и толкуя другія сообразно со своими представленіями о волѣ; здѣсь помогло имъ ихъ невѣжество, непониманіе многихъ словъ и выраженій, которымъ они придавали совершенно иной смыслъ и содержаніе, чѣмъ какое они имѣли въ дѣйствительности. Въ другихъ случаяхъ, уразумѣвъ въ той или другой степени истинное содержаніе Положенія, крестьяне опредѣленно рѣшали, что господа и чиновники ихъ опять обманули, какъ дѣлали много времени уже и много разъ; работая въ этомъ направленіи, крестьянская мысль создавала 2 версіи. Съ одной стороны, толковали, что указъ о волѣ вышелъ уже давно, даже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но господа, подкупивъ чиновниковъ и священниковъ, скрыли его, а теперь, когда пришелъ крайній срокъ и дальше скрывать его невозможно, подмѣнили настоящій указъ своимъ „господскимъ" Положеніемъ; по другой версіи, истинная грамота о волѣ вышла дѣйствительно 19 февраля 1861 г., но не дошла до крестьянъ, а по дорогѣ подмѣнена все тѣми же господами „господскимъ" Положеніемъ. Эти толки, переходившіе затѣмъ въ глубокую увѣренность, вызывали крестьянъ къ соотвѣтствующимъ дѣйствіямъ. Разъ манифестъ и Положеніе есть истинные указы о волѣ, лишь ложно толкуемые господами и чиновниками, то нужно проводить эту царскую волю въ жизнь, не подчиняясь послѣднимъ, дѣйствующимъ, какъ бунтовщики, противъ распоряженій царя.

Это умозаключеніе приводило къ ряду дѣйствій (отказъ отъ всякихъ крѣпостныхъ отношеній, отказъ отъ повиновенія помѣщику, захватъ господской земли и пр., и пр.), въ которыхъ мѣстныя и центральныя власти видѣли бунтъ и примѣняли къ крестьянамъ болѣе или менѣе репрессивныя мѣры. При второмъ развѣтвленіи крестьянской мысли крестьяне или требовали отъ властей объявленія скрываемой отъ нихъ царской грамоты о волѣ или къ тому же требованію присоединяли дѣйствія, которыми они немедленно вводили въ дѣйствіе измышленный ими указъ о волѣ (см. выше). Со стороны властей въ такихъ случаяхъ, конечно, слѣдовали обычныя мѣры усмиренія такихъ крестьянскихъ бунтовъ. Репрессивныя мѣры, выражавшіяся въ тѣлесныхъ наказаніяхъ, арестахъ, тюремномъ заключеніи, преданіи военнымъ и инымъ судамъ, въ введеніи военныхъ командъ, сопровождавшемся нерѣдко избіеніемъ и убійствами крестьянъ огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, въ разорительныхъ для населенія постояхъ войскъ, всѣ эти мѣры заставляли крестьянъ смиряться и исполнять требуемыя съ нихъ по Положенію повинности. Но это не значитъ, чтобы крестьянская мысль отказалась отъ ожидаемой „воли“ и не искала выхода изъ своего положенія. На помощь являлась новая версія. Весьма вѣроятно на почвѣ 2-лѣтняго сокращенія крѣпостной зависимости дворовыхъ съ полнымъ освобожденіемъ ихъ послѣ этого срока возникъ слухъ, опять-таки перешедшій мѣстами въ увѣренность, что крѣпостныя повинности сохраняются 2 года (до 19 февраля 1863 г., которое получило у крестьянъ названіе „случнаго“, „слушнаго“, „срочнаго“ часа), а затѣмъ прекращаются съ выходомъ „новой воли“, „царскаго положенія“, „царской воли“ и т. под., смотря по мѣстности. Въ эту „новую“, „царскую“ волю крестьяне вкладывали свое содержаніе. Среди нихъ во многихъ мѣстахъ создалась увѣренность, что права на новую волю получатъ только тѣ крестьяне, которые не войдутъ ни въ какія, хотя бы самыя льготныя, соглашенія съ помѣщиками. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне не желали даже пользоваться крѣпостными надѣлами, боясь потерять право на земельныя льготы при новой волѣ. До составленія уставныхъ грамотъ такое поведеніе крестьянъ не возбуждало сильныхъ недоразумѣній. Изрѣдка были пререканія изъ-за сокращенія барщины и замѣны ея оброкомъ и т. под. Но съ началомъ составленія уставныхъ грамотъ отношеніе къ крестьянамъ измѣнилось. Крестьяне, усмотрѣвъ въ составленіи уставныхъ грамотъ попытку вовлечь ихъ въ тѣ соглашенія, которыя могли лишить ихъ правъ на новыя льготы, во многихъ мѣстахъ наотрѣзъ отказались не только отъ подписи уставныхъ грамотъ, но отъ принятія текста ихъ сельскими властями на храненіе, иногда отъ исполненія повинностей по уставнымъ

грамотамъ. Этотъ отказъ крестьянъ отъ уставныхъ грамотъ принялъ массовой характеръ и сильно затруднялъ введеніе уставныхъ грамотъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мировые посредники составляли въ подобныхъ случаяхъ уставныя грамоты по Положенію и вводили ихъ въ дѣйствіе независимо отъ желанія или нежеланія крестьянъ, настойчиво требуя исполненія повинностей согласно уставнымъ грамотамъ, — тамъ дѣло обходилось сравнительно мирно. Происходили столкновенія лишь изъ-за неисполненія крестьянами урочнаго положенія или другихъ повинностей, нежеланія платить штрафы за „прогулъ" и т. д. Большею же частью крестьяне мирились со своимъ положеніемъ, считая, что самое отсутствіе на уставныхъ грамотахъ подписи ихъ уполномоченныхъ и ихъ офиціальный отказъ отъ нея достаточны для сохраненія ихъ правъ на „новую волю". Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ мировые посредники настаивали на подписи уполномоченныхъ и офиціальномъ принятіи уставныхъ грамотъ крестьянами (вспомнимъ курскую губернію), тамъ дѣло обострялось и доходило до острыхъ столкновеній крестьянъ съ властями, до примѣненія къ нимъ обычныхъ репрессивныхъ мѣръ для приведенія ихъ, хотя бы силою, къ принятію уставныхъ грамотъ. Лишь съ наступленіемъ „срочнаго" часа, т. е. 19 февраля 1863 г., стали стихать такіе толки среди крестьянъ. Въ иныхъ мѣстахъ они какъ бы исчезли, въ другихъ это ожиданіе измѣнилось изъ опредѣленнаго, направленнаго къ опредѣленному сроку (19 февраля 1863 г.) въ неопредѣленное безъ точнаго обозначенія времени, „слушнаго часа". Но что вѣра въ наступленіе „слушнаго" часа не заглохла окончательно, показываетъ живучесть этого ожиданія, оживаніе его по малѣйшему поводу. На нѣкоторую же часть крестьянъ—и довольно значительную—репрессивныя мѣры оказали свое дѣйствіе, и наружно они примирились съ Положеніемъ, созданнымъ имъ „волею" Александра II. Что это было лишь наружное примиреніе, показываетъ лучше всего воспріимчивость, казалось бы совершенно мирной и покорной, крестьянской массы въ той или другой мѣстности къ слухамъ о новой волѣ, только что объявленной или которую объявятъ черезъ 2 или большее количество лѣтъ. Но во всякомъ случаѣ въ такихъ мѣстностяхъ крестьяне принимали уставныя грамоты, исполняли повинности, требуемыя съ нихъ и т. под.; происходили лишь частныя недоразумѣнія по поводу отдѣльныхъ неудобныхъ сторонъ Положенія, отдѣльныхъ злоупотребленій помѣщиковъ или мировыхъ посредниковъ и т. под. Въ общемъ же жизнь въ такихъ мѣстностяхъ шла мирно. За то среди „примирившихся" съ Положеніемъ нужно отмѣтить попытки выйти изъ ненавистнаго срочно-обязаннаго положенія тѣми путями, какія указывались самимъ закономъ. Таковы были: выкупъ надѣль-

ныхъ земель въ собственность и принятіе дарственныхъ надѣловъ. Первый выкупъ сильно тормозился необходимостью согласія со стороны помѣщика, да кромѣ того крестьянамъ не могла улыбнуться перспектива выплачивать $^1/_5$ часть выкупной суммы наличными деньгами при добровольномъ соглашеніи на выкупъ. И все же по мѣрѣ „успокоенія“ крестьянъ, т. е. заміранія среди нихъ слуховъ о волѣ, предстоящей или наступающей, учащались, повидимому, и выкупныя сдѣлки. Принятіе же дарственныхъ надѣловъ было сильно распространено въ южныхъ черноземныхъ и многоземельныхъ губерніяхъ, гдѣ невозможность существовать на четвертномъ надѣлѣ смягчалась для крестьянъ надеждами на дешевую аренду помѣщичьихъ, казенныхъ и удѣльныхъ земель.

Такова приблизительная канва, на которой разыгрывались событія въ крестьянской жизни въ эпоху объявленія Положенія 19 февраля 1861 г., т. е. въ періодъ отъ 1861 до (приблизительно) 1863 г. Намѣтивъ себѣ канву, перейдемъ теперь къ конкретнымъ фактамъ, заполняющимъ ее.

V.

Самый фактъ объявленія манифеста о волѣ и Положенія крестьяне приняли если не всюду восторженно, то во всякомъ случаѣ вполнѣ довѣрчиво и съ глубокою радостью. Первую минуту вся крестьянская масса глубоко вѣрила, что получила, наконецъ, давно жданную, давно желанную волю. Въ этомъ убѣждало ихъ и чтеніе манифеста священниками съ амвона, откуда, какъ они сыздавна привыкли, объявлялись дѣйствительные манифесты и различные правительственные акты, въ этомъ убѣждало ихъ прибытіе самихъ царскихъ пословъ (т. е. фл.-адъютантовъ и генераловъ св. е. вел.). Почти съ благоговѣніемъ принимали крестьяне вѣсть о волѣ и книги Положенія.

Гр. Бутурлинъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ такую сцену. Когда онъ разъѣзжалъ по своему участку (въ тарусскомъ уѣздѣ калужской губ.) для объявленія воли (съ манифестомъ и сенатскимъ указомъ) и проѣзжалъ мимо одной помѣщичьей усадьбы, „нѣкоторые изъ дворовыхъ тамошнихъ людей выскочили изъ господскаго двора за околицу и, глядя на его поѣздъ (впереди него ѣхалъ проводникъ), принимались творить крестное знаменіе“ [1]).

„Въ деревнѣ, разсказываетъ Демертъ, по пріѣздѣ чиновника (привезшаго книги Положенія), суматоха поднималась страшная. Староста отдѣльной барщины бралъ изъ рукъ чи-

---

[1]) Гр. Бутурлинъ. „Эпизодъ изъ исторіи калужск. крестьянства“. Русскій Архивъ, 1876 г., № 10. стр. 248.

новника запакованный экземпляръ и бережно, какъ какую-нибудь хрупкую, хрустальную вещь, клалъ книгу въ шкафъ, а самъ отправлялся на барскій дворъ — извѣстить о пріѣздѣ чиновниковъ“ [1]). Въ Петербургѣ и Москвѣ крѣпостные устраивали даже манифестаціи, конечно, съ благосклоннаго разрѣшенія начальства, поощрявшаго проявленія такихъ чувствъ населенія. Такъ *12-го марта* 1861 г., по словамъ автора „Историческаго обзора обнародованія манифеста и Положеній“ [2]), множество фабричныхъ и ремесленниковъ, бывшихъ крѣпостныхъ, къ которымъ присоединились другіе крестьяне и дворовые, пришли къ Зимнему дворцу поднести Александру II хлѣбъ-соль. Александръ II вышелъ къ нимъ и произнесъ рѣчь, характерную для его настроенія въ то время. Онъ дѣлалъ манифестантамъ отеческія наставленія, чтобы въ новомъ состояніи своемъ они вели себя, какъ христіане и какъ честные люди, и чтобы, пользуясь дарованными имъ правами, они свято исполнили и возложенныя на нихъ обязанности. Подобная же манифестація съ поднесеніемъ хлѣба-соли государю произошла и 19-го марта; здѣсь въ депутаціи были старосты и выборные отъ всѣхъ имѣній шлиссельбургскаго уѣзда. Въ маѣ (21-го) во время пребыванія Александра II въ Москвѣ, къ нему явилась депутація съ хлѣбомъ-солью отъ разныхъ сельскихъ обществъ московскаго уѣзда въ количествѣ 400 депутатовъ и въ сопровожденіи до 10.000 человѣкъ. И здѣсь Александръ II не преминулъ подчеркнуть крестьянамъ необходимость полнаго повиновенія закону. „Благодарю васъ за память, говорилъ онъ, благодарю, благодарю. Помните только, что теперь вашъ первый долгъ повиноваться закону и свято исполнять установленныя обязанности“. Когда же одинъ старикъ послѣ такой рѣчи „присовокупилъ слово благодарности помѣщикамъ“, то это „было принято его величествомъ со знакомъ видимаго удовольствія“ [3]). Обозрѣватель обнародованія Положенія приводитъ цѣлый рядъ донесеній губернаторовъ о томъ, что съ объявленіемъ воли, по крайней мѣрѣ, временно уменьшилось пьянство, и откупы въ 1861 г. потерпѣли убытки. Но тотъ же обозрѣватель, посвящая много мѣста описанію радости населенія, уменьшенію пьянства, изобилію пожертвованій въ память освобожденія, долженъ былъ уже глухо заявить объ отказѣ крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ исполненія повинностей помѣщикамъ, о томъ, что мѣстами потребовались даже воинскія команды, хотя въ большинствѣ случаевъ было достаточно простыхъ разъясненій. Александръ II не напрасно боялся за повиновеніе закону и внушалъ крестьянамъ аккуратное исполненіе

---

[1]) Демертъ. „Новая Воля“. Отеч. Зап., 1869 г., № 9, стр. 22.
[2]) Лѣтопись Сельскаго Благоустройства, 1861 г., стр. 165.
[3]) „Сѣверная Пчела“, 1861 г. № 117, 26 марта.

повинностей. Насколько была велика радость крестьянъ при первой вѣсти о выходѣ воли, настолько же глубоко было ихъ недоумѣніе и разочарованіе при ознакомленіи съ нею. Объ этомъ говорятъ, напримѣръ, отчеты чиновниковъ, объявлявшихъ волю и развозившихъ Положенія въ калужской губ. „Лишь очень немногія, говоритъ Корниловъ, написанныя условнымъ официальнымъ слогомъ, донесенія говорятъ о восторженныхъ взглядахъ, пролитыхъ слезахъ и возносимыхъ горячихъ молитвахъ. Нѣкоторые изъ посланныхъ заявили съ прискорбіемъ, что крестьяне *по темнотѣ своей* ничего не поняли. Но наиболѣе вдумчивые и лучше понявшіе настроеніе народа прямо заявляли, что крестьяне послѣ чтенія манифеста и указа были глубоко разочарованы въ своихъ ожиданіяхъ. Объявленная имъ воля совершенно не соотвѣтствовала той волѣ, которую они ожидали“. Для чтенія манифеста крестьяне сходились въ церковь за нѣсколько верстъ изъ окрестныхъ селеній, не расходились, несмотря на поздній часъ вечера, если чиновникъ запаздывалъ, и просили читать немедленно, не дожидаясь утра; во многихъ мѣстахъ церкви были освѣщены свѣчами, какъ въ свѣтлый праздникъ. А расходились эти крестьяне „по большей части молчаливые, нахмуренные, разочарованные, въ какомъ-то недоумѣніи. Многіе молча возвращались къ прерваннымъ работамъ, другіе обмѣнивались недовольными и недоумѣвающими восклицаніями“ [1]). Гр. Бутурлинъ говоритъ, что въ тарусскомъ уѣздѣ калужской губ. чтеніе манифеста возбудило недоумѣніе въ крестьянахъ: разъ они должны оставаться въ полномъ повиновеніи у помѣщиковъ, то гдѣ же и въ чемъ состоитъ ихъ воля, спрашивали они графа Бутурлина. Немедленно пошли разнообразные толки, вызвавшіе затѣмъ волненія крестьянъ. 12-го марта развозили манифесты и книги Положенія, а 15-го уже были случаи волненій на почвѣ возникшихъ слуховъ и толкованій воли. Характерна въ этомъ отношеніи сцена, описываемая Демертомъ. Въ сельской церкви (видимо, въ имѣніи самого Демерта), разсказываетъ онъ, сошлась масса народу для выслушанія манифеста. „Батюшка прочиталъ манифестъ громко, внятно, но крестьяне, къ собственному изумленію, и послѣ прочтенія такъ и остались съ разинутыми ртами: очень уже неясно показалось все прочитанное. Начался въ церкви говоръ и шумъ, который привелъ къ тому, что попа заподозрили въ подлогѣ. Появился откуда-то слухъ, что будто бы къ попу прислали 2 указа: одинъ изъ Петербурга—взаправскій, а другой изъ губерніи—поддѣльный; что послѣдній сочинили сами помѣщики и подкупили все духовенство, постоянно получавшее главнѣйшій доходъ отъ помѣщиковъ. Порѣшили итти послѣ обѣдни къ попу — просить прочтенія

[1]) Корниловъ. „Крестьянская реформа въ калужской губ.“, стр. 139.

взаправскаго указа, а если не согласится, то и требовать“ [1]). Увѣренія священника въ ложности такого слуха плохо подѣйствовали; крестьяне разошлись, но остались въ убѣжденіи, что если указъ и не присланъ, то его пришлютъ на-дняхъ. Когда же священникъ вздумалъ въ одинъ изъ ближайшихъ большихъ праздниковъ прочесть имъ проповѣдь на тему: „всяка душа властямъ предержащимъ да повинуется“, причемъ высказалъ, что крестьяне должны безпрекословно повиноваться помѣщикамъ, приказчикамъ, нѣмцамъ - управляющимъ, которые тоже поставлены самимъ Богомъ, то среди крестьянъ поднялся усиленный ропотъ, крики и громкіе разговоры, что священника господа окончательно закупили; когда же священникъ въ испугѣ хотѣлъ улизнуть въ алтарь, то его схватили за эпитрахиль, оборвавъ ее.

Благопріятную почву для толкованія манифеста и Положенія въ пользу „истинной воли“ создавали прежде всего непонятность слога и запутанность изложенія какъ манифеста, такъ, главнымъ образомъ, Положеній. Эта сбивчивость и запутанность изложенія были такъ велики, что сами вершители судебъ крестьянъ—мировые посредники, полиція и пр., прямо или косвенно принимавшіе участіе въ проведеніи реформы въ жизнь, раздѣляли въ значительной степени общую участь съ крестьянами. „Въ защиту безграмотныхъ крестьянъ, говоритъ Демертъ, нужно сказать, что „Положенія“ составлены чрезвычайно сбивчиво, до такой степени сбивчиво, что даже у мировыхъ посредниковъ и съѣздовъ, послѣ 2-лѣтняго ихъ существованія, постоянно встрѣчалось великое множество недоумѣній и недоразумѣній; въ первый же годъ, можно безошибочно сказать, недоразумѣній было у нихъ несравненно больше, чѣмъ статей въ Положеніи, такъ что нерѣдко одна статья возбуждала въ одно и то же время въ разныхъ мѣстахъ губерніи по 2 и даже по 3 недоразумѣнія. Губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ первое время были буквально завалены отовсюду сыпавшимися на нихъ, какъ снѣгъ, запросами и разспросами, и такъ какъ у присутствій были другія дѣла и, кромѣ чужихъ недоразумѣній, множество своихъ собственныхъ, то большая часть ихъ отвѣтовъ выходила такого рода, что недоразумѣнія и послѣ разъясненія такъ и оставались недоразумѣніями, да еще запутаннѣе, чѣмъ прежде“ [2]).

Танковъ разсказываетъ, что въ курской губ. губернаторъ Денъ принужденъ былъ разъяснять исправникамъ ошибки въ толкованіи Положенія и предписалъ имъ внимательно и добросовѣстно штудировать Положеніе прежде, чѣмъ толковать его крестьянамъ. Такъ, исправники заставляли кре-

---

[1]) Демертъ. „Новая Воля“. Отеч. Зап., 1869 г., № 9, стр. 18.
[2]) Демертъ. „Новая Воля“. Отеч. Зап., 1869 г., № 9, стр. 25—26.

стьянъ исполнять повинности, отмѣненныя Положеніемъ: караулы при господскихъ амбарахъ, огородахъ и т. под. [1]). Если въ такомъ положеніи находились чиновники и миров. посредники, болѣе или менѣе образованные или, по крайней мѣрѣ, грамотные люди, въ большей или меньшей степени привыкшіе разбираться въ законахъ и офиціальныхъ бумагахъ съ суконнымъ канцелярскимъ слогомъ, то въ какомъ же положеніи находились безграмотные крестьяне, плохо понимающіе и простую литературную рѣчь, а не только канцелярскій слогъ Положенія и витіеватое изложеніе манифеста. А между тѣмъ при вѣрѣ крестьянъ въ полученіе истинной воли велики были соблазнъ и возможность толковать полученную ими тарабарщину въ сторону своего пониманія воли, ухватившись за 2—3 понятныхъ для нихъ, или даже неясно произнесенныхъ словъ при чтеніи. На этой почвѣ возникали не только любопытные курьезы, разрѣшавшіеся благополучно для крестьянъ, но происходили серьезныя волненія, какъ, напр., Бездининское, окончившіяся кровавымъ усмиреніемъ крестьянъ. Якушкинъ разсказываетъ, что невнимательно прочитанный высочайшій титулъ создалъ слухъ, что воля пришла отъ 3-хъ царей.

Упоминаніе въ манифестѣ, что освобожденіе крестьянъ было задумано еще Николаемъ I, послужило почвой для толковъ, что воля вышла еще въ то время, „когда еще былъ живъ самъ польскій король въ своемъ польскомъ королевствѣ“. Авторъ такого толкованія—отставной солдатъ—объяснилъ, что „въ указѣ сказано, что эту волю еще батюшка царь Н. П. задумалъ, и мы при немъ и Польшу-то прикончили“ [2]).

Въ одномъ селѣ старикъ священникъ, плохо разбирая манифестъ, прочиталъ: „о сѣни, о сѣни... нѣтъ, ребята! Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ!..“ Этого было достаточно, чтобы крестьяне вообразили, что въ манифестѣ сказано что-то о сѣнѣ, но священникъ не хочетъ читать. Такъ какъ и дьяконъ ничего не прочелъ о сѣнѣ, то они принялись читать сами. Очень любопытно приводимое Якушкинымъ толкованіе манифеста крестьянами въ видѣ поправокъ къ его собственному толкованію.

Этотъ діалогъ ярко рисуетъ, какимъ превращеніямъ подвергались выраженія манифеста при наличности сильнаго желанія крестьянъ найти въ немъ „истинную волю“.

Однажды въ 1861 г., когда Якушкинъ былъ у П—ва въ Мценскомъ уѣздѣ (орлов. губ.), къ нему явились бывшіе крестьяне этого помѣщика за объясненіями и просили показать имъ то мѣсто въ манифестѣ, по

[1]) Танковъ. „Крестьянскія волненія въ курской губ. въ 1862 г.“, Историческій Вѣстникъ, 1890 г., № 8, стр. 345.

[2]) Якушкинъ. „Великъ Богъ земли русской“, стр. 14—15.

которому „всѣ сады, всѣ амбары господскія“ имъ слѣдуютъ.

На отрицаніе Якушкинымъ существованія такого мѣста крестьяне заставили его прочитать то мѣсто манифеста, гдѣ сказано: „дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій, пусть они тщательно воздѣлываютъ землю и собираютъ плоды ея“. „Ну, что?“ спросилъ, торжествуя, мужикъ.—А что?—„Да, что ты прочиталъ?“—Прочиталъ, чтобы вы хорошенько работали землю и собирали тогда плоды.—„Ну да, будешь хорошо пахать, посѣешь рожь, рожь и родится хорошо: вотъ тебѣ и плоды... Нѣтъ, Пав. Ив.! посѣешь рожь, рожь и родится, а плода все-таки не будетъ! Плоды въ садахъ, а сады-то барскіе: а какъ плоды намъ, стало и сады къ намъ отойдутъ. Вотъ что!“—Пустое, братцы, болтаете, не такъ сказано...—„Читай, читай еще!—„Чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ“.—„Ну, а это что?“—А это вотъ что; будете хорошо работать, будутъ у васъ житницы полныя, вы и берите сѣмена...—„Ишь куда!.. не туда, баринъ, прешь! Какія у насъ житницы! Амбаришки!.. А то полныя житницы!“ заговорили въ толпѣ... „Читай еще! читай!“...—„На землѣ постояннаго пользованія или на землѣ пріобрѣтенной въ собственность“.—„А это что по твоему?“—Это значитъ: засѣвай землю, которою дастъ тебѣ баринъ пользоваться, или ту землю, которую ты купишь, пріобрѣтешь въ собственность.—Про барскую землю тутъ и помину нѣтъ, а говорятъ: „постоянно ты землей пользуйся, а коли хочешь, купи. Только для чего же я покупать стану землю, коли и такъ можно ее пахать? Хочешь пахать—бери землю; а не хочешь—покупай! А намъ не пахать и дѣлать съ землей нечего!.. Читай!..“—„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божье благословеніе на твой свободный трудъ“ и т. д.—„Это какъ по твоему, Пав. Ив., обозначаетъ?“—Вы теперь свободные люди; сперва ходили на барщину, а теперь, какъ землю выкупишь, такъ свободно, какъ хочешь, такъ и работай, вотъ тебѣ и свободный трудъ.—„Такъ да не такъ... Сказано: перекрестись и только! тамъ, значитъ, и пошелъ сейчасъ свободный трудъ! какая тутъ купля?“—Ой, братцы, будутъ васъ за эти ваши толки больно наказывать!—„Наказывать долго ли? Было бы за что“.—За самые за эти ваши толки.—„За эти слова сѣчь не за что: это царская воля“ [1]).

Обнинскій разсказываетъ, что въ одной волости крестьяне потребовали отъ помѣщика мяса. Оказалось, что чтецъ прочелъ „Мѣстное Положеніе“ съ удареніемъ мѣстнòе и истолковалъ непонятное слово обязанностью помѣщика отпускать крестьянамъ „мясо по положенію“ [2]).

Мировой посредникъ Луцкій наткнулся на такое толкованіе манифеста. Однажды къ нему приходятъ крестьяне, вполнѣ мирно передъ тѣмъ принявшіе уставную грамоту, и говорятъ въ большомъ унынiи, что Луцкій, введя у нихъ грамоту, „пустилъ ихъ по міру“. „Такъ нельзя работать“,

---

[1]) Якушкинъ. „Великъ Богъ земли русской“, стр. 23—25. Изд. Суворина.

[2]) Обнинскій. „Воспоминанія юриста“, Русск. Архивъ, 1892 г., № 1, стр. 136.

жаловались старики, „съ голоду умремъ“. Оказалось, что какой-то солдатъ растолковалъ слова манифеста: „обнимая нашею царскою любовью всѣхъ проводящихъ борозды по полямъ сохою и плугомъ“, въ томъ смыслѣ, что царь велитъ одну борозду проводить плугомъ, другую сохою. „Извѣстно, говорили старики, царь самъ не работаетъ и не знаетъ, какъ надо пахать, онъ такъ это и подписалъ, не знавши, а ты намъ зачѣмъ не сказалъ? Мы бы не взяли грамоту“. Впрочемъ, Луцкому не стоило большого труда разъяснить крестьянамъ ихъ заблужденіе [1]). Въ знаменитомъ Кандеевскомъ волненіи однимъ изъ поводовъ было толкованіе словъ манифеста: „отбывать барщину“, въ смыслѣ „отбивать“, что и заставило крестьянъ упорно отказываться отъ барщины.

Положеніе 19 февраля возбуждало еще большія недоразумѣнія и еще быстрѣе оставалось непонятнымъ или ложно истолковывалось или отрицалось, какъ подложное. Одинъ крестьянинъ жаловался Якушкину, что волю трудно понимать потому, что она „на 4 грани написана: и туда верни и сюда верни, а намъ читай всю волю сразу“ [2]). Въ селѣ Мурасѣ спасскаго уѣзда, казанской губерніи крестьяне, получивъ книгу Положеній, поручили читать ее столяру; тотъ прочиталъ имъ указъ сената, первый по очереди документъ. „Вся толпа, говоритъ авторъ воспоминаній, долго и напряженно слушала длинный указъ, никто не понялъ, какъ и почему онъ относится къ крестьянамъ; всѣ ждали, что съ первой же страницы столяръ скажетъ, чья земля, лѣсъ, луга и другія угодья, а столяръ до сумерекъ ихъ держалъ и ничего въ дѣло не опредѣлилъ“. Столяръ самъ признавался, что „всякое слово для него понятно, но куда что прикладывается, не можетъ разобрать, не можетъ и людямъ растолковать“. Не помогла дѣлу и начетчица. Міръ послалъ подводу въ другое село за грамотнымъ мужикомъ, но оказалось, что и онъ, „сколько ни старался, понять ее (книгу Положеній) не могъ и теперь въ селѣ сами чтеца ищутъ“. Посылали за какимъ-то дьячкомъ и также неудачно [3]).

Въ такомъ положеніи находились крестьяне почти повсемѣстно. Ихъ положеніе было тѣмъ безвыходнѣе, что въ ихъ средѣ грамотныхъ было очень мало, къ лицамъ же изъ другихъ сословій они опасались обращаться, полагая, что они могутъ быть подкуплены господами; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда чтецъ былъ изъ ихъ же среды, но вычитывалъ изъ Положенія невыгодныя для крестьянъ правила, то крестьяне немедленно рѣшали, что и этотъ чтецъ подкупленъ.

---

[1]) „Изъ записокъ В. К. Луцкаго“ (сообщила О. В. Червинская). Русская Старина, 1904 г., № 3, стр. 569—70.
[2]) Якушкинъ. „Великъ Богъ земли русской“, стр. 17. Собр. Соч.
[3]) Крыловъ. „Воспоминанія“. Русск. Стар., 1892 г., № 4, стр. 96—97.

Въ томъ же селѣ Мурасѣ, когда управляющій пытался читать имъ и толковать Положеніе (по газетамъ, такъ какъ книга Положеній не была прислана еще въ ихъ село), то онъ получалъ такія замѣчанія: „читаете-то вы хорошо, только толкуете въ барскую пользу“ [1]).

„Читалъ имъ ключникъ, конторщикъ, тоже съ толкованіями, но ихъ заподозрили, что они барскую руку тянутъ“ [2]). Садовникъ этого села „выбиралъ статьи, дающія существенныя выгоды крестьянамъ, объяснялъ очень толково, но крестьянъ все-таки не удовлетворилъ, и ему сказали, что пустяки-то онъ вычитываетъ, а про землю, да про лѣсъ скрываетъ. „Ты, братъ, нанятой, тебѣ вѣрить нельзя, газета во весь столъ, всякую всячину находишь, а про главную волю не найдешь. Можетъ ли это быть!“ [3]). И газетамъ не вѣрили крестьяне. Они говорили, что „газеты не отъ царя приходятъ, а за деньги у господъ же господами покупаются, слѣдовательно, будутъ ли господа противъ господъ итти“ [4]).

Подобное же недовѣріе, говоритъ авторъ этихъ воспоминаній, къ чтецамъ изъ другихъ сословій или же такимъ, которые толковали Положеніе не въ пользу крестьянъ, царило не только въ спасскомъ, но и въ сосѣднихъ уѣздахъ, съ которыми онъ былъ хорошо знакомъ.

Волей-неволей приходилось разыскивать чтецовъ, которымъ можно было бы довѣрять. Мы уже видѣли, съ какимъ упорствомъ разыскивали подобнаго чтеца въ с. Мурасѣ. Крестьяне не жалѣли ни денегъ, ни времени на такіе розыски и на хорошихъ чтецовъ. Въ селѣ Безднѣ, спасскаго уѣзда казанской губ., напримѣръ, былъ устроенъ сборъ по 1 коп. съ души для посылки депутатовъ къ одному богатому татарину Юносову, извѣстному оказаніемъ помощи въ разныхъ случаяхъ сельскимъ татарамъ. Это было сдѣлано по совѣту какого-то сосѣдняго татарина, заявившаго, что Юносовъ объяснитъ все, какъ слѣдуетъ безъ всякаго обмана [5]). Одинъ крестьянинъ разсказывалъ Якушкину, что онъ заплатилъ за чтеніе Положенія 1 рубль и штофъ водки. „Профессія читальщика, говоритъ Демертъ, въ особенности извѣстнаго, давала доходъ порядочный: нѣсколько деревень—иногда въ количествѣ 300-400 и больше душъ — складывались по 10, по 15 коп. Читальщики въ короткій промежутокъ времени, который можно назвать періодомъ анархіи, могли бы составить себѣ порядочные по своему капиталы“ [6]). Читальщика привозили иногда верстъ за 50 и больше, собирались въ

---

[1]) Ibid., стр. 91.
[2]) Крыловъ. „Воспоминанія“. Русск. Стар., 1892 г., № 4, стр. 91.
[3]) Крыловъ. „Воспоминанія“. Русск. Стар., 1892 г., № 4, стр. 91.
[4]) Крыловъ. „Воспоминанія“. Русск. Стар., 1892 г., № 4, стр. 91.
[5]) Колоколъ, 1862 г., стр. 1032.
[6]) Демертъ. „Новая Воля“. Отеч. Зап., 1869 г., № 9, стр. 24.

опредѣленную избу попросторнѣе, выставляли водку въ количествѣ, соотвѣтственномъ славѣ читальщика, и начинали чтеніе. Иногда для большаго удобства крестьяне раздѣлялись по жребію на равныя партіи, чтобы слушать не всѣмъ вмѣстѣ, а поочередно. „Посредствомъ этой остроумной системы слушанія закона, говоритъ Демертъ, одна часть населенія познакомилась съ общимъ положеніемъ, другая часть слушала узаконенія о дворовыхъ, третья кое-что узнавала по выкупной части и т. д... Каждый отдѣльный членъ общины слушалъ только лишь ничтожную часть положеній, но вся община выслушивала все вполнѣ, хотя, разумѣется, невозможно было ручаться, что дѣйствительно кто-нибудь изъ ея членовъ разслышалъ все и понялъ, какъ слѣдовало“ [1]). Особенно трудно стало добывать чтецовъ послѣ офиціальнаго запрещенія читать и толковать Положенія крестьянамъ; разрѣшалось дѣлать то и другое только священникамъ и чиновникамъ. Распоряженіе это было сдѣлано послѣ ряда волненій, возникшихъ на почвѣ неправильнаго толкованія манифеста и Положеній полуграмотными чтецами. Крыловъ говоритъ, что въ его мѣстахъ это распоряженіе произвело обратное впечатлѣніе на крестьянъ: оно „возбудило въ нихъ надежду, что въ Положеніи скрывается гдѣ-нибудь „истинная воля“ и во что бы то ни стало надо ее отыскать“ [2]). Результатъ былъ только тотъ, что вмѣсто открытыхъ чтеній устраивали тайныя сборища, приходилось платить чтецамъ большія деньги, щедрѣе угощать въ награду за рискъ и „лучшимъ чтецомъ считался тотъ, кто больше *правовъ* найдетъ въ книгѣ [3]). Но полуграмотные чтецы приносили мало пользы. Сами они при всемъ желаніи или совсѣмъ не разбирались, или рабирались крайне плохо въ Положеніи. Пытаясь толковать мало понятныя мѣста, они вдавались зачастую совершенно невольно въ ошибки, за которыя приходилось жестоко расплачиваться какъ имъ самимъ, такъ и крестьянамъ. Знаменитый Антонъ Петровъ, толкованіе котораго играло большую роль въ бездининскомъ волненіи, самъ былъ введенъ въ заблужденіе непонятнымъ изложеніемъ Положеній, будучи, видимо, убѣжденъ, подобно многимъ крестьянамъ, что въ присланной отъ царя книгѣ обязательно должна быть объявлена гдѣ-либо истинная воля. Когда къ нему принесли, какъ къ грамотному человѣку, книгу Положеній, то онъ добросовѣстно вчитывался въ каждую букву, проводилъ надъ Положеніемъ цѣлые дни. Его старанія, казалось, увѣнчались успѣхомъ. Онъ нашелъ, наконецъ, вполнѣ понятное, желанное слово „воля (любопытно, что это слово встрѣчается во всемъ Положеніи только на злополучной для Антона и

---

[1]) Ibid., стр. 25.

[2]) Крыловъ. „Воспоминанія“. Русская Старина, 1892 г., № 4, стр. 100

[3]) Крыловъ. „Воспоминанія“. Русская Старина. 1892 г. № 4, стр. 100.

бездниицевъ страницѣ), при томъ въ такой категорической фразѣ: изъ нихъ отпущено послѣ ревизіи на волю

дворовыхъ 00

крестьянъ 00.

Внизу страницы стояло царское „быть по сему"[1]). Перевернувъ предыдущую страницу, А. Петровъ увидѣлъ, что какъ разъ надъ непонятными знаками въ опредѣленной для него по значенію фразѣ стоитъ непонятный знакъ 10⁰/₀. Антонъ рѣшилъ, что знакъ 10⁰/₀ означаетъ печать св. Анны, приложенную къ грамотѣ о волѣ, подписанной самимъ царемъ („быть по сему"); фраза же „отпущено послѣ ревизіи на волю" была растолкована имъ въ томъ смыслѣ, что воля вышла еще тогда, когда происходила послѣдняя ревизія, а именно въ 1858 г., т. е. господа скрывали волю уже 2 года. Гр. Апраксинъ въ своемъ рапортѣ говоритъ кромѣ того, что ложному толкованію подверглось и то мѣсто Положенія, „гдѣ сказано, что со дня обнародованія Положенія прекращаются, и затѣмъ не читая, что далѣе слѣдовало, онъ (А. Петровъ) объяснилъ эту статью такъ, что слова „прекращаются" значатъ, что все прекращается; чистая воля—выраженіе, подъ которымъ они понимали совершенную свободу отъ всѣхъ повинностей и обязанностей и право на всю землю"[2]). Вотъ и все, что нашелъ о волѣ А. Петровъ, но этого было достаточно для прославленія Антона, какъ чтеца, отыскавшаго въ Положеніи истинную волю; на все остальное содержаніе Положенія крестьяне уже не обращали вниманія, довольствуясь собственными и сторонними толкованіями, въ чемъ состоитъ воля [3]).

Изъ другихъ подобныхъ же толкованій Демертъ приводитъ два. Такъ, крестьяне обратили вниманіе въ образцѣ уставной грамоты, сбившемъ съ толку А. Петрова, на нули и слово воля. „Слово *воля*, говоритъ Демертъ, для каждаго селенія упоминается въ законѣ сряду 12 разъ (число кабалистическое: 12 мѣсяцевъ въ году и 12 апостоловъ), а воля, помноженная на 12, равняется полной свободѣ, т. е. освобожденію отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщику: обстоятельство, которое помѣщики всячески стараются скрыть и объ этомъ обстоятельствѣ въ барскихъ книжкахъ умалчивается. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ вычитальщиками явились лица, принадлежащія къ старовѣрамъ, нули эти объяснялись еще хитрѣе. Такъ, стоящіе одинъ надъ другимъ нули соединяли вмѣстѣ, ставя одинъ на другой, и такимъ образомъ выходила фигура 8, изображающая собою просфору; а гдѣ уже рѣчь идетъ о просфорѣ, изъ которой вырѣзываются

---

[1]) То была приложенная къ Положенію примѣрная форма уставной грамоты.

[2]) Колоколъ, 1862 г., № 124.

[3]) Крыловъ. „Воспоминанія". Русская Старина, 1892 г., № 6, стр. 616.

части для приготовленія тѣла Христова, тамъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи о притѣсненіяхъ и какой-либо зависимости отъ помѣщика, человѣка обыкновенно грѣшнаго, недостойнаго, служащаго антихристу... Впрочемъ, прибавляетъ Демертъ, всѣхъ разнообразныхъ толкованій и не пересчитаешь, ихъ было столько же, сколько вычитывальщиковъ" [1]). Изъ другихъ толкованій упомянемъ еще объ отрицаніи крестьянами смѣшанной повинности (т. е. барщины и оброка одновременно) и желаніи перейти, на основаніи Положенія, или на барщинную повинность или на оброчную. Виною такого толкованія, бывшаго тѣмъ не менѣе причиною многихъ „волненій" крестьянъ, была исключительно запутанность изложенія. Въ одномъ мѣстѣ вполнѣ опредѣленно заявлялось, что крестьяне должны состоять или на барщинѣ или на оброкѣ, а затѣмъ черезъ нѣсколько страницъ въ небольшомъ примѣчаніи къ одной изъ статей подтверждается сохраненіе и смѣшанныхъ повинностей.

Несмотря на обиліе подобныхъ толкованій, сознательныхъ лжетолкователей среди чтецовъ было мало, если они только были. „Эти люди, говоритъ Якушкинъ о чтецахъ, читали волю добросовѣстно; желаніе ли добра крестьянамъ, боязнь ли страшной отвѣтственности за ложное толкованіе, или то и другое вмѣстѣ дѣйствовало на чтецовъ, но я не встрѣчалъ ни одного умышленнаго толкователя изъ этихъ грамотѣевъ-чтецовъ, да изъ чтецовъ вообще было мало толкователей: всѣ боялись ошибиться, а ошибиться было легко!.. Многихъ изъ этихъ чтецовъ ловила полиція, но, кажется, ни одного, кромѣ извѣстнаго А. Петрова, не нашли виновнымъ" [2]). Хотя чтецы, говоритъ со своей стороны Демертъ, „за условленную плату только читали Положеніе, ничего не пропуская и ничего не прибавляя отъ себя, лишь поясняя по собственному разумѣнію особо темныя мѣста, но сами-то крестьяне понимали читаемое по-своему" [3]). Послѣдними словами сказана золотая истина. При непонятности слога, запутанности изложенія не столько чтецы были виноваты въ ложномъ толкованіи манифеста и Положеній, какъ виновата была глубокая разница между ожиданіями крестьянъ и содержаніемъ офиціальныхъ документовъ. Крестьяне сами вкладывали свое содержаніе въ малопонятныя для нихъ фразы и выраженія. Чтецы были постольку виноваты, поскольку сами раздѣляли настроеніе крестьянъ. Выше было приведено, какое толкованіе получили фразы манифеста при разговорѣ крестьянъ съ Якушкинымъ. Эта главнѣйшая причина ложныхъ толкованій ма-

---

[1]) Демертъ. „Новая Воля". Отеч. Зап., 1869 г., № 9, стр. 23.

[2]) Якушкинъ. „Великъ Богъ земли русской". Собр. соч. Изд. Суворина, стр. 18—19.

[3]) Демертъ. „Новая Воля„. Отеч. Зап., 1869 г., стр. 27.

нифеста и Положеній не ускользнула и от современниковъ. Выше было приведено соотвѣтственное наблюденіе Демерта. Любопытно въ этомъ отношеніи мнѣніе мирового посредника Глѣбова, которое онъ изложилъ въ своемъ донесеніи мологскому мировому съѣзду. Указывая на сложившее у крестьянъ еще до 19 февраля 1861 г. понятіе о свободѣ, какъ о полномъ прекращеніи всякихъ крѣпостныхъ повинностей, связанномъ съ полученіемъ права на всю землю, находившуюся у нихъ въ пользованіи въ крѣпостное время, а по нѣкоторымъ версіямъ—на всѣ помѣщичьи лѣса, Глѣбовъ говоритъ: „вотъ причины, по которымъ крестьяне высочайше изданный манифестъ, читаемый имъ въ приходахъ, дурно поняли и до сихъ поръ мало его понимаютъ", чему содѣйствуетъ также и безграмотность крестьянъ. „Въ сущности, продолжаетъ Глѣбовъ, во внутреннихъ ихъ убѣжденіяхъ надо искать общаго стремленія къ неповиновенію и неисполненію обязанностей. Если бы такое внутреннее убѣжденіе крестьянъ въ правѣ ихъ на землю, что они высказываютъ съ крайнею осторожностью, не было такъ сильно, то не легко было бы цѣлое населеніе поколебать въ отношеніи исполненія ихъ долга и обязанности, тѣмъ болѣе, что упрекнуть крестьянъ въ отсутствіи здраваго смысла, въ непониманіи своего положенія было бы неосновательно, равно какъ и приписывать такое настроеніе исключительно вліянію небольшого числа неблагонамѣренныхъ изъ среды общества [1]), котораго вовсе не могли бы имѣть, если бы разсужденіями своими и дѣйствіями не выражали бы мнѣнія и желанія народа. Первенствующая же роль, которую крестьяне предоставляютъ такимъ лицамъ, объясняетъ скорѣе не зависимость общества отъ нихъ, а осторожность дѣйствій самихъ крестьянъ" [2]). Почти то же отмѣчаетъ другой мировой посредникъ, нѣкто Безвѣстный. Онъ не придаетъ значенія недовѣрію крестьянъ къ помѣщикамъ, но считаетъ главною причиною довѣрія ко всякимъ ложнымъ толкованіямъ манифеста и Положенія, къ слухамъ объ истинной волѣ и т. п.—недовѣрія ко всему и ко всѣмъ, кто противорѣчитъ ихъ дикимъ понятіямъ о волѣ" [3]).

Какъ бы то ни было, но на такой почвѣ свободно выростали толкованія Положенія и манифеста въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ крестьяне представляютъ себѣ волю. А разъ крестьяне были убѣждены въ справедливости своего пониманія, то дальнѣйшимъ шагомъ ихъ было поступать сообразно съ велѣніями этой полученной ими царской воли, хотя бы за это господа и чиновники гро-

---

[1]) Очевидно, авторъ говоритъ о крестьянскомъ обществѣ. И. И.

[2]) Сѣверная Пчела, 1861 г., № 228 за 13-ое октября.

[3]) Безвѣстный. „Изъ дневника мир. посредника 1861 — 1862 г." Русскій Вѣстникъ, 1863 г., іюль, стр. 803.

зили имъ наказаніями. Отсюда, такъ наз., „неповиновенія крестьянъ“, отказы отъ повинностей, смѣна сельскихъ властей, захватъ лѣсовъ и пр. и пр., приводившіе крестьянъ къ открытому столкновенію съ правительственными властями. Характернѣе всего то, что во всѣхъ волненіяхъ, возникавшихъ на этой почвѣ, крестьяне искренно считали себя правыми: бунтовщиками, по ихъ мнѣнію, были не они, а господа и чиновники, противившіеся выполненію царской воли. „Наказывать долго ли!—было бы за что“, говорили крестьяне Якушкину въ отвѣтъ на его указаніе на возможность наказанія за вышеприведенное толкованіе манифеста;—„за эти слова сѣчь не за что: это царская воля“ [1]). „Да развѣ противъ царскаго приказа можно?—говорили крестьяне въ с. Безднѣ по поводу требованія становаго пристава выдать А. Петрова — тогда царь скажетъ: не хотѣли постоять за мою волю, такъ и работайте опять на господъ“ [2]). На предостереженіе, что при упорствѣ дѣло можетъ кончиться кровавымъ усмиреніемъ, бездницы возражали: „слыхали мы все это отъ становаго. Ну, какъ же это возможно, чтобы въ народъ стрѣляли! Что мы развѣ бунтовщики какіе?“ [3]). Сходясь съ разныхъ сторонъ въ Бездну на защиту А. Петрова, крестьяне были увѣрены, что „кто не придетъ, такъ тѣмъ царь и воли не дастъ“. „Мы сюда по царскому повелѣнію пришли“, говорили крестьяне въ Безднѣ автору воспоминаній о бездниискомъ волненіи. Ямщикъ, привезшій автора въ Бездну, указывая на обиліе сошедшагося народа для защиты А. Петрова, говорилъ: „Какъ же это господа противятся царскому приказу! посмотрите, сколько за царя стоитъ, а за нихъ кто? Пустое они затѣяли, ужъ если открыли истинную волю, такъ надо бы и имъ покориться царю“. Когда при дѣлежѣ барскихъ земель и лѣсовъ въ с. Кокряти во время бездиинскаго волненія крестьяне хотѣли лишить этого ямщика права на его долю за то, что онъ водился съ господами, ямщикъ собирался жаловаться „самому исправнику“ на такое самоуправство односельчанъ. Такъ велика была увѣренность крестьянъ въ своей правотѣ“! [4])

---

[1]) Якушкинъ. „Великъ Богъ земли русской“, стр. 25.

[2]) Крыловъ. „Воспоминанія.“ Р. Старина, 1892 г., № 6, стр. 623.

[3]) Ibid., стр. 622.

[4]) Въ этомъ отношеніи любопытно волненіе крестьянъ въ с. Александровскомъ или Бѣломъ Островѣ (въ 35 верстахъ отъ Петербурга), какъ оно изложено въ „Колоколѣ“ за 1861 г. (№ 100, стр. 838 и № 105, стр. 884). Крестьяне, не понимая воли съ сохраненіемъ барщины и рѣшивъ, что разъ воля, т. е. манифестъ и Положенія объявлены, то и барщина уничтожена,—отказались работать на помѣщика. Вслѣдъ за крестьянами села Александровскаго стали отказываться отъ барщины крестьяне другихъ помѣщиковъ въ сосѣднихъ деревняхъ. Введеніе воинской команды, экзекуція, возложеніе расходовъ по усмиренію на крестьянъ не убѣдили крестьянъ въ неправильности ихъ пониманія объявленной воли. Они послали, какъ сообщали въ „Колоколѣ“, депутацію изъ 12 че-

Благодаря именно такой увѣренности въ справедливости своихъ дѣйствій, крестьяне большею частью съ полнымъ довѣріемъ встрѣчали „царскихъ пословъ“, т. е. фл.-адъютантовъ и генераловъ св. его величества, являвшихся къ нимъ для усмиренія; спокойно встрѣчали войска, увѣренные, что въ нихъ, исполняющихъ царскую волю, не могутъ стрѣлять царскія войска.

Въ одномъ волненіи, связанномъ съ непризнаніемъ Положенія 19 февраля и ожиданіемъ „взаправскаго“ указа, крестьяне говорили, что „вреды имъ отъ солдатъ никакой не будетъ“. „Солдаты, говорилъ одинъ крестьянинъ Демерту по этому поводу, и точно придутъ, но пальцемъ никого не тронутъ, а набольшій ихній прочтетъ взаправскій указъ, вотъ тотъ самый, что изъ Петербурху присланъ“.—„Худого, баютъ, продолжалъ тотъ же парень, не выйдетъ ничего, потому что идутъ они (крестьяне) не супротивъ закона, а за царское положеніе“ [1]). Тотъ же Демертъ свидѣтельствуетъ, что въ Безднѣ крестьяне приняли гр. Апраксина, извѣстнаго усмирителя бездкинскаго волненія, „за настоящаго царскаго посланника, явившагося объявить взаправскую волю, тщательно будто бы скрываемую отъ нихъ мѣстными помѣщиками“ [2]). Его пріѣзда ожидали безъ всякаго страха, съ большимъ нетерпѣніемъ и выслали для встрѣчи стариковъ съ хлѣбомъ-солью.

VI.

Волненія, возникшія на почвѣ неправильнаго толкованія и пониманія манифеста и Положеній, относятся, повидимому, главнымъ образомъ къ 1861 г. и происходили почти повсемѣстно въ различныхъ губерніяхъ, захватывая иногда большіе районы, но чаще ограничиваясь отдѣльными имѣніями и селеніями. Въ Сѣверной Пчелѣ за 1861 г. есть свѣдѣнія о подобныхъ волненіяхъ въ 19 губерніяхъ [3]). О волненіяхъ въ

ловѣкъ къ самому Александру II. Кончилось дѣло тѣмъ, что депутатамъ дали по 100 розогъ—такъ передаетъ „Колоколъ“. Авторъ другой корреспонденціи о томъ же волненіи, внесшій въ первую корреспонденцію существенныя поправки, видимо, близко знакомый съ дѣломъ, подтверждаетъ фактъ, что депутацію приказали высѣчь. „Больно писать дальше, пишетъ корреспондентъ, но надо: только подъ розгами крестьяне повѣрили, что ихъ не обманывали и что дѣйствительно, т. е. ихъ дѣйствительно обмануло правительство: барщина оставлена на 2 года“. Итакъ крестьяне не повѣрили самому царю, и только порка заставила повѣрить ихъ въ истинность слышанныхъ ими словъ.

[1]) Демертъ. „Новая Воля“ Отеч. Зап., 1869 г., № 9, стр. 32—33.

[2]) Ibid., стр. 40.

[3]) Въ губерніяхъ: казанской, самарской, пензенской, владимирской, подольской, черниговской, с.-петербургской, ярославской, калужской, витебской, костромской, псковской, тамбовской, смоленской, виленской, харьковской, рязанской, гродненской и орловской.

10 губерніяхъ изъ этихъ 19-ти [1]) въ Сѣверной Пчелѣ было сказано въ общей формѣ, что здѣсь повсемѣстно были однѣ и тѣ же причины, а именно: „неясное пониманіе крестьянами новыхъ положеній и невѣрное толкованіе закона людьми невѣжественными, а иногда и злонамѣренными“ [2]). И послѣ того продолжали поступать въ газеты свѣдѣнія о безпорядкахъ въ различныхъ губерніяхъ [3]), но о причинахъ ихъ ничего не говорится [4]). Изъ этихъ волненій волненіе, напримѣръ, въ подольской губ. захватило 141 селеніе болѣе, чѣмъ въ 6 уѣздахъ; въ этихъ селеніяхъ числилось до 71 тысячи душъ. Полуофиціальное сообщеніе Сѣверной Пчелы говоритъ, что „всѣ случаи безпорядковъ были вызваны неправильнымъ пониманіемъ крестьянами новыхъ ихъ отношеній къ прежнимъ владѣльцамъ. Крестьяне, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе свободы, представляли ее себѣ въ совершенно превратномъ видѣ, а потому всякій слухъ, оправдывавшій ихъ ожиданія, былъ принимаемъ ими легковѣрно. Правилъ новаго положенія они въ точности не знали и при чтеніи никогда не дослушивали до конца, если то, что имъ читали, было не согласно съ ихъ понятіями“ [5]). Въ чемъ проявились безпорядки—неизвѣстно, но сообщалось, что въ одномъ имѣніи (с. Тимановка, бывшее гр. Протасова-Бахметева) крестьяне оказали сопротивленіе войскамъ. Обычными средствами усмиреніями во всѣхъ этихъ волненіяхъ были убѣжденія и „полицейскія мѣры“, а если они не помогали, то въ волнующіяся селенія вводились военныя команды, оставляемыя иногда на постой, производилась порка крестьянъ, аресты ихъ вплоть до преданія суду зачинщиковъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ было пущено въ ходъ огнестрѣльное оружіе, что сопровождалось большимъ количествомъ убитыхъ и раненыхъ.

Перечень губерній, въ которыхъ происходили подобныя волненія, очевидно, не полонъ. А. Танковъ, напримѣръ, описывая волненія въ курской губерніи, главнымъ образомъ, за 1862 г., волненія, возникшія на почвѣ ожиданія „случнаго“ часа, говоритъ также и о волненіи въ курской губерніи въ 1861 г., причемъ, по свѣдѣніямъ курской губернской администраціи, многія изъ нихъ „произошли *почти исключительно*

---

[1]) Въ губерніяхъ: витебской, костромской, псковской, тамбовской, смоленской, виленской, харьковской, рязанской, гродненской и орловской.

[2]) Сѣверная Пчела, 1861 г, № 143.

[3]) Въ губерніяхъ: ковенской, екатеринославской, тульской, московской, могилевской, пермской, вологодской, витебской, кіевской, новгородской, гродненской, владимирской и тамбовской.

[4]) С. Соловьевичъ. „Окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса“, стр. 53. Сѣверная Пчела за 1861 г.—различные №№, стр. 44.

[5]) Сѣв. Пчела, 1861 г., № 126. Цитирую по С. Соловьевичу.

отъ неправильнаго истолкованія имъ мѣстными причетниками правилъ и условій, изложенныхъ въ „Положеніи“ [1]).

Между тѣмъ курская губернія не отмѣчена Сѣв. Пчелой въ числѣ губерній, гдѣ были волненія въ 1861 г.

Среди волненій, возникавшихъ отъ неправильнаго пониманія „Положенія“, нужно различать волненія, гдѣ неправильному толкованію подвергались лишь нѣкоторыя отдѣльныя статьи „Положенія“ и въ которыхъ, слѣдовательно, выразилось такимъ образомъ недовольство только нѣкоторыми условіями освобожденія. Примѣромъ такихъ волненій могутъ служить хотя бы волненія, происшедшія на почвѣ отрицанія смѣшанной повинности. Въ другихъ же волненіяхъ крестьяне, исходя изъ своего представленія о „волѣ“, иногда основываясь лишь на неправильномъ пониманіи нѣкоторыхъ словъ и выраженій манифеста и „Положеній“, вкладывали въ содержаніе послѣднихъ свое пониманіе воли, шедшее большею частью въ разрѣзъ съ дѣйствительнымъ содержаніемъ того и другого. Проведеніе этой „истинной воли“ въ жизнь, выражаясь въ поступкахъ, противорѣчащихъ вновь изданнымъ законамъ, называлось на офиціальномъ языкѣ „неповиновеніемъ“, „безпорядками“ и т. д. Помѣщики заваливали правительственныя учрежденія жалобами, а власти примѣняли различныя репрессіи для приведенія крестьянъ въ должное повиновеніе закону. Изъ подобныхъ волненій наиболѣе рѣзкимъ, яркимъ какъ по размѣру, такъ и по силѣ, глубинѣ движенія, является бездн инское волненіе въ казанской губ. Изъ всѣхъ тѣхъ свѣдѣній о волненіяхъ, которыя попали въ офиціальный органъ „Сѣверную Пчелу“, нельзя судить о большинствѣ изъ нихъ,—было ли причиною ихъ частичное недовольство Положеніемъ или причиною была подмѣна содержанія „Положенія“ и манифеста содержаніемъ крестьянской „воли“.

Мы познакомимся съ тѣми и другими волненіями на частныхъ примѣрахъ, свѣдѣнія о которыхъ разсыпаны въ различныхъ періодическихъ журналахъ. Ознакомимся сначала съ I группою волненій.

Наиболѣе общимъ явленіемъ было непризнаніе крестьянами срочно-обязаннаго періода. Но это такъ тѣсно соединялось у нихъ съ уничтоженіемъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщику и съ наступленіемъ вмѣсто срочно-обязаннаго періода „полной“, „истинной“ воли, что волненія, возникавшія на почвѣ отрицанія срочно-обязаннаго періода, приходится относить къ волненіямъ, гдѣ крестьяне или отрицали Положеніе совсѣмъ или замѣняли его дѣйствительное содержаніе содержаніемъ своей „крестьян-

---

[1]) Танковъ. „Крестьянскія волненія въ курской губ. въ 1862 г.“ Истор. Вѣстникъ, 1890 г., № 8, стр. 345.

ской" воли. Изъ частныхъ же статей Положенія наибольшее возмущеніе вызывало у нихъ сохраненіе барщины. Въ этомъ они видѣли прямое нарушеніе царской воли, зачастую толкуя и манифестъ, и Положеніе въ смыслѣ немедленнаго прекращенія барщины, въ которой, главнымъ образомъ, и видѣли прекращеніе крѣпостной зависимости.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, констатируя въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ, что крестьяне смотрятъ на издѣльную повинность, какъ на „исключительную принадлежность крѣпостного состоянія", счелъ нужнымъ даже подтвердить, чтобы власти объясняли крестьянамъ, что барщина по Положенію есть та же плата за землю, уплачиваемая лишь не деньгами, а работою [1]). Отрицаніе барщины выражалось или въ неаккуратномъ и небрежномъ исполненіи ея, на что жалобы отъ помѣщиковъ сыпались во всѣ правительственныя учрежденія, которымъ сіе вѣдать надлежало,— или въ категорическомъ отказѣ отъ нея. Въ первомъ случаѣ дѣло улаживалось наложеніемъ штрафовъ на „нерадивыхъ", изрѣдка тѣлесными наказаніями черезъ полицію. Въ другихъ—происходило, т. наз., „волненіе" съ обычными пріемами усмиренія.

Уже приходилось говорить, что въ калужской губерніи въ тарусскомъ уѣздѣ крестьяне поняли прочитанный имъ гр. Бутурлинымъ манифестъ въ томъ смыслѣ, что теперь они могутъ работать на помѣщиковъ только за деньги. На этомъ основаніи во многихъ мѣстахъ произошелъ отказъ отъ работъ. Въ селѣ Кольцовѣ дѣло приняло серьезный оборотъ и завершилось экзекуціей. Въ этомъ селѣ часть крестьянъ была на оброкѣ, часть на барщинѣ. Въ изложеніи этого волненія гр. Бутурлинымъ замѣчается нѣкоторая сбивчивость или, вѣрнѣе, сами крестьяне путались въ своихъ заявленіяхъ. Въ разговорѣ съ исправникомъ и уѣзднымъ предводителемъ дворянства крестьяне говорили, что они желаютъ сравняться въ своемъ положеніи: или всѣмъ быть на оброкѣ, или на барщинѣ. Въ разговорѣ же съ гр. Бутурлинымъ, а затѣмъ съ ген.-майоромъ св. е. в. Казнаковымъ, прибывшимъ съ ротою солдатъ, барщинные отказывались лишь отъ работъ, соглашаясь платить оброкъ, хотя и пониженный сравнительно съ Положеніемъ: новый душевой окладъ они считали очень высокимъ.

Такъ какъ и потомъ при усмиреніи дѣло шло лишь о принужденіи барщинныхъ крестьянъ къ работамъ, то слѣдуетъ считать, что главною причиною волненія была увѣренность, что съ волею барщина отмѣнена. Никакія убѣжденія съѣхавшагося начальства не помогли: крестьяне твердо

[1]) Сѣв. Пчела, 1861 г., № 108 за 16 мая.

стояли на своемъ отказѣ отъ барщины. Тогда (3-го апрѣля) ген. Казнаковъ пустилъ въ ходъ военную силу. На площадь, гдѣ столпились кольцовцы — барщинные и оброчные — была выведена рота солдатъ. Указаніе Казнакова на себя, какъ на царскаго посланца, и угроза примѣнить тѣлесное наказаніе— впечатлѣнія не произвели: крестьяне, между прочимъ, были увѣрены, что съ волею отмѣнено и тѣлесное наказаніе. Казнаковъ вызвалъ по списку всѣхъ барщинныхъ крестьянъ на правую сторону площади. Какъ только генералъ приказалъ солдатамъ оцѣпить ихъ, барщинные и оброчные сдѣлали попытку соединиться, но солдаты предупредили ихъ: первые были окружены. Началось сѣченье: давали по 9—14 ударовъ, причемъ, по указанію Бутурлина, „удары были полновѣсные, со всего солдатскаго размаха и какими не умѣютъ наказывать въ земскихъ судахъ и градскихъ полиціяхъ“ [1]). При этомъ онъ передаетъ такую любопытную сцену. „Жена одного наказываемаго крестьянина, приблизившись, насколько могла, къ мѣсту экзекуціи, начала кланяться въ ноги наказываемому мужу и кричать ему во всю глотку: „Потерпи, батюшка, потерпи, вѣдь самъ Христосъ терпѣлъ“. Однако же мужъ не вытерпѣлъ и послѣ 9 го или 10-го удара сдался“ [2]).

Крестьяне выказали въ этомъ волненіи мало стойкости После 9 или 10 наказанныхъ—остальные повинились. Всѣмъ было приказано немедленно явиться съ сохами и итти на барщину. Это было исполнено. На другой день рота уже удалилась изъ села Кольцова.

Къ той же категоріи волненій нужно отнести и описанное ранѣе Ольхинское дѣло [3]). Въ волновавшемся селеніи (с. Александровскомъ или Бѣломъ Островѣ) барщина была легкая (2 дня въ недѣлю), и причиною отказа отъ нея послужило именно „ложное пониманіе воли“. По примѣру бѣлоостровцевъ стали отказываться отъ барщины крестьяне и другихъ помѣщиковъ въ сосѣднихъ деревняхъ. Была, какъ сказано, введена воинская команда; человѣкъ 6 арестовано и на крестьянъ же были возложены расходы на экзекуцію. Крестьяне смирились окончательно, кажется, послѣ порки депутаціи къ Александру II, о чемъ говорилось выше. Тотъ же отказъ отъ работъ или отъ барщины наблюдался въ цѣломъ рядѣ волненій. Упомянемъ с. Святцы, Владимирской губ. судогодскаго уѣзда, гдѣ крестьяне не дали становому приставу арестовать нѣкоторыхъ крестьянъ, угрожали предводителю дворянства и исправнику и куда была

---

[1]) Гр. Бутурлинъ. „Эпизодъ изъ исторіи калужскаго крестьянства“. Русск. Архивъ, 1876 г., № 10, стр. 253.
[2]) Ibid., стр. 253—254.
[3]) „Колоколъ“, 1861 г., №№ 100 и 105.

введена въ концѣ концовъ воинская команда [1]); въ имѣніи Дурасова, самарской губерніи бугурусланскаго уѣзда [2]), с. Шиганы, симбирской губ. сениглевскаго уѣзда [3]), имѣніе Корвовской, калужской губерніи жиздринскаго уѣзда, гдѣ крестьяне, отказавшись отъ барщины, разошлись на заработки [4]).

Одною изъ причинъ волненій, какъ сказано выше, было сохраненіе смѣшанной повинности. Основываясь отчасти на самомъ Положеніи, крестьяне во многихъ мѣстахъ рѣшительно отказывались исполнять барщину и оброкъ. Какъ сказано, отчасти здѣсь была виновата запутанность статей Положенія.

Въ отдѣлѣ о приведеніи Положенія въ дѣйствіе говорится лишь о 2-хъ родахъ повинностей, барщинной и оброчной; лишь въ 170 ст. Мѣстнаго Положенія въ примѣчаніи оговаривается сохраненіе смѣшанной повинности до введенія уставныхъ грамотъ. Крестьяне, считаясь съ опредѣленнымъ указаніемъ закона на барщину и оброкъ, данное примѣчаніе совершенно игнорировали или не знали и считали себя освобожденными отъ работъ сверхъ оброка. На этой почвѣ происходили волненія главнымъ образомъ въ сѣверной и средней полосѣ Россіи, гдѣ была довольно сильно развита смѣшанная повинность. Ген.-лейтенантъ Дубельтъ, командированный для введенія Положенія въ ярославскую губернію, говоритъ, что волненія въ этой губерніи происходили почти исключительно въ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне состояли на смѣшанной повинности; оброчные сидѣли смирно. Смѣшанные крестьяне большею частью упорно отказывались отъ работъ сверхъ оброка и даже отъ повышенія послѣдняго до размѣровъ, обычныхъ въ чисто оброчныхъ имѣніяхъ. Конечно, въ этомъ нежеланіи исполнять барщинную часть смѣшанной повинности можно видѣть и отраженіе взгляда крестьянъ, что съ наступленіемъ воли должна прекратиться и барщина. Волненія эти, очевидно, были не сильны и кончались довольно благополучно для крестьянъ, отчасти благодаря тактичности самого Дубельта—противника сѣченія и разстрѣла крестьянъ, но сторонника постоя солдатъ, хотя и послѣднее примѣнялось имъ довольно рѣдко. Дубельтъ говоритъ, что изъ 14 волненій, происшедшихъ въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ въ ярославской губ., въ 11-ти ему удалось подѣйствовать на крестьянъ убѣжденіемъ и лишь въ трехъ случаяхъ ему пришлось прибѣгнуть къ содѣйствію военной силы, причемъ онъ не ранилъ и не убилъ ни одного человѣка; сѣченье бы-

[1]) „Сѣв. Пчела", 1861 г., № 117.
[2]) Ibid., № 114.
[3]) Ibid., № 118.
[4]) Ibid., № 118.

ло примѣнено въ 2-омъ случаѣ къ 1-му человѣку въ количествѣ 1-ой розги. Изъ наиболѣе крупныхъ волненій на почвѣ нежеланія исполнять смѣшанную повинность извѣстны 2 въ ярославской губерніи: въ имѣніи Мусина-Пушкина (по рѣкѣ Мологѣ) и въ имѣніи Арнаутова, угличскаго уѣзда. Въ первомъ волненіи, гдѣ на сходъ явилось до 800 человѣкъ, Дубельтъ грозилъ постоемъ солдатъ съ возложеніемъ на крестьянъ всѣхъ расходовъ по содержанію и доставкѣ военной команды изъ города, причемъ подробно исчислилъ крупную сумму, которую взыскали бы въ этомъ случаѣ съ крестьянъ. Угроза подѣйствовала, и крестьяне смирились. 2-ое волненіе было крупнѣе по размѣрамъ и формамъ. На сходъ, куда явился Дубельтъ для убѣжденій и разъясненій, сошлось до 1200 человѣкъ. Когда Дубельтъ попытался арестовать 5 человѣкъ крестьянъ, характеризованныхъ ему, какъ зачинщики, крестьяне бросились къ Дубельту, окружили его, осыпали бранью и готовы были избить. Дубельту удалось благополучно выбраться изъ толпы и уѣхать въ Ярославль. Онъ выслалъ немедленно войска въ имѣніе Арнаутова и послалъ донесеніе о происшедшемъ самому Александру II въ Москву. Александръ, крестьянахъ, послалъ суровое повелѣніе: арестовать зачинщиковъ, судить ихъ военнымъ судомъ и по законамъ военнаго времени и приговоры, конфирмовавъ, немедленно привести въ исполненіе. Дѣло принимало такимъ образомъ тяжелый оборотъ. Къ счастью, Дубельтъ оказался ни Апраксинымъ, ни Дренякинымъ, ни даже императоромъ Александромъ II въ своихъ отношеніяхъ къ волнующимся крестьянамъ. Когда Дубельтъ вторично явился въ имѣніе Арнаутова, крестьяне уже были окружены драгунами съ заряженными ружьями. Крестьяне, выдавъ безпрекословно 5 зачинщиковъ, отказались отъ повиновенія. Дубельтъ вмѣсто разстрѣла или порки, оставилъ солдатъ постоемъ въ селѣ на полномъ иждивеніи крестьянъ. Черезъ день крестьяне уже смирились: такъ тяжело было содержать солдатъ. Зачинщиковъ Дубельтъ простилъ. Подобныя же волненія на почвѣ нежеланія исполнять смѣшанную повинность извѣстны въ петербургской (въ лужскомъ уѣздѣ — имѣніи Тирана, — въ петергофскомъ уѣздѣ—имѣніи Веймарна) и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ [1]).

Во многихъ мѣстахъ крестьяне выказывали явное недовольство Положеніемъ въ виду того, что они лучше, чѣмъ кто-либо другой на собственной шкурѣ чувствовали во многихъ отношеніяхъ ухудшеніе своего экономическаго положенія при устройствѣ его согласно данной имъ „казенной

---

[1]) См. объ этомъ также корреспонденцію въ „Колоколѣ“ за 1861 г.“, №№ 98—99, стр. 822.

волѣ". Демертъ указываетъ, что тяжелыя условія и невыгодныя для крестьянъ правила Положенія были главною причиною недовѣрія къ нему [1]); если это указаніе невѣрно для всѣхъ крестьянъ, то для многихъ мѣстъ, вѣроятно, справедливо. Нѣкоторые мировые посредники ставятъ трудность введенія Положенія и уставныхъ грамотъ въ зависимости именно отъ измѣненій въ положеніи крестьянъ, которыя наступали для нихъ съ освобожденіемъ. Такъ, Безвѣстный говоритъ, что если крестьяне пользовались въ крѣпостное время количествомъ земли, далеко превышающимъ высшій надѣлъ, то крестьяне не шли на добровольное соглашеніе при составленіи уставной грамоты [2]). Мировой посредникъ Луцкій указываетъ также относительно самарской губерніи, что въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ „владѣльцы предоставляли крестьянамъ разныя льготы, въ такихъ имѣніяхъ вводъ (уставныхъ) грамотъ представлялъ страшное затрудненіе. Крестьяне ни за что не хотѣли принимать ихъ; оно и понятно: отъ уставныхъ грамотъ ихъ бытъ не только не улучшался, напротивъ, они теряли многое изъ своихъ прежнихъ правъ" [3]). Не забудемъ, что это ухудшеніе происходило нетолько въ отношеніи размѣра надѣловъ и платежей, но уничтожались, кромѣ того, сервитуты, т. е. безплатное пользованіе выгонами, паромъ, зачастую лѣсомъ, водами и т. д., уничтожалось право на помощь въ несчастныхъ случаяхъ, во время неурожаевъ и т. под. Крестьяне, конечно, быстро оцѣнили эту сторону Положенія. Въ этомъ отношеніи любопытно небольшое волненіе въ крупномъ селѣ Никольскомъ гр. Соллогуба въ ставропольскомъ уѣздѣ самарской губерніи, гдѣ крестьяне отказались принять уставную грамоту. Губернаторъ, безуспѣшно убѣждавшій крестьянъ около часу, готовъ уже былъ послать за военной командой, и лишь тактичное и умѣлое разъясненіе мирового посредника спасло крестьянъ отъ губернаторской расправы. Крестьяне подъ вліяніемъ мирового посредника приняли уставную грамоту. Причиною же ихъ упорства, по указанію Луцкаго, было именно чувствительное ухудшеніе экономическаго положенія по уставной грамотѣ сравнительно съ положеніемъ при крѣпостномъ правѣ. Никольскіе крестьяне при крѣпостномъ правѣ свободно рубили помѣщичій лѣсъ, косили траву, гдѣ хотѣли, запахивали земли въ свою пользу, сколько угодно, при ничтожной барской запашкѣ. „Теперь посмотрите, говорилъ Луцкій губернатору въ объясненіе упорства крестьянъ, изъ пашни у нихъ отрѣзали больше половины, луга и рыб-

---

[1]) Демертъ. „Новая Воля". Отеч. Зап., 1869 г., № 9.

[2]) Безвѣстный. „Изъ дневника мир. посредника". Русск. Вѣстникъ, 1863 г., № 6, стр. 794—795.

[3]) „Изъ записокъ В. К. Луцкаго". Русская Старина, 1904 г., № 3 стр. 563—564.

ныя ловли, по теперешнему Положенію, отходятъ (помѣщику), лѣса болѣе не имѣютъ права взять, слѣдовательно, Положеніе 19-го февраля ухудшаетъ ихъ настоящій бытъ; въ будущее они не смотрятъ. Вотъ теперь и рѣшите сами, могутъ ли они не говорю съ удовольствіемъ, а безропотно подчиняться новому Положенію?" [1]).

Признаніе за помѣщиками права собственности и отдача крестьянамъ части земли лишь въ пользованіе возбуждала въ крестьянахъ — по крайней мѣрѣ, въ мѣстахъ — глубокое чувство недоумѣнія и недовольства. Они сыздавна не могли представить себѣ воли безъ земли и, какъ мы знаемъ, многіе считали даже, что при волѣ вся господская земля должна перейти къ нимъ. Драгомановъ говоритъ относительно Малороссіи, что крестьяне не хотѣли вѣрить, чтобы имъ была дана воля безъ земли и лѣса. Онъ приводитъ цѣлый рядъ отзывовъ крестьянъ изъ разныхъ мѣстъ по этому поводу. „Де жъ таіа вольа, іака та переміна? Што жъ тутъ липшаго? То і лісъ застаіетьсьа паньскиі", говорили крестьяне въ Подоліи.—„Што жъ отъ се за вольа безъ землі?", спрашивали на Волыни. Въ Полтавщинѣ такъ выразили недовольство: „Землье — іака вона паньска? Вона така же казенна, іакъ козача, або та, што нід казенними крестьанамі, ночо за неіі платитсьа подать-царскиі оброкъ" [2]).

Среди крестьянъ замѣчалось также недовольство условіями выкупа. Демертъ говоритъ относительно казанской губерніи, гдѣ ему пришлось быть, что непривлекательная перспектива платить въ теченіе почти полустолѣтія одинаковую сумму выкупа, да еще одновременно внести 30 р. (при добровольномъ выкупѣ И. И.) — все это, въ связи съ несообразно высокой оцѣнкой земли, возбудило недовѣріе къ закону даже со стороны тѣхъ крестьянъ, которые не смотрѣли на книгу (Положенія), какъ на бомбу" [3]). Тяжело отражалось на крестьянахъ также признаніе Положеніемъ за владѣльцами правъ собственности на земли, купленныя крестьянами въ крѣпостное время на имя помѣщика. Какъ извѣстно, въ крѣпостное время крестьяне не имѣли права пріобрѣтать земли на свое имя до указа 1848 г., когда крестьяне получили это право при непремѣнномъ условіи согласія со стороны помѣщика. Положеніе признало за крестьянами право давности владѣнія только на земли, купленныя на имя помѣщика съ 1848 г. Такимъ путемъ помѣщики могли захватить земли крестьянъ, купленныя послѣдними на свои деньги до этого года. И такіе случаи происходили,

---

[1]) „Изъ записокъ В.-К. Луцкаго". Русск. Старина, 1904 г., № 3, стр. 566.

[2]) „Основе" 1862 г. Вісті—цитируются по Драгоманову „Нови украиньски пісни".

[3]) Демертъ. „Новая Воля". Отеч. Зап., 1869 г., стр. 28—29.

видимо, въ большомъ количествѣ. Обнинскій говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ одномъ только засѣданіи калужскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія разсматривалось 24 подобныхъ дѣла о присвоеніи помѣщиками крестьянскихъ земель, купленныхъ послѣдними на имя помѣщика [1]). „Въ любомъ архивѣ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, говоритъ Обнинскій въ другой статьѣ, будущій историкъ эпохи освобожденія найдетъ цѣлые вороха дѣлъ по искамъ крестьянъ о „правѣ собственности" на земли, купленныя ими при крѣпостномъ правѣ на имена своихъ владѣльцевъ, которыми они *свободно* владѣли *до воли*, и которыя *по* объявленіи ея отъ нихъ отбирались ради того только, что въ то безправное время они не могли пріобрѣтать, а помѣщикъ не пожелалъ теперь признать совершившуюся продажу!" [2]). Носовичъ упоминаетъ объ обжалованіи крестьянами уставной грамоты на этомъ основаніи [3]). На этой почвѣ происходили даже волненія. Такъ, въ „Колоколѣ" [4]) помѣщено было извѣстіе о волненіяхъ крестьянъ въ черниговской губерніи въ имѣніи Галагана, Пичнѣ, причемъ сообщалось, хотя и подъ сомнѣніемъ, что причиною волненія было желаніе Галагана присвоить себѣ землю, купленную крестьянами на имя помѣщика. Крестьяне, конечно, были усмирены.

Изъ другихъ сторонъ Положенія, съ которыми расходились крестьяне, отмѣтимъ увѣренность крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что при волѣ тѣлесное наказаніе должно быть отмѣнено. На это указываетъ гр. Бутурлинъ при описаніи приведеннаго уже волненія въ с. Кольцовѣ тарусскаго уѣзда калужской губерніи. Не только сами кольцовцы были въ этомъ увѣрены, но и „въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, говоритъ Бутурлинъ, вкоренилась мысль, что теперь, съ новою дарованною имъ волею, никто уже болѣе наказывать ихъ тѣлесно не смѣетъ" [5]). Когда происходила порка кольцовцевъ, „вся гора, изгибаясь амфитеатромъ надъ низменной береговой площадкой, гдѣ шла экзекуція, была унизана женскимъ населеніемъ сельца Кольцова и крестьянами обоего пола изъ сосѣднихъ деревень, приходившихъ удостовѣриться, дѣйствительно ли будутъ наказывать крестьянъ" [6]). Садовникъ въ имѣніи графа Бутурлина, при разсказѣ кучеренка объ экзекуціи, „скептически отвѣчалъ: „врешь, не

[1]) Обнинскій. „Калужское губ. по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе". Русская Мысль, 1896 г., № 5, стр. 7.

[2]) Обнинскій. „Воспоминанія юриста". Русскій Архивъ, 1892 г., № 1, стр. 134.

[3]) Носовичъ. „Записки", стр. 64, 74-75.

[4]) „Колоколъ", 1861 г., № 100.

[5]) Гр. Бутурлинъ. „Эпизодъ изъ исторіи калужскаго крестьянства". Русскій Архивъ, 1876 г., № 10, стр. 251.

[6]) Гр. Бутурлинъ. „Эпизодъ изъ исторіи калужскаго крестьянства". Русскій Архивъ, 1876 г., № 10, стр. 253.

можетъ быть" [1]). Конечно, это было, вѣроятно, лишь въ немногихъ мѣстахъ. Демертъ отмѣчаетъ даже якобы обратное явленіе: обиліе приговоровъ волостныхъ судовъ, присуждавшихъ крестьянъ къ тѣлесному наказанію. Но это происходило, по объясненію самихъ же крестьянъ, отъ другихъ причинъ. Другіе роды наказаній были слишкомъ тяжелы для крестьянъ: штрафы непосильны, аресты во время полевыхъ и иныхъ работъ также чувствительно били по карману, порка же происходила быстро и ничего не стоила, а крѣпостное время достаточно пріучило крестьянъ къ перенесенію этого рода наказанія въ нравственномъ отношеніи. Получивъ „волю", крестьяне считали, что они вмѣстѣ съ тѣмъ получали немедленно право самоуправленія и независимость отъ прежнихъ крѣпостныхъ вотчинныхъ властей. Поэтому во многихъ мѣстахъ крестьяне отказывались повиноваться послѣднимъ, требовали смѣны прежнихъ сельскихъ властей, а иногда и самовольно смѣняли ихъ, выбравъ взамѣнъ изъ своей среды новыхъ. Конечно, такіе поступки назывались на офиціальномъ языкѣ „волненіями", „неповиновеніемъ закону" и вызывали вмѣшательство властей съ обычными пріемами усмиренія. Самовольнымъ введеніемъ сельскаго самоуправленія сопровождались наиболѣе крупныя волненія, гдѣ крестьяне вели себя во всѣхъ отношеніяхъ „вольными". Изъ болѣе мелкихъ волненій отмѣтимъ хотя бы волненіе въ с. Шиганахъ (г-жи Кротковой) симбирской губерніи сенгилевскаго уѣзда, гдѣ крестьяне, наряду съ отказомъ отъ работъ, не хотѣли подчиняться прежнимъ сельскимъ властямъ, желая выбрать старшинъ сами. Введена была военная команда, главные зачинщики наказаны, а одинъ изъ нихъ приговоренъ военносудной комиссіей къ шпицрутенамъ [2]). Хотя по офиціальнымъ донесеніямъ и нѣкоторымъ частнымъ свѣдѣніямъ введеніе волостного и сельскаго самоуправленія наряду съ мировыми учрежденіями сильно способствовало замиренію волновавшихся крестьянъ, но есть и другія указанія, что введеніе казеннаго самоуправленія не вполнѣ удовлетворяло крестьянъ. Открытіе сельскихъ обществъ, видимо, не всюду было мирнымъ. Такъ, во владимирской губерніи въ имѣніи Кокошкина крестьяне при открытіи сельскаго общества желали смѣнить бурмиста, а послѣ отказа въ этомъ, грозили выкинуть бурмистра изъ правленія. При попыткѣ предводителя дворянства арестовать одного крестьянина, сынъ послѣдняго бросился на предводителя. Крестьяне смирились послѣ введенія воинской команды [3]). Въ имѣніи Александровкѣ (г-жи Шишковой) и Средней Бѣсовкѣ (имѣніе Дадьяна) кре-

---

1) Ibid., стр. 254.
2) „Сѣверная Пчела", 1861 г., № 118.
3) „Сѣверная Пчела", 1861 г., № 117.

стьяне при отказѣ отъ работъ не желали также выбирать должностныхъ лицъ при открытіи сельскихъ обществъ и волостей. Это волненіе находилось, видимо, въ связи или подъ вліяніемъ бездниннскаго движенія, ибо для усмиренія крестьянъ оказалось достаточнымъ убѣжденій предводителя дворянства и извѣстія объ усмиреніи бездницевъ [1]). Демертъ указываетъ, что крестьяне отнеслись съ самаго начала очень индифферентно къ вводимому самоуправленію и смотрѣли на выборы волостныхъ старшинъ и судей, какъ на тяжелую повинность; лучшіе крестьяне уклонялись отъ выборовъ, попалъ на эти должности наихудшій элементъ или ставленники мировыхъ посредниковъ. „Слышалъ я послѣ, пишетъ Демертъ, что выборы старшинъ, старостъ, волостныхъ судей почти вездѣ были произведены подъ самымъ строгимъ вліяніемъ и надзоромъ мировыхъ посредниковъ. Слыхалъ я, что крестьянскій міръ рѣдко гдѣ остался довольнымъ насильно навязанными имъ начальниками“ [2]). Сильная зависимость отъ мировыхъ посредниковъ, незнаніе законовъ и неумѣніе разобраться въ нихъ дѣлало выборныя сельскія власти пѣшками въ рукахъ первыхъ, а также писарей. Волостные судьи получили отъ крестьянъ ироническое названіе „коптильщиковъ печатей“, ибо зачастую ихъ роль изъ-за указанныхъ причинъ ограничивалась лишь прикладываніемъ печатей. „Поди-ка, больно-то мнѣ нужно въ коптильщики эти итти, говорилъ, зажиточный крестьянинъ. — Сиди себѣ болваномъ, прикладывай, куда тебѣ велятъ, печать, а потомъ тебя же посредственникъ раскоститъ, и то не такъ, и это не такъ, а поди-ка мы много въ бумагахъ-то вашихъ понимаемъ“ [3]).

И. Игнатовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) „Сѣверная Пчела“, 1861 г., № 114.
[2]) Демертъ. „Новая Воля“. Отеч. Зап., 1869 г., № 11, стр. 216.
[3]) Ibid., стр. 222.

ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

II.

Въ Петровской Академіи у меня былъ пріятель, нѣкто Селивановъ—славный, милый и разбитной пареневъ. Въ Москву тогда пріѣхало нѣсколько барышень изъ Архангельска учиться. Называли ихъ Архангелки. Познакомился съ ними мой пріятель, захотѣлъ и меня ввести туда, съ цѣлью отесать, сдѣлать болѣе общительнымъ. Однако, объ этомъ не сказалъ мнѣ, желая сдѣлать это, какъ бы, случайно. Я тогда жилъ въ Москвѣ. Приходитъ онъ ко мнѣ и зоветъ пройтись съ нимъ. Идемъ. По дорогѣ подходимъ къ домамъ Ковварева; онъ и говоритъ: «а мнѣ надобно на минутку забѣжать тутъ къ однимъ знакомымъ». —Что-жъ, заходи! Я подожду, говорю ему. —«На улицѣ неудобно ждать! Лучше пойдемъ въ домъ, тамъ въ коридорѣ стоятъ диваны, тамъ и посидишь!»—Ладно! идемъ. Взбираемся на 3-ій или 4-ый этажъ. Коридоръ, дѣйствительно, чистый, широкій, свѣтлый и скамьи есть. Я сажусь, онъ уходитъ, но черезъ минуту выходитъ и зоветъ въ номеръ на минутку.—Съ неохотой иду, не подозрѣвая еще, однако, западни. Входимъ и сразу попадаемъ въ цѣлый рой барышень. Я смущенъ, начинаю корчиться, порываюсь бѣжать и удерживаюсь, чтобъ не оказаться совсѣмъ ужъ грубымъ. Вся эта борьба отражается у меня въ лицѣ, въ ерзаньи на стулѣ, а тутъ слышу вдругъ еще, къ своему ужасу, тихій, но внятный шепотъ: «чего онъ гримасничаетъ!» О, милыя, недогадливыя пташки! Вы, думали, что это у меня шла оцѣнка вашихъ не особенно красивыхъ личекъ, а на самомъ дѣлѣ это были муки человѣка, котораго поджариваютъ на медленномъ огнѣ. Этой пытки я не вынесъ, всталъ и со срамомъ удалился съ поля битвы опять въ коридоръ.

Мнѣ кажется, что Селивановъ въ этомъ случаѣ переконспирировалъ. Дѣло въ томъ, что я не настолько былъ ужъ нелюдимъ, чтобъ и въ самомъ дѣлѣ бѣгать людей. И скажи онъ мнѣ заранѣе, что хочетъ познакомить меня съ ними, я или отказался, или, если-бъ согласился, то ужъ не сталъ торопиться такъ съ уходомъ, а смотрѣлъ бы на себя, какъ на гостя, а не спутника, случайно, по дорогѣ, зашедшаго, что собственно и смущало меня.

Итакъ, первый шагъ въ свѣтъ не удался, второй былъ удачнѣй.

Осенью 1873 г., проѣздомъ въ Питеръ, въ Москвѣ остановился на время Войнаральскій. Онъ былъ знакомъ съ Селивановымъ еще по Пензѣ и захотѣлъ съ нимъ повидаться теперь. Отъ Селиванова онъ впервые узналъ о начинающемся броженіи и попросилъ познакомить его съ кѣмъ-нибудь. Селивановъ потащилъ меня, но уже объяснилъ мнѣ, кто такой Войнаральскій, и зачѣмъ ведетъ меня къ нему. Войнаральскій послѣ окончанія административной ссылки былъ выбранъ мировымъ судьей, но его, кажется, не утвердили, женился и ѣхалъ теперь въ Питерскій Университетъ доучиваться. У насъ на литературныхъ вечерахъ вопросъ о дальнѣйшемъ образованіи поднимался много разъ и въ общемъ всѣ склонялись, что знаній у насъ достаточно, что дѣло не въ томъ, чтобъ ихъ увеличивать, а въ томъ, чтобы передать народу тѣ, которыми мы уже обладаемъ, *поднять народъ до насъ*, какъ тогда выражались. Это было время, когда еще шли занятія съ рабочими и о хожденіи въ народъ въ Москвѣ вопросъ еще не поднимался. И мы, придя къ Войнаральскому, сразу напустились на него за желанье продолжать ученье. Поднялся споръ; съ вопроса объ ученіи перескочили на роль земства, частныхъ реформъ, частныхъ мѣропріятій, ихъ значеній; могутъ ли они помочь бѣдѣ народной—и т. д. Войнаральскій стоялъ за легальные пути, мы—за революцію. «Гдѣ же для этого люди?! Вѣдь не смогутъ же этого сдѣлать два, три человѣка?!», съ видимымъ колебаніемъ спрашивалъ онъ.

— «Ну, за людьми дѣло не станетъ! люди есть!», выкрикивали мы съ жаромъ. «Денегъ только мало!», добавлялъ къ этому Селивановъ. Это было больное мѣсто у него. Онъ полагалъ, что на немъ лежитъ какъ бы обязанность добыть эти деньги и ради этого хотѣлъ кончить курсъ и заняться сельско-хозяйственной технологіей.—Бѣдный! онъ скоро умеръ, не осуществивъ своей задачи,—даже не приступивъ къ началу [1]).

Наши доводы, а скорѣй горячность въ концѣ концовъ такъ проняли Войнаральскаго, что онъ мало-по-малу сталъ сдаваться (т. е. просто помалкивалъ) и предъ разставаніемъ пошелъ на уступку: „Ладно, молъ! Вотъ поѣду въ Питеръ, посмотрю людей, сколько ихъ тамъ, а тогда ужъ и рѣшу окончательно, кто изъ насъ правъ,—вы или я, а пока на всякій случай достаньте-ка мнѣ адресъ въ Питеръ".

Уѣхалъ онъ. Въ Питерѣ живо сошелся съ чайковцами, и я вскорѣ узналъ, что объ университетѣ онъ уже бросилъ и помышлять. Когда же въ Москвѣ устроилась мастерская, для обученія столярству петровцевъ, пришло вдругъ и отъ него письмо

---

[1]) Въ 74 г. Онъ вмѣстѣ съ женой и одной изъ Архангелокъ принялъ участіе въ типографіи Мышкина и былъ арестованъ. Изъ-за него стали усиленно тогда же искать и меня. Уходя на Уралъ, я прописался живущимъ на его квартирѣ. Онъ въ Петровкахъ снималъ цѣлую избу.

съ просьбой, чтобъ я нанялъ для него квартиру и тоже подъ мастерскую. Съ этимъ письмомъ вышелъ казусъ. Изъ-за него намъ пришлось бросить квартиру.

Послалъ онъ это письмо чрезъ брата своей жены—15-16-ти лѣтняго мальчугана, по фамиліи Кулябко. Этотъ Кулябко отправился въ Петровки и, узнавъ тамъ адресъ нашей мастерской, вмѣсто того, чтобъ войти къ намъ въ квартиру съ улицы, гдѣ была дверь къ намъ, явился во дворъ и взбудоражилъ дворника, жильцовъ и хозяйку, отыскивая студента П. А. Фроленко. Малецъ онъ былъ смѣлый, разбитной, поэтому, когда дворникъ сталъ его увѣрять, что никакого тутъ студента у нихъ не живетъ, онъ полѣзъ къ жильцамъ, въ квартиры; не найдя тамъ, отправился къ хозяйкѣ. Мы же еще не были прописаны и были извѣстны за мастеровыхъ. Поэтому объ насъ дворникъ послѣ всѣхъ вспомнилъ. А въ это время у насъ въ одной комнаткѣ на окнѣ стояла ванночка для гальванопластики печатей; въ другой—сидѣли двое или трое нелегальныхъ, бѣжавшихъ изъ Питера, въ третьей—шла столярная работа. Раздался стукъ со двора. Всѣ всполошились, послали кухарку. Чрезъ минуту выглянуло ея испуганное лицо: знакомъ она подзывала меня къ двери. Иду; въ полуотворенной двери стоитъ дворникъ съ растеряннымъ видомъ.

«Что такое?», спрашиваю. —«Да вотъ какой-то тутъ малецъ ходитъ по квартирамъ и спрашиваетъ студентовъ. Барыню встревожилъ. Она послала къ вамъ узнать, не знаете ли?»

Все это съ запинками и разными вставками объяснилъ дворникъ.

Квартира нанята была на мое мѣщанское имя, держались мы все время, какъ мастеровые, а тутъ вдругъ студенты,—и толки на весь дворъ, а дворъ былъ большой,—хозяйка полковница и у ней репетиторомъ, какъ нарочно, мой товарищъ по гимназіи—студентъ-медикъ. Словомъ, скандалъ. Впустили все-таки къ себѣ Кулябку; дворникъ ушелъ. Напустились мы на Кулябку. Онъ оправдывается, что ему будто такъ сказали въ Петровкѣ. Въ это время опять стукъ въ дверь. Отворяю, стоитъ дворникъ. «Ну, что столковались?», спрашиваетъ онъ уже болѣе спокойнымъ, добродушнымъ тономъ. —«Столковались!», говорю. —«Вотъ и слава Богу!.. а то ходитъ онъ тутъ по двору!", и началъ, было, мой дворникъ опять подробно разсказывать о смутѣ, произведенной Кулябкой во дворѣ. Какъ видно, задалъ же ему Кулябко хлопотъ!

Этотъ Кулябко потомъ, когда его арестовали, и выдалъ всѣхъ насъ, представивши, кромѣ того, нашу мастерскую такъ, что на нее посмотрѣли, какъ на нѣчто очень важное.

Теперь, послѣ обнаруженія настоящаго званія, оставаться намъ на этой квартирѣ не было удобно, и наша мастерская, только что начавшая цвѣсти, черезъ мѣсяцъ уже завяла. Этому, кромѣ Кулябки, помогло еще маленькое обстоятельство. Вскорѣ послѣ Кулябки зашелъ въ мастерскую квартальный надзиратель, но уви-

давши обычныхъ рабочихъ въ рубахахъ—это были петровцы,—принялъ ихъ за настоящихъ и, спросивъ что-то, ушелъ, не выказавъ никакого подозрѣнія.

Мы, однако, перетрусили и, ища квартиру Войнаральскому, подыскали кстати и себѣ. Но наша квартира уже не стала больше столярничать. Станокъ перешелъ къ Войнаральскому, и у него устроилось два отдѣленія: столярное и сапожное. Къ Войнаральскому, впрочемъ, больше ходили москвичи да нелегальные. Столярствомъ у него мало занимались. Петровцамъ къ нему далеко было ходить, а москвичи занялись теперь сапожнымъ и башмачнымъ мастерствомъ. Наша же новая квартира превратилась въ этапный домъ. Дѣло шло къ веснѣ. Туда приходили, уходили, ночевали, временно проживали, уѣзжали, но кто былъ хозяиномъ,—кажется, и мы сами хорошо не знали.—Одна, впрочемъ, кухарка оставалась постоянно, да и та не была уже кухаркой, а жила у насъ на кухнѣ въ ожиданіи себѣ мѣста.

* * *

Въ Питерѣ занятія съ рабочими прекратились раньше, чѣмъ въ Москвѣ. Но, бросивъ это дѣло, тамъ не сразу перешли къ чему-либо новому. Былъ переходный моментъ, моментъ тоски и исканій. Въ такое-то время Чайковскій подъ гнетомъ сомнѣній, недоумѣній, съ болью въ сердцѣ поѣхалъ въ Орелъ. Тамъ онъ сошелся съ Маликовымъ, услыхалъ его горячую проповѣдь о возрожденіи людей путемъ вѣры въ то, что люди—боги, что стоитъ людямъ повѣрить въ это (найти въ себѣ бога, какъ выражались тогда) и съ нихъ спадетъ кора всѣхъ порочныхъ страстей и чувствъ, и они превратятся въ непорочныхъ агнцевъ, неспособныхъ ни на что злое, дурное. Міръ быстро обновится и на землѣ водворится земной рай.

Чайковскому въ томъ состояніи, въ какомъ онъ былъ, эта проповѣдь показалась откровеніемъ свыше. Она разомъ рѣшала всѣ вопросы, томившіе его, она давала ему все, къ чему онъ стремился, она вполнѣ соотвѣтствовала запросамъ его души—честной, мягкой и прямой. Тутъ не требовалось ни заговоровъ, ни скрытности, ни революціи, никакихъ бунтовъ. Все дѣло только въ томъ, чтобъ отказаться отъ налипшихъ недостатковъ, почувствовать себя бого-человѣкомъ, увѣровать въ это. Понять и увѣровать ему казалось одно и то же, и онъ причислилъ себя къ богочеловѣкамъ. Причислилъ искренне, съ полной вѣрой и у него разомъ свалилась съ плечъ вся тяжесть мучившихъ его вопросовъ, колебаній. Наступила тишь и душевное спокойствіе. Это спокойствіе и полная удовлетворенность даже отразились и на его физическомъ здоровьѣ: онъ быстро изъ сухопараго обыкновеннаго студента превратился въ рослаго виднаго мужчину.

И вотъ, однажды, придя на свой этапъ, я вдругъ вижу—сидитъ видный плотный человѣкъ съ сіяющимъ лицомъ, одѣтъ

былъ онъ въ длинный балахонъ, подпоясанъ шарфомъ по-крестьянски. Видъ его мнѣ напомнилъ, какъ рисуютъ апостола Петра и др. Вслушался,—говорятъ о вѣрѣ, о бого-человѣкѣ. Сначала я не узналъ его, и только вслушавшись въ голосъ и всмотрѣвшись въ черты лица, призналъ въ немъ Чайковскаго.

Въ Москву въ то время перекочевали изъ Питера почти всѣ главные Чайковцы, и онъ пріѣхалъ обращать ихъ въ вѣру Маликова. Повѣря быстро, онъ полагалъ, что и его товарищи сдѣлаютъ то же. Но товарищи нашли къ этому времени уже другой выходъ: они успѣли уже натолкнуться и придумать новый способъ дѣйствія. У нихъ не тосковала душа отъ незнанія, куда бы направить свои молодыя силы; этотъ вопросъ былъ порѣшенъ, ждали лишь весны. Поэтому проповѣдь Чайковскаго не могла воздѣйствовать, поднялись споры. Этапъ для этого оказался не подходящимъ и для споровъ раза два или три собирались на другой квартирѣ [1]). Тамъ Чайковскій разсказалъ, какъ онъ принялъ вѣру, какъ онъ сразу почувствовалъ облегченіе, спокойствіе души, какъ отразилось это на его здоровьи, какъ все это возможно для насъ, и что еще важнѣе, для всѣхъ людей, какъ быстро можетъ перестроиться и весь міръ: люди, общество.

У него потребовали доказательствъ, говоря, что его обращеніе еще не можетъ быть достаточнымъ ручательствомъ, что и другіе также легко и быстро могутъ принять эту вѣру и смогутъ переродиться.

«Мы съ Маликовымъ хотимъ доказать эту возможность и истинность нашей вѣры путемъ историческимъ. Маликовъ даже и засѣлъ за этотъ трудъ. Я же не хотѣлъ ждать окончанія и поспѣшилъ подѣлиться съ вами, зная, въ какомъ состояніи оставилъ васъ», защищался Чайковскій.

«Да, то было когда-то, а теперь у насъ есть новый путь, и онъ скорѣй, по нашему, приведетъ къ цѣли», возражали ему. Чайковскій не соглашался, конечно, признавая свой путь лучшимъ.

Такъ эти споры ни къ чему пока не привели, возбудивъ лишь интересъ къ тому историческому труду, который задумалъ Маликовъ. Ему, кажется, не суждено было появиться на свѣтъ, ибо больше я уже никогда объ немъ не слыхалъ. Дѣйствіе же проповѣди Чайковскаго вскорѣ сказалось. Партія молодыхъ парней (5-ть военныхъ и одинъ штатскій) ранней весной двинулась въ народъ, имѣя въ виду изучить какую-то мѣстность, съ цѣлью заранѣе опредѣлить мѣста, пригодныя для дѣйствія артиллеріи и другихъ частей войскъ на случай возстанія, какъ намъ говорили тогда на этапѣ.

Прошла недѣля, другая, и на этапъ совершенно неожиданно являются двое или трое изъ нихъ обратно и заявляютъ, что они—боги, что революцію они не признаютъ, фальшивыми паспортами пользоваться не намѣрены (они были нелегальными); го-

---

[1]) У Армфельдъ.

товы они бы сбросить даже одежду, добытую не собственнымъ трудомъ и т. д.

На этапѣ большая часть жильцовъ и ночью, и днемъ спали или просто лежали на полу, на полушубкахъ, и вотъ лежа тутъ въ ожиданіи отъѣзда (они—въ Орелъ, мы—въ народъ), вели мы съ ними дебаты, перебирая одни и тѣ же доводы сотни разъ. Одному изъ нихъ, наконецъ, это надоѣло, и онъ, чтобъ поразить въ конецъ меня, который на этотъ разъ подвернулся здѣсь, приподнялся, принялъ какой-то восторженный видъ и запророчествовалъ: «вотъ я вамъ предсказываю: не пройдетъ мѣсяца, другого, какъ вы будете арестованы и всѣ ваши начинанія, планы рухнутъ. Мнѣ жалко васъ! Одумайтесь!.. иначе погибнете очень скоро», закончилъ онъ.

— «Ну, знаете ли что?! ужъ если кто будетъ арестованъ изъ насъ, то, конечно, вы раньше меня!», отвѣчаю ему.

Своимъ предсказаніемъ онъ мнѣ напомнилъ ночь наканунѣ. Послѣ споровъ мнѣ долго не спалось тогда. Я думалъ и о нашихъ богахъ, и о ихъ ученіи, и особенно о положеніи нелегальныхъ боговъ, когда у нихъ потребуютъ паспорта, о томъ, что такіе случаи бываютъ на каждомъ шагу, и у меня до того ясно представилась въ головѣ картина ихъ быстраго ареста, что это меня даже удивило и, когда онъ сталъ мнѣ предсказывать мой арестъ, я, вспомнивъ то, что у меня промелькнуло наканунѣ въ головѣ, не утерпѣлъ, чтобъ не предсказать и ему отъ себя.

Мое предсказаніе, къ несчастію, скоро сбылось и именно изъ-за паспорта, какъ передавали тогда. Мой бого-человѣкъ отправился сначала въ Орелъ къ Маликову, а оттуда въ другой городъ и тамъ вмѣстѣ съ другими сталъ часто посѣщать городской садъ, гдѣ, лежа на травѣ, они любили почитывать цѣлыми днями книги, газеты.

Случился праздничный день. Въ саду устраивалось гулянье съ фейерверкомъ. Передъ вечеромъ публику, бывшую въ саду, пригласили удалиться. Съ тѣмъ же обратились и къ богамъ, но тѣ не послушались и чѣмъ-то еще обратили на себя вниманіе. У нихъ спросили паспорта, таковыхъ не оказалось и, хотя богамъ они и ненужны, но полиція не обратила на это вниманія, забрала ихъ, а узнавъ, кто они, т. е. ихъ фамиліи—моего товарища отправили въ Питеръ, такъ какъ онъ былъ уже нелегальнымъ и его разыскивали.

Изъ Москвы въ Орелъ къ Маликову ѣздило еще нѣсколько лицъ, всѣ они съ большой похвалой относились къ рѣчамъ Маликова, умилялись даже до слезъ, какъ объ нихъ передавали, но обращеній больше не было. Я говорю это, конечно, только про своихъ москвичей. Разсказывали, между прочимъ, въ доказательство силы проповѣди Маликова такой случай: Маликовъ съ учениками и слушателями катались на лодкѣ. Маликовъ по обыкновенію говорилъ; что именно—не знаю, но только, когда прогулка кончилась, вышли изъ лодки и стали давать лодочнику

деньги, онъ будто бы ихъ не взялъ. Въ этомъ-то не взятіи и видѣли дѣйствіе рѣчи. Чтобы покончить съ Маликовымъ, скажу еще, что осенью 1874 г. мнѣ пришлось жить въ Рославлѣ, и тутъ я снова натолкнулся на одного очень симпатичнаго бого-человѣка, но онъ уже не проповѣдывалъ и не приглашалъ въ свою вѣру, а только, побывавши разъ въ Орлѣ, привезъ оттуда обыкновенную лубочную картину: «Нагорная проповѣдь Спасителя», показалъ намъ и, указывая на нее, замѣтилъ: «вотъ въ чемъ вся суть!» Дальше, однако, не развилъ своей мысли, и что собственно онъ хотѣлъ сказать, такъ и осталось неизвѣстнымъ. Ясно было только, что Маликовцы придавали картинѣ какой-то иносказательный смыслъ.

Вотъ и все, что пришлось мнѣ узнать о вѣрѣ и ученикахъ Маликова. Его я видѣлъ разъ, когда онъ еще только ѣхалъ въ ~~Орелъ изъ~~ ссылки и на время останавливался въ Москвѣ. Тогда онъ еще не былъ богомъ и сидѣлъ молча. Про дѣтей же его говорили, что они всякаго гостя встрѣчали возгласомъ: «а папка—богъ, папка—богъ!»

Въ Москвѣ, кромѣ мастерской, бывшей подъ моей фирмой, и мастерской Войнаральскаго, чайковцами же была еще устроена башмачная мастерская, имѣвшая свой небольшой кругъ участниковъ. Затѣмъ въ эту зиму стали заводить столярные станки и лица изъ другихъ кружковъ. Одна изъ этихъ мастерскихъ пережила всѣ наши, но служила больше, какъ квартира, а не какъ школа, гдѣ обучались мастерству.

М. Фроленко.

Переписка Новороссійскаго Генералъ-Губернатора гр. А. Г. Строганова съ Начальникомъ III Отдѣленія кн. В. А. Долгоруковымъ.

1.

ОСОБ. ЧАСТЬ.
22 февраля 1859 г.
№ 235.
ОДЕССА.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ
Князь Василій Андреевичъ.

Долгомъ моимъ поставляю сообщить Вашему Сіятельству мнѣніе въ родѣ урока или наставленія Престолу, которое читается и переходитъ изъ рукъ въ руки по Имперіи.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Гр. **Строгановъ.**

Его Сія-ву
Князю Долгорукову [1]).

N. B. Это мнѣніе генералъ-маіора Мальцева, бывшаго адъютантомъ у Принца Ольденбургскаго, въ которомъ Мальцевъ указываетъ на признаки революціи.

Копія мнѣнія есть у графа Александра Григорьевича [2]).

---

[1]) Эта бумага—черновикъ.
[2]) Рѣчь идетъ, очевидно, объ уснащенной ссылками на Токвиля запискѣ извѣстнаго заводчика С. И. Мальцева. Записка эта была распространена имъ на Орловскомъ дворянскомъ собраніи.

2.

III-е ОТДѢЛЕНІЕ
собственной
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА
Канцеляріи.
Экспедиція 1.

5 марта 1859 г.
№ 482.

Секретно.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ
Графъ Александръ Григорьевичъ!

Въ дополненіе къ отношенію Вашего Сіятельства за № 235, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, почтить меня увѣдомленіемъ, не извѣстно ли Вамъ,—откуда и какъ именно доставили въ Одессу рукопись, которую Вы изволили препроводить ко мнѣ при помянутомъ отношеніи?

Примите, Ваше Сіятельство, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и искренней преданности.

Князь Василій Долгоруковъ.

Его Сіятельству
Графу А. Г. Строганову.

3.

УПРАВЛЕНІЕ
Новороссійск. и Бессараб.
Генералъ-Губернатора.
16 Марта 1859 г.
№ 317.
ОДЕССА.

Секретно.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ,
Князь Василій Андреевичъ.

Въ письмѣ отъ 5 Марта № 482, Ваше Сіятельство изволите требовать отъ меня свѣдѣнія, откуда и кѣмъ именно доставлена въ Одессу рукопись, которую я препроводилъ къ Вамъ при отношеніи отъ 22 минувшаго февраля № 235.

Имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что я не могу указать источника, откуда получена сказанная рукопись, и я вполнѣ надѣюсь, что никто болѣе Васъ не можетъ оцѣнить моего въ семъ случаѣ молчанія и признать его такимъ образомъ законнымъ.—Компрометировать же тѣхъ, коихъ довѣріе столь рѣдко теперь и можетъ быть полезно Правительству, было бы съ моей стороны хуже преступленія,—это было бы ошибкою и притомъ непростительною.

Примите, Ваше Сіятельство, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Графъ **Строгановъ** [1]).

Его Сіятельству
Князю В. А. Долгорукову.

[1]) Бумага эта—черновикъ.

Приведенныя бумаги извлечены изъ одесскаго архива упраздненнаго новороссійскаго генералъ-губернаторскаго управленія. Отношеніе Строганова отъ 16 марта 1859 г. прекрасно обрисовываетъ этого гордаго, независимаго человѣка. Вспомнимъ, что передъ Долгоруковымъ тогда трепетали. Въ дѣлѣ раскрѣпощенія крестьянъ Долгоруковъ явился сторонникомъ крѣпостниковъ и всячески старался вредить великому дѣлу. Онъ былъ тогда значительной силой и не привыкъ получать на свои требованія отвѣты въ родѣ строгановскаго, а наоборотъ—привыкъ встрѣчать всеобщее подобострастіе. Какъ разсказываетъ Джаншіевъ („Эпоха великихъ реформъ", изд. 7-е, стр. 36), „М. Н. Муравьевъ не осмѣливался сидѣть передъ княземъ Долгоруковымъ на стулѣ иначе, какъ „en trois quarts" или, по-польски, „w pot-dupka". Только графъ А. Г. Строгановъ, при своемъ высокомъ положеніи и вліятельныхъ связяхъ (сынъ его былъ женатъ на великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ), могъ позволить себѣ „почтить" властнаго шефа жандармовъ столь недвусмысленнымъ посланіемъ. Онъ понималъ, что значитъ выдать шефу жандармовъ имена людей, оказавшихъ ему свое довѣріе, и поступилъ, какъ истинный джентльменъ. Слова его: „никто болѣе васъ не можетъ оцѣнить моего молчанія" звучатъ несомнѣнной ироніей. Долгорукову пришлось проглотить горькую пилюлю безропотно, и онъ больше не обращался къ Строганову съ этой шпіонской просьбою.

Сообщилъ **Н. Лернеръ.**

Въ Иркутской тюрьмѣ двадцать пять лѣтъ тому назадъ.

Въ то время, къ которому относится мой разсказъ (1881—1882 г.г.), жизнь Сибири находилась въ еще большей зависимости отъ стихійныхъ силъ природы, нежели теперь. Между прочимъ, тогда никто и не заговаривалъ еще о желѣзнодорожномъ пути, и возможность передвиженія находилась въ зависимости отъ времени вскрытія и замерзанія рѣкъ и оз. Байкала. Съ прочими „путешественниками" раздѣляли общую судьбу и арестанты.

Партія „централистовъ", т. е. отбывшихъ часть срока каторжныхъ работъ въ центральныхъ каторжныхъ тюрьмахъ около Харькова (Новобѣлгородской и Новоборисоглѣбской), прибыла въ Иркутскъ осенью 1881 г.[1]). Дороги начали скоро портиться, и намъ объявили, что двинемся мы дальше не ранѣе начала слѣдующаго 1882 года. Пришлось располагаться на „зимнія квартиры".

Въ Иркутскѣ въ наше распоряженіе отвели цѣлый коридоръ. Съ одной его стороны тянулся рядъ нашихъ камеръ, человѣка на 2—4 каждая, а другая сторона была почти глухая—всего съ однимъ, кажется, окномъ въ тюремный дворъ. Размѣстились мы по камерамъ, кто съ кѣмъ хотѣлъ. Конечно, мы носили собственную одежду, намъ позволяли тратить собственныя деньги,—въ теченіе всего дня камеры не запирались, прогулки было достаточно. Переписываться черезъ начальство можно было, съ кѣмъ угодно,—а кромѣ того мы немедленно же организовали и переписку при посредствѣ нелегальныхъ путей. Вообще, держали насъ, что называется, не строго.

[1]) См. „Первое вооруженное сопротивленіе - первый военный судъ"— „Былое" 1906 г., кн. II; -„Въ централкѣ"—„Былое" 1906 г., кн. VII;—„Въ мценской „гостиницѣ" — „Былое" 1907 г, кн. IV; — и „По Владимиркѣ" — „Наша Страна", 1907 г., кн. I.—Продолженіемъ названныхъ статей является предлагаемая статья „Въ Иркутской тюрьмѣ".

Свиданія мы имѣли, но не часто. Да, собственно не съ кѣмъ было и видѣться. Приходили съ воли 2—3 старыхъ ссыльныхъ [1]), разрѣшили видѣться кое съ кѣмъ изъ женской тюрьмы, да бывали на свиданіяхъ съ братьями сестра Александра Сыцянко, Марія, и сестра Дюховскаго, Адель (съ М. Сыцянко разрѣшались свиданія и мнѣ, а съ Дюховской—Ковалику). Обѣ онѣ уѣхали обратно въ Россію незадолго до отправки нашей партіи на Кару.

Въ общемъ жизнь въ Иркутской тюрьмѣ прошла для насъ мертвенно спокойно. Послѣ полнаго жизни пути по этапу, въ продолженіе котораго, несмотря на физическое утомленіе, мы набирались силъ [2]), намъ пришлось въ Иркутскѣ зажить тюремною жизнью. Возбужденіе, которое испытывалъ каждый изъ насъ въ Мценскѣ и въ пути отъ Мценска до Иркутска, смѣнилось реакціей. Каждый, за отсутствіемъ внѣшнихъ впечатлѣній, сталъ уходить въ себя, копаться тамъ, разрѣшать личные вопросы примѣнительно къ условіямъ сибирской каторжной и ссыльной жизни.

Рѣзко запечатлѣлось у меня въ памяти послѣднее свиданіе съ Марусей Ковалевской. Это было не только въ Иркутскѣ послѣднее свиданіе съ нею, потому что послѣ Иркутска до самой ея трагической смерти [3]) я уже ея не видѣлъ.

— Вѣдь подумайте!—взывала она.—*Десять тысячъ верстъ* отъ Россіи...

Да, мы были уже въ десяти тысячахъ верстахъ отъ „Россіи",—отъ всего, что только дорого для насъ въ личномъ и общественномъ отношеніи. И я полагаю, что именно слова Маруси вызвали во мнѣ въ первый разъ то ощущеніе полной оторванности отъ „Россіи", которое впослѣдствіи,—и на Карѣ, и въ Якутской области,—столько разъ и въ такихъ жгучихъ формахъ давало о себѣ знать.

По вечерамъ попрежнему нерѣдко выступалъ нашъ хоръ. Но въ его исполненіи было мало прежняго одушевленія, а о залихватскости, съ которой мы когда-то „откалывали" *Посѣю лебеду на берегу*, помина не осталось... Почему-то именно въ связи съ этимъ періодомъ тюремнаго музицированія у меня особенно рѣзко выступаетъ воспоминаніе объ исполненіи хоромъ *Изъ стѣнъ тюрьмы, изъ стѣнъ неволи,—Боже, что Польшу* и тому подобныхъ душу надрывающихъ пѣсенъ.

---

[1]) Бывалъ, между прочимъ, Стахевичъ, сообщившій намъ кое-что о Чернышевскомъ.

[2]) См. мою статью „По Владимиркѣ".

[3]) Отравилась вмѣстѣ съ Калюжной и Смирницкой на Карѣ въ 1886 г. послѣ того, какъ Сигида была подвергнута тамъ тѣлесному наказанію.—Исторія эта была описана много разъ,—въ ближайшее время Г. Ф. Осмоловскимъ („Карійская трагедія"—„Былое" 1906 года, кн. 6).

Надо сюда добавить, что къ этому же времени начали ликвидироваться личныя „недоразуменія“ некоторыхъ изъ насъ. Какъ это часто случалось въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ, связи, которыя еще вчера представлялись святыми и ненарушимыми, вдругъ оказывались построенными лишь въ воображеніи заинтересованныхъ лицъ. Но подробно говорить объ этомъ еще не наступило время, да врядъ ли представило бы интересъ для читателя.

Были и нарушенія мертвой тюремной жизни.

В. С. Илличъ-Свитычъ прочелъ намъ законченное имъ здѣсь свое „Надгробное слово Александру II“. На не-централистовъ его описаніе ужасовъ централки произвело сильное впечатлѣніе. Такое же впечатлѣніе производило оно и на волѣ,—какъ я потомъ узналъ. Но, признаюсь, на меня и на моихъ товарищей по централкѣ произведеніе это не имѣло такого дѣйствія. Въ немъ, казалось намъ, передается наше страданіе съ нѣкоторою долею искусственности,—это страданіе захвачено не достаточно глубоко, съ ненадлежащею тонкостью и чуткостью обращается авторъ къ психологическому анализу, и на всемъ произведеніи лежитъ печать сознательнаго желанія—произвести напередъ намѣченное впечатлѣніе. Авторъ не столько производитъ, сколько подсказываетъ впечатлѣніе, на которое разсчитывалъ, когда писалъ свое произведеніе.

И, перечитавши теперь [1]), черезъ 25 лѣтъ, „Надгробное слово Александру II“, я могу только сказать, что мое тогдашнее впечатлѣніе было вѣрно. А секретъ впечатлѣнія, которое производило это произведеніе на лицъ, которыя не испытывали сами ужасовъ централки, заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, что, во-первыхъ, слишкомъ ярки описанные въ немъ факты сами по себѣ, и во-вторыхъ—оно отвѣчало настроенію читателей, сильно приподнятому и односторонне направленному. Довольно замѣтные недостатки автора, какъ психолога и художника, не останавливали на себѣ вниманія читателей, видѣвшихъ въ немъ агитатора и памфлетиста.

Ужъ лучше сдѣлать свой разсказъ менѣе яркимъ съ внѣшней стороны, но дать ему богатство внутренняго содержанія, чѣмъ въ погонѣ за красочностью упустить изъ виду безыскусственную дѣйствительность. Конечно, можно удивляться тому хладнокровію, съ которымъ тов. Стефановичъ описываетъ карійскую трагедію съ ея шестью жертвами; но изъ книги Стефановича каждый почерпнетъ болѣе, чѣмъ достаточно *матеріала* для

---

[1]) Въ первоначальной редакціи—въ „Вѣстникѣ Народной Воли“.

того, чтобы представить себѣ въ истинномъ свѣтѣ весь трагизмъ положенія враговъ нынѣшняго порядка въ отдаленной сибирской каторжной тюрьмѣ...

За то безъ исключенія всѣхъ сильно заинтересовало Короленковское „Въ подслѣдственномъ отдѣленіи“, прочитанное авторомъ просто, но очень выразительно. Конечно, никто изъ насъ не могъ бы тогда предсказывать блестящую будущность Владиміру Галактіоновичу, какъ беллетристу,—никто изъ насъ не замѣтилъ, что передъ нами—первоклассный талантъ; но съ другой стороны, никто не могъ и не видѣть руки мастера въ изображеніи тюремнаго сторожа, никто не могъ пройти мимо „дѣйствительности, которая глядѣла“ на разсказчика „изъ сѣрыхъ глазъ смотрителя“,—и еще двухъ—трехъ художественныхъ деталей.

Кстати упомяну о слѣдующемъ:

Какъ извѣстно, В. Г. Короленко пошелъ въ Якутскую область въ административную ссылку за отказъ въ принятіи присяги (Александру III) Когда ему указывали, что едва ли стоило отказываться отъ присяги, рискуя итти въ такія болѣе чѣмъ отдаленныя мѣста, какъ Якутская область (есть дѣла поважнѣе!), то В. Г. пояснилъ, что онъ и самъ такъ думаетъ, но что это необходимо было, такъ какъ такое поведеніе воспитывающимъ образомъ должно было повліять на молодежь, съ которою онъ велъ знакомство.

В. Г. Короленко былъ привезенъ въ Иркутскую тюрьму, когда мы уже находились тамъ, и скоро былъ отправленъ въ Якутскую область.

Читалъ еще намъ Мышкинъ свое частное письмо къ женщинѣ, которая просила у него совѣта, какъ ей устроить свою жизнь. Единственно, что сохранилось у меня въ памяти изъ содержанія этого письма, это—предостереженіе, которое дѣлалъ Мышкинъ противъ увлеченія „махровыми цвѣтами знанія“,—наприм., дифференціальнымъ и интегральнымъ исчисленіемъ, и тому подобными вещами. Возможно, что эта мысль Мышкина сохранилась у меня въ памяти именно потому, что пріобрѣтеніемъ положительныхъ знаній усиленно былъ занятъ въ то время я самъ.

Наконецъ, не будетъ, можетъ быть, нескромностью съ моей стороны, если я въ заключеніе скажу, что „обнародованіе“ законченнаго мною въ Иркутскѣ разсказа (началъ я его писать на этапахъ между Красноярскомъ и Иркутскомъ) произвело въ публикѣ нѣкоторую сенсацію. Женская тюрьма была шокирована моимъ грубымъ, какъ ей казалось, отношеніемъ къ женской натурѣ и написала мнѣ коллективное посланіе. Я отвѣчалъ кратко: „Юпитеръ! ты сердишься,—значитъ, ты виноватъ“. Но Войнаральскій очень подробно возражалъ дамамъ, гдѣ защищалъ мою точку зрѣнія [1]).

[1]) Разсказъ этотъ нигдѣ не былъ напечатанъ, и я его гдѣ-то потерялъ.

Но наиболѣе сильно взволновавшимъ насъ событіемъ, во время пребыванія въ Иркутской тюрьмѣ, была, конечно, смерть всѣми любимаго товарища, Льва Адольфовича Диоховскаго, сподвижника А. В. Долгушина.

Какимъ образомъ онъ одинъ изъ насъ всѣхъ могъ заразиться оспою,— это одна изъ тѣхъ загадокъ, которая время отъ времени жизнь ставитъ этіологіи заразныхъ болѣзней [1]). Но фактъ тотъ, что онъ, пріѣхавши въ Иркутскъ по виду здоровякомъ, умеръ тамъ именно отъ зараженія оспою.

Вскорѣ послѣ того, какъ онъ заболѣлъ, его перевели въ больницу. Такъ какъ, вообще, насъ въ Иркутскѣ держали „не строго", то къ ухаживанію за нимъ допустили не только одного изъ товарищей, Ковалика, но и сестру больного, Адель Адольфовну. Они ему и закрыли очи...

Я не могу сказать, что Диоховскій обладалъ какими-нибудь выдающимися талантами. Ни особенно тонкаго ума, ни діалектическаго таланта, ни обширной эрудиціи (по спеціальности онъ былъ химикъ) за Диоховскимъ не было. Во время теоретическихъ разговоровъ онъ большею частью хранилъ молчаніе. Но въ немъ было нѣчто въ высокой степени располагающее къ нему всякаго, кто приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Это былъ очень веселый и вѣчно оживленный парень, остроумный, чрезвычайно добрый и отзывчивый и, главное, превосходный товарищъ. Кажется, со всѣми поголовно въ партіи онъ былъ на „ты". Надо при этомъ замѣтить, что онъ происходилъ изъ богатой и немного аристократической семьи. Помню, насъ сильно заинтересовало появленіе во Мценскѣ его матери, почтенной старухи, съ старинными буклями и съ ежеминутнымъ обращеніемъ къ французскимъ „mots" и фразамъ... Но и эта особенность Диоховскаго не вредила ему. Мало сказать, что онъ старался не показывать передъ товарищами своего матеріальнаго достатка или своего аристократическаго происхожденія; дѣло заключается въ томъ, что ему въ себѣ нечего было и скрывать отъ товарищей. Онъ, конечно, всегда состоялъ членомъ артели и не пользовался ничѣмъ сепаратно. А что касается „аристократизма", то онъ въ Диоховскомъ проявлялся съ самой лучшей стороны—въ его „джентльмэнствѣ". Дѣйствительно, Диоховскій обладалъ въ высокой степени мягкостью характера, необычайно осторожно относился къ личности и къ чувству товарища, съ недоступною для многихъ бережностью подходилъ къ страданію ближняго.

Вотъ эти-то качества,—мягкость, открытость характера и жизнера-

---

[1]) Другая загадка: за *четырнадцать* лѣтъ моего пребыванія въ Якутской области, гдѣ сифилисъ гуляетъ, какъ у себя дома, *изъ нѣсколькихъ сотъ* перебывавшихъ тамъ ссыльныхъ, заразился этою болѣзнью (да и то—въ слабой формѣ) *только одинъ*.

достность,—и дѣлали Диоховскаго всеобщимъ любимцемъ. Его потеря для каждаго изъ насъ въ отдѣльности была страшно чувствительна...

Тутъ примѣшивалось еще одно обстоятельство. Это была первая смерть товарища на виду у всѣхъ. Двѣ-три недѣли тому назадъ еще былъ среди насъ Левъ, смѣялся, ѣлъ и пилъ съ нами изъ одной миски, болталъ, разливалъ вокругъ себя теплоту и привѣтливость,—и вотъ его не стало!..

И безъ того расшатанная, наша нервная система не выдержала. Тоска водворилась въ нашихъ камерахъ, нервы были напряжены... И вотъ, когда я замѣтилъ, что въ концѣ коридора два солдата несутъ кровать, то вдругъ не своимъ голосомъ закричалъ:

— Льва несутъ къ намъ!

Я не могъ бы объяснить тогда, по какому случаю тѣло Диоховскаго могли бы принести изъ мертвецкой къ намъ въ коридоръ; но мысль и чувство цѣликомъ находились у гроба Диоховскаго,—я, можетъ быть, рисовалъ себѣ картину, какъ его куда-нибудь переносятъ. И достаточно было мнѣ увидѣть, что несутъ нѣчто такое, на чемъ *можно* было бы положить тѣло покойника, чтобы я вообразилъ, что несутъ къ намъ именно тѣло Диоховскаго.

Товарищи выскочили изъ камеръ. Очевидно, и у нихъ настолько были разстроены нервы, что они хотя на мгновеніе допустили, что мое совершенно невозможное предположеніе основательно.

Черезъ минуту все разъяснилось. Солдаты несли собственную кровать доктора Пласковицкаго, который былъ въ тотъ день арестованъ. При этомъ еще солдатъ направили къ намъ по ошибкѣ: какъ подслѣдственнаго, д-ра Пласковицкаго посадили въ другое отдѣленіе, и съ нами онъ не сообщался.

Тѣло Диоховскаго лежало въ мертвецкой очень долго. Я не могу припомнить, отчего это произошло. Но хорошо помню, что арестантъ, приставленный къ мертвецкой,—гнусавый, безносый немолодой парень,—докладывалъ намъ, что трупъ Диоховскаго начинаютъ портить... крысы, но что, конечно, онъ всѣ мѣры принимаетъ противъ этого: онъ ждалъ отъ насъ усиленнаго вознагражденія.

Къ похоронамъ мы стали готовить хоромъ отпѣванье. На спѣвкахъ у насъ кое-какъ выходило. Но въ церкви всѣ были разстроены, и больше всѣхъ, кажется, я, который долженъ былъ по обыкновенію управлять хоромъ. И изъ нашего пѣнія вышло Богъ знаетъ что.

— Ну, и отличились же Вы сегодня, Николай,—сказалъ мнѣ басъ Іоновъ.

Дѣйствительно, я „отличился"...

Но еще разъ повторяю, я былъ на похоронахъ самъ-не-свой.

Въ церковь на отпѣванье пустили насъ всѣхъ. Были тутъ также сестра Дмоховскаго, Адель, и М. О. Сыцянко.

Когда отпѣваніе было окончено, къ гробу подошелъ Мышкинъ и началъ говорить...

Мышкинъ былъ не такой человѣкъ, чтобы не воспользоваться для агитаціи смертью политическаго мученика въ тюрьмѣ и нашимъ прощаніемъ съ усопшимъ товарищемъ.

Начальство не знало, какъ отнестись къ этому факту, и ничего не предпринимало. Но попъ,—жирный, отвратительный попъ,—старался не проронить ни слова, вслушиваясь въ рѣчь Мышкина и пристально на него глядя, хотя при этомъ уже снималъ съ себя церковныя одежды, и, казалось, ежеминутно готовъ былъ прервать оратора.

И вотъ, когда Мышкинъ, заканчивая рѣчь, повысивъ голосъ, произносилъ: „и на почвѣ, орошенной кровью такихъ, какъ ты, дорогой товарищъ, мучениковъ, выростетъ дерево народной свободы!“ [1]),—то попа, что называется, прорвало. Онъ сдѣлалъ движеніе по направленію къ Мышкину и не своимъ голосомъ закричалъ на всю церковь: „нѣтъ, нѣтъ!.. неправда! не выростетъ!“ [2]).

Произошла, конечно, суматоха; но мы спокойно прощались поцѣлуемъ съ дорогимъ покойникомъ. Трупъ Дмоховскаго былъ не только мертвенно-холоденъ: онъ... замерзъ въ мертвецкой, и я до сихъ поръ помню ощущеніе отъ прикосновенія губами къ холодному и твердому, какъ мраморъ, лицу покойника.

М. О. Сыцянко, стоявшая въ сторонѣ, плакала навзрыдъ...

Мы направились группами въ свой коридоръ, а тѣло Дмоховскаго стали выносить.

И вотъ, въ тотъ моментъ, когда трогался отъ тюремныхъ воротъ траурный кортежъ съ тѣломъ Дмоховскаго,—въ этотъ самый моментъ къ тюрьмѣ подвозили въ саняхъ лучшаго друга покойнаго,—А. В. Долгушина... Долгушинъ оставался въ Красноярскѣ по болѣзни жены и не зналъ о смерти Дмоховскаго.

Я предоставляю читателю представить себѣ, какъ потрясенъ былъ Долгушинъ.

О смерти и похоронахъ Дмоховскаго тогда же была составлена корреспонденція въ нелегальную прессу самимъ Мышкинымъ, гдѣ онъ, скромно упомянувъ о своей рѣчи, прибавилъ, что не нужно обладать выдающимся ораторскимъ талантомъ, чтобы при описанной обстановкѣ произвести своею

[1]) Цитирую по памяти.
[2]) Слова „врешь!“ (*М. Р. Поповъ*. Къ біографіи И. Н. Мышкина—„Былое“, 1906 года, кн. II, стр. 255) я не припоминаю.

рѣчью впечатлѣніе на слушателей (замѣчу въ скобкахъ, что рѣчь Мышкина была хороша,—какъ и всѣ его рѣчи,—и что Мышкинъ писалъ корреспонденцію не отъ своего лица). Свою корреспонденцію Мышкинъ прочелъ намъ на сходкѣ,—для внесенія поправокъ.

Насколько мнѣ извѣстно, корреспонденція эта нигдѣ не была напечатана. Это тѣмъ страннѣе, что одновременно, по всей вѣроятности, съ ней отправленное Свитычевское „Надгробное слово“ (гдѣ въ заключеніи также говорится о смерти Диоховскаго) появилось въ № 3 „Вѣстника Народной Воли“, а извѣстіе о послѣдствіяхъ, которыя имѣло для Мышкина его выступленіе съ рѣчью надъ гробомъ Диоховскаго, было дано даже въ № 1 того же изданія.

Одна изъ трогательнѣйшихъ сценъ, какую я когда-либо наблюдалъ,—это, когда Коваликъ подробно разсказывалъ собравшимся на сходку его выслушать товарищамъ о послѣднихъ дняхъ Диоховскаго. Но въ памяти у меня запечатлѣлись лишь два момента изъ переданныхъ Коваликомъ.

Когда наступила агонія, и Диоховскій былъ уже въ безсознательномъ состояніи, то съ его устъ нѣсколько разъ слетали слова: „адъ... рай... адъ... рай...“

Другой моментъ. Также въ безсознательномъ состояніи Диоховскій вдругъ выговорилъ совершенно отчетливо: „уйди прочь, злая, коварная кокетка...“

Были ли послѣднія слова пробужденіемъ въ Диоховскомъ его обычнаго шутливаго тона въ отношеніяхъ къ товарищамъ и товаркамъ, или же они имѣли значеніе воспоминанія о чемъ-нибудь серіозномъ,—на этотъ счетъ можно было лишь строить болѣе или менѣе произвольныя предположенія.

Но если эти слова являлись отраженіемъ дѣйствительнаго отношенія Диоховскаго къ женщинѣ, то читатель пойметъ, какъ много трагизма заключали они въ себѣ...

Тѣло Диоховскаго было подвергнуто вскрытію. Результаты насъ поразили. Всѣ считали Диоховскаго здоровякомъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ оказалось, что въ его организмѣ не было *ни одного* органа, который не носилъ бы слѣдовъ болѣзненнаго состоянія. Въ сердцѣ были констатированы эндокардитъ и перикордитъ, печень и селезенка были тронуты. Зараженіе оспою именно потому и имѣло для покойнаго роковой исходъ, что упало на почву, хорошо подготовленную продолжительнымъ пребываніемъ въ централкѣ и въ другихъ тюрьмахъ.

Извѣстенъ еще одинъ фактъ того же рода: закончившаяся смертью же кратковременная болѣзнь феноменально крѣпкаго человѣка, Дмитрія Рогачева, на Карѣ.

Вообще, какъ кажется, можно утверждать, что серіозная болѣзнь въ тюрьмѣ товарищей, пробывшихъ долгое время передъ тѣмъ при тюремномъ режимѣ, неизбѣжно вела къ роковому концу. Правда, при всѣхъ ужасахъ тюремной жизни выживали и довольно слабые организмы. Но это—потому, что *случайно* имъ удавалось избѣгнуть серіознаго заболѣванія. Наоборотъ: *случайно* же схваченная болѣзнь сводила въ могилу и желѣзные организмы.

На пятидесятомъ году я, человѣкъ слабаго здоровья, вынесъ *въ Женевѣ* болѣе острое, повидимому, заболѣваніе воспаленіемъ легкихъ, чѣмъ то, отъ котораго умеръ на *Карѣ* тридцатилѣтній гигантъ Рогачевъ.

За выступленіе съ рѣчью надъ гробомъ Дмоховскаго и за содержаніе этой рѣчи Мышкина „судили", т. е. заочно разсматривали это дѣло о немъ, какъ о каторжникѣ, въ „полицейской расправѣ", и приговорили его къ продленію срока каторжныхъ работъ на большой промежутокъ времени (чуть ли не на пятнадцать лѣтъ). Вотъ объясненіе, почему Мышкинъ, только что появившись на Карѣ, тотчасъ же примкнулъ къ кружку долгосрочныхъ, подготовлявшихъ побѣгъ изъ тюрьмы. Если бы этого не было, то Мышкину не имѣло бы смысла бѣжать съ Кары, когда легче было бы бѣжать съ поселенія, до котораго ему оставалось, безъ надбавки, полученной въ Иркутскѣ, уже не очень долго. Одновременно съ нимъ и на одинъ и тотъ же срокъ осужденные и не менѣе его „опасные", съ точки зрѣнія правительства, Коваликъ и Войнаральскій вышли на поселеніе не позже 1885 г.

Впрочемъ, я не увѣренъ, что такого рода соображенія могли имѣть значеніе въ глазахъ Мышкина. Это была натура порывистая и склонная всегда итти, если можно такъ выразиться, въ направленіи наибольшаго сопротивленія. Весьма возможно, что Мышкинъ, даже если бы ему за Иркутскую исторію и не надбавили полтора десятка лѣтъ каторги и онъ разсчитывалъ черезъ 3 года выйти на поселеніе,—все-таки предпочелъ бы и въ этомъ случаѣ попытаться бѣжать съ Кары. Правда, онъ много читалъ, еще больше старался выяснить для себя въ разговорахъ съ товарищами, но главнымъ образомъ—созерцалъ, наблюдалъ, копался въ своей душѣ, со страстностью сектанта разбирался въ мельчайшихъ деталяхъ „програмы" и „тактики". Но, во-первыхъ, онъ не проявлялъ въ этихъ дѣйствіяхъ той доли спокойствія, при которой человѣкъ, намѣтившій себѣ опредѣленную цѣль, хладнокровно относится къ окружающему и, не взирая ни на что, стремится достигнуть намѣченной цѣли. Во-вторыхъ, безнадежность,—какъ это мнѣ подсказываетъ мое многолѣтнее знакомство съ Мышкинымъ, — съ которою онъ самъ относился къ своимъ „исканіямъ

истины“, побуждали его всегда бросать эти „исканія“ ради „дѣйствій“. Въ данномъ случаѣ кто бы ни разсуждалъ такъ: „воспользуюсь пребываніемъ на Карѣ, запасусь знаніями, разовью то, что для меня неясно,— а бѣжать успѣю и съ поселенія, откуда бѣжать легче, чѣмъ съ Кары“,— кто бы, говорю, ни разсуждалъ такъ, но Мышкинъ разсуждать такъ не могъ. Ходъ его разсужденія былъ таковъ: „есть возможность бѣжать сегодня?... Ну, такъ—бѣгу, какъ бѣжалъ бы вчера, если бы была къ тому возможность, и какъ убѣгу завтра, если это окажется возможнымъ!.. На Карѣ не высижу ничего, какъ не высидѣлъ въ централкѣ, какъ не высижу и на поселеніи“.

Рѣзко запечатлѣлся у меня въ воспоминаніяхъ одинъ разговоръ съ Мышкинымъ на Карѣ. Подробностей разговора я теперь уже не помню; но совершенно отчетливо припоминаю, что онъ касался основъ... соціализма. На прогулкѣ Мышкинъ подошелъ ко мнѣ, и мы стали ходить съ нимъ вдоль тюремной ограды. Разговаривали мы довольно долго. Но я скоро замѣтилъ, что не для выясненія какихъ-нибудь спорныхъ или сомнительныхъ положеній проблемы соціализма завелъ со мной разговоръ Мышкинъ. Его занималъ вопросъ объ этой проблемѣ въ ея цѣломъ, объ ея основоположныхъ элементахъ. Я видѣлъ передъ собой человѣка, который ставитъ себя въ положеніе мыслителя, принужденнаго начать съ начала,— отыскать исходную точку. Это поставило меня въ неловкое положеніе. Мы были съ нимъ въ обыкновенныхъ дружескихъ и товарищескихъ отношеніяхъ; но не такія отношенія уполномачиваютъ одну сторону сказать: „поддержи мою вѣру!“ а другую — „вѣруй, — вѣра твоя спасетъ тебя!“ Замѣтивши безрезультатность разговора, Мышкинъ первый сказалъ: „разойдемся теперь“. И мы продолжали гулять каждый отдѣльно.

Лучшее, что можетъ сдѣлать человѣкъ при настроеніи Мышкина, это—дѣйствовать, активными дѣйствіями убивать въ себѣ рефлексъ. Съ тѣмъ большимъ правомъ могъ всегда такъ поступать Мышкинъ, что это былъ человѣкъ въ высокой степени талантливый и съ кристально-чистыми побужденіями.

Пусть не претендуетъ на меня читатель за это длинное отступленіе. Слишкомъ лучезарна личность Мышкина, чтобы бояться нарушить стройность разсказа, отвлекаясь въ сторону характеристики этой личности.

На женскомъ отдѣленіи сидѣла въ это время осужденная въ Якутскую область за побѣгъ Елизавета Николаевна Южакова, моя знакомая по Одессѣ [1]). Мужемъ ея былъ дѣятель „Сѣвернаго союза

[1]) См. о ней же въ моей статьѣ въ „Быломъ“, 1906 г., кн. II, стр. 226 и 244 (съ примѣчаніемъ).

русскихъ рабочихъ“—Бачинъ. Ему, кромѣ ссылки въ Якутскую область, грозили розги.

Южакова, по старому знакомству со мной, написала мнѣ объ этомъ дѣлѣ и просила возбудить товарищей—поддержать Бачина. Она говорила, что Бачинъ, хотя и простой рабочій,—человѣкъ съ достоинствомъ развитого интеллигента и наказанія розгами не перенесетъ.

Конечно, порученіе Южаковой я выполнилъ; но, къ сожалѣнію, не могу припомнить, было ли нашею партіею что-нибудь предпринято въ желательномъ для Южаковой направленіи. Знаю только, что къ Бачину тѣлесное наказаніе не было примѣнено.

Я видѣлъ Бачина всего одинъ разъ. Онъ сидѣлъ въ другомъ коридорѣ, и только случайно я съ нимъ встрѣтился, возвращаясь съ прогулки. Онъ преувеличенно вѣжливо, съ оттѣнкомъ ироніи, раскланялся. Вообще, въ то время Бачинъ уже окончательно свихнулся въ сторону непримиримой ненависти къ интеллигенціи,—къ „бѣлой кости“ [1]).

Въ угоду ему,—а, можетъ быть, и подъ вліяніемъ различнаго рода обстоятельствъ,—Лиза „опростилась“ до неузнаваемости.

Какъ-то Дмоховскій шелъ въ женскую тюрьму на свиданіе (не помню, съ кѣмъ; вѣроятнѣе всего—со своею родственницею, Маріею Легкою). Я его просилъ передать мой привѣтъ Южаковой, сказавши, вѣроятно, кто она и что она. Дмоховскій, возвратившись, встрѣтилъ меня словами:

— Ну, что это ты наговорилъ мнѣ о Южаковой? Какая она генеральская дочка?.. Это—какая-то кухарка...

Исторія сближенія Южаковой (дѣйствительно, генеральской дочки и вполнѣ интеллигентной женщины) съ рабочимъ Бачинымъ такова.

Жили они въ Балаганскѣ. Бачинъ долженъ былъ самъ бѣжать и помочь бѣжать Южаковой. Планъ былъ таковъ: они, подъ видомъ и по паспорту мужа и жены, поступятъ въ какую-то артель рабочихъ и пробудутъ на такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока администрація забудетъ о нихъ; послѣ чего направятся въ Россію. Такъ они и сдѣлали. Разыгрывая роль супруговъ, Бачинъ и Южакова на артельной квартирѣ не только ѣли и пили изъ одной посуды, но и спали за однимъ пологомъ. Дальнѣйшая психологія ихъ поведенія, конечно, составляетъ ихъ душевную тайну. Я долженъ сказать, что письмо Южаковой, полученное мною въ Иркутской тюрьмѣ (о которомъ я только что говорилъ), не произвело на меня впечатлѣнія безусловной правдивости и искренности. Между строкъ я читалъ въ этомъ письмѣ желаніе съ одной стороны—исполнить свой долгъ передъ

---

[1]) Такое впечатлѣніе производили письма, которыя получала отъ него наша артель въ Иркутскѣ.

человѣкомъ, съ которымъ,—какъ-никакъ,—автора связала судьба, съ другой, изъ гордости представить свое положеніе лучшимъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ.

Но это было только началомъ трагедіи. Извѣстно, чѣмъ кончилась исторія Южаковой и Бачина.

Жили они въ Якутской области рабочими. У Бачина была кузница. Онъ заставлялъ Южакову черезъ силу работать мѣхами,—и не столько изъ матеріальной необходимости пользоваться ея силою, сколько изъ желанія заставить „интеллигентку", „генеральскую дочку" работать такъ, какъ работаетъ простой рабочій. Южакова страдала и физически, и морально. Наконецъ, разразилась катастрофа (январь 1883 года [1]).

Что именно въ роковой вечеръ происходило между супругами,—въ точности никто не знаетъ. Но задушенная Бачинымъ Южакова была найдена на полу юрты-кузницы въ одной изодранной въ клочья рубахѣ. Очевидно, трагедія начала разыгрываться, когда Южакова уже раздѣлась, чтобы ложиться спать,—очевидно, между нею и Бачинымъ происходила борьба,—очевидно, Южакова отчаянно защищалась,—защищалась, между прочимъ, можетъ быть, помня, что послѣ нея должна остаться маленькая дочь...

Будучи арестованъ и сидя въ Якутской тюрьмѣ, Бачинъ двумя пріемами настоя фосфорныхъ спичекъ убилъ себя. Въ страшныхъ мученіяхъ онъ умеръ что-то черезъ мѣсяцъ послѣ убійства жены.

Ихъ дочь была взята сначала на воспитаніе супругами Чернявскими (по первому мужу—Афанасьева, Александра Владимировна, судившаяся со мною по одному процессу; была близка и хорошо знакома съ Южаковой по революціонной работѣ въ Одессѣ до 1878 года). Впослѣдствіи Чернявскими дѣвочка была передана ея бабушкѣ, матери Южаковой [2]).

Можетъ быть потому, что Южакова была близка мнѣ,—въ особенности послѣ моихъ заочныхъ сношеній съ нею въ Иркутской тюрьмѣ,—трагедія этой несчастной женщины преслѣдуетъ меня въ теченіе всей моей жизни. Но можетъ быть также, что по глубинѣ трагическаго элемента судьба Южаковой дѣйствительно не имѣетъ себѣ равной въ исторіи нашего движенія. И хотя съ момента ея смерти прошло теперь какъ разъ 25 лѣтъ (пишу эти строки въ февралѣ 1908 года), но я скажу и теперь: „миръ праху страдалицѣ съ глубокимъ чувствомъ, со свѣтлымъ умомъ, безконечно преданной идеѣ служенія обществу!"

---

[1]) Именно послѣ того какъ передъ вечеромъ долго бесѣдовалъ съ Южаковой наединѣ ея знакомый по Одессѣ интеллигентъ, А. Ф. Говорюхинъ.

[2]) Кстати замѣчу, что крестили эту дѣвочку въ Иркутской тюрьмѣ, когда я тамъ содержался, и Южакова попросила меня быть заочно крестнымъ отцомъ ребенка. Я, конечно, ничего противъ этого не имѣлъ и былъ записанъ крестнымъ отцомъ маленькой Наташи.

Я, конечно, далекъ отъ мысли, чтобы представлять Бачина бездушнымъ злодѣемъ. Онъ также переживалъ душевную драму и, конечно, страдалъ жестоко каждый разъ при своихъ столкновеніяхъ съ Южаковой, а впослѣдствіи его нравственнымъ мукамъ отъ сознанія, что онъ—убійца товарища-жены, конечно, не было предѣла. Иначе онъ и не прибѣгъ бы къ самоубійству. Нельзя упускать также изъ виду, что по своему настроенію Бачинъ—жертва особенныхъ условій развитія жизни русскаго общества. Но несомнѣнно также, что это была необузданная натура. Его можно глубоко и по самымъ разнообразнымъ мотивамъ жалѣть; но фигура его не вызываетъ къ себѣ такого трогательнаго отношенія, какъ мученическій образъ Южаковой.

Въ Иркутскѣ мы сидѣли долго. Конечно, это само по себѣ не могло представлять собою чего-нибудь пріятнаго. Но тягость нашего положенія усугублялась тѣмъ, что для очень многихъ изъ насъ не была выяснена дальнѣйшая судьба. Въ виду того, что мы часть срока каторжныхъ работъ уже отбыли въ централкѣ (осужденные по процессу „шестнадцати“—въ Петропавловской крѣпости), возникалъ вопросъ, засчитывается ли нахожденіе въ пути въ срокъ отбыванія каторжныхъ работъ. Если бы этотъ вопросъ тогда же былъ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, то я, Кравченко, Студзинскій, Кленовъ, Сиряковъ, Рыбицкій и еще кое-кто должны были бы изъ Иркутска быть отправлены не на Кару, а прямо на поселеніе. Впослѣдствіи вопросъ о времени нахожденія въ пути былъ рѣшенъ именно въ этомъ смыслѣ. Но это случилось уже на Карѣ, и притомъ—послѣ знаменитаго побѣга „восьми“ изъ Карійской тюрьмы, когда мы всѣ, вся карійская политическая каторга, находились подъ слѣдствіемъ по дѣлу о побѣгѣ.

Пока мы были въ Иркутскѣ, нѣсколько разъ нами возбуждался объ этомъ вопросъ; но мѣстная администрація не знала, какъ ей поступить, изъ Петербурга медлили съ отвѣтомъ. Бывали моменты, когда по какимъ-то соображеніямъ мѣстная администрація разсчитывала, что насъ выпустятъ на поселеніе.

— Въ Минусу [1]) васъ всѣхъ!—говорилъ какъ-то своимъ ужаснымъ басомъ съ виду добродушный смотритель тюрьмы, необычайныхъ размѣровъ нѣмецъ.—Въ Минусу,—въ Сибирскую Италію!

Надо замѣтить, что на „Минусу“ въ тайникахъ души разсчитывали даже и тѣ изъ централистовъ, которымъ оставалось еще нѣсколько лѣтъ

[1]) Минусинскій край (округъ Енисейской губерніи).

до окончанія срока каторги. Легенда о переводѣ всѣхъ централистовъ на поселеніе ходила среди насъ съ момента выхода изъ централки. Многіе думали,—или, скорѣе, можетъ быть, хотѣли думать,—что по отношенію къ нѣкоторымъ изъ неокончившихъ срокъ будетъ продолжена „милость“, благодаря которой насъ всѣхъ вывезли изъ централки, несмотря на то, что намъ не одновременно кончался срокъ пребыванія въ каторжныхъ работахъ. Думалось, что никого изъ насъ въ Сибири не запрутъ уже въ каторжную тюрьму и выпустятъ всѣхъ на поселеніе. Поэтому, когда,—неизвѣстно, на какихъ основаніяхъ,—намъ начинали говорить о „Минусѣ“, то рождалось предположеніе, что это относится не только къ тѣмъ, у кого кончился срокъ каторги (если имъ зачесть время, проведенное въ пути), но и къ тѣмъ, кому до окончанія срока каторжныхъ работъ оставалось еще два-три года.

Но время шло, ничего офиціально намъ не объявляли. Мы начинали все болѣе и болѣе нервничать, утомленные неопредѣленностью положенія и тягостью продолжительнаго, но временнаго пребыванія въ стѣнахъ непривѣтливой Иркутской тюрьмы.

И мы начали наступать на начальство, требуя, чтобы насъ, по крайней мѣрѣ, поскорѣе отправили на Кару.

Помню, одинъ разъ мы съ особенною энергіею насѣдали на полицмейстера Тягунова. Это былъ представительный мужчина, съ изысканными манерами,—типъ сибирскаго „градоправителя“ тѣхъ временъ, когда главною функціею полицейскихъ была борьба не съ политическими противниками правительства (это всецѣло лежало на обязанности жандармовъ), а съ ворами, бродягами и разбойниками,—поддержаніе не внутренняго спокойствія государства, а внѣшняго порядка города. Полицмейстеръ однимъ своимъ внѣшнимъ видомъ долженъ былъ уже свидѣтельствовать о „благополучіи“ ввѣреннаго ему града. Это послѣднее сводилось, главнымъ образомъ, къ поддержанію въ чистотѣ улицъ, по которымъ прогуливаются „ихъ превосходительства“, къ устройству частныхъ дѣлъ сихъ послѣднихъ и къ приведенію, путемъ поборовъ, въ страхъ и трепетъ содержательницъ домовъ терпимости.

Пребываніе въ тюрьмѣ многочисленной партіи государственныхъ преступниковъ въ теченіе такого продолжительнаго промежутка времени, какъ 5-6 мѣсяцевъ, вносило страшную пертурбацію въ обиходъ полковника Тягунова. Уже одно то было для него непріятно, что ему приходилось ежедневно бывать у насъ въ коридорѣ, выслушивать наши жалобы, служить посредникомъ между нами и губернаторомъ. И вотъ, когда мы одинъ разъ на него насѣли, чтобы насъ отправили поскорѣе изъ Иркутской тюрьмы „хоть на каторгу“, то онъ имѣлъ неосторожность проговориться.

— Я бы и самъ радъ, и самъ радъ,—лепеталъ онъ, дѣлая „изящные" жесты рукою;—вѣдь и для меня-то ваше пребываніе здѣсь—сущая каторга...

Едва онъ проговорилъ эти слова, — несомнѣнно, вышедшія изъ глубины его души,—какъ насъ будто что взорвало. Мы стали на него наступать уже не словесно только, а собственными тѣлами, громко протестуя при этомъ противъ его рѣзкаго выраженія. Особенную энергію здѣсь проявилъ Войнаральскій, стоявшій впереди и ведшій переговоры, какъ староста. Тягуновъ сталъ извиняться и оправдываться,—а тѣмъ временемъ пятился спиною къ выходной двери...

Насколько припоминаю, однако, именно скоро послѣ этого нашего объясненія съ Тягуновымъ намъ назначенъ былъ день вывоза изъ Иркутской тюрьмы на Кару.

Собрались да—уѣхали. Только не всѣ.

Я далъ уже понять выше, что у меня особенно были разстроены нервы. Между тѣмъ, я довольно много работалъ, — читалъ и занимался литературными опытами. И вотъ, однажды, у меня перо вывалилось изъ рукъ... Кое-какъ Рогачевъ, мой личный закадычный другъ, съ которымъ мы жили въ одной камерѣ, уложилъ меня на кровать. Мнѣ вдругъ сдѣлалось очень худо...

Къ сожалѣнію, кромѣ общихъ причинъ и потрясенія, пережитаго по случаю смерти Диоховскаго, обстоятельства моей личной жизни могли лишь ухудшить состояніе моего здоровья.

Нерѣдко товарищи,—и, конечно, Рогачевъ — первый, — уговаривали меня не заниматься такъ усиленно. И теперь, сидя около меня на кровати, Рогачевъ меня ругательски-ругалъ:

— Доигрался! досидѣлся!.. Говорено тебѣ было много разъ: „полегче!"...—не слушалъ; а теперь вотъ что выходитъ...

Явившійся на другой день докторъ, конечно, ничего не могъ подѣлать,—какъ это случается при нервныхъ заболѣваніяхъ не только въ тюрьмѣ. Но, изслѣдовавши меня тщательно, онъ утѣшилъ тѣмъ, по крайней мѣрѣ, что порока сердца у меня не нашелъ и сердечныя страданія отнесъ на счетъ нервнаго разстройства.

Бѣда моя заключалась въ томъ, что я сталъ страдать мучительной безсонницей. А эта бѣда повела за собой другую: мнѣ стали давать chloral,—что, помогая мнѣ уснуть, вредно отражалось на моей психикѣ во время бодрствованія. Черезъ 3—4 мѣсяца, на Карѣ, я силою воли заставилъ себя отвыкнуть отъ этого яда.

Но фактъ тотъ, что я не могъ ѣхать на Кару съ товарищами въ партіи, и она ушла безъ меня. Я былъ оставленъ на нѣкоторое время въ

Иркутскѣ, чтобы дать мнѣ оправиться и повезти меня послѣ на Кару не въ партіи.

И вотъ, я временно распрощался со своими друзьями-товарищами и остался въ Иркутской тюрьмѣ, одинъ.

Но —„свято мѣсто пусто не бываетъ". Пока я въ состояніи былъ выѣхать, передо мной прошла цѣлая галлерея лицъ,—Ромась (изъ Минусинска) и Яковъ Тихоновъ,—Доллеръ и Щедринъ (по дѣлу Ковальской),—Трощанскій и Адріанъ Михайловъ (по дѣлу д-ра Веймара),—и др.

Меня увезли изъ Иркутска на Кару одного, съ двумя жандармами, черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ изъ тюрьмы бѣжали Богомолецъ и Ковальская. Исторія Щедринъ—Соловьевъ разыгралась безъ меня.

Сильно разстроенный за дорогу, я пріѣхалъ на Кару, кажется, въ мартѣ 1882 г. Тамъ меня ожидала теплая встрѣча друзей, заботами которыхъ я и раньше постоянно пользовался,—Рогачева, Войнаральскаго, Долгушина. И на Карѣ я скоро совершенно оправился отъ болѣзни, которая заставила меня въ Иркутскѣ отстать отъ партіи.

Н. Виташевскій.

КАРІЙЦЫ.

(Матеріалы для статистики русскаго революціоннаго движенія).

I.

Многіе политическіе ссыльные занимались собираніемъ свѣдѣній о ссылкѣ: вели списки проходившихъ этапами партій, проставляя противъ каждой фамиліи свѣдѣнія о происхожденіи, возрастѣ, занятіяхъ, образовательномъ цензѣ, семейномъ положеніи и т. п. Помню, и въ Карійской тюрьмѣ кое-кто велъ такія же записи. Собираясь писать воспоминанія о своемъ пребываніи въ Карійской тюрьмѣ, я, живя въ 90-хъ годахъ въ Якутскомъ улусѣ, по памяти составилъ списокъ карійцевъ, распредѣливъ ихъ по времени прибытія на каторгу. По разнымъ причинамъ работу эту я прервалъ и возобновилъ лишь въ концѣ минувшаго года, когда ознакомился съ приложеннымъ къ книгѣ Л. Г. Дейча—„16 лѣтъ въ Сибири"—спискомъ политическихъ каторжанъ, бывшихъ на Карѣ. Сперва я хотѣлъ ограничиться исправленіемъ грубыхъ ошибокъ, допущенныхъ составителемъ этого списка, но потомъ рѣшилъ, пользуясь собственными записями и появившимися въ печати воспоминаніями и отчетами о прежнихъ политическихъ процессахъ, тщательно провѣрить, исправить и дополнить списокъ Дейча. Имѣя затѣмъ въ своемъ распоряженіи исправленный списокъ карійцевъ, я принялся подводить итоги, распредѣляя заключенныхъ по процессамъ, срокамъ каторги, возрасту при арестѣ, происхожденію, образовательному цензу, занятіямъ и т. д. Само собою разумѣется, свѣдѣнія моего списка я не могу считать безусловно правильными и полными и всякія указанія приму съ благодарностью.

Нѣсколько словъ о главныхъ источникахъ настоящей работы.

Л. Г. Дейчъ. „16 лѣтъ въ Сибири". 2-е изд. Н. Глаголева. Спб. 1906 г. Приложенія: 1) Политическіе каторжане, бывшіе на Карѣ, 2) Добровольно послѣдовавшіе родственники каторжанъ. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, списки эти составлены не авторомъ книги, а

лицомъ, прибывшимъ на Кару, когда уже политической тюрьмы не существовало, и политическіе каторжане (около 30 чел.) находились въ вольной командѣ. Это обстоятельство отразилось на спискахъ въ смыслѣ правильности и полноты свѣдѣній, особенно во всемъ, что касалось каторжанъ, отбывшихъ на поселеніе въ 80-хъ годахъ. Въ спискѣ пропущенъ, напр., каракозовецъ Н. А. Ишутинъ, и неправильно внесенъ каракозовецъ П. Ф. Николаевъ. Ишутинъ, вмѣстѣ съ нечаевцемъ П. Г. Успенскимъ, въ 1875 г. переведенъ на Кару изъ Александровскаго завода; П. Ф. Николаевъ отбывалъ срокъ каторги въ Александровскомъ заводѣ съ 1867 по ноябрь 1871 г., когда отправленъ на поселеніе въ Вилюйскій округъ Якутской области. Свѣдѣнія о А. И. Кривошеинѣ невѣрны отъ начала до конца, и все, что о немъ говорится, должно быть отнесено къ Крыжановскому. Не произошло ли здѣсь простой ошибки переписчика? Въ числѣ родственниковъ пропущена А. Д. Долгушина. Имѣются ошибки въ именахъ и др. свѣдѣніяхъ. При всемъ этомъ, списокъ, какъ первый, появляющійся въ печати, имѣетъ большую цѣнность. Безъ него врядъ ли могла появиться моя работа.

В. Богучарскій. „Госуд. преступленія въ Россіи въ XIX в.“ т.т. I, II и III, Его же матеріалы для исторіи револ. движенія въ Россіи въ 60-хъ г.г. Весьма цѣнныя работы, заключающія въ себѣ расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ оффиціальныя свѣдѣнія о политическихъ процессахъ. Для изслѣдованія о карійцахъ важны свѣдѣнія о процессахъ Каракозова, Нечаева и Долгушина, Южно-Русскаго рабочаго союза („процесъ Заславскаго“), Казанской демонстраціи и Іонова, такъ какъ, кромѣ отчетовъ, помѣщенныхъ въ свое время въ Прав. Вѣстникѣ, другихъ свѣдѣній объ этихъ процессахъ пока не имѣется.

П. Ф. Николаевъ. „Личныя воспоминанія о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго въ каторгѣ“. Приведены свѣдѣнія о пребываніи политическихъ каторжанъ, осужденныхъ въ 60-хъ годахъ, въ Александровскомъ заводѣ, между прочимъ, и объ Ишутинѣ.

В. Кокосовъ. „Къ воспоминаніямъ о Чернышевскомъ“ („Рус. Богатство“ 1905 г., 11—12).

Е. Брешковская. „Изъ моихъ воспоминаній“. Спб. 1906 г. Свѣдѣнія о пребываніи и смерти Ишутина на Карѣ.

С. С. Синегубъ. „Воспоминанія чайковца“. Р. М. 1907, 9.

Былое, 1906, 1—12. Спб. Воспоминанія и официальные отчеты о многихъ политическихъ процессахъ, дающіе много цѣннаго статистическаго матеріала.

Былое, 1906, в.в. 1 и 2. Р. Д. (Перепечатка загр. изданія). В. Бурцовъ. *„Матеріалы для словаря политическихъ ссыльныхъ въ*

Россіи"—въ 1 вып. и *„Ссылка и каторга въ 60-хъ г.г.*" во 2 вып. Въ послѣдней статьѣ подтверждается свѣдѣніе о переводѣ Ишутина на Кару, но годъ перевода не вѣренъ.

Л. А. Волкенштейнъ. „13 л. въ Шлиссельб. крѣп." („Всемірн. Вѣстн." 1905, № 11). О пребываніи карійцевъ въ Шлиссельб. кр.

Хроника соціалист. движен. въ Россіи 1878—1887. Офиціальный отчетъ. М. 1907, изд. В. М. Саблина. Боевая реляція департамента полиціи, имѣющая цѣлью превознести подвиги жандармовъ и прокуроровъ и доказать, что революціонное движеніе въ Россіи не имѣло подъ собою почвы и поэтому подавлено. Составлена безпорядочно и небрежно по далеко неполнымъ даннымъ. Кромѣ многихъ фактическихъ ошибокъ, имѣется и несомнѣнно тенденціозная ложь. Напр., съ цѣлью подчеркнуть мягкость русскихъ военныхъ судовъ, говорится (стр. 32), что по дѣлу попытки освобожденія изъ Харьковской тюрьмы Фомина (Медвѣдева) Харьковскій военный судъ „приговорилъ Ефремова къ каторжнымъ работамъ; остальные обвиняемые понесли менѣе тяжкія наказанія". Въ дѣйствительности: Ефремовъ присужденъ къ смертной казни, которая замѣнена безсрочными каторжными работами, Родинъ, Березнюкъ и Рашко—къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ, Яцевичъ—къ 15-лѣтней каторгѣ и только Савенкова—къ поселенію въ отдаленныя мѣста Сибири.

II.

Нерчинскій округъ Забайкальской области издавна былъ русскимъ каторжнымъ райономъ; время отъ времени перемѣщался только центръ управленія каторгой. Въ началѣ XIX столѣтія такимъ центромъ былъ Нерчинскій заводъ, извѣстный также подъ именемъ Большого завода. Первая партія декабристовъ была заключена на этомъ и другихъ близлежащихъ рудникахъ. Послѣ заранѣе предупрежденной попытки въ 1828 г. возстанія каторжанъ и послѣ самоубійства приговореннаго къ смерти декабриста Сухинова, всѣ декабристы помѣщены были въ Читѣ. Комендантъ тюрьмы декабристовъ генералъ Лепарскій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и комендантомъ всѣхъ нерчинскихъ рудниковъ. Если не ошибаюсь, это званіе сохранилъ Лепарскій и послѣ перевода декабристовъ въ Петровскій заводъ, находящійся въ Верхнеудинскомъ округѣ.

Въ 20-хъ годахъ по горной рѣчкѣ Карѣ, впадающей въ р. Шилку, въ 80 верст. ниже станицы Стрѣтенской, инженеромъ Павлуцкимъ впервые были найдены богатыя золотыя розсыпи. Въ 50-хъ годахъ во время походовъ Муравьева-Амурскаго на Карѣ уже были тысячи каторжныхъ, добывавшихъ для кабинета золото, подъ суровымъ управленіемъ знаменитаго

своимъ жестокосердіемъ изверга-маіора Разгильдѣева. Въ 15 в. отъ Кары, вверхъ по Шилкѣ, дѣйствовалъ тогда казенный Шилкинскій заводъ, гдѣ также работали каторжники. Въ воспоминаніяхъ одного изъ сотрудниковъ Муравьева я читалъ (кажется, въ „Рус. Архивѣ“), что въ то время въ Шилкинской каторжной тюрьмѣ содержался петрашевецъ Ив. Ястржембскій.

Не знаемъ, всѣхъ ли политическихъ каторжанъ царствованія Николая I освободилъ коронаціонный манифестъ Александра II. Если всѣхъ, то нерчинскія каторжныя тюрьмы были свободны отъ политическихъ заключенныхъ всего шесть лѣтъ, такъ какъ уже съ 1862 г. въ нерчинскихъ рудникахъ стали появляться политическіе узники новаго царствованія (Красовскій, Обручевъ, Васильевъ, Крушевскій, Стахевичъ, Муравскій, Чернышевскій, Баллодъ и др., а затѣмъ каракозовцы и нечаевцы). Центромъ каторги въ то время былъ Александровскій заводъ и комендантомъ генералъ Кноблохъ. Политическіе заключенные помѣщались въ особой тюрьмѣ въ Александровскомъ заводѣ и при тюрьмахъ другихъ окрестныхъ рудниковъ. Осужденные въ 66 г. по каракозовскому дѣлу, кромѣ Ишутина, были доставлены въ 67 году въ тюрьму Александровскаго завода, Ишутинъ же былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, откуда, больной психически, въ 1871 г. перевезенъ въ Алгачинскую тюрьму (недалеко отъ Александровскаго завода). Изъ осужденныхъ въ каторгу по Нечаевскому дѣлу отправлены были въ 1872 г.: Успенскій въ Александровскій заводъ, а Кузнецовъ и Н. Н. Николаевъ—на Кару. Послѣднихъ двухъ,—прибывшихъ на Кару 4 іюля 1873 г.,—слѣдуетъ считать первыми „карійцами“. Насколько могу вспомнить изъ разсказовъ А. К. Кузнецова, оба они вскорости по прибытію на Кару были выпущены въ вольную команду. До настоящаго времени я не нашелъ указаній, гдѣ отбывалъ срокъ присужденный къ 12 годамъ каторги по Нечаевскому же дѣлу Ив. Гаврил. Прыжовъ, отст. кол. секретарь, 42 лѣтъ. Про пребываніе его на Карѣ я не слыхалъ. Въ 80-хъ годахъ онъ жилъ на поселеніи въ Петровскомъ заводѣ Верхнеудинскаго округа Забайкальской обл. и тамъ умеръ.

Въ началѣ 70-хъ г.г. центръ Забайкальской каторги былъ перенесенъ на Кару. Вмѣсто коменданта учреждена была должность завѣдывающаго нерчинскими ссыльно-каторжными, назначаемаго Восточно-Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Завѣдывающій, большею частью штабъ-офицеръ изъ генералъ-губернаторской свиты, жилъ на Нижнекарійскомъ промыслѣ, гдѣ также находилось тюремное управленіе. Каторжныя тюрьмы были расположены вдоль по Карѣ; всѣхъ ихъ было семь: усть-карійская, новая, политическая („отрядъ“), нижняя, средняя, верхняя и амурская. Подлѣ тюремъ —общія помѣщенія для вольнокомандцевъ (зимовья) и частныя из-

бушки. Каторжники на Карѣ были заняты добываніемъ золота въ разрѣзахъ вдоль Кары, подъ руководствомъ горной администраціи.

Лѣтомъ 1875 г. на Кару перевели изъ рудниковъ 200 долгосрочныхъ поляковъ, осужденныхъ вторично за Кругобайкальское возстаніе, и, вмѣстѣ съ ними, Ишутина и нечаевца П. Г. Успенскаго. Они были помѣщены сперва въ тюремномъ лазаретѣ, а затѣмъ Ишутинъ былъ выпущенъ въ вольную команду, а Успенскій водворенъ на гауптвахтѣ при Нижнекарійской тюрьмѣ. Въ 1877 г. привезли на Кару осужденныхъ сенатомъ: Семяновскаго, Богданова, С., Богданова, З., Терентьева и Тевтула. Всѣ они были помѣщены въ той же гауптвахтѣ, гдѣ и Успенскій. Въ концѣ 1877 г. привезли осужденнаго по дѣлу 50-ти Агапова и помѣстили при Амурской тюрьмѣ. Въ январѣ 78 г., по приказанію изъ Иркутска, политическихъ заключенныхъ разсадили по разнымъ тюрьмамъ. Весной 78 г. привезли осужденнаго по дѣлу Казанской демонстраціи Бибергаля; осенью того же года по процессу 193-хъ—сперва: Шишко и Союзова, затѣмъ Синегуба, Квятковскаго и Брешковскую (выпущенную въ день пріѣзда въ вольную команду) и, наконецъ, Чарушина. Передъ Пасхой 1879 г. всѣхъ заключенныхъ, кромѣ Бибергаля, выпустили въ вольную команду. Лѣтомъ 1879 г. привезли и помѣстили вмѣстѣ съ Бибергалемъ Бобохова, осужденнаго въ Архангельскѣ. Въ вольной командѣ жили прибывшія съ мужьями: А. И. Успенская, А. А. Бибергаль, А. Г. Квятковская, А. В. Синегубъ и А. Д. Чарушина.

Въ началѣ 80 г. привезли: Армфельдъ, Ковалевскую, Кутитонскую, Лешернъ и Сарандовичъ. Ихъ помѣстили въ отдѣльную небольшую тюрьму на Нижнемъ промыслѣ. Въ то же время Средне-Карійскую тюрьму освободили отъ уголовныхъ и стали готовить для политическихъ. Въ мартѣ 80 г. прибыла первая партія: 28 каторжанъ и одновременно мать Стеблина-Каменскаго. Къ нимъ были присоединены Бобоховъ и Бибергаль. Съ этого момента Карійская политическая тюрьма стала существовать какъ отдѣльное учрежденіе. Вслѣдъ за первой партіей прибыли отдѣльно: Атанедесъ (текинецъ), Мозговой и Тарховъ. Съ Мозговымъ пріѣхала жена съ сыномъ. 16 октября прибыла вторая партія: 23 осужденныхъ (въ томъ числѣ Е. И. Россикова) и жены: Э. М. Геллисъ и Л. К. Ястремская. 1 января 1881 г., по распоряженію графа Лорисъ-Меликова, безъ всякаго повода, всѣ бывшіе въ вольной командѣ политическіе каторжане вновь заключены въ тюрьму. Это распоряженіе вызвало самоубійство Е. С. Семяновскаго. Въ концѣ февраля 1881 г. прибыла третья партія: 25 каторжанъ (въ томъ числѣ М. А Колѣнкина, Е. Д. Левенсонъ и С. Н. Шехтеръ) и невѣста Петрова—Барбашева. 1 ноября 1881 г. всѣ заключенные мужчины были переведены въ новую, нарочно для политическихъ построенную, тюрьму,

въ 2 в. ниже Нижнекарійскаго промысла. Въ январѣ 82 г. привезенъ Долгушинъ съ женой, а въ февралѣ четвертая партія: 35 мужчинъ и 2 женщины (С. А. Иванова и Ю. О. Круковская) а также—В. П. Рогачева. Вслѣдъ за четвертой партіей были привезены въ мужскую тюрьму: Веймаръ, Трощанскій, Михайловъ, Цыпловъ и Щедринъ и въ женскую: Богомолецъ и Ковальская.

Въ началѣ мая 82 г. изъ мужской тюрьмы бѣжали 8 заключенныхъ. 11 мая произошелъ знаменитый разгромъ мужской тюрьмы. Съ этого времени порядокъ отправки политическихъ ссыльныхъ мѣняется. Вмѣсто особыхъ партій изъ политическихъ, послѣднихъ отправляютъ небольшими группами при уголовныхъ партіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство, убѣдившись въ ненадежности Кары, какъ мѣста заключенія политическихъ, придумываетъ новыя мѣры. Взамѣнъ упраздненныхъ харьковскихъ централокъ сперва въ Трубецкомъ бастіонѣ Петропавловской крѣпости вводится „каторжное положеніе", затѣмъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ и, наконецъ, въ Шлиссельбургѣ и на Сахалинѣ. На Кару изъ процессовъ террористовъ попадаютъ только отдѣльныя лица. Въ 1882 году послѣ 11 мая прибылъ всего одинъ—Малавскій, въ 83 г. 20 чел., въ 84—23, въ 85—6, въ 86—6, въ 88—7, въ 89—3.

Въ сентябрѣ 1890 г. изъ находившихся въ мужской политической тюрьмѣ 33 заключенныхъ 20 были выпущены въ вольную команду, а 13 отправлены въ Акатуевскую тюрьму. Въ карійскихъ тюрьмахъ послѣ этого остались только политическія женщины: Богомолецъ, Россикова, Ананьина, Салова и Якимова. Изъ нихъ Россикова, заболѣвшая психически, была увезена въ Иркутскую больницу, гдѣ вскорѣ умерла, Богомолецъ въ январѣ 92 г. была выпущена въ вольную команду и на другой день умерла, остальныя трое были выпущены осенью 92 г. въ вольную команду. Затѣмъ, одну зиму содержались въ Усть-Карійской уголовной тюрьмѣ осужденныя по дѣлу, такъ называемаго, Якутскаго „вооруженнаго сопротивленія:" Болотина, Гасохъ, Гуревичъ и Перли. Въ 1892 г., въ числѣ другихъ отбывшихъ срокъ тюремнаго заключенія въ Акатуевской тюрьмѣ, былъ привезенъ въ вольную команду на Кару Бычковъ, который раньше на Карѣ не былъ.

Такимъ образомъ съ 1873 по 1892 г. на Карѣ перебывало 217 осужденныхъ въ каторгу по политическимъ дѣламъ, въ томъ числѣ 185 мужчинъ и 32 женщины. Кромѣ осужденныхъ въ теченіе того же времени проживали на Карѣ 25 родственниковъ (не считая дѣтей) политическихъ каторжанъ, въ томъ числѣ: двѣ матери, одна сестра, 1 братъ, 1 мужъ и 20 женъ.

III.

Біографическія свѣдѣнія.

Мужская Карійская тюрьма.

Агаповъ Семенъ Ивановичъ, московск. мѣщ., род. въ 1852 г. въ Москвѣ, раб. ткацкой фабрики, обуч. въ фабр. школѣ, арест. впервые 4 апр. 1875 г., 23 лѣтъ, осужденъ на 25 лѣтъ особ. прис. сен. 21 февр.— 5 апр. 77 г. по процессу „50 ти" 3 г. 4 м. каторги, прибылъ на Кару въ концѣ 77 г., за попытку къ побѣгу съ каторги—1 г.; вышелъ на поселен. въ г. Баргузинъ, Забайк. обл., въ 80 г.; примѣненъ манифестъ 83 г., въ 85 г. переселенъ въ Западную Сибирь.

Александровъ Діомидъ Александровичъ, петерб. мѣщ., род. въ 49 г. въ Спб., раб. ткацк. фабр., въ Спб. воспит. домѣ, арест. впервые въ янв. 75 г., 26 лѣтъ, особ. прис. сен. 17 іюля 1875 г. по процессу Дьякова и Сирякова, 9 л. каторги. До 13 окт. 80 г. содержался въ Борисоглѣбск. и Новобѣлгор. центр. каторжн. тюрьмахъ, приб. на Кару въ февр. 82 г., маниф. 83 г. не примѣненъ, въ 83 г. отправл. въ Якутскій окр. той же области.

Алексѣевъ Петръ Алексѣевичъ, крест. Смол. губ. Сычев. у., дер. Новинской, род. 49 г. въ Смол. губ., раб. тк. фабр., ар. вперв. 4 апр. 75 г., 26 лѣтъ, осужденъ 28 лѣтъ, особ. прис. сен. 5 апр. 77 г. по процессу „50-ти" 10 л. каторги, до 13 окт. 80 г. содер. въ Новобѣлгор. центр. каторж. тюрьмѣ, прибылъ на Кару въ февр. 82 г., маниф. 83 г. не примѣненъ, въ 84 г. на посел. въ Якут. окр. той же обл., въ авг. 91 г. *убитъ* якутами съ цѣл. ограбл.

Андрузскій Андрей Ѳедотовичъ, двор. Полт. губ., род. въ 57 г. въ Полтавск. губ., вольноопр. Лифляндск. пѣх. полка, оконч. Полт. гимн., 1 г. былъ въ Кіевск. унив-тѣ, сдалъ экз. на геомегратаксатора, пост. въ юнк. училище, откуда исключенъ и посланъ въ полкъ, арест. впервые въ апр. 79 г., 22 лѣтъ, осужденъ 23-хъ л. Кіевск. военн.-окр. судомъ 25 февр.—3 марта 80 года „за дерзкія рѣчи въ Кіевск. военномъ госпиталѣ (по словамъ офиц. „Хроники соціал. движенія", „совершенно исключительный политическій процессъ") 4 г. каторги, прибылъ на Кару 16 окт. 80 г., ман. 83 г. не примѣненъ, въ 83 г. отпр. на поселеніе въ Петровскій зав. Забайк. обл.

Атанедесъ Ханъ Магометъ, *туркменъ*, родовой старш., родил. въ 50 г.; осужд. въ Туркестанѣ въ 79 г. воен. судомъ за агитацію противъ русскаго владычества на 12 л. каторги, прибылъ на Кару въ 80 г.; въ началѣ 81 г. по болѣзни переведенъ изъ полит. тюрьмы въ Нижне-Кар. тюр. лазаретъ, гдѣ вскорости *умеръ*.

Багряновскій Корнелій, *полякъ*, двор. Волын. губ., род. въ 60 г. въ Житомирѣ, почт. чин., не оконч. гимн. въ Житомирѣ, ар. впервые 24 апр 79 г., осужденъ 19 лѣтъ Кіевск. воен.-окр. судомъ 7—14 іюля 79 г. под.

Бильчанскаго, Горскаго и др., 6 л. 8 м. каторги, приб. на Кару въ мартѣ 80 г., въ 84 г. на посел. въ Якутск. окр. той же обл., въ 90 г. лѣтомъ пытался бѣжать изъ Якут. окр., вмѣстѣ съ адм. сс. Ф. Цобелемъ, въ лодкѣ внизъ по р. Ленѣ, задерж. въ устьяхъ Лены, переселенъ въ г. Верхоянскъ, гдѣ въ 97 г. *застрѣлился*.

Баламезъ Андрей Михайл., *болгаринъ*, сынъ Кишин. купца, род. въ 60 г. въ г. Кишиневѣ; безъ опр. зан., не оконч. реальн. уч., арест. впервые 4 авг. 78 г., 18 лѣтъ одесск. воен.-окр. судомъ 22 іюля—5 авг. 79 г., проц. 28-ми (Чубаровъ, Лизогубъ и др.), 20 л. каторги, приб. на Кару въ мартѣ 80 г., въ маѣ 82 г. бѣжалъ изъ тюрьмы вмѣстѣ съ 7 другихъ, но вскорости б. пойманъ, за побѣгъ по суду прибавлено 10 л. каторги, ман. 83 г. не примѣненъ, въ 88 г. подалъ прош. о помилов., перевед. на посел., уѣхалъ затѣмъ въ Болгарію и, по слухамъ, тамъ *умеръ*.

Батаговъ Галактіонъ Емельяновичъ, Кременч. мѣщ., род. 52 г. въ Кременчугѣ, стол., ар. вперв. въ окт. 81 г., 29 л., осуж. Одесск. воен.-окружн. судомъ 3 апр. 83 г. по процессу 27 („Стрѣльниковскій процессъ") на 15 л. каторги, приб. на Кару въ 84 г., ман. 83 г. примѣненъ, въ янв. 90 г. выпущ. въ вол. команду, въ 92 г. поселенъ въ г. Читѣ Забайк. обл.

Бердниковъ Леонтій Федор., мѣщ. Невьянск. зав. Перм. губ., род. въ 52 г. въ Пермской губ., инж.-техн. 1-го разр.; оконч. Спб. технол. инст., былъ заграницей для практ. усоверш. въ мыловареніи, ар. впервые въ окт. 78 г. Спб. воен.-окр. судомъ 6—14 мая 80 г. по д. Мезенцева (Веймаръ, Адр. Михайловъ и др.), по пригов. 15 л. каторги, по конфирм.—8 л., приб. на Кару въ концѣ февр. 81 г., долго былъ старостой тюремн. артели, ман. 83 не примѣненъ, въ янв. 85 г. выпущ. въ вольн. команду, въ 86 г. поселенъ въ Читинскомъ окр. Заб. обл.

Бибеграль Александръ Никол., *еврей*, мѣщ., род. въ 54 г. въ Керчи, студ. мед.-хир. академіи, ар. впервые 6 дек. 76 г., 22 лѣтъ, особ. прис. сен. 18-25 янв. 77 г., д. Казанской демонстр., 15 л. каторги, приб. на Кару весной 78 г., ман. 83 г. примѣненъ: каторга замѣнена поселеніемъ; въ 84 г. посел. въ г. Читѣ, потомъ переѣхалъ на службу на Амурскіе пріиска.

Бобоховъ Серг. Ник., двор., отецъ управл. акц. сборами въ Сарат. г.; род. въ 59 г.; ст. мед.-хир. акад.; ар. впервые въ 77 г., 18-ти л. по д. Сарат. кружка, сосланъ въ Пинегу Арханг. губ., откуда бѣжалъ 14 дек 78 г., при поимкѣ въ д. Родіоново Холмогор. у. стрѣлялъ въ полиц. урядника; Спб. воен.-окр. суд. въ Архангельскѣ 12 мар. 79 г., „дерзко держалъ себя на судѣ"; смертн. казнь замѣнена 20 г. каторги; прибылъ на Кару лѣтомъ 79 г.; послѣ сѣченія Сигиды отравился и *умеръ* 16 ноября 89 г.

Богдановичъ Флоріанъ Григ., *полякъ* австр. поддан., р. въ 49 г.; въ Варш. гимн., потомъ въ Политехн. шк. въ Цюрихѣ, прив.-доцентъ Львовск. ун-та по химіи; будучи гимназистомъ, принималъ участіе въ возстаніи 63 г.; живя затѣмъ въ Швейцаріи поддерживалъ близкія связи съ русской и польской эмиграціей; участв. въ окт. 72 г. въ попыткѣ освобожд. С. Г. Нечаева на Цюрихскомъ вокзалѣ при его отправкѣ въ Россію; въ 76 г. организовалъ доставку въ огромн. количествѣ запрещ. изданій изъ-за границы въ Россію; ар. впервые 31 авг. 76 г.; 28-ми л.;

въ 77 г. освобожденъ подъ денеж. залогъ и остался жить въ Кіевѣ, въ 79 г. въ его кварт., въ Кіевѣ, произошелъ взрывъ, вслѣдствіе чего былъ вновь арест.; Кіевск. воен.-окр. суд. 10 іюля 79 г. по приговору—6 л., по конфирм. 4 г. каторги; приб. на Кару въ мартѣ 80 г.; маниф. 83 г. примѣненъ; въ 83 г. поселенъ въ Якутск. окр.; спустя нѣсколько лѣтъ отпущенъ въ Австрію, занялъ прежн. каѳедру въ Львовск. ун-тѣ; *умеръ* въ 90-хъ годахъ. О жизни на Карѣ напечаталъ за границей воспоминанія на польскомъ языкѣ.

Богдановъ Захаръ, крест. Новг. г., р. въ 46 г. въ Новг. г., ряд. пѣхотн. полка; выуч. грамотѣ на службѣ; ар. впервые въ 75 г., 29 л., особ. прис. сената въ окт. 75 г.; д. Семяновскаго и др., 6 л. каторги; приб. на Кару въ 77 г., выпущ. въ вольн. ком. въ 79 г. и 1 янв. 81 г. вновь закл. въ тюрьму; въ 81 г. поселенъ въ Нерчинск. окр., гдѣ вскорѣ *умеръ*.

Богдановъ Степанъ Богдановичъ, крест. Новгор. губ. Корховскаго у., род. въ 52 г. въ Новг. губ., писарь главнаго штаба; сельск. прих. училище; ар. впервые въ авг. 75 г., 23-хъ л.; особ. прис. сен. въ окт. 75 г., дѣло Семяновскаго и др., 11 л. каторги; приб. на Кару 27 сент. 77 г.; передъ Пасхой 79 г. выпущенъ въ вольн. команду; 1 янв. 81 г., по расп. гр. Лорисъ-Меликова, вновь заключенъ въ тюрьму; въ 83 г. поселенъ въ г. Читѣ, гдѣ работалъ въ артельной столярной мастерской; переѣх. въ Амурск. обл. (соб. восп. „Б" 906, 11).

Бойченко (онъ же *Филатовъ*) Филиппъ Михайловичъ, крест. Яросл. г. Пошехонск. у., род. въ 52 г. въ Яросл. губ., слесарь; ар. впервые 11 окт. 79 г., Кіевск. воен.-окр. суд. 15—26 іюля 80 г., проц. Мих. Попова, Игн. Иванова и др., 15 л. каторги; приб. на Кару въ концѣ февр. 81 г.; въ сент. 90 г. выпущ. въ вольн. ком.; маниф. 91 г. примѣненъ; въ 91 г. посел. въ Якутск. окр.

Бубновскій (нелег. *Предтеченскій*) Никол. Никол., крест. Подольск. г., р. въ 53 г.; слесарь; ар. впервые въ 79 г., 26-ти л. въ Кіевѣ; Кіевск. воен.-окр. судомъ 15 іюля 79 г., по д. изгот. разрывн. снарядовъ; 12 л. каторги; приб. на Кару въ мартѣ 80 г.; маниф. 83 г. не примѣненъ; въ 88 г. выпущ. въ вол. ком.; въ авг. 90 г. поселенъ въ Читѣ.

Бухъ Никол. Констант., двор., сынъ тайн. сов., род. въ 53 г. въ Уфѣ; въ мед.-хир. ак.; розыскивался по д. покуш. на Гориновича; ар. впервые 17 янв. 80 г., 27-ми л.; Спб. воен.-окр. суд. 25—30 окт. 80 г., по д. „16-ти"; 15 л. каторги; приб. на Кару въ февр. 82 г.; въ 90 г. подалъ. прош. о помилованіи; поселенъ сперва въ Зап. Сибири, потомъ разрѣшено выѣх. въ Евр. Россію.

Буцинскій Дмитрій, сынъ священ., род. въ 52 г. въ Курск. г., ст. Хар. ун-та, медикъ; ар. впервые въ 79 г., 27 л., Кіевск. воен.-окр. суд., 12—26 іюля 80 г., проц. Мих. Попова, Игн. Иванова и др., 20 л. каторги; приб. на Кару въ концѣ февр. 82 г.; въ маѣ 82 г. увез. въ Петроп. кр., оттуда въ 83 г. въ Шлиссельбургъ, гдѣ *умеръ* въ 91 или 92 г.

Быдаринъ Алексѣй, сынъ чиновн., род. въ 54 г. въ Пермск. г., сельскій учитель, выдерж. экз. на сельск. уч.; ар. впервые въ 74 г., 20-ти лѣтъ; особ. прис. сен. въ сент. 76 г., 11 л. каторги, до 13 окт. 80 г. содерж. въ Новобѣлг. центр. кат. тюрьмѣ; приб. на Кару въ концѣ февр.

82 г., въ 83 г. посел. въ Забайк. обл.; под. прош. о помилованіи и возвращенъ въ Евр. Россію.

Бычковъ Александръ Иван., сынъ инжен., род. въ 62 г.; въ Кіевск. гимн.; ар. впервые въ маѣ 81 г.; Кіевск. воен.-окр. суд. въ 83 г.; ссылка на посел., поселенъ въ Верхоленскѣ Иркут. губ.; въ 87 г. бѣжалъ изъ Верхоленска; въ 88 г. вновь арест. въ Москвѣ, снова бѣжалъ и арест. тамъ же; въ 91 г. Спб. окр. суд. пригов. къ 3 г. каторги и 40 плет.; тѣл. нак. было отмѣнено; сосланъ въ Акатуев. тюрьму, откуда приб. на Кару въ вольн. ком. въ февр. 92 г.; въ дек. того же года отпр. на посел. въ Якутск. окр.; маниф. не примѣненъ; вернулся въ Евр. Россію.

Бѣлоцвѣтовъ Гавр. Васил., сынъ свящ. Владим. г., р. въ 52 г., ст. Яросл. Демид. лицея; ар. впервые въ мартѣ 77 г.; Моск. воен.-окр. суд. 9—10 апр. 80 г., проц. Козырева, Антушева и Бѣлоцв., 4 г. катор.: приб. на Кару 16 окт. 80 г.; въ 83 г. посел. въ Якут. окр., въ 91 г. переѣхалъ въ Минусинскъ Енис. губ., жилъ затѣмъ въ Томскѣ и вернулся на родину.

Валуевъ Петръ Прокоп., одес. мѣщ., унт.-оф. запаса, р. въ 55 г. въ Одессѣ; маляръ; уѣздн. учил.; ар. впервые въ янв. 83 г., 28-ми л.; Одес. воен.-окр. суд. 3 апр. 83 г., по проц. 27 („Стрѣльн. проц."); 4 г. каторги; приб. въ Кару въ 83 г.; маниф. 83 не примѣненъ; въ 84 г. поселился въ г. Читѣ.

Веймаръ Орестъ Эдуард., сынъ Спб. купца, род. въ 45 г. въ Спб.; мед. акад.; врачъ; учредитель и директ. частной ортопед. клиники въ Спб.; по офиц. рекомендаціи,—„оказалъ несомнѣнныя услуги вѣдомству Краснаго Креста во время рус.-тур. войны"; за участіе въ лет. санит. отр. во время этой войны получилъ чины и ордена; ар. впервые 2 апр. 79 г., 34-хъ л.; Спб. воен.-окр. суд. 6—14 мая 80 г., конф. 16 мая по д. Мезенцева, 10 л. каторги; приб. на Кару въ апр. 82 г.; ман. 83 г. не прим.; въ янв. 85 г. выш. въ вол. ком., гдѣ *умеръ* 31 окт. 85 г.

Виташевскій Никол. Алексѣев., двор. Херс. г., род. въ 57 г. въ Одессѣ; оконч. реал. уч.; ар. впервые 30 янв. 78 г., 21 г.; раненъ при арестѣ; Од. воен.-окр. суд. 19—24 іюля 78 г., по д. Ковальскаго и др.; до 11 ноября 80 г. содерж. въ Бѣлгор. центр. кат. тюрьмѣ; 4 г. каторги; приб. на Кару въ мартѣ 82 г.; въ 83 г. посел. въ Як. окр.; въ концѣ 90-хъ гг. вернулся въ Евр. Россію; въ 906 г. ар. въ Спб., содерж. нѣск. мѣсяцевъ въ „Крестахъ" и, вмѣсто адм. высылки въ Тобол. губ., уѣхалъ за границу. (соб. восп.: „Б"—906, 2, 7; 907, 4).

Власовъ Семенъ Герасим., сынъ донск. каз., р. въ 65 г., восп. въ Новочерк. юнкер. уч.; ар. впервые въ 83 г., 18 л.; 6 л. 8 м. каторги; приб. на Кару въ 85 г.; въ 86 г. выш. въ вол. ком.; въ 88 г. посел. въ Як. ок.; за протестъ по поводу якутск. бойни пересел. въ Колымскій окр.; затѣмъ жилъ въ Якутскѣ и переѣхалъ въ Тобольскъ.

Властопуло Никол. Лукичъ, сынъ купца, род. въ 58 г. въ Одессѣ; въ од. греч. ком. уч., потомъ въ од. юнк. уч.; прапор. 53 пѣх. Волынск. полка; по оконч. юнк. уч. портупей-юнк. участвов. въ рус.-тур. войнѣ; за храбр. нагр. солд. георг. крестомъ и произв. въ прапорщ.; ар. впервые въ маѣ 79 г., 21 г.; Од. в.-окр. суд. 26 марта—1 апр. 80 г., по проц. 19-ти (Геллисъ и др.); 15 л. каторги; по дорогѣ въ кат. 2 авг. 80 г. бѣж.

изъ Ключинск. этапа (Канскаго окр. Енис. г.), 9 авг. пойманъ; пригов. суда 15 лѣтняя кат. замѣнена безсрочной; приб. на Кару въ февр. 81 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 88 г. под. прош. о помил. и выпущ. на посел.; въ нач. 900-хъ гг. жилъ въ Николаевскѣ на Амурѣ, сост. управл. вин. заводч. Пьянкова. Въ 1907 г. верн. въ Евр. Россію.

Волошенко Иннокент. Федор., сынъ чин., р. въ 48 г.; студ. Одес. ун-та; ар. впервые 24 янв. 79 г., 31 года; Кіевск. воен.-окр. суд. 1 мая 79 г., проц. Осинскаго; 10 л. каторги; бѣж. въ янв. 80 г. изъ Ирк. тюрьмы, ар. вскорости въ Тункѣ Ирк. окр.; за побѣгъ приб. судомъ 11 л. кат.; приб. на Кару въ нояб. 80 г.; въ 82 г. увез. въ Петроп. кр.; въ 84 г. возвр. на Кару; ман. 83 г. не прим.; въ сент. 90 г. выш. въ вол. ком.; по ман. 91 г. срокъ кат. сокращ. на $^1/_3$; посел. въ Селенгинскѣ, Забайк. обл.; въ 905 г. верн. въ Евр. Россію.

Войнаральскій Порфирій Иванов., пензен. мѣщ., р. въ 44 г., въ Пенз. губ.; мир. судья и предсѣд. мир. съѣзда, оконч. Моск. ун-тъ; ар. впервые въ 74 г., 30 л.; въ предв. закл. проб. около 3-хъ л.; въ апр. 76 г. пытался бѣж. изъ Д. Пр. Закл. въ Спб.; особ. приг. сен. 15 сент. 77 г.—23 янв. 78 г., по проц. 193-хъ; 10 л. кат.; до 13 окт. 80 г. содерж. въ Борисогл. центр. кат. тюрьмѣ; приб. на Кару въ концѣ февр. 82 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 84 г. посел. въ Верхоянскѣ Як. обл.; въ 90 г. переѣх. въ г. Якутскъ; въ 97 г. верн. въ Европ. Россію; *умеръ* въ 98 г. въ Хар. губ. (Восп. о немъ „Б" 906, 11—„Движ. 70-хъ гг. по больш. процессу" портр.—„Б". 906, 11).

Геккеръ Наумъ Леонт., *еврей*, мѣщ., р. въ 61 г. въ Екатерин. губ.; оконч. Бердянск. гимн.; ар. впервые въ апр. 81 г., 20 л.; Од. воен.-окр. суд. въ нояб. 82 г; 10 л. каторги; приб. на Кару въ 84 г.; выпущ. въ вол. ком. въ ноябрѣ 88 г.; въ нояб. 89 г. покуш. застрѣлиться подъ впечатл. извѣстія о тѣл. нак. Сигиды; въ 91 г. посел. въ Як. окр.; приним. участіе въ Сибиряк. этногр. экспедиціи и получилъ Уваровскую премію отъ Моск. О-ва любит. естествозн. за антропометр. работы; въ 90-хъ гг. верн. въ Евр. Россію. (Соб. восп. ок. к. „Б" 906, 9).

Геллисъ Мейеръ Яковл., *еврей*, од. мѣщ., р. въ 52 г. въ Одессѣ; наборщикъ; гимн. и одес. ком. уч.; ар. впервые въ маѣ 79 г., 27 л.; Одес. воен.-окр. суд. 26 марта—1 апр. 80 г., по д. 19-ти (Властопуло, Минаковъ и др.); безроч. кат. работы; приб. на Кару 16 окт. 80 г.; въ маѣ 82 г. увез. въ Петроп. кр., а въ сент. 84 г.—въ Шлиссельб. кр., гдѣ и *умеръ*.

Герасимовъ Василій Герасим., Спб. мѣщ., род. въ 52 г., пит. Спб. восп. дома; раб. ткац. фабр.; ар. впервые въ янв. 75 г., 23 л.; особ. приг. сен. 17 іюля 75 г., по д. Дьякова, Сирякова; 9 л. катор.; до 13 окт. 80 г. сод. въ Борисогл. и Новобѣлгор. центр. кат. тюр.; приб. на Кару въ февр. 82 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 83 г. поселенъ въ Якутск. окр., гдѣ *умеръ* въ 90-хъ гг. (Соб. восп. „Былое" 906, 6).

Голиковъ Василій Тимоф., мѣщ., р. въ 42 г., въ Смол. губ.; Рославл. уѣздн. учил.; подрядчикъ ремонта ж. д.; ар. впервые въ іюлѣ 81 г.; Од. воен.-окр. суд. 3 апр. 83 г., по д. 27-ми („Стрѣльн. проц."); 4 г. каторги; приб. на Кару въ 84 г.; по ман. 83 поселенъ въ 84 г. въ Читѣ, Забайк. обл.; въ 90-хъ гг. вернулся въ Евр. Россію.

Гориновичъ Васил. Елисѣевичъ, сынъ чин., род. въ 58 г. въ Кіевск.

губ.; Глуховск. учительскій ин-тъ; ар. впервые въ 82 г., 24-хъ л.; Кіевск. воен.-окр. суд. 18 авг. 83 г., по д. 7-ми (Саранчовъ, Гориновичъ и др.) 8 л. каторги; приб. на Кару въ 85 г., вмѣстѣ съ добров. послѣдов. женой Надеждой Николаевной; вып. въ вол. ком. въ 86 г.; въ 88 г. посел. въ Як. окр.

Давиденко Филип. Яковл., сынъ канд. на клас. чинъ, р. въ 60 г, въ Кіевѣ; Кіевск. воен.-фельдш. шк. (не окончилъ); ар. впервые въ апр. 79 г., 19 л.; Кіевск. воен.-окр. суд. 7—14 іюля 79 г. по д. Бильчанскаго, Горскаго и др.; 12 л. каторги; за составл. паспорта для одного изъ бѣжавшихъ въ янв. 80 г. изъ Ирк. тюрьмы прибавл. 3 г. каторги и 10 плетей; тѣл. наказ. отмѣнено; приб. на Кару въ мартѣ 80 г.; ман. 83 г. не примѣн.; въ ноябрѣ 88 г. выпущ. въ вол. ком.; въ 93 г. поселенъ въ Як. окр.; въ 99 г. переѣхалъ въ Читу, затѣмъ въ Иркутскъ.

Даниловъ Викторъ Александр., двор., р. въ 51 г.; земл. инст. и Цюрихс. политехникумъ; фармацевтъ; ар. впервые въ апр. 74 г., въ Кутаисѣ; ос. прис. сен. 15 сент. 77 г.—23 янв. 78 г. по д. 193-хъ вмѣненъ въ наказ. предв. ар.; ар. вновь въ 79 г. и Хар. воен.-окр. суд. по д. Сыцянко и др. оправданъ; ар. въ 81 г. и въ 82 г. Хар. воен.-окр. суд. приговор. къ 10 г. кат.; приб. на К. въ 83 г., ман. 83 г. не примѣн; въ 85 г. отпр. на посел. въ Як. об.; за оскорбл. часового въ Ирк. т. пригов. къ 8 м. кат.; отправл. въ Александр. (Ирк. г.) центр. т.; 13 авг. 86 г. съ дор. бѣж.; ар. въ Москвѣ въ ноябрѣ 86 г.; въ 88 г. отпр. въ Колым. окр.; завѣд. метеорол. станціей въ Верхнеколымскѣ; въ 904 г. верн. въ Ев. Р.; ар. въ 905 г. въ Харьковѣ и высл. изъ Хар. губ. (Соб. восп. „Б" 907, 10).

Дейчъ Левъ Григор., *еврей*, сынъ купца, р. въ 55 г. въ Кіевск. губ. Кіевск. гимн. и Базельск. ун-тъ; вольноопредѣляющійся; ар. впервые въ 76 г., бѣжалъ; ар. въ 77 г. въ Полт. г. по Чигиринск. д.; бѣжалъ изъ Кіевск. тюрьмы въ маѣ 78 г., ар. въ 84 г. въ Фрейбургѣ Баденскомъ и выданъ рус. правительству; Од. воен.-окр. суд. 84 г. по д. покуш. на убійство Гориновича; 13 л. 4 м. каторги; приб. на Кару 12 дек. 85 г.; въ сент. 90 г. вышелъ въ вол. ком.; въ 97 посел. въ Срѣтенскѣ Забайк. обл., въ апр. 901 г. бѣжалъ чрез Владивостокъ въ Америку и затѣмъ въ Швейцарію; въ окт. 905 г. пріѣхалъ въ Россію, въ янв. 906 г. ар. въ Спб. и высылался въ Туруханскъ, но съ дороги бѣжалъ за границу.

Джабадари Ив. Спирид., *грузинъ*, двор. Тифл. г., р. въ 52 г.; студ. мед.-хир. академіи; ар. впервые 4 апр. 75 г., 23 лѣтъ; особ. прис. сен. 5 апр. 77 г., по проц. 50-ти; 5 л. каторги; до 13 окт. 80 г. сод. въ Новобѣлгор. центр. каторжн. тюрьмѣ; приб. на Кару въ февр. 82 г.; въ 83 г. поселенъ въ Забайкальской обл.; вернулся въ Евр. Россію (Соб. восп. о. проц. 50-ти „Был." 907, 8, 9, 10; портр. въ „Б". 907, 9; „Въ неволѣ" „Б". 906, 5).

Дзвонкевичъ Никол. Никол., двор., род. въ 42 г. въ Полт. г., Кіевск. ун-тъ (не окончилъ); суд. прист. въ Севастополѣ; участ. волонтеромъ въ черногорск. отрядѣ въ сербск. войнѣ, раненъ и нагр. орденомъ; ар. впервые въ 81 г., 39 лѣтъ; Од. в.-окр. суд. 3 апр. 83 г. по д. 27 („Стрѣльник. проц.") къ безсрочной каторгѣ; пытался бѣжать въ пути, раненъ и пойманъ; приб. на Кару въ 84 г.; маниф. 83 г. не примѣн.; въ 90 г. пе-

ревед. въ Акатуевск. тюрьму, потомъ—въ Зерентуйскую; въ 92 г. поселенъ въ Минусинскѣ Енис. губ.; въ 95 вернулся въ Евр. Россію.

Диковскій Монс. Андр., сынъ свящ., р. въ 57 г., въ Одес. уѣз.; Одес. духовн. семин. (не оконч.); сельск. учит.; ар. впервые въ 79 г., 22 лѣтъ; Кіевск. воен.-окр. суд. 12—26 іюля 80 г., проц. Мих. Попова, Игн. Иванова и др.; 15 л. каторги; приб. на Кару въ 81 г.; въ маѣ 82 г. бѣжалъ изъ Карійск. тюрьмы, пойманъ; за побѣгъ прибавл. 10 л. каторги; ман. 83 г. не примѣн.; въ сент. 90 г. переведенъ въ Акат. тюрьму; въ ноябрѣ 91 г. выпущ. въ вол. ком.; въ 99 г. поселенъ въ Читѣ.

Диковскій Сер. Дороф., сынъ свящ., р. въ 57 г. въ Симферополѣ; ст. Новорос. ун-та; ар. впервые въ 80 г., 23 л.; Кіевск. в.-окр. суд. 12—26 іюля 80 г., проц. Мих. Попова, Игн. Иванова и др.; 20 л. каторги; приб. на Кару въ февр. 81 г.; маниф. 83 г. не прим.; въ 92 г. посел. въ Як. окр.; въ 98 г. переѣх. въ Иркутск. губ.

Долгушинъ Александръ Васил., двор. Тобол. губ.; р. въ 48 г. въ Тоб. губ.; ст. СПБ. технол. инст.; ар. впервые въ янв. 69 г., 21 года; по нечаевскому дѣлу, причемъ 27 авг. 71 г. СПБ. суд. палатой („пятая катег. нечаевцевъ") оправданъ; одновременно привлек. къ дознанію какъ организаторъ кружка сибиряковъ-автономистовъ; по этимъ двумъ дѣламъ просид. 1 г. 8 м. въ Петроп. кр.; ар. затѣмъ 16 сент. 73 г.; особ. пр. сен. 9—15 іюля 74 г., по „Долгушинскому" процессу; 10 л. каторги; до 13 окт. 80 г. содерж. въ Ново-Бѣлгородск. центр. кат. тюрьмѣ (с. Печенѣги); въ концѣ 81 г. далъ пощечину смотрителю Краснояр. тюрьмы, за что прибавл. 15 л. каторги; приб. на Кару въ янв. 82 г. съ добровольно послѣдов. женой Агрип. Дмитр.; въ 83 г. увезенъ въ Петроп. кр., откуда перевед. въ Шлиссельб. тюрьму, гдѣ *умеръ*.

Дрей Мих. Иван., *еврей*; сынъ врача; р. въ 60 г. въ Одессѣ; ст. Одес. ун-та; ар. впервые въ 81 г., 21 года; Од. в.-окр. суд. 3 апр. 83 г. по д. 27 („Стрѣльн. проц."); 15 л. каторги; приб. на Кару въ 84 г.; маниф. 83 г. примѣн.; въ 86 г. вышелъ въ вол. ком.; въ 88 г. поселенъ въ Читѣ; въ 95 г. уѣх. за границу; жив. въ Мюнхенѣ.

Дубровинъ Андр. Иван., сынъ дьякона; р. въ 41 г. въ Сарат. губ.; дух. семин.; волостн. писарь и сельск. уч.; ар. впервые въ 76 г., 35 л.; Отд. Харьк. суд. пал. 20 апр. 79 г., по д. Зубрилова и др.; 4 г. каторги; приб. на Кару въ мартѣ 80 г.; въ 83 г. посел. въ Селенгинскѣ Забайк. обл.; ман. примѣненъ; верн. въ Евр. Россію.

Дубровинъ Евген. Александр., мѣщ. г. Саратова; род. въ 56 г. въ Сар. губ.; ст. 5 курса мед. ак.; ар. впервые въ 82 г., 26 л.; петерб. воен. суд. въ 82 г., по д. сношеній съ Алексѣев. равелиномъ; приб. на Кару въ 83 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 85 г. посел. въ Баргузинѣ Забайк. обл., выѣхалъ въ Евр. Россію; выдерж. экз. на врача при Казанск. ун-тѣ.

Дулембо Генрихъ, *полякъ*; двор., род. въ 48 г. въ Варшавѣ; раб. мыловар. завода; не оконч. Варш. гимн.; ар. впервые въ 79 г., 31 г. и выпущ. въ 81 г.; ар. затѣмъ въ 84 г.; Варш. в.-окр. суд. 8—16 дек. 85 г., по д. „пролетаріата"; 13 л. каторги; приб. на Кару въ ноябрѣ 86 г.; въ сент. 90 г. перевед. въ Акатуй; въ 91 г. выш. въ вол. ком.; въ 93 г. посел. въ Вилюйскѣ Як. обл.; въ 94 г. переѣх. въ Якутскъ; въ 900-хъ г.г. жилъ

въ Читѣ Забайк. обл.; былъ ар. въ 906 г. карат. экспед. Рененкампфа, освобожд. и верн. въ Евр. Россію.

Евсѣевъ Николай, мѣщ., р. въ 57 г. въ СПБ.; токарь по металлу; ар. впервые въ 81 г., 24 л.; Пб. в.-окр. суд. 13—14 сент. 82 г., по д. убійства Прейма; безср. каторга; приб. на Кару въ 83 г.; маниф. 83 г. не прим.; въ 89 г. под. прошен. о помил. и поселенъ въ Благовѣщ.

Емельяновъ Ив. Пантелейм., сынъ псаломщ., р. въ 60 г. въ Одесск. у.; СПБ. Никол. ремесл. уч.; ар. впервые въ мартѣ 81 г., 21 года; особ. пр. сената въ февр. 82 г. по д. 20 (Александръ Михайловъ и др.) смертная казнь замѣн. безср. каторгой; до конца 83 г. содерж. въ Петроп. кр.; приб. на Кару въ 84 г.; маниф. 83 г. не прим.; въ 89 г. под. прошеніе о помил., поселенъ въ Благовѣщенскѣ; въ 901 г. жилъ въ Хабаровскѣ. (Портр. въ „Б." 906, 3).

Ефремовъ Васил. Степ., сынъ дьякона; р. въ 54 г. въ Курскѣ; Харьк. ветер. инст.; ар. впервые въ 78 г., 24 лѣтъ; Хар. воен.-окр. суд. 6 іюля 79 г., по дѣлу попытки освоб. Фомина; смер. каз. замѣн. безсроч. каторгой; приб. на Кару въ мартѣ 80 г.; по ман. 83 г. ср. каторги сокращ. на 12 л.; въ ноябрѣ 88 г. выш. въ вол. ком.; въ 89 г. посел. въ Як. окр.; въ 99 г. переѣх. въ Иркутскъ, гдѣ редактировалъ „Вост. Обозр." (Соб. восп. „Б." 907, 5—„Маленькое дѣло.")

Жуковъ Влад. Ив., двор. Полт. губ., р. въ 59 г. въ Полт. губ.; Харьк. ветер. инст.; ар. впервые въ 80 г., 21 года; Кіевск. в.-окр. суд. 12—26 іюля 80 г., по д. Мих. Попова, Игн. Иванова и др.; 7 л. кат.; приб. на Кару въ февр. 81 г.; въ 84 г. *умеръ* въ Карійск. тюрьмѣ отъ бугорчатки.

Зайднеръ Ал-ръ Никол. *еврей*; внукъ купца, р. въ 59 г. въ Мелитополѣ Тавр. губ.; реальн. уч. въ Николаевѣ (Херс. губ.); ар. впервые въ 78 г., 18 лѣтъ; Од. в.-окр. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28 (Чубаровъ, Лизогубъ и др.); 10 л. каторги; приб. на Кару въ мартѣ 80 г.; по ман. 83 г. сбавлена 1/3 срока; въ янв. 85 г. выш. въ вол. ком.; въ томъ же году посел. въ Баргузинѣ Забайк. обл., гдѣ *умеръ* въ 91 г.

Здановичъ Георг. Феликс., *осетинъ*; сынъ шт. кап., р. 55 г. въ Кутаис. губ., ст. Моск. ун-та; ар. впервые 19 сент. 75 г. 20-и лѣтъ; особ. прис. сената 14 марта—5 апр. 77 г., по д. 50-и; 6 л. 8 м. каторги; до 13 окт. 80 г. содерж. въ Ново-Бѣлог. центр. кат. тюрьмѣ; приб. на Кару въ февр. 82 г.; по ман. 83 г. сбавл. 1/3 срока; въ 83 г. поселенъ въ Верхоленскѣ Ирк. губ.; вернулся на Кавказъ.

Златопольскій Левъ Солом., *еврей*; мѣщ., р. въ 48 г. въ Елизаветгр. Херс. губ.; ст. СПБ. технол. инст.; ар. впервые въ 81 г., 33 лѣтъ; особ. пр. сената въ февр. 82 г., по д. 20-и; 20 л. каторги; до 83 г. содерж. въ Петроп. кр. на каторж. положеніи; приб. на Кару въ 84 г.; ман. 83 г. не прим.; въ сент. 90 г. выпущ. въ вол. ком.; ман. 91 г. не прим.; поселенъ въ Читѣ, гдѣ *умеръ* въ февр. 907 г.

Зубковскій Афанас. Андр., сынъ протоіерея, р. 55 г. въ г. Миргородѣ Полт. г.; ст. Кіевск. ун-та; ар. впервые въ 79 г., 24 л.; СПБ. в.-окр. суд. въ окт. 80 г., по д. 16-и; 15 л. каторги; содерж. въ Петроп. кр. на катор. полож.; приб. на Кару въ февр. 82 г.; ман. 83 г. не прим.; подалъ прош. о помилов. и въ 83 г. посел. въ Тобольскѣ.

Зубржицкій Янъ, *жмудинъ*, крест. Сувалк. губ., р. въ 61 г.; слесарь

ар. впервые въ 79 г. 18-и л.; Кіевск. воен.-окр. суд. 7—14 іюля 79 г., по д. Бильчанскаго, Горскаго и др.; 20 л. каторги; приб. на К. въ мартѣ 80 г.; ман. 83 г. не прим.; въ нояб. 88 г. выпущ. въ вол. ком.; по ман. 91 г. сбавлена $^1/_3$; въ 92 г. посел. въ Якут. окр.

Зубриловъ Васил. Петр., двор. обл. Войска Донского, р. 52 г., ст. Петр.-Раз. ак.; ар. впервые въ 76 г. 24 л.; Отд. Хар. суд. пал. въ Урюпинск. станицѣ 20 апр. 79 г. по д. Зубриловыхъ и др.; 4 г. каторги; приб. на К. въ мартѣ 80 г.; въ 83 г. посел. въ Як. окр.; въ 97 г. вернулся въ Евр. Россію.

Зунделевичъ Аронъ Исак., *еврей*, мѣщ., р. 54 г. въ Вильно; Виленск. раввинск. инст.; ар. впервые въ 79 г., 25-и л.; СПБ. воен.-окр. суд. въ окт. 80 г., по д. 16-и; безсрочн. кат.; содерж. въ Петроп. кр. на кат. полож.; приб. на К. въ февр. 82 г.; ман. 83 г. не прим.; въ сент. 90 г. перевед. въ Акат. тюрьму; въ янв. 91 г. выпущ. въ вол. ком. на Карѣ; ман. 91 г. не прим.; по ман. 94 г. срокъ кат.—20 л.; въ 98 г. посел. въ Читѣ Забайк. обл.; въ 906 г. верн. въ Евр. Рос.

Ивановъ Игнат. Кирил., сынъ офицера, р. въ 59 г. въ г. Пирятинѣ, Полт. г.; ст. Кіевск. ун-та; ар. впервые 25 февр. 80 г. 21 года; Кіевск. в.-окр. суд. 12—26 іюля 80 г. по д. Мих. Попова и др.; смертн. каз. замѣн. безср. кат.; приб. на К. въ февр. 81 г.; лѣтомъ 82 г. увезенъ въ Петроп. кр. (Алексѣевск. равел.), откуда 6 іюля 83 г. въ Казанск. лечебницу, а въ октябрѣ 84 г. въ Шлиссельб., гдѣ *умеръ*. (Письмо П. С. Поливанова, „Былое" 906 г.).

Ивановъ Павелъ Осип., двор., р. 54 г. въ Кіевск. губ.; ст. Кіевск. ун-та; ар. впервые въ 81 г., 27 л.; Кіевск. в.-окр. суд. 26—29 мая 81 г., по д. Южн.-Рус. Раб. Союза (Ковальская, Щедринъ и др.). 20 л. каторги; бѣж. изъ Краснояр. тюрьмы и пойманъ вскорѣ въ Тобол. губ., вторично пыт. бѣж. изъ той же тюр.; бѣж. съ почт. ст. подлѣ Читы, но на др. день пойманъ; за побѣги срокъ кат. увелич. до 55 лѣтъ; приб. на К. въ 83 г., по ман. 83 г. сбавл. $^1/_3$ (7 лѣтъ) съ первонач. срока; въ сент. 90 г. перевед; въ Акат. тюрьму; по ман. 91 г. сбавл. 1 годъ; *умеръ* въ вол. ком. въ с. Алгачи.

Иванайнъ Карлъ Иван., *финляндецъ*, мѣщ., род. 54 г.; приход. учил., слесарь; ар. впервые въ 74 г. по д. 193, освобож. и бѣж. за границу, возврат. въ 76 г., ар. и сосланъ въ Пудожъ (Олон. губ.); за столкн. съ полиц. въ 80 г. высылался въ Вост. Сибирь; возвращ. изъ Томска; ар. въ 81 г. въ Харьковѣ, бѣж. изъ-подъ ар., черезъ $1^1/_2$ мѣс. ар. въ Москвѣ Одес. в.-окр. суд. 3 апр. 83 г. по д. 27 („Стрѣл. проц.") 15 л. каторги; приб. на К. въ 84 г.; по ман. 83 г. сбавл. $^1/_3$; въ 86 г. выпущ. въ вол. ком.; лѣтомъ 87 г. *утопился* въ озерѣ на Нижней Карѣ.

Иванченко Григорій, мѣщ., р. 56 г. Херс. г.; столяръ-модельщикъ; ар. впервые въ февр. 79 г., 23 л.; Кіевск. в.-окр. суд. въ маѣ 79 г. подъ имен. „Неизвѣстн., ранен. въ голову", по д. Брандтнера, Ст.-Каменск. и др.; 14 л. 10 м. каторги; бѣж. изъ Ирк. тюрьмы въ янв. 80 г. и вскорѣ ар. подлѣ Ирк.; за поб. прибавл. 15 л. 2 м.; приб. на К. 16 окт. 80 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 89 г. под. прош. о помил. и посел. въ Забайк. область.

Ильяшенко Севаст. Емельян., крест. Полт. г., р. 49 г. въ Пирят. у.

Полт. г.; кочегаръ на пароходахъ Р. О. п. и т. дальняго плаванія, потомъ машинистъ на ж. д.; ар. впервые въ 76 г., 27 лѣтъ, въ Одессѣ за ввозъ запрещ. изд. изъ Лондона, админ. присуж. къ 1 г. тюрем. закл., съ воспрещ. служ. на парох., плавающ. загран.; арестов. затѣмъ въ 80 г.; Кіевск. в.-окр. суд. 12—26 іюля 80 г. по д. Мих. Попова и др.; 15 л. каторги; приб. на К. въ февр. 81 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 87 г. выпущ. въ вол. ком.; въ 89 г. закл. въ тюрьму; *умеръ* въ Кар. тюр. лазар. 18 авг. 90 г. Передъ ар. въ 80 г. жилъ по подлож. паспорту на имя Куценко, вслѣд. чего админ. привыкла именовать его двойной фамиліей.

Ишутинъ Ник. Андр., пот. поч. гр., р. 40 г. въ Пензен. г.; по оконч. Пенз. гимн. собирался пост. въ Моск. ун-тъ; ар. въ апр. 66 г., 26 лѣтъ; верх. угол. суд. 24 сент. 66 г., по д. Каракозовцевъ; смерт. казнь замѣн. безсрочн. каторгой; съ окт. 66 г. по май 68 г. содер. въ Шлиссельб. кр., откуда помѣшанный отвезенъ въ пол. тюр. Александр. зав. (Нерч. окр.), гдѣ пробылъ 3 дня и увез. въ Алгачинскую тюр.; въ 71 г. привез. въ тюр. больн. Алекс. зав.; въ 75 г., вмѣстѣ съ нечаевцемъ Успенскимъ, перев. на К. и помѣщ. въ тюр. лазар., откуда могъ свободно выходить; *умеръ* въ концѣ дек. 78 г. въ томъ же лазаретѣ.

Іоновъ Всевол. Мих., сынъ чин., р. въ 55 г. въ Астрахани; ст. Спб. технол. инст.; ар. впервые въ 75 г., 20 л.; особ. пр. сената въ 77 г., д. Іонова и раб. Павлова; 5 л. каторги; до 13 окт. 80 г. сод. въ Новобѣлгор. центр. кат. тюр.; приб. на Кару въ февр. 82 г.; въ 83 г. посел. въ Якут. окр.; въ соверш. изучилъ якут. языкъ, заним. обуч. якут. дѣтей; прин. уч. въ Сибиряк. этногр. экспедиціи; въ 98 г. переѣх. въ Якутскъ, гдѣ въ 1907 г. привлеченъ къ слѣдств. за имѣніе „нелегальныхъ изданій“.

Казачковскій Евстафій Осипов., сынъ свящ., р. 53 г. въ Подольск. г.; не оконч. дух. сем.; чин. Подол. губ. правл.; ар. въ 79 г., 26 л.; Кіевск. в.-окр. суд. въ 79 г. по д. Крыжановск. и др.; 10 л. каторги; приб. на К. 16 окт. 80 г.; по ман. 83 г. сбавл. 1/3; въ 84 г. посел. въ Якут. окр.; въ 90-хъ г.г. поѣх. изъ Якут. на Витимс. зол. пріиски и безслѣдно исчезъ; существ. предпол., что въ пути убитъ съ цѣлью ограбленія. Въ списк. департ. числился нѣкот. время, какъ бѣжавш. и разыскив.

Калюжный Александръ Андр., двор., род. 57 г. въ г. Николаевѣ (Херс. г.); Николаевск. (Херс. г.) морепл. юнкер. классы и морск. ак.; мичманъ флота; ар. въ 78 г. въ Спб., 21 г.; Одес. в.-окр. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28 (Чубар., Лизогубъ и др.) 10 л. каторги; въ январѣ 80 г. бѣж. изъ Ирк. ~~тюр. и вскорѣ пойманъ~~ подлѣ Ирк.; за побѣгъ прибавл. 10 л. каторги; приб. на К. 16 окт. 80 г.; по ман. 83 сбавл. 1/3; въ 88 г. под. прош. о помил.; состоитъ на службѣ начал. судоходн. дист. въ Амур. обл.

Калюжный Александръ Мефод., сынъ офиц., р. 53 г. въ Полт. г., ст. Хар. ун-та; ар. впервые въ 76 г., 23 л.; въ 79 г. высланъ админ. въ Архан. губ.; Хар. в.-окр. суд. 3 марта 80 г. по д. Ястремск. и др. 4 г. кат.; приб. на К. 16 окт. 80 г.; по ман. 83 г. каторга замѣн. ссылкой на житье въ Зап. Сиб.; въ 84 г. посел. въ Томскѣ; въ 90-хъ г.г. вернулся въ Евр. Рос.

Калюжный Ив. Вас., Лебединскій мѣщ., р. 58 г. въ Хар. г.; ст. Хар. у-та; ар. вперв. въ 78 г., 20 л., какъ участн. студ. волн. и высл. въ Соль-

вычегодскъ, откуда бѣж. 20 мар. 80 г.; ар. 23 мар. 82 г. въ Москвѣ; особ. пр. сен. 25 апр. 83 г., по д. 17 (Ю. Богдановичъ, Грачевскій и др.) 15 л. каторги; приб. на К. въ 84 г.; отравился послѣ сѣчен. Сигиды, *умеръ* 15 ноября 89 г.

Кардашевъ Степ. Март., *армянинъ;* двор., отст. кол. рег., р. 53 г.; ст. Дрезд. политехн. шк.; ар. вперв. въ авг. 75 г., 22 л.; особ. пр. сен. 5 апр. 77 г., по д. „50-ти"; 5 л. катор.; до 13 окт. 80 г. содерж. въ Новобѣлгор. центр. кат. тюр.; приб. на К. въ февр. 82 г.; въ 83 г. посел. въ Селенгинскѣ Заб. обл.

Кашинцевъ Ив. Никол., двор., р. 60 г. въ г. Купянскѣ Хар. г.; ст. Хар. у-та; ар. вперв. въ 80 г., 20 л.; Кіевск. в.-окр. суд. 26 - 29 мая 81 г., по д. Щедрина, Ковальской и др., 10 л. кат.; приб. на К. въ февр. 82 г.; по ман. 83 г. сбавл. 1/3; въ янв. 85 г. выпущ. въ вол. ком.; въ томъ же году посел. въ Якут. окр.; въ 88 г. бѣж. за гран.; жив. въ Болгаріи.

Квятковскій Тимоф. Александр., двор., р. 52 г. въ Томскѣ; ст. Спб. техн. инст.; ар. впервые въ 75 г., 23-хъ л., выпущ. на поруки и вновь ар. въ 77 г.; особ. пр. сен. 18 окт. 77 г.—23 янв. 78 г., по д. 193-хъ; 9 л. кат.; приб. на К. осенью 78 г.; въ апр. 79 г. выпущ. въ вол. ком.: 1 янв. 81 г. вновь закл. въ тюр.; въ 83 г. посел. въ Забайк. обл.

Кленовъ Вас. Дмитр., мѣщ., р. 55 г. въ Одессѣ; наборщ. тип.; ар. вперв. 30 янв. 78 г., 23-хъ л.; Одес. в.-окр. суд. 19—24 іюля 78 г., по д. Ковальскаго и др.; 4 г. каторги; до 11 ноября 80 г. содерж. въ Бѣлгор. цент. кат. тюр.; приб. на К. въ концѣ февр. 82 г.; въ 83 г. посел. въ Якут. окр., въ 95 г. переѣх. въ Ирк., а затѣмъ верн. въ Евр. Россію. (Воспом. Виташевскаго о воор. сопрот. и судѣ „Б." 906, 2).

Кобылянскій Людв. Александр., *полякъ*, двор. Волын. г., род. 59 г., слесарь; ар. вперв. въ 79 г., 20-ти л.; Спб. воен.-окр. суд. въ окт. 80 г.; по д. 16-ти 20 л. кат.: до 81 г. сод. въ Петроп. кр. на катор. полож.; приб. на К. въ концѣ февр. 82 г.; лѣтомъ того же года увезенъ въ Петроп. кр., 1 авг. 84 г. перевез. въ Шлис., гдѣ скоро *умеръ*.

Ковалик Серг. Филип., двор., р. 46 г. въ Черниг. г.; Спб. ст. со степ. канд. правъ; предсѣд. съѣзда мир. судей Мглинск. у. Черниг. г.; ар. впервые въ 74 г., 28 л.; въ апр. 76 г. пыт. бѣж. изъ Д. П. З. въ Спб.; ос. пр. сен. 15 сент. 77 г.—23 янв. 78 г., по д. 193-хъ; 10 л. кат.; до 13 окт. 80 г. содерж. въ Борисогл. центр. кат. тюр.; приб. на К. въ концѣ февр. 82 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 84 г. посел. въ Верхоянскѣ Якут. обл., въ 90-хъ г.г. переѣх. сперва въ Ирк., а потомъ въ Евр. Рос. („Былое" 906, 10, 11, 12—„Движ. 70-хъ г.г. по больш. процессу" Старика; портр. въ „Быломъ" 906, 10).

Ковалевъ Пав. Архип., сынъ купца, р. 57 г. въ Херс. г.; не оконч. реал. уч.; ар. вперв. въ 78 г., 21 года; Одес. в.-окр. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28 (Чубар., Лизог. и др.) 10 л. кат.; приб. на К. въ мартѣ 80 г.; выпущ. въ вол. ком. въ нач. 85 г.; по ман. 83 г. сбавл. 3 г.; въ 85 г. посел. въ г. Баргузинѣ Заб. об., потомъ переѣх. въ Ирк. и въ 90-хъ г.г. вернулся въ Евр. Россію.

Козакевичъ Конст. Филип., двор., р. 39 г.; Кіев. юнк. уч.; отст. поруч.; б. въ сост. дѣйств. ар. въ р.-тур. войну; ар. 79 г., 40 л.; Кіев. в.-окр. суд. 7—14 іюля 79 г. по д. Бильчанск., Горск. и др. 6 л. кат.; приб. на

К. въ мар. 80 г.; лѣт. 81 г. б. вып. въ вол. ком.; въ маѣ 82 г., послѣ поб. изъ тюр. 8 заключенныхъ, снова закл. въ тюр.; ман. 83 г. не прим.; въ 83 г. посел. въ Якут. окр.; въ 90-хъ г.г. добров. переѣх. въ Охотскъ Примор. об.; въ 99 г. посел. въ Якутскѣ; въ 901 г. верн. въ Ев. Рос.

Козыревъ Алексѣй Никол., дьяконъ, р. 46 г. въ Костр. г.; ст. Яросл. лицея; ар. вперв. въ 77 г., 31 г.; Моск. в. окр. суд. 9—10 апр. 80 г., по д. Козыр., Антушева и Бѣлоцвѣтова; 10 л. каторги; по дор. въ кат. 2 авг. 80 г. бѣж. изъ Ключинск. этапа (Канск. окр. Енис. г.), 9 авг. пойманъ; новымъ пригов. кат. увелич. на 7 л.; приб. на К. въ февр. 81 г.; маниф. 83 г. не прим.; въ сент. 90 г. выпущ. въ вольн. ком.; въ 92 г. посел. въ Якут. окр.; въ 98 г. переѣх. въ Ирк., гдѣ въ 900 г. б. ар. за храненіе шрифта; выпущ. изъ тюр. вскорѣ, *умеръ* въ Ирк.

Колтановскій Алексѣй Полик., сынъ свящ., р. 55 г. въ Кіевск. г.; ст. Одес. у-та; ар. вперв. въ 78 г., 23-хъ л.; Одес. в.-окр. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28-ми (Чубар., Лизог. и др.); безсрочная каторга; приб. на К. въ мар. 80 г.; по ман. 83 г. назнач. срокъ въ 20 л.; въ 86 г. выпущ. въ вол. ком.; въ 90 г. подалъ прош. о помил. и посел. въ Читѣ Забайк. обл.; въ 900-хъ г.г. переѣх. въ Ирк.

Комовъ Алексѣй Ив., кр. Владим. г., р. 53 г. въ Влад. г.; писарь Шуйск. мѣстн. команды, конторщ. на заводѣ; ар. вперв. въ 74 г., 21 г., выпущ., снова ар. въ 77 г.; особ. пр. сен. по д. 193-хъ оправданъ; ар. въ 78 г. въ Одессѣ; Одес. в.-окр. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г. по д. 28-ми (Чубар., Лизогуб. и др.); 15 л. кат.; приб. на К. въ мартѣ 80 г.; по ман. 83 г. ср. уменьш. на 4 г.; въ 86 г. выпущ. въ вол. ком.; въ 89 г. посел. въ Як. окр.; въ 90-хъ г.г. переѣх. въ Благовѣщенскъ.

Конъ Феликсъ Яковл., *еврей*, сынъ купца, р. 64 г. въ Варшавѣ; ст. Варш. у-та; ар. вперв. въ 84 г., 20 л.; Варш. в.-окр. суд. 8—16 дек. 85 г. по д. „Пролетаріата"; 8 л. кат.; приб. на К. въноябрѣ 86 г.; въ сентябрѣ 90 г. выпущ. въ вол. ком.; въ 91 г. посел. въ Як. окр.; откуда выѣх. въ 95 г.; жилъ затѣмъ въ Ирк., Балаганскѣ и Минусинскѣ, въ 905 г. верн. въ Евр. Рос.; въ 907 г. вновь ар. въ Варш.; привлеч. къ д. и выпущенъ подъ залогъ, уѣх. за границу.

Костецкій Бреслав. Иван., *полякъ*, сынъ купца, австр. под., р. 56 г. въ Кіевѣ; ст. Кіевск. у-та; ар. въ 79 г., 23-хъ л.; Кіевск. в.-окр. суд. 12—26 іюля 80 г., по д. Мих. Попова и др.; 4 г. кат.; приб. на К. въ февр. 81 г.; въ 83 г. посел. въ Як. ок.; въ концѣ 80-хъ г.г. выѣх. въ Австрію.

Костюринъ Викт. Федор., двор., р. 53 г. въ г. Дубоссарахъ Херс. г.; ст. Одес. у-та, вольноопр. артилл.; ар. вперв. въ 77 г., бѣж. въ томъ же г. изъ-подъ стражи; вскорѣ вновь ар. въ Херсонѣ; ос. пр. сен. 15 сент. 77 г.—23 янв. 78 г. по д. 193-хъ, присужд. къ посел. въ Тоб. г.; Одесск. в.-окр. суд. 3 дек. 79 г., по д. Малинко, Дробязгина и др.; 10 лѣтъ кат.; приб. на К. 16 октября 80 г.; въ 85 г. посел. въ Якут. окр.; въ 90-хъ г.г. переѣх. въ Тобольскъ; въ 906 г. админ. высл. изъ Тобол. въ Сургутъ Томск. г. (О побѣгѣ изъ Одес. жандармскаго управл. восп. М. Фроленко. „Б." 906, 5).

Кравцовъ Вас. Христоф., крест. Волын. г., род. 48 г. въ Вол. г.; ст. Кіевск. у-та; служилъ въ Од. гор. упр.; ар. въ 78 г., 30 л.; Од. в.-ок. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28-ми (Чубар., Лизог. и др.); безсрочн. кат.;

приб. на К. въ мартѣ 80 г.; по ман. 83 г. срокъ назн. въ 10 л.; въ 86 г. выпущ. въ вол. ком.; въ 88 г. посел. въ Якут. окр.; въ 901 г. верн. въ Европ. Россію.

Кравченко Федор. Иван., од. мѣщ., р. 55 г. въ Одессѣ; рабочій кузнецъ; ар. въ 75 г., 20-ти л.; особ. пр. сен. 23—29 мая 77 г., по д. „Южн.-Рус. Раб. Союза" (Заславск. и др.); 9 л. кат.; до 13 окт. 80 г. содерж. въ Новобѣлгор. центр. кат. тюрьмѣ; приб. на К. въ февр. 82 г.; въ 83 г. посел. въ Селенгинскѣ Забайк. обл.

Красовскій Владисл. Владисл., *полякъ*, мѣщ., р. 49 г. въ Варш.; не ок. воен. гимн.; слесарь; ар. въ 79 г., 30-ти л.; Кіев. в.-ок. суд. въ іюлѣ 79 г., по д. Гобста, Предтеченскаго (пригот. бомбъ); смерт. казнь зам. безср. кат.: приб. на К. въ мар. 80 г.; по ман. 83 г. ср. кат. назн. въ 20 л.; въ 86 г. выпущ. въ вольн. ком.; по ман. 91 г. ср. сокращ. на 1 г.; посел. въ Забайк. обл.

Крецетовичъ Илья, двор., р. 47 г. въ Житомирѣ; Кіев. юнк. уч.; вольноопр., потомъ почт. чин.; ар. въ 79 г., 32 л.; Кіев. в.-окр. суд. 7—14 іюля 79 г., по д. Бильчанск., Горск. и др.; 4 г. кат.; приб. на К. въ мартѣ 80 г.; въ 83 г. посел. въ Верхоленскѣ Ирк. г.; переѣх. въ Краснояр.

Кривошеинъ Александръ Иван., двор. Херс. г., р. 59 г. въ Херс. у.; частн. реал. уч.; экз. при Од. юнк. уч.; прапорщ. 54 пѣх. Минск. полка; готов. въ Никол. морепл. юнк. классы, служ. волонт. на парох. Р. О. п. и т., плававш. въ Александрію и др. порты Средиземн. моря; въ 77 г. въ Кишиневѣ поступ. вольноопр. въ Минск. пѣх. п. 14-й див.; перепр. черезъ Дунай въ перв. эшелонѣ; прин. уч. во мног. сраж.; по собствен. жел. участв. съ пластунами въ развѣдкахъ; по пригов. роты награжденъ солд. Георгіемъ; произв. за храбр. въ прапорщ. и награж. орден. Анны 4-й ст.; ар. въ дек. 79 г., 20-ти л.; Од. в.-ок. суд. 26 марта—1 апр. 80 г., по д. 19-ти (Геллисъ, Властопуло и др.); 4 г. кат.; приб. на К. 16 окт. 80 г.; лѣтомъ 81 г. выпущ. въ вол. ком. и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ *умеръ* въ с. Усть-Кара.

Крыжановскій Никандръ, с. свящ., р. 56 г. въ Подол. г., восп. Кам.-Подол. дух. сем., ар. 26 іюня 79 г., 23-хъ л.; Кіев. в.-окр. суд. 16—20 окт. 79 г., по д. ограбл. почты и пр. (Козачковск., Шпиркан. и др.); смертн. казнь замѣн. 20 г. кат.; по дор. въ кат. 2 авг. 80 г. бѣж. изъ Ключинск. этапа (Канск. окр. Енис. г.), пойманъ 9 авг., приговоромъ суда 20-ти лѣтн. срокъ замѣн. безср. кат.; приб. на К. въ 81 г.; въ маѣ 82 г. бѣж. изъ Карійской тюр. и черезъ нѣск. дней пойманъ; въ 83 г. увезенъ въ Петроп. кр., 1 авг. 84 г. въ Шлиссельбургъ, откуда отпр. на Сахалинъ.

Кузнецовъ Алексѣй Кирил., с. купца, р. 48 г. въ Херсонѣ; ст. Петр.-Разум. ак.; ар. вперв. въ 69 г., 21 года; Спб. суд. пал. 1—15 іюля 71 г., по д. „нечаевцевъ" (Успенскій, Прыжовъ и др.); 10 л. кат.; приб. на К. 4 іюля 73 г.; въ 76 г. посел. въ Нерчинскѣ; въ 90-хъ г.г. переѣхалъ въ Читу; основывалъ музеи и библіот.; извѣст. въ Забайк. обл. какъ знатокъ края и видный культ. дѣятель; въ 906 г., во время карат. экспед. Ренненкампфа, ар., пред. воен. суду, кот. приговорилъ его къ смертной казни, замѣн. безср. каторгой.

Кузюмкинъ Михаилъ, мѣщ., р. 58 г. въ Спб.; токарь по метал., ар. въ 81 г., 23-хъ л.; Спб. в.-окр. суд. 13—14 сент. 82 г., по дѣлу убійства

Преима (Нагорный, Хохловъ); 4 г. кат.; приб. на К. въ 83 г.; по ман. 83 г. сбавл. 1/3; въ 84 г. посел. въ Забайк. обл.

Куртѣевъ Конст. Конст., с. чин., р. 53 г. въ Тавр. губ.; не оконч. гимн.; домашн. уч.; ар. въ 81 г., 28-ми л.; Од. в.-окр. суд. 3 апр. 83 г., по д. 27-ми („Стрѣл. пр."); 10 л. кат.; приб. на К. въ 83 г.; по ман. 83 г. сбавл. 1/3; въ 85 г. выпущ. въ вол. ком.; въ 87 году поселенъ въ Читѣ; переѣх. въ Благовѣщенскъ.

Левенталь Левъ Григ., *еврей*, мѣщ., р. 56 г. въ Сувалк. г.; ст. Моск. у-та; ар. въ 78 г., 22-хъ л.; Спб. в.-окр. суд. 6—14 мая 80 г., по д. уб Мезенцева (Веймаръ, Адр. Михайловъ и др.); 6 л. каторги; приб. на К. въ февр. 81 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 84 г. посел. въ Як. окр.; въ 90-хъ г.г. верн. въ Евр. Рос. и раб. въ земск. стат. бюро.

Левченко Никита Васильевичъ, мѣщ., р. 58 г. въ г. Севастополѣ; наборщикъ; ар. въ 79 г., Кіевск. в.-окр. суд. 12—26 іюля 80 г. по д. Мих. Попова и др., 15 л. кат.; приб. на К. въ февр. 81 г.; въ маѣ 82 г. бѣжалъ изъ К. тюрьмы и вскорости пойманъ; за поб. прибавл. по суду 10 л. кат.; въ сент. 90 г. переведенъ въ Акат. тюрьму; въ ноябрѣ 91 г. выпущ. въ вол. ком. на К.; по ман. 91 г. сбавл. 1/3.; въ 95 г. поселенъ въ Як. окр.; въ 900 г. переѣхалъ въ Ирк.; въ 905 г. вернулся въ Евр. Россію.

Лобановъ-Лобанчукъ Петръ Фед., мѣщ., р. 53 г. въ Кіевск. г., рабочій жестяникъ; ар. 80 г., 27 л.; Кіевск. в.-окр. суд. 25 авг. 81 г. 6 л. кат.; въ 85 г. посел. въ Баргуз. Забайк. обл.

Лозяновъ Пав. Тимоф., сынъ свящ., р. 57 г. въ Днѣпр. у. Тавр. г.; не оконч. дух. семин; ар. въ 79 г., 22 л.; Кіевск. в.-окр. суд. 12—26 іюля, по д. Мих. Попова и др.; 13 л. 4 м. кат.; приб. на К. въ февр. 81 г., ман. 83 г. не прим., въ 87 г. вып. въ вол. ком., въ 92 г. поселенъ въ Якут. окр.; въ 903 г. *умеръ* въ г. Якутскѣ.

Лукашевичъ Александръ Осип., австр. подд., р. 55 г. въ Херсонѣ; ст. Спб. технол. института, ар. въ 74 г., 19 л.; особ. пр. сен. 5 апр. 77 г., по д. 50-ти, присуж. къ посел. въ отдал. мѣста Сибири; особ. прис. сен. 15 сент. 77 г.—23 янв. 78 г., по д. 193 къ тому же наказ.; въ 78 г. посел. въ с. Тунка Ирк. г.; въ 80 г. ар. за укрыв. бѣжавш. изъ Иркутской тюрьмы Волошенко и Ирк. уѣзд. суд. присуж. къ 7 г. кат.; приб. на К. 16 окт. 80 г., ман. 83 г. не прим.; въ 85 г. посел. въ г. Мисусинскѣ Енис. губ., въ 90-хъ гг. вернулся въ Европейскую Россію. (Соб. восп.—„Былое" 1907, 3).

Лурій Александръ Григ., *еврей*, мѣщ., р. 57 г. въ Николаевѣ Херс. г.; реал. уч.; ар. въ 78 г.; Одес. в.-окр. с. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28-ми (Чубаровъ и др.), 6 л. кат.; приб. на К. въ мартѣ 80 г., въ 83 г. поселенъ въ Як. ок.; въ 90-хъ г.г. переѣх. въ Ирк.

Люри Ник. Адольф., сынъ купца, р. 57 г. въ Москвѣ; военно-инж. акад., инжен.-кап.; ар. въ 84 г., 27 л., Варш. в.-окр. с. 8—16 дек. 85 г. по д. „Пролетаріата", смер. казнь замѣнена 20 г. кат., приб. на К. въ ноябрѣ 86 г., въ сент. 90 г. вып. въ вол. ком., по ман. 91 г. сбавл. 1/3, посел. въ Читѣ, въ 900-хъ г.г. переѣх. въ Ирк.

Люстигъ Фердин. Осип., сынъ колониста Тавр. г., р. 54 г. въ Симферополѣ, ст. Спб. технол. инст., отст. прапор. кроншт. крѣп. артиллеріи, ар. въ 81 г., 27 л.; ос. прис. сен. въ февр. 82 г., по д. 20-ти (Ал-ръ Ми-

айловъ и др.), 4 г. кат.; до 83 г. содерж. въ Петроп. кр. на кат. пол.; приб. на К. въ 83 г., по ман. 83 г. сбавл. 1/3; въ 85 г. посел. въ Ирк. г.; вернулся въ Евр. Россію.

Малавскій Влад. Евген., двор., р. 53 г. въ Волынск. г., студ. Кіев. ун-та, ар. въ 77 г., 24 л. Кіевск. суд. пал. 7—9 іюня 79 г., сенат. 6 мая 80 г., по „Чигиринскому дѣлу", 20 л. кат.; въ 81 г. бѣж. изъ Краснояр. тюрьмы и пойм. вскорѣ; за поб. приб. 15 л.; приб. на К. осенью 82 г.; лѣтомъ 83 г. увезенъ въ Петроп. кр., 1 авг. 84 г. перевезенъ въ Шлиссельб., гдѣ вскорости *умеръ*.

Маньковскій Мечиславъ, *полякъ*, австр. подд., р. 62 г. въ Галиціи; столяръ; привл. къ суду въ Галиціи по соціал. дѣламъ въ 79 и 83 г.г.; ар. 10 ноября 83 г. въ Варш., 21 г.; Варш. в.-окр. суд. 8—16 дек. 85 г., по д. „Пролетаріата", 16 л. кат.; приб. на К. въ ноябрѣ 86 г.; въ сент. 90 г. перев. въ Акат. тюр.; за оскорбл. нач. тюрьмы приб. 1 г. кат.; по ман. 91 г. сбавл. 1/3; въ 92 г. перев. въ Зерент. рудникъ; посел. въ Заб. обл.; въ 906 г. уѣх. за границу.

Мартыновскій Серг. Ив., двор., р. 59 г. въ Москвѣ; Конст. межев. учил. (не оконч.), ар. въ 79 г., 20 л.; Спб. в.-окр. суд. 25—30 окт. 80 г., по д. 16-ти, 15 л. кат.; содерж. на кат. пол. въ Петроп. кр.; бѣж. 28 авг. 81 г. съ этапа подлѣ Нижнеуд., пойм. 5 окт. 81 г.; за поб. приб. 6 л. кат.; приб. на К. въ концѣ февр. 82 г.; ман. 83 г. не прим.; въ сент. 90 г. вып. въ вол. ком.; по ман. 91 г. сбавл. 1/3; посел. въ Забайк. обл.; въ 903 г. верн. въ Евр. Россію.

Матвѣевичъ Никандръ Харламп., сынъ свящ., р. 58 г. въ Бес. губ., ст. Од. ун-та, ар. 81 г., 23 л.; Од. в.-окр. суд. 3 апр. 83 г., по д. 27-ми („Стрѣльник. проц.") 15 л. кат., приб. на К. въ 83 г., по ман. 83 г. сбавл. 6 л.; вып. въ вол. ком. въ 85 г.; въ 88 г. посел. въ Ср.-Колымскѣ, въ 94 г. переѣх. въ Якутскъ.

Майеръ Сам. Владим., *еврей*, мѣщ., р. 57 г. въ Одессѣ, Одес. ком. учил. (не оконч.); ар. въ 80 г., 23 л.; Од. в.-окр. суд. 3 апр. 83 г., по д. 27-ми („Стрѣльник. проц."), безсрочн. кат.; приб. на К. въ 83 г.; по ман. 83 г. назн. ср. въ 20 л.; вып. въ вол. ком. въ сент. 90 г.; по ман. 91 г. сбавл. 1 г.; перев. въ Акат. въ 98 г.; въ 99 посел. въ Баргуз. Заб. обл.; въ 906 г. верн. въ Евр. Россію.

Медвѣдевъ Алексѣй Федор., мѣщ., род. 52 г., уѣздн. учил., почтал., конторщ., ар. 2 іюля 78 г., 26 л.; Хар. в.-окр. суд. 21 февр. 79 г., по д. попытки освоб. Войнаральскаго, препровождавшагося въ центр. каторж. тюрьму; см. казнь замѣн. безср. кат.; содер. „подъ больш. секретомъ" въ Тоб. кат. тюрьмѣ, потомъ въ Омской и въ Петроп. кр. до 85 г.; приб. на К. въ 85 г.; въ 88 г. вып. въ вол. ком.; по ман. 91 г. выш. на поселеніе въ Читу.

Медвѣдевъ Эман. Бор., *еврей*, мѣщ., р. 58 г. въ Николаевѣ Херс. г., раб.-маляръ, ар. въ 78 г., 20 л.; Од. в.-окр. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28 (Чубаровъ, Лизогубъ и др.); 20 л. кат.; приб. на К. въ мартѣ 80 г., по ман. 83 г. кат. замѣн. поселеніемъ; посел. въ 84 г. въ Забайк. обл.

Мельниковъ Павелъ, мѣщ., р. 58 г. въ Спб.; Спб. комм. учил. (не оконч.), ар. 13 ноябр. 81 г., 25 л. Спб. в.-ок. суд. 8 янв. 82 г., по д. по-

куш. на Черевина 20 л. кат.; приб. на К. въ 83 г., под. прош. о помил. въ 88 г. и въ 89 г. посел. въ Амурск. обл.

Минаковъ Егоръ Ив., сынъ чиновн., р. 10 апр. 54 г. въ Одессѣ; ст. Од. ун-та; ар. впервые 9 февр. 79 г., 25 л.; Од. в.-окр. суд. 26 іюня 79 г. по д. покуш. на убійство Гоштовта пригов. къ 12 г. кат.; Од. в.-окр. суд. 26 марта—1 апр. 80 г., по д. 19-ти срокъ кат. увеличенъ до 20 л.; по дор. въ кат. бѣж. изъ Ключинскаго этапа (Канск. окр. Енисейск. г) 2 авг. 80 г., пойманъ 9 авг. того же года; срокъ кат. увелич. до безсрочнаго, приб. на К. въ февр. 81 г.; въ ночь на 11-е мая 82 г. бѣж. изъ Кар. тюрьмы, пойманъ на друг. день; лѣтомъ 83 г. перев. въ Петроп. кр., а 1 авг. 84 г. въ Шлиссел., гдѣ *разстрѣлянъ* 21 сент. 84 г. за оскорб. тюр. врача.

Мирскій Леонъ Филип., *полякъ*, двор., р. 58 г. въ Кіевск. губ., ст. мед.-хир. акад.; ар. впервые въ 78 г., 20 л., и заключ. въ Кіевск. т., перевед. въ Петроп. кр., откуда въ янв. 79 г. освобожденъ; ар. 6 іюня 79 г. въ Таганрогѣ. Спб. в.-окр. суд. 15—17 ноября 79 г., по д. покуш. на убійство ген. Дрентельна и вооруж. сопрот. при арестѣ; см. казнь замѣнена безср. как.; до 84 г. содерж. въ Алекс. равелинѣ Петроп. кр.; приб. на К. въ 84 г., ман. 83 не примѣн.; выпущ. въ вол. к. въ сент. 90 г.; ман. 91 г. не примѣн.; по ман. 94 г. поселен. въ Забайк. обл.; въ 906 г. карат. эксп. Ренненкампфа, какъ редакторъ газ. въ Верхнеуд., былъ пригов. къ см. казни, кот. замѣн. безср. каторгой.

Михайловъ Адріанъ Фед., сынъ чин., р. 53 г. въ Ставр. г., ст. Моск. ун-та; ар. вперв. въ 78 г., 25 л., Спб. в.-окр. суд. 14 мая 80 г., по д. убійства шефа жанд. Мезенцева; см. казнь замѣн. 20 г. кат.; содержался въ Петроп. кр. на кат. пол.; приб. на К. въ апр. 82 г.; ман. 83 г. не прим.; вып. въ в. к. въ сент. 90 г.; ман. 91 г. не прим.; по ман. 94 г. посел. въ Заб. обл.; въ 906 г. карат. эксп. Ренненкампфа въ Читѣ приг. къ 1 г. тюр. закл., какъ сотр. газеты; въ 907 г. верн. въ Евр. Р.

Мозговой Петръ Ив., сынъ чин., р. 51 г. въ Донск. об., ст. Хар. вет. ин-та; сельс. писарь; ар. въ 76 г., 25 л., Отд. Хар. суд. пал. въ Урюп. станицѣ 20 апр. 79 г., по д. Зубриловыхъ; 4 г. кат.; приб. на К. въ 80 г.; въ 83 г. посел. въ Ирк. г., переѣх. въ Томскъ.

Мышкинъ Ипполитъ Ник., солд. сынъ, р. въ 48 г. въ Новгор. г.; школа воен. топогр., экзам. на дом. учителя; правит. стенографъ; ар. вперв. въ 76 г., 28-и л., близъ Вилюйска Як. обл., при попыткѣ освоб. Чернышевскаго. Ос. прис. сен. 15 сент. 77 г.—23 янв. 78 г., по д. 193-хъ; 10 л. к.; до 13 окт. 80 г. содерж. въ Бѣлгор. и Борисоглѣб. центр. кат. тюр.; приб. на К. въ концѣ февр. 82 г.; въ маѣ 82 г. бѣж. изъ Кар. т. и ар. во Владивостокѣ; за произн. рѣчи въ Ирк. тюр. церкви при погреб. Дмоховскаго и за побѣги приб. 21 г. кат.; лѣт. 83 г. перев. въ Петроп. кр., 1 авг. 84 г. въ Шлис., 15 янв. 85 г. воен. суд. въ Шлис. присужд. къ разстрѣлянію за „насиліе, учиненное надъ мѣстн. жанд. начальникомъ"; *казненъ* 26 янв. 85 г. (О пребыв. на К. и въ Шлис.—восп. М. Р. Попова—„Былое" 906. 2; тамъ же портретъ И. Н. Мышкина. „Былое" 1906 г. 11—„Движ. 70-хъ гг. по Больш. пр." Старика).

Нагорный Осипъ Ив., каз. Полт. г., р. 57 г.; вольносл. Спб. ун-та ар. 81 г. 24-хъ л.; Спб. в.-окр. суд. 13—14 сент. 82 г., по д. уб. Прейма;

см. казнь замѣн. безср. кат.; сод. въ Петроп. кр. на кат. пол.; приб. на К. въ 83 г.; ман. 83 г. не прим.; въ сент. 90 г. перев. въ Акат. т.; въ янв. 91 г.—въ Зерент. т.; по ман. 91 г. безсрочн. кат. замѣн. 20-ти лѣтней; въ 99 г. поселенъ въ Забайк. обл.; переѣх. въ Ирк.

Надѣевъ Никол. Александ., мѣщ., р. 60 г. въ Одессѣ; уѣздн. учил.; ар. впервые въ 79 г., 19 л., Од. в.-окр. суд. 26 мар.—1 апр. 80 г., по д. 19-ти къ 6 м. тюр. закл., ар. въ 81 г.; Од. в.-окр. суд. 3 апр. 83 г., по д. 27 („Стрѣльник. проц.") 8 л. кат.; приб. на К. въ 84 г.; по ман. 83 г. сбавл. $1/3$; вып. въ в. к. въ 85 г.; въ 86 г. посел. въ Як. окр., переѣх. въ Ирк. губерн.

Никитинъ Петръ, сынъ псаломщ., р. 48 г. въ Сарат. г.; не оконч. дух. учил.; матр. Черном. фл., ар. въ 78 г., 30 л., Од. в.-окр. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28 (Чубар., Лизог. и др.) 8 л. кат.; приб. на К. въ мар. 80 г.; по ман. 83 г. въ 84 г. посел. въ Забайк. обл.

Николаевъ Никол. Никол., мѣщ., р. 52 г. въ Москвѣ; ар. вперв. въ 69 г., 17 л., Спб. суд. пал. 1—15 іюля 71 г., по д. Нечаевцевъ (Успенскій, Прыжовъ и др.) 7 л. 4 м. кат.; приб. на К. 4 іюля 73 г.; въ 77 г. посел. въ Верхоянскѣ Як. об.; въ 80-хъ гг. переѣх. въ Амур. обл.

Новицкій Митроф. Эдуард., двор., р. въ 54 г. въ Харьк. г.; Хар. вет. ин-тъ (не оконч.); ар. вперв. въ 75 г., 21 г. и вып. подъ надзоръ; ар. въ 82 г. въ Москвѣ; пыт. бѣж. изъ Сарат. т., В.-окр. суд. въ Сарат. покуш. на поб. изъ т. и убійство тюр. надзир. (д. Новицк. и Поливанова), см. казнь замѣн. 12 г. кат.; приб. на К. 83 г.; по ман. 83 г. сбавл. $1/3$; въ янв. 85 г. вып. въ в. к.; въ 88 г. за столкнов. съ карауломъ закл. на 1 г. въ т.; въ 89 г. посел. въ Як. окр.; по ман. 91 г. возврат. въ 95 г. въ Евр. Р.

Обнорскій Викторъ, мѣщ., р. 52 г. въ Волог. г.; уѣздн. учил.; слесарь; разыскив. по д. 193; ар. въ началѣ 79 г., 27 л., Спб. в.-ок. суд. 11 іюня 80 г.; обв. въ принадл. къ Сѣв. рус. раб. союзу; 10 л. кат.; приб. на К. въ февр. 81 г.; по ман. 83 г. сбавл. $1/3$; въ 84 г. посел. въ Забайк. об.

Овчинниковъ Александръ Семен., куп. внукъ, р. 61 г. въ Кіевѣ; ар. въ 79 г., 18 л.; Кіевск. в.-ок. суд. 7—14 іюля 79 г., по д. Бильчанскаго, Горскаго и др.; см. казнь замѣн. 20 л. кат.; за содѣйств. побѣгу заключ. изъ Ирк. т. прибав. 1 г.; приб. на К. въ мартѣ 80 г.; въ 86 г. выдалъ администраціи остатки подкопа 82 г. изъ тюрьмы, перев. въ Алекс. центр. т.; въ 88 г. посел. въ Як. об.

Опришко Григор., крест., р. 48 г. въ Хер. г., отст. унт.-офиц., штундистъ; ар. въ 78 г., 30 л. въ Николаевѣ Хер. г.; Од. в.-окр. суд. въ 78 г. за распростр. революц. изд.; 10 л. кат.; до 79 г. содерж. въ Андр. центр. кат. т.; приб. на К. въ 80 г.; *умеръ* въ Кар. т. лаз. въ 82 г.

Орловъ Пав. Александр., сынъ чин., р. 56 г.; уч. въ Оренб. гимн.; ар. въ 74 г., 18 л., особ. прис. сен. по д. 193, 23 янв. 78 г. оправданъ; ар. въ томъ же году въ Спб. за пропаг. среди раб. на Новой бумагопряд., высл. въ Архан. губ., откуда вскорѣ бѣж.; ар. въ февр. 79 г. въ Кіевѣ, при воор. сопр. на Жилянск. ул., Кіевск. в.-ок. суд. 7 мая 79 г. 8 л. кат. Въ Ирк. г. на этапѣ обмѣн. именемъ съ уголовн. и выш. на посел.; вскорѣ вновь ар. и за обмѣнъ именемъ приб. 5 л. кат.; приб. на К. въ февр. 81 г.; въ маѣ 82 г. увез. въ Петроп. кр., откуда въ 84 г. возвр. на К.

ман. 83 г. не прим.; въ 87 г. посел. въ Як. окр.; въ ночь подъ 1 янв. 90 г. *убитъ* съ цѣлью ограбл. подлѣ г. Якутска.

Осиповъ Александръ Осип., крест. Спб. г., р. 51 г., раб. ткацк. фабр.; ар. въ 75 г., 24 л., въ Спб. особ. прис. сен. въ 76 г. 9 л. кат.; до окт. 80 г. содерж. въ Новобѣлгор. централкѣ; приб. К. въ концѣ февр. 82 г.; въ 83 г. посел. въ Як. окр.

Осмоловскій (*Савченко*) Григор. Фед., сынъ почтов. чин., р. 58 г. въ Херс.; гимн. и Херс. учит. семин.; почт. чин., суфл. въ провинц. труппахъ; сельск. учитель въ Кишин. и Бендерск. уѣздахъ; ар. 25 апр. 79 г., 21 г., въ мѣст. Каушаны Бенд. у. Бесс. г. Од. в.-окр. суд. 26 мар.— 1 апр. 80 г., по проц. 19-ти (Геллисъ, Минаковъ и др.) 15 л. кат.; приб. на К. 16 окт. 80 г.; по ман. 83 г. ср. кат. сокр. до 12 л.; 27 дек. 87 г. вып. въ в. к.; въ янв. 90 г. посел. въ Як. окр.; въ сент. 900 г. верн. въ Евр. Р. (Соб. восп. о К.—„Былое“ 906, 6: „Карійская трагедія“).

Оссовскій Степанъ, крест. Бес. г., р. 60 г., уч. въ уѣздн. учил.; кузнецъ; ар. въ 83 г. въ Кіевѣ, 23 л.; сосл. на житье въ Томск. г., гдѣ ар. вновь и осужд. на 6 л. кат.; за поб. изъ Ирк. т. приб. 1 г. кат.; приб. на К. въ 88 г.; въ сент. 89 г. под. прош. о помил.; выдалъ адм. способы переписки т. съ волей. Посел. въ Томскѣ, гдѣ сталъ нищимъ.

Пашковскій Титъ Ильичъ, двор., р. 57 г., апт. учен.; ар. въ 87 г., 30 л., въ Вильнѣ; особ. прис. сен. 19 апр. 87 г., по д. приготовл. къ покуш. на жизнь Ал. III; 10 л. кат.; приб. на К. въ 88 г.; въ сент. 90 г. вып. въ в. к., ман. 91 г. не прим.; въ 93 г. посел. въ Як. окр., гдѣ въ 94 г. *застрѣлился.*

Петровъ Никол. Никол., двор., р. 51 г., учил. въ Кіевск. гимн., оперн. хористъ; ар. въ 80 г., 29 л., въ Харьковѣ; Кіевск. в.-окр. суд. 12—26 іюля 80 г. (по д. Мих. Попова, Игн. Ив. и др.) 4 г. кат.; приб. на К. въ февр. 81 г.; въ 84 г. поселенъ въ г. Троицкосавскѣ Забайк. обл.

Позенъ Веніам. Павл., сынъ харьк. купца, р. 60 г.; хар. гимн., ар. въ 79 г., 19 л., въ Кіевѣ; Кіевск. в.-ок. суд. 12—26 іюля 80 г. (по д. Мих. Попова, Игн. Ив. и др.) 7 л. кат.; приб. на К. въ февр. 81 г.; по ман. 83 г. возвращ. права, въ 84 г. уѣх. въ Евр. Р.

Позенъ Никол. Павл., сынъ хар. купца, р. 50 г.; ст. ун-та, сельск. учитель; ар. въ февр. 79 г., 29-и л., въ Кіевѣ, при вооруж. сопрот. на Жилянск. ул.; Кіевск. в.-окр. суд. 7 мая 79 г. 14 л. 10 м. каторги; въ янв. 80 г. бѣж. изъ Ирк. т.; за поб. приб. 14 л. 2 м.; приб. на К. въ ноябрѣ, 80 г.; ман. 83 г. не прим.; въ маѣ 90 г. под. прош. о помил. и посел. въ Забайк. обл.; въ 900-хъ гг. вернулся въ Евр. Р.

Поповъ Мих. Родіон., сынъ свящ., р. 14 ноября 51 г. въ Донск. обл.; ст. мед.-хир. ак.; ар. въ Кіевѣ 22 февр. 80 г., 29 л.; Кіевск. в.-ок. суд 12—26 іюля 80 г., по д. Игн. Ив. и др. см. казнь замѣн. безср. кат.; приб на К. въ февр. 81 г.; въ маѣ 82 г. увез. въ Петроп. кр. (Алексѣев. равелинъ), откуда 1 авг. 84 г. въ Шлисс., выпущ. въ окт. 1905 г. и поселенъ въ Рост.-на-Дону. (Соб. восп.—„Былое“ 907, 5, 7).

Поповъ Моисей, тур. подд., р. 55 г.; рѣзчикъ по дереву; ар. въ 81 г., 26 л., въ Одессѣ; Од. в.-ок. суд. 3 апр. 83 г., по д. 27 („Стрѣльн. проц.“) безсрочн. кат.; приб. на К. въ 83 г.; по ман. 91 г. срокъ сокр. до 10 л., въ сент. 90 г. выпущ. въ вол. к.; посел. въ Читѣ Забайк. об.

Пойко Григор. Анфимов., сынъ свящ., р. 12 апр. 52 г. въ Куб. обл., Ставроп. дух. сем., Петр.-Разум. акад., Одес. ун-тъ; ар. въ авг. 78 г., 26 л., въ Одессѣ; Од. в.-ок. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28 (Чубаровъ, Лизогубъ и др.) безсрочн. кат.; въ февр. 80 г. бѣж. изъ Ирк. т. и скоро б. пойм. въ Ирк. окр.; за поб. пригов. къ приков. къ тачкѣ на 3 г. и къ содерж. въ разр. испытуемыхъ въ теченіе 20 л.; приб. на К. 16 окт. 80 г.; *умеръ* въ Кар. т. 20 мар. 85 г. (Біографія, сост. Р. А. Стеблинъ-Каменскимъ—„Былое" 907, 5; тамъ же портретъ Г. А.).

Преображенскій Алексѣй Ив., сынъ свящ., род. 52 г. въ Курск. г., ст. Хар. ун-та; ар. въ 81 г., 29 л., въ Кіевѣ; Кіев. в.-ок. суд. 26—29 мая 81 г., по д. Щедрина, Ковальской и др.; см. казнь замѣн. безср. кат.; приб. на К. въ февр. 82 г.; по ман. 83 г. срокъ кат. сокращ. до 20 л., по ман. 91 г. еще на 1 г.; въ сент. 90 г. вып. въ в к.; въ 96 г. посел. въ Читѣ, въ 900 переѣх. въ Ирк., гдѣ *умеръ* въ 902 г.

Прибылевъ Александръ Васил., сынъ протоіерея, р. 57 г. въ г. Камышловѣ Перм. г.; Екатеринб. и Пермск. гимназіи; мед.-хир. акад. по ветер. отдѣлу; вет. врачъ; ар. 5 іюня 82 г., 25 л., въ Спб.; ос. прис. сен.; 25 апр. 83 г., по д. 17 террористовъ; 15 л. кат.; приб. на К. въ 84 г.; по ман. 83 г. срокъ сокр. до 10 л.; въ сент. 90 г. вып. въ в. к.; въ янв. 92 г. посел. въ Читѣ, переѣх. въ Благовѣщенскъ; въ 900-хъ гг. верн. въ Евр. Р. (Соб. восп. о проц. 17-ти—„Былое" 906, 11).

Рехневскій Ѳаддей Юльев., *полякъ*, двор. р. 62 г.; конч. юрид. фак. Спб. ун-та; ар. въ 84 г., 22 л., въ Кіевѣ; Варш. в.-ок. суд. 8 — 16 дек. 85 г. по д. „Пролетаріата"; 14 л. кат.; приб. на К. въ н. 86 г.; въ сент. 90 г. вып. въ в. к.; по ман. 91 г. срок. сокр. на 1/3; посел. въ Заб. обл., переѣх. въ Ирк., гдѣ въ 906 г. б. ар. за участ. въ митингахъ; верн. въ Евр. Р.

Ровенскій Пав. Владим., *еврей*, Бердян. мѣщ., р. 50 г., ст. Хар. вет. ин-та; ар. въ 78 г., 28 л., за участ. въ ст. безпор. и высл. на родину; вновь ар. въ 81 г. въ Харьковѣ. Од. в.-ок. суд. 3 апр. 83 г., по д. 27 („Стрѣльник. проц.") 10 кат.; приб. на К. въ 84 г.; по ман. 83 г. сбавл. 1/3 срока; въ 86 г. вып. въ в. к.; въ 87 г. посел. въ Як. окр.; въ 93 г. переѣх. въ Томск. губ., потомъ въ Харбинъ, гдѣ въ 906 г. за уч. въ освоб. движ. Рененкампфомъ осужд. на безср. кат.

Рогачевъ Дмитр. Мих., пот. двор. Орл. г., р. 51 г., поруч. артил. въ отст.; артил. учил. въ Спб.; ар. въ 73 г., 22 л., въ Твер. губ., бѣжалъ отъ конвоя, ар. вновь въ 76 г., ос. пр. сен. 15 сент. 77 г.—23 янв. 78 г. по д. 193-хъ, 10 л. кат.; до окт. 80 г. содерж. въ Новоборисогл. центр. т.; на Кару приб. въ концѣ февр. 82 г.; *умеръ* въ Кар. т. 13 янв. 84 г. (О немъ—„Былое" 906 г., 11—„Движ. 70-хъ гг. по Больш. проц." Старика, портр. въ „Быломъ"—906, 11).

Родинъ Петръ Алексѣев., крест. Самар. г., р. 59 г., уч. въ Сам. гимн.; ар. въ 76 г., 17 л., въ Казани и отд. подъ надз. родителей; вновь ар. въ 78 г. въ Рост.-на-Д.; Хар. в.-ок. суд. 6 іюля 79 г. по д. попытки освоб. Фомина (А. Медвѣдева) изъ Хар. т., безср. кат.; по пути въ кат., въ Ирк. т., парализ. правая стор. тѣла; приб. на К. въ мартѣ 80 г.; въ янв. 81 г. *отравился* фосфорн. спичками.

Родіоновъ Иванъ, сынъ жанд. унт.-офиц., р. 61 г.; уч. въ Кіевск.

гимн.; ар. въ маѣ 79 г., 18 л.; Кіевск. в.-ок. суд. 23 февр. 80 по д. расклейки проклам. на ст. ж. д.; 6 л. кат., приб. на К. въ февр. 81 г.; въ 86 г. посел. въ Якутскомъ окр., въ 94 г. возвращ. въ Евр. Р.

Рыбицкій Ив., неизв. происхожд., р. 42 г., ар. въ 75 г., 33 л., въ Одессѣ; особ. прис. сен. 29 мая 76 г., по д. Юж.-рус. раб. союза въ Одессѣ („Кружокъ Заславскаго") 5 л. кат.; до окт. 80 г. содерж. въ Борисогл. центр. тюрьмѣ; приб. на К. въ концѣ февр. 82 г.; въ 83 г. посел. въ Як. окр., откуда скрылся въ 99 г.

Санковскій Никол., Бр.-Лит. мѣщ., р. 51 г.; уч. въ Бѣльск. прогимн.; б. вол.-опр. въ пѣх. полку и „за важн. прост. пр. дисциплины" осужд. на 1 г. т. закл.; б. волонт. въ Черногоріи въ 76 г.; ар. 13 нояб. 81 г., 30 л. Спб. в.-ок. суд. 8 янв. 82 г.,—пок. на жизнь Черевина; см. каз. замѣн. безср. кат.; приб. на К. въ 83 г.; ман. 83 г. не прим.; въ сент. 90 г. перев. въ Акат. т., гдѣ *отравился* 17 ноября 90 г.

Сарычевъ Гордѣй, крест., р. 51 г., пѣх. солд., городовой; ар. вперв. въ 77 г., 26 л., суд. в.-ок. суд., по д. воен. револ. кружка (проц. Фомичева и др.), оправданъ; вновь ар. въ 83 г. Од. в.-ок. суд. 3 апр. 83 г., по д. 27-и („Стрѣльник. проц."), 6 л. кат.; приб. на К. въ 83 г., по ман. 83 г. сбавл. $^1/_3$; въ 85 г. посел. въ Як. окр., гдѣ *умеръ* въ 80 гг.

Свитычъ Владим. Стан., *полякъ*, двор., р. 52 г.; уч. Могил. гимн.; в.-опред. пѣх. полка; ар. въ 77 г., 26 л., въ Очаковѣ; бѣж. изъ Херс. т.; ар. 30 янв. 78 г. въ Одессѣ, при воор. сопрот., во время ар. раненъ; Од. в.-ок. суд. 19—24 іюля 78 г., по д. Ив. Ковальскаго и др.; 8 л. кат.; до 11 ноября 80 г. содерж. въ Бѣлгор. центр. кат. т.; приб. на К. въ концѣ февр. 82 г.; ман. 83 не прим.; въ 83 г. посел. въ Як. окр.; въ 90-хъ гг. переѣхалъ въ Иркутскъ, потомъ во Владивостокъ; въ 900-хъ г.г. верн. въ Евр. Р. (Восп. Виташ-скаго о вооруж. сопрот. и судѣ—„Былое" 906, 2).

Семяновскій Евг. Степ., двор., сынъ врача, р. 50 г., канд. прав. Спб. ун-та; ар. въ 75 г., 25 л.; особ. пр. сен. въ окт. 75 г., д. о револ. пропаг. въ войскахъ; 12 л. кат.; приб. на К. въ 77 г., въ 79 г. выпущ. въ вол. к.; въ концѣ 80 г. послѣд. распор. Лорисъ-Меликова всѣхъ наход. ьъ в. к. заключ. въ т.; по объявл. этого распоряж. Семяновскій въ ночь на 1 янв. 81 г. *застрѣлился.* (Портр. въ „Былое" 906, 11; восп. о немъ С. Богданова—„Былое" 906 г. 11 и „Рус. Мысль" 907, 9—С. Синегуб. „Восп. чайковца").

Синегубъ Серг. Сил., двор. Екатериносл. г., р. 51 г., ст. Спб. у-та, ар. въ 74 г., 23 л., въ Спб.; ос. пр. сен. 15 сент. 77 г.—23 янв. 78 г., по д. 193-хъ 8 л. кат.; приб. на К. осенью 78 г.; въ 79 г. выпущ. въ в. к.; въ 80 г. посел. въ Читѣ; переѣх. въ Благовѣщ., потомъ въ Томскъ; въ окт. 907 г. *умеръ* отъ разр. сердца въ Томскѣ. (Соб. восп. „Былое" 906, 8, 9 10 и „Рус. Мысль" 907, 9—„Восп. чайковца"; портр. въ „Былое" 906, 9).

Сиряковъ Алексѣй Ив., сын. свящ., р. 54 г. въ Волог. губ.; ст. Спб. у-та; ар. въ 75 г., 21 г., въ Спб.; ос. пр. сен. 17 іюля 75 г., д. Дьякова и др., пропаг. среди фабр. раб.; 6 л. кат.; до 13 окт. 80 г. содерж. въ Новобѣлгор. центр. кат. т.; приб. на К. въ концѣ февр. 82 г.; въ 82 г. отправл. на посел., обысканъ и задерж. въ Верхнеуд., нанесъ оскорбл. полиц. чин., за что содерж. въ т.; въ 83 г. поселен. въ Як. ок.; въ 91 заболѣлъ психически, выздоровѣлъ и въ 93 г. верн. въ Ев. Р.

Союзовъ Ив. Осип., крест. Моск. г. Дмитр. у., Мороз. в., д. Шелковой, р. 52 г., столяръ; ар. въ 76 г., 24 л., въ Харьковѣ; ос. пр. сен. 15 сен. 77 г.—23 янв. 78 г., по д. 193-хъ; 9 л. кат.; приб. на К. въ 78 г., вып. въ в. к. въ 79 г.; 1 янв. 81 г. по распор. Лорисъ-Меликова вновь закл. въ Кар. т.; въ 82 г. посел. въ Читѣ; въ 904 г. *убитъ* въ Читѣ, на улицѣ ночью съ цѣлью ограбленія.

Спандони Басманджи Афан. Афан., сынъ купца, р. 53 г. въ Одессѣ; частн. Од. гимн.; ар. вперв. въ 78 г., 25 л., въ Одес. и высл. въ Волог. губ.; скоро верн. въ Одессу, б. ар. и высл. въ Верхоленскъ Ирк. г.; въ 81 г. вернул. сперва въ Кіевъ, потомъ въ Одессу, гдѣ въ дек. 83 г. б. ар. по д. тайной (Дегаевской) типографіи; Спб. в.-ок. суд. 28 сент. 84 г., по д. В. Фигнеръ и др.; 15 л. кат.; приб. на К. въ маѣ 86 г.; въ сент. 90 г. перев. въ Акат. т.; выпущ. въ в. к. въ ноябрѣ 91 г.; по ман. 91 г. сбавл. $^1/_3$; въ 94 г. посел. съ Селенгинскѣ Заб. обл.; въ 96 г. переѣх. въ Верхнеуд. той же обл., потомъ въ Читу; въ 902 переѣх. въ Кишиневъ, затѣмъ въ Одессу; въ іюлѣ 905 г. высл. изъ Од. въ Вологду, откуда верн. въ Од. въ окт. того же года; въ ночь съ 14 на 15 окт. 906 г. *умеръ* скоропост. отъ парал. сердца (Портр. въ „Былое" 906, 11, тамъ же некрологъ, сост. Н. Л. Геккеромъ; соб. восп.—„Былое" 906, 5).

Старынкевичъ Ив. Юльев., сынъ ген.-маіора, р. 62 г.; студ. Моск. ун-та; ар. въ 81 г., 19 л.; Моск. в.-ок. суд. 30 іюня 81 г., перед. проклам. брату-гимназисту; 20 л. кат.; приб. на К. въ концѣ февр. 82 г.; ман. 83 г. не прим.; въ сент. 90 г. вып. въ в. к.; по ман. 91 г. сбавл. $^1/_3$; въ 94 г. посел. въ Заб. об., гдѣ служ. при постр. ж. д.; въ 902 г. верн. въ Евр. Р., въ Сарат., гдѣ скоро б. ар. и прос. въ т. 8 м.; переѣх. въ Кіевъ, гдѣ тоже б. ар.; въ 906 г. уѣх. за гран.

Стеблинъ-Каменскій Ростисл. Андр., двор., р. 58 г. въ Полт. г.; Полт. гимн., Хар. вет. ин-тъ; будучи гимн. привлек. къ дознан. по полит. д. въ 75—76 гг. и потомъ по д. 193-хъ; б. подвергн. 5 м. тюр. закл. и 1 м. по пригов. суда; ар. въ февр. 79 г. въ Кіевѣ, при вооруж. сопрот. на Жилянск. ул.; Кіевск. воен.-ок. суд. 7 мая 79 г., по д. Брантнера, Ивилевичей и др.; 10 л. кат.; приб. на К. въ мартѣ 80 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 85 г. посел. въ Як. ок.; въ 93 г. переѣх. въ Ирк., гдѣ *застрѣлился* лѣтомъ 94 г.

Стефановичъ Яков. Вас., сынъ свящ., р. 53 г. въ Черниг. губ.; ст. Кіевск. у-та; 75 г. искл. изъ у-та за участ. въ безпор.; разыск. по д. 193-хъ и по „Чигиринск. д."; ар. вперв. въ 77 г. въ Полт. г.; въ 78 г. бѣж. изъ Кіев. т. вмѣстѣ въ Дейчемъ и Бохановскимъ; жилъ за гран.; ар. въ 82 г. въ Москвѣ; ос. прис. сен. 28 мар.—25 апр. 83 г., по д. 17 террор. 8 л. кат.; приб. на Кару въ 83 г.; по ман. 83 г. сбавл. $^1/_3$; въ 91 посел. въ Як. ок.; въ 95 г. переѣх. въ Ирк.; въ 903 верн. въ Евр. Р.

Студзинскій Эдмундъ Ив., *полякъ*, двор., р. 53 г.; Житомир. гимн.; суфлеръ въ провинц. драм. труппахъ; ар. въ 78 г., 25 л., въ Одессѣ; Од. в.-ок. суд. 19—24 іюля 78 г., по д. Ив. Ковальскаго и др.; 4 г. кат.; до 13 окт. 80 г. содерж. въ Новобѣлгор. центр. кат. т.; приб. на К. въ концѣ февр. 82 г.; въ 84 г. посел. въ Як. ок.; въ 95 г. переѣх. въ Ирк.; верн. въ Евр. Р. (Восп. Виташ-го о вооруж. сопр. и судѣ—„Былое" 906, 2).

Сухомлинъ Вас. Ив., двор. Полт. г., р. 60 г. въ Одессѣ; гимназ.;

ар. въ 84 г., 24 л., въ Полт. г.; Спб. в.-ок. суд. 4 іюня 87 г., д. Г. Лопатина и др.; 15 л. кат.; приб. на К. въ 89 г.; вып. въ в. к. въ сент. 90 г.; по ман. 91 г. сбавл. $^1/_3$; въ 95 г. посел. въ Забайк. об.; переѣх. въ Ирк.; въ 900-хъ гг. верн. въ Ев. Р.; въ 906 г. б. ар. въ Спб.

Тарховъ Юрій Александр., двор. Нижегор. г., р. 53 г.; Нижег. воен. гимн. и Конст. в. училище; прапор. артилл.; ар. 6 іюня 79 г., 26 л., въ Таганр.; Спб. в.-ок. суд. 15 — 17 ноября 79 г., д. Мирскаго (покуш. на Дрентельна) 10 л. кат.; приб. на К. въ 80 г.; по ман. 83 г. сбавл. $^1/_3$; въ 84 г. посел. въ Заб. об.; верн. въ Ев. Р.

Тевтулъ Ив. Ильичъ, Од. мѣщ., р. 51 г.; зол. д. мастеръ; ар. въ 76 г., 25 л., въ Одессѣ; ос. прис. сен. въ 76 г., д. Терентьева и Тевтула, револ. пропаг.; 10 л. кат.; приб. на К. 27 сент. 77 г.; вып. въ в. к. въ 79 г. и вновь заключ., по расп. Лор.-Меликова, 1 янв. 81 г.; въ 83 г. посел. въ Як. ок.; въ 93 г. *умеръ* въ Як. гор. больницѣ.

Терентьевъ Мих. Демент., сынъ чин., р. 53 г.; нар. уч. въ Одес.; ар. въ 75 г., 22 л., въ Одессѣ; ос. прис. сен. въ 76 г., д. Терен., Тевтула, рев. проп.; 9 л. кат.; приб. на К. осенью 77 г.; вып. въ в. к. въ 79 г. и вновь закл., по расп. Лор.-Меликова, 1 янв. 81 г.; въ 81 г. лѣтомъ посел. въ Заб. об.; верн. въ 80-хъ г.г. въ Ев. Р.

Тихоновъ Як. Тихон., крест. Смол. г., р. 51 г.; ткачъ; ар. въ 79 г., 28 л.; Спб. в.-ок. суд. 25—30 окт. 80 г., по д. 16 террор.; смерт. казнь замѣн. безср. кат.; приб. на К. въ 82 г., въ 83 г. *умеръ* въ Кар. тюрьмѣ.

Тищенко (Березнюкъ) Ив. Ив., кр. Днѣпр. у. Тавр. г., р. 45 г., матр. Черном. воен. фл.; ар. въ 78 г., 33 л., въ Харьк.; Хар. в.-ок. суд. 6 іюня 79 г., д. попытки освоб. Фомина изъ Хар. т. (Ефремовъ и др.); безср. кат.; въ февр. 80 г. бѣж. изъ Ирк. т. и вскорѣ б. пойм. въ Ирк. окр.; за поб. пригов. къ приков. къ тачкѣ на 3 г. и прибавл. 2 г. къ сроку испытанія; приб. на К. 16 окт. 80 г.; ман. 83 г. не прим.; въ сент. 90 г. перевед. въ Акат. т.; въ 95 г. посел. въ Читѣ.

Трощанскій Вас. Филип., сынъ чин., р. 7 марта 46 г. въ г. Оргѣевѣ Бес. г.; Кишин. гимн., техн. и-тъ, ар. впер. въ 67 г. и Спб. суд. пал. къ 1 г. т. закл. за составл. прокл.; по отб. ср. закл. въ 68 г. вскорѣ высл. въ Вятку, перев. подъ надз. сперва въ Курскъ, потомъ въ Орелъ, за „вредное вліяніе“ на учащуюся молодежь высл. въ Пинегу, потомъ въ Холмогоры, откуда бѣж. въ 78 г.; ар. въ 78 г. въ Спб.; Спб. в.-ок. суд. 6—14 мая 80 г., по д. убійства Мезенцева 10 л. кат.; приб. на К. въ апр. 82 г.: вып. въ в. к. въ янв. 85 г.; въ 86 г. посел. въ Як. ок., гдѣ *умеръ* 25 янв. 98 г.

Туровичъ Ив. Васил., сынъ псал., р. 58 г. въ Подол. губ.; Подол. дух. сем.; ар. въ 79 г., 21 г., въ Кам.-Подольскѣ; Кіев. в.-ок. суд. 16—20 окт. 79 г., по д. Крыжановск. и др. 6 л. кат.; приб. на К. 16 окт. 80 г.; въ 88 г. посел. въ Забайк. об.; переѣх. въ Зап. Сибирь.

Успенскій Пет. Гавр., двор. Нижег. г., р. 43 г., служ. въ книжн. маг.; ар. въ 69 г., 26 л., въ Москвѣ; Спб. суд. пал. 1—15 іюня 71 г., по д. „нечаевцевъ“ (Прыжовъ, Кузнецовъ и др.) 15 л. кат.; съ 72 по 75 г. содерж. въ Александр. зав., лѣтомъ 75 г. перев. на К.; вып. въ в. к. въ 79 г.; 1 янв. 81 г., по расп. Лор.-Меликова, вновь закл. въ К. т.; 27 дек. 81 года *повѣсился* въ Кар. т.

Феохари Степ. Ильичъ, тур. подд., р. 57 г. въ Од. у.; скульпторъ; ар. въ февр. 79 г., 22 л., въ Кіевѣ, при воор. сопр. на Жил. ул. Кіевск. в.-ок. суд. 7 мая 79 г., по д. Брантнера и др., 5 л. 4 м. кат.; приб. на К. въ мар. 80 г.; въ 84 г. посел. въ Як. ок.; въ 90 г. высл. въ Константинополь, откуда верн. въ Одессу.

*Филиппов*ъ Александръ Андр., сын. чин., р. 58 г.; Псковск. воен. прогимн., воен. пиротехн. учил.; оберъ-фейерверкеръ; ар. въ 82 г., 24 л.; Спб. в.-ок. суд. въ 82 г., по д. снош. съ закл. Алексѣев. равелина, 5 л. кат.; приб. на К. въ 83 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 86 г. поселенъ въ Як. ок.; переѣх. въ 90-хъ г.г. въ Ирк. г.

*Фомин*ъ Алексѣй Александр., двор. Костр. г., р. 59 г.; Кіевск. юнк. учил.; подпор. 28 пѣх. Дерптск. полка; ар. въ 79 г., 20 л., за проп. въ войскахъ; бѣж. изъ Виленск. гауптвахты въ 80 г.; ар. въ 82 г. въ Спб.; Спб. в.-ок. суд. 14 іюня 83 г. 20 л. кат.; приб. на К. въ 84 г.; вып. въ в. к. въ сент. 90 г.; посел. въ Заб. об.

*Фомичев*ъ Григ. Ив., сынъ псал., р. 54 г., въ Херс. у.; ст. Од. ун-та; ар. въ 77 г., 23 л., по д. воен. револ. кружка; Од. в.-ок. суд. въ 78 г. оправд.; ар. въ авг. 78 г.; Од. в.-ок. суд. 22 іюля-5 авг. 79 г., по д. 28-и (Чубар., Лизог. и др.), безср. кат.; въ фев. 80 г. бѣж. изъ Ирк. т. и вскорѣ б. пойм. въ Ирк. окр., за поб. на 3 г. приков. къ тачкѣ и на 2 г. увел. исп. срокъ; приб. на К. 16 окт. 80 г.; по ман. 83 г. ср. сокр. до 20 л.; въ сент. 90 г. перев. въ Акат. т.; вып. въ в. к. въ 92 г.; посел. въ Забайк. обл.

Франжоли Ник. Афан., австр. подд., р. 56 г. въ Херсонѣ; Херс. гимн.; ар. въ 79 г., 23 л.; Од. в.-ок. суд. 16 янв. 80 г., п. д. ограбл. херс. казначейства; 4 г. кат.; приб. на К. 16 окт. 80 г.; въ 83 посел. въ Читѣ; переѣх. въ Благовѣщенск.

*Фриденсон*ъ Григ. Мих., *еврей*, сынъ купца, р. 54 г.; Бѣлост. реал. уч., Моск. техн. уч.; ар. въ 81 г., 27 л.; ос. пр. сен. въ фев. 82 г., по д. 20-и терр. (А-ръ Михайловъ и др.) 10 л. кат.; приб. на К. въ 84 г.; по ман. 83 г. сбавл. $^1/_3$; въ 86 г. вып. въ в. к. въ 86 г. посел. въ Читѣ; верн. въ Е. Р.

*Хохлов*ъ Григ., мѣщ. Тамб. г., р. 57 г.; токарь по металлу; ар. въ 81 г., 24 л.; Спб. в-ок. суд. 13—14 сент. 82 г., по д. уб. Прейма; 20 л. кат.; приб. на К. въ 83 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 89 г. под. прош. о пом. и посел. въ Читѣ.

*Хрущов*ъ Никол., Тамб. мѣщ., р. 58 г.; мѣдникъ; ар. въ 79 г., 21 г., Кіев. в.-ок. суд. 12—26 іюля 80 г., по д. Мих. Попова и др.; 12 л. кат.; приб. на К. въ февр. 82 г., въ началѣ мая 82 г. бѣж. изъ Кар. т., ар. во Владивост.; за поб. приб. 12 л. кат.; въ 89 г. под. прош. о помил. и посел. въ Забайк. об.

*Циціанов*ъ Ал-ръ Конст., князь, грузинъ, р. 50 г.; ст. Моск. у-та ар. въ 75 г, 25 л.; ос. пр. сен. 5 апр. 77 г., по проц. 50, 10 л. кат.; до 13 окт. 80 г. сод. въ Новобѣл. цен. к. т.; приб. на К. въ фев. 82 г.; въ 83 г. посел. въ Киренскѣ Ирк. г., гдѣ *умер*ъ въ 85 г.

*Цукерман*ъ Лейзеръ Іоселев., куп. внукъ, р. 52 г. въ Могил. г.; уч. въ евр. хедерѣ; наборщ. и евр. писатель; ар. 17 янв. 80 г., 28 л., въ тайн. типогр. „Нар. Воли". Спб. в.-ок. суд. 25—30 окт. 80 г., по д. 16-и; 8 л. кат.; приб. на К. въ фев. 82 г.; въ 85 г. посел. въ Як. ок.; въ 87 г. *уто-*

пился въ р. Амгѣ (Як. ок.) (Восп. о немъ: „Былое" 906, 6—„Далекое-недавнее" О. С. Любатовичъ и „Былое" тип. „Нар. Воли" С. А. Иван.-Борейша).

Цыплов (Гармановъ, онъ же Гарный) Ив. Ник., яр. мѣщ.; угол. кат.-бродяга, р. 48 г.; ар. въ 81 г. въ Тоб. губ. за провозъ писемъ полит. ссыльн., при ар. оказ. воор. сопрот.; воен. суд. въ Тобольскѣ пригов. къ см. казни, замѣн. при конфирм. 6 г. кат.; на пути въ К. смѣн. именемъ съ угол. посел., за что прибавл. 5 л. кат. и 100 розогъ; приб. на К. въ мар. 82 г.; въ 85 г. открылъ свое имя и званіе, перевед. въ угол. т.; въ 88 г. вып. въ. в. к.; перевед. на Сахалинъ.

Чарушинъ Ник. Аполл., двор., р. 52 г.; ст. Спб. у-та; ар. въ 73 г., 21 г.; ос. пр. сен. 15 сент. 77 г.—23 янв. 78 г., по д. 193-хъ; 9 л. кат.; прибылъ на К. въ 78 г.; вып. въ в. к. въ 79 г.; вновь закл. въ т., по распор. Лор.-Меликова, 1 янв. 81 г.; въ 81 г. посел. въ Нерчинскѣ, переѣх. въ Благовѣщ., потомъ Троицкосавскъ; верн. въ Ев. Р.

Чернавскій Мих. Мих., сынъ протодіак., р. 55 г., въ Смол.; ст. мед.-хир. акад.; ар. 6 дек. 76 г., 21 г.; ос. прис. сен. 18—25 янв. 77 г., д. демонстр. на Казанск. площ.; 15 л. кат.; до 13 окт. 80 г. содерж. въ Новобѣлгор. ц. к. т.; приб. на К. въ концѣ фев. 82 г.; въ 84 г. посел. въ Читѣ, переѣх. въ Нерчинскъ; верн. въ Евр. Р.

Чикоидзе Мих. Ник., двор., род. 52 г.; Тифл. шк. межевщ.; Мих. артил. учил.; ар. въ 75 г., 23 л., въ Москвѣ; ос. пр. сен. 5 апр. 77 г., по проц. 50-и, сосл. на посел. въ Киренскъ Ирк. г., откуда бѣж. въ маѣ 81 г.; ар. въ концѣ апр. 82 г., Киренск. окр. суд. за поб. съ мѣста посел. 3 г. кат.; приб. на К. въ 84 г.; въ 85 г. посел. въ Як. ок.; въ 95 г. переѣх. въ Курганъ Тоб. г., гдѣ *умеръ* въ 97 г.

Чуйковъ Владим. Ив., двор., р. 57 г.; Житом. гимн.; ар. въ 77 г., 20 л., въ Житомирѣ; высл. въ 78 г. въ Олон. г., оттуда въ 79 г. въ Сибирь; въ 80 г. возвращ.; ар. въ 83 г. въ Харьк.; Спб. в.-ок. суд. 28 сент. 84 г. по д. В. Фигнеръ и др. 20 л. кат.; приб. на К. 12 дек. 85 г.; въ сент. 90 г. перев. въ Акат. т.; по ман. 91 г. сбавл. $^1/_3$; въ 92 г. вып. въ в. к.; въ 95 г. посел. въ Заб. об.; въ 900 г. переѣх. въ Ирк.

Шефферъ Егоръ Ив., сынъ чин., р. 58 г.; Кіевск. гимн.; ар. въ 76 г., 18-и л. и выпущ.; ар. вновь въ 77 г. Кіевск. суд. пал. 7—9 іюня 79 г., сент.—6 мая 80 г., по „Чигиринск. дѣлу" 2 г. 8 м. кат.; приб. на К. въ февр. 82 г.; въ 83 г. посел. въ Заб. об.

Шишко Леонидъ Эммануил., двор., р. 52 г.; Мих. артил. учил.; отст. подпор. артил.; ар. въ 74 г., 22 л.; ос. пр. сен. 15 сент. 77 г.,—23 ян. 78 г. по д. 193-хъ 9 л. кат.; приб. на К. осенью 78 г.; вып. въ в. к. въ 79; 1 янв. 81 г. вновь закл. въ т., по расп. Лор.-Меликова; въ 81 г. посел. въ Заб. об.; въ 87 г. переѣх. въ Томскъ, откуда бѣж. за границу.

Шпирканъ Маркелъ Яковл., двор., р. 57 г.; Кам.-Под. гимн., Кіевск. ун-тъ; ар. въ 79 г., 22 л., въ Кам.-Подольскѣ. Кіев. в.-ок. суд. 20 окт. 79 г., по д. Крыжановскаго и др., 6 л. кат.; приб. на К. 16 окт. 80 г.; въ 83 г. посел. въ Як. ок., въ 90-хъ г.г. верн. въ Евр. Р.

Щедринъ Ник. Павл., двор., р. 54 г. въ г. Петропавл. Акмол. об., Омск. кад. корп. и Спб. учит. семин.; ар. въ 81 г., 27 л., въ Кіевѣ; Кіевск. в.-ок. суд. 26—29 мая 81 г., по д. южн.-рус. раб. союза (Ковальская, Преображ. и др.), смертн. казнь замѣн. безср. кат.; за нанес. оскорбл. дѣйсв.

полк. Соловьеву въ Ирк. т. приг. къ прик. къ тачкѣ на 1 г.; приб. на К. въ апр. 82 г.; въ маѣ 82 г. увез. въ Петроп. кр., откуда 1 авг. 84 г.—въ Шлиссельб. кр.; сошелъ съ ума въ 95 г. и помѣщ. въ Казанск. лечебницу (Портр. и восп. М. Р. Попова—„Былое“ 906, 12).

Щепанскій Іосиф. Людвиг., двор., р. 57 г.; Кіевск. гимн.; дом. учитель; ар. въ авг. 78 г., 21 г. въ Николаевѣ Херс. г.; Од. в.-ок. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28-и (Чубар. Лизог. и др.), 4 г. кат.; приб. на К. въ мар. 80 г.; въ 83 г. посел. въ Як. окр.; переѣх. на зол. пріиски на р. Ленѣ.

Эйтнеръ Мих. Богд., сынъ чин., р. 54 г.; ст. Од. ун-та, учитель уѣздн. учил.; въ нач. 70-хъ г.г. привлек. въ Одес. къ дознан. по пол. дѣлу. Заславскаго и 50-и; ар. въ 78 г., 24 л., въ Одессѣ; Од. в.-ок. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28-и (Чубар. и др.), 15 л. кат.; приб. на К. въ мар. 80 г.; въ 84 г. посел. въ Забайк. обл.

Юрковскій Федор. Ник. („Сашка-инженеръ“), двор., р. 51 г., гимн.; морск. корп., технол. ин-тъ и мед. акад.; ар. 7 мар. 80 г., 28 л., въ д. Козловкѣ Путивльск. у. Курск. губ. Кіевск. в.-ок. суд. 12—26 іюля 80 г. по д. ограбл. Херс. казначейства и др. (Мих. Попова, Игн. Иван. и др.) 20 л., кат.; приб. на К. въ февр. 81 г.; въ нач. мая 82 г. бѣж. изъ Кар. т. и вскорѣ пойманъ; за поб. приб. 10 кат.; весной 84 г. перев. въ Петроп. 84 г.—въ Шлиссельб. кр., гдѣ *умеръ* 5 сент. 96 г.

Якубовичъ Петр. Филип. (литер. псевд. *Мельшинъ*), двор., р. 60 г., въ Валд. у. Ниж. г.; ок. Спб. ун-тъ съ степ. канд. рус. слов.; литераторъ; ар. въ 84 г., 24 л.; Спб. в.-ок. суд. 4 іюня 87 г., д. Герм. Лопатина и др.; 18 л. кат.; приб. на К. въ янв. 88 г.; въ сент. 90 г. перев. въ Акат. т; по ман. 91 г. сбавл. 1/3; посел. въ Курганѣ Тоб. г., верн. въ Ев. Р.

Янковскій Конст. Порфир., сынъ протоіер., р. 59 г., Кіевск. гимн. ар. въ 77 г., 18 л.; Од. в.-ок. суд. 3 дек. 79 г. по д. Малинки, Дробязг. и др.; 10 л. кат.; приб. на К. 16 окт. 80 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 85 г. вып. въ в. к.; въ 88 г. посел. въ Як. ок.; за подачу прот. по поводу „Якутской бойни“ въ мар. 88 г. посел. въ Колым. окр.; въ 95 г., какъ психически больной, отправленъ въ Кіевъ къ роднымъ.

Ястремскій Серг. Вас., двор., р. 57 г.; ст. Хар. у-та; ар. въ 75 г. 18-и л., въ Харьк., выпущ. на поруки и скрылся за гран.; ар. въ 77 г. Хар. в.-ок. суд. 3 мар. 80 г., по д. револ. кружка въ Харьковѣ (Колюжный А-ръ Мих., Куплеваскій и др.): 10 л. кат.; приб. на К. 16 окт. 80 г.; въ 85 г. вып. въ в. к., въ 86 г. посел. въ Як. ок.; въ 95 переѣх. въ Ирк., въ концѣ 90-хъ г.г. верн. въ Евр. Р.

Яцевичъ Ник. Вас., сынъ протоіер., р. 61 г.; Полт. гимн., Хар. вет. ин-тъ; въ 76 г. привлек. къ дозн. по пол. дѣламъ; ар. въ 78 г., 17-и л., въ Харьковѣ; Хар. в.-ок. суд. 6 іюля 79 г., д. попытки освоб. Фомина изъ Хар. т. (Ефремовъ и др.); 15 л. кат.; въ фев. 80 г. бѣж. изъ Ирк. т. и вскорѣ б. пойм.; за побѣгъ приб. 14 л. кат.; приб. на К. въ ноябрѣ 80 г.; въ янв. 90 г. вып. въ в. к.; по ман. 91 г. ср. сокр.; посел. въ Забайк. обл.; въ 900-хъ г.г. верн. въ Евр. Россію.

Женская тюрьма.

Ананьина Мар. Александр. (по мужу—*Дейчъ*), р. 49 г., акуш.-фельдш., ар. въ 87 г., 38 л.; ос. прис. сен. 19 апр. 87 г., по д. пригот. къ покуш. на жизнь А. III; 20 л. кат.; приб. на К. въ янв. 88 г.; ман. не прим.; въ ноябрѣ 92 г. вып. въ в. к.; перевед. въ Акат. въ 98 г., гдѣ *умерла* 25 янв. 99 г.

Армфельдъ Нат. Александр. (по мужу—*Комова*), дочь д. с. с., р. 50 г.; Моск. Ник. ин-тъ благор. дѣвицъ; ар. впервые въ 74 г. въ Орл. г. за револ. проп. въ деревнѣ и водвор. къ матери; въ 75 г. вновь ар. и высл. въ Костр. г.; въ 77 г. ей разрѣш. жить въ дер. у матери, откуда скрыл. въ апр. 78 г.; ар. въ февр. 79 г. въ Кіевѣ, при воор. сопр. на Жил. ул.; Кіевск. в.-окр. суд. 7 мая 79 г., по д. Брантнера и др.; 14 л. 10 м. кат.; приб. на К. въ началѣ 80 г.; ман. не прим., въ янв. 85 г. вып. въ в. к., гдѣ *умерла* въ сент. 87 г.

Богомолецъ Софья Ник. (ур. *Присъцкая*), двор., р. 56 г., въ Полт. г.; ин-тъ благор. дѣв.; ар. въ 80 г. въ Кіевѣ; Кіевск. в.-ок. суд. 26-29 мая 81 г., 10 л. кат. по д. юж.-рус. раб. союза; 16 фев. 81 г. бѣж. изъ Ирк. т. и вскорѣ. ар. въ Ирк.; за поб. приб. 5 л. кат.; приб. на К. въ 82 г.; увез. въ Ирк. т. зимой 83 г.; за „бунтъ" въ Ирк. т. приб. 1 г. кат. съ содерж. въ разр. испыт. весь срокъ; приб. вновь на К. въ 85 г.; ман. не прим.; вып. въ в. к. 9 янв. 92 г. и *умерла* на друг. день 10 янв. 92 г.

Брешковская (*Брешко-*) Екат. Конст. (ур. *Вериго*) двор., р. 48 г.; ж. гимн.; ар. въ 74 г., 26 л.; ос. пр. сен. 15 сент. 77 г.—23 янв. 78 г., по д. 193; 4 г. кат.; приб. на К. въ дек. 78 г. и въ т. не содержалась; въ 79 г. посел. въ Баргузинѣ Заб. обл., откуда бѣж. весной 81 г., вмѣстѣ съ Тютчевымъ, Линевымъ и Шамаринымъ; вскорѣ ар. и осуж. на 4 г. кат.; приб. на К. вторично въ 82 г.; въ 84 г. посел. въ Селенгинскѣ Заб. об.; верн. въ 90-хъ г.г. въ Евр. Р.; въ концѣ 907 г. сод. въ Петроп. кр.

Добрускина Генріета Никол. (по мужу—*Михайлова*), *еврейка*; мѣщ., р. 62 г.; Безстуж. курсы; ар. въ 84 г., 22 л., въ Рост.-на-Д.; СПб. в.-окр. суд. 4 іюня 87 г., д. Герм. Лопатина и др.; 8 л. кат.; приб. на К. осенью 88 г.; выпущ. въ в. к. въ сент. 90 г.; по ман. 91 г. сбавл. $^1/_3$; въ 95 г. пос. въ Читѣ; въ 907 г. верн. въ Евр. Р.

Иванова Софья Андр. (по мужу—*Борейша*), дочь маіора; р. 56 г.; ар. въ 74 г., 18 л., по д. 193-х. и выпущ. на поруки; въ 76 г. ар; ос. пр. сен. 18-25 янв. 77 г., по д. демостр. на Казан. площ. сосл. въ г. Кемь Архан. губ., откуда бѣж. 22 мар. 79 г.; ар. 17 янв. 80 г. въ типогр. „Нар. Воли" въ СПб.; СПб. в.-ок. суд. 25—30 окт. 80 г., по д. 16 террор.; 4 г. кат.; приб. на К. въ фев. 82 г.; въ 85 г. посел. въ Киренскѣ Ирк. г.; въ 900-хъ г.г. верн. въ Евр. Р. (Соб. восп. о тип. „Нар. Воли"—„Былое" 906, 9; о С. Л. Перовской—„Былое" 906, 3).

Ивановская Праск. Сем. (по мужу—*Волошенко*), дочь свящ., р. 53 г. въ Тульск. г.; ж. епарх. учил.; дом. учит.; ар. въ 78 г., 25 л. и сосл. въ Арханг. г., откуда бѣж. за границу; ар. въ 82 г. въ Витебскѣ; ос. прис. сен. 25 апр. 83 г., по д. 17 террор.; безср. кат.; приб. на К. въ 84 г.; по ман. 83 г. назнач. срокъ въ 20 л.; въ сент. 90 г. вып. въ в. к.; по ман.

91 г. сбавл. 1 г.; весной 96 г. перев. въ Акатуй; зимой 99 г. посел. въ Баргуз. Заб. об., откуда скрылась; ар. 16 мар. 905 г. въ Спб. по д. боевой организаціи; осенью 905 г. освобожд.; уѣхала за гран.

Калюжная Мар. Вас., мѣщ., р. 64 г. въ г. Лебединѣ Хар. г.; Харьк. и Роменск. (Полт. г.) гимн.; ар. въ 83 г., 19 л., въ Одессѣ въ тайн. типогр.; въ томъ же году высл. въ г. Ахтырку Харьк. губ., къ матери, откуда скрылась; 8 авг. 84 г. въ Одес. стрѣляла въ жанд. полк. Катанскаго; Од. в.-ок. суд. 29 авг. 84 г.-20 л. кат.; приб. на К. 12 дек. 85 г.; отравилась 6 ноября и *умерла* 7 ноября 89 г. (О смерти и предш. обст.—„Былое“ 906, 6).

Ковалевская Мар. Павл. (ур. *Воронцова*), двор., р. въ авг. 49 г., въ Екатериносл. г.; Од. ин-тъ благор. дѣв.; ар. въ фев. 79 г., 30 л., въ Кіевѣ; Кіевск. в-ок. суд. 7 мая 79 г., по д. Брантнера и др. 14 л. 10 м. кат.; приб. на К. въ нач. 80 г.; въ 81 г. перев. въ Краснояр. т.; въ 82 г.—обратно на К.; въ 83 г. увез. въ Ирк. т., въ 87—обратно на К.; отравилась 6 ноября и *умерла* 7 ноября 89 г. (О смерти и предш. обст.—„Былое“ 906, 6; тамъ же портр. Мар. Павл.).

Ковальская Елиз. Ник. (ур. *Солнцева*), по втор. мужу—*Маньковская*; мѣщ., р. 52 г. въ Харьковѣ; Хар. гимн.; ар. 80 г., 28 л.; Кіев. в.-ок. суд. 26-29 мая 81 г., по д. юж-рус. раб. Союза (Щедринъ, Преображ. и др.)—безср. кат.; 16 февр. 82 г. бѣж. изъ Ирк. т., 28 ф. ар.; за поб. ср. испыт. увелич. на 10 л.; приб. на К. въ 82 г.; перев. въ Ирк. т. въ 83 г.; въ 84 г. вторично бѣж. изъ Ирк. т. и вскорѣ ар.; приб. вновь на К. въ 85 г.; л. 88 г. перев. въ Верхнеуд. т., въ сент. 90 г. перевед. въ Зерент. кат. т. (Нерчер.); по ман. 91 г. ср. сокр. до 20 л.; вып. въ в. К.; посел. въ Заб. об.; верн. въ Евр. Р., уѣхала за границу.

Колѣнкина Мар. Александр. (по мужу *Богородская*), мѣщ., р. 55 въ г. Темрюкѣ; акуш. кур. въ Кіевѣ; привл. въ 74 г. по д. 193-хъ; ар. въ 78 г. въ СПб; СПб. в.-ок. судъ 14 мая 80 г., по д. уб. Мезенцева; 10 л. кат.; приб. на К. въ февр. 81 г.; вып. въ в. к. въ янв. 85 г.; въ 86 г. посел. въ Тункѣ Ирк. г.; переѣх. въ Ирк.

Корба Анна Павл. (ур. *Мейнгардтъ*), по 2-му мужу *Прибылева*, двор., р. 51 г.; гимн.; сестра мил. въ Румын. во вр. р.-тур. войны; ар. въ іюнѣ 82 г., 31 г., въ Спб.; ос. пр. сен. 25 апр. 83 г., по д. 17 тер.—20 л. кат.; приб. на К. въ 84 г.; по ман. 83 г. ср. сокр. до 13 л. 4 м.; въ сент. 90 г. вып. въ в. к.; по ман. 91 г. сбавл. 1 г.; въ сент. 92 г. посел. въ Заб об., переѣх. въ Благовѣщ.; въ 900-хъ г.г. верн. въ Ев. Р. (Портр. и восп. о Дегаевѣ—„Былое“ 906, 4).

Круковская Юлія Осип. (по м. *Бубновская*), двор. Черн. г., р. 46 г.; гимн.; учительн.; ар. въ 77 г., 31 г., въ Кіевѣ; Кіев. суд. пал. 7—9 іюня 79 г., сенат. 6 мая 80 г. по „Чигирин. д.“—13 л. 8 м. кат.; приб. на К. въ февр. 82 г.; ман. 83 г. не прим.; въ 85 г. вып. въ в. к.; въ авг. 90 г. посел. въ Читѣ.

Кутитонская Мар. Игн., двор., р. 55 г; частн. гимн. въ Одес.; ар. въ 78 г., 23 л., въ Од., выпущ. на пор. и вновь ар. въ 79 г.; Од. в.-ок. суд. 22 іюля—5 авг. 79 г., по д. 28-и (Чубаровъ и др.)—4 г. кат.; приб. на К. въ нач. 80 г.; въ 82 г. посел. въ Троицкосав. Заб. об., отк. вскорѣ бѣж., ар. въ Читѣ и 16 сент. 82 г. стрѣл. въ Забайк. губерн. Ильяшевича;

воен. суд. 17 ноябр. 82 г. смертн. казнь замѣн. безср. кат.; содерж. въ Ирк. т., гдѣ *умерла* въ 87 г.

Лебедева Тат. Ив., дочь кол. сов., р. 54 г., въ Богородскѣ Моск. г.; Моск. Никол. ин-тъ; ар. въ 74 г., 20 л., ос. пр. сен. 23 янв. 78 г. по д. 193-хъ предв. содерж. подъ ар. вмѣн. въ наказ.; въ 77 г. привл. въ Москвѣ по д. убійства Рейнштейна; ар. вновь 3 сент. 81 г.; ос. прис. сен. 15 фев. 82 г., по д. 20-и терр.—см. каз. замѣн. безср. кат. раб.; до отпр. на К. содерж. въ Алексѣев. равел.; приб. на К. въ 84 г.; ман. не пр.; *умерла* въ 86 г. (Портр. Т. И.—„Былое" 906, 6).

Левенсонъ Елена Дмитр. (ур. *Домбровская*), двор. Хер. г.; р. 55 г.; Одес. гимн. и высш. курсы; ар. въ Кіевѣ въ 80 г., 25 л.; Кіевск. в.-ок. суд. 12—26 іюля 80 г. по д. Мих. Попова и др.—6 л. кат.; приб. на К. въ фев. 81 г.; въ 84 г. посел. въ Баргузинѣ Заб. об.; ман. не прим.; верн. въ Ев. Р.

Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ Соф. Александр., дочь ген.-маіор., р. 40 г., въ Новг. губ.; инст.; ар. въ 74 г., 34 л., въ Сарат.; ос. пр. сен. 23 янв. 78 г., по д. 193 присужд. къ ссылкѣ въ Тоб. г. и помилована; ар. вновь въ фев. 79 г. въ Кіевѣ; Кіев. в.-ок. суд. 1 мая 79 г., по д. Осинскаго—см. казнь замѣн. безср. кат.; приб. на К. въ нач. 80 г.; ман. 83 г. не прим.; въ сент. 90 вып. въ в. к.; по ман. 91 г. срокъ сокр. до 20 л.; по ман. 94 г. посел. въ Селенгинскѣ Заб. об., гдѣ *умерла* въ 98 г.

Лисовская Антон. Игн., *полька*, двор., р. 58 г. въ Волын. г.; ар. въ 82 г., 24 л.; ос. пр. сен. 25 апр. 83 г. по д. 17 (Ю. Богдановичъ и др.); 10 л. кат.; приб. на К. въ 84 г.; вып. въ в. к. въ 85 г., гдѣ и *умерла* въ 85 г.

Морейнисъ Фанни Абр., *еврейка* (по м. *Муратова*); дочь купца, р. 59 г. въ Николаевѣ Херс. г.; частн. гимн.; ар. въ 81 г., 22 л., въ Кіевѣ; Од. в.-ок. суд. 3 апр. 83 г., по д. 27-и 4 г. кат.; приб. на К. въ 83 г.; по ман. 83 г. посел. въ Читѣ; переѣх. въ Баргуз. ок. Заб. об.; въ 900-хъ г.г. верн. въ Ев. Р.

Прибылева Раиса Льв., *еврейка*, (ур. *Гроссманъ*), дочь врача, р. 58 г. въ Черк. у. Кіев. г.; Од. частн. гимн., высш. мед. курсы; ар. 5 іюня 82, 24 л., въ СПб., ос. пр. сен. 25 апр. 83 г., по д. 17-и терр.—4 г. кат.; приб. на К. въ 84 г.; вып. въ в. к. въ янв. 85 г., въ 85 г. посел. въ Як. ок.; въ концѣ 80-хъ г.г. верн. въ Ев. Р.; въ 90-хъ г.г. высл. въ Красноярскъ, гдѣ *умерла*.

Россикова Ел. Ив. (ур. *Виттенъ*), двор. Тавр. губ., р. 49 г.; Од. ин-тъ; дом. учительн.; ар. въ 79 г. въ Херс.; Од. в.-окр. суд. 16 янв. 80 г., по д. ограбл. Херс. казн. — безср. кат.; приб. на К. 16 окт. 80 г.; 83 перев. въ Ирк. т.; обратно на К. въ 87 г.; въ 90 г. забол. психич. и въ 93 увезена въ Ирк. больн., гдѣ *умерла*.

Салова Неон. Мих. (по м. *Яцевичъ*), дочь шт.-кап., р. 60 г. въ Черниг. г.; Маріин. курсы въ СПБ.; ар. 6 окт. 84 г. въ СПБ.; СПБ. в.-ок. суд. 4 іюня 87 г., д. Герм. Лопатина и др.—20 л. кат.; приб. на К. осенью 88 г.; вып. въ в. к. въ сент. 92 г.; посел. въ Читѣ Заб. обл.

Сарандовичъ Екат. Петр. (по м. *Бѣлоцвѣтова*), двор., р. 58 г.; Од. гимн.; ар. въ февр. 79 г., 21 г., въ Кіевѣ; Кіев. в.-ок. суд. 7 мая 79 г., по д. Брантнера и др. -4 г. кат.; приб. на К. въ нач. 80-хъ г.; въ 82 г. посел. въ Заб. об., потомъ въ Як. ок.; въ 90-хъ г.г. переѣх. въ Минус. Ен г.

Сигида Над. Конст. (ур. *Малоксіано*), Таганр. мѣщ., р. 62 г.; Таганр. гимн.; уч-ца гор. учил.; ар. въ янв. 86 г., 24 л.; ос. пр. сен. 22 дек. 87 г., по д. Оржиха и др.—8 л. кат.; приб. на К. въ янв. 89; въ сент. 89 г. дала пощечину коменд. Кар. т. и по админ. распор. ген.-губ. бар. Корфа 6 н. 1889 г. подв. тѣл. нак., въ тотъ же день отравилась и *умерла* 7 н. 89 г. (О смерти и предш. обст.—„Вылое" 906, 6; тамъ же портр. Н. К.).

Смирницкая Над. Сем., д. свящ.; р. 52 г. въ Кіевск. губ.; ар. въ 79 г., 27 л., въ Кіевѣ и выслан. въ Сольвычег. Волог. губ., откуда бѣж. 20 мар. 80 г.; ар. 23 мар. 82 г. въ Москвѣ; ос. пр. сен. 25 апр. 83 г., по д. 17-и терр. (Ю. Богдановичъ и др.) — 15 л. кат.; приб. на К. въ 84 г.; отравилась 6-го и *умерла* 7-го ноября 89 г. (О смерти и предш. обст.— „Вылое" 906 6).

Тринидатская Екат., д. унт.-оф., р. 53 г.; Самар. гимн. и мед. курсы; фельдш.; ар. въ янв. 86 г., 33 л., въ Таганр.; ос. пр. сен. 22 дек. 87 г. по д. Оржиха и др.—12 л. кат.; приб. на К. въ янв. 89 г.; вып. въ в. к. въ 91 г.; забол. психич. и увез. въ Черниговъ.

Шехтеръ Соф. Наум. (по м. *Доллеръ*), Од. мѣщ., р. 56 г.. Од. гимн.; ар. въ 80 г., 24 л., въ Курск. г.; Кіевск. в.-ок. суд. 12—26 іюля 80 г., по д. Мих. Попова и др.—6 л. кат.; приб. на К. въ февр. 81 г.; по ман. 83 г. сбавл. 1/3; въ 84 г. посел. въ Як. ок.; въ 95 переѣх. въ Ирк.; въ 900 г.г. верн. въ Ев. Р.; въ 903 г. высл. изъ Од. въ Волог. губ.

Якимова Анна Вас. (по м. *Диковская*), дочь свящ., р. 56 г. въ Уржумск. у. Вятск. г.; Вятск. епарх. уч.; б. сел. учит. въ Вятск. г.; ар. въ 77 г., 21 г.; с. пр. сен. 23 янв. 78 г., по д. 193, оправд. и высл. въ Вятск. губ., отк. бѣж. въ 78 г.; ар. въ 81 г. въ Кіевѣ; ос. пр. сен. 15 ф. 82 г., по д. 20-и терр.—см. казнь замѣн. безср. кат.; до отпр. на К. содер. въ Алексѣев. рав.; приб. на К. въ 84 г.; вып. въ в. к. въ сент. 92 г.; въ 98 г. перев. въ Акутай; въ 99 г. поселена въ Баргуз. Заб. об.; въ 900-хъ г.г. бѣж. въ Ев. Р.; въ 905 ар. во Влад. губ. и осужд. на посел. (Портр. въ „Вылое" 907, 1).

Переведенныя изъ Вилюйской тюрьмы въ Усть-Карійскую.

Болотина Анис. Давыд., во 2-й полов. 80 г. ар. въ Москвѣ; въ 87 г. высыл. въ Колым. ок. Як. об.; Ирк. воен. суд. въ іюнѣ 89 г. за воор. сопр. въ Якутскѣ въ мар. 89 г.—безср. кат.; до 93 г. содерж. въ Вил. т.; въ 93 перев. въ Кар. ж. т., гдѣ проб. зиму; перечисл. въ разр. сослан. на житье.

Гасохъ Вѣра, въ 87 г. высыл. въ Колым. окр. Як. об.; Ирк. в. суд. въ іюнѣ 89 г. за воор. сопр. въ мар. 89 г.—безср. кат.; сод. въ Вил. т.; перев. въ Кар. ж. т., гдѣ проб. зиму; перечисл. въ разр. сослан. на житье.

Гуревичъ Евг., въ 87 г. высыл. въ Кол. окр. Як. ок.; Ирк. в. суд. въ іюнѣ 89 г. по д. воор. сопр. въ Якутскѣ въ мартѣ 89 г.—10 л. кат.; сод. въ Вил. т.; перев. въ Кар. ж. т.; переч. въ разр. сосл. на житье.

Перли Полина, въ 87 г. высыл. въ Кол. окр.; Ирк. в. суд. въ іюнѣ 89 г. по д. воор. сопр. въ Якутскѣ въ мартѣ 89 г.—безр. кат. раб.; сод. въ Вил. т., перев. въ Кар. ж. т.; переч. въ разр. сосл. на житье.

Добровольно послѣдовавшіе родственники карійскихъ каторжанъ.

Армфельдъ Анна Вас. (мать Н. А. Армфельдъ), вдова д. с. с., пріѣх. на К. въ началѣ, верн. въ Евр. Р. въ концѣ 80 г.; вновь пріѣх. въ 85 и уѣх. въ 86 г.; *умерла* въ Москвѣ въ 87 г.

Барбашева Глаф. Ник. (невѣста Н. Н. Петрова), пр. въ фев. 81 г. и въ 84 г. уѣх. съ Петр. на посел. въ Заб. об.

Бибергаль А-ра Александр. (ур. *Кобозева*), пр. съ муж. и уѣх. съ нимъ на посел.

Богомолецъ, врачъ, пріѣзж. съ малолѣт. сын. въ 92 г. и, послѣ смерти жены, уѣх.

Веймаръ Эдуард. Эдуар., врачъ; пріѣзж. въ 85 г. къ брату и прож. на К. около 3 м.

Геллисъ Эсф. Моис. (ур. *Шпумбергъ*); уч-ца; ар. въ 79 г.; Од. воен.-окр. с. 26 мар.—1 апр. 80 г., по д. 19-ти (М. Геллисъ и др.) осужд. на посел.; послѣд. за мужемъ; приб. на К. 16 окт. 80 г.; высл. въ 81 въ Акшу Заб. об.; въ 80-хъ гг. переѣх. въ Ирк.; верн. въ Ев. Р.

Гориновичъ Над. Ник. (ур. *Андрущенко*), двор., р. 61 г. въ Полт. г.; Кіев. ин-тъ благ. дѣв.; ар. въ Москвѣ въ 82 г.; послѣд. за муж. на К.; *умерла* въ апр. 87 г.

Долгушина Агр. Дмит. (ур. *Скорнякова*), р. 47 г. въ Березовѣ Тоб. г.; пріѣх. съ муж. въ янв. 82 г. и уѣх. въ Евр. Р. въ 83 г.

Квятковская Ал-ра Гр. (ур. *Гилярова*), пр. съ муж. въ 78 г. и уѣх. съ нимъ въ 83 г. на посел.

Комаровская Анна Ник. (по м. *Стеблинъ-Каменская*); въ 70-хъ гг. привл. по полит. дѣл. и б. сосл. адм. въ Тоб. г.; въ 85 г. пр. на К. и обвѣнч. съ Ст.-Кам., уѣх. съ нимъ въ Як. ок.; въ 94 г. верн. въ Евр. Р.; въ 907 г. Кіев. воен.-окр. суд. оправд. по д. объ уб. въ Полт. ген. Полковникова.

Люри Над. Дм. (ур. *Полторацкая*), р. въ Твер. г.; Павл. ин-тъ въ Спб.; пріѣх. съ муж. на К. въ 86 г.; уѣх. въ 92 г.

Михайлова Над. Фед., сестра Адріана Михайлова, акуш.; пр. на К. и прож. до 85 г.; переѣх. въ Читу.

Мозговая Агаф. Петр., пр. и уѣх. съ муж. на поселеніе.

Новицкая Ант. Ник. (ур. *Демчинская*); пр. съ муж. и въ 87 г. верн. въ Евр. Р.

Пашковская пр. къ мужу и верн. въ 92 г. въ Евр. Р.

Попова Екат. Ник. (ур. *Федорова*), пр. съ муж. Моисеемъ Поповымъ, въ 87 г. уѣх. въ Ев. Р.

Режневская Витольда Викент. (ур. *Карповичъ*); привл. по д. „Пролетаріата“ и б. высл. адм. въ Тоб. г.; въ 89 г. пр. на К. къ мужу; уѣх. въ 92 г. въ Парижъ, гдѣ уч. мед., въ 900 г. верн. въ Ирк., гдѣ заним. врач. практик.; въ 906 г. верн. съ муж. въ Ев. Р.

Рогачева Вѣра Павл. (*ур. Карпова*, по 2-му мужу *Свитычъ*); ос. пр. сен. 23 янв. 78 г., по д. 193-хъ оправд. и адм. сосл. въ Олон. губ.; приб.

на К. съ муж. въ 82 г.; послѣ см. м. повѣнч. съ Свитычемъ и уѣх. съ нимъ на посел. въ Як. ок., пот. въ Ирк., гдѣ *умерла* въ 90-хъ гг.

Родина Лидія Элпидиф. (*ур. Петропавловская*); пр. съ м. и уѣх. послѣ см. мужа въ 80 г.

Синегубъ Лар. Вас. (ур. *Чемоданова*), пр. съ м. и уѣх. съ нимъ на посел.

Сухомлина Анна Марк. (ур. *Гальперинъ*), *еврейка*, р. въ Одессѣ; привл. по пол. дѣламъ, б. высл. изъ Спб.; весн. 90 г. приб. на К.; въ 95 г. уѣх. съ м. на посел. въ Заб. об.; въ 90-хъ гг. верн. въ Ев. Р.

Стеблинъ-Каменская Мар. Ив., жена подполк., мать Рост. Андр.; пр. на К. вмѣстѣ съ сын.; въ 81 г. высл. властями съ К.; умерла.

Успенская Ал-ра Ив. (ур. *Засуличъ*), пр. съ м. и верн. въ Ев. Р. въ 80 г.

Чарушина Анна Дм. (ур. *Кувшинская*), дочь св., р. 51 г. въ Вятск. губ., классн. дама въ Вятск. ж. епарх. учил.; ос. пр. сен. 23 янв. 78 г., по д. 193, вмѣн. въ наказ. предв. ар.; приб. на К. съ муж. въ 78 г. и уѣх. съ нимъ въ 81 г.

Ястремская Лидія Кондр. (ур. *Мазинъ*), ок. Хар. гимн.; пр. на К. съ м. 16 окт. 80 г.; выѣх. въ 86 г. съ м. съ Кары и уѣх. въ Харьк., гдѣ пост. на акуш. к.; въ 90-хъ гг. пр. къ м. въ Ирк.; въ концѣ 90-хъ гг. верн. съ м. въ Ев. Р.

Г. Осмоловскій.

Изъ дальнихъ лѣтъ.

(Отрывки изъ воспоминаній 1878—1879 г.г.)

I.

Всему бываетъ конецъ. Насталъ конецъ и нашему крѣпостному сидѣнію.

Въ одинъ далеко не прекрасный день мы узнали, что камера Мышкина опустѣла. Разсказывали, что наканунѣ поздно вечеромъ вызвали его въ Комендантское Управленіе,—что тамъ, не взирая на его протесты, обрили ему полъ-головы, заковали въ ручные и ножные кандалы и куда-то отправили. Началось, стало быть!

Черезъ нѣсколько дней, вслѣдъ за Мышкинымъ, исчезли Войнаральскій, Ковaликъ, Рогачевъ, Муравскій.

Тюрьма мало-по-малу очищалась такимъ образомъ отъ осужденныхъ по процессу 193-хъ, хотя, конечно, „свято мѣсто пусто не бываетъ"—освободившіяся камеры наполнялись „новичками",—уже раньше насъ успѣли смѣнить много-заслуженный Маркъ Натансонъ, его закадычный другъ Сергѣй Тютчевъ и другіе.

Дошла очередь до меня. Присяжные съ конвойными ночью (въ нашихъ казематахъ, вѣдь, все совершается подъ прикрытіемъ ночного мрака) вошли въ мою камеру, принесли собственную мою одежду и, разбудивъ меня, предложили одѣться.

Въ ихъ сопровожденіи я оставилъ за собою дворикъ каземата и, пройдя нѣсколько саженей отъ воротъ этого дворика, введенъ былъ ими въ какое-то крѣпостное помѣщеніе.

Я очутился въ высокой свѣже-выштукатуренной комнатѣ со многими дверями и оставленъ былъ здѣсь на короткое время одинъ.

Кругомъ царила мертвая щемящая тишина.—Я смотрѣлъ на бѣлыя стѣны высокой комнаты, и воображеніе мое невольно сосредоточилось на тѣхъ узникахъ, которые—не въ маломъ, вѣроятно, количествѣ—перебывали

въ этомъ мертвомъ зданіи, служившемъ, такъ сказать, предѣльною гранью между невольной жизнью въ крѣпости, этой эмблемѣ всей нашей русской жизни, и подневольной жизнью въ ссылкѣ въ разныхъ „столь" и „не столь" „отдаленныхъ мѣстахъ" европейской и азіатской Россіи...

Минутъ черезъ пятнадцать меня препроводили въ одну изъ сосѣднихъ обширныхъ комнатъ, въ которой за традиціоннымъ присутственнымъ столомъ засѣдали чины губернскаго правленія.—Лаконически, безъ всякихъ объясненій, мнѣ предложили раздѣться догола, поставили меня подъ какую-то мѣрку возлѣ дверей, записали мои примѣты. Затѣмъ мгновенно внесли заготовленное для меня арестантское платье. Ни слова не говоря и безъ всякаго содѣйствія съ моей стороны—быстро, проворно, опытной рукой и совершенно sans façon надѣли на меня куртку и штаны изъ сѣраго грубаго арестантскаго сукна, а на ноги—онучи и „коты", и... я былъ готовъ!

Въ совершенно преображенномъ видѣ я вышелъ съ сильно бьющимся сердцемъ изъ этого печальнаго зданія въ сопровожденіи жандармскаго офицера. На улицѣ возлѣ крыльца стояла обычная крытая карета. Конвоиръ открылъ дверцы,—я вошелъ, за мною вошелъ жандармскій офицеръ; захлопнули дверцы, опустили шторы,—и мы покатили.

Этого рода путешествіе уже для меня было обычное дѣло. Теперь я могъ съ увѣренностью знать, что для меня настало время надолго разстаться и съ Питеромъ, и съ Европейской Россіей вообще.

Черезъ нѣкоторое, довольно продолжительное время наша карета остановилась.—Я очутился на Николаевскомъ вокзалѣ и здѣсь водворенъ былъ моими конвоирами въ довольно обширный „арестантскій" вагонъ съ толстыми и частыми рѣшетками въ окнахъ.

Здѣсь ждала меня крайне удручающая картина.—Въ вагонѣ находилось уже нѣсколько человѣкъ и между ними одинъ съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, съ почти совершенно голой и на-половину обритой головой, съ тяжелыми кандалами на рукахъ и ногахъ.

Это былъ Михаилъ Петровичъ Сажинъ.—Съ нимъ я встрѣчался уже на судѣ и тамъ немного съ нимъ познакомился. Но какъ сильно онъ измѣнился за столь короткое, сравнительно, время! Пережитая же имъ въ эту ночь столь рѣзкая перемѣна подѣйствовала, очевидно, на него, крайне подавляющимъ образомъ. Мертвенно-блѣдное лицо его отражало искусно заглушаемыя нравственныя муки, хотя онъ—человѣкъ съ сильнымъ, закаленнымъ характеромъ—наружно сохранялъ полное спокойствіе и самообладаніе...

Зачѣмъ и для чего понадобилось это излишнее и безцѣльное издѣвательство надъ человѣческимъ достоинствомъ и личностью побѣжденнаго политическаго противника!

Особое Присутствіе Сената Сажина не признало виновнымъ не только „въ составленіи“ тайнаго сообщества или во „вступленіи“ въ таковое „съ знаніемъ о цѣли онаго“, но даже и въ „знаніи и недонесеніи“ о сообществѣ. Сажинъ признанъ былъ, какъ и я, виновнымъ лишь въ „покушеніи на распространеніе книгъ преступнаго содержанія и въ участіи въ этомъ покушеніи“,—и, приговоривъ его, какъ и меня, къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ на 5 лѣтъ, судъ „призналъ справедливымъ повергнуть на Монаршее милосердіе участь“ его, какъ и почти всѣхъ другихъ, и ходатайствовать о ссылкѣ его на житье даже не въ сибирскія губерніи, а „въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ“. Но Государь не призналъ возможнымъ согласиться на ходатайство Особаго Присутствія по отношенію къ Сажину. Третье же Отдѣленіе, сводя, очевидно, счеты съ Сажинымъ за его эмигрантскую дѣятельность [1]), рѣшило основательно отъ него отдѣлаться—запереть его въ Централку (это выяснилось потомъ), подвергши его предварительно бритью полъ-головы и заковкѣ въ кандалы...

Вагонъ нашъ мало-по-малу наполнялся. Скоро, насколько я припомню, очутились тамъ: Волховской, Лукашевичъ, Осташкинъ, Рабиновичъ, Союзовъ, Стопоне, Чернявскій и Шишко, а такъ какъ на каждаго „преступника“ полагалось по два жандарма, то въ вагонѣ, къ отходу поѣзда, находилось, какъ помнится, 30 человѣкъ, не считая жандармскаго офицера, занимавшаго отдѣльное помѣщеніе.

Шишко, во вниманіе къ его дворянству и офицерскому званію, отъ бритья полъ-головы освободили, но все-таки нашли нужнымъ и возможнымъ заковать его въ кандалы, не взирая на его болѣзненное состояніе.

Шишко [2]) признанъ былъ Особымъ Присутствіемъ Сената виновнымъ въ томъ, что онъ, въ числѣ 61 человѣка, „вступилъ“ въ составленное Мышкинымъ, Войнаральскимъ, Коваликомъ и Рогачевымъ тайное сообщество „съ знаніемъ о цѣляхъ онаго“ и распространялъ вмѣстѣ съ другими въ разныхъ мѣстахъ сочиненія съ цѣлью возбудить „къ явному неповиновенію Власти Верховной“: за эти „преступленія“ судъ приговорилъ его къ ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 9 лѣтъ,—но и его

---

[1]) Сажинъ прожилъ долгое время за границей—въ Америкѣ, Франціи, Испаніи и—главнымъ образомъ—въ Швейцаріи, гдѣ онъ, подъ именемъ „Росса“, принималъ, какъ ближайшій помощникъ и представитель Бакунина, весьма дѣятельное участіе какъ въ дѣлахъ мѣстной „юрской федераціи“ Интернаціонала, такъ и въ подготовительныхъ работахъ къ русской революціи. Относясь отрицательно къ нѣкоторымъ сторонамъ его заграничной дѣятельности, нельзя не отдать однако ему справедливости въ выдающейся энергіи, дѣловитости и практической цѣлесообразности. Эти качества III-е Отдѣленіе вполнѣ оцѣнило и воздало Сажину должное!

[2]) Шишко окончилъ артиллерійское училище, въ которомъ онъ учился одновременно съ Кравчинскимъ, Рогачевымъ и др.

„участь“ повергнута была судомъ „на Монаршее милосердіе“ при ходатайствѣ о замѣнѣ для него каторги ссылкой на житье въ Тобольскую губернію. Но такое милосердіе признано было и по отношенію къ нему невозможнымъ...

Если всесильный шефъ корпуса жандармовъ, въ рукахъ котораго мы теперь всецѣло находились, призналъ возможнымъ совершить экзекуцію бритья головы и заковки въ кандалы надъ „почетнымъ гражданиномъ“ Сажинымъ, то съ „рабочимъ“ Союзовымъ ему, разумѣется, церемониться совсѣмъ уже не приходилось: не изобличенный въ принадлежности къ тайному сообществу, но признанный виновнымъ въ распространеніи книгъ „преступнаго содержанія“, Союзовъ приговоренъ былъ Особымъ Присутствіемъ къ лишенію всѣхъ правъ и ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 9 лѣтъ, но и его „участь“ оно „повергло на Монаршее милосердіе“, ходатайствуя о замѣнѣ и для него каторги ссылкой на житье въ Тобольской губерніи. Однако, и это ходатайство было оставлено безъ послѣдствій.

Мы всѣ остальные семь человѣкъ (Волховской, Лукашевичъ, Осташкинъ, Рабиновичъ, Стопоне, Чернявскій и я), какъ не лишенные „всѣхъ“ правъ и предназначенные лишь къ ссылкѣ на житье, отъ кандаловъ и бритья головы были освобождены.

2.

Перемѣна обстановки и движеніе *въ широкомъ пространствѣ* не могли, конечно, не оказать на насъ своего благотворнаго дѣйствія, и тяжелое чувство безсилія и безпомощности, вызванное въ насъ реально-конкретной картиной издѣвательства надъ человѣческимъ достоинствомъ всѣхъ насъ, а въ особенности Сажина, Союзова и Шишко,—понемногу улеглось, уступивъ вновь мѣсто всеисцѣляющей надеждѣ.

Мы разговорились, всячески стараясь разсѣять и развлечь наиболѣе изъ насъ пострадавшихъ, и оживленная бесѣда наша тянулась почти безъ перерыва до самой Москвы.

Не доѣзжая до послѣдней, мы всѣ (кромѣ одного Сажина), переведены были въ томъ же вагонѣ по соединительной вѣткѣ на Московско-Нижегородскій путь. Сажина же отъ насъ отдѣлили, и мы поняли, что тяжелое предчувствіе его оправдалось: рѣшили, очевидно, замуравить его въ одной изъ „централокъ“ Харьковской губерніи, въ которыя—по дошедшимъ уже до насъ свѣдѣніямъ—заключили не только Мышкина, но и Войнаральскаго, Ковалика, Муравскаго и Рогачева, „участь“ коихъ „повергалась“ Особымъ Присутствіемъ на „Монаршее милосердіе“ при хода-

тайствѣ замѣны для нихъ каторжныхъ работъ въ крѣпостяхъ ссылкой „на поселеніе въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири".

Смутно уже помнится мнѣ теперь наше передвиженіе до Нижняго-Новгорода, откуда мы должны были уже дальше ѣхать водой на пароходѣ.

Такъ какъ поѣздъ нашъ не поспѣлъ къ отходу парохода, при которомъ находилась спеціально-приспособленная арестантская баржа, то намъ пришлось остановиться на нѣсколько дней въ Нижнемъ. По распоряженію жандармскаго офицера (начальника конвоировавшей насъ команды), возлѣ Нижегородскаго вокзала заготовлены были для насъ десять полуоткрытыхъ фаэтоновъ, въ каждый изъ которыхъ помѣстили по одному изъ насъ съ двумя жандармами по обѣимъ его сторонамъ.

Процессія наша торжественно двигалась по городу по направленію къ пересыльной тюрьмѣ.

Послѣдняя находилась на горѣ, такъ что экипажи подвигались очень медленно, вызывая всеобщую сенсацію: интеллигентный по облику человѣкъ въ полномъ арестантскомъ одѣяніи, помѣщенный между двумя жандармами при полномъ вооруженіи,—двигающійся въ приличномъ фаэтонѣ,—за нимъ другой—третій и т. д., при чемъ шествіе замыкается ѣдущимъ особнякомъ жандармскимъ офицеромъ,—такая своеобразная картина не могла не обратить на себя всеобщаго вниманія,—тѣмъ болѣе, что тогда какъ-разъ выпалъ праздничный день, и по горѣ фланировала большая масса празднично-разодѣтой публики.

Между прочимъ, спускался съ горы навстрѣчу на прекрасномъ рысакѣ какой-то очень прилично одѣтый среднихъ лѣтъ человѣкъ въ совершенно новенькомъ лоснящемся цилиндрѣ. Кучеръ, по его, очевидно, приказанію, задержалъ ходъ рысака и двигался шагомъ почти вплотную около нашей процессіи. Возлѣ каждаго фаэтона нижегородецъ высоко приподымалъ свой цилиндръ и отвѣшивалъ низкій-пренизкій поклонъ, а такъ какъ фаэтонъ отъ фаэтона двигался на разстояніи 1—2 аршинъ, то сцена получилась весьма эффектная и демонстративная, такъ что, когда мы подъѣхали къ тюрьмѣ, жандармы съ большимъ любопытствомъ разспрашивали насъ про встрѣтившагося съ нами господина: не родственникъ ли-де это чей-либо, не знаемъ ли мы, молъ, кто онъ такой и какъ его зовутъ.

Эта встрѣча, какъ и оказанное намъ никѣмъ не подготовленное сочувственное вниманіе, очень насъ—признаться—обрадовали, такъ какъ въ нихъ вылилось вполнѣ опредѣленное отношеніе къ тому дѣлу, которому мы служили, и за которое насъ снарядили въ дальній путь.

Сдавъ насъ на храненіе тюремному начальству, жандармскій офицеръ самъ отлучился въ городъ по своимъ дѣламъ, не позаботившись о томъ, чтобы насъ какъ-нибудь сносно устроить. Отведенныя намъ камеры оказа-

лись очень плохими и сырыми, горячей пищи намъ вовсе не отпустили, такъ какъ общее обѣденное время уже давно прошло, а относительно обѣда для насъ никакого распоряженія заблаговременно не сдѣлали. Въ довершеніе всего тюремное начальство не соглашалось пустить насъ въ контору, чтобы мы могли, воспользовавшись временной остановкой, написать письма роднымъ,—на томъ основаніи, что мы находимся въ вѣдѣніи жандармскаго офицера, у котораго-де и ключи отъ нашего коридора.

Мы потребовали, чтобы къ намъ вызвали прокурора. Тюремная администрація отказалась исполнить наше требованіе. Мы подняли шумъ. Уголовные выразили намъ свое сочувствіе и сообщили, что скоро долженъ прибыть въ тюрьму товарищъ прокурора, и мы можемъ этимъ воспользоваться.

Чернявскій и я приняли на себя дежурство у окна, выходившаго во дворъ, и какъ только мы увидѣли, что вошелъ во дворъ вмѣстѣ съ смотрителемъ молодой товарищъ прокурора (намъ описана была его наружность), мы очень громко окликнули его. Онъ подошелъ къ нашему окну, и мы на его вопросъ—въ чемъ дѣло, заявили ему, что наша партія проситъ его зайти къ намъ и выслушать наши претензіи. Молодой (но, очевидно, изъ раннихъ) товарищъ прокурора очень смутился и пролепеталъ въ отвѣтъ, что партія наша находится-де въ вѣдѣніи жандармскаго офицера, и ему, поэтому, не удобно вмѣшиваться въ распоряженія послѣдняго. Мы поставили тогда товарищу прокурора категорическій вопросъ: признаетъ ли онъ насъ въ данный моментъ *арестантами*, заключенными въ *Нижегородской* тюрьмѣ,—и обязанъ ли онъ, какъ товарищъ прокурора, посѣщать *всѣхъ* въ этой тюрьмѣ заключенныхъ, выслушивать ихъ жалобы и удовлетворять тѣ изъ этихъ жалобъ, которыя основаны на законѣ?

Прижатый къ стѣнѣ, товарищъ прокурора, скрѣпя сердце, вошелъ къ намъ и мы предъявили ему слѣдующія два требованія:

1) Леонидъ Шишко, какъ дворянинъ и бывшій поручикъ, хотя и лишенный по суду правъ, согласно, однако, нашимъ существующимъ законамъ, не могъ быть подвергнутъ заковкѣ въ кандалы до прибытія на мѣсто каторжныхъ работъ [1]): мы требуемъ, поэтому, распорядиться о немедленномъ снятіи съ него оковъ, которыя—въ виду его серьезнаго болѣзненнаго состоянія—крайне гибельны для его здоровья.

2) Судъ надъ всѣми нами уже законченъ, и мы теперь направляемся на мѣста ссылки. Стало быть, лишеніе насъ права переписки съ родными и даже знакомыми совершенно противозаконно,—и мы требуемъ немедлен-

---

[1]) Заковка въ кандалы преступниковъ, не лишенныхъ дворянства, воспрещена Указомъ 22 декабря 1827 г.

наго распоряженія о предоставленіи намъ возможности написать въ конторѣ тюрьмы нужныя письма.

Товарищъ прокурора, внимательно выслушавъ насъ, робко заявилъ намъ, что немедленно онъ отправляется къ прокурору, передастъ ему точно всѣ наши доводы и требованія и не позже, какъ часа черезъ два, вернется къ намъ съ отвѣтомъ.

Дѣйствительно, часа черезъ полтора онъ вернулся и заявилъ намъ: прокуроръ совершенно согласенъ съ нами, что Шишко незаконно заковали въ кандалы, и очень объ этомъ сожалѣетъ, но такъ какъ мѣра эта принята внѣ его, прокурора, округа, еще въ Петербургѣ по распоряженію III-го Отдѣленія, то онъ не считаетъ себя вправѣ ее отмѣнить. Что же касается писемъ, то онъ—товарищъ прокурора уполномоченъ прокуроромъ разрѣшить намъ всѣмъ отправиться въ контору и тамъ, подъ его наблюденіемъ, написать кому угодно и какія угодно письма.

Предъявивъ протестъ противъ незакономѣрнаго отвѣта относительно Шишко, мы отправились въ контору и принялись тамъ за письма. Вернувшійся тѣмъ временемъ жандармскій офицеръ остался крайне недоволенъ вмѣшательствомъ „постороннихъ" въ „его" дѣло и заявилъ, что такъ какъ онъ не получилъ никакой опредѣленной инструкціи относительно переписки нашей въ дорогѣ, то онъ не возражаетъ противъ того, что мы пишемъ въ конторѣ письма, но полагаетъ, что послѣднія-де могутъ быть отправлены не иначе, какъ черезъ него, да и то онъ сочтетъ себя обязаннымъ предварительно послать ихъ на просмотръ въ Московское жандармское управленіе.

Дѣлать было нечего. Пришлось подчиниться капризу офицера, спасавшаго этимъ путемъ свой „престижъ", да и не цѣлесообразно было для насъ обострить съ своимъ путевымъ начальникомъ отношенія, тѣмъ болѣе, что письма наши были, разумѣется, самаго невиннаго содержанія. Что же касается Шишко, то какъ ни горестно было для насъ тяжелое положеніе этого до крайности деликатнаго и прекраснаго товарища, мы очень хорошо понимали, что наложенные на него кандалы—продуктъ творчества III-го Отдѣленія, которое тогда еще было слишкомъ всесильно, чтобы какой-нибудь прокуроръ, хотя и именуемый „блюстителемъ закона", осмѣлился идти явно противъ его распоряженія, если только онъ не готовъ былъ отстаивать „законность", рискуя даже своей „карьерой", а такихъ праведныхъ „законниковъ" было бы наивно искать (въ особенности въ то время) въ нашемъ „правовомъ" государствѣ въ средѣ „коронныхъ" чиновниковъ (да и не только коронныхъ) какого бы то ни бѣло вѣдомства...

3.

Черезъ нѣсколько дней насъ опять въ полуоткрытыхъ фаэтонахъ препроводили на пароходную пристань. — Здѣсь размѣстили насъ въ довольно вмѣстительной трюмной каютѣ, такъ называемой, арестантской баржи [1]). Нашъ жандармскій офицеръ нашелъ вполнѣ возможнымъ не помѣщать въ нашей каютѣ никого изъ нашихъ провожатыхъ-жандармовъ [2]), разсуждая вполнѣ основательно, что толстѣйшія рѣшетки въ маленькихъ надводныхъ окошечкахъ трюмной каюты и запертая снаружи на замокъ выходная на палубу дверь, возлѣ которой днемъ и ночью караулилъ часовой, продставляли вполнѣ прочную гарантію отъ возможности побѣговъ. Поэтому въ нашемъ помѣщеніи было, сравнительно, довольно просторно,— говорю: „сравнительно", такъ какъ въ этой же каютѣ „уголовныхъ" арестантовъ помѣщали обыкновенно человѣкъ 50—60 и больше, и тогда, разумѣется, стояла спертая духота...

Немного осмотрѣвшись и освоившись съ новымъ положеніемъ, мы расположились на устроенныхъ въ каютѣ въ два ряда нарахъ,—каждый со взятымъ съ собою багажемъ.

Здѣсь, въ водной стихіи, мы чувствовали себя довольно не дурно. Мы устраивали совмѣстныя чтенія взятыхъ въ дорогу книгъ, вели безконечныя бесѣды о разныхъ разностяхъ, болѣе детально знакомились другъ съ другомъ и т. д. Кормили насъ (больше на собственный нашъ счетъ) довольно сносно. Чаевали и обѣдали мы всѣ вмѣстѣ артельно. По вечерамъ, когда помѣщавшихся въ другихъ трюмныхъ каютахъ уголовныхъ арестантовъ запирали на ночь, насъ выпускали на прогулку на палубную площадку (между рубками), и мы проводили здѣсь цѣлые часы подъ открытымъ небомъ, любуясь широко раскинувшимся надъ обширной водной поверхностью Камы и Волги горизонтомъ, созерцанія котораго мы лишены были въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Было лѣто. Стояли очень теплые дни, и намъ доставляло особенное, невыразимое удовольствіе ежедневное купаніе въ своеобразномъ „бассейнѣ", приспособленномъ для арестантовъ при арестантскихъ баржахъ: была отдѣлена отъ нашей трюмной каюты одна боковая часть, полъ въ кото-

[1]) При буксирныхъ пароходахъ считалось тогда обязательнымъ имѣть двѣ особыя спеціальныя баржи, — одну на 300 и другую на 400 человѣкъ. — Въ каждой изъ этихъ баржъ устроены были по три каюты, надъ которыми на палубѣ находились двѣ рубки: носовая и кормовая. Площадь же между этими рубками, огороженная частой рѣшеткой изъ толстой проволоки, служила мѣстомъ для прогулки арестантовъ.

[2]) Для нижнихъ чиновъ этапныхъ командъ въ кормовой рубкѣ находилась особая каюта. Офицеръ же нашъ, вмѣстѣ съ начальникомъ общей этапной команды, помѣщался въ одной изъ четырехъ каютъ носовой рубки.

рой, сидѣвшій на глубинѣ 2—3-хъ аршинъ въ водѣ, какъ и бортовая стѣнка, представляли сѣть отверстій, черезъ посредство которыхъ вода въ этомъ „бассейнѣ“ безпрерывно освѣжалась. Мы съ наслажденіемъ, моментально скидывая съ себя одежду, бросались въ эту ванну, ныряя, барахтаясь и плавая въ ней, сколько кому угодно было.

Жилось намъ, вообще, въ этой плавучей тюрьмѣ недурно. О прошломъ и будущемъ мы старались по возможности меньше думать. Въ настоящемъ же наше въ общемъ недурное настроеніе лишь отравлялось кандалами симпатичнѣйшаго нашего товарища Шишко: эти кандалы замѣтно причиняли ему серьезныя страданія, хотя—по свойственной ему деликатной заботливости объ окружающихъ—онъ всячески старался скрывать отъ насъ свои мученія. Въ то время какъ крѣпкій, уравновѣшенный и жизнерадостный Союзовъ не только самъ не поддавался унынію, но еще всякими способами насъ развлекалъ, бодро побрякивая своими кандалами и пускаясь, по временамъ, даже въ плясъ, болѣзненный Шишко, совершенно разстроившій въ тюрьмѣ свое здоровье, молча страдалъ и мучился. Союзовъ въ теченіе перваго же дня пребыванія на баржѣ изловчился какъ-то приводить кандалы въ такое состояніе, что онъ—во всякую минуту—могъ безъ всякаго труда скидывать ихъ и затѣмъ съ такою же легкостью водворять ихъ на надлежащее мѣсто, такъ что на сонъ грядущій вовсе освобождалъ себя отъ нихъ. Шишко никакъ не могъ приспособиться къ этому искусству...

Такъ мы добрались до красиваго Екатеринбурга, этого прославленнаго центра уральскихъ горнопромышленниковъ. Отсюда, послѣ короткой передышки, насъ отправили дальше уже новымъ способомъ передвиженія—на почтовыхъ лошадяхъ: каждаго изъ насъ отправляли, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, на отдѣльной „тройкѣ“, при чемъ тройка слѣдовала за тройкой, а на послѣдней тройкѣ помѣщался обыкновенно ради экономіи прогонныхъ (въ собственную свою, разумѣется, пользу) жандармскій офицеръ, замыкавшій нашъ своеобразный поѣздъ.

Тогда, во 2-й половинѣ 70-хъ годовъ пр. столѣтія „великаго сибирскаго пути“ еще не существовало,—Екатеринбургъ не былъ еще соединенъ съ Тюменью желѣзно-дорожной линіей, такъ что на этомъ участкѣ сообщеніе производилось исключительно на лошадяхъ, при чемъ „трактъ“ содержался въ образцовомъ порядкѣ.

Ѣхали мы днемъ и ночью, съ самыми короткими остановками на станціяхъ, на которыхъ—по телеграфному распоряженію нашего жандармскаго офицера—для насъ заранѣе заготовлялись лошади. Раза два-три въ день мы останавливались въ прекрасныхъ станціонныхъ помѣщеніяхъ на болѣе продолжительное время для обѣда и чаепитія, при чемъ начальникъ нашего конвоя заказывалъ для насъ заблаговременно въ опредѣленныхъ

пунктахъ по телеграфу обѣдъ, меню котораго разрабатывалъ по соглашенію съ нами.

Впервые я теперь познакомился съ удивительно-пріятной,—можно даже сказать, поэтической—„сибирской гоньбой“, которая въ то время (отчасти и теперь) пользовалась широкой славой. Правда, географически Екатеринбургъ еще, собственно говоря, не Сибирь, а знаменитый пограничный столбъ, отдѣляющій Европейскую Россію отъ Сибири, находился значительно дальше. Но населеніе съ „географіей“ не считается; оно уже этотъ край признаетъ Сибирью, а себя—сибиряками, что имѣетъ за себя (или, по крайней мѣрѣ, тогда имѣло) не мало основаній, такъ какъ уральцы въ значительной степени заселяли Сибирь и съ очень давняго времени между этимъ райономъ и районами смежныхъ сибирскихъ губерній, особенно Тобольской, существовали безпрерывныя сношенія...

Лошади въ этомъ краѣ крѣпкія, здоровыя, выносливыя. Мчатся онѣ во весь духъ, дѣлая часто по 15—20 верстъ въ часъ безъ особаго утомленія. Сибиряки—большіе любители лошадей, умѣютъ ихъ выхаживать и за ними ухаживать. Корма они имъ не жалѣютъ, отпускаютъ имъ вдоволь хорошій овесъ, но за то и требуютъ отъ нихъ отличной, исправной „работы“. Когда сибирскій ямщикъ возьметъ въ свои руки возжи, крѣпко натянетъ ихъ и изо-всей мочи крикнетъ: „нн-у-у, голубчики, ррр-а-б-о-тай!“,—тройка его ринется изо всѣхъ силъ впередъ и мчится, какъ угорѣлая, безъ оглядки – безъ передышки, пока этого самъ ямщикъ не потребуетъ. Особенно поразилъ меня подъемъ тройки на гору: недоѣзжая саженъ 10—20 до подошвы горы, ямщикъ со всѣхъ силъ разгонитъ свою тройку, выпуститъ возжи,—и тройка вихремъ, напрягая всѣ силы, подымается на гору и лишь на вершинѣ задержится на минуту для передышки.

При такой ѣздѣ, сопровождающейся каждые 2—3 часа перепряжкой и перемѣной почтовой кибитки, спать очень мудрено. Возможно это еще, пожалуй, когда ѣдешь въ собственномъ „тарантасѣ“, когда экипажъ по дорогѣ не мѣняется и на станціяхъ перепрягаютъ лишь лошадей. Но когда ѣдешь въ открытыхъ или полуоткрытыхъ почтовыхъ кибиткахъ, которыя на каждой станціи также смѣняются вмѣстѣ съ лошадьми, при чемъ приходится каждый разъ перекладывать и укладывать багажъ, то спать (въ кибиткѣ) почти невозможно...

Безпрерывная быстрая ѣзда въ тряскихъ кибиткахъ до того утомляетъ, что я, напр., уже на 3-й день постоянно впадалъ въ дремотное состояніе; и въ послѣднюю ночь жандармамъ моимъ приходилось вносить меня на станцію на рукахъ, тамъ я моментально на диванчикѣ на 10—15 минутъ засыпалъ мгновенно, какъ мертвый, и имъ приходилось опять на рукахъ меня выносить и усаживать въ кибитку.

Возлѣ историческаго „пограничнаго столба“ мы на нѣсколько минутъ остановились съ разрѣшенія начальника нашего конвоя. Это—большая каменная вертикальная колонна на широкомъ каменномъ пьедесталѣ, на которой имѣется соотвѣтствующая офиціальная надпись, гласящая, что здѣсь, молъ, конецъ Европы, начинается Азія—Сибирь. „Столбъ“ испещренъ былъ массой не-офиціальныхъ частныхъ надписей, которыми разные „помнящіе“ и „непомнящіе“ пожелали увѣковѣчить для потомства присутствіе свое въ этомъ историческомъ пунктѣ, или давали тѣ или другія указанія пріятелямъ, слѣдующимъ за ними въ другихъ партіяхъ. Память моя надписей этихъ не сохранила, но помню, что нѣкоторыя изъ нихъ своимъ лаконически юмористическимъ характеромъ и чрезвычайной мѣткостью вызывали съ нашей стороны гомерическій хохотъ.

Не у одного изъ насъ ёкнуло сердце при созерцаніи этой эмблемы предстоящей намъ очень продолжительной (а, можетъ быть, и вѣчной) подневольной жизни.

Что-то ждетъ насъ впереди, за этимъ столбомъ,—невольно думалось каждому изъ насъ!..

4.

И вотъ мы въ самомъ первомъ заселенномъ пунктѣ Сибирѣ—въ основанной царскими воеводами Василіемъ Сукинымъ и Иваномъ Мяснымъ еще въ 1585 году (вскорѣ послѣ смерти Ермака Тимофеевича) богатой и торгово-промышленной *Тюмени*,—въ первомъ, на пути нашемъ, сибирскомъ городѣ.

Тюмень — одинъ изъ самыхъ „крупныхъ“ окружныхъ [1]) городовъ Тобольской губерніи, въ которой должна была осѣсть половина нашей партіи: Волховской, Осташкинъ, Стопоне, Чернявскій и я.—Выраженіе: „самый крупный“ не должно, впрочемъ, вводить въ заблужденіе читателя. Оно можетъ быть употреблено здѣсь лишь *сравнительно*, ибо этотъ промышленный и торговый пунктъ Тобольской губерніи, славившійся своими коврами и своимъ гончарнымъ производствомъ, насчитывалъ въ то время всего около 14.000 жителей обоего пола. Однако, послѣ Тобольска (съ населеніемъ въ то время около 17.000 ж.) Тюмень былъ самый населенный городъ въ губерніи.

Тройки наши остановились возлѣ одного своеобразнаго архаическаго учрежденія, спеціально вѣдавшаго ссылаемыхъ въ Сибирь на житье и поселеніе и въ каторжныя работы,—возлѣ „Приказа о ссыльныхъ“, помѣщавшагося въ одномъ изъ лучшихъ тюменскихъ зданій.

---

[1]) Въ Сибири уѣзды назывались „округами“, а администр. центры — „окружными городами“.

Во главѣ Приказа стоялъ совѣтникъ, въ распоряженіи котораго находился цѣлый штатъ служащихъ, влачившихъ самое жалкое существованіе, такъ какъ крайне мизерные оклады давали возможность только кое-какъ съ грѣхомъ пополамъ сводить концы съ концами, перебивались, что называется, съ хлѣба на квасъ,—и то благодаря лишь тому, что жизнь въ Тобольской губерніи отличалась тогда необыкновенной дешевизной.

Приказъ представлялъ изъ себя учетное и распорядительное учрежденіе. При помощи и содѣйствіи тобольской, томской, красноярской и иркутской экспедицій о ссыльныхъ, учрежденіе это принимало, распредѣляло и наблюдало за всѣми ссыльными, разбросанными по всей обширной Сибири и представлявшими, по выраженію Пушкина, смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній, изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ.— Въ этомъ Приказѣ, при всей ограниченности его штата, велась обширнѣйшая переписка и фабриковались цѣлыя тысячи дѣлъ. Онъ получалъ увѣдомленія отъ всѣхъ судебныхъ мѣстъ нашей обширной родины о преступникахъ, приговаривавшихся ими къ ссылкѣ въ Сибирь. Имена ссыльныхъ, на основаніи этихъ свѣдѣній, вносились Приказомъ въ предварительный алфавитъ. Затѣмъ, по прибытіи въ Тюмень лицъ, занесенныхъ въ этотъ алфавитъ, Приказъ, тщательно провѣривъ ихъ примѣты, заносилъ ихъ уже въ другой списокъ—распорядительный алфавитъ, въ которомъ отмѣчались и тѣ сибирскія губерніи, въ которыя они назначались Приказомъ руководствовавшимся при этомъ особо преподанными ему правилами и соображеніями. Продѣлавъ эту процедуру, Приказъ пересылалъ преступниковъ при особыхъ, такъ называемыхъ, статейныхъ спискахъ [1]) въ соотвѣтствующія экспедиціи. Послѣднія назначали уже присланныхъ къ нимъ ссыльныхъ въ соотвѣтствующіе округа, волости или города своихъ губерній, увѣдомляя объ этомъ Приказъ, который уже тогда полученныя новыя свѣдѣнія вносилъ въ алфавитъ окончательный.

Изъ изложеннаго очевидно, что на обязанности Приказа лежало— вести учетъ ссыльныхъ и распредѣлять ихъ, при содѣйствіи экспедицій по разнымъ районамъ Сибири въ предѣлахъ, конечно, приговоровъ соотвѣтствующихъ судебныхъ мѣстъ. При этомъ предполагалось, что как Приказъ, такъ и экспедиціи руководствуются при распредѣленіи ссыльныхъ не одними лишь соображеніями о степени населенности того или другого пункта, но и субъективными свойствами ссыльныхъ—ихъ пригодностью для того или другого рода занятій, образа жизни и т. п. Получалось, однако, на дѣлѣ совсѣмъ не то. Эти архаическія учрежденія

---

[1]) Въ статейномъ спискѣ обозначалось преступленіе, за которое судился ссылаемый, указывались его примѣты, лѣта, мѣсто родины, званіе и присужденное ему наказаніе.

распредѣляли (и нынѣ, кажется, распредѣляютъ) своихъ опекаемыхъ чисто-механическимъ путемъ. Ссыльные направлялись ими просто наугадъ, куда попало. Сплошь и рядомъ наблюдалась такая картина: прислуга— повара, кухарки, горничныя, лакеи и т. п. попадали въ глухія волости, или въ несчастные захолустные городишки въ родѣ Березова, Сургута, или Обдорска, гдѣ на ихъ профессіи рѣшительно никакого спроса не существовало, а между тѣмъ въ Томскѣ, Иркутскѣ, Енисейскѣ или Читѣ на нихъ былъ бы спросъ и они могли бы приложить къ чему-либо свою профессію; землеробы попадали въ разные глухіе городки, гдѣ еще съ грѣхомъ-пополамъ могли бы найти себѣ занятіе слуги, но пахарю буквально нечего было дѣлать, или ихъ водворяли въ такихъ пунктахъ, гдѣ требовались скотоводы и охотники, но отнюдь не земледѣльцы. Какой-нибудь одесскій или таганрогскій матросъ попадалъ не на Байкалъ, или на Ангару, или на Обь, гдѣ онъ все-таки могъ бы найти для себя какое-либо подходящее занятіе, а въ города Туринскъ, Тару или Курганъ, гдѣ ему рѣшительно нечего было дѣлать при всемъ его желаніи; степняка-херсонца водворяли въ дремучей пенымской тайгѣ, а какого-нибудь лѣсного вятича или костромича назначали въ районъ Барабинской степи, и т. д. и т. д. Въ результатѣ и получалось столь обычное въ Сибири явленіе, что ссыльные очень рѣдко ожидали въ пунктахъ, куда водворяли Приказъ и экспедиціи,[1]) а въ громадномъ большинствѣ случаевъ они пускались въ бѣга, образуя особый своеобразный классъ бѣглыхъ и бродягъ, при чемъ, какъ выразился одинъ офиціальный документъ, въ Сибири не бѣгаютъ только тѣ, кто на это не согласны...

Съ этимъ явленіемъ я въ деталяхъ ознакомился, конечно, лишь впослѣдствіи, когда я занялся изученіемъ Сибири, но я не могъ не остановиться на немъ хоть вскользь здѣсь, говоря объ историческомъ Приказѣ, вѣдавшемъ судьбы несчастненькихъ.

Политическіе ссыльные состояли въ непосредственномъ завѣдываніи шефа жандармовъ, который или распредѣлялъ ихъ непосредственно самъ, или предоставлялъ это распредѣленіе сибирскимъ генералъ-губернаторамъ. Шефъ же жандармовъ или, правильнѣе говоря, III Отдѣленіе, во главѣ котораго онъ стоялъ, имѣло непрерывное и недреманное наблюденіе за пребывающими въ Сибири политическими ссыльными. *Учетъ* же политическихъ ссыльныхъ, какъ и учетъ всѣхъ вообще ссыльныхъ, сосредоточивался въ томъ же Приказѣ, почему насъ, по прибытіи въ Тюмень, прямо туда и доставили.

---

[1]) Осѣдало, обыкновенно, по офиціальнымъ даннымъ не болѣе пятой или шестой части.

Получивъ отъ начальника нашего конвоя соотвѣтствующія свѣдѣнія и сдѣлавъ въ своихъ „алфавитахъ“ соотвѣтствующія отмѣтки, Приказъ направилъ насъ въ тюменскую пересыльную тюрьму. Шишко и Союзовъ черезъ 2—3 дня въ тѣхъ же кандалахъ отправлены были дальше—на Кару подъ конвоемъ того же жандармскаго офицера. Вскорѣ послѣ нихъ отправлены были въ Иркутскъ, въ распоряженіе генералъ-губернатора Восточной Сибири Лукашевичъ и Рабиновичъ. Намъ же всѣмъ остальнымъ пришлось погостить въ тюменской тюрьмѣ впредь до распредѣленія по Тобольской губерніи.

Тюменская пересыльная тюрьма принадлежала въ то время (вѣроятно, она и теперь такой же осталась) къ самымъ сквернымъ по своимъ санитарно-гигіеническимъ условіямъ.—Находясь въ пунктѣ, черезъ который безпрерывно двигались съ Запада на Востокъ всякія арестантскія „партіи“, тюрьма эта всегда бывала чрезмѣрно переполнена и вмѣщала въ нѣсколько разъ больше народа, чѣмъ сколько она могла бы вмѣстить по своему кубическому объему,—и въ тѣсныхъ камерахъ на, такъ называемыхъ, нарахъ (кровати составляли здѣсь чрезвычайно рѣдкую роскошь) приходилось спать почти въ повалку. Всегда биткомъ набитыя камеры содержались грязно и крайне неопрятно; вентиляція была первобытная, а воздухъ стоялъ всегда спертый и удушливый. Кормили здѣсь изъ рукъ вонъ плохо.

Такъ какъ мы были „политическіе“, то тюремная администрація считала, уже по разъ заведенному порядку, необходимымъ всячески изолировать насъ отъ „уголовныхъ“. Въ виду же того, что послѣднихъ было слишкомъ много, и они въ тѣсныхъ переполненныхъ камерахъ своихъ почти задыхались отъ духоты, имъ разрѣшалось оставаться на дворѣ—на прогулкахъ—въ теченіе цѣлаго дня, и мы лишались тѣмъ самымъ возможности пользоваться прогулками, такъ какъ—въ противномъ случаѣ—по мнѣнію тюремной администраціи, она должна бы была уголовныхъ на время нашихъ прогулокъ держать подъ замкомъ въ камерахъ, на что мы сами не нашли возможнымъ согласиться, когда намъ предоставлено было рѣшить эту проблему. Волей - неволей пришлось мириться съ этимъ положеніемъ, довольствоваться прогулками по тѣсному и мрачному своему коридорчику и . . . ждать.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день намъ объявили, что я и Чернявскій назначены на житье въ г. Ялуторовскъ, одинъ изъ ближайшихъ отъ Тюмени городовъ, на разстояніи отъ нея всего въ 80-ти верстахъ,—что Волховскому назначенъ мѣстомъ жительства г. Тюкалинскъ, путь въ который лежалъ черезъ Ялуторовскъ, и Осташкину мѣстомъ водворенія назначена Тара.

5.

Распростились мы съ товарищами и двинулись въ путь. Одновременно я, Чернявскій и Волховской разстались съ тюменской пересыльной тюрьмой и отправились въ двухъ кибиткахъ въ сопровожденіи мѣстныхъ полицейскихъ,—я съ Чернявскимъ въ одной кибиткѣ, и Волховской въ другой.

Вечеромъ того же дня мы были уже въ Ялуторовскѣ. Напившись на станціи чаю и обмѣнявшись на память ложками (ничего другого при насъ не было), мы съ Волховскимъ крѣпко расцѣловались и, сердечно обнявшись, разстались, торжественно обязавшись взаимно вести частую переписку, хотя намъ и объявлено было, что корреспонденція наша вся будетъ обязательно подвергаться просмотру мѣстной полиціи, и что мы-де не имѣемъ права вести переписку съ кѣмъ бы то ни было помимо полиціи.

Распрощавшись съ Волховскимъ, я съ Чернявскимъ отправились въ сопровожденіи нашего конвоира для явки въ Полицейское Управленіе. Здѣсь мы приняты были подъ расписку помощникомъ исправника и отпущены были на всѣ четыре стороны съ обязательствомъ, по пріисканіи квартиры, сообщить немедленно полиціи свой адресъ.

Переночевать пришлось, конечно, на почтовой станціи,—благо послѣдняя помѣщалась въ просторномъ домѣ, отдѣльномъ отъ жилья многосемейнаго хозяина, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ свободныхъ, чистыхъ и высокихъ комнатъ, одну изъ которыхъ почтосодержатель предоставилъ намъ до пріисканія квартиры.

Хозяинъ станціи,—крѣпкій, коренастый старикъ лѣтъ 60-ти, прибывшій въ Сибирь много лѣтъ назадъ, какъ ссыльный,—давно уже въ Ялуторовскѣ обжившійся и уже превратившійся въ „старожила-хозяина",—отнесся къ намъ довольно радушно. Онъ угостилъ насъ сытнымъ ужиномъ, въ меню котораго вошли, конечно, пресловутые сибирскіе „пельмени" и водка, и за ужиномъ посвятилъ насъ во всѣ далеко не сложныя тайны нашего отнынѣ Ялуторовска.—Съ перваго же абцуга и прежде всего онъ съ нескрываемою гордостью посвятилъ насъ въ свои знакомства съ сибирскими губернаторами и генералъ-губернаторами, которые-де его „очень любили" и всегда удостаивали его чести по пути въ Россію и обратно „закусывать" у него и получать отъ него „дорожный запасъ" изъ двухъ-трехъ „мѣшковъ" бульона, супа и пильменей. Нужно замѣтить, что, такъ какъ передвиженіе по Сибири (въ особенности зимою) производилось въ то время исключительно на лошадяхъ [1]), а большія почтовыя станціи

[1]) Лѣтомъ между Тюменью и Томскомъ существовало пароходное сообщеніе.

встрѣчались не часто, то сибиряки и другіе проѣзжающіе, отправляясь въ путь, считали нужнымъ брать съ собою въ дорогу значительные запасы провизіи: помимо всевозможныхъ печеній, сахару, чаю и неизбѣжной водки или рома, заготовлялись цѣлыя ведра борща или супа, которыя замораживались и, при продолжительныхъ крѣпкихъ сибирскихъ морозахъ, могли оставаться цѣлые мѣсяцы въ такомъ видѣ; большими глыбами, чаще кружками, борщъ или супъ укладывались въ мѣшки, которые преспокойно упаковывали въ тарантасы; также сотнями заготовлялись въ дорогу пельмени, которые въ замороженномъ же видѣ (сырые) укладывались также въ мѣшки. Когда проѣзжій останавливался на какой-нибудь станціи для обѣда или для ужина, онъ поручалъ хозяйкѣ разводить огонь, топоромъ откалывалъ изъ мѣшка кусокъ замороженнаго борща или супа, опускалъ куски эти въ горшки, которые ставили въ печь,—и черезъ 5—10 минутъ готово было горячее жидкое, съ особеннымъ аппетитомъ поглощавшееся послѣ ѣзды по морозу,—откалывались изъ мѣшка также куски пельменей, которые, прокипятившись въ горячемъ бульонѣ нѣсколько минутъ, являлись весьма лакомымъ блюдомъ, истреблявшимся также съ большимъ аппетитомъ при неизмѣнной приправѣ крѣпкой сибирской водки...

Старикъ съ особенно пріятнымъ чувствомъ вспоминалъ о восточносибирскомъ генералъ-губернаторѣ Корсаковѣ, который „леталъ“ по Сибири „вихремъ“, загоняя по пути не одну тройку почтовыхъ лошадей и умудряясь, будто бы, добираться изъ Иркутска до Петербурга въ 10—12 дней, останавливаясь лишь для обѣда разъ въ день,—и въ томъ числѣ обязательно и у него въ Ялуторовскѣ...

Впервые, наконецъ, мы очутились, послѣ многихъ лѣтъ тюремной жизни „на волѣ“,—въ комнатѣ безъ рѣшетокъ въ окнахъ, при свободномъ и достаточномъ освѣщеніи, безъ присмотра стражи, безъ надглазника,—одни, *сами по себѣ*! Мы смотрѣли у открытыхъ оконъ, любовались въ теплую лѣтнюю ночь широкимъ небеснымъ сводомъ, созерцая улицу и окрестные дома и испытывали какое-то странное чувство при мысли, что вотъ-де „вдругъ“ мы „на свободѣ“, что никто не препятствуетъ намъ раскрывать свои окна, высовывать свою голову... Въ этотъ моментъ (и, конечно, на самый короткій моментъ) забыто было все,—и прошедшее, и будущее, и даже настоящее. Мы ощущали какое-то полное физическое довольство,—довольство самимъ фактомъ своего *существованія*...

Съ наслажденіемъ мы смотрѣли, какъ „хозяйка“ приготовляла для насъ постели на широкихъ объемистыхъ кроватяхъ, покрывая хорошіе пружинные матрацы чистыми простынями, высоко взбивая пуховыя мягкія подушки въ бѣлыхъ свѣжихъ наволокахъ. Отъ *этого* нашъ глазъ давно отвыкъ!

Я раздѣлся, улегся, съ наслажденіемъ растянулъ на чистой простынѣ свои усталые члены и послѣ дневного 80-ти верстного путешествія въ тряской кибиткѣ, продолжительной бесѣды съ „хозяиномъ“, со смакомъ посвящавшаго насъ въ тайны предстоящей намъ „новой“ жизни, скоро заснулъ крѣпкимъ, сладкимъ безмятежнымъ сномъ...

Шелъ, вѣдь, тогда мнѣ только 28-й годъ!..

6.

Выспались мы на славу! Сонъ нашъ давно уже не былъ такъ крѣпокъ и сладокъ. Мы проснулись свѣжими и бодрыми. Чувствовалось, что какъ будто какая-то гора съ плечъ свалилась. Мы поднялись не сразу, а лежа, съ закрытыми глазами, какъ-то особенно радостно думали о томъ, что вотъ-де мы встанемъ, сядемъ за самоварчикъ, будемъ *вдвоемъ* калякать, сколько душѣ угодно, потомъ мы *сами*, *одни*, выйдемъ на улицу, на просторъ, будемъ ходить по улицамъ безъ конвоя, безъ провожатыхъ, будемъ какъ будто на положеніи свободныхъ людей.

Насъ охватило эгоистически-радостное чувство. Мы даже на мигъ какъ бы забыли о своемъ подневольномъ положеніи и наслаждались ощущеніемъ своего физическаго бытія.—Такого состоянія мнѣ не приходилось еще испытывать. Надо полагать, что мы тогда испытывали то самое чувство, которое испытываютъ люди послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, когда, выздоровѣвши, они получаютъ разрѣшеніе врача впервые выйти изъ опостылѣвшей имъ комнаты на вольный воздухъ...

Сладко потягиваясь и перекидываясь отрывочными фразами, мы довольно долго еще провалялись въ своихъ мягкихъ постеляхъ. Наконецъ, мы вскочили, встряхнулись, умылись холодной свѣжей водой, одѣлись и принялись строить планы насчетъ ближайшаго будущаго.

„Хозяйка“ принесла большой прекрасно-вычищенный самоваръ, который весь пыхтѣлъ и клокоталъ. Это была чрезвычайно пріятная для насъ музыка! Вѣдь, около 5-ти лѣтъ мы уже „за самоваромъ“ не сидѣли.

На столѣ, на бѣлоснѣжной скатерти аппетитно расположена была на нѣсколькихъ тарелкахъ знаменитая сибирская „прикуска“,—плававшія въ маслѣ жирнѣйшія „оладьи“ и жирные мясные пирожки, тутъ же стоялъ большой кувшинъ съ прекрасными сливками.

Съ наслажденіемъ выпили мы по нѣсколько стакановъ чаю, „прикусивъ“ безсмѣтное количество аладей и пирожковъ и отправились „осматривать“ свой городъ и „пріискивать“ для себя помѣщеніе.

„Осматривать“ долго не приходилось, такъ какъ весь городъ Ялуторовскъ состоялъ, строго говоря, изъ одной главной (такъ сказать, цен-

тральной) улицы и двухъ боковыхъ отъ нея улицъ, по обѣимъ сторонамъ, которыхъ расположены были почти сплошь деревянныя постройки съ обширными при нихъ дворами, почти въ каждомъ изъ которыхъ находился садикъ и огородъ. Дома эти были весьма неприхотливой архитектуры и состояли изъ нѣсколькихъ просторныхъ комнатъ, въ которыя вели крылечко и сѣни.

На одномъ концѣ широкой центральной улицы виднѣлось полицейское управленіе и помѣщеніе при немъ пожарной команды съ его общероссійской „каланчей", а на незначительномъ отъ него разстояніи на площади красовался не поражавшій особенной чистотой базаръ и рядъ лавочекъ со всевозможнымъ въ каждой бакалейнымъ, галантерейнымъ, мануфактурнымъ и всякаго рода инымъ товаромъ.

Черезъ площадь отъ другого противоположнаго конца этой центральной улицы въ нѣкоторомъ разстояніи обращало на себя вниманіе самое видное и внушительное бѣлое каменное зданіе, состоявшее изъ нѣсколькихъ корпусовъ и окруженное со всѣхъ сторонъ высокой каменной оградой. Это былъ, разумѣется, тюремный замокъ, который во всѣхъ расположенныхъ на трактѣ сибирскихъ городкахъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе солидностью и прочностью своей постройки [1])... Тутъ же невдалекѣ находилось небольшое довольно мелкое озеро, всегда переполненное такою массою дикихъ утокъ, что ялуторовцы прямо били ихъ палками и собирали десятками въ свою „посудину".

Кромѣ центральной и двухъ боковыхъ улицъ, составлявшихъ собственно говоря, весь „городъ", на окраинахъ находилось еще нѣсколько уличекъ и переулочковъ съ жалкими на нихъ маленькими ветхими избушками, въ которыхъ ютилась сплошь бездомная сибирская голытьба—почти исключительно уголовно-ссыльная братія.

Наконецъ, за озеромъ, саженяхъ въ 200—300-хъ отъ „города" находилась небольшая „слободка", состоявшая изъ 20—30-ти домишковъ, при которыхъ находились кузницы, а при нѣкоторыхъ и столярныя мастерскія. Это была спеціально-кузнечная слободка. Здѣсь жили исключительно кузнецы (отчасти столяры), занимавшіеся ковкою лошадей, саней, телѣгъ и повозокъ, которыя нѣкоторые изъ нихъ сами же изготовляли не только для города, но и для всей „округи" и даже для Тобольска, такъ какъ репутація слободокъ по этой части была прочно установлена.

Почти всѣ солидные ялуторовскіе жители имѣли собственные дома,

[1]) Во время генералъ-губернаторства генералъ-лейтенанта Густава Христіановича Гасфорда (1851—1861 г.г.) воздвигнуты были во всѣхъ городахъ Западной Сибири по одному нормальному и совершенно однородному плану обширныя каменныя тюрьмы. Всѣ они трехэтажныя, крытыя желѣзомъ, прекрасно выштукатурены и окружены высокими каменными стѣнами.

которые и строились ими исключительно для собственныхъ своихъ надобностей. Въ очень немногихъ наемныхъ помѣщеніяхъ проживали пришлые чиновники, временами наѣзжавшіе сюда торговцы и ссыльные.

По даннымъ намъ хозяиномъ почтовой станціи указаніямъ мы съ Чернявскимъ направились въ домъ одного мѣстнаго мѣщанина. Главный корпусъ нанималъ у него уѣздный казначей; во флигелѣ же жилъ самъ хозяинъ, который, какъ намъ говорили, не прочь былъ сдать часть этого флигеля.

На стукъ нашъ вышелъ къ намъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, весьма крупныхъ размѣровъ—рослый, коренастый, широкоплечій, весь заплывшій жиромъ и, повидимому, не совсѣмъ трезвый. — Покалякавъ съ нами немного на крылечкѣ и разспросивъ насъ, „чьи“ мы будемъ, [2]) мѣщанинъ ввелъ насъ во флигель и показалъ ту его половину, которую онъ не прочь былъ намъ сдать.—Состояла она изъ сѣней и двухъ небольшихъ довольно свѣтлыхъ комнатокъ съ окнами на улицу и во дворъ.

Мы разговорились съ хозяиномъ и предложили ему назначить цѣну „за все“, т. е. за квартиру съ самоваромъ, обѣдомъ, прикуской и ужиномъ, даже со стиркой бѣлья. Хозяинъ немного нерѣшительнымъ голосомъ назначилъ съ насъ двоихъ 15 рублей въ мѣсяцъ, т. е. по 7 рублей съ полтиной съ человѣка. Мы въ Россіи не привыкли къ столь низкимъ цѣнамъ и безъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ изъявили свое согласіе, что—повидимому—даже удивило хозяина. Такъ какъ и я, и Чернявскій могли разсчитывать получить изъ дому рублей по 10-ти въ мѣсяцъ, то—стало быть—мы могли считать матеріальное свое существованіе обезпеченнымъ,—тѣмъ болѣе, что, въ крайнемъ случаѣ, мы имѣли право на „казенное пособіе“ въ размѣрѣ шести рублей въ мѣсяцъ, которые тогда полагались „привиллегированнымъ ссыльнымъ“.

Впослѣдствіи мы поняли, что цѣна въ 15 рублей съ двухъ въ Ялуторовскѣ была отнюдь не низкая, а скорѣе даже высокая: въ то время тамъ стоилъ пудъ хорошаго мяса 60—80 коп., пудъ муки 40—60 коп., дикая утка—3 коп., фунтъ масла—15—20 коп., кувшинъ молока—2—3 коп., дрова были почти безъ цѣны, такъ какъ они вдоволь добывались въ ближайшей рощѣ и т. д.

Мы ударили по рукамъ. Мѣщанинъ угостилъ насъ водочкой, съ „солененькой“ закуской и предложилъ даже свою лошадь для перевозки со станціи нашего имущества, что было не лишнее, такъ какъ тогда еще въ нашемъ Ялуторовскѣ никакихъ извозчиковъ не было.

---

[1]) Первый обычный вопросъ, съ которымъ тогда обращались въ Сибири ко всякому при первомъ знакомствѣ былъ: „чьи вы будете?“ Вопросъ этотъ на первыхъ порахъ меня довольно шокировалъ.

Мы переѣхали, сообщили полиціи свой „адресъ“ и зажили „на свободѣ“...

7.

На другой же день наша „свобода“ была немного конкретно иллюстрирована.

Еще въ крѣпости у меня разболѣлись глаза. Боль эта давала себя чувствовать съ каждымъ днемъ все больше и больше. Мѣстный врачъ Кудрявцевъ, къ которому я на другой же день, по прибытіи въ Ялуторовскъ, обратился за помощью, посовѣтовалъ мнѣ нѣкоторое время воздержаться отъ чтенія и проводить возможно больше времени на берегу рѣки, протекавшей въ 1—$1^1/_2$ верстахъ отъ города, созерцая ея гладкую и спокойную поверхость.

Не долго думая, мы съ Чернявскимъ на другой же день послѣ переѣзда на квартиру двинулись на эту рѣчку. Чернявскій захватилъ съ собой книжку и читалъ ее, я же разлегся ничкомъ на берегу и созерцалъ поверхность рѣки.

Не прошло и часа времени, какъ послышался шорохъ, и мы увидѣли приближающагося къ намъ полицейскаго надзирателя.—Сладко улыбаясь, онъ протянулъ намъ письма: вотъ-де я узналъ, что вы на рѣкѣ и принесъ вамъ полученную корреспонденцію.

Мы вспылили. Мы рѣшительно никому не сказали, куда и зачѣмъ мы отправляемся. Ясно, стало быть, что за нами зорко слѣдятъ и знаютъ каждый нашъ шагъ.

Мы рѣзко заявили надзирателю, что онъ могъ письма наши оставить на квартирѣ или сообщить тамъ, чтобы мы пришли за ними въ полицію, а не разыскивать насъ, тѣмъ болѣе, что мы условились съ исправникомъ, что будемъ по очереди ежедневно приходить за корреспонденціей, что и должно было замѣнить надзоръ за нами.

Надзиратель, ухмыляясь, спокойно заявилъ намъ, что на него полиціей возложенъ надзоръ за нами, и онъ долженъ строго исполнять свои обязанности,—что мы, въ сущности, не имѣетъ права отлучаться за черту строеній города, и ему придется доложить исправнику о нашей отлучкѣ.

На этотъ разъ дѣло, однако, обошлось благополучно. Мы замѣтили только, что нашъ хозяинъ почти не выпускалъ насъ съ своихъ глазъ; на сдѣланное нами ему по этому поводу замѣчаніе онъ объяснилъ, что за нашу отлучку на рѣку ему „досталось“ и что ему приказано подъ страхомъ „каталажки“ доносить полиціи, куда и когда мы отлучаемся.

Когда мы явились въ полицію для объясненій, намъ отвѣтили тамъ, что каждому его шкура дорога,—что въ Ялуторовскѣ-де проживала не-

задолго до нашего прибытія осужденная по процессу 50-ти Ольга Спиридоновна Любатовичъ: полиція предоставила-де ей полную свободу, а она „злоупотребила довѣріемъ“ и убѣжала. И вотъ теперь изъ-за нея масса непріятностей, хотя она и оставила на имя проживающей въ Тарѣ сестры своей Вѣры Спиридоновны письмо, въ которомъ она объясняетъ, что она не въ силахъ-де больше переносить муки ссыльной жизни и рѣшила покончить съ собой [1]). Потому-то волей-неволей за нами приходится учинить строжайшій надзоръ, и съ этимъ мы должны мириться,—полиція отнюдь не намѣрена отвѣчать за насъ...

Послѣднее для насъ было само собою ясно. Мы „мирились“, мирились даже съ тѣмъ, что не одинъ разъ, привлеченные шорохомъ возлѣ наружныхъ стѣнъ нашихъ комнатъ, мы замѣчали, какъ надзиратель, а то и самъ исправникъ, собственной грузной своей персоной, осторожными тихими шагами подкравшись къ нашимъ окнамъ, вперяли свои очи въ щели ставень: неудержимый хохотъ съ нашей стороны побуждалъ ихъ лишь при этомъ поспѣшно ретироваться...

Нашъ хозяинъ, за условленные семь съ полтиной, кормилъ насъ, положительно, до-отвала. Къ утреннему чаю (обязательно со сливками) подавались двѣ-три тарелки съ цѣлыми горами жирныхъ оладій; обѣдъ состоялъ изъ двухъ мясныхъ блюдъ, при чемъ мяса подавалось столько, что при всемъ нашемъ на первыхъ порахъ волчьемъ аппетитѣ, мы не съѣдали и половины подаваемаго; къ вечернему чаю опять полагались сливки и прикуска, а затѣмъ обильный мясной ужинъ. Въ праздничные и воскресные дни трапеза принимала гомерическіе размѣры.

Пробовалъ, было, нашъ хозяинъ (вѣроятно, по совѣту полиціи) сойтись съ нами „поближе“, но мы систематически отклоняли всѣ попытки его въ этомъ направленіи. Какъ-то раза два или три онъ настойчиво черезъ перегородку усиленно звалъ меня къ себѣ, объясняя, что у него на столѣ „штофъ“, что одинъ имъ уже выпитъ, а онъ-де въ этомъ состояніи только и бываетъ „уменъ“ и хотѣлъ бы съ „умными“ людьми потолковать, но я предпочелъ его любезныя приглашенія отклонять, ссылаясь на нездоровье,— что, впрочемъ, отнюдь не повліяло на обильную его кормежку за наши семь съ полтиной...

[1]) Сама полиція письму Ольги Спиридоновны (если таковое и существовало) никакого серьезнаго значенія не придавала и была съ перваго же момента увѣрена въ ея побѣгѣ; но еще долго, ради самооправданія, баграми разыскивала въ рѣкѣ ея трупъ, неукоснительно донося губернской администраціи о своихъ поискахъ.

Однако, не о хлѣбѣ единомъ человѣкъ живъ бываетъ. Надо было подумать и о какой-нибудь духовной пищѣ. Намъ хотѣлось прежде всего добыть какую-нибудь газету, и намъ указали на любознательнаго „купца" Потемкина, любителя-де „политики" и чтенія. Познакомились мы съ нимъ. Оказалось, что онъ, дѣйствительно, тронутъ „духомъ времени",—онъ выписывалъ тощій и дешевенькій „Сынъ Отечества" (издававшійся, кажется, въ то время Старчевскимъ) и охотно согласился снабдить насъ этой газетой, пока мы выпишемъ свою. Какъ ни тоща и ни жалка была тогда эта газетка и по объему, и по содержанію своему, но мы, однако, съ жадностью набросились на предоставленные намъ нѣсколько десятковъ послѣднихъ номеровъ: какъ-никакъ, а все же при ея помощи можно было узнать о внѣшнемъ положеніи вещей на бѣломъ свѣтѣ.

Этотъ Потемкинъ былъ изъ уголовныхъ ссыльныхъ. Въ Сибирь попалъ онъ еще юнцомъ за какія-то „дѣлишки". Заброшенный въ Ялуторовскъ, онъ прослужилъ нѣсколько лѣтъ „мальчикомъ" въ лавкѣ старожила-купца Родіонова, приглянулся племянницѣ послѣдняго—сиротѣ, тоже служившей въ лавкѣ, женился на ней и, сколотивъ обычнымъ путемъ маленькій капиталецъ, открылъ собственную торговлю, которая, благодаря его словоохотливости и балагурству, пристрастію его къ „политикѣ" и умѣнію показывать товаръ лицомъ, шла у него довольно бойко, такъ что онъ понемногу становился „купцомъ", началъ играть роль въ этомъ глухомъ городишкѣ и уже предавался заманчивой мечтѣ попасть въ „головы". Мѣшало осуществленію этой мечты одно лишь маленькое обстоятельство: хотя онъ передвигался уже свободно по Сибири, ѣздилъ на ярмарки въ Ирбитъ, побывалъ даже раза два на Нижегородской ярмаркѣ, но „права" ему еще не были возвращены, а безъ „правъ" никакъ нельзя было сдѣлаться „головой".

Когда мы прибыли въ Ялуторовскъ, дѣла Потемкина въ этомъ направленіи уже „налаживались": проживавшій раньше насъ въ административной ссылкѣ въ Ялуторовскѣ извѣстный русскій издатель Павленковъ состоялъ съ нимъ, по его увѣренію, въ хорошихъ отношеніяхъ и, возвращаясь въ Россію, пообѣщалъ ему похлопотать о немъ въ Петербургѣ. Дѣйствительно, Потемкину скоро возвращены были „права", и онъ уже имѣлъ всѣ шансы на то, чтобы очутиться въ роли ялуторовскаго городского головы, каковымъ лѣтъ черезъ 5—6 и былъ...

Итакъ мы свели знакомство съ Потемкинымъ и еще съ нѣкоторыми мѣстными „купцами", посвящавшими насъ во всѣ тайны мѣстной жизни, что дало мнѣ возможность приняться съ большими предосторожностями за корреспонденціи въ столичныя газеты. Черезъ нѣкоторое время мы стали получать газеты и журналы, и дни наши стали протекать уже не такъ скучно и однообразно.

Въ скоромъ времени въ Ялуторовскъ привезли Сергѣя Александровича Жебунева, прекраснѣйшаго товарища и идеалиста до мозга костей. Мы рѣшили поселиться втроемъ, и такъ какъ у Чернявскаго, какъ бывшаго студента технологическаго института, явилась мысль открыть токарно-столярную мастерскую, то мы считали цѣлесообразнымъ нанять цѣлый домъ, что должно было поднять и престижъ нашъ въ глазахъ мѣстнаго населенія.

Поиски наши увѣнчались успѣхомъ. Мы нашли свободный громадный домъ (правда, далеко не новый), состоявшій изъ шести обширныхъ комнатъ съ разными чуланчиками и кладовками; при домѣ этомъ былъ обширнѣйшій дворъ, значительная часть котораго (площадью, если не ошибаюсь, въ 1200—1500 кв. саженей), занята была старымъ и довольно запущеннымъ садомъ, а также обширнымъ огородомъ. Кромѣ нашего дома, во дворѣ находился еще флигелекъ, въ которомъ мы и рѣшили устроить мастерскую; а за оградой возлѣ бани (въ Ялуторовскѣ, какъ и вообще въ сибирскихъ городахъ, при каждомъ домѣ имѣлась тогда своя баня) стояла просторная изба, которую занималъ старикъ—Осипъ, который и завѣдывалъ этимъ домомъ, владѣлецъ котораго проживалъ, кажется, въ Тобольскѣ, куда онъ переѣхалъ, получивъ тамъ какую-то „службу“.

За весь этотъ домъ съ обширными при немъ службами (сараемъ, конюшней, баней, сѣноваломъ, прачешной) Осипъ запросилъ съ насъ... пять рублей въ мѣсяцъ! Цѣна, конечно, была вполнѣ для насъ подходящей, и мы здѣсь устроились уже болѣе прочно, благо скоро въ Ялуторовскѣ же водворили осужденную по дѣлу Ковальскаго Александру Владимировну Аѳанасьеву (вышедшую здѣсь впослѣдствіи замужъ за Чернявскаго).

Чтобы не заводить на первыхъ порахъ собственнаго хозяйства, мы приняли предложеніе Осипа: онъ взялся кормить насъ и поить, давать чай, обѣдъ, ужинъ, стирать наше бѣлье и пр.,—получая за все про все по шести рублей съ человѣка въ мѣсяцъ.

Этотъ Осипъ представлялъ собою преоргинальный и любопытнѣйшій типъ. Въ Ялуторовскѣ онъ жилъ уже лѣтъ 20 или больше. Попалъ онъ сюда, какъ бывшій крѣпостной, по волѣ своего помѣщика за какую-то исторію, про которую Осипъ никому не любилъ разсказывать. Осѣвши въ Ялуторовскѣ, Осипъ, имѣя нѣсколько десятковъ рублей, вздумалъ пустить ихъ въ выгодный оборотъ и занялся покупкой и продажей овса ямщикамъ ближайшихъ станцій, въ особенности „Романовскимъ“: „началъ я,—разсказывалъ мнѣ Осипъ, когда мы съ нимъ разъ парились въ банѣ,—съ маленькаго, взмолился я Николаю Угоднику: помоги-де мнѣ, Св. Николай, заработать на три рубля два рубля, поставлю я тебѣ тогда свѣчку,—и что же ты думаешь,—вѣдь, помогъ!“ Тогда Осипъ расширилъ операціи,

опять пообѣщавъ Николаю Угоднику „большую свѣчку“, если онъ поможетъ ему заработать рубль на рубль.— „И что же ты думаешь? Вѣдь, помогъ же!“, съ паѳосомъ восклицалъ Осипъ. И вотъ, ставя отъ времени до времени Николаю Угоднику свѣчки, Осипъ по-тихоньку да по-маленьку увеличивалъ свое благосостояніе насчетъ „романовскихъ“ ямщиковъ, продавая имъ овесъ за двойныя и тройныя цѣны. А тутъ, „богъ далъ, познакомился“ онъ „съ добрымъ человѣкомъ“, отъ котораго онъ просвѣтился насчетъ существованія „векселя“ и его значенія, и сталъ онъ отпускать уже болѣе увѣренно овесъ „подъ вексель“, и дѣла его пошли уже совсѣмъ хорошо!

Когда мы познакомились съ Осипомъ и поселились въ домѣ, которымъ онъ завѣдывалъ, у него, повидимому, былъ уже довольно порядочный капиталецъ (хотя онъ это и отрицалъ); торговля его тогда уже не особенно интересовала,—онъ собирался женить сына, учительствовавшаго въ одной изъ сельскихъ школъ округа, а самъ—еще крѣпкій и бодрый старикъ, не взирая на довольно преклонный возрастъ (полагаю, ему перевалило тогда много за 60 лѣтъ) наслаждался сожительствомъ съ молодой бабой, мужъ которой, отставной солдатъ, вмѣстѣ съ нею же проживалъ въ избѣ Осипа, занимаясь починкою сапогъ...

Одно лишь очень огорчало Осипа, почему онъ не грамотный. „Кабы я, братецъ ты мой, зналъ грамоту, какихъ бы я дѣловъ понадѣлалъ“, говаривалъ онъ мнѣ неоднократно. И изъ нѣкоторыхъ его намековъ я понялъ, что у него явились виды на меня и на мою „грамоту“, чтобы въ компаніи со мною раскинуть подальше свои сѣти и приняться за болѣе широкія „дѣла“.

8.

Вскорѣ послѣ переѣзда нашего на новоселье, произошло первое серьезное столкновеніе между нами и исправникомъ.

Въ 50—60 саженяхъ отъ крайнихъ строеній города, но безусловно „въ чертѣ города“, почти vis-a-vis лучшей красы Ялуторовска—далеко виднѣющагося тюремнаго замка, начиналась прекрасная роща, тянувшаяся на довольно значительное разстояніе вдоль тракта. Лишенные въ теченіе почти пяти лѣтъ свѣжаго воздуха, мы естественно съ наслажденіемъ пользовались этою рощею для прогулокъ и проводили въ ней лѣтніе вечера, любуясь прекрасной природой и восхищаясь артистическимъ пѣніемъ соловьевъ.

Казалось бы, что въ такомъ невинномъ времяпрепровожденіи ни съ какой логической точки зрѣнія нельзя было усмотрѣть что-либо предосудительное. Но не такого мнѣнія былъ ялуторовскій исправникъ г. Розо-

новъ, съ особенной гордостью подчеркивавшій при всякомъ удобномъ случаѣ, что онъ во время оно состоялъ въ теченіе двухъ лѣтъ студентомъ или вольнослушателемъ Казанскаго университета.

Какъ-то разъ вечеромъ на рысакѣ подъѣхалъ къ рощѣ исправникъ и тучной фигурой своей, въ сопровожденіи стражника, направился навстрѣчу къ намъ. Сухо поздоровавшись съ нами, онъ заявилъ намъ, что прогулки наши въ рощѣ онъ находитъ „неудобными", въ особенности по вечерамъ, такъ какъ роща находится-де за чертой городскихъ строеній, а намъ, молъ, за черту эту выходить не полагается. Мы возразили ему, что та часть рощи, въ которой мы гуляемъ, находится въ чертѣ города, что „мѣстомъ жительства" назначенъ намъ „городъ Ялуторовскъ", а не „черта" городскихъ строеній, что роща здѣсь единственное мѣсто для прогулки, и лишеніе насъ этой возможности подышать въ ней свѣжимъ воздухомъ является съ его стороны совершенно безцѣльной и ничѣмъ не оправдываемой жестокостью. Тогда Розоновъ послѣ непродолжительныхъ пререканій съ нами, возвысивъ голосъ, сурово начальническимъ тономъ заявилъ, что еще разъ повторяетъ, что онъ считаетъ наши прогулки въ рощѣ „неудобными", и прогулки эти категорически намъ запрещаетъ. На это заявленіе я, въ свою очередь, возразилъ, что для насъ отнюдь не важно, что онъ считаетъ „удобнымъ" или „неудобнымъ": для него, можетъ быть, всего удобнѣе было бы, чтобы мы водворены были за тюремной оградой и совсѣмъ въ городъ не показывались бы, но это было бы для насъ не совсѣмъ удобно, и что мы, вообще, считаемъ для себя обязательными лишь *законныя* распоряженія полиціи и подчиняться будемъ лишь такимъ ея распоряженіямъ. Тогда Розоновъ уже болѣе грознымъ голосомъ заявилъ, что онъ, какъ начальникъ полиціи, не позволяетъ намъ гулять въ рощѣ, что онъ предупреждаетъ, что, буде полиція будетъ заставать кого-либо изъ насъ въ рощѣ, она безъ всякихъ разговоровъ будетъ насъ арестовывать. Тогда и мы категорически заявили, что распоряженію этому мы подчиняться не будемъ, пока онъ, исправникъ, не докажетъ намъ, что оно не плодъ одного его усмотрѣнія, а основано на какомъ-либо законѣ. Сердито отвернувшись отъ насъ и направляясь обратно къ своимъ „бѣгункамъ", Розоновъ на ходу кинулъ намъ: „приходите завтра утромъ въ полицейское управленіе, и я покажу вамъ тѣ законы, на которыхъ основано мое распоряженіе".

Какъ во всякомъ захолустномъ городишкѣ, и въ Ялуторовскѣ малѣйшій фактъ, мало-мальски выходящій изъ ряда повседневной обыденности, немедленно становился достояніемъ общей молвы. О столкновеніи между „политическими" и исправникомъ здѣсь всѣ говорили уже въ тотъ же вечеръ, и такъ какъ еще со временъ декабристовъ, изъ которыхъ нѣко-

торые проживали и въ Ялуторовскѣ, политическіе ссыльные пользовались расположеніемъ и симпатіями мѣстнаго населенія, то ялуторовцы чрезвычайно заинтересовались этимъ инцидентомъ, въ особенности заинтригована имъ была чиновная мелкота, относившаяся крайне недружелюбно къ исправнику за его заносчивое и высокомѣрное обращеніе.

Когда мы на другой день явились въ полицейское управленіе, чиновники встрѣтили насъ особенно почтительно, на всѣхъ лицахъ написано было нетерпѣливое ожиданіе чего-то для нихъ рѣдкаго и пикантнаго.

Исправникъ пригласилъ насъ въ „присутствіе" и съ обычной уже въ отношеніи къ намъ любезностью поздоровался съ нами и предложилъ присѣсть. Торжественно потребовалъ онъ у секретаря соотвѣтствующихъ томовъ свода законовъ и глубокомысленно принялся рыться въ нихъ. Поиски его оказались, однако, крайне неудачными, и онъ не могъ найти буквально ни одной подходящей статьи закона. Началъ онъ, было, напирать на общее положеніе, что всѣ обязаны подчиняться законнымъ распоряженіямъ полиціи; но мы заявили ему, что и мы этого положенія отнюдь не отрицаемъ и его „законнымъ" распоряженіямъ безпрекословно будемъ подчиняться, но дѣло-то въ томъ и состоитъ, что въ данномъ случаѣ распоряженіе его незаконно. Чтобы какъ-нибудь хоть внѣшне соблюсти свой „престижъ", Розоновъ торжественно отчеркнулъ и прочелъ, что на обязанности-де полиціи возлагается блюсти за тѣмъ, чтобы на улицахъ не нарушали тишины и порядка. Замѣтивъ при этомъ выраженіе глубокаго изумленія не только на нашихъ лицахъ, но и на лицахъ его помощника и секретаря, Розоновъ присовокупилъ: „у насъ, видите ли, городокъ мирный, тихій и спокойный, ложатся здѣсь всѣ рано спать и очень рано встаютъ, вы же поздно гуляете и поздно домой возвращаетесь, при вашемъ возвращеніи собаки лай поднимаютъ, а этимъ самымъ нарушаются желательные тишина и порядокъ".

Мы не могли удержаться отъ гомерическаго хохота. — „Позвольте", возразилъ я: „въ такомъ случаѣ вамъ слѣдуетъ обратить вниманіе на собакъ, а не на насъ, —не мы же, стало быть, нарушаемъ тишину а онѣ. Вѣдь, если исходить изъ вашего разсужденія, то не слѣдуетъ и днемъ показываться на улицѣ, такъ какъ черезчуръ многочисленныя въ городѣ собаки неизбѣжно поднимаютъ при этомъ яростный лай, и мы тутъ уже рѣшительно ничего подѣлать не можемъ!"

Замѣтивъ, въ какое комическое положеніе онъ попалъ, и видя, какъ изъ сосѣднихъ комнатъ всѣ чиновники и ожидающая по дѣламъ публика столпилась у дверей и съ сочувственной улыбкой прислушиваются къ нашимъ объясненіямъ, багрово-красный Розоновъ, весь пыхтя и отдуваясь, опять напустилъ на себя суровую важность и, поднявшись со своего кресла,

внушительно и торжественно заявилъ намъ: „въ присутствіи полицейскаго управленія и передъ зерцаломъ я, какъ начальникъ полиціи, заявляю вамъ, что я запрещаю вамъ гулять въ рощѣ. Прошу васъ помнить, что вы не въ Россіи, а въ Сибири; тутъ полиція—законъ, я могу не только вамъ, но и всякому даже обывателю запретить выходить изъ дома позже 9-ти часовъ“.

Поднялись, въ свою очередь, и мы,—и я отъ имени товарищей столь же торжественно и отчеканивая каждое слово отвѣтилъ: „съ такимъ широкимъ его правомъ мы можемъ только поздравить сибирскаго обывателя, но мы право это по отношенію къ намъ рѣшительно отрицаемъ и, съ своей стороны, въ присутствіи полицейскаго управленія и передъ тѣмъ же зерцаломъ заявляемъ, что мы распоряженію его относительно прогулокъ въ рощѣ, какъ незаконному, подчиняться не намѣрены и не будемъ“.

Съ этими словами, отвѣсивъ ему и другимъ присутствующимъ поклонъ, мы удалились, сопровождаемые почтительными поклонами чиновниковъ и злораднымъ хихиканіемъ публики.

Въ тотъ же день инцидентъ этотъ сталъ достояніемъ всего города и передавался изъ устъ въ уста въ значительно еще, разумѣется, прикрашенномъ видѣ. „Престижу“ полиціи и исправника нанесенъ былъ чувствительный ударъ, наша же популярность сразу значительно поднялась. Ялуторовцы нами очень заинтересовались и стали всячески добиваться знакомства съ нами.

Въ концѣ концовъ погорячившійся Розоновъ понялъ весь комизмъ своего положенія и всю несуразность предъявленнаго намъ требованія и махнулъ на насъ рукой. Прогулки наши въ рощѣ продолжались безпрепятственно, и еще много лѣтнихъ вечеровъ мы внимали концерту ялуторовскихъ соловьевъ...

9.

Если Ялуторовскъ былъ совершенно ничтожный „городъ“ по своимъ размѣрамъ, то еще болѣе ничтоженъ былъ онъ по количеству своего населенія. Насколько я помню, въ немъ по статистическимъ даннымъ числилось около 2500 душъ населенія обоего пола и всѣхъ возрастовъ; а такъ какъ это населеніе состояло на три четверти изъ уголовныхъ ссыльныхъ, изъ коихъ 800—1000 д. всегда находилась „въ бѣгахъ“, то можно безошибочно опредѣлить осѣдлое населеніе въ то время въ 1000—1500 душъ. Значительная часть состояла изъ служащихъ въ разныхъ учрежденіяхъ: полиціи, городской думѣ, мѣщанской управѣ, акцизномъ вѣдомствѣ, судѣ, казначействѣ. Остальные занимались торговлей и ремеслами. На весь городокъ имѣлся одинъ портной (да и тотъ частенько оставался безъ работы), два сапожника, одна столярная мастерская и около 20-ти кузницъ въ слободкѣ.

Никакого торгово-промышленнаго значенія Ялуторовскъ самъ по себѣ не имѣлъ. Основанный въ 1659 г. на лѣвомъ нагорномъ берегу рѣки Тобола (въ 5-ти верстахъ отъ р. Исети), онъ представлялъ изъ себя на первыхъ порахъ только „острожекъ", а въ „городъ" его превратили лишь въ 1782 году, и онъ игралъ лишь роль административнаго центра для своего обширнаго и выдающагося по торгово-промышленному значенію округа съ обширной площадью въ 18353 кв. верстъ, съ населеніемъ около 160 тыс. душъ (по 10-й нар. переписи), съ сильно развитымъ хлѣбопашествомъ, богатой промышленностью, многочисленными сельскими ярмарками, массой салотопенныхъ и кожевенныхъ заводовъ, множествомъ вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ.

Ялуторовскіе торговцы и ремесленники существовали не столько городомъ, сколько „округой", изобиловавшей значительными селами и деревнями, по размѣрамъ и населенію значительно превышавшими самый Ялуторовскъ. Въ „базарные дни" (кажется, по субботамъ) наѣзжала сюда изъ ближайшихъ селеній съ разными продуктами масса крестьянъ, которые большую часть выручки своей въ Ялуторовскѣ же и расходовали на бакалею, галантерею и мануфактуру, являясь главными ихъ потребителями.

При всей мизерности „города", въ немъ находились приходское и уѣздное училища и... женская прогимназія. Да, *прогимназія*! Это одинъ изъ тѣхъ фактовъ, которые на первыхъ порахъ больше всего насъ поражали. Въ самомъ ничтожномъ сибирскомъ уѣздномъ городишкѣ находилась женская прогимназія, и дѣвочекъ обучали здѣсь не менѣе охотно, чѣмъ мальчиковъ.

Это было прекрасное наслѣдіе отъ декабристовъ, невольное пребываніе которыхъ въ Сибири внесло очень много въ дѣло культуры, развитія и просвѣщенія этой отдаленной окраины, и не даромъ благодарная память объ этихъ предтечахъ нашихъ свѣже еще сохранилась и при насъ въ мѣстномъ населеніи, хотя послѣдніе изъ декабристовъ жили тамъ лѣтъ 25--30 до насъ. Съ чувствомъ благоговѣнія и съ умиленіемъ старики вспоминали объ этихъ благородныхъ людяхъ и указывали на тѣ дома (и даже слѣды домовъ), въ которыхъ тѣ жили и коротали свой вѣкъ.

Въ Ялуторовскѣ изъ декабристовъ жили: Пущинъ, Тизенгаузенъ, Якушкинъ, Янтальцевъ. Послѣдній здѣсь сошелъ съ ума и закончилъ въ этомъ захолустьѣ свои печальные дни. Самая теплая память сохранилась здѣсь о Пущинѣ и Якушкинѣ. Какъ Юшневскій и Поджіо въ Иркутскѣ и Д. Завалишинъ въ Читѣ, такъ и Якушкинъ въ Ялуторовскѣ занимался ревностно обученіемъ ребятишекъ грамотѣ; онъ устроилъ здѣсь двѣ школы— одну для мальчиковъ въ 1842 г. и другую для дѣвочекъ въ 1846 г. Впервые онъ познакомилъ Сибирь съ *Ланкастерской системой*, по ко-

торой онъ обучалъ дѣтей цѣлыхъ 14 лѣтъ, популяризируя эту систему и въ другихъ районахъ. Изслѣдователь Сибири—Максимовъ констатируетъ, что за эти 14 лѣтъ въ основанной Якушкинымъ школѣ перебывало 1600 учащихся, и что, несмотря на всѣ внѣшнія препятствія со стороны администраціи, ему удалось сильно поднять въ округѣ уровень образованія,—даже въ кузнечной слободкѣ, кажется мнѣ, всѣ были грамотны. Якушкинъ не ограничивался, однако, однимъ обученіемъ въ своихъ школахъ; онъ устроилъ еще въ Ялуторовскѣ гальваническій аппаратъ и успѣшно занимался здѣсь гальванопластикой. Онъ составилъ здѣсь также оригинальный учебникъ географіи и интересный гербарій ялуторовской флоры и т. д.

Пробужденію въ окрестномъ населеніи интереса къ наукѣ не мало содѣйствовалъ и Пущинъ, устроившій въ Ялуторовскѣ чуть ли не первую въ Сибири метеорологическую станцію, которая въ свое время породила цѣлый рядъ траги-комическихъ эпизодовъ, съ большимъ юморомъ изображенныхъ въ попадавшейся мнѣ въ Сибири книжечкѣ (заглавія ея уже не припомню,—кажется—„изъ жизни странныхъ людей"), въ которой выведены всѣ декабристы подъ довольно прозрачными псевдонимами, а Ялуторовскъ фигурируетъ подъ названіемъ „Полуторовскъ". Эта метерологическая станція причинила Пущину массу тяжелыхъ огорченій и послужила въ рукахъ злобной администраціи орудіемъ къ возбужденію противъ декабристовъ суевѣрной части крестьянства...

Декабристы же положили въ Ялуторовскѣ начало при уѣздномъ училищѣ довольно приличной библіотекѣ, которая послѣ нихъ, увы! пришла въ большой упадокъ, была расхищена,—и въ ней къ нашему пріѣзду сохранились уже очень немногія цѣнныя книги, да и тѣми пользовался лишь учебный персоналъ училища и болѣе вліятельные чиновники.

Существовалъ еще при насъ въ этомъ „городѣ" мѣстный дамскій кружокъ „Краснаго Креста", имѣвшій собственное свое помѣщеніе, отчасти приспособленное и для театральныхъ представленій, такъ какъ почти всѣ члены кружка въ то же время были и „любителями" и отъ времени до времени угощали населеніе „любительскими спектаклями", ничѣмъ по характеру своему не отличавшимися отъ подобныхъ же „любительскихъ" зрѣлищъ въ любой россійской глуши.

10.

Мѣстная „интеллигенція" на первыхъ порахъ насъ, повидимому, чуждалась и не безъ опаски встрѣчалась съ нами, такъ какъ происшедшій незадолго до нашего прибытія побѣгъ изъ Ялуторовска Ольги Спиридоновны Любатовичъ причинилъ кое-кому изъ ея среды большія непріятности

(ихъ привлекали къ дознанію въ качествѣ свидѣтелей и довольно сурово допрашивали). Особенно косо стала она смотрѣть на насъ, когда въ газетахъ стали появляться корреспонденціи мои изъ Ялуторовска. Хотя послѣднія являлись, конечно, безъ подписи, но ялуторовцы не безъ основанія рѣшили, что онѣ исходятъ отъ кого-либо изъ „политическихъ", и такъ какъ въ нихъ выносился „соръ изъ избы", то задѣтые „интеллигенты" предпочли держаться отъ насъ подальше („какъ бы чего не вышло!").

Изъ мѣстныхъ „купцовъ" охотно поддерживалъ съ нами знакомство Потемкинъ, такъ какъ, съ одной стороны, мы являлись для него интересными кліентами, а съ другой стороны, онъ очень дорожилъ своей перепиской съ Павленковымъ и этимъ самымъ считалъ себя какъ бы прикосновеннымъ къ „политическимъ", да и съ кѣмъ же вольготнѣе было покалякать о „политикѣ", какъ не съ ними?

Очень льнулъ къ намъ еще нѣкій „довѣренный", управлявшій „на отчетѣ" лавкой одного тюменскаго купца.—Это былъ прекурьезный типъ, постоянно напоминавшій мнѣ того россійскаго портного, на котораго наткнулся въ Парижѣ Глѣбъ Успенскій. Въ головѣ этого субъекта царилъ вѣчно какой-то невообразимый сумбуръ. Въ немъ вѣчно боролись необыкновенно-заячья трусливость и непреодолимая страсть къ новому, еще имъ никогда неиспытанному. Начавшіеся тогда въ Россіи террористическіе акты совсѣмъ сбили его съ толка... Бывало, когда совсѣмъ стемнѣетъ, „довѣренный" этотъ, пугливо озираясь по сторонамъ, таинственно-тихо подойдетъ къ нашему дому и чуть-чуть стукнетъ въ ставню. Мы открываемъ окно, и нашъ „довѣренный" шепотомъ справляется: одни ли мы дома, и удобно ли зайти къ намъ „потолковать". Убѣдившись, что мы одни, онъ—крадучись—забирается къ намъ и замогильнымъ шепотомъ проситъ объяснить ему разныя разности, о которыхъ ему пришлось прочесть въ газетахъ. Неоднократно, бывало, онъ вдругъ прерываетъ нашъ разговоръ и таинственно шепчетъ: „а, знаете, я думаю купить левольверъ и поѣхать въ Петербургъ,—да, да—надо купить левольверъ". Галиматья его стала насъ скоро сильно тяготить. Къ нашему великому удовольствію, довѣритель его скоро перевелъ его въ Тюмень...

Съ мѣстными чиновниками мы предпочитали не знакомиться, такъ какъ все ихъ времянрепровожденіе сводилось къ безпробудному пьянству и азартной картежной игрѣ, которая, въ свою очередь, связана была съ почти поголовнымъ взяточничествомъ. По этой части подвизались особенно успѣшно исправникъ и его присные, а также судейскіе „засѣдатели". Послѣдніе получали грошевое жалованье (кажется, 18 или 20 рублей въ мѣсяцъ) и, тѣмъ не менѣе, умудрялись при этомъ проигрывать въ карты въ одинъ вечеръ по нѣскольку сотъ рублей. Припоминается мнѣ въ осо-

бенности одинъ изъ этихъ „засѣдателей“ еще, сравнительно, очень молодой и неглупый человѣкъ Ш—въ, окончившій тобольскую семинарію. Частенько приходилось мнѣ встрѣчаться съ нимъ; почти всегда онъ бывалъ на-веселѣ въ растегнутомъ сюртукѣ съ сильно оттопыреннымъ боковымъ карманомъ. Весело подмигивая, остановитъ онъ, бывало, меня, поздоровается, хлопнетъ себя по карману, вытащитъ оттуда толстую пачку ассигнацій и, ухмыляясь, говоритъ мнѣ: „не думайте, С. Л., что здѣсь однѣ только взятки,—нѣтъ, тутъ есть кое-что и заработанное, я, вѣдь, и жалованье получаю, ха-ха-ха!“..

Однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода, какъ для чиновъ полиціи, такъ и для судейскихъ „засѣдателей“ [1]) былъ мѣстный крезъ-старообрядецъ К—въ. Это былъ необыкновенно толстый, жиромъ заплывшій человѣкъ, за которымъ постоянно водилась масса самыхъ каверзныхъ уголовныхъ дѣлъ (преимущественно, по растлѣнію и изнасилованію). Онъ купно съ братьями владѣлъ въ округѣ обширнымъ кожевеннымъ, салотопеннымъ и конскимъ заводами, слылъ за большого богача и для полиціи и суда являлся чрезвычайно жирной, неисчерпаемой статьей дохода.

При насъ „судьей“ (предсѣдателемъ „окружного суда“ стараго типа) назначенъ былъ молодой человѣкъ прямо со студенческой скамьи, нѣкій Ч—га: оканчивая кіевскій университетъ по юридическому факультету, онъ какъ-то познакомился съ однимъ изъ приближенныхъ къ тогдашнему западно-сибирскому генералъ-губернатору Казнакову, который отъ имени послѣдняго и пригласилъ его на службу въ Сибирь, пообѣщавъ ему быструю и хорошую карьеру.—Мы уже немного пообжились въ Ялуторовскѣ, когда туда пріѣхалъ Ч—га. Онъ сдѣлалъ намъ визитъ, объясняя его желаніемъ имѣть возможность отъ времени до времени покалякать съ интеллигентными людьми въ этой захолустной глуши. Мы отплатили ему визитъ, и между нами завязалось знакомство.

Этотъ Ч—га на первыхъ же порахъ поразилъ насъ своей младенческой наивностью.—Какъ-то, въ разговорѣ съ нами, онъ предложилъ устроить для насъ занятія у К—ва. Когда мы высказали свои сомнѣнія относительно возможности пользоваться услугами подобнаго субъекта, Ч—га крайне изумился, такъ какъ онъ считалъ К—ва весьма приличнымъ и обязательнымъ человѣкомъ. Въ подтвержденіе основательности своего мнѣнія о немъ, онъ намъ сообщилъ, что какъ-только онъ, Ч—га, пріѣхалъ въ Ялуторовскъ, К—въ немедленно явился къ нему съ визитомъ и, въ

---

[1]) Кромѣ судейскихъ засѣдателей, въ Сибири были полицейскіе „засѣдатели“, соотвѣтствующіе нашимъ становымъ приставамъ. Въ рукахъ „засѣдателей“, какъ и полиціи вообще, сосредоточивались тогда и функціи судебныхъ слѣдователей.

виду необходимости въ Сибири теплой одежды, уступилъ ему „лишнюю“ хорошую соболью шубу за совершенный безцѣнокъ, а теперь—вотъ прислалъ ему изъ своего завода пару чудныхъ рысаковъ, назначивъ за нее ничтожную цѣну—около ста рублей.—Мы, въ свою очередь, высказали Ч—гѣ свое удивленіе по поводу такой его наивности, разсказали ему все, что знали о К—вѣ, и посовѣтовали ему разыскать въ томъ самомъ судѣ, которымъ онъ завѣдуетъ, скрываемыя, повидимому, отъ него „засѣдателями“ и секретаремъ дѣла. Наше сообщеніе сильно смутило Ч—гу, такъ какъ онъ понялъ, въ какую скверную исторію онъ чуть-было не вломался,—очевидно, по проискамъ исправника и „засѣдателей“, находившихъ нужнымъ этимъ путемъ обезвредить Ч—гу въ процессѣ доенія К—ва.—Ч—га возвратилъ послѣднему его пару рысаковъ и сталъ очень сдержанъ въ своихъ отношеніяхъ къ нему.

Наивность Ч—ги проявлялась, впрочемъ, и въ другихъ менѣе щекотливыхъ видахъ. Посѣщая насъ на первыхъ порахъ довольно часто, онъ, какъ украинецъ, очень любилъ угощать насъ украинскими пѣснями. Жебуневъ, тоже украинецъ и тоже большой любитель украинскихъ пѣсенъ, пытался отъ времени до времени затягивать нѣкоторыя любимыя имъ „вольнодумныя“ пѣсни. Ч—га въ этихъ случаяхъ спокойно останавливалъ его замѣчаніемъ, что эти пѣсни—запрещенныя, и затягивалъ другую „разрѣшенную“ пѣсню. И онъ, очевидно, твердо при этомъ былъ увѣренъ, что разъ онъ, бывая у насъ, не будетъ пѣть съ нами „революціонныхъ“ пѣсенъ и не будетъ принимать участія ни въ какихъ „революціонныхъ“ дѣлахъ, онъ всегда можетъ разсчитывать на неуязвимость въ глазахъ начальства!...

11.

Чернявскій принялъ мѣры къ осуществленію своего проекта объ устройствѣ въ Ялуторовскѣ собственной столярно-токарной мастерской. Частью на свои средства, полученныя имъ отъ сестры, частью на присланныя Жебуневу деньги заказаны были станки, пріобрѣтены были столярные инструменты и лѣсъ,—и, наконецъ, въ кузнечной слободкѣ нанятъ былъ для обученія насъ и руководства, вообще, работами рабочій Иванъ, пользовавшійся широкой извѣстностью, какъ хорошій столяръ и какъ... большой пьяница! Чернявскій и Жебуневъ были убѣждены, что разъ Ивана освободятъ отъ кабалы, въ какой его держали, какъ „варнака“—поселенца, и создадутъ ему сносную обстановку, онъ будетъ вести себя прилично и не будетъ пьянствовать.

Иванъ, конечно, съ восторгомъ согласился за 15 рублей въ мѣсяцъ (въ Ялуторовскѣ это была тогда крупная плата!) перейти въ нашу ма-

стерскую и, обучая насъ мастерству, работать въ то же время вмѣстѣ съ нами для рынка.—Надежда Чернявскаго и Жебунева, конечно, не оправдалась. Иванъ попрежнему продолжалъ пьянствовать, часто совсѣмъ не являясь на работу, или являясь въ полу-пьяномъ состояніи. На всѣ наши урезониванія онъ твердо держался одного: „здѣсь, И. Н., иначе никакъ не возможно. Ужъ тутъ климатъ такой. Это же, вѣдь, С. Л., какъ ни-на-есть самая Восточная Сибирь!“.. И хотя мы его всячески убѣждали, что Ялуторовскъ почти вовсе не Сибирь, и уже—во всякомъ случаѣ—не Восточная, и что „климатъ“ здѣшній отнюдь не требуетъ обязательно пьянства, Иванъ оставался твердъ въ своихъ географическихъ познаніяхъ и въ тѣхъ выводахъ, которые онъ изъ нихъ дѣлалъ, и продолжалъ пить горькую, резонируя, что всегда-де это такъ было здѣсь съ того самого времени, какъ „Ермакъ Тимофеевичъ былъ здѣсь генералъ-губернаторомъ“! (Sic!!).

Тѣмъ не менѣе Жебуневъ и Чернявскій дѣлали замѣтные успѣхи въ столярномъ искусствѣ и, при помощи Ивана, стали скоро работать по заказамъ, которые „интеллигенція“ намъ охотно доставляла. Я же оказался никуда негоднымъ по этой части. Помимо крайне слабой мускулатуры, у меня и глазъ былъ очень неправильнымъ,—я стругалъ и пилилъ вкривь и вкось, такъ что ничего путнаго у меня не выходило. Первый и (послѣдній) плодъ моей работы—стулъ оказался столь диковиннымъ, что ялуторовцы ходили смотрѣть на него, какъ на что-то совершенно необычайное. На зрѣлище явился даже и самъ исправникъ Розоновъ, немного наладившій свои отношенія къ намъ,—въ особенности—послѣ открытія мастерской, которое, по его мнѣнію, знаменовало съ нашей стороны серьезное намѣреніе осѣсть прочно на мѣстѣ, такъ что ему уже можно было не опасаться „побѣга“ и сопряженныхъ съ нимъ „непріятностей“.—Чтобы доставить мнѣ удовольствіе, Розоновъ грузно опустился на мой замѣчательный стулъ. Послѣдній не выдержалъ, конечно, тучнаго тѣла начальника полиціи и вдребезги разбился, повергши его наземь.

На этомъ опытѣ активное участіе мое въ мастерской прекратилось. Мнѣ предоставили читать запоемъ газеты и журналы, которые и родные, и знакомые присылали намъ въ большомъ количествѣ и возложили на меня весьма охотно принятую мною на себя обязанность разсылать эти газеты и журналы по разнымъ угламъ Сибири, а также вести систематическую переписку съ разбросанными по Сибири товарищами и сообщать имъ всѣ „новости“, какія получались нами съ разныхъ мѣстъ. Я по себѣ зналъ, какое громадное значеніе въ нашемъ положеніи имѣли такія „новости“, и старался быть по этой части возможно болѣе аккуратнымъ и щедрымъ, чѣмъ приводилъ въ ужасъ исправника и его помощника, такъ какъ въ то время вся переписка поднадзорныхъ политическихъ обяза-

тельно доставлялась на ихъ просмотръ, и имъ, разумѣется, отнюдь не доставляло удовольствія то, что имъ приходилось ежедневно перечитывать три-четыре моихъ письма въ 2—3 и болѣе листовъ каждое, не считая писемъ, получавшихся для насъ. Посылать же изъ такой глуши, какъ Ялуторовскъ, помимо полиціи, письма—въ особенности письма ссыльнымъ же, по Сибири разбросаннымъ,—было болѣе чѣмъ рискованно, въ особенности на первыхъ порахъ, пока мы не успѣли еще запастись разными обывательскими адресами для такихъ случаевъ...

12.

Вскорѣ послѣ открытія нашей мастерской, колонія наша увеличилась еще четвертымъ членомъ — Александрой Владимировной Афанасьевой.....

Въ опредѣленные дни по тракту изъ Тюмени прибывали партіи ссыльныхъ, направлявшіяся въ разные пункты Сибири черезъ Ялуторовскъ, являвшійся временной для нихъ стоянкой. Мы не пропускали встрѣчи „партій", такъ какъ знали, что послѣ цѣлаго ряда политическихъ процессовъ въ Россіи накопилось не мало политическихъ партій, подлежавшихъ отправкѣ въ Сибирь. И вотъ однажды мы встрѣтили небольшую партію, въ составъ которой входили нѣкоторые изъ осужденныхъ въ Одессѣ по дѣлу Ковальскаго (по вооруженному сопротивленію) и между ними двѣ женщины: Виттенъ и Афанасьева, изъ коихъ первая обращала на себя вниманіе высокимъ ростомъ и крупной фигурой, а послѣдняя своей крайней худобой и совершенно истощенной болѣзненной фигурой. Виттенъ съ товарищами скоро двинулась дальше, Афанасьева же схватила тифъ, почти всегда свирѣпствующій въ сибирскихъ пересыльныхъ тюрьмахъ, и оставлена была въ Ялуторовской тюрьмѣ.

Мы, разумѣется, всячески старались быть ей полезными, и, когда мы узнали отъ врача, что положеніе ея стало почти безнадежнымъ и что, при условіяхъ тюремной обстановки, смертный исходъ для нея неминуемъ, мы обратились къ исправнику съ настоятельнымъ ходатайствомъ о выдачѣ ея намъ, подъ наше поручительство, до выздоровленія. Исправникъ по телеграфу поддержалъ наше ходатайство передъ тобольскимъ губернаторомъ, который ходатайство наше уважилъ. Мы перевезли Афанасьеву въ свой домъ, помѣстили ее въ лучшей комнатѣ и обставили ее всѣми удобствами, какія только возможны были въ Ялуторовскѣ. Мѣстный врачъ Кудрявцевъ отнесся къ больной чрезвычайно гуманно, посѣщалъ ее по нѣскольку разъ въ день, категорически отказываясь отъ всякаго гонорара за леченіе. Мы устроили строгое дежурство, и своимъ образцовымъ ухо-

домъ, приводившимъ въ удивленіе и умиленіе Кудрявцева, помогли таки Афанасьевой, въ концѣ концовъ, выздоровѣть и встать на ноги. Въ это время Ялуторовскъ посѣтилъ губернаторъ Лысогорскій и разрѣшилъ Афанасьевой, по ея просьбѣ, остаться совсѣмъ на жительство въ Ялуторовскѣ.

Оправившись окончательно отъ болѣзни, Афанасьева въ скоромъ времени вышла замужъ за Чернявскаго [1]), и домъ нашъ сталъ тогда совсѣмъ на семейную ногу, такъ какъ Афанасьева-Чернявская оказалась образцовой хозяйкой и прекраснѣйшимъ товарищемъ. Она была крайне щекотлива и щепетильна и никакъ не могла и не хотѣла мириться съ тѣмъ, что она будетъ жить на средства другихъ. По ея настоянію, мы согласились на нѣкоторую перемѣну въ нашемъ обиходѣ. Она приняла на себя завѣдываніе всѣмъ хозяйствомъ, а отъ услугъ Осипа мы отказались. А. В. сама покупала провизію, сама стряпала обѣдъ и смотрѣла за всѣмъ домомъ. Стряпухой она оказалась весьма умѣлой и искусной, такъ что нашъ столъ не только обходился значительно дешевле прежняго, но еще много выигралъ въ разнообразіи и вкусѣ.

Съ появленіемъ А. В., жизнь наша стала какъ-то полнѣе.—Вставали мы очень рано. Напившись чаю, Жебуневъ и Чернявскій отправлялись въ мастерскую и принимались тамъ за свою работу, я отправлялся въ полицейское управленіе сдавать и получать письма, а затѣмъ, просмотрѣвъ газеты, садился за корреспонденцію, а Чернявская возилась на кухнѣ. Въ полдень мы обѣдали и немного отдыхали. До вечера затѣмъ мы опять находились за работой. Послѣ вечерняго чая мы отправлялись въ рощу на прогулку, а часовъ въ десять ложились спать.

Мастерская наша помогла намъ скоро сойтись съ кузнечной слободкой. Жебуневъ, по присущей ему способности быстро сходиться съ „народомъ“, завязалъ тамъ очень скоро весьма близкія отношенія, принявшись, по обыкновенію, за обученіе молодежи и снабжая грамотныхъ дешевыми народными книжками, которыя намъ присылали изъ Россіи. Кузнецы частенько посѣщали насъ и распивали у насъ чаи, калякая о разныхъ разностяхъ; по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и мы ходили къ нимъ. Тамъ мы бывали всегда вполнѣ желанными гостями. Одно лишь немного тяготило насъ въ слободкѣ: считалось какъ бы обязательнымъ, разъ мы уже являлись туда въ праздничный день, перебывать въ „гостяхъ“ у всѣхъ по очереди; если къ кому-либо не зайдешь, то это принималось

[1]) Когда въ церкви собрались для вѣнчанія, священникъ Николай вдругъ неожиданно предложилъ имъ исповѣдаться, сознаться въ своихъ госуд. преступленіяхъ и покаяться въ таковыхъ, грозя въ противномъ случаѣ донести губернатору. Чернявскіе, во избѣжаніе скандала, пробормотали нѣсколько словъ, и „духовный отецъ“ на этомъ помирился!..

за обиду; а, между тѣмъ, явившись въ гости, никакъ нельзя было по сибирскому обычаю отказываться отъ „угощенія“,—у каждаго приходилось выпить хоть по одной рюмкѣ наливки, да чѣмъ-нибудь „прикусить“, а такъ какъ изъ двадцати домовъ слободки мы близко знакомы были, по крайней мѣрѣ, съ десятью, то эти праздничныя посѣщенія оканчивались, обыкновенно, для насъ довольно веселымъ настроеніемъ. Большею частью тутъ же въ слободкѣ въ болѣе просторномъ дворѣ устраивались разные игры и хороводы, въ которыхъ обязательно приходилось участвовать и намъ,—въ особенности Жебуневу, ставшему всеобщимъ любимцемъ всѣхъ слободскихъ парней и дѣвушекъ.

13.

Мирное житье наше въ Ялуторовскѣ нарушалось однимъ лишь очень тягостнымъ для насъ обстоятельствомъ, о которомъ (какъ это не тяжело) я не считаю себя вправѣ умолчать.

Проживалъ въ Ялуторовскѣ прибывшій туда раньше насъ „политическій“—Павловъ, котораго мы, съ первой же встрѣчи съ нимъ, не признали „своимъ“. Это былъ очень тупой и ограниченный малый,—одна изъ тѣхъ несчастныхъ жертвъ, безъ которыхъ не обходится ни одно болѣе или менѣе широкое народное движеніе, въ которое на ряду съ здоровыми элементами неизбѣжно втягиваются и недоброкачественные элементы, — по пословицѣ: „гдѣ лѣсъ рубятъ, щепки летятъ!“

Во время оно Павловъ былъ рабочимъ на какой-то ткацкой фабрикѣ въ Петербургѣ. Когда „народническая“ пропаганда разлилась въ средѣ рабочихъ, она стихійно задѣла и Павлова, который очень скоро былъ арестованъ, попалъ подъ судъ, былъ приговоренъ къ ссылкѣ на житье въ Тобольскую губернію и очутился вмѣстѣ съ Ольгой Спиридоновной Любатовичъ въ Ялуторовскѣ, гдѣ мы его и застали.

На первыхъ порахъ Павловъ къ намъ и не являлся. Мы знали, что это крайне тяжелый и непріятный субъектъ, и тоже всячески избѣгали встрѣчи съ нимъ. Но когда мы стали обживаться въ Ялуторовскѣ, Павловъ вдругъ въ одинъ прекрасный день къ намъ явился и затѣмъ зачастилъ свои посѣщенія. Видя въ немъ несчастную жертву нашего же движенія, мы старались помогать ему, чѣмъ только могли. Но претензіи Павлова росли съ каждымъ днемъ. Онъ сталъ требовать отъ насъ опредѣленнаго ежемѣсячнаго пособія, которое мы-де получаемъ на его долю отъ какого-то „революціоннаго комитета“ и т. д. Отъ всякой работы онъ отлынивалъ, считая ее ниже себя, третируя при этомъ демонстративно всѣхъ мѣстныхъ рабочихъ, какъ „дураковъ“, не способныхъ даже „понимать“ его, хотя самъ онъ былъ довольно невѣжественъ и все его „раз-

витіе“ зиждилось на десяткѣ-другомъ ходко циркулировавшихъ въ то время между рабочими брошюрокъ.

Наконецъ, намъ стало невтерпежъ и мы заявили Павлову, что мы категорически отказываемся впредь помогать ему чѣмъ бы то ни было (онъ получалъ казенное пособіе) и согласны лишь на одно: мы будемъ платить за его содержаніе и помѣстимъ его къ лучшему мастеру въ слободкѣ, чтобы тотъ обучалъ его кузнечному и столярному ремесламъ. Павловъ ультимативное предложеніе наше принялъ, поселился у Артамона и проработалъ у него нѣсколько мѣсяцевъ. Но въ одинъ прекрасный день онъ вдругъ опять явился къ намъ и заявилъ, что онъ бросилъ мастерскую, такъ какъ Артамонъ сталъ-де кормить его постной пищей (это было въ постъ), а онъ, Павловъ, не такой „хамъ“, какъ они, и на такую пищу не согласенъ. Всѣ наши резоны остались гласомъ вопіющихъ въ пустынѣ. Мало того, Павловъ при этомъ случаѣ не приминулъ опять возобновить (и въ самой настойчивой формѣ) свое нелѣпое требованіе о ежемѣсячномъ „жалованьѣ“, посылаемомъ намъ для него изъ „Комитета“.

Возмущенные его нахальствомъ по отношенію къ Артамону и его рабочимъ и понимая, что всякая дальнѣйшая уступка съ нашей стороны поведетъ лишь къ окончательной гибели Павлова, мы категорически отказали ему въ его домогательствахъ. Тогда онъ изъ злобнаго желанія досадить намъ и учинить намъ „демонстрацію“, разыскалъ арестантскій халатъ (съ „бубновымъ тузомъ“), въ которомъ онъ прибылъ въ Ялуторовскъ, и въ этомъ халатѣ дефилировалъ ежедневно по нѣскольку часовъ мимо оконъ нашего дома, разсказывая всѣмъ любопытнымъ зѣвакамъ о нашихъ несправедливыхъ къ нему отношеніяхъ, объ отказѣ нашемъ помогать ему и присвоеніи его „жалованья“, громогласно высказывая свое презрѣніе къ намъ „буржуямъ-эксплуататорамъ“, съ которыми онъ, Павловъ, „сознательный рабочій“, ничего общаго имѣть не желаетъ...

Мы заподозрили, что съ Павловымъ дѣло обстоитъ не ладно, что онъ, повидимому, начинаетъ сходить съ ума. Дѣйствительно, вслѣдъ за этой „демонстраціей“ Павловъ подалъ исправнику прошеніе, въ которомъ онъ требовалъ, чтобы его свели съ Любатовичъ, которую-де полиція умышленно отъ него скрываетъ, хотя она его невѣста и вовсе не думала убѣгать. Если же она, дѣйствительно, убѣжала, то пусть исправникъ или губернаторъ найдутъ ему другую невѣсту, но такую, которая принесла бы ему въ приданое сапоги и брюки; въ противномъ же случаѣ, онъ предупреждаетъ, что не останется въ Ялуторовскѣ, а убѣжитъ въ Россію.

Для исправника ясно стало, что Павловъ свихнулся. Онъ переслалъ прошеніе его тобольскому губернатору, а въ виду угрозы его побѣгомъ, Розоновъ, во избѣжаніе „непріятностей“, пока что заключилъ его въ тюрьму.

14.

Ни мастерская, ни слободка, ни даже обширная „корреспонденція“ не могли, однако, сколько-нибудь удовлетворить насъ. Утомительно однообразная жизнь начинала замѣтно тяготить насъ. Мы стали впадать въ тоску. Съ каждымъ днемъ давала себя все больше и больше чувствовать потребность приняться за что-либо болѣе жизненное и реальное и, такъ или иначе, положить конецъ нашему прозябанію. А тутъ еще подвернулся крайне прискорбный инцидентъ съ Павловымъ.

И вотъ тогда-то разыгралась катастрофа, развязавшая насъ съ Ялуторовскомъ скорѣе, чѣмъ мы ожидали, и совсѣмъ не такъ, какъ мы ожидали.

Въ одинъ изъ печальныхъ ненастныхъ дней, когда мы сидѣли всѣ дома и совмѣстно придумывали исходъ изъ угнетавшаго насъ положенія, къ намъ явился субъектъ, произведшій на меня лично всѣмъ своимъ внѣшнимъ обликомъ далеко неблагопріятное впечатлѣніе, которое еще болѣе усилилось, когда мы разговорились съ нимъ, такъ какъ меня шокировали грубость и вульгарность его языка, показная бравурность и претензія на эффекты.

Субъектъ этотъ доставилъ намъ письмо отъ кого-то изъ политическихъ ссыльныхъ, рекомендовавшаго подателя этого письма, какъ человѣка, къ которому можно отнестись съ довѣріемъ.

Назвался нашъ посѣтитель Цыпловымъ и тутъ же объяснилъ, что настоящая его фамилія Гармановъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ судился въ одномъ изъ россійскихъ судовъ за разбой и грабежъ, присужденъ былъ къ многолѣтней каторгѣ на заводы, пробылъ тамъ нѣсколько лѣтъ, потомъ, бѣжавъ, былъ пойманъ, при вторичномъ слѣдованіи по „Владимиркѣ“ смѣнился съ кѣмъ-то изъ слѣдовавшихъ на поселеніе подъ фамиліей „Цыпловъ“, на поселеніи или въ Центральной тюрьмѣ сошелся съ кѣмъ-то изъ политическихъ, которые оцѣнили его какъ смѣлого до дерзости человѣка и рѣшили воспользоваться имъ для устройства побѣговъ изъ Сибири, командировали его съ этой цѣлью на Уралъ къ служившему тамъ старому революціонеру К—лю, который, въ свою очередь, направилъ его въ Петербургъ. Тамъ Цыпловъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе, расположилъ къ себѣ нѣкоторые активные кружки, которые снабдили его коекакой „нелегальщиной“ и письмами, между прочимъ, и къ Чернявскому въ Ялуторовскъ. Цыпловъ заявилъ, что онъ весь предоставляетъ себя въ распоряженіе политическихъ ссыльныхъ, въ которыхъ онъ слѣпо увѣровалъ.

Мнѣ припомнился процессъ Гарманова, произведшій на меня въ свое время очень сильное впечатлѣніе. Въ памяти моей сильно врѣзалась необычайно-дерзкая выходка его по отношенію къ присяжнымъ засѣдателямъ,

которымъ онъ пригрозилъ за суровый приговоръ местью, когда онъ убѣжитъ изъ Сибири и вернется на родину. Я высказался, поэтому, противъ довѣрчиваго и интимнаго отношенія къ Цыплову, опасаясь, чтобы онъ въ той или иной формѣ раньше или позже не скомпрометировалъ не только насъ, но и дѣло, которому мы служимъ. Оба Чернявскіе и Жебуневъ рѣшительно возстали противъ моего необоснованнаго недовѣрія къ Цыплову, полагая, что во мнѣ говоритъ просто предубѣжденіе противъ человѣка, когда-то осужденнаго за грабежъ, хотя теперь, повидимому, уже совершенно переродившагося и готоваго душой и тѣломъ служить тому дѣлу, ради котораго его и направили къ намъ. Чернявскіе и Жебуневъ высказывали твердое убѣжденіе свое, что Цыпловъ въ роли организатора побѣговъ можетъ оказаться незамѣнимымъ человѣкомъ и что, при нашемъ содѣйствіи и руководительствѣ, онъ сумѣетъ успѣшно выполнить эту роль, и полагали, что, не имѣя теперь никакой другой реальной дѣятельности, мы не вправѣ отказываться отъ содѣйствія инипіативѣ Петербурга и задачамъ Цыплова.

Хотя товарищамъ и не удалось разсѣять мое предубѣжденіе противъ послѣдняго, но такъ какъ и у меня, кромѣ субъективныхъ впечатлѣній, ничего болѣе осязательнаго противъ Ц—ва не имѣлось, то я, скрѣпя сердце, подчинился ихъ рѣшенію и принялъ на себя даже письменное изложеніе намѣченнаго плана и рекомендацію Цыплова ссыльнымъ, жившимъ по тракту въ Ишимѣ, Тюкалинскѣ и др. пунктахъ.

Цыпловъ пробылъ у насъ нѣсколько дней и, хотя онъ днемъ не выходилъ, но по вечерамъ гулялъ, а въ такомъ захолустномъ городкѣ, какъ Ялуторовскъ, появленіе на улицѣ всякаго новаго человѣка не могло не обратить на себя вниманія. Къ тому же, какъ оказалось впослѣдствіи, мужъ сожительницы Осипа, жившій съ нею въ избѣ послѣдняго, служилъ въ полиціи и былъ откомандированъ спеціально для наблюденіи за нами.

Мы приготовили письма, снабдили ими Цыплова, вручивъ ему также нелегальщину, деньги и провизію. На 3-й и 4-й день пребыванія у насъ, онъ рано на разсвѣтѣ распростился съ нами и пѣшкомъ двинулся по направленію къ Ишиму. Когда онъ отошелъ нѣсколько верстъ отъ города, его возлѣ одной деревни нагнала подвода, которая якобы направлялась туда же, куда и онъ. Сидѣвшій въ повозкѣ „проѣзжающій“ (впослѣдствіи оказавшійся мужемъ сожительницы Осипа) предложилъ Ц—ву присѣсть, что онъ-де его подвезетъ. Цыпловъ предложеніе принялъ и присѣлъ. Скоро, однако, попутчикъ показался ему немного подозрительнымъ, и Цыпловъ уже подъ самой деревней соскочилъ, побѣжалъ въ деревню и хотѣлъ, было, въ первой попавшейся хатѣ нанять лошадей. Но сыщикъ его нагналъ; по его требованію хата окружена была народомъ; „чалдоны“

хватили Д—ва сзади по головѣ полѣномъ. Онъ успѣлъ разъ выстрѣлить изъ револьвера и ранить одного крестьянина, но толпа этимъ не смутилась, выбила изъ его рукъ револьверъ, повалила его на землю, избила до-полусмерти и, связавъ по рукамъ и ногамъ, бросила его въ телѣгу, и сыщикъ повезъ его обратно въ Ялуторовскъ. Всѣ эти подробности мы узнали, конечно, позже...

Проводивъ Цыплова, мы еще пару часовъ поспали, затѣмъ встали и принялись за чай. Раньше обыкновеннаго, когда мы еще не покончили съ „прикуской", явился къ намъ изъ полицейскаго управленія разсыльный, который пригласилъ насъ всѣхъ къ исправнику за полученіемъ корреспонденціи, денегъ и пр.

Ничего не подозрѣвая и совершенно спокойные за Цыплова, мы отправились въ полицейское управленіе, гдѣ подъ разными предлогами насъ задержали довольно долго, а когда мы возвращались домой, то, недоходя еще до дома, поняли, что случилось нѣчто необычайное: нашъ домъ со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ солдатами въ полной боевой аммуниціи. Очутившійся возлѣ насъ полицейскій надзиратель предложилъ намъ войти къ себѣ. Тамъ ждалъ уже насъ исправникъ и его помощникъ, стряпчій (игравшій при старомъ судѣ роль товарища прокурора), мѣстный воинскій начальникъ и нѣсколько офицеровъ. Всѣ комнаты и сѣни переполнены были солдатами и полицейскими [1]).

Произведенъ былъ во всѣхъ комнатахъ самый тщательный обыскъ. Перерыли всѣ углы, всѣ чуланы, мастерскую, службы, даже отхожее мѣсто. Обшарили всѣ наши карманы, сняли даже съ насъ сапоги! Наконецъ, составленъ былъ протоколъ, что предосудительнаго у насъ ничего не нашли, и заявили намъ, безъ объясненія причинъ, что мы должны быть арестованы. Въ виду рѣзкаго протеста съ нашей стороны, исправникъ, по соглашенію съ стряпчимъ, рѣшилъ оставить насъ подъ домашнимъ арестомъ и обратился въ Тобольскъ по телеграфу къ губернатору съ запросомъ насчетъ дальнѣйшаго. На другой день насъ всѣхъ, вслѣдствіе телеграфнаго распоряженія губернатора, заключили въ ялуторовскій тюремный замокъ.

15.

И вотъ, послѣ 10-ти мѣсячной передышки, я опять за рѣшеткой, опять подъ замкомъ, опять съ неизмѣнной „парашей" въ камерѣ!

Разсадили насъ, разумѣется, по одиночкѣ. Но если одиночное заключеніе и въ такихъ „образцовыхъ" тюрьмахъ, какъ Домъ Предвари-

[1]) „Предосторожности" всѣ вызваны были подозрѣніемъ полиціи, что у насъ имѣется оружіе, и мы можемъ оказать вооруженное сопротивленіе.

тельнаго заключенія или „Петропавловка" не удается сохранить строго „одиночнымъ", то тѣмъ болѣе это было немыслимо въ Ялуторовской тюрьмѣ—„пересыльной", въ которой, уже по самому ея характеру, постоянный, такъ сказать, контингентъ населенія самый ничтожный, и 99% состоитъ изъ вѣчно смѣняемыхъ „партій", не признающихъ никакой дисциплины и весьма опытныхъ по части обхода всякихъ тюремныхъ „инструкцій".

На другой же день намъ удалось повидаться съ заключеннымъ тамъ же (отдѣльно и „весьма секретно") Цыпловымъ, который и посвятилъ насъ въ вышеприведенныя подробности своего ареста. На немъ красовалось еще нѣсколько повязокъ, наложенныхъ на него послѣ жестокаго избіенія его при арестѣ. Мы отъ него узнали, что письма наши ему не удалось уничтожить, и они (конечно, не подписанныя) находятся теперь у исправника,—что онъ, Ц—въ, категорически отрицаетъ всякое знакомство свое съ нами, а относительно происхожденія найденныхъ у него писемъ, какъ и цѣли его путешествія отказался дать какія бы то ни было показанія. При этомъ Ц—въ завѣрилъ насъ, что онъ останется нѣмъ, какъ рыба. Само собою разумѣется, что и мы рѣшили держаться въ показаніяхъ той же системы.

Въ скоромъ времени пріѣхалъ изъ Тюмени жандармскій маіоръ (помощникъ начальника Тобольскаго Губернскаго Жанд. Управленія) для производства дознанія по дѣлу Цыплова. Мы категорически отказались отъ всякаго знакомства съ послѣднимъ; равнымъ образомъ отрицали мы авторство перехваченныхъ у него писемъ и знакомство съ содержаніемъ послѣднихъ, какъ и самое участіе въ подготовкѣ побѣговъ изъ Сибири.

Закончивъ дознаніе, жандармскій маіоръ уѣхалъ, а мы въ ожиданіи своей участи коротали скучные дни въ разговорахъ черезъ окна, совершенно игнорируя запрещенія и угрозы смотрителя. Бесѣдовалъ съ нами и Павловъ, ждавшій здѣсь очередной партіи для отправки въ Якутскую область по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ за угрозу бѣжать изъ Ялуторовска. На Павлова тюремное заключеніе оказало немного умиротворяющее и успокоивающее дѣйствіе. Онъ извинялся передъ нами за свое несправедливое къ намъ отношеніе, выражалъ намъ свое сочувствіе и даже покаялся передъ нами, что нѣкоторое время онъ считалъ насъ виновниками своего заключенія въ тюрьму...

Исправникъ донесъ губернатору, что онъ лишенъ всякой возможности изолировать насъ другъ отъ друга, что мы упорно переговариваемся между собою не только на русскомъ языкѣ, но и „на разныхъ другихъ языкахъ", непонятныхъ ни смотрителю, ни надзирателямъ.

Губернаторъ снесся съ генералъ-губернаторомъ Казнаковымъ, ко-

торый распорядился, чтобы, заковавъ насъ въ ножные кандалы, развезти насъ по разнымъ тюрьмамъ. Цыплова въ Тобольскую, гдѣ надъ нимъ долженъ былъ состояться военный судъ [1]) за оказанное при арестѣ вооруженное сопротивленіе,—меня въ Курганскую, Жебунева—въ Торскую, а Чернявскихъ—въ Ишимскую.

Штатный,—такъ сказать, тюремный,—кузнецъ отказался заковывать насъ. Отказались и нѣкоторые другіе. Въ слободкѣ нашелся одинъ лишь кузнецъ (Егоръ), который согласился на эту роль,—онъ и раньше внушалъ намъ недовѣріе къ себѣ, и мы его чуждались. Въ одинъ прекрасный день онъ явился въ тюрьму со всѣми нужными принадлежностями.

Вызвали насъ въ контору, гдѣ и совершили эту гнусную, совершенно безцѣльную и ничѣмъ неоправдываемую операцію.

Вновь прибылъ изъ Тюмени жандармскій маіоръ съ жанд. нижними чинами. Маіоръ разрѣшилъ намъ общее свиданіе. Мы провели около часа въ задушевной товарищеской бесѣдѣ, крѣпко обнялись и распрощались.

За тюремной оградой ждали насъ три почтовыхъ тройки, запряженныя въ сибирскія кибитки: одна для Жебунева, другая—для меня и третья—для Чернявскихъ. На каждой кибиткѣ находилось по два жандарма.

Кузнечная слободка вся почти оказалась возлѣ тюрьмы и низкопочтительно раскланивалась съ нами. Слободская молодежь проявила при этомъ къ намъ особенно трогательное вниманіе, которое сильно смягчило горечь разлуки.

Раздалась команда, ямщики гикнули, и лихія тройки стрѣлой помчались.

Прощай, Ялуторовскъ!

С. Чудновскій.

---

[1]) Военный судъ, какъ мы узнали впослѣдствіи, приговорилъ Цыплова къ смертной казни. Генералъ-губернаторъ замѣнилъ послѣднюю 8-лѣтней каторгой. Я былъ радъ, что предубѣжденіе мое противъ Ц—ва не оправдалось. Онъ все время держалъ себя прекрасно. Хотя пришлось ждать конфирмаціи приговора цѣлыхъ *двадцать* дней, въ теченіе которыхъ надъ нимъ висѣлъ страшный призракъ смерти, и хотя власти всячески старались, пользуясь психологическимъ моментомъ, выпытать отъ него желательныя показанія, суля за это пощаду жизни,—Цыпловъ не проронилъ ни единаго слова. За эту стойкость и вѣрность „новымъ убѣжденіямъ“ простятся ему многіе его грѣхи, такъ какъ онъ, безспорно, имѣлъ возможность впутать въ свое дѣло много причастныхъ къ нему лицъ...

Воспоминанія.

(Продолженіе [1]).

ГЛАВА V.

Помѣщичьи нравы передъ эпохой реформъ.

Управляющій нѣмецъ „Карла": его похожденія и управленіе крестьянами.—Представленіе съ ученымъ медвѣдемъ.—Цыгане.—Цыганка Маша и ея отношеніе къ нашему дому.—Мелкопомѣстные дворяне и ихъ кровавые распри.—Роль, которую они играли въ помѣщичьихъ домахъ.—„Селезень—вральманъ" и его розсказни.—Сосѣдка Макрина, ея дочь Женичка и двое ихъ крѣпостныхъ.

Скоро послѣ нашего переселенія въ деревню къ моей матери то и дѣло начали ходить крестьяне изъ Бухонова съ жалобами на своего управляющаго. Это помѣстье принадлежало старшему брату моей матери, Ивану Степановичу Гонецкому, и имъ распоряжался нѣмецъ управляющій, Карлъ Карловичъ; но фамиліи его никто никогда не называлъ, а крестьяне прозвали его «Карлою».

Прежде, чѣмъ явиться къ матушкѣ, мужики и бабы вызывали няню и умоляли ее упросить «барыню» заступиться за нихъ, «обуздать Карлу». Но матушка строго запретила ей пускать ихъ къ себѣ. Она говорила, что вѣритъ въ основательность ихъ жалобъ, такъ какъ всѣ кругомъ подтверждаютъ ихъ, но что она лично ничего не можетъ сдѣлать: она не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла по имѣнію своего брата, который поручилъ его управляющему и далъ ему законную довѣренность.

Но вотъ однажды весною, въ праздничный день, у нашего крыльца собралась огромная толпа дядиныхъ крѣпостныхъ. Несмотря на дождь, они стали на колѣни передъ крыльцомъ, обнажили головы и объявили, что не тронутся съ мѣста, пока «барыня» не выслушаетъ ихъ. Матушка вышла разсерженная и

---

[1]) См. „Минувшіе Годы". Май—Іюнь.

подтвердила то, что уже много разъ посылала сказать имъ. Но выдѣлившійся изъ толпы сѣдой старикъ сумѣлъ заставить ее иначе отнестись къ нимъ. Онъ напомнилъ ей о томъ, «что милосердіе къ своимъ крестьянамъ покойнаго батюшки Николая Григорьевича извѣстно во всей округѣ, что онъ навѣрное пожалѣлъ бы и крестьянъ своего сродственника», что единственно о чемъ они просятъ барыню это то, чтобы она выслушала ихъ, затѣмъ сама бы пріѣхала въ Бухоново, убѣдилась въ справедливости ихъ словъ и все бы это описала своему братцу, — ихъ барину. Матушка смягчилась, приказала имъ встать съ колѣнъ, пойти на скотный просушиться, выбрать нѣсколько человѣкъ, которые бы и явились къ ней въ переднюю, но чтобы эти выборные «враки не несли и пустого не мололи»,—иначе, чуть что не подтвердится, она писать брату откажется.

Въ прежнія времена совсѣмъ не думали о томъ, что дѣтямъ не слѣдуетъ слушать многое изъ того, о чемъ старшіе говорятъ между собой, и выгоняли дѣтей изъ комнаты только тогда, когда они досаждали своими вопросами или бѣготней, а если они сидѣли гдѣ-нибудь въ сторонкѣ тихо и смирно, то о ихъ существованіи забывали, и они могли слушать самыя неподходящія для ихъ возраста вещи,—такъ, по крайней мѣрѣ, было въ нашей семьѣ. Я не только присутствовала въ то время, когда бухоновскіе крестьяне разсказывали матушкѣ объ истязаніяхъ, учиняемыхъ надъ ними «Карлою», но и когда они сообщали ей о его грязномъ поведеніи. Мало того, я ѣздила съ матушкою и нянею въ Бухоново, когда онѣ отправлялись туда, чтобы разслѣдовать на мѣстѣ жалобы крестьянъ. Няня могла пригодиться матушкѣ какъ для самого дѣла, такъ и для услугъ; на мое же путешествіе смотрѣли, какъ на маленькое развлеченіе для меня. Но мои воспоминанія не были бы такъ отчетливы, если бы старшіе, вслѣдствіе полнаго отсутствія въ прежнее время какихъ бы то ни было общественныхъ и политическихъ интересовъ, а также книгъ для чтенія, не вспоминали такъ часто о нашихъ захолустныхъ «исторіяхъ» и «происшествіяхъ». Удивительно, какъ у насъ любили вспоминать прошлое! Конечно, этому болѣе всего способствовали недостатокъ темъ для разговора и однообразно-вялая, монотонная, уединенная семейная жизнь. Достаточно было самаго ничтожнаго предлога, дѣловой записки отъ человѣка изъ той или другой сосѣдней мѣстности, и кто-нибудь изъ собравшихся начиналъ вспоминать о людяхъ, жившихъ въ ней 10—20 л. тому назадъ. Присутствующіе тотчасъ оживлялись и не только внимательно слушали разсказъ, который передавался уже много, много разъ при томъ же составѣ слушателей, но и сообщали пропущенныя разсказчикомъ подробности, передавали въ лицахъ разговоры.

Въ Бухоново мы отправились въ одинъ изъ воскресныхъ дней. Матушка распорядилась, чтобы для насъ была приготовлена собственная провизія: «Карла будетъ звать насъ къ себѣ на уго-

щеніе», говорила она, «но я не желаю даже входить къ нему: ѣсть у него хлѣбъ-соль, а потомъ на него же жаловаться,—это не въ моихъ правилахъ. Да и тяжело мнѣ входить въ домъ, гдѣ я родилась, въ которомъ я жила съ Марьей Ѳедоровной и отцомъ, гдѣ я узнала столько радости и горя». Кромѣ няни и меня, она брала съ собою трехъ крестьянъ: Лука долженъ былъ править въ кормѣ лодки, а двое были гребцами.

Помѣщичій домъ, въ Бухоновѣ, какъ и въ Погорѣломъ, стоялъ на возвышенномъ мѣстѣ, на небольшой горкѣ, но на другой сторонѣ нашего озера. Изъ одного имѣнья въ другое лѣтомъ можно было проѣхать въ лодкѣ по озеру; еще быстрѣе переѣзжали его зимой, когда ледъ замерзалъ, и оно представляло, какъ паркетъ, гладкую поверхность.

Каждый разъ, когда мы отправлялись въ лодкѣ на другую сторону, мы брали съ собой очень упрощенный снарядъ для ловли рыбы, который одни называли «лёса», другіе «лиса»,—дескать, такъ же хитро подкрадывается къ рыбѣ, какъ лиса къ курамъ. Этотъ снарядъ просто на просто представлялъ огромный клубокъ пеньковой веревки, на концѣ которой прикрѣпленъ былъ металлическій, толстый, короткій крючекъ; на него надѣвали небольшую рыбу, обыкновенно маленькаго карася. Когда мы садились въ лодку, чтобы ѣхать на другую сторону, мы забрасывали въ воду «лёсу» и, отъѣзжая отъ берега, постепенно разматывали клубокъ, опуская веревку въ озеро; тотъ же, кто сидѣлъ въ кормѣ, наматывалъ на руку конецъ этой веревки. На крючекъ «лёсы» попадалась только крупная рыба, но случалось, что переѣдутъ на другую сторону, а веревку ни разу не дернетъ. Когда удавалось вытащить огромную рыбу, ее бросали на дно лодки, и она, бывало, такъ скачетъ, что крестьяне, сидящіе на веслахъ, тутъ же прирѣзываютъ ее, чтобы она не выскочила въ озеро.

Прежде чѣмъ лодка окончательно причаливала къ берегу, ее уже видно было изъ оконъ Бухоновскаго дома. Когда нашу лодку стали притягивать къ берегу, управляющій Карлъ Карлычъ уже стоялъ, ожидая насъ на берегу. Это былъ средняго роста коренастый мужчина, наклонный къ толстотѣ, съ небольшимъ брюшкомъ, съ очень бѣлымъ, одутловатымъ лицомъ, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, съ голубыми, дѣтски-наивными глазами. Въ его физіономіи бросались въ глаза замѣчательно красныя, отвислыя, толстыя губы, которыя напоминали двѣ только что насосавшіяся кровью піявки; онѣ были такъ пухлы и толсты, что ротъ въ углахъ никогда не былъ плотно прикрытъ.

Подходя къ матушкѣ, «Карла» улыбался такъ весело и радостно, точно встрѣчалъ давно ожидаемую родную мать, и засыпалъ ее любезностями, комплиментами и привѣтствіями. Онъ говорилъ по-русски хотя и не совсѣмъ правильно и съ иностраннымъ акцентомъ, но такъ, что все можно было разобрать. Онъ заявилъ, между прочимъ, что все время собирался ее посѣтить, и о томъ, какъ обрадовался, когда увидѣлъ ее, а между тѣмъ онъ

встрѣчалъ мою мать въ первый разъ въ жизни. «Самоваръ и закуска», добавилъ онъ, «уже на столѣ».

Матушка была человѣкъ прямодушный, ненавидящій подходы и увороты, а потому прямо заявила ему, что не можетъ принять его угощенія, что пріѣхала она не къ нему, а съ цѣлью осмотрѣть житье-бытье крестьянъ, принадлежащихъ ея родному брату, чтобы потомъ описать ему все, что она увидитъ. «Карла» сейчасъ же перемѣнилъ тонъ и изъ заискивающаго сдѣлался наглымъ. Онъ крайне запальчиво и рѣзко отвѣчалъ, что матушка не имѣетъ права устраивать подобныхъ ревизій, которыя могутъ породить лишь смуту среди крестьянъ, что она не смѣетъ устраивать подобныхъ вещей даже съ разрѣшенія своего брата, который самъ выдалъ ему формальную довѣренность на управленіе его имѣніемъ, что въ силу этого онъ здѣсь единственный, полновластный хозяинъ и распорядитель. При этомъ онъ какъ-то грозно подошелъ къ матушкѣ. Няня въ ужасѣ всплеснула руками со словами: «ахъ, ты нѣмецкая колбаса... Да какъ ты смѣешь съ нашей-то барыней такъ разговаривать?» «Берегись, старая вѣдьма!», закричалъ онъ, поднимая палку на няню.

Я разревѣлась, но матушка была совсѣмъ не изъ трусливаго десятка. Она гордо подняла голову и съ презрѣніемъ крикнула: «Смѣйте только прикоснуться къ кому-нибудь изъ моего семейства или изъ моихъ крестьянъ! Прочь съ дороги!.. Можете сейчасъ же послать верхового за становымъ и за кѣмъ угодно,— я буду дѣлать то, что мнѣ надо». И она смѣло двинулась впередъ въ сопровожденіи насъ, приказавъ и тремъ нашимъ крестьянамъ слѣдовать за нею. Управляющій нѣсколько попятился назадъ, но долго выкрикивалъ намъ какія-то угрозы.

Матушка входила въ каждую избу съ нами, а если она не вмѣщала всѣхъ насъ, то только съ Лукою. Она разспрашивала каждаго хозяина, есть ли въ его хозяйствѣ лошадь, корова и другія домашнія животныя, о томъ, много ли дней работаетъ онъ на управляющаго и какія повинности онъ уплачиваетъ, когда и за что былъ наказанъ, приказывала подать ей хлѣба и приварокъ, пробовала то и другое, осматривала дѣтей, заходила въ въ хлѣвъ и другія постройки, если они были, и всѣ свои наблюденія заносила въ свою записную книжку. Показанія крестьянъ одной избы она провѣряла показаніями другихъ крестьянъ. Весь день она употребила на осмотръ избъ бухоновскихъ крестьянъ.

Матушка имѣла привычку писать свои письма сначала начерно. Всѣ свои черновики она аккуратно складывала вмѣстѣ съ отвѣтами, полученными ею. Вотъ ея письмо по этому поводу.

«Драгоцѣннѣйшій и всею душою и сердцемъ почитаемый братецъ мой, Иванъ Степановичъ!»

«Испытавъ на себѣ всю братскую доброту Вашего нѣжнаго сердца, Вашу заботу обо мнѣ, какъ о младшей единокровной и единоутробной сестрѣ Вашей, я рѣшаюсь довести до Вашего свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлается въ Вашихъ маетностяхъ —

помѣстьѣ Вашемъ Бухоново. Повѣрьте, братецъ, честному слову Вашей сестры, почитающей Васъ всѣмъ своимъ помышленіемъ, что не изъ бабьяго любопытства, не по женской привычкѣ совать свой носъ въ чужія дѣла рѣшилась я ѣхать въ принадлежащее Вамъ помѣстье и своими глазами посмотрѣть, оправдаются ли горькія жалобы Вашихъ подданныхъ на ихъ управителя. Къ сему непріятному дѣйствію понудили меня долгъ совѣсти, обязанность христіанки и желаніе моего покойнаго мужа, Вашего друга, сколь возможно блюсти интересы крѣпостныхъ, дабы они не имѣли права жаловаться на несправедливость помѣщиковъ... Отъ себя еще прибавлю, что собственный нашъ помѣщичій интересъ долженъ заставлять, елико возможно, пещись о нихъ.

«Жалобы на мучительства, причиняемыя имъ ихъ управляющимъ, поступали ко мнѣ уже болѣе года, но, не имѣя Вашей конфиденціи на сей предметъ, я боялась вмѣшательства въ сіе щекотливое дѣло, пока вопли Вашихъ подданныхъ не понудили меня выступить ихъ заступницей передъ Вами, но не иначе, какъ послѣ самоличнаго строгаго разслѣдованія ихъ жалобъ. И вотъ, братецъ, считаю долгомъ довести до Вашего свѣдѣнія обо всемъ, что видѣли мои глаза, что слышали мои уши.

«Всѣ Ваши крестьяне совершенно разорены, изнурены, въ конецъ замучены и искалѣчены никѣмъ другимъ, какъ Вашимъ управителемъ, нѣмцемъ Карломъ, прозваннымъ у насъ «Карлою», который есть лютый звѣрь, мучитель, столь жестоковыйный и развращенный человѣкъ, что если бы ненарокомъ проѣзжалъ по нашей захолустной мѣстности знаменитый сочинитель, чего, конечно, не можетъ случиться, онъ бы на страницахъ своего творенія описалъ «Карлу», какъ изверга человѣческаго рода. Извольте сами разсудить, безцѣнный братецъ: въ нашихъ мѣстахъ «барщина» состоитъ въ томъ, что крестьянинъ работаетъ на барина три и не болѣе четырехъ дней въ недѣлю. У «Карлы» же барщину отбываютъ 6 дней, съ утра до вечера, а на обработку крестьянской земли онъ даетъ Вашимъ подданнымъ только ночи и праздники. Ночью и рабочій скотъ отдыхаетъ, можетъ ли человѣкъ работать безъ отдыха? Въ одни же праздники, если бы даже никогда не мѣшали дожди, крестьянинъ не могъ бы управиться съ своимъ надѣломъ. А потому и произошло то, что гораздо болѣе половины Вашихъ крестьянъ оставляютъ землю безъ обработки. Какъ хозяйка уже съ нѣкоторымъ опытомъ, я могу сказать Вамъ, мой братецъ любимый, что изъ сего выйдетъ то, что Вы, когда кончится контрактъ съ Карлою, потеряете весь профитъ, который можете получить, какъ помѣщикъ отъ своей земли, и оная обратится въ настоящій пустырь, на которомъ будутъ произрастать развѣ сорныя травы. Сіе происходитъ отъ того, что нѣмецъ свелъ на нѣтъ хозяйство крестьянъ: во дворахъ и хлѣвахъ огромнаго числа Вашихъ подданныхъ хоть шаромъ покати,—ни коровы, ни лошаденки, ни куренка, ни поросенка, ни овцы. Нѣтъ домашнихъ животныхъ—нѣтъ и навоза, а безъ онаго безплодная земля

нашей мѣстности не можетъ родить ни хлѣба, ни даже подстилки для скотины. Какъ ни убога наша мѣстность, но нигдѣ крестьяне не выглядятъ такими жалкими, замореными, слабосильными и искалѣченными, нигдѣ не ѣдятъ такъ плохо, какъ въ деревняхъ, принадлежащихъ Вамъ, милый братецъ. Должна сказать по совѣсти и у меня крестьяне не богатѣи: половину года подмѣшиваютъ мякину въ ржаную муку, но Вы знаете отъ всей души, почитаемый братецъ, что теперь только годъ съ небольшимъ, какъ я взяла хозяйство въ свои руки и всѣми силами стараюсь устроить ихъ получше. Это имѣетъ большое значеніе для нашего же помѣщичьяго расчета: если требовать, чтобъ лошадь скорѣе бѣжала, чтобъ корова давала надлежащій удой, скотину необходимо кормить,—такъ и человѣка. Можетъ ли онъ работать, когда голодаетъ и ѣстъ хуже пса? Ваши крестьяне почти круглый годъ пекутъ хлѣбъ изъ мякины, подмѣшивая въ нее даже древесную кору и только горсточку—другую подбрасывая въ тѣсто гороховой или ржаной муки. Варево ихъ пустое: щи изъ сѣрой капусты, а весной и лѣтомъ щи изъ крапивы и щавеля или болтушка изъ той же муки, что и хлѣбъ; въ варево нечего бросить: въ избѣ нѣтъ ни куска сала, ни солонины, ни молока, чтобы забѣлить. Дѣти крестьянъ настоящія страшилы: съ гнойными глазами, съ облѣзлыми волосами, съ кривыми ногами, кто изъ нихъ и на печи кричитъ, потому что «брюхо дюже деретъ», какъ сказываютъ ихъ родители, или изъ-за того, что брюхо, какъ котелъ черное. Моръ дѣтей ужасающій, и это, по словамъ мужиковъ, потому, что «почитай кажиннаго ребенка хлещетъ на девятый вѣнецъ». Того изъ ребятъ, который можетъ передвигать ногами, родители посылаютъ «въ кусочки», т. е. милостыньку собирать, нищенствуетъ и множество взрослыхъ. Если на дорогѣ попадается нищій, такъ и знай, что онъ изъ Вашихъ, братецъ, деревень. Когда «Карла» встрѣтитъ кого съ сумой, онъ нещадно бьетъ плетью и палкой, но это не помогаетъ, и люди выходятъ на дорогу, ибо дома нечего ѣсть. Карла бьетъ не только за нищенство, бьетъ онъ смертнымъ боемъ, мучительно истязаетъ Вашихъ подданныхъ. Чуть рабочій опоздаетъ на работу, либо покажется Карлу, что онъ работаетъ медленно, а, Боже храни, ежели крестьянинъ пожалуется на свою хворь, а хуже того на свои недостатки, на него налагается безчеловѣчная расправа плетью, а въ придачу удары толстой палкой. Сзади Карлы, всюду, какъ его тѣнь, ходитъ горбунъ Митрошка, у котораго давно отсѣчена кисть правой руки. Такъ какъ онъ не можетъ работать, да и калѣка, то Карла приноровилъ его своимъ заплечныхъ дѣлъ мастеромъ. Куда идетъ Карла, туда и горбунъ тащится съ плетью черезъ плечо, а у самого-то Карлы въ рукахъ всегда толстая претолстая палка съ мѣднымъ набалдашникомъ. Чуть кто провинится, будь то на току, на жнитвѣ, либо на косовицѣ, Карла махнетъ рукой, а ужъ Митрошка знаетъ, что дѣлать: сейчасъ срываетъ съ провинившагося одежду

догола, валитъ на землю, садится на него, а самъ Карла, непремѣнно самъ, начинаетъ полосовать плетью. Такъ онъ наказываетъ и женщинъ и мужчинъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ двухъ женщинъ запоролъ на смерть: одна умерла черезъ два дня, а другая черезъ двѣ недѣли. Было и слѣдствіе,—отвертѣлся большими взятками; крючкотворы судейскіе и полицейскіе обѣлили его на такомъ основаніи, что обѣ бабы умерли не отъ его нѣмцовой лютости и не во время экзекуціи, а что онѣ были хворыя.

«Нѣмецъ учиняетъ надъ Вашими крѣпостными и болѣе мерзкія истязанія, о которыхъ я, какъ женщина, не должна была бы и писать Вамъ, дорогой братецъ... Но имѣя въ виду то, что Вамъ, можетъ быть, придется сіе мое письмо присовокупить къ какому-нибудь форменному заявленію, я рѣшаюсь и на сіи беззаконія раскрыть Вамъ глаза и подтверждаю, что готова подъ присягой показывать все, о чемъ упоминаю Вамъ. Сіе нечистое животное, именуемое у насъ «Карлою», растлилъ всѣхъ дѣвокъ Вашихъ деревень и требуетъ къ себѣ каждую смазливую невѣсту на первую ночь. Если же сіе не понравится самой дѣвкѣ, либо ея матери или жениху, и они осмѣлятся умолять его не трогать ее, то ихъ всѣхъ по заведенному порядку наказываютъ плетью, а дѣвкѣ-невѣстѣ на недѣлю, а то и на двѣ надѣваютъ на шею для помѣхи спанью рогатку. Рогатка замыкается, а ключъ Карла прячетъ въ свой карманъ. Мужику же, молодому мужу, выказавшему сопротивленіе тому, чтобы Карла растлилъ только что повѣнчанную съ нимъ дѣвку, обматываютъ вокругъ шеи собачью цѣпь и укрѣпляютъ ее у воротъ дома, того самаго дома, въ которомъ мы, единокровный и единоутробный братецъ мой, родились съ Вами. Въ первый разъ въ жизни слышу о такомъ безобразіи.

«Многіе помѣщики наши весьма изрядные развратники: кромѣ законныхъ женъ, имѣютъ наложницъ изъ крѣпостныхъ, устраиваютъ у себя грязные дебоши, частенько порютъ своихъ крестьянъ, но во всякомъ случаѣ не калѣчатъ ихъ, не злобствуютъ на нихъ въ въ такой мѣрѣ, не требуютъ отъ нихъ 6-ти дневной барщины, не разоряютъ въ конецъ ихъ хозяйства, не до такой грязи развращаютъ ихъ женъ и дѣтей. Касательно же рогатокъ на шею бабамъ и сажанія человѣка, какъ настоящаго пса, на цѣпь—этого по нашимъ мѣстамъ и не слышно, чтобы когда-нибудь было; не слышно было до него и пакости насчетъ невѣстъ крестьянъ. Улики насчетъ послѣдняго на-лицо: сама видѣла нѣсколькихъ крестьянскихъ ребятъ съ толстой, отвислой губой злодѣя, и мужики такъ и называютъ ихъ «карлятами».

«Сколькихъ работниковъ Вы, братецъ, лишились изъ-за Карлы: одни изъ Вашихъ крестьянъ въ бѣгахъ, другіе утопились и повѣсились, третьи вѣчными калѣками подѣлались, остальные съ виду жалки, слабосильны и едва ли могутъ хорошо исполнять настоящую крестьянскую работу, а тѣ, что подрастаютъ,

еще хуже. Я каждый день жду, что крестьяне что-нибудь учинятъ надъ своимъ лиходѣемъ,—вѣдь на каторгѣ имъ жить, почитай, легче будетъ, чѣмъ у нѣмца.

«Полагаю, что для Васъ, дорогой братецъ, не будетъ очень затруднительно развязаться съ Вашимъ управителемъ: его ненавидятъ не только крестьяне, но и судейскіе, и полицейскіе чины, обѣлившіе его во время производства послѣдняго слѣдствія: по алчности своей Карла не отдалъ всей взятки, которую посулилъ, поднадулъ многихъ изъ нихъ, вотъ они и злы на него. Мнѣ становой прямо сказывалъ: «Какъ только новое дѣло о Карлѣ поднимется, я ужо дамъ теперь огласку всѣмъ его дѣлишкамъ».

«Дорогой братецъ! Зная Ваше благородное сердце, я льщу себя надеждой, что Вы не оставите безъ возмездія злодѣяній Карлы и положите конецъ его управленію, вредному для Вашихъ интересовъ: я могу доказать, что онъ обезцѣнилъ и разорилъ Ваше достояніе, и даже, рѣшаюсь сказать, обезчестилъ наше родительское гнѣздо».

Когда я ближе узнала своего дядюшку, И. С. Гонецкаго (это было болѣе чѣмъ черезъ цѣлый десятокъ лѣтъ послѣ описываемаго событія), онъ былъ уже дикимъ консерваторомъ и быстро шелъ по дорогѣ повышеній. Тѣмъ не менѣе онъ всегда былъ человѣкомъ, съ презрѣніемъ относящимся къ лихоимству и взяточничеству, въ высшей степени прямымъ, съ простою, любящею душею, съ человѣколюбивыми инстинктами во всемъ, что не касалось политики, съ честными взглядами въ томъ, что онъ могъ понять своимъ недальновиднымъ умомъ, но что подсказывало ему его сострадательное сердце.

Гонецкій былъ человѣкъ очень наивный: онъ искренно думалъ, что розсказни объ истязаніи крестьянъ и о развратѣ помѣщиковъ, — плодъ досужей фантазіи, что если что-нибудь подобное и случается, то какъ исключительное явленіе, а потому въ поведеніи «Карлы» онъ прежде всего усмотрѣлъ, что тотъ своими безобразіями губитъ авторитетъ помѣщичьей власти. Пугало его и то, что управляющій бросилъ грязную тѣнь на его незапятнанное имя. Безчеловѣчное и безнравственное поведеніе «Карлы» возмущало его доброе, солдатское сердце. Его отвѣтъ на матушкино письмо былъ сплошной крикъ негодованія, онъ даже рѣзко укорялъ свою сестру, что она давно не довела до его свѣдѣнія о всѣхъ безобразіяхъ его управляющаго, умолялъ ее взять имѣніе въ свои руки, написалъ по этому поводу множество писемъ: нѣмцу о томъ, чтобы тотъ немедленно убирался изъ его имѣнія, а предводителю дворянства, исправнику и становому, чтобы тѣ постарались какъ можно скорѣе выгнать его изъ Бухонова. Имѣя связи въ высшихъ сферахъ, онъ посѣтилъ всѣхъ, кого могъ, съ цѣлью довести до ихъ свѣдѣнія о безобразіяхъ своего управляющаго нѣмца, читалъ всѣмъ письмо сестры и въ концѣ концовъ добился того,

что въ Бухоново былъ отправленъ особый чиновникъ для разслѣдованія. Но въ то время «Карлы» уже и слѣдъ простылъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ «ревизіи» (такъ стали называть помѣщики посѣщеніе матушкою крестьянскихъ избъ въ Бухоновѣ и другихъ деревняхъ, принадлежащихъ дядюшкѣ), до насъ дошелъ слухъ, что Карла внезапно куда-то уѣхалъ. У насъ не придавали этому никакого значенія. Вдругъ однажды въ нашу столовую вошелъ горбунъ Митрошка и подалъ матушкѣ ящичекъ, зашитый въ холстъ и запечатанный. При этомъ онъ сообщилъ слѣдующее: нѣмецъ объявилъ ему, что отправляется съ нимъ на почтовую станцію, что оттуда онъ поѣдетъ на почтовыхъ лошадяхъ въ губернскій городъ, а Митрошка съ лошадьми и экипажемъ возвратится домой, что онъ, Карла, пробудетъ въ отлучкѣ не болѣе десяти дней, а что Митрошка черезъ недѣлю послѣ его отъѣзда долженъ отвезти этотъ ящичекъ и собственноручно вручить его моей матушкѣ.

Каково же было ея удивленіе, когда она нашла въ немъ довѣренность, выданную ему Гонецкимъ на управленіе имѣніемъ, документы по дѣламъ, ключи отъ амбаровъ съ зерновымъ хлѣбомъ и коротенькую записку. Въ ней Карла извѣщалъ, что онъ возвращетъ ей довѣренное ему хозяйство Гонецкаго, а вмѣстѣ съ этимъ и амбары, наполненные хлѣбнымъ зерномъ, указывалъ онъ и на то, что оставляетъ домашняго скота и земледѣльческихъ орудій гораздо больше, чѣмъ обязанъ былъ сдать.

Матушка такъ испугалась какого-нибудь подвоха съ его стороны, что немедленно отправила лошадь за становымъ, упрашивая его поѣхать съ нею для провѣрки того, что Карла оставилъ въ хозяйствѣ.

Становой, то шуткой, то серьезно доказывалъ, что это онъ, посодѣйствовалъ быстрому исчезновенію «Карлы». Вотъ что онъ разсказалъ по этому поводу: недѣли полторы тому назадъ онъ нарочно пріѣхалъ къ нѣмцу, чтобы переговорить съ нимъ о его положеніи, которое часъ отъ часу становилось для него все болѣе опаснымъ. Но Карла, еле успѣлъ съ нимъ поздороваться, какъ тотчасъ началъ на чемъ свѣтъ бранить мою мать. Онъ разсказалъ о ея посѣщеніи и клялся, что онъ этого такъ не оставитъ, да и не можетъ уже потому, что крестьяне стали ему грубить такъ, какъ никогда прежде. Но тутъ становой заявилъ, что ему теперь нужно забыть обо всемъ на свѣтѣ, а думать только о томъ, какъ бы скорѣе спасти себя: только что получена бумага изъ канцеляріи губернатора съ запросомъ о томъ, какъ онъ, становой, смѣлъ не доносить своевременно о безобразіяхъ, учиняемыхъ имъ, управляющимъ, надъ крѣпостными Гонецкаго, и объ изнасилованіи имъ крестьянскихъ невѣстъ, и что онъ только и ждетъ предписанія о задержаніи его. Была ли получена становымъ такая бумага, или онъ только пугалъ ею нѣмца,—не извѣстно.

«Ну, скажите-ка теперь, Александра Степановна», закончилъ

становой свой разсказъ, «развѣ не я помогъ вашему братцу выдворить нѣмца? Очевидно, онъ послушался моего совѣта—за границу удралъ! Что же удивительнаго въ томъ, что онъ бросилъ все хозяйство въ томъ видѣ, какъ оно было въ ту минуту, когда онъ рѣшилъ бѣжать безъ оглядки. Вѣдь рожь и овесъ онъ могъ продать лишь черезъ недѣли двѣ, боялся задержаться и умно сдѣлалъ!..»

Въ присутствіи станового, матушка объявила крестьянамъ что она, по волѣ брата, является теперь ихъ управительницею, что съ этого дня, въ продолженіе трехъ лѣтъ, она избавляетъ ихъ отъ какихъ бы то ни было поборовъ и приношеній въ пользу помѣщика и назначаетъ имъ отбывать барщину лишь два дня въ недѣлю. Зерновой хлѣбъ въ господскихъ закромахъ, назначенный Карлою исключительно для продажи, матушка поровну раздѣлила между всѣми крестьянскими семьями, которые въ это время голодали почти поголовно, а среди дѣтей шла страшная смертность отъ дизентеріи. Нѣсколькимъ несчастнымъ, обремененнымъ наиболѣе значительными семьями, она дала по коровѣ съ господскаго двора, а тѣмъ, у которыхъ избы пришли въ полный упадокъ, приказала отпустить лѣсу. Когда мы садились въ лодку, чтобы ѣхать домой, крестьяне собрались у берега, бросились передъ матушкою на колѣни, цѣловали ей руки и, отплывая, мы долго еще видѣли, какъ они стояли на колѣняхъ безъ шапокъ. Въ первое воскресенье всѣ крестьяне Гонецкаго, старые и малые, собрались въ церковь и отслужили молебенъ за здоровье матушки и своего помѣщика, которому они отправили благодарственное письмо за избавленіе ихъ отъ «Карлы».

Въ Бухоново матушка назначила особаго старосту: онъ долженъ былъ еженедѣльно пріѣзжать къ ней съ отчетомъ о ходѣ хозяйства, но и сама она то и дѣло отправлялась туда.

Итакъ, у матушки очутилась на рукахъ новая обуза, новая забота,—управленіе имѣніемъ брата. Теперь она была еще больше занята, еще меньше обращала вниманія на родныхъ дѣтей и на все то, что дѣлалось въ ея домѣ. Она написала дядѣ о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ по его имѣнію. Онъ сердечно благодарилъ сестру за все, а особенно за то, что она роздала хлѣбъ его голодающимъ крестьянамъ. Онъ совершенно согласился и съ тѣмъ пунктомъ ея письма, въ которомъ она говорила, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ она не будетъ имѣть возможности посылать ему съ имѣнія какіе бы то ни было доходы, а всѣ деньги, которыя будутъ оставаться отъ продажи зернового хлѣба, она будетъ употреблять на улучшеніе хозяйства для того, чтобы поднять цѣнность его имѣнія. Для этого, по ея мнѣнію, нужно было: 1) унавоживать и обрабатывать, какъ можно лучше, землю, доведенную до полнаго истощенія, 2) держать побольше скота для навоза, 3) выкорчевывать деревья, чтобы увеличивать запашку, 4) произвести фундаментальный ремонтъ старыхъ сельско-хозяйственныхъ зданій и построить нѣсколько новыхъ. Это былъ со-

вершенно разумный взглядъ на хозяйство, если принять во вниманіе, конечно, тѣ первобытные способы веденія его, которые тогда практиковались въ нашей мѣстности. Благодаря тому, что дядя на слово повѣрилъ своей сестрѣ и вполнѣ подчинился ея требованіямъ, она хотя и очень не скоро, но въ концѣ концовъ довела имѣніе брата до весьма порядочнаго состоянія. Если бы на мѣстѣ дяди былъ въ то время другой помѣщикъ, онъ никогда не согласился бы на предложеніе моей матери ничего не получать съ имѣнія, а всѣ доходы въ продолженіе многихъ лѣтъ употреблять на его улучшеніе. Тѣмъ болѣе не согласился бы на это помѣщикъ, ничего не понимавшій въ хозяйствѣ, какимъ былъ мой дядя. Вѣроятно, почти каждый въ то время посмотрѣлъ бы на такое предложеніе, какъ на простое мошенничество. Но дядя, безукоризненно честный по натурѣ и совсѣмъ не жадный до денегъ, неспособный кого-нибудь провести и надуть, не допускалъ и мысли, конечно, что его родная сестра, которую онъ всегда горячо любилъ и уважалъ, могла совѣтывать ему что-нибудь, клонящееся ко вреду его интересовъ, впрочемъ, такъ же довѣрчиво онъ относился всю жизнь и къ другимъ. Несмотря на то, что въ то время онъ еще нуждался въ деньгахъ, онъ написалъ матушкѣ, что не будетъ требовать съ нея никакихъ денегъ съ имѣнія, такъ какъ и доходъ съ нѣмца, который онъ получалъ, оказывался невѣроятно мизернымъ, да и тотъ былъ сокращенъ въ послѣдніе два года: нѣмецъ жаловался на неурожай, а ему, Гонецкому, казалось безчестнымъ прижимать въ такое время человѣка, и управляющій уменьшилъ присылку ему доходовъ на половину. А теперь, какъ онъ писалъ, его совѣсть будетъ покойна, что его крестьянъ никто не будетъ истязать, что они не будутъ ходить въ «кусочки».

И тогда, и позже дядя всегда говорилъ, что онъ не смотритъ на имѣніе, какъ на статью дохода (оно, дѣйствительно, было очень небольшое, а теперь къ тому же и окончательно разоренное) и не продаетъ его только потому, что «считаетъ себя обязаннымъ охранять священный прахъ и гробы своихъ отцовъ». Нужно замѣтить, что, несмотря на страсть ко всему военному, несмотря на свой воинственный пылъ, онъ очень былъ не прочь посентиментальничать и не упускалъ случая, нерѣдко даже не кстати, прицѣпить высокопарныя фразы въ родѣ слѣдующихъ: «Всеблагое провидѣніе внушило мнѣ», «легкій зефиръ освѣжилъ мою голову», «сѣдая старина», «она прекрасна, какъ роза востока», «когда мы имѣли несчастье прорубить окно на западъ» и т. п.; при этомъ все, что было съ запада, онъ считалъ гнилымъ и гнуснымъ, все, что было въ Россіи и ея порядки, онъ считалъ умными и прекрасными. Всѣ эти громкія фразы онъ обыкновенно говорилъ не съ ироніей, а совершенно серьезно, принявъ даже торжественное выраженіе лица и зажмуривая глаза, да еще для большей внушительности помахивая передъ собесѣдникомъ двумя пальцами.

Мало-по-малу я познакомилась съ характерными особенно-

стями жизни деревни того времени и съ семействами нашихъ сосѣдей. Когда наступали теплые дни, въ помѣщичьихъ усадьбахъ появлялся медвѣдь, котораго сопровождали два-три цыгана, одинъ изъ нихъ тащилъ его за цѣпь, другой шелъ съ барабаномъ, прикрѣпленнымъ къ ремню, перекинутымъ черезъ плечо, третій—со скрипкой. Представленіе съ ученымъ медвѣдемъ было въ то время единственнымъ народнымъ театромъ. Хотя, при однообразіи деревенской жизни, оно служило нѣкоторымъ развлеченіемъ для народа, но, какъ и все въ то время, представленіе это было крайне грубымъ, вреднымъ и даже опаснымъ. Разсвирѣпѣвшій звѣрь зачастую поднимался на дыбы, оскаливалъ свои страшные зубы и издавалъ потрясающій ревъ. Ужасъ охватывалъ тогда домашнихъ животныхъ, и на скотномъ дворѣ поднимался страшный переполохъ: лошади ржали, а нерѣдко срывались съ привязи, коровы мычали, овцы блеяли все жалостливѣе и жалостливѣе. Дѣтей же этотъ медвѣжій ревъ доводилъ иногда до смертельныхъ испуговъ и нервныхъ припадковъ, называемыхъ въ то время «родимчикомъ». Такъ же грубо и плоско было самое представленіе: медвѣдя заставляли показывать, какъ деревенскіе ребята горохъ воруютъ, какъ парни водку пьютъ и т. п.

Весною или лѣтомъ появлялся также цыганскій таборъ и располагался близъ той или другой помѣщичьей усадьбы. Съ наступленіемъ сумерекъ цыгане зажигали костры и готовили себѣ ужинъ, послѣ котораго раздавались звуки музыки и пѣнія. Смотрѣть на нихъ народъ стекался со всѣхъ сторонъ, а въ сторонкѣ отъ ихъ веселья и пляски цыганки предсказывали будущее бабамъ и дѣвушкамъ.

Прежде чѣмъ расположиться у нашей усадьбы, таборъ посылалъ къ матушкѣ цыганку Машу, которая просила разрѣшенія сдѣлать на ея землѣ привалъ на недѣльку—другую. Матушка давала свое согласіе, но съ условіемъ, что цыгане раскинутъ таборъ на томъ мѣстѣ, на которомъ имъ будетъ это указано, но если во время ихъ пребыванія въ ея помѣстьѣ будетъ украдена хотя завалящаяся тряпка, а не только лошадь, она дастъ знать объ этомъ становому, чтобы ихъ всѣхъ заарестовали и посадили въ тюрьму. Цыганка Маша отъ имени своихъ собратьевъ принимала условія и давала слово точно ихъ выполнить; затѣмъ няня приказывала придти мужчинамъ изъ табора и получить «цыганское».

Когда наступали весенніе дни, матушка приказывала осмотрѣть домашнія заготовки. Все, что оказывалось испорченнымъ до такой степени, что это не стали бы ѣсть и въ людской, сбрасывали въ огромный деревянный ушатъ, называемый «цыганскимъ», нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что порченый творогъ смѣшивался съ гнилой рыбой и перегнившими мясными фаршами. Никто не зналъ точно, когда придутъ цыгане, и этотъ ушатъ со смѣсью съѣстного иногда подолгу стоялъ на крыльцѣ какого-нибудь амбара: выброшенная масса издавала отвратительный за-

пахъ. Когда матушку, проходившую по двору, раздражала эта вонь, она приказывала закрыть ушатъ досками. Несмотря на это, цыгане были въ восторгѣ отъ подношенія, и никогда ничего не крали въ нашей усадьбѣ, а между тѣмъ съ другими у нихъ то и дѣло выходили «исторіи».

Въ то время, когда цыгане раскидывали таборъ недалеко отъ нашего дома, цыганка Маша, то одна, то съ нѣсколькими подругами, почти ежедневно прибѣгала къ намъ. Имъ каждый разъ давали хлѣбъ, молоко и старое тряпье, а онѣ гадали сестрѣ по рукѣ, пѣли, плясали. Иногда онѣ приводили съ собою и цыгана со скрипкою, и тогда у насъ начиналось настоящее веселье. При нашей однообразной жизни цыганскія нашествія служили для насъ большимъ развлеченіемъ. И дѣйствительно, никто изъ членовъ моей семьи, даже матушка и няня, не могли оставаться равнодушными къ ихъ разудалому веселью. Меня особенно привлекала къ себѣ Маша,—красивая, смуглая, краснощекая цыганка, съ черными глазами, горѣвшими огнемъ, съ волнистыми, черными, какъ смоль, волосами, завитки и кудряшки которыхъ сплошь покрывали ея лобъ, съ черными, густыми бровями дугой. Ея обычный цыганскій нарядъ—красная шаль черезъ плечо, бусы и монеты вокругъ шеи, свѣшивавшіяся на грудь и бряцавшія при каждомъ ея движеніи, пестрый головной уборъ изъ фольги, монетъ и разноцвѣтныхъ бусъ,—однимъ словомъ, все нравилось мнѣ въ ней, все выдѣляло ее изъ толпы и удивительно гармонировало съ ея дикой, броской красотой. Во время пляски она то прищелкивала пальцами, то потрясала бубнами, плясала и пѣла все съ большимъ одушевленіемъ, все сильнѣе встряхивая бубнами, все звонче взвизгивая, все нервнѣе передергивая плечами. Чѣмъ сильнѣе она увлекалась, тѣмъ живѣе и нервнѣе становился ея танецъ, тѣмъ звонче побрякивали украшенія и ея убора на головѣ и шеѣ. Кончая свой страстно-задорный танецъ, она хватала меня на руки даже и тогда, когда я была уже большой дѣвочкой, кружилась со мной, притопывая ногами и покрывая меня порывистыми поцѣлуями. Мнѣ долго потомъ грезились эти огненные поцѣлуи. Я была слишкомъ мала для того, чтобы разобраться въ томъ, просто ли она дурачится со мной, или желаетъ этимъ поддѣлаться къ старшимъ, чтобы тѣ давали ей побольше всякой всячины, или я лично нравилась ей, какъ ребенокъ. Я начинала думать о ней все чаще и рѣшила, что она меня любитъ такъ же крѣпко, какъ и цѣлуетъ. Она стала мнѣ грезиться и на яву, и во снѣ: часто я не могла понять, приснилось мнѣ или то было въ дѣйствительности, что она бѣжала со мной въ таборъ, а наши крестьяне, подъ предводительствомъ няни, вырывали меня изъ ея рукъ. Передо мной постоянно сверкали то ея чудные бѣлые зубы, то огненные глаза, то раздавался въ ушахъ ея громкій, раскатистый смѣхъ.

Въ то время, когда цыгане жили близъ нашей усадьбы, я подъ вечеръ все съ большимъ нетерпѣніемъ поджидала Машу:

она должна была придти, моя чудная красавица, и я такъ жаждала ея жгучихъ поцѣлуевъ, такъ громко хохотала тогда, а я любила хохотать, но имѣла такъ мало случаевъ для этого. Впечатлѣніе отъ забавъ Маши со мной особенно усиливалось тѣмъ, что она, цѣлуя меня, наклонялась надо мной какъ-то таинственно и, точно заколдовывая меня, произносила: «кровушка у тебя-то наша—наша: горячая... цыганская! И на щечкахъ-то у тебя нашъ алый румянчикъ... И волосья твои, что ночь черная... закудрявились,—счастье сулятъ. Наша ты, наша цыганочка... Дочка моя милая!»

Изъ своихъ странствій Маша всегда приносила мнѣ гостинцы: то какихъ-то особенно крупныхъ лѣсныхъ орѣховъ, то подсолнуховъ, то черныхъ стручковъ, то глинянаго пѣтушка, то какой-нибудь крошечный глиняный горшочекъ. Я была въ восторгѣ и отъ всѣхъ ея подарковъ и еще болѣе отъ ея прихода. Въ свою очередь я тоже приговляла ей подарокъ: какъ только весною начинались у насъ разговоры объ ихъ приходѣ, я прятала въ одну изъ своихъ многочисленныхъ коробочекъ кусочки сахара, сухарики, лоскутки, которые мнѣ давали для куколъ, и потихоньку совала ей все это, когда она приходила къ намъ. Она ловко прятала полученное подъ свою красную шаль, и даже няня ничего не замѣчала. О, какъ я была счастлива, что у меня съ нею былъ секретъ, котораго никто не зналъ! Но вотъ какъ-то няня, въ одинъ изъ приходовъ цыганки, неотступно стояла при мнѣ, и я никакъ не могла всунуть ей своего подарка. Цыганка простилась со всѣми и быстро пошла по двору; я побѣжала за нею. Няня, увидавъ это изъ окна, закричала во все горло, бросилась за мной, схватила меня за руку и такъ рѣзко, какъ никогда этого не случалось прежде, толкнула меня къ матушкѣ со словами: «хорошенько побраните Лизушу, чтобы она никогда не смѣла бѣгать за цыганкой. Какъ передъ истиннымъ говорю,—заколдовала, приворожила она къ себѣ ребенка! Быть горю,—чуетъ мое сердце! Украдетъ она, безпремѣнно украдетъ она нашу дѣвочку!»

— Еще что выдумала!..—говорила матушка со смѣхомъ.— Это все старыя сказки. Теперь дѣтей подбрасываютъ, а не крадутъ!

Мою привязанность знали и наши сосѣди: каждый разъ та или другая помѣщица находила нужнымъ сказать мнѣ при встрѣчѣ что-нибудь въ такомъ родѣ: «Здравствуй, цыганочка!» и затѣмъ, обращаясь къ моей матери: «А вѣдь по правдѣ, Александра Степановна, она у васъ настоящая цыганка: волосы черные, кудрявые. Всѣ ваши дѣти бѣлолицыя, а эта—смуглянка. Ужъ признайтесь: вѣдь цыганка Маша вамъ подбросила Лизу? Вамъ теперь жалко ее отправить въ таборъ, а вотъ, когда она будетъ капризничать...» и т. п. Все это, конечно, были глупыя шутки, но мнѣ казалось, что въ нихъ есть намекъ на то, что я совсѣмъ не дочь той, которую я считаю своею матерью. И вотъ я, ломая надъ этимъ голову, пришла къ убѣжденію, что цыганка Маша моя родная мать, что та, которая считается моею матерью, вслѣд-

ствіе этого и не может любить меня такъ, какъ родная. Я не могла долго носиться съ своею тайной и подъ величайшимъ секретомъ передала ее нянѣ. Та пришла въ ужасъ и, разувѣряя меня, клялась и божилась, что это вздоръ, что я родилась при ней, что съ той минуты она никогда не отлучалась отъ меня. Наконецъ, я повѣрила ей и мало-по-малу совсѣмъ перестала думать объ этомъ. Но гораздо позже, когда мнѣ было уже лѣтъ 16, и когда меня начали осаждать воспоминанія послѣдняго тяжелаго періода моего дѣтства, мнѣ вдругъ припомнилась цыганка Маша и ея жгучіе поцѣлуи. Мое недостаточное умственное развитіе и въ полномъ смыслѣ слова монастырское воспитаніе въ институтѣ дали возможность укрѣпиться всѣмъ этимъ глупымъ бреднямъ... Тогда я безапелляціонно рѣшила, что я дочь цыганки, написала по этому поводу цѣлый разсказъ о своемъ дѣтствѣ, его выкрали у меня и отправили матушкѣ,—и вся эта исторія чуть не кончилась трагически. Но объ этомъ я разскажу ниже.

Въ нашей мѣстности было много крайне бѣдныхъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ. На противоположной сторонѣ нашего озера, тамъ, гдѣ находилось Бухоново, помѣстье Гонецкаго, очень близко отъ него расположена была деревня Коровино; она больше, чѣмъ какая-нибудь другая въ нашей мѣстности, была заселена мелкопомѣстными дворянами. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли по двѣ, другіе по три, и не болѣе десяти-пятнадцати крѣпостныхъ. Нѣкоторые домишки этихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ стояли въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, раздѣленные между собой огородами, а то и чѣмъ-то въ родѣ мусорнаго пространства, на которомъ пышно произрасталъ бурьянъ, стояли кое-какія хозяйственныя постройки и возвышалось иногда нѣсколько деревьевъ.

Жалкіе домишки мелкопомѣстныхъ дворянъ, съ небольшими пространствами луговой и пахотной земли сзади нихъ, тянулись приблизительно на версту, образуя длинную, грязную, вонючую улицу (кромѣ времени сильныхъ морозовъ, когда всѣ отбросы, выкидываемые на нее, были прикрыты снѣгомъ), по которой огромною стаей всегда бѣгали собаки, разгуливали свиньи и домашнія птицы, проходили коровы въ поле. Большая часть жилищъ мелкопомѣстныхъ дворянъ деревни Коровино была построена въ то время почти по одному образцу въ двѣ комнаты, раздѣленныя между собой сѣнями, оканчивавшимися кухнею противъ входной двери. Такимъ образомъ домикъ, въ которомъ было всего двѣ комнаты, представлялъ двѣ половины, но каждая изъ нихъ была въ свою очередь подѣлена перегородкою, а то и двумя. Домики были разной величины, но большая часть ихъ маленькіе, ветхіе а то и полуразвалившіеся. По правую руку отъ входа изъ сѣней жили «господа», съ лѣвой стороны ихъ «крѣпостные». Лишь у трехъ или четырехъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ этой деревни были отстроены особыя избы для крестьянъ,— у остальныхъ они ютились въ одномъ и томъ же домѣ съ «панами», но на другой его половинѣ, называемой «людскою», въ свою очередь обыкно-

венно раздѣленною перегородкой на двѣ части. Иной разъ первая комната людской была больше, иной разъ вторая. Я перечислю только главныя вещи, которыя можно было найти въ каждой людской: кросны для тканья, занимавшія большую часть комнаты, ручной жерновъ, на которомъ мололи муку, два-три стола, ушаты, ведра и сундуки, лавки по всѣмъ свободнымъ стѣнамъ, а подъ ними корзины съ птицею на яйцахъ или съ выводками. Въ каждомъ загончикѣ или клѣтушкѣ людской были «зыбки» для дѣтей и палати для спанья взрослыхъ, но спали на всѣхъ лавкахъ, на печи и на полу,—нужно помнить, что тамъ, гдѣ было 4—5 крѣпостныхъ, населеніе людской, если считать не только женъ и сестеръ, но и дѣтей, простиралось до 12—15 душъ. Здѣсь и тамъ въ этихъ клѣтушкахъ грудами навалены были лучины, бросался въ глаза и высокій свѣтецъ [1]); по избѣ бѣгали куры, собаки, кошки, песцы [2]) и др. животные.

«Господская» половина, называемая «панскими хоромами», отличалась въ домахъ мелкопомѣстныхъ дворянъ отъ людской только тѣмъ, что въ ней не бѣгали ни куры, ни телята, ни песцы, но и здѣсь было много кошекъ и собакъ. Вмѣсто лавокъ по стѣнамъ, ведеръ и лохановъ, въ панскихъ хоромахъ стояли диваны, столы, стулья, но мебель была допотопная, убогая, съ оборванной обивкой, съ изломанными спинками или ножками. Отсутствіемъ чистоплотности и скученностью «господская» половина не многимъ развѣ уступала «людской». Какъ въ домахъ болѣе или менѣе состоятельныхъ помѣщиковъ всегда ютились родственники и приживалки, такъ и у мелкопомѣстныхъ дворянъ: кромѣ членовъ собственной семьи, во многихъ изъ нихъ можно было встрѣтить незамужнихъ племянницъ, престарѣлую сестру хозяина или хозяйки, или какого-нибудь дядюшки—отставного корнета, промотавшаго свое состояніе. Такимъ образомъ у этихъ бѣдныхъ дворянъ, обыкновенно терпѣвшихъ большую нужду, на ихъ ижди-

---

[1]) Въ то время вмѣсто керосина крестьяне по вечерамъ жгли лучину, защемленную въ *свѣтецъ*. Онъ представлялъ собою высокую, толстую, деревянную палку съ широкой подножкой; на верху ея была прикрѣплена желѣзная полоса, раздвоенная въ концахъ. Въ раздвоенную часть желѣзной полосы всовывали зажженную лучину. Палка свѣтца была очень высока, а потому горящая лучина освѣщала всю избу. Это опоэтизированное многими освѣщеніе съ его трескомъ и внезапнымъ блескомъ въ дѣйствительности было отвратительно и легко могло причинить пожаръ: лучина трещала, отбрасывала на деревянный полъ горящія искры, быстро сгорала, и ее то и дѣло приходилось замѣнять новой.

[2]) Эти прелестные, граціозные звѣрьки изъ породы грызуновъ съ огненными глазами, напоминали въ одно и то же время и зайца, и кролика. Въ зоологіи песцами называютъ животныхъ изъ породы лисицъ, но маленькіе звѣрьки, о которыхъ я говорю, ничего общаго не имѣли съ лисицею. Очень возможно, что ихъ называли совершенно неправильно въ научномъ отношеніи, но этихъ звѣрьковъ въ то время держали въ очень многихъ помѣщичьихъ усадьбахъ то подъ печкою въ людской, то въ какой-нибудь полуразвалившейся постройкѣ. Содержаніе ихъ ничего не стоило: имъ бросали капустные листья, стручки гороха и бобовъ, дѣти рвали для нихъ траву. Между тѣмъ изъ ихъ прелестнаго, легкаго, мягкаго пуха помѣщицы вязали себѣ тамбурной иглой и вязальными спицами красивые платки, косынки, одѣяла, перчатки, кофточки и т. п.

веніи и въ ихъ тѣсныхъ помѣщеніяхъ жили и другіе дворяне, ихъ родственники, но еще болѣе ихъ обездоленные, которымъ уже совсѣмъ негдѣ было преклонить свою голову.

Какъ и всѣ тогдашніе помѣщики, мелкопомѣстные дворяне ничего не дѣлали, не занимались никакою работою. Этому мѣшала барская спѣсь, которая была такою же характерною чертою ихъ, какъ и болѣе зажиточныхъ дворянъ. Они стыдились выполнять даже самыя легкія работы въ своихъ комнатахъ. Книгъ въ ихъ домахъ, кромѣ сонника и иногда календаря, не существовало, чтеніемъ никто не занимался, и свое бездѣлье они разнообразили сплетнями, игрою въ «дурачки» и «мельники» и поѣдомъ ѣли другъ друга. Хозяева попрекали своихъ сожителей за свою жалкую хлѣбъ-соль, а тѣ, въ свою очередь, какими-то благодѣяніями, оказанными имъ ихъ отцами и дѣдами.

Эти грубые, а часто и совершенно безграмотные люди постоянно повторяли фразы въ родѣ слѣдующихъ: «Я столбовой дворянинъ!»—«Это не позволяетъ мнѣ мое дворянское достоинство!..» Однако это дворянское достоинство не мѣшало имъ браниться самымъ площаднымъ образомъ.

Живя въ близкомъ сосѣдствѣ одинъ отъ другого, они вѣчно ссорились между собой, взводили другъ на друга ужасающія обвиненія, подавали другъ на друга жалобы властямъ. Когда бы вы ни проходили по грязной улицѣ Коровина, всегда раздавались ихъ крики, угрозы другъ другу, брань и слезы. Къ вѣчной, никогда не прекращавшейся грызнѣ между сосѣдями болѣе всего поводовъ подавали потравы. При близкомъ сосѣдствѣ одного мелкопомѣстнаго съ другимъ, чуть не ежедневно случалось, что корова, лошадь или свинья заходила въ чужое поле, лугъ или огородъ. Животныхъ, осмѣлившихся посягнуть на чужое добро, били, калѣчили и загоняли въ хлѣва. При этомъ немедленно загоралась перебранка, очень часто кончавшаяся потасовкой, а затѣмъ и тяжбою по начальству.

Много дрязгъ происходило и изъ-за собакъ: въ каждомъ семействѣ держали собаку, а были и такія, у которыхъ ихъ было по нѣскольку; ихъ плохо кормили, и голодныя собаки то и дѣло таскали что-нибудь въ чужомъ дворѣ, кусали дѣтей. Впрочемъ, ссорились и изъ-за всякаго пустяка. Нерѣдко среди улицы происходили жесточайшія драки: я сама была свидѣтельницей одной изъ нихъ въ 1855 году. Двѣ сосѣдки, особенно сильно враждовавшія между собой изъ-за дѣтей, ошпарили кипяткомъ одна другую. Обѣ онѣ кричали такъ, что всѣ сосѣди начали выбѣгать на улицу и ну бросать другъ въ друга камнями, обрубками, а затѣмъ сцѣпились и начали давать другъ другу пинки, таскать за волосы, царапать лицо. Ужасающій крикъ, вопли, брань дерущихся и все усиливающійся лай собакъ привлекали на улицу все болѣе народа. Наконецъ, къ двумъ враждовавшимъ сторонамъ прибѣжали ихъ дѣти, родственники и крѣпостные, уже вооруженные дубинами, ухватами, сковородами. Драка сразу приняла сви-

рѣпый характеръ,—это уже были два враждебные отряда: они бросились молотить одинъ другого дубинами, ухватами, сковородами; нѣкоторые, сцѣпившись, таскали одинъ другого за волосы, кусали. И вдругъ вся эта дерущаяся масса людей стала представлять какой-то живой ворошившійся клубокъ. Здѣсь и тамъ валялись клоки вырванныхъ волосъ, разорванные платки, упавшія безъ чувствъ женщины, мелькали лужи крови. Это побоище окончилось бы очень печально, если бы двое стариковъ изъ дворянъ не поторопили своихъ крѣпостныхъ натаскать изъ колодца воды и не начали обливать ею сражающихся.

Мысль, что работа—позоръ для дворянина, удѣлъ только рабовъ, составляла единственный принципъ, который непоколебимо проходилъ черезъ всю жизнь мелкопомѣстныхъ и передавался изъ поколѣнія въ поколѣніе. Прямымъ послѣдствіемъ этого принципа было ихъ убѣжденіе, что крѣпостные слишкомъ мало работаютъ; они всѣмъ жаловались на это, находили, что сдѣлать ихъ болѣе трудолюбивыми можетъ только плеть и розга. Мелкопомѣстные завидывали своимъ болѣе счастливымъ собратьямъ и не только потому, что тѣ независимы и матерьяльно обезпечены, но и потому, что послѣдніе всласть могли драть своихъ крѣпостныхъ. «Какой вы счастливый, Михаилъ Петровичъ», говорилъ однажды мелкопомѣстный богатому помѣщику, который разсказалъ о томъ, какъ онъ только что велѣлъ выпороть поголовно всѣхъ крестьянъ одной своей деревеньки,—«выпорете этихъ идоловъ, хоть душу отведете... А вѣдь у меня одинъ уже «въ бѣгахъ», осталось всего трое, и пороть-то боюсь, чтобы всѣ не разбѣжались»...

Громадное большинство зажиточныхъ помѣщиковъ презрительно относилось къ мелкопомѣстнымъ. Это презрѣніе вызывалось, конечно, прежде всего тѣмъ, что мелкопомѣстные были бѣдняками. Въ тѣ времена богатство, хотя бы и открыто нажитое взятками, ловкимъ мошенничествомъ, вымогательствомъ, вызывало всеобщее уваженіе и трепетъ передъ богачемъ, какъ передъ человѣкомъ сильнымъ, съ которымъ каждый долженъ считаться. Презирали мелкопомѣстныхъ и за то, что внѣшность ихъ была крайне жалкая, что они не могли и не умѣли импонировать кому бы то ни было. Мелкопомѣстные были еще менѣе образованы, чѣмъ остальные помѣщики, не умѣли они ни держать себя въ гостиной, ни разговаривать въ обществѣ, отличались дикими, грубыми, а подчасъ и комичными манерами, одѣты были въ какіе-то допотопные кафтаны. Иной богатый дворянинъ принималъ у себя мелкопомѣстнаго лишь тогда, когда его одолѣвала тоска одиночества. Мелкопомѣстный входилъ въ кабинетъ, садился на кончикъ стула, съ котораго вскакивалъ, когда являлся гость позначительнѣе его. Если же онъ этого не дѣлалъ, хозяинъ совершенно просто замѣчалъ ему: «что же ты, братецъ, точно гость разсѣлся...»

Когда бѣдные дворянчики въ именины и въ другіе торжественные дни приходили поздравлять своихъ болѣе счастливыхъ сосѣдей, тѣ въ большинствѣ случаевъ не сажали ихъ за общій

столъ, а приказывали имъ дать поѣсть въ какой-нибудь боковушкѣ или дѣтской, посадить же обѣдать такого дворянина въ людской никто не рѣшался, да и самъ онъ не позволилъ бы унизить себя до такой степени. А между тѣмъ даже фамиліями мелкопомѣстныхъ богатые помѣщики пользовались, чтобы напомнить имъ объ ихъ ничтожествѣ, выразить свое полное презрѣніе. Ихъ женъ звали только по батюшкѣ: Марью Петровну—Петровной, Анну Ивановну—Ивановной, а фамиліи ихъ мужей служили поводомъ для пошлыхъ шутокъ, остротъ и зубоскальства. Мелкопомѣстнаго дворянина по фамиліи Чижова всѣ называли «Чижомъ», и когда онъ входилъ, ему кричали: «А, Чижъ, здравствуй!.. Садись! Ну, чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ?» «Мелкопомѣстнаго Стрекалова, занимавшагося за ничтожную мзду писаніемъ прошеній, жалобъ и хлопотами въ судѣ, прозвали «Стрикулистомъ». Его встрѣчали въ такомъ родѣ: «Ну, что Стрикулистъ, много рыбы выудилъ въ мутной водѣ?» Рѣшетовскому дали кличку «Рѣшето»: «Да что съ тобой разговарить!.. Вѣдь не даромъ ты рѣшетомъ прозываешься! Развѣ въ твоей головѣ задержится что-нибудь?» Мелкопомѣстные всю жизнь ходили съ этими прозвищами и кличками, и нѣкоторые помѣщики, а еще чаще окрестные крестьяне думали, что это были ихъ настоящія фамиліи.

Конечно, и между мелкопомѣстными попадались люди, которые, несмотря на свою бѣдность, никому не позволяли вышучивать себя, но такіе не посѣщали богатыхъ помѣщиковъ. Но въ то время рѣдко кто изъ нихъ отличался благороднымъ самолюбіемъ. У большинства хотя и были на готовѣ слова о чести и достоинствѣ столбового дворянина, но ихъ жизнь и поступки не соотвѣтствовали ихъ заносчивымъ заявленіямъ о себѣ. Громадное большинство ихъ объѣзжало богатыхъ сосѣдей, выпрашивая «сѣнца и овсеца», стремилось попасть къ нимъ въ торжественные дни именинъ и рожденій, когда къ нимъ наѣзжало много гостей. Хотя мелкопомѣстные прекрасно знали, что въ такіе дни они не попадутъ за общій столъ, что послѣ обѣда имъ придется сидѣть гдѣ-нибудь въ уголку гостиной, но соблазнъ пріѣхать въ такой день къ богатымъ людямъ былъ для нихъ очень великъ. Мелкопомѣстные дворяне круглый годъ жили въ тѣсныхъ коморкахъ съ своими семьями. Коротая весь свой вѣкъ въ медвѣжихъ уголкахъ, куда не проникало никакое движеніе мысли, общаясь только съ такими же умственно и нравственно убогими людьми, какъ они сами, разнообразя свое бездѣлье лишь драками, ссорами и картами, имъ хотѣлось хотя изрѣдка посмотрѣть на другихъ людей, узнать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, взглянуть на туалеты, отвѣдать болѣе вкуснаго кушанья, чѣмъ дома.

Богатые дворяне если и сажали иногда за общій столъ мелкопомѣстныхъ, то въ большинствѣ случаевъ лишь тѣхъ изъ нихъ, которые могли и умѣли играть роль шутовъ. Мало того, тотъ, кто хорошо выполнялъ эту роль, могъ разсчитывать при

«объѣздѣ» получить отъ помѣщика и лишній четверикъ ржи и овса. Къ такому хозяинъ обращался такъ, какъ вожаки къ ученому медвѣдю. Когда за обѣдомъ не хватало матеріала для разговора (каждый хозяинъ мечталъ, чтобы его гости долго вспоминали о томъ, какъ его именины прошли весело и шумно), онъ говорилъ мелкопомѣстному: «А, ну-ка, Селезень (такъ звали мелкопомѣстнаго Селезнева), разскажи-ка намъ, какъ ты съ царемъ селедку ѣлъ»...

— А вотъ ей Богу же ѣлъ!—начиналъ свое повѣствованіе Селезневъ.—И какъ все это чудно случилось... Живу это я въ Питерѣ по дѣлу, прохожу какъ-то мимо дворца, смотрю, а въ вель-этажѣ (раздается всеобщій хохотъ гостей) у открытаго окна стоитъ какой-то господинъ. Глянулъ это я на него, а у меня и ноги подкосились... Царь да и только,—съ полностью, какъ его на портретахъ изображаютъ. Еще разъ глянулъ, а онъ-то, царь-батюшка, меня ручкой манитъ. Что же мнѣ было дѣлать? Повернулъ къ его подъѣзду... Вездѣ солдаты стоятъ... «Такъ и такъ, молъ, самъ батюшка-царь изволилъ ручкой поманить... Быть-то мнѣ теперь какъ же»?—«Самымъ что ни на есть важнымъ генераламъ все досконально доложить объ этомъ надо»... отвѣчаютъ мнѣ. «А пока что, входите въ переднюю»... Вошелъ, да какъ глянулъ... И Боже мой—ничего что передняя, а вся въ зеркалахъ. Ну, хорошо... Стою это я ни живъ, ни мертвъ... Вдругъ *камельдинеръ* (опять хохотъ) слѣдующую дверь отворяетъ, а ко мнѣ-то видимо-невидимо генераловъ въ звѣздахъ приближается. А одинъ изъ нихъ, значитъ самый нáбольшій, говоритъ мнѣ: «Видно вы изъ самой что ни на есть глухой провинціи? Развѣ можно такъ просто видѣть государя императора? Всякій бы такъ захотѣлъ! Прежде, говоритъ, нужно испросить»... Вотъ ужъ тутъ запамятовалъ, какое-то онъ мудреное слово обронилъ—ни то конференція, ни то аудіенція. Я ему почтительно поклонился. Словъ нѣтъ, очень почтительно, но знаете, этакъ, съ достоинствомъ, какъ подобаетъ русскому столбовому дворянину, значитъ не очень-то низко: «Ваше Высокое Превосходительство! Знать ничего не знаю и вѣдать ничего не вѣдаю! Но ежели самъ царь-батюшка изволили поманить меня собственной ручкой, какъ же я долженъ въ такомъ случаѣ поступить?» Завертѣлись мои генералы... зашушукались... Одинъ-то и говоритъ: «идите!» Пошелъ: впереди-то меня, позади, по бокамъ—все генералы. Грудь-то у каждаго изъ нихъ звѣздами да орденами увѣшана. Ну, а насчетъ покоевъ, по которымъ проходили, такъ Боже мой, что тамъ только такое: одна комната вся утыкана бриллiантами, другая вся въ золотѣ... да, у меня-то и въ головѣ все замутилось,—подъ конецъ-то я ужъ и разобрать ничего не могъ. Пришли. А царь-то всталъ съ кресла, да такъ грозно окрикнулъ: «какой, такой человѣкъ будешь, откуда и зачѣмъ?» «Такъ и такъ», говорю, «Ваше Императорское Величество... Селезневъ! С—кій столбовой дворянинъ...» «А, это дѣло другое!»,

сказалъ царь, «ну, садись... гостемъ будешь... завтракать вмѣстѣ будемъ». И, Господи Боже мой, что тутъ только было! Ну, а ужъ селедка лучше всякихъ бламанжеевъ, такъ во рту и таяла».

Этотъ разсказъ Селезнева я не разъ слышала въ дѣтствѣ, а когда возвратилась домой черезъ 7 лѣтъ, уже послѣ дарованной крестьянамъ свободы, опять услыхала его на именинахъ у одного помѣщика.

Къ намъ въ домъ часто хаживала одна мелкопомѣстная дворянка Макрина Емельяновна Прокофьева. Она жила совершенно отдѣльно отъ остальныхъ мелкопомѣстныхъ и была самой ближайшей нашей сосѣдкой, въ верстѣ отъ нашего дома. Въ то время, когда мы знавали ее, ей было лѣтъ за сорокъ, но по виду ей можно было дать гораздо больше. Проживала она въ своей деревенькѣ съ единственной своей дочерью Женею,—дѣвочкою лѣтъ 14—15-ти. Земли у Прокофьевыхъ было очень мало, но, несмотря на ихъ малоземелье и тяжелое матеріальное положеніе, у нихъ былъ фруктовый садъ, въ то время сильно запущенный, но, по количеству и разнообразію фруктовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ, считавшійся лучшимъ въ нашей мѣстности. Былъ у Прокофьевой и огородъ, и скотный дворъ съ нѣсколькими головами домашняго скота, и домашняя птица, и двѣ-три лошаденки. Ея домъ въ 6—7 комнатъ былъ раздѣленъ на двѣ половины: одна изъ нихъ, вѣроятно, болѣе ранней стройки, въ то время, когда мы бывали у нея, совершенно развалилась и въ ней держали картофель и какой-то хламъ, а въ жилой половинѣ была кухня и двѣ комнаты, въ которыхъ и ютились мать съ дочерью. Въ этомъ домѣ, видимо, прежде жили лучше и съ бо̀льшими удобствами: въ спальнѣ стояли двѣ огромныя деревянныя, двухспальныя кровати; на каждой изъ нихъ могли легко помѣститься нѣсколько человѣкъ, какъ вдоль, такъ и поперекъ. Вмѣстѣ съ горою перинъ и подушекъ эти кровати представляли такое высокое ложе, что попасть на него можно было только съ помощью табуретки. По всему видно было, что эти основательныя кровати когда-то покоили двѣ брачныя пары, а теперь одна изъ нихъ служила ложемъ для матери, другая для дочери. Онѣ занимали всю комнату, кромѣ маленькаго уголка, въ которомъ стояла скамейка съ простымъ глинянымъ кувшиномъ и чашкою для умыванья. Въ другой комнатѣ были стулья и диванъ изъ корельской березы, но мебель эта уже давнымъ давно пришла въ совершенную ветхость: по угламъ она была скрѣплена оловянными планочками, забитыми простыми гвоздями. Посреди комнаты стоялъ некрашеный столъ, такой же, какъ у крестьянъ. Къ одной изъ стѣнъ былъ придвинутъ музыкальный инструментъ—не то старинное фортепьяно, не то клавесины. Вѣроятно, въ давно прошедшія времена онъ былъ покрашенъ въ темножелтый цвѣтъ, такъ какъ весь былъ въ бурыхъ пятнахъ различныхъ оттѣнковъ. Его оригинальность состояла въ томъ, что, когда лѣтомъ порывы вѣтра врывались въ открытыя окна,

его струны дребезжали и издавали какой-то хриплый звукъ, а въ зимніе морозы иногда раздавался такой трескъ, что всѣ сидящіе въ комнатѣ невольно вздрагивали.

Въ хозяйствѣ Макрины (такъ за глаза ее называли всѣ, а многіе и въ глаза) болѣе всего чувствовался недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. У нея всего на всего было двое крѣпостныхъ—мужъ и жена, уже не молодые и бездѣтные: Терентій, котораго звали Терешкой, и Евфимія—Фишка.

Отецъ Макрины былъ небогатымъ помѣщикомъ и въ то же время неумнымъ человѣкомъ, нерадивымъ отцомъ и плохимъ хозяиномъ. Потерявъ очень рано жену, онъ не далъ своимъ дѣтямъ (двумъ сыновьямъ и дочери Макринѣ) никакого образованія, и всѣ они остались у него полуграмотными. У него было двѣ страсти—неразумная страсть къ саду и сильная страсть къ выпивкѣ, которыя съ каждымъ годомъ сокращали его доходы и уменьшали его достояніе. Онъ на послѣднія средства содержалъ садовника и выписывалъ фруктовыя деревья, а когда уже совсѣмъ не хватало денегъ, продавалъ крестьянъ. Свою дочь Макрину онъ выдалъ замужъ еще при своей жизни за пропойцу изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, и, какъ говорили, изъ-за того только, чтобы имѣть возможность пить вмѣстѣ съ нимъ водку и хвастать передъ нимъ своимъ садомъ. Молодымъ нечѣмъ было жить, и они поселились въ домѣ отца Макрины, который скоро умеръ. Когда послѣ его смерти пріѣхали его сыновья, они отчасти по закону, отчасти по взаимному соглашенію съ сестрою, взяли себѣ всю отцовскую землю съ двумя деревнями, предоставивъ сестрѣ только домъ, садъ, небольшую полоску земли и семь-восемь душъ дворовыхъ.

Сдѣлавшись хозяйкою, Макрина не проявила хозяйственныхъ талантовъ, а мужъ ея или былъ вѣчно пьянъ, или опохмѣлялся и черезъ года два супружеской жизни умеръ, оставивъ жену съ годовалой дочкой на рукахъ. Макрина очутилась въ безвыходномъ матеріальномъ положеніи: она не только задолжала по лавкамъ, но даже попу за похороны мужа, не могла прокармливать своихъ дворовыхъ, изъ которыхъ одни бѣжали и пропали безъ вѣсти, другіе были проданы ею самою, чтобы расплатиться съ долгами. Вотъ почему у Макрины въ концѣ концовъ остались лишь двѣ крѣпостныя души.

Хотя она отдавала исполу скосить лужекъ около усадьбы и обработать небольшую полоску земли, но все-таки на рукахъ Терешки и Фишки оставалось еще много работы. Оба они трудились, не покладая рукъ, помогая другъ другу во всемъ. Хотя садъ не поддерживался какъ слѣдуетъ, тѣмъ не менѣе онъ отнималъ у нихъ много времени. Работою въ немъ никакъ нельзя было пренебрегать: сѣна и зернового хлѣба, получаемыхъ Макриною за свою землю, недостаточно было для того, чтобы удовлетворить всѣ нужды двухъ барынь, двухъ крѣпостныхъ людей и домашнихъ животныхъ. Вишни, яблоки, груши, крыжовникъ,

сливы и различныя ягоды изъ своего сада Макрина продавала, но еще чаще вымѣнивала у помѣщиковъ на рожь, ячмень, овесъ, сѣно и солому. Она снабжала ихъ также ягодными кустами, за которыми къ ней посылали иногда издалека. Но, кромѣ сада, Терешка и Фишка должны были управляться и съ огородомъ, и съ домашнею скотиною, и съ птицею. Но если бы Макрина съ дочерью дѣлали все сами въ домѣ, ея двое крѣпостныхъ, при ихъ неутомимой дѣятельности, могли бы прекрасно справиться съ хозяйствомъ, но дѣло въ томъ, что барыня обременяла ихъ еще и домашними услугами. Терешка былъ въ одно и то же время кучеромъ, разсыльнымъ, столяромъ, печникомъ, скотникомъ, садовникомъ, а по временамъ даже и лакеемъ. Что касается Фишки, то ея обязанности были просто неисчислимы: кромѣ работы съ мужемъ въ саду, огородѣ и на скотномъ, она доила коровъ, вела молочное хозяйство, была прачкою, судомойкою, кухаркою, горничною и при этомъ еще ее то и дѣло отрывали отъ ея занятій.

Будучи совсѣмъ необразованной, даже малограмотной, Макрина была преисполнена дворянскою спѣсью, барствомъ и гоноромъ столь свойственными мелкопомѣстнымъ дворянамъ: при каждомъ своемъ словѣ, при каждомъ поступкѣ она думала только объ одномъ, какъ бы не уронить своего дворянскаго достоинства, какъ бы ея двое крѣпостныхъ не посмѣли сказать что-нибудь ей или ея Женичкѣ такое, что бы могло оскорбить ихъ, какъ столбовыхъ дворянокъ. Но ея крѣпостные, зная свою силу и значеніе, не обращали на это ни малѣйшаго вниманія и ежедневно наносили чувствительные уколы ея самолюбію и гордости.

Фишка и Терешка не боялись своей помѣщицы, ни въ грошъ не ставили ее, за глаза называли ее «чертовой куклой», а при обращеніи съ нею грубили ей на каждомъ шагу, иначе не разговаривали какъ въ грубовато-фамильярномъ тонѣ. Все это приводило въ бѣшенство Макрину.

— Фишка!—раздавался ея крикъ изъ окна комнаты.— Отыщи барышнѣ клубокъ!

— Барышня!—было ей отвѣтомъ—ходи... ходи скорѣй коровъ доить... такъ я подъ твоимъ носомъ клубокъ тебѣ разыщу.

Этого Макрина не могла стерпѣть и бѣжала на скотный, чтобы влѣпить пощечину грубіянкѣ. Но та прекрасно знала всѣ норовы, обычаи и подходы своей госпожи. Высокая, сильная и здоровая, она легко и покойно отстраняла рукой свою помѣщицу—женщину толстенькую, кругленькую, крошечнаго роста, и говорила что-нибудь въ такомъ родѣ: «Не... не... не трожь, зубы весь день сверлили, а ежли еще что,—завалюсь и не встану, усю работу сама справляй,—небось насидишься не ѣмши, не пимши». Но у Макрины сердце расходилось: она бѣгала кругомъ Фишки, продолжая кричать на нее и топать ногами,

осыпала ее ругательствами, а та въ это время преспокойно продолжала начатое дѣло. Но вотъ Фишка нагнулась, чтобы поднять споткнувшагося цыпленка, и барыня быстро подбѣжала къ ней сзади и ударила ее кулакомъ въ спину.

— Ну, ладно... Сорвала сердце и буде,—говорила Фишка, точно не она получила пинка.—Таперича, Христа ради, ходи ты у горницу... Чаво тутъ зря болтаешься, робить мѣшаешь!

Ея мужъ злилъ помѣщицу еще пуще: «Терешка! Иди сейчасъ въ горницу,—столъ завалился, надо чинить...»—«Эва на! конь взапрѣлъ... надо живой рукой отпрягать, а ты къ ей за пустымъ дѣломъ сломя голову бѣги...» И онъ не трогался съ мѣста, продолжая распрягать лошадь. «Какъ ты смѣешь со мной разсуждать?»—«Такъ вѣдь я же дѣло справляю... кончу, ну, значитъ, и приду съ пустяками возиться...»

Если бы эти крѣпостные не стояли такъ твердо на своемъ, если бы, несмотря на ругань и угрозы, они не старались прежде всего покончить начатое дѣло по хозяйству, Макрина совсѣмъ погибла бы.

Членовъ моего семейства сильно интересовалъ вопросъ, какимъ образомъ Терешка и Фишка, которыхъ довольно часто становой дралъ на конюшнѣ за ихъ дерзости помѣщицѣ, нисколько не боялись ея. Матушка какъ-то стала разспрашивать объ этомъ станового. Кстати замѣчу, что принципъ покойнаго отца—не водить знакомства съ полицейскими чинами и судейскими крючкотворами—не соблюдался матушкой, а относительно новаго станового она находила, что онъ умнѣе многихъ помѣщиковъ и очень дружески относилась къ нему. Однако на ея вопросы насчетъ крѣпостныхъ Макрины онъ долго уклонялся отъ объясненія, говоря, что «эта тайна должна умереть вмѣстѣ съ нимъ», но, наконецъ, не выдержалъ и подъ величайшимъ секретомъ объяснилъ ей курьезную роль, которую онъ игралъ въ дѣлахъ Макрины.

Встрѣтивъ уже нѣсколько лѣтъ послѣ освобожденія знакомаго мнѣ въ оны годы станового, который давнымъ-давно оставилъ свою должность и жилъ уже въ другой губерніи, въ качествѣ помѣщика, я просила его снова разсказать мнѣ о его отношеніяхъ къ двумъ крѣпостнымъ Макрины, такъ какъ я не довѣряла воспоминаніямъ, сохранившимся у меня о нихъ съ дѣтства.

Вотъ, что онъ разсказалъ мнѣ по этому поводу. Однажды Макрина стала просить его, чтобы онъ, когда это ей было нужно, поролъ двухъ ея крѣпостныхъ. Онъ наотрѣзъ отказался отъ этого, говоря, что по долгу службы и безъ того обремененъ подобными занятіями. Когда возникало какое-нибудь дѣло о сопротивленіи помѣщичьей власти, наѣзжалъ земскій судъ или становой, и производилась экзекуція, въ обыкновенныхъ же случаяхъ помѣщики устраивали ее собственными средствами, но Макрина находила для себя это невозможнымъ. «У меня и

Фишку выпороть силъ не хватаетъ, а какъ же справиться мнѣ съ Терешкой? Онъ не задумается выкинуть какую-нибудь гадость! Вѣдь я столбовая дворянка!» Какую гадость она опасалась получить отъ Терешки при его экзекуціи, она постѣснялась открыть становому.

Вдругъ у него блеснула мысль. Въ виду того, что въ нашей мѣстности въ ту пору только у одной Макрины можно было достать всевозможные ягодные кусты и пользоваться фруктами, онъ предложилъ ей такую сдѣлку: за порку одного изъ ея крѣпостныхъ онъ долженъ получать ягодный кустъ по выбору или извѣстное количество сливъ, вишень и яблокъ; когда же приходилось заразъ пороть мужа и жену, вознагражденіе удваивалось.

Нарочно къ ней за поркою становой не ѣздилъ, но когда по дѣламъ службы ему приходилось проѣзжать мимо ея усадьбы, и онъ чувствовалъ потребность закусить, онъ останавливался у ея крыльца и кричалъ, чтобы Фишка скорѣе готовила ему яичницу, тащила творогъ и горлачъ (горшокъ) съ молокомъ. Поркѣ чаще всего подвергался Терешка, а если въ то же время приходилось расправляться и съ Фишкою, то становой приказывалъ ея мужу являться первымъ на экзекуцію,—Фишка должна была раньше приготовить ему все, что требовалось для закуски. Затѣмъ онъ при Макринѣ, которая при этомъ стояла на крыльцѣ, расположенномъ противъ сарая, вталкивалъ въ него Терешку. «Служба моя была собачья», говорилъ становой, «пороть мнѣ приходилось часто, но это не доставляло мнѣ ни малѣйшаго удовольствія. Съ чего мнѣ, думаю, пороть людей m-me Макрины? Вѣдь если вмѣсто нихъ ей дать другую пару крѣпостныхъ, она бы давно по міру пошла. Вотъ я толкну, бывало, Терешку въ сарай, припру дверь, только небольшую щелку оставлю, самъ-то растянусь на сѣнѣ, а Терешка рожу свою къ щелкѣ приложитъ и кричитъ благимъ матомъ: «ой... ой... ой... ойейёшеньки... смертушка моя пришла!..» А я, лежа-то на сѣнѣ, кричу на него, да ругательски ругаю, какъ полагается при подобныхъ случаяхъ... Вотъ и вся порка!»

Такую же экзекуцію онъ производилъ и надъ Фишкой. Между прочимъ, становой признавался, что къ этой оригинальной комедіи онъ прибѣгалъ и потому, что какъ никакъ, но вѣдь Терешка же долженъ былъ выкапывать ему кусты, которые полагались ему, какъ вознагражденіе за его порку,—онъ и боялся, что если по настоящему будетъ производить надъ нимъ экзекуцію, онъ и приподнесетъ ему кусты съ порванными корнями, которые не приживутся, а Фишка, пожалуй, гнилыхъ фруктовъ наложитъ, а потомъ и разбирайся съ ними!.. Къ тому же Фишка и закуску ему приготовляла, и частенько вмѣсто горлача молока, которое она обязана была ему подать, по приказанію Макрины, ставила передъ нимъ сливки. Едва ли бы она это дѣлала, если бы онъ ее пороль по настоящему.

При этомъ становой передавалъ множество потѣшныхъ инцидентовъ. Когда онъ однажды заѣхалъ для экзекуціи, Макрина стала умолять его, чтобы онъ послѣ порки заставилъ Терешку поцѣловать ей руку, поблагодарить ее за науку и чтобы онъ, Терешка, пообѣщалъ ей, что не будетъ больше грубить. Становой охотно согласился на это и, когда вошелъ съ Терешкой въ сарай для обычной экзекуціи, то заявилъ ему о желаніи Макрины.— «Не, баринъ, не пойду... Лучше отдери по настоящему...»—«Какъ говорю, не пойдешь! Ахъ, ты такой, сякой!.. Это я тебя избаловалъ! Ты, кажется, забылъ, что крѣпостной и, какъ прочіе, обязанъ цѣловать руку своей помѣщицы...» Онъ отвѣчалъ на это, что у настоящей барыни онъ не прочь цѣловать руку. «А Макрина развѣ настоящая? Дурашка какая-то. Своей пользы а нинишеньки не смыслитъ! Ежели намъ съ женкой слухать ейныхъ распоряженьевъ, такъ ей съ дочкой жрать нечего буде... да и мы съ голоду подохнемъ. А ежели мы съ женкой будемъ съ ей, какъ съ настоящей барыней, прохлажаться, такъ она зачнетъ пуще дурить!.. Усе хозяйство на нѣтъ сведетъ».

— «Конечно, его за эти разсужденія по тогдашнему слѣдовало бы отодрать, какъ сидорову козу, но не было времени возиться мнѣ съ нимъ, и хотя мнѣ часто приходилось производить экзекуціи, но я какъ-то всегда этимъ разстраивалъ себѣ нервы. Вышли мы съ нимъ изъ сарая, а Макрина по обыкновенію на крылечкѣ стоитъ. Я оборачиваюсь къ Терешкѣ и кричу на него: «Пошелъ барыню за науку благодарить! Сейчасъ руку цѣлуй!» А онъ ни съ мѣста. «А, такъ-то? Ну, пошелъ опять въ сарай!» Опятъ продѣлали ту же комедію... Возвращаемся... А тутъ спасибо выручила сама Макрина. «Что же это», говоритъ, «видно онъ вашихъ розогъ не боится?.. Должно быть вы ему легенькихъ всыпаете?» «Что-жъ, говорю, извольте обревизовать! Ваша сосѣдка послѣ порки всегда ревизуетъ спины крѣпостныхъ!.. Правда, она не столбовая дворянка...»—«Что вы, что вы...» въ ужасъ приходитъ Макрина, «чтобы я да себя изъ-за хама такъ потеряла?»

Матушка въ своемъ обращеніи съ помѣщиками и ихъ женами никого изъ нихъ не выдѣляла за богатство, не имѣла привычки обращаться съ богатыми болѣе почетно, чѣмъ съ бѣдняками. Это отчасти можно объяснить тѣмъ, что она по нравственному и умственному развитію стояла выше многихъ окружающихъ ее помѣщиковъ и ихъ женъ, отчасти и тѣмъ, что по собственному опыту она постигла всю превратность фортуны. Ей болѣе всего импонировали люди съ образованіемъ, съ природнымъ умомъ и въ то же время дѣловитые. Къ своей сосѣдкѣ Макринѣ она начала относиться такъ же вѣжливо, какъ и ко всѣмъ остальнымъ, величала ее не иначе, какъ Макрина Емельяновна, провожала ее въ переднюю и т. п. Но когда матушка постигла все ея нравственное и умственное убожество, она сразу перешла съ нею на «ты» и уже называла ее только по имени. Началось это съ того, что, когда она однажды пришла къ намъ во время обѣда, няня

вскочила съ своего мѣста, чтобы выйти изъ-за стола, какъ это она дѣлала всегда, когда къ намъ пріѣзжали Воиновы. «Это еще что за фокусы?», закричала на нее матушка. «Мы съ Макриной не очень большія помѣщицы! Сидишь за обѣдомъ со мной, авось и при Макринѣ тебѣ не грѣхъ посидѣть».

Обладая типичными качествами ума и сердца своихъ мелкопомѣстныхъ собратьевъ, Макрина въ то же время и нѣсколько отличалась отъ нихъ: она никогда не объѣзжала сосѣдей съ просьбою «овсеца и сѣнца» и не только не посѣщала ихъ въ дни торжественныхъ обѣдовъ, но совсѣмъ не вела съ ними знакомства. Правда ея карафашка иногда останавливалась у крыльца того или другого помѣщика, но она пріѣзжала къ нимъ только по дѣламъ своего сада. Нашъ домъ былъ исключеніемъ изъ этого правила, и насъ въ концѣ концовъ Макрина посѣщала очень часто, но, какъ потомъ оказалось, подъ вліяніемъ своей дочери въ которой члены моей семьи пробуждали большой интересъ и симпатію. Моя старшая сестра Нюта была ея ровесницею, и къ тому же, до нашего переселенія въ деревню, Женичка не имѣла ни подругъ, ни знакомыхъ, почти никого не видала, кромѣ своей матери и крестьянъ.

— Какъ это ты, Макрина, ничему не учишь Женю? Вѣдь Терешка и Фишка не вѣчные, умрутъ же они когда-нибудь!.. Умрешь и ты раньше дочери, что же тогда будетъ она дѣлать? Вѣдь она даже плохо читаетъ по-русски и совсѣмъ не умѣетъ писать! Вмѣсто того, чтобы копить для нея сундукъ съ тряпьемъ, ты могла бы дать ей хотя скромное образованіе! При стараніи могла бы приспособить ее и для гувернантства.

— Нешто столбовой дворянкѣ пристало по губернанткамъ таскаться?..

— Я, милая моя, столбовая и по мужу, и по отцу. (Язвительный намекъ на то, что у Макрины въ родствѣ не все столбовые дворяне). Да и братья мои, хотя еще молодые люди, а всѣ говорятъ, что далеко пойдутъ по службѣ. А вотъ у меня Нюта обшиваетъ всю семью, стряпаетъ, прибираетъ, а Саша будетъ гувернанткой... И я буду гордиться тѣмъ, что мои дѣти, образованные люди, своимъ трудомъ семьѣ помогаютъ, сами хлѣбъ себѣ добываютъ...

— Ужъ простите, Александра Степановна, что я осмѣлюсь вамъ сказать... Вы, конечно, ученая, а я неученая, а я все бы не хотѣла, чтобы сусѣди такъ меня высмѣивали, какъ васъ... Всѣ высмѣиваютъ васъ за то, что вы на свое дворянство плюете, а я никогда объ этомъ не забываю и забывать не намѣрена.

— Ахъ, Макрина, Макрина! Вотъ эту-то барскую спѣсь ты и въ Женю вбиваешь! А что намъ съ тобой эта дворянская честь, когда нечего ѣсть? И зачѣмъ она для твоей Жени, когда ее отъ мужички не отличишь?

Въ эту минуту Женя, вся вспыхнувъ, вскочила съ своего

мѣста, подбѣжала къ матушкѣ и, сконфуженно прижимая руки къ груди, заговорила:

— «Будьте столь добры, Александра Степановна! Не гнѣвайтесь на мою маменьку... Какъ онѣ необразованныя, такъ, значитъ, не могутъ по настоящему вамъ отвѣтить».

— Я не сержусь, Женюша... Мнѣ только жалко тебя... Я все думаю, что ты будешь дѣлать, когда ни матери, ни крѣпостныхъ у тебя не останется,—ласково успокаивала ее матушка.— А тебѣ, Макрина, я вотъ что скажу: меня осуждаютъ, говоришь ты,—очень возможно... Но что намъ съ тобой до другихъ? Намъ въ пору думать съ тобой о томъ, какъ бы дѣтей своихъ на ноги поставить, чтобы они, не получивъ отъ насъ приданаго, могли себѣ кусокъ хлѣба добыть.

Женя опять вскочила съ своего мѣста, встала передъ матушкой и со слезами, градомъ катившимися по ея худенькимъ щекамъ, поклонившись матушкѣ въ поясъ, начала опять говорить: «вы все истинную правду говорите, Александра Степановна! Потому какъ я васъ очень почитаю... такъ какъ вы очень ученая дама... будьте благодѣтельницею! Посовѣтуйте, что мнѣ дѣлать, какъ мнѣ быть? Сама вижу, что маменька не въ ту точку меня ставятъ... Вотъ я при нихъ... при моей маменькѣ скажу вамъ: кажинный день я говорю имъ, что не надо Фишку и Терешку отъ работы отрывать, что я завсегда все сама могу сдѣлать... Такъ они, маменька моя-съ, ни Боже мой этого не допускаютъ! Изъ-за одного этого промежъ насъ кажинный день ссоры да покоры. Съ ласкою имъ говорю: маменька, миленькая, посмотрите на Нюточку,—дѣвицы онѣ ученыя, не мнѣ чета, а все сами дѣлаютъ. Что намъ съ вами въ томъ, что ихъ сусѣди осуждаютъ? Осуждаютъ, а сами-то къ нимъ на поклонъ бѣгутъ, а къ намъ съ вами ни одна собака не заглядываетъ!

— Какъ ты смѣешь супротивъ матери? Этого отъ тебя я еще не слыхивала, всегда была барышней приличной... Мать почитала, при чужихъ не срамила...

— Да развѣ маменька я изъ вашей воли выхожу? Развѣ я вамъ грубымъ словомъ когда поперѣчила? А какъ Александра Степановна изволятъ быть ко мнѣ очень милостивы, то могу же я у нихъ совѣта просить!.. Вѣдь я не малолѣтка,—нужно же мнѣ о себѣ подумать. Разрази меня Богъ на этомъ мѣстѣ, если я вашей смерти ищу! Я такъ этого боюсь, что не приведи Богъ! Только вы же сами подумайте, что я безъ васъ буду дѣлать? Изъ-за бѣдности вѣдь ни одинъ помѣщикъ замужъ меня не возьметъ. А бѣдному чиновнику я вѣдь и въ хозяйствѣ не помощница, вѣдь вы ни до чего касаться не позволяете. Пусть какъ Александра Степановна присовѣтуетъ, чтобы со мной все такъ и было!.. Не будьте вы, маменька миленькая, помѣхой моему счастью...

— Помѣхой тебѣ я ни въ чемъ не буду, а забывать дворянство тебѣ не позволю.

Но Женя розошлась. Она то и дѣло срывалась съ мѣста, отвѣшивала глубокіе поясные поклоны передъ матушкой и говорила, точно боясь, что она не найдетъ другого случая высказать свои мысли.

— Ужъ вы не оставляйте меня своимъ наставленіемъ, Александра Степановна! Только въ вашемъ домѣ я и свѣтъ-то увидѣла, и ужъ вы, Нюточка, не брезгуйте мною, что я не ученая!

Ее успокаивали съ той и съ другой стороны, придумывали, какъ устроить ея обученіе, наконецъ, матушка рѣшила, что Нюта будетъ заниматься съ Женею, но, въ виду того, что сестра почти цѣлый день занята то съ братомъ, то шитьемъ, то по хозяйству, Женя должна приходить къ ней по вечерамъ, а днемъ только въ праздники. Кромѣ того матушка уговорила Макрину, чтобы она отпускала къ намъ Женю въ тѣ дни, когда священникъ занимался съ моимъ братомъ Зарею. Хотя мой братъ былъ на лѣтъ пять-шесть моложе Жени, но, конечно, онъ далеко опередилъ ее и въ грамотности, и въ ариѳметикѣ, и въ Законѣ Божьемъ. Матушка бралась переговорить со священникомъ о новой ученицѣ, но настаивала, чтобы Макрина и отъ себя добавляла бы ему за лишній трудъ: то подарила бы въ праздникъ пудъ масла, то отправила бы ему иногда ягодъ, фруктовъ и что-нибудь изъ живности. Женя была въ восторгѣ, что будетъ учиться, и нѣсколько разъ вскакивала съ своего мѣста, чтобы поцѣловать руку моей матери. Но вдругъ она опять заволновалась и заёрзала на своемъ стулѣ.

— Да что ты хочешь сказать, Женя?—спрашивали ее матушка и Нюта.

— Ужъ какъ бы мнѣ хотѣлось... научиться хоть нѣсколькимъ французскимъ словамъ! Маменька-съ все говорятъ мнѣ— «дворянка да дворянка»! Такъ вотъ бы, значитъ, какое ни на есть отличіе отъ мужички и было...

— Ну, милая моя,—отвѣчала ей матушка.—Съ радостью взялась бы тебя французскому языку учить, но времени у меня не хватаетъ. Это ужó лѣтомъ, когда къ намъ Саша пріѣдетъ. А теперь тебя хоть бы русской грамотѣ выучить.

— И глупая же какая!—проговорила Макрина.—Вѣдь французскимъ-то словамъ я сама могу тебя научить.

Всѣ въ изумленіи обратились въ ея сторону.

— Что же вы такъ на меня смотрите? Будто не вѣрите... Вѣдь покойный-то папенька мой очень многимъ французскимъ словамъ меня научили! Вотъ, какъ передъ Богомъ, очень много этихъ словъ я знавала! Конечно, теперь, поди, много забыла! А вотъ погодите-ка припомню... Ну вотъ: «команъ-ву»... Ахъ ты, Господи, а вѣдь и взаправду забыла...

Но отвѣтомъ на это былъ такой неудержимый, дружный хохотъ матушки, Нюты и даже Зари, что Макрина нѣсколько оторопѣла, но не сдалась.

— Да ужъ вы, Александра Степановна, поди полагаете, что я въ родѣ какъ бы мужичка... Не хвастаюсь, мало учена, но все же покойный папенька кой-чему обучали, и даже такому, чтобы я, значитъ, могла гостей занимать. Хоть я музыкѣ не обучалась, по нотамъ не понимаю, но съ рукъ и съ голоса батюшка нѣсколькимъ пѣснямъ меня научили... И многіе очень даже одобряли.

— Что же спой что-нибудь, пожалуйста,—просила ее матушка. И мы всѣ направились въ залъ, гдѣ стояло наше фортепьяно. Макрина торжественно усѣлась за него. Высоко и неуклюже поднимая и опуская пальцы рукъ на клавиши, жеманясь и до отчаянности смѣшно, хрипло и, точно передразнивая кого-то, пропѣла: «Черную шаль», «По улицѣ мостовой», «Паричекъ», однимъ словомъ, нѣсколько романсовъ и пѣсней, которыя были тогда въ ходу у барышень. При первыхъ же звукахъ ея голоса, Заря сталъ такъ фыркать, что Нюта схватила его за руку и вытолкала въ переднюю. Сама она смотрѣла въ сторону и закрывалась платкомъ, чтобы не выдать душившаго ее хохота, а матушка, увидѣвъ красное, сконфуженное лицо Жени, отошла къ окну и вся тряслась отъ смѣха. Только одна Макрина была такъ увлечена и поглощена собственнымъ пѣніемъ, что ничего не видѣла и не слышала, что дѣлалось вокругъ. Когда, кончивъ весь свой репертуаръ, она обернулась къ матушкѣ со словами: «все же хоть немножко да могу что-нибудь!.. А сколько разовъ начинала я ее учить, да не хочетъ»,—говорила она, указывая на дочь. Въ эту минуту матушка уже оправилась отъ душившаго ее смѣха и, подходя къ пѣвицѣ, рѣшительно заявила: «вотъ что Макрина, если ты любишь дочку, не учи ты ее ни французскимъ словамъ, ни этимъ пѣснямъ».

— Да отчего же? Покойный папенька не могли меня дурному обучить!

— Видишь ли... Можетъ быть, сто лѣтъ назадъ это было и не смѣшно, а теперь, я прямо скажу, Женю твою за такое пѣніе и за такой французскій языкъ просто просмѣютъ. Лучше въ обществѣ молчать, чѣмъ такіе фокусы выкидывать.

Мало-по-малу Женя сдѣлалась членомъ нашей семьи: она только ночевала дома, да и то не всегда. Макрина очень огорчалась, но Женя въ концѣ концовъ сумѣла заставить ее примириться съ этимъ и продолжала заниматься очень усердно. Хотя ей и не удалось научиться французскому языку, но даже элементарное образованіе, которое она получала, чтеніе и общеніе съ болѣе или менѣе образованными людьми, такъ измѣнили ея манеру говорить и держать себя, что она уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ была просто неузнаваема. Она полюбила членовъ моей семьи, какъ родныхъ, а передъ моею матерью просто благоговѣла.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Макрина внезапно умерла. Это было въ тотъ періодъ жизни моей семьи, впрочемъ, очень непродолжительный, когда моя мать жила совершенно одна, такъ какъ мы,

ея дѣти, были въ разныхъ концахъ Россіи. И вотъ въ это-то время матушка стала жить съ Женею. Онѣ какъ-то отправились вмѣстѣ въ городъ, гдѣ въ одномъ знакомомъ семействѣ Женя встрѣтила Жукова, — молодого чиновника, занимавшаго очень скромное мѣсто,—и вышла за него замужъ.

Семейство молодыхъ Жуковыхъ быстро увеличивалось, а жалованье отца семейства возрастало очень медленно. Эту семью поддерживало только то, что зимою Терешка и Фишка, оставшіеся единственными хозяевами ея жалкой усадьбы, отечески заботились о своей молодой барынѣ: зимою доставляли ей кое-какую провизію, а лѣтомъ Женя переѣзжала съ дѣтьми въ свою деревню и проводила въ ней нѣсколько мѣсяцевъ. Но въ годъ освобожденія крестьянъ Терешка умеръ. Женя отдала за ничтожную аренду свой садъ и крошечный кусокъ земли, выговоривъ себѣ право жить въ своемъ домѣ лѣтомъ, и взяла къ себѣ въ няньки Фишку, которою не могла нахвалиться,—такой она оказалась заботливой, преданной и любящей дѣтей.

Е. Водовозова.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Къ біографіи Федора Кузьмича.

Интересъ къ личности знаменитаго сибирскаго старца Федора Кузьмича, скончавшагося въ весьма преклонныхъ годахъ подъ Томскомъ на заимкѣ купца Хромова 20-го января 1864 года, зиждется на довольно распространенномъ представленіи, будто бы въ образѣ Федора Кузьмича скрывался императоръ Александръ I, ушедшій изъ нашего грѣховнаго міра и вовсе не умершій 19-го ноября 1825 года въ Таганрогѣ. Вмѣсто него похороненъ и донынѣ покоится въ Петропавловскомъ Соборѣ кто-то другой, схожій съ нимъ лицомъ. В. К. Николай Михайловичъ [1]), а за нимъ г-нъ Голомбіевскій [2]) пересмотрѣли вопросъ и указали цѣлый рядъ фактическихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ неопровержимо о томъ, что именно Александръ I умеръ въ Таганрогѣ и никакому подмѣну не могло быть мѣста. Вопросъ же о томъ, кто такой былъ Федоръ Кузьмичъ, остается открытымъ. Свѣдѣнія о немъ крайне скудны. Великій Князь, производившій подробныя о немъ розысканія, резюмируетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „старецъ появился въ Сибири въ 1837 г., жилъ въ различныхъ мѣстахъ (а именно: въ селѣ Красная Рѣчка, гдѣ понынѣ осталась келія, другая въ селѣ Зерцалахъ, еще одна келія въ селѣ Бѣлый Боръ и, наконецъ, еще келія въ 4-хъ верстахъ отъ Томска, извѣстная подъ именемъ „Хромовской Заимки“), ведя всюду отшельническую жизнь, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ окрестнаго населенія и никому не обнаруживая своей личности. Его не разъ навѣщали духовныя лица, мѣстные архіереи и случайные путешественники особенно послѣ его окончательнаго переселенія въ Томскъ. А именно, въ 1859 году, по приглашенію томскаго купца С. Ф. Хромова, старецъ Федоръ Кузьмичъ перебрался къ нему на жительство, имѣя от-

---

[1]) Въ статьѣ „Легенда о кончинѣ императора Александра I въ Сибири въ образѣ старца Федора Кузьмича“ въ „Истор. Вѣстникѣ“ 1907, іюнь и отдѣльно; кромѣ того, по-нѣмецки въ сборникѣ, вышедшемъ по случаю 60-й годовщины рожденія проф. Шимана: „Beiträge zur russischen Geschichten... herausg. v. Otto Hötzsch. 1907.

[2]) Въ статьѣ „Легенда и исторія“. Русскій Архивъ, 1908, мартъ.

дѣльную скромную келію, гдѣ онъ и скончался". Великій Князь высказываетъ предположеніе, что Ѳедоръ Кузьмичъ могъ быть Семеномъ Великимъ, сыномъ Павла Петровича и Софьи Степановны Чарторижской, урожденной Ушаковой. Выставляя это предположеніе, авторъ оговаривается, что, въ виду имѣющагося у насъ извѣстія о смерти Семена Великаго на англійскомъ кораблѣ „Вангардъ" 13-го августа 1794 года, „остается узнать и провѣрить, если Семенъ Великій былъ Федоромъ Кузьмичемъ, гдѣ онъ обрѣтался съ 1794 года по 1837 годъ, т. е. до момента появленія старца въ Сибири".

Ниже мы воспроизводимъ совершенно точно документъ, дающій нѣсколько новыхъ свѣдѣній изъ неизвѣстнаго намъ періода жизни старца. Правда, этотъ документъ не даетъ разгадки о личности Федора Кузьмича, но мы узнаемъ изъ него, что Красноуфимскій (Пермской губ.) уѣздный судъ судилъ старца за бродяжество и сокрытіе мѣстожительства и присудилъ къ наказанію 20 ударами плетей и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ онъ вступилъ 6-го марта 1830 года и былъ причисленъ и отправленъ въ Боготольскую волость. Боготолъ—село, Томской губ., Маріинскаго уѣзда при рѣкахъ Чулымѣ и Боготолкѣ въ 119 верстахъ къ востоку отъ Маріинска. Жилъ онъ во время производства девятой ревизіи въ селѣ Краснорѣченскомъ, въ 144 верстахъ отъ Маріинска, при рѣкахъ Чулымѣ и Красной. (Манифестъ о производствѣ девятой ревизіи былъ изданъ въ 1850 году). Примѣты его: лицомъ чистъ, глаза сѣрые, носъ посредственный, волосы сѣдые, росту 2 арш. $6^3/_4$ вершк. Документъ показываетъ ему 65 лѣтъ и числитъ его въ разрядѣ неспособныхъ.

Послѣ этого документа лицамъ, убѣжденнымъ въ тожествѣ Александра I и Кузьмича, остается вписать въ исторію еще одну необыкновенную страницу о томъ, какъ царь, отрекшійся отъ міра, былъ даже наказанъ на тѣлѣ.

Ред.

ПОСТАТЕЙНЫЙ СПИСОКЪ

бродяги Федора Кузьмича, списаннаго съ Алфавита Боготольскаго волостного правленія о ссыльно-поселенцахъ по 9 ревизіи, часть вторая. Архивъ Литера „К“.

№	Прозваніе и имена.	Лѣта.	Прежнее состояніе, вина и наказаніе.	Примѣты.	Назначеніе.	Срокъ поступленія.	Переходъ.	Семейство.	Вѣра.	Окончательная отмѣтка.
151	Кузьмичъ (Козминъ) Федоръ. Село Краснорѣченское. Девятая ревизія № 23 о неспособныхъ,	65	Изъ бродягъ.— Бродяжество и сокрытіе мѣстожительства своего. По рѣшенію Красноуфимскаго уѣзднаго Суда наказанъ плетьми 20-ю ударами. Ссылается въ Сибирь на поселеніе.	Лицомъ чистъ, глаза сѣрые, носъ посредственный, волосы сѣдые, росту 2 арш. $6^3/_4$ верш.	Въ неспособные.	6 Марта 1830.	Причисленъ и отправленъ въ Боготольскую волость по алфавиту 1836 г. № 150.	Нѣтъ.	Православный.	

Баронъ Штейнъ и Николай Ивановичъ Тургеневъ.

(По неизданнымъ документамъ).

Заслуженный біографъ крупнаго государственнаго дѣятеля барона Штейна, Пертцъ, въ писанной имъ въ 1875 году статьѣ, „Freiherr vom Stein und N. Turgenieff“ [1]), говоритъ въ общихъ чертахъ о глубокомъ вліяніи барона Штейна на Н. И. Тургенева во время совмѣстной ихъ работы въ Центральномъ Административномъ Департаментѣ (Centralverwaltungs Departament) въ 1813 и 1814 годахъ. Онъ указываетъ, что у Тургенева и у Штейна были, кромѣ дѣловыхъ, и личныя, дружескія сношенія. Оба интересовались вопросами государственной важности. Особенно сильно повліялъ Штейнъ на развитіе взглядовъ Тургенева на крѣпостное право въ Россіи.

„Земельный вопросъ, говоритъ Пертцъ, и свобода русскаго крестьянскаго сословія были излюбленными темами ихъ бесѣдъ, и именно благодаря вліянію Штейна, Тургеневъ впервые задумалъ смѣлую идею освободить милліоны своихъ же земляковъ“. Относительно мнѣнія Пертца, что Тургеневъ тогда лишь *впервые* подумалъ посвятить себя борьбѣ за освобожденіе крестьянъ, мы должны сдѣлать оговорку, зная, что въ Геттингенѣ Тургеневъ опредѣленно высказался въ этомъ смыслѣ [2]). Вѣрно однако, что бесѣды со Штейномъ укрѣпили въ Тургеневѣ давно зародившуюся мысль. Новѣйшій біографъ Штейна, геттингенскій профессоръ Максъ Леманъ, въ своемъ классическомъ трудѣ замѣчаетъ по этому же поводу, что Штейнъ полюбилъ Тургенева за его жажду знаній, чистоту характера и преданность, и самъ произвелъ на послѣдняго неизгладимое впечатлѣніе. „Это онъ (Штейнъ) укрѣплялъ въ немъ приверженность къ крестьянскому сословію, которая впослѣдствіи привела его на эшафотъ“. Мнѣнія эти

[1]) Berlin, 1875.
[2]) „Минувшіе Годы“, Май—Іюнь.

вполнѣ правильны, и мы думаемъ на основаніи обширнаго и по большей части неопубликованнаго рукописнаго матеріала пополнить и существенно развить то, что высказано нѣмецкими историками относительно вліянія Штейна на Тургенева. Отмѣченные Леманомъ качества Тургенева, изъ-за которыхъ Штейнъ его любилъ и уважалъ, рисуютъ и самого Штейна. Намъ придется констатировать еще многое сходное въ характерѣ, міросозерцаніи, государственной и общественной дѣятельности и внѣшней жизни этихъ двухъ замѣчательныхъ людей. Обоимъ часто приходилось жить и дѣйствовать въ атмосферѣ недоброжелательства и стоять лицомъ къ лицу съ жестокой дѣйствительностью; и если Штейнъ все-таки совершилъ крупное дѣло коренной реформы прусскаго государственнаго и общественнаго строя, а Тургеневъ [1]) во всѣхъ своихъ попыткахъ работать для блага угнетенныхъ и порабощенныхъ крестьянъ и вообще безправныхъ своихъ соотечественниковъ терпѣлъ пораженія, и если онъ былъ даже приговоренъ къ смертной казни за свои убѣжденія,—то въ этомъ виноваты однѣ печальныя условія русской жизни.

Въ „La Russie et les Russes“ Тургеневъ даетъ слѣдующій интересный отзывъ о Штейнѣ, какъ о крупномъ политическомъ реформаторѣ: „сколько было уже государственныхъ дѣятелей, которые поставили на очередь полезныя реформы или таковыя даже подготовили. Но напрасно я отыскивалъ въ исторіи новѣйшихъ государствъ государственнаго человѣка, который приступилъ бы къ такимъ коренньмъ реформамъ, обѣщающимъ такъ много пользы въ своихъ непосредственныхъ или болѣе отдаленныхъ послѣдствіяхъ, и провелъ бы ихъ въ жизнь. Иниціаторъ этихъ реформъ былъ самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ въ Германіи со времени Лютера и Фридриха II. Тотъ, кто стремится къ реформаторской дѣятельности, особенно въ такой странѣ, какъ въ Россіи, гдѣ необходимо начать съ существенныхъ реформъ гражданской и политической жизни, долженъ всегда размышлять о политикѣ этого министра и никогда не сумѣетъ сказать, что изучилъ, какъ слѣдуетъ, его взгляды, планы, цѣли и средства, которыми онъ пользовался“.

Тургеневу въ Штейнѣ особенно понравилось то, что онъ проводилъ коренныя преобразованія постепенно, шагъ за шагомъ, имѣя сперва въ виду самыя необходимыя. Въ оцѣнкѣ дѣятельности Штейна выраженъ субъективный взглядъ Тургенева на наиболѣе цѣлесообразный методъ проведенія политическихъ реформъ въ Россіи [2]). Не будетъ преувеличеніемъ, если скажемъ, что Тургеневъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ сыгралъ

---

[1]) Max Lehmann, Freiherr vom Stein, 1905, III, 333.
[2]) III, 94—95.

бы въ Россіи такую же роль, какъ Штейнъ въ Пруссіи. Умѣстно поэтому изслѣдовать подробно сношенія между обоими дѣятелями. Тургеневъ не во всемъ сходился со Штейномъ. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ то общее между ними, что Тургеневъ стремился сдѣлать для Россіи то, что Штейнъ сдѣлалъ для Пруссіи. И мы имѣемъ полное основаніе полагать, что интимныя и безпрерывныя связи со Штейномъ въ 1813—1814 г.г. имѣли для Тургенева рѣшающее значеніе на всю жизнь.

О Штейнѣ мы думаемъ говорить лишь на нѣсколькихъ страницахъ, только для того, чтобы имѣть подъ рукой краткій обзоръ его дѣятельности и изложеніе наиболѣе существеннаго въ его политическихъ взглядахъ. Мы пользуемся трехтомнымъ трудомъ Лемана [1]), несомнѣнно лучшаго біографа Штейна. Совмѣстная дѣятельность Тургенева и Штейна въ Центральномъ Административномъ Департаментѣ и личныя ихъ сношенія мы разработаемъ впервые на основаніи документовъ изъ Тургеневскаго архива, которые намъ не были доступны при составленіи нашей книги: Die Universität Göttingen und die Entwickklung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des 19. Jahrhunderts.

I.

Родъ Штейновъ принадежалъ къ немногочисленнымъ уже въ то время представителямъ Reichsritterschaft'а (имперское рыцарство), независимаго отъ какого бы то ни было нѣмецкаго Territorialfürst'а.—(Это общее названіе, установившееся въ Германіи, начиная съ XV в. для многочисленныхъ курфирстовъ, князей, графовъ и владѣвшихъ автономной землей или городомъ епископовъ). Имперскіе рыцари были подчинены непосредственно императору. Это гордое и свободное сословіе достигло высшаго могущества и славы въ началѣ 16 вѣка, когда вожди его Францъ фонъ-Сиккингенъ и Ульрихъ фонъ-Гуттенъ организовали Reichsritter'овъ для борьбы съ князьями. Попытка эта однако не удалась, и имперскіе рыцари постепенно перестали играть важную роль въ исторіи нѣмецкаго государства. Тѣмъ не менѣе сословное чувство независимости и аристократической гордости продолжали жить у немногочисленныхъ уже Reichsritter'овъ. Штейны владѣли небольшимъ имѣніемъ въ графствѣ Нассау по обоимъ берегамъ Рейна. Они были беззавѣтно преданы нѣмецкому императору и враждебно настроены противъ Нассаускихъ графовъ, которымъ удалось съ теченіемъ времени достигнуть территоріальной независимости. Сохранились развалины замковъ обоихъ соперничавшихъ родовъ [2]).

---

[1]) См. еще статью Р. Виппера. „Государственные идеалы Штейна"—„Русская Мысль", 1891, августъ, 1—18 и краткую біографію Штейна въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза-Эфрона.

[2]) Lehmann, Stein 1, 3 и сл.

Баронъ Штейнъ родился въ Нассау 26 октября 1757 г. [1]). Отецъ его, Карлъ Филиппъ, былъ человѣкъ посредственныхъ способностей во всѣхъ отношеніяхъ. Зато мать Штейна, Генріетта Каролина, была замѣчательной женщиной и сильно повліяла на сына, будущаго вершителя судебъ Прусскаго государства и Германіи. Родители Штейна въ этомъ отношеніи дѣйствовали заодно, внушили сыну глубокое религіозное чувство, чуждое однако фанатизма, любовь къ отечеству и священный долгъ отдать на служеніе ему всѣ свои силы. Сословное чувство возмущенія противъ усиленія территоріальныхъ князей на счетъ теряющихъ свое политическое значеніе имперскихъ рыцарей питало въ семьѣ Штейна недовольство существующимъ порядкомъ вещей. Молодой Штейнъ много читалъ по древней и новой исторіи. Особый интересъ онъ проявилъ къ англійской исторіи, что весьма важно для пониманія Штейна. Родители рѣшили, чтобы онъ занимался въ Геттингенѣ юриспруденціей и отправили туда 16-ти лѣтняго юношу въ сопровожденіи воспитателя. Штейнъ пробылъ въ Геттингенѣ семь семестровъ, и здѣсь онъ продолжалъ изученіе англійской исторіи, ея учрежденій и экономическаго развитія. Пребываніе въ Геттингенѣ, въ эпоху полнаго расцвѣта университета, повліяло на всю будущую дѣятельность Штейна. Его біографъ Леманъ замѣчаетъ по этому поводу:

„Если говорить о томъ, какія занятія процвѣтали тогда, благодаря Пюттеру и Шлецеру, Михаэлису и Гейне, Мейнерсу и Гаттереру, то надо сказать, что таковыми были историческія; на второмъ планѣ стояли философскія. То же замѣчаемъ у самого Штейна. Нѣкоторые отзывы могутъ даже укрѣпить иного въ мнѣніи, что онъ не придавалъ значенія абстрактнымъ и спекулятивнымъ наукамъ. И, дѣйствительно, у него не было къ нимъ внутренняго влеченія“ [2]).

Послѣ окончанія университета Штейнъ поступилъ практикантомъ въ имперскій каммергерихтъ (судъ) въ Вецларѣ въ 1777 году, но годъ спустя онъ оставилъ это мѣсто и поступилъ на государственную службу въ Пруссіи. Онъ оставилъ императора, непосредственнаго главу (Oberherr), рыцарей и перешелъ на службу къ Фридриху II. Въ Пруссіи Штейнъ нашелъ покровителя въ лицѣ министра Гейница, и благодаря ему сдѣлалъ быструю карьеру. Гейницъ послалъ Штейна въ Польшу для ознакомленія съ горнымъ и solянымъ дѣломъ. Отчетъ Штейна и его спутника Редена, впослѣдствіи прусскаго министра, привлекъ къ себѣ вниманіе яснымъ изложеніемъ и оцѣнкой состоянія Польши. Слѣдующее мѣсто небезынтересно для характеристики взглядовъ Штейна: „Въ Польшѣ совершенно нѣтъ сред-

---

[1]) Ib. 10. Henrich Friedrich Karl vom und zum Stein.
[2]) Lehmann, Stein I, 17—23.

няго или мѣщанскаго сословія, которое обыкновенно доставляетъ государству самыхъ просвѣщенныхъ и дѣльныхъ работниковъ".

Въ 1782 году Штейнъ былъ назначенъ старшимъ совѣтникомъ горнаго департамента. Гейницъ продолжалъ имъ интересоваться; по его порученію Штейнъ совершилъ опять „минералогическое" путешествіе, на этотъ разъ въ Фрейбергъ, съ цѣлью подробно ознакомиться съ постановкой тамъ горнаго дѣла. Въ 1784 году мы видимъ Штейна директоромъ вестфальскихъ горныхъ предпріятій. Зимою 1786—87 года онъ посѣтилъ Англію, которой сильно интересовался еще съ дѣтства.

Вскорѣ по возвращеніи оттуда онъ былъ назначенъ первымъ директоромъ Клевской палаты и первымъ ландтагъ-комиссаромъ при Клевскомъ ландтагѣ, пользовавшемся въ сравненіи съ ландтагами другихъ прусскихъ провинцій большей независимостью и самостоятельностью. Штейнъ могъ теперь отлично познакомиться съ этимъ когда-то вліятельнымъ народнымъ представительствомъ (послѣднее надо, конечно, понимать cum grano salis, т. к. „народъ" былъ представленъ дворянами и небольшимъ количествомъ горожанъ), и теперь еще жизненнымъ органомъ мѣстнаго самоуправленія. Убѣжденіе Штейна въ полезности органовъ мѣстнаго самоуправленія созрѣло и укрѣпилось во время его административной дѣятельности въ вестфальскихъ провинціяхъ. Аналогичное вліяніе произвело на него англійское Self governement. Штейнъ всегда шелъ навстрѣчу желаніямъ мѣстнаго населенія. Леманъ говоритъ, что эти постоянныя интимныя сношенія съ Клевскимъ ландтагомъ охранили Штейна отъ моментовъ, когда у него могли появляться абсолютическіе взгляды [1]. (Absolutistische Anwandlungen).

Административная дѣятельность Штейна въ Вестфаліи совпала съ первой коалиціонной войной. Новыя вѣянія, — отголосокъ великой революціи,—чувствовались и въ Рейнскихъ провинціяхъ, и Штейнъ не остался чуждъ вліянія 1789 года. Неограниченную монархію онъ ненавидѣлъ такъ же, какъ и французы. Идеями физіократовъ онъ руководствовался при своей административно-хозяйственной дѣятельности, какъ французскій министръ-реформаторъ Тюрго. Передъ Монтескье и Бальи Штейнъ преклонялся; съ сочиненіями Руссо онъ былъ хорошо знакомъ [2]).

Постъ оберъ-президента провинціи Минденъ, занимаемый Штейномъ отъ 1796 года по 1802 годъ, былъ болѣе отвѣтственнымъ, и здѣсь Штейнъ могъ проявить свой талантъ государственнаго управленія на болѣе широкомъ поприщѣ. Крестьянское населеніе Миндена было еще въ состояніи зависимости (такъ назыв. Eigenbehörigkeit), какъ въ провинціяхъ восточной Пруссіи, въ западныхъ провинціяхъ, кромѣ инденской, крестьяне

---

[1]) Stein I, 105.
[2]) Ib. 136—137.

были свободны. Но, когда Штейнъ былъ назначенъ оберъ-президентомъ, были сдѣланы попытки къ освобожденію крестьянъ; Штейнъ присоединился къ друзьямъ крестьянской реформы. Въ запискѣ 1797 года онъ говоритъ: „Положеніе, что состояніе крестьянина, обезпечивающее ему личную свободу и собственность, есть самое выгодное для его индивидуальнаго счастья и наилучшимъ образомъ способствуетъ его трудолюбію, согласуется съ опытомъ и мнѣніемъ всѣхъ писателей“. Болѣе подробно и опредѣленно формулировалъ Штейнъ свои взгляды на крестьянскую реформу въ административномъ отчетѣ о своей дѣятельности въ 1801 году. Мы приводимъ это важное мѣсто цѣликомъ, чтобы вполнѣ ознакомиться со взглядами Штейна на аграрную реформу, и чтобы можно было впослѣдствіи выяснить степень вліянія Штейна на взгляды Тургенева на крестьянскую реформу въ Россіи. „При улучшеніи, говоритъ Штейнъ въ названномъ отчетѣ, политическо-гражданскаго положенія крестьянина самымъ существеннымъ является передача ему нераздѣльной собственности — его земли, освобожденіе его отъ повинностей и такихъ оброковъ, которые понижаютъ его рабочую способность, не давая ей проявиться. Вредное дѣйствіе крѣпостной зависимости (Eigenbehörigkeit) на благосостояніе крестьянина выражается въ томъ, что право отчуждать земельную собственность поставлено въ зависимость отъ произвола третьяго лица; что отъ крестьянина періодически отнимаютъ половину всего его движимаго имущества или его оборотнаго капитала и продуктовъ его производства; что по закону необходимо требуется согласіе помѣщика на всѣ измѣненія, вліяющія на личное счастье крестьянина, на поселеніе на извѣстномъ мѣстѣ, на выборъ себѣ жены, на опредѣленіе судьбы его дѣтей. Крѣпостная зависимость, послѣ абсолютнаго рабства, сильнѣе всего угнетаетъ крестьянина и наиболѣе пагубна для человѣческаго счастья, нравственности, благосостоянія и трудолюбія. Если желаютъ видѣть сельское хозяйство въ цвѣтущемъ состояніи, то необходимо дать сельскому жителю свѣдѣнія, касающіяся его занятій, обезпечить его капиталомъ для обзаведенія хозяйствомъ и для оборота и свободу распоряжаться своими силами и своимъ помѣстьемъ; если же онъ всѣмъ этимъ пользуется далеко не полно или въ очень ограниченной степени, то нельзя ожидать ничего иного, кромѣ безсильнаго и жалкаго веденія хозяйства“.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Лемана, что эти взгляды Штейнъ высказываетъ не впервые.

Задуманная въ Минденѣ аграрная реформа не была осуществлена. Прусское правительство должно было испытать пораженія 1806 года, униженіе и почти полное порабощеніе со стороны Наполеона, чтобы опомниться и приняться за коренныя государственныя и общественныя

реформы. Другіе планы Штейна, какъ, напримѣръ, объявить свободу торговли и производства, тоже не увѣнчались успѣхомъ.

Въ качествѣ оберъ-президента Мюнстера (1802—1804) ему пришлось отстаивать у правительства существованіе мѣстнаго ландтага—этой только что секуляризированной провинціи. По распоряженію министра Шуленбурга мюнстерскій ландтагъ былъ закрытъ. Между тѣмъ дворяне Мюнстерской провинціи рѣшили хлопотать передъ правительствомъ о томъ, чтобы имъ было разрѣшено устраивать собранія для совѣщаній. Штейнъ поддержалъ эти хлопоты. „Я считаю, говорится въ запискѣ, цѣлесообразную организацію сословій большимъ благодѣяніемъ для этихъ провинцій. Въ послѣднихъ появляется благодѣтельная, основывающаяся на конституціи и правопорядкѣ, связь между подданными и правительствомъ. Сословія сообщаютъ послѣднему о намѣреніяхъ первыхъ. Они знакомятъ правительство съ пожеланіями и чаяніями подданныхъ. Они не допускаютъ произвольныхъ отклоненій отъ конституціи и правопорядка, отклоненій, въ которыхъ нерѣдко грѣшны провинціальныя управленія (Landescollegien) при огромномъ наплывѣ дѣлъ. И тѣмъ, что сословія обладаютъ собственностью и привязаны къ отечеству, они сильно заинтересованы въ благосостояніи страны. Такое отношеніе обыкновенно незнакомо казенному чиновнику изъ другой провинціи, который дѣлается равнодушнымъ къ положенію страны, доходитъ до пренебрежительнаго къ нему отношенія, и она дѣлается ему даже ненавистной“. Защита Штейна не имѣла никакого успѣха; правительство съ нимъ не согласилось [1]).

Штейну не суждено было остаться долго въ Мюнстерѣ. Въ 1804 г. ему поручили завѣдываніе двумя департаментами генералъ-директоріума, акцизнымъ и торгово-промышленнымъ, и здѣсь Штейнъ продолжалъ вводить разныя реформы. Какъ приверженецъ теоріи Смита, онъ пытался осуществить въ Пруссіи свободу торговли и производства, правда, въ извѣстныхъ предѣлахъ, такъ какъ, по его мнѣнію, правительство можетъ и должно вмѣшиваться въ экономическую жизнь страны. Не будемъ разбирать его дѣятельности въ Generaldirektorium'ѣ, а укажемъ на одну важную записку Штейна 1806 года, касающуюся реформы центральнаго правительства Нруссіи [2]).

Это было въ опасный для Прусскаго государства моментъ. Не трудно было предвидѣть результаты неумѣлой и гнусной политики министра иностранныхъ дѣлъ графа Гаугвица, одного изъ интимныхъ совѣтниковъ короля Фридриха Вильгельма III. Совѣтчики эти составляли „кабинетъ“

---

[1]) Lehmann, Stein I, 259.
[2]) Lehmann, Stein I, 315 и сл.

короля, стоявшій между нимъ и министрами и пользовавшійся большимъ вліяніемъ на короля. Въ этомъ „кабинетѣ“ вообще и въ частности въ совершенно неподходящемъ составѣ его членовъ Штейнъ видѣлъ причины неудачной внѣшней политики и гибельнаго внутренняго застоя.

Посмотримъ, какъ Штейнъ развиваетъ эту мысль и какія реформы онъ предлагаетъ въ своей запискѣ „О неудовлетворительной организаціи кабинета и о необходимости образованія Совѣта Министровъ“. „Пруссія, говоритъ Штейнъ, не имѣетъ государственнаго устройства (Staatsverfassung), такъ какъ высшая власть въ ней не раздѣлена между главою и народными представителями. Это государство—весьма недавно сложенный аггрегатъ отдѣльныхъ, пріобрѣтенныхъ по наслѣдству, куплею, захватомъ провинцій, чины (Stände) которыхъ, мѣстныя корпораціи, не могутъ влiять на общій ходъ дѣлъ“ [1]). Если Пруссія не имѣетъ государственнаго устройства (Staatsverfassung), то тѣмъ важнѣе, чтобы она имѣла правильную правительственную организацію (Regierungsverfassung). Но объ этомъ не можетъ быть и рѣчи при существованіи кабинета, полновластнаго, но не отвѣтственнаго передъ страной. Вся отвѣтственность падаетъ на министровъ, между тѣмъ какъ гибельное вліяніе на короля имѣютъ кабинетъ-совѣтники. Нужна тѣсная связь между королемъ и министрами, нужно коренное разграниченіе дѣятельности министерствъ. Штейнъ доказываетъ необходимость образованія пяти министерствъ: военнаго, иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и юстиціи. Совокупность министерствъ составитъ Государственный Совѣтъ. Вотъ главныя требованія Штейна. О рѣзкихъ его нападкахъ на бездарныхъ въ высшей степени и безпринципныхъ членовъ кабинета мы умалчиваемъ. О томъ, какъ Штейна сначала отговаривали подать записку королю и какъ онъ добился, наконецъ, того, что король ее прочелъ, мы не намѣрены здѣсь распространяться. Записка не вызвала никакихъ мѣръ со стороны короля, а Штейнъ изъ-за этого лишился министерскаго портфеля. Фридрихъ Вильгельмъ написалъ ему грубое письмо, и Штейну осталось только просить отставки [2]).

Не прошло и года, какъ Штейна снова пригласили на постъ министра въ истощенной войной Пруссіи. Въ немъ видѣли единственнаго человѣка, способнаго стоять во главѣ правительства и спасти страну. И, несмотря на упомянутое письмо отъ короля, Штейнъ согласился служить снова въ Пруссіи [3]). Въ короткій промежутокъ времени послѣ отставки

---

[1]) Статья Виппера, „Русская Мысль“ 1891, авг., стр. 10 и Lehmann, I, 401 и сл.
[2]) Lehmann, Stein, I, 452,
[3]) II, 88.

(январь 1807) и до возобновленія службы (октябрь того же года) Штейнъ отдохнулъ въ Нассау. Это время онъ посвятилъ составленію знаменитой Нассауской записки: „О цѣлесообразномъ преобразованіи высшихъ и провинціальныхъ финансовыхъ и политическихъ учрежденій въ Прусской монархіи“ [1]. Записка эта—одинъ изъ самыхъ интересныхъ показателей развитія идей Штейна, хотя ошибочно полагать, что онъ въ ней высказалъ всѣ свои мнѣнія о государственныхъ и соціальныхъ преобразованіяхъ. Штейнъ приводитъ всѣ вѣскіе аргументы, доказывая необходимость преобразованія провинціальныхъ административныхъ учрежденій и пользу для государства отъ существованія мѣстнаго самоуправленія. „Онъ особенно подчеркиваетъ дороговизну, некомпетентность, вялость и рутину чиновничьей администраціи и предлагаетъ воспользоваться, съ нѣкоторыми измѣненіями, существующимъ земскимъ устройствомъ“ [2]. Послѣднее онъ ставитъ выше и считаетъ гораздо цѣлесообразнѣе бюрократическаго способа управленія. „Въ провинціальные говоритъ Штейнъ, управленія, состоящія изъ чиновниковъ на жалованьи, легко и естественно проникаетъ духъ, свойственный наемникамъ, складывается механическое и формалистическое исполненіе обязанностей, устанавливается неосвѣдомленность объ округѣ, которымъ управляютъ, равнодушіе, часто даже странное отвращеніе къ округу, боязнь предъ всякими измѣненіями и нововведеніями, умножающими количество работы, которой лучшіе чиновники оказываются черезчуръ завалены, и отъ которой менѣе достойные уклоняются“ [3].

Итакъ, народъ долженъ обязательно участвовать въ мѣстномъ самоуправленіи. Подъ народомъ Штейнъ подразумѣваетъ на первомъ планѣ землевладѣльцевъ, затѣмъ зажиточныхъ крестьянъ, имѣющихъ ренту 300 талеровъ, фабрикантовъ, купцовъ и „всѣ образованные классы“. Имѣлъ ли Штейнъ въ виду одни только провинціальные органы самоуправленія и не желалъ ли онъ тогда уже введенія народнаго представительства, по терминологіи Штейна, „Reichsstände“? Интересный отвѣтъ мы находимъ въ его письмѣ къ Гарденбергу, написанномъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ до составленія Нассауской записки.

„Я думаю, говорится въ этомъ письмѣ, что слѣдуетъ сломить оковы, которыми чиновничье управленіе сдавливаетъ свободный подъемъ человѣческой дѣятельности; нужно устранить духъ корысти, грязной наживы, приверженности къ механизму, которому служитъ эта правительственная система. Нація должна привыкнуть сама заправлять собственными дѣлами и выступить изъ состоянія дѣтства, въ которомъ ее готово держать вѣчно

---

[1]) Ib. 65 и сл.
[2]) Випперъ, l. c., стр. 10.
[3]) Lehmann, Stein, II, 69.

безпокойное, вѣчно во все вмѣшивающееся правительство. Переходъ отъ стараго порядка вещей къ новому не долженъ быть слишкомъ быстрымъ, и надо мало-по-малу пріучать населеніе дѣйствовать самостоятельно, прежде чѣмъ можно его созывать на многолюдныя собранія и поручать ему обсужденіе важныхъ дѣлъ" [1]).

Чрезвычайно характерно для Штейна, консерватора-реформатора! Консерваторомъ мы его называемъ въ томъ смыслѣ, что онъ хотѣлъ обновить Германію, развивая въ опредѣленномъ направленіи нѣкоторыя стороны исконныхъ нѣмецкихъ учрежденій. Исходя въ теченіе всей своей дѣятельности изъ того твердаго убѣжденія, что здоровымъ ядромъ, изъ котораго выростетъ мощь и культура Германіи, являются земскія учрежденія, Штейнъ въ то же время ясно высказывался за то, что народъ долженъ принимать участіе въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся его жизненныхъ интересовъ.

Въ этомъ смыслѣ Штейна можно назвать однимъ изъ предшественниковъ политическаго движенія XIX в., выдвинувшаго народныя массы въ качествѣ участника въ устроеніи судьбы Германіи. Благодаря ему была, между прочимъ, введена всеобщая воинская повинность.

Одной изъ заслугъ новѣйшаго біографа Штейна, Лемана, является то, что онъ впервые подчеркнулъ вліяніе идей французской революціи на Штейна. Въ Нассауской запискѣ Штейнъ предложилъ также отграничить судебную власть отъ административной и провести полную эмансипацію крестьянъ. Но центръ тяжести лежитъ въ требованіи введенія выборныхъ земскихъ учрежденій.

Участіе Штейна въ прусскихъ реформахъ 1807—08 годовъ громадное, и мы бы далеко вышли за предѣлы очерковъ, если бы на немъ остановились. Мы должны были бы коснуться остальныхъ участниковъ и двигателей реформы: Гарденберга, Шёна, Альтенштейна, Штегенманна, Фрейя и мн. другихъ, что еще дальше отклонило бы насъ отъ темы. Краткое изложеніе этой интересной эпохи даетъ Р. Випперъ въ статьѣ „Государственныя идеи Штейна", и болѣе подробное, основанное на новыхъ источникахъ, можно найти во второмъ томѣ труда Лемана. Послѣдній пришелъ къ новымъ выводамъ относительно взглядовъ и дѣятельности Штейна, въ которомъ Випперу очень хочется видѣть „консерватора по своимъ первоначальнымъ симпатіямъ, по пройденному имъ образованію", а „въ силу неизбѣжности, служащаго просвѣщенному абсолютизму" [2]). Правда, что Штейнъ былъ консерваторомъ, правда, что онъ стремился

[1]) Lehmann, Stein, II, 76; Випперъ, l. c. стр. 8 приводитъ часть этого письма до: „Переходъ отъ..."

[2]) l. c. стр. 18.

къ тому, чтобы правительству принадлежала всегда иниціатива въ управленіи страны. Но Штейнъ выдвигаетъ принципъ общественной самопомощи и дѣятельнаго участія народа въ управленіи своими дѣлами, что трудно согласить съ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ, вмѣшивающимся во всѣ стороны общественной жизни и вездѣ желающимъ выступить опекуномъ. Болѣе правъ Леманъ, подчеркивающій вліяніе на Штейна идей 1789 г., законодательной дѣятельности Конституанты. Новое устройство городовъ въ Пруссіи, одна изъ крупнѣйшихъ реформъ, связанныхъ съ именемъ Штейна, было задумано и проведено по образцу французскаго муниципальнаго устройства, что убѣдительно впервые доказано Леманомъ [1]). Удивительно, что Штейнъ иногда не сознавалъ, сколь многимъ онъ былъ обязанъ французскому вліянію. Въ „исторіи періода 1789—1799", составленной имъ для своихъ дочерей, онъ отзывается весьма неодобрительно о французской революціи, о дѣятельности Конституанты; изъ законопроектовъ онъ самъ заимствовалъ и воспользовался этимъ матеріаломъ при проведеніи реформъ въ Пруссіи [2]).

Вся многообразная дѣятельность Штейна и его сотрудниковъ не увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Аграрный вопросъ остался нерѣшеннымъ. Знаменитый эдиктъ 9 октября 1807 г., выработанный „Непосредственной коммиссіей" и подписанный Штейномъ, уничтожилъ только личную зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ, упразднилъ различіе между дворянскими и не дворянскими землями и санкціонировалъ свободный выборъ занятія и свободный переходъ изъ одного званія въ другое [3]). Но этимъ не былъ рѣшенъ земельный вопросъ, патримоніальная юрисдикція (Patrimonialgerichtsbarkeit) осталась въ силѣ. То же самое относится къ важнымъ предпринятымъ реформамъ администраціи, юстиціи, земскаго устройства, войска и пр. Цѣль, которую преслѣдовалъ Штейнъ, заключалась въ томъ, чтобы преобразовать государственный строй Пруссіи, оживить его общественный духъ, поднять нравственный уровень народа, дать ему права и въ то же время возбудить въ немъ патріотическое чувство для того, чтобы приготовиться къ борьбѣ не на жизнь, а на смерть съ Наполеономъ. Леманъ мѣтко замѣчаетъ, что Штейнъ и его друзья хотѣли побѣдить Наполеона идеями первыхъ лѣтъ французской революціи [4]), они желали поднять народъ противъ врага свободы.

Взгляды Штейна за 1808 г. становились болѣе радикальными [5]) по мѣ-

---

[1]) II, 449 и сл.
[2]) III, 99—100.
[3]) II, 281 и сл. и Випперъ l. с. стр. 12.
[4]) Lehmann III, 5.
[5]) См. такъ же у Виппера l. с. стр. 14.

рѣ возрастанія наглыхъ требованій французовъ. Онъ задумалъ ввести общую воинскую повинность и организовать народную милицію. Неудачи Наполеона въ Испаніи въ 1808 году, приготовленія въ Австріи къ новой войнѣ съ французами привели Штейна къ мысли о необходимости для Пруссіи предпринять что-нибудь болѣе серьезное для борьбы съ грознымъ врагомъ. Штейнъ дѣйствовалъ за одно съ Шарнгорстомъ и Гнейзенау, героями освободительныхъ войнъ. Но, увы! мечты и планы этихъ пламенныхъ патріотовъ не увѣнчались успѣхомъ. Письмо Штейна къ князю Витгенштейну, въ которомъ онъ открыто высказалъ свои мнѣнія относительно задуманной имъ внѣшней политики, попалось въ руки французовъ. Положеніе Штейна стало шаткимъ. Къ этому присоединились интриги ненавидѣвшей его группы бюрократовъ и оппозиція недовольныхъ реформами дворянъ. Штейнъ подалъ опять въ отставку [1]). Мысли относительно реформъ, имѣющихъ еще быть выполненными въ будущемъ, изложены въ „политическомъ завѣщаніи“ (Politisches Testament) его сотрудникомъ Шёномъ и Штейномъ подписаны. Здѣсь еще разъ подчеркнуты главныя, не доведенныя до конца реформы: упраздненіе помѣщичьей полиціи и патримоніальной юрисдикціи, отмѣна новыхъ распоряженій о дворовыхъ людяхъ, учрежденіе народнаго представительства, преобразованіе быта дворянства, всеобщая воинская повинность, отмѣна временныхъ барщинъ, усиленіе религіознаго чувства, улучшеніе системы воспитанія [2]).

Наполеонъ жестоко отомстилъ Штейну. Въ Мадридѣ онъ выпустилъ слѣдующій декретъ: „Штейнъ, стремящійся вызвать безпорядки въ Германіи, объявляется врагомъ Франціи и Рейнскаго Союза. Помѣстья, которыя окажутся принадлежащими упомянутому Штейну, будь они во Франціи, будь они въ земляхъ Рейнскаго Союза, конфискуются. Вездѣ, гдѣ бы названный Штейнъ попался нашимъ или союзнымъ войскамъ, его арестуютъ“ [3]).

Новый французскій посолъ при прусскомъ дворѣ долженъ былъ потребовать выдачи Штейна, но увѣдомилъ его заблаговременно о грозящей опасности, и Штейнъ спасся. Онъ уѣхалъ скоро въ Австрію, гдѣ прожилъ цѣлые 4 года безъ дѣла.

Все это время Штейнъ жилъ въ надеждахъ на предстоящую борьбу съ Наполеономъ. Онъ поддерживалъ старыя связи съ друзьями-единомышленниками. Когда наступилъ рѣшительный моментъ разрыва между Франціей и Россіей въ 1812 г., Штейнъ, не долго думая, согласился на приглашеніе императора Александра пріѣхать въ Россію.

Съ тѣхъ поръ имя Штейна тѣсно связано съ борьбой Европы про-

---

[1]) Очень подробно Lehmann II, 568 и сл.
[2]) Ib., 606.
[3]) III, 10.

тивъ Наполеона. Онъ предвидитъ въ ближайшемъ будущемъ осуществленіе завѣтной мечты. Вся Европа поднимается противъ Наполеона...

II.

Для горячаго нѣмецкаго патріота Штейна настало, наконецъ, время, когда повидимому, дни невиданнаго могущества и славы Наполеона были сочтены, когда онъ могъ надѣяться что, по крайней мѣрѣ, Германія скоро сброситъ съ себя тяжелыя и позорныя оковы. Проникаешься истиннымъ уваженіемъ къ Штейну, слѣдя за его кипучей дѣятельностью въ 1812 г. Всѣ его нервы напряжены однимъ желаніемъ, мысли возвращаются лишь къ одному роковому вопросу: какъ использовать уходъ Наполеона изъ Москвы, чтобы преслѣдовать остатки великой арміи, однимъ словомъ, чтобы довести войну съ нимъ до конца. Штейнъ представилъ Александру I записку, въ которой убѣждалъ его не останавливаться съ своей арміей на русской границѣ. Алексанрдъ, какъ извѣстно, согласился съ мнѣніемъ Штейна. Леманъ называетъ это вторымъ шагомъ Штейна, имѣвшимъ міровое историческое значеніе. (Первымъ, по мнѣнію Лемана, было то, что онъ заставилъ прусскаго короля приняться за реформы). Но Штейнъ приложилъ, кромѣ того, всѣ свои старанія къ тому, чтобы заключить прусско-русскій союзъ. „Съ осуществленіемъ прусско-русскаго союза, говоритъ Леманъ, было сдѣлано самое крупное въ жизни Штейна“.

Въ предстоящей еще войнѣ съ Наполеономъ Штейнъ видѣлъ борьбу угнетенныхъ народовъ съ узурпаторомъ, врагомъ свободы и національной независимости. Союзныя державы рѣшили обратиться съ призывомъ къ населенію нѣмецкихъ государствъ. Редакція прокламаціи, предложенная Штейномъ, подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ, но и въ этомъ видѣ прокламація довольно интересна. „Мы объявляемъ наше твердое рѣшеніе возстановить независимость Германіи и упразднить Рейнскій Союзъ; мы приглашаемъ князей и народы содѣйствовать намъ въ этомъ дѣлѣ. Мы объявляемъ, что тѣмъ, которые будутъ медлить со своимъ рѣшеніемъ больше 6 недѣль, грозитъ потеря ихъ владѣній. Мы даемъ обѣтъ нѣмцамъ, что послѣ заключенія мира мы и не подумаемъ касаться ихъ домашнихъ дѣлъ и измѣнять ихъ внутренніе распорядки“. Прокламація обѣщала нѣмецкимъ государствамъ, кромѣ того, свободу и независимость, какъ неотъемлемыя, пріобрѣтенныя права народовъ, и возрожденіе единой сильной Германской Имперіи. Таково содержаніе Калишскаго воззванія 25 марта 1813 года. „Ни изъ одного, говоритъ Леманъ, документа, предназначеннаго для опубликованія, не видно, чтобы офиціальная власть такъ пошла навстрѣчу требованіямъ національной идеи, какъ въ этой прокламаціи“.

Еще одно желаніе Штейна осуществилось, а именно была учреждена временная администрація въ занимаемыхъ союзными войсками территоріяхъ. Главная задача этихъ органовъ должна была состоять въ томъ, чтобы наилучшимъ образомъ использовать силы и средства занятыхъ территорій для борьбы съ французами. Коммиссія изъ представителей союзныхъ государствъ, со стороны Россіи—Штейнъ и Нессельроде и со стороны Пруссіи—Гарденбергъ и Шарнгорстъ, выработала основныя положенія организаціи новаго учрежденія, названнаго Центральнымъ Административнымъ Совѣтомъ (Central-Verwaltungs-Rat [1]). Совѣтъ долженъ былъ пользоваться неограниченною властью. О главной его задачѣ мы говорили выше. Имѣлось въ виду не принципіальное упраздненіе существовавшихъ административныхъ органовъ и замѣна ихъ другими временными; къ этому надо было прибѣгнуть только въ крайнихъ случаяхъ. Сфера дѣятельности Совѣта была ограничена одной сѣверной Германіей. Онъ такъ и назывался: „Административный Совѣтъ союзныхъ державъ Сѣверной Германіи". Но такъ какъ Пруссія и Ганноверъ были исключены, то изъ Сѣверной Германіи въ сущности осталось немного. Остальныя земли были раздѣлены на пять областей съ гражданскими и военными губернаторами. Губернаторы должны были заботиться о рекрутскомъ наборѣ и о сборѣ запасовъ. Имѣлось въ виду организовать линейныя войска (Linienheer), ополченіе (Landwehr) и всеобщее вооруженіе (Landsturm). Губернаторы должны были увѣдомить населеніе, что этимъ войскамъ придется защищать Германію отъ непрекращающихся захватовъ французовъ, и что формированіе этихъ войскъ будетъ происходить подъ охраной корпуса союзныхъ армій. Право назначать губернаторовъ и другихъ чиновниковъ принадлежало, по рѣшенію комиссіи, Административному Совѣту. Онъ, кромѣ того, могъ вести переговоры съ отдѣльными нѣмецкими князьями относительно количества войска, которое они согласились бы выставить. Въ Совѣтъ вошли по два представителя отъ каждой союзной державы; Россія была представлена графомъ Кочубеемъ и Штейномъ, Пруссія — Редигеромъ и Шёномъ. Главнымъ распорядителемъ и предсѣдателемъ былъ Штейнъ. Если Совѣтъ выполнилъ часть возложенной на него работы, то это было сдѣлано благодаря инниціативѣ Штейна. Изъ пяти губерній, на которыя предполагалось раздѣлить сѣверную Германію, была учреждена только одна, такъ какъ трудно еще было выбить французовъ изъ многихъ пунктовъ сѣверной Германіи. Совершенно избавились отъ французовъ департаментъ Bouches de l'Elbe и Мекленбургъ. Гражданскимъ и временнымъ военнымъ губернаторомъ былъ назначенъ русскій дипломатъ графъ Максимъ Алопеусъ,

---

[1]) Протоколъ комиссіи былъ подписанъ 19 марта 1813 года.

бывшій русскій посолъ при Берлинскомъ дворѣ. Интересно, какъ Штейнъ пытался его склонить занять новый не очень высокій постъ. „При всякихъ другихъ обстоятельствахъ Вы могли бы отъ него отказаться; при настоящемъ же положеніи вещей человѣкъ такого благороднаго характера и въ высокой степени патріотъ, какъ Вы, будетъ руководиться въ своемъ рѣшеніи желаніемъ сдѣлать то, что возможно полнѣе содѣйствуетъ успѣху великой борьбы за свободу и независимость націй: я поэтому убѣжденъ, что Вы займете этотъ постъ“.

Административный Совѣтъ въ общемъ не обнаружилъ особенно интенсивной дѣятельности. Французы продвинулись впередъ и сильно ограничили область, которая должна была оказаться подъ властью Совѣта. Австрійскій министръ Меттернихъ не хотѣлъ даже знать о его существованіи [1]). Одинъ изъ членовъ Совѣта, Шёнъ, разочаровался въ его цѣлесообразности и совѣтовалъ упразднить его. Штейнъ съ этимъ не согласился,—онъ находилъ, что нужно только измѣнить его организацію. Благодаря содѣйствію Гарденберга, между Штейномъ и Меттернихомъ начались переговоры, которые сначала не привели ни къ чему. Лишь послѣ Лейпцигской битвы (21 октября 1813 г.), съ согласія пяти союзныхъ державъ: Россіи, Австріи, Пруссіи, Англіи и Швеціи, былъ учрежденъ Временный Центрально-Административный Департаментъ (Département central d'administration temporaire [2]).

Въ виду того, что Тургеневъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ работахъ этого учрежденія, о послѣднемъ придется немного распространиться. Кромѣ того, интересно остановиться на лицахъ, работавшихъ въ Центральномъ Департаментѣ вмѣстѣ со Штейномъ, такъ какъ они могли оказать въ томъ же отношеніи, какъ и Штейнъ, извѣстное вліяніе на Н. И. Тургенева. Это были, какъ скоро увидимъ, люди съ опредѣленными либеральными взглядами, люди, имѣвшіе за собой извѣстныя заслуги.

Между Административнымъ Совѣтомъ въ мартѣ 1813 года и Центральнымъ Департаментомъ въ октябрѣ 1813 г. громадная разница. Во главѣ послѣдняго стоялъ одинъ Штейнъ, но власть его не была неограниченной. Онъ долженъ былъ дѣйствовать согласно инструкціямъ и рѣшеніямъ Дипломатическаго Совѣта, находящагося въ главной квартирѣ и собиравшагося подъ предсѣдательствомъ Гарденберга. Предложеніе Штейна предоставить предсѣдателю Центральнаго Департамента голосъ въ этомъ Совѣтѣ не прошло. Если сравнимъ мартовское учрежденіе съ октябрьскимъ

---

1) Австрія приступила къ русско-прусскому союзу 27 іюня 1813.
2) Lehmann, Stein III, 320 и сл.

то увидимъ, что послѣднее относилось къ князьямъ Рейнскаго Союза болѣе снисходительно. Только тѣ территоріи должны были входить въ кругъ вѣдомства Штейна, у которыхъ или не было владѣтеля, или которыя не вошли въ союзъ воевавшихъ съ Наполеономъ государствъ. По смыслу мартовской конвенціи должна была быть учреждена новая администрація, тогда какъ въ октябрѣ оговорено было, что старыя администраціи должны функціонировать и впредь, и только въ экстренныхъ случаяхъ разрѣшалось правленію Центральнаго Департамента назначать своихъ чиновниковъ. Тогда какъ въ мартовской конвенціи говорилось о князьяхъ и народахъ, въ октябрьскомъ соглашеніи слово „народъ" тщательно избѣгалось. Въ предварительномъ проектѣ учрежденіе Центральнаго Департамента, выработанномъ Штейномъ и Вильгельмомъ фонъ-Гумбольдтомъ, есть слѣдующее интересное мѣсто: губернаторамъ, назначеннымъ Центральнымъ Департаментомъ, было вмѣнено войти въ тѣсное сношеніе съ органами мѣстнаго самоуправленія (ландтагами), если такіе существовали бы, и вообще побуждать народъ притти на помощь общему дѣлу борьбы за свободу и независимость. Противъ этихъ предложеній выступилъ гнусный реакціонеръ Меттернихъ, непримиримый врагъ „прусскаго якобинца" Штейна. И вмѣстѣ съ слабохарактернымъ австрійскимъ императоромъ-реакціонеромъ, Францомъ I, онъ сильно возставалъ противъ назначенія Штейна предсѣдателемъ Департамента. Но Александръ съ этимъ не согласился и категорически потребовалъ, чтобы именно Штейнъ былъ назначенъ на этотъ постъ [1]).

Нѣмецкіе князья поспѣшили стать на сторону союзныхъ державъ, чтобы сохранить свою независимость. Территорія, которой должны были касаться распоряженія „императора" Штейна, какъ его называютъ нѣкоторые современники, была не велика [2]). Въ нее вошли Саксонія, великія герцогства Бергъ и Франкфуртъ (оба учрежденныя Наполеономъ) и еще нѣсколько маленькихъ владѣній. На Центральный Департаментъ была возложена задача использовать военныя и финансовыя силы этихъ странъ для общаго дѣла. Леманъ называетъ обязанности, возложенныя теперь на Штейна, скромными въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ долженъ былъ дѣлать въ Административномъ Совѣтѣ. Но Штейну все-таки удалось оказать вліяніе въ другомъ отношеніи. Онъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ объ учрежденіи военной и финансовой организаціи на территоріяхъ князей Рейнскаго Союза. Центральный Департаментъ долженъ былъ содѣйствовать

[1]) Lehmann, Stein III, 322 и сл. Мы и здѣсь слѣдуемъ Леману, который всесторонне и тщательно использовалъ весь матеріалъ относительно Центральнаго Департамента.

[2]) Lehmann, Stein, III, 325; Tourgueneff „La Russie et les Russes", I, 27 и сл.

при формированіи Landsturm'а. Кромѣ того, нѣмецкія государства обязаны были доставлять дѣйствующимъ арміямъ фуражъ натурой за соотвѣтствующее вознагражденіе. Но онѣ должны были вносить свою долю для составленія опредѣленной годовой суммы, предназначавшейся на военныя цѣли. За выполненіемъ этихъ предписаній наблюдалъ Центральный Департаментъ черезъ своихъ агентовъ. Наконецъ, были заведены шесть лазаретныхъ управленій, которыя находились подъ вѣдомствомъ Центральнаго Департамента [1]).

Департаментъ оправдалъ возложенныя на него союзными державами надежды благодаря Штейну и дѣльнымъ его сотрудникамъ. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ упомянуть Эйхгорна, совѣтника судебной палаты (каммергерихтсрата), человѣка стойкихъ убѣжденій и такого же патріота, какъ Штейнъ, котораго очень уважалъ. Эйхгорнъ составилъ подробное описаніе дѣятельности Центральнаго Департамента. Интересно читать, какъ Эйхгорнъ раскритиковалъ въ немъ мелкихъ, трусливыхъ и надменныхъ нѣмецкихъ князей, враговъ свободы своихъ подданныхъ. Какъ и Штейнъ, Эйхгорнъ не можетъ равнодушно говорить о нихъ. Леманъ называетъ Эйхгорна однимъ изъ наиболѣе благородныхъ среди сподвижниковъ Штейна. Скажемъ, наконецъ, что съ именемъ Эйхгорна тѣсно связано возникновеніе нѣмецкаго таможеннаго союза [2]). Вторымъ главнымъ сотрудникомъ Штейна является прусскій тайный совѣтникъ Фризе, выдвинувшійся въ эпоху прусскихъ реформъ 1807—08. Онъ былъ ярымъ приверженцемъ теоріи Адама Смитта, и, ея придерживаясь, онъ работалъ въ правительственныхъ комиссіяхъ 1807 г., занятыхъ разрѣшеніемъ аграрнаго вопроса и реформой административныхъ учрежденій. Въ инструкціи, выработанной имъ для новыхъ палатъ, онъ говоритъ административныхъ — это по словамъ Лемана напоминаетъ отчасти декларацію человѣческихъ правъ, отчасти предисловіе къ изданному впослѣдствіи прусскому своду законовъ (Allgemeins Gesetzbuch für die preussischen Staaten), — что главнымъ принципомъ этихъ палатъ должно быть: „Въ пользованіи своей собственностью, своими гражданскими преимуществами и своей свободой, пока граждане не нарушаютъ закона, не вводить дальнѣйшихъ ограниченій, кромѣ тѣхъ, которыя сочтутъ необходимыми для развитія общаго благосостоянія“. Всякому разрѣшается „въ законныхъ рамкахъ возможно болѣе свободное развитіе его индивидуальныхъ наклонностей, способностей и силъ, духовныхъ и физическихъ, и ихъ примѣненіе“. Дальше Фризе разсуждаетъ въ духѣ Смита, цитируя его въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Общее благо-

[1]) Lehmann, l. c. 326—27.
[2]) Lehmann l. c. 330; книжка Эйхгорна „Die Centralverwaltung der Verbündeten unter dem Freiherrn von Stein“ Deutschland 1814.

состояніе возможно лишь при свободѣ промышленности. Торговля не нуждается въ особомъ покровительствѣ, не надо только создавать для нея препятствій. Можно опредѣлить мѣста производства каждаго продукта и сколько въ немъ можетъ быть занято рабочихъ рукъ. Прибѣгать къ другимъ мѣрамъ могутъ заставить не экономическія, а ужъ чисто политическія соображенія [1]).

Австрія была представлена въ Центральномъ Департаментѣ гофратомъ графомъ Шпигелемъ послѣ того, какъ знаменитый публицистъ Гентцъ отказался. О Шпигелѣ мы не ничего не знаемъ, кромѣ того, что Меттернихъ далъ о немъ Штейну хорошій отзывъ [2]). Русскими представителями были швейцарецъ Андрей Меріанъ и Н. И. Тургеневъ [3]). Меріанъ происходилъ изъ старой Базельской фамиліи. Отецъ его, одно время бургомистръ города, былъ противникомъ революціонныхъ идей, охватившихъ сосѣднюю съ Франціею Швейцарію. Сынъ его, Андрей, унаслѣдовалъ такое же отрицательное отношеніе къ французской революціи; въ дѣтствѣ уѣхалъ въ Англію, гдѣ и воспитывался. Меріанъ служилъ нѣсколько лѣтъ въ Австріи, а въ 1812 г. поступилъ въ чинѣ статскаго совѣтника на русскую службу. Неизвѣстный біографъ говоритъ о немъ: „это человѣкъ глубоко образованный, чуткій, обладающій обширными познаніями, въ которомъ кажущаяся сухость обращенія скрываетъ глубокія чувства“ [4]). Ганноверскій уполномоченный Омптода отзывается о немъ въ письмѣ къ министру, Мюнстеру, какъ о человѣкѣ достойномъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ главной квартирѣ всѣ были довольны тѣмъ, что его назначили состоять при Штейнѣ [5]).

Выше было сказано, что въ задачи Департамента входила и организація военныхъ силъ нѣмецкихъ провинцій. Для этой цѣли Штейнъ нашелъ прекраснаго сотрудника въ лицѣ прусскаго подполковника Рюле-фонъ-Лиліенштернъ (Rühle von Lilienstern), высокообразованнаго и благороднаго офицера. Лиліенштернъ даже слылъ одно время либераломъ-доктринеромъ. Когда Штейнъ послѣдовалъ за главной квартирой союзныхъ державъ въ Швейцарію и Францію, было учреждено во Франкфуртѣ особое вѣдомство для Рюле, т. н. General-Commissariat. Интересенъ составъ этого секретаріата: туда входилъ радикалъ Янъ, извѣстный подъ именемъ Turnvater Jahn, который поступилъ въ Люцовскій отрядъ добровольцевъ

---

1) Lehmann, Stein, III, 333; II, 296, 440—42. Біографическихъ свѣдѣній о Фризе нѣтъ; онъ даже не попалъ въ общую нѣмецкую біографію (Allgemeine deutsche Biographie).

2) Lehmann, l. c. 332.

3) Ibid., 333.

4) Aus K. von Nostiz Leben, 1848; біографическая замѣтка о Меріанѣ въ примѣчаніи на стр. 176 и 177.

5) Zur deutschen Geschichte in den Jahren vor dem Befreiungskriege Omptedas Nachlass 2, 212.

(Lützowsches Corps), поэтъ-романтикъ — Максъ-фонъ-Шенкендорфъ и австрійскій капитанъ Фридрихъ Вильгельмъ Мейернъ [1]).

О дѣятельности Шенкендорфа современникъ писалъ: „Штейнъ умѣетъ выбирать себѣ людей; и этотъ—вполнѣ подходящій". Шенкендорфъ много тогда работалъ; между прочимъ, онъ вооружалъ населеніе земель по верхнему Рейну. Кромѣ того, его талантъ использовали въ разныхъ дипломатическихъ порученіяхъ [2]).

Своеобразный интересъ представляетъ жизнь названнаго австрійскаго капитана Фридриха Вильгельма Мейернъ (Meyern). Получивъ юридическое образованіе и сдѣлавъ неудачную попытку поступить въ англійскій флотъ, онъ пошелъ въ артиллерійскіе офицеры въ Австрію. Но одна служба его не удовлетворила, и онъ принялся за литературу.

Есть написанный имъ романъ, озаглавленный по-санскритски Dya-Na-Sore, являющійся будто бы переводомъ съ санскритскаго. Въ немъ описаны мечты молодого благороднаго, мучимаго состояніемъ бездѣлія, человѣка, получившаго строгое воспитаніе и принимающагося въ жизни за все серьезно. Его идеалъ это „герой, отличившійся въ военномъ дѣлѣ, находящійся на службѣ государства, которое стремится осуществить высшую культурную цѣль". Страсть, служащая стимуломъ всего поведенія его героя—патріотизмъ и честолюбіе. Съ художественной стороны романъ не выдерживаетъ критики. Главный интересъ въ романѣ,—стремленіе его героя учредить тайное общество съ цѣлью освободить свое отечество отъ тиранніи враговъ, сдѣлать его могущественнымъ и распространить въ своемъ народѣ гуманные взгляды. Біографъ Мейерна такъ характеризуетъ значеніе романа: „Въ этой книгѣ существеннымъ и оставляющимъ впечатлѣніе это—то удивительное мужество, которое проявляется въ откровенномъ, упрямомъ, не обращающемъ ни на что вниманія сопротивленіи всѣмъ тенденціямъ времени, происходящимъ отъ изнѣженности и мелочности". Мейерну было суждено отчасти осуществить въ жизни то, о чемъ мечтаютъ въ его романѣ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ организаціи австрійскаго ополченія (Landwehr) 1809 г.; что мѣры, принятыя для поднятія боевой способности австрійской арміи, пригодились, показываетъ побѣда австрійцевъ надъ Наполеономъ подъ Асперномъ. Когда же послѣ пораженія Наполеона въ Россіи всѣ угнетенные народы поднялись противъ новаго Цезаря, Мейернъ опять дѣйствуетъ. „Человѣкъ скрытный, необтёсанный, безусловно серьезный, въ особенности годный для выполненія большихъ практическихъ задачъ военной организаціи, человѣкъ котораго всѣ

[1]) Lehmann, l. c. 333—34.
[2]) Allgemeine deut. Biographie.

знатные люди, которые съ нимъ близко знакомились, высоко цѣнили, несмотря на то, что отсутствіе въ немъ мягкости, суровая нетребовательность и чудачество не дали ему достигнуть такого мѣста, на которомъ его недюжинныя способности могли бы развернуться наиболѣе полно“ [1]).

Губернаторомъ Саксоніи былъ назначенъ русскій, князь Николай Григорьевичъ Репнинъ-Волконскій, по отзыву Штейна, толковый, добродушный человѣкъ, воодушевленный лучшими намѣреніями. Князь былъ представителемъ Россіи при Вестфальскомъ королѣ 1807—1812 г. Теперь онъ принялся за управленіе Саксоніи при помощи дѣльныхъ сотрудниковъ. „Для Саксоніи, этой еще наполовину феодальной области, правленіе русскаго магната, сосредоточившаго здѣсь въ своихъ рукахъ всю центральную власть, сдѣлалось во многихъ отношеніяхъ началомъ новой эры“ [2]).

Администрація Великаго Герцогства Бергъ была подчинена Юстусу Грунеру (Iustus Gruner), непримиримому врагу Наполеона. Грунеръ былъ воспитанникомъ Геттингенскаго университета въ эпоху его расцвѣта. Окончивъ блестяще юридическій факультетъ, онъ посвятилъ себя государственной службѣ въ Пруссіи. Въ самые тяжелые годы Прусскаго государства, послѣ пораженій 1806 и 1807 годовъ, Грунеръ былъ начальникомъ полиціи Берлина, а потомъ завѣдующимъ тайной полиціею и въ этой роли онъ умѣло слѣдилъ за французскими шпіонами, наводнившими тогда Пруссію. Съ прусскими патріотами въ Берлинѣ Грунеръ былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ. Когда состоялась французско-прусская конвенція въ 1812 г., Грунеръ не захотѣлъ больше служить и подалъ въ отставку. Мы его видимъ въ Австріи въ 1812 г. при Штейнѣ. Всѣ мысли его направлены къ возбужденію общаго возстанія угнетеннаго нѣмецкаго народа. Австрійское правительство не терпѣло въ своихъ предѣлахъ такихъ радикаловъ и арестовало Грунера. Но ему удалось бѣжать, и Штейнъ привлекъ его къ сотрудничеству въ своемъ вѣдомствѣ, поручивъ ему постъ губернатора въ Бергѣ. Очень живо характеризуетъ Грунера его біографъ: „Человѣкъ, быстро схватывающій, живого темперамента, горячая голова, старательно и быстро работающій, съ большой природной проницательностью въ сужденіяхъ о людяхъ и ихъ поведеніи“ [3]).

---

[1]) Schönbach, Friedrich Wilhelm Meyern въ Allgemeine deutsche Biographie, т. 21, стр. 643—45. Краткая, но удачно составленая біографія. Ср. еще Lehmann c. l. 334 о дѣятельности Мейерна въ 1809 году.

[2]) Ibid., 334. Кн. Реннинъ - Волконскій былъ военнымъ губернаторомъ Кіева отъ 1815—1836 г. Онъ пользовался популярностью.

[3]) Allgemeine deutsche Biographie, m. ; Lehmann, Stein, III, 133, 334 — 5. Декабристъ кн. С. Г. Волконскій сошелся близко съ Грунеромъ во время стоянки въ Дюссельдорфѣ. Грунеръ бесѣдовалъ съ нимъ „объ обязанностяхъ гражданина къ отечеству“. См. Семевскій. „Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ“, „Русское Богатство“ 1907 г., октябрь, стр. 58.

Слѣдуетъ еще упомянуть дипломата графа Сольмсъ-Лаубаха, которому Штейнъ поручилъ завѣдываніе кредитной частью, лазаретами и Рейнской таможней [1]).

Таковъ былъ составъ сотрудниковъ Штейна; это были выдающіеся въ своемъ родѣ дѣятели, люди свободныхъ взглядовъ, стойкихъ убѣжденій и воодушевленные патріотическимъ чувствомъ и ненавистью къ Наполеону. Леманъ справедливо замѣчаетъ: „Такихъ чиновниковъ бюрократія, вѣроятно, не имѣла и имѣть не будетъ“ [2]).

Посмотримъ теперь, какъ Тургеневъ уживался съ этими интересными сотрудниками и ихъ начальникомъ Штейномъ.

III.

Когда Николай Ивановичъ Тургеневъ вернулся въ началѣ 1812 года изъ-за границы въ Россію, онъ встрѣчалъ по дорогѣ мобилизированные корпуса русскаго войска. Они производили хорошее впечатлѣніе. Но по воодушевленію ихъ нельзя было, однако, сравнить съ французской арміей, въ которой рѣялъ духъ Наполена [3]).

Изъ реформъ, которыя намѣтилъ Александръ I, предвидя столкновеніе съ Наполеономъ и руководясь, главнымъ образомъ, совѣтами Сперанскаго, какъ извѣстно, было проведено преобразованіе Государственнаго Совѣта [4]). Кромѣ этого, сильнѣйшимъ желаніемъ Александра было улучшить состояніе финансовъ, что вполнѣ объясняется тѣмъ, что угрожала вспыхнуть война. Чтобы внести извѣстный порядокъ въ хаотическое состояніе финансовъ и разсмотрѣть различные проекты усиленія и лучшаго управленія источниковъ государственныхъ финансовъ, было учреждено въ министерствѣ финансовъ спеціальное ученое бюро. Членами бюро были стоявшій во главѣ его кроатскій профессоръ Балугянскій, профессоръ Якобъ изъ Галле, который нѣсколько лѣтъ читалъ лекціи въ недавно основанномъ харьковскомъ университетѣ, Николай Тургеневъ въ качествѣ секретаря и въ качествѣ его замѣстителя А. И. Михайловскій-Данилевскій [5]). О дѣятельности Тургенева, какъ секретаря, нѣтъ болѣе точ-

---

[1]) Lehmann, Stein III, 334.
[2]) Ibid., 334.
[3]) La Russie et les Russes, I, 8.
[4]) Schiemann, Alexander I., Берлинъ 1904, 75 и сл. 360 и сл.
[5]) La Russie et les Russes, I, 130; А. И. Михайловскій-Данилевскій. „Записки 1812 года“, „Историческій Вѣстникъ“, т. 42, стр. 131. Изъ формулярнаго списка о службѣ коллежскаго совѣтника Николая Ивановича (Тургеневскій архивъ подъ № 728) мы узнаемъ, что онъ былъ опредѣленъ ученымъ секретаремъ въ 5-ое отдѣленіе канцеляріи министерства финансовъ 21 марта 1812 года. Онъ былъ произведенъ въ титулярные совѣтники 1 января 1810 г.

ныхъ свѣдѣній. Есть только сообщенія въ его мемуарахъ, что онъ не поладилъ со своимъ начальникомъ, который вѣчно работалъ надъ цѣлой массой проектовъ, и „шарлатанство“ котораго ему не понравилось съ самаго начала. Между ними произошло нѣсколько объясненій, которыя министръ финансовъ Гурьевъ пытался прекратить, несмотря на то, что Балугянскій былъ близкимъ совѣтникомъ Гурьева, къ мѣрамъ котораго Тургеневъ всегда относился отрицательно. О второмъ сотрудникѣ, профессорѣ Якобѣ, Тургеневъ отзывается съ уваженіемъ [1]).

Чтобы понять и оцѣнить, почему Тургеневу такъ нравилась служба и сотрудничество у Штейна, мы приводимъ впечатлѣнія его отъ службы въ русскихъ учрежденіяхъ. Изъ дневника Тургенева за 1812 годъ мы узнаемъ болѣе подробно, какъ не понра́вилась ему работа въ департаментѣ министерства финансовъ: „Каждый день, записываетъ онъ, хожу въ департаментъ; но таможняя работа мнѣ уже наскучила и налоги опять меня могутъ пріятно занимать“. А недѣли черезъ двѣ, онъ говоритъ, что „отъ работы по службѣ отпала охота, ибо я видѣлъ, что оною мало занимаются, и что я болѣе служу инструментомъ“ [3]). Впечатлѣнія, которыя произвели на него кратковременное пребываніе въ Россіи, были неутѣшительны и безрадостны. „Многое, говоритъ онъ, узналъ я здѣсь; и къ несчастію узнавая, долженъ былъ всегда сожалѣть. Внутренное управленіе государства въ большомъ безпорядкѣ, и всего болѣе безпорядокъ сей замѣтенъ въ Пб... Возвышеніе и паденіе Сперанскаго не доказываетъ“ 1-е порядка, а 2-е осторожности“ [4]).

Тургеневъ былъ, кромѣ того, опредѣленъ въ Комиссію Составленія Законовъ [5]), гдѣ служилъ старшій его братъ Александръ. Николай Ивановичъ участвовалъ въ работахъ спеціальной комиссіи для разсмотрѣнія проекта Коммерческаго уложенія [6]); эта дѣятельность была ему болѣе по

---

[1]) Съ его теоретическимъ трудомъ по политической экономіи онъ основательно познакомился въ Геттингенѣ. „Нѣмецкій профессоръ, говоритъ Тургеневъ, былъ человѣкъ теоріи, науки, и могъ несомнѣнно быть очень полезнымъ благодаря своимъ знаніямъ, если бы знали, какъ ихъ использовать“.

[2]) La Russie et les Russes, I, 130.

[3]) Дневникъ 1812—1813 г. Тургеневскій архивъ въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки академіи наукъ подъ № 207.

[4]) Дневникъ 1812—1813 г.

[5]) Видно изъ указа Государственному Совѣту 14 января 1816 года, напечатаннаго у Дубровина, „Сборникъ документовъ собственной Е. И. В. Канцеляріи“, т. IV, стр. 222.

[6]) Въ Тургеневскомъ архивѣ сохранилась слѣдующая бумага: „Журналъ комиссіи составленія Законовъ Генв. 11 1815 года. Господинъ управляющій дѣлами комиссіи составленія Законовъ Его Свѣтлость Князь Лопухинъ опредѣлилъ: дабы Совѣтъ комиссіи занялся разсмотрѣніемъ проекта коммерческаго уложенія, составленнаго стат. сов. Вирстомъ, и сдѣланныхъ дѣйств. стат. сов. Львовымъ на оный примѣчаній, также и проекта по сему предмету стат. сов. Бунге, пригласить къ своимъ засѣданіямъ дѣйств. стат. совѣтника Львова и стат. сов. Вирста и Бунге, а для веденія журнала совѣта и для редакціи вообще употребить пом. начальника отд. Гос. Экономіи Тургенева“.

душѣ. 13 іюля 1813 года онъ отмѣчаетъ въ дневникѣ: „Нынѣшнюю недѣлю я очень былъ занятъ ком. уложеніемъ: пріятное занятіе“. Вотъ и все, что мы знаемъ о дѣятельности Тургенева въ Комиссіи Составленія Законовъ. О князѣ Лопухинѣ, главно-управляющемъ дѣлами Комиссіи онъ ни разу не упоминаетъ въ дневникѣ. Но за то мы тамъ читаемъ весьма рѣзкій отзывъ о другомъ ея членѣ, Розенкампфѣ, составившему извѣстный доносъ на Сперанскаго: „Rosenkampf“ долженъ быть преподлое... попоенное въ особенности въ послѣднее время, твореніе. Я у него былъ und er ist mir zum Ekel geworden (онъ сталъ мнѣ противенъ“ [1]).

Про недовольство Тургенева петербургскою жизнью мы уже вкратцѣ упомянули въ другомъ мѣстѣ [2]). Мысль навсегда оставить Россію является у него не разъ. Онъ желалъ бы посѣтить Англію и, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ, тамъ и поселиться: „Теперь у меня планы на Англію, и эти мысли—хотя и очень похожія на пустыя мечтанія—занимаютъ меня“. Единственное удовольствіе доставляетъ Тургеневу передѣлки и исправленія сочиненія о налогахъ; въ этомъ онъ часто признается въ дневникѣ. Изъ вышеприведенной замѣтки видно, что уже начиная съ мая 1812 г. онъ былъ занятъ этой работой. Въ началѣ іюня онъ опять принимается за налоги, „которые можно кое-какъ кончить и показать даже, въ случаѣ нужды, свѣту“. Черезъ годъ послѣ этого Тургеневъ отмѣчаетъ въ дневникѣ, что еще пріятнѣе, чѣмъ занятія въ Комиссіи Составленія Законовъ, было для него пересматриваніе переписанныхъ листовъ его сочиненія. Онъ называетъ это разнообразіемъ въ петербургской скукѣ. Въ концѣ августа 1813 г. онъ преподнесъ „прекрасно переплетенные листы“ о налогахъ министру Гурьеву, который обѣщалъ ихъ прочесть. Тургеневъ жалѣетъ только, что не написалъ къ нимъ „маленькаго предисловія“. Небезынтересенъ отзывъ самого Николая Ивановича о книгѣ, надъ которой онъ трудился съ большимъ наслажденіемъ бòльше двухъ лѣтъ. „Съ нею (книгой о налогахъ), отмѣчаетъ онъ 31 августа 1813 г., связаны неразлучно всѣ счастливыя минуты, коими я наслаждался въ свободѣ и независимости. Daran hängen alle die Freuden meines Lebens, des unabhängigen und freien“.

Въ то время, какъ Тургеневъ, неудовлетворенный, служилъ въ министерствѣ и работалъ надъ любимой темой о налогахъ, въ Теплицѣ, въ главной квартирѣ союзныхъ государствъ, въ сентябрѣ 1813 года, Александръ I опредѣлилъ его на постъ русскаго комиссара въ Центральномъ Административномъ Департаментѣ [3]) Учрежденіе послѣдняго было въ прин-

---

1) Дневникъ 1812—13 г.
2) „Минувшіе Годы“, Май-Іюнь.
3) Zur deutschen Geschichte im Jahrzehnt vor dem Befreiungskriege, Omptedas Nachlass 2, 212; La Russie et les Russes, I, 22 и сл., Остафьевскій архивъ кн. Вяземскаго I, ст. 16.

ципѣ рѣшено 25 сентября 1813 г., хотя фактически онъ началъ функціонировать съ 21 октября 1813 года. Какъ объяснить привлеченіе молодого 24 лѣтняго Тургенева, недавно окончившаго университетъ и еще ничѣмъ себя не проявившаго на государственной службѣ, къ участію въ такомъ отвѣтственномъ учрежденіи, къ многосторонней дѣятельности въ чужой странѣ при своеобразной обстановкѣ? Можетъ быть, что именно его пребываніе въ Геттингенѣ помогло здѣсь, ибо нужны были чиновники, знакомые съ Германіею, съ нѣмецкимъ языкомъ и нѣмецкой жизнью. Это одно не могло, однако, быть рѣшающимъ моментомъ въ выборѣ Тургенева. Мы видѣли, какихъ прекрасныхъ сотрудниковъ выбралъ себѣ баронъ Штейнъ, и онъ не могъ бы остановиться на Тургеневѣ, если бы не былъ съ нимъ лично хорошо знакомъ или если бы Тургенева не рекомендовали ему настоятельно другія лица, знавшія и оцѣнившія способности Николая Ивановича.

У Лемана вопросъ этотъ не выясненъ. Ссылаясь на письмо Штейна къ Императору Александру 25 сентября 1813 года, онъ говоритъ, что тотъ просилъ у Государя назначать Тургенева [1]) состоять при немъ. Мы не находимъ никакихъ извѣстій о томъ, познакомился ли Штейнъ съ Тургеневымъ во время своего пребыванія въ Петербургѣ въ 1812 году, такъ что мы должны полагать, что Тургеневъ былъ отрекомендованъ Штейну лицомъ близко его знающимъ, а такимъ является извѣстный намъ товарищъ по Геттингенскому университету Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій, находившійся тогда въ главной квартирѣ союзныхъ державъ въ свитѣ Александра. Кромѣ того, мы знаемъ, что Штейнъ познакомился съ братомъ Николая Ивановича, Александромъ, въ 1812 г. въ Петербургѣ, и очень возможно, что тотъ обратилъ вниманіе Штейна на своего брата [2]). Въ біографическомъ очеркѣ о Михайловскомъ-Данилевскомъ, вѣроятно, на основаніи дневника Данилевскаго, Шильдеръ говоритъ, что Штейнъ выписалъ Тургенева къ себѣ изъ Петербурга по просьбѣ Данилевскаго [3]). Въ Тургеневскомъ архивѣ сохранилось письмо Михайловскаго-Данилевскаго къ Тургеневу изъ Теплица отъ 18/30 сентября 1813 г., изъ котораго мы узнаемъ слѣдующія любопытныя подробности относительно новаго назначенія Тургенева.

1. „Спѣшу извѣстить васъ, пишетъ Данилевскій, любезный другъ Николай Ивановичъ, что Stein докладывалъ Государю объ опредѣленіи васъ на время къ нему, на что и послѣдовало высочайшее соизволеніе съ симъ, что-

---

[1]) Freiherr vom Stein, III, 322; 333 Anmerkung 1; см. еще Pertz, Leben Steins, VI, 1, 268; VI, 2, 707.

[2]) См. письмо Штейна къ Гнейзенау, 30 апрѣля 1829 г. у Pertz'a „Leben Steins“, 6, II, 707.

[3]) Русская Старина, т. 71, стр. 528.

бы вы сохранили ваши мѣста и получили бы деньги для проѣзда въ Главную Квартиру. 2. Stein далъ мнѣ два письма—одно къ Д. А. Гурьеву, а другое къ Александру Ивановичу, которыя заключаютъ подробное извѣщеніе о вашемъ новомъ мѣстѣ. Для вѣрности отправилъ я оныя вчера съ отъѣзжающимъ отсюда въ Петербургъ Полковникомъ Генеральнаго Штаба Федоромъ Яковлевичемъ Eichen... 3. Государь велѣлъ изготовить Нессельроде отношенія къ вашему начальству объ отпускѣ васъ въ армію и о выдачѣ вамъ прогонныхъ денегъ [1]). Булгаковъ и Бутягинъ взялись эти отношенія скорѣй окончить, но по сихъ поръ не отсылаютъ: эти дипломаты сущая дрянь, гроша не стоятъ. Я ихъ поминутно понукаю; пока обѣщаютъ скорѣе отправить ихъ въ Петербургъ. Если бы я вамъ описывалъ все то, что я почувствовалъ, когда Штейнъ объявилъ мнѣ пріятнѣйшую вѣсть, то это значило бы повторять вамъ тѣ чувствованія, въ коихъ вы увѣрены, и кои вы знаете. Мы будемъ вмѣстѣ, вмѣстѣ будемъ раздѣлять радости и непріятности и вмѣстѣ, вѣроятно, увидимъ мѣста нашего счастія, нашего перерожденія". (Здѣсь говорится о Геттингенѣ).

Тургеневъ отмѣчаетъ въ дневникѣ 15 октября 1813 года: „Любимому своему А. Ив. Данилевскому много я обязанъ; и тѣмъ болѣе чувствую сіе, что еще никогда не удавалось съ моей стороны услужить ему". Что эта замѣтка относится къ назначенію Тургенева состоять при Штейнѣ, видно изъ предыдущихъ словъ въ дневникѣ: „вотъ уже съ недѣлю какъ я собираюсь въ свою дорогу. Б. St. (баронъ Штейнъ) сдержалъ свое слово, и я бы въ полной мѣрѣ радовался бы сей побѣдѣ, если бы не думалъ, что я нѣкоторымъ образомъ перебиваю теперешнее мое мѣсто". Вѣроятно, онъ имѣетъ въ виду слово, данное Штейномъ Михайловскому-Данилевскому или брату Николая Ивановича, Александру [2]).

---

[1]) Изъ офиціальнаго письма Нессельроде Гурьеву (18 сент. 1839), помѣщеннаго въ Тургеневскомъ архивѣ, мы заимствуемъ слѣдующее: „Государь Имп. Выс указалъ состоящаго въ Департаментѣ Вашего Высокопревосходительства колл. ассессора Тургенева опредѣлить для временнаго служенія въ министерство барону Штейну, съ сохраненіемъ получаемаго имъ нынѣ жалованья. Его Импер. Вел. угодно, чтобы Ваше Высокопревосходительство благоволили предписать г-ну Тургеневу отправиться къ министру Штейну и снабдить его проѣздною дачею"...

[2]) О томъ, что Штейнъ былъ весьма расположенъ къ Тургеневу, мы читаемъ въ письмѣ К. Я. Булгакова къ своему брату отъ 25 ноября: Николай Тургеневъ еще не прибылъ; его ждутъ каждый день. Я говорилъ о немъ Штейну, который весьма благосклонно къ нему относится (qui est déja très favorablement prévenu sur son compte"). Кромѣ того, Тургеневъ привезъ Штейну письмо отъ С. С. Уварова, въ которомъ тотъ очень тепло рекомендуетъ Штейну Николая Ивановича: „Тургеневъ, который вамъ вручитъ это письмо, есть молодой человѣкъ основательнаго ума и прекраснаго характера. Я надѣюсь, что онъ вамъ понравится" Perts, Stein, III. Если вспомнимъ, какъ близко сошелся Штейнъ въ 1812 году съ Уваровымъ, то поймемъ, какъ полезна была для Тургенева такая рекомендація [1]).

Въ двадцатыхъ числахъ октября Тургеневъ уѣхалъ изъ Петербурга, а 28 ноября прибылъ въ Лейпцигъ. Новый губернаторъ Саксоніи, князь Репнинъ, удержалъ его у себя до 30-го [1]). Братьямъ Тургеневъ сообщаетъ, что Репнинъ задержалъ его для того, чтобы передать ему нѣкоторыя бумаги для главной квартиры. Репнинъ, нуждаясь очень въ русскомъ секретарѣ, предложилъ Тургеневу остаться у него и говорилъ ему, „что онъ соглашался съ Штейномъ о томъ". Отъ другихъ лицъ Тургеневъ, однако, узналъ въ Лейпцигѣ, что онъ долженъ ѣхать къ Штейну. Онъ и не имѣлъ большой охоты служить подъ начальствомъ Репнина, „ибо дѣла у него много и дѣла хлопотливыя, а при немъ никого нѣтъ". У Штейна, какъ полагалъ Репнинъ, было меньше дѣла [2]).

Несмотря на то, что ждали его пріѣзда въ главной квартирѣ, находившейся тогда въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Тургеневъ спѣшилъ сперва въ Геттингенъ, чтобы пробыть пару дней въ дорогомъ для него мѣстѣ. Онъ никогда не могъ съ хладнокровіемъ вспоминать про геттингенскіе годы, и вполнѣ естественны чувства, овладѣвшія имъ при въѣздѣ въ Геттингенъ и во время трехдневнаго въ немъ пребыванія. Запись эта интересна еще потому, что Тургеневъ еще разъ кратко подводитъ итоги геттингенскимъ вліяніямъ. Если нельзя было удержаться отъ улыбки читая длинное прощальное слово Тургенева, написанное за нѣсколько дней до его отъѣзда изъ Геттингена, если оно могло бы намъ казаться напыщеннымъ, то приводимыя ниже слова Тургенева заслуживаютъ большого вниманія. Онъ успѣлъ познакомиться съ дѣйствительностью русской жизни, съ неинтересной чиновничьей дѣятельностью, и тѣмъ глубже могъ цѣнить прелести геттингентскихъ годовъ. Въ его дневникѣ мы читаемъ [3]): „...Я въ Геттингенѣ. Едва вѣрилъ я глазамъ своимъ, смотря на Бенеке, Геерена и проч. Приближаясь третьяго дня въ вечеру къ городу, чувствовалъ я что-то непонятное. Сердце у меня дрожало и содрагалось. Сколько, думалъ я, послѣдовало перемѣнъ со мною и съ моими друзьями съ тѣхъ поръ, какъ я оттуда выѣхалъ. Сколько изъ нихъ не существуютъ уже болѣе, какъ я самъ перемѣнился! Всѣ мы бывшіе здѣсь, здѣсь были счастливы, не зная мѣста, не имѣя опытности въ обращеніи съ людьми и въ знаніи людей— можно ли же было хладнокровно приближаться къ мѣсту, которое, какъ

---

[1]) Perz, Stein, III, 474 и 589, примѣчаніе.
Письмо Уварова 20 октября 1813 года.
Офиціальное сообщеніе министра финансовъ Гурьева Штейну о командировкѣ къ нему Тургенева поступило тоже 20 октября 1813 года.

[1]) Дневникъ 1813 и 1814 г. Оглавленіе: „Моимъ перомъ да пишется правда и законъ".

[2]) Лейпцигъ 15/29 ноября 1813 г. Тургеневскій архивъ.

[3]) Подъ датой 4 декабря 1813 года.

нѣкій уцѣлѣвшій рай, напоминалъ наше счастье, нашу свободу. Такъ долго могъ я бы прожить здѣсь и жить одними только воспоминаніями. О Геттингенъ, Геттингенъ! Если бы я здѣсь не бывалъ, то не чувствовалъ бы многаго. Пріѣхавши въ Корону, нашелъ я тутъ Бенеке, Рау и курляндцевъ. Бенеке сталcя (?) кажется еще добрѣе или это отъ того мнѣ только показалось, что я теперь болѣе чувствую цѣну его качествъ: опытность въ обращеніи съ людьми недобрыми научила меня...

По утру былъ съ Б. въ библіотекѣ... у Сирторіуса!.. Тысячи воспоминаній представились моему воображенію. Былъ у Герена.—Новыя пріятныя воспоминанія. Слушая его лекцію, я воспоминалъ, какъ умъ мой постепенно образовался лекціями геттингенскихъ профессоровъ, какъ свѣдѣнія мои ежедневно разростались и какъ сужденіе мое направлялось мало-помалу къ одной точкѣ, въ которой обнималъ я все слышанное и узнаемое мною—все это живо представляется теперь моему воображенію—вотъ жизнь! Ежедневно чувствовалъ свое усовершенствованіе: жить въ истинномъ значеніи сего слова..." [1])

5-го декабря Тургеневъ прибылъ во Франкфуртъ и скоро явился къ Штейну, который его ласково принялъ и вручилъ для прочтенія нѣсколько бумагъ. О дѣятельности Штейна и о его сотрудникахъ Тургеневъ въ первые же дни записалъ слѣдующее:

„Работающіе у него, въ канцеляріи ласковы и обходительны. Отъ австрійскаго двора опредѣленъ къ нему камергеръ Bar. v. Spiegel. Кромѣ его, работаютъ у него три пруссака: St. Rat Friese, Kamer. Eichhorn и Major Rühl. По утрамъ они докладываютъ по вошедшимъ бумагамъ, и Штейнъ даетъ резолюціи скоро и умно. Множество ходитъ по утрамъ къ нему—принцы, генералы, депутаты". Новая атмосфера дѣйствуетъ на него ободряюще, и онъ приходитъ къ тому, что „видя вообще у кого въ рукахъ дѣла находятся, будешь и себя самого почитать къ чему-нибудь способнымъ" [2]).

Посмотримъ, какъ жилось Тургеневу въ новыхъ условіяхъ.

IV.

Съ прибытіемъ Н. И. Тургенева въ Франкфуртъ 7-го декабря 1813 года началась для него новая и—въ чемъ намъ придется часто убѣждаться па основаніи его дневника и переписки съ братьями и знакомыми—интересная жизнь. Самое главное—онъ былъ больше года въ постоянныхъ личныхъ

---

[1]) Дневникъ 1813 и 1814 г. 4 декабря 1813 года.
[2]) Дневникъ 1813 и 1814 г. Франкфуртъ-на-Майнѣ

сношеніяхъ съ уважаемымъ и любимымъ имъ начальникомъ, барономъ Штейномъ, который съ самаго начала пригласилъ Николая Ивановича ежедневно съ нимъ обѣдать. Еще болѣе способствовало тѣсному сближенію его съ Штейномъ то, что ему, какъ секретарю, было поручено вести всю переписку Штейна. Отношеніе къ нему послѣдняго съ первыхъ минутъ было самое дружеское, благодаря отзывамъ въ письмахъ С. С. Уварова и А. И. Тургенева. Какъ прочіе чиновники департамента, и Тургеневъ получалъ пять талеровъ въ день, за это онъ счелъ нужнымъ благодарить Штейна, который нашелъ, что столько ему и слѣдуетъ. „Вообще, писалъ Николай Ивановичъ брату Александру, я не могу довольно нахвалиться своимъ теперешнимъ начальствомъ, и симъ я обязанъ, конечно, не самому себѣ, но вамъ и вашимъ пріятелямъ, въ особенности, думаю, Сергѣю Семеновичу (Уварову), которому прошу засвидѣтельствовать мое истинное почтеніе“ [1]).

Въ первые дни Тургеневъ былъ очень занятъ. Къ тому главную квартиру перенесли изъ Франкфурта въ Карлсруэ, затѣмъ изъ Карлсруэ въ Фрейбургъ, а изъ Фрейбурга въ Базель [2]). Насъ не столько интересуютъ внѣшнія событія въ жизни Тургенева за это время, сколько его разговоры съ Штейномъ и, быть можетъ, ими же навѣянныя размышленія Тургенева, отношеніе его къ окружающимъ, его взгляды на положеніе дѣлъ во Франціи, прочитанныя имъ книги, и мнѣнія о нихъ, словомъ, мы останавливаемся на тѣхъ мѣстахъ его дневника и переписки, которыя указываютъ, что, на нашъ взглядъ, способствовало его умственному развитію, ближайшему ознакомленію съ государственными и соціальными проблемами и выработкѣ его взглядовъ на необходимыя въ Россіи реформы.

Далеко не во всемъ онъ копировалъ Штейна. Не въ томъ выражается вліяніе барона на Тургенева, что послѣдній слѣпо, безъ критики, принималъ слова Штейна за неоспоримыя истины, а въ томъ несомнѣнно сильномъ толчкѣ, который дали мыслямъ Николая Ивановича бесѣды со Штейномъ. Это онъ направилъ вниманіе Тургенева на центральную проблему:—необходимость преобразовать государственный организмъ Россіи, возбудивъ въ немъ жажду самоотверженно работать въ этомъ направленіи.

Съ перваго момента Штейнъ произвелъ на Тургенева сильное впечатлѣніе. Тургеневъ называетъ его „весьма умнымъ человѣкомъ“. „Stein есть источникъ управленія Германіи и завоеванныхъ провинцій“.

21 декабря вечеромъ въ Фрейбургѣ произошла между ними продолжительная бесѣда о Россіи. Любопытныя подробности приводитъ Тургеневъ

---

[1]) 12 декабря 1813 г. Тургеневскій архивъ № 1204. Письма Н. И. Тургенева къ А. И. Тургеневу за 1813—1816 г. Рукописное отдѣленіе библіотеки академіи наукъ.

[2]) Дневникъ 1813 и 14 г., Lehmann, Stein III, 342, 351.

въ дневникѣ: „За столомъ много разговаривали. Говоря о бумажныхъ деньгахъ, дошли и до Россіи. Stein весьма умный человѣкъ, и я съ любопытствомъ слышалъ, какъ такой человѣкъ разсуждаетъ о Россіи, хотя онъ и самъ говоритъ, что, не зная языка, онъ не можетъ имѣть много понятія о Россіи. Онъ говорилъ, что надобно удержать или возстановить все національное, даже русскіе костюмы и бороды, и что надобно отвращать вліяніе иностраннаго, иностранной литературы и проч., что по-французски русскимъ совсѣмъ пока не надо учиться, развѣ только по-англійски и нѣмецки по причинѣ торговыхъ сношеній съ Англіею и сосѣдства съ Германіею [1]). По сему ему весьма не нравится, что въ Сибири читаютъ Дельфину [2]) въ русскомъ переводѣ; говорили о Сперанскомъ. Stein утверждаетъ, что онъ сдѣлалъ хорошаго во-1, что умножилъ доходы, хотя и согласился съ мною, что die Abgaben waren schlecht gewählt и 2-е, что прекратилъ выпуски ассигнацій. Я, отдавая справедливость Сперанскому относительно его доброй воли, утверждалъ, что Сперанскій невѣдѣніемъ своимъ финансовъ, и охотою къ перемѣнамъ сдѣлалъ много вреда, и что удаленіе его полезно для Россіи. Онъ утверждалъ сему противное, говоритъ, что теперь, для веденія дѣлъ по внутренной части, Сперанскій былъ бы полезенъ въ главной квартирѣ. Какъ трудно судить о Россіи, думалъ я, даже и умнымъ людямъ!

У Штейна Тургеневъ познакомился съ кн. Гарденбергомъ, прусскимъ государственнымъ канцлеромъ, одно время горячо поддерживавшимъ Штейна

---

[1]) Delphine, извѣстный въ свое время романъ m-me de Staël, появился въ 1803 году.

[2]) Такіе же взгляды Штейнъ записалъ въ 1811 г. въ Прагѣ. Мы считаемъ интереснымъ привести ихъ здѣсь въ виду того, что здѣсь они полно и опредѣленно выражены. Штейнъ говоритъ слѣдующее:

„Необходимо было перенести въ Россію общеполезныя европейскія знанія и учрежденія, чтобы нація могла пользоваться всѣми преимуществами, связанными съ научнымъ образованіемъ и соотвѣтствующей уровню развитія народа конституціи, но Россія могла бы сохранить свои исконные нравы, образъ жизни, одежду и т. д., а не портить и не схоронить въ этомъ отношеніи національное-русское. Не было никакой необходимости во французскомъ покроѣ, блюдахъ, ни въ какомъ иностранномъ бонтонѣ для разговоровъ въ обществѣ, она могла лишь устранить все грубое изъ своего языка, не жертвуя никакими его особенностями. Положеніе ихъ столицы, примѣръ правителей, природная склонность націи къ подражанію и отсутствіе у нихъ самостоятельности способствовали развитію потребности приноравливаться къ обычаямъ за границы, и изъ всѣхъ европейскихъ націй они выбрали себѣ за образецъ самую разслабленную, самую испорченную, французскую. Ея языкъ, господствующій въ ея обществѣ тонъ, ея литература, ея воспитаніе сдѣлались наиболѣе распространенными въ высшихъ классахъ Россіи, и все это имѣло самые вредныя послѣдствія въ области національной нравственности и образованія. Правда, есть еще время ослабить распространеніе этихъ иноземныхъ нравовъ и нѣсколько измѣнить направленіе этого движенія: 1) Можно было бы снова ввести очень удобный національный костюмъ, кафтанъ, 2) Дворъ долженъ былъ бы пребывать большую часть года въ Москвѣ, 3) Должны быть затруднены сношенія русскихъ подданныхъ съ иностранными послами“. Pertz, Leben Steins II, 467—68.

въ реформаторской его дѣятельности. Послѣ вторичной отставки Штейна Гарденбергъ продолжалъ дѣло реформы, хотя не всегда въ томъ же направленіи. Они во многомъ расходились; Гарденбергъ былъ, чтобы указать на главное, централистомъ на манеръ Наполеона, тогда какъ Штейнъ стоялъ за децентрализацію администраціи и укрѣпленіе мѣстнаго самоуправленія. Штейнъ предпочелъ работать на поприщѣ внутренняго государственнаго управленія и одинъ разъ отклонилъ предложеніе Фридриха Вильгельма занять постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Гарденбергъ былъ настоящій дипломатъ. Характеръ Штейна болѣе прямой, откровенный и рѣзкій, Гарденбергъ—человѣкъ, способный на компромиссы. Но послушаемъ, какъ о нихъ отзывается молодой Тургеневъ. Среди гостей присутствовавшихъ на одномъ обѣдѣ у Штейна „Гарденбергъ его болѣе всѣхъ интересовалъ". Онъ „увидѣлъ въ немъ человѣка съ выгодною наружностью, но не нашелъ ничего необыкновеннаго, чего ожидалъ я въ первомъ человѣкѣ прусской монархіи. Съ St. никого изъ нихъ сравнивать нельзя. Превосходство бросается въ глаза". Тутъ же онъ продолжаетъ о Штейнѣ: „Весьма мнѣ нравится въ St. то, dass er gar keine ministerielle Gesichter schneidet, т. е. не дѣлаетъ глазокъ, не морщится безъ нужды, такъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые наши министры, хотящіе замѣнить умъ умничаньемъ, также, что безъ нужды не вздыхаетъ... Откровенность St. также мнѣ нравится тѣмъ болѣе (какъ я замѣчаю), что это согласно и съ собственнымъ моимъ характеромъ. Я замѣтилъ, что я не способенъ ни къ малѣйшей принужденности, и если я иногда приму на себя видъ, несогласный съ моими чувствованіями, то въ таковомъ состояніи не могу остаться долго, и смѣюсь внутренно надъ собою".

Свое мнѣніе о Гарденбергѣ Тургеневъ потомъ въ извѣстной мѣрѣ перемѣнилъ: „Онъ (Гарденбергъ), кажется, человѣкъ очень добрый и понравился мнѣ откровенностью и простотою. Онъ, напримѣръ, говоритъ, что онъ, für seine Person, держитъ сторону норвежцевъ. Министръ никогда бы не осмѣлился сказать это при многихъ, хоть и былъ бы увѣренъ въ справедливости мнѣнія. Я, какъ прежде, ничего быстраго и особенно возвышеннаго въ Гарденбергѣ не замѣтилъ. Но я думаю, что доброта и честность и благонамѣренность суть первыя качества государственнаго человѣка" [1]).

Но вернемся къ Тургеневу. Въ приведенной характеристикѣ Штейна Тургеневъ указываетъ не безъ основанія на откровенность, присущую ему самому въ той же мѣрѣ. Кто знакомъ съ жизнью Николая Ивановича, тотъ неоднократно имѣлъ случай въ этомъ убѣждаться.

[1]) Дневникъ 1813 и 1814 г. Эти слова Тургеневъ записалъ въ іюнѣ 1814 г. во Франкфуртѣ.

Въ концѣ декабря 1813 года арміи союзныхъ державъ двинулись во Францію, чтобы перенести войну на французскую территорію. Главная армія заняла на югѣ Franche Comté и Эльзасъ, силезская армія—Пфальцъ, лежащій на лѣвомъ берегу Рейна, а направо отъ нея двинулась къ Бельгійской границѣ армія генерала Бюлова. Такимъ образомъ росла территорія, бывшая сферой дѣятельности Центральнаго Административнаго Департамента. Штейнъ учредилъ сразу четыре генералъ-департамента (т. е. губерніи),—три (Верхній, Средній и Нижній Рейнъ) изъ земель прежняго нѣмецкаго государства, а одинъ департаментъ изъ территоріи прежней Швейцаріи и французскихъ провинцій, занятыхъ главной арміею. Дѣятельность Центральной Администраціи ограничилась взиманіемъ налоговъ, распоряженіями о необходимыхъ поставкахъ и управленіемъ полиціей, а предполагавшійся наборъ рекрутовъ не состоялся [1]). Съ дальнѣйшей оккупаціей союзными арміями французскихъ провинціи число департаментовъ Центральной Администраціи возрастало [2]). Въ Базелѣ, куда прибыла главная квартира въ началѣ января 1814 года, Тургеневъ записалъ въ дневникѣ: „Сегодня у Stein'а какъ изъ рукава посыпались генералъ-губернаторы для сей части освобожденной Европы". А Штейнъ писалъ нѣсколько позже своей женѣ: „Я образую теперь во Франціи правительства вопреки волѣ Наполеона, его предписанію, его полиціи и его штыкамъ" [3]).

Въ союзныхъ арміяхъ чувствовалось повышенное настроеніе. Особенно сильно было желаніе скорѣе побѣдить Наполеона и очутиться въ Парижѣ въ главномъ штабѣ силезской арміи. Нетерпѣливый старый генералъ Блюхеръ выпустилъ пламенную прокламацію къ своей арміи при переходѣ черезъ Рейнъ. Николай Ивановичъ восхищался ею. „Письмо Гнейзенау (начальника главнаго штаба силезской арміи), которое я сегодня переводилъ съ нѣмецкаго на французскій писано en maitre. Если мы,—говоритъ онъ не будемъ въ Парижѣ, то la vengeance et triomphe neseraient qu'incomplets—месть и тріумфъ не будутъ полными. Правда! Правда! Всѣ этого желаютъ и основательно" [4]).

Среди спеціальныхъ заботъ по дѣламъ Центральной Администраціи Штейнъ ни на минуту не забылъ о Германіи, освобожденной отъ Наполеона,

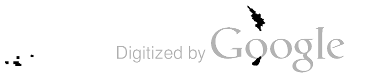
---

[1]) Lehmann, Stein, 352—353.

[2]) Изъ отчета Н. И. Тургенева о дѣятельности Центральнаго Департамента (два списка имѣются въ Тургеневскомъ архивѣ подъ № 1095) видно, что въ общемъ были учреждены 17 губерній: 10 австрійскихъ, 4 прусскихъ и 3 русскихъ. Послѣдними были Gouvernement de la Saxe (Саксонія) подъ управленіемъ кн. Репнина-Волконскаго, Gouvernement du Mi Rhin (Средній Рейнъ) подъ управленіемъ статскаго совѣтника Грунера и Gouvernement de la Lorraine et du Barras подъ управленіемъ М. Алопеуса.

[3]) „Lehmann, Stein III, 353: „Ich richte jetzt Regierungen in Frankreich-ein, trotz Napoleons, seines Achtbefehls Seiner Polizei und seiner Bajonette".

[4]) Дневникъ 1813 и 1814 г. Базель, 4 января 1814 г.



объ обновленіи и преобразованіи ея политическаго строя. Казалось бы, на первый взглядъ, что это имѣетъ мало общаго съ нашей темой. Надо, однако, принять во вниманіе, что Штейнъ затрогивалъ тогда въ своихъ запискахъ о будущемъ политическомъ строѣ Германіи общія политическія и соціальныя требованія, что онъ дѣлился съ Тургеневымъ своими мыслями и что тотъ въ качествѣ генералъ-секретаря [1]), вѣроятно, переписывалъ записки Штейна. Это соображеніе оправдываетъ въ нашихъ глазахъ то, что мы останавливаемся на запискахъ Штейна послѣднихъ мѣсяцевъ 1813 года.

Отчасти подъ вліяніемъ общихъ политическихъ условій, — отчасти благодаря бесѣдамъ съ Вильгельмомъ фонъ-Гумбольдтомъ, прусскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ и бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія, Штейнъ оставилъ свои мечты—возстановить старую нѣмецкую имперію съ австрійскимъ императоромъ во главѣ и съ рейхстагомъ въ Регенсбургѣ и согласился съ Гумбольдтомъ, что желательно преобразовать Германію въ союзъ государствъ („Staatenbund“, „Staatenverein“) подъ главенствомъ Австріи и Пруссіи. Онѣ однѣ должны пользоваться правомъ вести войну и заключать міръ. Для веденія общихъ дѣлъ: завѣдыванія пошлиной, почтой, монетой, обороной, для изданія обязательныхъ для всѣхъ отдѣльныхъ государствъ правилъ о полиціи безопасности и для контроля надъ военными силами долженъ быть учрежденъ Союзный выборный комитетъ („Bundesausschuss“ или „Directorium“). Но главное вниманіе обращаетъ Штейнъ на политическія преобразованія въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ. Ландтаги необходимо созывать регулярно; они должны участвовать въ законодательной дѣятельности, утверждать налоги, даже взимать всѣ подати и распоряжаться этими деньгами по своему усмотрѣнію. Особый актъ, своего рода Habeas corpus, долженъ гарантировать жителямъ личную свободу, право жительства и свободнаго выбора рода занятій во всей Германіи. Князь не въ правѣ взимать другіе налоги, кромѣ утвержденныхъ ландтагомъ. Онъ также не въ правѣ покушаться на частную собственность и собственность корпорацій. „Огражденіе чести, жизни, принадлежащія каждому сословію особыя права должны остаться нерушимыми; надъ жизнью и смертью гражданъ властенъ только судья, которому это подвѣдомственно“. Цѣлый рядъ постановленій касается судебнаго дѣла. Гласное судопроизводство явится гарантіею независимости судебныхъ палатъ; судьи могутъ быть смѣняемы только на основаніи судебнаго приговора. Штейнъ указалъ, наконецъ, на необходимость введенія института присяжныхъ засѣдателей [2]).

---

[1]) Въ письмѣ къ брату Александру онъ говоритъ: „Не знаю, какимъ генералъ-секретаремъ меня называетъ Штейнъ“.

[2]) Lehmann, Stein III, 345—348.

Эти элементарные принципы неприкосновенности личности и огражденія судовъ отъ произвола администраціи высказывались нѣсколько лѣтъ спустя Н. И. Тургеневымъ, и мы имѣемъ основаніе полагать, что въ этомъ смыслѣ вліялъ на него Штейнъ. Сношенія со Штейномъ были для него какъ бы продолженіемъ геттингенскихъ занятій. Если послѣднія подготовили его къ пониманію политическихъ и соціальныхъ отношеній и дали глубокое знаніе теорій о правѣ, политикѣ и хозяйствѣ, то знакомство съ крупнымъ государственнымъ человѣкомъ, обладавшимъ уже богатымъ опытомъ, являлось для него, только что выступившаго на поприще государственной службы, извѣстнымъ дополненіемъ въ высшей степени важнымъ по своимъ послѣдствіямъ. Если Тургеневъ такъ хорошо зналъ сущность прусскихъ реформъ и придавалъ имъ такое большое значеніе, то само собой понятно, что лишь самъ иниціаторъ ихъ, Штейнъ, могъ лучше всего познакомить съ ними Тургенева. Излюбленной темой ихъ разговоровъ была аграрная реформа, особенно, вопросъ объ освобожденіи русскихъ крѣпостныхъ. То, что Тургеневъ воспринялъ въ дѣтствѣ и къ чему онъ сталъ вполнѣ сознательно относиться благодаря геттингенскимъ занятіямъ, стало обнаруживаться въ ясной и опредѣленной формѣ въ бесѣдахъ со Штейномъ. На извѣстнаго поборника освобожденія русскихъ крѣпостныхъ еще болѣе извѣстный его учитель оказывалъ глубокое вліяніе въ теченіе долгаго времени. Этимъ мы не хотимъ сказать, что Тургеневъ былъ согласенъ съ тѣми практическими предложеніями для рѣшенія крестьянскаго вопроса, которыя имѣлъ въ виду Штейнъ въ своихъ пражскихъ запискахъ въ 1811 г. [1]). Штейнъ говоритъ о правовомъ и экономическомъ положеніи русскаго крестьянства. По его мнѣнію принудительный трудъ крестьянъ служитъ главнымъ тормазомъ для развитія производительныхъ силъ страны. Русскій крестьянинъ вполнѣ зависитъ отъ произвола своего помѣщика, пользованіе его земельной собственностью непрочно,—и въ результатѣ изъ всего этого не вытекаетъ ровно никакой выгоды для помѣщика. „Было бы полезно, говоритъ Штейнъ, для развитія интеллектуальныхъ силъ и національнаго богатства, если бы дали крестьянину его участокъ въ полную собственность, обложивъ его прогрессивнымъ налогомъ, взимаемымъ натурой (во всякомъ случаѣ въ размѣрѣ одной трети или даже половины), даровали бы мужику личную свободу и оставили бы его подчиненнымъ полицейскому и судебному надзору помѣщика. Такимъ образомъ возникло бы довольно многочисленное и свободное крестьянское сословіе“. Тургеневъ прежде всего высказывается за полную личную свободу крѣпостныхъ и этимъ

[1]) См. Pertz, Leben Steins, II, 468 ff, Lehmann, Stein III, 174; Леманъ говоритъ, что приведенные нами мысли Штейна о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи возникли у него лишь въ 1812 году.

исключаетъ возможность сохраненія патримоніальной подсудности. О надѣленіи землей освобожденныхъ крестьянъ онъ сталъ думать лишь въ 40-хъ годахъ [1]). Поэтому неудивительно, что онъ не руководился основными положеніями прусской аграрной реформы, которая оставила далеко позади себя даже реформу 1861 г., несмотря на то, что считалъ прусскіе принципы наиболѣе удовлетворительнымъ и совершеннымъ рѣшеніемъ вопроса. Онъ былъ бы въ высшей степени радъ, какъ онъ сознается въ одномъ изъ писемъ къ брату Александру за 1827 годъ, если бы въ русской аграрной реформѣ выбрали подобный путь, и исключительно тактическія соображенія побудили его не предлагать частичнаго раздѣла земли. Онъ не хотѣлъ запугивать помѣщиковъ и затягивать дѣло освобожденія крестьянъ [2]). Мы не имѣемъ абсолютно никакихъ фактическихъ свѣдѣній о содержаніи разговоровъ между Штейномъ и Тургеневымъ, касавшихся вопроса о томъ, въ чемъ можетъ состоять русская земельная реформа, и способа ея проведенія. Намъ извѣстно только, что Тургеневъ послѣ одного обмѣна мнѣній со Штейномъ о бѣдственномъ положеніи русскихъ областей, въ которыхъ велась война 1812 года, составилъ записку, которую онъ представилъ Штейну по желанію послѣдняго. Тургеневъ предлагалъ выпустить особыя бумажныя деньги, которыя въ связи съ дѣятельностью ссудныхъ банковъ возмѣщали бы насколько возможно жителямъ этихъ мѣстностей ихъ убытки [3]).

Мы ушли, однако, впередъ, не исчерпавъ еще непосредственно относящагося къ нашей задачѣ изслѣдованія сношеній Штейна съ Тургеневымъ въ 1814 и 1815 годахъ. Штейнъ явился для Николая Ивановича настоящимъ источникомъ политическихъ знаній. „St... кажется, говоритъ Тургеневъ, уже слишкомъ знаетъ хорошо исторію послѣднихъ годовъ, современниковъ и статистику“ [4]). Передъ нами лежитъ длинное разсужденіе Тургенева, написанное въ Базелѣ и представляющее интересъ, какъ показатель вліянія на него политическихъ событій приблизительно за 1806 по 1813 годъ и, какъ не трудно угадать, и Штейна, одного изъ главныхъ виновниковъ этихъ событій. „Государь, говоритъ Тургеневъ, правитель великаго народа, долженъ имѣть свои правила въ управленіи

---

[1]) La Russie III. 165 ff. Мысль о надѣленіи крестьянъ землей проглядываетъ иногда въ дневникахъ за 1813—1816 г.г., но впослѣдствіи, въ Россіи (1816—1824 г.) Тургеневъ опредѣленно высказывался только за личное освобожденіе крестьянъ.

[2]) „Чего желать для Россіи?“ Лейпцигъ 1868. Примѣчаніе на стр. 208 и 209 Тургеневъ приводитъ здѣсь выдержку изъ письма къ брату Александру съ 2-го іюля 1827 года.

[3]) La Russie et les Russes II, 222, примѣчаніе. Набросокъ записки сохранился въ дневникѣ Тургенева за 1813 и 1814 г.г.

[4]) Дневникъ 1813 и 1814 г. 6 января вечеромъ.

онъ долженъ имѣть въ виду цѣль, къ которой всѣ его поступки должны стремиться — сіи правила и сію цѣль долженъ онъ сдѣлать извѣстными (manifester): показать, что онъ твердъ въ намѣреніи своемъ dass er mit Nachdruck wirken will,—тогда общественное мнѣніе будетъ въ пользу Государя; т. е. согласно съ его мнѣніемъ и правилами, каковыя бы, впрочемъ, сіи не были, тогда Государь найдетъ въ народѣ ревностныхъ и умнѣйшихъ поборниковъ своей воли. Такимъ образомъ пусть въ Россіи правительство приметъ одну систему во внутреннемъ управленіи и во внѣшнихъ сношеніяхъ, и пусть покажетъ народу, что оно намѣрено съ твердостію и силою слѣдовать сей системѣ—оно найдетъ себѣ панигирику въ мнѣніи народномъ; und alle Individuen werden an der grossen Sache mitzuwirken suchen.—Напримѣръ: пусть правительство серіозно примется за исправленіе нашихъ чиновниковъ, за отученіе ихъ отъ взятокъ.—Пусть оно примется за возвышеніе знанія простого народа и земледѣльца. Сначала мало будетъ партизановъ, но послѣ нѣсколькихъ сильныхъ и, можетъ быть, крупныхъ поступковъ, доказывающихъ *твердую волю* правительства, общее мнѣніе обратится къ мнѣнію правительства, и сіе послѣднее найдетъ дѣятельнѣйшаго сотрудника въ томъ народѣ, котораго благо оно созидать имѣетъ. Славный удѣлъ дѣйствовать на милліоны людей! Тѣ, коимъ они предоставляются рѣдко, чувствуютъ свою важность. Не можетъ все итти самимъ собою—надобно и можно направлять мнѣніе. Я не всегда такъ рѣшительно думалъ. Но новѣйшія происшествія доказали справедливость словъ сихъ.—Was hat Preussen und was hat Oesterreich geleistet—и сіе отъ того по большой части, что вліяніе свыше было различно.—*Торопливость, т. е.* рѣшимость нужна, необходима въ важныхъ и рѣшительныхъ минутахъ. Исторія 1812 и 1813 годовъ—какой представляетъ источникъ для мыслящаго политика. Я вздумалъ о Маккіавелѣ. При первомъ случаѣ буду его студировать“ [1]).

Какъ видно, и Тургенева среди заботъ занимаютъ, какъ и Штейна, мысли о государственномъ управленіи вообще. Онъ всегда возвращается къ судьбѣ своего отечества. Карта Россіи наводитъ его на слѣдующія размышленія: „Нельзя болѣе любить своего отечества, какъ я люблю Россію. Но всегда при мысли о отечествѣ мысль нѣкоторой жалости, мрачная и печальная побѣждаетъ всѣ другія мысли. Прежде, напримѣръ, живя въ Геттингенѣ, при мысли объ отечествѣ сердце билось отъ радости, отъ восхищенія.— Гдѣ то время! — Теперь напротивъ! Въ перемѣнѣ сего чувства, конечно, люди гораздо болѣе причиною, нежели природа. Ужасное пространство Россіи. Какъ управлять ею изъ Петербурга? Какъ управляютъ ею?“ [2]).

[1]) Дневникъ 1813 и 1814 г. 7-е января утро.
[2]) Ib.

Въ главной квартирѣ Тургеневъ видалъ и знакомился съ разными людьми. Тутъ были и честныя и откровенныя личности, какъ Штейнъ и Лагарпъ, хитрые дипломаты, какъ Меттернихъ, и много бездарностей среди близкихъ ко дворамъ союзныхъ властителей. Объ этихъ совѣтникахъ Тургеневъ отмѣчаетъ не называя именъ: „Какъ вредны слабые люди, имѣющіе власть! Какъ вредны мелкіе люди съ умомъ, удобнымъ только къ хитростямъ и подлости! Какъ вредно властителямъ окружать себя незнающими, безхарактерными людьми! Все это ясно теперь представляется глазамъ наблюдателя" [1]). Далѣе Тургеневъ перечисляетъ, какъ много бѣдствій причиняютъ милліонамъ людей такія лица, и какъ гибельно отражаются часто на судьбѣ цѣлаго народа дѣянія такихъ бездарностей.

И въ этой характеристикѣ цѣлой группы дипломатовъ, главнымъ образомъ Меттерниха, видно вліяніе на Тургенева Штейна, который въ подобныхъ выраженіяхъ осуждалъ своихъ политическихъ и личныхъ противниковъ. Естественно, что находившійся съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ Николай Ивановичъ сталъ тѣми же глазами смотрѣть на враговъ своего уважаемаго начальника.

Часто бывали у Штейна и обѣдали у него кн. Антонъ Радзивиллъ, шуринъ прусскаго короля, большой почитатель Штейна (по его желанію Штейнъ составилъ знаменитую Нассаускую Записку [2]), кн. Адамъ Чарторыйскій, другъ и товарищъ Александра I, одинъ изъ немногихъ поляковъ, не присоединившихся къ Наполеону и надѣявшихся на учрежденіе независимой Польши русскимъ императоромъ [3]), извѣстный дипломатъ Поццо ди Борго, соотечественникъ Наполеона, но одинъ изъ непримиримѣйшихъ его враговъ [4]), и воспитатель Александра I, демократъ Лагарпъ [5]).

Послѣдній въ началѣ „не очень" понравился Тургеневу. Но онъ всегда старался „смотрѣть на него съ почтеніемъ, помня, что онъ принималъ участіе въ воспитаніи Государя". „Онъ, продолжаетъ Тургеневъ, могъ имѣть вліяніе на вселеніе въ умѣ Государя тѣхъ человѣколюбивыхъ и истинно благоразумныхъ правилъ, которыя ознаменовали поступки и дѣянія Монарха, обожаемаго Европой и имѣющаго право на признатель-

---

[1]) Дневникъ 1813 и 1814 г.

[2]) Lehmann, Stein, II, 10—11. „Zwischen ihm und Stein bestand ein Verhältniss gegenseitiger Achtung und Neigung. Stein nannte ihn einen sehr gebildeten und schätzbaren jungen Mann und der Fürst liess sich freudig von dem Älteren belehren".

[3]) См. краткую его біографію проф. Аскенази въ Album Biogr. Pol. XIX w; Alexandre I et le prince Czartoryski, Corresp. part. et convers. 1801—1813 publ. par. le prince Luwdig Czartoryski, Paris 1865.

[4]) Stein, III, 38; La Russie el les Russes I, 33 и сл., 443 и сл.

[5]) La Russie et les Russes I, 431—444.

ность отечества“ [1]). Впослѣдствіи Тургеневъ еще болѣе сочувственно отзывался о Лагарпѣ [2]).

Въ Парижѣ они очень сблизились. Лагарпъ читалъ Тургеневу юношескія письма своего царственнаго питомца, и Тургеневъ изучилъ Александра I съ хорошей стороны. Любовь и благоговѣніе, съ которыми онъ всегда говорилъ объ Александрѣ, возникли въ немъ именно благодаря чтенію восторженныхъ писемъ будущаго молодого вѣнценосца. Они посвятили Тургенева въ первые преобразовательныя работы Александра, и онъ получилъ понятіе о совѣщаніяхъ государя со своими просвѣщенными и высокоталантливыми друзьями Строгановымъ, Чарторыйскимъ, Новосильцевымъ и Кочубеемъ.

Съ Строгановымъ и Новосильцевымъ Тургеневъ сошелся еще въ Петербургѣ въ 1812 году, Кочубея Штейнъ тогда высоко цѣнилъ и съ Чарторыйскимъ Николай Ивановичъ встрѣчался у Штейна. Такъ завязался рядъ интересныхъ знакомствъ, важныхъ для будущаго политическаго реформатора.

О Поццо ди Борго Тургеневъ съ перваго знакомства отзывается сочувственно. Понравился ему также кн. Чарторыйскій. Бесѣды съ такими людьми были полезны для молодого Николая Ивановича. Онъ часто выступалъ съ своимъ мнѣніемъ противъ Штейна и Чарторыйскаго. Одинъ разъ заговорили о процессѣ графа Орлова съ мужиками графа Салтыкова. „Я, говоритъ Тургеневъ, сожалѣлъ о рѣшеніи его въ пользу наслѣдниковъ. St. и Чарторыйскій умные люди, недумающіе, какъ видно, что благоустроенное государство или что сама Россія должна созидать свое счастье на несправедливости, недумающіе, что *угнетеніе одного класса гражданъ другимъ можетъ когда-либо быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственно-добраго государства*,—были со мною согласны“ [3]).

Чѣмъ дальше Тургеневъ оставался при Штейнѣ, тѣмъ больше онъ къ нему привязывался. Въ Барсиробѣ (Bar sur Aube) онъ заноситъ въ дневникъ по поводу того, что Штейнъ сдалъ часть своихъ дѣлъ австрійцамъ и пруссакамъ, оставивъ за собой только начальство надъ русскими генералъ-губернаторами: „Ему дѣла эти надоѣли. Онъ скучаетъ. Мнѣ его

[1]) Дневникъ 1813 г. 3—15 марта.

[2]) Интересный эпизодъ разсказываетъ Тургеневъ въ La Russie et les Russes I, 431—32: Когда главная квартира оставила Баръ-сюръ-Объ, Лагарпъ немного задержался и поздно явился на слѣдующую стоянку. Такъ какъ всѣ квартиры были заняты, Тургеневъ предложилъ ему свою комнату, гдѣ была только одна кровать. Онъ убѣдилъ упиравшагося сначала Лагарпа отдохнуть на кровати, объяснивъ ему, что онъ никогда не допуститъ, чтобы человѣкъ, сумѣвшій внушить Александру I отвращеніе къ крѣпостному праву, спалъ на твердомъ полу.

[3]) Дневникъ 1813 и 1814, 2—14 марта 1814 г.

даже и жаль, сказать по просту; но по настоящему не дожно удивляться, что истинный и возвышенный талантъ всегда не довольно цѣнимъ". Очевидно, онъ сочувствовалъ Штейну, рвущемуся къ энергичной и широкой дѣятельности. Кромѣ того, онъ близко принималъ къ сердцу несправедливую оцѣнку заслугъ Штейна. Тотъ высказывалъ Тургеневу, что̀ у него накопилось на душѣ.

Самый цѣнный отзывъ о Штейнѣ, бросающій яркій свѣтъ на его характеръ и доказывающій, кромѣ того, тонкую наблюдательность Тургенева, такъ скоро успѣвшаго понять Штейна, кроется въ слѣдующихъ словахъ:

„Смотря на Штейна, можно нѣкоторымъ образомъ потерять честолюбіе (если кто его имѣетъ). Этотъ человѣкъ живетъ посреди людей, которые были свидѣтелями его заслугъ и дѣяній и которые должны чувствовать великое разстояніе между имъ и ними. Но эти люди его не любятъ. Можетъ быть, онъ нетерпѣливою откровенностью своею удаляетъ отъ себя нѣкоторыхъ. Но можно ли думать и принимать въ разсужденіе подобные сему недостатки, видя въ томъ же человѣкѣ великій умъ, благородство характера и чистую сердечную доброту. Мелкіе и слабые умы рады находить въ возвышенныхъ людяхъ недостатки. Но недостатокъ этого нетерпѣнія и безпокойной живости весьма замѣтенъ и легко представляется глазамъ глупцовъ и злыхъ, которые не упускаютъ хулить за то человѣка, жалѣть о немъ и радоваться внутренно. Но эта сволочь врядъ ли и хитрости довольно имѣетъ, чтобы сравнить оную съ умомъ и съ характеромъ того, кого они осуждать стараются" [1]).

Въ Барсиробѣ Александръ I рѣшилъ слѣдовать съ прусскимъ королемъ за дѣйствующими арміями въ Парижъ. Австрійскій императоръ съ своимъ штабомъ, кн. Гарденбергъ, Штейнъ съ своей канцеляріей и остальныя лица главной квартиры остались въ Барсиробѣ. Вдругъ въ 1 ч. ночи раздалась тревога, и было приказано всей главной квартирѣ собраться спѣшно и слѣдовать съ австрійскимъ императоромъ въ Шатильонъ и затѣмъ въ Дижонъ. Тургеневъ бросился къ Штейну, думая застать его крайне недовольнымъ, во-первыхъ, потому, что эти распоряженія должны были еще болѣе отдалить Штейна отъ Александра, на котораго онъ имѣлъ большое вліяніе, во-вторыхъ, потому, что разсуждая нѣсколько часовъ до этого о водвореніи Бурбоновъ, Штейнъ выразилъ свое сомнѣніе въ возможности этого. Но каково было удивленіе Николая Ивановича, когда, войдя въ комнату своего начальника, засталъ его вполнѣ одѣтымъ и увидѣлъ сіяющее отъ радости лицо. На вопросъ Тургенева, чему приписать это

---

[1]) Дневникъ 1813—1814 г. 18—31 марта 1814 года.

состояніе, Штейнъ отвѣтилъ: „Это самое благопріятное стеченіе обстоятельствъ. Царь, освободившись отъ Меттерниха и австрійцевъ, ѣдетъ въ Парижъ, можетъ самостоятельно дѣйствовать; онъ будетъ работать и дѣло скоро приблизится къ концу“. „Никогда, говоритъ Тургеневъ, я не забуду этихъ пророческихъ словъ, оставившихъ во мнѣ глубокое впечатлѣніе“ [1]).

Предсказаніе Штейна скоро сбылось. 3-го апрѣля союзныя арміи были въ Парижѣ. Получивъ эту вѣсть, Штейнъ въ сопровожденіи двухъ казаковъ поспѣшилъ туда, не взирая на опасности въ непріятельской странѣ, не обращая вниманія на разбой французскихъ партизановъ. Скоро за Штейномъ прибыла въ Парижъ главная квартира и Тургеневъ. Весь подъ впечатлѣніями, которыя въ немъ вызвало это важное историческое событіе, Николай Ивановичъ восторженно описываетъ въ дневникѣ шумныя оваціи, устраиваемыя Александру.

Что французы не рады были возвращенію Бурбоновъ, легко можно было замѣтить. И отъ Тургенева не ускользнуло это явленіе. Упоминая одинъ разъ въ дневникѣ о ненависти французовъ къ Бурбонамъ, онъ говоритъ: „Но между тѣмъ французскій народъ не видалъ еще никакого полезнаго дѣйствія революціи. Онъ остался безъ конституціи и въ деспотизмѣ. Какое несчастіе, какой стыдъ для цѣлаго народа! Драться, стараться убить короля за свободу, и потомъ послѣ жесточайшихъ войнъ притти на то же мѣсто, съ котораго пошли за 25 лѣтъ“.

Даже среди празднествъ и шума въ Парижѣ Николай Ивановичъ никогда не забывалъ Россію, все думалъ о желательныхъ въ своемъ отечествѣ реформахъ. Мы читаемъ въ дневникѣ одну весьма интересную запись [2]), которая бросаетъ свѣтъ на ходъ политическихъ идей въ Россіи послѣ освободительныхъ войнъ.

„Чего можно не ожидать въ теперешнемъ времени, начинаетъ Тургеневъ, вчера dans la grande Operà M-elle Vestris и M-elle Gardel плясали камаринскаго! О времена, о вѣкъ! Хорошо. Но я желаю чудесъ другого рода, но которыя послѣ того, что случилось, не должны казаться чудесами. Наша русская армія отличилась передъ всѣми другими не только храбростью, но и лучшимъ поведеніемъ. Теперь французы въ восхищеніи отъ нашихъ офицеровъ. Теперь возвратятся въ Россію много нашихъ русскихъ, которые видѣли, что безъ рабства можетъ существовать гражданскій порядокъ, и могутъ процвѣтать царства. Что можно сдѣлать умными распоряженіями и постановленіями! Послѣ того, что русскій на-

---

[1]) La Russie et les Russes, I, 39—40.
[2]) 25 апрѣля 1814 года.

родъ сдѣлалъ, что сдѣлалъ Государь, что случилось въ Европѣ, освобожденіе крестьянъ мнѣ кажется весьма легкимъ, и я поручился бы за успѣхи даже скораго переворота. Духъ разума, которымъ русскій народъ дышетъ вмѣстѣ съ атмосферою, предупредитъ безпорядки. Вотъ вѣнецъ, которымъ русскій Императоръ можетъ увѣнчать дѣла свои. Есть ли онъ этого не сдѣлаетъ, то нельзя и надѣяться на полную перемѣну. Надобно быть одушевлену тѣмъ духомъ, которымъ Провидѣніе одарило Александра. Надобно имѣть ту извѣстность, которую онъ получилъ теперь, и надобно имѣть ту славу. Но въ нашемъ монархѣ можетъ все это соединяться".

Историку понятенъ такой оптимизмъ и ожиданіе многими русскими людьми эпохи реформъ. И оно вполнѣ естественно. Вѣдь побѣдитель Александръ настаивалъ на томъ, чтобы французскому народу была дана конституція, которой лишилъ ихъ свергнутый теперь съ престола Наполеонъ. Неужели, думалъ Тургеневъ, государь не примется за реформу внутренняго состоянія Россіи, неужели онъ не освободитъ крѣпостныхъ крестьянъ? Увы! Это не сбылось. И Тургеневъ почти тридцать лѣтъ спустя долженъ былъ кореннымъ образомъ перемѣнить свое мнѣніе объ Александрѣ. „Почему, говоритъ онъ, я — русскій и не могу любить этого человѣка sans reserve, какъ Штейнъ его любилъ долгое время и какъ его еще любилъ Шатобріанъ? Это было бы для меня болѣе пріятно, потому что я ему лично столькимъ обязанъ... Къ сожалѣнію, дѣло обстоитъ не такъ. Онъ видѣлъ зло, разъѣдающее его страну, онъ проклиналъ это зло, онъ хотѣлъ его устранить, но онъ не осмѣлился это сдѣлать! Почему онъ не направилъ часть своей энергіи, проявленной имъ во время войнъ съ Наполеономъ, на то, чтобы осуществить въ своей странѣ полезныя реформы, которыя онъ только обѣщалъ? Онъ бы этимъ еще болѣе прославилъ свое имя. Богъ достаточно милостивъ, чтобы простить его, почему онъ не сдѣлалъ того, что онъ былъ въ состояніи сдѣлать, и почему онъ не предовращалъ зло тамъ, гдѣ могъ. Но какой честный человѣкъ можетъ его извинить въ томъ, что онъ не освободилъ отъ рабства своихъ подданныхъ, тогда какъ одного его слова было бы достаточно" [1]). Эти слова были сказаны послѣ полнаго разочарованія Тургенева въ возможности быстро провести реформы въ русской жизни. Пока, однако, въ Парижѣ, въ 1814 г. и послѣ этого въ Вѣнѣ, какъ дальше увидимъ, онъ еще глубоко вѣрилъ въ Александра и не терялъ надежды, что въ его царствованіе Россія переживетъ счастливые дни.

Въ Парижѣ Николай Ивановичъ остался до заключенія перваго Парижскаго мира 30 мая 1814 г. Время онъ проводилъ хорошо, посѣщалъ

---

[1]) La Russie et les Russes, I, 42—43.

масонскія ложи, и, вѣроятно, у него завязались связи съ французскими общественными дѣятелями. Онъ не переставалъ размышлять о Россіи. „Мысль о жизни въ Петербургѣ, заноситъ онъ въ дневникъ, никакъ не лѣзетъ въ въ голову мою“. Брату Александру онъ писалъ, что „Штейнъ намѣренъ оставить дѣла свои, представивъ Государю учредить коммиссію въ Франкфуртѣ подъ предсѣдательствомъ принца Solms—Licht для окончанія счетовъ и т. п.“.

Въ эту т. н. ликвидаціонную коммиссію, состоявшую изъ представителей Австріи, Пруссіи, Россіи и Швеціи, Николай Ивановичъ былъ назначенъ русскимъ комиссаромъ. Въ началѣ іюня 1814 г. мы его видимъ въ Франкфуртѣ, гдѣ комиссія занималась до сентября, когда была перенесена по желанію державъ въ Вѣну. Жизнь въ Франкфуртѣ прошла для Тургенева „весьма монотонно“. Чтобы заполнить свободное отъ обычныхъ занятій время, онъ задумалъ писать два разсужденія,—„объ участіи различныхъ державъ въ успѣхѣ послѣдней войны“ и „о томъ, чѣмъ правительство наше должно заняться въ теперешній столь важный періодъ времени для Россіи“. Но статей этихъ не написалъ. Что касается второй темы, то главную мысль ея мы отчасти знаемъ изъ предыдущихъ страницъ, а болѣе подробно придется о нихъ говорить въ слѣдующихъ главахъ. Это особенно важно для выясненія развитія политическихъ идей Тургенева. Sturm und Drangperiode будущаго политическаго дѣятеля, члена Союза Благоденствія и Сѣвернаго Тайнаго Общества были именно годы отъ 1813 до 1816.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Вишницеръ.

Послѣдніе дни жизни Гоголя.

(Изъ записной книжки В. С. Аксаковой)

Сообщенныя намъ О. Г. Аксаковой замѣтки о послѣднихъ дняхъ жизни Н. В. Гоголя взяты изъ записной книжки Вѣры Сергѣевны Аксаковой, старшей дочери автора „Семейной хроники“ и „Дѣтскихъ годовъ Багрова внука“ (родилась въ 1819, умерла въ 1864 году [1]). Объ отношеніяхъ Гоголя къ семьѣ Аксаковыхъ разсказано подробно С. Т. Аксаковымъ въ „Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ“ [2]). Въ числѣ матеріаловъ о Гоголѣ, тщательно сохраненныхъ въ аксаковской семьѣ и приведенныхъ С. Т. въ порядокъ для этой книги, находимъ выписку изъ письма Вѣры Сергѣевны къ матери Гоголя о послѣднихъ съ нимъ встрѣчахъ и нѣсколько строкъ о томъ же изъ письма къ С. Т. [3]). Сообщенія Вѣры Сергѣевны въ письмѣ къ Марьѣ Ивановнѣ Гоголь не расходятся, конечно, съ замѣтками въ ея книжкѣ, но замѣтки содержатъ много новыхъ и яркихъ подробностей; въ записной книжкѣ Вѣра Сергѣевна не стремилась къ сжатости и не руководилась соображеніями о томъ, какъ нѣкоторыя детали могли бы повліять на М. И. Гоголь.

Ред.

* * *

...30 Января 1853 года. Ровно годъ тому назадъ вечеромъ пріѣхалъ Гоголь къ намъ въ маленькій домъ, въ которомъ мы тогда жили [4]). Мы сидѣли въ отесинькиныхъ комнатахъ. Гоголь взошелъ и на нашъ вопросъ о его здоровьи сказалъ:

[1]) Характеристика Вѣры Сергѣевны Аксаковой будетъ предпослана ея дневнику за 1854—1855 годы, печатаніе котораго начнется въ ближайшей книгѣ нашего журнала. Сообщеніемъ этихъ матеріаловъ редакція обязана О. Г. Аксаковой.

[2]) Отрывокъ изъ этой работы—въ 3-мъ томѣ „Полнаго собранія сочиненій“ С. Т. Аксакова; въ полномъ видѣ сочиненіе занимаетъ всю 8-ю книжку „Русскаго Архива“ за 1890.

[3]) Русск. Арх. 1890, т. II (№ 8), стр. 196—198.

[4]) Зиму 52 года семья Аксаковыхъ жила въ своей деревнѣ Абрамцевѣ, а для больной дочери Сергѣя Тимофѣевича былъ снятъ въ Москвѣ маленькій домъ, въ которомъ жилъ съ ней постоянно кто-нибудь изъ семьи.

— Я теперь успокоился, сегодня я служилъ одинъ въ своемъ приходѣ панихиду по Катеринѣ Михайловнѣ; помянулъ и всѣхъ прежнихъ друзей, и она какъ бы въ благодарность привела ихъ такъ живо всѣхъ передо мной. Мнѣ стало легче [1]).

На наши слова, что онъ не былъ на вчерашней церемоніи, онъ отвѣчалъ: „я не былъ въ состояніи" [2]). Вполнѣ помню, онъ тутъ же сказалъ, что въ это время ѣздилъ далеко.

— Куда же?

— Въ Сокольники.

— Зачѣмъ?—спросили мы съ удивленіемъ.

— Я отыскивалъ своего знакомаго, котораго, однако же, не видалъ.

Разговоръ, разумѣется, касался большею частью Хомякова. Гоголь спрашивалъ, сколько его женѣ было лѣтъ, и вдругъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— А Вамъ сколько?

— Тридцать три—сказала я.

— А, такъ вы ровесница.

Гоголь въ самомъ дѣлѣ какъ-то былъ спокойнѣе.

1-го февраля,—это была пятница 1852 года—принесли намъ поутру корректуру „Ревизора", но, такъ какъ братья уѣхали въ деревню, я не знала, что съ ней дѣлать, и послала ее съ запиской къ Гоголю. Въ 12 часовъ утра онъ пришелъ самъ:

— Что значитъ,—я получилъ Вашу записку, но не получилъ корректуру! Меня дома не было: я былъ у обѣдни; возвратившись, нашелъ записку, но безъ корректуры".

Насъ это очень удивило, и я боялась, чтобы не пропала корректура. Гоголь сказалъ, что самъ пойдетъ въ типографію и спроситъ. Сказалъ, что былъ въ церкви, потому что въ тотъ день совершалась поминальная служба (вмѣсто субботы, такъ какъ въ субботу приходился праздникъ Срѣтенія), хвалилъ очень свой приходъ, священника и всю службу. Я сказала, что сама была у ранней обѣдни, видѣла въ первый разъ Хомякова послѣ его горя, что не рѣшилась къ нему подойти.

— Отчего же, напрасно,—сказалъ Гоголь,—это не могло ему быть непріятно. Напрасно,—прибавилъ онъ,—Хомяковъ выѣзжаетъ, былъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ и т. д.

---

[1]) Набранное разрядкой подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Здѣсь говорится о смерти жены А. С. Хомякова, Екатерины Михайловны. Она была сестра поэта Н. М. Языкова, друга Гоголя. Смерть ея (26 января 1852 г.) сильно потрясла Гоголя. Хоронили ее 29 января.

— Да,—сказала я,—конечно, напрасно, многіе скажутъ, что онъ не любилъ жены своей.

— Нѣтъ, не потому—возразилъ Гоголь,—а потому, что эти дни онъ долженъ былъ бы употребить на другое; это говорю не я, а люди опытные, онъ долженъ былъ бы читать теперь псалтырь, это было бы утѣшеніемъ для него, и для души жены его. Чтеніе псалтыри имѣетъ значеніе, когда читаютъ его близкіе, это не то, что раздавать читать его другимъ.

Говорили о М. А. [1]), о которой онъ очень жалѣлъ, что такая старая женщина не возбуждаетъ ни въ комъ къ себѣ расположенія, а всѣхъ раздражаетъ. Много говорили о впечатлѣніи, производимомъ смертью на окружающихъ; возможно ли было бы съ малыхъ лѣтъ воспитать такъ ребенка, чтобъ онъ всегда понималъ настоящее значеніе жизни, чтобъ смерть не была для него нечаянностью и т. д. Гоголь сказалъ, что думаетъ, что возможно. Тутъ я сказала, какъ ужасно меня поразило это впечатлѣніе и какъ все тогда перевернулось у меня передъ глазами.—Гоголь вдругъ перемѣнилъ разговоръ.

Въ это время пріѣзжалъ Оверъ [2]), я пошла его провожать къ Оленькѣ [3]), онъ оттуда прошелъ прямо и сказалъ мнѣ: „Несчастный!"

— Кто несчастный?—спросила я, не понимая,—да вѣдь это Гоголь!

— Да, вотъ несчастный!

— Отчего же несчастный?

Ипохондрикъ, не приведи Богъ его лечить, это ужасно!

— У него есть утѣшеніе,—сказала я,—онъ истинно-вѣрующій человѣкъ

— Все же несчастный—повторилъ Оверъ [4]).

Я возвратилась къ Гоголю, онъ въ это время сидѣлъ съ Наденькой, мы продолжали кой о чемъ говорить, предложили ему завтракать, онъ отказался. Онъ былъ постоянно веселъ, или скорѣе, свѣтелъ какъ-то и душой и лицомъ, намъ было отрадно его видѣть такимъ и ни тѣни безпокойства на его счетъ не входило къ намъ на умъ. День былъ ясный, солнечный, провожая его, я сказала ему шутя.

— Вы сегодня не работали?

— Нѣтъ.

---

[1]) Мать А. С. Хомякова.

[2]) Знаменитый московскій докторъ.

[3]) Хронически больная сестра Вѣры Сергѣевны.

[4]) Объ Оверѣ писала Вѣра Сергѣевна отцу въ Абрамцево: „Сегодня Оверъ удивилъ насъ своими разсужденіями о Гоголѣ. Какъ могъ онъ такъ истинно понять его и то, какъ должны были бы поступать съ нимъ друзья! Даже слишкомъ было больно слышать, что теперь... нельзя исправить. Но видно такъ Богу угодно, таковы судьбы Божіи и для Россіи. Но грустно, грустно... И никого близкихъ изъ нашихъ не было около него". Русск. Арх. 1890, II (8), стр. 196.

— Ну,—сказала я,—вы погуляли, теперь вамъ надобно поработать.

Онъ такъ свѣтло улыбнулся на эти слова.

— „Да, надобно бы, но не знаю, какъ удастся, моя работа такого рода—продолжалъ онъ говорить, уходя и надѣвая шубу,—что не всегда дается, когда хочешь".

Мы проводили его до передней и простились дружески.

3 февраля 1852 года въ воскресенье утромъ я была дома, когда пришелъ Николай Васильевичъ.

— Я пришелъ къ вамъ пѣшкомъ прямо отъ обѣдни—сказалъ онъ—и усталъ.

Въ его лицѣ точно было видно утомленіе хотя и свѣтлое, почти веселое выраженіе. Онъ сѣлъ тутъ же въ первой комнатѣ на диванѣ. Опять хвалилъ очень священника приходскаго [1]) и всю службу. Я сказала, что въ этой церкви вѣнчались отесинька и маменька.

—Въ самомъ дѣлѣ? Ну такъ скажите вашей маменькѣ, ей будетъ пріятно знать, что тамъ совершается такъ хорошо служба.

Я сообщила ему извѣстіе изъ деревни, что на другой день долженъ былъ пріѣхать братъ.

— Ваши братья скачутъ, какъ англійскіе курьеры въ чужихъ краяхъ, только и знаютъ, что ѣздятъ взадъ и впередъ (сколько лишнихъ хлопотъ). Вчера—прибавилъ онъ—получилъ я записку отъ Ольги Федоровны [2]). Какая-то безтолковая, она звала меня обѣдать, у ней долженъ былъ быть М. М. Нарышкинъ [3]), только написала такъ, что я не вдругъ догадался, когда она меня звала, и уже было поздно, я обѣдать бы и безъ того не могъ идти, но послѣ пришелъ бы повидаться съ Нарышкинымъ.

— Что вы дѣлали эти дни?—спросила я его.

— Зачѣмъ вамъ?—сказалъ онъ.

— Были ли Вы у Хомякова?

— Нѣтъ еще не былъ.

Мнѣ кажется, ему слишкомъ было тяжело къ нему ходить; опять говорили мы о значеніи чтенія псалтыри. Я спросила его о корректурѣ; онъ сказалъ, что самъ былъ въ типографіи и все устроилъ; говорили о печатаніи „Охотничьихъ Записокъ" [4]). Я сказала, что очень тихо идетъ.

---

[1]) Это былъ от. Алексѣй Соколовъ, скончавшійся въ девяностыхъ годахъ въ санѣ протопресвитера храма Христа Спасителя.

[2]) Ольга Федоровна Кошелева.

[3]) Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ.—декабристъ, возвращенный въ то время изъ Сибири

[4]) Это—„Записки ружейнаго охотника" С. Т. Аксакова.

— Вы бы сами держали корректуру—сказалъ онъ.

— Не умѣю.

— Да это вовсе нетрудно, стоитъ только выучиться этимъ знакамъ, я Вамъ сейчасъ покажу, дайте мнѣ какую-нибудь книгу.

Я подала ему „Москвитянинъ"; онъ досталъ свою карманную книжку, вынулъ оттуда карандашъ, развернулъ журналъ и показалъ примѣрно нѣсколько знаковъ. Въ это время воротилась Наденька, я ей сообщила полученныя извѣстія и что ей предстоитъ скоро ѣхать въ деревню.

— Да,—прибавилъ Гоголь,—Вы и не знаете, а Вамъ уже назначенъ маршрутъ.

Я сказала, нельзя ли устроить какъ-нибудь намъ пѣсни, а Гоголь сказалъ:

— Когда же? уже лучше на масляницѣ.

— На масляницѣ Наденька [1]), можетъ быть, уѣдетъ.

—-Да, въ самомъ дѣлѣ—прибавилъ Гоголь, но тѣмъ разговоръ объ этомъ и кончился. Я попросила перейти въ другую комнату, сообщила Наденькѣ корректурные знаки, которымъ училъ меня Николай Васильевичъ. Онъ же самъ прибавилъ, что совѣтовалъ бы намъ заняться этимъ, что за это можно даже деньги получать, что онъ нанимаетъ теперь корректора и платитъ ему за одинъ томъ 100 руб. (кажется, за вторую корректуру). Мы разспрашивали его о его печатаніи сочиненій, какъ оно идетъ; онъ говоритъ, что онъ роздалъ въ разныя типографіи, что идетъ довольно медленно, что ему мѣшаютъ. Мы звали его приходить къ намъ съ корректурой и у насъ ее поправлять, онъ обѣщалъ и такъ мы простились.

4 февраля (1852 года) я сидѣла въ нашей маленькой гостиной съ Митей Карташевскимъ [2]) (братъ Константинъ, Митя и Любенька только что пріѣхали изъ деревни, самоваръ былъ на столѣ). Мы говорили очень живо о Карташевскихъ. Передняя комната была темна, портьерка въ нее поднята, я услышала чьи-то шаги, но не обратила въ первую минуту на то вниманіе, думая, что это братъ. Шаги приблизились, я обернулась,—то былъ Гоголь; я ему обрадовалась чрезвычайно: вовсе его не ожидала. Онъ спросилъ, пріѣхалъ ли братъ, и, узнавъ, что онъ у Хомякова, сказалъ, что самъ туда зайдетъ; спросилъ меня о здоровьи, такъ какъ наканунѣ я была нездорова. Усѣлся въ углу дивана, разспрашивалъ о томъ, о другомъ, въ лицѣ его видно было какое-то утомленіе и сонливость. Кошелева прислала звать насъ съ Наденькой къ ней, я ему предложила ѣхать туда же.

[1]) Одна изъ сестеръ, которая имѣла голосъ и пѣла подъ руководствомъ Гоголя малороссійскія пѣсни, что онъ очень любилъ.

[2]) Двоюродный братъ В. С. Аксаковой.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я не могу, мнѣ надобно зайти еще къ Хомякову, а тамъ домой, я хочу пораньше лечь, сегодня ночью я чувствовалъ ознобъ, впрочемъ, онъ мнѣ особенно спать не мѣшалъ.

— Это, вѣрно, нервный,—сказала я.

— Да нервное—подтвердилъ онъ совершенно спокойнымъ тономъ.

— Что же вы не пришли къ намъ съ корректурой?—спросила я.

— Забылъ, а сейчасъ просидѣлъ надъ ней около часу.

— Ну въ другой разъ приносите.

Но этому другому разу не суждено было повториться! Гоголь просидѣлъ не долго, простился по обыкновенію, подавши намъ руку на прощанье, и ушелъ. Это было послѣднее свиданіе. Какъ нарочно, я не пошла его провожать далѣе, потому что собиралась ѣхать. Ничто не сказало мнѣ, что болѣе его не увижу.

Мы всѣ были поражены его ужасной худобой. „Ахъ какъ онъ худъ, какъ онъ худъ страшно“—говорили мы...

Къ исторіи второго съѣзда Р. С.-Д. Р. Партіи.

Въ февральской книжкѣ „Минувшихъ Годовъ“ мною собранъ матеріалъ о первомъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П. Въ настоящее время я хочу сообщить нѣкоторыя данныя о работахъ второго съѣзда. Опубликовать свѣдѣнія о томъ, какъ онъ былъ подготовленъ и организованъ — лежитъ на обязанности бывшихъ членовъ Организаціоннаго Комитета, я могу только отмѣтить нѣсколько важныхъ обстоятельствъ, которыя ими при этомъ, вѣроятно, будутъ упущены, ибо Организаціонный Комитетъ отнюдь не былъ внѣ борьбы фракцій стоявшимъ учрежденіемъ. Точно также мнѣ нѣтъ надобности описывать самый ходъ работъ второго съѣзда, ибо онѣ достаточно полно и точно отражены въ протоколахъ съѣзда, изданныхъ по его постановленію уполномоченною имъ комиссіею; но я долженъ опубликовать докладъ мой, представленный съѣзду отъ имени Союза Русскихъ Соціалдемократовъ за границей, и не нашедшій мѣста въ протоколахъ, какъ, впрочемъ, и многіе другіе доклады. Такимъ образомъ, въ этой статьѣ я выступаю лишь какъ свидѣтель, дающій свои показанія для будущаго историка партіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я приглашаю другихъ свидѣтелей этого событія опубликовать гдѣ-либо имѣющіяся у нихъ данныя объ этомъ вопросѣ: въ эпоху политическаго затишья мы должны запечатлѣть для нашихъ продолжателей событія минувшаго.

Въ апрѣлѣ 1902 г., по иниціативѣ Союза Русскихъ Соціалдемократовъ за границей, была созвана конференція представителей главнѣйшихъ организацій партіи для выработки текста общероссійской майской прокламаціи и обсужденія вопроса о созывѣ второго съѣзда партіи. Конференція состоялась въ Бѣлостокѣ и была результатомъ многолѣтней подготовительной работы союза. Первою и неудачною попыткою такого рода было приглашеніе, переданное всѣмъ комитетамъ партіи, послать своихъ делегатовъ въ

Парижъ на международный соціалистическій конгрессъ 1900 года, съ цѣлью превратить русскую делегацію этого конгресса въ конференцію партійныхъ организацій, могущую принимать общепартійныя рѣшенія въ виду отсутствія Центральнаго Комитета.

Это приглашеніе было передано спеціальнымъ посланнымъ Союза, Гришинымъ, объѣхавшимъ нелегально главнѣйшіе центры движенія; но на него откликнулись только двѣ организаціи. Союзъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ лишь для того, чтобы съ помощью этихъ двухъ делегатовъ выработать планъ дальнѣйшей работы по созыву конференціи. Тогда же было написано круговое письмо Союза ко всѣмъ организаціямъ партіи, которое я здѣсь привожу. Оно было составлено Б. Н. Кричевскимъ, редактировано администраціей Союза и одобрено на собраніи членовъ союза и двухъ вышеупомянутыхъ лицъ. Вотъ это письмо:

Русское соціалдемократическое движеніе стоитъ въ настоящій моментъ передъ новыми задачами. Развившись за послѣдніе пять лѣтъ на почвѣ массоваго стачечнаго движенія, оно успѣло выработать цѣлесообразныя формы агитаціоннаго воздѣйствія на широкую массу въ области экономической борьбы. Старые споры начала и середины 90-хъ годовъ о пропагандѣ и агитаціи были разрѣшены практическимъ опытомъ и навсегда отошли въ прошлое.

Но то же массовое движеніе, неизбѣжно поставившее лицомъ къ лицу борющіеся слои рабочихъ съ самодержавнымъ строемъ, всюду выдвинуло передъ соціалдемократами задачу политической агитаціи Задача эта все болѣе и болѣе назрѣвала, по мѣрѣ того, какъ стачечное движеніе повлекло въ борьбу рабочую массу и приводило ее въ столкновеніе съ . . . . режимомъ. Подъемъ политическаго уровня нашего движенія замѣчается повсюду, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ. Однако этотъ подъемъ въ общемъ совершается, можно сказать, ощупью. Русскія соціалдемократическія организаціи еще далеки отъ тѣхъ систематическихъ пріемовъ и формъ политической агитаціи, которые уже выработаны нашими польскими и еврейскими товарищами. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что онѣ переживаютъ теперь такой же переходный моментъ, какъ и въ серединѣ 90-хъ годовъ. Какъ тогда совершался переходъ отъ пропаганды къ агитаціи, такъ теперь совершается переходъ отъ преимущественно экономической агитаціи къ политической. Этимъ переходнымъ, а стало быть, неопредѣленнымъ состояніемъ нашего движенія объясняется та неудовлетворенность прежней дѣятельностью, которую можно прослѣдить на многихъ фактахъ послѣдняго времени.

Отдѣльныя уклоненія отъ общей соціалдемократической программы, въ родѣ credo, съ одной стороны, и замѣтно усиливающіяся террористическія тенденціи—съ другой, несомнѣнно отражаютъ чувство неудовлетворенности постановкой тактическихъ вопросовъ въ нашемъ движеніи. И, какъ это ни странно на первый взглядъ, и крайніе „экономисты" и крайніе „политики" въ сущности стоятъ на общей почвѣ, со-

знательно или безсознательно исходя изъ одного и того же взгляда на политическую самодѣятельность рабочаго класса. Если авторы credo отдѣляютъ политическую борьбу отъ экономической борьбы рабочихъ, предоставляя первую либеральной оппозиціи въ союзѣ съ соціалдемократами и иной интеллигенціей, то сторонники терроризма суживаютъ политическую борьбу до заговорщицкой дѣятельности, которая по необходимости должна оставаться чуждой рабочей массѣ. Такъ что въ концѣ концовъ рабочая масса въ обоихъ случаяхъ оставалась бы въ сторонѣ отъ активной политической борьбы.

Обѣ крайности стали возможными единственно потому, что русскіе соціалдемократы еще не выработали опредѣленныхъ средствъ массовой политической борьбы.

Между тѣмъ въ настоящее время эта задача не только назрѣла, но и выполнима для силъ нашихъ организацій. Затишье, наступившее въ стачечномъ движеніи вслѣдствіе застоя въ промышленности и отчасти уже проявляющагося промышленнаго кризиса, освобождаетъ много силъ для чисто политической агитаціи, т. е. для широкаго политическаго воздѣйствія на массу, подготовленную къ этому предшествовавшимъ періодомъ стачечной борьбы. Этимъ затишьемъ можно и должно воспользоваться для выработки общихъ средствъ политической борьбы рабочаго класса.

Мы далеки отъ желанія нивеллировать движеніе во всей Россіи отъ желанія связывать догматическими узами дѣятельность отдѣльныхъ организацій. Даже въ Западной Европѣ, даже въ такой сплоченной и единой партіи, какъ германская соціалдемократія, уживаются рядомъ разнообразные тактическіе пріемы въ соотвѣтствіи съ данными мѣстными условіями. Но единство партіи и ея успѣшное развитіе требуютъ, чтобы всѣ разнообразные пріемы служили не только одной и той же програмной, но и одной и той же тактической цѣли. Для русской соціалдемократіи въ данный моментъ такой общей тактической цѣлью является какъ можно болѣе быстрое вовлеченіе рабочей массы въ политическую борьбу. Къ этой общей цѣли и должны быть направлены всѣ разнообразные способы дѣятельности нашихъ организацій.

Главнымъ препятствіемъ на пути къ тактическому объединенію русскихъ соціалдемократовъ является ихъ организаціонная разрозненность, отсутствіе ценральной организаціи и даже центральнаго органа партіи. Организаціонное объединеніе является насущной задачей не только въ интересахъ чисто практическихъ или техническихъ, но и также—что еще важнѣе—въ интересахъ тактическаго объединенія нашей партіи, отъ котораго несомнѣнно зависитъ ея ближайшее будущее. Указанныя выше уклоненія въ противоположныя стороны отъ главнаго соціалдемократическаго русла—это симптомы, угрожающіе нашей партіи потерей силъ въ томъ случаѣ, если она въ ближайшемъ же будущемъ не сумѣетъ справиться съ назрѣвшими политическими задачами.

Вотъ почему настоятельно необходимо устройство 2-го съѣзда партіи, единственной инстанціи, которая въ состояніи положить конецъ организаціонной разрозненности, такъ вредно отзывающейся на всей дѣятельности русскихъ соціалдемократовъ. Нельзя ждать со съѣздомъ

до тѣхъ поръ, пока дѣятельность отдѣльныхъ организацій, такъ сказать, сама собой разрѣшитъ тактическія и организаціонныя задачи въ духѣ единства.

Обязанность соціалдемократовъ ускорить этотъ подчасъ медленный процессъ, пользуясь уже выработанными элементами единства. Время не терпитъ. Намъ необходимо отрѣзать всѣмъ противникамъ соціалдемократіи всякую возможность сѣять тамъ, гдѣ они не пахали. Вспаханная соціалдемократами почва должна быть засѣяна соціалдемократическими же сѣменами политической агитаціи.

Первый съѣздъ партіи формулировалъ общіе програмные принципы. Задачей второго съѣзда должна быть формулировка той детальной программы, которая предвидѣлась въ „Манифестѣ" партіи, но до сихъ поръ не была выработана, и въ связи съ этимъ, въ особенности выработка общихъ средствъ политической борьбы рабочаго класса—средствъ, примѣненіе которыхъ будетъ, разумѣется, зависѣть отъ состоянія движенія и количества наличныхъ силъ въ отдѣльныхъ районахъ, но которыя, тѣмъ не менѣе, являются общимъ руководящимъ правиломъ тактики, путеводной нитью для дѣятельности всѣхъ нашихъ организацій. Возьмемъ примѣръ. Съѣздъ, положимъ, высказывается за необходимость политическихъ демонстрацій. Отсюда вовсе не будетъ слѣдовать, что всѣ наши организаціи обязаны немедленно же и при всякихъ условіяхъ устраивать такія демонстраціи; но рѣшеніе съѣзда несомнѣнно обяжетъ всѣ организаціи приложить всѣ усилія къ тому, чтобы устройство политическихъ демонстрацій стало возможнымъ въ ближайшемъ времени.

Далѣе, 2-й съѣздъ долженъ будетъ положить прочное начало организаціоннаго объединенія партіи при помощи центральнаго комитета, главной функціей котораго будетъ являться, помимо изданія центральнаго органа, урегулированіе помощи отдѣльнымъ организаціямъ людьми, литературой и деньгами. О важности этой функціи распространяться незачѣмъ. Всѣмъ дѣйствующимъ соціалдемократамъ хорошо извѣстно, насколько наше движеніе страдаетъ въ практическомъ отношеніи отъ отсутствія или слабости связей между отдѣльными районами.

Наконецъ, созданіе центральнаго органа партіи обезпечило бы сохраненіе созданнаго съѣздомъ тактическаго единства, а также дальнѣйшее всестороннее выясненіе тактическихъ вопросовъ, которые могутъ рѣшаться только путемъ живого обмѣна мыслей между дѣятелями различныхъ районовъ, путемъ обмѣна результатами практическаго опыта всѣхъ мѣстныхъ организацій.

Уже первый съѣздъ, положившій основаніе партіи, сослужилъ нашему движенію большую службу. Что объединеніе, хотя бы только моральное, составляло жизненную задачу русской соціалдемократіи уже въ 98 г.,—доказываетъ тотъ фактъ, что всѣ соціалдемократическія организаціи приняли названіе „Комитетовъ Р. С.-Д. Р. П.", даже и тѣ, которыя не участвовали въ съѣздѣ или возникли позже. Притомъ названіе „Комитетовъ Партіи" отнюдь не было однимъ ярлыкомъ, такъ какъ оно предполагало и предполагаетъ солидарность съ „Манифестомъ" и организаціонными рѣшеніями 1-го съѣзда. За послѣдніе два года это

названіе сдѣлалось популярнымъ среди интеллигенціи и рабочихъ и получило прямо агитаціонное значеніе. И никто, конечно, не думаетъ о томъ, чтобы отказаться отъ цѣнной моральной связи установленной 1-мъ съѣздомъ.

Теперь наступило время возобновить дѣло 1-го съѣзда и превратить моральную связь въ тѣсную организаціонную связь, которая усилила бы наше движеніе качественно и количественно.

Въ виду сказаннаго, нижеподписавшаяся организація обращается къ вамъ, товарищи, съ предложеніемъ взять на себя иниціативу созыва 2-го съѣзда Р. С.-Д. Р. П. Вмѣстѣ съ тѣмъ нижеподписавшаяся организація предлагаетъ слѣдующій порядокъ дня 2-го съѣзда:

I. Регламентъ работъ съѣзда (повѣрка мандатовъ, установленіе порядка дня, способъ составленія протоколовъ и пр.).

II. Доклады делегатовъ о состояніи движенія въ данномъ районѣ.

III. Выработка детальной программы партіи.

IV. Тактика партіи: а) экономическая и политическая борьба, в) средства и формы экономической борьбы, с) средства и формы политической борьбы рабочаго класса.

V. Отношеніе къ другимъ партіямъ.

VI. Организація партіи: а) районныя организаціи и Центральный Комитетъ, в) центральный органъ, районные органы партіи и проч.

Союзъ Русскихъ Соц.-Дем. за границей.

Этотъ документъ свидѣтельствуетъ, насколько невѣрны были утвержденія будто бы „такъ называемые экономисты" отрицали необходимость политической борьбы или игнорировали ее. Это письмо было изготовлено во многихъ копіяхъ на ремингтонѣ и доставлено всѣмъ комитетамъ партіи. Оно было извѣстно группѣ „Искра", возникшей какъ разъ въ это время — осенью 1900 года. Но группа изъ фракціонныхъ цѣлей упорно замалчивала этотъ документъ и настойчиво увереждала, что она *вопреки* тенденціямъ „такъ называемыхъ экономистовъ" вноситъ политическія задачи въ дѣятельность партіи.

Результатомъ этой пропаганды идеи съѣзда явилась Бѣлостокская конференція. На ней были выработаны требованія майской прокламаціи, распредѣлены обязанности по ея изготовленію и доставкѣ и выбранъ Организаціонный Комитетъ для созыва второго съѣзда. Хотя члены конференціи почти всѣ были арестованы тотчасъ послѣ нея, но рѣшенія, которыя они приняли, все же были исполнены.

Майская прокламація и брошюра были распространены съ небывалымъ до того времени успѣхомъ. Организаціонный Комитетъ былъ возстановленъ, но только въ существенно измѣненномъ видѣ, благодаря тому, что къ этому времени въ партіи усилились иныя тенденціи, подъ вліяніемъ идей политическаго радикализма, охватившаго всю страну, и господствующее вліяніе пріобрѣла группа „Искры".

Новый Организаціонный Комитетъ конституировался на конференціи въ октябрѣ 1902 года. На основаніи постановленія Бѣлостокской конференціи Организаціонный Комитетъ долженъ былъ состоять изъ двухъ частей: русской и заграничной, въ которую входили, между прочимъ, делегатъ Союза Русскихъ Соціалдемократовъ, т. е. организаціи, завѣдомо стоящей на иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ группа „Искры“, а также делегатъ заграничнаго Комитета „Бунда“, также расходившагося съ „Искрою“. Но на октябрьскую конференцію, созванную „Искрою“, Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ не былъ приглашенъ и тѣмъ былъ произвольно отстраненъ отъ важнаго общепартійнаго дѣла.

Въ докладѣ Организаціоннаго Комитета съѣзду, напечатанномъ въ протоколахъ съѣзда, сказано, будто бы инициаторы октябрьской конференціи „обратились съ приглашеніемъ съѣхаться къ тѣмъ организаціямъ, которыя были участниками первой конференціи“; но это невѣрно, такъ какъ Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ никакого приглашенія не получалъ.

Въ работахъ апрѣльской конференціи принималъ участіе также делегатъ Петербургскаго Комитета, который въ то время рѣзко расходился съ „Искрою“. Сторонники „Искры“ въ Петербургскомъ Комитетѣ, убѣдившись въ томъ, что они не могутъ обратить Комитетъ „на путь истины“, произвели въ немъ лѣтомъ 1902 года переворотъ, воспользовавшись отсутствіемъ на лѣто нѣсколькихъ членовъ Комитета; свои дѣйствія они сами признавали нарушеніемъ устава и постановленій Комитета, но оправдывались „интересами дѣла“ и называли свои поступки „истинно-революціонными“, не считающимися съ „формальностями“. Это создало расколъ въ Комитетѣ, и съ осени 1902 года въ Петербургѣ мы находимъ уже двѣ организаціи, изъ которыхъ каждая называла себя Комитетомъ Партіи.

Но на октябрьской конференціи присутствовалъ уже только представитель „Искровской“ Петербургской Организаціи. (См. протоколъ, стр. 20) Кто имѣлъ право и каковы были основанія устранить вторую организацію? Кто, по крайней мѣрѣ, разбиралъ споръ между двумя петербургскими организаціями о правѣ называться Комитетомъ Партіи? Октябрьская конференція была дѣломъ „Искры“, и потому тамъ эти вопросы не возникали. Между тѣмъ впослѣдствіи вторая петербургская организація, такъ называемый, „Рабочій Комитетъ“, доказала на третейскомъ судѣ свое право называться Комитетомъ Партіи, и потому его делегатъ присутствовалъ на второмъ съѣздѣ, но цѣль „Искры“ была уже достигнута: отъ дѣла *организаціи* съѣзда онъ былъ отстраненъ.

„Представитель Бунда не явился на октябрьскую конференцію“, какъ коротко сказано въ докладѣ Организаціоннаго Комитета съѣзду. На самомъ же дѣлѣ Бундъ тоже не былъ приглашенъ. Правда, это произошло

по винѣ одного лишь изъ будущихъ членовъ Организаціоннаго Комитета, Павловича, которому было поручено передать Бунду приглашеніе. Павловичъ былъ противъ этого приглашенія, желая, чтобы конференція была чисто „Искровская", и онъ совершенно логично разсуждалъ, что если инціаторы конференціи сознательно неправильно отстраняютъ отъ дѣла двѣ организаціи и лишь не берутъ на себя смѣлость отстранить такую вліятельную и сильную, какъ Бундъ, то онъ можетъ взять эту смѣлость на себя... Какъ бы то ни было, всѣ антиискровскіе элементы были отстранены отъ октябрьской конференціи и отъ дѣла подготовки съѣзда.

„Было рѣшено, читаемъ мы дальше въ докладѣ, образовать Организаціонный Комитетъ изъ представителей тѣхъ организацій, которые вошли въ составъ Организаціоннаго Комитета по постановленію апрѣльской конференціи". „Апрѣльскій Организаціонный Комитетъ былъ составленъ изъ представителей трехъ организацій: Искры, Бунда и Союза Южныхъ Комитетовъ". Это опять таки невѣрно, потому что при этомъ была произвольно уничтожена заграничная часть Комитета и, кромѣ того, не принято въ расчетъ, что Союзъ Южныхъ Комитетовъ уже не существовалъ въ это время, что стало извѣстно инціаторамъ новаго Организаціоннаго Комитета, по словамъ доклада, во время октябрьской конференціи.

Воронежскій Комитетъ тогда же протестовалъ противъ этихъ явныхъ нарушеній рѣшеній апрѣльской конференціи и требовалъ, чтобы Организаціонный Комитетъ былъ пополненъ представителями заграничнаго Союза и Петербургскаго Рабочаго Комитета. Онъ тяжело поплатился за эту дерзость: его не пустили на съѣздъ. На цѣлой страницѣ докладъ Организаціоннаго Комитета описываетъ, какъ долго онъ возился съ одесскою группою „Рабочая Воля", „возникшей, правда, еще до 1-го мая прошлаго года, но не проявлявшей почти никакой дѣятельности до осени прошлаго года". Этимъ составители доклада, очевидно, хотѣли показать свое безпристрастіе въ дѣлѣ приглашенія различныхъ организацій на съѣздъ. Но организація, носившая тогда имя Воронежскаго Комитета, возникла еще въ 94 году и все время непрерывно вела работу, пережила нѣсколько разгромовъ, выпустила за послѣдній годъ девять прокламацій; къ тому же это былъ единственный комитетъ, состоявшій изъ рабочихъ; но съ нимъ разговоръ былъ коротокъ!

Семнадцати организаціямъ Организаціонный Комитетъ сообщилъ, что они не могутъ послать делегатовъ на съѣздъ, въ томъ числѣ значится въ докладѣ и Воронежскій Комитетъ; но на самомъ дѣлѣ онъ этого извѣщенія не получилъ и потому не могъ прибѣгнуть къ третейскому суду, для защиты своихъ правъ, какъ это сдѣлали девять другихъ организацій. Предвидя опасность быть устраненнымъ отъ съѣзда, Воронежскій Комитетъ

задолго до съѣзда просилъ Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ потребовать для него третейскаго суда въ случаѣ, если его постигнетъ месть со стороны Организаціоннаго Комитета. Но Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ до послѣдняго момента самъ былъ оставленъ безъ увѣдомленія о томъ, какія организаціи были приглашены на съѣздъ, какія отстранены и когда состоится съѣздъ.

Такая же судьба постигла и заграничную группу „Борьба". Это была единственная группа, выпустившая до съѣзда нѣсколько брошюръ по вопросу о программѣ. Эта группа имѣла съ Воронежскимъ Комитетомъ только одну общую черту: она была антиискровской. И вотъ не осталось ни одной антиискровской группы, которая не была бы отстранена въ большей или меньшей степени отъ дѣла съѣзда или отъ дѣла его подготовки. Протесты противъ этого на самомъ съѣздѣ не могли ни къ чему привести: въ комиссію по повѣркѣ мандатовъ были избраны исключительно искровцы, кромѣ Юдина изъ Бунда. Но Бундъ и при этомъ держался своей тактики невмѣшательства по вопросамъ имѣющимъ „лишь" принципіальный интересъ. Юдинъ видѣлъ, что Воронежскій Комитетъ неправильно устраненъ, онъ задалъ въ комиссіи цѣлый рядъ вопросовъ и на всѣ ихъ получилъ благопріятный для устраненнаго Комитета отвѣтъ. Тогда онъ... воздержался отъ голосованія.

Но въ уставѣ съѣзда, выработанномъ Организаціоннымъ Комитетомъ, былъ „либеральный" пунктъ, оставлявшій возможность проникнуть на съѣздъ и несогласно мыслящимъ элементамъ. Каждый комитетъ имѣлъ два мандата, чтобы можно было—какъ разъяснялось въ уставѣ—представить на съѣздъ взгляды не только большинства членовъ комитета, но и меньшинства: представитель антиискровскихъ взглядовъ могъ попасть на съѣздъ, какъ делегатъ организаціи, которая въ своемъ большинствѣ стояла на искровской точкѣ зрѣнія.

Однако, если сторонники „Искры" въ Организаціонномъ Комитетѣ нашли нужнымъ и полезнымъ отстранить по мѣрѣ возможности отъ съѣзда представителей „смуты" въ нашей партіи, то тѣмъ болѣе должны были придерживаться этого правила ученики этой школы внутри комитетовъ. — Костичъ выразился объ этомъ на съѣздѣ такъ: „я спеціально интересовался этимъ вопросомъ и оказалось, что всѣ комитеты, въ которыхъ есть большинство и меньшинство, послали обоихъ делегатовъ отъ большинства". Въ протоколахъ съѣзда эти слова *Костича* переданы такъ: „... большинство выберетъ всегда двухъ своихъ делегатовъ" (стр. 259); но приведенныя мною выше слова Костича, взятыя мною изъ моихъ личныхъ записокъ на съѣздѣ, подтверждаются протоколами въ рѣчахъ тѣхъ, кто тогда же отмѣ-

тилъ эти слова Костича [1]). Слова Костича не вызвали опроверженія ни съ чьей стороны.

Наконецъ, оставался еще одинъ путь для того, чтобы дать возможность меньшинству партіи защищать свои взгляды на съѣздѣ. По уставу съѣзда Организаціонный Комитетъ могъ пригласить съ правомъ совѣщательнаго голоса товарищей, оказавшихъ соціалдемократическому движенію особыя услуги и являющихся выразителями различныхъ теченій внутри партіи. Но такими заслуженными товарищами оказались опять таки одни искровцы за исключеніемъ одного члена Бунда. Бунду такимъ образомъ былъ удѣленъ и почетъ въ той же пропорціи, какъ и вліяніе — 10 процентовъ.

Организаціонный Комитетъ не счелъ своею обязанностью пригласить на съѣздъ и выслушать хотя бы, напримѣръ, Б. Н. Кричевскаго. Кричевскій принималъ участіе въ соціалдемократической работѣ въ Россіи еще въ концѣ 80-хъ годовъ. Будучи вынужденъ бѣжать по выходѣ изъ тюрьмы, онъ сейчасъ же занялъ видное мѣсто въ международной соціалдемократической литературѣ. Уже въ 1890-мъ году онъ писалъ въ издававшемся Группою „Освобожденіе Труда" журналѣ „Соціалдемократъ" и помѣстилъ рядъ статей въ Die Neue Zeit. Позже, разойдясь съ Группою „Освобожденіе Труда", онъ принялъ руководство „Соціалдемократическою Библіотекою", издававшеюся въ Цюрихѣ Грозовскимъ, и въ 94—96 г.г. написалъ нѣсколько брошюръ, пользовавшихся большимъ успѣхомъ, а также перевелъ „Эрфуртскую программу" Каутскаго, „Трудъ и Капиталъ" и „18-ое брюмера" Маркса. Съ 98-го года онъ былъ членомъ редакціи Союза Русскихъ Соціалдемократовъ, а затѣмъ и единственнымъ редакторомъ изданій Союза. Подъ его руководствомъ такимъ образомъ было издано 72 выпуска брошюръ, листковъ и книжекъ „Рабочаго Дѣла" — количество, по тѣмъ временамъ, громадное. Въ какой мѣрѣ онъ являлся выразителемъ тогдашнихъ взглядовъ русскихъ соціалдемократовъ, видно изъ того, что „Искра", начавшая борьбу съ этими взглядами, вела ее именно—главнымъ образомъ и прежде всего—противъ Кричевскаго. Въ то же время Кричевскій сотрудничалъ въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ газетахъ. Семь лѣтъ состоялъ онъ постояннымъ сотрудникомъ центральнаго органа нѣмецкой соціалдемократіи, Vorwärts'а, и при томъ въ весьма отвѣтственномъ и сложномъ отдѣлѣ французскаго движенія, а также продолжалъ писать въ научномъ журналѣ этой партіи, Die Neue Zeit. Уже послѣ того какъ полемика „Искры" съ Кричевскимъ была перенесена въ западно-европейскую прессу, Каутскій

---

[1]) См. рѣчи Гольдблата, Либера и мою; стр. 260, 261. См. также въ „отчетѣ делегаціи Бунда"—Женева 1903, стр. 52.

просилъ его снова писать въ его органѣ. Кричевскій на это отвѣтилъ, что онъ могъ бы продолжать сотрудничать лишь въ томъ случаѣ, если бы ему было обѣщано, что его статьи будутъ печататься безъ всякихъ редакціонныхъ измѣненій. Каутскій и на это согласился.

Кромѣ всего этого, Кричевскій былъ ко времени съѣзда представителемъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи въ Международномъ Соціалистическомъ Бюро—выборъ его русскою делегаціей Парижскаго Международнаго Съѣзда былъ утвержденъ въ 1900 г. всѣми комитетами Партіи. Но, очевидно, все это уничтожалось тѣмъ фактомъ, что Кричевскій велъ борьбу съ искризмомъ и его присутствіе на съѣздѣ было признано лишнимъ.

Нѣсколькими членами съѣзда, и даже Организаціоннаго Комитета было предложено пригласить съ совѣщательнымъ голосомъ Н. Рязанова, какъ единственнаго изъ старыхъ соціалдемократовъ выступившаго въ литературѣ съ критикою проэкта партійной программы [1]). По этому поводу на съѣздѣ возгорѣлась борьба, показавшая, что лидеры съѣзда не остановятся ни передъ чѣмъ, чтобы „выбросить", по выраженію Ленина, неугодные имъ элементы. Многіе члены съѣзда позволили себѣ рядъ оскорбленій и насмѣшекъ по адресу Рязанова, какъ это видно изъ протоколовъ съѣзда; а Ленинъ даже назвалъ „ненадежными" тѣхъ членовъ Организаціоннаго Комитета, которые высказались за приглашеніе Рязанова. Это столкновеніе было первымъ инциндентомъ возгорѣвшейся впослѣдствіи фракціонной борьбы, приведшей къ расколу на „большинство" и „меньшинство".

То же самое произошло съ другимъ товарищемъ К.—Объ этомъ разсказалъ въ своей брошюркѣ по поводу съѣзда Павловичъ. „Одинъ изъ представителей Искры въ Организаціонномъ Комитетѣ 3. внесла предложеніе пригласить нѣкоего К., извѣстнаго организаціи лишь своими „перебѣгами" рабочедѣльца. 3. мотивировала необходимость приглашенія К. тѣмъ, что... „3. солидарна съ К. во всѣхъ тѣхъ взглядахъ, въ которыхъ К. расходится съ Искрой" (стр. 8). По словамъ Павловича, „эта декларація удивила и возмутила всѣхъ членовъ организаціи Искры". „Мартовъ энергично протестовалъ" (стр. 7). Между тѣмъ совершенно не вѣрно, будто бы К. былъ извѣстенъ „Искрѣ" лишь своими „перебѣгами"; онъ былъ хорошо извѣстенъ членамъ этой организаціи еще лѣтъ за 10 до съѣзда какъ способный и полезный работникъ. Изъ протоколовъ съѣзда заграничной Лиги Революціонной Соціалдемократіи, бывшаго вскорѣ послѣ второго

[1]) Н. Рязановъ былъ впервые арестованъ по соціалдемократическому дѣлу еще въ 1891 году и просидѣлъ въ общей сложности въ тюрьмѣ четыре года. Кромѣ толстой книжки съ критикой проэкта „Искры", онъ издалъ также критику „инструкціи редакціи Рабочаго Дѣла".

съѣзда партіи и ставшаго ареною борьбы, начавшейся на партійномъ съѣздѣ, мы узнаемъ (стр. 56), что З.—представительница „Искры“ въ Организаціонномъ Комитетѣ—потому настаивала на приглашеніи К., что считала его хорошо знакомымъ съ программными вопросами. Тогда Мартовъ объяснилъ, почему онъ „энергично протестовалъ“ противъ приглашенія К., и это его объясненіе въ высшей степени характерно: „Я не согласенъ въ оцѣнкѣ этого лица, имѣю основаніе думать, что онъ ближе къ рабочедѣльцамъ, чѣмъ къ Искрѣ“.

Мною и Мартыновымъ было передано предсѣдателю коммиссіи по провѣркѣ мандатовъ, Кольцову, предложеніе пригласить на съѣздъ съ правомъ совѣщательнаго голоса Парвуса, но и это предложеніе не имѣло успѣха.

Очевидно, организаторы съѣзда такъ мало надѣялись на своихъ сторонниковъ, что боялись присутствія своихъ идейныхъ противниковъ хотя бы только съ совѣщательнымъ голосомъ. Такимъ образомъ и этотъ послѣдній способъ привлечь къ общему дѣлу всѣ силы партіи былъ отвергнутъ. Дѣло партійное было превращено въ дѣло групповое.

Съѣзду предстояло рѣшить два кардинальныхъ вопроса: выработать программу партіи и создать ея организацію. Съѣздъ безусловно не выполнилъ ни одной изъ этихъ задачъ.

Что касается партійной организаціи, то съѣзду неудалось ее создать даже формально: никогда раньше въ партіи не царила такая анархія, какъ послѣ второго съѣзда. Люди не остановившіеся передъ неправдою по отношенію къ своимъ идейнымъ противникамъ даже и внутри партіи, не могли не раздѣлиться, не могли удержаться отъ насилія надъ своимъ собственнымъ меньшинствомъ, какъ только они почувствовали себя господами положенія. Предложенный однимъ изъ вожаковъ съѣзда, Ленинымъ, списокъ кандидатовъ въ члены Центральнаго Комитета и въ редакцію Центральнаго Органа устранялъ отъ власти вліятельныхъ въ партіи лицъ и потому создавалъ оппозицію, которая, впрочемъ, тотчасъ же заняла принципіально отличную отъ большинства съѣзда позицію. Этимъ безусловно опровергается упрекъ, будто бы оппозиція возникла единственно на почвѣ борьбы личныхъ самолюбій—напротивъ, эта борьба могла возникнуть только потому, что уже чувствовалось или предчувствовалось глубокое принципіальное разногласіе въ рядахъ дотолѣ казавшагося однороднаго теченія. Но эти разногласія могли бы найти себѣ мирный исходъ, если бы большинство отнеслось лойяльно къ оппозиціи, при томъ-же весьма сильной, ибо большинство имѣло перевѣсъ лишь однимъ голосомъ. Но тѣ, кто только что

подавилъ силою своихъ идейныхъ противниковъ изъ числа своихъ товарищей по партіи, не могли быть лойяльными по отношенію другъ къ другу; большинство не умѣло отнестись съ уваженіямъ къ интересамъ меньшинства, а меньшинство не умѣло исполнить долга партійной дисциплины. Отселѣ расколъ партіи на большевиковъ и меньшевиковъ, имѣвшій для партіи самыя тягостныя послѣдствія въ наступившіе послѣ второго съѣзда бурные годы и неоконченный до сихъ поръ.

Ленинъ предложилъ выбирать членовъ Центральнаго Комитета тайнымъ голосованіемъ, мотивируя это необходимостью конспираціи. Это была явная уловка, потому что въ то же время для этой „тайной“ баллотировки уже раздавались всѣмъ „надежнымъ“ членамъ съѣзда списки лицъ, долженствующихъ быть выбранными въ Центральный Комитетъ. И вотъ сторонники Ленина въ „тайномъ“ голосованіи всѣ, какъ одинъ человѣкъ, вотировали за однихъ и тѣхъ же лицъ, частью неизвѣстныхъ имъ даже по имени и не бывшихъ на съѣздѣ. Былъ очевиденъ уговоръ между сторонниками Ленина, и избранный съѣздомъ Центральный Комитетъ не имѣлъ ни авторитета, ни силы, необходимыхъ для этого важнаго партійнаго учрежденія. Это случилось потому, что школа „Искры“, которая была представлена на съѣздѣ большинствомъ делегатовъ, не могла и не желала считаться съ историческимъ ходомъ развитія партіи: къ этому историческому, „стихійному“ процессу школа „Искры“ всегда относилась съ презрѣніемъ и хотѣла противопоставить ему свой планъ развитія. Даже Мартовъ лидеръ меньшинства, дошелъ до того, что назвалъ на съѣздѣ исторической аномаліей быстрый и мощный ростъ Бунда и тѣ формы, которыя приняла организація еврейскаго пролетаріата. Мартовъ былъ подобенъ тогда человѣку, который смотритъ на роскошное зарево зари и говоритъ: „Какія яркія краски! Это даже неестественно!“

Каковы были основныя черты развитія партіи? Какія задачи ставила она въ своемъ историческомъ развитіи передъ „сознательными выразителями этого безсознательнаго процесса“? Какой типъ организаціи исторически подготовлялся самимъ ходомъ этого развитія? Самая постановка этихъ вопросовъ невозможна была для представителей школы „Искры“; а то теченіе, которое только и могло ихъ поставить и сдѣлать, по крайней мѣрѣ, попытку къ ихъ разрѣшенію, какъ я уже сказалъ, было отстранено отъ дѣла строительства партіи.

Гораздо легче съѣздъ справился со второю своею задачею, съ выработкою партійной програмы, сведя ее къ пустой формальности. Съѣздъ окончилъ эту свою „работу“ напыщенной фразой своего предсѣдателя: „Партія сознательнаго пролетаріата отнынѣ имѣетъ свою програму!“ Въ настоящее время, когда партія безпринципно мечется изъ стороны въ сторону,

лишенная какихъ бы то ни было програмныхъ устоевъ, эта фраза звучитъ насмѣшкою.

Въ іюнѣ 1902 г. группа „Искры“ опубликовала въ № 21 своей газеты проектъ программы партіи. „Программа партіи должна выражать коллективную мысль партіи“ — писали совершенно справедливо авторы проэкта, публикуя его; „это значитъ, что въ выработкѣ ея должны принять участіе всѣ дѣйствующія группы партіи“. На самомъ же дѣлѣ ни одна група кромѣ „Искры“ не приняла—въ теченіе года—участія въ дѣлѣ выработки проекта, и работа, долженствовавшая быть коллективной, оставалась индивидуальной.

Приходилось ждать съѣзда. Можно было надѣяться, что, по крайней мѣрѣ, тамъ коллективная мысль партіи, исходя изъ критики проекта, создастъ выраженіе своего міросозерцанія. Но и эти надежды потеряли основаніе, когда опредѣлился тенденціозный составъ съѣзда.

Не допустивъ на съѣздъ своихъ идейныхъ противниковъ, организаторы не дали возможности критиковать проектъ даже и делегатамъ союза. Мною были представлены 22 поправки къ одной только принципіальной части програмы. Но съѣздъ принялъ „исключительный законъ“ по отношенію къ обсужденію этихъ поправокъ, такъ что пришлось отказаться отъ самаго ихъ внесенія. Тогда все пошло гладко: больше никто ни слова не возражалъ, и съѣздъ въ теченіе какого-нибудь часа принялъ всю принципіальную часть програмы.

Формальность была исполнена, но за то можно не колеблясь сказать теперь, черезъ пять лѣтъ, что у партіи еще нѣтъ програмы.

Съѣздъ закончился удаленіемъ Бунда изъ партіи, уничтоженіемъ Союза Русскихъ Соціалдемократовъ и, наконецъ, расколомъ искровцевъ на двѣ почти равныя части. Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ былъ закрытъ безъ разсужденій. Съѣзду не угодно было даже выслушать докладъ делегатовъ союза, и такъ какъ онъ не былъ напечатанъ и въ протоколахъ съѣзда, то я привожу его здѣсь. Онъ былъ составленъ мною при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя опредѣляли и содержаніе моихъ рѣчей: у меня не было никакой надежды убѣдить въ чемъ-нибудь съѣздъ! Не только у съѣзда было предвзятое мнѣніе о нашихъ—делегатовъ союза—взглядахъ, но не было даже охоты насъ выслушивать. Поэтому всякія сообщенія мои о той огромной работѣ, которую выполнилъ Союзъ за 4 года, были бы излишни. Въ глазахъ делегатовъ, чѣмъ больше сдѣлалъ союзъ, тѣмъ хуже, потому что то, что онъ дѣлалъ—есть зло. Въ виду этого я ставилъ себѣ цѣлью своимъ докладомъ вызвать принципіальное обсужденіе той позиціи, на которой стоялъ союзъ. Можетъ быть, это мнѣ и удалось бы, если бы не

„стойкая политика“ „ежовыхъ рукавицъ“—такъ называлъ ее Ленинъ,—не допустившая самаго чтенія докладовъ.

Заканчиваю поэтому мои сообщенія о съѣздѣ приведеніемъ полностью этого доклада. Онъ назывался „докладъ делегата Союза Русскихъ Социалдемократовъ второму съѣзду Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи“ и гласилъ слѣдующее:

Докладъ делегаціи Союза Русскихъ Соціалдемократовъ Второму Съѣзду Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

Съ 1895 г. соціалдемократія въ Россіи начала переходить отъ кружковщины къ пріемамъ массовой агитаціи. Это создало, между прочимъ, потребность въ агитаціонныхъ брошюрахъ для распространенія въ рабочихъ массахъ. Между тѣмъ, въ ней ощущалась крайняя нужда: брошюръ было очень мало и тѣ, которыя были, имѣлись въ очень ограниченномъ количествѣ. Тогдашній Союзъ Р. С.-Д. издавалъ едва нѣсколько брошюръ въ годъ и не смогъ поставить сколько-нибудь удовлетворительно дѣло доставки своихъ изданій въ Россію.

Выходившіе за границей „Листки Работника“ (съ мая 96 по октябрь 98 года 8 выпусковъ) никого не удовлетворяли, при чемъ изданіе ихъ привело къ столкновенію Г. О. Т. съ большинствомъ „молодыхъ“ товарищей. Вслѣдствіе этихъ столкновеній „молодые“ съѣхались въ ноябрѣ 98 года и рѣшили потребовать отъ Г. О. Т., чтобы она уступила имъ самостоятельно издавать „Листки Работника“ и агитаціонныя брошюры. Въ противномъ случаѣ предполагалось приступить къ изданіямъ внѣ Союза. „Молодые“ хотѣли, чтобы Г. О. Т. продолжала редактировать сборникъ „Работникъ“ и тѣ брошюры, которыя она сама найдетъ нужнымъ издать. Однако Г. О. Т., согласившись на измѣненія въ томъ духѣ, какъ того желали „молодые“, сама отказалась принимать активное участіе въ дальнѣйшихъ изданіяхъ Союза.

„Молодые“ ставили себѣ очень скромныя задачи. Въ уставѣ ихъ говорилось: Задачи Союза: 1) издавать и доставлять въ Россію агитаціонную литературу; 2) исполнять порученія партійныхъ организацій въ Россіи по представительству за границей; 3) Союзъ не отказывается и отъ другихъ задачъ, имѣющихъ возникнуть и не противорѣчащихъ манифесту Партіи.

Большинство „молодыхъ“ только что пріѣхали тогда изъ Россіи, они принесли съ собою взгляды на задачи нелегальной литературы, которыя выработались у нихъ во время ихъ дѣятельности на мѣстахъ, и потому изданія Союза начали выражать тѣ тенденціи, которыя въ то время характеризовали наше движеніе.

Союзъ упрекали въ томъ, что онъ шелъ въ хвостѣ движенія, что онъ былъ „съ большинствомъ“, что онъ опустился до уровня массъ вмѣсто того, чтобы руководить ими. Это совершенно лишенныя основанія упреки. Союзъ въ той же мѣрѣ былъ отраженіемъ тогдашняго движенія, какъ нашъ настоящій съѣздъ является отраженіемъ современ-

наго движенія: онъ былъ частью однородной партіи и не могъ имѣть никакихъ иныхъ чертъ, кромѣ общихъ чертъ Партіи.

Позже, когда развитіе нашей Партіи дифференцировало ея части, меньшинство могло и должно было выдвинуть новыя, болѣе широкія задачи. Этими задачами были — выработать формы политической борьбы пролетаріата и создать единую партійную организацію. Общепринято думать, что Союзъ явился при этомъ консервативной стороной, „экономистомъ“ и „кустарникомъ“. Я покажу ниже насколько это ошибочно и объясню, почему создалась эта ошибка. — Теперь я возвращаюсь къ 93 году.

Я сказалъ, что задачи тогдашняго Союза были общими задачами Партіи. Каковы же были ея задачи?

Невѣроятно тяжелыя жизненныя условія русскихъ рабочихъ и наступившій послѣ промышленнаго застоя 80-хъ годовъ періодъ процвѣтанія вызвалъ среди рабочихъ цѣлый рядъ попытокъ добиться улучшенія своего положенія. „Соціалдемократія поставила себѣ задачей вмѣшаться въ эту борьбу пролетаріата, придать ей правильную организацію и пробудить въ рабочихъ вполнѣ сознательное отношеніе къ этой борьбѣ, къ ея цѣлямъ, средствамъ и результатамъ, которые могутъ быть достигнуты“. (Предисл. къ 1-му изд. Эрф. прогр. 1893 г.). „Для этого соціалдемократія взялась непосредственно за возбужденіе въ массѣ движенія на экономической почвѣ“. „Постоянно тереться въ массѣ, прислушиваться, схватить біеніе пульса толпы — къ этому сталъ стремиться агитаторъ“. Но онъ хотѣлъ „идти шагомъ дальше, чѣмъ пойдетъ масса“, онъ хотѣлъ „освѣтить въ ея глазахъ эту борьбу, объяснивъ ея значеніе съ болѣе общей точки зрѣнія“, не теряя изъ виду той связи, которая существуетъ между даннымъ его шагомъ и конечной цѣлью“. (См. брошюру „Объ агитаціи“ 1895 г.).

Таковы были тогда задачи русской соціалдемократіи, которыя она себѣ сознательно поставила и формулировала; она ихъ выполнила съ полнымъ успѣхомъ. „Она подготовила, между прочимъ, почву для политической агитаціи“. „Измѣненіе политическаго строя теперь только вопросъ времени. Одна искра и накопленный горючій матеріалъ дастъ взрывъ“. (Предсказаніе брош. „Объ агитаціи“). Вотъ почему глубоко не правы тѣ, кто обвиняетъ сознательно накоплявшихъ этотъ матеріалъ въ забвеніи политическихъ задачъ нашей Партіи.

Союзъ Русскихъ Соціалдемократовъ желалъ присоединить свои силы къ тогдашней работѣ нашей Партіи и, въ свою очередь, какъ одинъ изъ отрядовъ ея, онъ сдѣлалъ то, что могъ и что долженъ былъ сдѣлать въ той части работы, которую онъ взялъ на себя.

Въ теченіе 4-хъ лѣтъ онъ выпустилъ 72 выпуска агитаціонныхъ изданій въ количествѣ болѣе 200 тысячъ экземпляровъ или почти милліонъ листовъ. Онъ доставилъ въ Россію 215 пудовъ, т. е. по 55 пудовъ въ среднемъ ежегодно. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что работа Союза велась при несравненно худшихъ условіяхъ, чѣмъ существующія теперь.

„Теперь не хочется умирать, не хочется старѣться, теперь весело жить“, сказалъ нашъ предсѣдатель, открывая съѣздъ. Союзъ дѣйство-

валъ, когда жить было не весело, когда надо было еще прокладывать дорогу для нелегальной литературы въ широкіе слои пролетаріата.

Особенно важна была работа Союза въ дѣлѣ устройства первомайской демонстраціи.

Когда Союзъ приступалъ къ своимъ изданіямъ, манифестаціи еще считались невозможными большинствомъ товарищей. Въ первомайскомъ листкѣ 98 года Плехановъ писалъ, что „разумѣется" демонстраціи въ Россіи теперь не возможны, что вышедшихъ на манифестацію рабочихъ перестрѣляли бы или, въ лучшемъ случаѣ, всѣхъ отвели бы въ тюрьму. Точно также Аксельродъ, уже въ августѣ 1900 года все еще считалъ уличныя демонстраціи чѣмъ-то фантастическимъ и, отклоняя нѣкоторые упреки, онъ писалъ: „точно я въ самомъ дѣлѣ хоть намекомъ предлагалъ кому бы то ни было заняться организаціей террористическаго заговора или *уличныхъ демонстрацій*".

Союзъ высказался за устройство политическихъ манифестацій, и первомайскихъ въ особенности, уже на первомъ съѣздѣ своемъ въ ноябрѣ 98 года и далъ редакціи соотвѣтствующія инструкціи. Съ тѣхъ поръ ежегодно онъ выпускалъ къ первому мая особую брошюру или майскій листокъ, и всѣ эти изданія были полностью доставлены въ Россію. Особенно удачна была майская кампанія 1901 г. Союзъ послалъ своего делегата объѣхать главнѣйшіе комитеты и выработать общія требованія; онъ выпустилъ 10.000 брошюръ, 10.000 прокламацій, 4.000 6-го номера листка „Раб. Дѣла", посвященнаго цѣликомъ февральскимъ и мартовскимъ событіямъ 1901 г. 23 человѣка были отправлены въ Россію, чтобы развезти эти изданія своевременно во всѣ концы отъ Петербурга до Тифлиса и отъ района дѣятельности „Бунда" до „Урала". Это потребовало расхода въ 8.000 фр. Весь выработанный планъ былъ полностью выполненъ, и ни одинъ человѣкъ изъ этихъ 23-хъ не былъ арестованъ.

Кромѣ этой работы, Союзъ задался цѣлью возстановить центральную организацію Партіи, разгромленную тотчасъ послѣ перваго съѣзда. На вопросъ „съ чего начать" Союзъ отвѣчалъ — съ созыва съѣзда. Союзъ считалъ съѣздъ кратчайшимъ путемъ для того, чтобы положить конецъ организаціонной и идейной разрозненности нашей партіи; и это потому, что отклоненія различныхъ организацій нашей партіи отъ правильнаго пути Союзъ считалъ лишь ошибками, неизбѣжно связанными съ неразвитымъ состояніемъ движенія, а не проявленіемъ антиреволюціоннаго теченія въ соціалдемократіи. Правильность этихъ взглядовъ Союза, какъ мнѣ кажется, вполнѣ подтвердилась тѣмъ, что ни одна изъ организацій тогда называвшихъ себя соціалдемократическими не пошла ни за авторами credo, которое выставляется теперь совершенно ошибочно, какъ выраженіе тенденцій того періода, ни за какимъ бы то ни было другимъ антиреволюціоннымъ теченіемъ. Что касается Союза, то онъ первый опубликовалъ протестъ русскихъ соціалдемократовъ противъ credo и присоединилъ къ нему и свой энергичный протестъ.

Для организаціи съѣзда Союзъ нѣсколько разъ посылалъ въ

Россію своихъ делегатовъ. Они, однако, натолкнулись на инертность нашихъ мѣстныхъ организацій и даже на боязнь, что центральный комитетъ Партіи, если онъ будетъ возстановленъ, станетъ навязывать свой собственный планъ дѣятельности, не считаясь съ мѣстными условіями агитаціи—въ то время еще не однородными во всей Россіи. Но Союзъ продолжалъ пропагандировать идею съѣзда и, хотя непосредственныхъ результатовъ ему не удалось доснигнуть, все же несомнѣнно, его работа и въ этомъ отношеніи не пропала даромъ и содѣйствовала, ускорила наступленіе времени, когда значеніе и необходимость съѣзда были сознаны нашими комитетами, и они живо откликнулись на новый призовъ О. К. Впрочемъ, и О. К. былъ созданъ по идеѣ апрѣльской конференціи, созванной при участіи и по инициативѣ Союза и получилъ формальную санкцію, ссылаясь на постановленія этой конференціи.

Одно изъ круговыхъ писемъ Союза, обращенное ко всѣмъ комитетамъ въ ноябрѣ 1900 года, свидѣтельствуетъ о взглядахъ Союза на организаціонныя программныя и тактическія задачи нашей партіи. Этотъ документъ еще не былъ опубликованъ, и потому я привожу его здѣсь. Нѣсколько выраженій въ немъ мы бы теперь не употребили, нѣсколько тезисовъ мы бы теперь обосновали иначе и болѣе рѣзко, но надо помнить, что это письмо относится ко времени до весеннихъ событій 1901 г. Во всякомъ случаѣ изъ него ясно видно, какъ далекъ былъ Союзъ отъ приписанныхъ ему кустарничества антиполитическихъ тенденцій. Порядокъ дня 2-го съѣзда былъ намѣченъ Союзомъ тотъ самый, который фактически будетъ по всѣмъ видимо тамъ проведенъ нашимъ съѣздомъ; такимъ образомъ и идейное объединеніе партіи, выработка программы, признавались Союзомъ дѣломъ первой важности.—

Совершенно неосновательно обвинять Союзъ въ томъ, что онъ не руководилъ движеніемъ. Союзъ не бралъ на себя этой задачи и всегда ясно сознавалъ отсутствіе руководящаго органа. Поэтому-то, въ самомъ началѣ онъ настаивалъ на изданіи подъ редакціей Г. О. Т. сборника „Работникъ", который служилъ бы научнымъ журналомъ, по образу „Die Neue Zeit", какъ тогда предполагалось; поэтому же позже, въ 99 г., Союзъ предлагалъ Г. О. Т. издавать брошюры отъ имени Союза, но подъ ея безапелляціонной редакціей. Вышло даже объявленіе объ этихъ изданіяхъ, въ которыхъ Гр. Осв. Тр. намѣчала основные вопросы, подлежащіе разработкѣ въ изданіяхъ Союза подъ ея редакціей, тѣ тенденціи, которыя Г. О. Т. желала защищать и тѣ, противъ которыхъ она находила нужнымъ бороться. Союзъ издалъ это объявленіе отъ своего имени и этимъ подписался подъ взглядомъ Гр. О. Т. или, по крайней мѣрѣ, призналъ ихъ, въ ихъ основѣ, правильными и полезными для дѣла и брался распространять ихъ.

Впрочемъ, Союзъ всегда стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что у него нѣтъ съ Г. О. Т. принципіальныхъ разногласій и не разъ высказывалъ этотъ взглядъ печатно.

Въ настоящее время дѣло обстоитъ не такъ. Союзъ не только не

раздѣляетъ взгляда „Искры" и „Зари" на „третій періодъ" въ прошломъ русской соціалдемократіи, но и остальные взгляды далеко не всѣ можетъ принять.

Задачи „четвертаго періода" Союзъ понималъ иначе, чѣмъ „Искра" и „Заря", и этими разногласіями объясняется, что теченіе „Искры" и „Зари", господствующее въ настоящее время въ русской соціалдемократіи, сочли за борьбу противъ принциповъ революціонной соціалдемократіи то, что было борьбою противъ нѣкоторыхъ тенденцій „Искры" и „Зари", которыя Союзъ считалъ и считаетъ ошибочными и идущими въ разрѣзъ съ интересами революціонной соціалдемократіи. Тѣмъ не менѣе, онъ, посылая на 2-ой съѣздъ Партіи двухъ своихъ делегатовъ, выражающихъ два крайніе оттѣнка мнѣній Союза, для защиты своей принципіальной позиціи, принялъ рѣшеніе въ интересахъ дисциплины и партійнаго единства безусловно подчиниться рѣшеніямъ съѣзда.

Мнѣ представляется, что вышеприведенныя факты имѣютъ не только интересъ для исторіи партіи, изъ жизни которой они взяты, но также и принципіальное значеніе. О немъ было бы не умѣстно здѣсь распространяться, такъ какъ статья носитъ характеръ чисто фактическаго сообщенія.

В. Махновецъ—Акимовъ.

Неизданные стихи и письма А. Н. Плещеева.

Извѣстный поэтъ Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ въ 1849 году былъ судимъ по дѣлу Петрашевскаго и записанъ въ рядовые. Въ Оренбургѣ онъ тянулъ лямку въ качествѣ рядового 3-го линейнаго батальона. Въ ноябрѣ или декабрѣ 1852 года онъ познакомился, а затѣмъ и подружился съ семьей подполковника генеральнаго штаба Виктора Дезидерьевича Дандевиль [1]), занимавшаго въ то время должность штабъ-офицера по особымъ порученіямъ при штабѣ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса. Онъ былъ женатъ на Любовь Захаровнѣ Балкъ; женился онъ въ бытность свою въ академіи еще въ Петербургѣ въ 1846—47 г. и здѣсь, въ высшемъ столичномъ кругу Любовь Захаровна славилась своей выдающейся красотой.

Въ незначительномъ захолустномъ провинціальномъ городкѣ, какимъ былъ въ то время Оренбургъ, Любовь Захаровна Дандевиль считалась „царицей общества". Самъ тогдашній оренбургскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ,—впослѣдствіи графъ,—В. А. Перовскій, человѣкъ хотя и суровый, но все же рыцарь по отношенію къ дамамъ, былъ далеко не равнодушенъ къ молоденькой женѣ подполковника. Многочисленныя его записочки къ Любовь Захаровнѣ и къ ея мужу, сохранившіяся до сихъ поръ, полны выраженій самой изысканной „рыцарской" преданности и поклоненія. На одной изъ нихъ вмѣсто подписи находимъ оригинальный рисунокъ, сдѣланный рукой Перовскаго:—перомъ изображена сидящая въ креслѣ дама, а передъ ней рыцарь, преклоняющій колѣно.

И молодой ссыльный рядовой,—Плещееву тогда было 27 лѣтъ,—не остался равнодушенъ къ Любовь Захаровнѣ и сталъ въ ряды ея поклонниковъ. Но чувство, которое влекло Алексѣя Николаевича къ ней, далеко не носило характера мимолетнаго, пылкаго увлеченія. Это была горячая дружеская любовь, которая согрѣвала душу поэта, скрашивала тяжелую жизнь ссыльнаго вдали отъ родины, родныхъ, закинутаго въ непревычную, суровую обстановку.

---

[1]) Дандевиль скончался 80 слишкомъ лѣтъ въ чинѣ генералъ-отъ-инфантеріи 8 сентября 1907 года.

В. Д. Дандевиль, существовавшій съ семьей,—у него тогда уже было двое дѣтей,—на одно офицерское жалованье, велъ жизнь скромную, замкнутую. Въ его домѣ собирался весьма небольшой кружекъ нѣсколькихъ избранныхъ друзей,—людей выдававшихся надъ общемъ уровнемъ тогдашняго оренбургскаго общества. Между нимъ былъ Алек. Мих. Жемчужниковъ,—братъ скончавшагося въ нынѣшнемъ году поэта. Самъ хозяинъ съ академическимъ образованіемъ, съ широкими интересами тоже выдавался среди военныхъ Оренбурга.

Привлекаемый красотой и душевной лаской, свѣтлымъ умомъ Любови Захаровны, находя отдыхъ и успокоеніе въ небольшомъ кружкѣ людей, Алексѣй Николаевичъ мало-по-малу сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ, а затѣмъ и другомъ семьи подполковника Дандевиль. По крайней мѣрѣ, такой характеръ носятъ всѣ письма Плещеева изъ форта Перовскаго къ Виктору Дезидерьевичу, писанныя въ 1854—56 годахъ. Въ этой перепискѣ нѣтъ ни одного письма, въ которомъ бы Алексѣй Николаевичъ не посылалъ искреннѣйшихъ привѣтовъ Любови Захаровнѣ. Чувства поэта къ ней лучше всего характеризуются по двумъ сохранившимся письмамъ къ Л. З. Дандевиль. Въ нихъ же мы находимъ и два стихотворенія, до сихъ поръ не появившіяся въ печати; оба онѣ посвящены Любови Захаровнѣ, къ которой,—какъ можно предполагать,—относятся еще два стихотворенія изъ числа, изданныхъ въ 1858 году.

Первое письмо помѣчено датой „1853 г. 17 февраля". Въ маѣ 1853 года Плещеевъ въ рядахъ 4-го линейнаго батальона отправился въ походъ на Акъ-Мечеть. Войска вернулись въ сентябрѣ и почти тотчасъ же Викторъ Дезидерьевичъ со своей семьей поѣхалъ въ Петербургъ, сопровождая генералъ-губернатора. Вернулся въ Оренбургъ въ началѣ 1854 г., а весной Плещеевъ былъ переведенъ въ фортъ Перовскій. Когда же въ 1856 г. онъ уже въ чинѣ прапорщика обратно былъ переведенъ въ Оренбургъ, то Любовь Захаровну не засталъ въ живыхъ,—она скончалась въ 1855 году.

Свѣтлыя воспоминанія о знакомствѣ съ Люб. Зах. тогда еще горѣли въ немъ и нашли откликъ въ стихотвореніи, озаглавленномъ „Листокъ изъ дневника", помѣченномъ „1856" годомъ, которое начинается такъ:

„Средь жизни будничной, ея тревогъ докучныхъ,
„Незримыхъ, тайныхъ битвъ, съ той жизнью неразлучныхъ
„Воспоминаніе лелѣю я одно,
„И сладко такъ душѣ и горестно оно"...

Правда, въ этомъ произведеніи не названа по имени Люб. Зах., но подробности стихотворенія, исторія жизни поэта въ это время и сопоставленіе съ тѣми неизвѣстными до сихъ поръ письмами и стихами Плещеева, которые мы сейчасъ приведемъ,—все это не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что стихотвореніе написано надъ впечатлѣніемъ Люб. Зах. Между прочимъ, въ этомъ стихотвореніи встрѣчаются строки, совершенно соотвѣтствующія его письмамъ 1853 года.

„Но дѣтской рѣзвостью, но ясностью чела
„Она влекла къ себѣ съ неодолимой силой“;

. . . .

„Хотѣлъ ей высказать, что тамъ, въ глуши степей,
„Съ любовью буду вспоминать о ней;
„Что днями свѣтлыми я ей одной обязанъ“...

. . . .

„Но не нашелъ я той, къ кому въ былые дни
„Я смѣло несъ и грусть, и радости свои.

. . . .

„И вѣсть услышалъ я:—ея ужъ больше нѣтъ!
„Суровымъ косаремъ сраженъ прекрасный цвѣтъ...

. . . .

„Вотъ уголокъ уютный, гдѣ она бывало
„Вокругъ себя друзей немногихъ собирала.
„Отрадныхъ много я припомнилъ вечеровъ“.

. . . .

Весьма вѣроятно, что и другое стихотвореніе, относящееся къ этому же періоду жизни поэта, также имѣетъ въ виду Любовь Захаровну.

„Когда твой кроткій ясный взоръ
„Ты остановишь вдругъ на мнѣ,
„Иль задушевный разговоръ
„Съ тобой веду я въ тишинѣ“.

А вотъ и неизвѣстныя до сихъ поръ письма и стихи поэта:

I.

„Милостивая Государыня,

Любовь Захаровна!“

„Вы позволили мнѣ прислать вамъ Рафаэлеву Мадонну и я спѣшу воспользоваться вашимъ позволеніемъ. Примите ее отъ меня на память. Судьба, которой я обязанъ многими печальными фарсами въ жизни, устраивала, между прочимъ, всегда дѣла мои такъ что, если я съ кѣмъ-нибудь сближался, если находилъ въ чьемъ-нибудь обществѣ особенную отраду и утѣшеніе, то обстоятельства немедленно разлучали меня съ этими людьми. Оттого я сталъ въ послѣднее время нѣсколько тугъ на сближеніе и избѣгаю привязанностей слишкомъ сильныхъ, чтобы не было слишкомъ больно разставаться. Случай свелъ меня съ вами и съ вашимъ мужемъ. И онъ, и вы были такъ добры ко мнѣ, приняли во мнѣ,—сколько мнѣ показалось, по крайней мѣрѣ,—такое искреннее и теплое участіе, что,—не знаю ужъ,—какъ это случилось,—но я снова поддался прежней привычкѣ и привязался къ

обоимъ вамъ всѣмъ сердцемъ и всей душой. Общество ваше сдѣлалось дла меня такой же почти необходимой потребностью, какъ воздухъ или пища. Безъ васъ—чувствую, что существованіе мое было бы не полно; мало того—нестерпимо. Можетъ быть иногда я поступаю слишкомъ эгоистически, то-есть докучаю вамъ своимъ присутствіемъ, но вы по добротѣ своей не сердитесь на меня и не лишаете меня позволенія бывать у васъ. И вотъ я боюсв, чтобы опять судьба не вмѣшалась,—какъ прежде,—въ мои обстоятельства и чтобы не дала мнѣ снова толчка, который бы вывелъ меня изъ этой отрадной забывчивости своего тяжкаго, грустнаго положенія. Теперь я, какъ во снѣ; какъ бы не пришлось проснуться опять, Богъ знаетъ гдѣ, одному, посреди, совершенно чуждыхъ душѣ моей, людей. Дорога моя очень скользкая и я не за одинъ день свой не могу поручиться:—сегодня — здѣсь, завтра—тамъ. Какъ бы то ни было,—эти два или три мѣсяца, въ которые я сошелся съ вами, никогда не выйдутъ у меня ни изъ памяти, ни изъ сердца. Одно дружеское слово, одно искреннее пожатіе руки, одинъ добрый привѣтъ заставляли меня часто забывать цѣлые годы неудачъ, скуки, горя. Не смѣю надѣяться, чтобы вы вынесли изъ знакомства со мной хоть четвертую часть того свѣтлаго воспоминанія, которое я вынесу объ обоихъ васъ; но желалъ бы все-таки, чтобы хоть изрѣдка, когда вы отсюда уѣдете, или когда меня больше не будетъ здѣсь,—вы произнесли съ участіемъ имя человѣка, глубоко преданнаго вамъ и который былъ бы вполнѣ счастливъ, если-бъ могъ когда-нибудь въ жизни какой-нибудь услугой доказать вамъ эту преданность.

Пускай эта гравюра Рафаэля напомнитъ вамъ иногда обо мнѣ посреди блестящей, шумной, веселой жизни, которая, вѣроятно, ожидаетъ васъ впереди. Но и въ самой веселой жизни бываютъ иногда грустныя минуты, въ которыя намъ бѣлый свѣтъ кажется немножко сѣрымъ. Въ эти-то минуты изображеніе Мадонны, страдавшей много въ жизни и не утратившей ни вѣры, ни твердости, можетъ, я думаю, быть полезно и навести на разныя утѣшительныя мысли. Я даже по этому поводу написалъ стихи (хоть давно отвыкъ писать ихъ), которые тоже позвольте приложить здѣсь. Стихи плохи, но чувство искренно.

При посылкѣ Рафаэлевой Мадонны.

(1853 г. Февр. 17)

Окружи счастьемъ счастья достойную,
Дай ей спутниковъ полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость спокойную,
Сердцу незлобному міръ упованій.

Лермонтовъ.

Въ часы тяжелыхъ думъ, въ часы разувѣренья,
Когда находимъ жизнь мы скучной и пустой
И духъ слабѣетъ нашъ подъ бременемъ сомнѣнія,
Намъ нуженъ образецъ терпѣнія святой.

***

А если тѣ часы печали неизбѣжны
И суждено вамъ ихъ въ грядущемъ испытать,
Быть можетъ этотъ ликъ спокойный, безмятежный
Вамъ возвратитъ тогда и миръ, и благодать.

***

Вы обретете вновь всю силу упованья.
И теплую мольбу произнесутъ уста,
Когда предстанетъ вамъ Рафаэля созданье,
Мадонна чистая, обнявшая Христа.

***

Не гасла вѣра въ Ней и сердце не роптало,
Но къ небу мысль всегда была устремлена.
О, будьте же и вы,—чтобъ васъ не ожидало,
Исполнены любви и вѣры, какъ Она!

***

Да не смущаетъ васъ душевная тревога,
Да не утратите средь жизненнаго зла,
Какъ не утратила Святая Матерь Бога
Вы сердца чистоты и ясности чела!

А. Плещеевъ.

Чистое сердце и ясный взоръ—признаки существа, любимаго Богомъ... Храните же ихъ до конца. Вотъ мое желаніе. Простите мнѣ это длинное письмо, эти плохіе стихи. Мнѣ хотѣлось высказать вамъ все, что у меня на сердцѣ. Еще одно слово:—мнѣ бы хотѣлось, чтобы кромѣ вашего мужа никто не видалъ этого письма. Особливо же *друзья* ваши (les amies dans le genre de celle qui nous a dit, que je suis amoureux). Я былъ бы радъ, если бы вы не показывали его и даже не говорили имъ о немъ".

II.

„Пользуюсь позволеніемъ вашимъ и посылаю вамъ стихи свои. Прошу васъ сохранить ихъ отъ меня на память и не

забыть своего обѣщанія—не показывать никому. На другой страницѣ этого письма вы найдете небольшое посвященіе вамъ. Стихи можетъ быть плохи, но чувства искренни. Надѣюсь, что вы простите первое и не усумнитесь во-второмъ.

Преданный вамъ душой **А. Плещеевъ.**

На другой страницѣ помѣщено слѣдующее стихотвореніе.

Передъ отъѣздомъ.

(Л. З. Д.—При посылкѣ моихъ стиховъ).
Опять весна! Опять далекій путь!
Въ душѣ моей тревожное сомнѣніе,—
Невольный страхъ мою сжимаетъ грудь—
Засвѣтится-ль заря освобожденья!
Велитъ ли Богъ отъ горя отдохнуть
Иль роковой, губительный свинецъ
Положитъ всѣмъ стремленіямъ конецъ.
Грядущее отвѣта не даетъ...
И я иду покорный волѣ рока,
Куда меня звѣзда моя ведетъ...
Въ пустынный край,—подъ небеса Востока!
И лишь молю, чтобъ памятенъ я былъ
Не многимъ тѣмъ, кого я здѣсь любилъ...
О вѣрьте мнѣ,—вы первая изъ нихъ!
Я забывалъ при васъ тоску изгнанья.
Вамъ и теперь мой безыскусный стихъ,
Какъ сердце дань, я шлю на разставанье,
Пусть иногда въ раздумья тихій часъ,
Онъ обо мнѣ заставитъ вспомнить васъ.
И можетъ быть вы дружескій привѣтъ
Пошлете мнѣ, исполнены участія,
Чтобъ лаской той утѣшенъ и согрѣтъ
Мой духъ не могъ утратить вѣры въ счастье...
Такъ на чужбинѣ плѣннику порой
Отрадна пѣснь страны его родной!

А. Плещеевъ“.

Литературный домъ-музей имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ.

(Докладъ первому всероссійскому съѣзду печати 22 іюня 1908 г.) [1]).

„Пишу, чтобы сказать вамъ, какъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ“...

Такъ писалъ высокоодаренный и глубокопроникновенный художникъ И. С. Тургеневъ, писалъ въ то время, когда смерть уже простирала надъ его одромъ свое черное крыло, писалъ тому, кого въ этомъ же письмѣ онъ назвалъ первый „великимъ писателемъ русской земли“, писалъ Льву Николаевичу Толстому.

Съ того времени, какъ были написаны эти строки, прошло двадцать пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ славное чело Льва Николаевича покрылось новыми неувядаемыми лаврами, когда данное ему Тургеневымъ названіе „великаго писателя русской земли“ признано, какъ въ высокой степени соотвѣтствующее дѣйствительности, всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, когда имя Толстого стало поистинѣ безсмертнымъ и слава его нетлѣнной.

„Пишу, чтобы сказать вамъ, какъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ“...

Эта радость, господа, выпала и на долю всѣхъ насъ. И даже болѣе того: Тургеневъ давно уже покоится сномъ вѣчности; мы же, живущіе, находимся наканунѣ величественнаго въ исторіи нашей родины событія, наканунѣ момента достиженія восьмидесятилѣтія со дня рожденія одного изъ ея величайшихъ сыновъ.

Ничего не могло быть болѣе естественнымъ, чѣмъ проявившійся среди русскаго общества горячій порывъ чествовать этотъ высокознаменательный моментъ. Быстро организовался для этой

---

[1]) Помѣщаемъ этотъ докладъ и принятую съѣздомъ по этому поводу резолюцію въ виду ихъ практическаго значенія, связаннаго съ предстоящимъ юбилеемъ Л. Н Толстого. *Ред.*

цѣли и спеціальный Комитетъ. Но тотъ, кому въ день его юбилея желало не одно только общество русское, но желалъ и весь культурный міръ, принести радостныя чувства отъ сознанія счастья быть его современниками, не пожелалъ никакого чествованія. Отнесясь, какъ и слѣдовало ожидать, съ величайшимъ уваженіемъ къ такому волеизъявленію Толстого, понимая и цѣня тѣ высокіе мотивы, изъ которыхъ вытекло желаніе маститаго затворника уклониться отъ чествованія его юбилея, Комитетъ прекратилъ всякія къ нему приготовленія. Разъ Толстой этого не желаетъ, то никакого чествованія и не можетъ и не должно быть. Его и не будетъ.

Но значитъ ли, чтобы рѣшеніе воздержаться, согласно волѣ Толстого, отъ всякаго чествованія его юбилея, было равносильно рѣшенію просто таки обойти славную годовщину жизни великаго старца полнымъ молчаніемъ, какъ бы забвеніемъ?

Мнѣ кажется, нѣтъ. Мнѣ кажется даже, что чѣмъ рѣшительнѣе останавливается русское общество на желаніи воздержаться отъ какихъ бы то ни было формъ *чествованія* юбилея Толстого, тѣмъ настоятельнѣе возникаетъ предъ нимъ необходимость *ознаменованія* этого событія какимъ-либо *крупнымъ дѣломъ*.

Разъ же это такъ, то на какомъ бы *дѣлѣ* въ цѣляхъ *ознаменованія* юбилея Толстого не остановиться, для его осуществленія прежде всего необходимы матеріальныя средства. Эти средства должны быть, конечно, доставлены не отдѣльными почитателями генія Толстого, а всѣмъ обществомъ. *Оно* должно создать для этой цѣли *спеціальный фондъ*. Сдѣлать же это возможно главнымъ образомъ при посредствѣ печати. Отсюда и первая задача съѣзда взять на себя инициативу сбора средствъ для образованія, такъ сказать, толстовскаго фонда. Каждое повременное изданіе можетъ начать такой сборъ въ своей мѣстности отдѣльно, принимая подписку въ своей редакціи, а затѣмъ собранныя суммы могутъ быть централизованы въ рукахъ организующагося въ Петербургѣ особаго Общества имени Л. Н. Толстого.

Но тутъ, конечно, является вопросъ,—для какой же именно цѣли долженъ быть предпринятъ печатью такой сборъ или, другими словами, какимъ же именно *дѣломъ* надлежало бы ознаменовать юбилей Толстого?

Мнѣ кажется, что такимъ дѣломъ должно быть учрежденіе въ Петербургѣ особаго литературнаго дома-музея имени Л. Н. Толстого. Развитіе этой мысли и предложеніе ея на ваше обсужденіе и составляетъ предметъ моего доклада.

Недавно въ газетѣ „Рѣчь“ извѣстный другъ Толстого и послѣдователь его ученія В. Г. Чертковъ внесъ на обсужденіе общества двѣ формы ознаменованія юбилея Толстого: 1) изданіе за границею (въ виду очевидной невозможности при современныхъ политическихъ условіяхъ сдѣлать это въ Россіи) всего того, что вышло изъ подъ пера Толстого въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ. Всѣ необходимыя поясненія для полноты подобнаго изданія могъ бы дать, по мысли Черткова, самъ Толстой, и такимъ образомъ это изданіе явилось бы капитальнымъ памятникомъ литературной дѣятельности Толстого и превосходнымъ первоисточникомъ для изученія его идей; 2) выкупъ принадлежащей семьѣ Толстого земли и надѣленіе ею крайне страдающихъ отъ малоземелья, живущихъ около Ясной Поляны, крестьянъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что оба предложенія В. Г. Черткова чрезвычайно симпатичны, но, предпринимая то или другое крупное дѣло, мы должны взглянуть на него прежде всего, такъ сказать, съ дѣловой же точки зрѣнія. А тутъ-то мнѣ и представляются чрезвычайныя трудности въ осуществленіи высказанныхъ г. Чертковымъ мыслей.

Возьмемъ первую изъ нихъ,—изданіе заграницей всего того, что вышло изъ подъ пера Толстого за послѣдніе 25 лѣтъ его жизни. Не имѣя въ рукахъ точныхъ данныхъ и потому не утверждая этого категорически, я, однако, едва ли ошибусь, если скажу, что изданіе, заключающее въ себѣ все написанное Толстымъ, начиная отъ его „Исповѣди“ (1882 г.) и до произведеній самого послѣдняго времени, будетъ содержать въ себѣ никакъ не менѣе 100 печатныхъ листовъ. Это изданіе будетъ, какъ уже сказано, по необходимости, такъ называемымъ, „нелегальнымъ“, и потому открытый сборъ на него денежныхъ средствъ черезъ газеты и журналы даже въ столицахъ, не говоря уже о провинціи, встрѣтитъ, при современныхъ политическихъ условіяхъ, прямо таки неодолимыя препятствія. Съ столь же, если еще не болѣе, неодолимыми препятствіями встрѣтятся организаторы подобнаго предпріятія и при обращеніяхъ за матеріальною ему поддержкою къ органамъ земскаго и городского самоуправленія. Если бы и нашлись среди земствъ и городовъ такіе, которые, не останавливаясь передъ „нелегальностью“ предпріятія, ассигновали, тѣмъ не менѣе, для поддержки его ту или иную сумму, то и эти постановленія были бы неизбѣжно опротестованы администраціей, т. е. для дѣла явились бы совершенно безрезультатными. Между тѣмъ, изданіе потребуетъ

весьма значительныхъ средствъ. Спрашивается: откуда же возьмутся онѣ при невозможности придти на помощь этому дѣлу даже сочувствующихъ ему земствъ и городовъ, при враждебности къ нему администраціи, при вынужденной бездѣятельности въ этомъ предпріятіи печати? Средствъ на такое дѣло, иначе какъ со стороны отдѣльныхъ крупныхъ жертвователей, поступить въ условіяхъ переживаемаго нами момента ниоткуда не можетъ. Значитъ, все дѣло зависитъ отъ того, будутъ ли такіе жертвователи или ихъ не будетъ? Въ первомъ случаѣ высокополезная мысль В. Г. Черткова получаетъ осуществленіе, во второмъ,—какъ ни грустно это признать,—получить осуществленія она не можетъ. Печать же въ этомъ дѣлѣ никакой особо существенной роли сыграть, къ сожалѣнію, не въ состояніи.

Что касается второго предложенія г. Черткова—ознаменовать юбилей Толстого путемъ выкупа принадлежащей семьѣ Льва Николаевича земли и передачи ея живущимъ около Ясной Поляны малоземельнымъ крестьянамъ, то при всей симпатичности подобной мысли, мнѣ представляется и она, по тѣмъ же соображеніямъ, практически неосуществимою. Конечно, открыть сборъ на такое дѣло для печати несравненно легче, чѣмъ на изданіе за границей запрещенныхъ въ Россіи произведеній Толстого, но во 1) позволительно сильно сомнѣваться въ особой продуктивности стараній объ этомъ предметѣ печати и въ 2) не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что органы мѣстнаго самоуправленія будутъ лишены всякой возможности принять въ подобномъ дѣлѣ матеріальное участіе. Причина понятна: земства и города могутъ расходовать свои средства на нужды или чисто мѣстныя или такія, въ удовлетвореніи которыхъ такъ или иначе, прямо или косвенно, но заинтересовано и мѣстное населеніе. Органы мѣстнаго самоуправленія могутъ, конечно, поддерживать столичныя культурныя и просвѣтительныя учрежденія (учебныя заведенія, музеи и проч.) по той причинѣ, что изъ учрежденій этихъ могутъ извлекать себѣ пользу и находящіеся въ столицѣ жители той или иной губерніи или области, преимущественно учащаяся молодежь, но какимъ образомъ и на какомъ формально-законномъ основаніи земство, положимъ, Воронежское или городъ, положимъ, Вятка могли бы ассигновать какую-либо сумму для улучшенія экономическаго положенія крестьянъ Тульской губерніи, Крапивенскаго уѣзда, деревни такой-то, расположенной около имѣнія, принадлежащаго семьѣ графа Льва Николаевича Толстого?

Такое постановленіе было бы несомнѣнно опротестовано администраціей. Вотъ почему и эта мысль В. Г. Черткова мнѣ представляется неосуществимою.

Но, кромѣ предложеній В. Г. Черткова, существуютъ и еще идеи ознаменованія юбилея Толстого конкретными актами. Одни думаютъ о созданіи въ возможно большемъ количествѣ школъ имени Толстого, другіе о дешевомъ изданіи его сочиненій, третьи—объ учрежденіи литературнаго дома-музея его имени.

Говорить о томъ, что чѣмъ больше школъ въ странѣ, тѣмъ лучше для нея, — значитъ, разумѣется, говорить вещи, противъ которыхъ возраженій по существу нѣтъ и быть не можетъ. Говорить, что въ дѣлѣ народнаго образованія наряду съ государственными, земскими и городскими учебными заведеніями должны существовать и просвѣтительныя учрежденія, организуемыя и содержимыя самимъ обществомъ,—значитъ опять таки высказывать мысли, противъ которыхъ возражать нельзя. Но и на этотъ вопросъ надо взглянуть съ его практической стороны,—а эта сторона такова: въ этомъ случаѣ каждый отдѣльный органъ печати занялся бы собираніемъ средствъ для устройства школы или другого имени Толстого просвѣтительнаго учрежденія *въ своей мѣстности*. Положимъ даже, что сборы пошли бы удачно и, слѣдовательно, были бы собраны необходимыя для *созданія* такихъ учрежденій денежныя средства. Но во 1) собрать средства для *созданія* просвѣтительнаго учрежденія, еще не значитъ имѣть ихъ для постояннаго *функціонированія* такого учрежденія, 2) о какомъ сколько-нибудь правильномъ функціонированіи подобныхъ учрежденій можетъ быть даже и рѣчь во множествѣ мѣстностей нашей провинціи при безграничномъ тамъ самовластіи господъ Пѣшковыхъ, Толмачевыхъ, Думбадзе и другихъ нашихъ препрославленныхъ воеводъ? 3) при осуществленіи этой мысли въ Россіи не будетъ ничего единаго, ничего центральнаго, что было бы связано съ юбилеемъ Толстого. По всѣмъ этимъ причинамъ, мнѣ представляется гораздо болѣе продуктивнымъ централизовать имѣющія быть собранными суммы въ Петербургѣ для организаціи тамъ единаго для всей Россіи культурно-просвѣтительнаго учрежденія.

Дешевое изданіе „Войны и Мира“, „Анны Карениной“ и другихъ вышедшихъ изъ подъ геніальнаго пера Толстого художественныхъ произведеній—дѣло также въ высшей степени необходимое, но осуществленіе его было бы цѣлесообразнѣе предоставить Обществу имени Л. Н. Толстого въ качествѣ одной изъ его

самыхъ прямыхъ задачъ. Опираясь на такое культурно-просвѣтительное учрежденіе, какъ толстовскій литературный домъ-музей, центральный пунктъ, куда, при развитіи его, будутъ обращены взоры всѣхъ интересующихся жизнью, дѣятельностью и идеями великаго писателя, Обществу имени Л. Н. Толстого будетъ гораздо легче изыскать возможности осуществленія и такого безъ сомнѣнія высокополезнаго дѣла, какъ разные способы популяризаціи произведеній Толстого въ народныхъ массахъ.

Остается, слѣдовательно, идея учрежденія въ Петербургѣ литературнаго дома-музея имени Л. Н. Толстого. Едва ли представляется необходимость защищать эту идею по самому ея существу. Въ Англіи есть свой Шекспиръ, въ Германіи—Гёте, у насъ—Левъ Толстой. Англія и Германія создаютъ во имя своихъ духовныхъ,—какъ когда-то говорилось и въ нашей литературѣ,—„славъ“ самыя разнообразныя учрежденія,—мы должны идти по этому же пути. Въ „увѣковѣченіи“ Левъ Толстой, конечно, не нуждается,—онъ вѣковѣченъ и безъ чьихъ бы то ни было усилій съ нашей стороны,—но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы на нашемъ обществѣ не лежало обязанности увѣковѣчить за поколѣніями настоящимъ и грядущими тѣ духовныя богатства, которыя далъ міру геній Толстого. Увѣковѣчить же ихъ — означаетъ прежде всего необходимость ихъ централизовать и систематизировать, создать учрежденіе, въ которомъ было бы собрано не только все написанное Толстымъ, но также и о немъ. А, вѣдь, это, господа, цѣлая библіотека! Само собою разумѣется, что въ этомъ домѣ-музеѣ должны быть сосредоточены также портреты и бюсты Толстого, рукописи его произведеній, письма, словомъ, все служащее къ познанію жизни и дѣятельности великаго человѣка. Пройдутъ года и этотъ музей можетъ развиться въ „музей Толстого и его эпохи“ т. е. сдѣлаться однимъ изъ центральнѣйшихъ учрежденій для познанія идейной исторіи Россіи за много десятковъ лѣтъ.

Со стороны матеріальной именно такой домъ-музей имени Толстого мнѣ также представляется имѣющимъ наибольшіе шансы на успѣхъ. Собирать средства на него органы печати будутъ имѣть, конечно, несравненно большую возможность со стороны „независящихъ обстоятельствъ“, чѣмъ на созданіе иныхъ, въ ознаменованіе юбилея Толстого, учрежденій. И изъ *малыхъ* лептъ *большого* количества жертвователей можетъ составиться крупная сумма. За матеріальной помощью для созданія подобнаго необходимаго всей Россіи культурно-просвѣтительнаго центра во имя

Толстого, въ честь Толстого и во славу Толстого можно обратиться во всѣ земскія, городскія и иныя учрежденія съ увѣренностью въ сочувственномъ откликѣ на такое обращеніе со стороны многихъ изъ этихъ учрежденій. Петербургская городская дума, вѣроятно, отвела бы безплатно подъ литературный домъ-музей мѣсто и быть можетъ приняла бы на себя расходы по содержанію этого учрежденія въ будущемъ. Не невозможно, что этому дѣлу пришла бы на помощь даже и Дума Государственная. Ничего нельзя имѣть и противъ участія въ этомъ дѣлѣ почитателей Толстого и среди славянъ, и среди другихъ народовъ. Во всякомъ случаѣ и съ этой стороны неодолимыя затрудненія такое дѣло едва ли бы встрѣтило. Недавно еще Петербургъ обогатился музеемъ Суворовскимъ. Но чѣмъ же фельдмаршалъ русской литературы ниже фельдмаршала поля ратнаго?

Существуетъ, наконецъ, и еще одно обстоятельство, громко говорящее о необходимости созданія такого учрежденія имени Толстого и созданія его именно въ Петербургѣ. При анализѣ этого обстоятельства станетъ яснымъ и то, почему говорю я не просто о музеѣ Толстого, а именно о литературномъ домѣ-музеѣ имени Льва Толстого. Всѣмъ намъ, господа, приходится много слышать о необходимости объединенія дѣятелей литературы. И это безспорно одна изъ задачъ, настоятельно требующихъ своего разрѣшенія. Существуютъ у насъ, въ Петербургѣ, и нѣсколько литературныхъ организацій—Литературный Фондъ, Касса взаимопомощи литераторамъ и ученымъ,—обѣ эти организаціи преслѣдуютъ спеціальныя задачи—и Петербургское Литературное Общество, имѣющее задачи обще-литературнаго и обще-культурнаго характера. Но какъ эти организаціи, такъ и многія другія имъ подобныя (организаціи драматическихъ писателей, кружокъ имени Герцена, кружокъ имени Полонскаго и т. д.), весьма страдаютъ отъ неимѣнія ни у одной изъ нихъ собственнаго помѣщенія, этой необходимѣйшей базы для развитія и процвѣтанія всякой, преслѣдующей культурно-общественныя цѣли, организаціи. И я спрашиваю васъ: можно ли придумать что-нибудь лучше для объединенія дѣятелей литературы, чѣмъ созданіе, такъ сказать, матеріальнаго центра для такого объединенія въ формѣ литературнаго домамузея имени колосса-русской литературы, дома, въ которомъ были бы и спеціальныя помѣщенія для собраній литераторовъ? Вѣдь, этотъ домъ находился бы въ непосредственномъ завѣдываніи Общества имени Л. Н. Толстого, организаціи, во-первыхъ, также со-

стоящей по преимуществу изъ литераторовъ и ученыхъ, и во-вторыхъ, такой, вступленіе въ которую не будетъ представлять никакихъ затрудненій для всѣхъ желающихъ быть ея членами. Само собою разумѣется, что помѣщеніе музея сдѣлалось бы центромъ для собраній не только членовъ Общества имени Л. Н. Толстого, но и другихъ литературныхъ организацій. Получилась бы такимъ образомъ для объединенія дѣятелей литературы необходимая матеріальная основа. Это обстоятельство, имѣя само по себѣ огромное значеніе, увеличивается, конечно, во сто кратъ громадною *моральною* цѣнностью того факта, что процессъ объединенія писателей происходилъ бы вокругъ учрежденія, созданнаго во имя юбилея Льва Толстого и по инціативѣ съѣзда дѣятелей литературы. Среди русскихъ писателей находятся, разумѣется, люди самыхъ разнообразныхъ политическихъ, соціальныхъ, философскихъ и иныхъ воззрѣній, многіе изъ писателей принадлежатъ къ различнымъ политическимъ партіямъ, но все это нисколько не исключаетъ возможности и необходимости ихъ объединенія. И пусть же это объединеніе совершается вокругъ имени писателя не только внѣпартійнаго, но и по всему складу своей личности,--да позволено мнѣ будетъ такъ выразиться,—*надъ*-партійнаго и *сверхъ*-партійнаго!

Господа! Принявши рѣшеніе начать черезъ органы печати повсемѣстный сборъ на учрежденіе въ Петербургѣ литературнаго дома-музея имени Л. Н. Толстого, вы сдѣлаете огромное дѣло!. Вы положите первый камень въ дѣлѣ сооруженія такого учрежденія, которое, являясь однимъ изъ лучшихъ живыхъ памятниковъ геніальному русскому писателю и удовлетворяя настоятельную потребность дѣятелей нашей литературы имѣть то, что англичане называютъ свой home, т. е. свой уютъ, свой очагъ и безъ чего всѣ разговоры объ объединеніи писателей останутся въ значительной степени праздными, вы въ то же время проявите свою заботу и о поколѣніяхъ грядущихъ, ибо Толстой принадлежитъ столько же настоящему, сколько и будущему!

Можно, конечно, мечтать объ ознаменованіи юбилея Толстого и дѣлами болѣе грандіозными, но зачѣмъ оставаться намъ въ области мечты и только мечты, когда мы можемъ положить фундаментъ дѣлу важности также огромной, но находящемуся въ то же время въ области не мечты, а самой доподлинной реальности.

Можно находить также, что создать толстовскій домъ-музей слѣдовало бы не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, какъ городѣ, Толстому болѣе близкомъ. Я буду возражать и противъ этого. Хо-

рошо это или худо, но наша исторія сдѣлала центромъ не только государственной, но и духовной жизни Россіи не Москву, а Петербургъ. Здѣсь, а не въ Москвѣ, наибольшее количество высшихъ учебныхъ заведеній, органовъ печати, разнаго рода общественныхъ и литературныхъ организацій. Здѣсь, а не въ Москвѣ, должно находиться, поэтому, и учрежденіе, назначеніе котораго, сверхъ другихъ его огромныхъ задачъ, служить дѣлу объединенія дѣятелей нашей литературы. Самъ же по себѣ Толстой, если не сталъ еще теперь, то безъ сомнѣнія станетъ въ будущемъ *равно близкимъ* и Петербургу и самой глухой деревушкѣ въ Россіи.

Скажутъ, можетъ быть, что начало толстовскому музею уже положено именно въ Москвѣ фактомъ передачи графиней С. А. Толстой Историческому Музею многихъ рукописей Льва Николаевича, и такимъ образомъ остается лишь развивать начатое уже дѣло. Съ этимъ согласиться также невозможно. Для реализаціи предлагаемой на ваше разсмотрѣніе идеи нужна не отдѣльная „комнатка“, въ томъ или иномъ, имѣющемъ другія задачи, помѣщеніи, а спеціально оборудованное и приспособленное для данной цѣли особое зданіе. Къ тому же мнѣ говорили свѣдущіе люди, что графиня Толстая передала Историческому Музею въ Москвѣ рукописи ея мужа не въ собственность, а лишь на храненіе, и онѣ безъ сомнѣнія могутъ быть, съ разрѣшенія графини Толстой, взяты оттуда, если возникнетъ особое для помѣщенія такихъ вещей учрежденіе.

Я кончаю, господа, свой докладъ повтореніемъ его центральной мысли: литературный домъ-музей имени Толстого въ Петербургѣ нуженъ и для цѣлей настоящаго, и въ интересахъ будущаго. Поспѣшимъ же придти на помощь этому настоятельному дѣлу. Соединимъ наши усилія и направимъ ихъ къ одной цѣли. Пусть только органы печати, въ особенности газеты, начнутъ призывы къ пожертвованіямъ на учрежденіе литературнаго дома-музея имени Толстого и повторяютъ эти призывы изо дня въ день! Тогда домъ-музей, — можно вѣрить въ это, не увлекаясь, — выростетъ весьма быстро, и честь почина въ этомъ нужномъ и важномъ для всей Россіи дѣлѣ будетъ принадлежать вамъ, господа, членамъ перваго всероссійскаго съѣзда печати!

В. Богучарскій.

Въ засѣданіи 23 іюня съѣздъ принялъ слѣдующую резолюцію:

„Съѣздъ выражаетъ пожеланіе соорудить въ Петербургѣ Литературный Домъ-Музей имени Л. Н. Толстого. Въ Домѣ этомъ, кромѣ музея, желательно имѣть и другія культурно-просвѣтительныя учрежденія, какъ для изученія произведеній великаго писателя, такъ и для ознакомленія съ ними широкихъ слоевъ населенія.

Наряду съ тѣмъ, съѣздъ выражаетъ пожеланіе, чтобы были приняты мѣры для изданія, по мысли В. Г. Черткова, всего того, что вышло изъ-подъ пера Л. Н. Толстого за послѣдніе 25 лѣтъ его жизни, а также для удешевленія сочиненій Л. Н. Толстого.

Для осуществленія всѣхъ этихъ предположеній съѣздъ выражаетъ пожеланіе открыть повсемѣстный сборъ съ тѣмъ, чтобы собранныя суммы были централизованы въ рукахъ Общества имени Л. Н. Толстого, а до его утвержденія въ рукахъ имѣющаго быть избраннымъ на съѣздѣ взамѣнъ временнаго бюро постояннаго Комитета“ *).

Прибавимъ отъ себя пожеланіе, чтобы при пожертвованіяхъ *(принимаются и въ редакціи журнала „Минувшіе Годы“, Петербургъ, Лиговка, 44)* жертвователи обозначали, на какую именно цѣль они предназначаютъ свои пожертвованія,—на Литературный Домъ-Музей имени Л. Н. Толстого или изданіе произведеній, вышедшихъ изъ-подъ пера Л. Н. Толстого за послѣдніе 25 лѣтъ его жизни.

* * *

На сооруженіе въ Петербургѣ Литературнаго Дома-Музея имени Л. Н. Толстого поступило: собранные между собою участниками съѣзда—92 р. 11 к. Отъ Г. К. Г.—1 р. Итого 93 р. 11 к. Деньги переданы по назначенію.

---

*) Въ Комитетъ этотъ избраны: Н. Ф. Анненскій, В. Я. Богучарскій, В. В. Водовозовъ, Г. К. Градовскій, М. М. Ковалевскій, В. Г. Короленко, П. Н. Милюковъ, М. А. Стаховичъ и М. М. Федоровъ. Кромѣ того, Комитетъ долженъ быть пополненъ еще тремя лицами, избранными Литературнымъ Фондомъ, Кассою взаимопомощи литераторамъ и ученымъ и Петербургскимъ Литературнымъ Обществомъ—по одному отъ каждаго изъ этихъ учрежденій. Кандидатами въ Комитетъ избраны: К. В. Аркадакскій, Ф. Д. Батюшковъ, І. В. Гессенъ, С. Н. Прокоповичъ, А. В. Пѣшехоновъ, А. А. Столыпинъ и В. Г. Танъ.

Книги, поступившія въ редакцію:

В. Гриневичъ.—Профессіональное движеніе рабочихъ въ Россіи.

Бернаръ Лахаръ. Обществен. идеалы еврейскаго народа. Перев. съ франц., ц. 10 коп.

Өедоръ Соллогубъ. Пламенный кругъ. Стихи, книга 8-я, изд. „Золотое Руно", ц. 1 р.

К. Д. Бальмонтъ. Зовы древности, изд. Пантеонъ „Міровая литература" ц. 1 р. 50 коп.

То же изд. дешевое 40 коп.

Забастовки бакинскихъ нефтопромышленныхъ рабочихъ въ 1907 г.

Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса къ Николаю —ону. Перевелъ Г. А. Лопатинъ.

Для политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ въ редакцію поступило отъ Ольги И. 25 руб. Деньги переданы по назначенію.

Въ моментъ, когда книга эта уже заканчивалась печатаніемъ, произошло горестное событіе: скончался одинъ изъ старѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей, сотрудникъ и нашего журнала **Петръ Исаевичъ Вейнбергъ.**

Біографическія свѣдѣнія о покойномъ мы помѣстимъ въ слѣдующей книжкѣ „Минувшихъ Годовъ", а пока скажемъ наше искренее—миръ его праху!

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

Вышла Майская (пятая) книга.

Содержаніе: I. **Шмелевъ Ив.** — Гражданинъ Уклейкинъ. Повѣсть. II. **Бальмонтъ К. Д.**—Стих. III. **Толстой Александръ**—На экзаменѣ. Картинка. IV. **Волчанецкая Е.**—Стих. V. **Франсъ Анатоль**—Романъ изъ театральнаго міра. Перев. **Чеботаревской Ал.** Продолж. VI. **Стояновъ Р.**—Стих. VII. **Щепкина-Куперникъ Т. Л.**—Исторія о томъ, какъ Якопо Бенедетти изъ Тоди любилъ прекрасную Монну Ванну и какъ любовь эта божественнымъ огнемъ страданія очистила его душу. VIII. **Пинусъ Сергѣй.**—Стих. Фернана Грога. IX. **Збышко**—Встрѣча. Разск. X. **Лундегордъ Аксель**—La Mouche. Романъ на смертномъ одрѣ (изъ жизни Гейне.) Переводъ со шведскаго **Благовѣщенской М. П.** XI. **Пинусъ С.**—Стих. XII. **Штильманъ Г. Н.**—Конфликтъ между національнымъ собраніемъ и короною въ Пруссіи. XIII. **Норовъ В.**—Винная монополія и потребленіе водки. XIV. **Дверницкій**—Письма изъ Германіи. XV. **Лапшинъ И. И.**—Эдуардъ фонъ Гартманъ. Оконч. XVI. Проблема аскетизма. I. Міровое значеніе аскетическаго христіанства—**Вал. Свенцицкаго.** II. О христіанскомъ аскетизмѣ—**В. В. Розанова.** XVII. **Левченко Вад.**—Кризисъ университетской жизни. (Мысли студента). XVIII. **Изгоевъ А. С.**—Національные и религіозные вопросы въ современной Россіи. XIX. **Вильямсъ Г.**—Молодая Эстонія. Замѣтка. XX. **Сѣверянинъ**—Промышленныя перспективы. XXI. **Айхенвальдъ Ю. И.**—Литературныя замѣтки. XXII. **Линдъ В. Н.**—Законодательство и жизнь. XXIII. **Струве Петръ**—Отрывки о государствѣ и націи. XXIV. **Вергежскій А.**—Третья Дума. XXV. **Кизеветтеръ А. А.**—Два слова М. Н. Покровскому. XXVI. Библіографія. XXVII. Объявленія.

Продолжается подписка на 1908 г.

Условія подписки.

Съ достав. и перес. на годъ 12 р., 9 м. 9 р., 6 м. 6 р., 3 м. 3 р., 1 м. 1 р.

за границу на годъ 14 р., 10 р. 50. к. 7 р., 3 р. 50 к., 1 р. 25 к.

Книгопродавцамъ уступка 50 к. съ полнаго экземпл.

Подписка принимается: въ **Москвѣ**—контора журн. Воздвиженка, Ваганьков. пер., д. Куманина; въ **С.-Петербургѣ**, Вильнѣ, Варшавѣ—въ книж. магаз. Карбасникова. Въ Кіевѣ—въ кн. магаз. Оглоблина, въ Одессѣ—въ книж. магаз.—„Трудъ“.

N 8
ГОДЪ ПЕРВЫЙ

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ

АВГУСТЪ

1908
СПБ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

---

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ через книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Лиговка, 44*.

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 20 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) Принятыя статьи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не ранѣе, какъ **черезъ мѣсяцъ** по ихъ доставленіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія „Энергія", Загородный, 17.

1908.

Восьмидесятилѣтіе Л. Н. Толстого.

Шесть лѣтъ тому назадъ исполнилось пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности Льва Николаевича Толстого и нѣкоторыя изъ строкъ, которыя мы писали по поводу этого событія въ сентябрьской книжкѣ журнала „Образованіе" за 1902 годъ, мы позволяемъ себѣ повторить и въ настоящій моментъ.

„Пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности писателя—явленіе, далеко не часто повторяющееся въ исторіи, но пятидесятилѣтіе дѣятельности писателя въ полномъ смыслѣ слова великаго, пятидесятилѣтіе, служащее, по истинѣ, лишь прологомъ къ вѣчности, къ нетлѣнной славѣ въ роды и роды, къ безсмертію среди уходящаго въ безбрежную даль ряда поколѣній,—вотъ огромное событіе, на которое, къ стыду нашему, такъ слабо реагировали мы, современники великаго человѣка...

И невольно припоминаются слова другого геніальнаго художника, вылившіяся у него въ то время, когда ангелъ смерти уже рѣялъ вокругъ его одра. Эти слова гласили прежде всего о томъ, какъ мастистый художникъ „*былъ радъ быть современникомъ*" Льва Николаевича Толстого. И если мысль объ этомъ фактѣ наполняла радостью сердце умиравшаго Тургенева, если съ этою, по его собственнымъ словамъ, цѣлью, онъ, не бывшій уже въ состояніи „ни ходить, ни ѣсть, ни спать", взялся съ чрезвычайнымъ напряженіемъ силъ за перо, то... что же должны были бы испытыватъ мы, стоящіе лицомъ къ лицу съ величественнымъ въ нашей небогатой величіемъ жизни событіемъ, если-бы мы отдавали себѣ ясный отчетъ въ колоссальномъ значеніи переживаемаго нами историческаго факта!..

Современники Толстого упивались много лѣтъ высокохудожественнымъ наслажденіемъ отъ его произведеній, всесокрушающее время какъ бы утратило свою силу надъ неистощимымъ родни-

комъ творчества писателя-великана, надъ дѣйственною мощью его изъ ряда вонъ выходящаго генія; величайшіе писатели міра съ изумленіемъ взирали на ослѣпительное явленіе и затѣмъ скромно посторонились, единодушно указавши на литературный тронъ, какъ на единственное, достойное Толстого, среди художниковъ слова мѣсто... Одинъ лишь писатель былъ недоволенъ авторомъ „Войны и Мира“ и „Анны Карениной“: то былъ Левъ Толстой...

„Проклятые вопросы“ чуть было не довели до самоубійства Толстого именно въ то время, когда все, казалось, соединилось, чтобы даровать этому человѣку то, что люди называютъ счастьемъ, во имя чего они борятся, страдаютъ, совершаютъ тяжкія преступленія... Поразительная по своему глубочайшему содержанію картина, достойная кисти величайшаго художника! Но Толстой вышелъ побѣдителемъ и изъ этого испытанія и явилъ себя міру еще съ новой стороны. И какъ бы кто ни относился къ проповѣди Толстого, едва ли найдется много людей, которые осмѣлились бы заподозрить одно изъ основныхъ свойствъ этой проповѣди: ея, исходящую изъ глубочайшихъ нѣдръ души проповѣдника, искренность.

Да продлитъ же судьба еще на много лѣтъ жизнь этого украшенія земли родной, да дастъ она ему силу для созданія еще и еще великихъ образовъ, которые не увѣковѣчили бы его имя въ исторіи,— этого Толстому не надо, ибо онъ вѣченъ и безъ того,—а доставили бы намъ, его современникамъ, возможность снова и снова пережить тѣ глубочайшія впечатлѣнія, вызвать въ насъ которые властенъ лишь одинъ человѣкъ: то Левъ Толстой“.

Повторяя нынѣ тѣ же строки, мы счастливы возможностью присоединить и нашъ скромный голосъ къ тому несмѣтному хору голосовъ, которые въ славный день 28 августа текущаго года сольются въ единомъ кличѣ: **многая-многая лѣта!**...

По редакціоннымъ соображеніямъ мы откладываемъ помѣщеніе находящихся въ нашемъ распоряженіи нѣкоторыхъ, касающихся Л. Н. Толстого статей и замѣтокъ до слѣдующей книжки, надѣясь выпустить ее всего черезъ нѣсколько дней послѣ восьмидесятилѣтней годовщины жизни великаго писателя русской земли.

Двадцатипятилѣтіе со дня кончины И. С. Тургенева.

Судьбѣ угодно было, чтобы восьмидесятилѣтіе со дня рожденія великаго писателя русской земли и двадцатипятилѣтіе со дня кончины того, кто первый далъ Толстому это, ставшее нынѣ общепризнаннымъ, наименованіе, пришлись на одинъ и тотъ же мѣсяцъ одного и того же года.

Ознаменовать юбилей Льва Николаевича Толстого предположено учрежденіемъ въ Петербургѣ Литературнаго Дома-Музея его имени и другими актами общественнаго значенія. Хотѣлось бы вѣрить, что предположенія эти не останутся одними только словами. Говоримъ—„хотѣлось бы вѣрить“, а не,—какъ то бы слѣдовало,—„горячо вѣримъ“ по той причинѣ, что за истекшіе 25 лѣтъ со дня кончины другого украшенія нашей литературы, Ивана Сергѣевича Тургенева, не сдѣлано почти ничего для увѣковѣченія его памяти. И это, невзирая на опубликованное уже четверть вѣка тому назадъ, разрѣшеніе всенароднаго сбора для постановки памятника Тургеневу въ его родномъ городѣ Орлѣ! На эту цѣль за 25 лѣтъ собрано всего какихъ то жалкихъ нѣсколько тысячъ рублей! Почему же это такъ случилось, почему поляки, напримѣръ, могли съ необыкновенной быстротой осуществить свое *національное* дѣло,—дѣло сооруженія въ Варшавѣ памятника Мицкевичу, лишь только къ тому явилась для нихъ *первая возможность чисто внѣшняго характера?* Или и въ самомъ дѣлѣ мы еще не доросли до сознанія своихъ, передъ нашими литературными „славами“ *національныхъ* обязанностей? Но въ такомъ случаѣ и дѣйствительно,—*нація ли мы?..*

Тэнъ говоритъ, а Мельхіоръ де Вогюэ повторяетъ, вполнѣ съ нимъ соглашаясь, что „Тургеневъ былъ однимъ изъ самыхъ

совершенныхъ художниковъ, какими только обладалъ міръ послѣ художниковъ Греціи". И къ памяти такого-то художника мы „постыдно-равнодушны"!

Имена Тургенева и Толстого тѣсно между собою переплетены во многихъ отношеніяхъ. Тургеневъ преклонялся передъ художественнымъ геніемъ Толстого и, будучи „европейцемъ" par excellence, не мало содѣйствовалъ ознакомленію Европы съ произведеніями великаго писателя русской земли. Вспоминается такой извѣстный эпизодъ: Тургеневъ перевелъ и перевелъ, конечно, такъ, какъ могъ перевести только онъ, на французскій языкъ нѣсколько страницъ изъ „Войны и Мира" и далъ прочесть ихъ Флоберу. Прочтя эти страницы, Флоберъ воскликнулъ: „да, это Шекспиръ, это Шекспиръ!"

Памятникъ Тургеневу въ Орлѣ и Литературный Домъ-Музей имени Толстого въ Петербургѣ,—вотъ дѣла, выполненіе которыхъ является *націнальною обязанностью* русскаго общества!

* * *

Воспоминанія объ И. С. Тургеневѣ [1].

Я встрѣтился съ Тургеневымъ въ 1878 г., въ Парижѣ. Боборыкинъ повелъ меня къ нему и мы цѣлое утро пробесѣдовали о предстоявшемъ литературномъ конгрессѣ и о томъ, стоять-ли русскимъ писателямъ за или противъ признанія литературной собственности иностранцевъ. Изъ всѣхъ насъ одинъ Тургеневъ могъ быть лично заинтересованъ въ томъ, чтобы вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. При томъ, подобно Боборыкину, онъ полагалъ, что грубое, безграничное отрицаніе этого права иностранныхъ авторовъ, было бы явной несправедливостью. Не смотря на все это, онъ согласился въ концѣ-концовъ съ Полонскимъ и мною, что безусловное признаніе за переводчиками обязанности вознаграждать литераторовъ сдѣлало-бы немыслимымъ появленіе на русскомъ языкѣ цѣлаго ряда ученыхъ сочиненій, такъ какъ послѣднія и безъ того едва окупаются переводчикамъ. Тургеневъ не только примкнулъ къ этому мнѣнію, но и добровольно принялъ на себя защищать его на конгрессѣ, что при тогдашнемъ настроеніи французскихъ газетъ и литературныхъ кружковъ было своего рода героизмомъ.

Дня два спустя, я встрѣтилъ Ивана Сергѣевича на конгрессѣ, который, по предложенію Абу, избралъ его своимъ дѣйствительнымъ президентомъ (почетнымъ считался Викторъ Гюго). Какъ предсѣдатель, Тургеневъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ. Абу постоянно дергалъ его сзади, напоминая ему объ его обязанностяхъ. Я не видалъ его никогда въ болѣе затруднительномъ положеніи. Онъ просто недоумѣвалъ, что ему дѣлать, чтобы прекратить шумъ и разговоры въ разныхъ концахъ залы (собраніе засѣдало въ *Grand Orient* — парижскомъ храмѣ масоновъ). Онъ то вставалъ, собираясь что то сказать, и не говорилъ ничего, то давалъ голосъ не въ очередь и, наконецъ, къ довершенію собственнаго смущенія, уронилъ зво-

---

[1]) Воспоминанія эти въ значительной своей части были напечатаны авторомъ вскорѣ послѣ смерти Тургенева, т. е. 25 лѣтъ тому назадъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Нынѣ онѣ авторомъ дополнены. *Ред.*

нокъ. Что это за предсѣдатель,—послышались ему голоса сосѣдей,—когда онъ не умѣетъ даже держать звонка. Бѣдный Иванъ Сергѣевичъ сталъ извиняться, ссылаясь на то, что обстановка, въ которой онъ провелъ большую часть жизни, не могла пріучить его къ практикѣ „дебатирующихъ собраній“ (*assemblées dé libérentes*). Когда въ ближайшемъ засѣданіи ему самому пришлось высказаться по вопросу о гарантіяхъ французской литературной собственности въ Россіи и онъ открыто сталъ на сторону переводчиковъ противъ авторовъ, то въ собраніи поднялся такой гамъ, что Ивану Сергѣевичу не удалось и досказать до конца своей мысли. Всего болѣе шумѣлъ кн. Любомирскій, утверждая, что переводчики просто наживаются его романами, тѣми самыми романами, которые только и можно встрѣтить, что въ фельетонахъ мертво-рожденныхъ газетъ. Если, какъ предсѣдатель, Тургеневъ потерпѣлъ полное фіаско, то, какъ литераторъ, онъ могъ похвалиться большимъ успѣхомъ. Въ началѣ и концѣ сессіи его окружали писатели разныхъ странъ, увѣряя его, напримѣръ,—какъ онъ самъ мнѣ это разсказывалъ, — что въ Бразиліи имя его столь же популярно, какъ имя Виктора Гюго и Ксавье де-Монтепена [1]).

Торжественное засѣданіе литературнаго конгресса, состоявшееся въ Шателэ, было также для него тріумфомъ. За исключеніемъ рѣчи Гюго, ни одна не была покрыта такими дружными апплодисментами, какъ коротенькая, просто написанная и еще проще прочтенная аллокуція Тургенева. Иванъ Сергѣевичъ вспоминалъ въ ней о томъ, какъ сто лѣтъ назадъ въ Парижѣ Фонъ-Визинъ былъ свидѣтелемъ оваціи, устроенной Вольтеру въ театрѣ, и ставилъ этотъ фактъ въ параллель съ пріемомъ, какой литераторы всего міра дѣлаютъ въ его присутствіи Гюго. Отправляясь отъ этого, онъ обозрѣвалъ въ немногихъ словахъ весь ходъ развитія русской словесности отъ Фонъ-Визина и до Льва Толстаго включительно и указывалъ, что внесено ею новаго въ литературный капиталъ человѣчества. Безискусственность и искренность, съ какой Тургеневъ произнесъ все это, сдѣлали на собраніе тѣмъ большее впечатлѣніе, что передъ этимъ ему только и слышались, что громоносные раскаты Гюго — *ambassadeurs de l'esprit humain, rois de la pensée* (послы человѣческаго разума, цари мысли), эпитеты, правда, весьма лестные, но которыхъ все же не могли принять за чистую монету девять десятыхъ присутствовавшихъ. Слишкомъ уже были они далеки отъ представительства, а тѣмъ болѣе отъ царенія надъ человѣческой мыслью.

Въ томъ же году мнѣ привелось встрѣтиться съ Тургеневымъ въ Лондонѣ. Аштонъ-Дилькъ, переводчикъ „Нови“, пригласилъ его къ себѣ

---

[1]) Весь смыслъ ироніи, конечно, въ сопоставленіи этихъ двухъ именъ.

завтракать. Сколько помнится, кромѣ меня и одного молодого американца, не было никого.

Тургеневъ съ обычной своей привѣтливостью раскрылъ мнѣ при встрѣчѣ свои широкія объятія и мы троекратно облобызались по русскому обычаю. Англичане съ улыбкой слѣдили за нами, какъ бы отмѣчая характерную народную черту. Иванъ Сергѣевичъ говорилъ по-англійски грамматически-правильно, но съ нескончаемыми запинками; онъ, видимо, подыскивалъ слова и выражался уже „черезчуръ книжно“. Я узналъ отъ него, что онъ пріѣхалъ въ Лондонъ прямо изъ Кембриджа. Въ окрестностяхъ этого города онъ охотился у своего пріятеля Голя, отъ него заѣхалъ въ Льюису и провелъ цѣлый день на его дачѣ въ обществѣ Джоржъ Элліотъ. „Даніель Деронда“, предпослѣдній романъ знаменитой англійской писательницы, появился въ печати за 6 мѣсяцевъ до пріѣзда Тургенева въ Англію. Льюисъ былъ въ восторгѣ отъ него, увѣряю всѣхъ и каждаго, что никогда ничего лучшаго не выходило изъ-подъ пера его жены. Англійская критика между тѣмъ отнеслась къ роману сдержанно и холодно. Джоржъ Элліотъ упрекали въ томъ, что главный герой ея романа не живое лицо, а какая то ходячая пропись, что это не общественный дѣятель, какимъ хотѣла выставить его писательница, а холодный резонеръ, съ умомъ разсуждающій о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ „жизни и духа“. Не находя отголоска своимъ восторгамъ даже въ тѣсномъ кружкѣ ближайшихъ пріятелей, Льюисъ съ жадностью набросился на Тургенева, желая разузнать, что онъ думаетъ о романѣ. Представьте себѣ, сказалъ онъ ему, что вы назначены въ присяжную комиссію, и что вашему рѣшенію подлежитъ вопросъ о томъ: какое изъ произведеній моей жены должно быть поставлено во главѣ остальныхъ? Скажите, въ пользу какого изъ ея романовъ подали бы вы вашъ голосъ? „Несомнѣнно въ пользу „Мельницы на Флоссѣ“,—отвѣтилъ Тургеневъ:—это самое безискусственное и художественное изъ сочиненій вашей жены“. Льюисъ началъ спорить, утверждать, что Тургеневъ недостаточно вчитался въ „Даніеля Деронду“, что самъ онъ, какъ слѣдуетъ, оцѣнилъ это произведеніе, только послѣ неоднократнаго чтенія. Все было безполезно: нашъ художникъ остался непреклоненъ въ своемъ предпочтеніи простоты и безискусственности, съ которой Элліотъ въ „Мельницѣ на Флоссѣ“ рисуетъ намъ жизнь англійскаго простонародья и среднихъ классовъ.

Американецъ, позванный на завтракъ Аштономъ Дилькомъ, самъ оказался писателемъ и поклонникомъ литературныхъ произведеній Тургенева. Въ этотъ день я въ первый разъ узналъ, что нашъ писатель хорошо извѣстенъ и по ту сторону океана.

Въ Англіи, какъ говорила мнѣ Джоржъ Элліотъ, Тургенева читали мало, хотя и цѣнили много. Слишкомъ уже далека отъ насъ ваша жизнь, гово-

рила мнѣ по этому случаю англійская писательница; цѣнить въ Тургеневѣ мы можемъ только его художественность; а эта сторона писателя понятна лишь немногимъ истиннымъ любителямъ и знатокамъ дѣла.

Въ Америкѣ, наоборотъ, недавнее освобожденіе негровъ изъ неволи какъ бы породнило общество съ тѣмъ изъ русскихъ писателей, который всего громче подымалъ голосъ за свободу крестьянъ: „Записки охотника“, какъ я самъ имѣлъ случай убѣдиться въ бытность мою въ Соединенныхъ Штатахъ, хорошо извѣстны тамъ читателямъ не только высшаго, но и средняго общества. Тургеневу удалось даже создать нѣчто въ родѣ маленькой школы въ средѣ американскихъ романистовъ.

Генри Джемсъ ставитъ его открыто выше всѣхъ современныхъ беллетристовъ. Кебль не скрываетъ того, что Тургеневъ для него образецъ. Бойльсонъ признаетъ въ нашемъ великомъ писателѣ ту же художественность, что и у Гете, котораго онъ такъ любитъ и такъ хорошо знаетъ [1]).

Тургеневъ разсказывалъ намъ за завтракомъ много интересныхъ подробностей о пребываніи его въ Оксфордѣ и Кембриджѣ. (Прежде, чѣмъ посѣтить Голя, онъ заѣхалъ въ Оксфордъ). Очень утѣшало его то обстоятельство, что въ Оксфордѣ извѣстный математикъ Смисъ упомянулъ ему о Чебышевѣ и о Коркуновѣ, такъ рано погибшемъ для науки, какъ о величайшихъ математическихъ геніяхъ.

Въ Оксфордѣ Тургенева принималъ Максъ Мюллеръ и объ этомъ пріемѣ я узналъ, впослѣдствіи, довольно интересныя подробности отъ Рольстона. Незадолго до пріѣзда въ Англію, Тургеневъ, уступая охватившему всѣхъ русскихъ чувству негодованія противъ своекорыстной политики Англіи на Востокѣ, написалъ стихотвореніе подъ названіемъ „Крокетъ въ Виндзорѣ“; въ этомъ стихотвореніи разсказывалось, между прочимъ, что королева, думая поднять шаръ, подымаетъ окровавленную голову болгарскаго мальчика. Какъ назначенный королевой (Regions professor) Максъ Мюллеръ недоумѣвалъ, принять-ли ему у себя Тургенева или нѣтъ и не зная, какъ поступить, обратился къ Рольстону съ вопросомъ: правда-ли, что Тургеневъ недавно печатно задѣлъ англійскую королеву? Рольстонъ поручился за Тургенева, что онъ ея никогда не задѣвалъ.

Иванъ Сергѣевичъ принятъ былъ въ Оксфордѣ, какъ нельзя лучше: ночевалъ въ домѣ у Макса Мюллера и такъ очаровалъ всѣхъ своею манерой, что на слѣдующій годъ выбранъ былъ оксфордскимъ сенатомъ въ почетные доктора гражданскаго права. Тургенева очень забавляло то обстоятельство, что онъ, не знавшій какъ заключить наипростѣйшую сдѣлку, па

---

[1]) Бойльсонъ, авторъ очень распространеннаго не только въ Америкѣ, но и въ Германіи комментарія къ Фаусту.

старости лѣтъ попалъ въ доктора гражданскаго права. Этой чести онъ былъ удостоенъ за ту роль, какую на Западѣ вообще приписываютъ ему въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Нѣкоторые англичане и французы до сихъ поръ непрочь думать, что крестьянъ освободили у насъ потому, что Тургеневъ написалъ свои „Записки охотника".

Помню я разсказъ Ивана Сергѣевича о томъ, какъ провозглашали его докторомъ. Явился онъ въ освященной обычаемъ мантіи, прикрывая свои сѣдины докторскимъ колпакомъ. Вошелъ онъ не безъ нѣкотораго волненія, опасаясь, что публика начнетъ свистать ему, такъ какъ торжество его избранія совпало съ эпохой самаго враждебнаго настроенія англичанъ противъ Россіи. Ничуть не бывало. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ залы послышались даже слабые аплодисменты.

Тургеневу еще разъ пришлось побывать въ Англіи, за годъ до смерти. Его переводчикъ Рольстонъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы устроить ему маленькую овацію. Онъ созвалъ на банкетъ тѣхъ немногихъ писателей, которые не успѣли еще покинуть Лондона, вмѣстѣ съ окончаніемъ „сезона". (Тургеневъ на этотъ разъ пріѣхалъ въ Англію въ началѣ сентября).

Иванъ Сергѣевичъ встрѣтился за обѣдомъ съ покойнымъ Тролопомъ, Блекомъ и цѣлымъ рядомъ сотрудниковъ Times и Daily News. Послѣдніе, по его словамъ, увѣряли его въ томъ, что очень уважаютъ его за содѣйствіе, оказанное имъ освобожденію крестьянъ, но что, къ сожалѣнію, ничего не читали изъ его произведеній.

Рольстонъ не только угостилъ Тургенева хорошимъ обѣдомъ и пріятнымъ обществомъ, но и заставилъ его выслушать цѣлый рядъ писемъ и телеграммъ, полученныхъ имъ отъ разныхъ англійскихъ знаменитостей, съ извиненіемъ, что, по домашнимъ обстоятельствамъ, они не могутъ присутствовать на банкетѣ.

Въ заключеніе, добрый хозяинъ навелъ рѣшительный ужасъ на своего гостя, объявивъ, что при ближайшемъ посѣщеніи имъ Англіи, банкетъ будетъ данъ ему въ Экзетеръ-Голѣ и что на него приглашены будутъ сотни человѣкъ.

Въ 1879 году, въ февралѣ, Тургеневъ, по случаю смерти брата, вызванъ былъ въ Москву. Узнавши о его пріѣздѣ, я пригласилъ его къ себѣ и представилъ ему ближайшихъ сотрудниковъ редактируемаго мною въ то время „Критическаго Обозрѣнія". Было насъ человѣкъ 20. На правахъ хозяина я провозгласилъ первый тостъ за Тургенева, какъ за любящаго и снисходительнаго наставника молодежи.

Тургеневъ не дослушалъ этого привѣтствія и разрыдался! На слѣдующій день я получилъ отъ него записку, въ которой онъ, между прочимъ, писалъ мнѣ: „Вчерашній день надолго останется въ моей памяти,

какъ нѣчто еще не бывалое въ моей литературной жизни...“—Вотъ какъ балуетъ наше общество своихъ геніальныхъ художниковъ!

Помню я, какъ Тургеневъ, какъ бы въ отвѣтъ на мой тостъ, предложилъ намъ молчаливо выпить въ память Бѣлинскаго. Съ какимъ жаромъ, съ какой любовью говорилъ онъ о своемъ пріятелѣ. „Сколько задушевной искренности и теплоты было въ этомъ человѣкѣ. За то же и цѣнили мы каждое его слово. Получить одобреніе отъ Бѣлинскаго было не легко, и кто удостоился этой чести, могъ назвать себя счастливымъ. Вы не судите о Бѣлинскомъ по однимъ его статьямъ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые стоятъ выше своихъ произведеній. Его слогъ тягучъ и подчасъ скученъ, въ разговорѣ же было столько живости и огня. Я мало читалъ Бѣлинскаго, онъ повліялъ на меня своими бесѣдами. Сильная это была натура, большой талантъ! Вспомните, что немногихъ страницъ его было достаточно, чтобы сразу развѣнчать Марлинскаго. А предъ Марлинскимъ преклонялись вѣдь сплошь и рядомъ всѣ. Бѣлинскій дунулъ на него и ничего не осталось отъ Марлинскаго“.

Впослѣдствіи Тургеневъ неоднократно возвращался въ своихъ разговорахъ къ Бѣлинскому. По его мнѣнію, Бѣлинскій мѣтко опредѣлилъ съ самаго начала характеръ его таланта, его чуткость и наблюдательность съ одной стороны, и относительную слабость фантазіи—съ другой. Въ доказательство этого Тургеневъ приводилъ то соображеніе, что большая часть развитыхъ имъ литературныхъ темъ даны были ему самой жизнью. Въ „Первой любви“ канвою разсказа является личная исторія его отца, въ Джеммѣ „Вешнихъ водъ“ изображена молодая еврейка, съ которой онъ встрѣтился во Франкфуртѣ и благодаря которой онъ едва не остался тамъ навсегда. Въ „Рудинѣ“, какъ всѣмъ извѣстно, воспроизведены нѣкоторыя стороны въ характерѣ Бакунина. Въ „Отцахъ и дѣтяхъ“ частью переданы разговоры Тургенева съ однимъ провинціальнымъ докторомъ [1]). Неждановъ „Нови“, это О., хорошій знакомый Тургенева, человѣкъ слабохарактерный, увлекающійся и непрактичный.

Дня два спустя, Тургеневъ явился на публичное засѣданіе общества любителей россійской словесности. Пріемъ, сдѣланный ему, превзошелъ всѣ мои ожиданія. При его появленіи въ залѣ (засѣданіе происходило въ физической аудиторіи) поднялся буквально громъ рукоплесканій и не стихалъ нѣсколько минутъ. Едва смолкнулъ шумъ аплодисментовъ, какъ послышался съ хоровъ голосъ студента Викторова: „Васъ привѣтствовалъ недавно кружокъ молодыхъ профессоровъ,—сказалъ онъ. Позвольте теперь привѣтствовать васъ намъ,—намъ, учащейся русской молодежи,— привѣт-

---

[1]) Лицо и понынѣ здравствующее. *Ред.*

ствовать васъ, автора „Записокъ охотника“, появленіе которыхъ неразрывно связано съ исторіей крестьянскаго освобожденія“. Викторовъ подробно развилъ ту мысль, что Тургеневъ никогда не стоялъ такъ близко къ пониманію общественныхъ задачъ и стремленій молодежи, какъ именно въ эту юношескую эпоху своей литературной дѣятельности. Сказанныя имъ слова: „вамъ не написать болѣе „Записокъ охотника“, были поняты многими въ томъ смыслѣ, будто Викторовъ вздумалъ прочесть Тургеневу какую-то нотацію. Въ дѣйствительности же онъ, повидимому, хотѣлъ сказать только то, что эпоха 40-хъ—50-хъ годовъ была понята Тургеневымъ глубже и всестороннѣе, нежели послѣдующая. Отвѣтъ Тургенева былъ какъ нельзя болѣе кстати: „Я отношу ваши похвалы болѣе къ моимъ намѣреніямъ, нежели къ исполненію,—сказалъ онъ,—отъ всей души благодарю васъ!“

Толпа проводила Тургенева съ такими же оваціями, съ какими онъ былъ принятъ. Тѣ же оваціи сопровождали каждый его шагъ въ Москвѣ. По просьбѣ студентовъ, онъ согласился прочесть отрывокъ изъ „Записокъ охотника“ на музыкально-литературномъ вечерѣ, данномъ обществомъ пособія нуждающимся студентамъ. Толпы студентовъ провожали его при разъѣздѣ, не прекращая своихъ аплодисментовъ, пока одинъ изъ полицейскихъ, подъ предлогомъ защитить Тургенева отъ натиска толпы, схватилъ его подъ руку и буквально вывелъ изъ залы, въ то же время, говорилъ мнѣ потомъ Тургеневъ, увѣряя его, что самъ принадлежитъ къ числу горячихъ почитателей его таланта.

У предсѣдателя общества любителей россійской словесности и у цѣлаго ряда московскихъ знакомыхъ Тургенева возникла мысль почтить его приглашеніемъ на литературный банкетъ. Мнѣ пришлось распоряжаться устройствомъ этого праздника.

Приглашенія были разосланы самымъ разнообразнымъ лицамъ, сколько-нибудь прикосновеннымъ къ литературному дѣлу. Исключеніе было сдѣлано для однихъ лишь сотрудниковъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Ихъ присутствіе могло бы быть сочтено Тургеневымъ за оскорбленіе. Банкетъ удался какъ нельзя лучше, не смотря на изобиліе тостовъ и плохихъ стиховъ. Нашъ извѣстный адвокатъ Плевако въ этотъ день былъ въ ударѣ и весьма удачно импровизировалъ рѣчь, въ которой сравнивалъ русскую литературу съ „Преторскимъ эдиктомъ“, впервые внесшимъ начало гуманности въ суровую римскую среду, а самого Тургенева величалъ преторомъ. Тургеневъ отвѣчалъ на всѣ эти тосты коротенькимъ словомъ, въ которомъ старался оттѣнить свое отношеніе къ молодежи, объявлялъ о своей солидарности съ ея лучшими стремленіями, съ ея исканіемъ истины и добра, за что на слѣдующій же день получилъ выговоръ отъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

Между москвичами оказалось такъ много старыхъ знакомыхъ Тургенева и ихъ желаніе видѣть его у себя и показать своимъ близкимъ было такъ сильно, что я почти не видѣлъ Ивана Сергѣевича иначе, какъ въ торжественной обстановкѣ... И у кого ему не пришлось только побывать! П кого только не заставалъ я у него по утрамъ! И студентовъ, и актеровъ, и учениць консерваторіи, и живописцевъ, которые добивались позволенія снять съ него портретъ и придавали затѣмъ кирпичный цвѣтъ его кожѣ, и членовъ англійскаго клуба, которые такъ-таки и разстроили ему желудокъ и сложили его въ постель. Едва оправившись отъ подагры, Тургеневъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ его снова чествовали, снова закармливали и, наконецъ, отпустили больнымъ и разбитымъ въ Парижъ.

Годъ спустя Тургеневъ пріѣхалъ въ Москву для присутствія на праздникахъ, устроенныхъ по случаю открытія памятника Пушкину. Комитетъ, назначенный обществомъ для устройства этихъ торжествъ, обратился къ Тургеневу съ просьбой—написать что-нибудь о Пушкинѣ для простонародья. Какъ ни старался Тургеневъ исполнить эту просьбу, ему все же не удалось этого сдѣлать... Очень уже не простонародный поэтъ нашъ великій Пушкинъ. Тургеневъ нѣсколько разъ присутствовалъ въ комитетѣ общества, помогалъ намъ своими совѣтами, писалъ по нашей просьбѣ въ разные концы Европы, приглашая своихъ товарищей по перу отозваться на нашъ первый общественно-литературный праздникъ.

Въ отвѣтъ на это воззваніе получены были письма и телеграммы отъ Виктора Гюго, Теннисона, Флобера и цѣлаго ряда другихъ заграничныхъ писателей. Я никогда не видѣлъ Тургенева болѣе умиленнымъ, какъ въ ту минуту, когда съ памятника упала завѣса и предъ нимъ предсталъ Пушкинъ, привѣтствуемый громкимъ „ура“, тотъ самый Пушкинъ, котораго Тургеневъ живо помнилъ лежащимъ въ гробу и локонъ котораго онъ носилъ на себѣ. Въ то же утро самъ Иванъ Сергѣевичъ сдѣлался предметомъ самой неподготовленной и неожиданной для него оваціи. Выстроенные въ рядъ ученики нашихъ классическихъ и реальныхъ гимназій узнали проходившаго мимо нихъ Тургенева и разразились громкимъ „ура“.

На обѣдъ, устроенный городской думой, приглашены были вмѣстѣ съ московскими и пріѣхавшіе изъ Петербурга литераторы. Многихъ изъ нихъ смущало то обстоятельство, что имъ волей-неволей придется встрѣтиться на обѣдѣ съ лицомъ, съ которымъ давнымъ-давно прерваны всякія связи, т. е. съ Катковымъ.

Тургеневъ стоялъ рѣшительно за то, чтобы всѣмъ приглашеннымъ идти непремѣнно на устроенный думой обѣдъ, не взирая на непріятность неизбѣжной встрѣчи; „если Катковъ, писалъ онъ въ письмѣ къ одному изъ лицъ, державшемуся противоположнаго взгляда, что-нибудь себѣ позво-

литъ, мы всѣ встанемъ и удалимся". Катковъ позволилъ себѣ протянуть бокалъ въ его направленіи, но при всемъ своемъ добродушіи Иванъ Сергѣевичъ уклонился отъ этой дерзкой попытки возобновить старыя отношенія: „Вѣдь есть вещи, которыхъ нельзя забыть, доказывалъ онъ въ тотъ же вечеръ Достоевскому; какъ же я могу протянуть руку человѣку, котораго я считаю ренегатомъ?.." Слово, сказанное Тургеневымъ на публичномъ засѣданіи, устроенномъ въ память Пушкина, по содержанію своему было разсчитано не столько на большую, сколько на избранную публику.

Не было въ немъ рѣчи ни о русскомъ человѣкѣ, какъ „всечеловѣкѣ", ни о необходимости человѣку образованному смириться предъ народомъ, перенять его вкусы и убѣжденія. Тургеневъ ограничился тѣмъ, что охарактеризовалъ въ немъ Пушкина, какъ художника, отмѣтилъ рѣдкія особенности его таланта, между прочимъ способность „брать быка за рога", какъ говорили древніе греки, т. е. сразу, безъ подготовленія, приступать къ главной литературной темѣ. Не ставя Пушкина въ одинъ рядъ съ Гёте, онъ въ то же время находилъ въ его произведеніяхъ многое достойное войти въ литературную сокровищницу всего человѣчества. Сказанное имъ было слишкомъ тонко и умно, чтобы быть оцѣненнымъ всѣми. Его слова направлялись болѣе къ разуму, нежели къ чувству толпы. Рѣчь была встрѣчена холодно и эту холодность еще болѣе оттѣнили тѣ оваціи, предметомъ которыхъ сдѣлался говорившій вслѣдъ за Тургеневымъ Достоевскій.

Выходя изъ залы, Тургеневъ встрѣтился съ группой лицъ, несшихъ вѣнокъ Доствоевскому; въ числѣ ихъ были и дамы. Одна изъ нихъ, въ настоящее время живетъ внѣ Россіи по политическимъ причинамъ. Дама эта оттолкнула Ивана Сергѣевича со словами: „не вамъ, не вамъ!"

Со времени пушкинскихъ праздниковъ мнѣ не суждено было болѣе встрѣтиться съ Тургеневымъ въ Россіи. Я уѣхалъ на два года за границу и неоднократно видѣлся съ нимъ въ Парижѣ. Въ одномъ домѣ со мною жилъ М. Е. Салтыковъ и мы нѣсколько разъ сходились обѣдать втроемъ, а однажды вмѣстѣ съ Аранетовымъ и Демонтовичемъ были приглашены Тургеневымъ въ Буживаль. Мнѣ остался памятнымъ этотъ день. Салтыковъ былъ въ духѣ, юморизировалъ нескончаемо и все же кончилъ тѣмъ, что подъ конецъ разсердился на Аранетова, замѣтившаго ему, что въ его глазахъ авторъ „Головлевыхъ" и „Исторіи одного города" переросъ головою самого Гоголя. „Что вы, Гоголя? страшно и подумать!", отвѣчалъ ему рѣшительно Салтыковъ и взглянулъ на него такъ грозно, что дальнѣйшій разговоръ на эту тему сдѣлался невозможнымъ. Не помню, въ этотъ-ли день или при другомъ случаѣ, мнѣ пришлось услышать и отъ

Тургенева личную оцѣнку его литературной роли въ Россіи. Если не ошибаюсь, тотъ же Аранетовъ на правахъ стараго пріятеля сталъ нападать на него за излишнюю скромность. Право, отвѣчалъ ему Тургеневъ, я иногда читаю во французскихъ журналахъ похвалы своимъ повѣстямъ и самъ спрашиваю себя: „будто-бы это уже такъ хорошо? Не много-ли въ этихъ похвалахъ условнаго, того, что французы называютъ „*clichet*". Вѣдь не Гёте же я какой-нибудь? и фантазіи-то большой у меня нѣтъ, и фабулу-то выдумать мнѣ не легко, особенно теперь, когда воображеніе уже не дѣйствуетъ какъ прежде. Мнѣ всегда нужна встрѣча съ живымъ человѣкомъ, непосредственное знакомство съ какимъ-нибудь жизненнымъ фактомъ, прежде чѣмъ приступить къ созданію типа или къ составленію фабулы; конечно, я не какой-нибудь фотографъ, я не срисовываю своихъ образцовъ, но уже Бѣлинскій замѣтилъ, что что нибудь выдумать, взять что-либо изъ головы, я совершенно неспособенъ, а впрочемъ цѣну себѣ знаю не хуже другаго; у меня нѣтъ силы таланта, какой обладаетъ Левъ Толстой, я-бы никогда не могъ написать ничего подобнаго сценѣ свиданія Анны Карениной съ ея дѣтьми. Я не поставлю себя также въ рядъ съ Островскимъ. Развѣ за нимъ? Разумѣется, я не говорю о Салтыковѣ—это особый талантъ. Какъ сатирикъ, онъ не имѣетъ себѣ равнаго. (Тургеневъ самъ читалъ однажды на литературномъ утрѣ въ Парижѣ „Двухъ генераловъ" Салтыкова и позаботился о переводѣ ихъ на французскій языкъ).

Изъ разговоровъ съ Иваномъ Сергѣевичемъ я узналъ, какъ сложилась его литературная репутація въ Парижѣ. Болѣе всего содѣйствовалъ ей Мериме, а за нимъ Ламартинъ. О знакомствѣ съ послѣднимъ Тургеневъ разсказалъ мнѣ слѣдующій любопытный анекдотъ: Ламартинъ въ послѣдніе годы своей жизни сталъ знакомить французскую публику съ иностранными писателями; онъ издавалъ отрывки изъ ихъ произведеній, снабжая ихъ своими предисловіями и послѣсловіями. Однажды очередь дошла и до Тургенева. Узнавши объ этомъ, Мериме посовѣтовалъ Тургеневу заявить лично свою благодарность Ламартину. Тургеневъ послушался совѣта, превозмогъ свою лѣнь и отправился къ Ламартину. „Дорогой я сталъ придумывать, что мнѣ сказать ему,—разсказывалъ мнѣ Иванъ Сергѣевичъ,—и придумалъ слѣдующее: какъ муха, попавши разъ въ янтарь, переживаетъ столѣтія, такъ и я обязанъ вамъ тѣмъ, что не сразу исчезну изъ памяти французскихъ читателей. Фраза-то была придумана недурно,—говорилъ по этому случаю Иванъ Сергѣевичъ,—да мало было въ ней правды. Вѣдь не муха же я, да и онъ не янтарь. И что же вышло? Какъ сталъ я говорить ему свою фразу, такъ и смѣшался; твердилъ: муха... янтарь... Но кто муха и кто янтарь—этого Ламартинъ такъ себѣ и не выяснилъ".

О Мериме Тургеневъ выражался обыкновенно какъ объ очень умномъ человѣкѣ и прекрасномъ стилистѣ... Что же мнѣ не достаетъ?—спросилъ его однажды Мериме. Теплоты и фантазіи!—отвѣчалъ ему Тургеневъ.

Изъ новѣйшихъ французскихъ писателей Тургеневъ былъ всего ближе съ Флоберомъ. Они сошлись и какъ реалисты въ искусствѣ, и какъ великіе художники, и какъ старые холостяки. По разсказамъ Тургенева, Флоберъ былъ добродушнѣйшимъ человѣкомъ и ненавидѣлъ только одно: всякое, даже мельчайшее проявленіе того, что онъ называлъ буржуазностью. Бюваръ и Пекюше съ ихъ самодовольной ограниченностью и банальностью—воплощеніе того, что въ глазахъ Флобера было связано съ понятіемъ о буржуазности. Флоберъ былъ не только великій писатель, но и необыкновенно начитанный человѣкъ. Знакомство его съ иностранными литературами было весьма основательное. Зола,—говорилъ мнѣ Тургеневъ,—коробилъ насъ обоихъ своей необразованностью. Однажды сталъ онъ говорить о себѣ, какъ о первомъ рѣшительномъ противникѣ романтизма. Ну, а Гейне?—спросилъ я его; но оказалось, что объ этой сторонѣ дѣятельности Гейне Зола ничего не слыхалъ.

Никто изъ французскихъ писателей, по мнѣнію Тургенева, не обращалъ такого вниманія на форму своихъ произведеній, какъ Флоберъ. „Однажды принесъ я ему, разсказывалъ Тургеневъ, одну изъ повѣстей Бѣлкина, переведенную мною на французскій языкъ. (Тургеневъ былъ превосходнѣйшимъ знатокомъ французскаго языка, такъ что Тэнъ говорилъ о немъ, что его языкъ—языкъ французскихъ салоновъ XVIII вѣка).

Прочитавши мой переводъ, Флоберъ сказалъ мнѣ: „Нѣтъ, такъ нельзя! Это все надо пересмотрѣть! Вы слишкомъ часто употребляете одно и то же слово, а если не одно и то же, то однозвучное, и тутъ же на моихъ глазахъ принялся за пересмотръ рукописи. Онъ вычеркивалъ цѣлыя строчки, снабжалъ поля собственной редакціей; затѣмъ, недовольный своими поправками, вычеркивалъ все снова, возстановлялъ прежній текстъ и на этотъ разъ уже съ озлобленіемъ принимался за вторичную его передѣлку. Нѣтъ! Сегодня ничего не выйдетъ!—сказалъ онъ мнѣ въ заключеніе. Нужно время! Дайте мнѣ подумать! Когда черезъ двѣ недѣли я зашелъ къ нему за рукописью, я не узналъ собственнаго перевода. Но что же это былъ за слогъ! Нѣтъ, такимъ слогомъ во Франціи никто не пишетъ“!..

Изъ молодыхъ пріятелей Флобера Тургеневъ никого не цѣнилъ въ такой степени, какъ Гюи-де-Мопосана. „Изъ начинающихъ писателей у насъ въ Россіи нѣтъ ему равнаго“,—сказалъ онъ мнѣ однажды. „Пожалуй, Гаршинъ“,—прибавилъ онъ нѣсколько подумавши.

Когда Флоберъ впалъ въ бѣдность, что случилось съ нимъ за годъ до его смерти, Тургеневъ сталъ убѣждать его занять какую-нибудь дол-

жность въ Парижѣ. Услышавши, что Гамбетта открыто высказался въ пользу замѣщенія Флоберомъ вакантнаго мѣста библіотекаря въ Мазаринской библіотекѣ, Тургеневъ, по настоянію общихъ друзей Флобера, поѣхалъ въ Руанъ убѣдить автора „Мадамъ Бовари" принять это предложеніе. Флоберъ согласился; а между тѣмъ, по чисто личнымъ соображеніямъ, таже должность была обѣщана друзьями Гамбетты, если не ошибаюсь, Иснару; Тургеневъ написалъ Гамбеттѣ о результатѣ своихъ переговоровъ съ Флоберомъ и не получилъ отвѣта. Написалъ другой разъ—тоже молчаніе. Тогда онъ рѣшился дѣйствовать на него чрезъ г-жу *Adam*, на вечерахъ которой бывалъ Гамбетта. Газеты передали въ свое время о довольно неуважительномъ отношеніи Гамбетты къ этой просьбѣ. Но насколько мнѣ извѣстно изъ словъ самого Тургенева, дѣло было не совсѣмъ такъ, какъ разсказалъ это *Figaro*. Зная, что мѣсто уже обѣщано другому, Гамбетта съ нетерпѣніемъ замѣтилъ *m-me Adam*: „не настаивайте пожалуйста! это невозможно!" И когда хозяйка подвела къ нему Тургенева, ища какъ-бы поддержки собственному ходатайству, Гамбетта не поднялся съ кресла только потому, что не замѣтилъ Тургенева, такъ какъ въ это время смотрѣлъ въ другую сторону своимъ одинокимъ глазомъ. (Извѣстно, что Гамбетта потерялъ правый глазъ еще въ школѣ). Когда умеръ Флоберъ, Тургеневъ согласился на назначеніе его въ коммиссію по устройству памятника великому французскому писателю. Исполняя возложенныя на него обязанности, онъ, между прочимъ, обратился и къ русскимъ читателямъ съ приглашеніемъ принять участіе въ подпискѣ на сооруженіе памятника. Флоберъ былъ и доселѣ остается весьма популярнымъ писателемъ въ Россіи. Я знаю о существованіи въ Петербургѣ цѣлаго кружка, поставившаго себѣ цѣлью изученіе произведеній Флобера. Такъ какъ никто больше П. Д. Боборыкина не содѣйствовалъ распространенію этой извѣстности, то Тургеневъ счелъ нужнымъ обратиться съ письмомъ къ нему. Многимъ памятенъ еще тотъ рядъ обвиненій, который посыпался за это на Тургенева со стороны нашихъ московскихъ народолюбцевъ, увидѣвшихъ чуть не измѣну русскимъ интересамъ въ этомъ, вполнѣ понятномъ желаніи, привлечь къ чествованію человѣка ему близкаго и дорогаго, всѣхъ его почитателей, гдѣ-бы они не жили. Но чего русскіе читатели вѣроятно не знаютъ, это то, что одновременно Тургеневъ получилъ изъ Москвы нѣсколько анонимныхъ писемъ, въ которыхъ его называли „лакеемъ и прихлебателемъ Виктора Гюго". Вліяніе Флобера, какъ мнѣ кажется, сказывается въ послѣднихъ произведеніяхъ Тургенева, въ тщательности, съ которой онъ сталъ отдѣлывать свой слогъ, въ преобладающемъ значеніи, какое мало-по-малу пріобрѣла у него форма надъ содержаніемъ, и въ равнодушіи, съ которымъ онъ сталъ относиться къ самой фабулѣ. Послѣднее, впрочемъ объясняется еще и мень-

шей живостью воображенія, на которую года за три до смерти сталъ жаловаться Тургеневъ. „Помню я, какъ живо рисовались предо мною въ прежнее время выводимыя мною типы, говорилъ онъ. Когда я писалъ заключительныя строки „Отцовъ и дѣтей", я принужденъ былъ отклонять голову, чтобы слезы не капали на рукопись. Теперь уже не то!" Какъ тонкій наблюдатель, какъ человѣкъ, зорко слѣдившій за перемѣной въ общественныхъ теченіяхъ, Тургеневъ чуялъ зарожденіе чего-то новаго въ нашемъ обществѣ, еще не изображеннаго имъ въ „Нови". Но неопредѣленность, съ которой высказывалось это новое теченіе къ концу царствованія Александра II, сама служила препятствіемъ къ художественному его воспроизведенію. До многихъ вѣроятно дошелъ слухъ о подготвляемомъ Тургеневымъ новомъ романѣ. Этотъ романъ не былъ даже начатъ Иваномъ Сергѣевичемъ.

Правда, его пріятели надѣялись, что авторъ „Отцовъ и дѣтей" снова подаритъ русскую публику по-истинѣ общественнымъ романомъ. Однажды пишущій эти строки позволилъ себѣ даже открыто обратиться къ Тургеневу съ просьбой написать этотъ романъ и въ общихъ чертахъ отмѣтилъ тѣ стороны нашей общественной жизни, которыя не были еще затронуты Тургеневымъ. Признавая существованіе этихъ сторонъ, Тургеневъ въ то же время отвѣтилъ: „Слушая васъ и соглашаясь съ вами, все же недоумѣваю, какое художественное произведеніе можетъ выйти изъ попытки изобразить еще невполнѣ опредѣлившіяся теченія. Вы сами говорите объ ихъ слабости и отсутствіи подъ ними твердой почвы. Ужъ не назвать ли мнѣ мой новый романъ „Трясиною?" Нѣтъ! Вы требуете отъ художника невозможнаго! Вы требуете, чтобы онъ далъ безформенности форму!" До послѣдняго времени Тургеневъ не переставалъ интересоваться отношеніемъ къ нему русскихъ читателей. Не ожидая безпристрастной оцѣнки себѣ со стороны нѣкоторыхъ враждебныхъ ему органовъ нашей печати, онъ въ то же время желалъ знать, какое впечатлѣніе производятъ его новыя повѣсти на близкихъ пріятелей и на нѣкоторые литературные кружки. Всего выше ставилъ онъ мнѣніе П. В. Анненкова и не печаталъ ничего безъ его совѣта. Рукописи отправлялись изъ Парижа въ Баденъ и возвращались обратно, снабженныя примѣчаніями Анненкова. До послѣдняго времени также Тургеневъ обращался и къ живущимъ въ Россіи пріятелямъ съ просьбой откровенно сказать ему, что думаютъ о его новыхъ вещахъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ, онъ говоритъ о сочувствіи, высказанномъ ему съ отдаленнѣйшихъ концовъ Россіи по случаю его болѣзни, какъ о той „волнѣ", которая поддерживаетъ его на поверхности и не даетъ ему пойти ко дну. Увѣдомляя о близкомъ появленіи его „стихотвореній въ прозѣ", онъ прибавляетъ: нѣкоторыя, быть можетъ, придутся вамъ по нутру; если не по-

лѣнитесь, то передайте мнѣ впечатлѣнія ваше и вашихъ товарищей „*Für das grosse Publicum das ist Caviar*".—Ну, а для немногихъ?

Я хотѣлъ бы еще сказать два слова о будничной жизни Тургенева. Жилъ онъ, какъ извѣстно, въ Парижѣ въ семействѣ Віардо, съ которымъ связывала его старая дружба. Преданность его этому семейству была безгранична. Когда пріятели упрашивали его вернуться и навсегда поселиться въ Россіи, онъ обыкновенно отвѣчалъ имъ: не думайте, что меня удерживаетъ за границей привычка или пристрастіе къ Парижу; не думайте, что у меня здѣсь много друзей или близкихъ знакомыхъ. Я не въ состояніи указать ни одного дома, въ которомъ бы могъ запросто провести вечеръ; но жить вдали отъ своихъ мнѣ тяжело. Переѣзжай они завтра въ самый невозможный городъ: Копенгагенъ, что ли, я послѣдую за ними.

Помню я, какъ часто Тургеневъ бросалъ насъ среди обѣда, чтобы, какъ онъ выражался, проводить своихъ дамъ (г-жу Віардо и ея дочерей) въ оперу или въ театръ. Помню, какъ отказывался онъ отъ цѣлаго ряда приглашеній, не желая пропустить вечерняго чтенія или партіи экарте. Не обѣдать или не завтракать дома было для него лишеніемъ и онъ соглашался на него только ради свиданія съ соотечественниками. Живя по личнымъ причинамъ въ Парижѣ, онъ въ то же время служилъ русскимъ интересамъ. Мы называли его, шутя, „посломъ отъ русской интеллигенціи". Не было русскаго или русской, сколько-нибудь прикосновенныхъ къ писательству, живописи или музыкѣ, о которыхъ такъ или иначе не хлопоталъ бы Тургеневъ. Онъ интересовался успѣхами русскихъ ученицъ г-жи Віардо, вводилъ русскихъ музыкантовъ въ ея кружокъ, состоялъ секретаремъ парижскаго клуба русскихъ художниковъ, заботился о выставкѣ ихъ картинъ, разсылалъ въ парижскія редакціи рекламы въ ихъ пользу, снабжалъ обращавшихся къ нему личными рекомендаціями, ссужалъ нуждающихся соотечественниковъ деньгами, нерѣдко безъ отдачи, хлопоталъ лично и чрезъ пріятелей о своевременной высылкѣ денегъ заграничнымъ корреспондентамъ и не отказывался даже отъ непосредственнаго ходатайства предъ властями за эмигрантовъ, не настолько скомпрометированныхъ, чтобы не имѣть возможности рано или поздно вернуться на родину. Я собственными глазами видѣлъ письмо, направленное имъ къ Лорисъ-Меликову, въ которомъ онъ испрашивалъ позволеніе на возвращеніе въ Россію двѣнадцати молодымъ людямъ, слегка лишь замѣшаннымъ въ соціалистической пропагандѣ. Лорисъ-Меликовъ отвѣчалъ на это ходатайство очень сдержанно и учтиво, говоря, что самъ желаетъ открыть заблуждающимся молодымъ людямъ возможность загладить свое прошлое. Сколько помнится, всѣмъ имъ выданы были паспорты и позволено было вернуться.

Помню я еще объ одномъ случаѣ, рѣзко очерчивающимъ всю доброту

Ивана Сергѣевича. Въ числѣ прибывшихъ въ Парижъ молодыхъ эмигрантовъ былъ еврей, племянникъ Гинцбурга. До бѣгства его изъ Россіи, Гинцбургъ давалъ ему средства къ образованію; послѣ же пріѣзда въ Парижъ, въ этихъ средствахъ ему было отказано и онъ остался безъ гроша. Тургеневъ самъ поѣхалъ къ Гинцбургу и лично упросилъ его оказать молодому человѣку, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую денежную поддержку.

Въ отличіе отъ Достоевскаго и Григоровича Тургеневъ никогда не искалъ доступа ко двору. Онъ знакомъ былъ съ нѣкоторыми изъ великихъ князей, но этимъ знакомствомъ онъ былъ обязанъ ихъ собственному желанію.

Первый шагъ къ знакомству сдѣланъ былъ не имъ. Бывая въ Петербургѣ, онъ нѣсколько разъ показывался въ мраморномъ дворцѣ Екатерины Михайловны. Отношенія съ нимъ были завязаны еще при жизни Елены Павловны и продолжались и послѣ ея смерти—при ея дочери, Екатеринѣ Михайловнѣ.

Съ покойнымъ государемъ Александромъ III Тургеневъ познакомился въ Парижѣ. Желая видѣть его, государь обратился къ Орлову и просилъ запросто пригласить на завтракъ въ посольство. Тургеневъ разсказывалъ мнѣ слѣдующее объ этомъ свиданіи: Александръ Александровичъ спросилъ его: почему онъ не присутствовалъ на юбилеѣ Крашевскаго? Тургеневъ сослался на болѣзнь. Его собесѣдникъ посмотрѣлъ на него многозначительно и сказалъ: „Хорошо сдѣлали, Иванъ Сергѣевичъ! Хорошо сдѣлали!" Дѣйствительная-же причина, почему Тургеневъ не былъ на юбилеѣ та, что самъ Крашевскій, любившій Тургенева, просилъ его не пріѣзжать, такъ какъ не разсчитывалъ на хорошій пріемъ русскаго со стороны своихъ соотечественниковъ.

Когда я спрашивалъ Тургенева объ его послѣдней поѣздкѣ въ Россію и о томъ, являлся-ли онъ ко двору? онъ отвѣчалъ мнѣ: „чтобы я тамъ сталъ дѣлать?"

Григоровичъ неоднократно старался заманить его туда, но на этотъ разъ Тургеневъ обнаружилъ несвойственное ему упорство. Съ тѣмъ же упорствомъ отклонилъ онъ предложеніе повидаться съ Аксаковымъ, несмотря на старинныя отношенія съ нимъ. „Не могу же я искренно бесѣдовать съ человѣкомъ, который считаетъ меня чуть не поджигателемъ",—замѣтилъ онъ по этому случаю.

Нечего и говорить, что Тургеневъ не мало не сочувствовалъ терроризму. Онъ постарался даже оттѣнить свое отношеніе къ событію 1 марта 1881 года личнымъ присутствіемъ на панихидѣ. Когда крестьяне села Спасскаго обратились къ нему съ просьбой о денежной помощи на открытіе

часовни въ память Александра II, онъ не отказалъ имъ въ ихъ ходатайствѣ. Съ другой стороны, онъ не отказывалъ также въ ссудахъ безъ отдачи тѣмъ изъ русскихъ, которые на чужбинѣ оставались безъ денегъ, не спрашивая ихъ объ ихъ убѣжденіяхъ.

Максимъ Ковалевскій.

Неизданныя письма Ив. Сер. Тургенева къ П. Л. Лаврову [1]).

I.

Парижъ. Rue de Douai. 1 іюня 1873 г.

Любезнѣйшій Петръ Лавровичъ, спѣшу извѣстить Васъ, что въ середу я выѣзжаю отсюда въ Баденъ—а въ субботу—или въ воскресенье—объявлюсь въ Цюрихѣ, гдѣ конечно буду имѣть удовольствіе видѣться съ Вами. Вырубовъ, съ которымъ я вчера обѣдалъ—(онъ тоже, кажется, собирается къ Вамъ)—сообщилъ мнѣ, правда, что, по Вашимъ словамъ, страсти сильно разгорѣлись въ Цюрихѣ, такъ что даже Вашъ секретарь потерпѣлъ физическія непріятности; [2]) зная расположеніе ко мнѣ моихъ молодыхъ соотчичей, я долженъ бы былъ поставить себѣ вопросъ: могу ли подвергаться подобному риску? Но была не была—и я ѣду въ Цюрихъ, полагаясь на россійское авось.

И такъ, до скораго свиданія. Черкните мнѣ словечко въ Баденъ-Баденъ, по слѣдующему адресу:

H-r I. T. Baden-Baden per adresse Frau Mina, Anastett, Schillerstrasse, 7. И примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Ив. Тургеневъ.

II.

Баденъ-Баденъ. Понедѣльникъ, 9 іюня 1873 г.

Любезнѣйшій Петръ Лавровичъ, я третьяго дня пріѣхалъ сюда и нашелъ Ваше письмо. Очень благодаренъ Вамъ за память, но въ Цюрихъ я не поѣду. Изъ собственныхъ выраженій Вашего письма я долженъ заключить, что мнѣ ничего бы не удалось увидѣть — особенно въ теченіе тѣхъ

---

[1]) Эти письма воспроизводятся нами съ подлинниковъ, любезно предоставленныхъ въ наше распоряженіе наслѣдниками покойнаго П. Л. Лаврова. *Ред.*

[2]) Намекъ на избіеніе В. Н. Смирнова Соколовымъ (авторомъ „Отщепенцевъ") и К°. *Ред.*

двухъ, трехъ дней, которые я бы тамъ провелъ. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" появилась большая и безпощадная статья отъ имени Правительства на счетъ нашихъ цюрихскихъ студентокъ; ихъ обвиняютъ во всевозможныхъ ужасахъ, упоминаютъ (не называя впрочемъ Васъ) о Вашихъ лекціяхъ—и кончаютъ объясненіемъ, — что всѣ тѣ изъ нашихъ соотечественницъ, которыя останутся въ Цюрихѣ послѣ 1 января 1874 года—будутъ лишены всякихъ правъ и не допущены ни на какія коронныя мѣста и ни въ какія заведенія. Вслѣдствіе этихъ драконовскихъ мѣръ наша русская колонія въ Цюрихѣ вѣроятно разлетится прахомъ, а съ нею и библіотека, куда мнѣ теперь уже не за чѣмъ посылать экземпляры моихъ сочиненій. Вотъ и выходитъ, что L'homme propose... а М. Н. Лонгиновъ dispose. [1]).

Я ѣду въ Карлсбадъ, а черезъ 6 недѣль назадъ во Францію черезъ Баденъ. Можетъ быть тогда я сдѣлаю маленькій abstecher въ Швейцарію, но не навѣрное.

Не знаю, когда придется увидѣться, но прошу Васъ (и это не фраза) вѣрить въ искреннее уваженіе и участіе, съ которымъ остаюсь

преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

III.

Карлсбадъ. Österreichischer Hof. Суббота, 28 іюня 1873 г.

Любезнѣйшій Петръ Лавровичъ, я только сегодня и здѣсь получилъ присланный на мое имя листъ, озаглавленный „Русскимъ Цюрихскимъ Студенткамъ". Хоть Вы не подписали своего имени, но нѣтъ сомнѣнія, что этотъ благородный и исполненный достоинства протестъ вышелъ изъ подъ Вашего пера. Не знаю, на сколько онъ принесетъ пользы — но знаю, что общественная нравственность требовала подобнаго отпора возмутительному манифесту, въ которомъ я не могъ не узнать стиль и манеру нашего эксъ-друга, Михаила Лонгинова, этого первокласснаго м......а. Спасибо Вамъ, что Вы написали этотъ отвѣтъ, спасибо также и за то, что вспомнили обо мнѣ.

Что Вы теперь намѣрены дѣлать? Остаетесь ли Вы въ Цюрихѣ или переносите пенаты въ другое мѣсто? И вообще, что намѣрена предпринять Русская Цюрихская Колонія послѣ постигшаго ее погрома?

---

[1]) Рѣчь идетъ объ извѣстномъ „правительственномъ сообщеніи", напечатанномъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" отъ 21 мая 1873 года, № 120. Документъ этотъ перепечатанъ въ первомъ томѣ сборниковъ Богучарскаго „Государственныя преступленія въ Россіи". (Заграничное изд. стр. 457—459. Русское стр. 252—253). *Ред.*

Напишите слова два. Я остаюсь здѣсь еще до 20-го іюля. Пью воды противъ подагры. Въ концѣ іюля я снова возвращаюсь въ Парижъ, а въ ноябрѣ думаю ѣхать въ Россію.

Дружески жму Вашу руку и остаюсь преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Имѣете Вы какія либо свѣдѣнія о Вырубовѣ?

IV.

Карлсбадъ. Воскресенье, 13 іюля 1873 г.

Уважаемый и любезный Петръ Лавровичъ, прошу извинить въ томъ, что не тотчасъ отвѣтилъ на Ваше письмо, сопроводившее присылку программы будущаго журнала. Жизнь на водахъ тѣмъ и глупа, что ничего не дѣлаешь цѣлый день — а всегда некогда. Начну съ того, что весьма желаю быть подписчикомъ,—серьезнымъ, платящимъ подписчикомъ Вашего журнала и прошу Васъ высылать его по моему постоянному адресу—Rue de Douai 48, Paris—а также увѣдомить, какъ, гдѣ и сколько мнѣ слѣдуетъ заплатить. Програму Вашу я прочелъ два раза со всѣмъ подобающимъ вниманіемъ: со всѣми главными положеніями я согласенъ — я имѣю только одно возраженіе и одну apprehension. Мнѣ кажется, что Вы напрасно такъ жестоко нападаете на конституціоналистовъ, либераловъ и даже называете ихъ врагами, мнѣ кажется, что переходъ отъ государственной формы, служащей имъ идеаломъ, къ Вашей формѣ—ближе и легче, чѣмъ переходъ отъ существующаго абсолютизма—тѣмъ болѣе, что Вы сами плохо вѣрите въ насильственные перевороты и отрицаете ихъ пользу. А подобное заявленіе съ Вашей стороны на счетъ либераловъ и парламентарныхъ людей—многихъ изъ нихъ отгонитъ прочь, испугаетъ. Моя же „apprehension“ состоитъ въ слѣдующемъ: какъ бы Вы не придали Вашему журналу слишкомъ ученаго, философскаго характера, что тоже можетъ повредить его распространенію и уменьшить его вліяніе. Впрочемъ все это выскажется и опредѣлится ipso facto. А я жду съ нетерпѣніемъ появленія 1-го № Вашего „Впередъ“.

Что касается до бывшихъ нашихъ цюрихскихъ студентокъ — то вопервыхъ наши университетскія связи слишкомъ слабы, чтобы послужить имъ въ пользу;—а во-вторыхъ имъ не надо скрывать отъ самихъ себя, что онѣ ни въ одномъ германскомъ, нѣсколько значительномъ, университетѣ не найдутъ пріюта—стоитъ прочитать небольшую статью, появившуюся во вчерашнемъ № „Кельнской Газеты“: въ ней выразилось не только воз-

зрѣніе правительства—но и общества—на допущеніе студентокъ на курсы. Надежды тутъ нѣтъ пока—никакой.

Черезъ 10 дней я отсюда уѣзжаю и хотя буду жить на первое время въ окрестностяхъ Парижа, но адресъ мой — Rue de Douai, 48. Желаю Вамъ всего хорошаго и дружески жму Вашу руку. Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

V.

Суббота, утромъ.

Любезнѣйшій Лавровъ, я ѣду завтра въ Англію въ Оксфордъ—меня тамошній университетъ, сверхъ всякаго чаянія, произвелъ въ доктора! Вернувшись черезъ недѣлю—увижу Васъ и все Вамъ разскажу. О Лопатинѣ не слыхалъ ничего—писемъ изъ Россіи получаю мало—и все дѣловыя безъ всякихъ подробностей. Въ улучшеніе его участи къ сожалѣнію не могу вѣрить. [1]) Дружески жму Вашу руку и остаюсь преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

VI.

Sein et Oise. Понедѣльникъ, 7 іюля 1879 г.

Любезнѣйшій Петръ Лавровичъ, вчера я послалъ Вамъ желаемую Вами ауторизацію на счетъ телеграммы, а нынче возвращаю Вамъ письмо Кулешевой.—Надѣюсь, что это ей поможетъ выбраться изъ тюрьмы... но сомнѣваюсь.

Я вернулся изъ Оксфорда, гдѣ надо мной продѣлали весь церемоніалъ пожалованія въ докторскій чинъ—и сижу теперь здѣсь, перепраляю мое старое изданіе и проклинаю и эту несносную работу и еще болѣе несносную погоду.

Жму Вамъ руку и желаю всего хорошаго.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

VII.

Вторникъ, вечеромъ.

Любезнѣйшій Петръ Лавровичъ, г-жа (*неразборчиво*) была у меня и попросила моего совѣта, который состоялъ въ томъ, чтобы какъ можно

[1]) Вѣроятно, намекъ на дошедшіе до Лаврова слухи о ходатайствѣ генералъ-губернатора Восточной Сибири Н. П. Синельникова объ освобожденіи изъ тюрьмы Г. А. Лопатина, продолжавшаго сидѣть въ Иркутскомъ острогѣ, не смотря на оправдательный судебный приговоръ, по распоряженію шефа жандармовъ, „въ виду могущихъ явиться противъ него новыхъ уликъ". *Ред.*

скорѣй покинуть Парижъ.—Совѣтъ этотъ несомнѣнно хорошъ, но исполнить его трудненько, за неимѣніемъ средствъ.—Помогъ ей, бѣдняжкѣ,—а дальше что будетъ—Господь вѣдаетъ!

Мнѣ самому очень бы хотѣлось повидаться и побесѣдовать съ Вами передъ отъѣздомъ—но такъ какъ это дѣло въ теперешнее время не безъ *неудобствъ*, то придется назначить свиданіе sur un terrain neutre—словно Вы Джульета, а я Ромео. Подобной нейтральной почвой лучше всего избрать какой-либо скромный кабачекъ. Хотите Вы придти въ пятницу—ровно въ $1/2$ 12-го въ restaurant Latuile на Avenue Clichy, гдѣ мы уже не разъ съ Вами завтракали? Тамъ вѣрно никого не бываетъ.

Статья объ Александрѣ II-мъ, дѣйствительно, принадлежитъ мнѣ,—не ожидалъ, что она надѣлаетъ столько шуму.—И объ этомъ не худо бы перекинуться двумя, тремя словами.

До свиданія, надѣюсь. Жму Вамъ руку и желаю всего хорошаго.

Ив. Тургеневъ.

VIII.

Sein et Oise. Пятница, 10 окт. 1879 г.

Любезный Петръ Лавровичъ, извѣстіе, сообщенное Вами, меня сильно взволновало—хотя я почти убѣжденъ въ его невѣрности... Со вчерашняго дня я все размышляю о томъ, чтобы сдѣлать—и только могу убѣдиться въ собственномъ безсиліи.—На всякій случай поѣду къ Орлову—и постараюсь воздѣйствовать черезъ него на В. К. Константина—но и тутъ надо поступать съ величайшей осторожностью, какъ бы не испортить дѣло, давъ понять В—у К—ю, что мнѣ извѣстны нѣкоторыя сношенія его съ революціонерами.—Въ Петербургѣ я не попаду раньше 6 недѣль... Если до правительства дошло, что Лопатинъ писалъ извѣстное Вамъ письмо... то бѣда грозитъ ему неминучая, такъ какъ тутъ слышна личная месть [1]). Сдѣлаю все, что могу... но могу то я очень, слишкомъ мало.

Слова, приводимыя Вами изъ Шекспира, произносятся во 2-мъ актѣ, въ 2-й сценѣ, въ разговорѣ между нимъ, Гильденштерномъ и Розенкранцемъ. Вотъ уже 6 дней какъ я сижу дома по милости слабаго, впрочемъ, припадка подагры въ колѣнѣ.—Надѣюсь, однако, выѣхать завтра.

Жму Вамъ дружески руку.

Ив. Тургеневъ.

---

[1]) Вѣроятно намекъ на то письмо, при которомъ Лопатинъ послалъ имп. Александру II—въ бытность того въ Лондонѣ по случаю свадьбы его дочери съ принцемъ Эдинбургскимъ—свою статейку въ Daily-News, въ которой онъ разъяснялъ англійской публикѣ истинный смыслъ и размѣръ „милостей“, содержавшихся въ манифестѣ, изданномъ по этому поводу. Статейка эта и письмо были напечатаны потомъ въ „Впередъ“. Опасенія же высказаны, очевидно, въ связи съ арестомъ Лопатина въ Петербургѣ въ февралѣ 1879 г. *Ред.*

IX.

Les Frênes. Четвергъ, 27 ноября 1879 г.

Любезнѣйшій Лавровъ, я еще здѣсь, но въ скорости переѣзжаю въ Парижъ—и тогда непремѣнно дамъ Вамъ знать. Теперь же пишу Вамъ по нѣсколько непріятному дѣлу.—Тотъ Русскій, котораго я даже фамиліи не знаю и котораго по Вашей рекомендаціи я помѣстилъ въ типографію Шапиро (Rue de Saints Peres, 19) вздумалъ пойти въ собраніе избирателей Гёмбера (Humbert) и тамъ своими криками и пр. обратилъ на себя вниманіе полиціи, которая тотчасъ признала въ немъ Русскаго—прослѣдила его до типографіи—и собрала о немъ справки, при чемъ узнала, что рекомендовалъ его я [1]). (Меня то полиція знаетъ „comme le loup blanc"—и наблюдаетъ за мной постоянно—такъ какъ я, въ ея глазахъ, самая матка нигилистовъ). Не будучи французомъ, тотъ Русскій никакого права не имѣлъ присутствовать на собраніи избирателей и, вслѣдствіе этого, при малѣйшемъ рецидивѣ подвергнется неминуемой высылкѣ, тѣмъ болѣе, что и въ типографіи имъ недовольны, такъ какъ онъ сталъ часто манкировать. Не можете ли Вы повидаться съ нимъ и указать ему на необдуманность его поступковъ? Онъ и себѣ повредитъ да и другимъ его собратьямъ по изгнанію, которые терпимы здѣсь только потому, что не мѣшаются въ здѣшнюю политику. Сдѣлайте это секретно, такъ какъ и мнѣ сообщено по секрету.

До скораго свиданія; жму Вамъ дружески руку.

Ив. Тургеневъ.

X.

Sein et Oise. Понедѣльникъ, 20 сент. 1880 г.

Любезный Петръ Лавровичъ, въ отвѣтъ на Вашъ запросъ мнѣ приходится выразить удивленіе, что Вамъ такой громогласный фактъ остался неизвѣстнымъ.—Сентъ-Бевъ сдѣлалъ великаго В. Гюго рогоносцемъ—что было тѣмъ обиднѣе поэту, что С.-Бевъ былъ его другомъ и отличался безобразіемъ.—Маленькая дочь была однако не продуктомъ г-жи Гюго и присочинена С.-Бевомъ для красоты слога: онъ былъ замѣчательнѣйшій болтунъ и дѣтей никогда не имѣлъ.

Я былъ бы очень радъ повидаться съ Вами—но придется дождаться

---

[1]) Рѣчь идетъ объ одномъ совершенно незначительномъ русскомъ полуэмигрантѣ, проживавшемъ въ Парижѣ подъ именемъ Бронскаго и отличавшагося разными невропатическими выходками. *Ред.*

моего возвращенія изъ Англіи, куда я отправлюсь въ концѣ недѣли—и гдѣ я пробуду дней 5.

Жму Вамъ дружески руку и остаюсь преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

XI.

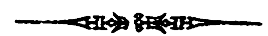
Парижъ 50, R. de Douai. Среда, 27 дек. 1882 г.

Любезный Петръ Лавровичъ, нашъ извѣстный путешественникъ Миклуха-Маклай, который проѣздомъ здѣсь, обратился ко мнѣ съ просьбой доставить ему брошюру или брошюры, „написанныя бывшими сосланными въ Новую Каледонію коммунарами, о жизни ихъ тамъ и притерпѣвшихъ ими тамъ страданіяхъ“.—А я обращаюсь къ Вамъ, какъ къ вѣрнѣйшему источнику и прошу Васъ достать эти брошюры (разумѣется съ платой, которую М. М. внесетъ охотно)—и прислать ихъ мнѣ, если возможно не позже пятницы—такъ какъ М. М. уѣзжаетъ отсюда въ субботу утромъ и будетъ у меня въ пятницу въ 2 часа.—(N. B. одна изъ этихъ брошюръ написана Olivier Pain'омъ).

Прошу извинить за доставленіе Вамъ этихъ хлопотъ и крѣпко жму Вашу руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.



№ ~~989~~ 1422.

ДѢЛО

О помѣщикѣ Иванѣ Тургеневѣ, высланномъ изъ С. Петербурга на родину въ здѣшнюю губернію подъ присмотръ.

Началось 30 Мая 1852 года.

Кончено ~~11 Декабря~~ 18 Октября 1856 года.

на 19 листахъ

Канцелярія

Орловскаго

Гражданскаго

Губернатора.

Столъ

Ссылка И. С. Тургенева въ Орловскую губ.

Въ маѣ 1852 года, за напечатаніе въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ письма по поводу смерти Гоголя, И. С. Тургеневъ былъ высланъ изъ Петербурга, административнымъ порядкомъ, въ родовое имѣніе Тургеневыхъ, въ с. Спасское-Лутовиново, Мценскаго уѣзда, Орловской губерніи.

Что это было за письмо за которое писателя постигла такая суровая кара?

Въ настоящее время „Письмо“ почти забыто, утратило общественный интересъ и сохранило за собой лишь значеніе литературнаго памятника, характеризующаго—по отношенію къ автору—духъ эпохи, ея репрессіи, падавшія по прихоти бюрократіи тяжелымъ камнемъ на многострадальную русскую литературу. Въ этомъ смыслѣ „Письмо изъ Петербурга“ настолько характерно, что мы позволимъ себѣ привести его полностью.

„Гоголь умеръ!—писалъ Иванъ Сергѣевичъ.—Какую русскую душу не потрясутъ эти два слова? Онъ умеръ. Потеря наша такъ жестока, такъ внезапна, что намъ все еще не хочется вѣрить ей. Въ то самое время, когда мы всѣ могли надѣяться, что онъ нарушитъ, наконецъ, свое долгое молчаніе, что онъ обрадуетъ, превзойдетъ наши нетерпѣливыя ожиданія,—пришла эта роковая вѣсть! Да, онъ умеръ, этотъ человѣкъ, котораго мы теперь имѣемъ право, горькое право, данное намъ смертью, назвать великимъ; человѣкъ, который своимъ именемъ означилъ эпоху въ исторіи нашей литературы, человѣкъ, которымъ мы гордимся, какъ одной изъ славъ нашихъ! Онъ умеръ, пораженный въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, въ разгарѣ силъ своихъ, не окончивъ начатаго дѣла, подобно благороднѣйшимъ изъ его предшественниковъ... Его утрата возобновляетъ скорбь о тѣхъ незабвенныхъ утратахъ, какъ новая рана возбуждаетъ боль старинныхъ язвъ. Не время теперь и не мѣсто говорить объ его заслугахъ—это дѣло будущей критики; должно надѣяться, что она пойметъ свою задачу и оцѣнитъ его тѣмъ безпристрастнымъ, но исполненнымъ уваженія и любви судомъ, которымъ подобные ему люди судятся предъ лицомъ потомства; намъ теперь

не до того: намъ хочется только быть однимъ изъ отголосковъ той великой скорби, которую мы чувствуемъ разлитою повсюду вокругъ насъ; не оцѣнять его намъ хочется, но плакать; мы не въ силахъ говорить теперь спокойно о Гоголѣ... самый любимый, самый знакомый образъ неясенъ для глазъ, орошенныхъ слезами... Въ день, когда его хоронитъ Москва, намъ хочется протянуть ей отсюда руку—соединиться съ ней въ одномъ чувствѣ общей печали. Мы не могли взглянуть въ послѣдній разъ на его безжизненное лицо; но мы шлемъ ему издалека нашъ прощальный привѣтъ—и съ благоговѣйнымъ чувствомъ слагаемъ дань нашей скорби и нашей любви на его свѣжую могилу, въ которую намъ не удалось, подобно москвичамъ, бросить горсть родимой земли! Мысль, что его прахъ будетъ покоиться въ Москвѣ, наполняетъ насъ какимъ то горестнымъ удовлетвореніемъ. Да, пусть онъ покоится тамъ, въ этомъ сердцѣ Россіи, которую онъ такъ глубоко зналъ и такъ любилъ, такъ горячо любилъ, что одни легкомысленные или близорукіе не чувствуютъ присутствія этого любовнаго пламени въ каждомъ имъ сказанномъ словѣ! Но невыразимо тяжело было бы намъ подумать, что послѣдніе, самые зрѣлые плоды его генія погибли для насъ невозвратно—и мы съ ужасомъ внимаемъ жестокимъ слухамъ объ ихъ истребленіи... Едва ли нужно говорить о тѣхъ немногихъ людяхъ, которымъ слова наши покажутся преувеличенными, или даже вовсе неумѣстными... Если такіе найдутся, намъ жаль ихъ, жаль ихъ несчастія. Смерть имѣетъ очищающую и примиряющую силу; клевета и зависть, вражда и недовѣріе — все смолкаетъ передъ самою обыкновенною могилой, онѣ не заговорятъ надъ могилою Гоголя. Какое бы ни было окончательное мѣсто, которое оставитъ за нимъ исторія, мы увѣрены, что никто не откажется повторить теперь же вслѣдъ за нами: миръ его праху, вѣчная память его жизни, вѣчная слава его имени“ [1]).

Есть ли въ „Письмѣ“ какая нибудь острая нота, извѣстная политическая окраска—то, что на языкѣ бюрократіи обыкновенно носитъ названіе „потрясенія основъ“, „ниспроверженія существующаго строя“? Ничего подобнаго въ немъ нѣтъ. „Письмо“ представляетъ сплошную ламентацію. Литераторъ Тургеневъ оплакиваетъ товарища по пушкинской школѣ, товарища по литературной дѣятельности, великаго художника, гордость Россіи, попутно демонстрируетъ,—больше для литературнаго міра, чѣмъ для общества—трагическій фактъ изъ послѣднихъ лѣтъ жизни Гоголя (сожженіе второй части поэмы „Мертвыя души“), и—только...

Повидимому, такъ смотрѣлъ на „Письмо“ и московскій цензоръ Назимовъ, разрѣшившій печатаніе его въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

---

[1]) „Москов. Вѣд.“, 13 марта 1852 г. № 32.

Такъ смотрѣлъ на него и самъ Иванъ Сергѣевичъ.

Вотъ что, между прочимъ, онъ пишетъ по этому поводу въ „Литературныхъ и житейскихъ воспоминаніяхъ“:

„Я препроводилъ эту статью „Письмо“ въ одинъ изъ петербургскихъ журналовъ; но именно въ то время цензурныя строгости стали весьма усиливаться съ нѣкоторыхъ поръ... Подобныя „crescendo“ происходили довольно часто и для посторонняго зрителя—такъ же безпричинно, какъ, напримѣръ, увеличеніе смертности въ эпидеміяхъ“. [1]) Какое сравненіе! Эпидемія... литературныхъ репрессій...

Далѣе И. С. пишетъ: „статья моя не появилась ни въ одномъ изъ послѣдовавшихъ за тѣмъ дней. Встрѣтившись на улицѣ съ издателемъ, я спросилъ его, что бы это значило.—„Видите какая погода“,—отвѣчалъ онъ мнѣ иносказательной рѣчью:—„и думать нечего“!—Да вѣдь статья самая невинная,—замѣтилъ я.—„Невинная ли. нѣтъ ли“—возразилъ издатель—„дѣло не въ томъ: вообще имя Гоголя не велѣно упоминать. Закревскій [2]) на похоронахъ въ андреевской лентѣ присутствовалъ: этого здѣсь переварить не могутъ“. Вскорѣ потомъ я получилъ отъ одного пріятеля изъ Москвы письмо, наполненное упреками: „Какъ!—восклицалъ онъ:—Гоголь умеръ, *и хоть бы одинъ журналъ у Васъ въ Петербургѣ отозвался*. Это молчаніе постыдно“. Въ отвѣтѣ моемъ я объяснилъ—сознаюсь, въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ—моему пріятелю причину этого молчанія, и въ доказательство, какъ документъ, приложилъ мою запрещенную статью. Онъ ее представилъ немедленно на разсмотрѣніе тогдашняго попечителя московскаго округа—генерала Назимова—и получилъ отъ него разрѣшеніе напечатать въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. [3]) Тургеневъ не зналъ, что вся его переписка съ москвичами: Е. М. Ѳеоктистовымъ, В. П. Боткинымъ и И. С. Аксаковымъ была перлюстрирована и о его намѣреніи напечатать непропущенную въ С.-Петербургѣ статью въ Москвѣ знали раньше, чѣмъ оно было осуществлено.

13 марта статья Тургенева появилась въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ за подписью „Т..въ“. А ровно черезъ мѣсяцъ Дуббельтъ уже представилъ начальнику III отдѣленія, графу Орлову, проэктъ всеподданнѣйшаго доклада, въ которомъ предлагалъ пригласить Тургенева въ III отдѣленіе, сдѣлать ему внушеніе и учредить за нимъ надзоръ полиціи. Графъ Орловъ, передѣлавъ этотъ проэктъ и, замѣнивъ въ немъ надзоръ полиціи секретнымъ наблюденіемъ, представилъ его Николаю I. Императоръ отнесся къ „преступленію“ Тургенева весьма строго. На докладѣ онъ поло-

---

[1]) Соч. И. С. Тургенева, т. XII, стр. 69. СПБ. 1898 г. изд. Маркса.
[2]) Графъ Закревскій—московскій генералъ-губернаторъ.
[3]) Соч. И. С. Тургенева, т. XII, стр. 69—70. СПБ. 1898 г. изд. Маркса.

жилъ слѣдующую резолюцію: „Полагаю этого мало, а за явное ослушаніе посадить его на мѣсяцъ подъ арестъ и выслать на жительство на родину подъ присмотръ“ [1]).

Въ результатѣ—независимо отъ петербургскихъ сферъ—въ канцеляріи орловскаго губернатора возникло цѣлое „Дѣло о помѣщикѣ Иванѣ Тургеневѣ, высланномъ изъ С.-Петербурга на родину въ здѣшнюю Орловскую губернію подъ присмотръ“,—дѣло, неизвѣстное біографамъ Тургенева и хранящееся въ настоящее время въ Орловскомъ Губернскомъ Архивѣ. Это дѣло представляетъ нѣкоторыя новыя и любопытныя детали о ходѣ присмотра за Тургеневымъ и содержитъ одно письмо Тургенева, текстъ котораго до сихъ поръ былъ неизвѣстенъ.

Опуская содержаніе документовъ маловажныхъ (нѣкоторые изъ черновиковъ губернаторскихъ „отписокъ“, документы, сходные по значенію, и пр.), остальные мы приводимъ въ порядкѣ циркуляціи ихъ черезъ канцелярію губернатора, съ соблюденіемъ орфографіи подлинниковъ [2]).

„С.-Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ 22 мая 1852 г. № 399. Секретно. Господину Начальнику Орловской губерніи. Въ февралѣ мѣсяцѣ, жительствовавшій въ С.-Петербургѣ помѣщикъ Орловской губерніи Иванъ Тургеневъ написалъ статью объ умершемъ въ Москвѣ литераторѣ Гоголѣ и желалъ помѣстить ее въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Какъ Тургеневъ въ этой статьѣ отзывался о Гоголѣ въ выраженіяхъ чрезъ мѣру пышныхъ, то Попечитель С.-Петербургскаго Учебнаго Округа не дозволилъ ее напечатать. Тургеневъ же вмѣсто того, чтобы покориться рѣшенію Начальствующаго лица, отправилъ статью свою въ Москву, и тамъ, при содѣйствіи Почетнаго Гражданина Боткина и кандидата Феоктистова, напечаталъ статью въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

---

[1]) Въ своихъ „Литературныхъ и житейскихъ воспоминаніяхъ“ И. С. писалъ по этому поводу такія строки: ...16-го апрѣля я—за ослушаніе и нарушеніе цензурныхъ правилъ былъ посаженъ на мѣсяцъ подъ арестъ въ части... и потомъ отправленъ на жительство въ деревню. Я нисколько не намѣренъ обвинять тогдашнее правительство: попечитель С.-Петербургскаго округа, теперь уже покойный Мусинъ-Пушкинъ, представилъ—изъ неизвѣстныхъ мнѣ видовъ—все дѣло, какъ явное неповиновеніе съ моей стороны; онъ не поколебался завѣрить высшее начальство, что онъ призывалъ меня лично, и лично передалъ мнѣ запрещеніе цензурнаго комитета печатать мою статью (одно цензорское запрещеніе не могло помѣшать мнѣ—въ силу существовавшихъ постановленій—подвергнуть статью мою суду другого цензора), а я г. Мусина-Пушкина и въ глаза не видалъ и никакого съ нимъ объясненія не имѣлъ. Нельзя же было правительству подозрѣвать сановника, довѣренное лицо — въ подобномъ искаженіи истины! (Соч. Тургенева, т. XII, стр. 70 СПБ. 1898 г. Изд. Маркса).

[2]) Снимокъ съ этого „Дѣла“ помѣщенъ выше (см. стр. 28).

Ред.

Государь Императоръ на всеподданѣйшемъ докладѣ о семъ Г. Генералъ-Адъютанта графа Орлова, собственноручно написать изволилъ: „За явное ослушаніе, посадить его (Тургенева) на мѣсяцъ подъ арестъ и выслать на жительство на родину, подъ присмотръ, а съ другими предоставить графу Закревскому распорядиться по мѣрѣ ихъ вины“.

Въ исполненіе таковой Монаршей воли сообщенной графомъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Г. С.-Петербургскому Военному Генералъ-Губернатору, а Его Высокопревосходительствомъ объявленной мнѣ въ предложеніи, отъ 16-го апрѣля, за № 618, выдержавъ помѣщика Тургенева подъ арестомъ одинъ мѣсяцъ, я выслалъ его изъ С.-Петербурга, 18 сего мая, на родину въ Орловскую губернію, съ обязаніемъ подпискою ѣхать туда нигдѣ не проживая, и о томъ долгомъ считаю увѣдомить Ваше Превосходительство, для дальнѣйшаго съ Вашей стороны распоряженія, присовокупляя, что объ исполненіи вышеизъясненнаго Высочайшаго повелѣнія по прочимъ предметамъ, Г. Генералъ-Адъютантомъ графомъ Орловымъ сообщено уже кому слѣдуетъ. Свиты Его Императорскаго Величества Генералъ-Маіоръ Галаховъ. Правитель Канцеляріи N“.

На бумагѣ оберъ-полицеймейстера положена губернаторская резолюція карандашемъ: „имѣть въ виду“.

О высылкѣ Тургенева изъ Петербурга сообщаетъ губернатору также и министръ внутреннихъ дѣлъ, Бибиковъ:

„Министерство внутреннихъ дѣлъ. 3 Іюня 1852 г. № 154. По Высочайшему повелѣнію. Секретно. Господину Военному Губернатору г. Орла и Орловскому Гражданскому Губернатору. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: жительствующаго въ С.-Петербургѣ помѣщика Орловской губерніи Ивана Тургенева за ослушаніе выслать на родину подъ присмотръ.

Усматривая изъ отзыва С.-Петербургскаго Военнаго Генералъ Губернатора, что Тургеневъ отправленъ уже по назначенію, я считаю долгомъ объ изъясненной Высочайшей волѣ сообщить Вашему Превосходительству для зависящаго распоряженія; о послѣдующемъ же прошу мнѣ донести“.

Орловскій вице-губернаторъ Тиличеевъ, получивъ отъ уѣздной полиціи рапортъ о прибытіи Тургенева въ Спасское-Лутовиново, 29 іюня 1852 года „секретно“ предписалъ Мценскому земскому суду „объ учрежденіи за Тургеневымъ присмотра“.

Чѣмъ собственно былъ административный „присмотръ“ орловскихъ властей—это мы увидимъ впослѣдствіи; но, во всякомъ случаѣ, присмотръ былъ очень назойливый, тяжелый... Малообразованныя уѣздныя власти, выслужившіяся изъ писцовъ, не довольствуясь формальнымъ надзоромъ, чтобы угодить „высшему начальству“, лѣзли къ поднадзорному прямо въ

душу, копались въ ней иногда не совсѣмъ чистыми руками, превращая существованіе ссыльныхъ въ настоящее мученіе!..

Желая хоть „на минутку“ уйти отъ надзора орловскихъ присмотрщиковъ, Тургеневъ уже на четвертомъ мѣсяцѣ своего пребыванія въ Спасскомъ-Лутовиновѣ—26 октября—обратился къ орловскому губернатору съ просьбой о разрѣшеніи выѣхать, для устройства своихъ дѣлъ, въ имѣнія Тульской, Тамбовской и Калужской губерній, а также для участія въ дворянскихъ выборахъ по Тульской губерніи.

„Ваше Превосходительство, Милостивѣйшій Государь!—пишетъ И. С. Имѣю честь обратиться къ Вашему Превосходительству съ слѣдующей покорнѣйшей просьбой. Въ маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года былъ я по Высочайшему повелѣнію высланъ изъ города С.-Петербурга на родину въ Орловскую губернію; но какъ послѣ раздѣла съ роднымъ братомъ моимъ мнѣ достались имѣнія, кромѣ Орловской губерніи, въ трехъ уѣздахъ, а именно: въ Тульской—600 душъ, въ Калужской—около 400 и въ Тамбовской—400 слишкомъ, то я желалъ бы знать, могу ли я, въ случаѣ встрѣтившейся необходимости, посѣтить лично эти имѣнія; а также дозволено ли будетъ мнѣ участвовать въ предстоящихъ дворянскихъ выборахъ по Тульской губерніи?

Пребывая въ надеждѣ, что Ваше Превосходительство не откажите отвѣтить мнѣ на вышеизложенные вопросы, честь имѣю остаться съ совершеннымъ моимъ уваженіемъ и высокопочитаніемъ Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Иванъ Тургеневъ, отставной коллежскій секретарь. Городъ Орелъ, 26-го октября 1852 года“.

Орловскій губернаторъ направилъ просьбу Тургенева къ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, который далъ слѣдующій отвѣтъ:

„Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Департаментъ Полиціи Исполнительной. 20 декабря 1852 г. № 5446. Господину Военному Губернатору г. Орла и Орловскому Гражданскому Губернатору. Вслѣдствіе представленія Вашего Превосходительства отъ 29 октября сего года за № 381, по просьбѣ высланнаго по Высочайшему повелѣнію въ Орловскую губернію Коллежскаго Секретаря Тургенева о разрѣшеніи ему выѣзда въ имѣнія его, находящіяся въ Тульской, Калужской и Тамбовской губерніяхъ, а равно и о дозволеніи ему участвовать въ предстоящихъ выборахъ по Тульской губерніи, я, согласно отзыву Г. Генералъ-Адъютанта Графа Орлова, имѣю честь увѣдомить Васъ, что по недавнему удаленію Г. Тургенева изъ С.-Петербурга не представляется въ настоящее время, впредь до удостовѣренія въ хорошемъ поведеніи и совершенной благонадежности его, удобнымъ ходатайствовать у Государя Императора объ удовлетвореніи изъяс-

Факсимиле письма И. С. Тургенева изъ Орловскаго дѣла.

Въ журналъ

Ваше Превосходительство!

Милостивѣйшій Государь!

испросить разрѣшенія

Имѣю честь обратиться къ Вашему Превосходительству съ слѣдующей покорнѣйшей просьбой: Въ Маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года былъ я по Высочайшему повелѣнію высланъ изъ С. Петербурга на родину, въ Орловскую губернію; но какъ послѣ раздѣла съ роднымъ братомъ моимъ — мнѣ достались имѣнія, кромѣ Орловской губерніи — въ трехъ другихъ — а именно въ Тульской — 600 душъ — въ Калужской — около 400 — и въ Тамбовской — 400 слишкомъ — то я желалъ бы знать — могу ли я — въ случаѣ встрѣтившейся необходимости, посѣтить иногда эти имѣнія; а также дозволено ли будетъ мнѣ участвовать въ предстоящихъ дворянскихъ выборахъ по Тульской губерніи? —

Пребывая въ надеждѣ что Ваше Превосходительство

не откажете отвѣчать мнѣ на вышеизложенные вопросы, честь имѣю остаться съ совершеннымъ моимъ уваженіемъ и высокопочитаніемъ

Вашего Превосходительства

покорнѣйшій слуга

Иванъ Тургеневъ.
отставной Коллежскій Секретарь

Городъ Орелъ.
26го Октября 1852го года

ненной просьбы Тургенева. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Генералъ-Адъютантъ Бибиковъ. Вице-Директоръ Сафоновъ".

Потерпѣвъ неудачу у бюрократіи, Тургеневъ рѣшился 16 апрѣля 1853 года обратиться съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ къ Наслѣднику. Не получивъ отвѣта, онъ обратился къ Дуббельту. Заступникомъ явился и церемоніймейстеръ Толстой. Благодаря предстательству послѣдняго, шефъ III отдѣленія, графъ Орловъ представилъ 14 ноября всеподданнѣйшій докладъ о разрѣшеніи Тургеневу выѣхать изъ деревни и жить въ столицѣ. Резолюція Николая I—„Согласенъ, но имѣть подъ строгимъ здѣсь присмотромъ".

Въ орловскомъ дѣлѣ находимъ нижеслѣдующій документъ:

„Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Департаментъ полиціи исполнительной. 19 ноября 1853 г. № 304. По Высочайшему повелѣнію. Секретно. Господину Начальнику Орловской губерніи. Высланный въ 1852 году, по Высочайшему повелѣнію, на родину въ Орловскую губернію, Коллежскій Секретарь Тургеневъ, выражая чистосердечное раскаяніе въ своей винѣ и объясняя растроенное положеніе своего здоровья, необходимо требующаго совѣщанія съ опытными врачами въ столицѣ, испрашивалъ себѣ Всемилостивѣйшаго прощенія, съ дозволеніемъ возвратиться въ Петербургъ.

По всеподданнѣйшему докладу о сей просьбѣ, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на оную, но съ тѣмъ, чтобы за Коллежскимъ Секретаремъ Тургеневымъ продолжаемъ былъ въ С.-Петербургѣ строжайшій надзоръ.

О таковой Высочайшей волѣ, сообщенной С.-Петербургскому Военному Генералъ-Губернатору, считаю долгомъ, для зависящихъ распоряженій и въ дополненіе къ предписанію отъ 3-го іюня 1852 г. № 154 увѣдомить Ваше Превосходительство. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Генералъ-Адъютантъ Бибиковъ. Вице-Директоръ Сафоновъ".

О разрѣшеніи Тургеневу выѣзда изъ Спасскаго-Лутовинова въ Петербургъ, орловскій губернаторъ 3 декабря 1853 года сообщилъ Мценскому земскому суду, а 8-го декабря земскій судъ уже доносилъ губернатору, что „Г. Тургеневъ отправился въ Столичный Городъ Санктъ-Петербургъ для совѣщанія съ опытными врачами".

Но орловское дѣло не кончается этимъ сообщеніемъ; „строжайшій надзоръ" за Тургеневымъ продолжался до конца 1856 г.—разумѣется, только на бумагѣ, такъ какъ И. С. въ это время находился за границей. Надзоръ былъ снятъ общей амнистіей, по Высочайшему манифесту, обнародованному 26 августа 1856 года, но и то съ нѣкоторыми оговорками и канцелярскими двусмысленностями со стороны Орловскаго Губернскаго Правленія. Какъ рѣшило оно вопросъ объ амнистіи по отношенію къ Тургеневу, видно изъ слѣдующаго документа:

„Распорядительный журналъ присутствія Орловскаго губернскаго правленія 12 октября 1856 года. Слушали: Г. Начальникъ Здѣшней губерніи, при подписаніи отъ 21 минувшаго сентября за № 9321, препроводивъ въ сіе Правленіе 22 дѣла, заведенныя въ канцеляріи его о лицахъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, въ томъ числѣ о помѣщикѣ Орловской губерніи Иванѣ Тургеневѣ, предложилъ Правленію войти въ соображеніе касательно освобожденія сихъ лицъ отъ таковаго надзора по Высочайшему Манифесту, состоявшемуся 26 августа сего года, и, сдѣлавъ всѣ нужныя по сему предмету распоряженія, о послѣдующемъ передать въ канцелярію его свѣдѣнія. Изъ дѣла же помѣщика Тургенева видно...

(Слѣдуетъ изложеніе обстоятельствъ, повлекшихъ за собой наказаніе Тургенева и изложенныхъ въ цитированныхъ нами документахъ орловскаго дѣла).

Тургеневъ, какъ видно изъ донесенія Начальнику Здѣшней Губерніи Мценскаго Земскаго Исправника, отъ 8 Декабря 1853 г. за № 18, въ томъ же Декабрѣ отправился въ С.-Петербургъ, въ настоящее же время, какъ доноситъ тотъ же Исправникъ Губернскому Правленію, отъ 8 сего октября за № 771, на сдѣланный ему вопросъ, Тургеневъ съ дозволенія Высшаго Начальства находится за границею. Приказали: Такъ какъ Мценскій помѣщикъ Коллежскій Секретарь Иванъ Тургеневъ, который высланъ былъ изъ С.-Петербурга въ 1852 году на родину въ Орловскую губернію, подъ присмотръ по Высочайшему повелѣнію, и которому потомъ въ 1853 году разрѣшено возвратиться въ С.-Петербургъ, съ тѣмъ чтобы за нимъ тамъ продолжаемъ былъ строжайшій надзоръ, въ Здѣшнюю губернію не возвращался и находится какъ дознано Мценскимъ Земскимъ Исправникомъ съ дозволенія Высшаго Начальства, за границею, то Губернское Правленіе полагаетъ, что засимъ Здѣшнему Губернскому Начальству не слѣдуетъ уже входить въ соображеніе о примѣненіи къ нему, Тургеневу, Высочайшаго Манифеста 26 августа сего года состоявшагося съ каковаго заключенія Губернскаго Правленія и передать копію въ канцелярію Начальника Здѣшней Губерніи съ возвращеніемъ и подлиннаго о Тургеневѣ дѣла“.

Этимъ замѣчательнымъ документомъ и заканчивается орловское дѣло о Тургеневѣ.

Остается сказать нѣсколько словъ о фактическомъ „присмотрѣ“ за Тургеневымъ въ деревнѣ.

Уѣздная и сельская администрація слѣдила буквально за каждымъ шагомъ Тургенева: ѣхалъ ли онъ на охоту, въ гости къ сосѣдямъ—за нимъ по пятамъ, какъ тѣнь, скользилъ какой-нибудь „человѣчекъ“, снабженный инструкціей „смотрѣть за бариномъ въ оба“ и „не зѣвать“... „Этотъ че-

ловѣчекъ“ былъ извѣстенъ окрестнымъ помѣщикамъ подъ кличкою „мценскаго цербера“.

Разсказываютъ про такой случай: однажды И. С. охотился на дупелей и, сильно запоздавъ, рѣшилъ заночевать въ сосѣднемъ имѣніи.

Пріѣзжаетъ въ имѣніе, его встрѣчаютъ радушно, какъ добраго друга. За чайнымъ столомъ, въ уютной деревенской столовой, бесѣда между И. С. и гостепріимными хозяевами затягивается за полночь. Только вдругъ Иванъ Сергѣевичъ замѣчаетъ, что хозяинъ чувствуетъ себя какъ будто не по себѣ: то молча, серьезный, уйдетъ изъ столовой, то вернется, со смущеннымъ видомъ, и сидитъ, какъ на иголкахъ.

— Вы что... недоумѣвая спрашиваетъ И. С.

— Да, знаете, Иванъ Сергѣевичъ... этотъ человѣчекъ, который, знаете... Помѣщикъ, взволнованный, усиленно дышетъ, какъ кузнечный мѣхъ.

— Пустить его ночевать подъ одной крышей съ нами,—продолжаетъ онъ,—да это, Иванъ Сергѣевичъ, противно законамъ божескимъ и человѣческимъ! Какъ хотите...

И. С. смѣется.

— Богъ съ нимъ. Пусть его ночуетъ. Надоѣлъ онъ мнѣ, правда, ужасно, но что вы подѣлаете?

И „мценскій церберъ“ ночевалъ гдѣ-нибудь на сѣновалѣ или въ людской, неусыпно наблюдая за бариномъ.

Въ архивѣ мценскаго земскаго суда, между прочимъ, имѣются прекурьезнѣйшіе дневники этого „наблюдателя“.

Вотъ одинъ изъ нихъ, за 12 августа 1853 года:

„И ехали они на охоту. Видъ у нихъ былъ бравый. Остановились въ поле и долго съ крестьянами изволили говорить о волѣ. А когда я къ нимъ подошедши шапку снялъ и поклонился, то Иванъ Сергѣевичъ такой видъ приняли, какъ будто черта увидѣли, сдѣлались серьезными“ и т. д. Даже что ѣлъ, пилъ Тургеневъ, какія и отъ кого получалъ письма съ почты,—все вошло въ лѣтопись „мценскаго цербера“...

Какіе выводы дѣлало изъ этихъ наблюденій „высшее начальство“— неизвѣстно, но такой, „собачій“ надзоръ, говорятъ, не разъ выводилъ Тургенева изъ терпѣнія (однажды онъ побилъ цербера хлыстомъ) и побуждалъ его усиленно хлопотать о разрѣшеніи выѣзда изъ Спасскаго-Лутовинова

А. Дунинъ.

Тургеневъ и террористы.

Въ началѣ 80-хъ годовъ вопросъ о причинахъ террора очень живо волновалъ широкіе круги въ Россіи и за границей. Въ настоящей замѣткѣ я имѣю въ виду познакомить читателей съ мнѣніемъ Тургенева о причинахъ русскаго революціоннаго террора и огласить сохраняющееся у меня письмо автора „Нови“, написанное вскорѣ послѣ выстрѣла Вѣры Засуличъ и перваго вооруженнаго сопротивленія, оказаннаго жандармамъ Ковальскимъ и его товарищами. Но для того, чтобы содержаніе письма было вполнѣ понятно и могло получить полную оцѣнку, я долженъ разсказать, по какому поводу Тургеневъ счелъ нужнымъ написать его.

Мои сношенія съ авторомъ „Отцовъ и Дѣтей“ начались въ 1879 году въ Парижѣ, куда я прибылъ изъ Одессы, послѣ казни И. М. Ковальскаго. На западѣ движеніе противъ абсолютизма произвело крупное впечатлѣніе во всѣхъ слояхъ общества. Кромѣ кружка роялистовъ да небольшого числа бонапартистовъ у русскаго правительства не было ни одного вѣрнаго друга. Въ Европѣ не только соціалисты, не только пролетаріатъ, но вся буржуазія, какъ мелкая, такъ и крупная, отъ души ненавидѣли нашъ приказный строй, съ большимъ интересомъ отнеслись и къ начатой русскими террористами аттакѣ противъ режима. Не было той газеты, которая не считала бы нужнымъ посвятить „нигилистамъ“ рядъ статей или напечатать фельетонный романъ изъ жизни русскихъ революціонеровъ. Газета *Temps* напечатала немедленно *Les Russes Vierges*, переводъ Тургеневской „Нови“, но вообще во французской беллетристикѣ появлялись самые несуразные романы вродѣ *Ivan le Nihiliste* или *Les Vierges Russes*, гдѣ весь интересъ заключался въ замысловатой интригѣ, но сущность и причины движенія, характеры лицъ оставались непонятыми и изображались часто съ самой превратной стороны. Среди эмигрантовъ и появилась тогда мысль о необходимости такого французскаго романа изъ жизни русскихъ революціонеровъ, по которому европейское общество получило бы наглядное по-

нятіе о тѣхъ ужасныхъ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались русскія молодыя силы, желавшія идти въ народъ, дѣлить съ нимъ его горе, и вмѣстѣ съ нимъ обсудить, какъ добиться двухъ насущныхъ потребностей: земли и воли!

Въ это время я и началъ писать свой романъ *Les Victimes du tsar* [1]). Главная идея романа была та, что какъ ни ложно была бы настроена молодежь, какъ далека ни была бы она отъ мысли о какомъ бы то ни было насильственномъ переворотѣ, но преслѣдованія такъ мучительны и жестоко произвольны, что въ концѣ-концовъ молодежь начинаетъ усматривать выходъ только въ террорѣ.

Когда первыя главы моего романа были готовы, я прочелъ ихъ дорогому моему другу П. А. Кропоткину, который очень одобрилъ начало. С. И. Кравчинскій тоже отнесся сочувственно къ моей работѣ. Но что еще болѣе обрадовало меня,—Тургеневъ, которому я изложилъ планъ моего романа, не только одобрилъ его, но сказалъ, что попроситъ Зола пристроить его по возможности скорѣе въ *Voltair'ѣ*, гдѣ въ то время авторъ Ругоновъ писалъ критическія статьи.

Какъ теперь помню сочувственныя слова Тургенева: „Наша молодежь—святая молодежь. Это все мученики какіе-то... Я не одобряю убійствъ, но нашихъ революціонеровъ, которые идутъ въ деревню, какъ агнцы на закланіе, третье отдѣленіе своимъ изувѣрствомъ превращаетъ въ отчаянныхъ, способныхъ на всякое злодѣяніе... Всѣ наши политическія преступленія результатъ жестокости шефа жандармовъ. Если вы сумѣете художественно изобразить эту идею, вашъ романъ произведетъ впечатлѣніе и будетъ очень полезенъ“.

И Тургеневъ подробно разспрашивалъ меня, какимъ путемъ, или вѣрнѣе, ***какими путями*** я добьюсь этого впечатлѣнія.

---

[1]) Mikhail Achkinasi. *Les Victimes du tsar*. E. Dentu, libraire de la Societé des gens de Lettres. Paris. 1881. О *Victimes du tsar* дали сочувственные отзывы всѣ большія европейскія газеты и даже такіе солидные. отнюдь не революціонные журналы, какъ the Academie и the Ahenocum. Упоминаю объ этомъ, какъ о фактѣ, свидѣтельствующемъ объ интересѣ и сочувствіи къ начавшейся въ Россіи борьбѣ во всѣхъ слояхъ европейскаго общества. *British Museum* и *Bibliothèque Nationale* немедленно пріобрѣли по нѣсколько экземпляровъ *Victimes du tsar*. Въ Россію *Les Victimes du tsar* были выписаны для министра двора, а также многими „высокими особами“, бывшими постоянными кліентами *librairie Dentu*. Помню, какъ завѣдывавшій тогда магазиномъ Дентю, молодой Гиппо, сынъ автора извѣстной педагогической книги, пользовавшейся большимъ успѣхомъ среди молодежи, съ радостью показывалъ мнѣ письма русскихъ вельможъ, выписывавшихъ *Les Victimes du tsar*. Въ русской печати, однако, о моемъ романѣ только одинъ С. А. Венгеровъ осмѣлился упомянуть въ своемъ „Словарѣ“, не давая полнаго заглавія, а обозначая лишь „Les Victimes“ безъ du tsar.

Я объяснилъ Ивану Сергѣевичу, что герой моего романа, медикъ, искренній русскій либералъ, любящій народъ и желающій для него земли и воли, долго не соглашается пристать ни къ пропагандистамъ, ни къ бунтарямъ... Онъ надѣется создать партію, которая откроетъ царю глаза на дѣйствія бюрократіи и добьется отмѣны приказнаго строя. Въ особенности понравилась Тургеневу сцена, въ которой герой моего романа, пользуясь тѣмъ, что государь, за самоотверженную службу раненнымъ солдатамъ, публично, въ присутствіи всѣхъ высшихъ чиновъ, цѣлуетъ его, подаетъ царю записку, въ которой онъ излагаетъ бѣдственное положеніе крестьянъ, рисуетъ яркими красками произволъ полиціи и выражаетъ надежду, что государь прогонитъ обманывающихъ его сановниковъ и окружитъ себя молодежью, отдающей свою жизнь за народное благо. Государь беретъ записку и опять благодаритъ своего новаго любимца. Но въ ту же ночь молодой докторъ, по распоряженію третьяго отдѣленія, отправляется въ Петропавловскую крѣпость.

— „Вотъ вы выдумали эту сцену,—сказалъ мнѣ Иванъ Сергѣевичъ,—а вѣдь это фактъ, реальный фактъ... Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Серно-Соловьевичъ подалъ, какъ герой вашего романа, Александру II-му записку о бѣдственномъ положеніи крестьянъ, и въ ту же ночь третье отдѣленіе его засадило въ крѣпость... Какъ же послѣ того молодежи не придти въ отчаяніе!..“

Тургеневъ особенно настаивалъ на *отчаяніи* нигилистовъ. Можетъ быть онъ въ это время уже задумывалъ свой разсказъ „Отчаянный“, напечатанный въ 1881 году? Я до сихъ поръ отчетливо помню его красивое доброе лицо, его большіе умные глаза, глядѣвшіе на меня съ симпатіей, но въ то же время и испытующе, и его мягкій ласковый голосъ, становившійся, однако, почти крикливымъ, когда онъ съ негодованіемъ говорилъ о жестокихъ преслѣдованіяхъ молодежи...

Я вернулся въ Женеву, гдѣ я тогда проживалъ, и принялся усердно оканчивать свой романъ. Тургеневъ интересовался ходомъ моей работы и 20-го декабря 1879 года писалъ мнѣ, чтобы я поторопился окончить романъ и прислать ему рукопись, такъ какъ онъ собирается въ Россію. „Я передамъ Вашу рукопись Эмилю Зола, который обѣщалъ мнѣ помѣстить Вашъ романъ въ *Voltair'ѣ*“. Я, конечно, поспѣшилъ окончить свой романъ и въ концѣ декабря 1879 года рукопись *Les Victimes du tsar* была у Тургенева.

Въ это время произошелъ серьезный инцидентъ. Катковъ, которому донесли, что Тургеневъ водится съ Лавровымъ и принимаетъ у себя нигилистовъ, обрушился на Ивана Сергѣевича грозной статьей, въ которой онъ обвинялъ автора *Рудина* въ заигрываніи съ молодежью, къ которой онъ

подлизывался, чтобы задобрить критиковъ изъ радикальнаго лагеря. Тургеневъ не оставилъ этой статьи безъ отвѣта и въ очень мягкой формѣ защитилъ молодежь. Въ эмигрантскихъ кружкахъ эта мягкая защита не была одобрена. Во мнѣ тоже она вызвала серьезныя сомнѣнія, которыя я откровенно высказалъ Тургеневу... „Вы вѣроятно, по добротѣ своей, желаете мнѣ помочь въ моемъ литературномъ дебютѣ,—писалъ я ему. За это я Вамъ очень благодаренъ, но для меня гораздо дороже Ваше сочувствіе идеѣ моего произведенія, убѣдить европейское общество, что убійства, совершаемыя нигилистами, вызываются исключительно правительственнымъ гнетомъ... Если я ошибаюсь, если цѣль, преслѣдуемая мной въ моемъ романѣ для Васъ безразлична, то я попрошу Васъ вернуть мнѣ рукопись, и я уже самъ похлопочу о ней!“

Въ отвѣтъ на мои сомнѣнія я получилъ слѣдующее письмо, приводимое мной буквально.

50 rue de Douai

Paris.

Суббота, 29-го янв. 80 г.

„Любезный г. Ашкинази!

Я виноватъ передъ Вами въ томъ, что не отвѣтилъ немедленно на Ваше второе письмо (не присылку);—но я не отступилъ отъ даннаго мною обѣщанія: Вашъ романъ находится въ рукахъ Зола, который далъ мнѣ слово похлопотать о помѣщеніи его въ „Voltair'ѣ“.—Когда это исполнится—сказать трудно: онъ слишкомъ волюминозенъ, какъ я уже сказалъ Вамъ,—и его придется сокращать.

Что же касается до Вашего вопроса и сомнѣнія, то скажу Вамъ откровенно, что я не сочувствую направленію Вашего произведенія;—но такъ какъ я старый либералъ не на однѣхъ только словахъ—то уважаю свободу убѣжденій, даже противныхъ моимъ—и не только не почитаю себя въ правѣ стѣснять ихъ выраженіе—но не вижу причины уклоняться или способствовать къ тому, чтобы онѣ высказались—особенно, когда дѣло идетъ о литературномъ произведеніи.—Если бы я хоть отдаленно участвовалъ въ правительствѣ—дѣло было бы другое;—но я именно потому и держался всегда въ сторонѣ, чтобы сохранить за собою полную свободу, полную свободу[1]) поступковъ и воззрѣній. Я не принадлежу къ той школѣ, которая полагаетъ, что надо стараться утаить шило въ мѣшкѣ; напротивъ, пусть оно выйдетъ наружу: значитъ въ этомъ мѣстѣ мѣшокъ гнилъ.—И вотъ почему я постепеновецъ, не обинуясь, готовъ помочь появленію про-

---

[1]) Въ подлинникѣ два раза повторено: *полную свободу*, *полную свободу*.

изведенія, написаннаго революціонеромъ. Не сомнѣваюсь однако въ томъ, что во избѣжаніе недоразумѣній, или повторенія исторіи съ Павловскимъ, Вы поймете необходимость не разглашать моего участія.

Я передалъ Зола Вашъ адресъ, а онъ будетъ держать Васъ „au courant“.

Въ Россію я дѣйствительно возвращаюсь на дняхъ;—вѣроятно поѣду въ деревню, но никакихъ сочиненій оканчивать не буду, такъ какъ ни одно у меня даже не начато.

Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи

Ив. Тургеневъ.

P. S. Адресъ Зола (Mr. Emile Zola, rue de Boulogne, 23 Paris.).

Въ 1881 году, осенью, я опять былъ въ Парижѣ и снова видѣлся съ Тургеневымъ, въ Буживалѣ. Онъ только что возвратился изъ Россіи и былъ возмущенъ все болѣе и болѣе разроставшейся реакціей... Мы заговорили о вышедшемъ тогда, отдѣльной книжкой, моемъ романѣ *Les Victimes du tsar*. Я еще разъ поблагодарилъ Тургенева за его участіе, но замѣтилъ, что все таки не понимаю, отчего онъ мнѣ писалъ, что не сочувствуетъ направленію моего произведенія.

— Очень просто... отвѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ... Вы въ вашемъ романѣ не только совершенно вѣрно разъясняете причину терроризма, но вы одобряете политическія убійства... Я же никогда никакое убійство не могу одобрить... Я такъ же оплакиваю царя, какъ оплакиваю его убійцъ... Въ вашемъ романѣ меня интересовала лишь та часть, которая наглядно обрисовывала безвыходное положеніе нашей несчастной молодежи... Вотъ это надо было высказать... И я охотно помогъ вамъ высказать это“...

М. О. Ашкинази.

Paris, 30 Juine 1908. (Michel Delines).

Къ біографіи И. С. Тургенева.

1. Неизданныя письма къ С. Джерольду, переводчику произведеній Тургенева на англійскій языкъ.—2. Воспоминанія о Тургеневѣ американскаго беллетриста Генри Джемса.—3. Воспоминанія о Тургеневѣ американскаго писателя Хьялмара Бойезена.

I.

Въ Англіи и Америкѣ переводы произведеній Тургенева начали появляться очень рано. Такъ напр., нѣкоторые разсказы изъ „Записокъ Охотника“ были напечатаны по англійски въ 1854 г. (въ „Frazer's Magazine“ и „Graham's Magazine“). Вслѣдъ затѣмъ, всякій изъ его романовъ почти немедленно появлялся въ переводѣ Рольстона, Скайлера, С. Джеррольда и другихъ переводчиковъ. Недавно вышло новымъ изданіемъ полное собраніе его сочиненій въ художественномъ переводѣ г-жи Гарнеттъ. Такое же полное собраніе выходитъ въ Америкѣ подъ редакціей извѣстнаго американскаго беллетриста, Г. Джемса, большого почитателя Тургенева, какъ увидятъ читатели ниже, изъ его чрезвычайно интересныхъ воспоминаній о нашемъ великомъ писателѣ [1]).

Съ нѣкоторыми изъ этихъ переводчиковъ Тургеневъ состоялъ въ перепискѣ. Наиболѣе интересной является его переписка съ В. Рольстономъ, къ которому Тургеневъ относился съ большою дружбою [2]). Рольстонъ гостилъ у него въ Спасскомъ, внимательно присматривался къ русской жизни, детально изучалъ русскую литературу (о которой онъ далъ рядъ любопытныхъ и составленныхъ съ полнымъ знаніемъ дѣла статей). Къ сожалѣнію, переписка эта до сихъ поръ не опубликована и неизвѣстно,

---

[1]) Болѣе подробную библіографію англійскихъ переводовъ произведеній Тургенева см. въ работѣ L. Wiener „Anthology of Russian Literature“. Vol. II. стр. 281—282. Библіографія эта, впрочемъ, не отличается особенной полнотой.

[2]) Въ библіотекѣ British Museum хранится экземпляръ сочиненій Тургенева (изд. Салаева, 1869 г.) съ надписью рукой Тургенева: „В. Рольстону, въ знакъ искренней пріязни отъ автора. Баденъ. 1869 г.“.

когда владѣлецъ писемъ Тургенева къ Рольстону, г. Онѣгинъ, вздумаетъ подѣлиться съ публикой этой драгоцѣнностью. Судя по тому, какъ неохотно г. Онѣгинъ публикуетъ документы, хранящіеся въ его парижскомъ „музеѣ“, вѣроятно, и письмамъ Тургенева придется „вылеживаться“ еще не одинъ десятокъ лѣтъ. Объ интересѣ этой переписки можно судить лишь по указаніямъ на ея содержаніе въ работѣ г. Валишевскаго о русской литературѣ.

Въ нашемъ распоряженіи имѣются два неизданныхъ письма И. С. Тургенева къ другому изъ его переводчиковъ, С. Джерр ольду. Джерр ольдъ перевелъ двѣ повѣсти Тургенева: „Первая любовь“ и „Пунинъ и Бабуринъ“. Переводъ этотъ снабженъ довольно обширнымъ предисловіемъ критико-біографическаго характера и украшенъ очень недурнымъ портретомъ Тургенева [1]). Приступая къ переводу, Джерр ольдъ обратился къ Тургеневу съ просьбой о его разрѣшеніи и приводимое ниже французское письмо является непосредственнымъ отвѣтомъ на эту просьбу. Второе письмо болѣе интересно, такъ какъ въ немъ имѣется указаніе автобіографическаго характера.

Приводимъ текстъ обоихъ писемъ:

Bougival
(près Paris)
16, Rue de Metines,
le 1-e Aut 78.

Mon cher Monsieur Jerrold,

Vous me permettrez, n'est ce pas, de vous écrire en français: vous le comprenez aussi bien que moi et je l'écris beaucoup plus facilement que l'anglais. Votre lettre m'a fait le plus grand plaisir,— en me prouvaut, que malgré tous les derniers évenements, vous avez couservé vos sympaties pour la Russie, sa litérature et sa langue. J'aurais été bien enchanté de remplire votre désir quant à la lecture des épreuves, mais je pars des demain pour la Russie— et je dois y renoncer. Du reste, je ne doute pas un instant, que votre traduction ne soit excellente et je l'approuve d'avance des deux mains.

Je vous remercie beaucoup pour l'obligeance, que vous avez eue de m'envoyer l'article du „Daily News“, personne plus que moi

---

[1]) „First Love and „Punin and Baburin“ by Ivan Turgénev D(octor of) C(ommon) L(aw). Translated from the Russian by permission of the author, with a biographical introduction by Sidney Jerrold. London. D. H. Alleu & C° 1884. Переводчикъ счелъ нужнымъ поставить послѣ имени Тургенева почетный титулъ „доктора гражданскаго права“ (D. C. L.), поднесеннаго ему оксфордскимъ университетомъ.

ne se réjouissevait d'avantage d'un rapprochement qui s'opérerait entre votre pays et le mien.

Je compte avoir encore le plaisir de vous voir cette année et je vous prie en attendant de presenter mes meilleurs compliments à M. votre père — ainsi que de recevoir pour vous même l'assurance de mes sentiments les plus distingués.

Ivan Tourgueneff [1]).

Парижъ.
50, Rue de Douai.
Суббота, 2-го дек. 82.

Любезный г. Сидней Джеррольдъ.

Согласно съ Вашимъ желаніемъ, отвѣчаю Вамъ по-русски на Ваше дружелюбное письмо. Искренне радуюсь тому, что человѣкъ съ Вашими способностями полюбилъ нашъ языкъ и нашу литературу и надѣюсь, что Ваши труды не пропадутъ даромъ для англійской публики и найдутъ въ ней сочувствіе. Что касается до біографическихъ данныхъ,—то Вы найдете все нужное въ указанныхъ Вами источникахъ; впрочемъ моя жизнь не представляетъ ничего особенно выдающагося. Могу только замѣтить, что именно въ двухъ выбранныхъ Вами повѣстяхъ—много воспроизведено изъ собственной моей жизни; да и вообще въ моихъ произведеніяхъ я постоянно опираюсь на жизненныхъ данныхъ, стараясь только случайныя явленія, по мѣрѣ силъ, возводить въ типы.

Прошу Васъ передать мой привѣтъ Вашему батюшкѣ и принять для себя изъявленіе уваженія и преданности, съ которыми остаюсь

Вашъ покорный слуга

Иванъ Тургеневъ.

---

[1]) *Переводъ*: Дорогой г. Джерролъдъ! Вы позволите мнѣ,—не правда ли,— писать вамъ на французскомъ языкѣ, который вы понимаете также хорошо, какъ и я, и на которомъ я пишу гораздо лучше, чѣмъ на англійскомъ. Ваше письмо доставило мнѣ величайшее удовольствіе, доказавъ мнѣ, что несмотря на всѣ послѣднія событія, вы сохранили ваши симпатіи къ Россіи, ея литературѣ и ея языку. Я съ наслажденіемъ исполнилъ бы ваше желаніе касательно провѣрочнаго чтенія, но завтра я отправлюсь въ Россію, вслѣдствіе чего я и принужденъ отвѣтить вамъ отказомъ. Къ тому же я не сомнѣваюсь ни секунды, что вашъ переводъ превосходенъ и я подписываюсь подъ нимъ заранѣе обѣими руками. Весьма признателенъ вамъ за любезную присылку мнѣ статьи изъ „Daily News". Никто не порадуется болѣе меня сближенію, которое произойдетъ между вашей и моей страной. Разсчитываю имѣть удовольствіе видѣть васъ въ этомъ году, въ ожиданіи чего прошу васъ передать мои лучшія пожеланія вашему отцу, равно какъ и принять увѣреніе въ моихъ самыхъ наилучшихъ къ вамъ чувствахъ.

II.

Среди появившихся послѣ смерти Тургенева воспоминаній о немъ различныхъ его англійскихъ знакомыхъ, особенно выдѣляются своей задушевностью и тонкой художественной оцѣнкой воспоминанія американскаго беллетриста Генри Джемса [1]), напечатанные въ самомъ крупномъ изъ американскихъ періодическихъ изданій, на страницахъ котораго литературная дѣятельность Тургенева всегда встрѣчала сочувственную, а иногда даже, восторженную оцѣнку.

Упомянувъ о проводахъ тѣла Тургенева въ Парижѣ, Джемсъ останавливается на сдѣланной Ренаномъ характеристикѣ генія Тургенева. Въ характеристикѣ этой Ренанъ особенно подчеркивалъ „безличность“ Тургеневскаго генія. „Сознаніе его,—говорилъ Ренанъ,—не было сознаніемъ индивидуума, къ которому судьба отнеслась болѣе или менѣе благосклонно; въ немъ до извѣстной степени воплощалось сознаніе всего его народа. Еще до своего рожденія онъ жилъ уже цѣлыя тысячелѣтія, безконечныя смѣны грёзъ воплотились въ его сердцѣ. Никто еще не являлся, подобно ему, воплощеніемъ цѣлой расы: поколѣнія предковъ, погруженныхъ въ многовѣковой сонъ и лишенныхъ рѣчи, воплотились въ немъ и обрѣли выраженіе“.

Джемсъ замѣчаетъ по поводу этой характеристики, что Тургеневъ можетъ казаться „безличнымъ“, въ характерѣ его творчества, лишь иностранцамъ, которые только изъ произведеній Тургенева получили нѣкоторое представленіе о русскомъ народѣ. „Его геній,—говоритъ Джемсъ,—былъ для насъ голосомъ славянства; голосомъ тѣхъ невѣдомыхъ намъ массъ, о которыхъ приходится думать теперь все чаще и чаще“. Несомнѣнно, что въ его произведеніяхъ найдется не мало чертъ, оправдывающихъ до извѣстной степени взглядъ Ренана. Превратившись, въ силу обстоятельствъ, въ космополита, Тургеневъ тѣмъ не менѣе никогда не разрывалъ связей съ родиной, съ родной почвой. Приведя одно изъ „стихотвореній въ прозѣ“ („Русскій языкъ“) Джемсъ замѣчаетъ, что эта національная нота звучитъ во всѣхъ произведеніяхъ Тургенева, хотя, чтобы уловить ее, къ ней надо чутко прислушиваться. Но все же, по мнѣнію Джемса, значеніе Тургенева (во всемірной литературѣ) нельзя свести къ безсознательному („безличному“) воплощенію расы. Тургеневъ обладалъ очень яркой и опредѣленной индивидуальностью: какъ его вдохновеніе, такъ и способъ его проявленія носили яркій отпечатокъ этой индивидуальности.

---

[1]) Ivan Turgénieff, by Henri James. The Atlantic Mouthly. Vol. LIII. стр. 42—55.

Короче говоря, онъ являлся личностью огромныхъ размѣровъ, какъ въ этомъ убѣждались всѣ, на долю кого выпало счастье знать его лично.

„Тургеневъ былъ,—говоритъ Джемсъ,—однимъ изъ наиболѣе богато одаренныхъ людей: необычайно привлекательный, превосходный собесѣдникъ и разсказчикъ; его физіономія, личность, характеръ, его необыкновенная общительность, словомъ, качества его, какъ человѣческой личности оставили въ памяти его друзей образъ, въ которомъ литературная слава является лишь одной изъ чертъ, не затмевающихъ цѣлаго. Образъ этотъ покрытъ меланхолическимъ налетомъ, отчасти потому, что меланхолія составляла глубокую и неизгладимую особенность его темперамента, отчасти-же, можетъ быть, потому, что въ послѣдніе годы его жизни, Тургеневу приходилось переносить тяжелые недуги. Но наряду съ меланхоліей въ немъ было много искрящейся веселости, способности отдаваться наслажденію. Тургеневъ былъ очень сложная натура. Я чрезвычайно восхищался его произведеніями еще до личнаго знакомства съ нимъ и когда на мою долю выпало это счастье, знакомство пояснило мнѣ многое въ его произведеніяхъ. Съ того времени и человѣкъ и писатель заняли въ моей душѣ одинаково высокое мѣсто“.

Въ началѣ 70-хъ годовъ Джемсъ, изучавшій произведенія Тургенева въ англійскихъ и французскихъ переводахъ, написалъ критическій этюдъ, посвященный разбору произведеній Тургенева. Въ этомъ этюдѣ онъ отводилъ Тургеневу первое мѣсто въ ряду европейскихъ беллетристовъ. Личное знакомство завязалось въ 1875 г., когда Джемсъ жилъ въ Парижѣ, гдѣ ему часто приходилось встрѣчаться съ Тургеневымъ.

„Я никогда не забуду,—говоритъ онъ,—впечатлѣнія, произведеннаго на меня первой встрѣчей съ Тургеневымъ. Я не повѣрилъ бы, что великій писатель при первомъ же знакомствѣ можетъ оказаться до такой степени привлекательнымъ человѣкомъ. Но дальнѣйшія встрѣчи лишь укрѣпили это впечатлѣніе. Онъ, отличаясь такой простотой, естественностью, скромностью, такимъ отсутствіемъ какихъ-либо личныхъ претензій, такъ лишенъ былъ сознанія своей силы, что иногда на мгновеніе думалось—дѣйствительно-ли предъ тобой геніальный человѣкъ? Все хорошее, все плодотворное было близко ему: казалось, онъ интересовался всѣмъ на свѣтѣ и въ то же время въ немъ ни на мгновеніе не проявлялось той самоувѣренности, какая обыкновенно присуща не только людямъ, пользующимися дѣйствительной славой, но и всякаго рода мелкимъ „извѣстностямъ“. Въ немъ же не замѣчалось ни капли тщеславія, стремленія „поддержать свою репутацію“, „играть роль“. Его юморъ не рѣдко обращался на него самаго и онъ съ веселымъ смѣхомъ разсказывалъ анекдоты о самомъ себѣ. Я живо помню улыбку и тонъ голоса, съ которыми Тургеневъ однажды повторилъ описательный эпитетъ, приложен-

ный къ нему Густавомъ Флоберомъ, эпитетъ, долженствовавшій характеризовать расплывчивую мягкость и нерѣшительность, преобладавшія въ натурѣ Тургенева, какъ и въ характерахъ многихъ изъ его героевъ. Онъ искренно наслаждался остротой Флобера и признавалъ въ ней значительную долю правды. Вообще, онъ былъ необычайно естественъ; скажу больше,—я никогда еще не встрѣчалъ человѣка, обладавшаго въ такой степени этимъ качествомъ. Какъ и у всѣхъ крупныхъ натуръ, въ немъ совмѣщались многіе противоположные элементы и въ немъ особенно поражала смѣсь простоты съ результатами чрезвычайно разносторонне направленной наблюдательности. Въ моемъ критическомъ очеркѣ, о которомъ я упоминалъ выше, я, выразивъ свое восхищеніе трудами Тургенева, позволилъ себѣ сказать, что онъ обладаетъ аристократическимъ темпераментомъ. Замѣчаніе это, послѣ знакомства съ Тургеневымъ, показалось мнѣ особенно нелѣпымъ. Онъ, вообще, не поддавался ни какимъ опредѣленіямъ этого рода; точно также сказать о немъ, что онъ былъ демократомъ, значило (не смотря на демократическую окраску его идей) дать о немъ очень поверхностное и невѣрное понятіе. Онъ чувствовалъ и понималъ противулежащія стороны жизни; для догматизма онъ обладалъ черезчуръ живымъ вооображеніемъ и большимъ запасомъ юмора и ироніи. Въ немъ не было ни зерна какихъ либо предразсудковъ и наши англосаксонскія, протестантскія, морализующія, условныя мѣрки морали были далеки отъ него. Онъ обсуждалъ всѣ явленія со свободой, которая всегда производила на меня оживляющее впечатлѣніе Чувство красоты и любовь къ правдѣ лежали въ основѣ его натуры; но однимъ изъ очарованій разговора съ нимъ было то, что вы дышали атмосферой, въ которой условныя фразы и сужденія звучали бы нелѣпостью.

„Прибавлю, что, конечно, ужъ не ради похвальной критической статьи Тургеневъ удостоилъ меня такимъ дружескимъ пріемомъ, ибо моя статья имѣла для него очень мало значенія. При его чрезвычайной скромности, онъ едва ли придавалъ большое значеніе тому, что о немъ говорили, ибо заранѣе не ожидалъ большаго пониманія, въ особенности за границей, среди иностранцевъ. Я даже никогда не слыхалъ, чтобы онъ упомянулъ въ разговорѣ о какой либо изъ многочисленныхъ критическихъ оцѣнокъ его произведеній въ Англіи. Во Франціи, какъ онъ зналъ, его читали „умѣренно“; рыночный спросъ на его книги былъ не великъ и онъ не обольщался иллюзіями насчетъ дѣйствительныхъ размѣровъ его популярности за границей. Онъ съ удовольствіемъ слышалъ, что нѣкорые читатели въ Америкѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ каждаго его новаго произведенія, но все же онъ зналъ, что у него въ Америкѣ нѣтъ „публики“ въ обычномъ значеніи этого слова.

„Относительно критики онъ думалъ, что она можетъ быть полезна для читателей, но очень мало вліяетъ на самаго художника.

„Замѣчу также, что я нашелъ Тургенева такимъ неотразимо привлекательнымъ вовсе не потому, что онъ съ похвалой отзывался о моихъ произведеніяхъ (я аккуратно посылалъ ему всѣ мои книги). Я увѣренъ, что онъ даже не читалъ ихъ. По поводу первой изъ посланныхъ ему мной моихъ повѣстей, онъ написалъ намъ коротенькую записочку, въ которой сообщалъ, что m-me Віардо прочла ему вслухъ нѣсколько главъ этой повѣсти и что одна изъ этихъ главъ написана „de main de maitre!“ Конечно, я былъ обрадованъ этимъ отзывомъ, но это было первымъ и послѣднимъ удовольствіемъ этого рода. Какъ я уже сказалъ, я посылалъ ему всѣ мои книги, но онъ никогда больше не обмолвился о нихъ ни однимъ словомъ и никогда ни чѣмъ не показалъ, что онъ читалъ ихъ. Позже я понялъ, что мои произведенія и не могли интересовать его. Онъ больше всего цѣнилъ реализмъ, а мой реализмъ хромалъ. Въ моихъ произведеніяхъ было черезчуръ много цвѣтовъ и гирляндъ, больше настроенія и манеръ, чѣмъ фактовъ. Но вообще, онъ много читалъ по-англійски и зналъ англійскій языкъ удивительно хорошо—пожалуй, черезчуръ хорошо, какъ я неоднократно думалъ, такъ какъ онъ любилъ говорить на немъ съ англичанами и американцами, а я предпочиталъ слышать его остроумную французскую бесѣду. Я уже сказалъ, что Тургеневъ былъ свободенъ отъ предразсудковъ, но одинъ, маленькій, у него все таки былъ. Онъ думалъ, что для англичанина или американца недоступно совершенное знаніе разговорнаго французскаго языка. Тургеневъ зналъ Шекспира въ совершенствѣ и одно время занимался детальнымъ изученіемъ старой и новой англійской литературы. Говорить по-англійски ему удавалось не часто, такъ что, когда выпадалъ такой случай, онъ нерѣдко употреблялъ въ разговорѣ фразы, попадавшіяся ему въ прочитанныхъ англійскихъ книгахъ. Это придавало его англійскому разговору оригинальную литературную окраску. Когда я знавалъ его, онъ продолжалъ чтеніе по-англійски и не брезгалъ даже иногда заглядывать въ Таухницевскія изданія современныхъ англійскихъ романовъ. Съ большимъ восторгомъ онъ отзывался о Диккенсѣ, недостатки котораго были для него вполнѣ ясны, но онъ цѣнилъ въ немъ способность живо изображать законченные образы. Въ равной степени онъ восхищался Д. Элліотъ, съ которой онъ познакомился въ Лондонѣ во время франко-прусской войны. Д. Элліотъ, въ свою очередь, была очень высокаго мнѣнія о талантѣ Тургенева. Но особенно заинтересованъ онъ былъ молодой французской школой, приверженцами реализма, „внуками Бальзака“. Съ большинствомъ изъ литераторовъ этого лагеря онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, а съ Густавомъ Флоберомъ, наиболѣе оригинальнымъ изо

всей группы, его связывала интимная дружба. Конечно, славянскія черты таланта и глубокая германская культура Тургенева едва-ли были доступны его французскимъ друзьямъ, но самъ онъ очень симпатизировалъ новому движенію въ французской литературѣ, настаивалъ на необходимости изученія живой дѣйствительности, долженствующей быть основой беллетристическихъ произведеній. Къ представителямъ иныхъ традицій онъ относился съ пренебреженіемъ. Правда, онъ рѣдко выражалъ это пренебреженіе; вообще, рѣзкіе приговоры рѣдко слетали съ его устъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда дѣло шло о какой нибудь общественной несправедливости. Но я помню, какъ онъ однажды сказалъ мнѣ, указывая на повѣсть, напечатанную въ „Revue de deux Mondes“:

—„Если бы я написалъ что-либо столь плохое, я бы краснѣлъ всю мою жизнь!

„Тургеневъ придавалъ очень большое значеніе формѣ, хотя и не въ такой степени, какъ это дѣлали Флоберъ и Эдмонъ де Гонкуръ, при чемъ онъ имѣлъ очень опредѣленныя и живыя симпатіи. Онъ съ большимъ уваженіемъ относился къ Жоржъ Зандъ, главѣ старой романтической традиціи, но уваженіе это вытекало изъ общихъ причинъ, главную роль среди которыхъ играла личность самой Жоржъ Зандъ: Тургеневъ считалъ ее чрезвычайно благородной и искренней женщиной. Какъ я уже сказалъ, онъ питалъ большую привязанность къ Густаву Флоберу, который платилъ ему тѣмъ же. Въ тѣ мѣсяцы, когда Флоберъ жилъ въ Парижѣ, Тургеневъ каждое воскресенье отправлялся къ нему и былъ настолько внимателенъ ко мнѣ, что и меня познакомилъ съ авторомъ „M-me Бовари“, присмотрѣвшись къ которому, я понялъ привязанность къ нему Тургенева. На этихъ воскресныхъ собраніяхъ въ маленькой гостиной Флобера въ компаніи друзей (Максима Дюкана, Альфонса Доде, Э. Зола) въ полномъ блескѣ проявлялся разговорный талантъ Тургенева. Какъ и всегда, онъ въ этихъ случаяхъ былъ простъ, естественъ и словоохотливъ; о чемъ бы онъ ни говорилъ, предметъ разговора окрашивался его блестящимъ воображеніемъ. Главнымъ предметомъ обсужденія на этихъ „дымныхъ“ собраніяхъ, ибо собесѣдники безпощадно курили, были вопросы литературнаго вкуса, вопросы искусства и формы; собесѣдники, въ большинствѣ случаевъ, были радикалами въ эстетикѣ. Конечно, такіе вопросы, какъ отношеніе искусства къ нравственности, тенденціозность въ искусствѣ и т. п. были разрѣшены ими давно и о нихъ не заходило и рѣчи. Они всѣ были убѣждены, что искусство и нравственность представляютъ двѣ совершенно различныхъ категоріи и что искусство имѣетъ столь же мало общаго съ нравственностью, какъ и съ астрономіей или эмбріологіей. Повѣсть прежде всего должна быть хорошо написана; это достоинство само по себѣ уже включаетъ и всѣ

другія. Съ особенной яркостью это было высказано въ одно воскресенье, когда случился эпизодъ, непосредственно затронувшій одного изъ членовъ кружка. „Западня“ (L'Assomoir) Зола была пріостановлена печатаніемъ въ газетѣ, гдѣ этотъ романъ появлялся въ формѣ фельетоновъ. Пріостановка произошла вслѣдствіе неоднократныхъ протестовъ со стороны подписчиковъ газеты. И вотъ, подписчикъ, въ частности, какъ типъ человѣческой глупости, и филистеры всякаго рода, вообще, были преданы въ это воскресенье проклятію.

„Во взглядахъ Зола и Тургенева, конечно, была крупная разница, но Тургеневъ, какъ я уже сказалъ, понималъ все, понималъ онъ и Зола и справедливо оцѣнивалъ солидныя качества многихъ его произведеній. Для Тургенева искусство всегда должно было оставаться искусствомъ. Это положеніе являлось для него аксіомой, не требовавшей доказательствъ. Онъ прекрасно зналъ, что требованія уступокъ въ этой области никогда не идутъ со стороны самихъ художниковъ, но всегда предъявляются покупателями, издателями, подписчиками и т. п. Онъ говорилъ, что не понимаетъ, какъ повѣсть можетъ быть нравственной или безнравственной; къ ней также странно предъявлять подобныя требованія, какъ и къ картинѣ или симфоніи. Но, конечно, его пониманіе свободы искусства было несравненно шире пониманія его французскихъ пріятелей. Въ немъ чувствовалось знаніе всего огромнаго разнообразія жизни, знаніе малодоступныхъ другимъ явленій и ощущеній, чувствовался горизонтъ, въ которомъ терялся узенькій горизонтъ Парижа, и эта широта знанія и пониманія выдѣляла его среди парижскихъ литераторовъ. За сказаннымъ имъ чувствовалось много невысказаннаго. Но все же онъ съ большимъ воодушевленіемъ принималъ участіе въ обсужденіяхъ и спорахъ, проявляя все ту же простоту, естественность и вниманіе, придававшихъ такое очарованіе его разговору. Въ спорахъ онъ всегда умѣлъ держаться существенной стороны вопроса, подлежавшаго обсужденію.

Возвращаясь къ впечатлѣніямъ перваго знакомства, Джемсъ говоритъ:

„Меня прежде всего поразила его великолѣпная мужественная фигура и это впечатлѣніе всегда связано съ моимъ представленіемъ о Тургеневѣ. Глубокая, мягкая, любящая душа была заключена въ колоссальное изящное тѣло и эта комбинація была необычайно привлекательна. Какъ извѣстно, онъ былъ страстнымъ охотникомъ и продолжалъ охотиться и въ старости. Возлѣ Кембриджа жилъ его пріятель англичанинъ, къ которому Тургеневъ иногда отправлялся поохотиться. Я думаю, трудно было бы подыскать болѣе подходящую фигуру для изображенія Сѣвернаго Нимврода. Тургеневъ былъ чрезвычайно высокаго роста и обладалъ широкимъ здоровымъ тѣлосложеніемъ. Голова его была поистинѣ прекрасна и хоть черты лица не отли-

чались правильностью, оно обладало большой оригинальной красотой. У него была чисто-русская физіономія съ чрезвычайно-мягкимъ выраженіемъ и въ его глазахъ—самыхъ добродушныхъ глазахъ въ мірѣ—сіяла глубокая меланхолія. Обильные, прямо ниспадавшіе волосы были бѣлы, какъ снѣгъ, такова же была и борода, которую онъ носилъ коротко подрѣзанной. Во всей его высокой фигурѣ, производившей впечатлѣніе, гдѣ бы она ни появлялась, чувствовалось присутствіе неизрасходованной силы. Тургеневъ былъ способенъ краснѣть, какъ 16-лѣтній юноша. Онъ не любилъ условныхъ формъ и церемоній, что же касается его „манеръ", то вслѣдствіе присущей ему простоты и естественности, таковыхъ у него не было. Онъ всегда былъ самимъ собой. Все, что бы онъ ни дѣлалъ, дышало простотой; если онъ ошибался и ему указывали на ошибку, Тургеневъ принималъ такое указаніе безъ тѣни раздраженія или неудовольствія. Дружелюбный, искренній, благосклонный Тургеневъ прежде всего производилъ впечатлѣніе человѣка неисчерпаемой доброты и это впечатлѣніе выносили всѣ знавшіе его.

„Когда я познакомился съ Тургеневымъ, онъ жилъ въ большомъ домѣ на Монмартскомъ холмѣ, съ семьей Віардо. Онъ занималъ верхній этажъ и я живо помню его маленькій зеленый кабинетъ, въ которомъ я провелъ столько незабвенныхъ и невозвратныхъ часовъ. Стѣны кабинета были покрыты зеленой драпировкой, портьеры также были зеленаго цвѣта и возлѣ стѣны стоялъ диванъ, который очевидно былъ заказанъ по гигантскимъ размѣрамъ самого хозяина, такъ какъ людямъ меньшихъ размѣровъ приходилось скорѣе лежать, чѣмъ сидѣть на немъ. Вспоминается мнѣ бѣлесоватый свѣтъ, проникавшій съ парижской улицы сквозь полузакрытыя окна. Свѣтъ этотъ падалъ на нѣсколько избранныхъ картинъ французской школы, среди которыхъ особенно выдѣлялась картина Теодора Руссо, чрезвычайно высоко цѣнимая Тургеневымъ. Онъ очень любилъ живопись и былъ тонкимъ цѣнителемъ картинъ. Однажды онъ показалъ мнѣ около полудюжины большихъ копій съ картинъ различныхъ итальянскихъ мастеровъ. Копіи были сдѣланы однимъ молодымъ русскимъ художникомъ, судьбой котораго въ то время Тургеневъ очень интересовался. Тургеневъ съ большимъ увлеченіемъ хвалилъ дѣйствительно хорошую работу своего молодого протеже. Подобно всѣмъ людямъ, обладающимъ сильнымъ воображеніемъ, онъ часто былъ способенъ очень увлекаться, открывая новые таланты. Вообще у него вы почти всегда могли встрѣтить какого либо его соотечественника или соотечественницу, которыми онъ въ данное время почему-либо интересовался и пилигримы обоего пола постоянно стучались у его дверей. Эта способность увлекаться нерѣдко вела къ ошибкамъ и разочарованіямъ, Тургеневъ часто открывалъ среди своихъ русскихъ знако-

мыхъ какого-нибудь генія, няньчился съ нимъ въ теченіи мѣсяца и потомъ вы больше не слыхали о немъ. Я помню, онъ разсказывалъ мнѣ однажды о молодой женщинѣ, посѣтившей его на возвратномъ пути изъ Америки, гдѣ она изучала медицину. Очутившись въ Парижѣ безъ друзей и безъ средствъ, она нуждалась въ помощи и заработкѣ. Узнавъ случайно, что она пробовала свои силы въ беллетристикѣ, Тургеневъ попросилъ ее прислать ему эти опыты. Среди нихъ оказался чрезвычайно живо написанный очеркъ изъ русской крестьянской жизни. Тургеневъ думалъ, что молодая писательница обладаетъ крупнымъ талантомъ; онъ послалъ ея разсказъ въ Россію для помѣщенія въ журналѣ и мечталъ о напечатаніи его въ одномъ изъ парижскихъ изданій. Когда я упомянулъ объ этомъ эпизодѣ одному изъ старыхъ друзей Тургенева, онъ улыбнулся и сказалъ мнѣ, что, вѣроятно, вскорѣ эта молодая писательница будетъ предана забвенію, что Тургеневъ нерѣдко открываетъ таланты, изъ которыхъ потомъ ничего не выходило. Вѣроятно, въ этомъ была нѣкоторая доля правды и если я упоминаю о способности Тургенева увлекаться въ этомъ отношеніи, то лишь потому, что это была въ основѣ благородная слабость, вытекавшая изъ его доброты, а не изъ отсутствія у него тонкаго художественнаго вкуса. Онъ горячо интересовался русской молодежью; можно сказать, что для него это былъ самый интересный въ мірѣ предметъ для изученія. Всѣ эти его русскіе знакомые почти всегда были несчастны, терпѣли нужду и протестовали противъ господствующаго порядка вещей, который и въ самомъ Тургеневѣ вызывалъ отвращеніе! Изученіе русскаго характера, какъ извѣстно всѣмъ читателямъ его произведеній, постоянно занимало вниманіе Тургенева. Характеръ этотъ, полный богатыхъ задатковъ, но несформировавшійся, неразвившійся вполнѣ, находящійся въ переходномъ состояніи, представлялъ какую то таинственную ширь, въ которой трудно было отдѣлить способности отъ слабостей. Впрочемъ, съ русскими слабостями Тургеневъ, конечно, былъ хорошо знакомъ и не скрывалъ ихъ. Я помню, однажды онъ съ большой энергіей и откровенностью, дѣлающими честь ему, такъ какъ рѣчь шла о его соотечественникахъ, высказался объ одной изъ крупнѣйшихъ русскихъ слабостей, недостаточномъ правдолюбіи. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ возмущалась его личная правдивость. Молодые его соотечественники волновали его воображеніе и вызывали въ немъ сочувствіе и, принимая во вниманіе окружающую обстановку, они должны были производить на него сильное впечатлѣніе. На парижскомъ фонѣ, съ его блестящей монотонностью и отсутствіемъ чего либо неожиданнаго (для людей давно знающихъ Парижъ) эти соотечественники должны были выдѣляться съ особенной яркостью. И, дѣйствительно, предъ Тургеневымъ проходило много любопытныхъ типовъ. Онъ разсказывалъ мнѣ однажды, что его на-

дняхъ навѣстила „религіозная секта“. Секта эта состояла всего на всего изъ двухъ лицъ: одно было предметомъ поклоненія, а другое являлось поклонникомъ. Божество путешествовало по Европѣ въ сопровожденіи „пророка“. Такое положеніе имѣло свои удобства: божество всегда имѣло алтарь и алтарь—божество [1]).

Въ первомъ этажѣ дома на Rue de Douai находилась картинная галлерея (здѣсь же мнѣ однажды пришлось видѣть Тургенева съ большимъ комизмомъ выполнявшаго роль въ импровизированной шарадѣ), въ которую онъ и пригласилъ меня при первомъ же свиданіи, съ цѣлью—показать свой портретъ, выполненный однимъ русскимъ художникомъ, жившимъ тогда въ Парижѣ. Самое большее, что можно было сказать о портретѣ, это, что онъ былъ выполненъ „порядочно“, въ особенности когда приходилось глядѣть на него рядомъ съ живымъ оригиналомъ; онъ, впрочемъ, не имѣлъ успѣха и на выставкѣ въ Салонѣ.

Отмѣчу еще нѣсколько мелочей, ибо онѣ интересны, когда рѣчь идетъ о такомъ человѣкѣ, какъ Тургеневъ. Во всей его обстановкѣ поражала, доведенная до педантизма, аккуратность. Въ его маленькой зеленой гостиной все стояло на надлежащемъ мѣстѣ, нигдѣ не было тѣхъ слѣдовъ умственной работы, на которые обыкновенно наталкиваешься въ жилищѣ писателя; то-же наблюдалось и въ его библіотекѣ въ Буживалѣ. Въ кабинетѣ лежало лишь нѣсколько книгъ; казалось, всѣ слѣды работы были тщательно устранены. Въ гостиной прежде всего бросался въ глаза огромный диванъ и нѣсколько картинъ,—вся комната дышала особымъ комфортомъ. Я не знаю, были ли у Тургенева опредѣленные часы для работы, но думаю, что едва-ли. Я часто видался съ нимъ въ Парижѣ и у меня осталось впечатлѣніе, что въ Парижѣ онъ мало работалъ; большинство работы выполнялось въ лѣтніе мѣсяцы, которые онъ проводилъ въ Буживалѣ. Предполагалось, что онъ каждый годъ навѣщаетъ Россію. Говорю „предполагалось“, ибо часто эти поѣздки оставались лишь въ области предположеній. Всѣ знакомые Тургенева знали, что онъ обладалъ особенной способностью запаздывать. Впрочемъ, этотъ азіатскій порокъ—неумѣніе распоряжаться временемъ—свойственъ былъ и другимъ русскимъ, съ которыми я былъ знакомъ. Но если даже его знакомымъ и приходилось страдать отъ этого недостатка Тургенева, о немъ вспоминаешь съ улыбкой, такъ какъ онъ прекрасно гармонировалъ съ нелюбовью Тургенева ко всякаго рода правиламъ. Но все же ему иногда удавалось съѣздить въ Рос-

---

[1]) Вѣроятно, Тургеневъ имѣлъ въ виду религіознаго маніака, д-ра К., именовавшаго себя Христомъ—Богомъ; при немъ дѣйствительно состоялъ поклонникъ въ роли „пророка“.

В. Б.

сію и, по его собственнымъ словамъ, время, проведенное въ Россіи, бывало наиболѣе продуктивнымъ въ отношеніи литературной производительности.

„Какъ извѣстно, Тургеневъ обладалъ крупнымъ состояніемъ и я думаю, что этимъ, до извѣстной степени, объясняются высокія качества его произведеній. Онъ могъ писать, когда у него было для этого надлежащее настроеніе; ему не приходилось считаться съ разнаго рода понужденіями и препятствіями (если не считать, конечно, цензуры); словомъ сказать, ему никогда не угрожала опасность—превратиться въ литературнаго поденщика. Принимая во вниманіе отсутствіе понужденій денежнаго характера и наличность той особливой лѣности, отъ которой не свободенъ былъ Тургеневъ, въ общемъ его литературная дѣятельность поражаетъ своими размѣрами. Какъ бы то ни было, въ Парижѣ Тургеневъ всегда готовъ былъ принять приглашеніе на полуденный завтракъ. Онъ любилъ завтракать au cabaret и всегда торжественно обѣщалъ придти къ назначенному часу. Но это обѣщаніе, увы, никогда не выполнялось. Упоминаю объ этой идіосинкразіи Тургенева потому, что она по своему постоянству носила забавный характеръ,—надъ этимъ смѣялись не только друзья Тургенева, но и самъ Тургеневъ. Но если онъ, какъ правило, не попадалъ къ началу завтрака, не менѣе неизбѣжно онъ появлялся къ его концу. Друзьямъ приходилось ждать его, но все же онъ приходилъ. Онъ очень любилъ парижскій déjeûner, хотя по соображеніямъ не кулинарнаго характера. Чрезвычайно воздержанный въ пищѣ и питьѣ, онъ иногда совсѣмъ не прикасался ни къ чему за столомъ, но онъ находилъ, что это лучшее время для разговора и, имѣя его собесѣдникомъ, вы, конечно, убѣждались въ этомъ“.

Съ большой теплотой вспоминаетъ Джемсъ объ одной изъ такихъ бесѣдъ съ Тургеневымъ.

„Имѣются мѣста въ Парижѣ,—говоритъ онъ,—которыя въ моей памяти связаны съ воспоминаніями о Тургеневѣ и, проходя мимо нихъ, я всегда вспоминаю его разговоры со мной. На Avenue de l'Opera есть кафе съ особенно глубокими диванами, гдѣ я однажды бесѣдовалъ съ нимъ за чрезвычайно скромнымъ завтракомъ и наша бесѣда затянулась далеко за полдень. Тургеневъ былъ чрезвычайно интересенъ и я теперь вспоминаю объ этомъ разговорѣ съ чувствомъ какой то невыразимой нѣжности. Въ моемъ воображеніи встаетъ сѣрый парижскій день въ декабрѣ, во время котораго кафе кажется особенно гостепріимнымъ, въ особенности, когда начинаются сумерки, зажигаются лампы и собираются обычные habitués, усаживающіеся за абсентъ и домино. А я съ Тургеневымъ все еще продолжаю бесѣдовать, сидя за нашимъ завтракомъ, и нашей бесѣдѣ не видно конца. Тургеневъ почти исключительно говорилъ на этотъ разъ о Россіи,

о нигилистахъ, о замѣчательныхъ личностяхъ среди нихъ, о странныхъ посѣтителяхъ иногда навѣщающихъ его, о мрачной судьбѣ его отечества. Когда онъ бывалъ въ такомъ настроеніи, онъ какъ-то особенно сильно воздѣйствовалъ на воображеніе слушателя. Для меня, по крайней мѣрѣ, въ его словахъ, въ такихъ случаяхъ, звучало всегда нѣчто чрезвычайно оживляющее и я разставаясь съ нимъ въ состояніи умственнаго возбужденія, чувствовалъ, что мнѣ была внушена масса самыхъ разнообразныхъ и драгоцѣнныхъ мыслей.

„Особенно интересны и цѣнны были замѣчанія и признанія Тургенева о методахъ его творчества. Зародышъ повѣсти никогда не принималъ у него формы исторіи съ завязкой и развязкой—это являлось уже въ послѣднихъ стадіяхъ созиданія. Прежде всего, его занимало изображеніе извѣстныхъ лицъ. Первая форма, въ которой повѣсть являлась въ его воображеніи, была фигура того или иного индивидуума, или же комбинація индивидуумовъ, которыхъ онъ затѣмъ заставлялъ дѣйствовать. Лица эти обрисовывались предъ нимъ живо и опредѣленно, причемъ онъ старался, по возможности, детальнѣе изучить ихъ характеры и возможно точнѣе описать ихъ. Для большаго уясненія себѣ онъ писалъ нѣчто вродѣ біографіи каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ, доводя ихъ исторію до начала дѣйствія въ задуманной повѣсти. Словомъ, каждое дѣйствующее лицо имѣло у него doneer на подобіе французскихъ преступниковъ въ парижской префектурѣ. Запасшись такими матеріалами, онъ задавался вопросомъ: въ чемъ же выразится дѣятельность моихъ героевъ? И онъ всегда заставлялъ ихъ дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы предъ читателемъ вполнѣ обрисовался данный характеръ. Но, какъ говорилъ Тургеневъ, его всегда упрекали въ изъянахъ художественной архитектуры, построенія. Читая произведенія Тургенева послѣ того, какъ знаешь—какимъ образомъ онѣ были конструированы, вы, дѣйствительно, можете прослѣдить процессъ творчества. Все дѣло сводится къ дѣйствію группы избранныхъ характеровъ, причемъ это дѣйствіе не является результатомъ заранѣе задуманнаго плана, а вытекаетъ изъ присущихъ характерамъ качествъ. Произведенія искусства созидаются самымъ разнообразнымъ образомъ и всегда будутъ появляться повѣсти—и при томъ очень хорошія—въ которыхъ все будетъ подчинено замыслу, интересу приключеній. Подобныя произведенія нравятся большинству читателей, ибо, говоря о жизни, онѣ въ то же время не заставляютъ усиленно задумываться надъ ней. Но, конечно, манера Тургенева наиболѣе подходяща для тѣхъ произведеній, въ которыхъ авторъ старается изобразить дѣйствительныхъ людей, подлинныхъ мужчинъ и женщинъ, а не фантомы своего воображенія. Найдутся читатели, которые воскликнутъ: „для насъ все это не важно, лишь бы повѣсть была интересна!“

А, между тѣмъ, при строгомъ соблюденіи правды, развѣ „Наканунѣ" не представляетъ глубоко интересной повѣсти какъ и „Дворянское гнѣздо" и „Вешнія воды?" Перечитывая недавно повѣсти Тургенева, я былъ снова пораженъ находящейся въ нихъ комбинаціей реализма и красоты. Говоря о Тургеневѣ, никогда не должно забывать, что онъ былъ одновременно и наблюдателемъ и поэтомъ.

„Я помню, какъ Тургеневъ, говоря о Гомэ (одномъ изъ наиболѣе удачныхъ персонажей въ „M-me Бовари" Флобера) замѣтилъ, что сила подобнаго изображенія заключается въ томъ, что изображаемое лицо представляетъ въ одно и то-же время индивидуальность въ самой конкретной формѣ и является типомъ. Въ этомъ же лежитъ сила тургеневскихъ изображеній: всѣ онѣ глубоко индивидуальны и въ то-же время типичны.

„Я уже упоминалъ о дружбѣ Тургенева и Флобера; скажу лишь, что въ этой дружбѣ было нѣчто трогательное. Между ними было нѣкоторое сходство. Оба были высокіе, массивные люди, хотя Тургеневъ былъ выше Флобера; оба отличались высокой честностью и искренностью и въ характерѣ обоихъ была печальная ироническая складка. Они горячо были привязаны другъ къ другу, но мнѣ казалось, что привязанность Тургенева была окрашена сожалѣніемъ. Въ Флоберѣ было нѣчто, вызывавшее подобное чувство. Въ общемъ у него было больше неуспѣховъ, чѣмъ удачъ, и громадная масса труда, затраченная имъ, не дала ожидаемыхъ результатовъ. Онъ обладалъ талантомъ, лишеннымъ высокой остроты ума; у него было воображеніе, но отсутствовала фантазія. Его усиліе было поистинѣ героическимъ, но, за исключеніемъ „M-me Бовари" онъ самъ скорѣе топилъ свои произведенія, чѣмъ способствовалъ ихъ успѣху. Въ его талантѣ было что-то непроизводительное. Онъ былъ холоденъ, хотя готовъ былъ бы пожертвовать всѣмъ, чтобы воспламениться. Вы не найдете въ его повѣстяхъ ничего подобнаго страсти Елены къ Инсарову, чистоты Лизы, скорби стариковъ Базаровыхъ. А между тѣмъ, Флоберъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы быть патетическимъ. Эта частичная нѣмота вызывала въ тѣхъ, кто зналъ Флобера, чувство жалостливой симпатіи къ нему. Онъ былъ въ одно и то же время могуществѣнъ и ограниченъ и было нѣчто трогательное въ этомъ сильномъ человѣкѣ, не могшемъ вполнѣ выразить самого себя.

„Послѣ перваго года моего знакомства съ Тургеневымъ, я встрѣчался съ нимъ сравнительно рѣже. Мнѣ рѣдко приходилось бывать въ Парижѣ и я не всегда заставалъ въ немъ Тургенева. Но я при всякомъ случаѣ старался повидать его и судьба благопріятствовала мнѣ. Онъ раза три пріѣзжалъ въ Лондонъ на очень короткій срокъ, на пути къ своему кембриджскому пріятелю-охотнику. Послѣ 1876 г. я уже часто видалъ его

больнымъ—его терзала подагра и онъ нерѣдко чувствовалъ себя измученнымъ. Тѣмъ не менѣе, онъ съ обычнымъ мастерствомъ умѣлъ описывать различныя стадіи своей болѣзни. Наблюдательность въ этомъ случаѣ направлялась на самого себя; въ мученіяхъ боли его посѣщали самые странные. фантазіи и образы, которые онъ анализировалъ съ удивительной тонкостью. Нѣсколько разъ я посѣтилъ его въ Буживалѣ, гдѣ онъ жилъ въ очень обширномъ и изящномъ шале. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ ноябрѣ 1882 г. въ Буживалѣ. Онъ былъ уже очень боленъ, но еще не совсѣмъ потерялъ надежду на выздоровленіе и былъ почти веселъ. Ему надо было ѣхать въ Парижъ и, такъ какъ, онъ не выносилъ тряски вагона, онъ отправлялся въ каретѣ и предложилъ мнѣ занять свободное мѣсто въ ней. Въ продолженіи полутора часовъ онъ неумолкаемо говорилъ съ обычнымъ остроуміемъ и живостью. Когда мы прибыли въ Парижъ, я вышелъ изъ экипажа на одномъ изъ бульваровъ, попрощался съ нимъ у окна кареты и это была наша послѣдняя встрѣча: я болѣе не видалъ его...

„Я почти сожалѣю, что въ связи съ Тургеневымъ, мнѣ пришлось много говорить о Парижѣ. Читатель можетъ вынести впечатлѣніе, что Тургеневъ былъ офранцуженъ. Но это было бы ошибкой: Тургеневъ менѣе всего походилъ на француза.

„Упомяну въ заключеніе, что одной изъ всегдашнихъ темъ его разговоровъ была его родная страна, его надежды и опасенія за ея будущее. Онъ писалъ повѣсти и драмы, но драмой его жизни была борьба за лучшее будущее Россіи, онъ сыгралъ въ этой драмѣ выдающуюся роль и его похороны показали, что соотечественники съумѣли оцѣнить дѣятельность геніальнаго писателя. Несмотря на всѣ ухищренія и запрещенія полиціи, похороны эти превратились въ грандіозную манифестацію. Повторю еще разъ: это былъ благороднѣйшій и добрѣйшій изъ людей и эти душевныя качества соединялись съ рѣдкой художественной геніальностью“.

III.

Другимъ американскимъ поклонникомъ Тургенева, напечатавшимъ любопытныя воспоминанія о немъ является Хьяльмаръ Хьортъ Бойезенъ (Hjalmar Hjort Boyesen), умершій въ 1895 году. Ему принадлежитъ выдающееся мѣсто среди американскихъ писателей [1]).

---

[1]) Одна изъ его повѣстей изъ норвежской жизни („Кавалеръ ордена Даннеброга“) была напечатана въ „Отеч. Запискахъ“, а не такъ давно появился въ двухъ русскихъ переводахъ его, пользующійся большой извѣстностью, „Комментарій къ Фаусту Гете“.

Норвежецъ по происхожденію, Бойезенъ, въ юности переселился въ Соединенные Штаты и въ скоромъ времени настолько освоился съ англійскимъ языкомъ, что съ успѣхомъ могъ выступить въ качествѣ беллетриста. Въ первой половинѣ 70-хъ годовъ онъ отправился для пополненія своего образованія въ Европу и въ 1873 г. очутился въ Парижѣ, гдѣ познакомился съ Тургеневымъ, произведеніями котораго онъ давно восхищался. Разсказъ его о знакомствѣ съ Тургеневымъ былъ напечатанъ еще при жизни послѣдняго въ одномъ изъ американскихъ журналовъ [1]) подъ заглавіемъ „A visit to Tourgueneff“.

„Я думаю, что Карлейль правъ,—говоритъ Бойезенъ,—когда онъ утверждаетъ, что наклонность къ поклоненію героямъ заложена во всѣхъ людяхъ и что даже самые ярые республиканцы не свободны отъ нея. Во всякомъ случаѣ, я, прочтя „Дворянское Гнѣздо“ и „Отцовъ и Дѣтей“ пересталъ причислять Тургенева къ обыкновеннымъ смертнымъ; онъ сталъ для меня своего рода „героемъ“; мое воображеніе рисовало его мнѣ въ различныхъ видахъ, но всегда округленннымъ ореоломъ и мнѣ приходилось сдерживать себя, если кто-нибудь въ моемъ присутствіи говорилъ, что ему не нравятся произведенія, хотя я равнодушно могъ слушать, когда при мнѣ поносили другихъ моихъ любимцевъ, В. Скотта или Диккенса, но Тургеневъ успѣлъ занять одно изъ тѣхъ интимныхъ мѣстъ въ моемъ сердцѣ, куда рѣдко проникаютъ посторонніе.

„Я такъ долго жилъ съ книгами, что онѣ стали для меня живыми существами. Кто-то сказалъ, что скандинавцы обладаютъ тенденціей персонифицировать все, что они видятъ и, пожалуй, въ этомъ имѣется доля правды. По прочтеніи книги съ яркой индивидуальной окраской, она всегда потомъ представлялась мнѣ, какъ нѣчто, обладающее всѣми качествами живой личности. Я вспоминалъ о ней, какъ о старомъ знакомцѣ, которому я обязанъ многими пріятными минутами и который имѣетъ право на мою глубокую благодарность. Я былъ поэтому несказанно радъ, когда Тургеневъ сказалъ мнѣ, что и у него такое же отношеніе къ книгамъ.

„Я отправился въ Европу въ іюнѣ 1873 года и странствовалъ по континенту безъ строго опредѣленной цѣли, заботливо избѣгая путеводителей и другихъ нарушителей человѣческаго покоя. Одной изъ счастливѣйшихъ случайностей была моя встрѣча съ извѣстнымъ германскимъ критикомъ и историкомъ литературы, д-мъ Юліаномъ Шмидтомъ, труды котораго я тщательно изучалъ и который, поэтому, отнесся ко мнѣ очень благосклонно. Придя однажды къ нему, я засталъ его въ прекрасномъ расположеніи духа,—онъ только что закончилъ корректуру послѣднихъ листовъ

---

[1]) „The Galaty“, vol, XVII (1874 г,).

„Исторіи французской литературы", выходившей новымъ изданіемъ. Естественнымъ образомъ разговоръ коснулся Франціи и д-ръ разсказалъ мнѣ нѣсколько интересныхъ анекдотовъ изъ жизни французскихъ литераторовъ, многіе изъ которыхъ были его личными друзьями. Въ заключеніе этой бесѣды онъ показалъ мнѣ альбомъ съ карточками французскихъ литературныхъ знаменитостей. Онъ называлъ ихъ по именамъ, пока я переворачивалъ листы альбома.

„А это—сказалъ онъ, указывая на прекрасное лицо, изображенное на фотографіи, — по моему мнѣнію — величайшій изъ живущихъ теперь авторовъ.

— Не Тургеневъ-ли? воскликнулъ я.

— Да, отвѣтилъ онъ, нѣсколько изумленный моимъ внезапнымъ энтузіазмомъ.—Это—Тургеневъ, русскій великій писатель и одинъ изъ самыхъ дорогихъ моихъ друзей.

„Я встрѣчался еще нѣсколько разъ съ д-ромъ Шмидтомъ и, когда я зашелъ къ нему проститься и онъ узналъ, что я буду въ Парижѣ, онъ далъ мнѣ рекомендательное письмо къ русскому романисту. Но по прибытіи въ Лейпцигъ, я прочелъ въ одной американской газетѣ чрезвычайно печальное извѣстіе. Въ ней сообщалось, что великій русскій писатель рѣшилъ прекратить литературную дѣятельность, что онъ въ настоящее время находится въ отчаяньи, потерявъ жену и дочь и, что въ довершеніе несчастій его „любимый племянникъ" проигрался въ карты и посаженъ въ тюрьму. Въ Вѣнѣ я прочелъ въ нѣмецкой газетѣ, что Тургеневъ сломалъ ногу на Вѣнской выставкѣ и лежитъ больной въ Карлсбадѣ. Очевидно, у меня было мало шансовъ повидать Тургенева...

„Въ одно прекрасное утро въ Парижѣ, глядя на знаменитую женскую головку Ипполита Фландрена въ Люксембургскомъ дворцѣ, я все больше и больше убѣждался, что я видѣлъ ее гдѣ-то раньше, но не могъ вспомнить—гдѣ и когда. Я не довѣрялъ себѣ, ибо никогда раньше не былъ въ Парижѣ и не могъ видѣть картины. Вслѣдъ затѣмъ въ моей головѣ мелькнула мысль, что я вообразилъ себѣ Лизу изъ „Дворянскаго гнѣзда" съ чертами лица дѣвушки Фландрена. Меня охватило неудержимое желаніе во что бы то ни стало увидать Тургенева и я рѣшилъ добится свиданія, если бы даже „Petit Journal" объявилъ о смерти его, когда я буду на пути къ нему.

Но все же меня безпокоила мысль о вычитанной мной смерти его жены и дочери и я со стѣсненнымъ сердцемъ позвонилъ у старомоднаго дома въ Rue de Douai.

На мой вопросъ — дома ли Тургеневъ, суровый старикъ съ красной турецкой феской на головѣ отправился доложить обо мнѣ.

Самый домъ, казалось мнѣ, имѣлъ странный восточный видъ. Больше того, мнѣ казалось, что въ атмосферѣ его носится тонкій всепронизающій запахъ какого-то восточнаго аромата... Нечего и говорить, что все это было плодомъ моего воображенія. Изъ всей обстановки у меня остались въ памяти лишь мягкіе пушистые ковры и тяжелыя драпировки.

Слуга вскорѣ возвратился и повелъ меня вверхъ по лѣстницѣ, въ концѣ которой меня встрѣтилъ высокій массивный человѣкъ, съ сѣдой бородой и очаровательной улыбкой на красивомъ лицѣ.

— Очень радъ видѣть васъ, — воскликнулъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку:—вы видали моего друга д-ра Шмидта?

Я пролепеталъ что-то о д-рѣ Шмидтѣ, что онъ здоровъ и что онъ посылаетъ свой привѣтъ и т. д. Тургеневъ мягко втолкнулъ меня въ комнату, бывшую, вѣроятно, его кабинетомъ.

Самыми выдающимися предметами въ этой комнатѣ были: большой письменный столъ и превосходная картина, изображающая нагую женщину. Какъ я узналъ впослѣдствіи, Тургеневъ былъ большой любитель живописи и тонкій знатокъ въ этой области. Я усѣлся на низкомъ диванѣ подъ картиной, а хозяинъ—у письменнаго стола. Онъ тотчасъ же завелъ разговоръ, кажется, объ Америкѣ, и я отвѣчалъ, плохо сознавая, что я говорю. Слушать Тургенева и разговаривать съ нимъ доставляетъ большое удовольствіе. Въ закругленномъ покоѣ его фразъ было нѣчто чарующее для слуха и для чувства; вы чувствовали себя легко и свободно, какъ будто знали собесѣдника съ дѣтства. Мнѣ кажется, что главнымъ дарованіемъ Тургеневской рѣчи было вызываемое ею полное довѣріе, ея свободное и естественное теченіе и, пожалуй, больше всего—полное отсутствіе въ ней какого-либо усилія, стремленія къ блеску и эффекту. И вмѣстѣ съ тѣмъ разговоръ не являлся лишь монологомъ хозяина, нѣтъ, это была настоящая дружеская бесѣда. Я, между тѣмъ, внимательно присматривался къ физіономіи Тургенева. Его голубые глаза имѣли прекрасное доброе выраженіе, но низко падавшія вѣки придавали ему легкій оттѣнокъ лѣни, которая, по его собственнымъ словамъ, не была чужда ему. Сѣдыя волосы, откинутыя назадъ, выказывали высокій массивный лобъ, а нависшія брови говорили (если вѣрить френологамъ) о сильно развитыхъ артистическихъ чувствахъ. Когда я поднялся, чтобы уходить, Тургеневъ чрезвычайно любезно пригласилъ меня—бывать у него.

— „Если у васъ не имѣется на завтра иныхъ плановъ, — сказалъ онъ,—можетъ быть, вы придете и проведете день со мной? Приходите часамъ къ десяти утра. Не бойтесь помѣшать мнѣ, я теперь свободенъ. А мы съ вами потолкуемъ объ интересующихъ насъ вопросахъ.

Очутившись на улицѣ я невольно подумалъ, что, очевидно, вычи-

танныя мной въ газетахъ потери (смерть жены и дочери) не особенно повліяли на него. Онъ нисколько не глядѣлъ угнетеннымъ и его спокойствіе не могло быть результатомъ стоицизма, поскольку я правильно понималъ его характеръ.

На слѣдующее утро я опять былъ у двери Тургеневской квартиры. Ожидая въ пріемной, пока слуга доложитъ обо мнѣ, я услыхалъ бѣглую прелюдію на фортепіано и затѣмъ звуки женскаго голоса, пѣвшаго итальянскую арію.

Это былъ ясный, молодой, полный юной радости голосъ и я съ интересомъ прислушивался къ нему, думая — кому онъ можетъ принадлежать? И снова меня охватило впечатлѣніе какой-то таинственности. Но предо мной уже стоялъ слуга и съ вершины лѣстницы до меня доносился голосъ привѣтствовавшаго меня Тургенева.

— Я давно ужъ хотѣлъ встрѣтить американца,—сказалъ онъ, вводя меня въ кабинетъ, — и въ особенности такого, который былъ бы хорошо знакомъ съ литературой его страны.

Я поспѣшилъ отвѣтить, что я, хотя и американскій гражданинъ, но не по праву рожденія, а по собственному выбору. Но если полная симпатія къ американскимъ учрежденіямъ и высокая оцѣнка исторической миссіи Америки является существеннымъ признакомъ истиннаго американца, то Тургеневъ можетъ считать меня таковымъ.

Тургеневъ, съ улыбкой, сказалъ, что онъ принимаетъ мое опредѣленіе.

— Это была моя всегдашняя idée fixe,—продолжалъ онъ,—посѣтить вашу страну... Въ юности, когда я учился въ Московскомъ университетѣ, мои демократическія тенденціи и мой энтузіазмъ по отношенію къ сѣверо-американской республикѣ вошли въ поговорку и товарищи студенты называли меня „американцемъ“. Я и до сихъ поръ еще не потерялъ надежды—пересѣчь Атлантическій океанъ и собственными глазами поглядѣть на страну, за развитіемъ которой я слѣдилъ лишь издали; но когда человѣку перевалитъ за пятьдесятъ, онъ начинаетъ чувствовать, что у него выросли корни подъ ногами и что онъ уже утратилъ способность—двигаться съ прежней быстротой. Ему приходится сдѣлать большое усиліе, чтобы побѣдить эту vis inertiae...

Я замѣтилъ, что многіе европейскіе авторы, какъ Муръ, Марріэтъ, Диккенсъ, Гейворшъ-Диксонъ, посѣтили Америку; но вслѣдствіе того, что они пріѣжали съ готовыми предразсудками или же не обладали умѣньемъ проникнуть сквозь наружную оболочку, они не нашли въ Америкѣ ничего, кромѣ политической испорченности и, возвращаясь домой, издавали книги, наполненныя искаженіями всякаго рода.

— Вы совершенно правы,—воскликнулъ Тургеневъ,—для того чтобы открыть всякаго рода злоупотребленія, не требуется большого ума и во всякой странѣ, пользующейся свободой прессы и рѣчи, такого рода злоупотребленія скорѣе всего всплываютъ на верхъ. Но если я пріѣду въ Америку, мои предразсудки будутъ въ вашу пользу. Кстати, это напоминаетъ мнѣ эпизодъ изъ временъ нашей крымской кампаніи. Наши генералы постоянно совершали крупныя ошибки, но пресса молчала, у насъ былъ завязанъ ротъ и никто не осмѣливался громко указать на эти ошибки. Англичане также совершали ошибки, но ихъ газеты тотчасъ же поднимали по этому поводу крикъ и наши псевдопатріоты хихикали злорадно, думая, что мы то ужъ свободны отъ подобныхъ ошибокъ. Въ обоихъ случаяхъ существовали злоупотребленія; вся разница была въ томъ, что въ одномъ случаѣ онѣ дѣлалась общеизвѣстными, а въ другомъ — тщательно скрывались.

Во время разговора Тургеневъ упомянулъ о норвежскомъ писателѣ Бьорнстьернѣ Бьорнсонѣ, котораго произведенія вызывали восхищеніе въ Тургеневѣ. Ибсена онъ зналъ лишь по имени и просилъ меня дать ему представленіе о характерѣ его произведеній. Указавъ ему на крупныя достоинства произведеній Ибсена, я разсказалъ Тургеневу о моемъ визитѣ къ Ибсену (въ Дрезденѣ) и выразилъ удивленіе по поводу высказанныхъ Ибсеномъ симпатій къ деспотизму и его восхищенія русскимъ императоромъ Николаемъ I и формой правленія въ Россіи.

— Это чрезвычайно курьезный фактъ,—замѣтилъ Тургеневъ,—что многіе, живущіе въ странахъ со свободными учрежденіями, восхищаются деспотическими правительствами. Чрезвычайно легко любить деспотизмъ—на разстояніи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я навѣстилъ Карлейля. Онъ также нападалъ на демократію и выражалъ симпатіи Россіи и ея тогдашнему императору. „Движеніе великихъ народныхъ массъ, движущихся по мановенію одной могущественной руки,—сказалъ онъ,—вноситъ цѣль и единообразіе въ историческій процессъ. Въ такой странѣ, какъ Великобританія, иногда бываетъ утомительно видѣть, какъ всякій мелочной человѣкъ можетъ высунуть голову на подобіе лягушки изъ болота и квакать во все горло. Подобное положеніе вещей ведетъ лишь къ замѣшательству и безпорядку“. Въ отвѣтъ на это я сказалъ Карлейлю, что ему слѣдовало бы отправиться въ Россію и прожить мѣсяца два въ одной изъ внутреннихъ губерній; тогда онъ бы собственными глазами убѣдился въ результатахъ восхваляемаго имъ строя. Тотъ, кто утомленъ демократіей, потому что она создаетъ безпорядки, напоминаетъ человѣка, готовящагося къ самоубійству. Онъ утомленъ разнообразіемъ жизни и мечтаетъ о монотонности смерти. До тѣхъ поръ, пока мы остаемся индивидуами, а не одно-

образными повтореніями одного и того же типа, жизнь будетъ пестрой, разнообразной и, даже пожалуй, безпорядочной. И въ этомъ безконечномъ столкновеніи интересовъ и идей лежитъ главная надежда на прогрессъ человѣчества. Величайшей прелестью американскихъ учрежденій для меня всегда являлось то обстоятельство, что онѣ давали самую широкую возможность для индивидуальнаго развитія, а именно этого деспотизмъ не позволяетъ, да и не можетъ позволить. Этому уроку научилъ меня долгій жизненный опытъ. Въ теченіи многихъ лѣтъ я фактически веду жизнь „изгнанника“, а въ теченіе нѣкотораго времени я, по волѣ императора, былъ принужденъ жить въ своемъ помѣстьѣ безъ права выѣзда. Какъ видите, я имѣлъ возможность на себѣ изучить прелести абсолютизма и едва ли нужно говорить, что опытъ не сдѣлалъ меня поклонникомъ этой формы правленія.

Я замѣтилъ, что восхищеніе Ибсена русскимъ правительствомъ возникло, какъ результатъ пессимистическаго воззрѣнія на жизнь, что истинный демократъ, какъ бы онъ не разочаровался въ отдѣльныхъ личностяхъ, долженъ сохранять вѣру въ человѣчество и что у Ибсена отсутствуетъ именно такая вѣра. Онъ, между прочимъ, любилъ утверждать, что меньшинство всегда право и что онъ потерялъ бы всякое уваженіе къ самому себѣ. если бы онъ нашелъ, что сходится по какому-нибудь важному вопросу съ мнѣніемъ большей части человѣчества.

— „Я не сомнѣваюсь въ послѣдовательности Ибсена,—отвѣтилъ Тургеневъ,—и долженъ замѣтить, что имѣется возможность такого стеченія обстоятельствъ. при которомъ меньшинство окажется правымъ, но вѣдь это исключеніе, а не правило. Въ природѣ здоровье всегда преобладаетъ надъ болѣзнью; если бы въ мірѣ возобладалъ отрицательный (negative) принципъ, у человѣчества не хватило бы жизненныхъ силъ для продолженія существованія. Вы могли замѣтить,—прибавилъ онъ,—что я не обладаю философскимъ умомъ. Я лишь гляжу и вывожу мои выводы изъ видѣннаго мной, я рѣдко пускаюсь въ абстракціи. Болѣе того, даже абстракціи постоянно появляются въ моемъ умѣ въ формѣ конкретныхъ картинъ и когда мнѣ удается довести мою идею до формы такой картины, лишь тогда я овладѣваю вполнѣ и самой идеей. Что подобныя картины могутъ быть вполнѣ ирраціональными, я не отрицаю. но онѣ пріобрѣтаютъ для меня форму и окраску, перестаютъ быть абстракціями, превращаются въ реальности Европа, напримѣръ, часто представляется мнѣ въ формѣ большого слабо освѣщеннаго храма, богато и великолѣпно украшеннаго, но подъ сводами котораго царитъ мракъ. Америка представляется моему уму въ формѣ обширной плодоносной преріи, на первый взглядъ кажущейся слегка пустынной, но на горизонтѣ которой разгорается блистательная заря“.

Вслѣдъ затѣмъ послѣдовала долгая и чрезвычайно-пріятная бесѣда. Я записалъ сущность ея въ своемъ дневникѣ лишь нѣсколькими днями позднѣе и, хотя бесѣда эта до сихъ поръ живо сохранилась въ моемъ умѣ, я не поручусь за совершенную точность формы, въ какой я ее передаю. У всякаго человѣка—свой стиль и стиль Тургенева не отличался легко уловимыми и легко передаваемыми особенностями. Главной темой нашего разговора была американская литература. Изъ всѣхъ американскихъ авторовъ онъ наиболѣе любилъ Гоуторна (Hawthorne). Въ немъ онъ видѣлъ перваго литературнаго представителя „Новаго Міра"; въ „Scarlet letter" и въ „Twice Told Tales" онъ находилъ спеціальную окраску, указывавшую на то, что это были произведенія новой цивилизаціи. Другія его произведенія („The pearble Faun" и „Houre of the Seven Gabler") носили тотъ же отпечатокъ великаго и могущественно-своеобразнаго таланта. Онъ съ удовольствіемъ читалъ Лонгфелло, и признавалъ въ немъ поэтическія достоинства, но онъ слѣдовалъ за европейскими писателями и лишенъ былъ своеобразія, отличительнаго американскаго характера. Тургеневъ встрѣчался съ Лоуэллемъ и отзывался съ похвалой о его произведеніяхъ. Нѣкоторое время его очень интересовали произведенія Уота Уитмана, онъ думалъ, что среди кучи шумихи въ нихъ были хорошія зерна. Онъ хвалилъ Бретъ-Гарта, думалъ, что изъ него могъ бы развиться крупный писатель, но боялся, что успѣхъ испортитъ его, лишитъ способности къ самокритикѣ.

— Я искренне интересуюсь,—продолжалъ онъ,—всѣмъ происходящимъ за Атлантическимъ океаномъ и всегда стремлюсь быть au courant вашей литературы. Если я пропустилъ что-либо выдающееся, надѣюсь вы освѣдомите меня.

Я упомянулъ о Гоуэллсѣ и Альдригѣ, которыхъ я очень хвалилъ Тургеневу. По его желанію, я далъ ему заглавія книгъ этихъ авторовъ и во время одного изъ слѣдующихъ посѣщеній я нашелъ „Венеціанскіе Очерки" Гоуэллса на письменномъ столѣ Тургенева.

Мнѣ очень хотѣлось услыхать отъ него что-либо о его собственныхъ произведеніяхъ. Воспользовавшись удобнымъ моментомъ разговора, я разсказалъ ему о томъ, что онъ имѣетъ въ Америкѣ многихъ горячихъ поклонниковъ, что американская критика ставитъ его наряду съ Диккенсомъ и что о немъ всегда говорятъ съ восторгомъ въ литературныхъ кружкахъ Бостона. Я думалъ, что въ сущности ему это извѣстно, но, къ моему удивленію, до него не дошли слухи о его успѣхѣ въ Америкѣ.

— Вы не можете себѣ представить,—воскликнулъ онъ,—какое вы доставляете мнѣ удовольствіе... Я всегда радуюсь, когда слышу, что мои книги нашли симпатизирующихъ читателей, но я вдвойнѣ радъ, что онѣ встрѣтили такой пріемъ въ Америкѣ.

Здѣсь я ужъ не могъ сдерживаться долѣе, мое восхищеніе и преклоненіе предъ геніемъ великаго писателя нашло выходъ въ горячихъ сло-

вахъ. Я разсказалъ ему, какъ въ теченіи цѣлаго года не разставался съ „Дворянскимъ Гнѣздомъ“ и „Отцами и Дѣтьми“, какъ они въ качествѣ нового элемента вошли въ мою жизнь, пока я уже не могъ различать между впечатлѣніями полученными отъ чтенія этихъ повѣстей и тѣми, которыя принадлежали окружавшему меня матеріальному міру.

— Вы заставили меня почувствовать себя счастливымъ,—сказалъ Тургеневъ съ ясной улыбкой, озарившей его лицо. Хоть и неловко слушать похвалы, которыхъ не заслужилъ вполнѣ, но радостно услышать, что тебѣ до извѣстной степени удалось сдѣлать то, чего добивался. Я никогда не пытался разукрашивать жизнь; я стараюсь лишь наблюдать и понимать ее. И, если мнѣ это удалось, какъ вы увѣряте, я очень счастливъ.

— Въ такомъ случаѣ,—воскликнулъ я,—слухи о томъ, что вы навсегда оставили перо, несправеливы?

— Я очень облѣнился за послѣднее время,—отвѣтилъ онъ,—и за послѣдніе шесть мѣсяцевъ не сдѣлалъ почти ничего. Вплоть до прошлаго года я могъ похвалиться, что не зналъ въ сущности, что такое болѣзнь, такъ какъ я обладалъ такимъ здоровымъ тѣлосложеніемъ, что не чувствовалъ ея. Но вотъ недавно у меня былъ припадокъ подагры, которая угрожала перейти на желудокъ; затѣмъ, прошлое лѣто ушибъ себѣ колѣно на Вѣнской выставкѣ, провалялся около шести недѣль и долженъ былъ уѣхать въ Карлсбадъ, не успѣвши повидать ни Вѣны, ни выставки.

— Я видалъ замѣтку объ этомъ въ вѣнскихъ газетахъ, но, кажется, наши американскія газеты, по обычаю, преувеличили размѣры постигшихъ васъ несчастій. Я читалъ въ нихъ, что вы отказываетесь отъ литературной дѣятельности, что скорбь и семейныя несчастія вызвали въ васъ упадокъ силъ и т. д.

— Да, меня дѣйствительно постигло семейное лишеніе,—сказалъ Тургеневъ,—къ моему удивленію, съ веселой улыбкой.—Моя единственная дочь вышла замужъ. Но все же это не такого рода лишеніе, чтобы ради него навсегда отказаться отъ литературной дѣятельности. Едва ли это даже можно назвать семейной скорбью; напротивъ, я испыталъ въ связи съ этимъ радость, ставъ недавно дѣдушкой. Но во всѣхъ этого рода слухахъ всегда имѣется зерно правды: дѣло въ томъ, что я облѣнился. Я никогда не могу заставить себя писать, если не имѣется для этого внутренняго импульса. Если работа не доставляетъ мнѣ полнаго удовольствія, я тотчасъ же прекращаю ее. Если меня утомляетъ сочиненіе повѣсти, значитъ и самая повѣсть должна утомить читателей. Но съ недавняго времени я опять начинаю чувствовать позывъ къ работѣ и я теперь занятъ повѣстью, хранящейся у меня здѣсь, въ письменномъ столѣ. Въ этой повѣсти одиннадцать дѣйствующихъ лицъ и по объему она превзойдетъ другія мои повѣсти,

Я не могъ удержаться, чтобы не выразить моей радости при этомъ извѣстіи. Тургеневъ, очевидно, пріятно тронутый моимъ юношескимъ энтузіазмомъ, опять улыбнулся (и я никогда не видалъ болѣе прекрасной улыбки). Я сказалъ, между прочимъ:

— Какое удивительно сложное существо ваша Irene въ „Дымѣ!" Не смотря на всѣ ея нарушенія общепринятой морали, вы не можете не восхищаться ею. Причемъ я не ограничиваюсь художественнымъ восхищеніемъ: въ моемъ сердцѣ таится симпатія къ ней. Чуется какое-то вѣяніе судьбы, въ древне-греческомъ смыслѣ, во всей картинѣ не находится осужденія ни Иринѣ, ни Литвинову; принимаемъ ихъ поступки и характеры, какъ нѣчто естественное и неизбѣжное. При томъ же, насколько она благороднѣе по сравненію, хотя бы, съ хитрой чувственной кокеткой Варварой Павловной въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ!"

„Характеръ Ирины,—отвѣтилъ Тургеневъ,—представляетъ странную исторію. Онъ былъ внушенъ мнѣ дѣйствительно существовавшей личностью, которую я знавалъ лично. Но Ирина въ романѣ и Ирина въ дѣйствительности не вполнѣ совпадаютъ. Это то-же и не то-же. Я не знаю, какъ объяснить вамъ самый процессъ развитія характеровъ въ моемъ умѣ. Всякая написанная мной строчка вдохновлена чѣмъ-либо, или случившимся лично со мной, или же тѣмъ, что я наблюдалъ. Я не копирую дѣйствительные эпизоды или живыя личности, но эти сцены и личности даютъ мнѣ сырой матеріалъ для художественныхъ построеній. Мнѣ рѣдко приходится выводить какое-либо знакомое мнѣ лицо, такъ какъ въ жизни рѣдко встрѣчаешь чистые, безпримѣсные типы. Я обыкновенно спрашиваю себя: для чего предназначила природа ту или иную личность? какъ проявится у нея извѣстная черта характера, если ее развить въ психологической послѣдовательности? Но я не беру единственную черту характера или какую-либо особенность, чтобы создать мужской или женскій образъ; напротивъ, я всячески стараюсь не выдѣлять особенностей; я стараюсь показать моихъ мужчинъ и женщинъ не только en face, но и en profile, въ такихъ положеніяхъ, которыя были бы естественными, и въ то-же время имѣли бы художественную цѣнность. Я не могу похвалиться особенно сильнымъ воображеніемъ и не умѣю строить зданій на воздухѣ.

„Ваши слова,—сказалъ я,—поясняютъ мнѣ тотъ фактъ, что ваши характеры обладаютъ ярко опредѣленными чертами, запечатлѣвающимися въ умѣ читателя. Такъ было, по крайней мѣрѣ, со мной. Базаровъ въ „Отцахъ и Дѣтяхъ" и Ирина въ „Дымѣ" также знакомы мнѣ, какъ мои родные братья; мнѣ знакомы даже ихъ физіономіи и я гляжу на нихъ, какъ на старыхъ друзей.

— Также смотрю на нихъ и я,—сказалъ Тургеневъ. Это люди, ко-

торыхъ я когда-то зналъ интимно, но съ которыми оборвалось знакомство. Когда я писалъ о нихъ, они были для меня также реальны, вотъ какъ вы теперь. Когда я заинтересовываюсь какимъ либо характеромъ, онъ овладѣваетъ моимъ умомъ, онъ преслѣдуетъ меня днемъ и ночью, и не оставляетъ меня въ покоѣ, пока я не отдѣлаюсь отъ него. Когда я читаю, онъ шепчетъ мнѣ на ухо свои мнѣнія о прочитанномъ, когда я иду гулять, онъ высказываетъ свои сужденія обо всемъ, что бы я ни услышалъ и ни увидѣлъ. Наконецъ, мнѣ приходится сдаваться—я сажусь и пишу его біографію. Я спрашиваю себя: кто были его отецъ и мать, что за люди они были, какого рода семью представляли, каковы были ихъ привычки и т. д. Затѣмъ я перехожу къ исторіи воспитаніи моего героя, къ его наружности, къ мѣстности, гдѣ онъ провелъ годы, въ которые формируется характеръ. Иногда я иду даже дальше, какъ нанримѣръ, это было съ Базаровымъ. Онъ такъ завладѣлъ мной, что я велъ отъ его имени дневникъ, въ которомъ онъ высказывалъ свои мнѣнія о важнѣйшихъ текущихъ вопросахъ, религіозныхъ, политическихъ и соціальныхъ. То же самое я продѣлалъ относительно одного изъ второстепенныхъ характеровъ въ „Наканунѣ“... я даже забылъ его имя теперь...

— Не Шубинъ-ли? рѣшился я напомнить.

— Да, да, именно Шубинъ,—воскликнулъ Тургеневъ съ видимымъ удовольствіемъ,—оказывается, вы лучше меня самого помните моихъ дѣйствующихъ лицъ. Да, это былъ Павелъ Шубинъ. Я недавно сжегъ его дневникъ и онъ былъ значительно объемистѣе романа, въ которомъ самъ Шубинъ фигурируетъ. Я считаю такіе эпизоды подготовительной работой; пока дѣйствующее лицо не обрисуется съ полной ясностью и не появится въ рѣзкихъ очертаніяхъ въ моемъ умѣ и предъ моими глазами, я не могу ступить шагу въ моей работѣ.

Далѣе Тургеневъ сообщилъ любопытную подробность объ „Отцахъ и Дѣтяхъ“.

— Я однажды прогуливался и думалъ о смерти... Вслѣдъ затѣмъ предо мной возникла картина умирающаго человѣка. Это былъ Базаровъ. Сцена произвела на меня сильное впечатлѣніе и затѣмъ начали развиваться остальныя дѣйствующія лица и само дѣйствіе.

Наша бесѣда продолжалась нѣсколько часовъ и затронула массу вопросовъ. При прощаньи Тургеневъ подарилъ мнѣ въ нѣмецкомъ переводѣ ıѣ изъ его произведеній, съ которыми я еще не былъ знакомъ. „Вешнія воды“ и „Степнаго короля Лира“ онъ далъ мнѣ въ французскомъ переводѣ.

Во время слѣдующаго моего посѣщенія разговоръ почти исключительно сосредоточивался на искусствѣ и на коллекціяхъ Лувра и Люксембургскаго дворца. Я съ восхищеніемъ прислушивался къ его критическимъ

замѣчаніямъ: его глаза всегда умѣли подмѣтить наиболѣе характерныя черты даннаго произведенія, его сравненія всегда рисовали предметъ ярко въ вашемъ воображеніи. Видя, что вопросъ интересуетъ меня, онъ повелъ меня въ сосѣднюю комнату, гдѣ хранились нѣкоторые изъ его картинъ. Мнѣ вспоминаются лишь двѣ изъ нихъ: прекрасная картина Ванъ-деръ Вира и уже упомянутый мной портретъ нагой женщины, кисти Бланшара, награжденный золотой медалью на выставкѣ 1870 г.

Въ послѣдній разъ я видѣлся съ Тургеневымъ вечеромъ предъ моимъ отъѣздомъ. Пожимая руку, онъ сказалъ мнѣ:

— Au revoir—въ Америкѣ.

„Мнѣ часто приходилось слышать, — говоритъ Бойезенъ въ заключеніе,—о сходствѣ между русскими и американцами. И тѣ и другіе представляютъ націи будущаго, предъ каждой изъ нихъ лежатъ великія возможности. Мы привыкли къ мысли, что наше общество не обладаетъ опредѣлившимися, ясно очерченными типами, что вѣчно движущаяся поверхность американской жизни не годится для художественныхъ эффектовъ, не поддается художественной обработкѣ. Вѣроятно русскіе думали тоже о своей странѣ, пока не явился Тургеневъ и не показалъ имъ, что кажущаяся монотонность жизни представляла въ дѣйствительности великую одухотворенную картину. Когда у насъ появится великій беллетристъ—а онъ долженъ появиться,—онъ дастъ намъ подобный же урокъ. А въ настоящее время Россія опередила Америку—ибо у насъ нѣтъ Тургенева“.

IV.

Джемсъ и Бойезенъ должны были чувствовать глубокую благодарность къ Тургеневу, ибо для обоихъ онъ былъ учителемъ въ области ихъ художественнаго творчества.

Извѣстный англійскій критикъ Коуртней, говоря о произведеніяхъ Джемса, замѣчаетъ:

„Мечтательная грусть романовъ Джемса, тонко очерченные женскіе характеры, преобладаніе психологіи надъ дѣйствіемъ, лирическія отступленія—во всемъ этомъ чувствуется вліяніе величайшаго изъ художниковъ XIX столѣтія, Тургенева“.

Біографъ Бойезена, Клэнтонъ говоритъ, что „однимъ изъ самыхъ сильныхъ литературныхъ вліяній, отразившихся на творчествѣ Бойезена— было вліяніе Тургенева. Да впрочемъ, и самъ Бойезенъ призналъ это, посвятивъ Тургеневу лучшее изъ своихъ произведеній, знаменитый романъ „Гуннаръ“.

Считаемъ не лишнимъ также обратить вниманіе на ту задушевность

и уваженіе, какими проникнуты воспоминанія обоихъ американцевъ. Такъ, такимъ тономъ говорятъ лишь о дѣйствительно дорогихъ людяхъ. Какая разница между этими воспоминаніями и отзывами нѣкоторыхъ парижскихъ „друзей" Тургенева, для которыхъ послѣдній представлялъ нѣчто вродѣ „раритета", образчикъ „сѣвернаго варвара". Нерѣдко Тургеневу было, вѣроятно, тоскливо среди этихъ „друзей" и тѣмъ больше онъ, вѣроятно, цѣнилъ пониманіе и уваженіе такихъ искреннихъ и хорошихъ людей, какими являются Джемсъ и Бойезонъ.

В. Батуринскій.

Письма Тургенева къ Марко Вовчку [1]).

Парижъ, 22-го мая 1859.

Пишу Вамъ два слова, любезная моя спутница — только для того, чтобы узнать какъ Вы, гдѣ Вы, что Вы?—Напишите мнѣ немедленно—вотъ мой адресъ: Rue Lafitte, Hotel Byron, № 17, — à Paris. Нашли ли *Вы Вамъ* квартиру, какъ Ваше здоровье, что дѣлаетъ Богданъ, какія извѣстія изъ Россіи, *явился ли Берлинецъ,* какъ Вамъ нравится Дрезденъ?— Я во всемъ этомъ принимаю живѣйшее участіе — потому что я Васъ искренно полюбилъ; не такъ какъ К. [2])—но не менѣе сильно, хотя въ другомъ родѣ. — Обѣщаю Вамъ написать въ отвѣтъ большое письмо, а теперь у меня пока — голова идетъ кругомъ. Жму Вамъ крѣпко руку, цѣлую Богдана, кланяюсь Рейхелямъ. Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Парижъ, 31-го мая 1859.

Я только что собирался писать Вамъ въ отвѣтъ на Ваше письмо, любезнѣйшая Марья Александровна, какъ получилъ отъ Васъ другое. Это очень мило съ Вашей стороны. Будемте часто переписываться.

Вы мнѣ ничего не говорите о пріѣздѣ Вашего мужа — а скакать Вамъ изъ Эмса въ Виши и въ Остенде—затруднительно—да и зиму никто не проводитъ въ Швейцаріи, гдѣ климатъ отъ близости снѣговъ довольно суровый. Совѣтую Вамъ лечиться въ Дрезденѣ по методѣ Шипулинскаго, а недѣль черезъ шесть потолковать съ Рихтеромъ или Вальтеромъ. Я очень радъ, что Вы нашли себѣ пріютъ и что Богданъ, котораго я цѣлую за память его обо мнѣ, нашелъ себѣ и няню и товарища. Надобно теперь сильно налечь на нѣмецкій языкъ. Пріятно также знать, что Берлинецъ

---

[1]) Письма эти сообщены намъ сыномъ покойной Марко-Вовчекъ Б. А. Марковичемъ. *Ред.*

[2]) Иниціалъ—или Костомарова, или, вѣрнѣе, Кулиша. *Б. М-въ.*

исчезъ съ горизонта—а отъ толковъ петербургскихъ друзей не убережешься. На то друзья, чтобъ толковать вкривь и вкось.

Я нашелъ свою дочку здоровой и часто ее видѣлъ.—Она очень хорошая натура, но требуетъ еще нѣкоторой полировки. Объ этомъ вѣроятно постарается сама жизнь. А въ мои годы голова можетъ идти кругомъ—только отъ заботъ и многихъ дѣлъ—ни отъ чего другого. Здоровье мое порядочно: завтра я ѣду въ Лондонъ, гдѣ пробуду дня три—а оттуда опять сюда и прямо въ Виши, гдѣ я пробуду недѣль шесть—до конца іюля. Но Вы пишите мнѣ пока въ Hotel Byron.

Одна Ваша фраза о Полонскомъ показываетъ, что Вы въ немного мрачномъ настроеніи духа. Не напускайте этого на себя — Вы къ этому склонны—не прибавляйте тяжести на свои плечи: жизнь и такъ не легка.— Въ первомъ Вашемъ письмѣ Вы жалуетесь на свое здоровье; мнѣ кажется Вамъ всегда сначала не должно быть хорошо на новомъ мѣстѣ: стерпится—слюбится.

У меня Вашъ билетъ на мѣховыя Ваши вещи въ Кенигсбергѣ,— я Вамъ его отдамъ въ Дрезденѣ — (гдѣ я думаю быть около конца августа)—или вышлю. А Вы, пожалуйста, вышлите мнѣ одинъ экземпляръ моего перевода Вашихъ разсказовъ—въ видѣ письма, что-ли; я доплачу здѣсь, что это будетъ стоить.—Начали ли Вы работать?—Не могу придумать, какую это я даму качалъ на стулѣ? Впрочемъ, Вы, кажется, теперь меня знаете.

Будьте здоровы. Жму Вамъ крѣпко руку, цѣлую Богдана и кланяюсь Рейхелямъ. Станкевичи уѣхали?

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Какія это *дѣла* совершились въ Россіи?

Виши, 21-го іюня 1859.

Третьяго дня я сюда пріѣхалъ, любезнѣйшая Марья Александровна— и чувствую потребность поболтать съ Вами. — Прежде всего благодарю Васъ за присылку Вашей книги и за письмо, начиненное разными извѣстіями, изъ коихъ самое утѣшительное то, что Вы теперь съ Вашимъ мужемъ. — Итакъ, Кулишъ поѣхалъ съ женою по Волгѣ на Кавказъ. —Вотъ-те разъ!—Это не въ рифму сказано, а отъ изумленія.—Впрочемъ— дѣло эго они сдѣлали хорошее—и дай Богъ ему всякихъ успѣховъ. Худо то, что здоровье Ваше не поправляется—и я съ тѣхъ поръ, какъ нахожусь во Франціи, болѣю; будемте надѣяться, что это къ лучшему. Виши

грязный и не веселый городокъ—вездѣ французскія козлиныя лица, французское щебетанье: веселаго въ этомъ мало: славу Богу, русскихъ до сихъ поръ немного.

За работу я еще не принимался, но съ нынѣшняго дня началъ переводъ „Институтки [1]“. Вы пишите, что и у васъ пока дѣло не клеится: это бываетъ отъ двухъ причинъ: отъ усталости и нерасположенія—или отъ того, что человѣкъ вступилъ (иногда незамѣтно для самаго себя), въ новую эпоху развитія—и еще не находитъ новыхъ словъ, а старыя не годятся. Дай Вамъ Богъ идти впередъ спокойно и правильно: а что нѣмецкій учитель до сихъ поръ не пришелъ — это я, съ Вашего позволенія, приписываю не нѣмецкой неаккуратности — а малороссійско-великороссійской лѣни.

У меня довольно чистая комната въ довольно скромномъ трактирѣ—только подъ окнами безпрестанно гудятъ, поютъ и воютъ проклятыя шарманки.—Буду ждать письма и обѣщаюсь отвѣчать.

Поклонитесь отъ меня Вашему мужу, Рейхелямъ, Богдана за меня поцѣлуйте. Я ѣздилъ въ Лондонъ, пробылъ тамъ недолго и каждый день видѣлъ Герцева: онъ бодръ и крѣпокъ — внутренняя грусть меньше его точитъ, чѣмъ прежде: теперь у него есть дѣятельность. Натура могучая, шумная—и славная—я возилъ къ нему одного хохленка, Колбасина, тотъ чуть не сошелъ съ ума отъ восторга.

Прощайте—до свиданья, то есть, будьте здоровы, работайте, и старайтесь нести легко бремя жизни, которое тѣмъ тяжелее давитъ на плечи, чѣмъ больше сами плечи слабѣютъ. Крѣпко жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Изъ русскихъ здѣсь Тимашевъ. Какъ онъ плѣнителенъ въ статскомъ сюртукѣ съ какими то пестрыми ленточками въ петлицѣ!

Куртавнель, 22—10 іюля 1859 г.

Любезнѣйшая Марья Александровна—я, какъ видите, уже болѣе не въ Виши—которому я очень благодаренъ за дѣйствіе, произведенное на меня его водами—я вотъ уже третій день, какъ нахожусь въ деревнѣ моихъ хорошихъ знакомыхъ, въ 50 верстахъ отъ Парижа и пробуду здѣсь недѣли двѣ. Потомъ я поѣду въ Парижъ, чтобы присутствовать на выпускномъ экзаменѣ моей дочери—и, весьма вѣроятно, поѣду съ ней въ

[1] Одна изъ характерныхъ повѣстей Марко Вовчка. *Б. М—ъ.*

половинѣ августа, на недѣлю, на берега Рейна. Вотъ бы хорошо намъ встрѣтиться! Напишите мнѣ, пожалуйста, не мѣшкая, гдѣ Вы будете объ эту пору? Мой планъ слѣдующій: до начала августа здѣсь—отъ 5-го до 15-го августа на Рейнѣ или въ Швейцаріи—потомъ опять до 15-го сентября около Парижа—а тамъ черезъ Берлинъ и (вѣроятно) Варшаву въ Москву и въ деревню—до декабря. Сообщите мнѣ также Вашъ планъ.

Я съ удовольствіемъ поѣду туда, гдѣ Вы будете—лишь бы это не было слишкомъ далеко отъ Рейна—и Вы будете имѣть случай познакомиться съ моею дочерью,—т. е. я хотѣлъ сказать, что она будетъ имѣть случай познакомиться съ Вами.

Остальныя сообщаемыя Вами извѣстія меня радуютъ.—Изобрѣтеніе Рутцена [1]) повергло меня въ недоумѣніе... Послѣ этого найдется человѣкъ, который придумаетъ машину, которая будетъ часъ нести ложку ко рту. Богданъ у Васъ умница—учиться ему ни по чемъ—и я очень радъ, что онъ меня помнитъ. Я бы съ большимъ удовольствіемъ прочелъ Вашу работу передъ отправленіемъ ея въ Россію; но такъ какъ это невозможно, то я ограничиваюсь всѣми возможными напутственными желаніями. Переводъ „Институтки“ подвигается; я Вамъ его привезу. Извините небольшую мѣшкотность; впрочемъ, бѣда не большая, такъ какъ раньше декабря или ноября Краевскій вѣрно не захочетъ помѣстить Вашу повѣсть въ своемъ журналѣ. Читайте, читайте Пушкина: это самая полезная, самая здоровая пища для нашего брата, литератора; когда мы свидимся—мы вмѣстѣ будемъ читать его.

Кстати, гдѣ Вы намѣрены провести зиму? За границей или въ Петербургѣ?.. Я буду зимой въ Петербургѣ—но я не настолько эгоистъ, чтобы желать чтобы и Вы тамъ были, если это вредно Вашему здоровью. Со всѣмъ тѣмъ я долженъ сказать, что съ великимъ удовольствіемъ примусь за продолженіе тѣхъ длинныхъ, длинныхъ и хорошихъ разговоровъ, которые происходили между нами въ теченіе нашего путешествія. Особенно остался у меня въ памяти одинъ разговоръ въ маленькой кареткѣ, между Кельномъ и границей, въ тихую и теплую весеннюю ночь. Я не помню, о чемъ собственно мы толковали; но поэтическое ощущеніе сохранилось у меня въ душѣ отъ этой ночи. Я знаю, что это путешествіе насъ сблизило—и очень этому радъ.

Каковы были жары? Я думаю и у Васъ, въ Германіи было не легче.

---

[1]) Николай Карловичъ Рутценъ, орловскій помѣщикъ, отецъ современнаго общественнаго дѣятеля. *Б. М—ъ.*

Сегодня первый сѣрый, прохладный день. Я сижу передъ окномъ, дающимъ [1]) въ садъ. Я хотѣлъ продолжать мою повѣсть—и началъ писать Вамъ. Все очень тихо вокругъ: слышатся дѣтскіе голоса и шаги (у г-жи Віардо прелестныя дѣти)—въ саду воркуютъ дикіе голуби и малиновка распѣваетъ; вѣтеръ вѣетъ мнѣ въ лицо—и на сердцѣ у меня—едва ли не старческая грусть. Нѣтъ счастья внѣ семьи—и внѣ родины; каждый сиди на своемъ гнѣздѣ и пускай корни въ родную землю. Что лѣпиться къ краюшку чужаго гнѣзда? Когда нибудь поговоримъ объ этомъ.

Я радъ за Шевченка, что онъ уѣхалъ въ Украйну: я думаю—тамъ ему будетъ лучше. Поклонитесь отъ меня (письменно) Макарову и Бѣлозерскому; крѣпко пожмите руку Вашему мужу и поцѣлуйте Богдана. Будьте здоровы; дружески жму Вашу руку и говорю Вамъ: до свиданія.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Куртавнель, 30-го іюля 1859 г.

Я сегодня получилъ Ваше письмо, любезнѣйшая Марья Александровна—и спѣшу Васъ извѣстить о слѣдующемъ: я свободенъ отъ 3-го до 10-го августа—и не знаю буду ли свободенъ позже,—а потому мнѣ хочется воспользоваться этой недѣлей и съѣздить теперь же на Рейнъ и съ Вами увидаться. Но гдѣ Вы будете? Господь знаетъ! И посему напишите мнѣ немедленно въ Парижъ, гдѣ Вы будете 3-го августа вечеромъ или 4-го утромъ? По вашему письму—въ Швальбахѣ; я туда пріѣду, но мнѣ хотѣлось бы застать Васъ. Я могу также пріѣхать въ Аахенъ. Напишите немедленно—въ случаѣ нужды пошлите телеграфическую депешу. До свиданья. Вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Кланяюсь А. В. [2]).

Парижъ, 1-го августа 1859 г.

Милая Марья Александровна. Представьте себѣ, что планъ путешествія моего на Рейнъ состояться не можетъ по весьма ничтожной, но въ то же время самой положительной причинѣ: я нашелъ здѣсь (по милости неурожая и другихъ причинъ) слишкомъ мало денегъ, высланныхъ изъ деревни. Никогда я такъ не досадовалъ на отсутствіе „презрѣннаго" металла. Нечего дѣлать: надобно покориться. Надѣюсь, что отъ моего перваго

[1]) Галлицизмъ—une fenêtre qui donne dans le jardin. Б. М—ъ.
[2]) Афанасію Васильевичу Марковичу—мужу Маріи Александровны Маркович (Марко Вовчокъ). *Б. М*—ъ.

письма Вы не остались лишняго времени въ Швальбахѣ. Но увидѣться съ Вами я непремѣнно хочу—хотя для того-бы, чтобы заплатить Вамъ мое пари; итакъ, слушайте: я выѣзжаю отсюда 15—3-го сентября назадъ въ Россію и *гдѣ бъ Вы ни были*, непремѣнно къ Вамъ поѣду. Деньги тогда будутъ: я сегодня же написалъ къ Каткову о высылкѣ 1500 руб. сереб. А потому прошу Васъ убѣдительно: немедленно написать мнѣ въ Парижъ—poste restante—гдѣ Вы будете или предполагаете быть 3—15-го сентября? Впрочемъ я надѣюсь, что до того времени переписка наша не прекратится. Все-таки, напишите скорѣе.

Я сегодня же написалъ на всякій случай письмо—poste restante Макарову въ Аахенъ—въ которомъ увѣдомляю его о томъ-же.

До скораго свиданія; жму Вамъ дружески руку, кланяюсь Вашему мужу и цѣлую Богдана. Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Куртавнель, $^1/_{13}$-го августа 1859.

Милѣйшая Марья Александровна. Вы милѣйшая—но позвольте Васъ побранить: во 1-хъ Вы не ставите *числа* въ Вашихъ письмахъ. Во 2-хъ Вы не отвѣчаете на вопросы—и въ 3-хъ извиняетесь, что часто пишете, когда, напротивъ, я бы желалъ, чтобы Вы писали больше и чаще. А потому, такъ какъ я *всенепремѣннѣйше* желаю Васъ видѣть, то повторяю Вамъ мой запросъ:

Гдѣ Вы будете, начиная съ 12-го до 20-го *сентября новаго стиля?*

Гдѣ бы Вы ни были, я къ Вамъ пріѣду и проведу съ Вами дней *пять*.

Посылаю Вамъ это письмо черезъ Макарова, который, какъ Вы говорите, знаетъ мой адресъ. А мой адресъ: au château de Courtavenel prés de Bozcy-en Brie-(Seine et Marne).

До скораго свиданія. Кланяюсь Вамъ и А. В. Богдана цѣлую.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Напишите вашъ адресъ.

Безъ даты.

Бейте меня, ругайте меня, топчите меня ногами, милая Марья Александровна: Я безобразный, гнусный человѣкъ—я не пріѣду въ Остенде, я прямо скачу въ Берлинъ, а оттуда въ Штетинъ на пароходъ (который отходитъ въ четвергъ)—а тамъ въ Петербургъ, въ Москву и въ деревню—

куда мнѣ непремѣнно нужно попасть къ 20-му сент. нашего стиля. Я ужъ и счетъ потерялъ, въ который разъ я Васъ обманываю—я красенъ, какъ ракъ отъ стыда въ это мгновенье, я даже не смѣю просить у Васъ прощенья. Но Вы будете все таки великодушны и напишите мнѣ: Орловской губеріи, въ городъ Мценскъ.—Гдѣ Вы намѣрены провести зиму?—Я буду въ Петербургѣ.

Посылаю Вамъ билетъ на Вашу шубку, которая осталась въ Кенигсбергѣ.

Переводъ „Институтки“ будетъ мною врученъ Краевскому,—а оригиналъ будетъ мною переданъ Бѣлозерскому. На мое имя должно придти два письма въ hotel de l'Agneau въ Остенде, сдѣлайте одолженіе, перешлите ихъ на мой адресъ въ Орловскую губернію.

Стыдно, стыдно—досадно—и говорить нечего. Едва дерзаю жать Вамъ руку, поцѣловать Богдана и поклониться Афанасію Васильевичу. Пріѣзжайте на зиму въ Петербургъ. Можно будетъ устроить жизнь лучше прошлогодней.

Охъ, какъ мнѣ стыдно!—До свиданія.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

С. Спасское, 21-го октяб. (2-го нояб.) 1859.

Если бы я самъ не былъ кругомъ виноватъ передъ Вами, любезнѣйшая Марья Александровна—то, право, попенялъ бы на Васъ: какъ это можно въ такую даль писать такую коротенькую записку—точно мы живемъ въ одномъ городѣ, видимся каждый день?—Съ другой стороны все-таки хорошо, что Вы обо мнѣ вспомнили—и я Вамъ очень за это благодаренъ.

Не желая подвергнуться такому же упреку, какой я Вамъ сейчасъ сдѣлалъ, скажу Вамъ нѣсколько словъ о себѣ: въ нихъ будетъ мало интереснаго и мало веселаго, а именно—вотъ мѣсяцъ (слишкомъ) какъ я здѣсь—и вотъ уже три недѣли, какъ я не выхожу изъ комнаты: со мной повторилась та самая болѣзнь, которая такъ мучила меня въ Петербургѣ: я не только громко говорить, я даже шептать не могу, кашляю безпрерывно—и конца этой гадости не предвижу.—Вслѣдствіе этого я никого здѣсь не вижу и сижу какъ сурокъ въ своей норѣ. По крайней мѣрѣ, я воспользовался этимъ насильственнымъ бездѣйствіемъ и окончилъ большую повѣсть для „Русскаго Вѣстника“. Какъ бы мое болѣзненное состояніе не отозвалось на ней!—Что же касается до перевода „Институтки“—(я краснѣю, начертывая эти слова)—мы уже съ Краевскимъ переписались: онъ ее, вѣроятно,

помѣстить въ 1-й № „Отеч. Зап." на будущій годъ, какъ вещь капитальную; впрочемъ, она будетъ у него въ 10-хъ числахъ ноября: я либо самъ ее привезу въ Петербургъ къ этому времени—либо пришлю ее, если болѣзнь не позволитъ мнѣ выѣхать изъ моей Ѳиваиды.

Изъ Вашего письмеца еще не видно, рѣшились ли Вы проводить зиму въ Петербургѣ—или нѣтъ. Пріѣзжайте,—право, мнѣ сдается, что мы проведемъ хорошо эту зиму. Я боюсь, какъ бы Вы вдвоемъ или втроемъ (нѣтъ, не втроемъ—Богдану вездѣ будетъ весело)—не соскучились за границею.

Вы мнѣ ничего не пишете о Вашемъ здоровіи—словомъ, Вы мнѣ ни о чемъ не пишете; надѣюсь, что оно хорошо, что и мужъ Вашъ и Богданъ также здоровы. Поклонитесь имъ и всему семейству Рейхелей и и Дрезденской Мадоннѣ. Будьте здоровы, веселы, работайте и пріѣзжайте. Говорю Вамъ до свиданія и дружески жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

С.-Петербургъ, 6-е генваря 1860 г.

Любезнѣйшая Марья Александровна, я до сихъ поръ медлилъ отвѣтомъ на Ваше любезное письмо изъ Гейдельберга, потому что хотѣлъ въ то же время извѣстить Васъ о напечатаніи „Институтки". Она помѣщена въ 1-мъ № „Отечественныхъ Записокъ" и явится на дняхъ. Снѣгиревъ ее порядкомъ пощипалъ—однако печатать было можно. Вышло изъ нея 2 листа $^{3}/_{4}$—по 150 руб. за листъ—выходитъ 400 руб. съ небольшимъ. Такъ какъ Краевскій Вамъ далъ впередъ 300 руб., то остающіеся затѣмъ 100 руб., я, получивъ съ него по выходѣ книги, отдалъ немедленно Бѣлозерскому, который перешлетъ ихъ Вамъ.—Онъ, сколько мнѣ извѣстно, Вашъ корреспондентъ по денежнымъ дѣламъ.

Итакъ Вы зимуете за границей. Жалко,—а дѣлать нечего. Впрочемъ, это хорошо и полезно для Вашего здоровья, а это главное соображеніе.— Я думаю, что и Богдану будетъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошо пожить въ нѣмецкомъ городѣ, съ нѣмецкими дѣтьми.

Здѣсь все идетъ по старому и по новому въ то же время. На дняхъ у насъ будетъ чтеніе въ пользу нашего общества (въ которомъ Вы—членомъ); между прочимъ, я читаю статью подъ заглавіемъ: „Д. Кихотъ и Гамлетъ". Желающихъ чрезвычайно много—посмотримъ, каковъ-то будетъ успѣхъ?—Тотчасъ послѣ чтенія, я ѣду въ Москву, для печатанія своей новой повѣсти—въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Здоровье мое все еще въ какомъ-то странномъ положеніи: въ комнатѣ я не кашляю, а чуть выставлю носъ

на воздухъ—у меня поднимается почти въ родѣ коклюша. Не знаю, какъ я доберусь въ Москву, при этакихъ холодахъ.

Малороссовъ здѣшнихъ я вижу, но не такъ часто, какъ въ прошломъ году—особенно Шевченку. Онъ, говорятъ, написалъ какую то неудачную поэму.

Это худо, что Вы мало работаете, а можетъ быть, оно и хорошо: значитъ, Вы набираете новыхъ впечатлѣній.—Читайте Гете, Гомера и Шекспира—это лучше всего—Вы же теперь, должно быть, одолѣли нѣмецкій языкъ.

Я ѣду лѣтомъ за границу—можетъ быть, гдѣ нибудь и встрѣтимся; напишите мнѣ два слова о Вашихъ планахъ на будущее.—Крѣпко жму Вамъ руку, кланяюсь Вашему мужу и цѣлую Богдана.

Будьте всѣ здоровы.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Я не франкирую своего письма и Вы не франкируйте, такъ лучше доходитъ. Адресъ мой тотъ же: на *Большой Конюшенной* въ домѣ Вебера.

С.-Петербургъ. 20-го марта (1-го апрѣля) 1860.

Ей же ей, говоря библейскимъ языкомъ, нельзя писать такія письма, какія Вы пишете, любезнѣйшая Марья Александровна! Безъ обозначенія числа, года, мѣста—и всего то какихъ нибудь пять-шесть строчекъ, точно свободной минуты нѣтъ у Васъ!.. Право, это огорчительно—и Вамъ надобно отдѣлаться отъ этой дурной привычки.

Отвѣчаю на Ваши вопросы по пунктамъ:

1) Порученіе Ваше на счетъ г-жи Писаревой было по нездоровію моему (я прескверно провелъ зиму—почти не выѣзжалъ—теперь очередь горла меня мучить)—передано Бѣлозерскому. Долго онъ не могъ отыскать г-жу Писареву: когда онъ нашелъ ея адресъ—она уже уѣхала въ Москву, а сынъ ея дѣйствительно сошелъ съ ума. Результатомъ всего этого было то, что Бѣлозерскій оставилъ Ваши деньги (138 р., если не ошибаюсь) у себя—и на дняхъ Вамъ перешлетъ ихъ.

N. B. У него родился сынъ.

2) Повѣсть Вашу—„Червонный Король“—я отправилъ къ Каткову—выговоривъ 150 р. за листъ и онъ мнѣ уже отвѣтилъ, что выслалъ Вамъ деньги впередъ, изъ чего я заключилъ, что онъ находится съ Вами въ сношеніяхъ и знаетъ Вашъ адресъ. Сама повѣсть (впрочемъ я Вамъ, ка-

жется, уже писалъ объ этомъ) мнѣ не понравилась; она не додумана— точно Вы и тутъ спѣшите и притомъ языкъ ея слишкомъ небреженъ и испещренъ малороссіянизмами.

3) Я въ апрѣлѣ выѣзжаю отсюда и въ началѣ мая буду въ Парижѣ. Напишите мнѣ туда poste restante—гдѣ Вы будете въ эту пору и я непремѣнно пріѣду къ Вамъ, тѣмъ болѣе, что меня вѣроятно пошлютъ въ Эмсъ. Я выѣзжаю отсюда вмѣстѣ съ Н. Я. Макаровымъ, котораго опять посылаютъ въ Аахенъ. Анненковъ также ѣдетъ за границу.

4) Я часто вижусь съ Шевченко, съ Карташевскимъ. О Кулишѣ доходятъ разные слухи: онъ издалъ альманахъ подъ названіемъ *Хата*, гдѣ между прочимъ помѣстилъ Вашу повѣсть „Чары".

5) Моя повѣсть—„Наканунѣ" вѣроятно дошла до Васъ. Многіе ее бранятъ—немногіе очень хвалятъ. Я самъ ею невполнѣ доволенъ. На дняхъ явится въ „Б. для Чт." другая моя повѣсть подъ заглавіемъ: „Первая любовь". Я Вамъ привезу оттискъ.

Впрочемъ, все по старому. Дружески кланяюсь Вамъ и Вашему мужу; цѣлую Богдана. До скораго свиданія, если Богъ дастъ.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Любезнѣйшая Марья Александровна—Вы пишете мнѣ отъ 15-го числа, что ѣдете *черезъ недѣлю* въ Парижъ—а я Ваше письмо получилъ только сегодня—21-го. Вслѣдствіе этого я сомнѣваюсь, застанетъ ли Васъ мое письмо въ Лозаннѣ, но все таки пишу Вамъ туда, на всякій случай.— Я остановился здѣсь въ *rue Laffitte*, *Hotel Byron*—и буду находиться въ Парижѣ до 29-го числа, а тамъ поѣду въ Лондонъ.—Нечего Вамъ говорить, какъ я буду радъ Васъ видѣть и пожать Вамъ и Вашему мужу руку.—До свиданія; будьте здоровы.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Парижъ, 21-го мая 1860.

Соденъ, возлѣ Франкфурта-на-Майнѣ, 7-го іюня 1860.

Я вчера вечеромъ сюда пріѣхалъ, любезнѣйшая Марья Александровна и поселился въ Hotel de l'Europe, слѣдовательно адресъ мой: Soden, près de Francfort sur le Main, hotel de l'Europe. Пишу Вамъ это не потому, чтобы я надѣялся увидать Васъ здѣсь или въ Швальбахѣ (сомнѣніе во мнѣ развилось сильное), но чтобы вы знали, куда мнѣ писать.

У меня тихая комнатка съ видомъ на зеленые холмы. Вчера дождь

лилъ ручьями и сегодня погода не совсѣмъ хороша, но воздухъ здѣсь чудесный. Встрѣча наша въ Парижѣ оставила во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія. Надѣюсь, что и въ Швальбахѣ не будетъ хуже, если только будетъ Швальбахъ.

Удались ли фотографіи?

До свиданія; кланяйтесь Вашему мужу и поцѣлуйте за меня Богдана. *Не забудьте доставить мнѣ мои двѣ книги*. Еще разъ до свиданія.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Соденъ, пятница, 29 іюня 1860.

Пишу къ Вамъ по обѣщанію, любезнѣйшая Марья Александровна, хотя отъ Макарова я до сихъ поръ ничего не получилъ.—Надѣюсь, что Вы прибыли благополучно въ Гейдельбергъ и что письмо мое застанетъ уже Васъ на мази въ Швальбахъ; надѣюсь такъ-же, что Вы не забудете Вашего обѣщанія и завернете въ Соденъ, если только это будетъ Вамъ возможно. Поѣздка наша оставила во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе и я чувствую, что узы дружества, которыя насъ связали съ прошлаго года, еще крѣпче стянулись.—Не забудьте, что Вы Вашей хозяйкѣ въ Швальбахѣ обѣщали вернуться черезъ 4 дня; пропустивъ этотъ срокъ, чего добраго, она, пожалуй, сдастъ квартиру другому.

Въ Соденѣ я нашелъ все въ прежнемъ порядкѣ. 1-й номеръ также малъ, и увы! отъѣзжаетъ завтра.—Бѣдному Толстому хуже стало; но отъ дочери я получилъ письмо, изъ котораго узналъ, что сыну г-жи Віардо, слава Богу, легче стало. Онъ спасенъ, за то изъ того же письма я узналъ, что у Н. И. Тургенева умерла 3-хъ лѣтняя дѣвочка, которую онъ обожалъ. Смерть также не уступаетъ правъ своихъ, какъ и жизнь.

А Вы тоже все нашли въ порядкѣ въ Гейдельбергѣ?—Поклонитесь отъ меня Афанасію Васильевичу и поцѣлуйте Богдасю.—Напомните также Гофманну обо мнѣ: я когда-то бралъ у него уроки въ греческомъ языкѣ.

Итакъ, до скораго свиданія. Дружески жму Вамъ руку и остаюсь

преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Я во *вторникъ* утромъ ѣду въ Эмсъ, гдѣ пробуду до обѣда въ среду.

Куртавнель 21 іюля 1860,

Я сегодня сюда прибылъ, милая (чуть было не написалъ: любезнѣйшая, но „милая“ и лучше и справедливѣй) Марья Александровна, и по обѣщанію пишу Вамъ. Путешествіе мое совершилось весьма благополучно, дочку свою засталъ здоровой, но долженъ былъ заплатить за нее 500 франковъ долгу, за что я ее порядкомъ побранилъ и, теперь я нахожусь въ томъ домѣ, куда я пріѣхалъ въ первый разъ 15 лѣтъ тому назадъ и гдѣ осталось много—много моей жизни. Бывало, какъ сердце билось, какъ дыханье стѣснялось, когда я подъѣзжалъ къ нему, а теперь все это стало тише—да и пора!—Я намѣренъ пробыть здѣсь дней 10—никакъ не болѣе (вотъ уже эти три слова говорятъ о новыхъ временахъ) а тамъ ѣду на островъ Уайтъ и напередъ Вамъ говорю, что вѣкъ Вамъ не прощу, если Вы туда не пріѣдете. Напишите мнѣ, какъ Вы поживаете въ Швальбахѣ и посѣтилъ ли Васъ N. N. и продолжается ли работа самогрызенья и сверленія? Не навязалась ли на Васъ какая-нибудь новая брандахлыстиха, въ родѣ Киттары и Вейнбергша продолжаетъ пропекать Васъ?—Какъ идутъ Ваши работы? Обо всемъ этомъ напишите, хотя кратко, но вразумительно. N. B. Не предавайтесь слишкомъ вліянію польскаго элемента!

Будьте веселы, здоровы и свободны—свободны отъ Васъ самихъ—это самая нужная свобода.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Куртавнель 1-го августа 1860.

Что это значитъ, милая Марья Александровна? Я третьяго дня ѣздилъ въ Парижъ и надѣялся найти хоть записочку отъ Васъ; но на почтѣ ничего не было.—Получили ли Вы мое письмо? Мнѣ потому такъ хотѣлось получить отъ Васъ вѣсточку, что я все не покидаю мысли объ островѣ Уайтѣ. Я ѣду туда въ будущій понедѣльникъ 6-го августа: пробуду дня три въ Лондонѣ—и 10-го числа непремѣнно буду въ Уайтѣ.—Напишите мнѣ тотчасъ, прошу Васъ, два слова, poste restante—въ Парижъ. Вѣдь это Васъ не утомитъ, хотя я и не N. N. Куртавнель я покидаю въ субботу, 4-го числа.

Видѣлись ли Вы съ Ковалевскимъ въ Эмсѣ и какой былъ результатъ Вашего свиданія?

Слышите—напишите непремѣнно, хоть два слова. До свиданія.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Парижъ 6-го августа 1860.

Ей Богу, ей Богу, ей же Богу, съ Вами нѣтъ никакого терпѣнія, любезнѣйшая Марья Александровна! Непостижимость Вашихъ поступковъ превышаетъ всѣ соображенія самыхъ отважнѣйшихъ умовъ!—Во-первыхъ почему это Вы вдругъ такъ больны, что сами даже писать не можете?— И почему Николай Яковлевичъ [1]) отъ себя не прибавляетъ, какъ и на долго ли онъ пріѣхалъ въ Швальбахъ.—И почему Вы блѣдны послѣ свиданія съ N. N?—И что за таинственная исторія съ Анненковымъ и каламбуръ съ письмами?—И какъ же Вы это не ѣдете на островъ Уайтъ, какъ будто для этого нужны милліоны?—И отчего Вы ничего не дѣлаете?—И что же мы будемъ дѣлать безъ Васъ на Уайтѣ? И долго ли Вы будете возиться съ поляками? Всѣ эти вопросы разомъ представляются моему уму и отвѣчать я на нихъ не въ состояніи.

Что же касается до меня, то я завтра ѣду въ Лондонъ, увижусь съ Герценомъ и, вѣроятно, съ Анненковымъ—и переговоривъ соборнѣ —отправимъ къ Вамъ соборное же и окончательное письмо передъ отправленіемъ на Уайтъ. А до тѣхъ поръ живите въ Швальбахѣ — и не болѣйте. Что это за безуміе: быть больнымъ тамъ, куда пріѣхали лечиться!!...

Жму Вамъ и Макарову руку и все таки говорю: до свиданья.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Вентноръ. 13-го августа 1860, понедѣльникъ.

Милая Марья Александровна, со вчерашняго дня я здѣсь—и съ сегодняшняго поселился въ прелестномъ домикѣ надъ моремъ. Погода, какъ нарочно, чудная и что за прелесть этотъ островъ — этого пересказать нельзя!—Деревья, цвѣты, скалы, запахъ свѣжаго сѣна и моря—словомъ— роскошь! Изъ русскихъ здѣсь милѣйшій Ростовцевъ, которому я очень обрадовался—и Крузе.—Анненковъ не поѣхалъ, остался въ Лондонѣ. Герценъ нанялъ домъ не на островѣ Уайтѣ, а на берегу Англіи въ Борнемоусѣ, вотъ такъ:

У него пропасть свободныхъ комнатъ и онъ приглашалъ меня у него поселиться, но я побоялся его шума — и мнѣ хотѣлось быть „самъ большимъ“.—Онъ, я увѣренъ, будетъ и Васъ приглашать — а я въ скобкахъ замѣчаю, что у меня есть гулящая комната, за которую я тоже плачу и

[1]) Макаровъ.

которая мнѣ не нужна. Напишите мнѣ, по крайней мѣрѣ, два слова о томъ, что ваше здоровье — и какія Ваши намѣренія? — Неужели я Васъ не увижу?

Я съ нетерпѣніемъ буду ждать Вашего письма. Погода становится отличная. Жму Вамъ крѣпко руку и говорю: пріѣзжайте. Достаньте только денегъ на переѣздъ, а объ остальномъ не заботьтесь.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Вентноръ, пятница 24-го августа 1860.

Милая Марья Александровна, я вчера вечеромъ получилъ Ваше письмо—въ которомъ Вы меня просите увѣдомить Васъ по пути въ Венторъ, но если Вы выѣзжаете въ субботу, т. е. завтра—то—мое письмо Васъ физически застать не можетъ. Однако пишу на всякій случай — и въ то же время пишу Макарову въ Аахенъ. Вотъ какъ надо ѣхать: изъ Лондона въ *понедѣльникъ*---или во *вторникъ* въ 11 часовъ 30 мин. въ Портсмутъ (Portsomouth), куда Вы пріѣдете въ 1 час. и 52 мин. А я Васъ буду тамъ ждать — и вмѣстѣ поѣдемъ въ Вентноръ. — Анненковъ гоститъ у меня—но уѣзжаетъ, а Васъ не дождется.—Я здѣсь остаюсь до 1-го сентября.

До свиданія. Что Вы нашли нехорошаго въ моемъ письмѣ?—Во всякомъ случаѣ, прошу у Васъ извиненія и жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Вентноръ, 27-го августа 1860.

„Serez vous encore Angleterre—viendrai samedi"—такъ начинался присланный Вами *телеграммъ*, любезнѣйшая М. А. — „Sine sene viendrai apes negonsteez vue"—такъ продолжался *онъ*—и повергъ меня и Анненкова въ мучительную тоску недоумѣнія. — Вотъ что значитъ нечетко ставить буквы при подачѣ записки!—Мы призвали на помощь Шамполліона и поняли этотъ гіероглифъ такъ: Si ne serez, viendrai après—répondez moi. — Во всякомъ случаѣ, печальный фактъ Вашего непріѣзда остался несомнѣннымъ. Въ субботу—1-го сентября — (не 12 го сентября ст. стиля — а 20-го августа) я выѣзжаю, какъ я писалъ Вамъ — изъ Англіи и буду 4-го и 5-го въ Парижѣ. А потому, если Вы желаете меня видѣть — столько же, сколько бы я желалъ видѣться съ Вами, то пріѣз-

жайте уже въ Парижъ, гдѣ я остановлюсь въ Hotel Byron, rue Laffitte до 10-го числа или даже до 9-го — потому что 10-го начинается охота. Сдѣлайте одолженіе, примите къ этому надлежащія мѣры—а если у Васъ денегъ нѣту, напишите объ этомъ въ Вентноръ — Вы еще успѣете — и я Вамъ вышлю.—Не уѣзжайте въ Россію, не повидавшись со мной. Не хочу Вамъ говорить: прощайте, а до свиданья—и жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Вентноръ, суббота 1-го сентября 1860.

Я уѣзжаю завтра въ Лондонъ, любезная Марья Александровна, а оттуда во вторникъ вечеромъ отправляюсь въ Парижъ, гдѣ останусь среду, четвергъ и пятницу.—Въ субботу я уѣзжаю въ деревню къ Віардо.—Если можете, пріѣзжайте въ Парижъ въ одинъ изъ этихъ трехъ дней.—Стоять я буду по прежнему—rue Laffitte, hotel Byron.

Сохраняю Ваше *предусмотрительное* письмо, какъ нѣчто необыкновенно фантастическое: можно дать тому большія деньги, кто въ состояніи понять изъ него, что Вы сами намѣрены дѣлать—и чего желаете отъ другого. — Вы являетесь мнѣ въ видѣ темнаго Сфинкса, около котораго безпрестанно сверкаютъ телеграммы, столь же непонятныя.

Шутки въ сторону, я очень желаю Васъ видѣть, хотя уже почти потерялъ на это надежду.

Дружески жму Вамъ руку и все таки говорю вамъ: до свиданья.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Куртавнель, среда 12-го сентября.

Телеграммы и Вы—Вы и телеграммы, любезнѣйшая Марья Александровна — неразлучны какъ переклитки. (Переклитками называются тѣ зеленые попучайчики съ оранжевыми носами, которые такъ уныло — дружелюбно жмутся другъ къ дружкѣ, сидя на одной жердочкѣ). Въ самую минуту моего отъѣзда изъ Hotel Byron мнѣ принесли телеграммъ на Ваше имя, который я немедленно отправилъ къ вамъ. Что содержало это посланіе?—Кто Вамъ посылаетъ—и что именно—угрозу, обѣщаніе, извѣстіе? или просто пріятель спрашиваетъ:

„Êtes à Paris? Négonsteez apes mue?“ Если Вы, вслѣдствіе этого телеграмма, уѣзжаете въ Ирландію или въ Португалію, или если Вы поселяетесь на какой нибудь башнѣ — дайте мнѣ знать — ибо меня это безпокоитъ.

Если же Вы не уѣзжаете тотчасъ, такъ дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, слово, что Вы дождетесь моего возвращенія на найденной Вамъ квартирѣ.

Работаете ли Вы? Въ свободное отъ занятій время переписываете ли Вы проектъ?

До свиданія—жму Вамъ дружески руку. Богдана (хотя онъ и шалунъ) поцѣлуйте за меня.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Куртавнель, 17-го сентября 1860.

Милая Марья Александровна, я очень радъ, что Вы довольны своимъ гнѣздышкомъ; я замѣтилъ этихъ двухъ барышень, какъ только вошелъ въ гостиную—и лица ихъ мнѣ понравились—такъ что я тогда-же подумалъ—вотъ будутъ хорошія сосѣдки.—А отчего такихъ у насъ въ Россіи нѣтъ—или очень мало—легко понять: всѣ наши барышни выростаютъ въ невѣжествѣ и во *лжи*. Онѣ либо покоряются окружающей ихъ атмосферѣ — и выходитъ плохо—либо возмущаются противъ нея и выходитъ тоже нехорошо.

Я также очень радъ, что Вы работаете — это добрый знакъ. Присланный Вамъ счетъ не такъ страшенъ, какъ Вы полагаете—и по пріѣздѣ моемъ въ Парижѣ (дней черезъ 10) все это уладится. Такъ и напишите туда.—А что письма изъ Гейдельберга не могутъ быть не грустными для Васъ при теперешнихъ обстоятельствахъ — это тоже въ порядкѣ вещей. Погодите—перемелется, мука будетъ.

Я получилъ отъ Анненкова письмо со вложенной фотографіей для Васъ.—Я Вамъ ее и посылаю. Онъ отличный человѣкъ и Васъ полюбилъ душевно.

Напишите мнѣ, когда придетъ къ вамъ Делаво и что онъ Вамъ скажетъ на счетъ пансіона. Имѣете ли Вы извѣстіе о Макаровѣ? Ростовцевъ къ Вамъ, вѣроятно зайдетъ на дняхъ.

Я здѣсь хожу на охоту, устаю страшно, тотчасъ послѣ обѣда ложусь спать, а по утру переписываю проектъ. Узнайте, пожалуйста, отъ Делаво—нельзя ли найти въ Парижѣ переписчика?—Кажется, дьячокъ при церкви этимъ занимается.

До свиданія—будьте здоровы и веселы духомъ. Крѣпко жму Вамъ руку и остаюсь

преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Парижъ, 1-го марта н. с. 1861.

Милая Марья Александровна, сегодня Вы уѣхали—а я сегодня же пишу къ Вамъ: я получилъ письмо отъ Вашего мужа—и опять распечаталъ, потому что на конвертѣ ничего не стояло, кромѣ моего адресса и таинственныхъ буквъ М. М., которыя я замѣтилъ уже поздно; посылаю Вамъ это письмо. Такъ же принесли мнѣ записку — отъ кого бы Вы думали? Отъ г-жи Пассекъ. Она проситъ меня пріѣхать къ ней для того, чтобы переговорить о важномъ дѣлѣ: я ей написалъ, что завтра къ ней поѣду, а сегодня мнѣ нездоровится.—Смутно предчувствую, о чемъ сія дама будетъ со мной бесѣдовать—но отъ меня она не много толку добьется—и вѣроятно почувствуетъ ко мнѣ антипатію. Господь съ нею!

Итакъ—Вы получите это письмо въ Римѣ. Дай Богъ Вамъ благополучно доѣхать, благополучно прожить въ Римѣ, и еще благополучнѣе возвратиться!—Можетъ быть, Вы хорошо сдѣлали, что поѣхали... Будемъ думать, что хорошо, такъ какъ теперь этого уже вернуть нельзя.—Постарайтесь, по крайней мѣрѣ, извлечь всевозможную пользу изъ Вашего пребыванія въ Римѣ: не *млѣйте*, сидя по часамъ о-бокъ съ Вашими, впрочемъ, милѣйшими пріятелями; смотрите во всѣ глаза, учитесь, ходите по церквамъ и галлереямъ.

Римъ—удивительный городъ: онъ до нѣкоторой степени можетъ все замѣнить; общество, счастье—и даже любовь.

Поклонитесь отъ меня Ешевскому и Вашему спутнику, Александру Вадимовичу. Поцѣлуйте за меня Богдана — и будьте здоровы и веселы Крѣпко жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

4-го марта 1861. Парижъ.

Третьяго дня я Вамъ написалъ свирѣпое письмо, милая М. А., за которое Вы, вѣроятно, сильно на меня разсердились. Дѣло въ томъ, что я пересолилъ съ намѣреньемъ—а то бы ничего не вышло.—Но основаніе моего письма справедливо—и, поразмысливъ о немъ, Вы сами убѣдитесь что Вамъ нельзя продолжать идти по той же дорожкѣ.—А впрочемъ, у каждаго свой умъ въ головѣ.

Прилагаю при семъ новое письмо отъ Вашего мужа.

Ну, какъ Вамъ нравится Римъ? Не сердитесь на меня и напишите мнѣ словечко.

Жму Вамъ руку

Ив. Тургеневъ.

P. S. Кланяюсь Ешевскому, Пассеку.

С. Спасское, 22-го мая 1861.

Господи Боже мой—или—Боже мiй милiй! какъ говорятъ г-да хохлы, что Вы за неисправимая женщина — любезная Марья Александровна.— Можно ли изъ Италiи въ Россiю писать записку въ 5 строкъ, изъ которыхъ, вдобавокъ, ничего не узнаешь путнаго. Посудите сами: Ваше письмо шло 18 дней—стало быть и это раньше этого срока къ Вамъ не попадетъ; это значитъ, будетъ въ концѣ iюня *новаго* стиля—а въ это время, по причинѣ mal'aria, ни одного иностранца въ Римѣ не бываетъ—и *Вы* не будете—а Вы велите мнѣ писать себѣ въ Римъ poste restante—и я это исполню, хотя знаю почти навѣрное, что мое письмо пропадетъ.—Ни слова о томъ, куда Вы намѣрены ѣхать изъ Рима, гдѣ думаете провести лѣто—вернетесь ли въ Парижъ за Вашими вещами, что дѣлаютъ Ваши спутники, есть ли у Васъ еще спутники и т. д. Право, мнѣ бы слѣдовало, въ пику Вамъ, написать Вамъ письмо въ Вашемъ родѣ—Вы бы узнали, какъ это прiятно.

Однако и въ Вашей записочкѣ есть хорошее слово — Вы говорите, что преданы мнѣ *навсегда*.—Это много значитъ, но я Вамъ вѣрю, хотя Вы не безъ хитрости, какъ сами знаете. Что я Вамъ преданъ—это несомнѣнно; но кромѣ этого чувства, во мнѣ есть другое, довольно странное, которое иногда заставляетъ меня желать Васъ имѣть возлѣ себя—какъ въ моей маленькой парижской комнатѣ—помните?—Когда мнѣ приходятъ въ голову наши тогдашнiя бесѣды—я не могу не сознаться, что Вы престранное существо—и что Васъ разобрать очень трудно. По крайней мѣрѣ—мнѣ до сихъ поръ не ясно, какъ понять все то, что было, подъ какую рубрику все это отнесть?—При свиданiи [1]) я Вамъ сообщу, на какомъ предположенiи я остановился—какъ на самомъ вѣроятномъ—хотя мало лестномъ для меня.

Теперь я Вамъ скажу вкратцѣ, что я намѣренъ дѣлать:

До 3/15 августа, а можетъ быть и до 15/27—я въ деревнѣ: оканчиваю свой романъ, устраиваю свои отношенiя съ мужиками, завожу школу и т. д. Потомъ я ѣду въ Баденъ, гдѣ будетъ объ эту пору меня ждать моя дочь вмѣстѣ съ г-жей Иннисъ, съѣздимъ, можетъ быть, вмѣстѣ въ сѣверную Италiю—и съ половины сентября снова въ Парижѣ. Я бы Вамъ былъ благодаренъ, еслибъ и Вы сообщили мнѣ свой планъ.—Но вѣдь Вы не зависите отъ себя... а отъ чего или отъ кого Вы зависите—это для меня тайна.

---

[1]) Когда и гдѣ оно будетъ—совершенно неизвѣстно. *Тургеневъ*.

Видѣлъ я въ Петербургѣ Бѣлозерскаго и др. (Анненковъ женатый—прелесть какъ милъ). Мнѣ дали 4 № „Основы" изъ которыхъ я могъ заключить, что выше малороссійскаго племени нѣтъ ничего въ мірѣ—и что въ особенности мы, великороссы, дрянь и ничтожество. А мы великороссы поглаживаемъ себѣ бороду, посмѣиваемся и думаемъ: пускай дѣти тѣшатся, пока еще молоды. Выростутъ—подумаютъ.—А теперь онѣ еще отъ собственныхъ словъ пьянѣютъ.—И журналъ у нихъ на такой славной бумагѣ—и Шевченко такой великій поэтъ... Тѣшьтесь, тѣшьтесь, малыя дѣти.

Здѣсь весна очень запоздала—и вдругъ—вспыхнула—какъ порохъ—всяческой зеленью, цвѣтами и травами.—Этого за границей не увидишь. Но худо—толкаться старикомъ съ какимъ то окисленнымъ сердцемъ въ груди—подъ этими золотистыми липами... Что дѣлать! Скоро еще хуже будетъ.

Прощайте—постарайтесь написать немного подѣльнѣе—по тому же адресу, разумѣется. Жму Вамъ руку и дѣлаю еще что-то, на что Вы, бывало, никогда не отвѣчали. Поцѣлуйте Богдана, о которомъ Вы мнѣ ни слова не сказали—и поклонитесь—если есть кому кланяться.

Вашъ **Ив. Тургеневъ.**

25 августа—6 сентября 1861. С. Спасское.

Милая Марья Александровна, получивъ это письмо, ступайте къ Боткину [1]) и скажите ему, что я ему написалъ было предлинное письмо, и отдалъ его извѣстному Вамъ Бенни для отдачи въ Мценскѣ на почту; но сей юноша его на дорогѣ потерялъ. Нечего дѣлать — придется все написанное разсказать, что я надѣюсь совершить весьма скоро—ибо я послѣ завтра выѣзжаю и почти нигдѣ останавливаться не буду. Итакъ, ждите меня скоро, если я не погибну на пути. Надѣюсь, что Вы мнѣ написали poste restante въ Берлинѣ. До свиданія, жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Москва, 4 іюня 1862.

Любезнѣйшая Марья Александровна, я Вамъ не писалъ изъ Петербурга, потому что я хотѣлъ быть въ состояніи поговорить съ Катковымъ и дать Вамъ знать, что изъ этого выйдетъ. — Итакъ вотъ результатъ) „Русское Слово" (которое, кажется, весьма не сильно денежными средствами: взяло „Пройди свѣтъ", который напечатаетъ въ майской книжкѣ и деньги

[1]) Василію Петровичу Боткину. *Б. М*—ъ.

Вамъ обѣщалось тотчасъ выслать; а Катковъ не безъ колебанія и затрудненія взялъ „Пустяки“ и „Скрипку“—но о 200 р. сер. (не говоря уже о 250) и слышать не хочетъ и болѣе 150 не даетъ. Я взялъ на себя согласиться—потому что въ противномъ случаѣ надо было бы остаться вовсе ни при чемъ; но если Вамъ эта цѣна покажется слишкомъ незначительна, то напишите немедленно въ редакцію „Русскаго Вѣстника“ не стѣсняясь тѣмъ, что деньги (300 р. сер.) будутъ Вамъ высланы впередъ, тогда Катковъ будетъ считать ихъ за мною, а я за Вами. Это у насъ такъ условлено. Во всякомъ случаѣ, Вы получите 300 руб. и увидите сами, что Вамъ дѣлать.

О Петербургѣ, литераторахъ и т. д. не пишу.—Некогда. Напишу изъ деревни.—Мнѣ изъ Петербурга до Москвы пришлось ѣхать съ Некрасовымъ, и оба мы, какъ Ноздревъ и его товарищъ—ничего—говорили, смѣялись,—но бездна такъ и осталась между нами, и слава Богу.—Его однако смущаетъ всеобщая вражда къ „Современнику“, усиленная въ 1000 разъ послѣдними событіями.

Повторяю вамъ еще разъ на прощаніе. Не пріѣзжайте въ Россію! Впрочемъ, жму Вамъ крѣпко руку и говорю: до свиданія.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

N. B. Я послалъ изъ Петербурга письмо г-жѣ Буткевичъ, рукопись которой я съ трудомъ продалъ Серно-Соловьевичу и Новосмертный послалъ ей 150 р. сер.—по слѣдующему адресу: Montmorency, rue Laboureur. Она вѣдь туда пріѣхала.—Узнайте *непремѣнно*, получила ли она это все—и *непремѣнно* дайте мнѣ знать, не откладывая отвѣта въ долгій ящикъ.

10—22-го іюня 1862 г. С. Спасское.

Ваше письмо, милая Марья Александровна, шло досюда цѣлыхъ двадцать дней, что заставляетъ меня предполагать, что оно пролежало у Васъ нѣсколько времени, гдѣ-нибудь въ уголкѣ. Вы мнѣ ничего не говорите о Вашихъ намѣреніяхъ: но я могу догадаться, что Вы остаетесь въ Парижѣ—я радуюсь тому: Вы знаете мое мнѣніе на счетъ Вашей поѣздки въ Россію.

Мнѣ пріятно, что я могъ услужить г-жѣ Буткевичъ, и желаю, чтобы ей въ Женевѣ повезло лучше, чѣмъ въ Парижѣ.—Сожалѣю о Вашемъ отказѣ Каткову: Вамъ вѣроятно теперь уже давно извѣстна судьба постигшая журналы, въ которыхъ Вы участвовали: кажется, нечего на-

дѣяться на ихъ возрожденіе, особенно это касается до „Русскаго Слова". Но такъ какъ у Васъ теперь, вслѣдствіе предложенія Солдатенкова, будутъ деньги, то это бѣда еще не большая.

Молодецъ Писемскій—поклонитесь ему отъ меня и скажите ему, что бы онъ не скучалъ, а смотрѣлъ бы на свою поѣздку съ гигіенической точки зрѣнія. Смѣю думать, что Ваши новые друзья Нѣжино—Грузинскіе не вполнѣ изгладятъ изъ Вашей памяти Вашихъ старыхъ друзей; впрочемъ, въ этомъ отношеніи Вы составляете исключеніе изъ общаго правила и столь же постоянны въ Вашихъ привязанностяхъ, сколь непостоянны въ общемъ ходѣ жизни. Скажу Вамъ о себѣ, что я здоровъ—ѣздилъ на охоту неудачно, дѣла свои устроилъ кое-какъ и теперь уже мечтаю объ отъѣздѣ, который будетъ имѣть мѣсто, если Богъ дастъ, ранѣе, чѣмъ я предполагалъ; въ концѣ сентября я буду въ Парижѣ. Я ничего не писалъ да и вообще мнѣ сдается, что литературная жила во мнѣ изсякаетъ: едва-ли мнѣ опять скоро придется предстать на судъ критики и публики, съ меня довольно треска и грохота возбужденнаго О. и Д. [1]). Я Вамъ когда-нибудь разскажу, если не забуду—всѣ впечатлѣнія вынесенныя мною изъ послѣдняго моего пребыванія въ Россіи, какъ меня били руки, которыя я бы хотѣлъ пожать и ласкали руки другія, отъ которыхъ я бы бѣжалъ за тридевять земель и т. д. Вообще, мое божество произвело на меня дѣйствіе странное: я вижу, что теперь колесо покатилось благополучно впередъ—но присутствовать при томъ, какъ оно будетъ то прыгать черезъ камни, то тонуть въ грязи—не желаю; довольно съ меня знать, что оно пошло.—Я вѣдь застану Васъ въ Парижѣ, неправда-ли?

Такъ какъ я, проѣзжая черезъ Москву, возьму у Каткова оставленныя мною у него Ваши два разсказа—то напишите мнѣ, что съ ними дѣлать? Но адресуйте Ваши письма не сюда—онѣ меня здѣсь не застанутъ—а въ Петербургъ, въ книжный магазинъ Серно-Соловьевича, на Невскомъ проспектѣ, для передачи мнѣ.

Ну-съ, желаю Вамъ здоровья и веселья и дружески жму Вашу руку. Я знаю, что Вы ко мнѣ расположены и Вы должны знать, что я къ Вамъ привязанъ.—Поклонитесь отъ меня Пассеку и другимъ знакомымъ, которые мною не брезгаютъ и поцѣлуйте за меня Богдана, который, я надѣюсь, продолжаетъ учиться и вести себя отлично.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

---

[1]) „Отцами и Дѣтьми". *Б. М—ъ.*

Баденъ-Баденъ, 23-го августа 1862.

Я два дня тому назадъ пріѣхалъ сюда, милая Марья Александровна. Въ Петербургѣ, въ конторѣ С. Соловьевича мнѣ сказали, что два письма, пришедшія на мое имя отправлены были въ Спасское. Богъ знаетъ, зачѣмъ! Это мнѣ было очень досадно; пока я ихъ здѣсь получу, дайте о себѣ вѣсточку. Что Вы подѣлываете, гдѣ находитесь и гдѣ располагаете быть? Мнѣ кажется, Вамъ не должно быть очень хорошо... Я въ Баденѣ останусь около мѣсяца—или 6 недѣль; но такъ какъ я недоволенъ моей теперешней квартирой—то пишите мнѣ poste restante. Г-жа Буткевичъ не дождалась присылки денегъ и ускакала въ Женеву—а теперь требуетъ ихъ отъ С. Соловьевича—а онъ сидитъ въ крѣпости—а деньги лежатъ или гуляютъ, Богъ вѣдаетъ гдѣ! О женщины, женщины, куриный народъ! Досталось же мнѣ возиться съ Вами. Катковъ мнѣ сказывалъ въ Москвѣ, что онъ отправилъ на Ваше имя 300 руб. сер., хотя не согласенъ платить Вамъ по 200 р. за листъ. Получили ли Вы эти деньги? Напишите мнѣ немедленно.

Надѣюсь, что Вы здоровы и невредимы; жму Вамъ дружески руку и остаюсь

преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ, 27-го авг. 1862 г. Amalienstrasse № 337.

Я пока еще живъ, милая Марья Александровна—и благодарю Васъ за Ваше участіе. Особеннаго удовольствія отъ жизни не ощущаю, но прекратить ее тоже не вижу надобности. Впрочемъ это не отъ насъ зависитъ.

Деньги г-жѣ Буткевичъ были высланы на ея имя въ Монморанси, rue Laboureur, 10.—По крайней мѣрѣ этотъ адресъ былъ данъ мною Серно-Соловьевичу. Напишите ей это и пусть она спроситъ въ Женевѣ на почтѣ, что ей надо сдѣлать, то есть какую формальность исполнить для сношенія съ парижской почтой и полученія денегъ. Могъ бы я ожидать, что она, не дождавшись моего отвѣта, помчится вонъ изъ Парижа! Книга ея печатается, но когда появится—еще не извѣстно. Пассекъ, вѣроятно, въ Парижѣ, пусть онъ похлопочетъ, сходитъ въ почтамтъ и т. д.

Мнѣ вовсе не хочется толковать о моемъ романѣ, о томъ, что говорили въ Россіи и т. д. Это все для меня давно-прошедшее. Въ письмѣ моемъ къ Вамъ я намекалъ на то, что гнусные генералы меня хвалили, а молодежь ругала. Но эта волна прокатилась—и что сдѣлано—то сдѣлано.

Здѣсь хорошо: зелено, солнечно, свѣжо и красиво. Русскихъ много—но все—высшаго полета—и потому низшаго сорта—и я ихъ избѣгаю.—Вижусь съ семействомъ Віардо—и пока доволенъ. Квартира порядочная, съ балкономъ. Не знаю, буду-ли работать.—Въ концѣ сентября я пріѣду въ Парижъ и увижусь съ Вами.

Квартира моя остается та же, rue de Rivoli, 210.—Кстати, будьте такъ добры, сходите туда и спросите хозяйку m-me Ricci—получила-ли она отъ меня письмо, въ которомъ я ее просилъ—сохранить всѣ книги, журналы, письма, получаемые на мое имя—(и въ случаѣ нужды, платить за нихъ)?

Будьте здоровы.—Жму Вамъ руку и остаюсь

преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ, Amalienstrasse, № 337, 31 Августа 1862 г.

Милая Марья Александровна, Вашъ теперь Бенни такъ же загорѣлся, какъ нѣкогда, помните?—Желиговскій?—Подавай Желиговскаго!—Подавай Бенни! Извольте—вотъ вамъ Бенни.—Въ день моего проѣзда черезъ Петербургъ, онъ пришелъ ко мнѣ съ своимъ обычнымъ напряженно-скрытымъ и судорожно-спокойнымъ видомъ—(которому я, между прочимъ, и приписываю большую часть безобразныхъ слуховъ, ходившихъ и ходящихъ на его счетъ)—и поговоривъ со мною—я уже лежалъ въ постели—исчезъ.—Хотя по поводу его статьи о Герценѣ поднялась буря—но онъ не только уцѣлѣлъ—онъ даже объявилъ мнѣ, что собирается еще полнѣе забрать журналъ въ руки и что, между прочимъ, весь заграничный отдѣлъ отданъ въ его распоряженіе. Нельзя не сознаться, что есть что-то странное въ этомъ фактѣ—что англійскій подданный, пріятель Герцена издаетъ въ Петербургѣ газету... но это между нами. Если петербургское правительство такъ слѣпо, не намъ ему раскрывать глаза. А я все таки увѣренъ въ честности и прямодушіи Бенни.

Поклонитесь его брату, Трубецкимъ, Маріаннѣ, которой я недавно писалъ. Говорить Вамъ о себѣ не хочется; сегодня пришло извѣстіе, будто бы Гарибальди взятъ въ плѣнъ и раненъ. Нѣтъ, правды нѣтъ и выше—правъ Сальери.—А о себѣ что я Вамъ скажу? Что я здоровъ—а что, впрочемъ, жизнь мнѣ становится равнодушнѣй съ каждымъ часомъ—въ этомъ нѣтъ ничего новаго, ни пріятнаго.—Какимъ манеромъ Вы видѣли Бакунина? Что, онъ только пріѣзжалъ въ Парижъ и вернулся въ Лондонъ—или отправился далѣе?—И куда именно?—Мицкевича я съ

Вами готовъ читать съ удовольствіемъ—да Вамъ не до меня. А впрочемъ, если я ошибаюсь, тѣмъ лучше. Будьте здоровы. Жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Небось, все по-польски Вы читаете? Здѣсь я встрѣтился съ однимъ малороссомъ, который радъ насъ русскихъ зубами разорвать—и отъ поляковъ въ восторгѣ. Вотъ Вы бы порадовались.—Къ сожалѣнію, онъ глупъ какъ... какъ кн. П. В. Долгоруковъ. Сильнѣе сравненія я не знаю.

Баденъ-Баденъ, 28-го Сентября 1862 г. Amalienstrasse, 337.

Милая Марья Александровна, я давно не писалъ Вамъ—т. е. долго не отвѣчалъ на Ваше письмо.—Извините великодушно. Впрочемъ, особенно важнаго сообщать было нечего.—Вашъ другъ Василій Боткинъ пріѣхалъ сюда на-дняхъ и отправляется со мною въ Парижъ, куда мы надѣемся прибыть около 15-го Октября.—Я буду оченъ радъ Васъ видѣть.

Я ничего не читаю, ничего не дѣлаю, ѣмъ, сплю, гуляю—и здоровъ. Даже думаю очень мало.—Рѣшительно *такъ*—покойнѣе. Всего не передумаешь—да и новаго ничего не выдумаешь.

Что за человѣкъ Бакунинъ, спрашиваете Вы?—Я въ Рудинѣ представилъ довольно вѣрный его портретъ: теперь это Рудинъ, *не* убитый на баррикадѣ. Между нами: это—развалина. Будетъ еще копошиться помаленьку и стараться поднимать славянъ—но изъ этого ничего не выйдетъ. Жаль его:—тяжелая ноша—жизнь устарѣлаго и выдохшагося агитатора. Вотъ мое откровенное мнѣніе о немъ—а Вы не болтайте.

Я ѣздилъ на-дняхъ въ *Вашъ* Гейдельбергъ. Ничего, городъ интересный.—Уѣзжая отсюда, я дня два тамъ пробуду, посмотрю на дикихъ русскихъ юношей.

До свиданія—будьте здоровы. Цѣлую Васъ—„во уста сахарныя“—на бумагѣ это Васъ не разсердитъ.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Кланяйтесь Трубецкимъ и Маріаннѣ, когда увидитесь. Да что, вернулся князь изъ Россіи?

Безъ даты. Вѣроятно 62 года.

Любезная Марья Александровна, рекомендую Вамъ самымъ убѣдительнымъ образомъ подателя этого письма, чешскаго поэта Фрича, хорошаго моего пріятеля. Онъ очень желаетъ съ Вами познакомиться—и я увѣренъ, что онъ Вамъ понравится.—Онъ большой другъ М. А. Бакунина.

Жму Вамъ руку и до свиданія.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Воскресенье.

P. S. Надобно съ нимъ говорить по-французски или по-малроссійски. Говорятъ, Вашъ языкъ очень близокъ къ чешскому.

Неизданная записка И. С. Тургенева.

Je prie le comptoir de M-r le Baron Stiegliz d'adresser la moitiè des deux mille roubles, que je lui fais parvenir, c'est à dire mille roubles ass. à l'ordre de M-r *Arnold Ruge* à Dresde; les autre mille roubles devrout être envoyés à l'ordre de M-r *Michel* de *Bacounine* à Zurich. Je prie de même le comptoir de remettre au porteur de ceci des secondes lettres de change, c'est à dire des copies des deux lettres de change, qu'on aura la boutè d'envoyer. En même temps je crois de mon devoir de faire savoir au comptoir que je compte payer dans un très court espace de temps 150 écus aves les pour-ceuts que je dois á M-r Schickler de Berlin et 350 écus que jé dois à M-r l'Ambassadeur de Russie à Berlin. Je n'ai pas donné de lettre de change à M-r l'Ambassadeur—mais j'eu ai donné une à M-r Schickler, et je crois qu'elle se trouve au comptoir de M-r le Baron. Si c'est là le cas, jè prie le comptoir de retenir cette lettre de change pendant le peu de jours qui vout s'écouler jusqu'au payement de fenitif.

Ce 21 juillet v. s. 1843.

J. de Tourgueneff.

Переводъ. Прошу контору г-на барона Штиглица отправить половину тѣхъ двухъ тысячъ рублей, о доставкѣ которыхъ я дѣлаю распоряженіе, т. е. тысячу рублей ассигн. приказу г-па Арнольда Руге въ Дрезденѣ, другая тысяча рублей должна быть отослапа приказу Михаила Бакунина въ Цюрихѣ. Я прошу также контору вручить подателю сего вторые векселя, т. е. копіи двухъ векселей, которые будутъ посланы. Въ то же время я считаю своимъ долгомъ извѣстить контору, что я разсчитываю

въ очень скоромъ времени уплатить 150 экю съ процентами—мой долгъ г-ну Шиклеръ въ Берлинѣ и 350 экю—мой долгъ г-ну русскому послу въ Берлинѣ. Я не давалъ векселя г-ну послу, но я выдалъ одинъ вексель г-ну Шиклеръ; и я думаю, что онъ находится въ конторѣ г-на Барона. Если это такъ, я прошу контору удержать этотъ вексель въ теченіе нѣсколькихъ дней, которые могутъ пройти до окончательной уплаты.

21 іюля сего 1843 года.

Иванъ Тургеневъ.

Эта записка имѣетъ несомнѣнный интересъ, и общій и спеціально Тургеневскій. Мы знаемъ, что И. С. всегда широкой рукой помогалъ русскимъ эмигрантамъ, поддерживалъ революціонныя предпріятія. О томъ, что онъ ссужалъ и неоднократно М. А. Бакунина, то же извѣстно Но о матеріальныхъ отношеніяхъ его къ Арнольду Руге мы узнаемъ въ первый разъ изъ этой записки. Арнольдъ Руге, нѣмецкій радикалъ и журналистъ въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ сдѣлалъ въ Германіи рядъ попытокъ издавать органъ свободной, независимой мысли. Въ 1838—1840 г.г. онъ выпускалъ въ Лейпцигѣ „Halleische Jahrbücher für deutsche Kunst und Wissenschaft“. Въ этомъ журналѣ сотрудничали лѣвые гегельянцы. По закрытіи журнала, Руге началъ издавать въ Дрезденѣ „Deutseche Jahrbücher“. Здѣсь, въ 1842 году (№№ 247—251) М. А. Бакунинъ, сблизившійся съ Руге, напечаталъ подъ псевдонимомъ Jules Elisarol свою статью о реакціи въ Германіи (Die Reaction in Deutschland, Fragment eines Franzosen), проникнутую предчувствіями революціи. Вскорѣ послѣ появленія статей Бакунина, въ началѣ 1843 года были запрещены и „Deutsche Jahrbücher“. Бакунинъ же долженъ былъ выѣхать изъ Дрездена (вмѣстѣ съ извѣстнымъ Гервегомъ) въ Швейцарію. 8 марта этого года Руге писалъ своему пріятелю: „Моя поѣздка въ Швейцарію не состоится. Бакунинъ, которому я много, слишкомъ много повѣрилъ, не можетъ заплатить мнѣ и вообще всѣ свои долги. Я построилъ на немъ воздушные замки и долженъ признаться, что мнѣ приходится солоно, черезъ иноземца, лежать скрученнымъ все лѣто. Я поручился за него у Бонди и на дняхъ заплатилъ за него 306 талеровъ, послѣ того какъ я ему въ Лейпцигѣ, когда онъ съ Гервегомъ отправлялся въ Швейцарію, далъ въ займы чистыми деньгами 2500 талеровъ“. Вотъ какое было матеріальное положеніе Руге и Бакунина, когда Тургеневъ изъ Петербурга переводилъ деньги тому и другому [1]). А въ концѣ іюля 1843 года русское правительство

[1]) Тургеневъ былъ за границей лѣтомъ 1842 года и вернулся въ Россію къ осени.

уже начало выяснять революціонную зловредность Бакунина; впослѣдствіи, при ссылкѣ Тургенева въ Спасское за статью о Гоголѣ, въ III отдѣленіи вспомнили о матеріальныхъ пособіяхъ, оказанныхъ Тургеневымъ Бакунину, и Дуббельтъ поставилъ ему это въ строку.

Добавимъ, что русскимъ посломъ въ Берлинѣ въ это время былъ баронъ Егоръ Федоровичъ Мейендорфъ; ему-то и долженъ былъ Тургеневъ 350 экю. Шиклеръ же—берлинскій банкиръ.

П. Щ.

Дневникъ Вѣры Сергѣевны Аксаковой.

(1854—55 г.г.).

Сообщеніемъ этого замѣчательнаго дневника редакція обязана Ольгѣ Григорьевнѣ Аксаковой, племянницѣ автора дневника и внучкѣ Сергѣя Тимофеевича Аксакова. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ дневникъ не могъ быть напечатанъ по цензурнымъ условіямъ и затрудненіямъ, нынѣ не имѣющимъ мѣста. Онъ интересенъ во многихъ отношеніяхъ: и потому, что онъ вышелъ изъ нѣдръ одной изъ примѣчательнѣйшихъ русскихъ семей; и потому, что онъ идетъ къ намъ изъ достопамятной эпохи подъема русской жизни, эпохи крымской войны, смерти Николая I и восшествія Александра II. Вдумчивость и проникновенность обезпечиваютъ дневнику видное мѣсто въ литературѣ русскихъ мемуаровъ. Наконецъ, нельзя не отмѣтить и того, что эти мемуары, ярко отражая своеобразную и привлекательную личность автора, вписываютъ новую страницу въ исторіи русской женщины.

О. Г. Аксакова сообщаетъ слѣдующую характеристику своей тетки: „Вѣра Сергѣевна была самая старшая изъ дочерей Сергѣя Тимофеевича и Ольги Семеновны Аксаковыхъ; старше ея изъ дѣтей былъ только Константинъ Сергѣевичъ. Потому и воспитаніе ея отдѣляется отъ воспитанія остальныхъ дочерей; оно болѣе серьезно, болѣе подходитъ къ воспитанію братьевъ. Въ то время, какъ во всѣхъ письмахъ родителей Константинъ и Вѣра обособляются отъ другихъ, остальныя дочери упоминаются по большей части подъ какимъ-нибудь общимъ именемъ, въ родѣ „и всѣ мои душеньки". Или при поименномъ перечисленіи пишутся имена другихъ безъ всякихъ эпитетовъ, про Вѣру же всегда говорится „мой другъ Вѣра", „моя умница Вѣра" и т. д. Вѣра Сергѣевна была богато одаренная натура: она могла многое понимать, была образована, прекрасно рисовала карандашемъ и писала масляными красками. Она была не чужда экзальтаціи, сильно увлекалась и чувствовала большую склонность къ мистицизму и философіи. Но изъ того, что Вѣра Сергѣевна занимала у родителей какое-то особое почетное мѣсто, никакъ нельзя заключить о столь обычномъ у родителей предпочте-

ніи одного ребенка другимъ. Сергѣй Тимофеевичъ обладалъ способностью безпристрастно цѣнить своихъ дѣтей и отдавалъ каждому должное. Вѣра Сергѣевна была исключительнымъ явленіемъ даже и въ этой особо талантливой семьѣ. Она рисуется въ моихъ воспоминаніяхъ, какъ индивидуальность, какъ чрезвычайно обаятельное существо въ то время, какъ остальныя дочери—всѣ вмѣстѣ и каждая отдѣльно—составляли только *семью*. Всѣ были религіозны, но она жила религіей, горѣла вѣрой и любовью къ Богу, но въ ней это не носило печати особой серьезности и скуки. Эта жизнь проходила гдѣ-то внутри ея, а въ жизни она была—ребенокъ съ дѣтьми, веселая дѣвушка съ своими подругами, понимающій братъ—для братьевъ, отзывчивый другъ для всѣхъ и каждаго". Скончалась Вѣра Сергѣевна 24 февраля 1864 года. *Ред.*

1854 г.

Абрамцево [1]), *ноября 14*, *воскресеніе*. ...Сегодня я не была у обѣдни, потому что ѣздила вчера, а сегодня ѣздили сестры.—Почту привезли рано, кромѣ газетъ три письма—отъ Гриши, отъ Хлѣбникова [2]) и совершенно неожиданно отъ Смирновой [3]).

---

[1]) Абрамцево—подмосковная Аксаковыхъ, въ которой они проводили зиму 1854—1855 года. Не было только Григорія Сергѣевича, который въ концѣ этого получилъ мѣсто въ Самарѣ и уѣхалъ туда. Иванъ Сергѣевичъ 18 ноября вернулся въ Абрамцево изъ своего путешествія по Малороссіи, куда онъ за годъ до этого былъ командированъ Императорскимъ Географическимъ Обществомъ для изученія малороссійскихъ ярмарокъ. Семья состояла изъ дочерей Вѣры, Надежды, Любови и больной Ольги.

[2]) Очевидно, Петръ Вас. Хлѣбниковъ, почетн. гражд. г. Ярославля, тамошній именитый человѣкъ. Когда Ив. Серг. Аксаковъ работалъ въ Ярославлѣ въ коммиссіи о бродягахъ, онъ сошелся съ нимъ, а потомъ онъ принималъ и семью Аксаковыхъ въ своемъ домѣ.

[3]) Смирнова Александра Осиповна—извѣстная фрейлина двора имп. Николая I; другъ или хорошая знакомая плеяды нашихъ писателей: Гоголя, Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, Хомякова, Аксаковыхъ и др.; авторъ пресловутыхъ „Записокъ". Нѣкоторая часть ея переписки съ Аксаковыми напечатана въ „Русскомъ Архивѣ" 1896, I (1), 142 сс. [Одно изъ писемъ С. Т. Аксакова отъ 28 марта 1852 года почему-то напечатано во 2-й разъ въ томъ же „Русск. Арх." 1905, III (9), 210—212]. Письма Смирновой къ И. С. Аксакову напечатаны въ „Русск. Арх." 1895 III (12), 423—480. Письмо, о полученіи котораго записала въ дневникѣ Вѣра Сергѣевна, не напечатано, но отвѣтъ на него С. Т. имѣется въ „Русск. Арх.", 1896, I (1), 156—158. Не лишнее привести выдержку изъ этого письма, которая послужитъ введеніемъ къ самому дневнику. „Исполняю Ваше желаніе и разскажу вамъ краткую повѣсть о нашемъ житьѣ-бытьѣ. Мы по прежнему живемъ постоянно въ Абрамцевѣ; нѣкоторые продолжаютъ похварывать, остальные здоровы. Я часто хвораю и крѣпко старѣю, хотя стараюсь бодриться, пишу, а съ тѣхъ поръ, какъ не видѣлся съ вами, написалъ очень много; кое-что напечаталъ даже въ „Москвитянинѣ". Я пишу мою семейную хронику и мои личныя воспоминанія. По несчастному положенію нашей

Извѣстій изъ Крыма никакихъ особенныхъ, кромѣ того, что 2-го ноября была буря и корабли непріятельскіе пострадали. Маменька слышала въ Хотьковѣ, будто бы въ „Городскомъ Листкѣ“ 12-го числа было напечатано извѣстіе о сильномъ нашемъ пораженіи, но это не можетъ быть: иначе въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ должно уже было быть перепечатано. Смирнова также пишетъ, что ходятъ какіе-то неблагопріятные слухи, можетъ быть, они оправдаются, какъ предчувствія, но еще извѣстій невозможно было получить. Что-то Богъ дастъ! Какія бы ни были извѣстія, все же онѣ намъ возвѣстятъ страшное кровопролитіе, иначе быть не можетъ, никакъ ни намъ, ни врагамъ нашимъ отступить нельзя. Сердце сжимается, какъ подумаешь объ этомъ ужасномъ истребленіи людей, объ этихъ страшныхъ человѣческихъ страданіяхъ; и какъ больно, и тяжело, и обидно думать, что часто наше храброе войско погибаетъ отъ непростительной оплошности начальника, какъ напр. этотъ Данненбергъ [2]), который, по его собственному донесенію, какъ онъ ни старался представить его въ другомъ видѣ, кругомъ виноватъ въ той гибели нашего войска, которой они под-

---

цензуры, и половины нельзя будетъ напечатать того, что мной написано; это меня огорчаетъ, потому что я получилъ вкусъ къ похваламъ и сочувствію, съ которыми было встрѣчено все напечатанное мною. Я не стану вамъ разсказывать, что дѣлаетъ въ деревнѣ мое семейство; вамъ хорошо извѣстны элементы нашей духовной жизни, и потому вы хорошо знаете, какъ мы всѣ проводимъ время и какъ будутъ проводить его всѣ, когда будутъ принуждены догадаться, что надо жить въ деревнѣ. Вы очень вѣрно поняли тревогу въ мирномъ Абрамцевѣ. Да мы находимся теперь въ исключительномъ положеніи. Мы погружены въ безотрадное горе и въ тревожное ожиданіе новыхъ печальныхъ явленій нашего безисходнаго положенія. Много великихъ событій совершилось на моей памяти (я помню, какъ возникалъ Наполеонъ); но ни одно такъ не волновало меня какъ настоящее или, лучше сказать, грядущее событіе. Самое тяжелое въ нашемъ положеніи—неизвѣстность, туманъ, который насъ окружаетъ. Что мы такое? Чего хотимъ, за кого стоимъ? Никто не знаетъ. Въ 12-мъ году было выставлено знамя было сказано, что мы не положимъ меча до тѣхъ поръ, покуда хотя одинъ непріятель будетъ оставаться на землѣ нашей, что мы не уступимъ ни одного вершка этой земли. Итакъ дѣло было ясно. А теперь что? Но я оставляю этотъ предметъ, о которомъ надо говорить много или ничего. Я и теперь боюсь не сказалъ ли я чего-нибудь лишняго, что будетъ вамъ прочесть непріятно. Я разстроенъ не только духомъ но и тѣломъ; нервы мои напряжены и раздражены и я захварываю отъ каждаго извѣстія изъ Крыма. Какъ я радъ теперь, что живу въ деревнѣ: я не слышу и не вижу того, что вы видите и слышите. Конечно, въ Москвѣ не то, что въ Петербургѣ, но довольно гадко, какъ вы сами сказали.

Все сказанное вами въ письмѣ очень вѣрно и справедливо. Но не можетъ ли живое начало само собой выйдти на сушу, и не сдѣлаемся ли тогда всѣ мы невольно, безсознательно, его вѣрными исполнителями? Не слышно ли и въ настоящихъ событіяхъ шага исторіи? Константинъ давно уже сказалъ въ какихъ-то шуточныхъ словахъ:

„Событій полны времена
И слышенъ шагъ исторіи“.

[2]) Петръ Андр. Данненбергъ, генералъ, получившій печальную извѣстность въ Инкерманскомъ сраженіи, послѣ котораго онъ назначенъ былъ членомъ военнаго совѣта.

верглись въ послѣднемъ дѣлѣ при вылазкѣ 25 октября. Данненбергъ очевидно опоздалъ, а про редуты, которые онъ заставилъ строить подъ страшнымъ огнемъ непріятельскомъ, онъ не упоминаетъ, хотя Меньшиковъ объ этомъ донесъ въ первомъ своемъ донесеніи объ этомъ дѣлѣ [1]).

Но что намъ печатаютъ за донесенія Меньшикова! Это возмутительно читать! изъ нихъ дѣлаютъ такія сокращенныя извлеченія въ строчекъ пять, такъ что рѣшительно не можешь себѣ составить настоящаго понятія. Это уже слишкомъ пренебрежительно или даже злонамѣренно. Кажется, нарочно хотятъ насъ оставить въ неизвѣстности, въ страхѣ; все дурное намъ сейчасъ выставляютъ на видъ, а о болѣе утѣшительныхъ подробностахъ умалчиваютъ, вѣроятно для того, чтобы насъ приготовить къ необходимости мира, какъ единственной возможности прекратить эти ужасы. Я убѣждена, что Несельроде [2]) старается объ этомъ. Не даромъ также напечатано въ „Новой Прусской газетѣ“ письмо русскаго, присланное изъ Петербурга, въ которомъ есть такая фраза: „намъ нѣтъ спасенія отъ каленыхъ ядеръ въ Севастополѣ“. Для чего именно выбрать такое письмо, въ которомъ указывается на то, какимъ образомъ могутъ намъ нанести враги наши наибольшій вредъ, какъ не съ намѣреньемъ, чтобъ они воспользовались этимъ указаньемъ! Другое дѣло, еслибъ у насъ печатался цѣлый рядъ писемъ о Севастополѣ, въ которыхъ бы толковалось и объ успѣхѣ и не успѣхѣ, но напечатать одно такое письмо, это ужъ слишкомъ странно,—и я просто обвиняю Нессельроде—въ злоумышленности, какимъ бы то ни было способомъ принудить насъ, хотя къ постыдному миру. Смирнова пишетъ, что ходятъ слухи о мирныхъ переговорахъ, а между тѣмъ Пальмерстонъ поѣхалъ къ Императору Францу, чтобы уговорить его послать 100 тыс. арміи къ Перекопу, чтобъ отрѣзать намъ всякое сообщеніе и завладѣть Крымомъ, какъ Мальтой.—Что-то будетъ! Да смилуется Богъ надъ нами!— Смирновой письмо умно-дружественно и въ самомъ благонамѣренномъ духѣ.

Какія времена!—Совершаются судьбы Божіи надъ народами.—Но мы противимся судьбамъ святымъ надъ нами, да не покараетъ насъ Богъ за то, но народъ не виноватъ, что правительство противъ его желанія такъ поступаетъ, или, можетъ быть, народъ всегда виноватъ, если у него такое правительство. Справедливы стихи [3]) Хомякова: теперь они еще болѣе опра-

[1]) Князь А. С. Меньшиковъ, неудачный главнокомандующій русскихъ войскъ, замѣненный впослѣдствіи Горчаковымъ.

[2]) Министръ иностранныхъ дѣлъ, руководитель внѣшней политики въ царствованіе имп. Николая I.

[3]) Извѣстные стихи А. С. Хомякова „Къ Россіи“: Тебя призвалъ на брань святую... и т. д. Строфы о покаяніи: „О, недостойная избранья, Ты избрана! Скорѣй омой себя водою покаянья, Да громъ двойного наказанья, Не грянетъ надъ твоей главой...“

вдались. Гдѣ же покаяніе, возможно ли оно, или можетъ быть нужны, въ самомъ дѣлѣ, страшныя испытанія, чтобъ Русская земля очистилась? Куда ведетъ насъ Божья воля? Страшно. Если и настанетъ наконецъ свѣтлый день, то черезъ что должны пройти люди? Господь да свершитъ святыя судьбы свои въ милости и да укрѣпитъ людей своихъ на пути испытанія и да узримъ мы день спасенія!

15 числа. Чтенія у насъ вовсе нѣтъ вотъ уже нѣсколько времени и мы пробавляемся старыми книгами, читаемъ теперь походъ 13-го года Бутурлина [1]).

Смирнова пишетъ, что Батюшковъ совершенно исцѣлился, пришелъ въ себя послѣ 30 лѣтняго сумасшествія и теперь читаетъ донесенія изъ Крыма и слѣдитъ по картѣ. Невѣроятно почти, — мы праздновали его возрожденіе чтеніемъ его стиховъ, изъ которыхъ нѣкоторые особеннно восхищали насъ. Славу Богу, если то правда, что онъ исцѣлился, каково должно быть его впечатлѣніе, очнуться послѣ столькихъ лѣтъ! [2])

Сегодня маменька опять была у обѣдни въ Хотьковѣ, опять тамъ слышала тѣ-же слухи, только еще съ подробностями, будто избіеніе было страшное. Два раза били отбой, наши войска не хотѣли отступать, что потеря была ужасная, съ нашей стороны 360 однихъ офицеровъ, но непріятельская армія еще болѣе потерпѣла и совершенно притиснута нами къ морю.

Поскольку справедливы эти слухи, трудно рѣшить; по всему кажется, что извѣстія еще не могли дойти, но всего вѣроятнѣе, что тамъ происходило или происходитъ подобное кровопролитіе. Народъ-же, можетъ-быть, чуетъ это.

Что-то принесетъ намъ почта! Завтра газетъ не будетъ, но не будетъ-ли письма? Впрочемъ, Ефимъ посланъ въ Москву и вѣроятно знакомые наши будутъ писать съ нимъ. Что-то Богъ дастъ?

16 числа. Сегодня привезли съ почты два письма, одно изъ деревни, другое отъ Ивана, послѣднее гдѣ то гуляло двѣ недѣли. Иванъ пишетъ между прочимъ, что скоро пріѣдетъ [3]). Политическихъ извѣстій никакихъ; видно, хотьковскіе слухи, какъ всегда впрочемъ бываетъ, совершенный вздоръ. Иванъ пишетъ, какъ слухъ, что великіе князья скупаютъ по 6 цѣлковыхъ штуцера иностранные и формируютъ штуцерные батальоны. Говорятъ, въ Петербургъ провезли бомбу или пулю, пролетѣвшую между вели-

---

[1]) „Картина осенняго похода 1813 года въ Германію“ Бутурлина.

[2]) Слухъ о выздоровленіи душевно-больного съ давнихъ поръ, поэта К. Н. Батюшкова не оправдался.

[3]) Это письмо изъ Харькова отъ 2—3 ноября напечатано въ книгѣ „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“. Ч. I. Томъ 3. М. 1892, стр. 99.

кими князьями и ранившую Ф. А. Альбединскаго, за что они получили Георгія [1]). Да Богъ съ ними, пусть получаютъ и двадцать Георгіевъ, да только не мѣшаютъ нашимъ войскамъ на сраженіяхъ! Лучше бы, если бы оттуда уѣхали: конечно, ихъ должны тамъ оберегать и пожертвуютъ для спасенія ихъ тысячами людей.

Въ домѣ у насъ наконецъ тепло, степлѣло на дворѣ. Вечеромъ дочитали Бутурлина; онъ оканчиваетъ замѣчательной фразой, которую-бы, конечно, не пропустила современная цензура. Константинъ прочелъ намъ свои стихи, недавно имъ написанные; прекрасны особенно послѣднія строфы, но ихъ распространять не должно. Страшныя рѣчи и мысли высказываются. Что то будетъ! Господь да помилуетъ насъ!

17 числа. Къ обѣду пріѣхалъ Гиляровъ, [2]) сообщилъ много новостей изъ Москвы, откуда онъ только что вернулся. Новости всѣ—наводящія уныніе. Между прочимъ, онъ разсказывалъ, какъ какое-то извѣстное лицо лѣтъ 20 тому назадъ представило 2 ящика свинца съ объясненіемъ, что разработка его около Тифлиса доставила бы намъ возможность не только снабжать имъ себя, но и Европу; какъ другое лицо послѣ путешествія за границу представило свѣдѣнія о превосходномъ вооруженіи англичанъ. Ящики и теперь, вѣроятно, не распечатаны, а свѣдѣнія не прочтены. Слухи о Меньшиковѣ неутѣшительны. Изъ Севастополя пишутъ, что онъ совершенно потерялся и хотѣлъ бросить и городъ и флотъ на жертву непріятеля, и еслибъ непріятель напалъ тогда на Севастополь, онъ былъ-бы взятъ безъ бою, но Богъ недопустилъ этого; непріятель, потерялъ время неизвѣстно почему. Наши моряки дѣлаютъ чудеса въ Севастополѣ. Говорятъ о какой то медали, вѣроятно, пущенной въ ходъ какимъ нибудь полякомъ: на одной сторонѣ ея крестьянинъ съ бородой держитъ въ рукѣ бритую голову и буквы С. Т., на другой одноглавый орелъ и буквы А. д. Лорда Дункельна [3]) отпустили въ Англію, отчего такая любезность или лучше подлость, передъ врагомъ; почему-же наши плѣнные остаются въ чужой землѣ? Запрещено печатать что либо, даже акты и документы, касающіеся до смутного времени Россіи, также все относящееся до быта русскаго народа, даже собранія преданій, писемъ и т. д. Неужели они думаютъ такими мѣрами остановить смуты!..

[1]) Дѣйствительно, П. П. Альбединскій (1826 — 1883), скончавшійся въ званіи генералъ-адъютанта, а во время Крымской кампаніи полковникъ, былъ контуженъ подъ Аккерманомъ и, получивъ золотой палашъ „за храбрость", оставилъ армію.

[2]) Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, публицистъ (1824 — 1887), кончилъ въ 1848 году Московскую Духовную Академію, былъ доцентомъ, въ 1854 году вышелъ изъ духовнаго званія и нѣкоторое время былъ цензоромъ въ Москвѣ. Съ конца 1867 года и до самой смерти издавалъ „Современныя Извѣстія". Былъ ревностнымъ сотрудникомъ журналовъ И. С. Аксакова.

[3]) Англійскій посолъ.

Гиляровъ—человѣкъ очень умный и замѣчательный; его разсказы чрезвычайно интересны; онъ знаетъ жизнь съ такихъ сторонъ, какія мало извѣстны между нами, онъ обѣщалъ прочесть свои записки. Но личность его какъ-то дѣлаетъ постоянно тяжелое и унылое впечатлѣніе и въ характерѣ его есть черты не очень пріятныя. Положеніе его, какъ лица вышедшаго изъ духовнаго званія и постоянно находящагося подъ гнетомъ духовной власти, давящей всякое свободное движеніе жизни въ душѣ человѣка, весьма тягостное.

18 числа. Сегодня мы всѣ встали ранѣе обыкновеннаго, чтобы получить раньше почту. Писемъ было много. Получены газеты и въ нихъ подтвержденіе извѣстія, сообщеннаго Гиляровымъ, что непріятельскихъ судовъ 2 ноября погибло не 6, а 25; что много обломковъ кораблей и людей и лошадей выкидываютъ на берегъ. Что англійскія батареи едва дѣйствуютъ; что мы заняли какой-то мысъ. Эти извѣстія насъ порадовали, но какъ только мы начали читать письма Маш. Карташевской [1]) изъ Петербурга, мы были поражены извѣстіемъ, что хотятъ заключить миръ съ Австріей и принять 4 постыдныхъ условія [2]). Мы всѣ были поражены и взволнованы этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ, продолжали читать письмо среди восклицаній отчаянія, какъ вдругъ послышался какой-то шумъ и взошелъ Иванъ. Тутъ новое волненіе и движеніе; всѣ вскочили, стали здороваться; отесенька и маменька даже разстроились. Начались разные толки и разсказы съ обѣихъ сторонъ. Вслѣдъ за тѣмъ воротился посланный нашъ изъ Москвы и привезъ много журналовъ и кучу писемъ, большею частью все подтверждающіе уже извѣстныя намъ извѣстія. Въ чтеніи писемъ, газетъ, толкахъ и разговорахъ съ Иваномъ прошелъ весь день, часто казалось, что дѣйствуешь во снѣ.

19 ноября. Утро мы провели въ разговорахъ, въ чтеніи журнала одного камеръ-юнкера Чарыкова изъ Севастополя [3]); очень просто написано и съ несомнѣнной печатью правды.

Воротились съ почты, привезли два письма отъ тетеньки Надежды Тимофеевны съ вложеніемъ копіи письма Николая Карташевскаго изъ

---

[1]) Сестра Ст. Тим. Аксакова Надежда Тимофеевна, была замужемъ за Ив. Гр. Карташевскимъ. Здѣсь рѣчь идетъ объ ихъ дочери. Сынъ ея Николай былъ на войнѣ.

[2]) Дипломаты выработали въ ноябрѣ 1854 года слѣдующіе четыре пункта, принятіе которыхъ дѣлало возможнымъ начало переговоровъ о мирѣ: 1) русское покровительство Дунайскимъ княжествамъ прекращается; 2) судоходство по Дунаю свободно; 3) прежніе договоры пересматриваются; 4) христіане Порты находятся подъ общимъ покровительствомъ державъ.

[3]) Рѣчь идетъ очевидно о дневникѣ Валер. Ив. Чарыкова (1818—1884), камеръ-юнкера съ 1848 года. Чарыковъ былъ полевымъ почтъ-директоромъ. Дневникъ его до сихъ поръ не изданъ.

Севастополя. Они ждутъ съ нетерпѣніемъ генеральнаго сраженія: всѣмъ надоѣла постоянная бомбардировка. Непріятель укрѣпляетъ себя съ фланга...

Константинъ съ Иваномъ постоянно разговариваютъ. Ихъ разговоры касаются болѣе общихъ вопросовъ, особенно, разумѣется, настоящаго положенія дѣлъ въ Россіи. Всѣ согласны, что кризисъ внутренній неизбѣженъ, но какъ и когда онъ будетъ, никто не можетъ рѣшить. Онъ не зависитъ отъ отдѣльныхъ лицъ или даже отдѣльныхъ сословій: только самъ народъ можетъ его произвести, а что можетъ пробудить народъ отъ такого долгаго усыпленія, конечно, никто не знаетъ. Константинъ самъ думаетъ, что только страшныя бѣдствія въ состояніи подвинуть народъ и вырвать его спящія силы; и кажется, Божьи судьбы насъ къ тому ведутъ. Само правительство слѣпо старается объ этомъ, но страшно подумать объ этомъ грядущемъ времени, черезъ что должны пройти люди. Что-то будетъ! Въ настоящую минуту нѣтъ человѣка довольнаго во всей Россіи. Вездѣ ропотъ, вездѣ негодованіе! Раскольники ожесточены до крайности,—закрыли Преображенское и Рогожское кладбища, запрещено раскольниковъ принимать въ купцы и т. д. Одинъ знакомый нашъ раскольникъ, купецъ, сказалъ: „мы подождемъ, да и рѣшимся на что-нибудь!“ Служеніе молоху, какъ выражаются нѣкоторые, перешло всякую мѣру; душегубство есть единственная цѣль нашего правительства. Всякая мысль, всякое живое движеніе преслѣдуется, какъ преступленіе; самая законная, самая умѣренная жалоба считается за бунтъ и наказывается.

Вечеромъ мы читали „Записки театрала“ Жихарева, вызванныя воспоминаніями отесеньки объ Шушеринѣ [1]) и т. д. Явно, что въ немъ есть какое-то злое намѣреніе противорѣчить отесенькѣ. Онъ и начинаетъ съ того, но въ результатѣ выходитъ, что онъ самъ то же самое говоритъ. Подробныхъ свѣдѣній много, предметъ могъ бы быть очень занимателенъ, но, какъ сказали въ „Современникѣ“, Жихаревъ не возбуждаетъ никакого сочувствія къ тому, что пишетъ.

За чаемъ и послѣ него мы долго разговаривали съ Иваномъ, или—лучше—онъ намъ разсказывалъ о Малороссіи много интересныхъ, умныхъ замѣчаній.

20 ноября. Все еще продолжаются разные разговоры; сегодня утромъ читалъ Иванъ малороссійскія пѣсни. Прелесть, какъ хороши нѣкоторыя! Иванъ говоритъ о томъ, что онъ по своимъ дѣламъ службы часто

---

[1]) Статья С. Т. Аксакова „Я. Е. Шушеринъ“ была напечатана въ „Москвитянинѣ“ (1854 №№ 10, 11) и вызвала нѣкоторыя опроверженія въ „Воспоминаніяхъ стараго театрала“ С. И. Жихарева. (Отеч. Зап. 1854, окт.). По поводу ихъ С. Т. напечаталъ въ „Москвитянинѣ“ возраженіе на „Нѣсколько словъ о статьѣ Жихарева“.

сталкивается съ людьми разнаго образованія, или вовсе безъ образованія, находящихся на гораздо низшей ступени всякаго развитія; что именно этихъ людей надобно спасать отъ тьмы, ихъ постепенно поглощающей; часто они сами толкуютъ и не знаютъ, какъ спастись. Упрекалъ слегка насъ, особенно, Константина, что онъ слишкомъ исключителенъ и готовъ осудить человѣка, если онъ хвалитъ Петербургъ и т. д. Я ему нѣсколько возражала: что касается до насъ, это несправедливо. Потомъ мы читали критику на „Опытъ біографіи Гоголя“ [1]).

21 ноября. Мы были у обѣдни, пріѣхали во время покрыванья, т. е. обряда полупострига; Шаб., молодая хорошенькая дѣвушка, съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣла на этотъ обрядъ: она сама хочетъ вступить въ монастырь, неизвѣстно—вслѣдствіе какихъ причинъ. Послѣ обряда она сказала съ радостнымъ лицомъ: „кончилось обрученье“. Кто знаетъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ коснулась души ея та простая истинная любовь къ Богу, предъ которой блѣднѣютъ всѣ блага жизни. Такая любовь, такое стремленіе по настоящему весьма естественны въ человѣкѣ и только испорченность нашей природы, искаженіе нашего разумѣнія дѣлаютъ ихъ рѣдкими и странными для насъ явленіями. За обѣдней пріобщались—игуменья, ея дочь Еллинская и внучка Шаб. и почти всѣ монахини. Видъ столькихъ женщинъ, хотя, конечно, грѣшныхъ, но все-же посвятившихъ себя Богу и пріобщающихся Ему въ эту минуту, производилъ особенное впечатлѣніе. Мы простились послѣ обѣдни съ Еллинской, которая должна скоро ѣхать; воротились домой уже въ часъ. Маменька съ сестрами воротились часа въ три, привезли газеты и два письма отъ А. Погодиной [2]) и отъ Княжевича [3]). Новостей особенно никакихъ. Данненбергъ отставленъ. Къ обѣду пріѣхалъ священникъ съ женой, послѣ обѣда читали кое-что, начали читать объ Суворовѣ.

22 ноября. Въ понедѣльникъ писали письма, вечеромъ продолжали читать о Суворовѣ.

23, вторникъ. Не ожидали писемъ, однако-жъ получили письмо отъ Погодина, только что возвратившагося изъ Петербурга. Онъ очень доволенъ своей поѣздкой, пріемомъ великихъ князей и, вообще, настроеніемъ духа въ Петербургѣ.

Чуть ли онъ не ошибается въ послѣднемъ. Можетъ быть, нѣкоторые

---

[1]) Написанный П. А. Кулишемъ „Опытъ біографіи Гоголя“ появился въ 1854 году въ „Современникѣ“. Тамъ же была напечатана и статья Лонгинова по поводу „Опыта“ Кулиша. О ней-то, по всей вѣроятности, и идетъ тутъ рѣчь.

[2]) Дочь историка М. П. Погодина.

[3]) Д. М. Княжевичъ, бывшій къ это время одесскимъ попечителемъ, былъ старымъ и вѣрнымъ другомъ С. Т.

и прикинулись при немъ руссофилами [1]). Погодинъ хочетъ самъ заняться „Московитяниномъ“ и зоветъ всѣхъ къ содѣйствію. Письмо отъ Гильфердинга [2]) также сообщаетъ довольно пріятное извѣстіе объ отраженіи непріятельскихъ кораблей отъ крѣпости Петропавловской въ Камчаркѣ. Гильфердингъ собирается къ Новому году въ Москву и къ намъ. Погодинъ получилъ, какъ видно, порученіе написать для Норова,—министра просвѣщенія, о состояніи просвѣщенія, учебныхъ заведеній и т. д. — тема обширная. Какъ-то онъ ею воспользуется! Конечно, она будетъ безъ результата въ министерствѣ, но хорошо по крайней мѣрѣ, что будетъ написано и пойдетъ по рукамъ, какъ и его политическія письма, которыя пріобрѣли ему *народность* [3]) и, вообще, уваженіе. Вечеромъ мы читали „Записки Студента“ [4]). Очень интересно и живо написано, видно что это въ самомъ дѣлѣ записано въ самую минуту событій этого времени.

24 ноября. Утромъ читала *N. Повѣсть о Малороссійскомъ Народѣ* [5]). Сильно. Возбудительная вещь. Все, каждое слово проникнуто однимъ духомъ! А между тѣмъ нельзя не видѣть всѣхъ винъ самой Малороссіи, которыя неизбѣжно влекли ее къ гибели. Послѣ обѣда, часу въ 8-мъ уѣхалъ Иванъ въ Москву. Читали Марьетъ и потомъ какую-то повѣсть въ „Москвитянинѣ“, въ перемежку „Journal de Francfort“.— Ноты Несельроде выше всякаго вѣроятія. Какъ писать къ Пруссіи, что одну изъ нотъ съ Австріей, мы писали sous la dictée de la Prusse!

25. Четвергъ. Газеты привезены рано и 2 письма, одно отъ М. Карташевской, другое отъ Трушковскаго [6]). Карташевскіе собираются къ намъ, можетъ быть даже скоро. Отъ Коли [7]) изъ Севастополя получили они грустное письмо, не видятъ конца этому положенію. Балаклава вслѣдствіе укрѣпленій непріятельскихъ сдѣлалась вторымъ Севастополемъ. Говорятъ, на мѣсто Данненберга Липранди: этимъ всѣ довольны. Липранди до сихъ поръ отличался храбростью и отважностью. Послѣ бурной погоды въ Крыму настало іюньское тепло. Гильфердингъ пишетъ, что по послѣднимъ

---

[1]) Въ отвѣтъ на письмо Погодина С. Т. Аксаковъ писалъ: „Вы что-то слишкомъ хвалите Петербургъ: ужъ не подольстился-ли онъ къ вамъ змѣемъ искусителемъ“. Барсуковъ. „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. XIII, стр. 175.

[2]) Гильдерфингъ, Александръ Өеодоровичъ, извѣстный славистъ, воспитавшійся въ славянофильскихъ кружкахъ, окончилъ курсъ въ Моск. Унив. въ 1852 году. Отецъ его Өед. Иванов. служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ.

[3]) В. С. Аксакова слово народность пишетъ вмѣсто слова популярность.

[4]) Воспоминанія С. И. Жихарева, печатавшіяся въ „Москвитянинѣ“ 1854 года.

[5]) Произведеніе П. А. Кулиша.

[6]) Трушковскій—племянникъ Гоголя и издатель его сочиненій.

[7]) Сынъ Н. Т. Карташевской, бывшій на войнѣ въ Крыму.

извѣстіямъ изъ Крыма, тамъ ничего не происходило важнаго. Всѣ удивляются, зачѣмъ такая бездѣятельность съ нашей стороны; враги наши мало стрѣляютъ, но укрѣпляютъ себя со всѣхъ сторонъ укрѣпленіями. Противъ Меньшикова сильная партія въ Петербургѣ.—Онъ могъ ошибаться, дѣлать промахи, но онъ благонамѣренъ по крайней мѣрѣ, тогда какъ того же нельзя сказать о тѣхъ, кто распоряжается въ Петербургѣ. Жаль, что Меньшиковъ не любимъ, какъ говорятъ въ войскѣ, именно потому, что непривѣтливъ: осматривая войска, проѣзжая мимо ихъ, онъ ни слова не обращаетъ къ нимъ и онѣ этимъ обижаются. Трушковскій сообщаетъ слухъ о взятіи Балаклавы, но это вздоръ. Трушковскій ѣдетъ въ Петербургъ, а на праздникахъ къ намъ. Ему совѣтуютъ искать мѣста въ главной квартирѣ. Съ его знаніемъ турецкаго языка, то вѣроятно возможно.

26 ноября. Сегодня получено одно письмо отъ Казначеева[1]). Вѣсти имъ сообщаемыя уже всѣ намъ извѣстны, другія-же весьма сомнительны, будто Англія и Франція желаютъ миръ. Его желаетъ можетъ быть Австрія и всѣ въ страхѣ, чтобъ Государь не заключилъ съ ней мира.—Въ газетахъ новаго ничего. Подробности изъ „Морскаго Сборника" о гибели непріятельскихъ судовъ 35 транспортныхъ и 6 большихъ кораблей...

Утѣшительно читать въ газетахъ распоряженія великаго Князя Константина Николаевича на счетъ морскихъ раненыхъ, его попеченія о нихъ и т. д. Вообще, въ этомъ маленькомъ уголкѣ правленія начинается реакція. Константинъ Николаевичъ призываетъ всѣхъ къ дѣятельности, даетъ мѣсто мысли, знанію, возбуждаетъ общее участіе къ общему дѣлу, сообщаетъ все, что можетъ, во всеуслышанье всѣмъ, для общаго содѣйствія и т. д.

Маменька говѣетъ и проводитъ сегодня день и ночь въ Хотьковѣ. Сегодня день рожденія Любы. За обѣдомъ мы поздравили другъ друга и пожелали уничтоженія нѣмецкой партіи въ Россіи.—Спѣшимъ читать иностранныя газеты, Путята[2]) прислалъ намъ ихъ такъ много за разъ. Въ Московскихъ газетахъ напечатано объясненіе въ нѣскольких рѣзкихъ словахъ гр. Ростопчина о томъ, что онъ ни Погодину, ни Тихонравову не давалъ права печатать письма его отца (извѣстнаго гр. Ѳ. В.), что онъ сообщилъ ихъ имъ только для справокъ, а между тѣмъ Погодинъ напечаталъ, что помѣститъ ихъ всѣ въ „Москвитянинѣ", а Тихонравовъ уже помѣстилъ ихъ въ „Отечественныхъ Запискахъ", и не смотря на его несогласіе, еще напечаталъ статью о томъ же (но этой статьи нѣтъ въ

---

[1]) Давній пріятель Сергѣя Тимофеевича Алдр. Ив. Казначеевъ (1788—1880), умершій сенаторомъ въ чинѣ д. с. с., въ 1848 былъ назначенъ одесскимъ градоначальникомъ, а въ февралѣ 1854 года сенаторомъ.

[2]) Ник. Вас. Путята (1802—1878), писатель.

„Отечественныхъ Запискахъ“, вѣрно она была остановлена). Изъ всего этого вышла довольно грязная площадная сцена. Погодинъ, самымъ оскорбительнымъ образомъ, съ обидными намеками, за то, что онъ напечаталъ эти письма въ журналѣ, напалъ на Тихонравова, который, въ свою очередь, отвѣчалъ самымъ оскорбительнымъ образомъ. Погодину вѣрно очень непріятны такія обвиненія, особенно въ минуту его славы, народности, общаго уваженія возбужденнаго его письмами[1]).

27 ноября. Мы сидѣли вечеромъ за чтеніемъ иностранныхъ журналовъ, когда къ общему нашему удивленію возвѣстили намъ Гилярова. Первымъ его словомъ къ маменькѣ было: „я надѣюсь, что вы не откажетесь быть крестной матерью моего сына“. Что было дѣлать: отказаться совѣстно, а принять приглашеніе не очень пріятно; лишніе расходы и сверхъ того какая-то связь, какія то обязательства налагаются, которыя иногда бываютъ очень не кстати. Жена-же у него всегда больная и прихотливая, отказъ могъ бы ее такъ огорчить, что она разнемоглась бы еще болѣе: нечего дѣлать, маменька согласилась и въ понедѣльникъ назначено крещеніе.

Гиляровъ много разсказывалъ любопытныхъ подробностей о Филаретѣ; онъ хочетъ записать эту замѣчательную личность, возбуждающую негодованіе въ душѣ каждаго подчиненнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ порабощающую всѣхъ своимъ вліяніемъ.

28 ноября. Получили письма отъ К. И. Елагиной, изъ Москвы отъ Ивана,—онъ остается до вторника по дѣламъ, отъ Новаковича[2]) изъ Берлина, отъ Трутовскаго[3]). Въ газетахъ извѣстій изъ Крыма нѣтъ, и до сихъ поръ еще не напечатано извѣстіе о Петропавловскѣ. За то помѣщена статья изъ „Journal de St. Petersbourg“, доказывающая, что слухъ о принятіи нами 4-хъ условій долженъ быть справедливъ. Этого позора еще недоставало. Мы заботимся объ Австріи, конечно, столько, сколько и она, и боимся сами не менѣе ея средствъ, находящихся въ нашихъ рукахъ для ея гибели.—Конечно, нельзя повѣрить, чтобы намъ была страшна война съ нею: вся почти Австрія состоитъ изъ племенъ, готовыхъ быть намъ союзниками, и стоитъ только объявить намъ походъ на Вѣну, чтобы венгры, славяне отдѣлились отъ нея и итальянцы съ своей стороны! Чего же мы боимся? мы—т. е. правительство, боимся разрушенія стараго порядка вещей. Наше правительство все живетъ нѣмецкими началами, нѣмецкой политикой; чувствуетъ нераздѣльнымъ сродство свое со всей системой Австріи, и Не-

[1]) Исторія, возгорѣвшаяся по поводу изданныхъ въ статьѣ Н. С. Тихонравова писемъ („Гр. Ѳ. В. Растопчинъ и русская литература въ 1812 году“. От. Зап. 1854), изложена подробно Барсуковымъ въ „Жизни Погодина“, т. XIII, стр. 261—267.

[2]) Стоянъ Новаковичъ—извѣстный сербскій писатель и дѣятель.

[3]) Конст. Алекс.—художникъ жанристъ (1826—1893).

сельроде дѣйствуетъ очень сознательно. Онъ недаромъ сказалъ, что правительство наше, будучи самодержавное, не можетъ не поддерживать самодержавныхъ государствъ, а что поддерживать славянъ, это значитъ поддерживать демагогическое начало, что опора нашего правительства есть Австрія, и прибавляетъ, что онъ не можетъ нести отвѣтственности за дѣла нашего министерства, потому что у насъ въ самодержавномъ государствѣ рѣшаетъ самъ Государь. А кто имѣетъ вліяніе на Государя какъ не онъ! Кто его сбиваетъ, пугаетъ такого рода словами: *демагогическое начало* и тому подобное! Даже въ иностранныхъ газетахъ говорятъ о томъ, какъ Государь самъ сдѣлалъ прибавленіе къ нотѣ Несельроде отъ 18-го октября, которое придало ей силу и т. д.—Это видно, что у Государя съ Несельроде идетъ борьба, и конечно доказываетъ безхарактерность перваго, которою послѣдній очень ловко пользуется. Положеніе наше совершенно отчаянное: не внѣшніе враги намъ страшны, но внутреніе. Наше правительство, дѣйствующее враждебно противъ народа, парализующее его силы духовныя, приносящее въ жертву своихъ личныхъ выгодъ его душевныя стремленія, его силы, его кровь—что еще болѣе приводитъ въ отчаяніе—это наше собственное нравственное безсиліе. Обыкновенно человѣка, уже негодующаго на беззаконныя поступки, всякое новое противозаконное дѣйствіе, нарушеніе правъ и т. д. должно возмущать все болѣе и болѣе, но мы напротивъ, съ каждымъ новымъ деспотическимъ беззаконнымъ поступкомъ, оскорбленіемъ всего народа и т. д., мы теряемъ силу и способность негодовать. Мы недовольны, мы огорчены, но мы парализованы нравственно и неспособны ни на какое изъявленіе нашего негодованія, общественнаго горя. Мы впадаемъ тотчасъ въ отчаянное уныніе, теряемъ вѣру въ силу духа и, очень можетъ быть, пропускаемъ случай—я не говорю—противоборствовать, но, по крайней мѣрѣ, высказать свое мнѣніе дружно и сильно, такъ чтобы невольно заставить его уважать. Можетъ быть, конечно, это безсиліе происходитъ отъ того, какъ справедливо думаютъ, что мы оторваны отъ народа, что до народа и не доходятъ причины нашего негодованія, онъ не знаетъ и не принимаетъ участія въ дѣйствіяхъ нашего правительства. Народъ было увлекся, предался восторгу въ началѣ войны, когда слова: „за вѣру православную, за единовѣрныхъ братьевъ“ коснулись до его слуха. Но этотъ восторгъ даже возбудилъ подобныя этому выраженія: „cet enthousiasme nous embête nous en avons trop“ и т. д. и этотъ восторгъ обкатили холодной водой съ самымъ оскорбительнымъ пренебреженіемъ къ выразившемуся въ немъ стремленію, желанію народа; оттолкнутый, такимъ образомъ, впалъ въ прежнее свое унылое положеніе, а безъ народа какая можетъ быть сила въ отдѣльныхъ лицахъ и даже сословіяхъ? Но долго ли можетъ существовать правительство, дѣйствующее враждеб-

нымъ образомъ противъ своего народа, слѣдующее системѣ совершенно противоестественной, это рѣшить трудно, но не можетъ оно существовать всегда на такихъ противуестественныхъ основахъ. Это можно сказать, кажется, навѣрно. И не дай Богъ, чтобъ переворотъ совершился насильственно! Дай Богъ, чтобы правительство само поняло и само себя преобразовало, В. К. Константинъ Николаевичъ понялъ это и уже началъ преобразованіе въ своемъ кругу дѣйствій, но, какъ Константинъ справедливо замѣчаетъ, это то самое разногласіе въ самомъ правительствѣ и является причиной раздора.

Письмо отъ Новаковича оставило пріятное впечатлѣніе. Какой добродушный славянинъ! онъ проситъ помолиться за него у Преп. Сергія. Надобно непремѣнно исполнить его просьбу.

6 декабря, понедѣльникъ. Я не писала цѣлую недѣлю, было некогда, а писать поздно не хотѣла, а между тѣмъ много интереснаго, если не произошло, то было прочтено у насъ въ это время. Во вторникъ 30 ноября воротился Иванъ, привезъ нерадостныя вѣсти изъ Москвы, слухи о мирѣ подтвердились. Государь въ крайнемъ разстройствѣ, даже въ истерикѣ, Несельроде и прусскій посланникъ одни только допускаются. Константинъ Николаевичъ сказалъ Погодину, что наслѣдникъ теперь одного съ нимъ мнѣнія т. е. желаетъ войны, а между тѣмъ мы принимаемъ 4 постыдныхъ условія. Погодина просили многіе министры написать его взглядъ на предметы ихъ управленія. Положимъ, онъ напишетъ и хорошо, но развѣ будетъ отъ того какая нибудь польза? Всѣ глубоко огорчаются, но, мнѣ кажется, негодованіе общее утомилось. Маменька этотъ день ѣздила крестить къ Гилярову, возвратилась только къ обѣду. Гиляровъ показался маменькѣ очень жалокъ въ домашнихъ хлопотахъ съ больной женой, всегда довольно прихотливой и требовательной. Вечеромъ, уже въ 11-мъ часу, намъ сказали: „пріѣхалъ Кулишъ“ [1]). Мы ожидали его съ женой, но не такъ скоро; вышли къ нему на встрѣчу. Но онъ пріѣхалъ одинъ, жену оставилъ въ Малороссіи, за дурными дорогами. Маменька, не ожидавшая съ удовольствіемъ посѣщенія его жены, какъ женщины вовсе незнакомой, была довольна, что онъ пріѣхалъ одинъ. Наденька жалѣла, потому что желала видѣть малороссіянку и слышать малороссійскія пѣсни.

Вотъ уже другая недѣля, какъ живетъ у насъ Кулишъ. На другой день его пріѣзда т. е. въ середу, провели въ разговорахъ, а съ четверга назначили по утрамъ до обѣда занятія, а по вечерамъ разговоры, или чтенія. Такъ и исполняли. Три вечера сряду читалъ намъ Кулишъ исто-

---

[1]) П. А. Кулишъ собиралъ въ это время матеріалы для второго изданія своего „Опыта о Гоголѣ“, которое и появилось въ 1856 году подъ заглавіемъ „Записки о жизни Гоголя“.

рическій малороссійскій свой романъ: *„Черная Рада“*. Кромѣ нѣсколькихъ весьма лишнихъ и извѣстныхъ разсужденій о любви, нѣсколькихъ вовсе ненужныхъ сравненій и отчасти довольно устарѣлыхъ формъ романа, романъ этотъ чрезвычайно интересенъ и замѣчателенъ. Историческія событія передаются живо, въ полнотѣ всѣхъ обстановокъ, значенія Казачества, Запорожья: характеры запорожцевъ выставлены живо, вѣрно, языкъ удивительно простъ, живъ и передаетъ весь духъ малороссійской рѣчи. Нѣкоторые отдѣльные характеры прекрасны. Кулишу слѣдовало бы написать цѣлый рядъ историческихъ романовъ малороссійскихъ и это было-бы настоящее дѣло, но онъ говоритъ, что не достанетъ силъ нравственныхъ, что съ мыслею о невозможности печатать, теряетъ силы нужныя для такого труда. Между тѣмъ, по утрамъ онъ занимался чтеніемъ писемъ Гоголя къ отесенькѣ и [1]) (пространныхъ) отесенькиныхъ записокъ о Гоголѣ. Прочтя „Раду“, Кулишъ приступилъ къ чтенію своихъ записокъ о Гоголѣ т. е. своего опыта біографіи, но втрое обогатившагося послѣ напечатанія въ журналѣ, драгоцѣннѣйшими свѣдѣньями о Гоголѣ и его письмами. О впечатлѣніи этого чтенія не буду говорить покуда, оно даже слишкомъ подавляетъ душу. О Кулишѣ также поговорю въ другое время.

Въ понедѣльникъ изъ Москвы получено письмо отъ Томашевскаго крайне горестнаго содержанія. Мы приняли 4 постыдныхъ условія и въ то время, когда наши враги сами объявляютъ, что имъ приходится очень плохо подъ Севастополемъ, вѣроятно мы и поспѣшили для того, чтобы вывести ихъ изъ этого затруднительнаго положенія; ну какъ-же не сказать, что у насъ въ министерствѣ австрійскій агентъ дѣйствуетъ. Нессельроде и въ прежнихъ своихъ нотахъ словами, что не могли мы принять этихъ условій *quant à la forme*, намекалъ ясно, что мы ихъ примемъ въ другомъ случаѣ; вотъ и приняли, а между тѣмъ Австрія заключаетъ въ тоже время союзъ съ Англіей и Франціей, говоря, что этотъ союзъ для миролюбивыхъ цѣлей; т. е. чтобы насъ унизить и обезсилить, враги наши считаютъ тогда только миръ возможнымъ. Какъ мы ни стараемся сами объ этомъ, но еще успѣли; униженіе страшное только на дипломатическихъ бумагахъ, этого для нихъ мало, и вся наша надежда на нихъ, что они всетаки не согласятся на миръ, не смотря на то, что мы приняли эти постыдныя условія. Они потребуютъ, вѣроятно, того, на что уже не будетъ никакой возможности согласиться... Впрочемъ, почему же и нѣтъ! послѣ всего того, что было, развѣ мы не должны ожидать, что завтра же велятъ срыть Севастополь и сжечь нашъ флотъ? Отъ нашего прави-

---

[1]) Цѣликомъ эти пространныя записки были напечатаны только въ 1890 году въ „Русск. Арх.“ (6-ая октябрьская книга).

тельства всего станется. Страшно то, что мы какъ-то обтерпѣлись и насъ уже не такъ волнуютъ, не поражаютъ такіе поступки нашего правительства. Что-то будетъ! Видно еще далеко не переполнилась чаша испытанія русскаго народа, еще не довольно сильны бѣдствія и униженія для того, чтобъ заставить его говорить, а наше общество чувствуетъ себя такъ безсильно, что не способно ни на какое единодушное движеніе. Что-то будетъ съ русской землей? Страшно будущее!.. Впрочемъ, кто знаетъ, можетъ быть, все это кончится позорною пошлостью для насъ. Стоитъ имъ только согласиться на этихъ условіяхъ съ нами и тогда позоръ намъ никогда не смоется. Впрочемъ, онъ падаетъ на одно правительство. Неужели такъ разыграется эта страшная драма, которая подняла столько міровыхъ вопросовъ, развязка которой терялась вдали? Значеніе и будущность всего человѣчества и каждаго племени въ особенности, зависѣло кажется, отъ ея окончанія и вѣнцомъ всего должно было-быть торжество вѣры Христовой, и именно—Православія. Неужели все это показалось на минуту для того, чтобы скрыться опять на неопредѣленное время? Неисповѣдимы пути Божіи, не человѣку разрѣшить ихъ; да не отыметъ Богъ святыхъ судебъ своихъ отъ насъ, за грѣхи наши! Кстати (особенно теперь) стихи Хомякова, покаяніе, очищеніе, смиреніе и молитва, вотъ что должно было предшествовать святому подвигу, вотъ почему, конечно, мы не допускаемся какъ будто до него.

Два дня мы читали записки о Гоголѣ по вечерамъ, а потомъ два дня и утро и вечеръ. Впечатлѣніе этого чтенія трудно передать, оно подавляло душу. Слова Гоголя подымаютъ со дна всѣ силы душевныя, всѣ ея забытыя прекрасныя потребности и стремленія, поднимаютъ вопросы давно забытые, тревожатъ ее, расширяютъ ея миръ и трудно совладать со всей этой проснувшейся жизнею. Къ тому же воспоминаніе о немъ самомъ, о томъ голосѣ, который изустно раздавался между нами, и котораго не услышимъ больше, о той силѣ жизни генія, о той неистощимой любви ко всѣмъ и къ каждому, которая не давала ему покоя. Письма его преисполнены этой любовью. Какая нѣжная предупредительная попечительность! Какая свѣжесть, какая полнота прекрасной жизни въ его молодыхъ письмахъ. Какіе драгоцѣнные отрывки нашелъ Кулишъ. Душа перешла черезъ столько впечатлѣній при этомъ чтеніи. Дѣлали нѣкоторыя замѣтки, онъ принималъ охотно совѣты, даваемые ему. Странный человѣкъ, способный такъ вѣрно, такъ тонко видѣть и судить, и столько-же способный впасть въ ошибку, а главное попасть въ фальшивую ноту! Чаще же всего онъ употребляетъ какія то фигуральныя, цвѣтистыя выраженія, въ родѣ: литературная мантія и т. д. и это очень мѣшаетъ его, мѣстами чрезвычайно вѣрнымъ и даже глубокимъ замѣчаніямъ, всегда полнымъ искренней любви и даже

благоговѣнія къ Гоголю. Кулишъ, человѣкъ очень умный, наблюдательный, но какая-то странная путаница въ его понятіяхъ о чувствахъ любви поразила насъ прежде всего въ повѣстяхъ, и теперь также въ романѣ его „Черная Рада", а особенно въ одной его повѣсти, которую онъ намъ было началъ читать, но не могъ продолжать. Онъ самъ почувствовалъ ея недостатки, ея фальшивый тонъ болѣе, нежели мы могли ему это высказать. Вскочилъ со стула и сказалъ: „нѣтъ я не могу продолжать, я самъ почувствовалъ, какъ это дурно, фальшиво. Вотъ что значитъ читать вслухъ въ большомъ обществѣ, въ присутствіи людей, недовольно знакомыхъ!"

Въ пятницу мы кончили читать записки о Гоголѣ. Боже мой какъ онъ страдалъ, какіе страшные душевные подвиги, какое неутомимое неослабное, ежеминутное стремленіе къ Богу, къ совершенству, не постижимое тоже для насъ, обыкновенныхъ людей! Это — святой человѣкъ, и всѣ его ошибки и умственныя заблужденія развѣ не происходили изъ тѣхъ же прекрасныхъ источниковъ, и какъ мало, лишь немногіе знали его, но Богъ ему награда!

Въ субботу 11 ноября, утромъ воротился Иванъ изъ Москвы. (Онъ уѣхалъ въ середу вечеромъ). Политическія извѣстія все хуже и хуже. Говорятъ, мы на все готовы согласиться; говорятъ, будто-бы государь сказалъ: „Я не только приму 4 пункта, я приму 44 пункта". Несельроде ѣдетъ въ Вѣну. Можно себѣ представить, что будетъ на тайныхъ совѣщаніяхъ, когда и открытыя таковы! Но враги всетаки не дадутъ намъ мира. Австрія присоединилась къ Англіи и Франціи, а Пруссія и Германія къ Австріи. Государыня, говорятъ, больна, Великіе Князья проѣхали изъ Севастополя въ Петербургъ. Пусть будутъ они всѣ здоровы и счастливы, да только не губили-бы насъ, Россію! Несельроде въ своей депешѣ къ Пруссіи пишетъ: „pour éviter à l'Allemagne les malheurs de la guerre l'Empereur de Russie est prêtà accepter les 4 bases de la paix" и т. д. Не ругательство ли это надъ Россіей. Иванъ привезъ намъ „Journal de Francfort".

Наканунѣ пріѣзда Ивана мы кончили чтеніе записокъ о Гоголѣ. Кулишъ какъ-то былъ довольнѣе, свободнѣе; онъ очень работалъ по утрамъ, списывая изъ черновыхъ бумагъ Гоголя, находящихся у насъ (Альфредъ, отрывокъ изъ драмы). Это ему стоило много труда, написано оно чрезвычайно тѣсно и слѣпо. Онъ перебиралъ всѣ бумаги и книги Гоголя, разобралъ кое-что новое, небольшіе отрывки, часто состоящіе изъ нѣсколькихъ только словъ, но и въ нихъ видны слѣды его генія. Каждый вечеръ послѣ чаю, Кулишъ училъ Наденьку пѣть малороссійскія пѣсни, а самъ учился пѣть славянскія и другія. Въ немъ много учительскихъ пріемовъ и какой-то старинный методизмъ въ выраженіяхъ, въ пріемахъ и даже мысляхъ, а

между тѣмъ, слышна подъ этимъ страстная натура, которая впрочемъ, какъ кажется, побѣждается довольно сильнымъ характеромъ, но странныя у него понятія, особенно о нѣкоторыхъ предметахъ. Мнѣ кажется, это какъ будто слѣды впечатлѣній Жанъ Жака Руссо, о которомъ онъ и теперь говоритъ съ такимъ восхищеніемъ. Странно, какъ же онъ могъ понять такъ истинно, такъ глубоко Гоголя, чисто духовнаго человѣка, и съ такой любовью, съ такимъ благоговѣніемъ предаться ему! Въ пятницу, особенно вечеромъ, всѣ какъ то были очень разговорчивы, но поутру въ субботу пріѣхалъ Иванъ, привезъ столько непріятныхъ вѣстей, которыя всѣхъ смутили.

Кулиша же просилъ Иванъ нанять лошадей такъ, чтобы Константинъ могъ съ тѣми же лошадьми возвратиться въ Москву. Иванъ такъ и сдѣлалъ, но когда сказалъ о томъ Кулишу, тотъ сказалъ: что не думалъ ѣхать такъ скоро, что у него еще есть дѣло, что неужели уже суббота и т. д. Братья, разумѣется, сами уговаривали его не спѣшить и остаться у насъ. Извозчикъ былъ отпущенъ, а между тѣмъ, вдругъ, послѣ завтрака Кулишъ объявилъ, что онъ все кончилъ и что собирается на другой день ѣхать. Константинъ уговаривалъ его отложить отъѣздъ, но онъ не согласился. Что было причиной такого его измѣненія своего намѣренія и быстраго рѣшенія—не знаемъ, но, кажется, это не безъ причины; можетъ быть, такъ какъ онъ человѣкъ весьма щекотливый, ему показалось, что онъ уже слишкомъ долго у насъ зажился, что мы нѣсколько тяготимся его пребываніемъ, желаемъ его отъѣзда, но только изъ учтивости его уговариваемъ. Онъ былъ какъ то смущенъ и какъ будто разстроенъ весь этотъ день, вечеромъ прочелъ намъ письма Гоголя, которыя не вошли въ біографію. Мы просили его показать намъ 2 главы „Мертвыхъ Душъ“ втораго тома. Я и Константинъ прочли первую, намъ столько памятную, ее читалъ намъ самъ Гоголь; ничто такъ живо не напоминало намъ Гоголя. Казалось, онъ былъ тутъ, казалось, мы слышали его голосъ. Хотя эта глава далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ намъ ее читалъ, но и въ этомъ она такъ прекрасна, что снова произвела на насъ то же впечатлѣніе, впечатлѣніе, которое только Гоголь производитъ; какъ живо почувствовали, чего мы лишились, чего лишился весь міръ, въ комъ отразится онъ такъ, кто его такъ сознаетъ и передастъ! Прежде намъ не хотѣлось, намъ было больно и взглянуть на эти оставшіяся черновыя страницы, но теперь такъ захотѣлось ихъ имѣть!

Послѣ чаю Кулишъ предложилъ Наденькѣ читать по малороссійски и подарилъ ей свою тетрадку выписокъ изъ малороссійскихъ пѣсенъ, потомъ пѣлись малороссійскія и славянскія пѣсни, но немного, и скоро всѣ разошлись. — Въ воскресенье все утро Кулишъ работалъ до завтрака, списы-

валъ разныя письма, стихи. — Послѣ завтрака онъ сейчасъ-же собрался, видно было что онъ взволнованъ нѣсколько. Простился онъ со всѣми съ искреннимъ чувствомъ, онъ былъ сильно тронутъ и благодарилъ за участіе къ нему, всѣ простились съ нимъ самымъ дружескимъ чувствомъ и пожелали ему отъ души добраго успѣха его труду.

Онъ сказалъ, что на возвратномъ пути изъ Петербурга заѣдетъ къ намъ, если что нибудь необыкновенное его не задержитъ. Мнѣ кажется, что онъ не думаетъ заѣхать... Можетъ быть впрочемъ... я ошибалась.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Кулиша собрался и Иванъ. Онъ переѣхалъ къ Тройцѣ, чтобъ тамъ заняться своимъ отчетомъ.

Вторникъ 21 декабря. На прошедшей недѣлѣ не было ничего замѣчательнаго.

Послѣ отъѣзда Кулиша и Ивана, мы, т. е. сестры принялись за работу для церкви въ дальнюю деревню и только въ недѣлю окончили ее. Отесенька и Константинъ занялись своими занятіями, а маменька говѣла. По вечерамъ чтенія намъ были вовсе не занимательныя. Журналы невыносимо пошлы и скучны; повѣсти въ нихъ до крайности дрянны, а журналистику рѣшительно нѣтъ силъ слушать: — до того все глупо, пошло, придирки ихъ другъ къ другу подлы до отвращенія! Особенно мы были избалованы недѣлю передъ этимъ, такимъ глубоко занимательнымъ для насъ чтеніемъ, какъ записки о Гоголѣ, его письма и т. д... — При такой бѣдности чтенія мы вздумали перечесть „Ульяну Терентьевну" Кулиша [1]) и она опять произвела на насъ тоже непріятное впечатлѣніе, а въ Константинѣ, который читалъ въ первый разъ, даже отвращеніе. — Странный этотъ человѣкъ Кулишъ, что за путаница у него въ головѣ разнородныхъ понятій, а въ душѣ разнородныхъ стремленій! Мнѣ кажется, это плодъ смѣшенія страстнаго малороссійскаго характера, съ вліяніемъ польской жизни и главное Ж. Ж. Руссо, про котораго онъ самъ сказалъ, что это былъ его лучшій другъ въ заточеніи. Онъ даже огорчился, что мы напали на безнравственность Руссо и пробовалъ его защищать. И самъ онъ вѣрно считалъ такого рода отношенія, какія выведены въ „Ульянѣ Терентьевнѣ" самыми чистыми и идеальными.

Вотъ зло такого взгляда, котораго, конечно, первоначальнымъ распространителемъ былъ Руссо, этотъ соблазнитель душъ, и который до нашего времени дѣйствуетъ такъ пагубно подъ именами Ж. Зандъ и т. п. Что за отвратительное смѣшеніе чувствъ, что за утонченная чувственность, которая проникаетъ во всѣ святыя чувства и отношенія между людьми; и что за нелѣпость выставить ребенка съ такими ощущеніями взрослаго! и т. д.—

[1]) „Исторія Ульяны Терентьевны"—повѣсть, напечатанная въ III-мъ томѣ „Повѣстей" П. А. Кулиша. (СПБ. 1860).

Надобно отдать справедливость Кулишу, что онъ способенъ почувствовать свою ошибку, заблужденіе, и почувствовавъ разъ, онъ, кажется, способенъ отъ нея отказаться; силы воли у него на то станетъ, но не скоро можетъ совершаться такое перерожденіе, иначе оно было бы не прочно.

Въ воскресенье 19 декабря удивлены мы были нежданнымъ манифестомъ въ газетахъ. Всѣ, особенно отесенька и Константинъ прочли его съ радостнымъ волненьемъ; они уже радовались тому, что событія, какъ кажется, противъ воли ведутъ наше правительство къ совершенію нашего долга, что отъ постыднаго мира избавятъ насъ сами наши враги, что событія сильнѣе человѣческой воли т. д. Но между тѣмъ, нельзя еще навѣрное сказать, чего предвѣстникомъ этотъ манифестъ — мира или войны. Онъ говоритъ о возможности и того и другого, — и вотъ почему простые люди въ недоумѣніи и не знаютъ, какъ его понять, — но замѣчательнѣе всего то, что въ манифестѣ какъ бы нарочно избѣгаются слова: за вѣру, за православныхъ братій. Ни одного изрѣченія изъ священныхъ книгъ, точно, какъ будто поднято другое знамя, какъ будто уже не существуетъ первоначальной причины этой войны; и конечно Государь торжественно въ офиціальной Нессельродовской нотѣ отказался уже отъ покровительства надъ православными христіанами на Востокѣ, покровительства, которое непрерывно поддерживали въ продолженіи стольких вѣковъ такъ ревностно всѣ цари русскіе и которое пріобрѣтено кровью русскихъ.—А теперь православный царь русскій предаетъ православіе и мучениковъ за него въ руки злѣйшихъ ихъ враговъ, католиковъ, которые и теперь уже объявили въ рѣчи архіерея Парижскаго, крестовый походъ на православіе. — Конечно, западныя правительства не стали бы тѣснить чуждое вѣроисповѣданіе изъ одного фанатизма, у нихъ для того слишкомъ много равнодушія къ вѣрѣ, но имъ необходимо истребить православіе, потому, что это главная, можетъ быть, единственная сильная связь милліоновъ православныхъ христіанъ съ православнымъ царствомъ русскимъ, связь, придающая намъ ужасающую ихъ силу. Духовенство же католическое для своихъ корыстныхъ цѣлей преобладанія черезъ вѣру, отчасти, можетъ быть, изъ фанатизма, не пропуститъ, конечно, такого случая и употребитъ всѣ средства допускаемыя іезуитствомъ для достиженія такой цѣли. Протестанты съ своей стороны наводнятъ несчастныя земли славянъ, училища, монастыри; лжеученіе, безвѣріе, всѣ соблазны запада, всевозможныя притѣсненія окружатъ нашихъ несчастныхъ братій и русскіе отдадутъ въ этомъ отвѣтъ Богу, но да не допуститъ Богъ до этого!—Я сама слышала, какъ говорилъ греческій митрополитъ, что *католики хуже для насъ турокъ*. — Турки убиваютъ тѣло, а католики душу.

Если Господь и не допуститъ до такого зла, то все же это фактъ

неизмѣнный, что русскій царь отказался отъ покровительства надъ православными братьями и предалъ ихъ въ руки католиковъ и протестантовъ. И какая это нота Нессельроде! О, эти ноты составятъ ему страшный памятникъ въ потомствѣ.—Всѣ эти постыдныя уступки мы дѣлаемъ для того, сказано въ нотѣ, чтобъ предупредить раздѣленіе въ германскихъ государствахъ. Въ ту минуту, когда Россія гибнетъ и кровь русская проливается, насъ пугаетъ только одно, что цѣлость Германіи будетъ нарушена, между тѣмъ какъ, это самое раздѣленіе было бы для насъ выгодно!!—что-то будетъ! Константинъ хочетъ предложить ополченіе въ Москвѣ и самъ хочетъ идти, но этого не долженъ онъ дѣлать.

Да и покуда Нессельроде управляетъ дѣлами, нельзя довѣрять правительству.

Вчера маменька пріобщалась у Тройцы и воротилась къ обѣду.

Послѣ же обѣда поѣхалъ Константинъ въ Москву, онъ написалъ письмо къ князю Оболенскому по поводу манифеста и еще статейку въ „Journal de Francfort“ по французски, врядъ ли она можетъ быть напечатана.

Сегодня, т. е. 21 декабря, получены письма отъ Кулиша изъ Петербурга, отъ Филиппова, одно изъ деревни и отъ Елены Антоновны В. Кулишъ начинаетъ свое письмо благодарностью, говоритъ, что пребываніе у насъ принесетъ ему душевную пользу. Обращаетъ ко всѣмъ какую то политическую фразу, хотя и искреннюю, (я въ этомъ увѣрена), но довольно странную. Между прочимъ, эта фраза, мнѣ кажется, подверждаетъ мою догадку, что онъ не имѣетъ намѣренія къ намъ пріѣхать. Онъ говоритъ, что каждый изъ насъ сдѣлалъ на него впечатлѣніе, которое только можетъ добрая душа желать произвесть на странника, съ которымъ никогда уже не встрѣтится и т. д. Онъ описываетъ оригинальное свое свиданіе съ А. О. Смирновой. — Я очень рада, что онъ будетъ читать ей біографію, она сдѣлаетъ вѣрныя ему замѣчанія.—Слова Кулиша, что Плетневъ расспрашивалъ его о насъ, о нашихъ ежедневныхъ занятіяхъ и т. д., представили намъ живо, какъ картинно и повѣствовательно, (эта его манера) разсказываетъ Кулишъ о насъ, и вообще сколько толковъ идутъ о насъ и большею частью, все кривыхъ. И мы не можемъ еще сами рѣшить, какой образъ приняли мы въ головѣ Кулиша. Большею частью, люди, самые жаркіе поклонники нашей *семьи*, или ее идеализируютъ до неестественности и даже до смѣшнаго, или доводятъ до такой крайности и до уродливости строгость нашего нравственнаго взгляда, или превозносятъ до такой степени наше общее образованіе, ученость даже, что или другіе могутъ счесть насъ за педантовъ или, по крайней мѣрѣ, такихъ исключительныхъ людей, къ которымъ простой, не слишкомъ образованный человѣкъ и

подойти не можетъ. Словомъ сказать, дѣлаютъ изъ нашей простой жизни, (которая слагается сама собою и часто изъ необходимости обстоятельствъ), что-то натянутое, неестественное, смѣшное и даже уродливое. Неужели такъ трудно понять простоту нашей жизни! Право, это даже часто непріятно; мы живемъ такъ потому, что намъ такъ живется, потому что иначе мы не можемъ жить, у насъ нѣтъ ничего заранѣе придуманнаго, никакого плана заранѣе расчитаннаго, мы не рисуемся сами передъ собой, въ нашей жизни, которая полна истинныхъ, дѣйствительныхъ страданій, лишеній, всякаго рода и многихъ душевныхъ невидимыхъ огорченій. Мы всѣ смотримъ на жизнь не мечтательно, жизнь для всѣхъ насъ имѣетъ строгое, важное значеніе, всѣмъ она является, какъ трудный подвигъ, въ которомъ человѣкъ не можетъ обойтись безъ помощи Бога.—Всякій добрый человѣкъ найдетъ въ насъ сочувствіе искреннее; и участіе добрыхъ людей намъ дорого, но мы не нуждаемся въ томъ пустомъ участіи, которое больше похоже на любопытство, и особенно непріятны эти толки о насъ отъ нечего дѣлать, отъ недостатка интересовъ въ самомъ обществѣ. Намъ не нужно этой извѣстности и никакой даже, мы, ея не добиваемся. Марихенъ справедливо и забавно говоритъ, что намъ пора воротиться въ городъ, потому что мы здѣсь находимся въ слишкомъ картинномъ удаленіи.

Иванъ пишетъ изъ Троицы, что туда пріѣхалъ австрійскій посланникъ князь Эстергази; и переводчикъ его говорилъ гостиничному монаху, что войны съ Австріей не будетъ.

Всего вѣроятнѣе, что онъ говорилъ это изъ опасенія непріятностей для посланника, еслибъ узнали о войнѣ, и также вѣроятно, что австрійскій посланникъ пріѣхалъ посмотрѣть Москву и Троицу предъ выѣздомъ изъ Россіи; впрочемъ, это все только вѣроятно, но недостовѣрно, и можетъ быть, скоро мы узнаемъ противное. По крайней мѣрѣ, по иностраннымъ газетамъ надобно скорѣе ожидать мира, потому что онѣ уже объявляютъ, что Императоръ Николай согласился на всѣ 4 уступки sans résèrve. — Оказалось, что это не посланникъ, а какой-то чиновникъ изъ посольства.

22 декабря. Сегодня маменька ѣздила въ Хотьково съ Марихенъ къ обѣднѣ. Тамъ ходитъ слухъ, будто Севастополь взятъ.

29 декабря. Опять некогда было писать.—23-го числа пріѣхалъ Константинъ изъ Москвы и привезъ Трушковскаго, который вчера въ ночь уѣхалъ, а сегодня къ обѣду пріѣхали Юрій и Андрей Оболенскіе [1]).

Въ это время новаго ничего особенно замѣчательнаго не случилось.

---

[1]) Братья Андрей и Юрій Вас. Оболенскіе—большіе пріятели Аксаковыхъ. Андр. Вас. былъ очень близокъ къ Ивану Серг. Аксакову и, будучи товарищемъ предсѣд. уголовн. суда въ Ярославлѣ въ нач. 50-хъ годовъ, вмѣстѣ съ Аксаковымъ работалъ въ комиссіи о бѣглыхъ, бродягахъ, пристанодержателяхъ.

Подъ Севастополемъ дѣла все въ томъ же положеніи. Въ дипломатіи также туго двигаются впередъ. Мы соглашаемся на четыре постыдные пункта; враги наши требуютъ большаго. Можетъ быть, правительство наше и еще уступитъ, потому что оно больше всего боится распаденія Австріи, въ которой видитъ подпору своимъ началамъ.

Въ Петербургѣ (всѣ говорятъ) такъ отвратительно занимаются пустяками—какой-то цитрой, которую ввелъ въ моду лакей баварскаго посланника; роскошь болѣе, нежели когда-нибудь; бранятъ государя, но все изъ какихъ то пустыхъ причинъ.—Въ Севастополѣ, говорятъ, ужасный безпорядокъ, почта не доходитъ до раненыхъ, управленіе въ ужасномъ видѣ, многіе обвиняютъ сильно Меньшикова, противъ него страшная кабала.

Трушковскій привозилъ намъ письма Гоголя къ Смирновой, и оставшіеся главы „Мертвыхъ Душъ," 2-го тома. Всѣ эти чтенія произвели сильное, глубокое впечатлѣніе на всѣхъ и возбудили много и много разговоровъ и толковъ, надъ многимъ заставили глубоко задуматься.

Гоголь, святой человѣкъ по своему стремленью. Онъ могъ ошибаться, какъ человѣкъ; могъ запутываться въ приложеніи къ житейскимъ обстоятельствамъ тѣхъ святыхъ истинъ, которымъ былъ преданъ всѣми силами души своей, но онъ возлюбилъ Бога всѣмъ умомъ своимъ, всей душой, всѣми помышленіями и ближняго, какъ самого себя, больше этого не требуется отъ человѣка. Какой святой подвигъ вся его жизнь! Теперь только, при чтеніи столькихъ писемъ къ столькимъ разнымъ лицамъ начинаемъ мы постигать всю задачу его жизни и всѣ его духовные внутренніе труды. Какая искренность въ каждомъ словѣ! И этого человѣка подозрѣвали въ неискренности! Прекрасны его слова къ Смирновой о Россіи, какъ замѣчательны онѣ теперь!—Онъ вѣрилъ въ свѣтлое будущее Россіи, но путь къ нему указывалъ въ настоящемъ.

Главы „Мертвыхъ душъ", особенно послѣднія, въ такомъ неоконченномъ видѣ, что скорѣе ихъ можно назвать замѣтками, которыя авторъ набрасываетъ для самого себя. Но все же, какія чудныя задачи и какія мѣста; одна первая глава довольно окончена, хотя тоже не въ томъ видѣ, какъ мы ее слышали отъ самого Гоголя. Отношенія его къ Смирновой самыя задушевныя, дружескія, основанныя на духовномъ стремленіи. Трушковскій добрый, не глупый человѣкъ, но жалко видѣть это безсиліе внутреннее, которымъ такъ страдаютъ молодые люди въ наше время. Онъ чтитъ память дяди всей душой съ благоговѣніемъ. Въ настоящее время онъ посвящаетъ себя собиранію писемъ Гоголя и приготовленіямъ ихъ къ цензурѣ, а если она разрѣшитъ, то немедленно приступитъ къ печатанію. Онъ также получитъ разрѣшеніе на продолженіе печатанія сочиненій Гоголя, начатаго еще имъ самимъ, которое было пріостановлено послѣ него, изъ

какихъ-то нелѣпыхъ опасеній. Трушковскій очень откровенно признается въ вліяніи дурномъ Петербурга, которое онъ всякій разъ испытываетъ, когда тамъ бываетъ и потому рѣшительно не хочетъ тамъ служить. Вообще онъ еще не рѣшился, какое поприще избрать себѣ, это и точно трудно, когда нѣтъ въ душѣ особеннаго исключительнаго стремленія къ чему нибудь, предпочтенія чего нибудь. Недостаетъ въ немъ какой то активной силы, а между тѣмъ онъ чувствуетъ живо и принимаетъ живое участіе въ событіяхъ нашего времени. Нельзя не замѣтить, что онъ нѣсколько изнѣженъ, избалованъ и въ этомъ отношеніи Малороссія ему очень вредна. Впрочемъ, онъ еще очень молодъ, ему 21 годъ. Жизнь научитъ и укрѣпитъ. Мы всѣ говоримъ ему откровенно наше мнѣніе и дѣлаемъ ему замѣчанія на счетъ его характера и т. д. Онъ принимаетъ хорошо всѣ эти нравоученія, хотя я увѣрена, что онѣ не совсѣмъ ему пріятны.

Князья Юрій и Андрей Оболенскіе славные люди, доброта и простота у нихъ врожденная и они оставляютъ самое пріятное впечатлѣніе на всѣхъ. Они пробыли у насъ слишкомъ сутки и поспѣшили къ своимъ женамъ встрѣчать новый годъ. Вчера, т. е. 30 декабря они уѣхали въ 10 час. вечера. Къ обѣду-же вчера пріѣхалъ нашъ троицкій докторъ Брызгаловъ, съ женой и съ маленькимъ сыномъ. Жена его, образованная и очень умная женщина, занимается дѣтьми, но показалась намъ, можетъ быть, слишкомъ съ твердымъ характеромъ. Они также уѣхали поздно вечеромъ. У насъ были подблюдныя пѣсни, Андрей Оболенскій лилъ воскъ, жегъ бумагу и т. д.

31-го декабря. Сегодня я была у обѣдни, хотѣлось еще разъ услыхать *„Рождество Твое Христе Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ Разума“.*

День мы провели въ разныхъ занятіяхъ. Вечеромъ начали читать книгу Попова о русскихъ посольствахъ [1]). Дождались 12-ти часовъ, встрѣтили 1855-й годъ съ внутренней мольбой къ Богу, да спасетъ Господь отъ бѣдствій, грозящихъ всѣмъ. Да помилуетъ Богъ всѣхъ насъ въ этомъ году!

1855 годъ.

1 января, суббота. (Абрамцево). Мы были почти всѣ у обѣдни. Молебенъ на новое лѣто особенно кстати въ настоящее время. Да благословитъ Господь новое лѣто, да отвратитъ свой праведный гнѣвъ на насъ, да утвердитъ православную церковь, и разоритъ агарянское царство! Воротясь изъ Хотькова, мы прочли продолженіе „Гимназіи“ изъ воспоминаній отесеньки,

---

[1]) А. Поповъ. „Русское посольство въ Польшѣ въ 1673—1677 году“. Спб. 1854 г.

чрезвычайно интересно и прекрасно передано. Потомъ стали было продолжать *Посольства* но пріѣхалъ священникъ съ женой и оставался цѣлый день. Въ Москвѣ говорятъ, ждутъ уже враговъ и поговариваютъ о томъ, какъ-бы спасать имущества.

2 января. Сегодня получили множество писемъ, именно отъ Гильфердинга, который не навѣрное обѣщаетъ пріѣхать къ намъ изъ Москвы, куда собирается на мѣсяцъ; отъ Кулиша письмо въ желчномъ расположеніи духа—онъ раздражается тѣмъ, что мѣшаютъ ему читать у Смирновой толпа свѣтскихъ и дипломатическихъ гостей и т. д. Пишетъ, между прочимъ, о затрудненіяхъ, съ какими онъ попалъ въ Абрамцево, и о своей возвратной поѣздкѣ; я думаю, что онъ не пріѣдетъ къ намъ. Письмо отъ М. Карташевской говоритъ, что чума въ непріятельскомъ лагерѣ подъ Севастополемъ—сохрани Богъ. Тургеневъ возвѣщаетъ свой пріѣздъ. Не очень можно желать его пріѣзда.

Января 4—день рожденія Гриши.—Извѣстій съ почты особенно никакихъ, но надобно ждать мира.

5-е. Мы были у обѣдни и вечерни на водоосвященіи. Служили торжественно и благочестиво. „Пріидите, пріимите духа премудрости, духа разума, духа страха Божія"... Молитва передъ освященіемъ воды въ этотъ день сочельника (наканунѣ Крещенія) удивительно хороша.

6 января. Въ 11 часовъ утра пріѣхалъ Иванъ, а за нимъ долженъ былъ вслѣдъ явиться Самаринъ; между тѣмъ, Константинъ уѣхалъ къ Тройцѣ, чтобы побывать у Гилярова и Броцгалова. Иванъ привезъ подтвержденіе извѣстія о мирѣ и много разныхъ вѣстей и политическихъ, и частныхъ. Говорятъ, уже Государь и дворъ повеселѣли отъ надежды на миръ. А что за миръ—позоръ и грѣхъ! Погодинъ, говорятъ, написалъ очень хорошую автобіографію [1]) и упомянулъ въ ней объ насъ, т. е. объ отесеньки въ особенности, о братьяхъ и о нашемъ домѣ. Хомяковъ слышалъ и очень хвалитъ, но насъ это немного смутило. Погодинъ съ самымъ лучшимъ намѣреніемъ, могъ написать весьма неловко и не прилично, по крайней мѣрѣ, сдѣлать насъ смѣшными.

Къ намъ собираются много гостей и даже такихъ, которые никогда не бываютъ у насъ. Видно мало занимательнаго въ Москвѣ. Самаринъ пріѣхалъ часа въ три, [2]) Константинъ вслѣдъ за нимъ, пошли тотчасъ разговоры. Самаринъ былъ очень простъ, дружественъ. Послѣ обѣда читалъ свой проектъ о крѣпостномъ правѣ. Это еще не кончено, но написано

---

[1]) Напечатана въ „Біограф. Слов. профессоровъ и преподавателей Моск. Унив.". Объ Аксаковѣ читаемъ: „Въ семьѣ А—выхъ Погодинъ находилъ съ 1827 года радушное и дружеское участіе во всѣхъ его литературныхъ предпріятіяхъ".

[2]) Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ.

очень умно, мѣстами прекрасно выражено, но примѣненія къ дѣлу кажутся вовсе неудобоисполнимы. Это самый затруднительный вопросъ и врядъ-ли можно его разрѣшать на бумагѣ, но необходимо приготовить къ этому неизбѣжному перевороту, а главное, убѣдить помѣщиковъ добровольно на него согласиться. Въ настоящую минуту это самый главный и важный вопросъ. Теперь ясно становится, что покуда народъ не получитъ глазъ и слуха, чтобы понимать, что около него и съ нимъ дѣлается, то никакого возрожденія Россія ждать не можетъ, а уши и глаза откроются только тогда, когда будетъ онъ освобожденъ отъ рабства, парализующаго его способности, его жизнь и участіе. Но Самаринъ думаетъ его распространять, но это не можетъ пройти даромъ. Негодованіе благороднаго русскаго дворянства изыщетъ всѣ средства, чтобъ повредить ему. Не дай Богъ! Послѣ чтенія много говорили и толковали.

8 января цѣлый день Константинъ читалъ Самарину отесенькины записки. Самаринъ просилъ убѣдительно прочесть все, что только было написано безъ него. Самаринъ былъ въ совершенномъ восхищеніи, особенно отъ женитьбы Тимофея Степановича. Онъ сдѣлалъ очень вѣрное замѣчаніе. „Сергѣй Тимофеевичъ, сказалъ онъ, представляя человѣка, передавая всѣ его впечатлѣнія, его сердце, не идетъ путемъ разложенія и анализа, но сохраняетъ его въ цѣлости, передаетъ его въ полнотѣ, какъ оно есть, а между тѣмъ вы видите всѣ подробности, и отъ этого такая свѣжесть, цѣльность, жизнь во всемъ!“ Это правда, и совершенно противоположное встрѣчаемъ мы во всѣхъ писателяхъ нашего времени, между ними есть и весьма замѣчательные и даровитые люди, но всѣ они принадлежатъ къ одному разбору, всѣ они аналитики, дигфотиписты, лишающіе свой предметъ, прежде всего, жизни и души.

Послѣ обѣда, во время чтенія „Гимназіи“, пріѣхалъ Мамоновъ [1]). Мы встрѣтились радушно,—добрый человѣкъ и старый знакомый. Мы давно его не видали и онъ напомнилъ намъ прежнюю жизнь. Онъ привезъ показать свой портретъ масляными красками, имъ-же самимъ написанный (очень хорошо), но недоконченный какъ и все, что онъ дѣлаетъ. Человѣкъ, одаренный разнообразными талантами и не способный ни одного изъ нихъ обратить въ дѣло. Продолжали читать „Гимназію“ и послѣ чаю. Много говорили, толковали, спорили даже, и наконецъ, простились съ Самаринымъ. Они ушли всѣ на верхъ и Самаринъ уѣхалъ не прежде 3-го часу. Самаринъ, человѣкъ чрезвычайно умный и высокихъ достоинствъ. Жаль, что онъ слишкомъ занялся теперь хозяйствомъ и начинаетъ отставать отъ другого

---

[1]) Э. А. Дмитріевъ-Мамоновъ—талантливый художникъ, находившійся въ постоянномъ общеніи съ славянофилами. Писалъ по вопросамъ славянофильства.

рода занятій и окончательно терять довѣріе къ своимъ способностямъ, а онъ могъ-бы сдѣлать много полезнаго въ умственномъ мірѣ.

Получили „Московскія Вѣдомости", 4 № газетъ иностранныхъ. Всѣ подтверждаютъ одно, постыдный миръ; уже начинались конференціи съ русскимъ посломъ. Хотя и ждали его, но удостовѣреніе въ немъ привело всѣхъ въ уныніе, скорбь, раздраженіе, почти отчаяніе. Но теперь надо бы ожидать, что выместится все униженіе, которое было испытано передъ иностранными государствами и передъ своимъ собственнымъ народомъ, надъ нами за то, что были наши на время развязаны языки, что мы высказывали свои совѣты и желанія, и письменно и печатно, которые всѣ теперь служатъ только обвиненіями. За все это какъ-бы не пришлось расплатиться! Иванъ получилъ письмо отъ Смирновой, всѣхъ поразившее. Она послѣднее время писала къ нему очень часто, высказывала полное сочувствіе и даже говорила, что теперь не время быть осторожной, и вдругъ сегодня пишетъ ему такое письмо: „Милостивый Государь! Я Васъ не знаю, не раздѣляла никогда и не раздѣляю вашихъ убѣжденій и мыслей. Западъ гибнетъ отъ гордости и пустословнаго порицанія, Россія спасется смиреньемъ, любовью и т. д. Служить надобно не фантастической Россіи, а такой, какая она есть" и т. д. Это письмо всѣхъ удивило и послѣ многихъ толковъ мы не могли его иначе себѣ объяснить, какъ тѣмъ, что въ настоящую минуту знакомство съ такими людьми, какъ Аксаковы, опасно и то, о чемъ она въ другое время охотно-бы стала разсуждать, теперь вовсе неумѣстно. По разсказамъ Ивана, онъ точно написалъ ей довольно рѣзкое письмо, отказываясь отъ хлопотъ ея и Блудовой за себя въ опредѣленіи на службу и при этомъ довольно неосторожно выразился на счетъ настоящаго порядка вещей, но такія письма она привыкла получать, особенно отъ него, и за два дня передъ тѣмъ, можетъ быть, оно ее вовсе-бы не удивило и не оскорбило; но теперь, подъ вліяніемъ новаго рѣшенія при дворѣ, т. е. рѣшенія на миръ, она сама быстро перестроила свои убѣжденія на новый ладъ и даже оскорбилась, что къ ней могли относиться въ другомъ тонѣ [1]).

---

[1]) Письмо Ивана Сергѣевича, столь раздражившее А. О. Смирнову, сохранилось и напечатано (Изъ писемъ И. С. Аксакова къ А. О. Смирновой — „Русск. Арх." 1895, III (12), стр. 423—480). Оно, дѣйствительно, написано очень рѣзко. И. С. рѣшительно отказывался отъ всякихъ хлопотъ о мѣстѣ для него со стороны самой Смирновой и графини Блудовой. „Къ вамъ писалъ я о своихъ намѣреніяхъ такъ, откровенности ради и изъ желанія знать ваше мнѣніе и совѣты; но не хлопотать, какъ бы меня куда пристроить и не давайте Блудовой хлопотать обо мнѣ". Конецъ письма содержалъ рѣзкости по адресу самой Смирновой: „Говорятъ, Петербургъ теперь отвратительнѣе, чѣмъ когда либо и умѣетъ соглашать свой патріотизмъ съ бо̀льшимъ поклоненіемъ Западу, чѣмъ прежде... Очень, очень было мнѣ грустно слышать, что вашъ домъ въ Петербургѣ—домъ совершенно петербургскій, съ Баварцами, учащими играть на какой то балалайкѣ, съ какими то Портали, père et fille, со всѣмъ петербургскимъ тономъ и скла-

Придворные люди всегда придворные и связь ихъ съ дворомъ тѣмъ тѣсна, что ихъ собственные взгляды и убѣжденія незамѣтно, можетъ быть, для нихъ самихъ измѣняются, расширяются и суживаются, смотря по тому, какой вѣтеръ дуетъ на дворцовомъ флюгерѣ. Какъ ни умна Смирнова, но она не могла оторваться отъ зависимости придворной; это уже сдѣлалось другой природой. Какъ бы то ни было, ея поступокъ не предвѣщаетъ ничего добраго.

Письмо отъ Хлѣбникова— благодарность за ноты, описываетъ трогательныя доказательства, готовность жертвовать бѣдныхъ людей. Болитъ русское сердце, говоритъ онъ... Дѣвушка моя мнѣ сказывала, что наши крестьяне толкуютъ о томъ, что Севастополь велѣно будетъ сжечь; одинъ изъ нихъ сказалъ: „это все равно, что мнѣ велятъ самому сжечь свою избу, потому что враги не смогли ее разрушить“. Подъ Москвой о томъ говорятъ и понимаютъ, въ чемъ дѣло, но на другихъ концахъ Россіи и слухъ о войнѣ заходилъ только, какъ вѣсть о рекрутствѣ. Пространна Россія и народъ потерялъ вѣдѣніе—откроются ли уши и глаза его когда-нибудь!

12 января. Мамоновъ пробылъ у насъ три дня и вчера вечеромъ уѣхалъ съ Константиномъ въ Москву. Константинъ устроилъ у Самарина празднованіе юбилея университета по своему. На публичное празднованіе они не пойдутъ: безъ мундировъ не пускаютъ. Они условились собраться нѣсколькимъ прежнимъ студентамъ разныхъ курсовъ и написать каждому о времени своего студентства и прочесть на этомъ вечерѣ. Константинъ написалъ довольно пространное и очень интересное [1]). Мамонова тоже подстрекнули; въ первой день онъ прочелъ намъ описаніе, коротенькое и не дающее никакого понятія о времени. Ему всѣ это замѣтили и посовѣто-

---

домъ. Знаю я, что мнѣнія ваши совершенно противоположны всему этому образу жизни, и тѣмъ больнѣе мнѣ за васъ. Это постоянное противорѣчіе должно содержать васъ въ раздраженномъ состояніи и возмущать ясность и бодрость духа. Простите, что я написалъ эти строки: я давно уже перестал признавать себя въ правѣ дѣлать вамъ какія либо замѣчанія и упреки; но это не замѣчаніе и не упрекъ, а истинно душевное соболѣзнованіе, которымъ грѣшно оскорбляться. Прощайте, любезнѣйшая Александра Осиповна. Я отмѣнилъ свое намѣреніе ѣхать въ Петербургъ: лишняя трата времени! 2 января 1855 года“.

Письмо Смирновой отъ 6 января, содержаніе котораго приведено въ дневникѣ Вѣры Сергѣевны, пока не оглашено. Иванъ Сергѣевичъ отвѣтилъ ей слѣдующимъ рѣзкимъ письмомъ, послѣ котораго ихъ переписка прекратилась до 1863 года: „Милостивая Государыня Александра Осиповна. Письмомъ вашимъ отъ 6-го января вы спѣшите торжественно отречься отъ всякаго сочувствія къ моимъ мнѣніямъ, чувствамъ и желаніямъ“ Успокойтесь. Вполнѣ убѣждаюсь, что между нами рѣшительно нѣтъ, да вѣроятно никогда и не было, ничего общаго; я вамъ глубоко благодаренъ за то, что вы уничтожили во мнѣ и послѣднюю тѣнь сомнѣнія. Искренно желаю, чтобы вы своею похвально-своевременною откровенностью вполнѣ достигли предположенной вами цѣли, и поздравляю Васъ съ надеждами на миръ. Ив. Аксаковъ“.

[1]) Эти воспоминанія К. С. напечатаны въ „Днѣ“ за 1862 годъ, №№ 39 и 40.

вали пополнить, что онъ исполнилъ довольно удачно. И кажется, самъ остался очень доволенъ своею дѣятельностью. Они съ Константиномъ работали не переставая цѣлый день, такъ что даже онъ сказалъ, что написалъ бы, еслибъ—и не былъ у насъ. Онъ не только лѣнивъ, но внутри его не слышно ничего твердаго, прочнаго, дѣльнаго. Еслибъ только нужно было возбудить его дѣятельность, этого еще бы можно было достичь какъ-нибудь, но въ немъ нѣтъ внутренней, духовной крѣпости, которую врядъ ли возможно внушить кому-нибудь, и потомъ, мнѣ кажется, онъ способенъ размечтать слишкомъ: сейчасъ задаетъ себѣ такія задачи, которыхъ выполнить ни въ какомъ случаѣ не можетъ и бросаетъ все. Что за люди!

Сегодня вечеромъ должно быть это студенческое собраніе. Какъ то оно удастся, Константинова статья слишкомъ спѣшно была написана и потому очень небрежно; онъ ее не успѣетъ переписать и, вѣрно, будетъ не разбирать, читая. Газетъ сегодня не получили, а только два письма отъ дяди Аркадія Тимофеевича, который приведенъ въ совершенное отчаяніе, читая что пишетъ „Independence Belge" о Россіи. Анна Степановна приписываетъ очень мило нѣсколько строкъ и гораздо его разсудительнѣе. Пишетъ, что только и разговоровъ, что о политикѣ. Получили также письмо отъ Трутовскихъ. Слава Богу, у нихъ все хорошо, счастливо; Трутовскій занятъ своей живописью. О политическихъ дѣлахъ уже мало и говорится, уже безполезно, чувствуется полное свое безсиліе и только ждется что-то неопредѣленное въ далекой дали. Что и когда будетъ, никто не можетъ знать. Да совершатся святыя судьбы Божія надъ нами!

14 января. Въ Москвѣ праздновали 12 января, столѣтіе Московскаго университета. По этому случаю получена грамота отъ Государя, очень умно и хорошо написанная; вѣроятно, писалъ Блудовъ [1]). Еслибъ мы не знали заранѣе, что такого рода грамота и тому подобныя слова—пустая бумага, мы бы порадовались за такое уваженіе къ наукѣ, но у насъ это не имѣетъ никакого значенія и не будетъ странно, если завтра же обратятъ университетъ въ корпусъ. По поводу юбилея приготовлены и еще готовится много ученыхъ трудовъ. Говорятъ, всѣ должны быть въ мундирахъ на этомъ торжествѣ и потому многіе, а въ томъ числѣ и Константинъ, не будутъ участвовать въ немъ, а хотѣли сами его праздновать особо, частнымъ образомъ.

16 января, воскресенье. По утру получили мы „Московскія Вѣдо-

---

[1]) Грамоту писалъ А. В. Никитенко. Въ своемъ дневникѣ онъ пишетъ: „Грамота государя произвела большой эффектъ. Всѣ утверждаютъ, что писалъ *я*. Разумѣется, я вездѣ стараюсь увѣрить въ противномъ; просилъ Каткова, Шевырева поддерживать мое отрицаніе. По крайней мѣрѣ, не говорили бы во всеуслышаніе, иначе это можетъ еще обострить мои отношенія съ министерствомъ и А. С. Норовымъ".

мости“ и 2 номера „Journal de Francfort“. Извѣстій политическихъ особенныхъ никакихъ, переговоры о мирѣ не подвинулись и всѣ скорѣе сомнѣваются въ достиженіи мира.—„Московскія Вѣдомости“ интересны болѣе описаніемъ юбилея, напечатаны рѣчи и адресы. Слово митрополита, говоренное въ университетской церкви, замѣчательно его особеннымъ краснорѣчіемъ, мѣста нѣкоторыя удивительно хороши и по глубинѣ мысли и по красотѣ и силѣ изложенія. Всѣ адресы отъ всѣхъ университетовъ и учебныхъ заведеній очень просты и хороши, кромѣ нѣсколькихъ, весьма немногихъ, казенныхъ мѣстъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ; во всѣхъ отозвалось живое, искреннее сочувствіе со всѣхъ концовъ Россіи. Только рѣчь Шевырева невыносима скучна, пошла и исполнена такихъ безпрестанныхъ поклоненій властямъ, что невыносимо слушать. Въ лицѣ его не отличился Московскій Университетъ. Можно ли умѣть такъ опошлить всякую мысль и предметъ, изо всего сдѣлать шутовство! что за цвѣтистая рѣчь! [1]). Мы ее еще не кончили, какъ пріѣхалъ изъ Москвы Константинъ, слава Богу, совершенно довольный своей поѣздкой. Собственно на актѣ, ни онъ, ни Самаринъ не были отчасти, потому что думали, что безъ мундировъ, не будутъ пускать, отчасти потому, что самимъ какъ-то не захотѣлось участвовать на торжествѣ, въ которое вмѣшалось правительство. Слухи ходили и подтверждались, что вводятъ батальонное ученіе въ университетахъ, даютъ каски и т. д. Но несмотря на казенное вмѣшательство, это торжество не потеряло своего собственнаго значенія и встрѣтило вездѣ искреннее сочувствіе. Всѣ университеты и всѣ училища прислали своихъ депутатовъ съ адресами (кромѣ Дерптскаго, который прислалъ только адресъ). Отъ всѣхъ концовъ съѣхалось множество всякихъ лицъ, старыхъ студентовъ и профессоровъ, для празднованія этого дня и торжество, говорятъ, удалось какъ нельзя лучше, потому что было искренно, и Константинъ и Самаринъ очень жалѣли, что увлеклись какимъ-то оппозиціоннымъ духомъ, тѣмъ болѣе, что они могли успѣть побывать и на актѣ и воротиться во время на свой юбилей, въ домъ Самарина. Ихъ домашній юбилей удался тоже прекрасно. Хомяковъ былъ приглашенъ, какъ гость. Всѣ, кромѣ Елагиныхъ, приготовили описаніе своей университетской жизни. Константинъ заставилъ Самарина написать въ тотъ же день, и хотя онъ не успѣлъ кончить, но вышло и умно, и живо, и хорошо написано. Князь Черкасскій, Стаховичъ, тоже написали, у всякаго вышло въ своемъ родѣ и все было интересно, живо,

[1]) П. А. Кулишъ въ слѣдующихъ словахъ передаетъ отзывъ К. С. Аксакова о юбилеѣ: „Шевыревъ сдѣлалъ пошлымъ это торжество, но съѣхавшіеся со всѣхъ концевъ России воспитанники Московскаго Университета придали ему торжественность и закрыли всѣ шевыревскія пошлости“. А по поводу литографированнаго въ то время портрета Шевырева К. С., по словамъ П. А. Кулиша, выразился: „такъ похожъ, что хочется плюнуть“.

такъ просто и искренно, что всѣ были вполнѣ довольны и, какъ будто, помолодѣли. Погодинъ пріѣхалъ среди чтенія и хотя въ нѣкоторыхъ описаніяхъ касалось и до него и въ числѣ отзывовъ были ему и не очень лестны (впрочемъ касающіеся болѣе его слога, неумѣнія писать), но онъ принялъ все, какъ нельзя лучше, умилялся и улыбался отъ удовольствія; въ заключеніи онъ прочелъ рѣчь „О Ломоносовѣ", которую не успѣлъ прочесть въ университетѣ [1]). Всѣ были довольны, во всѣхъ пробудилось какое-то одушевленіе, всѣ почувствовали какую-то связь между собой. Изъ постороннихъ былъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ и еще человѣка три. Тургеневъ, человѣкъ вовсе не принадлежащій къ этому кругу, но очень желаетъ примкнуть къ нему, потому что отстаетъ отъ противоположнаго круга. За ужиномъ предложили тосты за университетъ и за Москву, заставили Константина прочесть стихи его „Свободное Слово", потомъ стихи Ломоносова, и такъ разошлись, всѣ очень довольные.

На другой день, получа приглашеніе на обѣдъ университетскій, Константинъ и Самаринъ рѣшились ѣхать. Обѣдъ былъ великолѣпный, обѣдало 500 человѣкъ. Жаль, что американскій посолъ, пріѣхавшій нарочно на юбилей и присутствовавшій наканунѣ на актѣ, простудился и не могъ быть на обѣдѣ. На этомъ обѣдѣ Константинъ встрѣтилъ много старыхъ знакомыхъ, которые всѣ ему чрезвычайно обрадовались, обнимались и цѣловались, по славянскому обычаю. Въ томъ числѣ Милютинъ, теперь уже генералъ, а 23 г. тому назадъ, молодой 17-лѣтній мальчикъ, принимавшій участіе въ литературномъ обществѣ, заведенномъ тогда Константиномъ. Онъ вспомнилъ объ этомъ и сказалъ, что хранитъ протоколы этого общества. На другой день Константинъ, заѣхавши къ Грановскому, (который сдѣлалъ ему передъ этимъ упрекъ, что онъ никогда его не видитъ) согласился у него отобѣдать, тѣмъ болѣе, что Милютинъ долженъ былъ тамъ же обѣдать, но вмѣсто одного Милютина, Константинъ нашелъ тамъ весь западъ и не только московскій, но и петербургскій. Такъ напримѣръ: издатели журналовъ петербургскихъ и т. д. Обѣдъ этотъ и все общество оставило крайне непріятное впечатлѣніе на Константина, онъ очень жалѣлъ, что на него попалъ. Между тѣмъ, въ этотъ день давался обѣдъ студентамъ и въ томъ числѣ нѣкоторые профессора и министры присутствовали на немъ. Обѣдъ же, одушевленіе рѣчи, восторгъ былъ необыкновенный, Шевыревъ, по словамъ даже его недруговъ, говорилъ превосходно. Норовъ увлекся, выразилъ искренно свою любовь къ университету и студентамъ, тѣ хотѣли

---

[1]) М. П. Погодинъ записалъ въ своемъ дневникѣ подъ 12 января: „Вечеръ у Самарина. Воспоминанія студентовъ. Отзывъ обо мнѣ. Прочелъ имъ рѣчь. Пріятныя минуты" (Барсуковъ Н. П. „Жизнь Погодина", XIII, 351).

его даже качать, но онъ уклонился. Норовъ цѣловался, говорятъ, со студентами. Говорятъ, была минута, когда многіе перекрестились. Что это такое было, трудно понять, но по свидѣтельству людей безпристрастныхъ, это было все искренно и просто [1]). Въ день юбилея, Самаринъ, Константинъ и множество студентовъ и профессоровъ ѣздили расписаться къ Строганову, бывшему попечителю университета, хотя направленія западнаго, но не унижавшему университета, и почти вынужденному правительствомъ оставить эту должность. Строганова не было въ Москвѣ и всѣ это знали, но всѣ хотѣли, по крайней мѣрѣ, заявить ему свое одобреніе: около дома его была толпа, это была маленькая демонстрація. Впрочемъ, конечно, Константинъ не сможетъ быть лично благодаренъ Строганову, который постоянно преслѣдовалъ его и даже, какъ увѣряютъ люди знающіе, писалъ на него доносъ; всѣ продѣлки съ диссертаціей Константина были—его дѣло. Много видѣлъ Константинъ знакомыхъ, и многіе сказали ему, что собираются къ намъ. Константинъ предложилъ дать обѣдъ американскому послу, эта мысль понравилась, но вскорѣ увидали, что она неудобоисполнима: начальство или бы запретило, или бы само вмѣшалось, чего, конечно, никто не желалъ. У князя Юрія Оболенскаго, Константинъ читалъ по просьбѣ его свою записку о своемъ студенчествѣ и стихи свои. Тамъ онъ видѣлъ очень хорошенькую дѣвушку, племянницу Оболенскаго, Евреинову. Съ Екатериной Алекс. Черкаской у Константина былъ весьма важный и сильный разговоръ по поводу нѣкоторыхъ выраженныхъ имъ нравственныхъ взглядовъ, напримѣръ, о необходимости руководителя для женщины и т. д. Константинъ услыхалъ и узналъ въ этомъ то безнравственное начало, которое давно уже насъ возмущаетъ и по поводу котораго онъ написалъ прекрасный стихъ *Лже-духъ*. Это именно утонченная безнравственность нашего времени, которая умѣла проникнуть во всѣ святыя чувства и мысли человѣка, и какъ сильно это зло, какъ незамѣтно оно вкрадывается подъ личиной всего прекраснаго!

По предложенію Константина, у Хомякова устроился филологическій вечеръ, который состоялъ изъ четырехъ филологовъ: Хомякова, Константина, Гильфердинга и Коссовича. Они вдоволь и всласть наговорились о филологіи и даже безжалостно продолжали свои разговоры при постороннихъ посѣтителяхъ. Чаадаевъ неожиданно попалъ на это засѣданіе, посидѣлъ, не выдержалъ и ушелъ. Позднѣе собрались туда Самаринъ и другіе и уже поздно разъѣхались.

[1]) Подробности объ обѣдахъ по случаю юбилея—большомъ 13 января, и маломъ со студентами 14-го—въ книгѣ Н. П. Барсукова. „Жизнь Погодина“ XIII, стр. 345—350.

25 января, вторникъ.

Опять давно не писала; нѣсколько дней провели мы такъ шумно, что только теперь отдохнули. Черезъ пять дней послѣ возвращенія Константина изъ Москвы, пріѣхалъ передъ обѣдомъ Тургеневъ съ Щепкинымъ; его мы ждали, но не ждали Щепкина. Я не хотѣла даже выходить на это время (я и въ первый разъ, когда былъ у насъ Тургеневъ, не выходила изъ своей комнаты, не имѣла особеннаго интереса его видѣть) [1]). Мы поѣхали съ Любинькой кататься въ деревню. Возвращаемся, кучеръ намъ говоритъ: „еще пріѣхали гости“; смотримъ, отъ крыльца отъѣзжаетъ кибитка. Это былъ Хомяковъ съ Гильфердингами, отцомъ и сыномъ. Этихъ людей я непремѣнно желала видѣть и потому вышла въ гостиную. Какъ ни рады мы были всѣ Хомякову и Гильфердингамъ, но очень жалѣли, что они съѣхались вмѣстѣ съ Тургеневымъ, человѣкомъ совершенно противуположнымъ по всѣмъ убѣжденіямъ.

Гильфердингъ отецъ, пріѣхалъ первый разъ къ намъ, человѣкъ весьма почтенный и лѣтами и достоинствами, съ живымъ участіемъ ко всему, и очень радушный, съ учтивостью и привѣтливостью прежняго времени, онъ всѣмъ очень понравился, хотя и многія его понятія устарѣли и онъ, служа въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, не позволяетъ себѣ рѣзко выражаться о немъ, хотя и не защищаетъ его дѣйствія. Онъ, конечно, крайне некрасивъ лицомъ, но это безобразіе вовсе не противно. Черезъ нѣсколько часовъ онъ былъ у насъ, какъ будто давно знакомый.

Тургеневъ огромнаго роста, съ высокими плечами, огромной головой, чертами, чрезвычайно крупными, волосы почти сѣдые, хотя ему еще только 35 лѣтъ.

Вѣроятно, многіе его находятъ даже красивымъ, но выраженіе лица его, особенно глазъ, бываетъ иногда такъ противно, что съ удовольствіемъ можно остановится на лицѣ отца Гильфердинга. — Тургеневъ мнѣ рѣши-

---

[1]) Представленіе Вѣры Сергѣевны о Тургеневѣ является синтезомъ тѣхъ впечатлѣній, которыя оставилъ Тургеневъ въ отдѣльныхъ членахъ Аксаковской семьи, но главнымъ образомъ, оно отражаетъ отношеніе къ И. С. Тургеневу Константина Сергѣевича. Извѣстно, что и Тургеневъ не особенно жаловалъ старшаго Аксакова. Любовь къ природѣ и страсть къ охотѣ сближала Тургенева съ Сергѣемъ Тимофеевичемъ, а его отзывы о работахъ С. Т. сильно располагали С. Т. въ его пользу. Да кромѣ того, въ Аксаковской семьѣ С. Т. былъ самымъ западнымъ человѣкомъ. Сближеніе Тургенева началось въ 1850 году. Во время подневольнаго житья въ Спасскомъ, Тургеневъ велъ оживленную переписку съ С. Т., а послѣ освобожденія бывалъ не разъ въ Абрамцевѣ. По смерти С. Т. и К. С., крайнее несходство въ убѣжденіяхъ, наконецъ, дало себя знать, и сношенія И. С. Тургенева съ Иваномъ Аксаковымъ въ началѣ 60-хъ годовъ становятся исключительно внѣшними. Дружба Тургенева съ Аксаковымъ и исторія взаимныхъ вліяній ждетъ еще анализа, для котораго весь матеріалъ собранъ въ ихъ перепискѣ. Письма Тургенева къ Аксаковымъ напечатаны въ „Вѣст. Евр.“ 1894, янв. февр., а письма Аксаковыхъ съ примѣчаніями Л. Н. Майкова напечатаны въ „Русскомъ Обозрѣніи“ 1894, авг., сент., окт., ноябрь и декабрь.

тельно не понравился, сдѣлалъ на меня непріятное впечатлѣніе. Я съ вниманіемъ всматривалась въ него и прислушивалась къ его словамъ и вотъ что могу сказать. Это человѣкъ, кромѣ того, что не имѣющій понятія ни о какой вѣрѣ, кромѣ того, что проводилъ всю жизнь безнравственно и котораго понятія загрязнились отъ такой жизни, это — человѣкъ, способный только испытывать физическія ощущенія; всѣ его впечатлѣнія проходятъ черезъ нервы, духовной стороны предмета онъ не въ состояніи ни понять, ни почувствовать. Духовной, я не говорю въ смыслѣ вѣры, но человѣкъ, даже не вѣрующій, или магометанинъ, способенъ оторваться на время отъ земныхъ и матеріяльныхъ впечатлѣній, иной въ области мысли, другой подъ впечатлѣніемъ изящной красоты въ искусствѣ. Но у Тургенева мысли есть плодъ его чисто земныхъ ощущеній, а о поэзіи онъ самъ выразился, что стихи производятъ на него физическое впечатлѣніе и онъ, кажется, потому судитъ, хороши-ли они или нѣтъ; и когда онъ ихъ читаетъ съ особеннымъ жаромъ и одушевленіемъ, тотъ жаръ именно передаетъ какое-то внутренное физическое раздраженіе и красоты чистой поэзіи уже нечистыя выходятъ изъ его устъ. У него есть какія-то стремленія къ чему-то болѣе деликатному, къ какой-то душевности, но не духовному; онъ весь — человѣкъ ощущеній, впечатлѣній, человѣкъ, въ которомъ нѣтъ даже языческой силы и возвышенности души, какая-то дряблость душевная, какъ и тѣлесная, не смотря на его огромную фигуру. А Константинъ начиналъ думать, что Тургеневъ сближается съ нимъ, сходится съ его взглядами и что совершенно можетъ отказатся отъ своего прежняго, но я считаю это рѣшительно невозможнымъ.

Хомяковъ сказалъ справедливо, что это все равно, что думать, что рыба можетъ жить безъ воды. Точно, это—его стихія и только Богъ одинъ можетъ совершить противуестественное чудо, которое побѣдитъ и стихію, но конечно, не человѣкъ. Константинъ самъ, кажется, въ этомъ убѣждается и на прощаньи пришелъ въ сильное негодованіе отъ словъ Тургенева, который сказалъ, что Бѣлинскій и его письмо [1]), это—вся его религія и т. д. Я уже не говорю о его остальныхъ мысляхъ и безнравственныхъ взглядахъ, о его гастрономическихъ вкусахъ въ жизни, какъ справедливо Константинъ назвалъ его отношенія къ жизни, а я говорю только о тѣхъ внутреннихъ свойствахъ души его, о запасѣ, лежащемъ на днѣ всего его внутренняго существа, пріобрѣтенныхъ, конечно, такой искаженной и безобразной жизнью и направленіемъ, но сдѣлавшимися уже его второй природой. При такомъ состояніи, мнѣ кажется, если Богъ не сдѣлаетъ надъ нимъ чуда и если онъ не сокрушитъ самъ всего себя, всѣ его стремленія

---

[1]) Извѣстное письмо къ Гоголю.

и приближенія къ тому, что онъ называетъ добромъ, только еще болѣе его запутаютъ и онъ тогда совершенно оправдаетъ стихи Константина: „Дай Богъ, чтобъ всѣмъ намъ придти къ истинному свѣту“...

И возлѣ этого человѣка — Хомяковъ, человѣкъ по преимуществу исключительно духовный, не въ смыслѣ только его возвышенной, разумной истинной вѣры, согрѣтой самымъ искреннымъ душевнымъ убѣжденіемъ, не только въ смыслѣ его строгой нравственности, но по свойству его натуры, трезвый во всѣхъ своихъ впечатлѣніяхъ и проявленіяхъ. Необыкновенный человѣкъ!

Гильфердингъ молодой, ученый всей душой, но несмотря на свою изумительную ученую дѣятельность, несмотря на исключительность своего направленія, онъ не только человѣкъ не односторонній, не сухой, но напротивъ, принимающій самое живое участіе во всѣхъ современныхъ вопросахъ, исполненный самого радушнаго и безразличнаго сочувствія ко всѣмъ людямъ; онъ интересуется жизнью каждаго человѣка, съ которымъ встрѣчается, его занятіями, его впечатлѣніями, и если только можетъ чѣмъ нибудь съ своей стороны быть полезнымъ, удовлетворить какимъ нибудь добрымъ желаніямъ и потребностямъ людей, особенно, которыхъ уважаетъ, онъ сейчасъ же предлагаетъ свои услуги, а отъ него пріятно ихъ принимать.—Мы его всѣ очень любимъ за его общительный характеръ и давно уже дружески съ нимъ знакомы, онъ и прежде провелъ у насъ въ два раза, недѣлю. Щепкинъ очень глухъ и жалко его видѣть въ обществѣ, не принимающимъ участія въ разговорахъ.

Обѣдъ прошелъ живо и хотя мы не ждали гостей, а достало на всѣхъ.

Тургеневъ заранѣе уже завладѣлъ стуломъ возлѣ отесеньки; трудно даже повѣрить, что онъ привязываетъ къ этому пустяку какое нибудь значеніе. Послѣ обѣда, когда вошли мы въ гостиную, насъ было такъ много, какъ будто на раутѣ въ Москвѣ. Начались разные толки и разговоры, иногда общіе, иногда частные. Хомяковъ, было думалъ, читать намъ свою новую французскую статью о значеніи православія и католицизма или, какъ называетъ Хомяковъ, романизма и протестантизма, но такъ какъ тутъ были бы слушатели, вовсе неспособные понять ее, и такъ какъ отесенькѣ трудно было бы слушать скорое чтеніе Хомякова по французски, то чтеніе не состоялось, и мы, т. е. сестры и Гильфердингъ молодой, попросили у Хомякова позволенія прочесть особо [1]).

---

[1]) Очевидно, рѣчь идетъ о вышедшей въ 1855 году на франц. языкѣ въ Лейпцигѣ статьѣ А. С. Хомякова „Нѣсколько словъ православнаго христіанина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ“.

Послѣ чаю, мы сѣли особо въ залу за столъ, Гильфердингу надобно было свѣрять свою копію съ этой статьи, и мы начали читать, то я, то Гильфердингъ, вслухъ. Статья эта необыкновенна; свѣтлый христіанскій разумъ, освѣщающій, какъ день, всѣ богословскіе вопросы вѣры, самая глубокая душевная вѣра, живящая всѣ разумные доводы, и служащая основой и источникомъ всѣхъ его взглядовъ на весь міръ, все, что поражаетъ такъ сильно и заставляетъ читателя испытать самое высокое наслажденіе. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вопросы, чисто спеціально богословскіе, для меня не вполнѣ доступны. Мы восхищались каждымъ словомъ, каждое слово такъ полно, такъ точно, такъ обдуманно, что удивляешься, какимъ образомъ французскій языкъ могъ выразить такія глубокія мысли. Мы прочли только половину, въ гостиной шумѣли и говорили, и мы рѣшились оставить чтеніе до другого дня.

Въ гостиной шли разговоры о Россіи и русскомъ человѣкѣ между Константиномъ, Хомяковымъ и Тургеневымъ. Разумѣется, съ Константиномъ никто вполнѣ не соглашается въ его мнѣніи о русскомъ человѣкѣ, т. е. крестьянинѣ; вслѣдствіе того выходило, что Тургеневъ съ Хомяковымъ какъ будто были одного мнѣнія. Константинъ это и замѣтилъ Хомякову, но Хомяковъ поспѣшилъ, даже вопреки учтивости, отречься отъ того, говоря, что онъ не одного мнѣнія съ Тургеневымъ и, что еслибъ они разговорились далѣе, то разошлись бы совершенно во взглядахъ и т. п. Тургеневъ понялъ это и сказалъ: „Константинъ Сергѣевичъ, въ самомъ дѣлѣ, хитеръ, онъ зналъ, что его слова помогутъ ему“, или что-то въ этомъ родѣ. Говорятъ, Тургеневъ говорилъ очень умно. Разошлись, я думаю, около часу.

На другой день по утру, только что мы проснулись, намъ говорятъ, что пріѣхали еще гости. Мы думали, что это Стаховичъ [1]), который давно собирается къ намъ и потому только не поѣхалъ въ одно время съ Хомяковымъ, что узналъ, что у насъ будетъ много гостей; но это былъ не Стаховичъ, а князья Юрій и Андрей Оболенскіе, добрѣйшіе люди, и самые простодушные. Мы имъ всегда рады, и жалѣли, что среди многихъ другихъ гостей не успѣемъ ими заняться. Юрій Оболенскій зналъ, что у насъ будутъ гости, но Андрею сказалъ о томъ только подъѣзжая къ дому, и того это такъ смутило, что онъ готовъ былъ воротиться. Итакъ наше общество прибавилось еще двумя рослыми мужчинами и въ комнатахъ еще стало тѣснѣе. Послѣ завтрака, по просьбѣ всѣхъ гостей, Константинъ читалъ отесенькины сочиненія, именно хронику: „Женитьбу дѣдушки и бабушки“. Они были, разумѣется, въ восхищеніи, особенно Хомяковъ и Гильфердингъ. Тургеневъ, хотя и восхищался, но сдѣлалъ нѣсколько замѣча-

[1]) М. А. Стаховичъ, авторъ „Ночного“.

ній. Оболенскіе уже слышали это самое сочиненіе и говорятъ, что въ другой разъ слушали еще съ большимъ наслажденіемъ. Передъ обѣдомъ пошли погулять, сперва Тургеневъ одинъ, а тамъ и всѣ 10 человѣкъ, но скоро воротились, потому что чуть не завязли въ снѣгу. Мы поѣхали кататься и посадили съ собой Гильфердинга молодаго. Но вѣтеръ былъ такъ силенъ, что катанье не было очень пріятно, къ тому же лошади наши насилу насъ ввезли на гору и когда мы велѣли повернуть назадъ, то совсѣмъ было завязли. Передъ обѣдомъ всѣ почти пошли отдохнуть на верхъ, а Константинъ съ Гильфердингомъ воспользовались этимъ временемъ, чтобы наговориться о филологіи. Оболенскій и Щепкинъ остались внизу и мы прочли между тѣмъ „Театральныя сцены“ Жихарева, гдѣ выведенъ князь Шаховской на репетиціи; написано недурно, но не такъ, чтобы возбудить общій интересъ. Тургеневъ вскорѣ сбѣжалъ сверху въ ужасѣ отъ разговоровъ о филологіи, которыхъ былъ невольнымъ слушателемъ. Скоро и всѣ сошли и сѣли за столъ, который еще болѣе растянулся въ этотъ день.— Обѣдъ былъ очень живой и часто Тургеневъ возбуждалъ общій смѣхъ своимъ отвращеніемъ къ филологіи. Послѣ обѣда было опять чтеніе другого отрывка изъ хроники объ М. М. Куроѣдовѣ. Чтеніе это возбудило, разумѣется, много толковъ о подобнаго рода жестокихъ помѣщикахъ и т. д. Тургеневъ расходился, пришелъ въ неистовство, нервы его раздражились и онъ жалѣлъ, что Куроѣдовъ не былъ наказанъ Степаномъ Михайловичемъ примѣрнымъ образомъ и т. д. Вечеръ прошелъ въ разнородныхъ разговорахъ—и общихъ и частныхъ—и толкахъ. Я успѣла прочесть всю статью Хомякова; Хомяковъ поужинавъ и, закуривъ трубку, расположился, кажется, долго сидѣть по своему обыкновенію, но въ гостиной должны были лечь Рюриковичи, которые всю ночь почти не спали и нуждались въ отдыхѣ [1]). Мы стали прощаться: такъ какъ Хомяковъ и Гильфердингъ уѣзжали рано утромъ, то я и простилась съ ними заранѣе. Прощаясь съ Хомяковымъ, я сказала, какое наслажденіе доставила мнѣ его статья. Хомяковъ принимаетъ всякое сочувствіе и одобреніе, даже хоть отъ малаго ребенка, съ удовольствіемъ и благодарностью и благодарилъ меня искренно. Въ то время, какъ я ему говорила, мы услыхали слова Тургенева, обращенныя къ маменькѣ:

„Даю вамъ слово, что въ будущее воскресенье пойду въ церковь“.

Мы переглянулись, я спросила Хомякова:

Какое, вы думаете, произвела бы ваша статья впечатлѣніе на Тургенева?

— „Ровно никакого, сказалъ онъ—т. е. онъ бы сказалъ: да это умно, очень хорошо и больше ничего, и слѣда бы не осталось.“

---

[1]) Братья Оболенскіе.

Да,—отвѣчала я,—онъ кажется вовсе не способенъ ничего понять духовнаго;—однако-жъ, есть какія-то стремленія, но это не къ духовному, а къ душевности какой-то. Онъ все понимаетъ только впечатлѣніями, чисто даже физическими.

— „Да это правда,—сказалъ Хомяковъ,—стихи Константина Сергѣевича, которые онъ мнѣ читалъ, сильно написаны на него“.

Потомъ мы поговорили о томъ, какъ удивительно, что Vinet, разрушая католицизмъ и протестантизмъ и чувствуя потребность чего-то другого, какого-то новаго жизненнаго начала въ церкви, не только не поздозрѣваетъ, что оно можетъ находиться въ православіи, но даже не указываетъ на него, даже не упоминаетъ о немъ, какъ будто его не бывало, а между тѣмъ, сколько десятковъ милліоновъ исповѣдуютъ его, и человѣкъ ученый, изучившій, конечно, все древнее и новѣйшее, не знаетъ и не обращаетъ вниманія на то, что совершается недалеко отъ нихъ въ виду всѣхъ. Удивительно! Даже не находя исхода и утѣшенія на Западѣ и не видя залоговъ, возрожденія въ будущемъ, онъ указываетъ на отдаленный несчастный народъ, и думаетъ въ его смиреніи, и дѣтской любви къ Богу, и дѣтскихъ понятіяхъ найти въ будущемъ обновленіе жизни вѣры.— Бичеръ-Стоу, замѣчательная американская писательница, превосходнымъ, особенно полнымъ романомъ своимъ „Uncle Tom's cabin“ [1]) также думаетъ, что изъ этого народа возникнетъ истина вѣры.—Хомяковъ сказалъ, что ему обидно и больно, что онъ не зналъ о Vinet при жизни его, что онъ, конечно, сошелся бы съ нимъ во взглядѣ. Конечно Vinet, сколько могъ, понялъ и предчувствовалъ православіе въ возможности [2]). Хомяковъ обѣщалъ намъ прислать какъ можно скорѣе списокъ статьи; черновую-же не можетъ дать потому, что она очень перемарана. Онъ говоритъ: „я сидѣлъ за каждымъ словомъ подолгу для того, чтобы мои враги — не столько иностранцы, сколько здѣшніе, особенно духовнаго званія и направленія,— не могли придраться ни къ одному слову“. — Прочтя статью его, чувствуемъ силу православія и силу русскаго ума. Ни то, ни другое не можетъ сокрушиться.

На другой день, еще я не вставала, когда уѣхали Хомяковъ и Гильфердинги—отецъ съ сыномъ, къ Тройцѣ, а оттуда въ Москву и въ то же время Тургеневъ съ Щепкинымъ прямо въ Москву. Передъ отъѣздомъ Тургеневъ высказалъ нѣкоторыя свои мысли, которыя привели въ негодованіе Константина, и онъ сильно выразилъ его. Тургеневъ, прощаясь съ маменькой, сказалъ: „Вы по крайней мѣрѣ не отчаиваетесь во мнѣ, какъ

---

[1]) „Хижина дяди Тома“.

[2]) Александръ Рудольфъ Вине (1797—1847), извѣстный историкъ литературы и богословъ, бывшій во главѣ движенія за независимую церковь.

вашъ сынъ", и повторилъ обѣщаніе быть у обѣдни въ будущее воскресенье. У насъ остались два Оболенскіе, но это такіе добрые и простодушные люди, что намъ показалось, что мы остались одни и отдохнули съ ними. Но князь Юрій Оболенскій очень неловко пустился разсуждать и самъ совершенно запутался въ своихъ разсужденіяхъ. Константинъ попробовалъ было ему уяснить значеніе брака, какъ таинства и т. д., но тотъ остался при томъ, что послѣ разсужденій онъ убѣждается, что бракъ не таинство и т. д. и потому лучше не разсуждать.—Князь Андрей несравненно умнѣе и все можетъ понять, прекрасный человѣкъ и очень насъ любитъ. Они упросили прочесть Шишкова [1]), а послѣ обѣда читали *Годъ въ деревнѣ*, (отрывокъ изъ „Гимназіи"). Разумѣется, остались очень довольны; уже поздно вечеромъ уѣхали и они, и мы остались одни.

На другой день принялись всѣ опять за прежнія свои занятія. Какъ обыкновенно водится, часто толковали о посѣщеніи гостей, о каждомъ изъ нихъ въ особенности, и т. д.

Сегодня, т. е. *25 янв.* получилъ Иванъ письмо отъ князя Юр. Андр. Оболенскаго съ увѣдомленіемъ, что братъ его Дмитрій зоветъ Ивана въ Петербургъ, чтобы переговорить о мѣстѣ въ Астрахани. Иванъ рѣшился ѣхать, хотя судя по его словамъ, врядъ ли можно ожидать, что онъ возьметъ на себя это мѣсто. Константинъ также собирался въ Москву, и потому они поѣдутъ вмѣстѣ.

26-е. Въ деревнѣ у насъ очень много больныхъ эпидемическими болѣзнями. Рѣшились послать за докторомъ. Брызгаловъ пріѣхалъ къ обѣду, осмотрѣлъ больныхъ и нашелъ, что у всѣхъ тифъ, что у иныхъ очень легкаго, но у другихъ очень дурного свойства, назначилъ множество лекарствъ, и надобно было этимъ заняться. Послѣ обѣда, среди всѣхъ этихъ хлопотъ пріѣхалъ Гиляровъ съ женой. Гиляровъ, разстроенный до крайности, хочетъ выходить въ отставку, между тѣмъ средствъ нѣтъ, и тутъ еще жена больная, причудливая и, должно быть, несноснаго характера. Послѣ ихъ отъѣзда уѣхали и братья.

29. Константинъ воротился изъ Москвы, Иванъ уѣхалъ въ Петербургъ наканунѣ. Константинъ особенныхъ извѣстій не привезъ. Видѣлъ своихъ знакомыхъ. Мира, говорятъ, не будетъ и, даже говорятъ, Государь не доволенъ, что дворянство мало высказало рвенія къ войнѣ; но какое-же можетъ быть рвеніе, когда въ томъ-же манифестѣ говорится и о мирѣ; впрочемъ и дворянство хорошо—глупо, подло, своекорыстно и невѣжественно.—Въ отсутствіи Константина получилъ отесенька письмо отъ Ку-

---

[1]) „Воспоминаніе объ А. С. Шишковѣ" (въ 3-мъ томѣ „Полн. собр. соч." С. Т. Аксакова).

лиша, уже изъ деревни. Мы знали прежде, что онъ проѣхалъ въ деревню, гдѣ нашелъ жену очень больною.

Въ воскресенье, т. е. 30 числа получили мы газеты и русскія и иностранныя. Въ Англіи министерство рушилось, Россель вышелъ въ отставку прежде, и всѣ его обвиняютъ. Состояніе англійской арміи, по ихъ собственному признанію, ужасное. Требуютъ перемѣны администраціи. Вѣроятно, Пальмерстонъ будетъ первымъ министромъ. Пруссія и Австрія ссорятся.

Вотъ и *Масляница*. Мы проводимъ ее какъ и всѣ дни; разница только въ томъ, что за завтракомъ каждый день блины.

Воскресенье 6 февраля. Завтра постъ, Масляница прошла и для насъ отчасти по масляничному. Игуменья звала маменьку, Константина и всѣхъ на блины.

Въ четвергъ 3 февраля. Маменька и другіе уже уѣхали. когда мы получили почту, письмо отъ М. Карташевской, въ которомъ она пишетъ, что они уже прочли манифестъ объ ополченіи; итакъ, кажется наше правительство потеряло надежду на миръ. На другой день, 4 февраля получили мы и самый манифестъ и положеніе—23 человѣка съ тысячи. Манифестъ написанъ ужасно дурно, безтолково и непонятно и, хотя и говорится, что наши цѣли всегда были—-защита правъ единовѣрныхъ братій и христіанства на Востокѣ, и потомъ опять упоминается о православіи, но написанъ онъ все же не довольно рѣшительно и чрезвычайно дурно, вѣроятно переводъ; и опять таки упоминается о мирѣ. Его никто не пойметъ и онъ врядъ ли возбудитъ сочувствіе, а скорѣе уныніе. Уже теперь нельзя повѣрить, какъ въ началѣ. Довѣріе потеряно; уже одинъ разъ пошли и воротились. Теперь только дѣло самое можетъ убѣдить въ искренности и рѣшительности намѣренія Богъ ведетъ насъ противъ воли нашего правительства. Что Богъ дастъ—Богъ не оставитъ православныхъ! Какъ обманулись теперь тѣ подлые угодники, которые думали проявленіями желанія мира угодить правительству, какъ, напримѣръ, особенно казанскій адресъ—подлѣе всѣхъ. Москва написала самый воинственный адресъ, но Закревскій его остановилъ и Москва только послала самое сухое отношеніе, что готова на все. Получили письмецо отъ Ивана, онъ всѣ разсказы оставляетъ до свиданья.

Въ субботу, т. е. вчера, у насъ была игуменья съ внучкой и съ нѣкоторыми монахинями, обѣдали, говорили, занимали ихъ.

Сегодня, т. е. 6 февраля съ почтой получены московскія газеты и иностранный журналъ. Новаго ничего. Мы знали и прежде, что Пальмерстонъ составилъ уже министерство и тамъ война. Пруссія вѣрно также. скоро соединится съ нашими врагами, а за ней и всѣ другія державы

Константинъ написалъ еще письмо къ К. Д. Оболенскому [1]) и послалъ съ Иваномъ. Константинъ въ немъ совѣтуетъ какъ необходимое, единственное средство къ нашей собственной оборонѣ—перейти Дунай, взять Константинополь и поднять славянъ. Письмо написано убѣдительно, ясно и толково, но врядъ-ли можно ожидать какой-нибудь пользы отъ какихъ-бы ни было писемъ у насъ, да и до Государя не доходитъ ничего. Турція безъ войскъ. При первомъ нашемъ рѣшительномъ движеніи, Австрія должна распасться, если мы увѣримъ славянъ въ своемъ непреклонномъ рѣшеніи. Они и теперь, бѣдные, волнуются. Сербія въ движеніи и уже у Буоля были переговоры съ нашимъ посланникомъ княземъ Горчаковымъ. Какъ бы мы сами не стали ихъ усмирять, чего добраго!

Но вотъ и постъ начинается. Въ настоящую минуту, въ минуту великихъ міровыхъ событій, всеобщихъ человѣческихъ страданій и особенно бѣдствій всякаго рода, настоящихъ и грядущихъ на нашу страну, настоящій постъ долженъ былъ бы получить особенное значеніе покаянія всенароднаго, очистистительнаго поста за всеобщіе народные грѣхи и частные также, приготовленія ко всякимъ жертвамъ, подвигамъ, къ великимъ событіямъ, въ которыхъ ясно совершаются судьбы Божіи и которыхъ мы еще теперь не можетъ вполнѣ обнять.

Дай Богъ всѣмъ провести этотъ постъ такъ, какъ должно, въ молитвѣ и покаяніи и встрѣтить въ радости великій праздникъ Воскресенія Христова.

11 февраля, суббота. Вотъ и первая недѣля поста къ концу. Мы провели все это время довольно тихо, ѣздили въ церковь къ Мефимонамъ. На второй день былъ священникъ съ постной молитвой. Въ среду сестры не смотря на ужасную погоду, ѣздили къ Тройцѣ. Безпрестанно все кто нибудь нездоровъ, отесенька нѣсколько разъ чувствовалъ что то въ родѣ лихорадки, но тутъ стало получше и Константинъ рѣшился ѣхать въ Москву на чрезвычайное собраніе дворянъ, на которое получили приглашеніе черезъ становаго. Хотя это ополченіе не то, что бы оно могло быть, но все же нельзя не принять участіе, по крайней мѣрѣ, въ выборѣ начальниковъ, содѣйствовать выбору Ермолова и т. д. Сестры воротились поздно отъ Тройцы. Уже всѣ разошлись по своимъ комнатамъ и легли спать, когда пріѣхалъ Иванъ. Мы съ маменькой его встрѣтили, напоили чаемъ и часу до третьяго сидѣли съ нимъ, слушая его разсказы. Въ Москвѣ ожидаютъ Константина къ собранію дворянъ, всѣ хотятъ выбрать Ермолова, но утвердятъ-ли его?—вотъ любопытный вопросъ. Новаго въ Петербургѣ ни-

[1]) Князь Дм. Андр. Оболенскій, членъ гос. сов. и сенаторъ, (1822—81), въ то время служилъ по морскому министерству, былъ близокъ къ кружку В. К. Елены Павловны.

чего нѣтъ. Государь совершенно стоитъ одинъ, ни съ кѣмъ изъ семьи своей не сообщается и дѣйствуетъ противу желанія даже сыновей своихъ. Наслѣдникъ, конечно, не имѣетъ твердыхъ убѣжденій, но Константинъ Николаевичъ совершенно преданъ русскому направленію. Государь утѣшается тѣмъ, что англійская армія погибаетъ, что Пеккеръ въ рѣчи сказалъ, что и флотъ англійскій также никуда не годится и т. д. Придворные, а также какъ и семья царская, находяся внѣ всякаго вліянія на дѣла политическія и отстраненные государемъ отъ всякаго вмѣшательства, ищутъ себѣ какихъ нибудь развлеченій въ слухахъ о томъ, что дѣлается тамъ-то и тамъ-то, особенно въ Москвѣ, особенно между людьми замѣчательными по уму и своему направленію. Разумѣется, славянофилы больше всего ихъ интересуютъ и они почти все знаютъ, что дѣлается между ними. Уже великая княгиня Елена Павловна знаетъ, что К. Аксаковъ и Самаринъ не были на юбилеѣ и т. д., что Иванъ Сергѣевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ и т. д. Петербургъ, какъ Иванъ говоритъ, потерялъ довѣріе къ себѣ самому, къ своей администраціи и къ силѣ прежняго порядка и ждетъ чего-то все изъ Москвы.—„Ну, довольны Вы теперь,—говорили ему—въ манифестѣ упомянуто о вѣрѣ и о братьяхъ“? Муравьевъ М. Н. [1]), членъ государственнаго совѣта, былъ чрезвычайно любезенъ съ Иваномъ, жалъ ему руку и все заговаривалъ о Москвѣ, но Иванъ ему все говорилъ о своемъ отчетѣ, наконецъ Муравьевъ сказалъ по какому то поводу о настоящихъ дѣлахъ: „Это все идетъ еще дѣло чухонское, петербургское, отъ него не будетъ добра, а вотъ когда будетъ дѣло *русское*, *московское*, тогда совсѣмъ пойдетъ другое“.

Въ настоящую минуту политическихъ новостей особенныхъ нѣтъ. По иностраннымъ журналамъ видно, что, въ самомъ дѣлѣ, армія англичанъ подъ Севастополемъ въ крайнемъ положеніи, французы заняли всѣ англійскіе посты, англичанъ осталось всего тысячъ 21 и тѣ на половину не въ состояніи работать. Въ парламентѣ громко объ этомъ говорятъ и не скрываютъ ужаснаго положенія своего и почти позора Англіи. Times не щадитъ выраженій, чтобъ представить ужасную картину всѣхъ бѣдствій, и не скупится укорами правительству и вообще всей администраціи. Самыя крѣпкія основы англійскаго устройства колеблются, нижняя палата громко кричитъ противъ аристократическихъ началъ, которыя все парализуютъ, не даютъ хода людямъ со способностью и т. д. Кажется, Англіи угрожаетъ переворотъ, если не внѣшній, то внутренній. Какъ то она его вынесетъ, особенно при такихъ обстоятельствахъ! Все, чѣмъ она такъ гордилась до сей поры, своимъ непоколебимымъ устройствомъ, своей силой и

[1]) Мих. Николаевичъ Муравьевъ—Виленскій.

могуществомъ, все теперь оказалось несостоятельнымъ. Основы ея оказались ложными и наше время обличило всю ничтожность этого наружнаго блеска и крѣпости.

Великое явленіе! Французы пока держатся, хотя и имъ плохо приходится, и вѣроятно и у нихъ лопнетъ вдругъ. Несвойственное положеніе Франціи, вѣроятно, кончится также паденіемъ. Піемонтъ приступилъ къ союзу съ Англіей и Франціей, Австрія также съ ними въ союзѣ, теперь только дѣло за Пруссіей, которая требуетъ отдѣльнаго союза съ Англіей и Франціей, а не хочетъ приступить къ австрійскому союзу съ ними; сперва Франція на это не соглашалась, но теперь, какъ пишутъ журналы, она уступила желанію Пруссіи и тогда, конечно, Пруссія будетъ допущена до конференціи о мирѣ въ Вѣнѣ, вѣроятно вполнѣ согласится со всѣми на счетъ требованій уступокъ отъ Россіи, но Россія приняла уже всѣ 4 пункта. Теперь вопросъ только въ томъ, какими именно способами ограничить могущество Россіи на Черномъ морѣ?

Пунктъ объ ограниченіи силъ нашихъ на Черномъ морѣ, вообще принятъ, но подробности исполненія этого условія еще не рѣшены.

Въ нотѣ Нессельродѣ просилъ только, чтобы не стѣсняли Государя *chez lui*. Въ Англіи Пальмерстонъ первымъ министромъ, но въ послѣднихъ газетахъ сказано, что и это министерство не прочно и что, можетъ быть, Пальмерстонъ вынужденъ будетъ сдѣлать воззваніе къ народу. И въ Англіи и Франціи начинаютъ возставать противъ обнародованія частныхъ писемъ изъ Севастополя, взываютъ къ patriotisme de discrétion. Это немного поздно. Подъ Севастополемъ, у насъ безпрестанныя вылазки, которыя очень тревожатъ утомленнаго непріятеля, измученнаго снѣгомъ, холодомъ и грязью, попеременно смѣняющимися. Въ Евпаторіи все посылаютъ турокъ, которые должны будутъ съ сѣвера окружить Севастополь, но у насъ тамъ войска, говорятъ, до 130 тысячъ. Меньшиковъ, какъ слышалъ Иванъ въ Петербургѣ, не сообщаетъ Государю ничего болѣе того, какъ что печатается въ газетахъ, и почти ничего не отвѣчаетъ на требованіе Государя, который посылаетъ ему свои распоряженія изъ Петербурга, требуетъ отъ него плановъ его дѣйствія. Меньшиковъ отвѣчаетъ, что когда прогонитъ французовъ, тогда отошлетъ такую то дивизію, и т. д. Иванъ видѣлъ въ Петербургѣ Костича воротившагося изъ Сербіи. Сербское правительство, расположенное въ пользу Австріи, его преслѣдовало, и онъ съ трудомъ уѣхалъ, но народъ сербскій болѣе, чѣмъ когда нибудь, преданъ Россіи и готовъ избить каждаго, кто будетъ увѣрять, что Россія приняла 4 пункта. Несчастные славяне не хотятъ и вѣрить нашему предательству, но Богъ, можетъ быть, не допуститъ насъ совершить его. Въ четверговыхъ газетахъ помѣщена прекрасная рѣчь Иннокентія, говоренная имъ въ напутствіе бол-

гарамъ-волонтерамъ, шедшимъ изъ Измаила въ Севастополь, которыхъ велѣно было воротить. Эта рѣчь прекрасна, написана безъ малѣйшаго подлаго выраженія, упоминаетъ о долгѣ душевномъ Россіи къ нимъ, т.-е. славянамъ, возбуждаетъ ихъ уповать непреложно на судьбы Божіи и т. д. Такое слово именно было необходимо въ настоящую минуту. Оно утѣшитъ, укрѣпитъ вѣру несчастныхъ славянъ въ сочувствіе русскихъ, это просто воззваніе.

Какъ у насъ позволили напечатать, не можемъ понять, но у насъ все непослѣдовательно. А Филаретъ нашъ молчитъ и ни одного слова сочувствія, утѣшенія, или укрѣпленія не вырвалось у него по поводу такихъ великихъ событій и бѣдствій, удивительно!—Новаковичъ, попавшій вмѣстѣ съ Костичемъ въ Сербію, остался тамъ профессоромъ семинаріи въ Бѣлградѣ. Костичъ, уѣзжая наскоро изъ Сербіи, захватилъ съ собой его книжку записную, въ которой были также записаны по просьбѣ Новаковича нами самими имена всей нашей семьи. „Когда буду священникомъ или монахомъ, буду молиться объ васъ“—сказалъ онъ намъ и мы охотно исполнили его желаніе.

Теперь же эта книга попалась въ руки Г. Блудовой, покровительницы Костича и всѣмъ сдѣлалось извѣстно. Штейнбокъ прислалъ Константину безцѣнный для него подарокъ. Это превосходно вытопленная группа, разумѣется, въ маленькихъ размѣрахъ, такого содержанія: русскій мужикъ стоитъ прислонясь слегка къ камню, скрестя руки и смотритъ съ совершенно спокойнымъ выраженіемъ лица; противъ него, въ нѣкоторомъ разстояніи турокъ, котораго подталкиваютъ съ одной стороны французъ, а съ другой англичанинъ, турокъ упирается, хотя и схватился одной рукой за кинжалъ.

Всѣ фигуры сдѣланы превосходно, сколько жизни и простоты, ни малѣйшей каррикатуры, напротивъ—всѣ линіи такъ просты и благородны. Мы съ наслажденіемъ любуемся этимъ, истинно художественнымъ произведеніемъ; жаль, что оно не можетъ быть исполнено въ большихъ размѣрахъ. И каково же, Государь запретилъ его!!... Почему и какъ, даже трудно рѣшить, развѣ страшна показалась фигура русскаго человѣка?

Мы должны были ставить рекрута, предоставили это крестьянамъ и жребій палъ на человѣка, котораго все же менѣе жаль другихъ; вдругъ получаемъ извѣстіе съ дороги, что онъ бѣжалъ, однакожъ на другой день его нашли. Вѣроятно, онъ и не хотѣлъ убѣжать совсѣмъ, а только укрылся на время. Обвинять въ этомъ поступкѣ нельзя, хотя предъ своимъ обществомъ онъ виноватъ; за него долженъ бы идти другой.

15 февраля. Вчера пріѣхалъ изъ Москвы крестьянинъ и сказалъ, что бѣжавшій врядъ ли будетъ принятъ въ рекруты, потому что совер-

шенно измѣнился въ лицѣ. Они думаютъ, что онъ принялъ, что-нибудь нарочно. Тягостное дѣло! Сколько горя! Намъ прислали изъ Москвы разныхъ журналовъ и мы принялись читать ихъ. Братья должны были пріѣхать сегодня, но съ почтой получили коротенькое письмо отъ нихъ. Константинъ пишетъ что еще не выбрали губернскаго начальника ополченія, что онъ самъ не участвуетъ въ выборахъ, потому что не московской губерніи, что во вторникъ, (т. е. сегодня) будутъ выбирать Ермолова и они, вѣроятно, останутся тамъ. Иванъ приписываетъ, что страшныя интриги, что баллотируются—Чертковъ, Трубецкой, Волковъ [1]). Не можемъ хорошенько понять, что у нихъ тамъ дѣлается. Завтра, вѣроятно, они пріѣдутъ. Но какая подлость подымать интриги противъ выбора Ермолова, какая дерзость смѣть тягаться съ нимъ. Вѣроятно, впрочемъ тутъ есть интрига полицейская, но хороши наши дворяне, нечего сказать, подлость и своекорысть—вотъ ихъ двигатели.—Съ почты привезли намъ 5 № „Journal de Francfort“. Интереснаго и новаго ничего въ немъ нѣтъ. Конференціи не начинались еще; говорятъ, Россія расположена къ уступкамъ и къ ограниченію своей власти на Черномъ морѣ. Пожалуй, согласятся сжечь флотъ, и разрушить Севастополь. Лордъ Жонъ Россель назначенъ уполномоченнымъ на Вѣнскія Конференціи. Пруссія все толкуетъ о трактатѣ своемъ съ Франціей,—говорятъ, будто для того, чтобъ быть посредницей между Россіей и западными державами. Неаполь присоединяется къ общему союзу противъ насъ; если это и неправда, то по крайней мѣрѣ, очень вѣроятно, всѣ иностранныя державы должны быть въ одномъ союзѣ противъ насъ, а мы отталкиваемъ и предаемъ своихъ единственныхъ союзниковъ—несчастныхъ православныхъ братій. Сами иностранные журналы не могутъ скрыть, что изъ австрійской арміи много перебѣгаютъ къ русскимъ, но русскіе выдаютъ ихъ австрійцамъ и потому они теперь должны скитаться въ лѣсахъ. Возмутительно слышать это, тѣмъ болѣе, что это должно быть справедливо. Отвѣтъ дадутъ въ страданіяхъ этихъ несчастныхъ, тѣ, которые должны были ихъ спасти!

Вечеромъ пріѣхалъ нашъ деревенскій священникъ съ женой, онъ сказывалъ намъ, что слышалъ отъ крестьянъ, что къ назначенному числу ополченія прибавлено еще 17 человѣкъ, итакъ—40 человѣкъ съ тысячи. Онъ удивляется, какъ они все знаютъ, что пишется въ газетахъ, какое живое участіе принимаютъ и хотя судятъ по своему, но очень справедливо. Замѣчательно, что еще въ самомъ началѣ нашихъ несогласій съ иностранными державами, крестьяне говорили, что теперь будетъ время тяжелѣе 12-го года, что насъ хотятъ окружить со всѣхъ сторонъ, запереть кру-

[1]) А. П. Ермоловъ былъ въ это время въ опалѣ. Чертковъ—московскій губернскій предводитель.

томъ и на моряхъ,—это было тогда, когда мы сами еще не знали того и чтожъ, все вышло точно такъ. А теперь они нисколько не унываютъ и не боятся за себя самихъ и за свою землю, они говорятъ, что теперь Англія совсѣмъ разорится, что у ней послѣдняя королева, что больше ея не будетъ, а что во Франціи Государь посадитъ другого Царя, а этого сгонитъ. У народа и мысли не является о возможности побѣды надъ Россіей. Но они предчувствуютъ самую продолжительную борьбу. Нашъ староста говорилъ, своимъ особеннымъ способомъ выражаясь, въ родѣ этого, на объявленіе ему объ ополченіи: „что дѣлать, ужъ это общая бѣда, мы полагаемъ, что этимъ еще и не обойдется, что и еще надобно будетъ. Еслибъ то-есть, мы теперь молитвами какихъ-нибудь святыхъ людей, и въ пухъ разбили Англію и Францію, они, то-есть, черезъ нѣсколько лѣтъ опять бы собрались на насъ, и все будетъ вражда, еще скорѣй, то-есть если и мы уступимъ то все не уладится“ и т. д.

Сейчасъ прочли нѣсколько превосходныхъ проповѣдей одесскаго Иннокентія во время нашествія непріятеля на Одессу съ моря. Какъ хорошо, просто, какое истинно-христіанское, пастырское слово, какъ соотвѣтствуетъ минутамъ, въ которыя оно было говорено! И въ каждомъ онъ повторяетъ о братіяхъ, о святомъ долгѣ стоять за нихъ и т. д. Дай Богъ, чтобъ онъ такъ и продолжалъ. Московскій митрополитъ не сказалъ ни одного слова по поводу настоящихъ, столько важныхъ обстоятельствъ и бѣдствій грядущихъ на Россію.

16 февраля. Ждали утромъ братьевъ, но вмѣсто того получили отъ Константина письмо съ крестьяниномъ. Ермолова выбрали, Константинъ пишетъ: чудная была минута. Константина уговорили остаться на сегодня, будутъ баллотировать предложеніе послать депутацію къ Ермолову, послѣ которой онъ долженъ явиться въ собраніе. Это будетъ удивительная минута. Боимся, что Константинъ не останется до конца. Хочетъ пріѣхать сегодня послѣ собранія. Послали ему на подставу лошадей.—Избраніе Ермолова—важное событіе; утвердятъ ли его въ Петербургѣ?

Вечеромъ въ 9 часовъ пріѣхалъ Константинъ прямо къ намъ за чай, мы его обступили, съ нетерпѣніемъ желая слышать его разсказъ. Вотъ что онъ намъ сообщилъ.

Въ пятницу Константинъ, пріѣхавши въ Москву, отправился къ Черткову, потомъ къ Трегубову—нашему уѣздному предводителю. Этотъ послѣдній, прочитавъ отесенькино письмо, сказалъ, что Константинъ участвовать въ собраніи не можетъ, т. е. не можетъ имѣть шара, потому что не приписанъ къ Московской губерніи. Но Константинъ скоро узналъ, что можетъ присутствовать на собраніи. Въ субботу, въ 11 часовъ, пріѣхали они въ домъ собранія, сперва пошли на хоры, но скоро знако-

мые созвали ихъ внизъ. Собрались дворяне и губернскій предводитель. Губернаторъ Капнистъ прочелъ манифестъ, его прослушали въ совершенномъ молчаніи, затѣмъ губернаторъ сказалъ нѣсколько словъ объ увѣренности Государя въ усердіи дворянъ и т. д. Тоже молчаніе. Тутъ, тотчасъ, Чертковъ сталъ приглашать дворянъ въ соборъ и, такимъ образомъ, помѣшалъ, можетъ быть, на этотъ случай невинно, исполниться намѣренію нѣкоторыхъ, тотчасъ послѣ рѣчи губернатора провозгласить Ермолова, какъ начальника ополченія. Всѣ отправились въ соборъ, наконецъ возвратились оттуда и тутъ Чертковъ, не допуская еще разсужденій, представилъ дворянамъ правила выборовъ, имъ составленныя съ явнымъ намѣреніемъ не допустить, по крайней мѣрѣ, затруднить выборъ Ермолова. Многіе это поняли и не согласились съ правилами, которыя вообще были несправедливы и нелѣпы. Начался споръ, многіе предложили Ермолова, нѣкоторые говорили, что его нельзя выбирать, что онъ служитъ, другіе, что онъ не приметъ. Словомъ сказать, видны были тайныя дѣйствія тупой интриги, во главѣ которой стоялъ Чертковъ, да вѣроятно и всѣ власти, не желавшія допустить выбора Ермолова. Много шумѣли и спорили, призывали для разрѣшенія сомнѣній прокурора. Правовѣдъ Ровинскій [1])—тотъ очень хорошо и ясно разрушалъ приговоромъ закона всѣ козни интриги. Звенигородскій уѣздъ (въ которомъ сильно дѣйствовалъ Самаринъ) предложилъ единогласно Ермолова, Дмитріевскій также.—Суббота, воскресенье прошли въ этой борьбѣ.—Въ понедѣльникъ появилось въ собраніи письмо Ермолова, писанное въ отвѣтъ на приглашеніе Закревскаго (генералъ-губернатора), впрочемъ друга Ермолова, отказаться самому отъ выборовъ.—Сильное и желчное письмо Ермолова хотя смутило нѣсколько малодушныхъ, но не помѣшало тому, что всѣ уѣзды написали его первымъ. Кандидатомъ ему назначили графа Строганова. Одинъ уѣздъ записалъ еще Черткова, а еще одинъ на случай записалъ Трубецкаго. Выборы были отложены до вторника [2]).

На другой день собрались для баллотировки. Константинъ говоритъ, что минута была торжественная. Стали разносить шары и слова: „баллотируется Алексѣй Петровичъ Ермоловъ“ сильное произвели впечатлѣніе на всѣхъ. Всѣ толпой обступили столъ; баллотировка кончилась; стали считать шары, всѣ въ молчаніи и въ волненіи слѣдили за счетомъ, наконецъ раздалось: 206 бѣлыхъ, черныхъ 9. Итакъ Ермоловъ выбранъ! Волненіе охватило всѣхъ, раздалось въ серединѣ ура и разрази-

[1]) Извѣстный юристъ, общественный дѣятель и знатокъ искусства.

[2]) Подробности выбора Ермолова и его желчное письмо напечатаны у Н. П. Барсукова „Жизнь М. П. Погодина“, XIII, стр. 382. Тутъ же приведено и письмо М. П. Погодина, о которомъ рѣчь идетъ ниже.

лось во всемъ собраніи, въ галлереяхъ и на хорахъ такимъ одушевленнымъ крикомъ. Лица просвѣтлѣли, многіе плакали, восторгъ былъ общій; вдругъ раздался голосъ князя Мих. Оболенскаго: „Господа, у Ермолова черныхъ шаровъ быть не можетъ, они положены по ошибкѣ“. По ошибкѣ, по ошибкѣ! закричали всѣ. И вслѣдъ за этимъ раздалось въ толпѣ: просить, просить, просить! Хотѣли тотчасъ отправить депутацію къ Ермолову, чтобы просить его пріѣхать въ собраніе, но и тутъ низкій Чертковъ воспрепятствовалъ, сказалъ, что это незаконно и т. д. Прокуроръ сказалъ, что хотя закона нѣтъ, но это въ обычаѣ и всегда такъ дѣлается, когда выбираются купеческіе головы, но Чертковъ рѣшительно не согласился и сказалъ, что онъ не поѣдетъ вмѣстѣ съ ними и что надобно сперва выбрать и другихъ. Выбаллотировали Строганова: ему положили 137 бѣлыхъ и 76 черныхъ. Чертковъ рѣшительно воспротивился депутаціи и предложилъ баллотировать это намѣреніе на другой день. Непріятно было всѣмъ это противодѣйствіе и, говорятъ, досталось Черткову, но нечего дѣлать, чтобы не испортить дѣла, надобно было покориться.—Чертковъ и Трубецкой отказались отъ баллотировки. Въ это самое время ходило въ собраніи письмо къ Ермолову Погодина, послѣ выборовъ.

Константинъ читалъ его на хорахъ вслухъ дамамъ, которыя не менѣе были въ восторженномъ настроеніи. Письмо горячее, но есть и ложка дегтю, говорятъ. Мы его еще не читали.—На другой день собрались опять въ домъ собранія. Чертковъ принесъ письмо Ермолова, гдѣ тотъ, благодаря дворянство за выборы, проситъ отклонить депутацію.—Говорятъ, онъ ее ожидалъ въ самый день баллотировки, но не ожидалъ „ура“ и вѣрно удовлетворившись этимъ, остерегся повторенія другого изъявленія. Послѣ окончанія собранія хотѣли всѣ отправиться къ нему, расписаться. Константинъ предлагалъ адресъ,—врядъ-ли соберутся.—Иванъ остался въ Москвѣ. Не знаемъ, что-то тамъ дѣлается. Пошло-ли представленіе о выборахъ, а главное—вотъ вопросъ, который занимаетъ всѣхъ, утвердитъ-ли или нѣтъ Государь—Ермолова? Выборъ Ермолова одинъ оживилъ значеніе ополченія, которое само по себѣ не возбуждаетъ почти вовсе сочувствія: всѣ на него смотрятъ какъ на удвоенный рекрутскій наборъ, въ который включены и дворяне.

Умѣли опошлить самыя высокія минуты, вынуть душу изъ всякаго живого дѣла, какъ говоритъ Константинъ, и что за ополченіе, когда ведутся переговоры и соглашаются на самыя унизительныя и преступныя уступки, потерянъ уже стыдъ, уже согласились на ограниченіе или даже уничтоженіе нашей власти на Черномъ морѣ! Горчаковъ сдѣлалъ было оговорку, чтобы, по крайней мѣрѣ, не нарушали „les droits de Souve-

raineté de l'Empereur de Russie chez lui", но и эту оговорку согласились исключить. Чего же ждать послѣ этого, какой можетъ быть энтузіазмъ при ополченіи! Кто поручится, что не велятъ сдать Севастополь и не отдадутъ Крыма и пр.—Всѣ тягости войны, всѣ труды и опасности остаются тѣ же, и даже съ каждымъ днемъ увеличиваются, но отнятъ духъ одушевлявшій всѣхъ, отнята увѣренность въ пользѣ этихъ трудовъ и жертвъ, отнято сознаніе, что недаромъ они приносятся, а за святое дѣло, за вѣру и братьевъ, отъ которыхъ теперь уже отказались, принявши условія. Впрочемъ, конечно, намъ не дадутъ мира, вѣроятнѣе всего, что потребуютъ такихъ уступокъ, на которыя даже и наше правительство не можетъ согласиться, а главное, побоится согласиться. Но и тутъ чего можно ожидать! Мы будемъ вести войну оборонительную, стало быть, по свидѣтельству всѣхъ авторитетовъ, самую невыгодную, боясь перейти за границы свои; мы должны будемъ съ первой же минуты отступить и внести войну въ свои предѣлы. Къ тому же, теперь, съ каждымъ днемъ, являются все новые и новые союзники къ нашимъ врагамъ. Мы выждемъ, пока всѣ соберутся противъ насъ, пока французы пришлютъ 100 тысячъ въ Польшу и подымутъ ее, пока шведы войдутъ въ Финляндію и т. д. И даже еслибъ и тогда Богъ помогъ намъ одолѣть нашихъ враговъ, и тогда наше великодушное, въ отношеніи иностранныхъ державъ, правительство первое возобновило бы готовность приступить къ миру на тѣхъ же условіяхъ, на которыя они уже согласились. Какой можетъ быть послѣ этого энтузіазмъ и духъ въ несчастныхъ, безполезныхъ жертвахъ, въ нашихъ войскахъ. Это возмутительнѣе всего—видѣть неизбѣжность жертвъ и не имѣть утѣшенія думать, что онѣ приносятся въ пользу святого дѣла.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Письма А. И. Герцена къ К. С. и И. С. Аксаковымъ [1].

I.

Грановскій поручилъ мнѣ, любезнѣйшій Константинъ Сергѣевичъ, попросить Васъ къ нему вечеромъ въ субботу—онъ хотѣлъ самъ писать, но я взялся за это, Вы вѣрно будете такъ любезны, что пріѣдете поболтать и посидѣть съ нами.

Не пришлете-ли еще „Москвитянина“,—и этотъ № хорошъ, что и говорить.

Сегодня вечеромъ будетъ у меня отъѣзжающій. Неугодно-ли и Вамъ.

Душевно преданный

А. Герценъ.

7 октября.

II.

Вѣрите-ли, что кардинальскій пуншъ происхожденіемъ славянинъ отъ жженки?—а если вѣрите, то я не вижу почему Вамъ не сдѣлать мнѣ одолженія и въ четвергъ въ 9 часовъ вечера не выпить жженку, которую я собираюсь варить подъ непосредственнымъ начальствомъ Кетчера.

Весь Вашъ

А. Герценъ.

III.

Ваша записка заставляетъ меня думать и думать. За откровенность не только благодарю, но искренно отъ всей души и съ полнымъ уваже-

---

[1]) Письма эти печатаются нами съ подлинниковъ, любезно доставленныхъ намъ О. Г. Аксаковой. Первыя четыре письма или, вѣрнѣе, записки безъ датъ, не относятся, очевидно, ко времени, предшествовавшему въѣзду Герцена за границу. *Ред.*

ніемъ жму руку—но чего-то тутъ не понимаю. Будьте откровенны, я Васъ прошу—до конца—всякую откровенность я оправдаю.

Если Вамъ можно на одну минуту сегодня завернуть ко мнѣ—я Вамъ буду много обязанъ. Я самъ сейчасъ отправился бы къ Вамъ—но Вы пишите, что Вамъ недосужно. Прошу Васъ завернуть и передать новость—да и объяснить записки. Вы-ли, ты-ли, но я Васъ искренно уважаю, хотя признаюсь, немного досадно, что Вы пишите объ искренности.

Итакъ, если можно

IV.

Бартеневъ говаривалъ, что галиматья бываетъ простая и сугубая, но эта квадратность принадлежитъ сверхъ того и разсѣянности. Я забылъ отдать *тебѣ* („Вы" мы уничтожили прошлый разъ) билетъ, а потомъ вспомнилъ да все же не отдалъ. Пусть у тебя есть свой; но дай кому хочешь этотъ, ибо и онъ твой. Грановскій дуется на меня, что я забылъ отдать. Вотъ онъ.

Довольны-ли-съ „Моск. Вѣдом."?

V.

13 января 1858 г.

Начинаю русскій новый годъ тѣмъ, что пишу къ самому русскому изъ моихъ знакомыхъ и притомъ не староверу, а новому русскому, т. е. къ Вамъ. Дружески благодарю Васъ за письмецо, доставленное (неразборчиво) и ея мужемъ. Ваши строки, какъ всегда, дышатъ силой, и такъ проникнуты любовью и негодованіемъ, что мы всегда перечитываемъ ихъ нѣсколько разъ. Или я очень дурной авторъ—или Вамъ еще предстоитъ сильно eingreifen въ настоящія событія. И потому очень жаль, что журналъ не состоялся—а отчего Вы не можете сладить съ другими? Оттого, что въ сущности—Вы не дѣлите ихъ воззрѣній. Мнѣ кажется, что Вы къ нимъ относитесь въ томъ родѣ, какъ я къ нашимъ „западникамъ". А изъ этого натурально и выходитъ, что мы нося разныя кокарды—больше согласны между собой—нежели однополчане. Такъ напр., прежде Вашей (предпослѣдней) записочки—я писалъ уже о нелѣпости поклоненія централизаціи и о непониманіи страннаго и своеобычнаго быта Англіи отъ привычки видѣть не людей,—одѣтыхъ какъ кому хочется, а солдатъ. Любовь къ современной Франціи для меня вовсе непонятна.

За что Вы мнѣ намылили голову по религіозной части—да я объ религіи съ годъ ничего не писалъ. Перебирая все, я остановился на томъ, что если-бъ „Іисусъ Хр. былъ въ Петербургѣ"—неужели вы это называете

ридикюлизировать, да вы подобныя фразы найдете у самыхъ фанатическихъ католиковъ. Не будетъ ли это религіознымъ pruderie—избѣгать такихъ вещей; народъ въ этомъ отношеніи проще—прочитайте-ка средневѣковыя мистеріи,—какъ они тамъ за панибрата обходятся.

Въ „Колоколѣ“ не увидите ни соціальныхъ теорій, ни религіозныхъ разсужденій, но если случится въ „Поляр. Звѣздѣ“ въ общей статьѣ—тутъ дѣлать нечего; что для васъ. были убѣжденія, вы увидите изъ новаго отрывка,—гдѣ говорится о Грановскомъ.

Получили-ли вы отъ Шнейдера посылку? Что касается насъ—мы получаемъ „Петер. Вѣд.“, „Сѣвер. Пчелу“, „Совр.“, „Отеч. Зап“. и „Библ. для чтенія“. „Молву“ я получилъ какъ-то два раза по почтѣ, я Трюбнеру велѣлъ подписаться тамъ, гдѣ было сказано, а онъ подписался не знаю гдѣ—впрочемъ я подписался съ новаго года.

„Молвой“—скажу откровенно—я не былъ доволенъ, ни формой, ни содержаніемъ, нѣсколько энергическихъ и благородныхъ фразъ—не выкупаютъ молебновъ Крылову, скучной полемики и вялыхъ статей. Помилуйте, теперь у васъ можно чудеса надѣлать журналами.

„Рус. Бесѣды“—я читалъ 3 книжки, т. е. три книжицы—если въ 4-й за 57 годъ есть что-нибудь особенно замѣчательное, то я желалъ бы ее имѣть. Взялись бы вы сами за редакцію, дѣло бы иначе пошло.

Ну какъ же это случилось, что Русь литовская и Русь чухонская показали въ дѣлѣ освобожденія больше ума и благородства—нежели первопрестольный градъ Москва и великороссійскіе берега Волги? Вѣдь этого исторія не забудетъ. Или мы не знаемъ, что дѣлается. А хотѣлось бы вытянуть вдоль спины и поперекъ—это закоснѣлое въ розгахъ и животности, дворянство.

Совѣтъ вашъ на счетъ Ал. Ник. исполню—тѣмъ больше, что онъ согласенъ съ моимъ искреннимъ убѣжденіемъ.

Прощайте. Обнимаю васъ по-русски и желаю здоровья и силы на Новый Годъ.

P. S. Корреспонденцію Кауфмана я пришлю, дайте ему отвѣтъ,—но я очень рекомендую взять и литографир.! (Шлисингеръ и Кауфманъ вмѣстѣ) 1 февр.

VI.

17 іюня 1859 г. Лондонъ.

Есть случай сказать вамъ, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, нѣсколько словъ—и я, разумѣется, пользуюсь имъ. Доходитъ до насъ мало-по-малу все, что у васъ дѣлается—и гадкаго и смѣшнаго бездна, но безнадежнаго

ничего. Я съ той же вѣрой гляжу на Русь, какъ два года тому назадъ, мнѣ кажется, что я такъ и чувствую тамъ поглубже руду,—ту руду, которой здѣсь нѣтъ. Ну, а что ей придется пробиваться сквозь нѣмецкую слякоть и шляхетно-военную дресву—что же дѣлать! Eine Mistkuhr!

Да и въ чемъ отчаяваться, когда изъ энтузіаста доносчика—сдѣлали энтузіаста освободителя—хитеръ русскій человѣкъ!

Ну какъ же это

(А зачѣмъ онъ дошалился [redacted] до дѣтскихъ розогъ и зачѣмъ было его защищать?)

У насъ идетъ съ ними (Ростов.) полемика, какой-то Г. защищаетъ его—говоритъ о его искреннемъ раскаяніи и пр. Доходитъ-ли до васъ „Колоколъ“? Идетъ онъ удивительно, въ прошлую недѣлю Трюб. получилъ заказъ (разныхъ №№)—4.800, у него не было ихъ и мы послали 4.300. 18 первыхъ перепечатаны. Но я боюсь, что все это идетъ на туристовъ.

„Русской Бесѣды“ и „Сельск.“ такъ и не получилъ. Не смотря на то, что просилъ, чтобы мнѣ выслали къ Трюб. и вмѣстѣ съ тѣмъ счетъ. Не понимаю, отчего это?

„Паруса“ въ глаза не видѣлъ, съ кѣмъ вы посылали и когда?

Прощайте,—обнимаю васъ, вы понимаете, что не отъ невниманія я ничего не пишу о вашей потерѣ,—но отъ того, что въ этихъ случаяхъ молчаніе—умнѣе фразъ.

Если будете писать, опять я васъ попрошу сказать мнѣ, и разумѣется откровенно, какъ вы—и какъ публика приняли ту часть въ *Былое и Думы*, которая была въ V „Поляр. Звѣздѣ“. Она смѣла по вводу за кулисы революціонныхъ движеній и поэтому мнѣ очень хочется знать ея дѣйствіе.

Помнитъ ли меня Конст. Серг.—ему за то надобно меня помнить, что всѣ нѣмецкіе борзописцы снова меня ругаютъ за славянизмъ и неуваженіе къ западу.

Весь Вашъ **А. Г.**

VII.

31 января 1860 г. Park-House. Fulham.

Здравствуйте на западѣ, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ,—письмо ваше и посылка были праздникомъ для насъ. Мы искренно и много любимъ и уважаемъ васъ. Хорошо бы вы сдѣлали, если-бъ пріѣхали освѣжить насъ—невской водой (не ваша вина, что она не чище откупной водки).

Что это за комическое лицо—А? Слабость—не только мать пороковъ, но ошибокъ. И жаль его, а я думаю придется сдѣлать ему по службѣ строжайшій выговоръ со внесеніемъ въ „Колоколъ“—и оставить его на Барановѣ и Адлербер.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы не видѣлись—партіи обозначились больше.

Мнѣ досадно, что вы не говорите—о рядѣ моихъ статей—„Русскіе нѣмцы“ въ „Колоколѣ“—особенно о послѣдней (15 декаб.)—если теперь славяне не видятъ, что мы представляемъ разное, но родственное къ нимъ направленіе, а съ западниками—разное и враждебное, не наша вина. Напишите мнѣ объ этомъ (если у васъ нѣтъ, я тотчасъ вышлю №№) и скажите ваше мнѣніе. Намъ очень бы надобно было повидаться—для того, чтобы взять общія мѣры—настоящую линію дѣйствій.

Неизданное письмо Ѳ. М. Достоевскаго [1]).

(63 годъ). Парижъ, 1-го сентября (новаго стиля).

Любезнѣйшая и многоуважаемая Варвара Дмитріевна. Вы можетъ быть уже изъ письма моего къ Пашѣ знаете обо мнѣ, что я счастливо и благополучно добрался до города Парижа, гдѣ и засѣлъ, но кажется не надолго. Не нравится мнѣ Парижъ, хоть и великолѣпенъ ужасно. Много въ немъ есть кой-что посмотрѣть; но какъ посмотришь, то нападаетъ ужасная скука. Другое дѣло, еслибъ я пріѣхалъ какъ студентъ, учиться чему-нибудь. Ну, тутъ дѣло другое: было бы много занятій и многое надо было бы осмотрѣть и прослушать, а для туриста, какъ я, наблюдающаго просто за нравами, французы мерзятъ, а городъ такъ мнѣ извѣстенъ. Право, лучше всего здѣсь фрукты и вино; это не надоѣдаетъ. О своихъ интимныхъ дѣлахъ я Вамъ ничего не напишу: „письмо вздоръ, письма пишутъ аптекари". А напишу Вамъ кой про какія дѣлишки. Дѣло въ томъ, голубчикъ Варвара Дмитріевна, что я къ Вамъ съ нѣкоторой маленькой просьбой. Видите-ли! я, дорогой прожилъ дня четыре въ Висбаденѣ, ну и игралъ, разумѣется, на рулеткѣ. Да Вы что думаете? Вѣдь выигралъ, а не проигралъ; хоть не столько выигралъ, сколько хотѣлъ, не 100,000, а всетаки нѣкоторую маленькую капельку выигралъ. (Кстати N. B. Не говорите объ этомъ никому, милая Варвара Дмитріевна. Т. е., хоть Вамъ и некому сказать, такъ какъ Вы мало кого видите, но я разумѣю, главное, Пашу. Онъ еще глупъ, и пожалуй заберетъ въ голову, что можно составить игрой карьеру, ну и будетъ на это надѣяться. Вѣдь забралъ же онъ себѣ недавно въ голову, что будетъ въ магазинѣ приказчикомъ, чтобъ добывать себѣ деньги, а слѣдовательно не надо учиться—и это мнѣ объявилъ. Ну и не слѣдуетъ ему знать, что его папаша посѣщаетъ рулетки. И по-

[1]) Письмо адресовано В. Д. Константиновой, сестрѣ первой жены Ѳ. М. Достоевскаго. Паша—пасынокъ Ѳ. М. Выигрышъ, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, былъ, конечно, весь спущенъ черезъ нѣсколько дней, какъ это видно изъ напечатанной уже переписки. (См. „Сѣверный Вѣстникъ" 1891 годъ, октябрь, ноябрь).

тому ни слова). Я, Варвара Дмитріевна, въ эти четыре дня присмотрѣлся къ игрокамъ. Ихъ тамъ понтируетъ нѣсколько сотъ человѣкъ и, честное слово, кромѣ двухъ, не нашелъ умѣющихъ играть. Всѣ проигрываются до тла, потому что не умѣютъ играть. Играла тамъ одна француженка и одинъ англійскій лордъ; вотъ эти такъ умѣли играть и не проигрались, а напротивъ, чуть банкъ не затрещалъ. Пожалуйста не думайте, что я форсю, съ радости, что не проигралъ, говоря что знаю секретъ, какъ не проиграть, а выиграть. Секретъ то я, дѣйствительно, знаю; онъ ужасно глупъ и простъ и состоитъ въ томъ, чтобы удерживаться поминутно, не смотря ни на какіе фазисы игры и не горячиться. Вотъ и все, и проиграть при этомъ просто невозможно, а выиграете навѣрно. Но дѣло не въ томъ, а въ томъ, что постигнувъ секретъ, умѣетъ ли и въ состояніи ли человѣкъ имъ воспользоваться? Будь семи пядей во лбу, съ самымъ желѣзнымъ характеромъ и все-таки прорветесь. Философъ Страховъ и тотъ бы прорвался. А потому блаженны тѣ, которые не играютъ и на рулетку смотрятъ съ омерзеніемъ, и какъ на величайшую глупость.—Но о дѣлѣ. Я, голубчикъ Варвара Дмитріевна, выигралъ 5000 франковъ, т. е. выигралъ сначала 10 тысячъ 400 франковъ, и ужъ домой принесъ и въ сакъ заперъ и ѣхать изъ Висбадена на другой день положилъ, не заходя на рулетку; но прорвался и спустилъ половину выигрыша. Такимъ образомъ и остался только при 5000 франковъ. На всякій случай, я положилъ оставить часть этого выигрыша при себѣ, но часть посылаю въ Петербургъ, а именно: часть брату, чтобъ сохранилъ эти деньги къ моему пріѣзду и часть Вамъ, для передачи или пересылки Марьѣ Дмитріевнѣ. Извините голубчикъ, что расчитываю, почти не спросясь, на Ваше содѣйствіе. Но помня Вашу дружбу, я въ немъ былъ увѣренъ. Всего я къ Вамъ посылаю 30 дублоновъ, т. е. двойныхъ прусскихъ фридрихсдоровъ. Каждый дублонъ ходитъ здѣсь въ Парижѣ 41 франкъ 50 сантимовъ. Но это мало, это грабежъ здѣшнихъ мѣнялъ; онъ ходитъ больше. Одинъ фридрихсдоръ ходитъ здѣсь *20 франк. 75 сантимовъ*, а нашъ имперіалъ *20 франк. 55 сантимовъ*, а слѣд., фридрихсдоръ считается здѣсь дороже нашего имперіала. Такъ должно быть и въ Петербургѣ. Слѣдовательно, въ крайнемъ случаѣ, можно навѣрно считать фридрихсдоръ, если не больше, такъ ужъ равнымъ нашему имперіалу. Въ 30 дублонахъ, которые я Вамъ посылаю, 60 фридрихсдоровъ, слѣд., считая что это все равно, что 60 имперіаловъ, будетъ по размѣнѣ на кредитные билеты нѣсколько болѣе 300 рублей. Да можетъ быть еще можно будетъ взять капельку на промѣнѣ, такъ какъ золото у насъ дорого. Вотъ почему я предпочелъ послать прямо золотомъ. Просьба моя вотъ въ чемъ: 5 дублоновъ, изъ этихъ 30-ти, Вы отложите и спрячьте у себя до времени. Это будетъ для Родевича, на Пашины нужды

(т. е. не Пашѣ въ руки) на случай, если я запоздаю. А остальные 25 дублоновъ размѣняете у мѣнялы на кредитки. Я увѣренъ, что мѣнялы не очень обманутъ. Сдѣлайте одолженіе, не заботьтесь много: сколько дадутъ, тѣмъ и будемъ довольны. Даже, если хотите только, поручите просто размѣнять брату Михайлѣ Михайловичу, чтобъ онъ размѣнялъ и возвратилъ въ Ваши руки размѣнянное. Размѣнявъ-же, увѣдомьте Марью Дмитріевну, что эти 25 дублоновъ я посылаю ей, что по размѣнѣ ихъ вышло вотъ столько-то, и при этомъ спросите ее: какъ ей переслать? т. е. по почтѣ или другимъ какимъ образомъ? По моему, по почтѣ всего лучше, тѣмъ болѣе что другого никакого образа и нѣтъ. Но можетъ быть Марья Дмитріевна захочетъ, чтобъ эти деньги лежали у Васъ до времени, т. е. хоть до моего пріѣзда. Ну это дѣло другое, тогда прошу Васъ очень исполнить это ея желаніе, еслибъ оно было. Вообще какъ она захочетъ, такъ пусть и будетъ. Очень, очень меня, голубчикъ мой, обяжете, если все это возьметесь исполнить. Ради Бога не откажите. Я Марью Дмитріевну ужъ увѣдомилъ и сказалъ, что Вы ей напишете, т. е. увѣдомите ее когда деньги будутъ Вами получены и спросите ее, какъ ей переслать. Тогда я писалъ къ ней, чтобъ она Васъ тотчасъ-же и увѣдомила. Можетъ быть она Вамъ и раньше напишетъ. Сегодня только посылаю я деньги. Все бился и узнавалъ здѣсь, какимъ способомъ лучше выслать. На почтѣ положительно не берутъ, потому что здѣсь принятъ только одинъ способъ, высылки черезъ банкировъ. Мнѣ же не хотѣлось высылать черезъ банкира, потому что банкиръ взялъ бы дороже за пересылку и кромѣ того, навѣрно обчелъ бы меня на промѣнѣ, такъ какъ золото здѣсь дешевле нашего. Вотъ почему и нашелъ здѣсь какую-то частную, но вѣрную, контору транспортовъ. Черезъ нее и посылаю. Какимъ способомъ она Вамъ доставитъ посылку—не знаю. Знаю только, что она доставитъ медленно, дней черезъ 8, такъ что письмо это Вы получите гораздо раньше денегъ. Но по крайней мѣрѣ Вы будете увѣдомлены. Еслибъ на случай вышло какое-нибудь затрудненіе, обратитесь къ брату Михайлѣ Михайловичу. Т. е. напишите ему два слова, чтобъ пріѣхалъ къ Вамъ *по моему дѣлу* и кончено. Но это я пишу на всякій случай. Я увѣренъ, что не будетъ никакихъ затрудненій. Во всякомъ случаѣ простите, добрый и многоуважаемый другъ мой, что Вами такъ располагаю. Но я вѣдь на доброту Вашу надѣюсь.

Здоровье мое такъ себѣ. Въ Парижѣ останусь, я думаю, не долго. Можетъ быть поѣду въ Италію. Все зависитъ отъ обстоятельствъ. Напишите мнѣ, голубчикъ, о всемъ, что знаете о Пашѣ и что услышите (на случай если услышите) о Марьѣ Дмитріевнѣ. Безпокоюсь я ужасно и сердечно о ея здоровьи. Дай ей Богъ лучшаго! Да напишите все что слышали (если только слышали) о братѣ Колѣ, какъ его здоровье. Да на-

ставляйте, голубчикъ, Пашу. Напишите, что говоритъ о немъ Родевичъ, если что услышите. Безпокоитъ меня Паша ужасно. Наконецъ, напишите мнѣ хоть два слова собственно и о себѣ, т. е. что и какъ, какъ Ваше расположеніе духа, здоровье и проч. Голубчикъ мой, я Васъ крѣпко люблю и уважаю, и не считайте, стало быть, моей просьбы простымъ любопытствомъ. Да пишите скорѣе, потому что я, можетъ быть, въ Парижѣ долго не останусь, такъ чтобъ письмецо Ваше здѣсь застало меня. Да не ждите, когда деньги получите, пишите и до полученія. Дойдутъ навѣрное, нечего безпокоиться.

Прощайте. Крѣпко жму Вашу руку. Вашъ

Ѳ. Достоевскій.

„Покушеніе“ на генерала Баранова въ 1890 году.

(Картинка изъ недавняго прошлаго).

Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ Нижнемъ Новгородѣ губернаторомъ былъ знаменитый Николай Михайловичъ Барановъ, бывшій морякъ, герой проблематическаго эпизода съ „Вестой“ въ русско-турецкую войну и громкаго процесса, связаннаго съ этимъ эпизодомъ; затѣмъ—петербургскій градоначальникъ, губернаторъ виленскій, архангельскій, наконецъ, нижегородскій. Это былъ человѣкъ интересный во многихъ отношеніяхъ, фигура яркая, колоритная, выдѣлявшаяся на тускломъ фонѣ бюрократическихъ бездарностей. Человѣкъ даровитый, но игрокъ по натурѣ,—онъ основалъ свою карьеру на быстрыхъ, озадачивающихъ проявленьяхъ „энергіи“, часто рискованно выходившихъ за предѣлы бюрократической рутины, всегда яркихъ и почти всегда двусмысленныхъ. Уже будучи нижегородскимъ губернаторомъ, во время памятнаго голода,—онъ сначала отрицаетъ его дѣйствительные размѣры, поддерживаетъ лукояновскихъ дворянъ, борется съ печатью и частной бяаготворительностью. Потомъ дѣлаетъ вдругъ блестящую и шумную диверсію, ознаменованною эффектной рѣчью противъ князя Мещерскаго (съ памятнымъ изреченіемъ о „бутафорской тряпкѣ“ вмѣсто патріотическаго знамени), пользуется данными либеральной печати и статистики, которыя самъ недавно опровергалъ, а лукояновскимъ крѣпостникамъ объявляетъ войну. Въ холерные годы—этотъ парадоксальный человѣкъ продѣлываетъ эволюцію совершенно обратную: въ первую холеру развиваетъ необыкновенную дѣятельность, отдаетъ подъ холерныхъ больныхъ „дворецъ“, призываетъ полную гласность, печатаетъ списки умершихъ, допускаетъ родныхъ на похороны и отпѣванія. Послѣ блестящихъ результатовъ этой политики—на другой годъ, когда холера была значительно меньше,—вдругъ мѣняетъ тактику, принимаетъ систему замалчиванія, помѣщаетъ первыхъ заболѣвшихъ въ общую больницу, пре-

слѣдуетъ сообщенія печати о холерѣ, врачамъ грозитъ высылкой и вызываетъ почти паническое бѣгство съ ярмарки... Въ концѣ концовъ эта рискованная игра административныхъ парадоксовъ не удалась и карьера Баранова угасла въ сравнительной безвѣстности. Послѣ всероссійской выставки Барановъ былъ сданъ въ архивъ, называемый первымъ департаментомъ сената, гдѣ и закатилась среди административныхъ инвалидовъ эта звѣзда, сіявшая перемѣннымъ, но порой яркимъ свѣтомъ.

Эпизодъ, служащій предметомъ настоящей замѣтки, относится къ 1890 году. 21 августа, то-есть до окончанія нижегородской ярмарки,—по Нижнему разнесся поразительный слухъ о покушеніи на жизнь губернатора. Сынъ скромнаго столоначальника полицейскаго управленія и самъ еще болѣе скромный участковый писецъ, нѣкто Владиміровъ, явившись въ обычное время на пріемъ, и принятый въ кабинетѣ губернатора, внезапно произвелъ въ генерала Баранова выстрѣлъ изъ револьвера. Пуля пролетѣла на „два пальца“ отъ груди его превосходительства, которымъ „злодѣй“ былъ затѣмъ обезоруженъ.

Таковы были первыя извѣстія, распространившіяся по городу и на ярмаркѣ; весьма понятно, что городъ и ярмарка кинулись съ подравленіями.

Поздравлять, пожалуй, было съ чѣмъ, такъ какъ въ это время карьера блестящаго генерала попала, выражаясь старымъ морскимъ терминомъ, въ „полосу мертваго штиля“. Губернаторствовалъ онъ уже около десяти лѣтъ, и казалось, надолго застрялъ въ нижегородской гавани. Повременамъ онъ издавалъ яркіе приказы, публично сѣкъ на ярмаркѣ „смутьяновъ“, приглашая для присутствія на экзекуціяхъ корреспондентовъ, но все это были сравнительно мелочи. Между тѣмъ—выстрѣлъ, покушеніе, опасность. Въ тѣ времена это не было еще такъ „обыкновенно“, какъ въ наши дни, и потому обращало вниманіе всей Россіи, (а также, конечно, высшихъ сферъ) на этого алкивіада въ губернаторскомъ мундирѣ. Къ квартирѣ губернатора съ грохотомъ подъѣзжали извозчики, лихачи, кареты, изъ которыхъ выходила мундирная и немундирная публика. Пріѣхалъ архіерей, жандармскій генералъ, начальники разныхъ вѣдомствъ, а какой-то изъ видныхъ военныхъ начальниковъ явился даже въ сопровожденіи хора военной музыки, которая подъ балкономъ губернатора грянула „народный гимнъ“. Слово „чудесное избавленіе“ повторялось то и дѣло, сыпались поздравительныя телеграммы со всѣхъ концовъ Россіи отъ поклонниковъ героя „Весты“ и т. д.

Однимъ словомъ—„выстрѣлъ“ Владимірова отдался по всей Россіи гулко, широко и шумно. Въ мотивахъ покушенія никто не сомнѣвался:

конечно—политика. Изъ источниковъ, близкихъ къ губернатору, стало извѣстно, что при обыскѣ въ квартирѣ стрѣлявшаго, найдена переписка съ „Женевой".

Генералъ Барановъ, въ рѣчи, произнесенной на обычномъ обѣдѣ 26 августа, красивой по обыкновенію, хотя по обыкновенію же нѣсколько въ тонѣ расхожаго уличнаго патріотизма,—говорилъ о томъ, что „въ храмѣ торговли, а слѣдовательно мира и покоя" онъ слышитъ слова: „покушеніе, выстрѣлъ, убійца"... Но—жалокъ не тотъ, кто падаетъ подъ ударомъ убійцы, а тотъ, кто, не справляясь съ условіями жизни, подъ личиной той или иной звонкой идеи, берется за ножъ или пистолетъ". „Всероссійское купечество" громомъ аплодисментовъ встрѣтило рѣчь губернатора-героя, а въ отвѣтныхъ спичахъ много говорилось о „Вестѣ", о борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ и о вѣрномъ царскомъ слугѣ, не жалѣющемъ жизни на отвѣтственномъ посту. Телеграммы „агентства" разносили отголоски этого краснорѣчія во всѣ концы Россіи, гдѣ только есть газеты.

И вдругъ, среди этого шумнаго чествованія, подъ гулъ рѣчей и при потокѣ всякихъ поздравленій „герою"—въ городѣ начинаютъ циркулировать слухи, что въ сущности никакого „выстрѣла съ политической цѣлью" не было, а было загадочное нападеніе, едва ли не романическаго свойства, сводящееся въ концѣ концовъ къ довольно прозаическому рукопашному единоборству...

Уже 24 августа редакторъ мѣстной газеты „Нижегородскій Биржевой Листокъ", купецъ Жуковъ писалъ: „къ сожалѣнію, есть много малодушныхъ (sic) людей, которые ищутъ въ этомъ происшествіи нѣчто подобное семидесятымъ годамъ", между тѣмъ, какъ „благоразумные люди.. остаются одного мнѣнія, что злодѣй Владиміровъ продѣлалъ свое преступленіе не болѣе, какъ съ цѣлью покончить съ собою какимъ-нибудь способомъ, не прибѣгая къ самоубійству". Въ одномъ изъ послѣдующихъ нумеровъ почтенный купецъ-редакторъ, меланхолически объяснялъ происшествіе „избыткомъ просвѣщенія". На это другая газета „Нижегородская Почта" привела ироническую справку: Владиміровъ окончилъ только уѣздное училище. „Избыткомъ" это могло казаться только г-ну Жукову.

То время было очень глухое для печати, и потому публика умѣла ловить „оппозицію между строкъ". Читатель отмѣтилъ, что Жуковъ, не отрицая „злодѣйскаго выстрѣла", не желаетъ придавать дѣлу политическаго значенія. А уже это было все-таки знаменательно.

Въ то время въ Нижнемъ было три газеты (не считая „Епархіальныхъ Вѣдомостей"). Первая—указанный выше „Нижегородскій Биржевой Листокъ", издаваемый бывшимъ рыбинскимъ мучнымъ торговцемъ, разо-

рившимся на мучномъ дѣлѣ и потому отдавшимъ себя служенію провинціальной прессѣ [1]). Почти всю газету онъ наполнялъ самъ. Писалъ онъ полуцерковнымъ стилемъ, передовыя статьи начиналъ ирмосами и кондаками, а продолжалъ такъ витіевато и запутанно, что порой нельзя было добраться до смысла. Поволжскія газеты любили цитировать эти туманно-загадочные періоды для развлеченія своихъ читателей и смѣялись надъ „безграмотнымъ редакторомъ". Жуковъ, впрочемъ, относился къ этимъ насмѣшкамъ съ величавымъ простодушіемъ.

Ген. Барановъ придавалъ значеніе печатному слову, но онъ понималъ, что слово Жукова ничего не можетъ прибавить къ его лаврамъ, и относился къ „Листку" съ нескрываемымъ пренебреженіемъ.

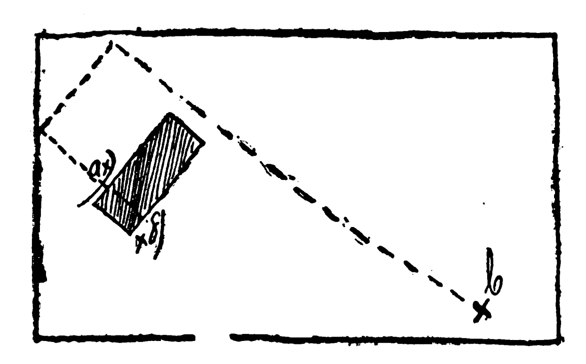
Полной благосклонностью его и его канцеляріи пользовалась другая газета, „Нижегородская Почта", издававшаяся только во время ярмарки и являвшаяся филіальнымъ отдѣленіемъ пастуховскаго „Московскаго Листка". Велась она бойко, живо, даже прямо талантливо, что станетъ понятно, если прибавить, что главной рабочей силой въ этой газетѣ былъ г-нъ Дорошевичъ. Фельетоны его сверкали тѣмъ-же остроуміемъ, которое впослѣдствіи стало знакомо болѣе широкимъ и болѣе интеллигентнымъ кругамъ читателей, но въ то время оно было направлено въ другую сторону, если впрочемъ было вообще куда-нибудь направлено. Газета щеголяла ежедневнымъ фельетономъ и хроникой ярмарочной жизни, свѣдѣнія для которой получала изъ первыхъ источниковъ и всегда ранѣе „Листка". Этимъ объяснялась отчасти нѣкоторая склонность къ оппозиціи со стороны Жукова и то обстоятельство, что среди запутанныхъ шарадъ съ текстами изъ священнаго писанія порой читатель улавливалъ (можетъ быть и не всегда основательно) непріятные для ген. Баранова намеки, хотя, конечно, не было недостатка и въ явно раболѣпныхъ панегирикахъ.

„Нижегородская Почта", а за нею „Московскій Листокъ" первые дали обстоятельное и подробное описаніе покушенія и выстрѣла. Описаніе было составлено очень бойко и живо, основывалось, очевидно, на самыхъ компетентныхъ источникахъ, но хроникеръ видимо такъ стремился дать его читателямъ газеты поскорѣе, что совершенно не позаботился объ устраненіи бьющихъ въ глаза странностей. Между прочимъ, въ одной изъ этихъ газетъ былъ приложенъ и планъ губернаторскаго кабинета, гдѣ произошло покушеніе, съ точнымъ обозначеніемъ положенія дѣйствующихъ лицъ и мѣста, куда попала револьверная пуля.

---

[1]) Объ этой, несомнѣнно оригинальной фигурѣ разсказывалъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. М. Скабичевскій (въ „Новостяхъ"). Въ свое время имъ много занималась поволжская пресса.

Вотъ этотъ планъ [1]).



Зачерченный прямоугольникъ представляетъ столъ, за которымъ (буква *а*) сидѣлъ губернаторъ Барановъ. Буквою *б* обозначено положеніе стрѣлявшаго. Буква *в* поставлена въ томъ мѣстѣ, гдѣ пуля вошла въ толстую дубовую настилку паркета. Такъ какъ очевидно, что Владиміровъ, мѣтя въ губернатора, сидѣвшаго за столомъ, не могъ всадить пулю въ паркетъ въ противуположномъ концѣ комнаты (пуля притомъ вошла очень глубоко и почти вертикально), то хроникеръ построилъ собственную гипотезу, объяснявшую эту странность. По его мнѣнію, губительная пуля, пролетѣвъ у самой груди губернатора, ударилась въ стѣну, отразилась отъ нея, ударилась въ другую, опять отразилась и, пролетѣвъ черезъ большую комнату, вонзилась съ огромною еще силою въ паркетъ... Эту траэкторію— вѣроятно неслыханную въ баллистикѣ, особенно для свинцовой револьверной пули, которая тутъ прыгаетъ и отражается точно костяной шаръ на билліардѣ, — хроникеръ изобразилъ для наглядности пунктирной линіей...

Совершенно понятно, что даже въ читателѣ неособенно внимательномъ, это описаніе должно было вызвать нѣкоторое скептическое недоумѣніе. Эти чувства еще усилились, когда появился въ свѣтъ № 35 третьей нижегородской газеты, офиціальныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей", которыя, конечно, по самому своему положенію органа губернской власти, должны были знать всѣ подробности событія по „офиціальнымъ даннымъ".

Оказалось однако, что офиціальный органъ далъ сообщеніе, образцово безсмысленное и полное самыхъ нелѣпыхъ противорѣчій. „21 августа (20?)—писалъ хроникеръ „Вѣдомостей",—Владиміровъ, пользуясь доступностью генерала, обратился къ послѣднему съ просьбой принять его. На другой день (т. е. 22?) онъ былъ принятъ въ кабинетѣ, какъ обыкновенный посѣтитель. Долгое молчаніе преступника заставило генерала обра-

[1]) Воспроизвожу по памяти, ручаясь, однако, за точность существенныхъ деталей.

тить на него вниманіе. Николай Михайловичъ взглянулъ на него и, увидя, что тотъ въ рукахъ держитъ револьверъ, направленный ему въ голову,— схватилъ преступника за руку".

Итакъ, первый моментъ покушенія рисуется такъ, что генералъ Барановъ, погруженный вѣроятно въ дѣла, не обращаетъ вниманія на посѣтителя. Когда-же „долгое молчаніе" вошедшаго становится уже страннымъ,—онъ поднимаетъ глаза и видитъ револьверъ, направленный ему въ голову. Загадочный посѣтитель чего-то ждетъ въ этой эффектной позѣ. Онъ ждетъ, даже, пока губернаторъ выйдетъ изъ-за стола и схватитъ его за руку. Дальше идетъ описаніе борьбы, для характеристики котораго достаточно привести слѣдующую замѣчательную фразу: „Злодѣй *не выпускалъ изъ рукъ* намѣченной жертвы, *стараясь схватить* ее (!!)" и все завершается новой ошеломляющей неожиданностью: „Преступникъ говорилъ, что успѣху его злодѣянія *помѣшалъ разорванный карманъ его шароваръ*, въ которомъ находился револьверъ, что и помѣшало ему совершить преступленіе". Итакъ „преступнику", стоявшему „въ долгомъ молчаніи" съ револьверомъ, нацѣленнымъ прямо въ голову губернатора,— помѣшалъ выстрѣлить... разорванный карманъ его шароваръ!

Понятно, что эти изумительные варіанты сообщенія о фактической сторонѣ покушенія, данныя притомъ двумя газетами, черпавшими свѣдѣнія изъ непосредственныхъ источниковъ,—вызывали въ читающей публикѣ недоумѣнія и вопросы: что же собственно происходило 21 августа въ пріемной губернатора Баранова? И былъ-ли въ дѣйствительности этотъ выстрѣлъ, отдавшійся такимъ громкимъ эхомъ по всей странѣ, или, какъ говорили уже нѣкоторыя лица, „склонные къ оппозиціонному образу мыслей",— никакого выстрѣла въ дѣйствительности не было.

Это послѣднее мнѣніе получило вскорѣ поддержку со стороны тоже въ своемъ родѣ „компетентной". Осторожно, въ партикулярныхъ разговорахъ „по секрету" и „между нами", начальникъ жандармскаго округа, генералъ И. Н. Познанскій, сообщилъ кое кому изъ знакомыхъ, что никакого выстрѣла не было.

Генералъ Познанскій—это была фигура тоже въ своемъ родѣ примѣчательная. Въ 70-хъ годахъ много писали о сенсаціонномъ процессѣ француженки-гувернантки Маргариты Жюжанъ, обвинявшейся въ отравленіи на романической почвѣ сына жандармскаго полковника, гимназиста Познанскаго. Присяжные дважды вынесли Маргаритѣ Жюжанъ оправдательный вердиктъ, въ обществѣ много говорили о жандармско-семейной драмѣ, по обыкновенію украшая ее мрачно-мелодраматически атрибутами, чему отчасти способствовало оглашеніе дневника погибшаго загадочной смертію гимназиста. Такимъ образомъ, назначенный (уже въ чинѣ генерала)

въ Нижній Новгородъ,—Познанскій принесъ туда свою широкую и нѣсколько загадочную извѣстность. Впрочемъ, ничего особенно выдающагося и трагическаго въ этой обще-жандармской фигурѣ не замѣчалось. Это былъ довольно тучный старый человѣкъ, съ полными оранжеваго цвѣта губами и одутлымъ лицомъ привычнаго морфиниста. Особеннаго злопыхательства по своей должности онъ не проявлялъ, хотя полагающуюся по штату долю доносовъ, обысковъ и арестовъ выполнялъ неукоснительно. У него было нѣсколько „коньковъ", на которыхъ онъ выѣзжалъ съ упорствомъ маніака. Прежде всего—онъ считалъ и кричалъ объ этомъ повсюду, что нижегородская полиція „не стоитъ на высотѣ" и не способна оказывать ему содѣйствіе въ борьбѣ съ крамолой. Затѣмъ онъ считалъ себя ученымъ и по временамъ читалъ даже публичныя лекціи по гальванизму. Лекціи были совершенно бездарныя и скучныя по содержанію, но оригинальныя по обстановкѣ: въ качествѣ ассистентовъ выступали расторопные жандармскіе фельдфебели и унтеры, помогавшіе „начальнику округа" устанавливать и демонстрировать приборы. Порою ранніе посѣтители, приходившіе въ залъ всесословнаго клуба задолго до начала лекціи, натыкались на оригинальное зрѣлище: на театральной аренѣ съ приподнятымъ занавѣсомъ, имѣвшей при скудномъ освѣщеніи видъ нѣкоей пещеры,—суетился толстый генералъ на коротенькихъ ножкахъ, а по его командѣ молчаливые унтеры, позвякивая шпорами, разставляли какіе-то треножники и цилиндры, опутывая все это проволоками. Въ общемъ зрѣлище напоминало нѣчто фантастически-инквизиціонное. Мѣстные корреспонденты приволжскихъ газетъ, народъ все болѣе или менѣе неблагонадежный, для которыхъ однако ненавистная служебная дѣятельность лектора была предметомъ недосягаемымъ,—пользовались случаемъ и накидывались на эти лекціи съ ожесточеніемъ, далеко непропорціональнымъ самому предмету. Вслѣдъ за лекціей, въ газетахъ Казани, Самары, Саратова являлись язвительные фельетоны, а иногородніе цензоры, не подозрѣвая „крамолы", пропускали ихъ, думая, что рѣчь идетъ о выступленіяхъ какого нибудь зауряднаго „любителя". Познанскій, конечно, отлично чувствовалъ, въ чемъ тутъ дѣло, и употреблялъ всѣ усилія, чтобы раскрыть псевдонимы крамольниковъ, нападавшихъ такимъ лукаво-прикровенными способомъ на самую „идею" жандармской власти. Если ему удавалось (иногда и ошибочно) узнать фамилію автора, то—совершенно bona fide онъ причислялъ его къ „неблагонадежнымъ элементамъ".

Наконецъ—была у Познанскаго еще одна слабость: онъ покровительствовалъ „кустарной промышленности". Вслѣдствіе этого жандармскіе нижніе чины, назначенные, напримѣръ, въ знаменитое кустарное село Павлово, кромѣ прямыхъ обязанностей—слѣдить за проявленіями „образа

мыслей"—выполняли и другія болѣе мирныя функціи: скупали образцы издѣлій для кустарнаго музея, помѣщавшагося въ Нижнемъ на Б. Покровкѣ и тоже не свободнаго въ то время отъ частаго присутствія синихъ мундировъ. Это, конечно, вело къ разнымъ нежелательнымъ смѣшеньямъ, и я помню, что довольно приличнаго на видъ молодого человѣка, завѣдывавшаго въ то время музеемъ,—многіе, вѣроятно, неосновательно считали политическимъ сыщикомъ. И это понятно: трудно было разобрать,—кустарная-ли промышленность диллетантски поощряется сыскными властями или, наоборотъ: профессіональный сыскъ пользуется видимостью кустарнаго диллетантства.

Этотъ жандармскій генералъ былъ въ сильныхъ „контрахъ" съ губернаторомъ. Во 1-хъ они являлись соперниками по мѣстной „внутренней политикѣ". Во 2-хъ Баранова, вѣроятно, задѣвали нападки Познанскаго на „подвѣдомую" губернатору полицію, а такъ какъ Барановъ былъ человѣкъ остроумный, то Познанскаго въ свою очередь бѣсили остроты губернатора, направленныя на его „ученую дѣятельность". Трудно опредѣлить въ точности, какъ это, въ конечномъ счетѣ, отражалось на судьбѣ обывателей. Съ одной стороны,—кто умѣлъ намекнуть въ просьбѣ губернатору, что онъ является жертвой жандармскихъ преслѣдованій, тотъ нерѣдко пользовался дѣятельной защитой Баранова; съ другой стороны,—тотъ же Барановъ, чтобы досадить Познанскому, изображалъ, напримѣръ, извѣстнаго инициатора павловской артели А. Г. Штанге насадителемъ крамолы, которую, благодаря своей слабости, не видитъ окружной жандармскій начальникъ. Познанскій, конечно, аттестовалъ, съ своей стороны, и г-на Штанге и артель съ наилучшей стороны, уже изъ противорѣчія Баранову. Петербургскіе власти олимпійски взирали на эти диспуты представителей мѣстной администраціи, склоняясь то на ту, то на другую сторону. Барановъ, пользуясь правами усиленной охраны, выслалъ г-на Штанге за предѣлы губерніи, но аттестаціи Познанскаго помогли ему вернуться въ Павлово, какъ только окончилась ярмарка, а съ ней и охрана... Да,—то были счастливыя времена, когда охрана ограничивалась трехмѣсячнымъ срокомъ!

Итакъ,—этотъ жандармскій генералъ, если не самъ руководившій первоначальнымъ дознаніемъ о покушеніи, то во всякомъ случаѣ очень къ нему близкій, вскорѣ же, пожимая плечами сообщилъ кое-кому (конечно, конфиденціально), что Владиміровъ вовсе не стрѣлялъ въ губернатора и что ничего „политическаго" въ этомъ случаѣ нѣтъ. Была рукопашная, въ которой побѣдителемъ оказался Владиміровъ. Когда прибѣжавшіе на шумъ швейцаръ и прислуга схватили Владимірова, то дѣйствительно, въ карманѣ послѣдняго оказался револьверъ. Генералъ Барановъ, взявъ этотъ револь-

веръ, отошелъ въ уголъ комнаты и со словами: „да онъ еще заряженъ-ли?“ — выстрѣлилъ въ паркетъ. Этотъ то выстрѣлъ и отдался затѣмъ по всей Россіи, какъ „покушеніе на нижегородскаго губернатора“!..

Сначала это казалось маловѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что ген. Барановъ совершенно недвусмысленно поддерживалъ версію о выстрѣлѣ *въ него* (даже во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о минувшей ярмаркѣ). Черезъ нѣсколько дней послѣ покушенія я встрѣтилъ на улицѣ покойнаго Александра Серафимовича Гацискаго, возвращавшагося отъ губернатора, у котораго онъ часто бывалъ по разнымъ дѣламъ. Онъ хорошо зналъ Баранова, но признавался близкимъ знакомымъ, что даже зная „всѣ его фокусы“, не можетъ не питать къ нему какой то трудно-объяснимой слабости. Этой слабостью Барановъ пользовался совершенно безпощадно и впослѣдствіи Гацискому пришлось за нее поплатиться тяжелыми нравственными страданіями [1]).

Увидѣвъ на Студеной улицѣ характерную прямую фигуру Гацискаго, я подошелъ къ нему и, поздоровавшись, спросилъ:

— Скажите, Александръ Серафимовичъ,—что-же въ концѣ концовъ: стрѣлялъ Владиміровъ въ Баранова или не стрѣлялъ?

Онъ посмотрѣлъ на меня, улыбнулся своей особенной добродушно-тонкой улыбкой и сказалъ:

— Вы это для „Русскихъ Вѣдомостей?“

— Для исторіи, Александръ Серафимовичъ, для исторіи!—отвѣчалъ я,—развѣ о такихъ вещахъ можно напечатать что нибудь щекотливое въ газетахъ.

— Ну, извольте.—И онъ разсказалъ мнѣ, что ему удалось узнать изъ первыхъ рукъ.

Услыхавъ въ городской управѣ о „покушеніи“, Гацискій тотчасъ-же отправился къ губернатору „поздравить съ избавленіемъ отъ опасности“, а также (опять таки не для газетъ, а „для исторіи“) собрать точныя свѣдѣнія.

Пріѣхалъ онъ однимъ изъ первыхъ, когда очевидцы еще разсказывали по первому впечатлѣнію то, что видѣли, и не успѣла еще сложиться хоть сколько-нибудь стройная офиціальная версія (она, впрочемъ, такъ и не успѣла сложиться до конца и попала въ печать „несобранной“). Пер-

---

[1]) Между прочимъ, А. С. Гацискій былъ „лѣтописцемъ“ „Нижегор. Края“ и, если онъ довелъ свои дневники до 90-хъ годовъ, то вѣроятно въ нихъ можно найти и подробное описаніе покушенія 21 августа 1890 г. Я привожу ниже лишь съ памяти нѣкоторыя черты событія, какъ мнѣ разсказалъ ихъ А. С. при случайной встрѣчѣ.

вымъ подѣлился съ Александромъ Серафимовичемъ своими впечатлѣніями губернаторскій швейцаръ. Сей простодушный служитель сообщилъ. во-первыхъ, что Владиміровъ пришелъ 21 августа уже не въ первый разъ: онъ приходилъ и ранѣе, губернаторъ принималъ его въ кабинетѣ и, повидимому, за что то сердился. Этотъ разъ вскорѣ послѣ того, какъ за посѣтителемъ закрылась дверь кабинета, послышался крупный разговоръ, а затѣмъ еще черезъ нѣкоторое время, что-то запищало, „въ родѣ какъ заяцъ“. Швейцаръ и дежурный чиновникъ сохранили при этомъ полнѣйшее спокойствіе, такъ какъ думали, что это генералъ „учитъ“ просителя.

— А развѣ бываетъ?—спросилъ Гацискій.

— Бываетъ,—просто отвѣтилъ швейцаръ, (и кажется легко повѣрить, если прочитать хотя бы восторженную статью Дѣдлова въ „Недѣлѣ“, озаглавленную „Электрическій генералъ“ [1]) и разсказывающую объ обращеніи ген. Баранова съ чиновниками). Однако черезъ нѣкоторое время звуки, доносившіеся сквозь запертую дверь стали напоминать предсмертное хрипѣніе. Тогда швейцаръ съ дежурными чиновниками, опасаясь чего-нибудь эсктренно дурнаго для „просителя“,—вбѣжали въ кабинетъ. Здѣсь ихъ поразило совершенно неожиданное зрѣлище. Головой къ кушеткѣ стоявшей у стола, на полу лежалъ ген. Барановъ, а на немъ сидѣлъ „проситель“, сжимавшій его за воротникъ съ такой силой, что—еще двѣ-три минуты—и жизни генерала Баранова грозила явная опасность...

— Ну, а когда-же онъ стрѣлялъ?—спросилъ у швейцара Гацискій.

— Да онъ не стрѣлялъ вовсе. Когда Владимірова стащили съ его пр-ва, то обшарили у него карманы и нашли револьверъ. — „Ваше превосходительство,—у него револьверъ“,—сказалъ швейцаръ губернатору.— „Ну, что-жъ такое,—отвѣтилъ генералъ.—Да онъ еще можетъ быть и не заряженъ“. И, отойдя въ уголъ кабинета, генералъ выстрѣлилъ въ полъ.

Впослѣдствіи ген. Барановъ, бывшій предсѣдателемъ архивной комиссіи и заботившійся о матеріалахъ для мѣстной исторіи,—велѣлъ вынуть квадратъ паркета съ пулей и отдалъ его въ музей комиссіи. Тамъ онъ находится, если не ошибаюсь, и понынѣ. Слѣдъ пули почти вертикальный. Для того, чтобы, пролетѣвъ на два пальца отъ груди, пуля могла подобнымъ образомъ войти въ половицу,—выстрѣлъ долженъ бы быть сдѣланъ развѣ съ потолка.

Такъ эта исторія и осталась неразъясненной. Кажется, что комиссія въ секретномъ донесеніи отрицала выстрѣлъ, ген. Барановъ настаивалъ, что въ него стрѣляли. Въ одномъ высоко-офиціозномъ донесеніи онъ на-

---

[1]) Книжки „Недѣли“ кажется 1895 года.

рисовалъ даже психологію „покусителя“. По словамъ губернаторскаго доклада, Владиміровъ живя въ Арзамасѣ, находился подъ сильнымъ вліяніемъ политическихъ ссыльныхъ. Въ своихъ „докладахъ“ Барановъ вообще съ истиной церемонился мало. Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, любой критикъ доклада могъ бы доказать документально, что съ шестидесятыхъ годовъ, когда въ Арзамасъ былъ сосланъ извѣстный писатель Гирсъ, находившійся тамъ подъ надзоромъ полиціи, и до начала девяностыхъ—въ Арзамасъ никто не ссылался. Но въ шестидесятыхъ годахъ Владиміровъ былъ развѣ груднымъ младенцемъ, а въ концѣ 80-хъ жилъ уже въ Нижнемъ и служилъ въ полицейскомъ участкѣ. Такимъ образомъ, вся психологическая часть доклада, указывавшая на „развращающее вліяніе политическихъ ссыльныхъ“, въ данномъ случаѣ являлась совершенной и, конечно, завѣдомой „беллетристикой“.

О самомъ Владиміровѣ представленіе составить очень трудно. Это былъ, во всякомъ случаѣ, юноша загадочный и странный. Говорили, между прочимъ, о какой-то романической исторіи и „соперничествѣ“, но это мало вѣроятно. Говорили также о мести за семейную честь, но также, кажется, безъ всякихъ основаній. Говорили наконецъ, будто при обыскѣ у Владиміровa нашли цѣлую переписку съ какими-то женевскими „комитетами“, которая, будто нарочно, была уложена въ столѣ, въ полномъ порядкѣ пачками, перевязанная ленточками. Экспертиза признала, что всѣ эти письма написаны самимъ Владиміровымъ.

О судьбѣ Владимірова гадали различно. Предполагали военный судъ и смертную казнь. Жуковъ писалъ, какъ мы видѣли, о покушеніи, какъ объ особой формѣ самоубійства. Другіе говорили, что Владимірова увезли въ Петербургъ, что тамъ онъ сдѣлалъ какія-то разоблаченія, вслѣдствіе которыхъ его помилуютъ, а губернатора отдадутъ подъ судъ. Матеріалы слѣдстія были сбивчивы и противорѣчивы.

Мудрое начальство разрубило гордіевъ узелъ. Для суда, даже военнаго данныхъ очевидно не было, да едва-ли было удобно съ точки зрѣнія „престижа власти“ судебное разбирательство въ столь загадочномъ и фантастическомъ дѣлѣ. Но, предполагая даже и наименьшее, все таки несомнѣнно, что человѣкъ, позволявшій себѣ сидѣть на губернаторѣ и душить его за горло,—обнаружилъ непочтительность къ власти и преступный образъ мыслей. Почему, не предавая виновнаго суду, дѣло разрѣшили келейно, въ „административномъ порядкѣ“.

Вскорѣ появились въ газетахъ краткія извѣстія о томъ, что по Высочайшему повелѣнію сынъ канцелярскаго служителя Владиміровъ отдается на 5 тѣтъ въ Оренбургскій дисциплинарный баталіонъ.

Газеты поневолѣ воздержались отъ комментаріевъ. Общество было предоставлено въ жертву разныхъ болѣе или менѣе фантастическихъ догадокъ и слуховъ.

„Престижъ власти“ остался, конечно, во всемъ ослѣпительномъ блескѣ, „пуля“ хранится въ музеѣ, а „выстрѣлъ“ занесенъ въ лѣтопись безъ возраженій.

Вл. Короленко.

Автобіографія [1]).

Я родился 16 Іюня 1831 года въ Николаевѣ (хотя въ метрическомъ свидѣтельствѣ моемъ, подписанномъ протопресвитеромъ арміи и флота Бажановымъ, по неизвѣстной мнѣ причинѣ, мѣсяцъ рожденія поставленъ мартъ, а годъ—1830). Мнѣ не было еще и полугода, когда родители мои переѣхали на житье въ Одессу. Отецъ мой, нотаріусъ (принявшій православіе за долго до моего рожденія и воспитывавшій своихъ дѣтей въ самыхъ строгихъ правилахъ этой религіи), отличался математическими способностями; но я не только не унаслѣдовалъ ихъ, но напротивъ того, съ самыхъ малыхъ лѣтъ питалъ неодолимое отвращеніе къ математикѣ, не исчезнувшее и до сихъ поръ. За то весьма рано возникла во мнѣ страсть къ литературнымъ занятіямъ, и я до сихъ поръ живо помню нѣсколько стихотвореній своихъ (конечно, совсѣмъ безобразныхъ) и одну драму, которая оканчивалась ремаркой: „Громъ и молнія. Разбойники стоятъ по угламъ степи. Оркестръ играетъ „Боже, Царя Храни".

Въ ученье меня отдали, когда мнѣ пошелъ всего пятый годъ; о первыхъ годахъ этого ученія, проведенныхъ въ пансіонѣ знаменитаго впослѣдствіи педагога Золотова, о благотворномъ вліяніи, оказанномъ здѣсь на мое развитіе вообще и литературное въ частности, я подробно разсказалъ въ своихъ школьныхъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ журналѣ „Русская Школа" въ 1890 г. Но весьма мало въ образовательномъ отношеніи вынесъ я изъ гимназіи при Ришельевскомъ Лицеѣ, куда перешелъ изъ пансіона, и гдѣ царилъ рутинный формализмъ, при полномъ почти отсутствіи живого элемента; еще меньше, пожалуй, далъ мнѣ Лицей, на юридическій

[1]) Автобіографія эта была написана покойнымъ П. И. Вейнбергомъ для литературнаго архива С. А. Венгерова, любезности котораго мы и обязаны возможностью помѣстить ее на страницахъ нашего журнала. Хотя свою автобіографію Вейнбергъ закончилъ 1894-мъ годомъ, но въ ней, тѣмъ не менѣе, заключаются всѣ главнѣйшія событія жизни покойнаго. Послѣдніе 15 лѣтъ жизни Вейнберга были посвящены почти исключительно литературѣ и энергичной дѣятельности въ Литературномъ Фондѣ. Дополненіемъ къ автобіографіи покойнаго можетъ служить нижепомѣщаемый указатель его главныхъ литературныхъ трудовъ. *Ред.*

факультетъ котораго я поступилъ по окончаніи гимназическаго курса. Не столько юридическія науки, сколько по истинѣ ужасный способъ ихъ преподаванія бездарными или лѣнивыми профессорами, отравляли мнѣ годы, которые я по неволѣ проводилъ на скамьяхъ лицейскихъ аудиторій; при этомъ еще меня неодолимо влекло къ изученію литературы, которая въ Лицеѣ очень жалко и комично читалась проф. Зеленецкимъ (и при томъ только русская—каѳедры литературы всеобщей не было). Вслѣдствіе этого, я очень обрадовался, когда отецъ разрѣшилъ мнѣ, за полгода до окончанія курса, кинуть Лицей и переѣхать въ Харьковъ, гдѣ въ 1850 году я сдѣлался студентомъ историко-филологическаго факультета. Не могу сказать, чтобы и университетскія воспоминанія представлялись мнѣ отрадными, чтобы и университетъ оказалъ на меня благотворное вліяніе и вообще обогатилъ научными познаніями; все то, что я узнавалъ въ области любимыхъ мною наукъ, пріобрѣталось мною внѣ университетской аудиторіи, безъ руководства и указаній спеціалистовъ—потому что, за весьма немногими исключеніями, факультетское преподаваніе стояло на весьма низкой ступени, и это положеніе дѣла ухудшалось еще распространенною въ ту пору въ значительныхъ размѣрахъ продажностью многихъ харьковскихъ профессоровъ. Между вышеупомянутыми исключеніями (о которыхъ намѣреваюсь со временемъ, подробно говорить въ моихъ „воспоминаніяхъ“) назову здѣсь проф. Костыря, читавшаго русскій языкъ и эстетику и какъ своими лекціями (хотя и довольно туманными, особенно по языкознанію), такъ и своими частными бесѣдами, своимъ тѣснымъ общеніемъ со студентами, дѣйствовавшаго на насъ весьма благотворно. По его инициативѣ, между прочимъ, были заведены въ университетѣ литературныя собранія, на которыхъ студенты читали свои труды; къ этой то порѣ относится и начало моей литературной дѣятельности: въ февралѣ 1852 г. въ неофиціальной части „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ появился мой переводъ стихотворенія В. Гюго „Молитва обо всѣхъ“—моя первая напечатанная работа.

Окончилъ я курсъ въ 1854 г., но не получилъ степени кандидата, потому что занявшій не задолго до того каѳедру исторіи русской литературы Н. А. Лавровскій (нынѣшній попечитель Юрьевскаго учебнаго округа [1]) поставилъ мнѣ изъ этого предмета двойку. Вслѣдствіе этого кандидатскій экзаменъ я держалъ—и выдержалъ—уже годъ спустя. Въ этотъ промежутокъ, именно въ концѣ 1854 г., напечаталъ я въ Одессѣ книжку своихъ стихотвореній.

По совершенно частнымъ причинамъ попалъ я сейчасъ послѣ этого

[1]) Напоминаемъ, что эти строки относятся къ 1894 году.

въ Тамбовъ, гдѣ, состоя при губернаторѣ К. К. Данзасѣ, редактировалъ неофиціальную часть „Губернскихъ Вѣдомостей“; здѣсь пробылъ я три года—и до сихъ поръ не могу вспоминать безъ содроганія объ этомъ времени глупаго, празднаго и безцѣльнаго существованія, которое совсѣмъ бы засосало меня, если бы я не вырвался изъ него...

Тамбовъ смѣнился Петербургомъ. Пріѣхавъ сюда въ 1858 г., я, по рекомендаціи поэта Бенедиктова, тотчасъ же познакомился съ Дружининымъ, редактировавшимъ „Библіотеку для Чтенія“ и сблизился съ нимъ такъ, что нѣсколько мѣсяцевъ спустя былъ уже его помощникомъ по редакціи и однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ я попалъ въ его интимный кружокъ, состоявшій изъ Некрасова, Тургенева, Гончарова, В. Боткина, Григоровича и др. и собиравшійся у него по четвергамъ вечеромъ. Въ то же время началъ я помѣщать кое-что въ „Современникѣ“ и переводить Шекспира для задуманнаго тогда Некрасовымъ и Гербелемъ полнаго собранія сочиненій этого поэта,—писать подъ псевдонимами „Гейне изъ Тамбова“ и др. юмористическія стихотворенія и статьи въ „Весельчакѣ“, а затѣмъ въ „Искрѣ“, которая тогда только что основалась,—и вообще посвятилъ все свое время литературной работѣ, впрочемъ, рядомъ съ этою послѣднею шли и служебныя занятія—въ Департаментѣ Министерства Юстиціи, куда я поступилъ—право самъ не знаю почему—канцелярскимъ чиновникомъ; но эта служба скоро опротивѣла мнѣ, и я поспѣшилъ подать въ отставку.

Въ 1860 году я задумалъ изданіе еженедѣльнаго журнала „Вѣкъ“: соиздателями и соредакторами сдѣлались въ немъ, по моему приглашенію, Дружининъ и В. П. Безобразовъ, а членомъ редакціи, на опредѣленномъ жалованьѣ, вступилъ К. Д. Кавелинъ. „Вѣкъ“ въ матеріальномъ отношеніи имѣлъ громадный успѣхъ: въ первые три мѣсяца было, уже около 5 тыс. подписчиковъ. Но разныя, очень любопытныя обстоятельства (о которыхъ я тоже разскажу когда-нибудь) были причиною того, что на слѣдующій годъ подписки уже не было никакой, и такъ какъ мои компаньоны благоразумно ретировались еще въ половинѣ перваго года, оставивъ все бремя исключительно на моихъ плечахъ, то я очутился въ очень тяжеломъ положеніи, обремененный долгами и безъ всякой перспективы улучшенія дѣлъ. „Вѣкъ“ былъ проданъ мною литературной компаніи за ничтожную сумму 1800 р. (да и изъ нея я не получилъ ни копѣйки), а я, угрожаемый долговымъ отдѣленіемъ, долженъ былъ искать спасенія въ службѣ и попалъ въ Главное Интендантское Управленіе помощникомъ столоначальника, а потомъ и столоначальникомъ. Здѣсь, тяжелый литературный трудъ въ разныхъ журналахъ, который я долженъ былъ нести и для существованія, и для уплаты долговъ—чередовался у меня съ докладами

о заготовленіи фуража для разныхъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ и о т. п. предметахъ,—и въ этомъ положеніи оставался я до 1868 г., когда въ Варшавской Главной Школѣ были учреждены каѳедры русской литературы, русскаго языка (съ церковно-славянскимъ) и русской исторіи; первую изъ нихъ получилъ я, и занималъ ее въ качествѣ и. д. ординарнаго профессора, и по преобразованіи Главной Школы въ Университетъ—до 1874 г. Наравнѣ съ другими профессорами этого Университета, мнѣ было предоставлено право—минуя магистерскій экзаменъ, пріобрѣсть докторскую степень представленіемъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, диссертацій. Для этого я написалъ и напечаталъ изслѣдованіе „Историческія пѣсни объ Иванѣ Грозномъ", но такъ какъ опоздалъ представленіемъ его къ защитѣ, всего на пять-шесть дней, то „начальство" по нѣкоторымъ причинамъ очень неблаговолившее ко мнѣ (очень любопытный матеріалъ, который покамѣстъ оглашать неудобно), придралось къ этому случаю, и я даже не былъ допущенъ къ защитѣ, а чрезъ это—въ силу правилъ объ открытіи Варшавскаго Университета—я не могъ долѣе оставаться въ немъ профессоромъ.

Въ 1874 году я снова вернулся въ Петербургъ и, непрерывно продолжая литературную дѣятельность, вмѣстѣ съ тѣмъ не прекращалъ и дѣятельности педагогической. Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ читалъ я всеобщую и русскую исторію литературы на женскихъ педагогическихъ курсахъ, пять лѣтъ былъ инспекторомъ Коломенской женской гимназіи, съ 1866 г. сталъ почти ежегодно читать публичныя лекціи въ „Соляномъ Городкѣ", а съ 1887 и по сіе время состою приватъ-доцентомъ С.-Петербургскаго Университета по каѳедрѣ всеобщей исторіи литературы. Съ 1883 по 1885 г. издавалъ я журналъ „Изящная Литература", но по матеріальнымъ причинамъ—несмотря на то, что подписка постоянно увеличивалась—долженъ былъ прекратить его.

21 Мая 1894 г. **Петръ Вейнбергъ.**

Библіографическій указатель литературныхъ трудовъ П. И. Вейнберга [1]).

По матеріаламъ литературнаго архива С. А. Венгерова.

Составилъ А. Г. Фоминъ.

I.

1. Отдѣльныя изданія.

Стихотворенія. Одесса. 1854.

Юмористическія стихотворенія (Гейне изъ Тамбова). Спб. 1863.

Знаніе. Сборникъ для юношества. Подъ ред. Вейнберга. Спб. 1867.

Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Варшава. 1872. 2-е изд. Спб. 1908.

Ученье—свѣтъ. Книга для чтенія въ классѣ и дома. Спб. 1883. Изд. 2-е. Спб. 1899.

Народная хрестоматія. А. В. Кольцовъ и его стихотворенія. Спб. 1884. 2-е изд. Спб. 1893.

Русскіе писатели въ классѣ. Ред. Вейнберга. 10 выпусковъ. Спб. 1882—1886. (Кантеміръ, Фонъ-Визинъ (2 выпуска), Екатерина II, Карамзинъ, Державинъ, Ломоносовъ, Грибоѣдовъ, Жуковскій и Новиковъ).

Критическая хрестоматія по исторіи русской литературы. Вып. I. Спб. 1887.

Русская исторія въ русской поэзіи. Сборникъ стихотв. Спб. 1888. 2-е изд. 1899.

Практика сценическаго искусства. Хрестоматія. Спб. 1888.

Генрихъ Гейне, его жизнь и литературн. дѣятельн. Біограф. очеркъ. „Біографическая библіотека Ф. Павленкова“. Спб. 1891. 2-е изд. Спб. 1903.

Дворянское гнѣздо. Драма (Изъ романа Тургенева). Москва. 1894.

Для дѣтей старшаго возраста. Стихотворенія. Спб. 1896.

Литературный Фондъ за 40 лѣтъ его существованія. Москва. 1900.

Стихотворенія. Спб. 1902.

Русскіе поэты. Карманная хрестоматія. Составилъ Вейнбергъ. 2 т. Изд. Суворина. Спб. 1904.

Страницы изъ исторіи западныхъ литературъ. Спб. 1907.

2. Статьи въ книгахъ, журналахъ и газетахъ.

Статья объ „Исторіи царствованія Петра I“ Устрялова.—„Сынъ Отеч.“, 1858, №№ 21 26.

Литерат. Лѣтопись. — „Библ. для чтенія“, 1858, №№ 6, 7, 9, 10, 11 и 12; 1859, №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 9.

Литераторы съ замыслами.—Тамъ же, 1859, № 11.

Современная русская лѣтопись. — „Вѣкъ“, 1861, всѣ нумера.

Что новаго въ Петербургѣ.—Тамъ же, 1861, №№ 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18, 21, 31, 45, 47 и 49.

Русскія диковинки.—Тамъ же, 1861, № 8.

По поводу статьи Михайлова. — Тамъ же, 1861, № 10.

Новые матеріалы для біографіи Гейне.—„Русск. Слово“, 1863, кн. 10.

Госпожа Роланъ. — Тамъ же, 1864, кн. 7.

Французскіе писаки о Россіи.— „Недѣля“, 1868, № 41.

Новости иностранной литературы. — „Спб Вѣд.“, 1873, №№ 186, 209, 223, 237, 252, 266, 301, 316, 330. 344; 1874, №№ 3, 31, 46, 64, 86, 99, 104, 106, 131, 134, 147, 161. 166, 173, 175 и 180.

Очеркъ англійской поэзіи. — „Англійскіе поэты“. Изд. Гербеля. Спб 1873.

Очеркъ нѣмецкой поэзіи.—„Нѣмецкіе поэты“. Изд. Гербеля. Спб. 1873.

Русская журналистика.—„Нов. Вр.“, 1874, № 11.

За границей. — „Спб. Вѣд.“, 1874, №№ 160, 174, 186, 187, 202, 223, 237, 243, 244, 259, 279, 293, 307, 321 и 349.

Н. Д. Дмитріевъ.—Тамъ же, 1874, № 291.

Дѣтство и первая молодость Диккенса. „Пчела“, 1875, №№ 20, 21 и 22.

---

[1]) Въ указателѣ этомъ отмѣчены лишь главнѣйшіе литературные труды П. И Вейнрбега.

Итоги русской литературы въ 1874 г.—„Спб. Вѣд.“, 1875, № 4.

Дѣтство и первая молодость Гейне.—„Пчела“, 1876, № 6.

Наша текущая литература.—„Молва“, 1879, №№ 190, 191, 204, 218, 225, 232, 239 и 327.

Что новаго въ иностранной литературѣ.—Тамъ же, 1879, №№ 242, 257, 264 и 278.

Прометей въ поэзіи.—„Отеч. Зап.“, 1881, кн. 6.

Политическій поэтъ Германіи. — Тамъ же, 1882, кн. 10 и 12.

Милль и Ренанъ въ характ. Брандеса.—Тамъ же, 1882, кн. 2 и 3.

Викторъ Гюго. — „Сѣв. Вѣстн.“, 1885, кн. 1 и 2.

Паркъ Лили. Къ исторіи любовн. увлеченій Гете.—Тамъ же, 1890, кн. 11.

Изъ моихъ школьныхъ воспоминаній.—„Русская Школа“, 1890, кн. 8.

У Фонъ-Визина. Прологъ—пьеса въ 1-мъ д. въ стихахъ. — „Ежегодникъ Имп. театровъ“, 1891 — 1892 и отдѣльно.

Сервантесъ —„Міръ Божій“, 1892, кн. 10.

Римская комедія.—„Русск. Обозр.“, 1892, кн. 9.

Поэтъ времени бури и натиска. — „Книжки Недѣли“, 1892, № 5—6.

Памяти великаго поэта.—Тамъ же, 1892, № 9.

Литературные спектакли. Воспоминанія.—„Ежегодникъ Имп. театровъ“, 1893—1894 и отдѣльно.

Милліонъ терзаній. Прологъ—пьеса въ 1-мъ д. въ стихахъ.—Тамъ же и отдѣльно.

Жоржъ Зандъ.—„Сѣв. Вѣст.“, 1894, кн. 8 и 9.

Изъ моихъ театральныхъ воспоминаній“. — „Ежегодникъ Имп. театровъ“, 1894—1895 и отдѣльно.

Посмертныя злоключенія Гейне.— „Книжки Недѣли“, 1894, № 9.

Предисловіе къ „Стихотвореніямъ“ А. Н. Плещеева. Спб. 1894.

Наблюденія, воспоминанія и мысли. Изъ дневника.—„Нов.“, 1895, № 104.

Бёрнсъ.—„Русск. Богат.“, 1896, кн. 9 и 10.

Памяти Леопарди.—Тамъ же, 1898, кн. 10.

Мицкевичъ, человѣкъ и поэтъ. — Тамъ же, 1899, кн. 2.

Безобразный поступокъ „Вѣка“. Изъ литерат. воспоминаній.—„Историч. Вѣстн.“, 1900, кн. 5.

Памяти Ленау.—„Міръ Божій“, 1902, кн. 11.

Памяти Жоржъ Зандъ. — „Русск. Богат.“, 1904, кн. 6.

Предисловіе къ сочин. Байрона „Каинъ“ и „Англійскіе барды и шотландскіе обозрѣватели“.—Сочин. Байрона подъ ред. С. А. Венгерова. Спб. 1904—1906.

Харьковскій универс. въ 50-хъ годахъ.—„Русск. Богат.“, 1905, кн. 2.

4 апрѣля 1866 г.—„Былое“, 1906 г. кн. 4.

II.

Переводы.

Аккерманъ. Нечастные.—„Отеч Зап.“, 1876, кн. 9.

Андерсонъ. Сказки. Спб. 1868; 2-е изд. 1870; 3-е изд. 1876; 4-е изд. 1883; изд. Сытина. 1903.

Арндтъ. Грезы пловца.—„Дѣло“, 1869, кн. 7.

Байронъ. Сонъ. — „Русск. Слово“, 1864, кн. 2.

— Тьма.—Тамъ же, кн. 4.

— Изъ мистеріи „Небо и земля“.— „Отеч. Зап.“, 1875, кн. 3.

— Пророчество Данте. — „Слово“, 1878, № 7.

— 1) Сарданапалъ. 2) Англійскіе барды и шотландскіе обозрѣватели.— Сочиненія Байрона подъ ред. Н. Гербеля. Спб. 1874.

— Сарданапалъ.—Сочиненія Байрона подъ ред. С. А. Венгерова. Т. II. Спб. 1905.

Барбье. Левъ.—„Библ. для чтенія“, 1862, № 10.

Бекъ, Карлъ. Смерть Берне.— „Руск. Слово“, 1864, кн. 8.

Берне. Отрывки изъ дневника.— „Русск. Слово“, 1863, кн. 11 и 12.

— Менцель французоѣдъ. — Тамъ же, 1864, кн. 4.

— Сумасшедшій въ гостиницѣ „Бѣлаго Лебедя“.—Тамъ же, кн. 12.

— Сочиненія Берне. Со статьей о жизни и литературной дѣятельности. Спб. 1869. 2-е изд. Спб. 1896.

Бернсъ. Веселые нищіе.—„Отеч. Зап.“, 1868, кн. 9.

— Лордъ Грегори. — Тамъ же, кн. 12.

— Джонъ Андерсонъ. — „Дѣло“, 1869, кн. 1.

— 1) Лордъ Грегори. 2) Тэмъ о'Шентеръ. 3) Веселые нищіе.—Стихотворенія Бернса. Изд. Н. Гербеля. Спб. 1875.

Бретъ-Гартъ. Кліентъ полковника Старботля. — „Русск. Обозр.". 1890, кн. 11 и 12.

Броунингъ. Фабричныя дѣти.— „Недѣля", 1875, № 2.

— Плачъ дѣтей. - Англійскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Изд. Н. Гербеля. Спб. 1875.

Бульe. Женщинѣ.—„Отеч. Зап.", 1883, кн. 1.

— Поэтъ и звѣзды. — Тамъ же, кн. 7.

Веберъ. Краткое изложеніе всеобщей исторіи. Учебникъ для средн. школы. Спб. 1863.

Вильденбрухъ. Двѣ розы.— „Сѣв. Вѣстн.", 1895, кн. 4.

Гаммерлингъ. Тевтъ.—„Отеч. Зап.", 1873, кн. 10.

— 1) Удары отъ врага совсѣмъ не страшны мнѣ. 2) Вижу я облачко на небѣ.—Тамъ же, 1874, кн. 8.

— Русалки.—Тамъ же, кн. 12.

Гартманъ. Избушка въ лѣсу.— „Отеч. Зап", 1873, кн. 8.

Гейбель. Старая исторія. — „Вѣстн. Евр.", 1873, кн. 9.

— Поклонъ. — „Отеч. Зап.", 1876, кн. 8.

Гейне. Сочиненія подъ ред. Вейнберга. Т. 1 — 12. Спб. 1864 — 1874. Т. 13—16. Спб. 1881—1882. (Вейнбергомъ переведено: „Путевыя картины", „Городъ Лукка", „Отрывки объ Англіи", „Изъ записокъ г. Шнабельвопскаго", „Флорентинскія ночи", „Стихійные духи", „Л. Берне", „Письма о французской сценѣ", „Предисловіе" къ 1 части „Салона", „Швабское зеркало", „Чай", „Лирическое интермеццо", „Бимини", „Король Ричардъ", „Воспоминаніе" и др.).

— 2-е изд. 6 томовъ. Спб. 1898—1900. (Вейнбергомъ переведено: т. I. „Путевыя картины", „Отрывочн. замѣтки объ Англіи", „Л. Берне"; т. II. „Лютеція", „Боги въ изгнаніи", „Докторъ Фаустъ"; т. III. „Салонъ"; т. IV. „Альбертъ Метфессель", „Тѣлесное наказаніе въ Англіи", „Гамбургъ", „Фонъ - Дерингъ", „Чай", „Введеніе" къ книгѣ „Кальдорфъ о дворянствѣ" „Швабское зеркало", „Изъ Парижа", „Ватерлоо", „Февральская революція", „О различномъ пониманіи исторіи", „Письма о Германіи", „Вступленіе къ переводу одного лапландскаго стихотворенія", „Леве - Веймарсъ", „Мысли и замѣтки", „Стихотворенія Ж. Руссо", „Рейнско-Вестфальскій Альманахъ", „Мемуары"; т. V. „Моихъ страданій колыбель", „Сначала страдалъ я жестоко", „Вѣстникъ", „Раненый рыцарь", „Хотѣлъ бы плакать я", „Лирическое интермеццо", „Что бы значило такое", „Мѣсяцъ взошелъ", „Широкое море блестѣло", „На горѣ высокій замокъ", „Я вошелъ подъ своды галлереи", „Пусты улицы всѣ", „Какъ ты можешь спать спокойно", „О, я, несчастный Атлантъ!", „Мнѣ снилось", „Что нужно слезѣ одинокой", „Каждый твой лилейный палецъ", „Неужели ты ни разу", „Позвалъ я черта...", „Человѣкъ, о, не смѣйся надъ чертомъ", „Ты, какъ цвѣтокъ благоуханный", „Притворными любовными рѣчами", „Я голову ломалъ и дни и ночи", „Они давали мнѣ совѣты", „Разстался съ вами я", „Меня вы рѣдко понимали", „Разгнѣвались кастраты", „Гдѣ, скажи, твоя подруга", „Сумерки боговъ", „Ратклиффъ", „Пилигримство въ Кевлааръ", „Путешествіе на Гарцъ", „Вѣнчаніе", „Сумерки", „Признаніе", „Ночью въ каютѣ", „Буря", „Морское видѣніе", „Очищеніе", „Послѣ кораблекрушенія", „Боги Греціи", „Морская болѣзнь", „Прологъ", „Вернулась весна молодая", „Тихо льются въ душу звуки", „Теплой весеннею ночью", „Все грозитъ бѣдою", „Синіе глазки весны", „Если зорокъ твой глазъ", „Пахуча роза...", „Брожу я въ саду", „Скажи мнѣ, кто первый часъ изобрѣлъ", „Мнѣ уже снилось это счастье", „Поцѣлуи, что мы крадемъ", „Разъ въ лѣсу при лунномъ свѣтѣ", „Я утромъ тебѣ посылаю", „На горы и долы, какъ сонъ", „Каждый день это сѣрое небо!", „Въ тихій лѣсъ, погрузившійся въ грёзы", „Ночь сошла на берегъ моря", „Я вижу: то бѣлая чайка", „Что меня ты любила, то зналъ я", „Ночь лежитъ на темномъ морѣ", „Чудеса? Любовь и поцѣлуи", „Стояла барышня у моря", „На черныхъ парусахъ корабль", „Какъ ты гнусно поступала", „Я ее цѣлую въ губы", „Не прогоняй меня", „Діана", „Всѣ поцѣлуи женскихъ губокъ", „На углу сошлись мы съ нею", „Эти барышни поэтамъ", „Пѣсни о міротвореніи", „Прекрасная звѣзда взошла", „Имѣлъ я нѣкогда прекрасный край родной", „Anno 1839", „Изъ одного письма", „Несчастная доля", „Бер-

транъ де-Борнъ", „Весна", „Сѣтованіе старонѣмецкаго юноши", „Оставь меня", „Умныя звѣзды", „Доктрина", „Предостереженіе", „Тайна", „Испорченность", „Генрихъ", „Обѣщаніе", „Китайскій богдыханъ", „Просвѣтлѣніе", „Король Ричардъ", „Азра", „Молодымъ", „Невѣрующій", „Домашнее счастье", „Ходъ жизни", „Голь", „Несовершенство", „Завѣщаніе", „Іегуда бенъ-Галеви"; т. VI. „Отсюда далеко жилъ въ прежніе годы я", „Дитя мое, меня конфузишь ты", „Отвагою былой охваченъ я вновь", „Цвѣточки милые", "Я пѣсни творю небольшія", „Ремсгетъ", „Когда два сердца разобьются", „Во всяческихъ образахъ я", „Наканунѣ свадьбы", „Какою гармоніей милой", „О глазки, прекрасныя смертныя звѣзды", „Прорывается звуками пѣсни", „Какое желтыхъ розъ значенье", „Блаженный мигъ", „Печально и вмѣстѣ забавно", „Блаженства человѣкъ исполненъ", „Въ жизни съ дурами", „Въ мартѣ началася любовь моя", „О какъ быстро возникаетъ", „Какъ прекрасна ты", „Какъ лилейно бѣлы руки", „Соловьи поютъ безъ правилъ", „Храни васъ Господа забота", „Теперь, мой другъ", „Какъ ты хнычешь", „На груди букетъ трехцвѣтный", „Китти, Китти умираетъ", „Счастье во снѣ", „Глаза, что мной давно забыты", „Тщеславье шепчетъ мнѣ", „Прекрасенъ тихій блескъ", „Письмо, что она написала", „Быстрою козочкою мчится", „То счастье, что меня вчера", „Къ дочери моей возлюбленной", „Утромъ", „Отважный рискъ", „Нѣтъ, ни одна на свѣтѣ", „Все пламя любви", „Сомнѣнія нѣтъ", „Другъ, какое преступленіе", „Селимена", „Слова, одни слова", „Смерть подошла", „Воспоминаніе", „Когда настанетъ часъ", „Когда я въ Оттензѣ былъ", „Рекомендую, другъ, тебѣ", „Фрицу фонъ-Бейгемъ", „Безъ заботъ, печали и недуга", „Картина", „Въ лѣсъ зеленый хочу я уйти", „Мою печаль", мое мученье", „Руками сильными на двери царства", „Я сладкую любовь искалъ", „Философскій камень, дружбу и любовь", „Зеленѣютъ лѣсъ и поле", „Любовь и ненависть", „Ты знаешь хорошо", „И день и ночь стихи я сочинялъ", „Подымайтесь вы, старыя грезы", „Море отдыхаетъ подъ лучомъ луны", „Гдѣ?", „Предостереженіе", „Къ свѣдѣнію", „Добрый совѣтъ", „Дуэли", „Изъ области теологіи", „Въ интрижкахъ съ дамами", „И днемъ и ночью", „Жилъ на свѣтѣ чертъ", „Если ты съ дамой сошелся", „Эдуарду", „Пэанъ", „Клопъ", „Мошенникъ и мошенница", „Былъ ясенъ весь мой день", „Miserere", „Три старухи", „Дикимъ хаосомъ ходятъ въ мозгу", „Когда насосется ужъ досыта пьявка", „Въ сердцѣ гася сокрушительный пылъ", „О вѣчность!", „Дни, года, вѣка ужасной пытки", „Въ маѣ", „Средневѣковая грубость", „Какой то демонъ злой", „Губами Іуды они цѣловали меня", „Ночью съ бѣшеной угрозой", „Умирающій", „Ж. Руссо", „Сонеты", „Урокъ", „Бѣгство", „Невѣрная Лиза", „Вѣдьма", „Филантропъ", „Юдоль скорби", „Бимини", „Стрекоза", „Изъ временъ косъ въ мужской прическѣ", „Лошадь и оселъ", „Мужчины, дамы, дѣвушки внимайте", „Разразись ты громкимъ воплемъ", „Отступнику", „Гимнъ", „Отрывокъ", „Политическому поэту", „Подслушанное", „Симплициссимусъ I", „Воевода Вислоухій", „Все зависитъ отъ количества", „Отвѣтъ", „Странствующія крысы"-„Въ Германіи, дорогой моей отчизнѣ", „Торжественный гимнъ", „Кобесъ I", „Михель послѣ марта" и „Германія").

Гервегъ. Колыбельная пѣсня.— „Современ.", 1866, кн. 1.

Гете. Сочиненія въ русскомъ переводѣ подъ ред. Вейнберга въ 6 томахъ. Спб. 1865—1871.

— 2-е изд. Спб. 1875—1876.

— Изд. Н. Гербеля. Спб. 1892—1895.

— Фаустъ. (Прозаич. переводъ). Изд. „Знанія". Спб. 1904.

Граббе. Донъ-Жуанъ и Фаустъ. —„Москов. Обозр.", 1876, кн. 1 и 2.

Гюго В. Молитва обо всѣхъ. — „Харьковск. Губ. Вѣд.", 1852.

— Ночью и днемъ.—„Вѣст. Евр.", 1871, кн. 1.

— Фалькенсфельсъ.—„Отеч. Зап.", 1872, кн. 10.

— Избранныя стихотворенія въ переводѣ русскихъ писателей подъ ред. Вейнберга. Спб. 1889. 2-е изд. 1895.

Гюйо. Отрадная смерть.—„Русск. Богат.", 1896, кн. 1.

Гуцковъ. К. Уріэль Акоста. Трагедія. Спб. 1880.

— 2 изд. Спб. 1895.

— 3 изд. Москва. 1898.
Дюма. Кинъ или безпутство и геній. СПБ. 1877.
Зола. Завоеваніе Плассана. Перев. подъ ред. Вейнберга. СПБ. 1874.
Зудерманъ. Фрициньжа.—„Всемірн. Иллюстр.", 1896, №№ 1436 и 1437.
Ибсенъ. Нора. СПБ. 1883—тоже. Москва 1898.
Коппе. Кузнецъ.—„Отеч. Зап.", 1870, кн. 11.
— Картинка.—Тамъ же, 1873 кн. 8.
— Кормилица.—Тамъ же. кн. 11.
— Двѣ скорби. — Тамъ же, 1874, кн. 10.
— Послѣ кораблекрушенія. — Тамъ же, 1878, кн. 7.
— Продавщица газетъ. — „Русск. Мысль", 1887, кн. 12.
— Библіотека иностранной поэзіи. Подъ ред. Вейнберга. Стихотворенія Ф. Коппе. СПБ. 1889.
— Чтобы не состариться.—„Книжки Недѣли", 1892, № 9.
Ленау. У гроба.—„Русск. Слово", 1864, кн. 12.
— Охотникъ. — „Всемірн. Трудъ", 1867, № 1.
— Иванъ Жижка.—„Отеч. Зап.", 1869, кн. 9.
— 1) Зимняя ночь. 2) Вессеннее утро.—„Отеч. Зап.", 1877, кн. 2.
Лессингъ. Натанъ Мудрый. СПБ. 1886.
Локкъ, Дж. Мысли о воспитаніи. СПБ. 1890.
Лонгфелло. 1) Свидѣтели. 2) Рабовладѣльцу.—„Русск. Слово", 1864, кн. 9.
— 1) Квадронка. 2) Дождливый день.—Тамъ же, кн. 10.
— Торквемада. — Тамъ же, 1865, кн. 1.
— Евангелина. — „Отеч. Зап.", 1869, кн. 5.
— 1) Духъ матери, 2) Проклятіе и 3) Ключъ и война.—„Вѣстн. Евр.", 1874, кн. 2.
— Кастель—Маджіорскій монахъ,—„Отеч. Зап.", 1874, кн. 12.
— Іуда Маккавей. — „Еврейская Библ.", 1875, т. V.
— Комнатка въ сердцѣ.—„Москов. Обозр.", 1876, кн. 12.
Мицкевичъ. Друзьямъ русскимъ. — „Современность" („Русск. Богат."), 1906, кн. 1.
Мюссе. Венеція. — „Библ. для чтен.", 1858, № 6.
Онэ, Ж. Сержъ Панинъ. СПБ. 1881.
Понсаръ. Галилей. — „Дѣло", 1867, кн. 6.
Прутцъ Р. Разбойникъ.—„Библ. для чтенія", 1864, № 9.
Риттеръ К. Европа. Москва 1864.
Ришпенъ. Нищіе дѣти.—„Отеч. Зап.", 1877, кн. 5.
Сарду В. Даніель Роша. Комедія. Москва. 1881.
Сталь П. Серебрянные коньки. СПБ. 1877.
Сырокомля. Смерть соловья.—„Вѣстн. Евр.", 1874, кн. 6.
— Мелодія изъ дома сумасшедшихъ, — Тамъ же, 1875, кн. 2.
— Избран. стихотв. въ переводахъ Д. Минаева, Л. Пальмина, М. Петровскаго, Л. Мея и П. Вейнберга СПБ. 1879.
Тенъ-Бринкъ. Шекспиръ. Лекція. СПБ. 1898.
Уландъ. Царскій сынъ.—„Вѣкъ", 1861, № 45.
— Проклятіе пѣвца.—„Дѣло", 1870, кн. 3.
— Жница.—Тамъ же, 1875, кн. 9.
Фаллерслебенъ. Свободный человѣкъ.—„Современ.", 1865, кн. 3.
— Трагическая исторія.—Тамъ же кн. 9.
— Новѣйшее описаніе конгресса.— Тамъ же.
— Классическое спокойствіе. — Тамъ же, кн. 10.
Филипсонъ, Л. Яковъ Тирадо. Историч. романъ. СПБ. 1887.
Фрейлигратъ. Поѣздка льва.—„Дѣло", 1869, кн. 9.
Французъ, К. Повѣсти и разсказы. СПБ. 1886.
Шамиссо. Молитва вдовы. — „Отеч. Зап.", 1868, кн. 11.
— Замокъ Бонкуръ. — Тамъ же 1869, кн. 6.
— Подмастерье мельника.—„Вѣстн. Евр.", 1871, кн. 1.
— Невѣста льва.—„Недѣля", 1875, № 16.
Шатріанъ. Польскій еврей. Драма. СПБ. 1874.
Шекспиръ. Сочиненія. Изд. Некрасова и Гербеля. СПБ. 1865—1868. (Вейнбергомъ переведено: „Отелло", „Тимонъ Аѳинскій", „Король Генрихъ VIII", „Венеціанскій купецъ", „Какъ вамъ угодно", „Комедія ошибокъ", „Безплодныя усилія любви", „Виндзорскія кумушки", „Конецъ—всему дѣлу вѣнецъ").

— Сочиненія подъ ред. С. А. Венгерова. 5 томовъ. СПБ. 1902—1904. (Вейнбергомъ переведено то же самое, что и въ изданій Некрасова и Гербеля).

Шелли. Ченчи. СПБ. 1895.

Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Москва. 1895—6.

Шиллеръ. Марія Стюартъ. — „Трудъ", 1893, т. XVIII.

— Сочиненія подъ ред. С. А. Венгерова. 4 тома. СПБ. 1901—1902. (Вейнбергомъ переведено: „Къ***", „Дилетантъ", „Уловка художника", „Возвышенный сюжетъ". „Майнъ", „Бой съ дракономъ", „Жалоба дѣвушки", „Геро и Леандръ", „Пикколомини", „Что значитъ изучать всемірную исторію" и „О патетическомъ").

Шпильгагенъ. Любовь за любовь. СПБ. 1877.

Шубертъ. Вѣчный жидъ.—„Современ.". 1866, кн. 2.

Шюрэ, Э. Исторія нѣмецкой пѣсни. Перев. подъ ред. Вейнберга. СПБ. 1882.

Винспергскія женщины. Древненѣмецкое преданіе.—„Дѣло", 1868, кн. 11.

Древне-англійскія и шотландскія стихотв.—„Отеч. Зап.", 1868, кн. 7.

Народная нѣмецкая поэзія. (6 переводовъ).—Тамъ же, 1868, кн. 11.

Европейскіе классики въ русскомъ переводѣ подъ ред. Вейнберга, съ примѣч. и біограф. 8 вып. (Гете, Шекспиръ, Мольеръ, Данте, Шиллеръ, Шериданъ, Софоклъ и Байронъ) СПБ. 1874—1876.

Европейскій театръ. т. I. СПБ. 1875. (Лессингъ, Гете, Шиллеръ, Коцебу, Вернеръ, Лейзевицъ и Кернеръ).

1) Подъ липой. 2) Монахиня. Нѣмец. народн. баллады.—„Пчела", 1875, № 18.

Изъ американ. поэтовъ (Доргана, Стоддорта и Блэдо)—„Отеч. Зап.", 1877, кн. 4.

Переводы изъ Гейбеля, Гервега, Ленау и Шамиссо въ изд. Гербеля, „Нѣмецкіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ". СПБ. 1877.

Древніе классики для русскихъ читателей. Изложеніе Лукаса Коллинза. Перев. съ англійскаго. (Эсхилъ, Эврипидъ, Софоклъ, Аристофанъ, Ювеналъ, Плавтъ и Теренцій) Спб. 1877.

Сборникъ произведеній иностранныхъ поэтовъ для классного чтенія. Спб. 1882.

Пѣсни любви испанскихъ арабовъ.—„Нива", 1891, кн. 12.

Два ворона. Шотландская баллада.—„Русск. Богат.", 1896, кн. 9.

Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854 по 1863 г.

(*Продолженіе* [1])

VII.

Изъ волненій II группы, гдѣ „воля казенная“ замѣнялась крестьянами „волею народною“, остановимся на четырехъ: 1) на волненіи въ имѣніи Ивановскомъ, Пермской губерніи, оханскаго уѣзда; 2) въ селѣ Карасинѣ, Волынской губ., луцкаго уѣзда; 3) на волненіи въ одесскомъ уѣздѣ и 4) волненіи въ селѣ Безднѣ, Казанской губ., спасскаго уѣзда. Изъ этихъ 4-хъ волненій подробнѣе остановимся на бездпинскомъ, ибо оно (какъ и кандеевское, о которомъ будетъ сказано ниже) выдѣляется изъ всѣхъ извѣстныхъ волненій 1861—1863 г. своими размѣрами, обширностью захваченнаго имъ района, активностью и солидарностью крестьянъ, а также трагическою развязкою. Къ тому же и относительное обиліе матеріала даетъ возможность ознакомиться съ нимъ подробнѣе, чѣмъ съ другими волненіями.

По времени, волненіе въ селѣ Ивановскомъ довольно позднее.

Оно относится къ лѣту 1862 г. и вызвано было, очевидно, толкованіями манифеста и Положенія двумя самозванцами, изъ которыхъ одинъ выдавалъ себя за великаго князя и называлъ второго своимъ братомъ.

Этотъ самозванецъ говорилъ, что „пришелъ разузнать, какъ помѣщики... обращаются... съ крестьянами, не обижаютъ ли они ихъ. Не ложно ли они истолковали манифестъ, изданный для нихъ его братомъ-государемъ“.

Пробывъ нѣкоторое время въ селѣ на иждивеніи крестьянъ, не жалѣвшихъ денегъ на угощеніе самозванцевъ, послѣдніе скрылись, собравъ предварительно съ крестьянъ

[1]) См. „Минувшіе Годы“. Іюль.

около 700 р. (по 1 р. 75 коп. съ души) яко-бы для веденія дѣла и, обѣщая завернуть въ Ивановское на обратномъ пути [1]). Въ чемъ заключалось истинное толкованіе манифеста этимъ самозванцемъ—неизвѣстно, но послѣ удаленія его, крестьяне перестали повиноваться владѣльцамъ, „ни оброка, ни издѣльной повинности не хотѣли признавать и объявили, что не желаютъ помѣщичьихъ надѣловъ". „Царь насъ надѣлитъ и землей и дастъ намъ скота: мы это знаемъ изъ вѣрныхъ рукъ", говорили они. О неповиновеніи крестьянъ было дано знать властямъ. Ни мировой посредникъ, ни становой приставъ ничего не могли сдѣлать.

Вызванный исправникъ донесъ о волненіи губернатору въ Пермь, и изъ Ирбита была выслана военная команда. Крестьяне мирно и покорно вышли къ ней на встрѣчу. Воинственное настроеніе выдавали только бабы, вооруженныя рогачами, ухватами, кочергами и всякой домашней утварью, могущей служить для защиты. Онѣ приготовились къ защитѣ мужей противъ солдатъ, подвигаясь вслѣдъ за мужчинами подъ прикрытіемъ заборовъ. „Смѣй только они, окаянные, кричали онѣ, нашихъ мужиковъ тронуть, попробуй, мы имъ покажемъ тогда! Мы ихъ на рогачи такъ и поднимемъ!" Крестьяне на колѣняхъ выслушали манифестъ, но на вопросъ исправника, принимаютъ ли они надѣлы, единодушно отвѣчали: „нѣтъ, в. в-іе, не желаемъ принимать надѣла!"

Не помогъ и окрикъ исправника: „Какъ! власть царя не хотите исполнять!" Крестьяне упорно твердили, что надѣловъ они не принимаютъ. Солдаты окружили крестьянъ, отвели ихъ въ зданіе стекляннаго завода, гдѣ зачинщики и были подвергнуты экзекуціи. Той же участи подверглись и бабы, прибѣжавшія „защищать своихъ мужиковъ".

Послѣ наказанія зачинщиковъ, крестьяне стали какъ будто бы сдаваться и ихъ отпустили. Усмиреніе, видимо, было не полнымъ, ибо „послѣ того, говоритъ авторъ сообщенія, пріѣзжалъ губернаторъ изъ Перми, но и ему не удалось вполнѣ успокоить крестьянъ, которые то и дѣло волновались" [2]).

Это волненіе было, какъ мы видимъ, вполнѣ мирнымъ. Выразилось оно только въ отказѣ отъ надѣловъ, оброковъ, барщины и повиновенія помѣщику, т. е. отъ обязательныхъ отношеній къ послѣднему, иными словами—отъ временно-

---

[1]) Арестованные вскорѣ въ сосѣднемъ селѣ, они были отправлены въ ирбитскую тюрьму, гдѣ главный самозванецъ вскорѣ умеръ; второй оказался переодѣтою женщиной и о ея судьбѣ ничего не говорится. Послѣ смерти самозванца, среди крестьянъ сталъ распространяться по этому поводу слухъ, что начальство отравило самозванца, чтобы не отвѣчать за то, что оно посадило въ острогъ самого великаго князя.

[2]) „Эпизодъ изъ исторіи крестьянскихъ волненій". Историч. Вѣстникъ 1884 г. № 6, стр. 694.

обязаннаго положенія. Они ожидали надѣленія землею отъ правительства, на какихъ условіяхъ и въ какомъ количествѣ—неизвѣстно; любопытно то, что наряду съ землею они ожидали и надѣленія скотомъ, т. е. необходимымъ орудіемъ производства въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Никакого противодѣйствія властямъ (если не считать выступленія бабъ) не было, что не помѣшало употребить противъ крестьянъ обычную порку при помощи военной команды.

Волненіе въ селѣ Карасинѣ Волынской губерніи, луцкаго уѣзда относится къ еще болѣе позднему времени, чѣмъ предыдущее волненіе. Оно началось съ осени 1862 г., усмирено было въ концѣ лѣта 1863 г., но броженіе среди крестьянъ, видимо, не улеглось до 1866 или 1867 г., когда законныя, даже по Положенію 19 февраля, требованія крестьянъ были хотя отчасти удовлетворены.

Въ этомъ волненіи пониманіе Положенія 19 февраля, какъ „истинной воли" нѣсколько затемнено побочными причинами волненія. На ряду съ неправильнымъ пониманіемъ Положенія, немаловажную роль играли злоупотребленія помѣщика и мирового посредника при составленіи уставной грамоты. Послѣдняя была составлена самимъ помѣщикомъ, безъ участія крестьянъ, съ явнымъ нарушеніемъ закона и крестьянскихъ интересовъ. Условіями уставной грамоты крестьяне были поставлены въ безвыходное экономическое положеніе: на тѣхъ надѣлахъ, на которые ихъ посадили, при сравнительно высокомъ оброкѣ и другихъ стѣснительныхъ условіяхъ (поддержаніе дорогъ на землѣ помѣщика, отвѣтственность за лѣсные пожары въ помѣщичьемъ лѣсу и пр.)—невозможно было существовать. Нарушеніе закона выражалось, напримѣръ, въ томъ, что въ уставной грамотѣ сказано было объ отказѣ крестьянъ отъ дополнительныхъ надѣловъ, хотя крестьяне и не участвовали въ составленіи уставной грамоты. Броженіе среди крестьянъ проявилось сначала въ нежеланіи принять подобную разорительную уставную грамоту и подчиняться ей. Но къ этой, такъ сказать, экономической причинѣ быстро присоединились слухи и толки, что Положеніе неправильно имъ растолковано, что въ дѣйствительности царь далъ имъ „полную волю" и дастъ землю и прочія угодья въ достаточномъ количествѣ.

Крестьяне отказались на этомъ основаніи не только отъ всякаго повиновенія помѣщику, отъ платежа оброка или отбыванія барщины, т. е. отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщику, но и отъ пользованія своими надѣлами; крестьяне не платили даже земскихъ повинностей. Отказъ отъ уставной грамоты получилъ уже принципіальное значеніе, ибо разъ крестьяне признали себя вполнѣ вольными, то и не желали вступать ни въ какія обязательныя соглашенія съ помѣщикомъ. На вопросъ исправника, почему они не

желаютъ исполнять волю царя, т. е. ни платить оброка, ни отбывать барщину, крестьяне отвѣчали, „что проходящіе неизвѣстные солдаты читали имъ Положеніе, и они видятъ, что съ ними не такъ поступаютъ, какъ установлено Положеніемъ, ибо царь далъ имъ полную волю, даетъ землю и всѣ угодья". Они выражали ему увѣренность, что „по прежнему будутъ пользоваться всѣми угодьями, но не будутъ уплачивать за это, ни отрабатывать за нихъ, ибо царь, давъ имъ волю, далъ и всѣ выгоды къ жизни". „Не хотимъ уставной грамоты, говорили крестьяне при отказѣ отъ принятія уставной грамоты; насъ хотятъ погубить, но мы не поддадимся. Мы будемъ ждать царскаго выкупа". Что понимали крестьяне подъ „царскимъ выкупомъ"—неизвѣстно. Вѣроятно, здѣсь разумѣлся выкупъ земли отъ помѣщиковъ самимъ правительствомъ безъ всякаго прямого участія крестьянъ. На эту догадку наводятъ слова крестьянъ, что они не будутъ уплачивать за пользованіе угодьями. Кромѣ того есть и другія указанія, что среди нихъ циркулировали слухи о томъ, что они должны были или должны будутъ получить землю безплатно. Такъ, нѣкій коновалъ Никифоровъ (изъ Тульской губерніи) говорилъ въ с. Карасинѣ, что „крестьяне должны работать барщину только до новаго года, а потомъ получатъ землю *безплатно* [1]) за то, что дѣлали барщину".

Помимо этого, мировой посредникъ въ одномъ изъ донесеній указывалъ, что крестьяне „самоуправно завладѣли экономическими землями". Толкуя такъ Положеніе, крестьяне открыто выражали явное недовѣріе чиновникамъ. Они отказывались идти за разъясненіями даже къ губернатору въ Житомірѣ или къ генералъ-губернатору въ Кіевъ. Довѣряли они только Петербургу, т. е. самому царю. Они дважды пытались отправить ходоковъ въ Петербургъ, собрали даже для этой цѣли 200 р. и до возвращенія ходоковъ отказывались отъ всякихъ сношеній съ мѣстными властями; не являлись по вызову на мировой съѣздъ, скрывались въ лѣса, когда тѣ или другія власти являлись къ нимъ въ село и т. д., продолжая въ то же время фактически осуществлять „полную волю" и не платя земскихъ повинностей. Такое положеніе дѣлъ съ небольшими перерывами тянулось почти до конца лѣта 1863 г.

Ознакомимся ближе, въ краткихъ чертахъ, съ ходомъ волненія, чтобы яснѣе представить себѣ настроеніе и поведеніе крестьянъ, а также самыя бездненскія событія.

Въ октябрѣ (17-го) 1862 г. помѣщикъ составилъ самъ уставную грамоту, безъ участія крестьянъ и мировой посредникъ призналъ ее правильной. Крестьяне отказались принять

---

[1]) Курсивъ мой. *И. И.*

ее и не явились даже на вызовъ посредника выслушать грамоту. На второй вызовъ явились лишь старшина и староста, донесшіе о главныхъ зачинщикахъ Рудникѣ, Карпюкѣ и Мисюкѣ. Мировой посредникъ попытался арестовать ихъ, но крестьяне не позволили. Попытка пристава сдѣлать это также не удалась, ибо всѣ крестьяне до одного удалились изъ села въ лѣсъ. Приставъ арестовалъ лишь крестьянина Никифорова, распространявшаго ложные слухи (см. выше). Надежда исправника арестовать зачинщиковъ на мировомъ съѣздѣ не увѣнчалась успѣхомъ, ибо крестьяне на съѣздъ также не явились. Пріѣздъ самого исправника въ с. Карасино ничему не помогъ: крестьяне заблаговременно ушли въ лѣсъ и задержали 3-хъ односельчанъ, подосланныхъ къ нимъ для уговоровъ явиться передъ ясныя очи исправника. Все описываемое поведеніе крестьянъ можно объяснить тѣмъ, что за это время ихъ коноводы—Рудникъ, Карпюкъ и Мисюкъ, ходили въ село Купацкая Воля, пинскаго уѣзда къ дьячку Базилевскому для написанія прошенія государю, затѣмъ собрали въ родномъ селѣ 200 рублей и отправились обратно къ Базилевскому, обѣщавшему переправить ихъ для подачи прошенія царю.

До возвращенія ихъ, крестьяне не должны были принимать уставной грамоты, заключать какія-либо условія на бумагѣ и являться къ начальству. Неизвѣстно, удалось ли депутаціи отправиться въ Петербургъ, ибо въ декабрѣ было уже отдано губернаторомъ распоряженіе произвести обыскъ у Базилевскаго и задержать упомянутыхъ 3-хъ крестьянъ. Судя по тому, что Карпюкъ и Рудникъ весною 1863 года находились въ с. Карасинѣ, можно заключить съ нѣкоторою вѣроятностью, что посылка депутаціи не удалась.

Въ томъ же декабрѣ, крестьяне сдѣлали уступку, ибо въ актѣ отъ 21 декабря 1862 г., за подписью помѣщика, посредника и стороннихъ лицъ, сказано, что крестьяне выслушали уставную грамоту, но „законныхъ возраженій“ не представили и отъ подписи отказались. Такое „выслушаніе“, видимо, съ точки зрѣнія крестьянъ ихъ ни къ чему не обязывало. 3-го апрѣля 1863 г., исправникъ опять доносилъ губернатору, что „крестьяне рѣшительно не хотятъ повиноваться ни помѣщику, ни волостному правленію, ни мировому посреднику, подстрекателей защищаютъ, при появленіи чиновниковъ скрываются въ лѣсъ; дѣлаютъ угрозы должностнымъ лицамъ, оброка платить не хотятъ и этимъ подаютъ худой примѣръ сосѣднимъ селамъ“..., крестьяне не желали платить даже земскихъ повинностей. Зачинщики (Карпюкъ), по словамъ исправника, начинали возмущать крестьянъ и въ другихъ селеніяхъ. На приглашеніе исправника выбрать 2-хъ крестьянъ для объясненій, крестьяне отвѣтили отказомъ. Крестьяне не дали арестовать Карпюка. Проэктъ исправника

расквартировать въ Карасинѣ роту солдатъ, почему то не былъ приведенъ въ исполненіе, хотя рота уже вступила было въ село. Исправнику, въ концѣ концовъ, удалось арестовать Рудника и крестьянина Касяна, изъ которыхъ послѣдній отличался энергіей, при попыткѣ крестьянъ отбить Рудника. За Рудникомъ пришли ночью. Онъ и его жена подняли крикъ: „громадо, ратуйте"! Быстро сбѣжалось до 200 мужчинъ и женщинъ съ кольями въ рукахъ и старались отбить арестованнаго; женщины бросали песокъ въ глаза солдатамъ. Хотя и съ большимъ трудомъ, но Рудника и Касяна арестовали и отправили на помѣщичій дворъ. Сюда собралось опять до 200 крестьянъ, отступившихъ лишь передъ угрозою исправника стрѣлять. Но и здѣсь крестьяне опять на отрѣзъ отказались отъ уставной грамоты и повиновенія. Донося объ этомъ и заявляя, что только при помощи солдатъ и розогъ можно добиться повиновенія, исправникъ добавлялъ, что безпорядки начинаютъ замѣчаться и въ другихъ селеніяхъ. Но уже въ концѣ мая, по донесенію исправника, крестьяне, быть можетъ, подъ вліяніемъ ареста зачинщиковъ, а особенно послѣ возвращенія въ село Рудника и Касяна, предлагавшихъ односельчанамъ смириться,—стали уступчивѣе и согласились исполнять обязанности. Это согласіе, очевидно, было лишь формальнымъ, или обязанности исполнялись лишь короткое время, ибо 31-го іюля помѣщикъ обратился къ ген.-губернатору и губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію съ жалобою на неисполненіе крестьянами ихъ обязанностей, отчего его хозяйство терпитъ убытки. Были приняты суровыя, возмутительныя мѣры съ цѣлью принудить крестьянъ къ повиновенію и взыскать оброчную недоимку. При помощи старостъ и старшинъ окружныхъ волостей, на село сдѣлали облаву, захватили скотъ, ловя его даже въ лѣсу, и распродали за безцѣнокъ; оброкъ взыскивали даже за дополнительные надѣлы, отъ которыхъ крестьяне отказались согласно тексту уставной грамоты; мало того—скотъ раздаривали за помощь во время облавы и въ вознагражденіе за побои, нанесенные карасинцами. Помимо этого примѣнены были розги: наказано было до 15 женщинъ отъ 15 до 20-ти ударами и 5 мужчинъ, получившихъ до 30 ударовъ каждый. 20-го августа мировой посредникъ уже могъ донести губернатору, что оброкъ взысканъ и крестьянамъ сдѣлано строгое внушеніе, чтобы они вошли въ добровольное соглашеніе съ помѣщикомъ. Впрочемъ, разъ экономическія причины броженія, среди крестьянъ не были устранены, то врядъ ли такъ закончилось бы волненіе этихъ крестьянъ. Только въ 1866 г. состоялось рѣшеніе повѣрочнаго отдѣленія, по которому надѣлъ крестьянъ былъ сильно увеличенъ (количество удобныхъ земель увеличено въ 2 раза, количество неудобныхъ—въ $18^1/_2$ разъ) при пониженіи въ то же

время, платежей: оброкъ былъ исчисленъ теперь по пѣшему, а не по тяглому надѣлу [1]).

Любопытно также волненіе 1861 г., въ одесскомъ уѣздѣ, въ 60 верстахъ отъ Одессы, въ нѣсколькихъ имѣніяхъ (Коріакова, Кезриса, Свѣчина, въ деревняхъ, Ташино, Ново-Киріяковка, Малашевка, Тузлы, Сахарово), гдѣ крестьяне, считая себя совершенно свободными, отказались отъ работъ на помѣщика и отъ всякаго повиновенія ему. По требованію мѣстныхъ властей, въ мѣста волненій было отправлено 4 роты. Тотчасъ по прибытіи въ с. Ташино, войска, по приказанію уѣзднаго предводителя дворянства, окружили крестьянъ, и имъ былъ прочитанъ манифестъ. По донесенію ротнаго командира, „выслушавъ манифестъ, крестьяне рѣшительно отказались работать помѣщику и быть ему въ повиновеніи. Предводитель дворянства употребилъ всѣ усилія склонить крестьянъ, выполнить волю государя императора, значущуюся въ манифестѣ, но всѣ усилія остались тщетными; тогда предводитель дворянства приказалъ и указалъ нижнимъ чинамъ взять тѣхъ изъ крестьянъ, которые были главною причиною возмущенія, для наказанія ихъ розгами, и когда взяли одного изъ нихъ, то всѣ крестьяне безъ исключенія бросились на землю и начали кричать: „сѣки насъ всѣхъ". Этою силою (до 140 чел.), они оттѣснили тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые держали крестьянъ; когда вновь разложили крестьянина, то опять всѣ бросились на землю и кричали то же самое: „сѣки насъ всѣхъ". Вторично освободивъ крестьянина, бросились всѣ бѣжать на проломъ черезъ цѣпь солдатъ, изрѣдка употребляя удары руками; нижніе чины сомкнулись въ довольно густое каре и тѣмъ задержали крестьянъ, и въ этой тѣснотѣ, когда удерживали солдаты крестьянъ, которые, вырываясь, толкали солдатъ, сдѣлали незначительныя царапины на ружьяхъ.

Когда крестьяне были переловлены, тогда послѣдовало наказаніе розгами только самымъ главнымъ нарушителямъ порядка и спокойствія, послѣ чего крестьяне покорились и были отпущены по домамъ".

То же происходило и въ другихъ деревняхъ съ небольшими варіаціями. Предводитель дворянства увѣрялъ, что давалъ не болѣе 30 розогъ, но „по разсказамъ солдатъ, крѣпко были наказаны отъ 300 до 400 розогъ; офицеры этого не говорятъ, но на нихъ полагаться нельзя. Въ одномъ Ташинѣ наказано было до 80 человѣкъ" [2]).

Упомянемъ еще объ одномъ волненіи въ кременчугскомъ уѣздѣ полтавской губ. въ с. Пустовойтовѣ, очевидно, относящемся къ 1862 г. Драгомановъ, упоминая объ этомъ вол-

---

[1]) Моголъ „Крестьянскіе безпорядки". Русск. Вѣстникъ, 1869 г. № 7.
[2]) Колоколъ 1861 г. № 98—99, стр. 822.

неніи, ничего не говоритъ о формахъ и концѣ его, но волненіе любопытно заявленіями крестьянъ. Крестьяне сначала приняли уставную грамоту, но затѣмъ стали говорить, что „они и ихъ земли вольны", а потому они не будутъ исполнять ни панщины, ни оброка, что разъ царь далъ имъ волю, то этимъ самымъ они перешли на „казенное положеніе" (т. е. что они должны платить только казенныя подати). На указаніе, что это царская воля имъ объявлена, крестьяне уклончиво отвѣчали: „будемо ждати, шчо буде. Богъ насъ льубить, царь милуіе, а зъ панами намъ не жити" [1]).

Въ бездвинскомъ волненіи, продолжавшемся въ общемъ болѣе мѣсяца и охватившемъ въ районъ своего прямого или косвеннаго воздѣйствія 3 смежныхъ уѣзда Казанской губ. (спасскій, чистопольскій и лаишевскій) и, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя мѣста Самарской и Симбирской губ,—нужно отличать общее броженіе крестьянъ, осуществлявшихъ мирнымъ путемъ своеобразно понимаемую ими волю, и его трагическую развязку, давшую имя всему движенію и выразившуюся въ разстрѣлѣ въ с. Безднѣ мирной толпы, а затѣмъ самого толкователя Положенія 19 февраля, Антона Петрова, уже не разъ упоминавшагося въ предыдущемъ изложеніи.

Бездвинское событіе 12 апрѣля есть только кровавый эпизодъ въ обширномъ и глубокомъ, по своему содержанію, движеніи крестьянъ въ Казанской губерніи, эпизодъ, правда, повліявшій количествомъ погибшихъ здѣсь крестьянъ на все движеніе, заставивъ смириться крестьянъ и приковавшій къ себѣ этими же жертвами общественное вниманіе. Волненія и дѣйствія крестьянъ, однородныя съ тѣми, которыя происходили въ районѣ бездвинскаго движенія, замѣчались въ то время, быть можетъ, въ болѣе разрозненномъ, раздробленномъ видѣ, почти повсемѣстно и, лишь будущій историкъ, которому раскроются всѣ матеріалы по исторіи броженія крестьянъ описываемой эпохи, можетъ сказать, насколько бездвинское движеніе выдѣлялось изъ ряда другихъ волненій и насколько оно обязано своею извѣстностью трагическимъ событіямъ въ с. Безднѣ. Конечно, изъ извѣстныхъ доселѣ волненій даннаго періода оно выдѣляется общностью настроенія, дѣйствій и относительнымъ объединеніемъ личностью Антона Петрова многочисленныхъ селеній намѣченнаго района.

Крыловъ, давшій въ высшей степени цѣнныя воспоминанія о бездвинскомъ движеніи, [2]) справедливо указываетъ

---

[1]) Драгомановъ. „Нові украиньскі пісні". стр. 66.

[2]) Крыловъ. „Воспоминанія мирового посредника I призыва о введеніяхъ въ дѣйствіе Положенія 19 февраля 1861 г." Русск. Старина, 1892 г. № 4 и 6. Его же перу, принадлежитъ записка помѣщенная въ Русской Старинѣ за 1904 г. (№ 5) подъ заглавіемъ: „Страничка изъ исторіи освобожденія крестьянъ" и найденная въ бумагахъ К. Чевкина. По объясненію Н. А. Крылова, эта

на особый характеръ мѣстности волненія и его населенія, объясняющій въ значительной степени длительность и силу броженія бывшихъ крѣпостныхъ. Населеніе этой мѣстности, по его наблюденію (а онъ, по его словамъ, хорошо былъ знакомъ съ населеніемъ волновавшихся 3-хъ уѣздовъ Казанской губерніи) было смѣлѣе, менѣе забито, чѣмъ въ центральной Россіи. Съ одной стороны, по его указанію, здѣсь были большія, богатыя помѣстья, большія села, плохіе пути сообщенія, что при ничтожности полиціи облегчало волненіе. Въ большихъ помѣстьяхъ крѣпостные, кромѣ того, обыкновенно жили самостоятельнѣе, держались независимѣе, менѣе были придавлены экономической эксплуатаціей помѣщиковъ, у нихъ и требованія къ „волѣ“ могли быть выше, чѣмъ въ забитыхъ деревушкахъ мелкихъ помѣщиковъ, гдѣ крѣпостная эксплуатація могла заставить радоваться каждому облегченію, приносимому Положеніемъ и манифестомъ. Авторъ приписываетъ значеніе и тому факту, что черезъ мѣста волненій шелъ сибирскій трактъ, по берегамъ Волги и Камы развито было бурлачество, что дѣлало ихъ проѣзжею дорогою, по которой проносились разнообразные слухи и толки со всей Россіи; немаловажное значеніе придаетъ авторъ и сохранившимся здѣсь въ населеніи воспоминаніямъ о Пугачевѣ, давшемъ полную волю народу. „Полная безграмотность массы, говоритъ Крыловъ, сибирскій трактъ, береговое бурлачество и крѣпкая въ народѣ память о временахъ Пугачева— создали у крестьянъ убѣжденіе, что не разъ цари давали волю народу, но господа и попы ее прятали, и она не доходила до народа.“ [1]) Такова была почва, которая облегчала развитіе движенія въ описываемомъ краѣ. Ближайшими же причинами, общими для всѣхъ волненій данной эпохи, была все та же ненависть къ крѣпостному праву и интенсивное ожиданіе воли въ томъ видѣ и въ тѣхъ формахъ, о которыхъ приходилось уже говорить.

Въ предыдущемъ изложеніи упоминалось, что въ крѣпостномъ населеніи описываемой мѣстности усиленныя ожиданія воли начались еще года за 3 до 1861 г. Въ народѣ носились слухи, что царь различными способами пытался пересылать волю народу, но всякій разъ господа перехватывали ее, а людей морили въ острогахъ. „Особенно сильно было ожиданіе воли 19-го февраля 1861 г., говоритъ Крыловъ; ждали ее и въ церквахъ и на большой дорогѣ. Когда же и

записка—письмо его къ г-жѣ Ермоловой (урожд. Ивашевой, пересланное министру внутрен. дѣлъ Валуеву. Какимъ образомъ письмо попало въ бумаги К. Чевкина, Н. А. Крылова не знаетъ. Съ любезнаго разрѣшенія Н. А. Крылова для этого очерка использованы и вычеркнутыя цензурою мѣста его „Воспоминаній мирового посредника.“

[1]) А. Крыловъ. „Воспоминанія мирового посредника I призыва.“ Русск. Старина 1893 г. № 4, стр. 82.

этотъ день обманулъ ихъ, то общій говоръ свалилъ вину на поповъ, подкупленныхъ помѣщиками, и на полицію, выбранную то же изъ дворянъ. Нашлись даже очевидцы, которые утверждали, что видѣли, какъ волю провезли въ Уфу и въ Пермь на пяти тройкахъ, а ямщики сказали, что въ Казани уже давно получена.“ [1]) Въ такомъ напряженномъ состояніи находилось населеніе, когда въ Спасскомъ уѣздѣ пронесся слухъ, что въ Симбирскѣ на сборной ярмаркѣ 9-го марта раздавали волю. Тамъ, дѣйствительно, прочитали манифестъ и раздавали листки съ существенными выдержками изъ Положенія 19 февраля. Собственно, съ этого времени и начинается броженіе въ мѣстномъ крѣпостномъ населеніи. „Вѣсть объ объявленіи воли въ Симбирскѣ, говоритъ авторъ, съ быстротою молніи разлилась по всѣмъ селеніямъ лѣваго берега Волги и породила нескончаемую путаницу понятій... Самые разумные старики сдѣлались легковѣрнѣе дѣтей.“ [2]) „Начались сходки, на нихъ обсуждали всевозможныя выдумки, мѣнялись изъ села въ село нелѣпыми новостями и разжигались неисполнимыя ожиданія, въ которыя вѣрили отъ души.

Въ это же время всякое благоразумное слово принималось враждебно и сопровождалось крикомъ: ты стоишь за господъ.“ [3]) Здѣсь же онъ поясняетъ подробнѣе, въ чемъ заключались эти „нелѣпыя новости“, „неисполнимыя ожиданія“. „Въ народѣ, говоритъ авторъ, появились толки о полной волѣ съ настоящаго момента, о правахъ собственности крестьянъ на всѣ земли и лѣса, о правѣ ихъ на запасные хлѣбные магазины, на раздѣлъ господскихъ выпусковъ и выгоновъ, а въ иныхъ мѣстахъ даже на раздѣлъ хлѣба въ господскихъ амбарахъ“. [4]) Конечно, прекращеніе всякихъ крѣпостныхъ отношеній къ помѣщикамъ—въ частности—барщины и оброка—входило въ содержаніе полной воли, какъ conditio sine qna non. Отъ словъ и толковъ о волѣ крестьяне перешли вскорѣ къ проведенію ея въ жизнь. На основаніи однихъ слуховъ о волѣ, еще до нахожденія ея Ант. Петровымъ, во многихъ имѣніяхъ крестьяне перестали ходить на барщину. Тамъ, гдѣ она и исполнялась, работы велись вяло и небрежно. Въ с. Мурасѣ крестьянскій міръ запретилъ бабамъ даже наниматься на жнитву, изъ опасеній, что эта добровольная сдѣлка повредитъ міру раздѣлить помѣщичьи поля между крестьянами. Отношенія между помѣщиками и крестьянами настолько обострились, что во многихъ имѣніяхъ сами по-

---

[1]) Крыловъ. „Воспоминанія мирового посредника I призыва“... Русск. Старина 1893 г. № 4, стр. 83.
[2]) Ibid. стр. 87.
[3]) Ibid. стр. 87.
[4]) Ibid. стр. 87.

мѣщики, боясь столкновеній, не наряжали на работу и слали жалобы на крестьянъ. Многіе изъ нихъ уже въ то время бѣжали изъ имѣній въ города. Тогда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне приступили къ дѣлежу лѣсовъ. „Во многихъ имѣніяхъ, говоритъ Крыловъ, начались порубки лѣса. Начались онѣ ночью въ видѣ похищеній, а по случаю безнаказанности скоро перешли въ открытый раздѣлъ барскихъ лѣсовъ, такъ что на лучшія деревья мужики бросали жеребій, кому рубить. Жалобы становымъ, исправникамъ и уѣздному предводителю дворянства подавались со всѣхъ концовъ сотнями... Почти во всѣхъ имѣніяхъ караульщиками и помѣщиками были тѣ же крестьяне-односельцы, которые міра боялись больше всякой власти, и вдобавокъ, сами вѣрили, что воля пришла и на лѣса, и не сегодня-завтра откроютъ ее. Помѣщики и приказчики безпомощно махнули руками и только ждали распутицы, которая одна могла остановить порчу и истребленіе лѣса.“ [1]) „Взглядъ крестьянъ на лѣса хорошо формулируется жалобой крестьянъ с. Мурасы сыну помѣщицы на управляющаго, который заставилъ возвратить срубленный лѣсъ и высѣкъ по этому поводу, черезъ полицію, одного крестьянина. Мурасинцы говорили, „что вездѣ лѣса стали вольными, потому что ихъ Богъ для всѣхъ растилъ; царь открылъ во всѣхъ селахъ, почему же въ Мурасѣ приказчикъ сѣчетъ за лѣсъ“. [2]) При такомъ то настроеніи и дѣйствіяхъ крестьянъ имъ приподнесли манифестъ и Положеніе. Какъ и вездѣ, крестьяне съ жадностью накинулись на нихъ, чая найти оффиціальное подтвержденіе „своей волѣ“. Легко понять ихъ недоумѣніе, когда хотя и съ большимъ трудомъ, они начали знакомиться съ содержаніемъ того и другого документа. Когда въ половинѣ марта въ спасскій и чистопольскій уѣзды прислали выдержки изъ Положенія со статьями, дающими немедленныя облегченія бывшимъ крѣпостнымъ, то крестьяне вычитали изъ нихъ только то, что дана „бабья воля“, а „мужичья воля“ будетъ только черезъ 2 года. Мурасинцы откровенно называли облегченія, даваемыя крестьянамъ,—„пустяками“. Изъ манифеста тѣ же крестьяне поняли только, что 2 года все будетъ по старому. Къ книгѣ Положеній охладѣли.“ [3]) Но на ряду съ разочарованіемъ и недоумѣніемъ передъ содержаніемъ манифеста и Положенія, создалась версія, что господа утаиваютъ на 2 года присланную царемъ „мужичью волю“, а потому начались усиленныя поиски этой „воли“. Запрещеніе кому бы то не было—за исключеніемъ чиновниковъ и священниковъ—читать Положеніе крестьянамъ—лишь укрѣпило крестьянъ въ необхо-

---

[1]) Крыловъ. „Воспоминанія мирового посредника I призыва“... Русск. Старина, 1893 г., № 4, стр. 92.
[2]) Ibid. стр. 93.
[3]) Ibid. стр. 91.

димости этихъ поисковъ. Началось усиленное, тайное чтеніе Положенія, погоня за чтецами, которые больше „правовъ“ найдутъ въ этой таинственной книгѣ и т. д. На такую то почву упало толкованіе Положенія Антономъ Петровымъ, о которомъ говорилось выше. Со всѣхъ концовъ потянулись къ А. Петрову ходоки отъ крестьянъ съ просьбами показать „волю“, и всѣмъ приходящимъ Петровъ закладывалъ соломиной потайные листы. Ходоки шли не только изъ уѣздовъ, смежныхъ со спасскимъ, но вѣсть о потайныхъ листахъ съ истинною волею вышла за предѣлы Казанской губерніи, проникнувъ въ Самарскую и Симбирскую. Причинами такого распространенія было, весьма вѣроятно, расположеніе спасскаго уѣзда на оживленномъ водномъ пути (Волга и Кама), но отчасти этому способствовали и сами крестьяне. Есть свѣдѣнія, что крестьяне сами разсылали гонцовъ, иногда въ очень отдаленныя мѣстности, съ вѣстью объ „истинной волѣ“, а когда А. Петрову стала угрожать опасность быть арестованнымъ властями, то и съ приказомъ отъ царя идти на защиту Антона. Крыловъ говоритъ, что крестьяне стекались, по зову особыхъ гонцовъ изъ Бездны, изъ 3-хъ смежныхъ уѣздовъ. По пути крестьяне давали имъ мірскихъ лошадей. Такъ сдѣлали въ с. Мурасѣ, когда туда пріѣзжали посланцы изъ Бездны сгонять народъ; „міръ далъ имъ тройку лошадей для дальнѣйшаго пути въ чистопольскій уѣздъ.“ [1]) Ямщикъ, везшій мурасинскаго управляющаго, разсказывалъ ему, что черезъ с. Головкино, ставропольскаго уѣзда, Самарской губ. проѣхали 2 бездининскихъ крестьянина къ рѣкѣ Черемшану объявлять народу царскую волю. [2])

Что касается самой найденной воли, то крестьяне удовлетворялись найденной А. Петровымъ фразой въ Положеніи „изъ нихъ отпущено послѣ ревизій на волю крестьянъ—00, дворовыхъ—00“, царскимъ „быть по сему“ на той же страницѣ и печатью св. Анны (10%) на предыдущей страницѣ, какъ разъ надъ ониками, а также тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сказано, что „со дня обнародованія Положенія уничтожаются“, не интересуясь, что именно уничтожается, въ чемъ заключается содержаніе многочисленныхъ статей Положенія. Для нихъ было существенно и важно, что въ манифестѣ и книгѣ, присланной царемъ, подтверждено имъ самимъ, что крестьяне, дѣйствительно, отпущены на волю, да еще не въ 1861 г., а въ 1858-омъ (послѣдняя ревизія). Въ остальномъ они вполнѣ довольствовались еще ранѣе циркулировавшими среди нихъ толками о содержаніи воли и лишь смѣлѣе, чѣмъ раньше, примѣняли эту волю къ повседневной жизни.

---

[1]) Крыловъ. „Воспоминанія мирового посредника I призыва“. Русск. Старина, 1893 г. № 6, стр. 632.
[2]) Ibid. стр. 618.

Происходилъ уже не только дѣлежъ лѣсовъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приступили къ дѣлежу господскаго имущества. Право на него обосновывалось крестьянами, повидимому, на томъ, что разъ господа скрывали волю съ 1857 г., то теперь съ нихъ нужно взыскать за даровой трудъ, которымъ господа воспользовались въ эти „вольные“ годы, а также и за пользованіе землею, которая должна была *вся* отойти крестьянамъ еще въ томъ же 1857-омъ году. „Вы насъ 3 года крутили въ барской работѣ, да нашею землею владѣли“, говорили Крылову въ с. Безднѣ. [1]) Любопытно въ этомъ отношеніи подробное описаніе Крыловымъ событій въ с. Кокряты, Казанской губ., спасскаго уѣзда. Когда авторъ пріѣхалъ въ это село, то засталъ такую картину. „Толпа стариковъ и молодежи, весьма оживленная, тѣснилась возлѣ барской конторы, въ которую входили записываться *въ волю*. Каждый сознавалъ полное свое право на всѣ барскія земли, лѣса, хлѣба, амбары, риги и пр. имущество и оставлялъ помѣщику только его усадьбу, на которую не было никакого покушенія“ [2]) Послѣднему противорѣчитъ заявленіе, видимо, того же автора въ другой статьѣ [3]), что въ Кокрятахъ на сходкѣ рѣшали растащить по бревнамъ барскія усадьбы, „потому что Антонъ говоритъ, что всѣ вольны съ 10-ой ревизіи уже; а до сихъ поръ дворяне крали волю и несправедливо заставляли работать; слѣдовательно, надо съ нихъ взыскать.“ [4]) Такъ какъ эта „Страничка...“, видимо, писана раньше „Воспоминаній мирового посредника“, то второму заявленію приходится больше вѣрить, какъ записанному, очевидно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ слышаннаго и видѣннаго. Въ той же „Страничкѣ“ можно найти свѣдѣнія объ отношеніи крестьянъ къ господскимъ хлѣбамъ. Такъ, на сходкѣ рѣшался вопросъ, „какъ дѣлить барскую рожь и какъ молотить ее или по себѣ снопы прямо подѣлить? Рѣшили обмолотить міромъ“, а потомъ дѣлить. [5]) О томъ же упоминаетъ и Крыловъ въ своей статьѣ. Ямщикъ, везшій его изъ Кокрятъ, показавъ ему „барскій лѣсъ въ сторонѣ, который мужики уже раздѣлили и возятъ по себѣ, сказалъ, что остальной лѣсъ и землю будутъ дѣлить весною, а барскій хлѣбъ хотятъ перемѣрить и разобрать теперь же“. [6]) Право на землю и господское имущество кокрятцы признавали не за всѣми, въ волю записывали, видимо, съ разборомъ. „Этого не пиши, кричитъ

---

[1]) Крыловъ. „Воспоминанія мир. посредника I призыва“. Русск. Стар. 1893 г. № 6, стр. 623.

[2]) Ibid., стр. 619.

[3]) „Страничка изъ исторіи освобожденія крестьянъ“, Русск. Стар. 1904 г. № 5.

[4]) Ibid., стр. 452—453.

[5]) Ibid., стр. 451.

[6]) Крыловъ. „Воспоминанія мир. посредника“. Русск. Стар. 1893 г. № 6, стр. 620.

(толпа. *И. И.*), передаетъ авторъ, онъ все съ господами знакомится, ему и земли не давать". [1]) Ямщикъ мурасинскаго управляющаго, крестьянинъ села Кокрятъ, къ которому относились эти слова, былъ очень обезпокоенъ. „Пожалуй, говоритъ, земли теперь не дадутъ." Онъ жаловался, что его не хотятъ пустить въ дѣлежъ барскаго хлѣба, опасался, что міромъ откажутъ ему въ дѣлежѣ барской земли и лѣса, и собирался жаловаться на такое „самоуправство" своихъ односельчанъ „самому исправнику". [2]) Нечего и говорить, что барщина и другія повинности не исполнялись кокрятцами, какъ только они признали себя вольными. Эти сообщенія Крылова о крестьянской волѣ, какъ она проводилась кокрятцами въ ихъ селѣ, находятъ себѣ подтвержденіе и во всеподданнѣйшемъ донесеніи самого усмирителя бездининскаго движенія, генерала Апраксина. [3]) Онъ говоритъ, что подъ словами „чистая воля" крестьяне „понимали совершенную свободу отъ всѣхъ повинностей и обязанностей и право на всю землю". Онъ писалъ, что „жалобы помѣщиковъ объ отказѣ крестьянъ исполнять работы, начали постоянно поступать отъ предводителей дворянства къ губернатору". Въ одномъ селеніи (деревня Щербеть, помѣщика Молоствова) одинъ крестьянинъ, по сообщенію того же Апраксина, схватилъ на сходкѣ помѣщика за грудь и сказалъ ему: „убирайся отсюда, тебѣ здѣсь нечего дѣлать". Всячески чернившій имя А. Петрова и сваливавшій на него вину и иниціативу во всемъ бездининскомъ движеніи, ген. Апраксинъ приписываетъ Антону утвержденіе, твердо усвоенное волновавшимися крестьянами, что имъ „принадлежитъ вся земля" и что „весь хлѣбъ, собранный и проданный въ продолженіи 2-хъ прежнихъ лѣтъ (съ 1858 г.) должно взыскать съ помѣщиковъ". По словамъ Апраксина, А. Петровъ „внушалъ крестьянамъ, чтобы они не ходили на барщину, не платили оброка, не давали подводъ и даже не препятствовали кражѣ помѣщичьей собственности и не оказывали никакой помощи въ случаѣ собственныхъ бѣдствій, какъ-то: пожаровъ, наводненій, прорывъ плотины и пр.". Если послѣднія утвержденія вѣютъ явнымъ преувеличеніемъ, чтобы не сказать больше, то указаніе Апраксина на отобраніе господскаго хлѣба подкрѣпляется сообщеніемъ Крылова и обратно. Поэтому не приходится соглашатся съ корреспондентомъ „Колокола", доставившимъ редакціи послѣдняго самый черновикъ донесеніе Апраксина, не вѣрившимъ, чтобы бездининскіе крестьяне взяли хотя бы горсть господскаго хлѣба и считавшимъ это указаніе Апрак-

---

[1]) „Страничка изъ исторіи освобожденія крестьянъ", Русск. Стар. 1904 г. № 5, стр. 452.

[2]) Крыловъ. „Воспоминанія"... Русск. Стар. 1893 г. № 6, стр. 620.

[3]) Черновикъ этого донесенія напечатанъ въ „Колоколѣ" за 1862 г. № 124.

сина ложнымъ поклепомъ на крестьянъ [1]). Въ донесеніи Апраксина можно найти и другія любопытныя подробности бездниискаго движенія, а именно, подробности объ отношеніи крестьянъ къ собственному самоуправленію. Апраксинъ утверждаетъ, что „въ нѣкоторыхъ селеніяхъ крестьяне прибили своихъ сельскихъ начальниковъ, выбрали новыхъ и отобрали книги отъ конторъ, требуя отчета". Въ с. Безднѣ, по словамъ Апраксина, къ его пріѣзду „властей никакихъ уже не существовало" и сельское начальство было назначено изъ крестьянъ „по указанію А. Петрова". Вообще, по утвержденію генерала, А. Петровъ „давалъ волю, землю, назначалъ начальствующихъ лицъ, говоря, что онъ въ скоромъ времени освободитъ 34 губерніи"; мало того, А. Петровъ якобы понималъ подъ свободой, которую онъ проповѣдывалъ крестьянамъ, „совершенную независимость... отъ мѣстныхъ властей". Какъ было уже сказано, ко всѣмъ утвержденіямъ Апраксина, а тѣмъ болѣе къ его характеристикѣ взглядовъ и рѣчей А. Петрова необходимо относиться крайне осторожно. Апраксину было выгодно преувеличивать размѣры движенія и выставить А. Петрова — предводителемъ чуть ли не возстанія крестьянъ не только противъ помѣщиковъ, но и противъ правительственныхъ властей; это ему нужно было для того, чтобы оправдаться передъ высшими сферами, почему онъ употребилъ кровавыя мѣры, именно противъ Бездны и противъ А. Петрова.

Изъ его указаній можно довѣриться отчасти его сообщеніямъ о смѣнѣ прежнихъ сельскихъ властей и замѣнѣ ихъ новыми, самостоятельно выбранными. Это было довольно обычными явленіями во время крестьянскаго движенія и съ подобными фактами придется еще столкнуться при описаніи другихъ волненій. Разъ крестьяне считали себя вольными, то естественно, что они стремились поставить себя независимо и въ управленіи общественными дѣлами. Но къ утвержденію Апраксина, что подъ свободою понималась независимость вообще отъ мѣстныхъ властей, приходится относиться болѣе, чѣмъ подозрительно. Этому утвержденію противорѣчитъ все поведеніе крестьянъ во время движенія. Вспомнимъ хотя бы желаніе ямщика жаловаться на односельчанъ исправнику. Правда, крестьяне рѣшительно отказались выдать А. Петрова исправнику, полицейскому чиновнику, уѣздному предводителю дворянства, а затѣмъ и самому царскому послу, ген. Апраксину, но никакого насилія противъ нихъ не употребляли и соблюдали полную вѣжливость. Когда въ Бездну пріѣхалъ губернаторскій адъютантъ, то всѣ крестьяне снимали передъ нимъ шапки, а когда ямщикъ при въѣздѣ въ Бездну потерялъ кнутъ и пріостановилъ лошадей, чтобы

[1]) „Колоколъ" 1862 г., стр. 1032.

поднять его, то крестьяне сами подали кнутъ ямщику, вновь вѣжливо раскланившись съ адъютантомъ. На встрѣчу Апраксину были высланы 2 старика съ хлѣбомъ-солью; въ самый день кроваваго усмиреніе крестьяне снимали шапки передъ войскомъ. Невозможно довѣрять Апраксину и въ его характеристикѣ самого А. Петрова. Это былъ, повидимому, тихій, застѣнчивый крестьянинъ, мало развитой, полуграмотный, сектантъ, очень усидчивый въ чтеніи Свящ. писанія.

Крестьяне считали его раньше за „ледащаго мужиченку“ [1]). Впослѣдствіи крестьяне отзывались о немъ „какъ о человѣкѣ, смирномъ до крайности; онъ всегда убѣгалъ отъ дракъ и горячихъ споровъ и этимъ пріобрѣлъ общую любовь“ [2]). Поведеніе Антона во время бездненскихъ событій показываетъ нерѣшительность и робость его характера. Такъ, когда исправникъ въ первый разъ явился въ Бездну для ареста А. Петрова, то, разсказываетъ Крыловъ со словъ исправника, „Антонъ сильно оробѣлъ... пятился за народъ, запинался при разговорѣ, говорилъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ и готовъ былъ даже ѣхать въ Спасскъ съ разсыльнымъ [3]). Уже арестованный, Антонъ на слова гр. Апраксина „Посмотри, подлецъ, что ты сдѣлалъ, сколько погубилъ народа“, только твердилъ: „истинная воля“ и тряссся, какъ осиновый листъ“ [4]). Если Антонъ и сдѣлалъ толкованія, какія ему приписываетъ гр. Апраксинъ, то онъ дѣлалъ это, вѣроятно, въ той же мѣрѣ, въ какой были въ то время повинны бывшіе крѣпостные въ разныхъ мѣстахъ всей волнующейся крестьянской Руси.

Кромѣ того, нельзя упускать изъ вида и того, что вокругъ имени Антона, быстро создался цѣлый рой легендъ, въ которыхъ въ его уста могли вкладываться такія рѣчи и заявленія, о какихъ и не снилось, быть можетъ, Антону. Можетъ быть, Апраксинъ дѣлалъ свою характеристику Антона именно на основаніи доходившихъ до него разсказовъ, которые могутъ служить скорѣе для характеристики настроеній и взглядовъ самихъ волновавшихся крестьянъ, чѣмъ для выясненія личности Антона. Конечно, при мистицизмѣ, къ какому, вѣроятно, былъ склоненъ Антонъ Петровъ, судя по его религіозности, онъ могъ дойти въ экзальтаціи до видѣній и чуть ли не до пророчествъ, которыя крестьяне приписывали ему, въ сложившихся еще при его жизни, легендахъ, но никакой твердой почвы для подобныхъ догадокъ не имѣется, да и въ такомъ случаѣ трудно представить себѣ робкаго, застѣнчиваго мистика руководителемъ всего бездненскаго движенія, гдѣ главнымъ двигателемъ была общая жажда воли

[1]) Крыловъ. „Воспоминанія мир. поср.“ Русск. Стар. 1892 г. № 6, стр. 622.
[2]) „Колоколъ.“ 1862 г. № 125, стр. 1043.
[3]) Крыловъ. „Воспоминанія...“ Русск. Стар. 1892 г. № 6, стр. 615.
[4]) Ibid. стр. 630.

и представленія крестьянъ о ней. Лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что дѣйствія крестьянъ, идущія въ разрѣзъ съ полученною ими „казенною волею“ (порубка лѣсовъ, прекращеніе повинностей и т. д.) начались въ описываемомъ краѣ еще до открытія воли Антономъ Петровымъ въ Положеніи 19 февраля 1861 г.

Если факты говорятъ за то, что врядъ-ли среди крестьянъ было озлобленіе противъ мѣстныхъ властей, то трудно отрицать озлобленіе крестьянъ противъ помѣщиковъ. Не даромъ среди нихъ еще до 1861 г. и послѣ того усиленно циркулировали слухи, что господа скрали волю. Хотя фактовъ насилій противъ помѣщиковъ или ихъ семей не имѣется, но настроеніе по отношенію къ нимъ было болѣе, чѣмъ враждебное. Авторъ „Странички изъ исторіи освобожденія крестьянъ“ [1]) говоритъ о толкахъ крестьянъ на сходкѣ въ с. Кокрятахъ о дворянахъ. Пришедши на сходъ, „прислушиваюсь къ толкамъ: дворянъ рѣзать, вѣшать, рубить топорами; топоры насадить на длинныя колья“ [2]). Авторъ говоритъ, что сами крестьяне сказали ему, что предводителя сожгутъ и что „царь велѣлъ дворянъ не миловать, а головы рубить“ [3]). Въ одной легендѣ объ А. Петровѣ, записанной тогда же авторомъ, въ томъ же селѣ Кокряты со словъ крестьянъ, ему приписывается подобное же отношеніе къ дворянамъ. „Сидитъ Антонъ въ избѣ въ Безднѣ, говорится въ той легендѣ, смотритъ на нулики, читаетъ безъ запинки: „помѣщику земли—горы да долы, овраги да дороги, и песокъ и камышъ, лѣсу имъ ни прута. Переступитъ онъ шагъ со своей земли—гони добрымъ словомъ, не послушался—сѣки ему голову, получишь отъ царя награду“ [4]). Но это, повторяю, показываетъ лишь озлобленное настроеніе крестьянъ по отношенію къ дворянамъ, а отнюдь не ихъ дѣйствительныя намѣренія начать рѣзню дворянъ. Это подтверждается лучше всего отсутствіемъ указаній на какія-либо насилія противъ помѣщиковъ, за исключеніемъ одного случая, описаннаго гр. Апраксинымъ. Когда помѣщикъ Молоствовъ пріѣхалъ въ свое имѣніе Щербеть, то на сходкѣ, одинъ крестьянинъ схватилъ его за грудь и сказалъ ему: „Убирайся отсюда, тебѣ здѣсь нечего дѣлать“ [5]). Но въ этомъ поступкѣ можно видѣть лишь подтвержденіе взгляда крестьянъ, что съ волею помѣщики не имѣютъ никакого отношенія къ нимъ, а потому и на сходкѣ ихъ присутствіе совершенно излишне.

---

1) „Страничка изъ ист. освобожд. кр.“ Русск. Стар., 1904 г. № 5.
2) Ibid. стр. 451
3) Idid. стр. 453
4) „Страничка изъ ист. освоб. крестьянъ.“ Русск. Стар. 1904 г., № 5, стр. 452.
5) „Колоколъ“. 1862 г., №124.

Покончивъ съ выясненіемъ настроенія крестьянъ и дѣйствій, связанныхъ съ признаніемъ вступленія въ силу „крестьянской воли“, приступимъ къ изложенію финала описываемаго движенія, а именно къ описанію бездниской трагедіи.

Какъ только слухъ о толкованіи А. Петровымъ Положенія достигъ начальства, было отдано приказаніе объ его арестѣ. Крестьяне не выдали Антона присланному разсыльному. Съ тѣмъ же результатомъ долженъ былъ удалиться и посланный полицейскій чиновникъ: крестьяне окружили избу Антона и даже не позволили войти въ нее. Съ тѣмъ же успѣхомъ побывалъ въ Безднѣ исправникъ, съ тою только разницей, что крестьяне впустили его въ избу, но когда Антонъ согласился было отправиться съ исправникомъ въ городъ, то крестьяне оттерли разсыльныхъ, попытавшихся взять Антона. Посѣщеніе Бездны уѣзднымъ предводителемъ дворянства имѣло тотъ же результатъ. Исправникъ и уѣздный предводитель дворянства немедленно сообщили о бездниныхъ событіяхъ военному казанскому губернатору Козлянинову для принятія чрезвычайныхъ мѣръ. Бѣжавшіе изъ имѣній помѣщики придавали бездниинскому движенію размѣры пугачевщины и со своей стороны пускали въ ходъ все свое вліяніе, чтобы немедленно были приняты суровыя репрессивныя мѣры противъ крестьянъ. Числа 8 го апрѣля въ Бездну выѣхалъ командированный въ помощь губернскимъ властямъ, при введенія Положенія, генералъ свиты Его Величества гр. Апраксинъ; въ то же время въ его распоряженіе были командированы нѣсколько ротъ солдатъ. Въ одной изъ корреспонденцій о бездниинскихъ событіяхъ въ „Колоколѣ“ за 1861 г., говорится, что черезъ 3 дня въ распоряженіи графа было бы до 2000 солдатъ [1]). Но Апраксинъ, преувеличивая размѣры движенія и желая возможно быстрѣе, не обращая вниманія на количество жертвъ, усмирить крестьянъ, приступилъ 12-го апрѣля къ усмиренію, имѣя въ своемъ распоряженіи лишь 2 роты и инвалидную команду города Спасска, всего 231 чел. Крестьяне со своей стороны принимали мѣры для увеличенія количества защитниковъ Антона. Какъ было уже сказано, во всѣ стороны слались гонцы, сгонявшіе народъ отъ царскаго имени на защиту Петрова. Среди крестьянъ шли толки, что А. Петровъ читалъ приказъ царя къ мужикамъ такого содержанія: „берегите моего вѣрнаго слугу А. Петрова; караульте его во дни и нощи, конные и пѣшіе, отъ восхода и до заката солнца, отъ полунощи и отъ полудня. Никому его не выдавайте, какъ бы васъ, моихъ вѣрныхъ сыновъ, ни стращали и не пугали,

---

[1]) „Колоколъ“ 1861 г. № 100. По другимъ извѣстіямъ въ томъ же „Колоколѣ“ у него могло быть до 10 ротъ.

хотя бы и огненнымъ боемъ, хотя бы и сабельнымъ ударомъ. Но выдайте моего Антона только моему посланцу, у котораго на головѣ будетъ звѣзда, на правомъ плечѣ звѣзда и на лѣвомъ плечѣ звѣзда" [1]). Крестьяне говорили между собою, что „кто не придетъ, такъ тѣмъ царь и воли не дастъ". Они охотно шли въ Бездну на защиту Антона, зачастую изъ отдаленныхъ селъ и деревень (за 75, 100 верстъ и болѣе), относясь къ этому, какъ къ долгу, общественной повинности. Описывая крестьянъ, шедшихъ въ Бездну на караулъ, Крыловъ указываетъ, что „молодыхъ почти не было; большинство выглядѣло лѣтъ за сорокъ. Шли они, какъ на праздникъ или какъ на богомолье: новые кафтаны, нарядные кушаки, въ рукахъ узелки съ хлѣбомъ и ѣдою, какъ обыкновенно у дальнихъ прохожихъ" [2]). Когда Крыловъ, уже послѣ кровавыхъ событій 12-го апрѣля, выразилъ удовольствіе, что крестьяне с. Мурасы опоздали на караулъ въ Бездну и этимъ избѣгли смертельной опасности, то одинъ крестьянинъ сказалъ ему: „Нѣтъ, Ник. Ал-ичъ, тутъ счастья никакого нѣтъ: люди положили за мірское дѣло свою душу, а мурасинцы, словно татары. Надо бы на подводахъ ѣхать, тогда бы мы поспѣли, да на подводахъ нельзя было" [3]). Въ Безднѣ, гдѣ скопилось постепенно до 10,000 чел., Крыловъ не замѣтилъ ни одного пьянаго. Такъ серьёзно было настроеніе сошедшихся крестьянъ. Около избы Антона былъ учрежденъ постоянный караулъ, правильно смѣнявшійся. Около с. Бездны, были устроены разъѣзды и нѣчто въ родѣ пикетовъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ данныхъ, какимъ образомъ и при помощи чего думали защищать крестьяне А. Петрова. Никакого оружія у нихъ, видимо, не было заготовлено и къ сопротивленію силою они, видимо, не подготовлялись; по крайней мѣрѣ, ни въ корреспонденціяхъ о Безднинскомъ побоищѣ въ „Колоколѣ", ни въ воспоминаніяхъ о тѣхъ же событіяхъ, ни даже въ самомъ донесеніи гр. Апраксина нѣтъ никакихъ указаній на подготовку крестьянами вооруженнаго сопротивленія властямъ. Правда, гр. Апраксинъ писалъ въ донесеніи, что въ промежуткахъ между залпами крестьяне „начали въ большомъ количествѣ выходить изъ дворовъ съ криками: „за кольями" [4]). Но на самомъ дѣлѣ, судя по описанію безднинскаго побоища Крыловымъ и авторомъ „Сказанія" [5]), во время залповъ и въ промежуткахъ между ними среди крестьянъ была такая паника, шумъ, крики, что не только криковъ „за кольями", но и вообще ничего нельзя было разобрать въ поднявшейся суматохѣ. Съ другой сто-

---

[1]) Крыловъ. „Воспоминанія..." Русск. Стар. 1892 г. № 6, стр. 620.
[2]) Ibid. стр. 621.
[3]) Ibid., стр. 632.
[4]) „Колоколъ", 1862 г. № 124.
[5]) Ibid., №№ 122—123, 124, 125.

роны, авторъ „Сказанія“ справедливо указываетъ, что если бы крестьяне замышляли какія-либо дѣйствія противъ властей, то сдѣлать это можно было многотысячной толпѣ болѣе, чѣмъ легко. „Апраксинъ, говоритъ авторъ, расположилъ свою армію такимъ образомъ, что ее легко можно было захватить голыми руками, если бы крестьяне дѣйствительно вздумали бунтовать. Впереди стояла толпа изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, сзади и сбоку улица, съ другого бока—прудъ и огороды, изъ которыхъ можно было дѣйствовать камнями; крестьянамъ очень было легко окружить и раздавить 230 чел. апраксинскаго войска“ [1]). Скорѣе можно допустить другое объясненіе; крестьяне не вѣрили, что въ нихъ можетъ стрѣлять царское войско по царскому повелѣнію, ибо были увѣрены, что царь и правда на ихъ сторонѣ; съ другой стороны, среди нихъ шелъ слухъ, что въ нихъ могутъ стрѣлять только 3 раза, причемъ пули никакого вреда имъ не принесутъ, а съ 4-го раза пули будутъ обращаться противъ самихъ солдатъ. На это указываютъ и крики, раздававшіеся изъ избы во время разстрѣла толпы: „пугаютъ“!, „крѣпко стойте, только 3 раза стрѣлять будутъ“, крики, которые дружно подхватывались толпою. Вся защита Антона заключалась собственно въ пассивномъ сопротивленіи массы пропустить начальство въ избу къ Антону для его ареста; это было, такъ сказать, сопротивленіе властямъ при помощи массы крестьянскихъ тѣлъ, понимая это въ буквальномъ смыслѣ. Крестьяне приняли одну предосторожность, изъ которой видно, что они готовились все же къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ себя. Они, согласно сообщенію въ „Колоколѣ“, удалили изъ Бездны при приближеніи войска всѣхъ стариковъ, женщинъ и дѣтей въ сосѣднія деревни.

Гр. Апраксинъ, прибывъ лично въ с. Бездну, приказалъ крестьянамъ черезъ исправника явиться къ нему въ контору. Крестьяне отвѣтили отказомъ, ожидая, что самъ Апраксинъ долженъ придти къ нимъ, а можетъ быть, и опасаясь попасться въ ловушку, отошедши отъ избы Антона. Отказомъ придти къ конторѣ отвѣтили крестьяне и уѣздному предводителю дворянства, заявившему имъ, что генералъ прождетъ ихъ полчаса и въ случаѣ ослушанія приметъ суровыя мѣры. Прождавъ около часа, Апраксинъ уѣхалъ изъ Бездны, такъ и не повидавшись съ крестьянами, подмѣнивъ, такимъ образомъ, вопросъ о выдачѣ А. Петрова и повиновеніи закону вопросомъ о повиновеніи собственному распоряженію. Возвратился Апраксинъ въ с. Бездну 12-го апрѣля утромъ, въ сопровожденіи указанныхъ выше 231 чел. солдатъ. Крестьяне встрѣтили его почтительно, выславъ на встрѣчу 2-хъ стариковъ съ хлѣбомъ-солью и снимая шапки передъ войскомъ.

[1]) „Колоколъ“ 1862 г., № 125.

Ничто не указывало на враждебность, озлобленіе и готовность къ сопротивленію. И опять-таки, какъ и въ первое посѣщеніе, Апраксинъ свелъ свою роль къ роли усмирителя военною силою. Вмѣсто личныхъ переговоровъ съ крестьянами, онъ послалъ къ нимъ 2 раза священника въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ и въ сопровожденіи войска, посылалъ 2-хъ адъютантовъ губернатора, предупредившихъ толпу, что если она не разойдется, то генералъ прикажетъ стрѣлять.

Только въ концѣ выступилъ самъ Апраксинъ съ краткою рѣчью, все содержаніе которой, по его собственному изложенію, сводилась къ требованію разойтись, выдать Антона и къ угрозѣ стрѣлять въ случаѣ ослушанія. Крестьяне, столпившіеся около избы Антона, отвѣчали на всѣ убѣжденія и обращенія къ нимъ дружнымъ крикомъ: „воля". Тогда Апраксинъ приказалъ солдатамъ стрѣлять (ружья предварительно были заряжены боевыми патронами). Положеніе толпы было таково, что многочисленныя жертвы были неизбѣжны. „Масса народа, говоритъ Крыловъ, была такъ велика, что загораживала собою 4 сосѣднихъ усадьбы. Возлѣ избъ и дворовъ стояли сани, телѣги и др. возвышенные предметы, на которые взобрались мужики, чтобы виднѣе было солдатъ и начальство. Съ телѣгъ народъ перебрался на заборы, на ворота, на повѣти и на крыши домовъ. Отъ фронта солдатъ, по словамъ одного унтеръ-офицера, народъ представлялъ изъ себя сплошную мишень, сдѣланную изъ головъ. По словамъ ротнаго, это былъ амфитеатръ въ 40 саж. шириною и въ 4 или 5 саж. вышиною; ни одна пуля не могла пройти мимо; а по близости разстоянія [1]) и по силѣ зарядовъ каждая пуля могла убивать двоихъ и троихъ" [2]). Первые 3 залпа толпа вынесла спокойно. Крестьяне продолжали свой крикъ „воля" и лишь закрывали лицо рукавицами. Изъ избы Антона раздавался голосъ: „пугаютъ", „не расходись", „крѣпко стойте, только 3 раза стрѣлять будутъ", и эти слова дружно, какъ говорилось выше, подхватывались толпою. Нѣкоторыя группы выдѣлялись особенно громкимъ крикомъ, и въ нихъ Апраксинъ приказалъ направлять выстрѣлы. Между тѣмъ залпы слѣдовали за залпами, народъ падалъ десятками. Толпа, наконецъ, не вынесла разстрѣла, и ее охватила паника.

„Такъ какъ, разсказываетъ Крыловъ со словъ очевидцевъ, ни вправо, ни влѣво за тѣснотой нельзя было раздаться, то толпа заволновалась и шарахнулась было ближе къ фронту. Крикъ, гамъ, вопли, топотъ, дымъ и громкій голосъ какого-то казака: „обходятъ", сбили пальбу съ очереди, и она превра-

---

[1]) Шаговъ 60. По донесенію же Апраксина („Колоколъ", 1862 г. № 124) — 100 саж., 180 саж., 100 шаговъ.

[2]) Крыловъ „Воспоминанія"... Русск. Стар. 1892 г., № 6, стр. 627.

тилась въ „бѣглый огонь“ (пальбу рядами) [1]). Паника была, можетъ быть, одну минуту, но пока скомандовали отбой, пока барабанщикъ пробилъ дробь, народъ бѣжалъ, падалъ, кувыркался, прыгая съ крышъ, прятались во дворахъ, разсыпались по огородамъ, по полю и густою массою бѣжали по улицѣ“. [2]) Антонъ Петровъ, по донесенію Апраксина, самъ вышелъ изъ избы, неся Положеніе надъ головою. По описанію Крылова, его вывели подъ руки 2 десятника; „онъ былъ въ длинной рубахѣ поверхъ одежды, какъ сектанты одѣвались на молитву, на головѣ, въ родѣ Евангелія, онъ несъ Положеніе и безсознательно бормоталъ: „истинная воля, истинная воля“. Антона и его ближайшихъ сообщниковъ здѣсь же арестовали и отправили въ острогъ въ г. Спасскъ. Арестовавъ А. Петрова, приступили къ уборкѣ тѣлъ. Площадь передъ избою Антона была усѣяна трупами и ранеными. По офиціальному донесенію Апраксину убитыхъ было 51, раненыхъ 77. Но эти цифры, вѣроятно, преуменьшены. Въ одной изъ корреспонденцій въ „Колоколѣ“ о бездиинскомъ побоищѣ разсказывается, что увидѣвъ груду тѣлъ, Апраксинъ сказалъ: „Фу какъ ихъ много, ну да можно будетъ показать меньше, это всегда дѣлается“.

„Одинъ уѣздный чиновникъ замѣтилъ ему, что, можетъ, такъ дѣлается на войнѣ, но здѣсь нельзя не переписать всѣхъ“. [3]) Авторъ „Сказанія“ въ своихъ возраженіяхъ на донесеніе Апраксина, приводитъ такія цифры: убитыхъ на мѣстѣ было 51, умершихъ отъ ранъ до прибытія врача—32, раненыхъ было 89, изъ нихъ умерло и безнадежныхъ 25. „Легко раненыхъ, говоритъ авторъ, сосчитать невозможно, потому что изъ опасенія подвергнуться наказанію, многіе скрывали раны [4]).

Крыловъ же говоритъ, что онъ не могъ выяснить числа убитыхъ и раненыхъ, ибо „никто ни тѣхъ, ни другихъ не считалъ“ [5]), а каждый говорилъ, какъ ему казалось. Во вся-

---

[1]) Это не совсѣмъ точно. „По признанію самого Апраксина, онъ самъ приказалъ повторить нѣсколько залповъ шеренгами одинъ за другимъ“ на томъ основаніи, что будто бы изъ дворовъ стали выходить крестьяне въ большомъ количествѣ съ крикомъ: „за кольями“ и „угрожали окружить ихъ“. („Колоколъ“ 1862 г., № 124).

[2]) Крыловъ „Воспоминанія“... Русск. Стар. 1892 г., № 6, стр. 629.

[3]) „Колоколъ“, 1862 г., № 101, стр. 849.

[4]) Авторъ болѣе ранней корреспонденціи въ „Колоколѣ“ говоритъ, что убитыхъ было 70 чел. и на другой день отъ ранъ умерло 15; число же раненыхъ, неизвѣстно; кромѣ того, по тому же свѣдѣнію многіе потонули въ р. Бездпѣ провалившись на льду. („Колоколъ“ 1861 г. № 100. Мартирологъ крестьянъ стр. 838.

[5]) Крыловъ „Воспоминанія“... Русская Старина 1892 г., № 6, стр. 625. Цензура вычеркнула свѣдѣнія о числѣ убитыхъ и раненыхъ, собранныя Н. А. Крыловымъ. Авторъ воспоминаній разспрашивалъ очевидцевъ, о числѣ убитыхъ и раненыхъ; показанія ихъ были крайне разнообразны. Офицеръ, который выѣхалъ изъ Бездны съ депешею, какъ только вывели на площадь Антона, гово-

комъ случаѣ, число жертвъ должно быть громаднымъ, имѣя въ виду близость толпы къ фронту солдатъ и компактность массы.

Хотя Апраксинъ и говоритъ въ донесеніи, что немедленно послѣ ареста Антона было приступлено къ уборкѣ труповъ и подачѣ помощи раненымъ, но эта помощь могла быть чисто эфемерной. По указанію автора „Сказанія“ при отрядѣ не было даже врача, и онъ прибылъ изъ-за распутицы только 15 го, хирургическіе же инструменты прибыли изъ Казани только черезъ 2 недѣли послѣ стрѣльбы [1]). За то, по указанію того же лица, трупы были убраны очень быстро; мало того, Апраксинъ собралъ бабъ и заставилъ ихъ смыть съ улицы лужи крови, образовавшіяся послѣ разстрѣла [2]). Въ чемъ заключались дальнѣйшія дѣйствія Апраксина, подвергъ ли онъ крестьянъ экзекуціи розгами или нѣтъ,—свѣдѣній не имѣется. Какой-то судъ надъ крестьянами, очевидно, былъ. Авторъ „Сказанія“ говоритъ, что „послѣ убійствъ полководецъ Апраксинъ передъ крыльцомъ конторы поставилъ 2 привезенныя изъ Казани пушки и съ неимовѣрною важностью судилъ оробѣвшихъ крестьянъ. Онъ заставлялъ стоять ихъ по цѣлымъ часамъ на колѣняхъ и все ругалъ“ [3])... На бездницевъ въ наказаніе была возложена обязанность развозить раненыхъ и убитыхъ, какъ бы издалека они ни были. Но отношеніе крестьянъ къ бездпинскимъ событіямъ было такъ хорошо, солидарность между крестьянами такъ велика, что крестьяне другихъ селеній отнеслись и къ этой обязанности, какъ къ общему мірскому дѣлу. По крайней мѣрѣ, въ деревнѣ Гусихѣ (5 верстъ отъ Бездны) перенимали бездпинскія подводы, отпускали ихъ домой, „потому что Бездна служила общему дѣлу“, а сами отправляли раненыхъ и убитыхъ далѣе на своихъ мірскихъ подводахъ [4]). Въ корреспонденціи въ „Колоколѣ“ говорится, что послѣ усмиренія въ Безднѣ

рилъ, что вся площадь была черна отъ лежавшаго на ней народа, и опредѣлялъ число убитыхъ въ 300 человѣкъ, „Казакъ, который укладывалъ трупы у церкви, пишетъ Крыловъ, сказалъ мнѣ цифру 107 убитыхъ. Становой считалъ по подводамъ и сказалъ, что болѣе сотни отправлено. В. В. Молоствовъ сказалъ, что похоронено 57 человѣкъ. Исправникъ Шишкинъ черезъ мѣсяцъ послѣ происшествія сказалъ, что убитыхъ не болѣе 100 человѣкъ, но скверно то, что всѣ раненые скрывали свои раны, лечились дома и болѣе 200 уже умерло. Изъ 80 раненыхъ, лечившихся во флигелѣ, выздоровѣло меньше половины“. (Русск. Старина 1892 г., № 6, стр. 633.—Экземпляръ безъ цензурныхъ помарокъ).

[1]) „Колоколъ“, 1862 г., № 124 Эти указанія расходятся съ воспоминаніями Н. А. Крылова, который разсказываетъ, что 7-го апрѣля въ усадьбѣ Мусина-Пушкина во флигелѣ было положено 80 чел. раненыхъ; „докторъ и фельдшеръ изъ Спасска дѣлали имъ перевязки“. (Пропущенное цензурою мѣсто,— № 6, стр. 627).

[2]) Ibid. № 124.

[3]) Ibid., № 125.

[4]) Крыловъ, „Воспоминанія“... Русск. Стар., 1892 г., № 6, стр. 631.

и окрестныхъ деревняхъ были разставлены нѣсколько батальоновъ солдатъ самымъ разорительнымъ для крестьянъ образомъ. Самъ Апраксинъ въ донесеніи говорилъ лишь, что „для водворенія совершеннаго спокойствія необходимо нѣсколько усилить число войскъ и примѣрно казнить главныхъ виновниковъ, надъ которыми вмѣстѣ съ симъ учреждается военно-судная комиссія“ [1]).

Въ рапортѣ о казни А. Петрова, онъ говоритъ подробнѣе о необходимости имѣть лѣтомъ въ г. Спасскѣ въ сборѣ одинъ батальонъ солдатъ, а другой расположить поротно въ болѣе значительныхъ имѣніяхъ. Онъ считалъ нужнымъ не оставлять ротъ постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ, но переводить изъ одного имѣнія въ другое такъ, чтобы не слишкомъ обремѣнять жителей продовольствіемъ и постоемъ [2]). Насколько, дѣйствительно, были тяжелы эти постои, говоритъ слѣдующее сообщеніе автора „Сказанія“: „Солдатскія экзекуціи, говоритъ онъ, въ конецъ разорили цѣлый край. До чего доходили неистовства усмирителей, можетъ служить доказательствомъ одинъ изъ множества подобныхъ случаевъ. Въ с. Юркулѣ солдаты до смерти забили бабу за то, что она не дала имъ поѣсть“ [3]).

Впрочемъ и помимо всякихъ экзекуцій, постоевъ и пр. безднинское побоище само по себѣ удручающе подѣйствовало на крестьянъ. Они постепенно стали „приходить въ повиновеніе“ не только въ Казанской, но и въ сосѣднихъ губерніяхъ, хотя по воспоминаніямъ Крылова видно, что ожиданія воли и неправильныя толкованія Положенія прекратились въ спасскомъ уѣздѣ только съ введеніемъ мировыхъ посредниковъ. Авторъ „Сказанія“ отмѣчаетъ еще одно вліяніе безднинскихъ убійствъ на крестьянъ. „Крестьяне по всей вообще губерніи, пишетъ онъ, сначала были убѣждены, что ихъ били по подкупу помѣщиковъ противъ воли царя. Когда же они убѣдились, что . . . .
. . . . . . , то они, не сознавая за собою ровно никакой вины, начали думать . . . . совсѣмъ по иному. При взглядѣ на телеграфъ, по которому передавалась апраксинская депеша, крестьяне говорятъ: „такъ эти палки затѣмъ поставлены, чтобы народъ стрѣлять?“ [1]).

Покончивъ съ описаніемъ безднинскаго побоища, скажемъ нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ Антона Петровича. По высочайшему повелѣнію А. Петровъ былъ преданъ военно-полевому суду. 16 апрѣля его судили, 17-го вынесли приговоръ, а 19-го, согласно приговору, разстрѣляли въ самой Безднѣ въ присутствіи крестьянъ, по утвержденію

---

[1]) „Колоколъ“. 1862 г., № 124.
[2]) Ibid., № 125, стр. 1043.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid.

автора „Сказанія", согнанныхъ силою на зрѣлище, въ количествѣ 100 человѣкъ. Хотя Апраксинъ и писалъ въ рапортѣ, что „участь А. Петрова не возбудила (въ крестьянахъ) никакого сочувствія; народъ, сознавая всю важность его преступленій, выразилъ это полнымъ раскаяніемъ и криками: „по дѣломъ ему, онъ виною всѣхъ нашихъ бѣдствій" [1]), но на самомъ дѣлѣ, свѣдѣнія о послѣдующемъ отношеніи крестьянъ къ Антону, опровергаютъ эти утвержденія Апраксина. Самая казнь произвела удручающее впечатлѣніе не только на крестьянъ, по указанію автора „Сказанія", но и на солдатъ. Одному изъ нихъ сдѣлалось дурно при разстрѣливаніи. Хотя солдатамъ наканунѣ казни была прочитана цѣлая лекція о наилучшихъ способахъ разстрѣливанія но, говоритъ авторъ, „12 пуль такъ дурно были направлены, что не могли убить тощаго мужика, и только пуля почти въ упоръ прекратила его бѣдную жизнь" [2]). Среди крестьянъ не замѣчалось озлобленія противъ А. Петрова даже немедленно послѣ кроваваго побоища. Въ с. Гусихѣ, напр., „къ А. Петрову, говоритъ Крыловъ, относились съ уваженіемъ, убитыхъ жалѣли, считали, что они приняли вѣнецъ мученичества за міръ православный" [3]). Одинъ старикъ въ селѣ Гусихѣ говорилъ по поводу бездненскаго побоища, что „то дѣло всегда прочнѣе, въ которое человѣческая кровь попадетъ, безъ крови царь бы не узналъ, что у насъ дѣлается, а теперь, можетъ быть, онъ и заступится за насъ, пожалѣетъ о крови—вспомнитъ и объ волѣ". Другой разсуждалъ такъ: „кладъ злые люди зарываютъ, и то на 5, на 6 и на десятокъ головъ, кто хочетъ его добыть; а вѣдь тутъ воля для всего народа, что же тутъ плакать о сотнѣ-другой убитыхъ. Господь ихъ прибралъ на небеса, а насъ здѣсь за нихъ пожалѣетъ" [4]). Послѣ ареста А. Петрова среди крестьянъ быстро создалась легенда, передаваемая самимъ Апраксинымъ, что „освобожденіе крестьянъ села Бездны совершенно окончено, и что посланный отъ государя графъ, потрепавъ по плечу пророка Антона, надѣлъ на него золотое платье и шпагу и отправилъ къ государю, откуда онъ скоро возвратится уже съ совершенною волею" [5]) В. А. Крыловъ разсказываетъ, что между крестьянами носился смутный слухъ, что А. Петрова подмѣнилъ въ острогѣ вѣрный царю человѣкъ, такъ что „застрѣлили другого", а А. Петрова вскорѣ гдѣ-то видѣли проѣхавшимъ въ каретѣ [6]). Авторъ

---

1) „Колоколъ" 1862 г. № 125., стр. 1042—1043.
2) Ibid., стр. 1043.
3) Крыловъ. „Воспоминанія" Русск. Стар. 1892 г. №, 6 стр. 631.
4) Ibid., вычеркнутое цензоромъ мѣсто; № 6, стр. 634.
5) „Колоколъ." 1862 г. № 124
6) Крыловъ „Воспоминанія"... Русск. Стар. 1892 г. № 6, стр. 637 (вычеркнуты цензоромъ мѣсто).

„Сказанія“ сообщаетъ, что „всѣ раненые при вѣсти о неожиданномъ убійствѣ А. Петрова, плакали о немъ и крестились“ [1]). Въ Безднѣ старухи разсказывали, что видѣли „по ночамъ, какъ на столбѣ, у котораго разстрѣливали А. Петрова, восковая свѣча теплилась“. Крестьяне села Бездны испросили разрѣшеніе выкопать этотъ столбъ, желая якобы уничтожить этотъ памятникъ своихъ „заблужденій“ и „неразумія“. На самомъ же дѣлѣ, этотъ столбъ былъ обернутъ ими чистымъ холстомъ, обвязанъ веревкою, запечатанъ сургучными печатями и помѣщенъ на храненіе въ волостное правленіе. Старики говорили Н. А. Крылову, что пріѣдетъ отъ царя великій князь Константинъ Николаевичъ узнать правду; тогда мы ему и покажемъ, говорили они, на столбѣ дробовые знаки вмѣстѣ съ клочками Антона Петровича“ [2]). Мурасинскіе крестьяне (сотникъ и 2 рядовыхъ выборныхъ крестьянина) присутствовавшіе при казни А. Петрова, такъ разсказывали объ этомъ событіи: „По указу его императорства велѣли спросить у Антона Петровича: на какіе три закона онъ согласенъ: живого въ землю закопать, три ремня изъ спины выкроить или подъ разстрѣлъ поставить? Онъ отвѣтилъ, что согласенъ подъ разстрѣлъ стать; тогда его поставили и застрѣлили“. Крестьяне увѣряли, что все это было прочитано имъ чиновникомъ по бумагѣ во время казни Антона Петровича [3]).

„Отъ крестьянъ, какъ развитыхъ, такъ и полуидіотовъ, говоритъ Н. А. Крыловъ, мнѣ не удавалось слышать ни единаго упрека Антону. Память о немъ въ видѣ какого то смутнаго подвига за народъ еще сохраняется въ спасскомъ уѣздѣ. Лѣтъ 15 тому назадъ [4]) былъ я въ Безднѣ уже у новаго владѣльца ея В. П. Р. [5]) Пока я бесѣдовалъ въ барскомъ домѣ, кучеръ мой изъ дворовыхъ былъ въ кузницѣ. Пришли туда бездненскіе крестьяне, а кучеръ съ кузнецомъ начали подшучивать надъ Антономъ; тогда крестьяне съ полнымъ достоинствомъ такой отпоръ дали этимъ дворовымъ зубоскаламъ, что кучеръ поскорѣе удалился къ своимъ лошадямъ“ [6]).

Итакъ, бездненское движеніе было подавлено, трупы зарыты, А. Петровъ разстрѣлянъ, крестьяне возвращались „къ должному повиновенію“. Помѣщики ликовали.

Благодарное дворянство устроило графу Апраксину торжественный обѣдъ, отпраздновавъ, такимъ образомъ, бездни-

---

1) „Колоколъ“, 1862 г. № 125.

2) Крыловъ „Воспоминанія“... Русск. Стар. 1892 г. № 6, стр. 637 (вычеркнутое цензоромъ мѣсто).

3) Ibid., стр. 636 (вычеркнутое цензоромъ мѣсто).

4) „Воспоминанія“... написаны въ 1892 г.

5) Родіонова.

6) Крыловъ. „Воспоминанія“... Русск. Стар. 1892 г. № 6, стр. 634.

ское побоище. Такое наглое празднованіе избіенія Апраксинымъ невинныхъ людей возмутило интеллигентное казанское общество, и безъ того негодовавшее по поводу бездн инскаго побоища. Въ противовѣсъ дворянскому обѣду была устроена 16-го апрѣля панихида по бездн инскимъ жертвамъ, на которой присутствовало до 400 человѣкъ интеллигенціи и учащейся молодежи. Въ устройствѣ ея принимали энергичное участіе, студенты университета и казанской духовной академіи. Во время эктеніи поминали „Убіенныхъ рабовъ Божіихъ", а священникъ—студентъ духовной академіи, служившій панихиду—прибавлялъ: „убіенныхъ за свободу и любовь къ отечеству". Вѣчную память пѣли всѣ присутствовавшіе. Послѣ панихиды Щаповъ, бакалавръ русской исторіи, произнесъ рѣчь, ходившую затѣмъ въ спискахъ по городу. По словамъ попечителя казанскаго университета, кн. Вяземскаго, Щаповъ говорилъ, „что ученіе Спасителя было демократическимъ, что онъ говорилъ по поводу А. Петрова о лжепророкахъ, являющихся между низшими слоями общества, и о вѣрѣ въ нихъ народа вслѣдствіе вѣкового пренебреженія къ его просвѣщенію; о проліяніи крови неповинныхъ вслѣдствіе несовершенства нашего законодательства", говорилъ будто-бы о конституціи, какъ единственномъ условіи для успѣшнаго устройства новаго положенія. По дѣлу о панихидѣ, было назначено слѣдствіе, для чего командировали изъ Петербурга въ Казань ген.-адъютанта Бибикова. Александръ II былъ, видимо, очень раздраженъ этой панихидой. На донесеніи министра внут. дѣлъ о ней онъ собственноручно написалъ: „Щапова необходимо арестовать, а двоихъ монаховъ (упомянутаго священника и одного іеродіакона—студентовъ духовной академіи, участвовавшихъ въ служеніи панихиды) заключить въ Соловецкій монастырь" [1]).

29-го апрѣля Щаповъ былъ арестованъ и увезенъ въ Петербургъ. Впослѣдствіи арестъ ему былъ вмѣненъ въ наказаніе, онъ былъ отстраненъ отъ преподаванія какъ въ духовной академіи, такъ и въ университетѣ и исключенъ изъ духовнаго званія со взысканіемъ съ него 450 р. въ пользу духовной академіи (классное содержаніе); только усиленныя хлопоты избавили Щапова отъ заключенія въ монастырѣ. Священникъ отдѣлался не такъ легко: послѣ ареста при казанской духовной академіи, его заключили въ Соловецкій монастырь. Іеродіакона отослали въ посольскій Спасо-преображенскій монастырь, иркутской епархіи подъ надзоръ епархіальнаго начальства, для миссіонерскихъ занятій. Изъ духовной академіи было исключено всего (считая со священникомъ и іеродіакономъ)—7 человѣкъ студентовъ; остальныхъ уча-

[1]) Знаменскій „Исторія казанской духовной академіи", вып. I, стр. 199. Смотр. объ этомъ также у Барсукова „Жизнь и труды Погодина" т. 18.

стниковъ панихиды занесли во-2-ой разрядъ, и они еще въ 1862 г. состояли подъ особымъ надзоромъ инспекціи. Изъ университета, по приказанію самого Александра II, было исключено лишь 9 чел.; изъ нихъ ко времени приговора 3 уже кончили университетъ; 4-емъ разрѣшено было поступить вновь въ университетъ или на службу и лишь 2 были дѣйствительно исключены. Такъ расправились за одно лишь сочувствіе бездпинскимъ жертвамъ. За то гр. Апраксинъ награжденъ былъ орденомъ Владиміра 3-ей степени.

И. Игнатовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Общественное движеніе при Александрѣ II.

(*Продолженіе* [1]).

XIV.

„Нигилизмъ“. — Направленіе „Русскаго Слова“. — Статьи Писарева.— Идеалъ свободы, какъ основа міросозерцанія Писарева.

«Въ это время—вспоминаетъ въ своихъ замѣчательныхъ «Запискахъ» князь П. А. Кропоткинъ—развивалось сильное движеніе среди русской интеллигентной молодежи. Крѣпостное право было отмѣнено. Но два съ половиною вѣка существованія его породило цѣлый міръ привычекъ и обычаевъ, созданныхъ рабствомъ. Тутъ было презрѣніе къ человѣческой личности, деспотизмъ отцовъ, лицемѣрное подчиненіе со стороны женъ, дочерей и сыновей. Въ началѣ XIX вѣка бытовой деспотизмъ царилъ во всей западной Европѣ. Массу примѣровъ дали Теккерей и Диккенсъ, но нигдѣ онъ не расцвѣлъ такимъ пышнымъ цвѣтомъ, какъ въ Россіи. Вся русская жизнь: въ семьѣ, въ отношеніяхъ начальника къ подчиненному, офицера къ содлату, хозяина къ работнику—была проникнута имъ. Создался цѣлый міръ привычекъ, обычаевъ, способовъ мышленія, предразсудковъ и нравственной трусости, выросшей на почвѣ бездѣлья. Даже лучшіе люди того времени платили широкую дань этимъ нравамъ крѣпостного права. Противъ нихъ законъ былъ безсиленъ. Лишь сильное общественное движеніе, которое нанесло бы ударъ самому корню зла, могло бы преобразовать привычки и обычаи повседневной жизни. И въ Россіи это движеніе—*борьба за индивидуальность*—приняло гораздо болѣе мощный характеръ и стало болѣе безпощадно въ своемъ отрицаніи, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Тургеневъ въ своей замѣчательной повѣсти «Отцы и дѣти» назвалъ его «*нигилизмомъ*» [2]).

Главнымъ провозвѣстникомъ этой всеобщей, бытовой, общественной и политической эмансипаціи сдѣлался новый петербургскій журналъ «Русское Слово».

---

[1]) См. „Минувшіе Годы“ май—іюнь.
[2]) „Записки“ кн. *П. А. Кропоткина*, стр. 279.

Одинъ изъ симпатичнѣйшихъ современниковъ и участниковъ этого движенія, Н. В. Шелгуновъ, такъ характеризуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ разницу между «Современникомъ» и «Русскимъ Словомъ»: «Современникъ» былъ чисто политическимъ и соціально-экономическимъ органомъ, и политическое направленіе извѣстнаго оттѣнка давало ему цвѣтъ. Отъ этого и читатели его были по преимуществу политическіе, искавшіе общихъ политическихъ и экономическихъ руководящихъ понятій. «Русское Слово» не было политическимъ органомъ. Употребляя для характеристики его не совсѣмъ точное, а, главное, затасканное выраженіе, пришлось бы назвать его органомъ *нигилистическимъ*. Цвѣтъ ему давало крайне отрицательное направленіе, во главѣ котораго выступали Писаревъ и Зайцевъ» [1]).

Принимая эту характеристику, мы должны оговориться, что крайность направленія тутъ сказывалось именно въ вопросахъ эмансипаціи личности отъ всякихъ путъ, предразсудковъ и вѣрованій, что же касается вопросовъ соціально-политическихъ, то въ этомъ отношеніи программа «Современника» была гораздо радикальнѣе и прямолинейнѣе; для «Русскаго же Слова» эти вопросы представлялись какъ бы второстепенными и во всякомъ случаѣ не злободневными. Руководители его вѣрили, что какъ только личность будетъ всесторонне эмансипирована, такъ эти вопросы разрѣшатся сами собой. Вотъ въ какомъ смыслѣ Шелгуновъ выразился справедливо, говоря, что «Русское Слово» не было политическимъ органомъ. По политическимъ и особенно по соціальнымъ вопросамъ въ немъ можно было встрѣтить статьи и взгляды, совершенно несогласные между собой и даже другъ другу противорѣчащіе. Точку соприкосновенія между «Современникомъ» и «Русскимъ Словомъ» можно установить только по вопросамъ эмансипаціи личности; во всемъ остальномъ оба журнала значительно между собой расходились. Первымъ человѣкомъ, ребромъ поставившимъ вопросъ о семейномъ деспотизмѣ и о деспотизмѣ среды, былъ Добролюбовъ. Онъ сдѣлалъ это въ статьяхъ своихъ «Темное царство» по поводу драмъ Островскаго. «Добролюбовъ пользовался всѣми разнообразными средствами своего замѣчательнаго ума и многосторонняго таланта, чтобы очистить — какъ выразился Шелгуновъ — многовѣковый мусоръ нравственныхъ понятій, накопившійся вѣками. Чтобы раскидать всю эту кучу сильвестровскаго Домостроя требовался могучій работникъ и такимъ могучимъ работникомъ и былъ именно Добролюбовъ». Но Добролюбовъ не сосредоточивался на этой задачѣ, и прямымъ продолжателемъ его въ этой сферѣ явился Писаревъ, вступившій въ литературу такимъ же юношей 20 лѣтъ, какъ за четыре года передъ нимъ Добролюбовъ. Къ этому времени и въ обществѣ произошло уже значительное движеніе по тому же направленію. «Мы—современники этого пере-

[1]) *Шелгуновъ*, Сочиненія, т. II. стр. 734.

лома,—вспоминаетъ объ этомъ времени Шелгуновъ,—стремясь къ личной и общественной свободѣ и работая только для нея, конечно, не имѣли времени думать, дѣлаемъ ли мы что-нибудь великое или невеликое. Мы просто стремились къ простору, и каждый освобождался, гдѣ и какъ онъ могъ и отъ чего ему было нужно. Хотя работа эта была, повидимому, мелкая, такъ сказать, единоличная, потому что каждый дѣйствовалъ за свой страхъ и за себя, но именно отъ этого общественное движеніе оказывалось сильнѣе, неудержимѣе, стихійнѣе. Идея свободы, охватившая всѣхъ, проникла повсюду, и совершалось дѣйствительно что-то небывалое и невиданное. Офицеры выходили въ отставку, чтобы завести лавочку или магазинъ бѣлья, чтобы открыть книжную торговлю, заняться издательствомъ или основать журналъ...» Къ этому же времени относятся первыя попытки женщинъ пріобщиться къ высшему образованію... «Общество напрягало всѣ силы, чтобы создать себѣ новое независимое положеніе и перенести центръ тяжести общественной иниціативы на себя...»

Само правительство, казалось, понимало законность и цѣлесообразность этого движенія, продавая и закрывая казенные фабрики и заводы, поощряя и поддерживая акціонерныя предпріятія и вообще, видимо, склоняясь перейти, по крайней мѣрѣ, въ области торговли и промышленности, отъ системы опеки и протекціонизма къ системѣ laisser faire, laisser passer... Шелгуновъ указываетъ, что въ это время движеніе на столько расширилось и углубилось, что трудно уже было сказать, кто давалъ больше тонъ жизни—печать или общество. Замѣтивъ, что Базарова Тургеневъ списалъ съ живого человѣка и что въ романѣ Чернышевскаго «Что дѣлать?» семейные идеалы взяты также изъ фактовъ живой жизни, онъ справедливо указываетъ, что «если «Современникъ», а потомъ «Русское Слово» находили въ обществѣ такое сочувствіе, то только потому, что говорили обществу то, что оно хотѣло слышать и знать». По удостовѣренію Шелгунова, публика очень часто даже шла дальше, стремилась неудержимѣе и, такъ сказать, опережала печать. Пріученная благодаря цензурѣ читать между строкъ, она иногда вычитывала тамъ то, что самъ авторъ совсѣмъ и не думалъ. Вопросами личной эмансипаціи особенно увлекались тогда молодежь и женщины. Съ «Темнымъ царствомъ» Добролюбова молодежь носилась «какъ съ откровеніемъ», а затѣмъ властителемъ ея думъ сдѣлался Писаревъ, который и самъ признавалъ себя представителемъ ея взглядовъ и интересовъ, почему многіе говорили тогда, что если «Современникъ» журналъ молодого поколѣнія, то «Русское Слово»—журналъ подрастающаго; враги же этого движенія безъ обиняковъ звали его органомъ мальчишекъ, которыхъ Щедринъ въ то время не признавалъ еще «націей почтенной».

Начавъ печататься, также какъ Добролюбовъ, еще на школьной скамьѣ, Писаревъ впервые обратилъ на себя общее

вниманіе талантливой и дерзкой статьей «Схоластика XIX вѣка», появившейся въ «Русскомъ Словѣ» за 1861 годъ. Въ этой статьѣ онъ выступаетъ прежде всего противъ народническихъ стремленій тогдашней передовой литературы, указываетъ на невозможность сближенія съ народомъ для литературы, осмѣиваетъ попытки изданія книжекъ для народа и относится отрицательно даже къ насажденію грамотности. Считая, что на народъ могутъ дѣйствовать непосредственно лишь отдѣльные представители интеллигенціи, какъ, напримѣръ, помѣщики, фабриканты, управляющіе имѣніями, Писаревъ совѣтуетъ литературѣ оставить въ покоѣ мужика и дѣйствовать вмѣсто того гуманизирующимъ образомъ на тѣхъ, кто можетъ читать журналы. При этомъ «литература во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ должна бить въ одну точку; она должна всѣми своими силами эмансипировать человѣческую личность отъ тѣхъ разнообразныхъ стѣсненій, которыя налагаютъ на нее робость собственной мысли, предразсудки касты, авторитетъ преданія, стремленіе къ общему идеалу и весь тотъ отжившій хламъ, который мѣшаетъ живому человѣку свободно дышать и развиваться во всѣ стороны...»

Задача, поставленная литературѣ въ этихъ словахъ, сдѣлалась программой всей послѣдующей дѣятельности Писарева и Благосвѣтловскаго «Русскаго Слова», которому онъ вмѣстѣ съ Зайцевымъ давалъ тонъ. Признавая освобожденіе человѣческой мысли отъ всякихъ предразсудковъ важнѣйшей задачей своего времени, онъ лучшимъ средствомъ къ тому считалъ распространеніе естествознанія. Изученіе природы было въ глазахъ Писарева превосходнымъ тараномъ, разрушающимъ всякій мистицизмъ, всякую метафизику. Говоря объ успѣхахъ естественныхъ наукъ (въ статьѣ о Молешотѣ) онъ съ восторгомъ писалъ: «ничто не построено, но многое собрано, и, *главное, многое разрушено...»* [1]) «Естественныя науки—писалъ онъ съ юношескимъ задоромъ въ 1861 г.—не то, что исторія, совсѣмъ не то, хоть Бокль и пытается привести ихъ къ одному знаменателю. Въ исторіи все дѣло въ воззрѣніи, въ гуманной личности самаго писателя; въ естественныхъ наукахъ все дѣло въ фактѣ...» [2]) «Цѣль естественныхъ наукъ—никакъ не формированіе міросозерцанія... Для естествоиспытателя нѣтъ ничего хуже, какъ имѣть міросозерцаніе. Если вы думаете, что Фохтъ, Молешотъ и др. подобные имъ имѣютъ міросозерцаніе, то вы сильно ошибаетесь. Эти люди просто настолько сильны умомъ, что откинули всѣ бредни, которыми наслаждались, а подчасъ и пугали себя окружающія взрослыя дѣти въ очкахъ, въ парикахъ, съ бородами и бакенбардами...» [3]) И популяризація послѣднихъ результатовъ и вы-

---

[1]) Сочиненія *Писарева*, т. I, стр. 281.
[2]) Тамъ же, I, стр. 310.
[3]) Тамъ-же, 311.

водовъ естествознанія составила одну изъ важнѣйшихъ сторонъ дѣятельности Писарева.

Въ стремленіи освободить человѣческій умъ отъ вліянія чувства, Писаревъ воспиталъ въ себѣ ненависть ко всякой эстетикѣ и принципіально отрицалъ искусство. По натурѣ человѣкъ въ высшей степени чуткій и способный къ воспріятію красоты, признававшій въ противоположность Базарову, однимъ изъ неотъемлемыхъ правъ человѣческой личности непосредственное наслажденіе красотами природы, онъ въ то же время совершенно отрицалъ всякое значеніе живописи, скульптуры, пластики, музыки и признавалъ за первымъ изъ этихъ искусствъ лишь служебную роль иллюстраціи научныхъ изслѣдованій. Почти такую же роль отводилъ онъ и поэзіи. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи онъ, впослѣдствіи, сдѣлалъ довольно неожиданное исключеніе для Гете, Шекспира, Байрона и Гейне и призналъ Тургенева, послѣ того, какъ послѣдній создалъ Базарова, за великаго художника слова; но за то онъ съ особеннымъ воодушевленіемъ старался развѣнчать старыхъ литературныхъ боговъ и въ этомъ стремленіи доходилъ до удивительныхъ парадоксовъ, особенно въ критикѣ Пушкина. [1]) Занимая въ «Русскомъ Словѣ» emploi критика, онъ пользовался разборомъ литературныхъ произведеній, главнымъ образомъ, для разрушенія семейныхъ и бытовыхъ традицій и предразсудковъ. Признавая важнымъ дѣломъ обсужденіе съ этою цѣлью семейныхъ отношеній, онъ указывалъ, что это обсужденіе не должно отнюдь приводить къ составленію новыхъ законовъ семейной нравственности. «Боже упаси! Догматизмъ вреденъ въ такихъ отношеніяхъ, въ которыхъ не должно быть ничего условнаго; въ которыхъ понятіе обязанности должно совершенно уступить мѣсто свободному влеченію и непосредственному чувству.» [2])

Къ числу путъ, порабощавшихъ человѣческую личность, Писаревъ относилъ и идеалы, и всякіе общіе принципы, которымъ люди идейные подчиняли свое поведеніе. Онъ въ принципъ поведенія возводилъ эгоизмъ, причемъ старался доказать, что люди просвѣщенные (мыслящіе реалисты), чуждые всякихъ предразсудковъ, руководясь единственно велѣніями своего эгоизма, всегда придутъ непремѣнно къ общему благу. Въ этомъ стремленіи освободить человѣческую личность отъ подчиненія и служенія какому бы то ни было идеалу заключалось основное отличіе Писарева отъ Чернышевскаго, Добролюбова и прочихъ писателей, примыкавшихъ къ направленію «Современника». Въ упоминавшемся письмѣ къ Герцену по поводу нападенія Чичерина на «Колоколъ» Чернышевскій, обращаясь къ молодому поколѣнію, совѣтывалъ ему изучать глубоко науки, касающіяся общественнаго устройства, главнымъ образомъ, для того, чтобы убѣдиться, что «въ нихъ забыто сердце» и послѣ того «предать ихъ проклятію» и, разрушивъ

[1]) Томъ V, „Пушкинъ и Бѣлинскій".
[2]) Томъ I, стр. 347.

ихъ, «создать новое зданіе». Это новое зданіе должно воплотить истинный христіанскій идеалъ, такъ какъ до тѣхъ поръ «царствовала форма, а не сущность». Проблески этого идеала Чернышевскій усматривалъ въ идеализированной имъ русской крестьянской общинѣ и въ заключеніе обращался къ молодежи съ такимъ страстнымъ воззваніемъ: «Умрите, если будетъ нужно,—умрите, какъ мученики,—умрите за сущность, какъ умирали первые христіане за форму,—умрите за сохраненіе *равнаго права каждаго крестьянина на землю*—умрите за *общинное начало.*» [1]) Это писалось въ концѣ 1858 года несомнѣнно при живомъ участіи Добролюбова. Писаревъ же при при всемъ его уваженіи къ обоимъ своимъ предшественникамъ—не только не могъ бы присоединиться къ такому воззванію, но долженъ былъ бы съ точки зрѣнія своихъ убѣжденій осудить его самымъ безпощаднымъ образомъ. Это воззваніе осталось ему, можетъ быть, неизвѣстнымъ, но свои мысли по этому предмету онъ выразилъ съ полной ясностью въ критикѣ философскаго ученія П. Л. Лаврова. [2]) «Лавровъ—писалъ онъ—требуетъ идеала и цѣли жизни внѣ ея процесса; я вижу въ жизни только процессъ и устраняю цѣль и идеалъ; Лавровъ останавливается предъ аскетомъ съ особеннымъ уваженіемъ; я даю себѣ право пожалѣть объ аскетѣ, какъ пожалѣлъ бы о слѣпомъ, о безрукомъ или о сумасшедшемъ. Лавровъ видитъ въ человѣчности какой-то сложный продуктъ, разныхъ нравственныхъ специй и ингредіентовъ; я полагаю, что полнѣйшее проявленіе человѣчности возможно только въ цѣльной личности, развившейся совершенно безыскуственно и самостоятельно, не сдавленной служеніемъ разнымъ идеаламъ, не потратившей силъ на борьбу съ собой». [3])

Впослѣдствіи Писаревъ нѣсколько смягчилъ эту свою теорію и призналъ въ статьѣ «Реалисты» необходимость общей цѣли для смысленной жизни личности, призналъ существованіе солидарности между людьми и, высказывая, что «только мысль можетъ передѣлать и обновить весь строй человѣческой жизни», указалъ, что «конечная цѣль всего нашего мышленія и всей дѣятельности каждаго честнаго человѣка все-таки состоитъ въ томъ, чтобы разрѣшить навсегда неизбѣжный вопросъ о голодныхъ и раздѣтыхъ людяхъ.» [4]) Тутъ онъ довольно близко подошелъ, повидимому, къ идеямъ «Современника», но изъ послѣдующаго изложенія видно, что достигнуть разрѣшенія этого вопроса Писаревъ думаетъ не посредствомъ преобразованія тѣхъ или иныхъ учрежденій, а единственно при помощи распространенія знаній: пока капиталистъ необразованъ—онъ піавка, но дайте ему истинное образованіе, сдѣлайте его мыслящимъ реалистомъ и онъ тотчасъ же сдѣлается

---

[1]) *Барсуковъ*, т. XV, стр. 260.

[2]) Лекціи *П. Л. Лаврова* о философіи, читанныя имъ въ „Пассажѣ" въ 1861 г., а затѣмъ помѣщенныя въ „Отеч. Зап." за 1861 г.

[3]) *Писаревъ*, I, 369.

[4]) *Писаревъ*, IV, 109.

благодѣтелемъ своихъ рабочихъ, притомъ не на филантропическихъ основаніяхъ (которыя Писаревъ отрицаетъ), а въ качествѣ «разсчетливаго руководителя труда». [1]) Вотъ до какихъ наивностей онъ иногда договаривался при помощи своей панацеи.

Вообще необходимо замѣтить, что при всей разносторонности и начитанности Писарева, при всей силѣ его мысли и блескѣ литературнаго дарованія, знанія его по многимъ предметамъ были довольно поверхностны, а между тѣмъ это нисколько не удерживало его отъ самыхъ категорическихъ сужденій, и онъ, какъ Базаровъ, «сплеча произноситъ приговоръ надъ незнакомыми ему предметами». [2]) Таково, напримѣръ, его сужденіе о Грановскомъ, о которомъ онъ судитъ, видимо, по-наслышкѣ. [3])

Въ чемъ же заключался секретъ необыкновеннаго вліянія Писарева на современную ему молодежь и на женщинъ, а, по свидѣтельству многихъ, даже и на послѣдующія поколѣнія? Въ свое время онъ былъ, дѣйствительно, властителемъ думъ молодежи, а типичная фраза раздраженнаго супруга, часто слышавшаяся въ 60-ые годы: «Ну, матушка, или Писарева читать, или хозяйствомъ заниматься!»—тоже достаточно краснорѣчива. Нѣкоторые указываютъ, что вліяніе Писарева на молодые умы, продолжавшееся и въ 70-ые и даже въ 80-ые годы, объясняется тѣмъ, что независимо отъ чисто отрицательныхъ его взглядовъ, отъ борьбы его противъ всевозможныхъ авторитетовъ, у него были и положительные взгляды въ сферѣ общественной, составлявшіе симпатическій элементъ его писательской физіономіи.

Мнѣ кажется, что суть дѣла не въ этомъ. Во-первыхъ, въ 70-ые и 80-ые годы Писаревъ уже не былъ властителемъ думъ тогдашней молодежи, и обаяніе его въ это время поддерживалось въ значительной мѣрѣ преданіями о личной трагической судьбѣ молодого писателя, изъ-за сущихъ пустяковъ просидѣвшаго $4^1/_2$ года, изъ своей и безъ того короткой жизни, въ Петропавловской крѣпости, а еще болѣе и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время онъ принадлежалъ къ числу запрещенныхъ писателей, и сочиненія его, давно разошедшіяся, правительство не разрѣшало переиздать. Я сужу такъ потому, что когда Павленковъ выпустилъ, наконецъ, 2-ое изданіе въ 1894 г., то интересъ къ Писареву уже изсякъ, и теперь мало кто читаетъ его въ средѣ молодежи. Симпатическій элементъ дѣятельности Писарева и секретъ его обаянія въ шестидесятые годы были совершенно иные. Дѣло въ томъ, что боевая, разрушительная сторона дѣятельности Писарева отнюдь не была безпринципной: хотя Писаревъ былъ врагомъ идеала, но у него былъ свой идеалъ, которому онъ посвятилъ всю свою короткую жизнь и всѣ силы своего смѣлаго ума

---

[1]) *Писаревъ,* IV, 132.
[2]) *Писаревъ,* II, 393.
[3]) *Писаревъ* IV, 27—28.

и блестящаго таланта. Этотъ идеалъ былъ свобода, и служеніе ему какъ разъ соотвѣтствовало переживавшемуся моменту.

«Русское Слово» Писарева, въ сущности, раздѣлило съ «Современникомъ» Чернышевскаго и Добролюбова освободительную задачу, и въ этомъ смыслѣ Писаревъ явился продолжателемъ ихъ дѣятельности; первые сосредоточились на преслѣдованіи соціально-политическихъ задачъ, связанныхъ съ освобожденіемъ народа отъ гнета политическихъ и въ особенности соціальныхъ условій, а послѣдній—на освобожденіи личности и человѣческой мысли отъ всякихъ религіозныхъ, бытовыхъ и семейныхъ путъ и предразсудковъ.

XV

Развитіе революціонныхъ стремленій въ 60-ыхъ годахъ. — Общество „Земля и Воля" въ началѣ 60-ыхъ годовъ.—Прокламаціи. Арестъ Щапова и Михайлова.—Пожары въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ лѣтомъ 1862 года.—Аресты Чернышевскаго и Николая Серно-Соловьевича.—Репрессіи.—Закрытіе на 8 мѣсяцевъ „Современника", „Русскаго Слова" и „Дня".—Полемика между „Современникомъ" и „Русскимъ Словомъ" по ихъ вовобновленіи.

Движеніе, представителемъ и вождемъ котораго явился Писаревъ, съ самаго возникновенія своего вызвало сильную реакцію противъ себя во многихъ органахъ печати прогрессивнаго и либеральнаго направленія.

Мы уже говорили, что радикальное движеніе шестидесятыхъ годовъ имѣло двѣ стороны: одна выражалась въ стремленіи освободить *личность* отъ всякихъ религіозныхъ, бытовыхъ и семейныхъ путъ; другая—въ стремленіи освободить *общество* отъ гнета правительства и государства. Первая ближайшимъ образомъ вела за собой борьбу противъ деспотизма отцовъ и мужей, вторая вызывала борьбу съ правительствомъ. И хотя у каждой изъ нихъ былъ свой литературный органъ, тѣмъ не менѣе въ жизни—а отчасти и въ литературѣ—онѣ смѣшивались и переплетались, соединяясь нерѣдко въ однѣхъ и тѣхъ же личностяхъ. Писаревъ не былъ революціонеромъ въ смыслѣ активной борьбы съ правительствомъ. Если онъ попалъ въ крѣпость, то это была просто несчастная и глупая случайность въ его жизни. [1]). Но самъ Писаревъ

[1]) Писаревъ поплатился, какъ извѣстно, за разборъ брошюры Шедо-Ферроти (бар. Фиркса) о Герценѣ, причемъ разборъ этотъ не былъ даже напечатанъ, а лишь переданъ имъ для печати студенту Баллоду. Этотъ печальный инцидентъ разсказанъ въ біографіи Писарева, написанной г. Евг. Соловьевымъ, и въ „Исторіи новѣйшей русской литературы" Скабичевскаго—въ послѣдней не совсѣмъ точно. Брошюра Шедо-Ферроти, напечатанная за границей, была допущена правительствомъ къ свободному обращенію въ Россіи; но никакой критики на нее цензура не допускала, почему и разборъ Писарева, приготовленный первоначально для легальной печати, не могъ быть напечатанъ. Раздосадованный Писаревъ передѣлалъ его въ рѣзкую статью для подпольной печати и отдалъ ее Баллоду.

считалъ себя, во всякомъ случаѣ, человѣкомъ одного лагеря съ Чернышевскимъ; изъ читателей же его многіе были уже настоящими революціонерами и во всякомъ случаѣ нельзя отрицать того, что ученіе Писарева превосходно подготовляло почву для воспріятія революціонной пропаганды. Тургеневъ въ своемъ Базаровѣ изобразилъ нигилиста-отрицателя въ духѣ Писарева, хотя въ то время, когда Тургеневъ писалъ свой романъ, Писаревъ еще совершенно не былъ извѣстенъ въ литературѣ. Но несмотря на то, что Базаровъ въ романѣ Тургенева не дѣлается активнымъ революціонеромъ, въ немъ чувствуется революціонеръ. Тургеневъ не изобразилъ его революціонеромъ прежде всего потому, что онъ списывалъ свои типы съ дѣйствительной жизни; а романъ «Отцы и дѣти» онъ задумалъ и началъ писать въ 1860 г., когда активное революціонное движеніе еще и не начиналось. Но самъ Тургеневъ считалъ слова нигилистъ и революціонеръ синонимами; по крайней мѣрѣ, въ письмѣ къ К. К. Случевскому, написанномъ (14 апрѣля 1862 г.) въ отвѣтъ на упреки революціонной молодежи, онъ прямо заявилъ, что гдѣ у него написано: нигилистъ—тамъ надо подразумѣвать: революціонеръ. [1]) Публика, впрочемъ, такъ и поняла Базарова, только одни видѣли въ немъ чуть не апофеозъ революціонера, [2]) а другіе—карикатуру на него. [3]) Такихъ людей, правильно понявшихъ и безпристрастно оцѣнившихъ произведеніе Тургенева, какъ Достоевскій и Боткинъ, съ одной стороны, и Писаревъ, съ другой, было очень немного. [4])

«Когда я—пишетъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ—вернулся въ Петербургъ, въ самый день извѣстныхъ пожаровъ Апраксинскаго двора,—слово: «нигилистъ» уже было подхвачено тысячами голосовъ, и первое восклицаніе, вырвавшееся изъ устъ перваго знакомаго, встрѣченнаго мною на Невскомъ, было: «Посмотрите, что ваши нигилисты дѣлаютъ! Жгутъ Петербургъ!» [5]).

Въ настоящее время все дѣло Писарева изучено М. К. Лемке по подлиннымъ документамъ и подробно описано имъ въ статьѣ, напечатанной въ февральской книжкѣ „Былого" за 1906 г., стр. 21 и слѣд. Тутъ же полностью напечатана впервые и самая статья, Писарева, найденная при обыскѣ у Баллода. Эта статья, написанная сильно и страстно, заключаетъ въ себѣ весьма несдержанныя нападки на правительство, и въ концѣ ея имѣется опредѣленный призывъ къ сверженію существующей власти. Статья была написана въ минуту крайняго раздраженія и гнѣва и *напечатана не была*. Тѣмъ не менѣе Писаревъ былъ за нее приговоренъ Сенатомъ къ заключенію въ крѣпости на два года и восемь мѣсяцевъ. Срокъ наказанія не только не былъ уменьшенъ при конфирмаціи, но изъ него не вычли даже время предварительнаго заключенія, такъ что всего Писареву пришлось пробыть въ крѣпости не менѣе четырехъ лѣтъ—до 1866 года.

[1]) Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева, стр. 104.

[2]) Въ этомъ Тургенева упрекалъ Катковъ, который не безъ колебаній помѣстилъ этотъ романъ въ своемъ журналѣ. См. „Литературныя воспоминанія" Тургенева въ собр. сочиненій, т. X, стр. 108 (примѣч.), изд. 2-ое (1884).

[3]) Таковъ былъ взглядъ М. А. Антоновича, выраженный имъ въ статьѣ „Асмодей нашихъ дней" въ № 3 „Современника" за 1862 г.

[4]) Срав. письмо Тургенева къ Достоевскому отъ 18 марта 1862 г. Первое собраніе писемъ, стр. 100 и „Литературныя воспоминанія", стр. 107.

[5]) Полное собраніе сочиненій *Тургенева*, изд. 1884 г., т. X, стр. 102.

Тургеневъ былъ далеко не единственный писатель того времени, пытавшійся дать изображеніе этого типа. Въ то время появилась цѣлая фаланга романовъ, посвященныхъ нигилистическому движенію. Но это были все тенденціозныя произведенія въ реакціонномъ духѣ, въ родѣ «Взбаломученнаго моря» Писемскаго, «Марева» Ключникова и т. п. [1]) Ихъ дѣйствительно можно было назвать пасквилями и карикатурами на молодое поколѣніе. Однако же самый фактъ появленія этихъ романовъ и то впечатлѣніе, которое произвели въ публикѣ «Отцы и дѣти» Тургенева, показываютъ, какой крупный и жизненный вопросъ въ общественной жизни того времени составляло нарождавшееся революціонное движеніе. Впрочемъ, до извѣстныхъ петербургскихъ пожаровъ 1862 г. въ обществѣ и литературѣ многіе относились къ нему иронически. Такъ относилось къ нему «Время» Достоевскаго въ Петербургѣ, въ которомъ противъ него выступалъ, главнымъ образомъ, *Косица* (Н. Н. Страховъ) въ своихъ фельетонахъ, въ формѣ писемъ къ редактору. Гораздо рѣзче и серьезнѣе относился къ нему уже и въ это время Катковъ, который, впрочемъ, направлялъ свои статьи не столько противъ «Русскаго Слова», сколько противъ «Современника» [2]).

Герценъ относился къ молодому революціонному движенію недовѣрчиво и полуиронически. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Бакунинѣ онъ самъ разсказываетъ, между прочимъ, одинъ эпизодъ, какъ въ 1862 г. въ Лондонъ пріѣхалъ «уполномоченный» тайнаго общества «Земля и Воля». [3])

«Уполномоченный»—разсказываетъ Герценъ—былъ полонъ важности своей миссіи и пригласилъ насъ сдѣлаться *агентами* общества. Я отклонилъ это къ крайнему удивленію не только Бакунина, но и Огарева. Я сказалъ, что мнѣ не нравится это битое французское названіе. Уполномоченный трактовалъ насъ такъ, какъ комиссары конвента 1793 г. трактовали генераловъ въ дальнихъ арміяхъ. Мнѣ это не понравилось.

— А много васъ?—спросилъ я.

— Это трудно сказать: нѣсколько сотъ человѣкъ въ Петербургѣ и тысячи три въ провинціяхъ.

— Ты вѣришь? спросилъ я потомъ Огарева.

Огаревъ промолчалъ.

— Ты вѣришь? спросилъ я Бакунина.

— Конечно, онъ прибавилъ: ну, нѣтъ теперь столько, такъ будетъ потомъ! и онъ расхохотался.

---

[1]) „Что дѣлать?“ Чернышевскаго стало печататься лишь въ 1863 г.

[2]) Статья *Каткова* „О нашемъ нигилизмѣ“ (*Невѣдѣнскій*, стр. 154). Срав. отзывъ В. П. Боткина (*Гутьяръ* въ „Рус. Старинѣ“ за 1904 г. № 3).

[3]) *Г. Батуринскій* въ своей книгѣ о Герценѣ сообщаетъ, въ примѣчаніи, что этотъ „уполномоченный“ былъ извѣстный поэтъ М. Л. Михайловъ. Но это невозможно: Михайловъ не могъ встрѣтиться въ Лондонѣ съ Бакунинымъ, такъ какъ Бакунинъ прибылъ туда лишь въ самомъ концѣ 1861 г., а Михайловъ былъ въ это время уже арестованъ и осужденъ.

— Это другое дѣло.

Герцена поразила, какъ видимъ, цифра три тысячи своимъ неправдоподобіемъ, и даже Бакунинъ не рѣшился ее поддержать. Конечно, если «уполномоченный» разумѣлъ лицъ, формально присоединившихся къ обществу «Земля и Воля», то названная имъ цифра едва ли можетъ считаться вѣрной; но если онъ говорилъ о лицахъ, на сочувствіе которыхъ можно было въ ту минуту болѣе или менѣе разсчитывать, то его цифра, можетъ быть, была даже слишкомъ скромна. Если въ 1826 г. по дѣлу декабристовъ въ одномъ Петербургѣ было потревожено болѣе 500 лицъ, если въ 1849 г. къ дѣлу петрашевцевъ такъ или иначе было приплетено болѣе 250 лицъ, то что же удивительнаго, что въ 1861—62 гг., въ моментъ наибольшаго общественнаго возбужденія, коснувшагося всѣхъ классовъ общества, могло быть распропагандировано революціонерами по всей Россіи нѣсколько тысячъ лицъ? Въ Петербургѣ «уполномоченный» скромно считалъ своими всего нѣсколько сотъ. Если онъ имѣлъ въ виду тѣхъ, которые участвовали со студентами въ процессіи на Колокольную улицу къ Филиппсону, и тѣхъ, которые устроили овацію проф. Павлову и скандалъ въ Костомаровскомъ вольномъ университетѣ, онъ не ошибался, и во всякомъ случаѣ не преувеличивалъ. Но само общество «Земля и Воля», по всѣмъ вѣроятіямъ, состояло въ это время изъ десятковъ, но никакъ не сотенъ и не тысячъ членовъ. [1]) Рядомъ съ нимъ и, повидимому, независимо отъ него дѣйствовали распространители «золотыхъ грамотъ» среди кре-

---

[1]) См. интересныя воспоминанія объ обществѣ „Земля и Воля" Л. Ф. Пантелѣева въ его книгѣ „Изъ воспоминаній прошлаго" книга I, стр. 249—340; книга II, стр. 1—148. Главнымъ организаторомъ, душой всего дѣла и самой крупной фигурой въ обществѣ „Земля и Воля" былъ, повидимому,—если не считать Н. Г. Чернышевскаго, характеръ участія котораго въ этой организаціи до сихъ поръ не вполнѣ выясненъ,—Ник. Александровичъ Серно-Соловьевичъ, личность безспорно талантливая и въ высшей степени благородная, значеніе которой въ исторіи нашего освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ недостаточно оцѣнено. Весьма цѣнныя біографическія данныя онъ самъ сообщаетъ о себѣ въ письменныхъ показаніяхъ своихъ, опубликованныхъ М. К. Лемке въ декабрьской книжкѣ „Былого" за 1906 г. Между прочимъ, въ журналѣ „Политико-экономическаго Комитета" (отъ 4 декабря 1861 г.) есть весьма интересная рѣчь Серно-Соловьевича по вопросу о гласности въ финансовомъ управленіи,—рѣчь, послѣ которой даже такой знатокъ дѣла, какъ проф. И. В. Вернадскій, призналъ, что ему мало остается къ ней добавить. (Журналъ „Потико-эк. К—та", стр. 39—44). Н. В. Шелгуновъ, какъ видно изъ его записокъ, принималъ лишь косвенное участіе въ организаціи „Земли и Воли". Участіе въ ней П. Л. Лаврова и А. Н. Энгельгарта видно изъ біографіи П. Л. Лаврова, написанной Н. С. Русановымъ („Былое", февр. 1907 г., стр. 258). Послѣ ссылки Чернышевскаго и Серно-Соловьевича, какъ видно изъ воспоминаній Л. Ф. Пантелѣева, всѣми дѣйствіями общества „Земли и Воли" завѣдывалъ комитетъ, состоявшій, главнымъ образомъ, изъ студентовъ, наиболѣе энергичными изъ которыхъ былъ Николай Утинъ и самъ Л. Ф. Пантелѣевъ. Въ 1864 г. общество было распущено формальнымъ постановленіемъ этого комитета. Важнѣйшія прокламаціи, выпущенныя обществомъ „Земля и Воля", перепечатаны въ сборникѣ В. Я. Богучарскаго (Базилевскаго) „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ".

стьянъ въ разныхъ губерніяхъ. Возникали и другіе революціонные кружки, независимые отъ общества «Земля и Воля» и даже ему неизвѣстные, какъ, напримѣръ, кружокъ московскихъ студентовъ Зайчневскаго и Аргиропуло, занимавшихся распространеніемъ «золотыхъ грамотъ» въ народѣ и выпустившихъ въ свѣтъ лѣтомъ 1862 г. знаменитую прокламацію «Молодая Россія», которая проповѣдывала безпощадную рѣзню и сама появилась въ Петербургѣ какъ разъ во время пожаровъ, почему и была поставлена съ ними въ связь тѣми лицами, которыя были увѣрены, что Петербургъ жгутъ «нигилисты». [1])

Правительство чутко слѣдило за всѣми проявленіями общественнаго недовольства и было смущено ими. Когда послѣ безднинской бойни казанскіе студенты служили панихиду по убитымъ въ Безднѣ крестьянамъ, то Александръ собственноручной резолюціей приказалъ арестовать проф. Щапова, сказавшаго послѣ панихиды рѣчь, а двухъ монаховъ, служившихъ панихиду, сослать въ Соловки. Нѣкоторые реакціонеры пытались, пользуясь своими связями въ высшихъ сферахъ, и Щапова упрятать туда же; но это имъ тогда не удалось. За Щапова заступился казанскій попечитель кн. П. П. Вяземскій, и Валуевъ принялъ его на службу въ министерство внутр. дѣлъ. Когда появилась прокламація «Великоруссъ» и «Къ молодому поколѣнію» (лѣтомъ 1861 г.), а вслѣдъ затѣмъ произошли студенческія волненія, то гр. Путятинъ ста-

---

[1]) Авторъ прокламаціи „Молодая Россія“ П. Г. Зайчневскій принадлежалъ къ типу непримиримыхъ революціонеровъ, будучи въ то же время по характеру добродушнѣйшимъ человѣкомъ. Онъ былъ сынъ генерала (мать его рожд. княжна Юсупова), 19 лѣтъ онъ былъ арестованъ за распространеніе „золотой грамоты“ въ имѣніи своего отца (Орловской губ.) и тутъ же составилъ свою знаменитую прокламацію. Это послѣднее обстоятельство осталось начальству неизвѣстнымъ. Осужденъ онъ былъ за пропаганду среди крестьянъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія на поселеніе въ Сибирь, откуда вернулся и былъ возстановленъ въ правахъ въ 1869 г. Чрезъ нѣсколько лѣтъ вновь попался въ революціонной пропагандѣ и былъ сосланъ на 5 лѣтъ въ сѣверн. губерніи. Вернувшись оттуда, онъ черезъ нѣсколько лѣтъ вновь былъ арестованъ (1890 г.) и сосланъ на 5 лѣтъ въ восточную Сибирь. Вернувшись оттуда въ 1896 г., онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ въ Смоленскѣ въ большой нуждѣ, окруженный нѣсколькими преданными ему почитателями и учениками. П. Г. Зайчневскій до старости остался вѣренъ усвоеннымъ имъ въ юности якобинскимъ принципамъ. Человѣкъ въ высшей степени обаятельный, образованный и даровитый, онъ стоитъ, однако, въ русскомъ революціонномъ движеніи совершенно особнякомъ, не играя въ немъ никакой вліятельной роли. Прокламація „Молодая Россія“ напечатана у *Бурцева* „За сто лѣтъ“, ч. I, стр. 40—46 и у Богучарскаго въ „Матеріалахъ для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи 60-хъ годахъ“; стр. 56 слѣд.; съ нѣкоторыми пропусками въ той же книгѣ, изданной В. Я. Богучарскимъ въ Петербургѣ. Въ прокламаціи этой вся Россія дѣлится на двѣ партіи: партія угнетаемыхъ—*народная* партія, во главѣ которой должна стать передовая молодежь; партія угнетателей и эксплоататоровъ — . . . . партія. Выходъ изъ гнетущаго положенія, въ которомъ находится Россія, одинъ—революція, „революція кровавая, неумолимая революція, которая должна измѣнить радикально всѣ, всѣ безъ исключенія основы современнаго общества и погубить сторонниковъ нынѣшняго порядка“. „Мы не страшимся ея—писали ея авторы—хотя и знаемъ, что прольются рѣки крови, что погибнутъ, можетъ быть, и невинныя жертвы, мы пред-

вилъ тѣ и другія въ связь и, какъ мы видѣли, забилъ тревогу объ опасности, грозящей государству и «даже династіи». [1]) Въ качествѣ распространителей этихъ прокламацій были тогда арестованы извѣстный поэтъ и проповѣдникъ эмансипаціи женщинъ М. Л. Михайловъ и молодой образованый офицеръ Измайловскаго полка, пріятель Чернышевскаго, В. А. Обручевъ. Оба они были преданы суду и осуждены на нѣсколько лѣтъ въ каторжную работу. [2]) Публичное произнесеніе приговора надъ Обручевымъ пришлось черезъ нѣсколько дней послѣ пожара Апраксинскаго рынка (31 мая 1862 г.), и возбужденная толпа, окружившая эшафотъ, выражала звѣрское желаніе, «чтобы Обручеву отрубили голову, или наказали кнутомъ, или, по крайней мѣрѣ, повѣсили на позорномъ столбѣ внизъ головой за то, что смѣлъ итти противъ царя...» [3])

Пожары въ Петербургѣ начались 16 мая 1862 г. 22 и 23 числа выгорѣли: Большая и Малая Охта, а затѣмъ огромное количество домовъ на Ямской—весь четыреугольникъ между Кобыльской ул. и Лиговкой, отъ церкви Іоанна Предтечи до Глазова

видимъ все это и все-таки привѣтствуемъ ея наступленіе; мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы скорѣе она, давно желанная!...“ Имѣется въ виду устроить федеративный коммунистическій строй: общественное землевладѣніе, общественныя фабрики и лавки, общественное воспитаніе дѣтей. Требуется уничтоженіе брака, „какъ явленія въ высшей степени безнравственнаго и немыслимаго при полномъ равенствѣ половъ, а слѣдовательно и уничтоженіе семьи, препятствующей развитію человѣка, и безъ котораго немыслимо уничтоженіе наслѣдства“. Проведеніе всей этой программы предполагается якобинскимъ путемъ, и хотя учреждается выборное національное собраніе, но выборы должны происходить подъ контролемъ и вліяніемъ якобинскаго правительства. При исполненіи этой программы возлагается надежда на народъ и въ особенности на старообрядцевъ, но иниціатива возлагается на молодежь и на войско! „А если возстаніе не удастся,—говорится въ прокламаціи,—если придется намъ поплатиться жизнью за дерзкую попытку дать человѣку человѣческія права, пойдемъ на эшафотъ нетрепетно, безстрашно и, кладя голову на плаху или влагая ее въ петлю, повторимъ тотъ же великій крикъ: „да здравствуетъ соціально-демократическая республика русская!“ Срав. вышеупомянутыя воспоминанія Л. Ф. Пантелѣева.

[1]) Вышеупомянутое письмо гр. Путятина къ Филарету. *Барсуковъ*, н. с., XVIII, 242.

[2]) *Михайловъ* умеръ въ Сибири въ 1865 г. Свѣдѣнія о немъ въ воспоминаніяхъ Шелгунова, Стасова (о Н. В. Стасовой), у Базилевскаго н. с., стр. 1 и сл., а также въ словарѣ Брокгауза и Эфрона. Герценъ въ „Колоколѣ“ за 1862 г. (№ 131) разсказываетъ, какъ ему удалось узнать отъ одного сенатора, какъ держалъ себя на судѣ Михайловъ. Онъ поразилъ ихъ откровенностью, дерзостью и прямотой отвѣтовъ. „C'est du Robespierre“, говорили они. Въ запискахъ Кропоткина имѣются свѣдѣнія о жизни Михайлова въ Сибири. Дѣло Михайлова описано теперь М. К. Лемке въ I-ой книжкѣ „Былого“ за 1906 г., стр. 101—133. *В. А. Обручевъ*, отбывъ ссылку, былъ возстановленъ въ правахъ и въ настоящее время служитъ въ морскомъ министерствѣ въ чинѣ генералъ-майора. Процессъ Обручева и прикосновенныхъ къ его дѣлу студентовъ Лобанова, Свиричевскаго, Данненберга и доктора П. И. Бокова см. въ № 7 „Былого“ за 1906 г., стр. 81—107 ст. М. К. Лемке „Процессъ великоруссцевъ“.

[3]) Воспоминанія *Л. Ф. Пантелѣева* въ сборникѣ „На славномъ посту“, стр. 318, въ отдѣльномъ изданіи стр. 235. *Базилевскій* „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в.“. I, стр. 199 и 201.

моста. Въ народѣ прочно укоренилась мысль о поджогѣ. Публика начала волноваться. «Прошло четыре дня передышки, какъ вдругъ запылалъ Апраксинъ дворъ, выгорѣло все пространство между Чернышевымъ и Апраксинымъ переулками, а по другую сторону Фонтанки—между Чернышевымъ и Щербаковымъ и значительная часть Троицкаго переулка. Трудно вообразить себѣ — пишетъ очевидецъ—весь ужасъ этого дня, всю массу обездоленнаго люда.» [1])

Въ народѣ ходили о пожарахъ и поджигателяхъ самые изумительные и нелѣпые слухи; многіе обвиняли въ поджогахъ поляковъ, но большинство указывало, какъ на виновниковъ бѣдствія, на студентовъ. Молва объ этомъ проникла даже въ газеты. Многіе бросились писать въ защиту студентовъ, даже такіе люди, какъ реакціонеръ проф. Д. И. Иловайскій, спѣшили сказать свое слово въ защиту молодежи отъ безсмысленныхъ обвиненій. Однако мысль о связи прокламацій съ пожарами смущала многихъ. Катковъ въ «Современной Лѣтописи» также высказалъ это предположеніе. Тогда офиціальный «Journal de St. Pétersbourg» поспѣшилъ сообщеніемъ, что сдѣланные розыски не указали ни на малѣйшее участіе въ этомъ бѣдствіи руки какихъ бы то ни было политическихъ агитаторовъ. [2]) Розыски производили самымъ энергичнымъ образомъ и поджигателей велѣно было судить полевымъ судомъ, по законамъ военнаго времени. Л. Ф. Пантелѣевъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ при этихъ условіяхъ чуть-чуть не былъ разстрѣлянъ человѣкъ, который впослѣдствіи доказалъ съ очевидностью полную свою неприкосновенность къ этимъ происшествіямъ. Противъ нѣкоторыхъ арестованныхъ изъ среды молодежи были, на первый взглядъ, подавляющія улики. Счастье, что генералъ-губернаторомъ въ Петербургѣ былъ въ это время гуманный и совѣстливый человѣкъ князь А. А. Суворовъ! Въ терроризованной публикѣ и даже среди членовъ слѣдственной комиссіи начинались уже въ это время толки о необходимости пытки!

Въ Петербургѣ учрежденъ былъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Зиновьева для «изысканія и принятія чрезвычайныхъ, наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ къ охраненію безопасности столицы».

Однако настоящая причина пожаровъ такъ и осталась невыясненной. Между тѣмъ правительство, встревоженное пожарами

---

[1]) Тамъ же, стр. 317 Срав. воспоминанія *Головачевой-Панаевой*, стр. 372 и слѣд. Великолѣпное описаніе пожара Апраксинскаго рынка и всего, что за нимъ послѣдовало, имѣется въ запискахъ кн. *Кропоткина* (148—155).

[2]) *Невѣдѣнскій*. „Катковъ и его время“, стр. 137. *Кропоткинъ* разсказываетъ, что сенаторъ Ждановъ, посланный въ Саратовъ (не Симбирскъ ли?) послѣ бывшаго тамъ (какъ и въ другихъ поволжскихъ городахъ) страшнаго пожара, будто бы выяснилъ, что саратовскій пожаръ былъ дѣломъ не революціонной, а напротивъ *реакціонной* партіи. На возвратномъ пути Ждановъ внезапно умеръ дорогой, а портфель съ его бумагами изчезъ неизвѣстно куда и уже никогда не былъ отысканъ. (Записки, стр. 155.)

и прокламаціями, рѣшилось само вступить на путь террора. Послѣдовали многочисленные аресты. Въ числѣ прочихъ арестованы были и преданы суду по обвиненію въ составленіи и распространеніи прокламацій *Чернышевскій и Николай Серно-Соловьевичъ.* [1]) Чернышевскій упорно отрицалъ на судѣ свое участіе въ этомъ дѣлѣ. Повидимому, обвиненію его болѣе всего способствовалъ предатель Всеволодъ Костомаровъ. Это былъ офицеръ (племянникъ профессора Н. И. Костомарова), причастный къ литературѣ, главнымъ образомъ, въ качествѣ переводчика. Онъ вращался въ кругахъ, близкихъ къ редакціи «Современника», въ 1861 г. принялъ какое-то участіе въ печатаніи и распространеніи прокламацій, былъ арестованъ и по суду разжалованъ въ солдаты. Это его озлобило, и онъ въ письмѣ, адресованномъ къ писателю Соколову «до востребованія», перехваченномъ полиціей, обвинялъ въ своемъ несчастіи знакомыхъ своихъ литераторовъ, Чернышевскаго и Шелгунова, которые и поплатились за знакомство съ нимъ. Чернышевскому, между прочимъ, предъявлена была найденная у Костомарова записка такого содержанія: «Вмѣсто *срочно-обязанные* (какъ это по непростительной оплошности поставлено у меня), наберите вездѣ *временно-обязанные*, какъ это называется въ положеніяхъ. Вашъ Чер.» Чернышевскій отрицалъ подлинность этой записки и предлагалъ доказать при помощи увеличительнаго стекла сличеніемъ отдѣльныхъ буквъ съ его почеркомъ. Но это не помогло. Секретари-эксперты увѣрили судъ, что значительная часть буквъ къ этой запискѣ тождественна съ почеркомъ Чернышевскаго, и сенатъ призналъ ее достаточной уликой въ связи съ другимъ письмомъ къ какому-то Алексѣю Николаевичу (предполагалось—Плещееву), которое было доставлено въ сенатъ изъ III Отдѣленія и которое Чернышевскій также не признавалъ своимъ, хотя по сличенію почерковъ сенатъ призналъ и это письмо, писаннымъ его рукой. Въ этомъ письмѣ говорится о тайномъ печатаніи какихъ-то статей въ Москвѣ и упоминается о необходимости соблюдать осторожность въ сношеніяхъ съ Сулинымъ и Сорокой (тогда же арестованными въ Москвѣ съ типографіей), а также и съ Костомаровымъ (Всев.). Авторъ письма побуждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ адресата быть болѣе энергичнымъ въ своей дѣятельности и имѣть больше вѣры въ успѣхъ общаго ихъ дѣла. [2]) Откуда попало это письмо въ III Отдѣленіе,—изъ дѣла не видно.

---

[1]) Арестъ Чернышевскаго и Серно-Соловьевича послѣдовалъ, собственно вслѣдствіе перехваченнаго письма Герцена къ Серно-Соловьевичу, въ которомъ упоминалось вскользь о возможности издавать „Современникъ" за границей. (См., сенаторскую записку о дѣлѣ Чернышевскаго, напечатанную у *Бурцева* „За сто лѣтъ", стр. 70—83 и у *Базилевскаго* „Революц. журналистика 60-хъ гг.", стр. 93 и сл. Дѣло Чернышевскаго описано теперь по документамъ съ воспроизведеніемъ большей ихъ части М. К. Лемке („Былое" за 1906 г., книжки III, IV и V). Дѣло Н. А. Серно-Соловьевича тамъ-же (книжки IX—XII за 1906 годъ).

[2]) Письмо это см. у Бурцева, н. с., стр. 78 и у *Базилевскаго* н. соч. стр. 100—101.

Костомаровъ показалъ, что перу Чернышевскаго принадлежало выпущенное имъ въ 1861 г. воззваніе «Къ барскимъ крестьянамъ». Были еще показанія нѣкоего мѣщанина Яковлева, темной личности, повидимому, шпіона III Отдѣленія. Писатели 60-хъ годовъ, знавшіе лично Чернышевскаго, сохранили воспоминаніе о Всеволодѣ Костомаровѣ, какъ о гнусномъ предателѣ. [1]) Здѣсь не мѣшаетъ напомнить, что Ф. М. Достоевскій, относившійся съ ненавистью къ нигилистическому движенію 60-хъ годовъ, писалъ въ 70-хъ годахъ въ «Дневникѣ писателя», вспоминая свое знакомство съ Чернышевскимъ, что онъ безусловно не вѣритъ обвиненію Чернышевскаго въ составленіи прокламацій. [2])

Однимъ изъ второстепенныхъ обвиненій, выставленныхъ противъ Чернышевскаго, были и его сношенія съ лондонскими эмигрантами, но въ этомъ онъ былъ оправданъ. Въ результатѣ Чернышевскій былъ приговоренъ къ потерѣ всѣхъ правъ состоянія и 14-тилѣтней каторгѣ. Императоръ Александръ утвердилъ и приказалъ привести въ исполненіе этотъ приговоръ, съ измѣненіемъ лишь срока каторжныхъ работъ съ 14 на семь лѣтъ. Ссылка Чернышевскаго останется навсегда однимъ изъ самыхъ темныхъ пятенъ на нашемъ правительствѣ 60-хъ гг.

За сношеніе съ Герценомъ былъ въ это время привлеченъ къ суду даже И. С. Тургеневъ, но его дѣло послѣ письма, отправленнаго имъ къ самому императору Александру, кончилось, какъ извѣстно, ничѣмъ. [3]) Правительство, смотрѣвшее до тѣхъ поръ сквозь пальцы на распространеніе «Колокола» и на постоянные визиты русскихъ путешественниковъ къ Герцену, вдругъ проявило строгость и въ этомъ отношеніи. За визитъ къ Герцену

---

[1]) Срав. воспоминанія *Н. В. Шелгунова*, соч. т. II, стр. 725.

[2]) Ср. „Матеріалы для жизнеописанія Ф. М. Достоевскаго“, въ I томѣ собр. соч., 1883 г., стр. 173—174. Такъ же отнесся къ осужденію Чернышевскаго и Никитенко. Онъ спрашивалъ родственника своего сенатора М. Н. Любощинскаго, каково его мнѣніе объ этомъ процессѣ, на что тотъ отвѣтилъ, что полныхъ юридическихъ доказательствъ противъ Чернышевскаго нѣтъ, но „моральное убѣжденіе“ прямо противъ него. (Разговоръ записанъ подъ 21 мая 1864 г.) *Кропоткинъ* разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ“, что ему въ 1864 г. одинъ штатскій генералъ объяснялъ, что хотя Чернышевскій не сдѣлалъ ничего особеннаго, но что его арестовали потому, что нашли, что человѣкъ такой талантливый и съ такимъ вліяніемъ на молодежь, какъ онъ, est „inrolérable dans un état bien ordonné“ (Записки, стр. 186.) Въ 1904 г. по случаю пятнадцатилѣтія со дня смерти Чернышевскаго, объ этомъ дѣлѣ появились въ газетахъ любопытныя воспоминанія В. С. Соловьева и г. Плещеева (сына поэта). Для характеристики настроенія Чернышевскаго кромѣ данныхъ, собранныхъ М. К. Лемке, въ описаніи его процесса, имѣютъ важное значеніе воспоминанія о немъ Л. Ф. Пантелѣева (книжка 2-ая, стр. 177 и слѣд.), а также автобіографическія черты, которыми изобилуетъ написанный имъ впослѣдствіи романъ „Прологъ пролога“. Любопытны также воспоминанія о Чернышевскомъ историка С. М. Соловьева,— записанныя его сыномъ Владиміромъ и приведенныя въ біографіи Чернышевскаго домашняго его секретаря К. М. Өедорова, стр. 32.

[3]) Срав. „Первое собраніе его писемъ“ а также у *Батуринскаго*, стр. 214. Срав. въ „Быломъ“ за 1906 г., кн. XII, стр. 197 въ статьѣ М. К. Лемке „Дѣло о лицахъ, находившихся въ сношеніяхъ съ Лондонскими пропагандистами“.

арестованъ былъ въ это время извѣстный дѣятель литературы В. П. Гаевскій. Въ числѣ пострадавшихъ оказались два сына Я. И. Ростовцева, молодые и блестящіе флигель-адъютанты. Они оба были уволены въ отставку и, не взирая на заслуги отца, бюстъ котораго до конца жизни императора Александра украшалъ его кабинетъ, навсегда потеряли карьеру.

Но всего болѣе пугали правительство прокламаціи, изданныя въ Россіи. Для предупрежденія ихъ появленія въ будущемъ изданы были особыя правила о надзорѣ за типографіями, литографіями и т. п. заведеніями (утв. 14 мая 1862 г.). Въ мотивахъ къ этимъ правиламъ сказано, между прочимъ: «съ нѣкотораго времени начали распространяться у насъ возмутительныя сочиненія, выходящія не только изъ заграничныхъ русскихъ типографій, но и *неизвѣстно, гдѣ печатаемыя*. Хотя эти явленія, не представляющія по своей исключительности ничего общаго съ направленіемъ умовъ благомыслящей части публики, имѣютъ въ глазахъ правительства значеніе единственно, какъ нарушеніе полицейскаго порядка, тѣмъ не менѣе нельзя не убѣдиться, что причина ихъ лежитъ въ неполнотѣ существующихъ по части книгопечатанія постановленій».

«Эти правила—замѣчаетъ Л. Ф. Пантелѣевъ—однако, не помѣшали появленію прокламацій; кажется, въ началѣ сентября (1862 г.) вышелъ листокъ «Къ образованнымъ классамъ» и вслѣдъ за нимъ нѣсколько №№ «Земли и Воли». [1])

Герценъ, несочувствовавшій содержанію и тону нѣкоторыхъ прокламацій, старался сгладить произведенное ими на общество впечатлѣніе. «Чего испугались? чего испугались? — писалъ онъ послѣ появленія «Молодой Россіи»—народъ этихъ словъ не понимаетъ и готовъ растерзать тѣхъ, кто ихъ произноситъ... Крови отъ нихъ ни капли не пролилось, а если прольется, то это будетъ ихъ кровь—юношей-фанатиковъ.» На ряду съ составителями и распространителями прокламацій въ 1862 г. потерпѣли воскресныя школы, открывавшіяся повсюду частными лицами, профессорами, офицерами при полкахъ, священниками, свѣтскими дамами и скромными дѣвушками, стремившимся съ огромнымъ энтузіазмомъ внести свою лепту въ дѣло народнаго просвѣщенія. Теперь, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ такихъ школъ были обнаружены слѣды революціонной или нигилистической пропаганды, то всѣ онѣ безъ исключенія были закрыты. Такъ кончилось это первое поверхностное и неорганизованное, но прекрасное по своей искренности и силѣ движеніе русскаго образованнаго общества къ народу. [2])

---

[1]) Сборн. „На славномъ посту". Воспоминанія Пантелѣева, стр. 321; въ отд. изданіи, стр. 239. См. эти прокламаціи у *Базилевскаго* „Револ. журналистика 60-хъ гг.", стр. 69 и 26—30.

[2]) Возникновеніе и закрытіе воскресныхъ школъ описано въ воспоминаніяхъ В. В. Стасова о его сестрѣ Н. В. Стасовой; въ запискахъ кн. Кропоткина, въ воспоминаніяхъ Л. Ф. Пантелѣева, Панаевой-Головачевой, у *Базилевскаго* „Госуд. прест. въ Россіи въ XIX в.", стр. 201.

Въ Петербургѣ былъ, кромѣ того, закрытъ шахматный клубъ, такъ какъ члены его обнаружили стремленіе вмѣсто танцевъ и картъ заниматься бесѣдами на злободневныя темы [1]).

Но преслѣдованіе не ограничилось арестами и ссылками дѣйствительныхъ и мнимыхъ составителей и распространителей прокламаціи. Усматривая нѣкую духовную связь между революціоннымъ движеніемъ и легальной пропагандой радикальныхъ идей «Современникомъ» и «Русскимъ Словомъ», правительство рѣшилось принять рядъ репрессивныхъ и охранительныхъ мѣръ и въ отношеніи легальной печати. «Современникъ» и «Русское Слово» были пріостановлены на 8 мѣсяцевъ [2]). Подозрительное и враждебное отношеніе правительства къ обоимъ этимъ журналамъ сказывалось и раньше. «Современникъ» уже въ мартѣ 1861 г. получилъ формальное предостереженіе, что онъ будетъ закрытъ, если не измѣнитъ своего направленія [3]). «Русское Слово» обраоило на себя вниманіе правительства еще въ октябрѣ 1860 г. тдной статьей, въ которой сказано было, что Гоголь до тѣхъ поръ пользовался уваженіемъ публики, пока не началъ «воскурять ѳиміамъ царю небесному и царю земному». Александръ на это будто бы сказалъ: «Что обо мнѣ говорятъ, я на то не обращаю вниманія. Нельзя всѣми быть любиму: одни любятъ, друіе—нѣтъ. Цари земные бываютъ съ ошибками. Но о царѣ небесномъ нельзя такъ отзываться». Въ результатѣ издателю журнала гр. Кушелеву вымыли голову, а цензоръ Ярославцевъ потерялъ мѣсто [4]).

Въ ноябрѣ 1861 г. Никитенко, членъ главнаго управленія по дѣламъ печати, профессоръ и литераторъ, бывшій офиціальнымъ редакторомъ «Современника» при Бѣлинскомъ и считавшійся и теперь въ числѣ либераловъ, составилъ записку о направленіи «Современника» и «Русскаго Слова», имѣвшую для судьбы этихъ журналовъ немаловажное значеніе. Положительный вредъ распространенія ихъ онъ усматривалъ въ томъ, что они пріобрѣли особый вѣсъ и значеніе «между юношами въ учебныхъ заведеніяхъ, въ университетахъ, въ старшихъ классахъ гимназій и даже въ военныхъ корпусахъ. Можно безъ преувеличенія сказать — писалъ Никитенко, — что настоящее молодое поколѣніе большей частью воспитывается на идеяхъ «Колокола», «Современника» и довершаетъ свое воспитаніе на идеяхъ «Русскаго Слова» [5]).

Почтенный профессоръ самъ каялся впослѣдствіи въ своемъ

---

[1]) Воспоминанія Пантелѣева, *Базилевскій* н. соч., стр. 203.

[2]) Одновремено съ ними былъ совершенно закрытъ и Аксаковскій „День“; но онъ былъ закрытъ просто за рѣзкость тона и несоблюденіе цензурныхъ правилъ. Осенью того же года Аксакову разрѣшено было возобновить изданіе „Дня“ по прежней программѣ.

[3]) *Никитенко*. „Записки и Дневникъ“, II, 250.

[4]) Тамъ же, 228, 231.

[5]) „Русск. Архивъ“ за 1895 г., № 2. (Записка Никитенка).

«Дневникѣ», что онъ перестарался, дѣлая свой докладъ съ излишней горячностью. Онъ признается, что на него особенно подѣйствовали статьи Писарева «Схоластика XIX в.» и «Процессы жизни» [1]).

21 декабря извѣстный московскій литераторъ Мельгуновъ съ ужасомъ писалъ Шевыреву: «Представь, есть люди, которые печатно перещеголяли Чернышевскаго. Онъ теперь уже чуть *не отсталый...»* [2]).

Когда «Современникъ» и «Русское Слово» были пріостановлены, другіе журналы либеральнаго направленія и въ особенности «Время» Достоевскаго пріостановили свои нападки на нигилистовъ. Но когда въ началѣ 1863 г. опальные журналы были опять возстановлены, то и походъ противъ нигилистовъ возобновился съ новой силой. Козломъ отпущенія попрежнему чаще всего служилъ Тургеневскій Базаровъ; но при этомъ въ отношеніяхъ между «Современикомъ» и «Русскимъ Словомъ» произошла весьма знаменательная перемѣна. Въ то время, какъ Писаревъ открыто призналъ себя нигилистомъ и расхвалилъ Тургенева за честное и безпристрастное изображеніе этого типа, «Современникъ» рѣшительно отказывался отъ всякой съ нимъ солидарности и продолжалъ видѣть въ Базаровѣ лишь злостную карикатуру на молодое поколѣніе. Антоновичъ и Салтыковъ съ необыкновенной рѣзкостью и даже грубостью обрушились на главныхъ представителей «Русскаго Слова»—Писарева и Зайцева. Писаревъ и Зайцевъ не остались въ долгу, и между ними затянулась на нѣсколько лѣтъ страшная, братоубійственная война, по характеру своему могущая до нѣкоторой степени напомнить современную намъ не менѣе братоубійственную распрю между марксистами и народниками, наполнившую собой передовые журналы 90-хъ годовъ. Но перемѣна въ настроеніи «Современника» этимъ не ограничилась. Хотя онъ печаталъ въ 1863 г. на своихъ страницахъ знаменитый романъ «Что дѣлать?», написанный Чернышевскимъ въ крѣпости, въ которомъ всѣ дѣйствующія лица тѣ же мыслящіе реалисты Писарева, однако Салтыковъ, правда, осторожно и съ непривычными для него реверансами, далъ таки понять публикѣ, что отнюдь не принадлежитъ къ поклонникамъ этого романа. «Авторъ этого романа—писалъ тогда Салтыковъ—безъ сомнѣнія обладалъ своей мыслью вполнѣ, но именно потому-то, что онъ страстно относился къ ней, что онъ представлялъ ее себѣ живой и воплощенной, онъ и не могъ избѣжать *нѣкоторой произвольной регламентаціи подробностей*, а именно тѣхъ подробностей, для предугаданія и изображенія которыхъ *дѣйствительность не представляетъ еще достаточныхъ данныхъ.*

[1]) „Дневникъ и Записки", II, 282.

[2]) *Барсуковъ*, т. XVIII, стр. 485. Впрочемъ, самъ Писаревъ этого вовсе не думалъ о Чернышевскомъ, ни тогда, ни впослѣдствіи. Напротивъ, онъ неоднократно заявлялъ о своей солидарности съ нимъ, а въ статьѣ „Реалисты" поставилъ его даже во главѣ современной русской литературы.

Для всякаго разумнаго человѣка это фактъ совершенно ясный и всякій разумный человѣкъ, читая упомянутый выше романъ, сумѣетъ отличить живую и разумную его идею отъ *сочиненныхъ и только портящихъ дѣло* подробностей». Далѣе Салтыковъ обрушивается за непониманіе этого на «вислоухихъ», какъ онъ любилъ называть сотрудниковъ «Русскаго Слова». Однако, нѣкоторый разладъ, чувствовавшійся въ приведенныхъ строкахъ Салтыкова, между нимъ и Чернышевскимъ въ отношеніи идеаловъ будущей семейной морали и жизни, очень тонко подмѣченъ былъ и писателями «Русскаго Слова», и враждебнымъ нигилистамъ критикомъ «Времени» г. Косицей, т. е. Страховымъ [1]). Послѣ нѣсколькихъ схватокъ съ Салтыковымъ и Антоновичемъ, Писаревъ не безъ основанія сталъ различать новую редакцію «Современника» отъ прежней. Новая редакція сохранила общественныя и политическія идеи Чернышевскаго, но очень быстро утратила тѣ нигилистическія черты, которыя были присущи Чернышевскому въ вопросахъ морали и эстетики и которыя позволяли Писареву считать себя его продолжателемъ.

XVI.

Революціонное движеніе въ Польшѣ.—Программа маркиза Велепольскаго.—Ея fiasco.—Патріотическое настроеніе общества въ Россіи, вызванное вмѣшательствомъ иностранныхъ державъ.—Отношеніе „Колокола" къ польскому возстанію.—Осужденіе политики Герцена по польскому вопросу Мартьяновымъ и Прудономъ.—Могущество Каткова послѣ 1863 года.

Параллельно съ описанными зачатками революціоннаго движенія въ Россіи неудержимо росло и развивалось революціонное движеніе въ Польшѣ. Правительство оказалось и тамъ захваченнымъ совершенно врасплохъ. Намѣстникъ кн. Горчаковъ, столь храбро и настойчиво дѣйствовавшій въ 1859 г. по отношенію къ беззащитному Огризко и его журналу въ Петербургѣ, при первыхъ же волненіяхъ въ Варшавѣ совершенно растерялся [2]). Александръ, не расположенный къ уступкамъ и желавшій рѣзкой и энергичной политики, не рѣшался, однако, отозвать Горчакова и замѣнить его болѣе энергичнымъ и толковымъ правителемъ. Поляки выставлявшіе въ 1856 г. очень скромныя требованія, не простиравшіяся даже до выполненія органическаго статута 1832 г., даннаго, но не исполненнаго Николаемъ, теперь уже не признавали достаточнымъ даже возвращеніе къ конституціи 1815 г. и

---

[1]) Его статьи противъ нигилистовъ изданы въ 1895 г. отдѣльнымъ изданіемъ. Срав. также его воспоминанія объ этомъ въ I т. собр. сочиненій Достоевскаго, изд. 1883 г.

[2]) *Татищевъ*, н. с. I, 422 и слѣд.

требовали возстановленія Польши въ границахъ 1772 г. [1]). Не имѣя никакой опредѣленной программы, русское правительство ухватилось теперь за первую логично обоснованную програму, которая ему была предложена въ запискѣ статсъ-секретаря Эноха, и проводить которую взялся маркизъ Велепольскій. Программа эта исходила изъ искренней преданности русскому престолу, но требовала обоснованія управленія страной на моральной связи съ какими либо элементами польскаго народа. Маркизъ Велепольскій предложилъ опереться на среднее сословіе, на интеллигенцію страны, для чего обезпечить ей автономію во внутреннемъ управленіи и либеральныя учрежденія. Цѣлью его политики было возстановленіе конституціи 1815 г. съ присоединеніемъ къ этому осбожденія крестьянъ отъ панщизны и вотчинной власти помѣщиковъ, при помощи выкупа повинностей. Свою политику маркизъ сталъ осуществлять еще при Горчаковѣ; но Горчаковъ умеръ въ маѣ 1861 года; затѣмъ въ теченіе года перемѣнилось четыре намѣстника, причемъ дважды на этомъ посту являлся упрямый и крутой генералъ Сухозанетъ, съ которымъ Велепольскій совершенно не могъ ужиться. Но и независимо отъ этого, Велепольскому трудно было осуществить свою програму въ странѣ, которая уже пришла въ броженіе и гдѣ общество раздѣлилось между двумя революціонными партіями: шляхетской (бѣлой) и демократической (красной). Программа Велепольскаго не могла удовлетворить ни ту, ни другую. Для первой она была недостаточно націоналистична, оставляя въ сторонѣ вопросъ о границахъ будущаго польскаго королевства, для второй она была недостаточно демократична и слишкомъ лояльна. Зато въ Петербургѣ маркизъ завоевалъ сочувствіе всѣхъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ при дворѣ и въ томъ числѣ великаго князя Константина Николаевича, который вызвался самъ отправиться въ Польшу въ качествѣ намѣстника вмѣстѣ съ маркизомъ Велепольскимъ, назначеннымъ начальникомъ гражданскаго управленія въ краѣ. Но прежде чѣмъ завоевать моральное вліяніе въ краѣ, Велепольскому пришлось прибѣгнуть къ репрессивнымъ мѣрамъ. Первая изъ нихъ—распущеніе земледѣльческаго общества,—окончательно поссорила его съ дворянствомъ, вторая—рекрутскій наборъ въ городахъ, предпринятый съ цѣлью удаленія наиболѣе безпокойныхъ элементовъ,—повела къ повсемѣстному вооруженному возстанію, начавшемуся въ январѣ 1863 г.

Между тѣмъ, французское и англійское правительства, по-

---

[1]) Срав. *Спасовича* „Жизнь и политика маркиза Велепольскаго“, Спб. 1882 г., *Павлищева* „Седмицы польскаго мятежа“, Спб. 1887 г., мои статьи „Судьба крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ“ въ „Русской Мысли“ за 1894 г. №№ 2, 3 и 8, перепечатанныя затѣмъ въ книгѣ „Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи“, Спб. 1905 г., *Барсукова* „Жизнь и труды Погодина“, ч. XVIII, стр. 105—143, *Невѣдѣнскій* „Катковъ и его время“, *М. Н. Каткова* „1863 г. Собраніе статей по польскому вопросу“ Москва 1887 г, сочиненія *И. С. Аксакова*, т. III, сочиненія Ю. Ф. Самарина, т. I, Anatole Sorel Beaulisu „Un homme d'etat russe (Nicolas Milutine)“.

буждаемыя жалобами и дѣятельной пропагандой поляковъ въ западной Европѣ, а также и вызваннымъ ими повсемѣстно сильнымъ общественнымъ сочувствіемъ къ ихъ дѣлу, затѣяли дипломатическій походъ на Россію. Этотъ походъ вызвалъ, въ свою очередь, взрывъ патріотическихъ чувствъ во всѣхъ классахъ русскаго общества. Если бы этого взрыва не послѣдовало и если бы наличность этого взрыва не подѣйствовала охлаждающимъ образомъ на европейскія правительства, неизвѣстно, какъ вышло бы наше правительство изъ тогдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствъ. До какой степени смущеніе овладѣло тогда дворомъ, видно изъ того восклицанія, которое вырвалось у императрицы Маріи Александровны при пріемѣ М. Н. Муравьева: «Если бы мы могли удержать за собой хотя Литву!»... а о Царствѣ Польскомъ не было уже и рѣчи... Самъ Александръ Николаевичъ выразилъ тогда на аудіенціи тому же Муравьеву свои опасенія, что Литву едва ли возможно будетъ удержать за Россіей въ случаѣ европейскаго вмѣшательства [1]).

Еще лѣтомъ 1863 г., при первыхъ слухахъ о недовольствѣ, распространяющемся въ Финляндіи, Александръ поспѣшилъ лично отправиться туда и успокоить финляндцевъ формальнымъ обѣщаніемъ возстановить и даже расширить политическія права, данныя имъ Александромъ I. Въ концѣ августа онъ снова поѣхалъ въ Финляндію и 6 сентября открылъ тронной рѣчью финляндскій сеймъ. «Отъ васъ, представители великаго княжества,— сказалъ имъ тогда императоръ—зависитъ доказать достоинствомъ, умѣренностью и спокойствіемъ вашихъ разсужденій, что въ рукахъ народа мудраго, расположеннаго трудиться сообща съ государемъ *въ практическомъ духѣ* надъ развитіемъ своего благоденствія, *либеральныя учрежденія не только не составляютъ опасности, но являются гарантіей порядка и преуспѣянія»* [2]).

Вотъ какія великолѣпныя фразы сходили съ языка императора Александра въ тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ... Патріотическое одушевленіе всѣхъ слоевъ русскаго общества выручило правительство въ трудную минуту и дало ему силу гордо и твердо отстранить грозившее Россіи иностранное вмѣшательство; но это же воодушевленіе на внутреннихъ дѣлахъ страны отразилось чрезвычайно невыгодно. Случилось въ значительной мѣрѣ то, чего когда-то такъ опасался Герценъ. Хотя правительство не пошло прямо по пути реакціи и не отказалось отъ нѣкоторыхъ преобразованій, тѣсно связанныхъ съ крестьянской реформой, и по общему сознанію совершенно необходимыхъ, но въ настроеніи самого общества произошла крупная перемѣна.

«Нигилисты» были совершенно разгромлены и скомпрометированы въ глазахъ большинства даже передовыхъ и либеральныхъ людей, своимъ предполагаемымъ участіемъ въ петербург-

---

[1]) Воспоминанія *Муравьева* „Русск. Стар." за 1882 г. № 11.
[2]) *Татищевъ*, н. с., т. I, стр. 473.

скихъ пожарахъ и еще болѣе своими связями съ польскимъ движеніемъ. Героемъ дня и чуть не спасителемъ отечества въ глазахъ большинства образованнаго общества явился Катковъ. Общераспространенный еще и до настоящаго времени взглядъ на дѣятельность Каткова несомнѣнно преувеличиваетъ тогдашнюю его роль въ Россіи и даже въ Европѣ. Біографы и панигиристы Каткова приписываютъ, главнымъ образомъ, вліянію «Московскихъ Вѣдомостей» всю честь побѣды, одержанной русской дипломатіей надъ вздутыми и неискренними поползновеніями Наполеона и лорда Росселя. На самомъ же дѣлѣ эта честь принадлежала не Каткову, а тѣмъ многочисленнымъ адресамъ, рѣчамъ и заявленіямъ, въ которыхъ выразилось оскорбленное патріотическое чувство всего русскаго общества, при первыхъ слухахъ о возможности отторженія отъ Россіи Литвы, Бѣлоруссіи, юго-западныхъ малорусскихъ губерній и даже Смоленска и Кіева, вслѣдствіе вмѣшательства въ польское дѣло западно-европейскихъ державъ. Но нельзя отрицать того, что Катковъ первый изъ вліятельныхъ журналистовъ понялъ значеніе тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ и ту роль, которую можетъ сыграть при этомъ общественное мнѣніе страны, рѣзкимъ выразителемъ котораго онъ и явился. Боевой темпераментъ и крупный публицистическій талантъ, которымъ онъ обладалъ, пришлись здѣсь какъ разъ кстати. Бросившись со страстью въ эту борьбу, Катковъ сталъ безъ разбора наносить удары многому изъ того, чему онъ самъ поклонялся и служилъ еще недавно. Не говоря о томъ, что въ отношеніи поляковъ онъ становился все непреклоннѣе и безпощаднѣе, онъ съ яростью нападалъ на тѣ органы русской печати, въ которыхъ замѣчалъ тѣнь сочувствія къ полякамъ, уже проигравшимъ тогда свое дѣло. Такъ онъ напалъ на статью Страхова «Роковой вопросъ», напечатанную во «Времени» Достоевскаго, за то, что въ этой статьѣ польская культура, хотя и «заимствованная» съ Запада, признана была выше нашей. Впрочемъ, такъ какъ статья «Роковой вопросъ» повела за собой, послѣ нападокъ «Московскихъ Вѣдомостей», закрытіе «Времени», то этотъ фактъ, вовсе не входившій въ разсчеты Каткова, заставилъ его заступиться за журналъ Достоевскаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и Страховъ свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что только благодаря этому заступничеству черезъ восемь мѣсяцевъ М. М. Достоевскому разрѣшено было опять издавать новый журналъ «Эпоху» [1]).

Съ особенной рѣзкостью Катковъ сталъ нападать съ 1862 г. на журналы, считавшіеся представителями нигилистическаго направленія и на «Колоколъ» Герцена. Въ это время Катковъ уже склоненъ былъ объединять въ одно ненавистное ему цѣлое и ре-

[1]) Полное собраніе сочиненій Достоевскаго, I, 256. Собственно статья въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" противъ „Времени" принадлежала перу одного изъ сотрудниковъ Каткова—Петерсону.

волюціонныя прокламаціи, и пожары, и польскую пропаганду. Отрицать связь между польскимъ движеніемъ и прокламаціями, конечно, невозможно, такъ какъ въ программѣ «Великорусса» освобожденіе Польши было поставлено, какъ мы уже видѣли, въ число очередныхъ програмныхъ вопросовъ передовой партіи въ Россіи, а въ одной изъ прокламацій «Земли и Воли» русскіе офицеры и солдаты въ Польшѣ приглашались обратить свое оружіе противъ русскаго правительства. Опубликованіе въ 1863 году циничной программы Мѣрославскаго страшно скомпрометировало въ глазахъ всего русскаго общества заразъ и польскихъ революціонеровъ, и русскихъ, которые имъ помогали, и оказались теперь въ чрезвычайно неловкомъ положеніи. Вмѣстѣ съ тайнымъ обществомъ «Земля и Воля» попалъ въ это положеніе и «Колоколъ» Герцена. Мы не будемъ подробно излагать здѣсь исторію увлеченія Герцена польскимъ движеніемъ, такъ какъ исторія эта, превосходно освѣщенная впослѣдствіи самимъ Герценомъ, подробно изложена въ книгѣ г. Батуринскаго [1]). Въ концѣ 1861 г. въ Лондонъ явился удачно бѣжавшій изъ Сибири М. А. Бакунинъ. Въ первомъ же своемъ «манифестѣ» къ русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ Бакунинъ выставилъ цѣлью своей революціонной дѣятельности разрушеніе этого «колосса на глиняныхъ ногахъ»—Россійской имперіи и освобожденіе изъ подъ гнета ея всѣхъ порабощенныхъ національностей. Вопросъ объ освобожденіи Польши сталъ вскорѣ на первую очередь, и Бакунинъ весь отдался этому дѣлу, дойдя въ своемъ увлеченіи до совершенно донкихотовскихъ предпріятій, въ родѣ пресловутой морской экспедиціи, кончившейся, какъ извѣстно, совершенно безславно. Герценъ, все время понимавшій несостоятельность и политическую бестактность затѣй своего друга, не нашелъ въ себѣ силу противостать имъ, тѣмъ болѣе, что Огаревъ очень быстро подчинился вліянію Бакунина. Сперва Герценъ пытался уберечь «Колоколъ» отъ этихъ увлеченій и лишь предоставлялъ Бакунину и Огареву печатать ихъ брошюры въ своей типографіи отдѣльно отъ «Колокола», но вскорѣ онъ самъ увлекся дѣломъ возставшихъ за свою свободу поляковъ. Польскіе революціонеры торжественно обѣщали ему освободить крестьянъ и надѣлить ихъ землей, а также предоставить бѣлорусскимъ и малорусскимъ губерніямъ самимъ рѣшить, принадлежать ли имъ къ Польшѣ или къ Россіи, послѣ чего Герценъ вступилъ съ поляками въ союзъ и напечаталъ въ «Колоколѣ» (въ октябрѣ 1862 г.) свое извѣстное воззваніе къ офицерамъ [2]). Съ тѣхъ поръ «Колоколъ» сталъ быстро падать и расходъ его къ концу 1863 г. съ 2000 — 2500 экземпляровъ сразу спустился до 500. Первое предостереженіе и

[1]) „Герценъ, его друзья и знакомые“, срав. также *Невѣдѣнскаго* „Катковъ и его время“ и *Драгоманова* „Историческая Польша и великорусская демократія“.

[2]) Всѣ эти документы напечатаны у *Бурцева* „За сто лѣтъ“, ч. I, страница 52—56.

первый упрекъ за неумѣстное вмѣшательство въ польскія дѣла Герцену пришлось услышать въ Лондонѣ отъ эмигранта Мартьянова, русскаго крестьянина-самоучки: «Вы не сердитесь на меня, Александръ Ивановичъ, сказалъ ему Мартьяновъ, — такъ ли, иначе ли, а «Колоколъ»-то вы порѣшили. Что вамъ за дѣло мѣшаться въ польскія дѣла? Поляки, можетъ быть и правы, но ихъ дѣло шляхетское, не ваше; не пожалѣли вы насъ, Богъ съ вами, Александръ Ивановичъ. Попомните, что я говорилъ. Я то самъ не увижу, я ворочусь домой. Здѣсь мнѣ нечего дѣлать. . . . [1])». Замѣчательно, что черезъ годъ совершенно такой же взглядъ на это дѣло высказалъ въ письмѣ къ Юрію Самарину знаменитый французскій крестьянинъ-самоучка Прудонъ. Въ этомъ любопытномъ письмѣ, показывающемъ, впрочемъ, не слишкомъ глубокое знакомство Прудона съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи и Польшѣ, Прудонъ видитъ истинное освобожденіе польскаго народа въ крестьянской реформѣ, проведенной Милютинымъ, и ругаетъ самымъ неумѣреннымъ образомъ польскую шляхту. «Что бы я далъ,—говоритъ онъ тамъ, между прочимъ,—чтобы подробно переговорить обо всемъ этомъ съ нашимъ добрѣйшимъ Герценомъ!... Какъ глубоко сожалѣю я о томъ, что онъ поставилъ себя между русскимъ національнымъ чувствомъ, съ одной стороны, и строптивою спѣсью поляковъ, съ другой!! Какъ желалъ я, чтобы съ того дня, какъ вступилъ Александръ II на широкій путь эмансипаціи, Герценъ заставилъ смолкнуть свой «Колоколъ».

«Въ 5—10 лѣтъ отдыха онъ бы вновь прояснѣлъ душой; онъ изучилъ бы пристальнѣе ходъ развитія въ Россіи, и впослѣдствіи критика его, имѣя въ основѣ запасъ современныхъ фактовъ стала бы авторитетнѣе.»... «Бороться съ Николаемъ — это дѣло доблестное (хотя, скажемъ мы отъ себя, Герценъ въ сущности не велъ настоящей борьбы съ Николаемъ), но продолжать, не видоизмѣняя, ту же политику въ отношеніи къ Александру— это уже неловкость или во всякомъ случаѣ важное неудобно». (Въ дѣйстительности Герценъ относился къ Александру совсѣмъ не такъ, какъ къ Николаю).... «Знаю хорошо, — продолжаетъ Прудонъ,—что автократъ останется автократомъ; но въ данномъ случаѣ отношеніе къ императору должно было отодвинуться на второй планъ—на первомъ же стоять уваженіе къ самому русскому народу. Прежде всего надо было увидѣть, что станется съ

[1]) Мартьяновъ дѣйствительно вернулся въ Россію, гдѣ тотчасъ же былъ арестованъ и осужденъ за письмо къ Александру II, напечатанное въ „Колоколѣ", въ каторгу на 5 лѣтъ (въ 1863 г.). Въ 1864 г. при свиданіи съ Ю. Ф. Самаринымъ Герценъ хлопоталъ облегчить участь Мартьянова, но кажется изъ этого ничего не вышло. См. „Русь" Аксакова за 1883 г. № 2 и слѣд. также у *Базилевскаго*. „Револ. журналистика 60-хъ годовъ", стр. 76 и сл. Біографія этого замѣчательнаго самородка русской жизни изложена въ статьѣ М. К. Лемке „Дѣло П. А. Мартьянова" „Былое" за 1906 г. № 8, стр. 83—108. Тутъ же перепечатано и удивительное письмо Мартьянова къ Александру II.

нимъ, съ этимъ народомъ, которому возвратили свободу, собственность и нѣкоторое участіе въ правленіи» [1])...

Судя по этому письму, Прудонъ склоненъ былъ, повидимому, чрезмѣрно идеализировать реформы Александра II, онъ увлекался ихъ демократическими тенденціями, не будучи въ состояніи разглядѣть тѣ недостатки этихъ реформъ, которые были ясны, напримѣръ, тверскимъ либераламъ и Чернышевскому; но замѣчанія его относительно роли Герцена въ польскомъ вопросѣ свидѣтельствуютъ о глубокой его проницательности. Зная хорошо Герцена, какъ человѣка, Прудонъ не могъ однако же слѣдить за «Колоколомъ», не читая по-русски, и дѣятельность Герцена, какъ публициста, была извѣстна ему лишь въ общихъ чертахъ. Но это не помѣшало ему вѣрно понять, что послѣ манифеста 19 февраля Герцену слѣдовало пріостановиться и прежде чѣмъ продолжать свою публицистическую работу, пристальнѣе вглядѣться въ перестраивающуюся заново русскую жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не видѣть, что послѣ 1861 года Герценъ начинаетъ шататься, двигаться ощупью и мало по малу теряетъ почву подъ ногами. Если сопоставить странный дворянскій проектъ адреса Огарева, который отказался въ 1862 году подписать Тургеневъ, съ увлеченіемъ того же Огарева полуромантическими и полумистическими идеями Щапова о возможности произвести демократическую революцію въ Россіи при помощи раскольниковъ, со всѣми приключеніями Кельсіева [2]) и М. А. Бакунина, съ уклончивымъ и неяснымъ отношеніемъ Герцена къ революціоннымъ прокламаціямъ и тайному обществу «Земля и Воля», съ исполненнымъ внутреннихъ противорѣчій отношеніемъ самого Герцера къ польскому возстанію,—то нельзя не вывести общаго заключенія, вполнѣ согласнаго съ вѣрнымъ чувствомъ Прудона, что Герцену не доставало въ это время всего больше сознательнаго, вдумчиваго и основанного на твердомъ знаніи фактовъ отношенія къ родной русской дѣйствительности. Впослѣдствіи Герценъ съ глубокой горечью самъ сознатъ многія изъ непоправимыхъ ошибокъ, надѣланныхъ имъ въ это время—въ періодъ между 1861 и 1864 годами.

Катковъ несомнѣнно могъ въ то время считать себя побѣдителемъ и если прежде онъ самъ и Чичеринъ совершенно основательно говорили, что Герценъ сила и власть въ русскомъ государствѣ, то теперь этою силой и властью сталъ Катковъ.

Могущество и популярность его выражались въ это время и въ тѣхъ адресахъ, которыми привѣтствовали его многія дворянскія собранія, и въ томъ фактѣ, что за составленіемъ своего всеподданнѣйшаго адреса именно къ нему обратились московскіе старообрядцы, и въ тѣхъ яростныхъ нападкахъ, съ которыми обру-

---

[1]) „Русь“ Аксакова за 1882 г. № 2, стр. 31—32.

[2]) Срав. книжку *В. Кельсіева* „Пережитое и передуманное“, изданную имъ въ Петербургѣ въ 1868 г. послѣ возвращенія его изъ за границы.

шивалась на него иностранная печать (причемъ «Times» въ Англіи прямо называлъ его руководителемъ общественнаго мнѣнія въ Россіи), и, наконецъ, импонирующее и независимое положеніе, которое занялъ Катковъ по отношенію ко всѣмъ предержащимъ властямъ въ Россіи (положеніе, доходившее до того, что въ 1866 г., когда «Московскимъ Вѣдомостямъ» сдѣлано было офиціальное предостереженіе, то Катковъ формально отказался принять его и напечатать и добился того, что оно было съ него снято [1]). Правда, онъ не сдѣлался властителемъ думъ молодого поколѣнія, но зато молодое поколѣніе было вообще сбито съ толку и если продолжало по инерціи тяготѣть къ «Современнику» и «Русскому Слову», то во всякомъ случаѣ далеко уже не съ прежнимъ воодушевленіемъ, притомъ, какъ уже указано выше, между самими этими органами возникла въ это время братоубійственная война, на которую непроизводительно тратились лучшія силы обѣихъ редакцій.

XVII.

Поворотъ въ настроеніи общества. — Органъ дворянства „Вѣсть" и взгляды Валуева. — Представленный имъ проектъ представительнаго собранія.—Новыя реформы.—Отношеніе къ нимъ Кавелина, Аксакова и Каткова. — Конституціонный адресъ московскаго дворянства. — Отвѣтъ Александра II.—Разбродъ въ радикальныхъ кругахъ.—Выстрѣлъ Каракозова.—Полицейская травля.—Торжество реакціи.

Поворотъ въ общественномъ мнѣніи, происшедшій послѣ петербургскихъ пожаровъ и польскаго возстанія, выразился не въ отказѣ отъ всякихъ преобразованій, не въ перемѣнѣ либеральныхъ стремленій на реакціонныя, а въ разрывѣ той связи, которая какъ будто вновь начала образовываться въ 1861 г. между либеральными и радикальными теченіями; связи, которая въ то время всего яснѣе выразилась въ заявленіяхъ тверского дворянскаго собранія и въ «Письмахъ безъ адреса» Чернышевскаго.

Въ 1864 г. либеральныя стремленія еще продолжались, но изъ подъ нихъ выброшено было то могучее демократическое основаніе, необходимость котораго такъ ясно сознавали и тверскіе земскіе люди, и И. С. Аксаковъ (въ началѣ 60-хъ годовъ). Правительство само понимало практическую необходимость проведенія нѣкоторыхъ реформъ (финансовой, университетской, цензурной, судебной, земской, городской и воинской повинности). Къ тому же оно серьезно опасалось, какъ бы перерывъ въ преобразованіяхъ и обращеніе на путь реакціи не былъ сочтенъ иностранными правительствами за признакъ внутренняго разстройства и ослабленія. Министръ иностранныхъ дѣлъ князь

[1]) *Невѣдѣнскій,* н. с., срав. также Татищева, т. II, стр. 11.

Горчаковъ еще въ 1862 г., тотчасъ послѣ петербургскихъ пожаровъ и принятыхъ по случаю распространенія прокламацій карательныхъ и репрессивныхъ мѣръ, писалъ одному изъ нашихъ пословъ за границей: «Морская ширь, какъ выражается Расинъ, нигдѣ не бываетъ спокойна. Такъ и у насъ: но равновѣсіе возстановляется. Когда волны вздымаются, какъ теперь, повсюду, было бы наивностью утверждать, что море тотчасъ утихнетъ. Главная задача поставить плотины тамъ, гдѣ общественному спокойствію или интересу, а въ особенности существу власти, угрожаетъ опасность. Объ этомъ и заботятся у насъ, *не отступая отъ пути, который нашъ августѣйшій государь предначерталъ себѣ со дня вступленія на престолъ. Нашъ девизъ: ни слабости, ни реакціи.* Его начинаютъ понимать въ Россіи. Нужно больше времени, чтобы акклиматизировать его въ Европѣ, но я надѣюсь, что очевидность убѣдитъ наконецъ самые предубѣжденные умы...» [1])

То же самое проповѣдывалось тогда и въ оффиціальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ «Сѣверной Почтѣ».

Олигархическая дворянская партія завела въ это время свой органъ «Вѣсть», которая начала издаваться въ 1863 г. въ видѣ еженедѣльной газеты, подъ редакціей В. Д. Скарятина и Н. Юматова. Между Скарятинскою «Вѣстью», добивавшейся олигархической конституціи, и П. А. Валуевымъ скоро установилась полная entente cordiale. Взгляды Валуева съ полною опредѣленностью высказались въ небольшой записочкѣ (отъ 29 октября 1863 г.) къ покидавшему въ то время свою должность директора департамента полиціи графу Д. Н. Толстому [2]). «Мы съ вами разстаемся—писалъ Валуевъ Толстому—на прощанье черкните нѣсколько строкъ. *Вы одни* въ министерствѣ имѣете къ тому горизонтъ...

«Тема слѣдующая:

1. Что и кто теперь Россія?

2. Всѣ сословія разъединены. Всѣ законы въ передѣлкѣ. Всѣ основы въ движеніи.

3. Полцарства въ исключительномъ положеніи. Мѣры строгости преобладаютъ. Оппозиція и недовѣріе вездѣ, гдѣ есть способность ихъ высказывать. *Трехсотголовое* земство колеблется и готово прежде всего порицать правительство, а потомъ ему противодѣйствовать.

4. Одинъ государь теперь Россія. Ему предстоитъ быть нравственнымъ собирателемъ земли русскія, какъ Калита былъ ея матеріальнымъ собирателемъ.

5. Солнце царское тепло озарило долы—19 февраля. *Теперь нужно освѣтить и пригрѣть вершины и окраины....»* [3])

---

[1]) *Татищевъ*, т. I, стр. 402.

[2]) Котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ гр. Д. А. Толстымъ, тогда оберъ-прокуроромъ Синода.

[3]) „Русскій Архивъ" за 1896 г. № 12, стр. 640. Курсивъ нашъ. *А. К.*

Неизвѣстно, исполнилъ ли это порученіе гр. Толстой, но извѣстно, что самъ Валуевъ представлялъ въ 1863 г. свои соображенія «о созваніи общегосударственнаго земскаго собранія». «Предположеніе о призваніи въ Государственный Совѣтъ для совѣщательнаго участія при обсужденіи подвѣдомыхъ ему дѣлъ, извѣстнаго числа представителей дворянскаго и городскихъ сословій и нѣсколькихъ членовъ высшаго духовенства» впервые было представлено Валуевымъ Александру II въ виду конституціонныхъ стремленій, въ 1862—1863 годахъ въ разныхъ дворянскихъ «адресахъ и въ частности въ предложеніи царскосельскаго предводителя дворянства Платонова, одобренномъ губернскимъ дворянскимъ съѣздомъ» (?) петербургскаго дворянства [1]). Затѣмъ, 13 апрѣля 1863 г. Валуевъ представилъ особую всеподданнѣйшую записку, въ которой онъ доказывалъ необходимость скорѣйшаго введенія въ Россіи представительныхъ учрежденій, чтобы дать «вѣрноподданной Россіи политическое первенство передъ крамольною Польшей». Въ запискѣ этой прямо указывалось на опасенія «высшихъ слоевъ русскаго народа», что общимъ ходомъ событій правительство вынуждено будетъ даровать Польшѣ такія преимущества, которыя не будутъ предоставлены кореннымъ русскимъ областямъ. Эта мысль—сказано въ запискѣ— «просвѣчиваетъ даже въ текстѣ, подносимыхъ Вашему Величеству адресовъ; но выраженіе ея еще слышнѣе въ общемъ говорѣ массъ и въ самыхъ благонамѣренныхъ органахъ нашей прессы...» «Вмѣстѣ съ выраженіемъ нелицемѣрной преданности, глубокой покорности и безусловной готовности на всякія пожертвованія, къ престолу Вашего Величества возносится полугласная мольба объ оказаніи довѣрія къ Вашему народу, о признаніи его способнымъ оправдать это довѣріе, о дарованіи ему возможности доказать, что онъ его достоинъ...» ...«Дайте Россіи на пути развитія государственныхъ учрежденій шагъ впередъ передъ Польшей. Вы тогда еще тѣснѣе сдвинете вокругъ себя всѣхъ вашихъ вѣрныхъ подданныхъ. Вы, дѣйствительно, будете, по выраженію московскаго дворянства, «могущественнѣе Вашихъ предшественниковъ». Вы окончательно укрѣпите за Россіею возвращенное ей и омытое кровью цѣлыхъ поколѣній западное родовое ея достояніе. Вы заставите Западный Край, наконецъ, обратиться лицомъ къ Москвѣ и стать тыломъ къ Варшавѣ. Тогда западный вопросъ будетъ рѣшенъ навсегда и польское дѣло навсегда проиграно» [2]). Далѣе доказывалось, какъ эта мѣра пойдетъ навстрѣчу задушевнымъ желаніемъ русскаго общества. Валуевъ признавалъ свои соображенія настолько убѣдительными, что предлагалъ императору Александру, въ случаѣ одобренія имъ основной мысли этой записки, объявить объ этомъ особымъ манифе-

---

[1]) „Всеподданнѣйшая записка статсъ-секретаря Валуева". „Вѣстникъ Права" за 1905 г. № 9, стр. 229.

[2]) Тамъ же, стр. 227.

стомъ, черезъ нѣсколько дней, 17 апрѣля—въ день рожденія императора. Но Александръ II не легко поддавался на такого рода соображенія. Онъ созвалъ 15 апрѣля 1863 года по этому вопросу особое совѣщаніе [1]), и хотя на этомъ совѣщаніи основная мысль Валуевской записки была одобрена, но объ этомъ ничего объявлено не было. Валуеву поручено было разработать соотвѣственно этому полный проектъ новаго учрежденія государственнаго совѣта въ связи съ готовившимся тогда положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ. Проектъ этотъ былъ выработанъ и представленъ лишь 18 ноября 1863 года. Но къ этому времени польское возстаніе было уже потушено и опасенія иностраннаго вмѣшательства совершенно разсѣяны. При этихъ условіяхъ Валуевскій проектъ оказывался совершенно излишнимъ и его спрятали подъ сукно, откуда онъ былъ извлеченъ лишь въ концѣ царствованія, при наличности новыхъ тревожныхъ обстоятельствъ. Главныя основанія, которыя были приняты Валуевымъ въ руководство при составленіи его проекта въ 1863 г., были слѣдующія: 1) соблюденіе полной неприкосновенности верховныхъ правъ самодержавной власти; 2) согласованіе новаго устройства государственнаго совѣта съ существовавшей ранѣе структурой этого учрежденія; 3) принятіе мѣръ къ тому, чтобы новый элементъ, вводимый въ него не пріобрѣлъ въ немъ преобладающаго вліянія; 4) предсѣдатель съѣзда государственныхъ гласныхъ по назначенію; 5) обезпеченіе нѣкоторой доли правительственнаго вліянія на самый составъ съѣзда; 6) установленіе главныхъ правилъ дѣлопроизводства съѣзда. Всѣ эти основанія были строго соблюдены въ проектѣ: права государственнаго совѣта нисколько не были въ немъ расширены. Государственный совѣтъ по прежнему раздѣлялся на департаменты и при немъ учреждался съѣздъ государственныхъ гласныхъ. По всякому дѣлу, подлежавшему разсмотрѣнію этого съѣзда, съѣздъ давалъ въ сущности лишь заключеніе, которое поступало затѣмъ на разсмотрѣніе одного изъ департаментовъ совѣта, а оттуда въ общее собраніе совѣта. Впрочемъ, предсѣдатель совѣта могъ направлять дѣла и въ обратномъ порядкѣ: сперва въ одинъ изъ департаментовъ совѣта, а затѣмъ въ съѣздъ и оттуда въ общее собраніе совѣта. Въ общемъ собраніи совѣта должны были участвовать не всѣ государственные гласные, а лишь 16 человѣкъ, выбираемые по каждому дѣлу особо всѣмъ съѣздомъ. Въ сущности этотъ съѣздъ являлся бы подготовительной комиссіей при государственномъ совѣтѣ, который въ свою очередь оставался бы лишь совѣщательнымъ учрежденіемъ при неограниченномъ самодержавномъ монархѣ. Составъ съѣзда Валуеву пришлось пріурочивать къ положенію о земскихъ учрежденіяхъ, при чемъ, впрочемъ, по «положенію», вопреки желанію Валуева, составъ земскихъ собраній устанавливался

[1]) Тамъ же, стр. 233.

болѣе демократичный, нежели желалъ бы Валуевъ [1]). По проекту Валуева съѣздъ составлялся: 1) изъ 60 гласныхъ, выбираемыхъ губернскими земскими собраніями тѣхъ губерній, гдѣ вводились земскія учрежденія, 2) по 3 гласныхъ отъ Москвы и Петербурга, и по 1 отъ 12 другихъ городовъ, 3) отъ окраинныхъ губерній и областей (въ томъ числѣ отъ Сибири и Кавказа) предполагалось 32 гласныхъ и, наконецъ, 4) 30 гласныхъ должны были назначаться правительствомъ [2]).

Этотъ проектъ остался, какъ мы уже сказали, безъ осуществленія; но разработка реформъ отдѣльныхъ отраслей государственнаго управленія и государственной жизни продолжалась.

Правительственныя комиссіи, правда чисто бюрократическаго состава, ревностно разрабатывали въ это время важныя финансовыя преобразованія, просвѣщеннымъ инціаторомъ которыхъ явился одинъ изъ немногихъ истинно талантливыхъ государственныхъ дѣятелей той эпохи В. А. Татариновъ. Во главѣ министерства финансовъ поставленъ былъ человѣкъ также довольно либеральныхъ взглядовъ М. Х. Рейтернъ, впослѣдствіи впрочемъ, не оправдавшій возлагавшихся на него въ это время надеждъ. Во главѣ министерства народнаго просвѣщенія стоялъ умный и послѣдовательный либералъ А. В. Головнинъ.

Постъ военнаго министра занялъ въ 1861 г. просвѣщенный и либеральный человѣкъ Д. А. Милютинъ, сознательный приверженецъ прогресса и науки. Земская и судебная реформы подготовлялись на всѣхъ парахъ при участіи надежныхъ и хорошо подготовленныхъ работниковъ. Даже проектъ новыхъ правилъ о печати подготовлялся въ умѣренно либеральномъ духѣ [3]).

Мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться на всѣхъ этихъ работахъ, но не можемъ не замѣтить, что проекты всѣхъ этихъ преобразованій исходили изъ тѣхъ либеральныхъ началъ, которыя были выставлены впервые въ заявленіяхъ и адресахъ депутатовъ дворянскихъ комитетовъ въ 1859 году. Тогда заявленія эти были признаны «дерзкими и ни съ чѣмъ несообразными»; но правительство и тогда и теперь хорошо понимало необходимость этихъ преобразованій, и нѣкоторыя изъ нихъ осуществило даже на болѣе широкихъ основаніяхъ, нежели тѣ, какія указывали депутаты. За то другія были сильно искажены и урѣзаны, частью въ выработывавшихъ ихъ комиссіяхъ, частью въ государственномъ совѣтѣ, въ зависимости отъ различнаго рода охранительныхъ соображеній, гарантировавшихъ незыблемость существующаго бюрократическаго строя.

---

[1]) Объ этомъ см. мою брошюру „Изъ исторіи вопроса объ избирательномъ правѣ въ земствѣ“ Спб, 1906 г.

[2]) „Всеподданнѣйшая записка“ Валуева въ „Вѣстникѣ Права“ за 1905 г. № 9, стр. 267.

[3]) Довольно рѣзкая и, какъ мнѣ кажется, слишкомъ суровая по отношенію къ Головнину, критика работъ въ этой области представлена М. К. Лемке въ книгѣ „Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ“, Спб. 1904 г.

Самою радикальною изъ всѣхъ этихъ реформъ и проведенною съ наименьшими компромиссами была, безспорно, судебная. Но и въ ней принципъ независимости судей отъ администраціи былъ ослабленъ, съ самаго начала, сохраненіемъ чиновъ и орденовъ для лицъ судейскаго званія. Отъ суда присяжныхъ отнято было его политическое значеніе, изъятіемъ изъ его вѣдѣнія государственныхъ преступленій и нарушеній законовъ о печати. Еще большія измѣненія въ указанномъ направленіи претерпѣли принципы земскаго самоуправленія въ комиссіи, работавшей до 1861 г. подъ руководствомъ Н. А. Милютина, а затѣмъ перешедшей подъ предсѣдательство министра внутреннихъ дѣлъ Валуева. Объ искаженіяхъ, постигшихъ новый университетскій уставъ въ комиссіи гр. Строганова и въ государственномъ совѣтѣ, мы уже упоминали. Еще большія мытарства и превращенія претерпѣлъ проектъ новаго цензурнаго устава, утвержденный, наконецъ, въ видѣ... временныхъ правилъ 4-го апрѣля 1865 года [1]). Тѣмъ не менѣе, на всѣ эти преобразованія въ обществѣ продолжали смотрѣть, какъ на послѣдовательные шаги къ свободному государственному устройству. Неудовлетворительность и зловредность бюрократическаго строя продолжали, по прежнему, сознавать всѣ слои общества. Нѣкоторые изъ сторонниковъ либеральныхъ реформъ этого времени, какъ Кавелинъ и кн. Васильчиковъ, настроенные болѣе консервативно, возлагали нѣсколько преувеличенныя надежды на изданное 1-го января 1864 г. положеніе о земскихъ учрежденіяхъ [2]). Другіе относились къ нему болѣе скептически. И. С. Аксаковъ, вполнѣ удовлетворенный основными положеніями судебной реформы, отнесся скептически къ способу выработки судебныхъ уставовъ въ закрытой комиссіи, съ участіемъ лишь знатоковъ права. Онъ печатно выражалъ желаніе, чтобы для обсужденія основныхъ началъ судебной реформы созваны были представители народа; въ земскомъ же положеніи, изготовленномъ

---

[1]) О ходѣ и исходѣ всѣхъ этихъ преобразованій у насъ имѣются общедоступныя сочиненія: *Джаншіева* „Изъ эпохи великихъ реформъ“, *Головачева* „Десять лѣтъ реформъ“, кн. *Васильчикова* „О Самоуправленія“, *Скалона* „Земскіе вопросы“, *К. К. Арсеньева* „Законодательство о печати“, *М. К. Лемке* „Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ“; слѣдуетъ также имѣть въ виду изданную за границей записку *С. Ю. Витте* „О земскихъ учрежденіяхъ“ и статьи *И. С. Аксакова* въ IV и V томахъ полнаго собранія его сочиненій и *Д. К. Кавелина* во II томѣ его сочиненій.

[2]) *К. Д. Кавелинъ* привѣтствовалъ положеніе 1 января 1864 г. о земскихъ учрежденіяхъ горячими статьями, напечатанными въ №№ 49, 51 и 53 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 1864 г. (См. полное собраніе его сочиненій, изд. Глаголева, т. II, стр. 735 и слѣд.). Черезъ годъ—20 марта 1865 г. онъ писалъ своему зятю Корсакову: „Идутъ ли у Васъ земскіе выборы и какъ они идутъ? Послѣ отмѣны крѣпостнаго права ни одинъ внутренній русскій вопросъ не интересуетъ меня такъ живо, какъ этотъ. *Отъ успѣха земскихъ учрежденій зависитъ вся наша ближайшая будущность и отъ того, какъ онѣ пойдутъ, будетъ зависѣть, готовы ли мы къ конституціи.* Пора бросить глупости и начать дѣло дѣлать, а дѣло теперь въ земскихъ учрежденіяхъ и нигдѣ больше“. (См. „Вѣстникъ Европы“ за 1886 г. № 10, стр. 757).

безъ всякаго участія общественныхъ силъ, Аксаковъ отказывался видѣть дарованіе обществу *самоуправленія*, а видѣлъ въ немъ лишь порученіе выборнымъ представителямъ общества извѣстныхъ правительственныхъ функцій подъ контролемъ правительственныхъ властей. Онъ не безъ ироніи указывалъ на большія выгоды, проистекающія отсюда для *самаго правительства* и рѣзко оттѣнялъ ничтожность правъ, дарованныхъ обществу [1]). Аксаковъ вообще былъ настроенъ въ то время чрезвычайно демократично. Еще въ 1862 г., доказавъ въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ «Днѣ», что отмѣна крѣпостного права «непреложно логически приводитъ къ отмѣнѣ всѣхъ искусственныхъ раздѣленій сословій», что «распространеніе дворянскихъ остающихся привилегій на прочія сословія вполнѣ необходимо», онъ совѣтовалъ дворянству выразить правительству единодушное и рѣшительное желаніе, «чтобы дворянству было позволено торжественно предъ лицомъ Россіи совершить великій актъ уничтоженія себя, какъ сословія». Эта статья Аксакова очень встревожила тогда министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, который не преминулъ опубликовать въ «Сѣверной Почтѣ» даже особое правительственное сообщеніе о томъ, что правительство вовсе не раздѣляетъ этого мнѣнія. Катковъ въ 1862 г. на этотъ вопросъ смотрѣлъ почти такъ, какъ Аксаковъ; онъ велъ въ это время горячую полемику съ Чичеринымъ, который на страницахъ «Нашего Времени» доказывалъ необходимость сохраненія въ земской жизни всѣхъ существующихъ сословныхъ различій, угрожая усиленіемъ общественной анархіи, если сословія будутъ уничтожены прежде, нежели свободныя общественныя силы получатъ достаточную крѣпость. Въ періодъ обсужденія основныхъ началъ земскаго положенія, въ 1863 г. Катковъ продолжаетъ стоять на почвѣ всесословной; но отвергая *сословія*, онъ кладетъ въ основаніе земскаго представительства *классы*, причемъ стремится дать явное преимущество классу крупныхъ землевладѣльцевъ. На этой почвѣ у него возникаетъ продолжительная полемика съ Аксаковымъ, который былъ рѣшительнымъ противникомъ всякаго имущественнаго ценза [2]). Дворянству Катковъ рекомендуетъ *безвозмездную* службу въ земствѣ, опасаясь, что иначе можетъ развиться въ земствѣ «дикая и слѣпая демократія». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагаетъ отстаивать принципъ участія общества въ государственномъ управленіи и идеаломъ его остается представительная монархія, въ которой бы представительство было построено на началѣ имущественнаго ценза съ явнымъ преобладаніемъ крупныхъ землевладѣльцевъ. На этой то почвѣ между Катковымъ и либеральными кругами дворянства возникаетъ въ это время уже столь прочная связь, что то же самое собраніе

---

[1]) „День“ 18 января 1864 г. Перепечатано въ сочиненіяхъ *Аксакова*, т. V, стр. 253.

[2]) Статьи *Аксакова*, относящіяся къ этой полемикѣ, напечатаны въ т. V его сочиненій; выдержки изъ статей Каткова у Невѣдѣнскаго.

московскаг нордвонства, которое составило въ 1865 г. адресъ правительству «объ увѣнчаніи зданія» созывомъ общегосударственнаго земскаго собранія, составило другой адресъ Каткову съ выраженіемъ сочувствія его дѣятельности и съ просьбой, чтобы онъ ея не оставлялъ.

Проводникомъ старо-дворянскихъ принциповъ и олигархическихъ вожделѣній на ряду съ самымъ тупымъ отрицаніемъ всѣхъ преобразованій демократическаго характера служила въ это время, какъ мы уже упоминами, еженедѣльная газета «Вѣсть». Она печаталась въ 1863—1865 гг. въ количествѣ 3000 и болѣе экземпляровъ и разсылалась безплатно всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ дворянства и многимъ другимъ лицамъ. Однако-же, проповѣдуемыя ею идеи настолько не соотвѣтствовали господствовавшему настроенію общества, что многіе отсылали полученные номера «Вѣсти» обратно съ заявленіемъ, что они не желаютъ получать этого изданія. Въ 1865 году за напечатаніе московскаго адреса и рѣчи графа Орлова-Давыдова «Вѣсть» была пріостановлена на восемь мѣсяцевъ.

Адресъ московскаго дворянста, представленный правительству 11-го января 1865 года, былъ послѣднимъ по времени ходатайствомъ *дворянства* о созывѣ народныхъ представителей.

«Всемилостивѣйшій государь, — писали на этотъ разъ дворяне—московское дворянство въ настоящемъ собраніи своемъ не можетъ не высказать вашему императорскому величеству чувства глубокой преданности и благодарности за ваши мудрыя начинанія, всегда клонящіяся ко благу нашего отечества. Мы готовы, государь, содѣйствовать словомъ и дѣломъ на трудномъ, но великомъ пути, вами избранномъ. Мы убѣждены, государь, что вы не остановитесь на этомъ пути и что вы пойдете впередъ, опираясь на ваше вѣрное дворянство, на весь русскій народъ. Въ дружномъ единствѣ и цѣльности — сила нашего отечества! Собравъ вашу разъединенную досель Россію въ одно цѣлое, сплотивъ ее твердо и замѣнивъ права отдѣльныхъ ея частей общими правами, вы искорените на вѣки возможность мятежа и междоусобій. Призванному вами, государь, къ новой жизни земству, при полномъ его развитіи, суждено навѣки упрочить основу и крѣпость Россіи. *Довершите же, государь,* основанное вами государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской для *обсужденія нуждъ, общихъ всему государству.* Повелите вашему вѣрному дворянству, *съ этой же цѣлью* избрать изъ среды себя лучшихъ людей. Дворянство было всегда твердою опорой русскаго престола. Не считаясь на государственной службѣ, не пользуясь сопряженными съ нею наградами, безвозмездно исполняя свой долгъ для пользы отечества и порядка, эти люди, по самимъ условіямъ своего государственнаго положенія, будутъ призваны охранять драгоцѣнныя для народа и необходимыя для истиннаго благоустройства нравственныя и политическія начала, на которыхъ зиждется государственный строй. Этимъ путемъ, го-

сударь, вы узнаете нужду нашего отечества въ истинномъ ихъ свѣтѣ, вы возстановите довѣріе къ исполнительнымъ властямъ, вы достигнете точнаго исполненія законовъ всѣми и каждымъ и примѣнимости ихъ къ нуждамъ страны.

«Правда будетъ доходить безпрепятственно до вашего престола, и внѣшніе, и внутренніе враги замолчатъ, когда народъ, въ лицѣ своихъ представителей, съ любовью окружая престолъ, будетъ постоянно слѣдить, чтобы измѣна не могла никуда проникнуть.

«Всемилостивѣйшій государь! Московское дворянство высказалось передъ вами, повинуясь священному долгу вѣрноподданныхъ, не имѣя ничего иного въ виду, кромѣ государственной пользы. Мы высказались, государь, въ полной увѣренности, что слова наши соотвѣтствуютъ державной мысли и духу вашихъ преобразованій» [1])

Но мысли императора Александра II были настроены на иной ладъ. Онъ адреса не принялъ; и желая предупредить повтореніе подобныхъ ходатайствъ и заявленій со стороны дворянства другихъ губерній, объявилъ въ рескриптѣ на имя Валуева, что совершившіяся преобразованія достаточно свидѣтельствуютъ о его постоянной заботливости улучшать и совершенствовать въ *имъ самимъ* предопредѣленномъ порядкѣ разныя отрасли государственнаго устройства. «Право вчинанія по главнымъ частямъ этого постепеннаго совершенствованія принадлежитъ—писалъ Императоръ—исключительно мнѣ и неразрывно сопряжено съ самодержавною властью, Богомъ мнѣ ввѣренною. Прошедшее въ глазахъ всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ *должно быть* залогомъ будущаго. Никому изъ нихъ не предоставлено *предупреждать* мои непрерывныя о благѣ Россіи попеченія и предрѣшать вопросы о существенныхъ основаніяхъ ея общихъ государственныхъ учрежденій. Ни одно сословіе не имѣетъ права говорить именемъ другихъ сословій. Никто не призванъ принимать на себя предо мною ходатайства объ общихъ пользахъ и нуждахъ государства. Подобныя уклоненія отъ установленнаго дѣйствующими узаконеніями порядка могутъ только затруднять меня въ исполненіи моихъ предначертаній, ни въ какомъ случаѣ не способствуя къ достиженію той цѣли, къ которой онѣ могутъ быть направлены. Я твердо увѣренъ, что не буду встрѣчать впредь такихъ затрудненій со стороны русскаго дворянства, вѣковыя заслуги котораго предъ престоломъ и отечествомъ мнѣ всегда памятны и къ которому мое довѣріе всегда было и нынѣ пребываетъ непоколебимымъ» [2]).

Подписанію этого адреса въ московскомъ дворянскомъ со-

---

[1]) Текстъ этого адреса въ недавнее время было трудно достать. Мы цитировали его въ 1904 г. по малоизвѣстной и по содержанію своему довольно нелѣпой книгѣ г. *П. Устимовича* „Мысли и воспоминанія при чтеніи законовъ о дворянствѣ“. М. 1886 г., стр. 44.

[2]) *Татищевъ*, н. с., т. I. стр. 525.

бранія предшествовали «запальчивыя» рѣчи, въ которыхъ ораторы рѣзко порицали существующій бюрократическій строй и съ азартомъ обрушивались на окружающихъ императора «опричниковъ». Адресъ былъ принятъ огромнымъ большинствомъ голосовъ—270 противъ 36. Отъ Александра не укрылось и содержаніе преній. Онъ припомнилъ объ этомъ почти годъ спустя, принимая въ с. Ильинскомъ подъ Москвой,—гдѣ онъ тогда отдыхалъ,—звенигородскаго предводителя дворянства, Д. Д. Голохвастова. Въ замѣчательномъ разговорѣ, который Голохвастовъ имѣлъ съ государемъ, Александръ увѣрялъ Голохвастова, что онъ охотно бы далъ «какую угодно конституцію, если бы не боялся, что Россія на другой день послѣ этого распадется на куски» [1]).

Замѣчательно, что въ 1865 году Катковъ, по циркулировавшимъ тогда слухамъ, считался закулиснымъ подстрекателемъ московскихъ конституціоналистовъ. Въ заграничной печати московскій адресъ выставленъ былъ попыткой ультра-русской дворянской партіи возвратить утраченное вліяніе на правительство [2]).

Нельзя не замѣтить, конечно, что тонъ и содержаніе этого адреса въ сравненіи съ тверскимъ адресомъ 1862 года были чрезвычайно скромны и явились, въ сущности, шагомъ назадъ. На Чернышевскаго этотъ адресъ, конечно, уже не произвелъ бы того впечатлѣнія, какое вызвалъ въ немъ адресъ тверскихъ дворянъ. Впрочемъ, и въ болѣе радикальныхъ кругахъ, и вообще въ средѣ безсословной интеллигенціи, группировавшейся около «Современника», «Русскаго Слова» и безцвѣтныхъ «Отечественныхъ Записокъ» Краевскаго, былъ въ это время полный разбродъ и шатаніе. Броженіе и блужданіе мысли, начавшееся послѣ польскаго возстанія, сказывалось, какъ мы уже видѣли, въ томъ, что

---

[1]) Разговоръ этотъ приведенъ у Татищева (т. I) по рукописнымъ запискамъ Головохвастова. Придворный остроумецъ и поэтъ Тютчевъ привѣтствовалъ дворянъ, подписавшихъ московскій адресъ, слѣдующимъ четверостишіемъ:

„Куда себя морочите вы грубо!
Какой у васъ съ Россіею разладъ!
И гдѣ вамъ въ члены англійскихъ палатъ!
Вы—члены англійскаго клуба!“

Москвичи же ему отвѣтили на это:

„Вы ошибаетесь грубо,
И въ вашей Ниццѣ дорогой
Сложили вѣрно вмѣстѣ съ шубой
И память о странѣ родной.

Въ раю терпѣніе умѣстно,
Политикѣ тамъ мѣста нѣтъ;
Тамъ все умно, согласно, честно,
Тамъ нѣтъ зимы, тамъ вѣчный свѣтъ.....

Но какъ же быть въ странѣ унылой,
Гдѣ произволъ царитъ одинъ
И гдѣ слились въ одно свѣтило
Валуевъ, Рейтернъ, Головнинъ.

Нѣтъ, намъ парламента не нужно;
Но почему жъ насъ проклинать
За то, что мы дерзнули дружно
И громко караулъ кричать?“

(„Русск. Арх.“ за 1885 г. № 10, стр. 298).

[2]) *Невѣдѣнскій*, н. с., стр. 432.

лучшія силы тратились въ это время отчасти на пережевываніе взглядовъ, высказанныхъ въ 1858—1863 г.г. Чернышевскимъ, Добролюбовымъ и Писаревымъ, отчасти на безтактную и разнузданную полемику, имѣвшую характеръ братоубійственной войны. Въ 1861 году въ Петербургѣ появился новый журралъ «Время», издававшійся братьями Достоевскими (Ф. М. и М. М.), при ближайшемъ участіи сперва Апполлона Григорьева, а затѣмъ Н. Н. Страхова (Косица). Эта группа, извѣстная впослѣдствіи подъ именемъ «почвенниковъ», выставила кое-какіе консервативно-народническіе идеалы и вскорѣ сдѣлалась непримиримымъ врагомъ матеріализма и нигилизма. И хотя этому направленію, несомнѣнно, не доставало ни силы, ни ясности, ни искренности, однако, оно имѣло кратковременный, но замѣтный успѣхъ («Время» расходилось въ 1862 г. въ 4000 экземплярахъ) [1]).

Активной политической дѣятельности нигилисты въ это время почти не вроявляютъ. Идеи романа «Что дѣлать» создали, правда, кое-какихъ подражателей, пытавшихся осуществить эти идеи въ видѣ организаціи артелей, кружковъ, мастерскихъ на особыхъ началахъ, но всѣ такія попытки были, въ сущности, довольно поверхностны и слабы при всей своей распространенности: онѣ имѣли характеръ моды и не возбуждали въ молодежи настоящаго энтузіазма. Правительство стало успокаиваться насчетъ нигилистовъ и, повидимому, уже не считало ихъ опасными, такъ что, когда раздался 4-го апрѣля 1866 г. каракозовскій выстрѣлъ, какъ громъ среди ясной погоды, то онъ былъ тотчасъ же приписанъ не нигилистамъ, а полякамъ. И хотя первыя разслѣдованія не подтвердили этого предположенія, однако, Катковъ и съ нимъ многіе долго еще съ упорствомъ утверждали, что этотъ выстрѣлъ есть дѣло польской интриги [2]).

Выстрѣлъ Каракозова ужаснулъ многихъ. Самъ Герценъ въ «Колоколѣ» писалъ 1-го мая 1866 г.: «Мы поражены при мысли объ отвѣтственности, которую взялъ на себя этотъ фанатикъ...» [3]). Вся Россія всколыхнулась отъ этого выстрѣла. Каракозовъ стрѣлялъ среди дня, на улицѣ, изъ толпы, окружавшей коляску Александра, въ ту минуту, какъ онъ садился въ нее послѣ прогулки по Лѣтнему саду. Совершенно неподготовленная къ этому выстрѣлу публика въ первую минуту не могла представить себѣ, чтобы онъ былъ дѣломъ одного человѣка. Всѣмъ казалось, что тутъ должна быть какая-то грандіозная, адская организація: одни видѣли въ этомъ дѣйствіе заграничной польской интриги, другіе подозрѣвали существованіе какого-нибудь обширнаго рево-

---

[1]) „*Матеріалы для біографіи Ф. М. Достоевскаго*" въ I т. его сочиненій. Изд. 1883 г. Воспоминанія *Н. Н. Страхова*, стр. 221, а также 198 и слѣд. Ср. также *Н. Страхова* „Изъ исторіи литературнаго нигилизма". Сборникъ статей 1861—1865 г. Спб. 1890 г.

[2]) *Невѣдѣнскій*, н. с., стр. 493 и слѣд.

[3]) *Невѣдѣнскій*, стр. 492. За эту статью Герценъ подвергся весьма рѣзкимъ порицаніямъ со стороны русскихъ революціонеровъ.

люціоннаго заговора. Реакціонеры тотчасъ же подняли голову; либералы растерялись, иные притихли, другіе покорно вторили яростнымъ крикамъ реакціонеровъ.

«Трудно описать впечатлѣніе, произведенное этимъ первымъ покушеніемъ на жизнь императора Александра II,—писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ Н. К. Михайловскій.—Скажу только, что въ это трудное время далеко не всѣ органы печати вели себя удовлетворительно. Казалось бы, назначеніе такого человѣка, какъ гр. Муравьевъ, предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи и предоставленіе ему чрезвычайныхъ полномочій достаточно гарантировали энергію слѣдствія и кару виновныхъ. Но нѣкоторые органы печати сами взяли на себя роль слѣдователей и производили вящую смуту въ обществѣ, разыскивая виновныхъ направо и налѣво, и даже тамъ, гдѣ ихъ, очевидно, быть не могло» [1]). Такимъ добровольцемъ сыска, самымъ опаснымъ и злобнымъ сдѣлался въ это время Катковъ. Извѣстно, что онъ самого Муравьева склоненъ былъ упрекнуть въ недостаткѣ энергіи и распорядительности [2]); однако, по части сыска рвеніе и энергія Муравьева были давно извѣстны. «Мои силы уже слабы, я боленъ и старъ,—заявилъ Муравьевъ на обѣдѣ, данномъ ему въ англійскомъ клубѣ,—но я скорѣе лягу костьми, чѣмъ оставлю неоткрытымъ это зло, зло не одного человѣка, а многихъ, дѣйствующихъ въ совокупности». Послѣ обѣда Муравьевъ, пользуясь присутствіемъ Некрасова, сталъ указывать на вредныя ученія, распространяемыя журналами въ обществѣ, на ядъ, прививаемый молодому поколѣнію. И Некрасовъ, говорятъ, повторялъ за Муравьевымъ: «Да, ваше сіятельство, надо вырвать это зло съ корнемъ» [3]).

Началась ужаснѣйшая травля, лучше всего описанная, впослѣдствіи, Салтыковымъ въ мастерскомъ очеркѣ: «Ташкентцы, обратившіеся внутрь». Обыскивали и хватали кого попало. Нѣкоторые литераторы, какъ, напримѣръ, Курочкинъ, Зайцевъ и др., отсидѣли въ одиночномъ заключеніи ни за что, ни про что по нѣскольку мѣсяцевъ, пока, наконецъ, неприкосновенность ихъ къ революціоннымъ огранизаціямъ была выяснена. Но несмотря на полную безцеремонность сыска и на всѣ чрезвычайныя мѣры, на широкую помощь публики, въ концѣ концовъ выяснено было лишь существованіе въ Москвѣ ничтожнаго кружка молодыхъ революціонеровъ, числомъ *менѣе* 20 человѣкъ, къ которому принадлежалъ и Каракозовъ. Кружокъ этотъ образовался еще въ 1863 году преимущественно изъ студентовъ и во главѣ его стоялъ двоюродный братъ Каракозова—Ишутинъ. Мечталъ этотъ кружокъ о соціально-революціонномъ переворотѣ и для осуществленія его выработалъ программу, предполагавшую слѣдующія дѣйствія: 1) пропаганду среди сельскаго населенія, съ объявле-

---

[1]) „Литературныя воспоминанія и современная смута“, т. I, стр. 18.
[2]) *Невѣдѣнскій* „Катковъ и его время“, стр. 497.
[3]) Тамъ же, стр. 494.

ніемъ, что земля составляетъ собственность всего народа; 2) возбужденіе крестьянъ противъ землевладѣльцевъ, дворянства и противъ властей; 3) устройство разныхъ школъ, артелей, мастерскихъ, переплетныхъ, швейныхъ и иныхъ ассоціацій, дабы при помощи ихъ сближаться съ народомъ и внушать ему ученіе соціализма; 4) заведеніе въ провинціи библіотекъ, безплатныхъ школъ и разныхъ обществъ, на началахъ коммунизма для привлеченія и подговленія новыхъ членовъ, съ тѣмъ, чтобы провинціальные кружки стояли въ зависимости отъ центральнаго общества въ Москвѣ и получали отъ него направленіе; 5) распространеніе въ народѣ соціалистическихъ ученій черезъ воспитанниковъ семинарій и сельскихъ учителей; 6) соціально-революціонная пропаганда на Волгѣ, пользуясь удобствомъ пароходныхъ сообщеній. Въ *будущемъ* предполагалось раздѣлить тайное общество на отдѣлы, съ различными наименованіями: «взаимнаго вспомоществованія», «переводчиковъ и переводчицъ», «поощренія частнаго труда». Отдѣлы эти должны были быть облечены въ законную форму и получить правительственную санкцію. Московскій кружокъ намѣревался войти въ близкія сношенія съ другими, подобными же кружками въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ и постепенно распространить свою агитаціонную дѣятельность на всю Имперію.

Но это все были однѣ только предположенія, едва намѣченныя и далекія отъ осуществленія, несмотря на двухлѣтнія конспираціи [1]). Каракозовъ былъ казненъ, а прочіе члены Ишутинскаго кружка были приговорены верховнымъ уголовнымъ судомъ на разные сроки въ каторжныя работы [2]).

Многіе были разочарованы такимъ ничтожнымъ результатомъ грандіозныхъ поисковъ Муравьева. Онъ и самъ былъ, видимо, недоволенъ и, уѣхавъ къ себѣ въ деревню, скоропостижно умеръ, не дождавшись брилліантовыхъ знаковъ Андрея Первозваннаго, посланныхъ ему въ награду за его дѣятельность [3]). Незначительность открытой Муравьевымъ революціонной организаціи не помѣшала, однако же, укорененію тупой и упорной реакціи, которая наступила на другой же день послѣ каракозовскаго покушенія. На Александра это покушеніе произвело неизгладимое впечатлѣніе и враги преобразованій воспользовались имъ какъ нельзя лучше. 4-го апрѣля 1866 г. Каракозовъ стрѣлялъ въ Александра, а 5-го апрѣля въ засѣданіи комитета министровъ оберъ-прокуроръ синода, извѣстный реакціонеръ гр. Д. А. Толстой, сдѣлалъ

---

[1]) *Татищевъ*, н. с. т. II, стр. 583—584.

[2]) „За сто лѣтъ“ *Бурцева*, ч. II, стр. 68 и 69. Въ апрѣльской книжкѣ „Былого“ за 1906 г. напечатаны интересныя воспоминанія *П. И. Вейнберга* о 4 апрѣля 1866 г. и статья „Каракозовскій процессъ“ Д. В. Стасова, который самъ участвовалъ въ этомъ процессѣ въ качествѣ защитника одного изъ подсудимыхъ.

[3]) *Невѣдѣнскій*, стр. 498.

рѣшительное нападеніе на министра народнаго просвѣщенія Головнина по вопросу о начальномъ образованіи въ юго-западныхъ губерніяхъ [1]). Александръ, которому послѣ выстрѣла Каракозова со всѣхъ сторонъ твердили о неблагонамѣренномъ настроеніи умовъ учащейся молодежи, не только согласился съ мнѣніемъ Толстого по этому частному вопросу, но и рѣшилъ тогда же замѣнить имъ Головнина.

Толстой былъ давній противникъ Головнина и имѣлъ готовую политическую программу. Онъ былъ директоромъ департамента въ министерствѣ народнаго просвѣщенія еще при Путятинѣ и покинулъ этотъ постъ тотчасъ же послѣ того, какъ Головнинъ назначенъ былъ министромъ [2]). Онъ давно имѣлъ прочно установившуюся репутацію реакціонера: еще въ пятидесятыхъ годахъ, служа въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, Толстой отличился жестокимъ гоненіемъ на католиковъ. Во время разработки крестьянской реформы онъ досталъ частнымъ образомъ проектъ крестьянскаго положенія у одного изъ членовъ редакціонныхъ комиссій и написалъ на него рѣзкую критику, приводившую въ восторгъ крѣпостниковъ. Однако, когда эта записка Толстого была, по его просьбѣ, доставлена Александру, то Александръ украсилъ ее слѣдующей резолюціей: «*Это не мнѣніе, а пасквиль, доказывающій въ авторѣ или неблагонамѣренность, или совершенное незнаніе дѣла*» [3]). Все это, однако же, не помѣшало Толстому попасть въ 1864 г. на постъ оберъ-прокурора синода; теперь же его реакціонные взгляды помогли ему одержать побѣду надъ Головнинымъ. Выборъ Толстого несомнѣнно доказывалъ побѣду реакціонныхъ стремленій надъ либеральными въ умѣ самого Александра.

За одно съ Головнинымъ уволены были петербургскій генералъ-губернаторъ Суворовъ и шефъ жандармовъ кн. Долгоруковъ, признанный устарѣлымъ. Вмѣсто Суворова былъ назначенъ, но уже не генералъ-губернаторомъ, а оберъ-полицеймейстеромъ столицы, ген. Треповъ, отличившійся при подавленіи польскаго мятежа. Вмѣсто князя Долгорукова на должность шефа жандармовъ былъ призванъ энергичный и молодой генералъ изъ придворныхъ аристократовъ, гр. П. А Шуваловъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, по высочайшему повелѣнію прекращены были навсегда, признанные распространителями вредныхъ идей: «Современникъ» и «Русское Слово». Наконецъ, 15-го мая данъ былъ торжественный и велерѣчивый рескриптъ на имя предсѣдателя комитета министровъ, князя П. П. Гагарина, въ которомъ всѣ вѣдомства, сословія и частныя лица въ домашнемъ

---

[1]) *Татищевъ*, т. II, стр. 261 и слѣд.
[2]) Тамъ же, стр. 8.
[3]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія“, т. III стр. 141—143.

быту приглашались къ охранительной дѣятельности и къ борьбѣ съ тлетворными идеями, направленными противъ религіи, собственности и государственнаго порядка [1]).

Тупая и упорая реакція прочно водворилась въ Россіи на много лѣтъ!

А. Корниловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Тамъ же, стр. 8—10.

Крестьянинъ коммунистъ.

(Воспоминанія о Василіи Кирилловичѣ Сютаевѣ) [1].

Въ первый разъ я встрѣтился съ Сютаевымъ въ 1888 году лѣтомъ, въ Ясной Полянѣ у Л. Н. Толстого. Трудно было повѣрить, что ему уже почти 70 лѣтъ. Онъ былъ, правда, совсѣмъ сѣдой, и лицо было въ морщинахъ, но живые добрые глаза, жесты, голосъ, манера держаться—все это было совсѣмъ еще молодое, полное жизни. Здѣсь, въ Ясной Полянѣ, мнѣ приходилось видѣться съ нимъ недолго, такъ какъ онъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ моего пріѣзда уѣхалъ. Но и тогда въ эту короткую встрѣчу онъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе, какъ человѣкъ совершенно чуждый повседневнымъ мелочамъ жизни, какъ человѣкъ, дѣйствительно, „алчущій и жаждующій правды". Это страстное исканіе правды проявлялось во всемъ: и въ глазахъ, и въ оттѣнкѣ голоса, и въ самыхъ оборотахъ рѣчи. Кромѣ того, поражало его ласковое, любовное отношеніе ко всякому человѣку, съ которымъ онъ встрѣчался.

Вторично встрѣтиться съ Вас. Кир. мнѣ пришлось зимою въ 1890 году въ земледѣльческой общинѣ, устроенной въ Тверской губерніи интеллигентами, послѣдователями ученія Л. Н. Толстого о необходимости жить, кормясь трудами своихъ рукъ. Деревня Шевелино, въ которой жилъ Сютаевъ, находилась въ 80 верстахъ отъ этой общины. Вас. Кир. пришелъ въ общину пѣшкомъ, не взирая ни на свои 70 лѣтъ, ни на стужу и трудную, плохо наѣзженную проселочную дорогу. Въ общинѣ онъ пробылъ 3 дня и въ это время я имѣлъ полную возможность познакомиться съ его взглядами. Къ сожалѣнію, передать дословно его бесѣды я не могу, такъ

---

[1]) Напомнимъ читателю, что Сютаевъ крестьянинъ, Тверской губ., о которомъ упоминаетъ съ большой любовью въ своихъ сочиненіяхъ Л. Н. Толстой, а А. С. Пругавинъ написалъ о немъ и его послѣдователяхъ большую статью, напечатанную въ сборникѣ „Религіозные отщепенцы". Какъ великъ былъ въ свое время интересъ, вызванный личностью Сютаева, видно также изъ того, что Рѣпинъ написалъ его портретъ, находящійся въ Третьяковской галлереѣ, и что имя Сютаева попало въ энциклопедическій словарь.

какъ въ это время не записалъ ихъ, и потому принужденъ излагать лишь сущность этихъ бесѣдъ, поскольку въ нихъ сказалось его міровоззрѣніе.

Василій Кирилловичъ самъ про себя говорилъ: „я былъ жалостливымъ ребенкомъ, какъ увижу, бывало, какое горе или несчастье, такъ и хочется пособить“. Такимъ онъ выросъ, такимъ состарился и померъ. Жалостливость, любовь къ людямъ была основной чертой его характера. Съ ранней юности Сютаевъ начинаетъ искать праведной жизни. Это становится главнымъ дѣломъ его жизни и, къ чему бы оно его не привело, онъ ни передъ чѣмъ не отступаетъ. Онъ учится читать и ищетъ въ Евангеліи отвѣта на тѣ вопросы, которые его больше всего занимаютъ, — откуда страданіе, горе и какъ пособить, какъ уничтожить людскія бѣдствія, какъ сдѣлать жизнь болѣе счастливой. Не гордость или самомнѣніе управляли имъ въ его исканіяхъ, а исключительно его доброе сердце, исключительно лишь одно горячее желаніе помочь людямъ. Онъ исходилъ изъ того положенія, что Евангеліе дано людямъ для того, чтобы они, руководясь имъ устроили свою жизнь на началахъ любви и правды, и видя, что никто и не думаетъ о такомъ устройствѣ жизни, онъ рѣшилъ, что навѣрное люди не знаютъ или не понимаютъ Евангелія. Тотъ кругъ людей, въ которомъ онъ вращался, дѣйствительно, не зналъ Евангелія, и потому онъ имѣлъ полное основаніе сдѣлать такое заключеніе. Но и самъ Вас. Кир., ознакомившись съ Новымъ Завѣтомъ, встрѣчаетъ въ немъ много неяснаго, непонятнаго. Къ кому обратиться за разъясненіемъ? Конечно, къ мѣстному священнику. Такъ онъ и дѣлаетъ; но между нимъ и священникомъ происходитъ цѣлый рядъ странныхъ недоразумѣній, ведущихъ за собою полный разрывъ. Для Сютаева, какъ и вообще для всякаго крестьянина разорвать съ духовенствомъ, это значило разорвать съ православной церковью. Онъ пересталъ исполнять ея обряды и предписанія, потому что не понималъ ихъ значенія. Какъ человѣкъ искренній и серьезный, онъ не могъ удовольствоваться фразой: „такъ дѣлали наши отцы“; такое отношеніе кажется ему преступнымъ индиферентизмомъ, а онъ, готовый отдать все, даже самую жизнь, лишь бы найти правду, конечно, не можетъ ни къ чему, касающемуся вѣры, относиться индиферентно. Но Сютаевъ не сталъ углубляться въ тонкія изысканія для подтвержденія ненужности обрядовъ, этому онъ не придавалъ особаго значенія; напротивъ, онъ всякую минуту готовъ примириться съ церковью, лишь бы ему показали, что ея требованія необходимы для блага людей. Разорвавъ съ духовенствомъ, Вас. Кир. былъ предоставленъ самому себѣ, онъ могъ надѣяться только на себя, совѣта и разъясненія спросить было уже не у кого. Въ Евангеліи его вниманіе останавливается прежде всего на томъ, что отвѣчаетъ идеаламъ его собственной души, идеаламъ той среды, въ которой онъ живетъ. Его по-

разилъ 32 стихъ IV главы Дѣяній Апостоловъ: „У множества же увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа: и никто нечего изъ имѣнія своего, не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее". Этотъ стихъ становится краеугольнымъ камнемъ его міровоззрѣнія. Надо устроить жизнь такъ, чтобы все было общее.

Было бы ошибочно, какъ мнѣ кажется, думать, что мысль объ общей жизни возникла у Сютаева, исключительно, благодаря Евангелію. Мы знаемъ, что всякій, допускающій свободное толкованіе Новаго Завѣта беретъ изъ него, какъ изъ неисчерпаемой сокровищницы преимущественно то, что отвѣчаетъ потребностямъ его души. Такъ, напримѣръ, Пашковъ и его послѣдователи обратили свое вниманіе преимущественно на ученіе ап. Павла о спасеніи черезъ вѣру въ искупленіе; Л. Н. Толстой главное значеніе придалъ нагорной проповѣди и преимущественно тому мѣсту, гдѣ говорится о непротивленіи злу. Сютаевъ же остановился, какъ мы сказали, на ст. 32, 4-ой главы Дѣяній Апостоловъ, говорящей объ общности имуществъ у всѣхъ вѣрующихъ. Итакъ мы видимъ, что исходный пунктъ, опредѣляющій міровоззрѣніе Сютаева, надо искать не въ Евангеліи, а въ идеалѣ общинной жизни, глубоко коренящемся въ душѣ лучшихъ представителей крестьянской среды.

Но все же въ Новомъ Завѣтѣ для Сютаева осталось много непонятнаго, много темнаго, что необходимо было разъяснить и понять, и надъ этимъ Вас. Кир. трудится всю свою жизнь.

Въ 1881 году, когда его видѣлъ Пругавинъ, для Сютаева еще много казалось непонятнымъ, неяснымъ; въ то время онъ еще не выработалъ, повидимому, того пріема, который онъ примѣнилъ впослѣдствіи къ толкованію Новаго Завѣта. Этотъ пріемъ состоялъ въ томъ, что Сютаевъ видѣлъ въ Св. Писаніи рядъ символовъ, которые онъ объяснялъ такъ, какъ это подходило подъ его міровоззрѣніе.

Придя къ такому способу понимать Новый Завѣтъ, Сютаевъ не отступалъ ни передъ какими трудностями; напротивъ, наиболѣе трудныя для пониманія мѣста, какъ наприм. Апокалипсисъ, особенно привлекали его вниманіе.

Мало-по-малу у Сютаева сложился тотъ взглядъ, что Св. Писаніе объясняетъ и описываетъ природу человѣка, а также и устройство окружающаго насъ міра; по его мнѣнію природа человѣка и вселенной совершенно подобны другъ другу. Это подобіе онъ видѣлъ въ довольно грубыхъ аналогіяхъ; такъ напр., звѣзды онъ сравнивалъ съ глазами; солнце—съ разумомъ, землю—съ тѣломъ. Объясняя природу человѣка и вселенной, Св. Писаніе, по мнѣнію Сютаева, объясняло и тѣ законы, по которымъ долженъ жить человѣкъ. Эта идея о параллелизмѣ между человѣкомъ, вселенной и Св. Писаніемъ свойственна нѣкоторымъ нашимъ сектантамъ и

трудно сказать, возникла ли она у Вас. Кир. самостоятельно или же была случайно имъ гдѣ-либо услышана и воспринята отъ другихъ. Собственно, для его главной мысли объ общей жизни, она не была необходима, но примѣненіе этой идеи и толкованіе на основаніи ея самыхъ темныхъ мѣстъ Новаго Завѣта всецѣло принадлежитъ Сютаеву. Иногда оно поражало своею почти дѣтской наивностью, а иногда оригинальностью и глубиной.

Приведу нѣсколько примѣровъ, поясняющихъ способъ Сютаева толковать Св. Писаніе.

Евангельскій разсказъ о бракѣ въ Канѣ Галилейской и превращеніи воды въ вино Сютаевъ толковалъ слѣдующимъ образомъ. Бракъ въ Канѣ Галилейской означаетъ крещеніе въ новую жизнь по духу; шесть каменныхъ водоносовъ означаютъ шесть частей человѣческаго тѣла: голову, туловище, 2 руки и 2 ноги; вино, которымъ оказались наполненными эти водоносы, означаетъ добрыя дѣла, которыя творитъ человѣкъ, вступивъ въ новую жизнь по духу.

Какъ я уже сказалъ, Вас. Кир. не страшился пускаться и въ толкованіе Апокалипсиса. Различныя числа, встрѣчающіяся тамъ, онъ пріурочивалъ къ человѣческому тѣлу. Напр., семь церквей онъ объяснялъ семью главными внутренностями (мозгъ, легкія, сердце, печень, селезенка, желудокъ, кишечникъ); 24 старца означаютъ 24 ребра и пр., все въ этомъ родѣ.

Приведу еще одинъ примѣръ, показывающій, какъ даже, повидимому, наиболѣе простыя мѣста Сютаевъ умѣлъ перетолковывать по своему. Какъ-то разъ мой знакомый спросилъ его: „Василій Кир., къ чему это у ап. Павла сказано, что мужчины должны стоять въ церкви съ непокрытой головой, а женщины съ покрытой?“—„Ахъ, другъ, какъ это ты все по буквѣ, да по буквѣ,—отвѣчаетъ Сютаевъ.—Надо вѣдь разобрать, что къ чему. Мужъ что означаетъ? Онъ означаетъ солнце... А жена? Жена—землю. Ну, теперь и самъ видишь, къ чему это. Земля-то должна быть покрыта травой, хлѣбомъ, лѣсомъ, не быть голой, а солнце, не закрытое облаками, должно освѣщать землю; мужъ означаетъ разумъ, жена—тѣло. Тѣло должно быть прикрыто, а разумъ, не прикрытый, долженъ освѣщать, руководить тѣло“.

Но главный интересъ въ Новомъ Завѣтѣ для Сютаева представляли, конечно, не эти аналогіи, а тѣ мѣста, которыя такъ или иначе можно отнести къ общинной жизни. Такую жизнь онъ называлъ „жизнью по духу“, теперешній же строй „жизнью по плоти“. Въ этомъ же смыслѣ онъ и понимаетъ тѣ многія мѣста изъ посланій ап. Павла, гдѣ говорится о жизни по плоти и жизни по духу. Теперешній строй жизни, основанный на раздѣленіи имуществъ, служитъ, по мнѣнію Сютаева, не только источ-

никомъ горя и страданій, но также и источникомъ зла и грѣха между людьми. Въ подтвержденіе этой мысли онъ приводитъ стихи 19, 20, 21, 5-ой главы „Посланія къ галатамъ“: „Дѣла плоти извѣстны: они суть прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, непотребство, идолослуженіе, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, разногласія (соблазны), ереси, ненависть, убійство, пьянство, безчинство и т. п.“. Напротивъ того, жизнь по духу, т. е. жизнь основанная на общности имуществъ, не только уничтожитъ бѣдствія и нужду, но и сдѣлаетъ людей болѣе совершенными, какъ это говорится въ той же главѣ „Посл. къ гал.“ въ ст. 22 и 23: „Плодъ же духа: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе“.

Всякое дѣло, по мнѣнію Сютаева, можно дѣлать по плоти и по духу. Если человѣкъ, совершая тотъ или другой поступокъ, не заботится о приближеніи и торжествѣ общинной жизни, то онъ поступаетъ по плоти, если же онъ имѣетъ въ виду эту общинную жизнь, то онъ дѣйствуетъ по духу. Какъ широко распространялъ эту мысль Вас. Кир., видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Идетъ онъ по дорогѣ и видитъ крестьянина, который боронитъ. Сютаевъ останавливается и ждетъ, пока крестьянинъ не подъѣдетъ къ нему.—„Вотъ и неладно боронишь“, говоритъ онъ поравнявшемуся крестьянину.—„Какъ неладно, почему такъ?“—спрашиваетъ онъ удивленно. „Ты долженъ ѣздить не по одной своей полоскѣ, а по всѣмъ, долженъ боронить не по плоти, а по духу“. Иногда крестьянинъ останавливался и начиналась оживленная бесѣда, но иногда, махнувъ рукой, онъ ѣхалъ прочь; послѣднее всегда очень огорчало Сютаева.

Какъ-то разъ сыновья Сютаева похвалились при немъ, что они продаютъ огурцы безъ обману, не такъ, какъ другіе торговцы, которые кладутъ сверху хорошіе, а внизу оставляютъ плохіе огурцы; что они дѣлаютъ какъ разъ наоборотъ: сверху кладутъ плохіе, а внизу хорошіе огурцы.— „Вотъ и неправда: обманываете народъ, неладно дѣлаете, протестуетъ Вас. Кир.,—по плоти дѣлаете. Вы должны поступать по духу: вывезли вы огурцы на базаръ и если кто-нибудь подходитъ и спрашиваетъ: „по чемъ огурцы?“, то вы должны отвѣтить: „Возьми, сколько тебѣ надо, а мы, если намъ что понадобится, чего у насъ нѣтъ, возьмемъ у тебя, если у тебя лишнее будетъ. Вотъ какъ по любви то надо поступать“.

Зашелъ какъ-то Сютаевъ ко мнѣ въ пріемную и присутствовалъ при отпускѣ мною больныхъ. По прошествіи нѣкотораго времени лицо его приняло скорбное выраженіе. „Неладно лечишь“,—говоритъ онъ.—„Отчего неладно?“, спрашиваю я. „Ты долженъ проповѣдывать, долженъ научить людей, чтобы они жили не по плоти, а по духу, а такъ твое леченіе не приноситъ никакой пользы“.

Къ простой благотворительности, къ такъ называемому доброму дѣлу, Сютаевъ относился отрицательно, если только дѣлающій добро, вмѣстѣ съ тѣмъ, не учитъ, что люди живутъ не такъ, какъ нужно, если онъ, говоря иначе, дѣлая добро, не проповѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ общинной жизни.

Самъ Сютаевъ проповѣдывалъ свои взгляды всегда и вездѣ. Иногда онъ употреблялъ для этого неожиданные и оригинальные пріемы. Старшину, который являлся за податями, онъ всегда называлъ воромъ и грабителемъ. Какъ то разъ старшина подалъ на него за это въ судъ. На судѣ Вас. Кир. попросилъ позволенія задать старшинѣ одинъ вопросъ:— „А скажи, чей на тебѣ кафтанъ?“, спрашиваетъ онъ старшину.—„Какъ чей, конечно мой“, самоувѣренно отвѣчаетъ тотъ.—„Ну вотъ, господа судьи“, говоритъ торжествующій Сютаевъ, какъ человѣкъ, которому вполнѣ удалось доказать свое мнѣніе,—„развѣ онъ не воръ, вѣдь онъ Бога обокралъ. Кафтанъ то вѣдь Божій, а онъ говоритъ: „мой“.

Какъ поступки людей, такъ и ихъ взаимныя отношенія Сютаевъ подраздѣлялъ на плотскія и духовныя. Родственнымъ связямъ онъ не придавалъ особаго значенія. Родными между собою по духу онъ признавалъ тѣхъ людей, которые согласны начать новую жизнь, основанную на общности имущества. Онъ серьезно упрекалъ Л. Н. Толстого за то, что тотъ не отдалъ своего имѣнія тѣмъ, кто устроилъ бы тамъ жизнь—„по духу“, т. е. общину.—„Кому ты отдалъ имѣнье, говорилъ онъ Л. Н.—дѣтямъ, женѣ. Развѣ онѣ тебѣ родные, развѣ онѣ живутъ по духу? А если онѣ живутъ по плоти, не родные онѣ тебѣ“.

Я уже говорилъ о томъ, что Сютаевъ былъ человѣкомъ вполнѣ цѣльнымъ; онъ совершенно не понималъ, что слово и мысль могутъ расходиться съ дѣломъ. Самъ онъ отдалъ всю свою жизнь для осуществленія и торжества своихъ вѣрованій. Убѣдившись въ томъ, что торговля—грѣховное дѣло, онъ бросаетъ ее, рветъ векселя и раздаетъ деньги; онъ оставляетъ открытыми амбары, отказывается платить подати, значенія которыхъ онъ не понимаетъ; онъ одобряетъ сына, отказавшагося отъ исполненія воинской повинности. Но окружающая его жизнь была сильнѣе усилій одного лица, и онъ сталъ опять запирать амбары, аккуратно платить подати; его сынъ сталъ отбывать воинскую повинность. Эти неудачи заставили Сютаева глубоко призадуматься.

Несомнѣнно, что высшій строй жизни можетъ быть достигнутъ лишь въ томъ случаѣ, когда люди становятся лучше, но съ другой стороны, низшій строй общества всегда оказываетъ давленіе и становится непреодолимымъ препятствіемъ на пути нравственнаго прогресса людей, входящихъ въ данное общество. Эту простую истину люди очень рѣдко со-

знаютъ всю цѣликомъ; въ большинствѣ случаевъ одни готовы видѣть источникъ всѣхъ золъ въ нравственномъ несовершенствѣ людей, а другіе въ неблагопріятныхъ условіяхъ общественной жизни. Одни говорятъ: „Перемѣнитесь, сдѣлайтесь лучше, не дѣлайте зла и строй жизни самъ собою перемѣнится". Другіе говорятъ: „Измѣните, улучшите общественныя условія, уродующія людей и люди станутъ лучше". Представителемъ людей перваго взгляда является Л. Н. Толстой. По его мнѣнію, общій строй жизни улучшится только въ томъ случаѣ, если большинство людей будутъ поступать согласно нравственнымъ законамъ, яснѣе всего выраженнымъ въ нагорной проповѣди. Сютаевъ сначала, можетъ быть, безсознательно, держался, повидимому, тѣхъ же взглядовъ. Онъ хотѣлъ самъ измѣнить свою жизнь соотвѣтственно своимъ нравственнымъ идеаламъ, но когда опытъ доказалъ ему, что общій складъ жизни сильнѣе единичныхъ усилій отдѣльной личности, то онъ измѣнилъ свое мнѣніе и всецѣло сталъ на сторону противоположныхъ воззрѣній. Мы видѣли, что онъ, опираясь на 19, 20, 21 стихи 5-ой главы Посл. къ Галатамъ, всѣ пороки людей объяснялъ жизнью по плоти, т. е. жизнью, основанною на раздѣленіи. „Нельзя спасаться одному, надо спасаться міромъ, такъ формулировалъ онъ результаты своихъ опытовъ и неудачъ. И съ этихъ поръ его помыслы и дѣйствія направлены уже въ эту сторону. Онъ старается устроить общину, но община не склеивается, и дѣло кончается судомъ съ однимъ изъ бывшихъ общинниковъ; тогда онъ убѣждаетъ своихъ односельчанъ устроить общій хорошій курятникъ, чтобы хотя на этомъ маломъ примѣрѣ показать имъ всю выгоду общинной жизни. „Можно будетъ, доказывалъ онъ, выстроить теплый большой курятникъ и всю зиму куры будутъ у насъ нести яйца, и не будетъ между нашими бабами никакихъ ссоръ изъ-за куръ". Но его односельчане не согласились даже и на устройство общаго курятника. Видя безрезультатность своихъ убѣжденій, Сютаевъ рѣшаетъ, что его не слушаются отъ того, что они не знаютъ и не понимаютъ Евангелія. Онъ старается его толковать, но и въ этомъ отношеніи не имѣетъ большого успѣха. Другое дѣло, думаетъ онъ, если бы Евангеліе толковали люди, имѣющіе авторитетъ въ глазахъ населенія; и вотъ онъ крѣпко задумывается надъ тѣмъ, какъ сдѣлать такъ, чтобы священники и власть имущіе толковали Евангеліе надлежащимъ образомъ, т. е. такъ, какъ понимаетъ его онъ, Сютаевъ. Наконецъ, простое, повидимому, рѣшеніе приходитъ ему въ голову: надо итти къ Царю, источнику всякой власти и просить его, чтобы онъ для блага народа велѣлъ толковать Евангеліе согласно пониманію Сютаева. Такъ какъ мысль у Вас. Кир. никогда не расходилась съ дѣломъ, то онъ и отправился въ Петербургъ. Конечно, къ Государю его не допустили и, сочтя психически больнымъ, хотя и безвреднымъ, отправили на родину.

Вас. Кир. былъ вполнѣ увѣренъ, что, если бы его допустили къ Царю, то вся наша жизнь пошла бы совсѣмъ по другому. „Не допустили“, такъ оканчивалъ онъ свой разсказъ о попыткѣ свидѣться съ Государемъ. „А если бы допустили, то ли бы теперь было!“ самоувѣренно прибавлялъ онъ, поглядывая на всѣхъ своимъ добрымъ, дѣтски наивнымъ взглядомъ. Это произошло лѣтомъ въ 1888 году, т. е. въ то время, когда Сютаеву было далеко за 60 лѣтъ. Всякаго другого всѣ эти неудачи сломили бы и заставили отчаяться въ успѣхѣ своего дѣла. Но не таковъ былъ Сютаевъ. Въ его головѣ уже созрѣвалъ новый планъ: онъ рѣшилъ, подобравъ компанію единомышленниковъ, устроить поселокъ на общинныхъ началахъ, чтобы показать людямъ на примѣрѣ, какъ надо жить согласно Евангелію.

Вас. Кир. считалъ, что есть два пути для достиженія общинной жизни. Одинъ путь—широкая проповѣдь отъ лица авторитетныхъ и власть имущихъ людей (потому то онъ и возлагалъ такую большую надежду на свиданіе съ Государемъ). Другой путь—устройство жизни, хотя бы небольшимъ кружкомъ на началахъ общности имущества. Выгоды такой жизни казались ему столь очевидными, что онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что люди быстро станутъ примыкать къ этому небольшому въ началѣ ядру, такъ какъ оно быстро начнетъ расти и общинная жизнь станетъ распространяться по всей землѣ. „Какъ бабочки на свѣтъ, всѣ пойдутъ на такую жизнь“, говорилъ онъ. Преимущества проповѣдуемаго имъ строя онъ видѣлъ не только въ нравственномъ, но и въ экономическомъ отношеніи. Масса безполезнаго труда, необходимаго теперь, тогда исчезнетъ; не нужно будетъ, напримѣръ, изгородей, не будетъ межъ; можно завести на цѣлую деревню одну общую кухню и, такимъ образомъ, тяжелый женскій трудъ значительно облегчится. Онъ даже мечталъ о большихъ каменныхъ домахъ, его воображенію рисовались прекрасные общественные сады. Какъ только исчезнетъ, такимъ образомъ, нужда и раздѣленіе, то сами собою прекратятся и ссоры, воровство, грабежи, убійства, которые, по мнѣнію Сютаева, всѣ происходятъ отъ нужды. Думалъ ли онъ надъ тѣмъ, какъ сложится на практикѣ жизнь въ предполагаемой имъ общинѣ, я не берусь сказать. Я лично никогда не слыхалъ отъ него разсужденій на эту тему. Повидимому, онъ былъ увѣренъ въ томъ, что членамъ общины достаточно повѣрить въ его толкованіе Евангелія, чтобы ихъ жизнь пошла гладко и ровно, не нуждаясь ни въ какихъ искусственныхъ мѣрахъ для поддержанія необходимаго порядка.

Изложенное нами вполнѣ коммунистическое міровоззрѣніе Сютаева родилось и выношено имъ въ деревнѣ; оно не навѣяно кѣмъ-либо извнѣ, оно, какъ я уже упомянулъ, есть лишь болѣе ясная формулировка тѣхъ идеаловъ, которые, не умирая, живутъ въ человѣчествѣ и среди нашего

крестьянства. И не даромъ Сютаевъ основываетъ свои взгляды на Евангеліи. Вѣдь стремленіе къ справедливому устройству жизни на землѣ, къ тому, чтобы не было ни голодныхъ, ни раздѣтыхъ, чтобы между людьми царило равенство и любовь,—это и есть то, что по преимуществу можетъ быть названо религіознымъ содержаніемъ нашей души.

Итакъ Сютаевъ, какъ мы сказали, рѣшилъ устроить общину. Однако время шло, а компанія не набиралась; но вотъ онъ узнаетъ, что всего въ 80 верстахъ есть люди, устроившіе свою жизнь на общинныхъ началахъ. Узнавъ это, онъ немедленно отправляется къ нимъ пѣшкомъ; онъ такъ спѣшитъ, что даже не беретъ паспорта, а потому не успѣлъ онъ прожить у интеллигентовъ и трехъ дней, какъ становой приставъ велитъ ему немедленно уѣхать, грозя въ противномъ случаѣ выселить его по этапу.

Уѣзжая, Сютаевъ рѣшилъ вернуться въ общину лѣтомъ съ тѣмъ, чтобы пожить въ ней подольше, а можетъ быть, и совсѣмъ въ нее перебраться. И дѣйствительно, въ началѣ іюня онъ пріѣхалъ туда съ дочерью Домной и внукомъ. Онъ пробылъ въ общинѣ все лѣто. Я жилъ въ это время верстахъ въ 15 у одного знакомаго, и мы часто встрѣчались съ Вас. Кир. Если въ прежнія наши встрѣчи я имѣлъ возможность познакомиться съ ученіемъ Сютаева, то теперь я узналъ его ближе, какъ человѣка. Въ немъ не было ничего необыкновеннаго, ничего выдающагося, ничего такого, что бросалось бы въ глаза. Это былъ, повидимому, самый обыденный человѣкъ; однако, онъ былъ человѣкъ въ истинномъ, лучшемъ смыслѣ этого слова.

Поселившись въ общинѣ, Вас. Кир. чуть ли не на другой же день принялся за работу и работалъ, можно сказать, не покладая рукъ. Онъ отличался мягкостью и полною неспособностью покорять и подчинять себѣ людей. Это было его достоинствомъ, какъ человѣка и недостаткомъ, какъ проповѣдника. Но обычное, спокойное и добродушное настроеніе никогда его не покидало. Онъ всегда готовъ былъ вѣрить, что каждый, встрѣчающійся съ нимъ человѣкъ такъ же серьезно относится къ вопросамъ о лучшей жизни, какъ и онъ самъ. Несерьезнаго, легкомысленнаго отношенія онъ, повидимому, даже и не замѣчалъ. Не разъ случалось, что его оригинальныя толкованія Новаго Завѣта и въ особенности анатомическое толкованіе Апокалипсиса вызывало въ слушателяхъ интеллигентахъ взрывъ дружнаго хохота. Но этотъ смѣхъ не обижалъ его. Онъ продолжалъ глядѣть на всѣхъ добродушно и снисходительно; ему, какъ будто было просто жаль этихъ молодыхъ людей, неспособныхъ понять такихъ простыхъ и важныхъ вещей.

Злобнаго чувства онъ, казалось, совсѣмъ не могъ испытывать. Меня всегда поражало отсутствіе всякой злобы въ его голосѣ и выраженіяхъ,

когда онъ разсказывалъ о такихъ вещахъ, какъ напр., тотъ случай, когда крестьяне чуть было его не утопили [1]). Для него это происшествіе служило лишь подтвержденіемъ его взглядовъ: „Вотъ до какой степени озвѣренія можетъ дойти человѣкъ, живущій по плоти", думалъ онъ. Виноваты, значитъ, были не люди, а строй ихъ жизни и та тьма, въ которой они находятся, и значитъ нельзя на нихъ сердиться.

Но если Сютаевъ видѣлъ въ человѣкѣ неискренность, двоедушіе, то онъ возмущался до глубины души. Такъ, наприм., ни минуты не колеблясь, онъ заставилъ уйти изъ общины одного, прибывшаго туда интеллигента, который казался ему неискреннимъ и который разговаривалъ больше, чѣмъ работалъ. Двоедушіе, неискренность Сютаеву были совершенно непонятны. Самъ онъ ко всѣмъ своимъ поступкамъ относился въ высшей степени серьезно и другого отношенія не могъ даже себѣ и представить. Я уже указывалъ, что только этою чертою его характера можно объяснить разрывъ Сютаева съ православной церковью: онъ пересталъ вѣрить въ искренность духовенства и порвалъ съ нимъ всякія отношенія. Онъ не понимаетъ значенія обрядовъ и постовъ и потому не исполняетъ ихъ. Но, несмотря на свои многочисленныя неудачи, онъ не переставалъ вѣрить въ человѣческую природу; онъ не переставалъ думать, что люди способны на лучшую жизнь. Такая, ничѣмъ несокрушимая вѣра въ человѣка происходила отъ того, что Сютаевъ совсѣмъ не отдѣлялъ себя отъ другихъ людей. Ему, повидимому, и въ голову не приходило, что большинство людей не похоже на него и неспособно интересоваться тѣми вопросами, которые всецѣло занимали его. Встрѣчаясь съ нимъ довольно часто въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, я никогда не слыхалъ, чтобы онъ думалъ о себѣ или о своихъ личныхъ дѣлахъ. О своемъ личномъ существованіи онъ какъ бы забылъ.

Жизнь интеллигентовъ-общинниковъ сначала очень понравилась Сютаеву. Недоставало имъ, по его мнѣнію, лишь двухъ вещей: во-первыхъ, надо было согласиться съ его способомъ толкованія св. писанія, а во-вторыхъ, надо было оставить безбрачную жизнь, которая тогда была въ общинѣ, отчасти случайно, отчасти подъ вліяніемъ только что вышедшей въ свѣтъ „Крейцеровой Сонаты". Въ этомъ безбрачіи онъ справедливо видѣлъ аскетическое начало, которое ему было совершенно чуждо и непонятно. „Вы должны принести плодъ", говорилъ онъ, понимая это слово въ буквальномъ смыслѣ. Не отказываться отъ счастья и радостей жизни нужно было, по его мнѣнію, а наоборотъ, надо было сдѣлать жизнь болѣе счастливой и пріятной. Въ подтвержденіе своей мысли онъ часто повто-

[1]) Этотъ случай подробно описывается Пругавинымъ въ очеркѣ „Сютаевцы", въ кн. „Религіозные отщепенцы".

рялъ: „У васъ должно быть семь духовъ Божіихъ: святость, любовь, правда, миръ, кротость, радость и веселіе“.

Проживя нѣсколько мѣсяцевъ въ общинѣ, Сютаевъ понялъ, что онъ не въ состояніи установить полное единомысліе съ интеллигентами. Надо замѣтить, что въ общинѣ въ то время, когда тамъ жилъ Сютаевъ, уже почти никого не оставалось, да и пребываніе тѣхъ, кто тамъ жилъ, было непрочно. Въ ихъ душѣ происходила сложная внутренняя работа, которая должна была кончиться полнымъ разрывомъ съ прежнею жизнью. Врядъ ли Вас. Кир. вполнѣ понималъ ихъ душевное настроеніе; но онъ всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ, что у нихъ нѣтъ надлежащаго интереса къ общинной жизни. Это его очень огорчало; но ни разу я не слышалъ отъ него какого либо упрека, или жалобы на нихъ, или недовольства тѣмъ, что даромъ потерялъ столько времени. Осенью, проработавъ все лѣто, онъ уѣхалъ такъ же просто, какъ и пріѣхалъ. Но эта неудача не сломила его и не разочаровала въ возможности устроить общину. Онъ рѣшилъ, что устроитъ ее съ своей семьей и будетъ принимать къ себѣ всякаго, кто пожелаетъ жить „по духу и кто приметъ его толкованіе Евангелія“. Но ему не суждено было осуществить этихъ плановъ: онъ умеръ годъ спустя въ своей деревнѣ Шевелино. Я слышалъ, что его сыновья купили имѣніе и устроили тамъ общину.

В. Рахмановъ.

Воспоминанія.

(Продолженіе [1]).

ГЛАВА VI.

Помѣщичьи нравы передъ эпохой реформъ.

Дядя Максъ: его женоненавистничество и отношеніе къ окружающимъ.—Барышни Тончевы: Милочка, Дія и Ляля.—Месть, устроенная имъ, ихъ крѣпостными.—„Духовитый баринъ".—Семья Воиновыхъ.

Въ двухъ верстахъ отъ нашего имѣнія Погорѣлое проживалъ въ своей усадьбѣ «Городки» мой родной дядя, братъ покойнаго отца, Максимъ Григорьевичъ Цевловскій, котораго моя семья называла «Дядя Максъ». Онъ прославился своимъ отчаяннымъ женоненазистничествомъ. Но онъ не всегда былъ такимъ: до печальнаго инцидента, перевернувшаго всю его жизнь и измѣнившаго его характеръ, онъ имѣлъ большую склонность къ щегольству и мотовству. Онъ постоянно жилъ въ Петербургѣ и только лѣтомъ, да и то не надолго, пріѣзжалъ въ свое имѣніе, отчасти, чтобы отдохнуть отъ разсѣяной жизни въ столицѣ, но прежде всего, чтобы устроить свои дѣла по имѣнію, отдать на срубъ часть своего лѣса (въ его имѣніи было нѣсколько превосходныхъ лѣсовъ), продать весною хлѣбъ и нѣсколькихъ человѣкъ крѣпостныхъ, однимъ словомъ, запастись деньгами.

По разсказамъ моей матери, трудно даже представить, съ какимъ нетерпѣніемъ въ нашихъ краяхъ ожидали пріѣзда Максима Григорьевича. Въ семействахъ, гдѣ были дѣвушки-невѣсты, дома приводили въ порядокъ, вѣшали на окна чистыя занавѣски, а барышни обновляли свои туалеты. Хотя безпутное и разорительное хозяйничанье Максима Григорьевича было у всѣхъ на глазахъ, хотя онъ владѣлъ небольшимъ имѣніемъ, которое съ каждымъ годомъ приходило все въ большій упадокъ, а число крѣпостныхъ душъ постоянно уменьшалось, но барышни пускали

[1]) См. „Минувшіе Годы". Іюль.

въ ходъ всевозможныя хитрости и уловки, чтобы только женить его на себѣ, и ихъ родители тоже были не прочь породниться съ блестящимъ, по внѣшности, человѣкомъ.

Мнѣ говорили, что въ то время, когда я еще не знала его, онъ имѣлъ весьма представительную наружность, былъ ловкимъ танцоромъ, прекрасно говорилъ по французски и всегда одѣвался по модѣ.

И вдругъ этотъ свѣтскій левъ безумно влюбился въ Варю— крѣпостную одного помѣщика. Она была однако грамотной и съ изящными манерами и, исполняя обязанности горничной при дочери помѣщика, кое-чему научилась у своей барышни.

Максимъ Григорьевичъ купилъ Варю, увезъ ее въ свой маленькій деревенскій домикъ, который къ этому времени уже пришелъ въ ветхость, и сталъ жить съ нею, какъ съ женою, обожалъ ее, выполнялъ всѣ ея прихоти, хотя доходы его уже были болѣе чѣмъ скромные, но не пожелалъ жениться на ней даже и тогда, когда у нихъ родилась дочь. Единственно, чего могла добиться отъ него молодая женщина, это то, чтобы онъ далъ ей и ея дочери волю, послѣ чего она, однако, нѣкоторое время еще прожила съ Цевловскимъ.

У нихъ очень рѣдко бывали гости, а сами они совсѣмъ почти никуда не показывались, только Варя раза два въ годъ, и всегда одна, ѣздила въ имѣніе своего прежняго помѣщика, гдѣ у нея были родные. И вдругъ, однажды, Максимъ Григорьевичъ, уѣхавъ на недѣлю-другую, послѣ своего возвращенія не засталъ дома ни своей маленькой дочери, которую нѣжно любилъ, ни Вари. Письмо, которое она оставила ему, начиналось съ упрека за то, что, несмотря на ея просьбу дать свое имя ей и дочери, онъ не сдѣлалъ этого, слѣдовательно стыдился быть мужемъ бывшей крѣпостной. Изъ этого она дѣлала выводъ, что онъ никогда не любилъ ея. Вслѣдствіе этого, по ея словамъ, она и предпочла уйти къ человѣку, съ которымъ она будетъ повѣнчана уже въ ту минуту, когда онъ прочтетъ эти строки.

Это такъ поразило дядюшку, что у него сдѣлался ударъ. Правда, черезъ нѣкоторое время онъ нѣсколько оправился, но всталъ съ постели дряхлымъ старикомъ. Свое негодованіе на бывшую любовницу онъ постоянно выражалъ моимъ родителямъ. Онъ негодовалъ болѣе всего на то, что онъ, по его мнѣнію, поступалъ такъ благородно съ «тварью», а она заплатила ему вѣроломствомъ. Свое благородство по отношенію къ ней онъ усматривалъ въ томъ, что далъ ей волю, что она была полной хозяйкой въ его домѣ, но жениться на ней онъ не могъ, такъ какъ не потерялъ еще головы настолько, чтобы сдѣлать такой позорный для дворянскаго достоинства «мезальянсъ».

До насъ дошли слухи, что Варя переселилась въ другую губернію, къ племяннику ея прежняго помѣщика, который былъ въ нее влюбленъ уже давно. Онъ не могъ раньше взять ее къ себѣ потому, что не имѣлъ самостоятельнаго состоянія. Дальнѣй-

шія извѣстія были не одинаковы: одни утверждали, что онъ сочетался съ нею законнымъ бракомъ, другіе, что она и у него занимаетъ такое же положеніе, какъ и въ домѣ Максима Григорьевича, съ тою разницею, что окружена теперь роскошью. Какъ бы то ни было, молодой человѣкъ, только что получившій въ наслѣдство имѣніе своего умершаго отца, немедленно устроилъ побѣгъ своей возлюбленной.

Какъ только Максимъ Григорьевичъ нѣсколько оправился отъ удара, онъ рѣшилъ броситься въ погоню за молодыми людьми и расказнить ихъ обоихъ, но этому мѣшало его здоровье, послѣ удара сдѣлавшееся крайне слабымъ.

Однажды дядя прислалъ къ матушкѣ верхового съ просьбою немедленно навѣстить его. Какъ только она вошла къ нему, онъ приказалъ внести случайно найденный сундукъ; по словамъ прислуги, въ немъ хранились вещи Вари. Дядя просилъ матушку при немъ перебирать и пересматривать все, что осталось послѣ «твари». Матушкѣ не удалось отговорить его отъ этого предпріятія: замокъ, по его приказанію, былъ немедленно сломанъ, и онъ зорко сталъ слѣдить за каждою мелочью, которую матушка вынимала. Въ сундукѣ оказалось старое тряпье и среди него небольшая пачка писемъ теперешняго любовника или мужа Вари, который, видимо, никогда не прекращалъ съ нею сношеній и писалъ ей еще въ первый годъ ея сожительства съ Цевловскимъ. Въ одномъ изъ писемъ «онъ» говоритъ, что вѣритъ въ ея любовь къ нему и понимаетъ, что ея сожительство съ «старымъ негодяемъ» было вызвано крайнею необходимостью, увѣряетъ ее въ неизмѣнной любви и благодаритъ ее за то, что она, несмотря на предложеніе «стараго хрыча» жениться на ней, отказалась отъ «этой чести». Это послѣднее уже, несомнѣнно, было съ ея стороны хвастовствомъ и ложью.

Читая это письмо, разсказывала матушка, дядя отъ злобы просто рычалъ, какъ звѣрь, а затѣмъ съ нимъ сдѣлался припадокъ, во время котораго судороги сводили его члены, перекашивали лицо, и всего его било и ломало.

Совсѣмъ оправиться послѣ новаго припадка дядя уже не могъ до самой смерти и никогда больше не выходилъ изъ дому. Онъ только слегка прохаживался по комнатамъ и бо̀льшую часть дня проводилъ въ креслѣ у окна.

Послѣ описанныхъ событій Максимъ Григорьевичъ сдѣлался отчаяннымъ женоненавистникомъ и, кромѣ моей матери, не дозволялъ переступать порога своего дома ни одной женщинѣ. Насъ, родныхъ племянницъ, онъ тоже долго не пускалъ къ себѣ, но брата моего Зарю, который былъ въ то же время и его крестникомъ, онъ чрезвычайно любилъ и даже дѣлалъ матушкѣ сцены, что она рѣдко отпускаетъ его къ нему.

Максимъ Григорьевичъ былъ до невѣроятности счастливъ, когда къ нему пріѣзжалъ Заря, съ которымъ онъ игралъ въ «дурачки» и въ лото, велъ безконечные разговоры о подлости

женщинъ (моему брату въ то время было не болѣе десяти лѣтъ), и это помогало одряхлѣвшему и опустившемуся старику коротать время. Мой братишка тоже рвался къ дядѣ: въ такіе дни онъ меньше занимался, а этимъ онъ особенно дорожилъ, могъ разсуждать съ нимъ, какъ взрослый со взрослымъ, и къ тому же ѣлъ много сладкаго, чего былъ лишенъ дома.

Мы, дѣти моей матери, считались единственными законными налѣдниками имѣнія дяди, но Заря убѣждалъ насъ,—сестеръ, что мы не получимъ этого наслѣдства, такъ какъ дядя ненавидитъ «бабье», и, что только онъ одинъ сдѣлается его единственнымъ наслѣдникомъ. Трепки матушки, когда ей удавалось перехватить подобныя разсужденія, не помогали, и онъ продолжалъ переносить намъ слова дяди, исполненныя ненависти и презрѣнія къ женскому полу вообще.

Какъ бы возмущены были современные родители, если бы услышали, что ихъ дѣти обсуждаютъ, кто какое наслѣдство получитъ, у кого оно будетъ больше и почему, а между тѣмъ, въ то время, такіе разговоры были обыденнымъ явленіемъ. При жалкомъ умственномъ и нравственномъ воспитаніи, при отсутствіи книгъ для дѣтскаго чтенія, такія разсужденія дѣтей между собой были вполнѣ естественны: они лишь повторяли то, что слышали отъ старшихъ. И это, несомнѣнно, пятнало чистую дѣтскую душу. Только могучая волна идей 60-хъ г.г. вытравила эту грязь безъ остатка изъ души людей, страстно увлекавшихся ими и отдавшими себя на ихъ служеніе. Такъ было и съ моимъ братомъ Зарею: несмотря на его вѣчныя разсужденія о наслѣдствѣ, о раздѣлѣ имѣнія съ старшимъ братомъ, онъ, когда пришелъ въ возрастъ, оказался на рѣдкость безкорыстнымъ человѣкомъ.

Однажды дядя попросилъ матушку привезти къ нему насъ, его родныхъ племянницъ. При его женоненавистничествѣ это крайнѣ ее удивило. Однако она не хотѣла разспрашивать его о причинѣ такого внезапнаго желанія, чтобы не раздражать больного старика, высказала только сожалѣніе, что онъ не увидитъ Саши. При этомъ она разсказала ему о ея страсти къ ученію, о ея тоскѣ при мысли, что она будетъ лишена образованія. Дядя возразилъ, что онъ удивляется, какъ матушка, при своемъ здравомъ умѣ, не можетъ понять того, что, поддерживая въ Сашѣ ея стремленіе къ ученію, она совершаетъ относительно нея великое преступленіе. Каждая женщина, по его мнѣнію,—божеское проклятіе: подла, низка, грязна по натурѣ, но женщина съ образованіемъ, да еще съ умомъ, уже настоящая язва для окружающихъ.

Хотя моей матери несомнѣнно были противны подобныя взгляды и разсужденія, но она все-таки объявила, что я съ Нютою и нянею должны отправится къ дядѣ.

«Ахъ, ты, Господи!..» говорила няня въ большомъ безпокойствѣ отъ предстоящаго визита, когда мы уже подъѣзжали къ дому дяди. «Ручку-то цѣлуйте... ручку не забудьте...» Больше она уже, видимо, не могла придумать никакихъ другихъ наставленій.

Но каково же было наше изумленіе, когда дядюшка встрѣтилъ насъ болѣе, чѣмъ радушно. Однако, въ первую минуту онъ меня непріятно поразилъ своимъ видомъ: это былъ высохшій, живой скелетъ, съ рѣдкими волосами, съ трясущейся головой и трясущимися руками, съ глубокими морщинами по всему лицу, но что особенно производило отвратительное впечатлѣніе, это его застывшая, саркастическая улыбка въ углахъ его тонкихъ губъ. Только что мы успѣли поздороваться съ нимъ, какъ лакей сталъ подавать кушанья. Няня хотѣла было встать за моимъ стуломъ, но онъ не допустилъ этого, говоря: «Сегодня у меня обѣдъ съ дамами... Да вѣдь ты и дома сидишь съ своими господами!...»

Няня, по обыкновенію, начала говорить о томъ, какъ «его покойный братецъ, а ея благодѣтель не по заслугамъ возвеличилъ ее...» Дядя замѣтилъ на это, что братъ и его жена должно быть дѣйствительно были необыкновенными людьми, такъ какъ могли счастливо прожить двадцать лѣтъ въ супружествѣ и сумѣли добыть такую вѣрную слугу, какъ няня.

Намъ подавали много блюдъ, до которыхъ дядя почти не дотрагивался; особенно обильно угощали насъ сладкимъ. Когда мы уже перестали жевать и грызть, лакей поставилъ на столъ подносъ, весь заваленный кусками матерій и различными коробочками. Дядя, какъ намъ потомъ разсказывали, уже давно скупалъ у странствующихъ торговцевъ все, что было получше. И вотъ теперь онъ засыпалъ подарками насъ троихъ, при этомъ онъ внимательно смотрѣлъ то на меня, то на сестру. Няня и Нюта принимали подарки съ благодарностью, но сдержанно, а я съ каждымъ новымъ подношеніемъ приходила все въ бо́льшій восторгъ: при каждомъ подаркѣ я бросалась обнимать и цѣловать дядю, а получивъ кусокъ матеріи, подбѣгала то къ сестрѣ, то къ нянѣ и, захлебываясь отъ радости, говорила о томъ, какое у меня теперь будетъ красивенькое платье... Но вотъ дядя опять усадилъ насъ за столъ и пододвинулъ къ Нютѣ футляръ съ золотыми серьгами, а ко мнѣ коробку, въ которой лежали разноцвѣтныя бусы, блестящія колечки (конечно, изъ самоварнаго золота), цвѣтныя ленты и т. п. Онъ приказалъ нянѣ навѣсить на меня всѣ подарки и подвести къ зеркалу. Когда я увидѣла себя въ бусахъ и лентахъ, я пришла въ неистовый восторгъ: скакала, визжала, то и дѣло бросалась цѣловать дядю.

Во второй нашъ визитъ обѣдъ былъ такой же обильный яствами и сладостями, но я ѣла кое-какъ, поджидая съ нетерпѣніемъ лакея съ подносомъ, и удивлялась, что онъ такъ долго не несетъ подарки. Наконецъ, я не выдержала и спросила объ этомъ. Дядя расхохотался и отвѣчалъ, что теперь будутъ «кресты»: въ то время такъ говорили, когда за обѣдомъ уже нечего было больше ожидать. Вѣроятно, я скорчила при этомъ постную физіономію, такъ какъ дядя, гладя меня по головѣ, спросилъ: «Ну, скажи-ка по правдѣ,—вѣдь, когда ты увидала дядю въ первый разъ, ты очень испугалась стараго «кощея», а ленточки да ко-

лечки заставили тебя позабыть, что у тебя дядя такое пугало?» Я простодушно отвѣчала: «Да... забыла... Очень были хорошіе подарочки... А отчего сегодня не было?» Дядя началъ такъ хохотать, что лакей и поваръ схватили кресло, на которомъ онъ сидѣлъ и понесли его въ спальню.

Матушка разсказывала, что, когда она пріѣхала къ нему послѣ нашего второго посѣщенія, онъ объявилъ ей, что если и желалъ видѣть своихъ племянницъ, то только для того, чтобы убѣдиться, такія-ли мы подлыя созданія, какъ всѣ женщины вообще. Онъ имѣлъ надежду, что природа пощадила насъ отъ склонности, общей всѣмъ женщинамъ, такъ какъ мы дѣти такихъ «необыкновенныхъ людей» (это говорилось съ ядовитой ироніей), какими онъ считалъ нашихъ родителей. Но, къ сожалѣнію, онъ убѣдился, что у насъ уже заложены начала, свойственныя всему женскому полу. Нюта, по его словамъ, уже научилась хитрить, фальшивить, и умѣетъ себя сдерживать, что же касается меня, то я откровенно проявила всѣ задатки «продажной твари». Это такъ взбѣсило матушку, что она вскочила со стула, не прощаясь уѣхала домой, и не пріѣзжала къ нему до тѣхъ поръ, пока онъ не заболѣлъ.

Скоро послѣ нашего послѣдняго визита къ дядѣ матушка узнала отъ священника, что онъ былъ у Максима Григорьевича, чтобы подписать составленное имъ духовное завѣщаніе, по которому все свое состояніе, впрочемъ, болѣе чѣмъ скромное (онъ еще при жизни продалъ почти весь лѣсъ на срубъ, что составляло главную цѣнность его имѣнія), онъ оставилъ моему брату Зарѣ, до его совершеннолѣтія, назначивъ матушку его опекуншею.

Послѣ этого дядя Максъ прожилъ еще года полтора, и его женоненавистничество все болѣе росло: очень возможно, что оно уже являлось какою нибудь формою психическаго разстройства. Его лакей и поваръ, безотлучно находившіеся при немъ въ комнатахъ, должны были докладывать ему обо всемъ, что дѣлалось въ деревнѣ, что прежде совсѣмъ не занимало его. Они тотчасъ замѣтили, что барина болѣе всего интересуютъ разсказы о томъ, какъ тотъ или другой изъ его крѣпостныхъ «побилъ свою женку». Выслушавъ такое сообщеніе, Максимъ Григорьевичъ приказывалъ «ужо вечеркомъ» позвать къ себѣ драчуна, котораго и вводили въ его кабинетъ. Крестьянинъ со всѣми подробностями передавалъ ему, какъ онъ «надысь оттаскалъ свою паскуду». Баринъ былъ счастливъ до безконечности, потиралъ отъ удовольствія руки, приказывалъ повторить тѣ или другія подробности, серьезно вникая въ каждую мелочь драки, смаковалъ то, что должно было возбуждать лишь стыдъ и отвращеніе, весело хохоталъ и, наконецъ, приказывалъ старостѣ выдать изъ амбара ржи или овса крѣпостному, избившему свою жену, провожая «героя» однимъ и тѣмъ же наставленіемъ: «да... бабу надо держать въ ежовыхъ рукавицахъ... Бабу надо бить смертнымъ боемъ», что и безъ его совѣтовъ во всей силѣ практиковалось тогда крестьянами.

Спеціально для лѣта Максимъ Григорьевичъ устроилъ себѣ новое развлеченіе: онъ приказалъ слугамъ слѣдить, чтобы ни одна «баба» не смѣла проходить близко мимо его дома. Если одна изъ нихъ, свернувъ съ дороги, дѣлала крюкъ и задами шла къ избамъ, ея не трогали, но если она выказывала стремленіе пробраться къ нимъ ближайшимъ путемъ, т. е. мимо господскаго дома,—ее хватали, притаскивали подъ окно горницы и по обнаженному тѣлу наносили удары плетью. Въ такомъ случаѣ баринъ любовался этою экзекуціею изъ своего окна, приказывая открывать его настежъ, когда это дозволяла погода. Если это была «чужая баба», которая за экзекуцію грозила пожаловаться на него своимъ господамъ, она получала нѣсколькими ударами больше. Когда баба жаловалась, что чужой баринъ выпоролъ ее только за то, что она прошла мимо его дома, нѣкоторыхъ помѣщиковъ это только потѣшало, другіе же, напротивъ, находили, что каждый изъ нихъ можетъ дѣлать что ему угодно, только съ своими крѣпостными, но не имѣетъ права распоряжаться чужими подданными, и подавали жалобы на Максима Григорьевича. Однако ему все какъ то сходило съ рукъ, пока изъ за своихъ дикихъ и пошлыхъ причудъ онъ не нарвался на громкій скандалъ.

Въ верстахъ 15-ти отъ его помѣстья находилась усадьба Волково, принадлежавшая тремъ сестрамъ, дѣвицамъ Тончевымъ. Онѣ жили вмѣстѣ въ своемъ ветхомъ домишкѣ и слыли у однихъ помѣщиковъ подъ названіемъ «трехъ грацій», а болѣе примитивные изъ нихъ просто называли ихъ «стервы-душечки». Въ то время, о которомъ я говорю, младшей изъ нихъ было уже подъ сорокъ лѣтъ, а старшей за пятьдесятъ. Всѣ три называли другъ друга поэтическими уменьшительными именами: старшую Эмилію Васильевну—Милочкой, вторую Конкордію—Дія, а третью Эвлалію—Ляля. По своей внѣшности всѣ три дѣвицы представляли полный контрастъ этимъ поэтическимъ именамъ: если бы на Милочку (т. е. на старшую Эмилію) надѣли солдатскій мундиръ и шапку, никто не заподозрилъ бы, что это переряженная женщина,—такая она была высокая, сухопарая, жилистая, съ плоскою грудью, съ длинными руками и огромными ступнями ногъ, которыя всегда были на виду, такъ какъ для хозяйственныхъ удобствъ, она, кромѣ праздничныхъ дней, ходила въ мужскихъ сапогахъ и короткой юбкѣ. Всему складу ея фигуры соотвѣтствовало и ея узкое, длинное, сухое лицо, съ выдававшимися скулами, ея грубыя, мужиковатыя манеры, ея громкій, мужской голосъ. Только густые черные волосы, заплетенные въ косу приколотую на затылкѣ въ видѣ огромной лепешки, съ проборомъ напереди и съ напусками на вискахъ, были единственными женскими аттрибутами этой особы. При этомъ она, обыкновенно, ходила съ палкою въ рукѣ и въ сопровожденіи огромной собаки, которая, по ея приказанію, бросалась на каждаго, рвала одежду и жестоко кусала.

Вторая сестра—Дія (Конкордія) имѣла болѣе женскій обликъ,

но своею внѣшностью напоминала куклу домашняго производства, сдѣланную изъ ваты и тряпокъ,—такая она была пухлая, рыхлая, съ расплывчатыми чертами лица. Особенно странное впечатлѣніе производили ея глаза и брови, которые точно у тряпичной куклы, проведены были углемъ, а губы—красной краской. Къ тому же носъ, лобъ и щеки имѣли неестественно красный цвѣтъ, точно со всего лица была сорвана верхняя кожа (говорили, что это случилось у нея отъ простуды, во время рожистаго воспаленія). Старшая сестра Милочка со всѣми разговаривала рѣзко, грубо и отрывочно, а Дія выражалась въ приторно сладкомъ тонѣ, жеманясь и закатывая глаза; при этомъ голосъ у нея былъ скрипучій, точно неподмазанное колесо. Одинъ помѣщикъ, который не могъ выносить ея голоса и ужимокъ, сказалъ ей однажды: «да вы не Конкордія, а Дискордія».

Третья сестра Ляля, можетъ быть, и моглá бы считаться недурненькой въ давно прошедшія времена, если бы не ея утиный носъ, который доходилъ почти до края верхней губы. Во всякомъ случаѣ она была любимицею въ семьѣ, особенно старшей сестры, которая считала ее красавицей, наряжала ее, баловала и не теряла еще надежды на ея замужество, вѣчно приготовляя ей приданое, изъ за котораго она мучила своихъ крѣпостныхъ за пяльцами и ткацкимъ станкомъ. Такъ какъ сосѣди знали, что дѣвицы Тончевы не богаты, то Эмилія Васильевна, желая заставить ихъ говорить о приданомъ Ляли, показывала имъ, когда они появлялись въ Волковѣ, вышитыя для нея въ пяльцахъ платья, юбки и т. п., выдвигала ея огромные сундуки, наполненные полотномъ и бѣльемъ.

Несмотря на давнымъ давно прошедшую молодость, Ляля продолжала наивничать, при видѣ каждаго мужчины стрѣлять глазками, разыгрывая роль «козочки», которая все еще хочетъ прыгать, шалить, забавляться. Эта «игривость» въ возрастѣ, смежнымъ со старостью, дѣлала ее и комичной, и жалкой, но, какъ бы то ни было, она все же не приносила такого вреда своимъ крѣпостнымъ, какъ ея старшія сестры.

Если бы, въ то время, въ нашей мѣстности не существовало этихъ трехъ сестеръ, помѣщикамъ жилось куда бы скучнѣе. Бывало, чуть соберется нѣсколько человѣкъ, и уже непремѣнно разговоръ идетъ о «трехъ граціяхъ»: одинъ изъ нихъ сообщаетъ о скандалѣ, только что приключившемся у нихъ, другой о томъ, какъ Милочка потребовала отъ такого-то помѣщика, чтобы тотъ женился на Лялѣ, потому что онъ скомпрометировалъ ее, а между тѣмъ обвиняемый сказалъ съ нею лишь нѣсколько словъ, третій спеціализировался на томъ, что умѣлъ представлять въ лицахъ всѣхъ трехъ сестеръ, прекрасно подражалъ ихъ голосу и манерамъ; къ такому то и дѣло обращались съ просьбою: «ну, пожалуйста, представьте Милочку? А теперь Дію?» и т. д.

Хотя сестры Тончевы служили мишенью для остротъ и издѣвательствъ господъ помѣщиковъ, что имъ было превосходно

извѣстно, но это ни въ какомъ отношеніи не измѣняло ихъ образа жизни и привычекъ. За ними значилось 40—50 душъ крестьянъ, но ихъ число ежегодно сокращалось: у нихъ оказывалось «въ бѣгахъ» наибольшее, послѣ знаменитаго «Карлы», число крестьянъ въ нашей мѣстности. Иначе и быть не могло: у нихъ была не только болѣе тяжелая барщина, чѣмъ у другихъ помѣщиковъ нашей округи, но, когда у Милочки сѣно не было убрано, а выпадала хорошая погода, она и въ «крестьянскіе дни» заставляла убирать свой собственный лугъ или поле. Кромѣ барщины, бабы несли болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, тяжелыя повинности и зимой, и лѣтомъ: каждая изъ нихъ на приданое Ляли должна была приготовить извѣстное количество полотна и выпрясть нитокъ изо льна и шерсти, вышить русскимъ швомъ нѣсколько полотенецъ и простынь, а лѣтомъ доставить извѣстное количество ягодъ и грибовъ, свѣжихъ и сухихъ, однимъ словомъ, онѣ такъ были заняты круглый годъ, что у нихъ не оставалось времени для собственнаго хозяйства. При всемъ этомъ двѣ старшія сестры до невѣроятности любили побои и экзекуціи: за самую ничтожную провинность, староста, въ ихъ присутствіи, долженъ былъ сѣчь провинившихся мужиковъ и бабъ, а обѣ онѣ сами такъ часто били по щекамъ своихъ горничныхъ и пяльщицъ, что у тѣхъ всегда были вспухшія щеки. Въ жалобахъ на своихъ помѣщицъ, крестьяне постоянно упоминали о томъ, что они не только разорены, но и «завшивѣли», такъ какъ бабы не имѣютъ времени ни приготовить холста на рубаху, ни помыть ее. Разжалобить Милочку, заставить ее обратить вниманіе на «горе-горькую долюшку» своихъ крестьянъ не было ни малѣйшей возможности. Убѣдившись въ этомъ, крестьяне стали пропадать «въ бѣгахъ», проявлять непослушаніе сестрамъ, устраивать имъ скандалы. Однажды они поголовно наотрѣзъ отказались выйти на барскую работу не въ барщинный день; власти посмотрѣли на это, какъ на бунтъ противъ помѣщицы, и ихъ подвергли суровой карѣ.

Какъ-то раннею осенью всѣ три сестры возвращались домой съ именинъ, часовъ въ 12 ночи; онѣ ѣхали въ тарантасѣ съ кучеромъ на козлахъ. Было очень темно, а имъ приходилось версты четыре сдѣлать лѣсомъ. Когда онѣ вступили въ него и проѣхали съ версту, онѣ были окружены толпою невѣдомыхъ людей: одни изъ нихъ схватили подъ уздцы лошадей, другіе стягивали кучера съ козелъ, третьи вытаскивали изъ экипажа сестеръ. Кучера и Лялю перевязали, завязали имъ ротъ и оттащили въ сторону, не дотронувшись до нихъ пальцемъ, во время послѣдовавшей расправы. Дію сильно выпороли, а старшую, предварительно сорвавъ съ нея одежду, подвергли жестокимъ и позорнымъ истязаніямъ. Узнать лица нападавшихъ не было возможности, такъ какъ на ихъ головахъ, насколько могли разсмотрѣть сестры, когда тѣ наклонялись надъ ними, были надѣты мѣшки съ дырками на глазахъ, а нѣсколько словъ, которыя были ими произнесены, указывали на то, что у нихъ за щеками наложены орѣхи или горохъ. Послѣ

этой расправы на Милочку набросили сорванную съ нея одежду, но она осталась лежать на землѣ. Когда расправа окончилась и нападавшіе разбѣжались, барышни все-таки не могли кричать. Наконецъ, младшей какъ-то удалось избавиться отъ повязки, стягивавшей ея ротъ, и она начала звать на помощь. Долго ея крики оставались тщетными, наконецъ, одинъ помѣщикъ, возвращавшійся ночью домой съ тѣхъ же именинъ, на которыхъ присутствовали сестры, проѣзжалъ по близости мѣста ихъ «казни», услышалъ ихъ, и только вслѣдствіе этого несчастнымъ не пришлось заночевать въ лѣсу.

У Милочки оказался до такой степени глубокій обморокъ, что она пришла въ сознаніе лишь на короткое время, уже въ своей кровати, послѣ чего она немедленно тяжело заболѣла. Нѣсколько недѣль она лежала при смерти и, хотя всѣ въ уѣздѣ очень скоро узнали о происшествіи, но, въ виду того, что сами сестры не заявляли о случившемся, мѣстныя власти не принимали никакихъ мѣръ къ обнаруженію преступниковъ, полагая, что пострадавшія изъ конфузливости желаютъ потушить скандальное дѣло. Между тѣмъ это было не совсѣмъ такъ: Эмилія Васильевна, одна распоряжавшаяся и командовавшая всѣмъ и всѣми, находилась въ такомъ состояніи, что съ ней нельзя было говорить о чемъ бы то ни было, а Дія, безъ приказанія сестры, не знала, какъ поступить въ этомъ случаѣ, такъ какъ привыкла дѣлать только то, на что указывала ей Милочка. Но оправившись, старшая сестра пришла въ ужасъ, что не было сдѣлано заявленіе о случившемся и, наоборотъ, рѣшила дать дѣлу какъ можно болѣе громкую огласку. Она не только извѣстила объ этомъ мѣстное начальство, но всѣ три сестры рѣшили предстать самолично передъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а затѣмъ и передъ губернаторомъ. Разсказывали, что какъ только у одного изъ нихъ Милочка доводила свой разсказъ до того мѣста, какъ «разбойники» начали срывать съ нея одежду, всѣ три сестры вскакивали съ своихъ мѣстъ, бросались другъ другу въ объятія и начинали рыдать.

И предводитель дворянства, и губернаторъ уговаривали сестеръ бросить это дѣло, ссылаясь на то, что уже много упущено времени, и слѣдствію будетъ трудно открыть преступниковъ, къ тому же они находили, что скандальныя подробности могутъ повредить ихъ стыдливости (это была, конечно, иронія: Милочка давно прославилась своимъ безстыдствомъ); наконецъ, оба они совѣтывали имъ, во избѣжаніе будущихъ скандаловъ измѣнить свое отношеніе къ крестьянамъ, находившимся въ крайне тяжеломъ матеріальномъ положеніи: оно мало чѣмъ отличалось отъ положенія крестьянъ въ Бухоновѣ при управленіи нѣмца, который бы не ушелъ отъ суда за свои беззаконія, если бы самъ не надумалъ бѣжать за границу. Хотя все это было высказано дѣвицамъ крайне деликатно и въ видѣ дружескаго совѣта, но это такъ взбѣсило Милочку, что она и предводителю дворянства, и губернатору наговорила страшныхъ дерзостей, угрожала имъ

обоимъ тѣмъ, что найдетъ «управу и на нихъ», что она подастъ жалобу, въ которой укажетъ на нихъ, какъ на смутьяновъ и подстрекателей крестьянъ къ бунтамъ и разбоямъ. Какъ бы то ни было, но дѣло «о злонамѣренномъ нападеніи на сестеръ Тончевыхъ и о жестокомъ избіеніи двухъ старшихъ изъ нихъ» началось, но, быть можетъ потому, что Милочка успѣла вооружить противъ себя всѣхъ властей, слѣдствіе велось черезъ пень въ колоду; нѣкоторые утверждали, что причиною этого было упущенное время, а также и то, что, двое изъ ея крѣпостныхъ, на которыхъ падало подозрѣніе, бѣжали. Въ концѣ концовъ преступники не были обнаружены.

Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ у сестеръ сожгли новый домъ, который былъ только что отстроенъ въ одномъ изъ ихъ фольварковъ, онѣ уже собирались переѣзжать въ новое помѣщеніе, когда получили извѣстіе о несчастіи, весьма чувствительномъ для нихъ въ матеріальномъ отношеніи. На этотъ разъ улики были на лицо: виновникъ преступленія, какъ доказало слѣдствіе, бѣжалъ въ ночь пожара и не былъ разысканъ. Какъ эти несчастія, такъ и побѣги крестьянъ и цѣлый рядъ другихъ болѣе мелкихъ ущербовъ, наносимыхъ изъ мести Тончевымъ, заставили ихъ, въ концѣ концовъ, волею-неволею нѣсколько ограничить свое самодурство и утѣсненія своихъ подданныхъ. Но уже одно то, что Милочка вынуждена была идти иногда на нѣкоторыя уступки, доводило ее до невыразимой ненависти къ крестьянамъ и сдѣлало ее на рѣдкость злопыхательнымъ существомъ. Это характерное качество приняло у нея ужасающіе размѣры во время освобожденія крестьянъ, и всѣ три сестры устроили мировымъ посредникамъ перваго призыва, которыхъ у насъ считали защитниками крестьянскихъ интересовъ, такой громкій и неслыханный по своему безстыдству скандалъ, о которомъ долго самые безцеремонные помѣщики нашей мѣстности говорили другъ другу не иначе, какъ на ушко. Но объ этомъ потомъ, а теперь я хочу поговорить о скандалѣ, который ей причинилъ «свой братъ дворянинъ».

Милочка какъ то ѣхала по проселочной дорогѣ, близъ имѣнія моего дядюшки, когда у нея вдругъ сломалось колесо. Она оставила на мѣстѣ кучера съ лошадьми, а сама побѣжала къ дому дяди, чтобы просить его помощи въ ея маленькой бѣдѣ. Она, конечно, знала о его чудачествахъ и распоряженіяхъ, но не могла представить себѣ, чтобы они каснулись ея—столбовой дворянки и помѣщицы. Нужно замѣтить, что въ случаѣ несчастія на дорогѣ, помѣщики считали своею обязанностью немедленно оказать необходимую услугу: дороги того времени были такъ ужасны, что съ каждымъ, то и дѣло, случались подобныя непріятности.

Былъ лѣтній день: дядя съ Зарею сидѣли у открытаго окна, и оба сразу увидали Милочку съ собакою, направлявшуюся къ дому. У дяди, вѣроятно, тотчасъ же блеснула мысль о томъ, какое пріятное развлеченіе можетъ доставить ему предстоящее

столкновеніе съ Тончевой: онъ немедленно началъ звать лакея и повара, приказывая имъ въ ту же минуту притащить подъ окно Милочку и всыпать ей «самыхъ горяченькихъ».

Нужно замѣтить, что еще въ прошлый періодъ жизни, когда дядя временно наѣзжалъ въ наши палестины и былъ настоящимъ свѣтскимъ дэнди, онъ любилъ встрѣчать у насъ «сестеръ», чтобы всласть потѣшиться надъ ними. И вдругъ теперь, когда онъ скучалъ, и, когда уже окончательно утратилъ способность критически относиться къ своимъ поступкамъ, ему должно быть показалось, что сама судьба посылала ему пріятный сюрпризъ въ лицѣ Тончевой. На его крикъ поваръ почему-то замѣшкался, но лакей со всѣхъ ногъ бѣжалъ на встрѣчу барышнѣ. Онъ уже схватилъ ее, но она такъ треснула его палкой, что тотъ невольно отшатнулся... Въ ту же минуту на помощь къ нему подоспѣлъ поваръ, и они оба съ неистовствомъ набросились на Тончеву, подбодряемые криками барина: «тащи ее»... Но Милочка, понявъ, въ чемъ дѣло, натравила собаку на обоихъ слугъ. Пока они отбивались отъ нея, она успѣла выкрикнуть слова, которыя ядовитой стрѣлой пронзили сердце старика: «Ахъ, ты студень! Молодецъ Варька, что красавчика подцѣпила... Такой-то хрычъ кому нуженъ!». И, схвативъ собаку за ошейникъ, быстро пошла къ своему экипажу. На ея счастье, въ эту минуту, ея крѣпостной проѣзжалъ мимо въ телѣгѣ, она пересѣла въ нее и отправилась въ Погорѣлое, приказавъ кучеру поджидать помощь, которую она вышлетъ, и явилась въ нашъ домъ. Моей матери не было дома, и она съ самаго порога начала выкрикивать всю эту исторію намъ, такъ какъ мы всѣ сбѣжались къ ней при первомъ звукѣ ея голоса. Когда она вдоволь накричалась, угрожая судомъ и каторгой не только дядѣ, но и моей матери, Нюта замѣтила ей, что матушка не защитница скандаловъ и что она не понимаетъ, почему Эмилія Васильевна замѣшиваетъ ее въ эту исторію.

Хотя у насъ не было тогда телеграфа, но извѣстіе объ этомъ происшествіи быстро облетѣло всѣ помѣщичьи усадьбы нашей захолустной мѣстности и оживило обывателей. Послѣ этого скандала, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, къ нашему крыльцу то и дѣло подъѣзжали экипажи «сосѣдей», которыми считались тогда даже семьи, жившія въ верстахъ пятнадцати отъ насъ. Къ намъ являлись помѣщицы съ своими дочерьми, а къ дядѣ— помѣщики. Помѣщицы по этому поводу разсуждали такъ: «Милочка, конечно, извѣстная скандалистка, но и Максимъ Григорьевичъ не имѣлъ права оскорблять дворянку»... Однимъ словомъ, всѣ наши «дамы» (изъ нихъ, по своимъ манерамъ и говору, очень мало кто походилъ на особъ, которыхъ принято такъ называть) были возмущены поведеніемъ дяди и пріѣзжали къ сестрамъ выразить имъ свое сочувствіе, а ихъ мужья въ это время издѣвались надъ ними въ домѣ дяди: ихъ остроты и смѣхъ раздавались въ его комнатахъ эти дни съ утра до вечера.

Работа въ продолженіе цѣлаго дня, шумъ и толкотня гостей

по вечерамъ не оставляли матушкѣ свободнаго часа, чтобы съѣздить провѣдать дядю и узнать отъ него, что онъ думаетъ предпринять, чтобы потушить эту скверную исторію. Тончевы, какъ мы узнали, уже строчили на него жалобы и дѣлали приготовленія, чтобы самолично отправиться по этому поводу къ предводителю дворянства. Можетъ быть матушка прособиралась бы еще нѣсколько дней, какъ вдругъ передъ ужиномъ въ столовую, какъ бомба, влетѣлъ Заря и, съ торжествомъ побѣдителя, безъ всякихъ объясненій, закричалъ: «Ура! Отправлено, что влюбленъ!... Она сейчасъ же къ намъ прибѣжитъ, а мы тутъ-то ее и прихлопнемъ!»—«Боже мой!» простонала матушка, «онъ въ эту исторію запуталъ даже ребенка!» и затѣмъ, обратившись къ брату она закричала: «Ахъ, ты, сквернявецъ!... Развѣ ты смѣешь вмѣшиваться въ дѣла старшихъ?»...

Матушка въ ту же минуту велѣла запречь лошадь и помчалась въ Городки. Но каково же было ея изумленіе, когда она застала «братца» не только въ хорошемъ настроеніи духа, но помолодѣвшимъ и поздоровѣвшимъ, какимъ она его давно уже не видала.

— Поздравьте меня, сестрица! Влюбленъ! Признаніе въ любви уже отправлено.—И онъ хохоталъ, кашлялъ, фыркалъ, потиралъ руки отъ удовольствія.

— А потомъ, братецъ, что вы полагаете дѣлать?

— Очень просто... Во время разгара нѣжныхъ признаній, страстныхъ объятій и поцѣлуевъ... розгачи... натурально розгачи...

Матушка увѣряла его, что изъ этой новой затѣи выйдетъ уже такой грандіозный скандалъ, что его собственное здоровье не выдержитъ всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ непріятностей. Впрочемъ она не очень безпокоилась относительно удачи этой новой дядюшкиной затѣи, такъ какъ была убѣждена, что Милочка уже не такъ глупа, чтобы повѣрить увѣреніямъ въ любви старика, изможденнаго всевозможными болѣзнями, и послѣ всего, что онъ продѣлалъ съ нею. Дядя же настойчиво утверждалъ, что даже самая умная «баба», а не только такая, какъ Милка, дурѣетъ отъ признанія въ любви и въ томъ случаѣ, когда оно ничто иное, какъ издѣвательство. Онъ увѣрялъ, что какъ только она получитъ его письмо, всѣ три сестры прилетятъ къ нему «на крыльяхъ любви» и будутъ лобзать его ноги, хотя онъ и «студень». Этотъ эпитетъ, видимо, задѣлъ его за живое.

Оказалось, что дядюшка лучше моей матери понималъ всю ограниченность Милочки. Получивъ отъ него письмо, она немедленно пріѣхала съ нимъ къ моей матери. Въ немъ дядя объяснялъ ей свою грубость тѣмъ, что вспыльчивъ по натурѣ и что ему показалось, будто она хочетъ зайти не къ нему, а только въ его людскую. Это тѣмъ болѣе оскорбило его, что онъ всегда уважалъ всѣхъ трехъ сестеръ, а въ нее уже давно влюбленъ, вотъ потому-то онъ рѣшилъ заставить ее придти къ нему хотя силой. Онъ проситъ ее простить его за это, но онъ не могъ совладать со

страстью, которая въ немъ вспыхнула при ея появленіи... Онъ клялся ей въ любви, упоминалъ, что о своемъ желаніи жениться на ней много разъ говорилъ покойному брату и сестрицѣ Александрѣ Степановнѣ, но что тѣ увѣряли его, что Эмилія Васильевна не пойдетъ за него замужъ, такъ какъ посвятила себя всецѣло счастью своей младшей сестры. Все это заставило его съ отчаянія взять въ любовницы Варьку... Теперь же онъ имѣетъ твердое намѣреніе жениться на ея сестрѣ Лялѣ, предлагаетъ ей руку и сердце, въ надеждѣ всегда видѣть передъ собой достойнѣйшую Эмилію Васильевну, проситъ ее быть по гробъ его другомъ, благословить его бракъ съ ея сестрою и пріѣхать къ нему для переговоровъ.

Прочитавъ это письмо, матушка очень сдержанно замѣтила Тончевой, что Максимъ Григорьевичъ никогда не говорилъ ни ей, ни ея покойному мужу о томъ, что онъ влюбленъ въ нее, Милочку. Тѣмъ не менѣе это скромное замѣчаніе лишь раздражило Тончеву, и она стала намекать, что моя мать, конечно, не можетъ желать брака Максима Григорьевича съ кѣмъ бы то ни было, такъ какъ, если онъ умретъ холостымъ, его имѣніе перейдетъ къ ея дѣтямъ. Матушку не разсердилъ намекъ на ея корыстолюбіе,—она старалась употребить всѣ усилія, чтобы только разстроить поѣздку Милочки къ дядѣ, а потому стала убѣждать ее, чтобы она, раньше чѣмъ ѣхать къ нему, посовѣтовалась бы хотя съ Воиновой, къ которой всѣ три сестры относятся съ довѣріемъ. И Милочка отъ насъ отправилась къ г-жѣ Воиновой, но та пришла въ ужасъ, что Тончева, несмотря на тяжелое оскорбленіе, нанесенное ей Цевловскимъ и на его письмо, представляющее сплошное издѣвательство надъ нею, еще колеблется—ѣхать ей къ нему или не ѣхать. Слова Воиновой въ началѣ какъ будто поколебали Милочку, но, уже прощаясь съ нею, она замѣтила: «Всѣмъ де извѣстно, какъ вы любите семейство Александры Степановны, вотъ вы и желаете, чтобы имѣніе Максима Григорьевича перешло къ ея дѣтямъ»...

Вѣроятно, Милочка на другой же день явилась бы къ дядѣ для переговоровъ относительно брака ея сестры, но сама судьба помѣшала разыграться этому послѣднему скандалу. Въ ту же ночь къ матушкѣ прискакалъ верховой съ извѣстіемъ, что Максиму Григорьевичу очень плохо. Вѣроятно, слишкомъ оживленные дни, которые онъ провелъ послѣ своего скандала, шумъ и напряженіе, все это потрясло его и безъ того слабый организмъ. Послѣ новаго удара у него отнялась вся правая сторона тѣла, онъ болѣе уже не вставалъ съ постели и потерялъ способность къ членораздѣльной рѣчи. Матушка написала Милочкѣ о положеніи дяди и заявила, что, если она явится къ нему и послѣ этого, то она уже не будетъ принята ею. Впрочемъ дядя самъ поторопился покончить со всякими житейскими осложеніями,—онъ скончался черезъ нѣсколько недѣль.

Болѣе всего я любила посѣщать усадьбу моего крестнаго

отца Сергѣя Петровича Т., который жилъ отъ насъ въ верстахъ семи. Его краткая біографія такова: онъ былъ сынъ весьма зажиточныхъ людей, получилъ свѣтское образованіе и большую часть молодости провелъ за границей. Послѣ своего возвращенія на родину онъ былъ выбранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, женился, но его жена умерла очень скоро, оставивъ на его рукахъ двухъ дочерей. Хотя мой покойный отецъ былъ гораздо моложе Сергѣя Петровича, но они очень дружили между собой, и вотъ причина, почему онъ былъ моимъ крестнымъ. Когда мы переселились въ деревню, я отъ времени до времени посѣщала его въ продолженіе всей своей шестилѣтней деревенской жизни. Сергѣй Петровичъ былъ тогда семидесятилѣтнимъ старикомъ и жилъ въ своемъ помѣстьѣ совершенно одиноко. Обѣ его дочери имѣли уже собственныя семейства и при замужествѣ были выдѣлены отцомъ. Ихъ имѣнія находились въ другой губерніи, управлялись особыми управляющими, и Сергѣй Петровичъ не вмѣшивался въ ихъ дѣла. То одна изъ дочерей съ своими дѣтьми, то другая пріѣзжали къ отцу и проводили у него лѣто. Въ такихъ случаяхъ комнаты его дома открывались, а въ остальное время онѣ стояли запертыми, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ жилъ старикъ. Впрочемъ еще разъ въ году открывали комнаты, провѣтривали ихъ и снимали съ мебели чехлы,—это было передъ 5-мъ іюнемъ, въ день именинъ крестнаго, когда къ нему наѣзжало множество помѣщиковъ съ своими семьями. Но далеко не всѣ гости проводили у него только этотъ торжественный день; нѣкоторые изъ нихъ съ своими дѣтьми, гувернатками, горничными, кучерами и лошадьми оставались на недѣлю, а то и больше. Къ старости, начавъ похварывать, крестный очень тяготился этими шумными съѣздами, но ежегодное паломничество помѣщиковъ въ его усадьбу вошло въ обычай. Самъ же онъ уже совсѣмъ не выѣзжалъ болѣе, по его словамъ, только потому, что боялся внезапно умереть въ чужомъ домѣ и тѣмъ причинить людямъ хлопоты и безпокойство.

Когда матушка отпускала меня съ нянею къ крестному, я не помнила себя отъ восторга. Мы, обыкновенно, отправлялись къ обѣду, т. е. къ часу, а возвращались домой только вечеромъ. Несмотря на то, что мы проводили у него часовъ восемь, и что кромѣ него я никого не видѣла, время для меня пролетало незамѣтно и я каждый разъ чуть не плакала, когда приходилось возвращаться домой.

Какъ только открывали мы двери его дома, такъ насъ охватывали несказанно чудные ароматы духовъ, которыми пропитаны были мебель и каждый уголокъ его комнатъ. Не даромъ няня и его собственная прислуга называли его «духовитымъ бариномъ». У него была непобѣдимая страсть къ духамъ. Зная ее, каждая изъ его дочерей присылала ему изъ столицы къ именинамъ и къ новому году какой нибудь душустый подарокъ: то роскошный ящикъ съ флаконами духовъ, то съ гранеными бутылочками о-де-колона, изящную коробку съ разнообразными мы-

лами, сверточки съ душистыми курительными свѣчками и ароматическими бумажками, прелестныя саше и т. п. Все его бѣлье, платье, вещи были сильно продушены: во всѣхъ шкапахъ и комодахъ лежали подушечки и красивые бумажные конвертики съ сухими духами.

Несмотря на то, что въ то время во всѣхъ помѣщичьихъ семьяхъ держали громадный штатъ прислуги, рѣдко можно было найти домъ, который производилъ бы пріятное впечатлѣніе своей чистотою, опрятностью и уютомъ; но домъ крестнаго представлялъ рѣдкое исключеніе: у него все было красиво разставлено и блестѣло безукоризненною чистотою. Прислуживавшіе ему люди, экономка и горничная, тоже были чисто одѣты, съ здоровыми лицами и всегда весело и просто разговаривали съ своимъ бариномъ, котораго очень любили. Когда черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти я пріѣхала въ его усадьбу, что было уже послѣ освобожденія, его бывшіе крѣпостные, съ которыми мнѣ приходилось говорить, вспоминали о немъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ милосердныхъ помѣщиковъ въ нашей мѣстности, что самъ онъ лично никого никогда не тронулъ пальцемъ, но такъ какъ онъ далеко не во все входилъ, то за его глазами (его управляющій и староста) нерѣдко тиранили ихъ, но все же у него жилось имъ лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Когда онъ окончательно переселился въ деревню, онъ заботился о томъ, чтобы его крестьяне не нищенствовали, открывалъ для нихъ свои амбары во время голодовокъ, налагалъ на крестьянъ менѣе обременительную барщину сравнительно съ тою, которая существовала въ нашихъ краяхъ.

— Добро пожаловать, дорогіе гости! — говорилъ радушно крёстный увидавъ меня съ нянею.—Что же вы такъ рѣдко меня навѣщаете?

— Ахъ, батюшка Сергѣй Петровичъ! Вы такъ балуете Лизушу,—вѣдь она безъ ума отъ васъ: спитъ и видитъ, какъ бы къ вамъ отпустили... То и дѣло вспоминаетъ васъ!

— Да какъ намъ не любить другъ друга: у насъ вѣдь и вкусы то сходятся: крестный духи любитъ и крестница тоже, крестный голубками любитъ позабавиться, и крестница до нихъ большая охотница... Не прочь она и моими гробиками полюбоваться!..

Зная, какою любовью и уваженіемъ пользуется у насъ няня, крестный относился къ ней, какъ къ равноправному члену нашей семьи, любилъ разсуждать съ нею, сажалъ ее за столъ, и няня чувствовала себя у него, какъ дома, говорила обо всемъ, какъ думала и понимала.

Крестный уже по внѣшнему виду рѣзко выдѣлялся между всѣми нашими помѣщиками, которые у себя дома сидѣли въ простыхъ рубашкахъ, въ широкихъ халатахъ, съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ, покуривая трубку. Но и эта нестѣснительная одежда не отличалась аккуратностью: у одного не хватало пуговицъ у рубашки и виднѣлась голая грудь, у другого шнурки и

кисти халата были оборваны, и онъ подвязывался какою-нибудь жениной тесемкой, а то и веревочкой, у третьяго все, что одѣто, было до невѣроятности грязно и засалено. Совсѣмъ иначе выглядѣлъ С. П.: ждалъ онъ гостей, или нѣтъ, былъ ли то праздникъ, или будній день, онъ всегда выходилъ въ безукоризненномъ туалетѣ, надушенный, съ хорошо расчесанными волосами и бородой, съ табакёркой въ рукахъ. Онъ былъ высокаго роста и уже немного сутоловатъ; его длинная сѣдая борода и длинные сѣдые, нѣсколько волнистые волосы, красивое, доброе, старческое лицо съ удивительно ласкающими глазами внушали каждому симпатію и напоминали что-то библейское, вызывавшее искреннее почтеніе. Среди людей свободныхъ профессій теперь такіе старики не рѣдкость, но тогда онъ былъ единственный въ своемъ родѣ, по крайней мѣрѣ среди тѣхъ, кого я встрѣчала.

Какъ только мы входили въ его домъ, я бросалалась къ нему съ радостнымъ крикомъ, затѣмъ бѣжала ревизовать его комнаты. Меня особенно интересовала его спальня, и я прежде всего осматривала столъ, приставленный къ одной сторонѣ умывальника, покрытый широкимъ русскимъ вышитымъ полотенцемъ: на немъ стояло нѣсколько хрустальныхъ ящичковъ съ разнообразными щетками и пилками для ногтей, а въ хрустальныхъ мыльницахъ лежали мыла разнаго цвѣта и аромата. Пересмотрю и перенюхаю каждый кусокъ мыла и бѣгу къ крестному, сажусь около него и хватаю его золотую табакерку, усыпанную красивыми камешками; хотя она крѣпко закрыта, и я боялась открывать ее, чтобы не просыпать табакъ, но отъ одного прикосновенія къ ней у меня потомъ руки долго пахли духами. На мой вопросъ, почему у него такъ много кусковъ мыла, онъ отвѣчалъ, что утромъ моется мыломъ съ менѣе крѣпкими духами и не нюхаетъ табакъ, потому, что у него свѣжа голова, а къ вечеру, когда уже утомится, освѣжается табакомъ, пропитаннымъ крѣпкими духами и такимъ же мыломъ. Когда его спрашивали, давно ли онъ имѣетъ такое пристрастіе къ духамъ, онъ отвѣчалъ, что всегда любилъ духи, но въ большемъ количествѣ началъ употреблять ихъ на старости лѣтъ, когда совсѣмъ перестал пить вино, такъ что теперь только духи и нюхательный табакъ оживляютъ его.

Недолго посидимъ съ нимъ, бывало, какъ уже въ столовой накроютъ два круглыхъ стола. Одинъ изъ нихъ заставленъ закусками: солеными и маринованными грибками, маринадами изъ различной рыбы, холодною свининою, а посреди красуется огромный окорокъ и фаршированный поросенокъ, который, какъ живой, стоитъ на ножкахъ, окруженный зеленью. На другомъ столѣ сервированъ обѣдъ на три прибора. Крестный держалъ ученаго повара, который не только прекрасно готовилъ, но и красиво убиралъ поданное. Нянѣ и мнѣ, не знавшимъ закусокъ передъ обѣдомъ и употреблявшимъ самый простой, деревенскій столъ домашней стряпухи, такой обѣдъ казался фе-

номенальною роскошью и, покончивъ съ двумя кушаньями, мы уже ничего не могли ѣсть. Хотя крестный мало ѣлъ, но у него всегда былъ прекрасный столъ, и на зиму дѣлалось много заготовокъ: онъ любилъ, чтобы домъ былъ «полною чашею». Всѣ доходы съ своего, сравнительно небольшого, но хорошо устроеннаго имѣнія, онъ употреблялъ на свою жизнь, а такъ какъ онъ не кутилъ, то могъ ни въ чемъ себѣ не отказывать.

Обѣдъ кончался дессертомъ, состоявшимъ изъ разнообразныхъ вареній, домашняго мармелада, изъ сушеныхъ и свѣжихъ плодовъ, орѣховъ, вареныхъ въ меду, а если было лѣтнее время, то подавали и огурцы съ медомъ, что являлось тогда обычнымъ угощеніемъ помѣщиковъ въ нашихъ краяхъ.

— Кушайте... пожалуйста кушайте побольше... дорогія мои... Ну, а это «на дорожку»...—говаривалъ онъ, откладывая на тарелки разную сухую снѣдь. Когда являлась экономка, она увязывала все это въ особую салфетку и выходилъ порядочный узелъ, который мы каждый разъ увозили домой.

Послѣ дессерта я просила крестнаго посмотрѣть его голубей. Онъ издавна былъ страстнымъ любителемъ этихъ птицъ. Во дворѣ у него было нѣсколько голубятенъ, представлявшихъ толстые столбы съ ящиками сверху, съ прорѣзанными круглыми оконцами. Но голуби уже давно не жили въ нихъ, потому что крестный, на старости лѣтъ, боялся лазить по лѣстницѣ въ голубятни и переселилъ своихъ любимцевъ въ особо устроенную для этого избу, состоявшую изъ небольшихъ сѣней и изъ огромной комнаты. Посрединѣ ея укрѣплено было толстое, вѣтвистое дерево съ ободранною корою,—на немъ сидѣли и бѣгали голуби. Ко всѣмъ стѣнамъ было придѣлано множество полочекъ, окруженныхъ планочками,—это было помѣщеніе для ихъ гнѣздъ. Въ углахъ на полу, усыпанномъ пескомъ, стояли ящики съ зерномъ и корыта съ водою. Все содержалось въ величайшемъ порядкѣ: за голубями ухаживала особая женщина.

Въ избѣ была тьма-тьмущая голубей всевозможныхъ породъ,— здѣсь совершался весь циклъ земной жизни этихъ птицъ: тутъ они ворковали и ухаживали другъ за другомъ, вили свои гнѣзда, плодились и множились, въ ссорахъ убивали другъ друга на смерть. Всѣмъ имъ крестный предпочиталъ турмановъ и всегда любовался ихъ граціознымъ кувырканіемъ на лету.

Когда мы входили въ избу, шумъ крыльевъ массы птицъ и ихъ воркованіе просто ошеломляли въ первую минуту. Крестный опускался на скамейку и манилъ птицъ къ себѣ: онѣ летѣли на его зовъ, садились на его плечи, голову, бѣгали по его колѣнямъ.

Изъ голубятни мы отправлялись въ садъ: онъ былъ небольшой, и для него крестный не держалъ садовника: подъ его руководствомъ и вмѣстѣ съ нимъ въ немъ работалъ парень, одно лѣто гдѣ-то помогавшій въ работахъ хорошему садовнику. Этотъ садъ, съ нѣсколькими небольшими аллеями и съ весьма

ограниченнымъ числомъ фруктовыхъ деревьевъ, представлялъ сплошной цвѣтникъ, но не рѣдкихъ цвѣтовъ, а самыхъ обыкновенныхъ. Когда распускались цвѣты, онъ благоухалъ ароматами и поражалъ чудными куртинками прекрасно выращенныхъ цвѣтовъ и кустарниковъ.

Изъ сада мы отправлялись смотрѣть гроба. Одинъ изъ сараевъ, содержимый наиболѣе опрятно, былъ исключительно предназначенъ для помѣщенія гробовъ. Крестный такъ объяснялъ свое пристрастіе къ нимъ: когда ему было уже лѣтъ за 50, онъ однажды тяжело заболѣлъ и увидѣлъ сонъ, что внезапно умеръ. Столяръ изъ его крѣпостныхъ снялъ съ него мѣрку, но, будучи пьянъ, потерялъ ее по дорогѣ и забылъ о гробѣ. Стояла страшная жара, и покойникъ сталъ такъ быстро разлагаться, что его родныя дочери не могли подойти проститься съ нимъ,— хотя онъ былъ мертвымъ, но чувствовалъ при этомъ ужасающую душевную муку. А когда затѣмъ принесли какой то гробъ, наскоро сколоченный, онъ оказался слишкомъ короткимъ: его стали запихивать въ него съ такимъ усердіемъ, что кости хрустѣли и ломались, и это причиняло ему адское страданіе.

Этотъ сонъ произвелъ на Сергѣя Петровича такое сильное впечатлѣніе, что онъ, по выздоровленіи, рѣшилъ приготовить для себя хорошій гробъ еще при жизни, для чего отправилъ столяра своей деревни учиться въ Москву.

Какъ только тотъ сдѣлался настоящимъ спеціалистомъ гробовщикомъ, началось заготовленіе гробовъ, такъ какъ Сергѣй Петровичъ боялся ограничиться приготовленіемъ для себя только одного гроба. И такая предусмотрительность, по его словамъ, оказалась вовсе не лишнею: одни изъ гробовъ дали трещины, другіе— разсохлись, третьи—не нравились... И онъ раздаривалъ ихъ тѣмъ изъ крѣпостныхъ, у которыхъ умирали близкіе имъ люди. Вѣчно занятый этою мыслію, крестный началъ постепенно мѣнять матеріалъ и внѣшній видъ гробовъ, чему помогали какъ различныя обстоятельства, такъ и разнообразныя явленія деревенской жизни. Сначала онъ дѣлалъ гробы, исключительно соображаясь съ своей фигурою, т. е. узкіе и длинные, такъ какъ онъ былъ человѣкомъ очень худощавымъ и высокимъ, принимая въ разсчетъ и то, что покойникъ передъ смертью вытягивается и становится длиннѣе. Но вотъ, однажды, онъ узналъ, что у одного худощаваго человѣка передъ смерью сдѣлалась водянка, и послѣ смерти онъ оказался чуть не вдвое толще, чѣмъ былъ при жизни, а про другого высокорослаго человѣка, что продолжительная болѣзнь такъ источила его кости, что послѣ смерти онъ сталъ ниже средняго роста. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній Сергѣй Петровичъ сталъ заказывать гробы на различный ростъ и объемъ тѣла.

Во всѣхъ гробахъ лежало сухое сѣно, и Сергѣй Петровичъ, чтобы показать нянѣ и мнѣ, какъ послѣ смерти ему будетъ ловко и покойно въ нихъ, ложился то въ одинъ, то въ другой.

Однажды, когда мы подошли къ сараю съ гробами мы на-

шли его замкнутымъ, чего прежде никогда не было. Крестный попросилъ няню принести ключъ съ его письменнаго стола и съ сердечнымъ сокрушеніемъ разсказалъ намъ, почему ему теперь приходится замыкать сарай. Какъ то компанія подкутившихъ молодыхъ помѣщиковъ проѣзжала мимо его дома и рѣшила заночевать у него. Въ виду того, что время было за полночь, они не хотѣли безпокоить его: оставили лошадей и экипажи въ его дворѣ, подъ присмотромъ своихъ кучеровъ, а сами улеглись въ сараѣ, въ гробахъ, благо въ нихъ было сѣно. Сергѣй Петровичъ, ничего не подозрѣвая, отправился утромъ въ сарай. Вдругъ изъ гробовъ стали подниматься «помѣщичьи сынки» съ всклокоченными волосами. Въ первую минуту онъ испугался, но затѣмъ сильно разсердился и въ первый разъ въ жизни нарушилъ правило гостепріимства: не предложилъ гостямъ ни напиться у него чаю, ни закусить. «Подумайте, почтеннѣйшая», говорилъ онъ, обращаясь къ нянѣ, до глубины души оскорбленный такимъ поведеніемъ молодыхъ людей: «ничего святого нѣтъ: наѣлись, напились, въ грязныхъ сапожищахъ, въ одеждѣ, пропитанной винными парами, бухъ въ гробы!... Осквернили святыню моей души!..»

Когда послѣ окончанія курса ученія, что было скоро послѣ освобожденія крестьянъ, я пріѣхала къ роднымъ въ деревню, меня потянуло въ домъ крестнаго! Его самаго уже давно не было въ живыхъ, имѣніе было продано новому владѣльцу, но я все-таки направилась по тропинкѣ къ саду. Я прекрасно уже понимала, что крестный, котораго я такъ любила въ дѣтствѣ, хотя былъ человѣкомъ незлобивымъ, но въ сущности былъ эгоистомъ, который весь конецъ своей жизни провелъ въ холѣ своего тѣла, въ выполненіи своихъ барскихъ причудъ, еще за долго до смерти чуть не набальзамировавъ себя духами и ароматическими эссенціями, но я вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно знала и все значеніе, все могущество помѣщичьей власти, которою онъ никогда не злоупотреблялъ, что было въ то время большою рѣдкостью. Добрая память о немъ заставила сильно забиться мое сердце, когда я завидѣла ограду его сада. Но каково было мое разочарованіе, когда, приблизившись къ ней, вмѣсто чуднаго цвѣточнаго ковра, я увидѣла гряды съ капустными кочнями, а на крылечкѣ разсмотрѣла нѣсколькихъ мужчинъ, напоминавшихъ приказчиковъ и хохотавшихъ во все горло: на столѣ передъ ними красовалась цѣлая батарея бутылокъ.

Если бы не существовало дѣтей Воиновыхъ, я бы не знала, что такое настоящая дѣтская возня и игры, бѣготня, безудержный, безпричинный смѣхъ,—однимъ словомъ все то, что представляетъ главную основу для болѣе или менѣе правильнаго физическаго, умственнаго и даже нравственнаго развитія дитяти, единственное что мѣшаетъ засушивать дѣтскую душу въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Правда, няня иногда приводила ко мнѣ для игры крестьянскихъ ребятъ, но съ ними у меня не выходило настоящаго веселья. И вотъ это-то служило краснорѣчивымъ показателемъ

того, что крѣпостная среда даже тамъ, гдѣ она представляла наименѣе благопріятную почву для развитія рабскихъ чувствъ, вездѣ и всюду имѣла лишь развращающее вліяніе. Хотя моя мать, какъ и громадное большинство ея современницъ, не обладала ни малѣйшими элементарными понятіями о правильномъ воспитаніи дѣтей, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе неожиданнаго разоренія, она съ энергіею, присущею ея необыкновенно дѣятельной натурѣ, дѣлала все, чтобы вытравить въ насъ малѣйшую склонность къ барству. Никто изъ насъ, ея дѣтей, никогда не слыхалъ окриковъ крѣпостнымъ: «Какъ ты смѣешь такъ говорить съ барышнею?» или: «Развѣ не видишь, что барышня обронила?» и т. п. Напротивъ, когда матушка замѣчала въ комъ нибудь изъ насъ хотя тѣнь барства, она нападала на провинившагося не только съ ожесточеніемъ, но даже какъ то запальчиво. Въ нашемъ домѣ крестьянскіе ребята, играя со мной, могли бы, кажется, забыть о томъ, что я «барышня», но этого не было у насъ, точно такъ же, какъ и въ другихъ помѣщичьихъ семьяхъ, члены которыхъ никогда не забывали о своемъ дворянствѣ. Чуть, бывало, мы дѣти начнемъ кричать и бѣгать въ перегонку по двору, по которому вѣчно сновали бабы и мужики, каждый изъ нихъ, проходя мимо насъ считалъ своею священною обязанностью крикнуть ребенку, нечаянно задѣвшему меня: «Какъ ты смѣешь, пострѣленокъ, барышню толкать?» А иная баба подбѣжитъ да и толкнетъ кулакомъ въ спину или дернетъ за волосы провинившуюся передо мною дѣвочку. Но эти игры, устраивавшіяся въ праздничные дни лѣтомъ, прекращались зимою. «Какъ хотите, Марья Васильевна», говорила горничная нянѣ, «я крестьянскимъ ребятамъ ни за что не позволю въ хоромы къ барышнѣ бѣгать: грязными ножищами наслѣдятъ... мнѣ не разорваться... все подтирать за такой оравой!..»

Только у Воиновыхъ я могла вдоволь нарѣзвиться. Я крѣпко подружилась съ ихъ дѣтьми: Олею 8-ми и Митею 7-ми лѣтъ. Особенно полюбила я Митю: дружба съ нимъ заставила меня забыть о моей ненависти къ мальчикамъ вообще, которую я питала къ нимъ раньше. Воиновы жили въ верстахъ четырехъ отъ насъ, на другой сторонѣ озера, и когда оно замерзало, насъ нерѣдко возили другъ къ другу. Но лѣтомъ мы видѣлись гораздо рѣже: матушка считала преступленіемъ въ это время года причинять ущербъ полевымъ работамъ, отрывая работниковъ для забавы своихъ дѣтей. Осенью и весною, когда приходилось объѣзжать озеро, ѣздить другъ къ другу мѣшали плохія дороги, а озеро было бурливо и опасно для переѣзда на лодкѣ. Вотъ и случалось такъ, что въ такое время года мы не видались иногда по мѣсяцамъ и больше.

Когда дѣти Воиновыхъ должны были въ первый разъ пріѣхать къ намъ, меня крайне конфузило то, что у нихъ такъ много дорогихъ игрушекъ, а у меня совсѣмъ ихъ не было. Няня, какъ и всегда, явилась моею спасительницею. Она принесла съ чердака нѣсколько ящиковъ съ остатками театральныхъ костю-

мовъ нашихъ бывшихъ артистовъ. Хотя все мало-мальски пригодное было давно утилизировано ею, а остальное представляло что-то въ родѣ трухи, но она съ Нютой принялись все разбирать, подкраивать, сметывать и мастерить.

Какъ только Воиновы пріѣхали къ намъ, няня, сестра и Ольга Петровна начали наряжать насъ, дѣтей, въ разные театральные костюмы: намъ надѣвали короны изъ золоченой бумаги, юбочки изъ кисеи, и мы въ этихъ нарядахъ бѣгали показываться старшимъ. Но когда затѣмъ мы выбѣжали на дворъ, крестьяне старые и малые высыпали изъ избы и звали другихъ посмотрѣть на насъ, ощупывали руками наши наряды; мы поняли, что поразили ихъ, и это доставляло намъ большое удовольствіе.

Времяпровожденіе въ домѣ Воиновыхъ было болѣе разнообразно, чѣмъ у насъ: когда послѣ бѣготни мы чуть не падали отъ усталости, намъ приносили французскія книги съ картинками. Гувернантка Воиновыхъ Ольга Петровна начинала читать какой-нибудь разсказъ по-французски, дѣти звонко хохотали, а я ничего не понимая на этомъ языкѣ, вспыхивала отъ смущенія, и на мои глаза навертывались слезы. Тогда Ольга Петровна сейчасъ же принималась объяснять прочитанное по-русски или приносила карты для игры въ «дурачки», вытаскивала изъ ящика куклы, лото. Но всѣ эти игры скоро замѣнены были сказками, и я сдѣлалась настоящей спеціалисткой по этой части.

Отъ няни, Саши и горничныхъ я знала много сказокъ, и вотъ постепенно я стала кое-что измѣнять и присочинять къ нимъ,—такія я уже считала сказками своего изобрѣтенія. Когда я въ первый разъ сказала своимъ маленькимъ слушателямъ о томъ, что я сама умѣю сочинять сказки, они были такъ поражены, что побѣжали разсказать это своей матери. Наталья Александровна и гувернантка сдѣлали удивленные глаза и добились того, что я, несмотря на свою изъ ряда вонъ выходящую конфузливость, въ концѣ концовъ стала разсказывать сказки въ ихъ присутствіи. Ихъ похвалы и вниманіе дѣтей поощряли меня къ дальнѣйшему сочинительству: мнѣ стало казаться, что этимъ я импонирую Воиновымъ: если они, разсуждала я, возвышаются передо мной знаніемъ французскаго языка и своимъ богатствомъ, то я во что бы то ни стало должна затмить ихъ чѣмъ бы то ни было.

Сидя дома, я все думала теперь о томъ, какъ бы мнѣ сочинить новую сказку, какъ бы еще болѣе поразить моихъ пріятелей. И вотъ я стала вводить въ свои разсказы все болѣе чертовщины, мертвечины, баснословныхъ, кровожадныхъ уродовъ, людоѣдовъ, оборотней, не существующихъ звѣрей, однимъ словомъ, всевозможныхъ страшилъ. Затѣмъ всю эту чепуху я стала все болѣе драматизировать и передавать въ лицахъ. Свои сказки я разсказывала загробнымъ голосомъ, то повышая его, то понижая, урчала, кричала, визжала, колотила палкою по полу, бѣгала на четверенькахъ, когда представляла животныхъ. Митя и Оля

такъ пристрастились къ нимъ, что, въ концѣ концовъ, мы, при посѣщеніи другъ друга, только и занимались ими, даже перестали бѣгать и играть. Чуть, бывало, они завидятъ меня, какъ сейчасъ же требуютъ, чтобы я имъ разсказывала. Митя съ утра до ночи могъ слушать мои сказки: когда въ нихъ особенно много появлялось чертовщины, я передавала ихъ сугубо страшнымъ голосомъ, и онъ дрожалъ, какъ осиновый листъ. Я переставала разсказывать, но Митя со слезами умолялъ меня продолжать. Меня, однако, мучили его слезы, и я успокаивала его, говоря: «Не бойся, Митя... я пропущу теперь все самое страшное»...

— Нѣтъ, нѣтъ! ничего не пропускай: разсказывай пострашнѣе...

Эти сказки кончались обыкновенно тѣмъ, что мы всѣ ревѣли. Старшіе, вбѣжавъ въ комнату и узнавъ, въ чемъ дѣло, начинали хохотать. Вмѣсто того, чтобы прекратить эти зловредныя розсказни, которыя дѣлали крайне нервнаго и болѣзненнаго мальчика еще болѣе нервнымъ, а во мнѣ все болѣе развивали мелкое самолюбіе и уродливую фантазію, старшіе поощряли меня, и я стала гордиться этой чепухой до такой степени, что разсказывала ее даже въ присутствіи моей матери.

— Попомните мое слово,—говорила Наталья Александровна моей матери,—Лизуша будетъ у васъ знаменитой актрисой... Конечно, актрисъ не принимаютъ въ порядочномъ обществѣ... но если ужъ очень знаменитая, то я сама читала... такихъ даже ищутъ.

— О, Господи!—отвѣчала на это матушка,—при моей-то бѣдности, куда мнѣ разбирать, принимаютъ ихъ или не принимаютъ въ обществѣ... Если у дѣвочки окажутся способности къ театру, я даже ни минуты не задумаюсь,—отдамъ ее въ актрисы... Лишь бы была честная, да денегъ побольше добывала... Ни о чемъ, кромѣ этого, я и думать-то не хочу.

Однако, лестное мнѣніе старшихъ о моихъ сценическихъ дарованіяхъ совсѣмъ не оправдалось: вслѣдствіе полнаго отсутствія самыхъ элементарныхъ артистическихъ способностей, я не могла участвовать даже въ скромныхъ домашнихъ спектакляхъ, которые нерѣдко устраивались во время моей молодости.

Когда Воинова не было дома, мы вбѣгали въ его кабинетъ: кромѣ конторки, на которой лежали записныя тетради хозяина, вся комната была уставлена большими и маленькими пяльцами. Воиновъ, головой и глазами напоминавшій сову, а фигурой—обезьяну на заднихъ лапахъ, жестокій до невѣроятности со своими крѣпостными, крики которыхъ во время экзекуцій то и дѣло раздавались изъ сарая, любилъ изящныя рукодѣлья и самъ великолѣпно вышивалъ цвѣтнымъ шелкомъ шерстяныя оборки для платьевъ своей жены, а также по канвѣ ковры и полосы для сонетокъ. Мало того: онъ, видимо, обладалъ страстнымъ темпераментомъ: несмотря на брачныя узы, которыя онъ носилъ уже болѣе десяти лѣтъ, онъ не могъ наглядѣться на свою жену,

не могъ отвести глазъ отъ нея. Но на своихъ дѣтей онъ не обращалъ никакого вниманія, не вмѣшивался ни въ ихъ воспитаніе, ни въ домашнее хозяйство своей жены. Наталья Александровна, въ свою очередь, совсѣмъ не входила въ его распоряженія. Она вся отдалась своимъ дѣтямъ, возилась съ ними съ утра до ночи, несмотря на то, что у нея была прекрасная гувернантка. Кромѣ нашего семейства, она рѣдко у кого бывала, а между тѣмъ это еще была молодая женщина, красивая, образованная, какъ, по крайней мѣрѣ, это понималось въ ту пору, съ свѣтскими манерами и съ значительными матеріальными средствами.

Какъ странно было видѣть ее вмѣстѣ съ ея мужемъ—человѣкомъ полуграмотнымъ, косолапымъ мужланомъ, который говорилъ тоненькимъ дискантомъ и, главное, былъ на рѣдкость уродливымъ человѣкомъ!

Наталья Александровна, всегда оживленная и разговорчивая въ нашемъ домѣ, почти не разговаривала съ мужемъ при гостяхъ, а лишь отрывочно отвѣчала на его вопросы и изрѣдка сама задавала ихъ ему. Передъ тѣмъ, какъ ему отвѣтить или спросить о чемъ-нибудь, она какъ-то выпрямлялась и выраженіе ея добраго, симпатичнаго лица дѣлалось вдругъ холоднымъ. Она называла его «вы», а онъ ее «ты» и «Наточка».

Какъ могла она выйти за него замужъ?—спрашивали матушку мои сестры. У насъ ходили по этому поводу столь противорѣчивые слухи, что ихъ не стоитъ повторять, а Наталья Александровна никогда никому не разсказывала о своей жизни до замужества.

Е. Водовозова.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Въ мѣста отдаленныя.

(Воспоминанія административнаго).

I.

Почти четверть столѣтія прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ мы, „Пролетаріатцы“, послѣ долгаго одиночного заключенія въ Варшавской крѣпости, получили извѣщеніе начальства, что будемъ высланы административнымъ порядкомъ въ Сибирь, а еще до сихъ поръ я живо помню ту горечь и обиду, которую переживалъ тогда отъ сознанія, что ни за что, ни про что долженъ буду долгія пять лѣтъ лучшей поры жизни просидѣть въ глухомъ углу невѣдомой, далекой, страшной Сибири.

Всѣхъ насъ изъ Варшавы высылалось въ Сибирь 22 человѣка, въ томъ числѣ три женщины въ Западную Сибирь: (Полль, Ентысъ, Дзянковская)—Рудницкій, Пашке, Пташинскій, Зарембa, Савицкій, Быкъ, Малиновскій, Подбѣльскій, Ставискій, Дрешеръ, Каленбрунъ и Крохмальскій и въ Восточную: Рыдзевскій, Тржсшковскій, Гандельсманъ, Кефферъ, Выгановскій, Острейко и я. Спустя приблизительно мѣсяцъ послѣ объявленія приговора, намъ сообщили, что на другой день насъ будутъ отправлять въ Москву. 18 го августа 1885 года, часовъ въ 10—11 утра, насъ разсадили по четыре человѣка въ наглухо закрытые деревянные ящики на колесахъ, съ окошечками, продѣланными въ стѣнкахъ, чтобы мы не задохлись въ этихъ импровизированныхъ передвижныхъ тюрьмахъ. Эти крошечныя окошечки, конечно, были снабжены толстыми желѣзными рѣшетками.

Каждую повозку окружалъ конвой конныхъ жандармовъ, съ шашками наголо, и весь кортежъ, на полныхъ рысяхъ направился въ городскую тюрьму. Тамъ насъ помѣстили въ одной просторной камерѣ и вскорѣ прибывшій конвойный офицеръ принялъ насъ, подъ расписку, отъ крѣпостного смотрителя—жандармскаго офицера.

Стали готовить насъ къ дальнѣйшему пути.

Начался осмотръ вещей, упаковка ихъ, провѣрка статейныхъ спис-

ковъ, сличеніе физіономій съ имѣвшимися при спискахъ фотографическими карточками и т. д. Наконецъ, вся эта возня окончилась и мы, уже пѣшкомъ, окруженные солдатами, пошли на станцію, обошли вокзалъ стороной, чтобы не попадаться на глаза публикѣ и размѣстились въ приготовленномъ арестантскомъ вагонѣ.

Публика, узнавшая, несмотря на всѣ предосторожности, о высылкѣ партіи политическихъ, наводнила вокзалъ. Особенно много явилось рабочихъ, расположившихся не на перронѣ, откуда ихъ гнали жандармы, а вдоль пути, на протяженіи 2—3 верстъ за Варшавой. Все время насъ держали на приличномъ разстояніи отъ вокзала и только за нѣсколько минутъ до отхода поѣзда нашъ вагонъ подали и прицѣпили въ хвостѣ поѣзда. Послѣ второго звонка изъ вагона вдругъ раздалось пѣніе. Публика заволновалась, кинулась ближе къ вагону, послышались прощальныя пожеланія. Третій звонокъ—поѣздъ дрогнулъ и сталъ тихонько двигаться.

— Прощайте! не забывайте насъ!—неслось со всѣхъ сторонъ и все это покрылось громкимъ „Ура!“ публики и грохотомъ поѣзда.

Вдоль пути стояли группы рабочихъ, махали намъ шапками и платками и кричали пожеланія счастливаго пути и скораго возвращенья. Пріятно взволнованные такими сердечными проводами, мы весело разставались съ Варшавой.

II.

Послѣ долгаго и строгаго одиночнаго заключенія на насъ чрезвычайно пріятно дѣйствовала новизна обстановки. Уже одно отсутствіе ненавистныхъ синихъ мундировъ, такъ долго мозолившихъ намъ глаза, радовало насъ несказанно. Мы не могли наговориться другъ съ другомъ, не могли наглядѣться на мелькавшіе передъ нами родные виды, не могли вдоволь надышаться чуднымъ воздухомъ теплаго августовскаго вечера. Молодость безпечна и склонна, увлекаясь настоящимъ, не думать о будущемъ,—и большинство изъ насъ не думало о томъ, что ждетъ ихъ впереди.

Мы жили данной минутой и наслаждались всѣмъ, что не напоминало намъ крѣпости съ ея мертвящей тоской одиночнаго заключенія. Но не долго продолжалось такое настроеніе.

Всѣ мы оставляли на родинѣ близкихъ намъ, дорогихъ людей: отцовъ, матерей, братьевъ, сестеръ, женъ и дѣтей.

Тоска заползала намъ въ душу, мы теперь слишкомъ ясно понимали, что каждый оборотъ колесъ вагона отдаляетъ насъ отъ нихъ, что пройдутъ года, когда намъ можно будетъ вернуться, можно будетъ снова увидѣть ихъ. Оторванные отъ всего близкаго, родного, отданные во власть слѣпой силѣ, которой до насъ не было ровно никакого дѣла, въ глазахъ

которой мы были не больше какъ пѣшками, надъ которыми она производила свои манипуляціи—мы шли навстрѣчу неизвѣстному будущему, одинокіе, измученные всѣмъ пережитымъ нами, всѣмъ выстраданнымъ. Это горе особенно сильно чувствовалось въ первый день пути. Нужно было притерпѣться къ нему, сжиться съ нимъ, пережить острый его періодъ.

III.

Въ Москву мы пріѣхали усталые, измученные и физически и нравственно. Долгое тюремное заключеніе до того ослабило насъ, что даже обиліе впечатлѣній страшно утомляло. Съ московскаго вокзала отправились пѣшкомъ, окруженные цѣпью солдатъ, въ Бутырскую тюрьму. Въ Пугачевской башнѣ насъ ожидали товарищи-попутчики въ Сибирь: Дибобесъ, Гордонъ, Шульмейстеръ, Яковлевъ, Бубновъ, Прокофьевъ и Рехневская. Въ Москвѣ мы пробыли всего нѣсколько дней. Начальство торопилось поспѣть къ послѣднему пароходному рейсу изъ Тюмени въ Томскъ, чтобы не застрять на всю зиму гдѣ-нибудь въ дорогѣ. Опять возня съ вещами. Пришлось укупоривать отдѣльно все, что не понадобится въ дорогѣ и сдавать на руки конвою. Запломбированные сундуки и чемоданы передавались однимъ конвоемъ другому безъ осмотра и слѣдовали съ нами до самаго мѣста назначенія. Все, что не разрѣшалось имѣть при себѣ, всякіе инструменты, ножи, вилки и т. п. можно было уложить отдѣльно, запечатывалось и выдавалось владѣльцу по прибытіи на мѣсто. Цѣлыхъ два дня возились солдаты, осматривая наши пожитки, помогая укупоривать и завязывать ихъ.

Въ Москвѣ же нужно было запастись всѣмъ необходимымъ для дороги; нужно было выбрать старосту и его помощника для веденія довольно сложнаго дорожнаго хозяйства, а также для сношеній и всякихъ переговоровъ съ начальствомъ. Выборы производились по всѣмъ правиламъ и въ результатѣ Острейко былъ избранъ старостой и я его помощникомъ. Въ тѣ времена начальство признавало выборныхъ старостъ, выдавало имъ на руки кормовыя деньги всей партіи и даже отпускало за покупками въ городъ, но, конечно, съ конвоемъ. Всѣ, имѣвшіяся у каждаго изъ насъ, деньги были переданы въ общую кассу и поступили въ распоряженіе старосты. Хлопотъ было много. Приходилось позаботиться не только о всякихъ припасахъ, но и объ одеждѣ, бѣльѣ и обуви бѣднѣйшихъ членовъ партіи, и все это спѣшно, такъ какъ начальство торопило со сборами. Изъ Бутырокъ на вокзалъ прошли пѣшкомъ; тамъ опять арестантскій вагонъ и совсѣмъ неинтересное путешествіе въ немъ въ Нижній-Новгородъ. Въ Нижнемъ насъ уже ждалъ пароходъ съ арестантской баржей, чтобы доставить

до Перми. Прямо изъ вагона насъ перевели на баржу, гдѣ уже размѣщена была партія уголовныхъ, занявшая почти всю баржу, такъ что намъ достались каюты на кормѣ и одно кормовое помѣщеніе въ трюмѣ. Кругомъ всей палубы устроена была толстая желѣзная рѣшетка, потолокъ тоже рѣшетчатый желѣзный, покрытый сверху брезентомъ. Вездѣ часовые съ ружьями. Палуба уголовныхъ отдѣлялась отъ нашей тоже желѣзной рѣшеткой. Конвой у насъ былъ отдѣльный. Здѣсь то впервые пришлось мнѣ близко увидѣть сѣрую арестантскую массу, закованную въ кандалы, съ обритыми на половину головами. Долго не могъ я отдѣлаться отъ жгучаго чувства стыда и обиды, глядя на униженіе человѣка, на ту безсмысленную злобу и жестокость, съ которой стараются убить не только тѣло, но и душу ближняго.

IV.

Путешествіе по водѣ, по хорошей погодѣ вообще пріятно; въ нашемъ же положеніи оно казалось мнѣ какой-то увеселительной экскурсіей, предпринятой со спеціальной цѣлью дать пріятный отдыхъ измученнымъ людямъ. Блестящая гладь воды ласкала взоръ, привыкшій долгое время созерцать только грязныя тюремныя стѣны; тихое журчаніе и всплески воды сладко убаюкивали и разнѣживали. По цѣлымъ днямъ сидѣли мы на палубѣ, любуясь прибрежными водами, слушая крики носившихся надъ водой бѣлыхъ чаекъ, грѣлись на тепломъ осеннемъ солнышкѣ, безъ конца впивая живительный, влажный рѣчной воздухъ. Мирно бесѣдуя, мы вспоминали недавнее прошлое и оно не казалось намъ такимъ страшнымъ и тяжелымъ въ этой мирной обстановкѣ. Изъ-за чего только люди такъ зло и жестоко мучаютъ другъ друга, когда такъ много мѣста на свѣтѣ и мать природа такъ ласкова ко всѣмъ, невольно думалось, созерцая всю прелесть осеннихъ картинъ.

Между уголовными оказались любители и знатоки пѣнія, они подобрали голоса, разучили разныя пѣсни и по вечерамъ задавали настоящіе концерты. Хоръ у нихъ составился весьма порядочный. Сибирскіе купцы, ѣхавшіе на пароходѣ, тащившемъ нашу баржу, послѣ перваго вечера, когда пѣвцы, видимо надѣявшіеся на подачку, особенно старались, прислали имъ, подъ видомъ подаянія, нѣсколько рублей. Это подбодрило и „Ермакъ" далеко и стройно разносился по гладкой поверхности рѣки. Пѣнію никто не препятствовалъ. Оно, видимо, нравилось и конвойнымъ солдатикамъ и офицеру и продолжалось до самой повѣрки, когда бѣдныхъ пѣвцовъ загоняли въ трюмъ, запирали тамъ и къ дверямъ ставили стражу. Какъ зорко ни караулили часовые, какъ ни была крѣпка и часта рѣшетка, ограживающая всю баржу, а все-таки, какимъ то образомъ, удалось одному

изъ уголовныхъ пробраться за рѣшетку и броситься въ воду. Услыхали подозрительный всплескъ воды и сейчасъ же остановили пароходъ, спустили лодку и бросились искать, но черная осенняя ночь скрыла въ своихъ объятьяхъ бѣглеца. Стали провѣрять арестантовъ, но какъ ни считали, а одного досчитаться не могли. Кто убѣжалъ—узнали только на другой день при поименной перекличкѣ, но того, какимъ образомъ ухитрился онъ это продѣлать, такъ и не узнали. Офицеръ злился, ругался, а солдатики, молча выслушивавшіе его брань и угрозы, послѣ ухода его добродушно ухмылялись, какъ бы сочувствуя смѣльчаку.

V.

Въ послѣдній день нашего плаванія погода испортилась. Съ утра небо покрылось тучами, дулъ холодный вѣтеръ и вскорѣ началъ падать настоящій осенній, затяжной дождь. Настроеніе наше сразу измѣнилось. Цѣлый день всѣ прятались по каютамъ, кутаясь отъ холода и страшно скучая. Въ сумерки приплыли мы, наконецъ, въ Пермь. Началась выгрузка уголовныхъ, размѣщеніе ихъ на ожидавшіе уже подводы и отправка дальше— въ Тюмень на лошадяхъ. Уже совсѣмъ темной ночью, при свѣтѣ фонарей, сошли мы съ баржи и тутъ же были размѣщены на телѣги, долженствовавшія доставить насъ до перваго этапа. На каждую телѣгу усаживалось 2—3 человѣка и столько же конвойныхъ. Темнота, неудобное положеніе, дождь, не перестававшій лить и промочившій насъ до костей, непроглядная темень, невылазная грязь, по которой пришлось ѣхать шагомъ,—все это сдѣлало этотъ, сравнительно небольшой станокъ, памятнымъ всѣмъ намъ. Несчастнымъ уголовнымъ пришлось еще хуже. Ихъ усаживали по 8 человѣкъ на телѣгу и, чтобы устранить возможность побѣга, сковывали всѣхъ одной цѣпью, а конецъ ея приковывали къ телѣгѣ. Они не могли ни укрыться отъ дождя своими халатами, ни усѣсться удобнѣе, ни даже итти пѣшкомъ, рядомъ съ телѣгой—каждый въ своихъ движеніяхъ зависѣлъ отъ всѣхъ остальныхъ. Солдатики, промокшіе, иззябшіе, злые поминутно ругались и проклинали свою судьбу.

Только въ полночь дотащились мы до перваго этапа. Попавъ, наконецъ, въ теплое помѣщеніе и снявъ мокрое платье, мы спѣшно напились чаю и, усталые до изнеможенія, завалились спать. Дамы наши пріѣхали чуть живыя, такъ что даже и чая не стали ждать. На утро, отдохнувъ и, какъ слѣдуетъ закусивъ, мы двинулись дальше. Здѣсь уже были приготовлены намъ повозки. Это громадные, неуклюжіе, крытые экипажи, запряженные 4—5 лошадьми. Садились мы въ нихъ по 3—4 человѣка при такомъ же количествѣ конвойныхъ, лѣпившихся, какъ попало, на козлахъ

и облучкахъ повозки. Сидѣть въ этихъ колымагахъ было гораздо удобнѣе, чѣмъ въ телѣгахъ. На дно повозки укладывались вещи, сверху ихъ постели и получалось сносное сидѣнье. Дорога была отвратительная—истинно-русская дорога, по которой ѣхать можно только шагомъ. Грязь доходила лошадямъ до колѣнъ; ямы, колдобоины, ухабы—все какъ слѣдуетъ, въ должномъ количествѣ. Въ деревняхъ, черезъ которыя мы проѣзжали, намъ выносили подаяніе. Мчится какая-нибудь бабенка босикомъ, утопая въ грязи, на середину улицы, къ нашимъ повозкамъ и подаетъ конвойному рѣпу, брюкву, огурцы или коврижку пшеничнаго хлѣба со словами: „Прійми, Христа ради, для несчастненькихъ“. Мы благодарили, принимали подаяніе и на этапѣ передавали все старостѣ уголовныхъ.

VI.

Цѣлыхъ семь дней тащились мы такимъ образомъ. Не обошлось, конечно, и безъ приключеній. Однажды, въ особенно грязномъ и ухабистомъ мѣстѣ, повозка, въ которой ѣхали три нашихъ дамы, вдругъ затрещала, накренилась и стала.

Раздались крики и визгъ перепуганныхъ пассажирокъ, проклятія ямщика и конвойныхъ. Я былъ въ слѣдующей повозкѣ и вскорѣ подъѣхалъ къ мѣсту крушенія. Оказалось, что у повозки сломалась ось. Ѣхать въ ней дальше нечего было и думать, а до этапа было еще далеко. Унтеръ, сопровождавшій насъ, распорядился разсадить дамъ по другимъ повозкамъ, а солдатамъ велѣлъ итти пѣшкомъ.

Сломанная повозка стояла въ самой невылазной грязи, такъ что выдти изъ нея нашимъ дамамъ, чтобы перейти въ другія повозки, было немыслимо. Нужно было перенести дамъ на рукахъ. Я былъ въ длинныхъ сапогахъ и взялся исполнить эту задачу. Двухъ дамъ я перенесъ довольно успѣшно,—онѣ были такія легонькія послѣ долгаго тюремнаго заключенія! Но когда очередь дошла до Наталіи Полль, особы крупной и довольно полной, я оказался въ весьма затруднительномъ положеніи. Не хотѣлось сознаться, что эта ноша мнѣ не по силамъ, и чтобы не свалиться вмѣстѣ съ нею въ грязь, я велѣлъ подъѣхать повозкѣ возможно ближе и ухитрился пересадить ее безъ большихъ хлопотъ. Эта перегрузка прекраснаго пола заняла порядочно времени и настроила публику на весьма шутливый ладъ. Меня долго донимали шутками, что я не дерзнулъ взять на руки г-жу Полль. Цѣлые дни мы проводили въ повозкахъ, попадая только къ ночи на этапъ, гдѣ и ночевали. По части провизіи здѣсь намъ было прямо раздолье. На каждомъ этапѣ мы покупали жареныхъ поросятъ, гусей, куръ и все это по невѣроятно дешевымъ цѣнамъ. На третій или четвертый день мы подъ-

ѣхали къ линіи желѣзной дороги Екатеринбургъ—Тюмень, на которой тогда еще не было открыто правильное движеніе и съ завистью смотрѣли на мчавшіеся мимо насъ рабочіе поѣзда. Чудные виды Урала по большей части пропадали для насъ за невозможностью охватить болѣе широкій горизонтъ изъ закрытой повозки. У столба, на которомъ съ одной стороны была надпись „Европа“, а съ другой „Азія“, мы сдѣлали маленькій привалъ и, простившись со старушкой Европой, вступили въ предѣлы не менѣе старой, но для насъ новой и незнакомой Азіи.

VII.

Въ Тюмень мы прибыли въ полдень. Помѣстили насъ всѣхъ мужчинъ въ одной просторной камерѣ пересыльной тюрьмы, гдѣ мы и расположились дожидаться парохода и совершенія всѣхъ потребныхъ формальностей. Начальство работало во всю, подбирало новую партію уголовныхъ, назначало и отправляло по мѣстамъ тѣхъ изъ насъ, которые были сосланы въ Западную Сибирь. Здѣсь мы разстались съ большинствомъ товарищей. Ихъ размѣстили слѣдующимъ образомъ: Яковлевъ, Дибобесъ, Пашке, Рудницкій, Наталья Полль, Пташинскій и Зарембa въ Туринскъ; Савицкій, Быкъ, Малиновскій и Подбѣльскій—въ Тюкалинскъ; Рехневская и Ставискій—въ Ишимъ; Александра Ентысъ, Дзянковская, Дрешеръ, Каленебрунъ и Крохмальскій—въ Тару и Прокофьевъ въ Степное Генералъ-Губернаторство. Нѣсколько дней, которые мы провели въ Тюмени, прошли въ хлопотахъ и сборахъ къ дальнѣйшему пути. Мы раздѣлили нашу общую кассу такъ, что западникамъ досталось значительно меньше, чѣмъ восточникамъ, но все-таки такъ, чтобы каждый по пріѣздѣ на мѣсто своего новаго жительства имѣлъ на первыя потребности нѣсколько рублей. Мы знали, что во всѣхъ городахъ, куда ѣхали наши товарищи, есть уже ссыльные-товарищи и что они помогутъ имъ устроиться. Въ Тюмени, какъ и на всѣхъ сибирскихъ этапахъ, каждая проходящая партія обязательно оставляла на стѣнахъ, нарахъ, подоконникахъ надписи съ перечисленіемъ своихъ членовъ и съ указаніемъ мѣстъ, куда они назначены. Каждая вновь прибывшая партія читала эти надписи и, такимъ образомъ, получала самыя точныя свѣдѣнія, кто куда сосланъ, на сколько лѣтъ и т. п. Въ Тюмени захворалъ тифомъ Рыдзевскій и остался лежать въ больницѣ при пересыльной подъ наблюденіемъ молодого симпатичнаго врача, обнадежившаго насъ, что болѣзнь въ легкой формѣ и бояться за его жизнь нечего. Остаться кому-нибудь изъ товарищей для ухода за больнымъ не разрѣшили. Нѣкоторые изъ западниковъ, но кто именно, теперь не помню, уѣхали изъ Тюмени еще при насъ; съ остальными же мы трогательно распрощались и, шлепая по Тюменской грязи, отправились на пристань.

VIII.

Съ тяжелымъ чувствомъ разставался я съ товарищами, какъ бы предчувствуя, что уже никогда болѣе не увижу ихъ, что многимъ изъ нихъ суждено на вѣки остаться въ Сибири, вдали отъ страстно любимой родины и близкихъ ихъ сердцу людей. Со страхомъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ помѣстились мы въ грязномъ, сыромъ, полутемномъ трюмѣ старой арестантской баржи, идущей въ Томскъ. Погода стояла отвратительная. Дождь, вѣтеръ, свинцовое небо, сплошь покрытое тучами, непривѣтливая обстановка грязной баржи, свѣжее впечатлѣніе разлуки съ товарищами—все до боли терзало нервы, не давало ни минуты душевнаго покоя. Каждый старался уединиться, спрятаться со своимъ горемъ, со своей тоской.

Кто уныло бродилъ по палубѣ, кто притворяясь спящимъ, молча лежалъ на нарахъ. Только во время обѣда, о которомъ позаботился нашъ неутомимый староста, настроеніе стало мало-по-малу мѣняться, кое-кто рѣшительно заявилъ, что плевать молъ на все, будь что будетъ, а жизнь все-таки прекрасная штука и унывать намъ нечего.

Путешествіе по сибирскимъ рѣкамъ въ это время года и при такихъ условіяхъ, въ какихъ мы его совершали, было далеко не изъ пріятныхъ. Здѣсь уже свирѣпствовала капризная, ненастная осень и чѣмъ дальше мы подвигались къ сѣверу, (по Тоболу) тѣмъ становилось все холоднѣе и непригляднѣе. Суровые, угрюмые берега рѣки, хотя и величественные въ своей дикой красотѣ, не радовали взоръ, не давали душевнаго успокоенія, напротивъ, угнетали запуганное, измученное воображеніе, рисуя картины еще болѣе дикихъ и суровыхъ мѣстъ, ждавшихъ насъ къ себѣ. День за днемъ тянулось наше путешествіе, безцвѣтное, скучное, однообразное. Во время остановки въ Тобольскѣ лилъ дождь и сквозь его водяную завѣсу, городъ казался намъ жалкимъ, придавленнымъ, размокшимъ. Великій, многоводный Иртышъ подавлялъ своею могучестью. Дикіе пустынные берега его, безъ малѣйшаго признака человѣческаго жилья; голыя, безлѣсныя равнины, тоскливо раскинувшіяся на необозримомъ разстояніи, наводили тоску и уныніе. Кругомъ не видно было ни деревень, ни людей, ни лодокъ на рѣкѣ, ни какого-либо живого существа, какъ будто мы приплывали по странѣ, гдѣ безжалостная рука смерти смела съ лица земли все живое. Но вотъ наконецъ городъ...

Съ любопытствомъ собирались мы посмотрѣть на первый городъ дальняго сѣвера, небезызвѣстный въ исторіи ссылки, но были жестоко разочарованы. На берегу кучки остяковъ—Васекъ, какъ ихъ здѣсь зовутъ, —нѣсколько человѣкъ сибиряковъ или русскихъ поселенцовъ, нѣсколько хи-

барокъ—и больше ничего. Эта пристань ничтожный, крошечный городишко, состоящій изъ нѣсколькихъ десятковъ жалкихъ лачужекъ, стоитъ въ сторонѣ, и намъ съ баржи его не было видно. Какъ только мы причалили къ берегу, къ нашей баржѣ подплыло нѣсколько остяцкихъ лодокъ съ рыбой. Великолѣпныя стерляди, громадные осетры, щуки и масса всякой другой рыбы продавались по баснословно дешевой цѣнѣ. Купивъ рыбы и угостивъ „Васекъ“ хлѣбомъ, который для нихъ составляетъ недоступное лакомство, мы забрались опять въ трюмъ, такъ какъ было страшно холодно. Дальше повторилось тоже. Опять покупали рыбу, опять раздавали черствые, засохшіе куски хлѣба, которые тутъ же, на нашихъ глазахъ, пожирались съ какою-то животною жадностью. Погода становилась все хуже. Падалъ снѣгъ съ дождемъ, по утрамъ сильно морозило. Мы дрожали отъ холода, кутаясь во все, что имѣли, и большую часть времени проводили въ трюмѣ, мрачные, озлобленные и на людей и на непривѣтливую природу. Девять дней тащились мы до Томска и несказанно обрадовались, когда намъ сказали, что скоро конецъ нашему плаванію, что Томскъ уже близокъ.

IX.

Но, хотя это утомительное плаваніе, дѣйствительно, скоро окончилось, однако злоключеніямъ нашимъ конца не предвидѣлось. Оказалось, что пароходъ не доходитъ до самаго города, а останавливается на Черемошинской (кажется такъ) пристани, верстахъ въ 7 или 8 отъ города. Вскорѣ по прибытіи парохода явилось начальство, началась выгрузка уголовныхъ и отправка ихъ въ пересыльную тюрьму. Ждать своей очереди намъ пришлось довольно долго и только въ сумерки свели насъ на берегъ. Въ городъ мы поѣхали на телѣгахъ. По невообразимо грязной дорогѣ тащились мы, иззябшіе, промокшіе, болѣе двухъ часовъ. Наконецъ, дотащились до пересыльной. Но тутъ встрѣтилось новое препятствіе. Въ пересыльной скопилось болѣе трехъ тысячъ уголовныхъ, свирѣпствовалъ тифъ, и тюремное начальство наотрѣзъ отказалось принять насъ.—Везите, куда знаете—рѣшительно заявилъ смотритель—я не приму; у меня ни одного свободнаго мѣстечка нѣтъ.—Долго сидѣли мы на телѣгахъ, дожидаясь результатовъ совѣщанія начальства. Но всему на свѣтѣ бываетъ конецъ—окончилось и это наше ожиданіе на холодѣ, въ темнотѣ, подъ дождемъ.

Намъ нашли помѣщеніе въ арестантскихъ, куда немедленно и отправили. Безконечно долго ѣхали мы по грязнымъ улицамъ Томска, пока, наконецъ, добрались до арестантскихъ ротъ. Но и здѣсь пришлось ждать, пока нашли смотрителя, пока онъ понялъ, чего отъ него требуютъ и, послѣ долгихъ споровъ и пререканій, согласился принять насъ. Для насъ очи-

стили одну камеру съ рядами наръ вдоль стѣнъ, вмѣсто кроватей и, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ мытарствъ мы очутились въ тепломъ помѣщеніи, могли переодѣться и отдохнуть. Вскорѣ пріѣхалъ совѣтникъ, распорядился снабдить насъ кипяткомъ и, пообѣщавъ пріѣхать утромъ для установленія правилъ нашего здѣсь пребыванія, очень любезно откланялся.

X.

Совѣтникъ сдержалъ слово и часовъ въ десять утра былъ уже у насъ вмѣстѣ съ начальникомъ арестантскихъ ротъ, сердитымъ брюзгливымъ старикомъ, весьма недовольнымъ, что ему навязали такихъ безпокойныхъ жильцовъ, съ которыми и обращаться такъ, какъ онъ привыкъ со своими арестантами, ему не позволили.

Послѣ долгихъ переговоровъ, въ которыхъ мы принимали горячее участіе, былъ выработанъ „modus vivendi". Камера наша не запиралась ни днемъ ни ночью, но около ея дверей ставился на ночь часовой. Днемъ мы имѣли право разгуливать по всему зданію, ходить въ мастерскія, даже работать тамъ—„не портя казеннаго матеріала". Намъ отводилась кухонная плита въ столярной мастерской и давался кипятокъ изъ общаго куба. За провизіей мы могли посылать артельнаго старосту арестантовъ или же могъ ходить за ней нашъ староста съ конвойнымъ. Готовить себѣ пищу должны были сами, а равно убирать сами свою камеру. Дипломатъ-совѣтникъ, желая избавиться отъ жалобъ и всякой возни съ нами и, видимо, хорошо зная нравъ начальника ротъ, а можетъ быть искренно желая оградить насъ отъ его грубаго обращенія, увѣрялъ насъ въ его присутствіи, что съ нами здѣсь будутъ вѣжливы, не станутъ дѣлать никакихъ непріятностей и стѣсненій. Старикъ-начальникъ сердито пыхтѣлъ, что-то ворчалъ себѣ подъ носъ, но ничего не сказалъ. Однако, вечеромъ этого же дня, во время повѣрки, онъ явился къ намъ въ камеру въ шапкѣ и галошахъ и потребовалъ „встать". „Шапку долой!" крикнулъ кто-то въ отвѣтъ на его требованіе, да такъ внушительно, что старикъ повернулся и, не производя повѣрки, поспѣшилъ скрыться. Утромъ по поводу этого инцидента пріѣзжалъ совѣтникъ, велъ долгіе разговоры и съ нами и съ начальникомъ и, въ концѣ-концовъ, порѣшили, что повѣрку будетъ дѣлать конвой. Послѣ этого старикъ больше къ намъ не показывался и какъ будто даже избѣгалъ встрѣчъ съ нами.

XI.

Въ тотъ же день нашъ староста отправился въ городъ, купилъ кухонной посуды и провизіи—и мы зажили своимъ хозяйствомъ. Денегъ

у насъ было мало, кормовыхъ выдавали только по 10 коп. на человѣка, поэтому питаться приходилось весьма умѣренно.

Мы варили себѣ только супъ, утромъ же и вечеромъ обходились чаемъ съ хлѣбомъ и какой-нибудь закуской, въ родѣ соленой рыбы, очень дешевой въ Томскѣ. Въ стряпнѣ и, вообще, въ хозяйствѣ всѣ принимали дѣятельное участіе. Кто чистилъ картофель, мылъ посуду, готовилъ чай, кто убиралъ камеру, кто стряпалъ—работы хватало для всѣхъ. Часа въ 2—3 торжественно водружался на столѣ дымящійся котелъ, голодная братія, набрасывалась на него и, съ завиднымъ, молодымъ аппетитомъ, уписывала за обѣ щеки далеко неизысканныя блюда.

Послѣ обѣда читали, играли въ шахматы, писали письма—вообще всячески старались сократить избытокъ свободнаго времени. Нѣкоторые изъ насъ посѣщали мастерскія, быстро свели знакомство съ работающими тамъ заключенными и сами мастерили себѣ разные ящички, коробочки и т. п. Между арестантами нашлись очень симпатичные, хорошіе люди, натуры далеко не преступныя, а попавшія въ это учрежденіе за дѣла, содѣянныя благодаря своей темнотѣ и некультурности. Въ арестантской средѣ не мало такихъ людей. Въ совершенныхъ ими поступкахъ они никакъ не могутъ усмотрѣть преступленія, въ крайнемъ случаѣ видятъ баловство, озорство, пьяное безчинство, самоуправство. Но судъ не справляется съ ихъ пониманіемъ, съ ихъ взглядомъ на законность. И несутъ эти взрослыя дѣти тяжелыя наказанія, всю жизнь оставаясь въ недоумѣніи, за что съ ними такъ жестоко, такъ несправедливо поступилъ человѣческій судъ. Но вездѣ, куда бы судьба ни забросила такого человѣка, въ его душѣ, какъ неугасимая лампада, продолжаетъ горѣть искра Божія, освѣщая ему жизненный путь, и давая возможность каждому желающему разглядѣть, подъ грубой и преступной внѣшностью, хорошаго, но несчастнаго, разбитаго тяжелой жизнью человѣка. Съ нѣкоторыми изъ нихъ мы сошлись довольно близко, часто посѣщали ихъ, вели съ ними нескончаемыя бесѣды о ихъ житьѣ-бытьѣ, помогали имъ совѣтами и указаніями. И нужно было видѣть, съ какимъ восторгомъ слушали эти темные, забитые, безправные люди разсказы о жизни другихъ людей, болѣе свободныхъ, развитыхъ, культурныхъ, какъ глубоко они чувствовали свое положеніе, какъ страдали отъ своей темноты, какъ жаждали свѣта и знанія. Какъ любознательныя дѣти они хотѣли все знать, обо всемъ спрашивали, всему удивлялись. Наканунѣ нашего отъѣзда они пришли къ намъ въ камеру проститься и сколько искренняго, безкорыстнаго чувства проглядывало въ ихъ пожеланіяхъ, въ ихъ увѣреніяхъ, что они никогда не забудутъ насъ, не забудутъ нашихъ бесѣдъ съ ними и нашего отношенія къ нимъ.

XII.

Отъѣздъ нашъ изъ Томска назначенъ былъ на 23-е сентября. За недѣлю до отъѣзда явился къ намъ совѣтникъ и сообщилъ, что насъ раздѣляетъ на двѣ партіи, что, по какимъ то новымъ правиламъ, отправлять десять человѣкъ политическихъ, при уголовной партіи, не разрѣшается. Мы запротестовали и заявили, что готовиться къ отправкѣ не станемъ и добровольно не пойдемъ: пусть насъ берутъ силой и везутъ связанными. Никакія убѣжденія совѣтника не помогали и онъ уѣхалъ, сказавъ, что доложитъ о нашемъ рѣшеніи губернатору. Вечеромъ онъ пріѣхалъ съ отвѣтомъ губернатора, что нарушать прямое распоряженіе высшаго начальства онъ не можетъ, но увѣренъ, что если мы пошлемъ въ министерство телеграмму съ просьбой отправить насъ всѣхъ вмѣстѣ, то отказа не получимъ. Мы согласились послать телеграмму и стали готовиться къ дорогѣ, не сомнѣваясь, что отвѣтъ будетъ благопріятный. На другой день намъ привезли цѣлый возъ зимней одежды. Полушубки изъ киргизскихъ барановъ, грязные, кислые, вонючіе, чрезвычайно неуклюжаго фасона, сѣрые, длинные халаты, бродни (родъ сапога безъ стелекъ, задниковъ и каблуковъ, съ пришивными желтыми голенищами), суконные портянки, рукавицы съ варешками и арестантскія шапки съ наушниками. Весь этотъ нарядъ крайне неудобенъ и мало грѣетъ, но т. к. у многихъ изъ насъ не было теплой одежды, то пришлось пригонять казенную къ своей фигурѣ, пришивать пуговицы, завязки и т. п. День проходилъ за днемъ въ постоянныхъ сборахъ, приближался срокъ отправки, а отвѣта на нашу телеграмму все не было. 22-го опять пріѣхалъ совѣтникъ и попросилъ дать ему списокъ пяти человѣкъ, которые завтра согласны уѣхать, т. к. отправить всѣхъ насъ, теперь, послѣ посылки телеграммы они уже никакъ не могутъ. Мы поняли, что попали въ ловушку и какъ ни тяжело было намъ разставаться, во избѣжаніе крупнаго и безполезнаго скандала, рѣшили уступить. Бросили жребій и пятеро изъ насъ завтра должны были уѣхать. Весь вечеръ возились мы съ укладываніемъ вещей и дележкой денегъ и припасовъ. Утромъ пришелъ конвой и мы, нарядившись настоящими арестантами, усѣлись на розвальни и поѣхали въ пересыльную, чтобы оттуда вмѣстѣ съ партіей уголовныхъ, двинуться въ путь. Въ пересыльной 400 человѣкъ уголовныхъ стояло уже во дворѣ, выстроившись шеренгами, масса подводъ нагруженныхъ арестантскими котомками, подводы съ больными и калѣками, конвой—все было готово: ждали только какого то начальства.

Но вотъ, на парѣ красивыхъ лошадей, пріѣхалъ „самъ“. Всѣ за-

суетились, прибѣжалъ конвойный офицеръ, смотритель пересыльной и, послѣ непродолжительнаго разговора съ „самимъ“, вдругъ объявили, что отправка отмѣняется. Насъ вернули въ арестантскія роты и только дорогой мы узнали отъ конвойныхъ, что гдѣ то снятъ уже паромъ, что черезъ какую то рѣчку нѣтъ уже переправы. Остававшіеся товарищи были очень пріятно удивлены нашимъ возвращеніемъ и мы, раскупоривъ свои вещи, расположились на старыхъ мѣстахъ. Теперь намъ предстояло ждать зимняго пути, когда всѣ рѣки станутъ и переправы черезъ нихъ будутъ по льду, т. е. нужно было прожить въ Томскѣ еще, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ.

XIII.

Перспектива просидѣть въ Томскѣ еще цѣлый мысяцъ не особенно насъ радовала. Постоянная бивуачная жизнь, со свойственнымъ ей отсутствіемъ самыхъ обычныхъ удобствъ, съ невозможностью чѣмъ-либо заняться, уже порядочно намъ надоѣла. Хотѣлось поскорѣе добраться до своего мѣста и устроить тамъ свою жизнь согласно своимъ желаніямъ и привычкамъ. Недостатокъ книгъ давалъ себя знать особенно сильно и въ безконечно длинные осенніе вечера мы положительно не знали, что съ собой дѣлать, чѣмъ заняться. Но тутъ насъ выручили изъ бѣды товарищи, проживавшіе въ Томскѣ. Въ одинъ прекрасный день къ намъ пришелъ Рублевъ, ухитрившійся, послѣ долгихъ хлопотъ получить разрѣшеніе на свиданіе съ нами. Свиданіе состоялось безъ присутствія соглядатаевъ, такъ что мы провели съ нимъ, въ чрезвычайно интересной для насъ бесѣдѣ, около двухъ часовъ. Узнавъ о нашихъ нуждахъ, онъ взялся снабдить насъ всѣмъ необходимымъ и спустя нѣсколько дней, пришелъ къ намъ съ Чудновскимъ, жившимъ тоже въ Томскѣ, принесъ намъ немного денегъ, одежды и главное книгъ, газетъ и журналовъ за прошедшій годъ, которыхъ мы совсѣмъ не видали. Отъ нихъ мы получили подробныя свѣдѣнія объ ожидавшей насъ дорогѣ, много чрезвычайно цѣнныхъ для насъ совѣтовъ и указаній, избавившихъ насъ, впослѣдствіи, отъ разныхъ непріятностей. Они уже хорошо знакомы были съ сибирскими морозами, съ этапнымъ шествіемъ и всѣми порядками. Слѣдуя ихъ совѣтамъ мы старательно запасались теплымъ бѣльемъ и одеждой, съѣстными припасами и, вообще, всѣмъ необходимымъ для дороги. Они же надоумили насъ запастись папиросами на все время пути. Въ видахъ экономіи, а также, чтобы занять свободное время, мы принялись за производство гильзъ и набивку папиросъ. Кампанецъ очень ловко склеивалъ гильзы, другіе вставляли мунштуки и набивали готовые гильзы табакомъ. Почти всѣ курящіе приняли самое дѣятельное участіе въ этой работѣ и по вечерамъ,

расположившись на краю наръ, слушая чье-нибудь чтеніе, старательно работали. Папиросъ мы надѣлали такую массу, что ихъ не только хватило намъ на дорогу, но даже пріѣхавъ на мѣсто, я очень долго курилъ доставшуюся мнѣ при дележкѣ часть. Не разъ, впослѣдствіи, шествуя съ утра до вечера по жестокому морозу, мы благословляли судьбу, что могли хоть покурить, имѣя готовыя папиросы,—свернуть папиросу озябшими руками было бы немыслимо. Седьмого октября наша небольшая компанія уменьшилась однимъ человѣкомъ. Бубновъ (офицеръ) получилъ разрѣшеніе ѣхать на свой счетъ до самого мѣста своего назначенія. Родные его выхлопотали сиу эту льготу, прислали денегъ и онъ, съ двумя конвойными, за проѣздъ которыхъ долженъ былъ уплатить прогоны въ оба конца, уѣхалъ на почтовыхъ.—„Сами себя въ Сибирь везете“,—поддразнивали мы его, но онъ добродушно отшучивался, очень довольный, что избавился отъ всѣхъ прелестей этапнаго пути.

Вскорѣ мы получили отвѣтъ на телеграмму, которой намъ разрѣшалось ѣхать всѣмъ вмѣстѣ. Это насъ очень обрадовало. Все время сидѣнія въ арестантскихъ ротахъ, за неимѣніемъ подходящаго мѣста, мы не пользовались прогулками на свѣжемъ воздухѣ, чувствовали себя не особенно хорошо и съ большимъ нетерпѣніемъ ждали отправки.

XIV.

Наконецъ, 21-го октября мы разстались и съ Томскомъ и съ его арестантскими ротами, въ которыхъ просидѣли болѣе $1^1/_2$ мѣсяцевъ. Нарядившись въ арестантскіе полушубки и халаты, закутанные башлыками, въ неуклюжихъ скользкихъ бродняхъ, ходить въ которыхъ никакъ не могли сразу приспособится, мы, часовъ въ 10—11 утра, выѣхали на саняхъ догонять партію уголовныхъ, съ ранняго утра ушедшую пѣшкомъ. Осматривавшій насъ въ Томскѣ тюремный врачъ г. Оржешко (братъ извѣстной писательницы) призналъ всѣхъ слабыми, неспособными пройти пѣшкомъ отъ Томска до Красноярска, вслѣдствіе чего всѣ мы получили подводы по одной лошади на каждыхъ три человѣка. Конвойные ѣхали съ нами на саняхъ. На половинѣ дороги догнали партію и поѣхали сзади за ней. Холодный вѣтеръ съ морозомъ очень быстро заставилъ насъ слѣзть съ саней и идти пѣшкомъ, чтобы согрѣться. Партія шла сгрудившись, насколько позволяла ширина дороги.

Гулъ отъ разговоровъ и шаговъ громадной толпы, лязгъ и звонъ кандаловъ, окрики и ругань конвойныхъ, подгонявшихъ отстающихъ и скрипъ саней по мерзлому снѣгу—все это сливалось въ какую то дикую симфонію, никогда нами не слыханную. Партія шла такъ быстро, что мы

едва поспѣвали за ней и, пройдя нѣсколько верстъ, не только согрѣлись, но даже вспотѣли и вынуждены были сѣсть въ сани, чтобы отдохнуть. Вскорѣ догналъ насъ конвойный офицеръ и велѣлъ нашимъ подводамъ обогнать партію и ѣхать рысью на полуэтапъ. На краю деревни стояло казарменнаго типа небольшое зданіе съ маленькими оконцами, защищенными толстыми желѣзными рѣшетками, рядомъ домикъ для конвоя и все это кругомъ обнесено высокимъ, досчатымъ заборомъ. И зданія и заборъ выкрашенные въ желтый цвѣтъ, почернѣвшій отъ времени, имѣли грязный неряшливый видъ. Внутренность вполнѣ соотвѣтствовала внѣшности. Невѣроятная грязь, выбитыя оконныя стекла, заткнутыя грязными тряпками, сырость и холодъ дѣлали это помѣщеніе негоднымъ не только для людей но даже и для скота. Кругомъ камеръ вдоль стѣнъ устроены въ два этажа нары, такія же грязныя, какъ и все въ этомъ зданіи. Въ полутемномъ корридорѣ стояла удушливая вонь, причину которой мы только послѣ узнали. Самую маленькую изъ камеръ отвели намъ для ночлега. Какъ только мы расположились, староста нашъ пригласилъ въ камеру старшаго конвойнаго и, объявивъ ему, что до Красноярска мы уплатимъ конвою, за всякія услуги съ его стороны, такую то сумму (кажется 30 рублей), тутъ же вручилъ ему часть этой платы. Такъ дѣлали всѣ партіи, чтобы избавиться отъ всевозможныхъ непріятностей и грубаго обращенія, такъ настоятельно совѣтовали сдѣлать и намъ. Конвойный немедленно ознакомилъ насъ со всѣми порядками, указалъ, гдѣ достать кипятку, гдѣ купить провизіи и т. п., такъ что до прихода партіи мы успѣли совершенно устроиться. Въ сумерки пришла партія. Чрезвычайно заинтересованный, какъ она будетъ размѣщаться въ зданіи, могущемъ вмѣстить не болѣе 200 человѣкъ, я вышелъ на крыльцо и сталъ ждать. Партія стояла плотной массой посреди двора, лицомъ къ крыльцу и конвойные, выровнявъ ея ряды, производили повѣрку. Ко мнѣ подошелъ солдатикъ нашего конвоя и предупредительно посовѣтовалъ уйти съ крыльца.—Замнетъ васъ „шпанка" на крыльцѣ, когда кинется занимать мѣста—пояснилъ онъ. Я сошелъ во дворъ и сталъ въ сторонкѣ. Кончилась повѣрка и старшій скомандовалъ: „По мѣстамъ". Произошло что-то невѣроятное. Смирно стоявшая толпа сразу рванулась впередъ и бѣшено прыгая, ринулась на крыльцо. Люди бѣжали очертя голову, толкая другъ-друга, давя въ дверяхъ, въ корридорѣ и, ворвавшись въ камеры, бросились на нары и раскладывали на нихъ свои вещи. Каждый старался занять какъ можно больше мѣстъ. Еще на бѣгу они снимили съ себя халаты, полушубки и шапки и все это клали на нары. Разбросанныя на нарахъ вещи давали право на мѣсто и никто не смѣлъ тронуть положенную вещь, чтобы занять мѣсто. Захватывались мѣста не только на нарахъ, но и подъ нарами и на полу. Крики, проклятія, выкрикиванія

именъ и кличекъ и ругань—безконечная, отборная, многоэтажная ругань—прямо оглушали. Но все это быстро окончилось; мѣста захвачены и надо подумать о вещахъ и кипяткѣ. Почти всѣ арестанты въ дорогѣ соединяются въ небольшія группы по нѣсколько человѣкъ, стараются держаться всегда вмѣстѣ, сообща покупаютъ провизію, вмѣстѣ ѣдятъ и пьютъ. Изъ каждой такой артели болѣе сильные и ловкіе идутъ занимать мѣста, другіе покупаютъ провизію, разыскиваютъ свои мѣшки съ вещами, добываютъ кипятокъ и т. д. При такомъ раздѣленіи труда получается экономія времени и возможность лучше кормиться, лучше устроиться. Теперь всѣ торопились поскорѣе поѣсть и завалиться спать, чтобы завтра встать пораньше, такъ какъ предстояло пройти станокъ около тридцати верстъ. Часовъ въ семь вечера корридоръ заперли и поставили къ нему часового. Арестанты быстро укладывались спать и вскорѣ тишина смѣнила дикій шумъ и гамъ, царившій на этапѣ.

XV.

Часа въ три или четыре ночи я проснулся отъ криковъ, ругани и возни, поднявшейся въ корридорѣ и какъ ни прислушивался, не могъ понять, что тамъ случилось, а такъ какъ шумъ и крики все усиливались, то всталъ и пошелъ въ корридоръ. Глазамъ моимъ представилась дикая картина. Тускло освѣщенный маленькой лампочкой, корридоръ былъ сплошь занятъ спящими на полу людьми. Въ углу по близости дверей стояли, распространяя невыносимое зловоніе, два, уже переполненныхъ ушата и содержимое ихъ текло по корридору, захватывая все большую площадь и подмачивая спавшихъ на полу людей. Желающихъ воспользоваться ушатами было много и потребности отправлялись тутъ же, прямо на полъ. Вынести ушаты, опорожнить ихъ нельзя было, т. к. дверь была на замкѣ и конвойный, на всѣ просьбы открыть ее, лаконически отвѣчалъ—руганью. Чѣмъ большее пространство захватывала зловонная жидкость, тѣмъ больше людей вскакивало, отчаянно ругаясь и проклиная все на свѣтѣ. Я предложилъ было арестантамъ идти спать въ нашу камеру, предохраняемую отъ затопленія высокимъ порогомъ, но часовой такъ рѣшительно запротестовалъ, что ни одинъ арестантъ не рѣшился ослушаться его. Я ушелъ въ свою камеру и долго валялся, пока, наконецъ, усталость не взяла верхъ и я снова уснулъ. Когда я проснулся, камеры были уже отперты, ушаты убраны, нечистоты кое какъ подметены и арестанты сидѣли тутъ же на полу и торопливо пили чай. Пока мы одѣвались и закусывали, партія вышла во дворъ для отправки. Оказалось, что ждутъ насъ, чтобы вмѣстѣ выйти съ этапа. Мы ничего этого не знали и не торопясь укла-

дывали свои вещи, какъ вдругъ въ нашу камеру вбѣгаетъ нѣсколько арестантовъ съ криками и руганью, что мы задерживаемъ всю партію, что они не потерпятъ токого издѣвательства и раздѣлаются съ нами по своему. Намъ не оставалось ничего больше, какъ поторопиться и, черезъ 2—3 минуты, мы были уже во дворѣ и вмѣстѣ съ партіей двинулись въ путь. Конвойный офицеръ еще наканунѣ уѣхалъ ночевать на сосѣдній этапъ, не сдѣлавъ никакихъ распоряженій относительно насъ и конвойные не осмѣлились отправить насъ отдѣльно отъ партіи. Весь этотъ день мы плелись въ хвостѣ партіи, то шагая пѣшкомъ, чтобы согрѣться, то садясь въ сани, чтобы отдохнуть. На половинѣ пути сдѣлали привалъ. Тутъ же на снѣгу, усѣлись люди группами, добыли изъ пазухъ, кармановъ и узелковъ куски хлѣба и съ жадностью ѣли его. Отдыхъ продолжался не болѣе четверти часа и партія снова двинулась впередъ. Арестанты торопились прійти пораньше на этапъ, чтобы успѣть покончить свои дѣла, которыхъ у нихъ было назначено на этотъ вечеръ не мало и все очень серьезныхъ. Весь день въ дорогѣ шли самыя оживленныя пренія, велась агитація, подбирались партіи, какъ передъ выборами въ парламентъ. Но объ этихъ дѣлахъ разскажу послѣ. Отдохнувъ, партія шла съ удвоенной энергіей. Впереди шагали, подобравъ полы халатовъ и заткнувъ концы ихъ за поясъ, привычные къ ходьбѣ бродяги, уже не первый разъ проходящіе этотъ путь, знающіе его въ мельчайшихъ подробностяхъ, помнящіе названія этаповъ и разстояніе между ними, чуть не до самаго Якутска,—за ними поспѣвала вся партія, частенько пускаясь бѣгомъ. Сзади тащились подводы съ больными, слабыми, калѣками и въ концѣ шествовали мы около своихъ саней. Котомки съ арестантскими вещами, почему-то называемыя „бутырь", увозились съ утра, до отхода партіи и обыкновенно прибывали на мѣсто раньше. Часа въ три пришли мы на этапъ озябшіе, усталые, но довольные, что завтра будемъ имѣть день отдыха.

XVI.

Этапъ отличался отъ полуэтапа только размѣрами, чистота же его и порядокъ, въ какомъ онъ содержался, зависѣли отъ доброй воли начальника этапа, конвойнаго офицера—обыкновенно имѣвшаго тутъ же отдѣльный домъ, постоянно здѣсь живущаго. Попадались этапы и полуэтапы, по которымъ сразу было видно, что начальники ихъ видятъ въ арестантахъ людей, а не бѣшеныхъ животныхъ. На такихъ этапахъ было и теплѣе и чище и удобнѣе. Арестанты знали всю подноготную каждаго офицера, знали, какъ къ нему подойти, чтобы выпросить себѣ какую нибудь льготу. Особенно старались они получить разрѣшеніе на право, проходя черезъ

деревни, пѣть „Милосердную“. Это было весьма выгодное для нихъ предпріятіе, дающее имъ обильный сборъ пожертвованій, но почему то строго воспрещенное. За весь путь отъ Томска до Канска мнѣ пришлось слышать „Милосердную“ раза два-три, не больше. Получивъ отъ офицера столь драгоцѣнное разрѣшеніе, партія уговаривалась съ конвойными, чтобы имѣть возможность медленно пройти по деревнѣ. Еще недоходя до первыхъ домовъ улицы начиналось пѣніе. Никогда не приходилось мнѣ слышать такого заунывнаго, жалобнаго, хватающаго за душу мотива, какъ мотивъ „Милосердной“. Знала эту пѣсню вся партія и вся, какъ одинъ человѣкъ, пѣла ее. Впечатлѣніе получалось громадное. Медленно движущаяся толпа сѣрыхъ фигуръ, звонъ и лязгъ кандаловъ и рыдающіе, молящіе звуки пѣсни, цѣлымъ моремъ тоски и муки, проникали во всѣ закоулки деревни, во всѣ ея избушки. И обитатели ихъ не оставались глухи къ мольбамъ „несчастныхъ“. „Милосердные батюшки и матушки“, къ которымъ обращалась пѣсня,—сами потомки такихъ же „несчастныхъ“—охотно выносили подаяніе: хлѣбъ, мясо, молоко, масло, деньги—все, чѣмъ кто богатъ, что у кого было подъ рукой. Въ большихъ деревняхъ сборы были такъ обильны, что вся партія имѣла даровой ужинъ. На этапѣ все собранное дѣлилось самымъ добросовѣстнымъ образомъ, по изстари заведеннымъ правиламъ. Этапъ, на который мы пришли, не отличался чистотой и исправностью, хотя былъ первымъ отъ Томска, такъ сказать, подъ бокомъ у начальства. Намъ отвели отдѣльную камеру, не сообщавшуюся съ помѣщеніемъ уголовныхъ и, обогрѣвшись, мы принялись хлопотать объ удовлетвореніи голода, который сильно давалъ себя чувствовать. Покупать провизію и готовить самимъ нечего было и думать, пришлось идти покупать готовую пищу у торговокъ, цѣлый рядъ которыхъ расположился у воротъ этапа. У нихъ можно было достать и хлѣба, пшеничныхъ калачей, шанегъ (ватрушекъ) съ творогомъ или картофелемъ, молока, жаренаго мяса и щей. Всѣ продукты были не дороги, но приготовлены чрезвычайно грязно, въ особенности щи, изъ всякихъ отбросовъ мяса, ливера и т. п. Въ этихъ щахъ можно было, при желаніи, найти и соръ и тряпки и таракановъ въ изрядномъ количествѣ—всего было вдоволь. Но голодъ не свой братъ и такіе щи покупались на расхватъ и нужно было торопиться, чтобы не остаться безъ горячей пищи. Послѣ обѣда я и нашъ староста пошли къ уголовнымъ познакомиться съ ихъ старостой и выяснить наши отношенія, такъ неудачно начавшіеся утреннимъ инцидентомъ. Староста уголовныхъ молодой, здоровый дѣтина, съ умнымъ, красивымъ лицомъ и смышленными, плутовскими глазами, первый заговорилъ объ утреннемъ недоразумѣніи, извинился за „шпанку“, поднявшую скандалъ изъ за пустяковъ и пообѣщалъ всегда предупреждать насъ заранѣе о времени выхода партіи. Со-

общивъ намъ, что они сегодня сдаютъ „майданъ“ и панимаютъ парашниковъ, онъ ловко воспользовался случаемъ содрать съ насъ цѣлковый на „общественное“ дѣло. Парашники нанимались на весь путь до Красноярска и получали за свою тяжелую и непріятную работу по 3—4 рубля на брата. Должность эта хотя и оплачиваемая, считалась еще какъ-бы и почетной. Въ парашники нанимали людей извѣстныхъ партіи, заслуженныхъ такъ сказать, въ арестантскомъ мірѣ. Майданщики за право торговли, безнаказанно грабить и въ конецъ развращать сѣрую арестантскую массу „шпанку“, „кобылку“, какъ презрительно зовутъ ее арестанты-аристократы, уплачивали партіи 20—30 рублей, отъ Томска до Красноярска. Майданщики—очень крупныя и вліятельныя въ партіи фигуры, они ведутъ дружбу съ главарями партіи, а мелюзгу безжалостно третируютъ. На каждомъ этапѣ, когда камеры запираются, открывается майданъ и начинается картежная игра и пьянство, продолжающіяся до глубокой ночи. Конвой прекрасно знаетъ все это, но не препятствуетъ, такъ какъ и ему кое-что перепадаетъ. Онъ же доставляетъ майданщику водку, табакъ и все необходимое.

XVII.

Вся эта жизнь уголовной партіи не касалась насъ совершенно. Почти на всѣхъ этапахъ мы имѣли совершенно отдѣльныя помѣщенія, и, во время дневокъ, могли свободно отдыхать.

Два дня мы шли, а третій наслаждались отдыхомъ, поскольку условія этапнаго помѣщенія позволяли это.

Такъ какъ мы шли въ первой зимней партіи, то часто заставали свое помѣщеніе плохо протопленнымъ и, послѣ проведеннаго на холодѣ дня, должны были зябнуть и на этапѣ. Уголовные совсѣмъ не безпокоили насъ, иногда обращались за лекарствами, но вообще не клянчили, не навязывались и относились къ намъ съ уваженіемъ и предупредительностью.

Обиды отъ нихъ мы никакой не имѣли.

На одномъ изъ полуэтаповъ пропалъ какъ то, у кого то изъ насъ, башлыкъ. Я сказалъ объ этомъ, подвернувшемуся случайно, старостѣ и тотъ рѣшительно заявилъ: это дѣло нашей шпанки, не безпокойтесь, сайчасъ найду и принесу. Дѣйствительно, не прошло и десяти минутъ, какъ мы услыхали отчаянные крики избиваемаго человѣка, а вскорѣ затѣмъ пришелъ староста и принесъ украденный у насъ башлыкъ. На наше замѣчаніе, что нельзя же такъ бить человѣка за всякій пустякъ, онъ усмѣхнулся и сказалъ, что никакъ нельзя, что если спустить хоть одинъ разъ, потомъ уже къ рукамъ не приберешь, другъ у друга все переворуютъ. У насъ строго указано, гдѣ можно украсть, а гдѣ нельзя, должны понимать, до-

бавилъ онъ. До самаго конца моего путешествія, у насъ больше ничего не пропало, хотя мы оставляли вещи разбросанными, безъ всякаго присмотра. Нашлось въ партіи нѣсколько человѣкъ болѣе развитыхъ, смирныхъ, сторонящихся майдана и всей арестантской среды. Эти люди на каждой дневкѣ просили разрѣшить имъ прійти къ намъ побесѣдовать; мы, конечно, разрѣшали и они приходили скромные, застѣнчивые, усаживались по угламъ и степенно вели разговоры о всевозможныхъ, интересующихъ ихъ вопросахъ. Странно было видѣть этихъ честныхъ хорошихъ людей въ общей массѣ дикой, разнузданной, грубой арестантской среды.

XVIII.

Скучно, однообразно и крайне утомительно тянулось наше путешествіе. Въ Маріинскѣ, когда мы шествовали по городу, направляясь къ этапу, къ намъ подошло нѣсколько человѣкъ товарищей, жившихъ тамъ.

Они шли рядомъ съ нами, отдѣленные отъ насъ конвойными и разговаривали съ нами, несмотря на ихъ протесты. Они расправшивали насъ, кто мы, по какому дѣлу, откуда и куда и старательно записывали всѣ эти свѣдѣнія, чтобы подѣлиться ими съ другими товарищами, живущими по деревнямъ, въ сторонѣ отъ тракта.

По ихъ блѣднымъ, истощеннымъ лицамъ мы могли догадаться, что не особенно сладко имъ здѣсь живется.

Вечеромъ пришелъ къ намъ на этапъ полякъ повстанцевъ 1863 года, принесъ жаренаго гуся и еще какой-то снѣди и цѣлый вечеръ распрашивалъ насъ, что дѣлается на родинѣ. Совершенно не понимая духа новаго движенія, онъ постоянно переходилъ къ своимъ воспоминаніямъ о возстаніи, о своихъ патріотическихъ идеалахъ и очень огорчился, когда ему, наконецъ, разъяснили, что теперь старые идеалы уже умерли, а на ихъ мѣсто народились совершенно иные, новые. Чѣмъ дальше мы подвигались на востокъ, тѣмъ становилось все холоднѣе. Каждый день, по нѣсколько разъ приходилось оттирать снѣгомъ, то побѣлѣвшій носъ, то уши, то щеки. Жестокіе сибирскіе морозы, къ которымъ мы еще не успѣли привыкнуть, мучили насъ страшно. На этапахъ, содержимыхъ крайне небрежно, съ выбитыми стеклами, плохими печами, тоже приходилось постоянно мерзнуть. На дневкахъ донимала страшная скука.

Но вотъ, на одномъ изъ этаповъ, когда мы особенно сильно скучали, къ намъ пришло нѣсколько человѣкъ арестантовъ съ приглашеніемъ пожаловать къ нимъ вечеромъ на представленіе. Приглашавшіе очень предусмотрительно предупреждали насъ не безпокоиться о своихъ вещахъ, обѣщали поставить отъ себя караульнаго и увѣряли, что все будетъ въ порядкѣ.

Представленіе разрѣшено начальникомъ этапа и даже конвойные будутъ присутствовать—разсказывали они, желая заинтересовать насъ,—на счетъ платъ тоже не безпокойтесь, кто сколько пожалуетъ. Мы пообѣщали прійти.

Передъ самымъ началомъ представленія за нами прибѣжалъ посланный и мы пошли. Въ углу самой большой камеры было устроено что-то на подобіе эстрады, декорированной халатами; впереди стояло нѣсколько скамеекъ устроенныхъ изъ разобранныхъ наръ.

Эти почетныя мѣста предназначались для насъ, для конвойныхъ и г. партійнаго начальства и знати, остальная же публика должна была смотрѣть представленіе стоя. Зрителей набралось полная камера.

Фокусникъ старикъ-еврей съ деревянной ногой, съ рѣзко-типичнымъ еврейскимъ лицомъ и произношеніемъ, сѣдой курчавой бородкой и насмѣшливыми, проницательными, огромными глазами. Большой балагуръ и острякъ, онъ былъ любимцемъ партіи за свою неугомонную веселость и характерное еврейское остроуміе и находчивость. Фокусы, самые обыкновенные, въ родѣ глотанія горящей пакли и выматыванія послѣ этого изо рта ленты, приводили арестантовъ въ неописуемый восторгъ. Шутки, остроты, замѣчанія сыпались какъ изъ рога изобилія. Но особенно сильное впечатлѣніе произвело заталкиваніе въ носъ громаднаго—четвертного гвоздя. По мѣрѣ того, какъ гвоздь все глубже входилъ въ солидный носъ фокусника, росло изумленіе зрителей, когда же изъ носу виднѣлась уже одна только шляпка гвоздя и фокусникъ, скорчивъ умарительную гримасу, вдругъ громко чихнулъ и гвоздь вылетѣлъ изъ носу, необузданный восторгъ охватилъ толпу, выражаясь не въ аплодисментахъ, а въ смѣхѣ, крикахъ и отборнѣйшихъ ругательствахъ, долженствовавшихъ означать высшую степень похвалы. Довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ фокусникъ отвѣчалъ на остроты остротами, еще болѣе возбуждавшими веселье. Представленіе продолжалось около двухъ часовъ и все это время здоровенные, закованные въ кандалы, мужики не переставали хохотать и радоваться, какъ маленькія дѣти. Сборъ превзошелъ всѣ ожиданія и выразился въ нѣсколькихъ рубляхъ.

Передъ Ачинскомъ сгорѣлъ уже года 2—3 тому назадъ полуэтапъ, построить новый начальство не спѣшило и поэтому партія вынуждена была сдѣлать въ одинъ день два станка, т. е. болѣе 40 верстъ. Въ короткій зимній день такой переходъ невозможенъ, поэтому партія вышла часа въ 4 утра и шла цѣлый день до сумерекъ. Этотъ станокъ извѣстенъ арестантамъ, о немъ давно говорили, къ нему готовились. Наканунѣ всѣ улеглись пораньше, чтобы хорошенько отдохнуть, купили про запасъ калачей, чтобы дорогой можно было подкрѣпиться и сдѣлать вмѣсто одного, два перевала. И все-таки, ни разу не было такъ много отсталыхъ, ослабѣв-

шихъ; ни разу не переполнялись такъ подводы отдыхающими, какъ в этотъ день. Только сильные, вполнѣ здоровые люди могли выдержать такой переходъ. Въ Ачинскѣ новая пересыльная не была окончена, въ старой не было помѣщеній и намъ отвели, въ слѣдственной тюрьмѣ, женское помѣщеніе, удаливъ предварительно куда то арестантокъ. Грязь, вонь, миріады всякихъ насѣкомыхъ мучили насъ двѣ ночи, не давая ни минуты покоя. Усталые, измученные вышли мы изъ Ачинска и еще девять дней тащились до Красноярска, куда пришли 28 ноября т. е. пробыли въ дорогѣ ровно мѣсяцъ, пройдя только 500 верстъ отъ Томска. На почтовыхъ это разстояніе проѣзжали 3—5 дней.

XIX.

Въ Красноярскѣ мы должны были прожить цѣлую недѣлю. Всѣ мы, за исключеніемъ Компанца, ссылавшагося за побѣгъ изъ Минусинска, въ Средне-Колымскъ, препровождались въ распоряженіе Иркутскаго генералъ-губернатора. Вскорѣ по прибытіи намъ сообщили, что всѣ мы назначены въ Енисейскую губернію и изъ Красноярска будемъ разосланы по своимъ мѣстамъ. Распредѣлили насъ слѣдующимъ образомъ: Гордонъ, Шульмейстеръ и Тржешковскій—въ бѣльскую волость, Гандельсманъ въ идринскую, Кефферъ—въ анциферовскую, Выгановскій—въ шушинскую, Острейко—въ частоостровскую и я—въ тасѣевскую. Послѣ этапныхъ помѣщеній Красноярская тюрьма показалась намъ и чистой, и удобной, и теплой и мы съ наслажденіемъ отдыхали, измученные цѣлымъ мѣсяцемъ непрерывныхъ лишеній. Дня черезъ 3—4 насъ повели въ городъ къ фотографу, у котораго съ давнихъ поръ снимали всѣхъ проходящихъ въ Сибирь политическихъ. Въ Красноярскѣ намъ предстояло разъѣхаться. Кто уѣзжалъ на обывательскихъ въ свою волость, кто шелъ по этапу въ Минусинскъ. Три мѣсяца проведенные въ дорогѣ, все вмѣстѣ выстраданное и пережитое сблизило насъ; между нами установились тѣсныя, дружескія отношенія. Теперь, передъ разлукой, каждый съ тоской думалъ о томъ, удастся ли еще когда свидѣться, старался угадать, какія еще испытанія готовитъ судьба его друзьямъ. Дѣйствительно, изъ всѣхъ товарищей, съ которыми я выѣхалъ изъ Москвы, мнѣ уже больше никого не привелось встрѣтить. Одни умерли въ Сибири: Наталія Полль, Малиновскій, Подбѣльскій, Тржешковскій, Компанецъ, другіе—вернувшись на родину: Выгановскій, Савицкій Острейко. Гдѣ остальные, живы ли они? Частенько, перебирая въ памяти, прошлую жизнь мою, разные эпизоды изъ нашего путешествія, я съ любовью вспоминаю моихъ невольныхъ спутниковъ въ Сибирь.—Въ Красноярскѣ составлялась новая уголовная партія, съ которой намъ предстояло идти.

Снова приходилось переживать крайне непріятныя процедуры осмотра вещей, сличенія примѣтъ и т. п. Печальные, полные самыхъ мрачныхъ мыслей, простились мы съ товарищами и, уже только вдвоемъ, отправились дальше.

XX.

Вспомнивъ объ умершихъ въ Сибири товарищахъ, я не могу удержаться, чтобы не разсказать о трагической кончинѣ Тржешковскаго. Это былъ уже не молодой человѣкъ, довольно слабаго здоровья, измученный и доведенный побоями и всякими жандармскими репрессіями въ Варшавской крѣпости, почти до умопомѣшательства. Онъ нѣсколько разъ пытался лишить себя жизни, страшно мучаясь подозрѣніями, что своими, вынужденными силой показаніями, могъ повредить кому либо изъ товарищей. Всю дорогу онъ ѣхалъ съ нами задумчивый, мрачный, безпокойный, совершенно безпомощный, такъ что часто приходилось ухаживать за нимъ, какъ за больнымъ ребенкомъ. Передъ прощаніемъ въ Красноярскѣ онъ долго разсказывалъ мнѣ о перенесенныхъ въ крѣпости мученіяхъ, о томъ, какъ у него выколачивали показанія, какъ заставляли подписывать протоколы, написанные на русскомъ языкѣ, который онъ очень плохо понималъ, какъ неоднократно вѣшался, но каждый разъ его замѣчали и вынимали изъ петли, какъ его мучаетъ мысль, что товарищи могутъ подумать, что онъ предалъ ихъ. Разсказывая все это, онъ горько плакалъ и, долго пришлось доказывать ему всю неосновательность его подозрѣній, увѣрять, что никто не станетъ считать его предателемъ, и что его показанія никому вреда не причинили. Пятилѣтняя ссылка въ деревнѣ еще больше подорвала его здоровье. По окончаніи срока онъ поселился въ Красноярскѣ и зарабатывалъ себѣ своимъ сапожнымъ ремесломъ средства къ существованію. Однажды зимою, (не помню, въ которомъ году) въ праздникъ, онъ былъ въ гостяхъ у кого то изъ пріятелей на заводѣ, за городомъ, откуда ушелъ домой поздно ночью и немного подъ хмелькомъ. Чтъ съ нимъ случилось—неизвѣстно, только ночью же его нашли лежащимъ на дорогѣ и, такъ какъ былъ жесточайшій морозъ, то сочли замерзшимъ и изъ больницы, куда его привезли, плохо осмотрѣвъ, отправили прямо въ мертвецкую. На утро сторожъ, войдя въ мертвецкую засталъ его сидящимъ на полу среди труповъ. Поднялся переполохъ, его перенесли въ больницу, стали осматривать и оказалось, что руки и ноги у него отморожены окончательно. Начали лечить, но уже ничего нельзя было сдѣлать и пролежавъ около 2-хъ недѣль въ больницѣ, онъ умеръ, какъ мнѣ передавали, отъ гангрены.

XXI.

27-го ноября оставили мы Красноярскъ. Такъ какъ теперь насъ было только двое и два конвоира, то мы могли бы свободно всю дорогу ѣхать на саняхъ, но жестокіе морозы и плохая одежда не позволяли намъ долго сидѣть безъ движенія, приходилось большую часть дороги идти пѣшкомъ, чтобы не отморозить себѣ ноги. Ѣхать отдѣльно отъ партіи разрѣшали только нѣкоторые, болѣе человѣчные офицеры. Кстати, за все время мы не имѣли никакихъ столкновеній съ конвойнымъ начальствомъ. Только однажды, на наше требованіе дать дровъ, чтобы протопить холодную камеру, офицеръ раскричался, пообѣщавъ заковать насъ въ кандалы, но когда мы пошли и самовольно стали брать дрова, онъ притворился, что не видитъ. Обыкновенно офицеры, или совсѣмъ къ намъ не показывались или же, приходя, вели себя очень корректно, даже любезно. На одномъ изъ этаповъ за Красноярскомъ мы были пріятно удивлены, когда пріѣхавъ иззябшіе, усталые и голодные, попали въ камеру хорошо протопленную и старательно подметенную. Не успѣли мы еще раздѣться, какъ дверь открылась и солдатикъ внесъ къ намъ кипящій самоваръ, два чайныхъ прибора, масло, сливки и цѣлую массу всевозможныхъ булочекъ, кренделечковъ и печеній. На нашъ вопросъ, откуда все это, онъ отвѣтилъ, что барыня просятъ насъ откушать чаю. Приказавъ благодарить барыню мы съ величайшимъ удовольствіемъ принялись за чай и онъ намъ показался необыкновенно вкуснымъ. Чаю изъ самавара мы не пили со дня нашего ареста, еще тамъ—на родинѣ. Вечеромъ, такимъ же порядкомъ, барыня прислала намъ прекрасный ужинъ, а вскорѣ пришелъ и самъ начальникъ этапа. Сконфуженные такимъ проявленіемъ симпатіи къ намъ мы просили офицера передать его женѣ нашу искреннюю благодарность. Молодой, симпатичный офицерикъ краснѣлъ и конфузился не меньше нашего, просилъ не безпокоиться изъ-за пустяковъ и, предложивъ принести намъ газетъ, поспѣшилъ уйти. Вскорѣ онъ принесъ намъ газеты и долго просидѣлъ бесѣдуя о разныхъ больныхъ вопросахъ. Онъ еще недавно попалъ въ Сибирь на эту службу, страшно тяготился ею и рвался назадъ въ Россію. Передавъ, что жена его проситъ не отказываться отъ ея гостепріимства, онъ пожелалъ намъ спокойной ночи. Но къ сожалѣнію, пожеланію его не суждено было исполниться. Эта ночь, а также и слѣдующая, проведенныя нами на этомъ этапѣ, были самыми безпокойными изъ всѣхъ ночей проведенныхъ въ дорогѣ. Какъ я уже упоминалъ, мы шли въ первой зимней партіи, этапы стояли цѣлый мѣсяцъ не топленными и къ нашему приходу, протапливались очень плохо. Это спасало насъ отъ клоповъ, которые

не успѣвали, какъ слѣдуетъ, оттаять и, хотя и давали знать о себѣ, но все-таки возможно было спать по ночамъ. На этомъ этапѣ заботливые хозяева, видимо, протапливали нашу камеру въ теченіе нѣсколькихъ дней, клопы ожили и, какъ только мы послѣ вкуснаго и обильнаго ужина съ наслажденіемъ завалились спать, накинулись на насъ изъ всѣхъ щелей. Не успѣли мы еще заснуть, какъ почувствовали, что клопы напали на насъ въ громадномъ количествѣ. Но когда я зажегъ спичку, то вскочилъ съ постели, какъ сумасшедшій. Такого множества этихъ прекрасныхъ насѣкомыхъ я никогда не видалъ. Всѣ стѣны, нары, наши постели—все было покрыто клопами. О томъ, чтобы спать на нарахъ, нечего было и думать. Мы зажгли лампу, тщательно выхлопали постели и рѣшили спать на полу, при лампѣ, разсчитывая, что свѣтъ ея будетъ удерживать кровопійцъ отъ новыхъ нападеній на насъ. Чтобы окончательно гарантировать себя отъ нашествія со стѣнъ и наръ, я досталъ изъ имѣвшейся у меня аптечки, скипидаръ и полилъ имъ кругомъ постелей сплошной кругъ. Ну, теперь до насъ не доберутся, рѣшили мы и легли спать. Но среди ночи мы проснулись отъ безчисленныхъ укусовъ, жегшихъ намъ лицо, руки, ноги и все тѣло, какъ огнемъ. Клоповъ на постели оказалось мирріады. Мы сразу не могли понять, какъ они къ намъ попали, такъ какъ около скипидарнаго круга цѣлыя массы ихъ ползали, не смѣя перейти черезъ него. Взглянувъ случайно на потолокъ мы все поняли. Клопы по стѣнамъ всползли на потолокъ и оттуда дождемъ сыпались прямо на наши постели. Пришлось раздѣться до нага, выхлопать все бѣлье и одежду и все остальное время до утра не спать и кочевать съ мѣста на мѣсто, чтобы избавиться отъ наступавшаго со всѣхъ сторонъ врага. На слѣдующую ночь мы уже намазали скипидаромъ и потолокъ и полъ, но напуганные прошлою ночью поминутно просыпались и, глядя на ползавшихъ вездѣ клоповъ, не могли справиться со своимъ отвращеніемъ и какимъ то страннымъ безпокойствомъ, всю ночь мучившимъ насъ. Намъ все казалось, что клопы ползаютъ у насъ по подушкѣ, по лицу, по рукамъ и мы постоянно вскакивали, чтобы убѣдиться что ихъ нѣтъ.

XXII.

Девять дней шли мы до Канска и прошли 226 верстъ, имѣя только двѣ дневки. Въ Канскѣ кончалось мое этапное путешествіе и отсюда я долженъ былъ ѣхать 200 верстъ на обывательскихъ по проселочной дорогѣ. Прибыли мы въ Канскъ 6 декабря, въ день св. Николая, особенно торжественно празднуемый въ Сибири. Начальство все было или именинниками или пировало у именинниковъ, возиться съ отправкой меня дальше никому не хотѣлось и я легко выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе прожить два

дня въ городѣ. Пріѣхали товарищи, жившіе въ 12 верстахъ отъ города и я, уже освобожденный отъ неизмѣннаго часоваго съ ружьемъ, расхаживалъ съ ними по городу. Повидавшись въ послѣдній разъ съ Кампанцемъ, которому предстояло еще очень долго тащиться до Средне-Колымска и на лошадяхъ, и на собакахъ—я распростился и съ этапами, и съ конвойными, и съ арестантами. Партія была хорошая и безпокоиться о томъ, что Кампанца одного будутъ обижать, нечего было. Арестанты сами успокоивали и меня и его, увѣряя, что съ ними онъ до Иркутска дойдетъ прекрасно, что въ обиду его они никому не дадутъ.—А тамъ, дальше, тоже нашъ братъ пойдетъ, тоже ничего худого не будетъ—говорили они. И дѣйствительно, описывая мнѣ впослѣдствіи свое путешествіе, онъ съ величайшей признательностью отзывался объ арестантахъ и той заботливости, съ какой они къ нему относились. Онъ все время помѣщался вмѣстѣ съ ними, всегда на лучшемъ мѣстѣ, всегда оберегаемый отъ всякихъ непріятностей и все дѣлалось вполнѣ безкорыстно. Проживъ два дня въ Канскѣ, я отправился на обывательскихъ—на подводахъ, какъ говорятъ сибиряки—въ свою волость. Морозы стояли свирѣпые и я надѣвалъ на себя все, что только у меня было, чтобы не замерзнуть дорогой. Станки были довольно большіе и, хотя быстроногія и чрезвычайно выносливыя сибирскія лошадки пробѣгали ихъ довольно скоро, мнѣ частенько приходилось слазить съ саней и бѣжать за ними, чтобы отогрѣть замерзающія ноги. Обыкновенно, пріѣхавъ въ деревню, меня подвозили къ сборной избѣ и выбѣгавшій на звонъ колокольчиковъ десятскій спрашивалъ ямщика, кого онъ привезъ.—Царскаго преступника,—неизмѣнно отвѣчали ямщики, называя такъ всѣхъ политическихъ. Передавался пакетъ, адресованный въ волостное правленіе съ припиской: „при семъ препровождается такой то“. Чрезвычайно характерная приписка. Для бюрократіи всего важнѣе „бумага“ и везли не человѣка и при немъ „бумагу“, а наоборотъ — „бумагу“ и уже, какъ несущественный придатокъ къ ней — человѣка. „Бумаги нельзя потерять, отвѣчать за нее будешь, — шутили ямщики, — а тебя если и замерзшаго доставлю, ничего, никакого отвѣта не будетъ“. И сколько горькой правды было въ этой шуткѣ. Отъ сборной избы, узнавъ очередного ямщика, мы ѣхали къ нему на домъ, пили тамъ чай, а если дѣло было къ вечеру и я не хотѣлъ ѣхать дальше, то ночевали. На третій день вечеркомъ въѣхалъ я, наконецъ, въ большое, довольно зажиточное село, въ которомъ суждено мнѣ было прожить пять лѣтъ заранѣе назначенныхъ, да еще четыре года, милостиво прибавленныхъ послѣ и, лихо подкативъ къ крыльцу волостного правленія, былъ сданъ при пакетѣ писарю, который и пригласилъ меня къ себѣ ночевать.

Всего отъ Варшавы до Тасѣева я пробылъ въ дорогѣ четыре мѣ-

сяца безъ шести дней, между тѣмъ, какъ теперь это разстояніе можно проѣхать всего только въ двѣ недѣли. Четыре долгихъ мѣсяца мытарствъ по тюрьмамъ и этапамъ, безконечное количество физическихъ и нравственныхъ страданій и полная зависимость отъ перваго попавшагося конвойнаго, въ распоряженіе которыхъ мы были отданы и вѣжливое обращеніе которыхъ покупали за деньги.

Что же должны были выстрадать тѣ, кого посылали въ разные Колымски, Верхоянски, Вилюйски, до которыхъ они ѣхали чуть не цѣлый годъ?

Б. О—чъ.

Библіографія.

„Пушкинъ и его современники“. *Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ VI. Спб. 1908.*

Разработка богатаго архива Н. И. Тургенева, недавно переданнаго его сыномъ въ Академію Наукъ, уже началась. Кое-чѣмъ изъ тургеневскихъ бумагъ пользовался покойный А. Н. Веселовскій, когда работалъ надъ книгой о Жуковскомъ; кое-что извлекъ изъ нихъ Н. К. Кульменъ (см. его статью въ послѣдней книжкѣ академическихъ „Извѣстій“); нынѣ занимается ими В. И. Семевскій. Въ архивѣ много писемъ А. И. Тургенева, любившаго писать и знавшаго почти забытое нынѣ искусство писанія писемъ. А. И. Тургеневъ въ то почти безгазетное время, задавленной цензурой, еле лепетавшей печати, замѣнялъ своимъ друзьямъ газету. Они даже трунили надъ его безудержной общительностью, и Вяземскій прозвалъ его „гусемъ, утыканнымъ перьями“, за страсть писать письма. Этотъ замѣчальный человѣкъ былъ, по выраженію того же Вяземскаго, „посредникомъ-агентомъ, по собственной волѣ уполномоченнымъ и аккредитованнымъ повѣреннымъ въ дѣлахъ русской литературы при предержащихъ властяхъ и образованномъ обществѣ“. Извѣстно, какъ любилъ и цѣнилъ Тургенева Пушкинъ, въ жизни котораго эта прекрасная личность оставила свѣтлый слѣдъ. Когда Пушкинъ умиралъ, Тургеневъ не отходилъ отъ него. Иногда онъ оставлялъ больного на нѣсколько минутъ, чтобы написать письмо, и затѣмъ возвращался къ его постели, чтобы опять выйти затѣмъ и приписать еще нѣсколько строкъ. Въ „Пушкинѣ и его современникахъ“ напечатанъ цѣлый рядъ писемъ Тургенева о смерти и похоронахъ Пушкина, посланныхъ А. И. Нефедьевой, двоюродной сестрѣ Тургенева, А. Я. Булгакову, брату Николаю Ивановичу, графу Г. А. Строганому, какому-то неизвѣстному лицу. Они читаются съ тѣмъ захватывающимъ интересомъ, съ какимъ смотришь художественную и потрясающую драматическую сцену или слѣдишь за быстро развертывающимся дѣйствіемъ прекраснаго романа. Въ день смерти Пушкина и наканунѣ Тургеневъ написалъ, вѣроятно, не выходя изъ квартиры поэта, четыре письма. Въ нихъ—настоящій протоколъ о смерти Пушкина; но разсказъ изложенъ съ художественной простотою и глубоко трогателенъ. О предсмертныхъ страданіяхъ Пушкина Тургеневъ разсказываетъ съ такой подробностью, какой не находимъ въ показаніяхъ другихъ очевидцевъ. Вотъ что писалъ онъ 28-го и 29-го января, въ самый день смерти Пушкина:

„*11 час. утра*. Въ квартирѣ Пушкина, еще не умершаго. Въ 5-мъ часу начались страданія; онъ кричалъ; но послѣ утихли, и онъ меньше страдаетъ и тихъ. Государь прислалъ къ нему вчера же Арндта съ письмомъ... Это обрадовало Пушкина и успокоило. Онъ часто призывалъ къ себѣ на минуту жену... Пушкинъ со всѣми нами прощается; жметъ руку и потомъ даетъ знакъ выйти. Мнѣ два раза пожалъ руку, взглянулъ, но не въ силахъ былъ сказать ни слова... $11^1/_2$. Опять призывалъ жену, но ее не пустили... Онъ безпокоился за жену, думая, что она ничего не знаетъ объ опасности... *Полдень*. Надежды нѣтъ, хотя и есть облегченіе страданіямъ. Ночью онъ кричалъ ужасно; почти упалъ на полъ въ конвульсіи страданія. Благое Провидѣніе въ эти самыя 10 минутъ послало сонъ женѣ; она не слыхала криковъ; послѣдній крикъ разбудилъ ее, но ей сказали, что это было на улицѣ: послѣ онъ еще не кричалъ.—Теперь я опять входилъ къ нему; онъ страдаетъ, повторяя: „Боже мой, Боже мой! что это!" сжимаетъ кулаки въ конвульсіи. Настоящаго воспаленія нѣтъ; но тѣмъ хуже. Арндтъ думаетъ, что это не протянется до вечера, а ему должно вѣрить, онъ видѣлъ смерть въ 34-хъ битвахъ.

...*2-й часъ*. Пушкинъ тихъ. Арндтъ опять здѣсь; но безъ надежды. Пушкинъ самъ себѣ пощупалъ пульсъ, махнулъ рукою и сказалъ: „смерть идетъ"... *Два часа*. Есть тѣнь надежды, но только тѣнь, т. е. нѣтъ *совершенной* невозможности спасенія. Онъ тихъ и иногда забывается... *2 часа съ* $^1/_2$. Вотъ 22 часа ранѣ. Инфламаціи еще нѣтъ, но ея и лихорадки опасаются"... На другой день Тургеневъ писалъ, какъ умиралъ поэтъ: „*1 часъ*. Пушкинъ слабѣе и слабѣе... Надежды нѣтъ. За часъ начался холодъ въ членахъ. Смерть быстро приближается; но умирающій сильно не страждетъ; онъ покойнѣе. Жена подлѣ него. Онъ безпрестанно беретъ его (ее?) за руку... Весь городъ, дамы, дипломаты, авторы, знакомые и незнакомые наполняютъ комнаты, справляются объ умирающемъ. Сѣни наполнены несмѣющими взойти далѣе... Антоновъ огонь разливается; онъ все въ памяти... Сейчасъ сказалъ онъ доктору и поэту. Далю, автору „Курганнаго Козака", который отъ него не отходитъ: „Скажи, скоро ли это кончится? Скучно!" Онъ въ послѣднихъ минутахъ... Забывается и начинаетъ говорить безсмыслицу.

„Опустите сторы, я спать хочу", сказалъ онъ сейчасъ. 2 часа по полудни... *3-й часъ пополудни*. Пушкину хуже. Грудь поднимается. Оконечности тѣла холодѣютъ; но онъ въ памяти.

Сегодня еще не хотѣлъ онъ, чтобы жена видѣла его страданія; но послѣ захотѣлось ему морошки и онъ сказалъ, чтобы дали женѣ подать ему морошки. Сію минуту я входилъ къ нему, видѣлъ его, слышалъ, какъ онъ крехтитъ; ему надѣвали рукава на руки; онъ спросилъ: „Ну— что кончено"? Даль отвѣчалъ; „Кончено" но послѣ подумавъ, что онъ о себѣ говоритъ, Даль спросилъ его: „Что кончено"? Пушкинъ отвѣчалъ „*Жизнь*". Ему сказали, что его перекладывали и что кончали надѣваніе укава. *3 часа*. За десять минутъ Пушкина—не стало. Онъ не страдалъ, а желалъ скорой смерти. — Жуковскій, Гр. Велгурскій, Даль, Спаскій, Княгиня Вяземская, и я—мы стояли у канапе и видѣли—послѣдній вздохъ его. Докторъ Андреевскій закрылъ ему глаза. За минуту прошлась къ нему жену; ее не впустили. Теперь она видѣла его умершаго.

Пріѣхалъ Арндтъ; за ней ухаживаютъ. Она рыдаетъ, рвется, но и плачетъ. Жуковскій послалъ за художникомъ снять съ него маску. Жена все не вѣритъ, что онъ умеръ: все не вѣритъ.—Между тѣмъ тишина уже нарушена. Мы говоримъ вслухъ—и этотъ шумъ ужасенъ для слуха; ибо онъ говоритъ *о смерти* того, для коего мы молчали. Онъ умиралъ тихо, тихо"...

Другія письма разсказываютъ объ отпѣваніи, объ отправленіи тѣла изъ столицы въ Святогорскій монастырь, о полицейскихъ предосторожностяхъ, принятыхъ правительствомъ, боявшимся манифестацій. „Студенты желали въ мундирахъ быть на отпѣваніи"—пишетъ Тургеневъ 1 февраля—ихъ не допустятъ, вѣроятно". (Такъ и было сдѣлано). „Еще прежде дуэли назначена и въ афишкахъ объявлена была для бенефиса Каратыгина, піэса изъ Пушкина: „*Скупой Рыцарь*". Каратыгинъ, по случаю отпѣванія Пушкина, отложилъ бенефисъ до завтра, но піэсы этой—играть не будутъ!—вѣроятно опасаются излишняго энтузіазма... О настроеніи правительства свидѣтельствуетъ разсказъ Тургенева въ письмѣ къ брату, въ концѣ февраля: „Жандармы донесли, а можетъ быть и не жандармы, что Пушкина положили не въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ, а во фракѣ: это было по желанію вдовы, которая знала, что онъ не любилъ мундира; между тѣмъ Государь сказалъ: „вѣрно это Тургеневъ или Кн. Вяземскій присовѣтовали". Другой поклепъ на Вяземскаго, что онъ якобы сказалъ, что Государь не имѣлъ права посылать меня съ тѣломъ. Ни того, ни другого намъ и въ мысль не приходило. Даже донесли, что Жуковскій и Вяземскій положили свои перчатки въ гробъ, когда его заколачивали, и въ этомъ видѣли что-то и къ кому-то враждебное. На Жук—го сказали, что онъ несмотря на повелѣніе Государя принять и опечатать съ жанд. генераломъ бумаги, вынесъ при жизни еще П. нѣсколько пакетовъ! а онъ такъ аккуратно исполнилъ порученіе, что никому бы лучше не удалось!—вотъ какъ здѣсь портятъ и прекрасное дѣло!" Часть вынесенныхъ Жуковскимъ бумагъ дошла до насъ—въ собраніи г. Онѣгина.

Изъ другихъ статей въ сборникѣ, нынѣ улучшенномъ и расширенномъ, заслуживаютъ вниманія „Матеріалы для исторіи отношеній цензуры къ Пушкину" С. А. Переселенкова, статьи гг. Чебышева и Чернышева и Модзелевскаго, составившаго списокъ (впрочемъ, не совсѣмъ полный) писемъ современниковъ по поводу смерти Пушкина; въ немъ не указаны, между прочимъ, извѣстныя письма Гоголя къ Погодину и Н. Я. Прокоповичу, Кольцова, нѣкоторыя письма В. Г. Теплякова, И. И. Дмитріева. Н. М. Языкова, Чаадаева.

Н. Лернеръ.

И. Алешинцевъ.—„Сословный вопросъ и политика въ исторіи нашихъ гимназій въ XIX вѣкѣ". (Историческій очеркъ). Изданіе журнала „Русская Школа". Цѣна 50 коп. С.-Петербургъ 1908 г.

Недавно на страницахъ „Минувшіе Годы" (февраль) мы отмѣтили появленіе интереснаго этюда С. В. Рождественскаго, трактующаго о сословномъ вопросѣ въ русскихъ университетахъ въ первой половинѣ XIX в. теперь, какъ-бы въ извѣстное дополненіе, появилась книжка г. Алешинцева, посвященная сословному вопросу и политикѣ въ исторіи нашихъ

гимназій. Историческій очеркъ г. Алешинцева, напечатанный первоначально въ журналѣ „Русская Школа“, предваряетъ большой, обѣщанный авторомъ трудъ по исторіи гимназическаго образованія въ Россіи.

Исторія правительственной политики по народному образованію давно уже ждетъ своего изслѣдователя. Громадный интересъ и насущную важность представляетъ прослѣдить и на фонѣ историческихъ событій выяснить всѣ многогранныя перипетіи правительственныхъ начинаній въ области просвѣщенія; и результаты изысканій даютъ чрезвычайно многое для уразумѣнія нѣкоторыхъ явленій русской культуры. Историкъ, изучающій судьбы отечественнаго просвѣщенія, не мало можетъ дать для оцѣнки настоящаго; въ ходѣ исторіи народнаго образованія въ России можно уловить опредѣленный ритмъ, можно установить опредѣленную систему „круговорота“—систему постояннаго возвращенія отъ попытокъ новыхъ реформъ къ старымъ „испытаннымъ“ средствамъ. И въ этой комбинаціи цѣлый рядъ эпизодовъ изъ исторіи просвѣщенія можетъ быть собранъ подъ рубрикой „Исторія борьбы съ просвѣщеніемъ“... Въ своей книжкѣ г. Алешинцевъ задался цѣлью прослѣдить, какъ ставился сословный вопросъ и какія были основныя линіи правительственной политики въ исторіи нашихъ гимназій на всемъ протяженіи XIX вѣка.

Автору удалось собрать любопытный и характерный матеріалъ, ярко и наглядно иллюстрирующій наиболѣе выпуклыя эпохи въ богатой фактами и глубоко-драматической исторіи нашего гимназическаго образованія. Правительственная власть преслѣдовала почти все время двѣ цѣли: 1) сдѣлать среднія школы (не говоря уже о высшихъ) доступными только для лицъ привиллегированныхъ сословій и закрыть двери для лицъ низшихъ классовъ и 2) проводить въ школѣ политическіе взгляды, соотвѣтствующіе классовымъ требованіямъ вершителей „стараго порядка“ и сурово преслѣдовать всякія попытки истинно-научнаго образованія и культурнаго воспитанія. Факты,—одинъ краснорѣчивѣе другого,—собранные въ рецензируемой книжкѣ, подкрѣпляютъ высказанныя соображенія. За исключеніемъ двухъ небольшихъ періодовъ—начала правленія Александра I и нѣсколькихъ лѣтъ изъ эпохи реформъ Александра II—исторія правительственной политики имѣетъ рѣзко-реакціонный и дворянско-классовый характеръ. Циркуляръ о „кухаркиныхъ дѣтяхъ“, изданный Деляновымъ, лишь вѣнчаетъ зданіе. Любопытно отмѣтить на всемъ протяженіи столѣтія какое-то приниженное положеніе вѣдомства, руководящаго отечественнымъ просвѣщеніемъ, его подчиненное отношеніе къ всесильному министерству внутреннихъ дѣлъ и департаменту полиціи. Системы образованія, ходъ наукъ, личность преподавателя и учащихся—все это зависитъ отъ того или другого уклона, отъ той или другой комбинаціи общей правительственной политики. И лишь немногіе періоды были переходными эпохами; правительственныя начинанія за это время также представляютъ не малый интересъ. Въ „дней Александровыхъ прекрасное начало“ мы видимъ первый періодъ широковѣщательныхъ, но практически не осуществившихся реформъ; для иллюстраціи широкихъ замысловъ и идеалистически-либеральныхъ настроеній достачно привести высочайше утверженное положеніе о евреяхъ (отъ 9

декабря 1804 г.), въ которомъ говорилось: „Всѣ дѣти могутъ быть принимаемы и обучаемы, безъ всякаго различія отъ другихъ дѣтей, во всѣхъ россійскихъ народныхъ училищахъ, гимназіяхъ и университетахъ". Но за эпохой „прекрасныхъ словъ" послѣдовала эпоха „дѣлъ" Рунига и Магницкаго... Еще казалось, что придетъ въ норму средняя школа въ эпоху 60-хъ годовъ, когда правительство за содѣйствіемъ обратилось къ обществу. Но это продолжалось недолго, бурный шквалъ реакціи разбилъ и развѣялъ всѣ культурно-прогрессивныя начинанія. И до сихъ поръ стоитъ школа, какъ древне-русскій былинный богатырь, на роковомъ перепутьи и не можетъ опредѣленно выйти ни на какую дорогу.

Богатая фактическимъ матеріаломъ книжка г. Алешинцева грѣшитъ со стороны метода работы, со стороны построенія. Книжка составлена крайне не пропорціонально; мѣстами авторъ сжатъ и сухъ, мѣстами-же излишне повторяется и удѣляетъ много мѣста банальнымъ сентенціямъ. Опредѣленной системы, строгаго и яснаго плана въ подборѣ и группировкѣ матеріала мы не находимъ; уже не говоря о какихъ-либо обобщеніяхъ, мы не найдемъ даже удачныхъ попытокъ сдѣлать какія-нибудь болѣе широкія заключенія изъ собраннаго богатаго и чрезвычайно краснорѣчиваго матеріала. Не всегда точенъ авторъ и въ общихъ историческихъ характеристикахъ, напр., излишне идеализируется эпоха Александра I въ первую половину его правленія, мало связана съ дальнѣйшимъ взятая у Ключевскаго характеристика Николая I и т. п. и т. п. Несмотря на указанные недостатки, книжка представляетъ интересъ, и надо пожелать, чтобы авторъ продолжалъ начатыя изложенія.

И. Б.

В. Г. Короленко. „Отошедшіе". Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство". Спб. 1908 г. ц. 40 к.

Написанная, какъ и все, выходящее изъ подъ пера В. Г. Короленко, въ мягкихъ, нѣжныхъ, совершенно особенныхъ, мы готовы сказать—„короленковскихъ" тонахъ, книжечка эта содержитъ въ себѣ „черты изъ личныхъ воспоминаній" автора объ „отошедшихъ" выдающихся сынахъ земли русской—Глѣбѣ Успенскомъ, Чернышевскомъ и Чеховѣ. Какъ живые, выростаютъ подъ талантливою кистью В. Г. Короленко эти три славные,—каждый по своему, ибо безконечно различны между собою ихъ психическія организаціи,—дѣятеля русской литературы, и книжечка читается прямо таки съ захватывающимъ интересомъ. Кто хочетъ не только ознакомиться съ нѣкоторыми, сообщаемыми г. Короленко, чрезвычайно цѣнными чертами изъ жизни „отошедшихъ", но и испытать эстетическое наслажденіе отъ общенія съ ихъ художественно воспроизведенными образами, тому мы настоятельно рекомендуемъ книжку В. Г. Короленко. Пожелаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы и другіе „отошедшіе", которыхъ близко зналъ В. Г. Короленко,—Гаршинъ, Михайловскій, Вейнбергъ, и другіе,—явились предъ нами поскорѣе въ такомъ же художественномъ изображеніи, въ какомъ далъ намъ въ „отошедшихъ" г. Короленко образы Успенскаго, Чернышевскаго и Чехова.

Б. В—ій.

Книги, поступившія въ редакцію:

Сборникъ Товарищества „Знаніе“ № 23-й. Ц. 1 р.

Семенъ Грузенбергъ—преподаватель психоневрологич. института. Пессимизмъ, какъ вѣра и міропониманіе.

Луи Дюбрейль. Коммуна 1871 года. Соціалистич. исторія 1889—1900 г.г. т. XII. Подъ редакціей Ж. Жореса. Ц. 75 к.

*Е. Н. Дерунов*ъ. Примѣрный библіотечный каталогъ. Избранная литература по всѣмъ отраслямъ знанія, съ приложеніемъ Сводного Указателя журнальныхъ рецензій на книги за періодъ 1847—1907 г.г. Ч. I. Второе исправлен. и дополненное изданіе. Спб. 1908 г. Ц. 1 р.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Изд. Т-ва Бр. А. И. Гранатъ и К°. Выпускъ № 11.

Д. А. Деворъ. Наши Шекспиры и Гете. Литературный памфлетъ. Ц. 6 к.

М. Л. Бинштокъ. Лира. Сборникъ произведеній русской художественной лирики. Ц. 1 р.

Домъ-Музей имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ.

I.

Призывъ къ художникамъ.

(письмо въ редакцію) [1]).

Милостивый Государь,

Господинъ Редакторъ!

Приближается 28-е августа, день восьмидесятилѣтія великана русской литературы Л. Н. Толстого. Съѣздъ русскихъ писателей, какъ извѣстно, рѣшилъ ознаменовать это событіе учрежденіемъ въ Петербургѣ Дома-Музея имени Л. Н. Толстого и другими дѣлами культурно-просвѣтительнаго характера. Русскимъ художникамъ имя Толстого, конечно, столь же близко, какъ и русскимъ писателямъ и потому мы позволяемъ себѣ обратиться настоящимъ письмомъ къ нашимъ товарищамъ по профессіи съ предложеніемъ обсудить вопросъ, въ какой именно формѣ должны принять участіе въ ознаменованіи юбилея Толстого и русскіе художники. Лично намъ кажется, что наиболѣе желательною формою такого ознаменованія было бы присоединеніе русскихъ художниковъ къ русскимъ писателямъ для созданія общими силами въ Петербургѣ Дома-Музея имени Л. Н. Толстого. Съ этою цѣлью я, художникъ Малышевъ, вношу для будущаго музея черезъ редакцію журнала „Минувшіе Годы“ свою картину „За жизнь“, а я, художникъ Денисовъ-Уральскій, вношу для устройства того же музея свою скромную лепту въ размѣрѣ 25 руб. Васъ же, милостивый государь, мы просимъ дать мѣсто настоящимъ строкамъ, дабы призвать и другихъ художниковъ къ совмѣстному обсужденію затронутаго нами вопроса.

Художникъ *М. Малышевъ.*
Художникъ *А. Денисовъ-Уральскій.*

---

1) Это письмо прислано авторами, кромѣ нашего журнала, въ газеты „Рѣчь“ и „Слово“, гдѣ оно и помѣщено 30 іюля текущаго года. Авторы просятъ и другія газеты перепечатать ихъ письмо.

II.

Отъ Комитета съѣзда повременной печати.

(письмо въ редакцію)[1].

Милостивый Государь,

Господинъ Редакторъ!

Комитетъ, избранный въ іюнѣ с. г. съѣздомъ періодической печати въ СПБ., приступаетъ въ самомъ непродолжительномъ времени къ исполненію постановленія съѣзда о созданіи въ Петербургѣ музея имени Льва Николаевича Толстого.

Комитетъ считаетъ въ высшей степени желательнымъ собрать въ музеѣ, между прочимъ, всѣ юбилейные №№, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, а также всѣ книги и брошюры, которыя будутъ посвящены Л. Н. Толстому.

Въ виду этого мы обращаемся къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой выслать для музея въ двухъ экземплярахъ юбилейный номеръ Вашего изданія.

Не имѣя возможности обратиться ко всѣмъ періодическимъ изданіямъ, а также ко всѣмъ авторамъ и издателямъ книгъ о Л. Н. Толстомъ, мы позволяемъ себѣ покорнѣйше просить Васъ напечатать настоящее обращеніе. Всѣ органы печати просимъ перепечатать настоящее письмо.

Пока Толстовскій музей не открытъ и не имѣетъ своего помѣщенія, всѣ письма и посылки для него слѣдуетъ адресовать въ редакцію журнала „Минувшіе Годы“ (Лиговка, 44).

Комитетъ.

---

[1]) Это письмо напечатано во многихъ столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ.

III.

На музей имени Л. Н. Толстого.

На устройство въ Петербургѣ Литературнаго Дома-Музея имени Л. Н. Толстого въ редакцію журнала „Минувшіе Годы“ поступило: отъ К. М. Панкѣева—25 р., кн. Бебутова—10 р., Е. К. Воронецъ—50 коп., С. А. Венгерова (гонораръ изъ ред. „Мин. Годы“)—20 р. NN—1 марка (финляндская), художника Денисова-Уральскаго 25 р. Итого 80 р. 50 к. и одна марка. Съ прежде поступившими 173 р. 61 к. и одна финляндская марка. Деньги переданы по назначенію. Пріемъ пожертвованій продолжается [1]).

Кромѣ того, для музея поступило: двѣ книги Алексѣя Мошина „Штрихи и настроенія“ (со статьею о Толстомъ) и „Ясная Поляна“ съ надписью автора: „Съ чувствомъ глубочайшей признательности и благоговѣнія къ имени гр. Л. Н. Толстого, дерзаю принести сооружаемому въ честь его дому-музею этотъ скромный мой трудъ“; книга Ан. К—ръ „Наши „американцы“ у Льва Толстого“; книга Н. Рышковскаго „Братское слово Л. Н. Толстому“; стихотвореніе (гектографированное) Алексѣя Жолкевича „Русскому 80-ти-лѣтнему богатырю Льву Толстому 1828—28 августа—1908 г.“; ноты „Власть тьмы, вальсъ соч. Б. В. Клинова, посвящается гр. Л. Н. Толстому по случаю 80-ти-лѣтія его рожденія“; отъ М. Г. Малышева его картина „За жизнь“; газеты и газетныя вырѣзки, присланныя изъ разныхъ городовъ, со статьями и замѣтками о Домѣ-Музеѣ имени Толстого въ Петербургѣ и другихъ формахъ ознаменованія 80-ти-лѣтія великаго писателя. Всѣ эти вещи находятся въ редакціи, за исключеніемъ картины, которая находится пока у М. Г. Малышева.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ поступило отъ W. L. 36 р. Отъ служащихъ Г. Б. (за іюнь и іюль) 20 р. Деньги переданы по назначенію.

---

[1]) Трогательное письмо въ редакцію напечатано 18 іюля въ газетѣ „Слово“. Оно гласитъ: М. г., г. редакторъ! Почтительнѣйше прошу присоединить и мою крестьянскую трудовую лепту, прилагая три (3) рубля на постройку дома глубокочтимому Льву Николаевичу графу Толстому. И мнѣ, какъ истинному послѣдователю Христа, весьма дорога память великаго заступника обездоленныхъ. Лѣта мои преклонны, 50 лѣтъ тружусь, работаю на полѣ—земледѣлецъ. И былъ бы весьма радъ дождаться, когда водворится Божья правда на землѣ. 12 лѣтъ служу въ должности церковнаго старосты и десять тысячъ верстъ пѣшкомъ прошелъ, спасаясь. Искалъ все правды Божіей, но и тамъ ея нѣтъ: вездѣ однѣ деньги и деньги. Съ почтеніемъ пребываю *Гр. Капитоновъ*.

„Рѣчи“ пишутъ изъ Тифлиса, что находящіеся въ городѣ гласные городской думы рѣшили на частномъ совѣщаніи присоединиться къ постановленію всероссійскаго съѣзда писателей объ ознаменованіе юбилея Толстого учрежденіемъ въ Петербургѣ Дома-Музея имени юбиляра и внести осенью на утвержденіе городской думы предложеніе объ ассигнованіи думою нѣкоторой, для этой цѣли, денежной суммы.